

A decorative banner with a crown at the top, flanked by two military caps. The banner is draped and has tassels at the ends.

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

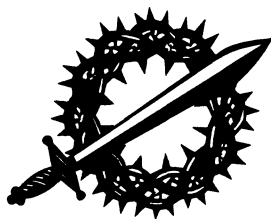
A wide, ornate border with a repeating floral and leaf pattern, framing the central text.

РУССКАЯ АРМИЯ
ГЕНЕРАЛА
ВРАНГЕЛЯ
БОИ НА КУБАНИ
И В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ

**РУССКАЯ АРМИЯ
ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ.
БОИ НА КУБАНИ
И В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ**

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2003

Серия основана в 2000 году

Под общей редакцией авторов проекта
Валентины Алексеевны БЛАГОВО
и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА,
членов Российского Дворянского Собрания

Оформление художника И.А. Озерова

Р88 **Русская Армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии** / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии доктора исторических наук С.В. Волкова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. — 943 с.

ISBN 5-9524-0477-4

Книга посвящена первым месяцам истории Русской Армии после эвакуации из Новороссийска и Одессы в Крым части Вооруженных сил на Юге России (март — август 1920 г.)

В книге детально представлен сложный процесс передачи командования ВСЮР от генерала А.И. Деникина к генералу П.Н. Врангелю. Подробно описаны действия нового командования по воссозданию боеспособной армии и ее духа, переходу в контрнаступление и проведению военных операций в Северной Таврии и на Кубани. Эти и последующие акции позволили белому войнству достойно завершить 3-летнюю Гражданскую войну и уйти в изгнание с гордо поднятой головой. «Слава побежденным!» — такими словами заканчивается один из фрагментов этой книги.

Издание снабжено обширными и впервые публикуемыми комментариями, содержащими несколько сот неизвестных биографических справок об авторах и героях очерков. Книга входит в выпускаемую издательством «Центрполиграф» серию под общим названием «Россия забытая и неизвестная».

Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-8

- © С.В. Волков, составление, предисловие, комментарии, 2003
- © Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2003
- © ЗАО «Центрполиграф», 2003

ISBN 5-9524-0477-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четырнадцатый том серии «Белое движение в России» посвящен созданию Русской Армии и ее первым боям весной—летом (до начала сентября) 1920 года.

После тяжелой Новороссийской эвакуации части Вооруженных сил на Юге России прибыли в Крым, где командование над ними 22 марта 1920 года было передано генералу барону П.Н. Врангелю, переименовавшему их 28 апреля 1919 года в Русскую Армию. Сразу после эвакуации Новороссийска и Одессы белые войска в Крыму в начале апреля 1920 года были сведены в три корпуса — Добровольческий, Крымский и Донской, Сводную кавалерийскую дивизию и Сводную Кубанскую казачью бригаду (в Крыму в начале 1920 года находилось около 3,5 тысячи человек и с Северного Кавказа было переброшено в общей сложности 35—40 тысяч).

Новым Главнокомандующим и его ближайшим окружением была проделана огромная работа по реорганизации деморализованных частей и воссозданию боеспособной армии, которая строилась теперь на сугубо регулярных началах. Все это приходилось делать в крайне неблагоприятных внешнеполитических условиях, когда английское правительство не только полностью отказалось от поддержки армии, но и предпринимало попытки заставить ее руководство пойти на переговоры с большевиками, а Францию удерживала от этого только боязнь распространения «мировой революции» на Польшу.

В результате реорганизации 28 апреля 1920 года армия приняла следующий вид: 1-й армейский корпус генерала А.П. Кутепова включал Корниловскую, Марковскую, Дроздовскую дивизии; 2-й армейский генерала Я.А. Слащева — 13-ю и 34-ю пехотные дивизии (в состав обоих корпусов входили также кавалерийские части); Сводный генерала П.К. Писарева — Кубанскую и 3-ю конную дивизии; Донской

генерала Ф.Ф. Абрамова — 2-ю и 3-ю Донские дивизии и Гвардейскую бригаду. 7 июля 1920 года на базе Сводного был создан Конный корпус генерала И.Г. Барбовича (1-я и 2-я дивизии), в 1-й корпус включили 6-ю пехотную дивизию, во 2-й — 2-ю Отдельную сводную конную бригаду. После мобилизации армия насчитывала к началу июня 25 тысяч штыков и сабель.

Уже в начале апреля было проведено две разведывательно-десантные операции: в районе Кирилловки под Геническом и у порта Хорлы, а в конце мая армия перешла в общее наступление и вышла из Крыма на просторы Северной Таврии. К концу июня была полностью уничтожена конная группа Жлобы, а в ходе июльского наступления от большевиков была очищена значительная территория вплоть до Александровска. В августе была проведена крупная десантная операция на Кубани (для нее под общим командованием генерала С.Г. Улагая были выделены 1-я и 2-я Кубанские казачьи, Сводная дивизии, Терско-Астраханская бригада и ряд отдельных частей), предпринятая с далеко идущими целями (очищение от большевиков всей Кубани, а затем и Донской области), которых она, однако, не смогла достичь.

В настоящем издании собраны воспоминания о борьбе в рядах Русской Армии с марта по август 1920 года. В разное время они были опубликованы в русской эмигрантской печати. Эти воспоминания (за небольшими исключениями) никогда в России не публиковались.

Том начинается воспоминаниями самого Главнокомандующего Русской Армией — барона П.Н. Врангеля, а дальнейшее его содержание разбито на 7 разделов. В 1-м разделе публикуются воспоминания участников борьбы в составе марковских частей, во 2-м — корниловских, в 3-м — дроздовских, в 4-м — алексеевских, в 5-м — офицеров прочих частей (в основном кавалерии и конной артиллерии), в 6-м — о действиях танковых и бронепоездных частей и в 7-м — материалы общего характера.

В большинстве случаев все публикации приводятся полностью (некоторые сокращения сделаны только за счет невоенной тематики). Авторские примечания помещены в скобках в основной текст. Везде сохранялся стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки и опечатки. Поскольку во ВСЮР и Русской Армии принят был старый стиль, все даты, кроме особо оговоренных, приводятся по старому стилю. Возможны разночтения в фамилиях участников событий и географических названиях; их правильное написание — в комментариях.

**РУССКАЯ АРМИЯ
ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ.
БОИ НА КУБАНИ
И В СЕВЕРНОЙ
ТАВРИИ**

Барон П. Врангель¹

ВОСПОМИНАНИЯ²

Смена власти

Утром 22 марта «Empereor of India» бросил якорь в Севастопольском рейде. Стоял чудный весенний день. В неподвижном море отражалось голубое небо, и, залитый лучами солнца, белел и сверкал раскинувшийся по высоким берегам бухты Севастополь. На набережной виднелись снующие по всем направлениям люди, бухту бороздили многочисленные ялики и челны... Жизнь, казалось, шла своей обычной чередой, и дикой представлялась мысль, что этот прекрасный город переживает последние дни, что, может быть, через несколько дней его зальет кровавая волна и здесь будет справляться красная тризна.

К нам подошел катер под Андреевским флагом, и по трапу на палубу поднялся морской офицер. Он доложил, что прислан ко мне командующим флотом и что для меня отведено помещение на крейсере «Генерал Корнилов». Я приказал перевезти вещи на крейсер, а сам решил съехать на берег и прежде всего повидать председателя военного совета генерала Абрама Михайловича Драгомирова³. По словам встретившего меня офицера, заседание совета должно было состояться в 12 часов дня в Большом дворце, занятом командующим флотом, где и находится генерал Драгомиров.

Первое знакомое лицо, встреченное мною при сходе на берег, был генерал Улагай⁴. Я не видел его с декабря прошлого года, в то время он лежал в Екатеринодаре, тяжело больной тифом. После своего выздоровления он в последние дни борьбы на Кубани командовал Кавказской армией, сменив генерала Шкуро⁵, удаления которого потребовала

от генерала Деникина Кубанская рада. Расчет Ставки, усиленно выдвигавшей генерала Шкуро в надежде использовать его популярность среди казаков, оказался ошибочным.

Кавказская армия — кубанцы, терцы и часть донцов — не успев погрузиться, отходила вдоль Черноморского побережья по дороге на Сочи и Туапсе. За ними тянулось огромное число беженцев. По словам генерала Улагая, общее число кубанцев, в том числе и беженцев, доходило до сорока тысяч, донцов — до двадцати. Части были совершенно деморализованы, и о серьезном сопротивлении думать не приходилось. Отношение к «добровольцам» среди не только казаков, но и офицеров было резко враждебно: генерала Деникина и «добровольческие» полки упрекали в том, что, «захватив корабли, они бежали в Крым, бросив на произвол судьбы казаков». Казаки отходили по гористой, бедной местными средствами территории; их преследовали слабые части конницы товарища Буденного, во много раз малочисленнее наших частей, но окрыленные победой. Большинство кубанских и донских обозов были брошены, запасов продовольствия на местах не было, и люди и лошади голодали. Ввиду ранней весны подножный корм отсутствовал, лошади ели прошлогодние листья и глодали древесную кору. Казаки отбирали последнее у населения, питались прошлогодней кукурузой и кониной.

Генерал Улагай оставил свою армию в районе Сочи. Заместителем своим он назначил генерала Шкуро, во главе донских частей оставался генерал Стариков⁶. Последние дни в Сочи среди членов Кубанской рады разногласия особенно усилились. Все громче раздавались голоса о необходимости вступить в переговоры с большевиками, другие предлагали просить о защите Грузию. Кубанский атаман генерал Букретов⁷ и председатель правительства инженер Иванис⁸ за несколько дней до отъезда генерала Улагая выехали в Крым.

На мой вопрос: «Неужели при таком превосходстве наших сил нет возможности рассчитывать хотя бы на частичный успех — вновь овладеть Новороссийском и тем обеспечить снабжение, а там, отдохнув и оправившись, постараться вырвать инициативу у противника...» — генерал Улагай безнадежно махнул рукой: «Какое там, казаки драться не будут. Полки совсем потеряли дух».

Мне стало ясно, что дело действительно безнадежно. Дух был потерян не только казаками, но и начальниками. На продолжение борьбы казаками рассчитывать было нельзя.

В Крым переброшено было, включая тыл, около двадцати пяти тысяч добровольцев и до десяти тысяч донцов. Последние прибыли без лошадей и без оружия. Даже большая часть винтовок была при

посадке брошена, казачьи полки были совершенно деморализованы. Настроение их было таково, что генерал Деникин, по соглашению с Донским атаманом генералом Богаевским⁹ и командующим Донской армией генералом Сидориным¹⁰, отказался от первоначального намерения поручить донским частям оборону Керченского пролива и побережья Азовского моря и решил немедленно грузить их на пароходы и перебросить в район Евпатории, отобрав от полков последнее оружие.

Добровольческие полки прибыли также в полном расстройстве. Конница без лошадей, все части без обозов, артиллерии и пулеметов. Люди были оборваны и озлоблены, в значительной степени вышли из повиновения начальников. При этих условиях и Добровольческий корпус боевой силы в настоящее время не представлял.

Фронт удерживался частями генерала Слащева¹¹, сведенными в Крымский корпус. Корпус состоял из бесчисленного количества обрывков войсковых частей, зачастую еще в зародыше, отдельных штабов и нестроевых команд. Всего до пятидесяти отдельных пехотных и кавалерийских частей. При этом боевой состав корпуса не превышал 3500 штыков и 2000 шашек. Общая численность противника на фронте генерала Слащева — 13-й советской армии — была до 6000 штыков и 3000 шашек. При этих условиях сил у генерала Слащева для обороны перешейков было достаточно, однако сборный состав его частей, их слабая подготовка и, отмеченное нашей разведкой, постоянное усиление противника заставляли считать наше положение далеко не устойчивым.

Я застал генерала Драгомирова в Большом дворце. Через час должно было открыться заседание военного совета, и он спешил ознакомиться со мной в общих чертах с последними событиями.

Собранное накануне совещание оказалось чрезвычайно многочисленным. Несмотря на все усилия генерала Драгомирова, определенного решения добиться не удалось. Значительное число участников совещания решительно отказалось обсуждать вопрос о назначении преемника Главнокомандующего, считая недопустимым введение в армию принципа выборного начала и полагая, что преемник генерала Деникина должен быть назначен приказом последнего. Генерал Слащев, под предлогом необходимости его присутствия на фронте, от дальнейшего участия уклонился и выехал из Севастополя; с ним уехали и представители Крымского корпуса. После совещания генерал Драгомиров донес по аппарату в Феодосию, где оставался генерал Деникин, о результатах первого совещания и высказанном последним пожелании. Однако генерал Деникин решительно отказался

от назначения себе преемника, подтвердив свое требование о выборе нового Главнокомандующего военным советом.

Со своей стороны я считал совершенно недопустимым выбор нового Главнокомандующего его будущими подчиненными и единственным правильным назначение такового самим генералом Деникиным. Я ознакомил генерала Драгомирова с привезенным мною ультиматумом англичан.

«По тем отрывочным сведениям, которые я имел в Константинополе и которые получил только что от генерала Улагая, и при условии лишения нас всякой помощи со стороны союзников, я не вижу возможности продолжать борьбу, — сказал я. — Я прибыл сюда потому, что не счел возможным не разделить с армией ее, быть может, последние часы, и, если судьба пошлет мне испытание стать во главе армии, я его приму. Однако я считаю, что при настоящих условиях генерал Деникин не имеет нравственного права оставить то дело, во главе которого он до сих пор стоял. Он должен довести это дело до конца и принять на себя ответственность за все, что произойдет». — «Решение Главнокомандующего уйти — окончательно. Я убежден, что он его не изменит», — ответил генерал Драгомиров. (20 марта генерал Деникин писал генералу Драгомирову: «Многоуважаемый Абрам Михайлович, три года Российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть как тяжкий крест, ниспосланный судьбой. Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность армии и в ее историческое призвание не потеряна, но внутренняя связь между вождем и армией порвана. И я не в силах более вести ее. Предлагаю Военному Совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование. Уважающий Вас А. Деникин».)

Соседняя зала, где должно было происходить совещание, постепенно наполнялась народом. Оттуда доносился шум, говор, топот многочисленных ног. Вошедший с какими-то бумагами адъютант приотворил дверь, и я увидел значительную толпу в несколько десятков человек.

«Это не военный совет, ваше высокопревосходительство, а какой-то совдеп, — сказал я. — Я полагаю совершенно невозможным скрыть от военного совещания новые обстоятельства, в корне меняющие обстановку». Я указал на ноту англичан. «Новый Главнокомандующий, кто бы он ни был, должен с полной определенностью знать, что при этих условиях будут от него требовать его соратники, а последние — что может им обещать новый вождь. Все это невозможно обсуждать в таком многолюдном собрании, в значительной мере состоящем из мальчиков. Ведь некоторые из нынешних командиров полков в нор-

мальное время были бы только поручиками. Я полагаю, что из состава совета должны быть удалены все лица младше командиров корпусов или равных им по власти».

Генерал Драгомиров со мной охотно согласился. Мы тут же по списку наметили состав этих лиц: председатель — генерал от кавалерии Драгомиров, командующий флотом вице-адмирал Герасимов¹², Донской атаман генерал-лейтенант Богаевский, командующий Донской армией генерал-лейтенант Сидорин, начальник его штаба генерал-лейтенант Келчевский¹³, начальник военного управления генерал-лейтенант Вязьмитинов¹⁴, комендант Севастопольской крепости генерал-лейтенант Турбин¹⁵, генерал-лейтенанты: Шатилов¹⁶, Боровский¹⁷, Покровский¹⁸, Юзефович¹⁹, Шиллинг²⁰, Кутепов²¹, Улагай, Ефимов²², Стогов²³, Топорков²⁴, начальник штаба Главнокомандующего генерал-майор Махров²⁵, начальник штаба командующего флотом контр-адмирал Евдокимов²⁶ и я.

Генерал Драгомиров, отпустив прочих участников совещания, просил старших начальников перейти к нему в кабинет. Известие об ультиматуме англичан всех поразило. Значение его в полной мере учитывалось всеми, все были сумрачны и молчаливы. Генерал Драгомиров сообщил присутствующим, что генерал Деникин по-прежнему настаивает на выборе себе преемника. Однако все члены совета продолжали считать такой порядок разрешения вопроса недопустимым.

Председательствующий предложил следующий выход из положения: старшие начальники в частном совещании выскажут свои предположения и назовут лицо, которое, по их мнению, может в настоящую минуту наиболее успешно выполнить возложенную на него задачу; генерал Драгомиров об этом сообщит генералу Деникину, доложив, что мнение участников совещания отнюдь не связывает Главнокомандующего в его решении, и еще раз предложит генералу Деникину приказом назначить себе преемника.

Я просил слова и вновь повторил сказанное уже генералу Драгомирову: в настоящих условиях я не вижу возможности рассчитывать на успешное продолжение борьбы. Ультиматум англичан отнимает последние надежды. Нам предстоит испить горькую чашу до дна. При этих условиях генерал Деникин не имеет права оставить армию. Мои слова были встречены гробовым молчанием. Мне стало ясно, что как самим генералом Деникиным, так и всеми присутствующими вопрос об оставлении Главнокомандующим своего поста уже предрешен.

«Если генерал Деникин все же оставит армию, — продолжал я, — и на одного из нас выпадет тяжкий крест, то прежде, чем принять этот крест, тот, кто его будет нести, должен знать, что от него ожи-

дают те, кто ему этот крест вверил. Повторяю, я лично не представляю себе возможным для нового Главнокомандующего обещать победоносный выход из положения. Самое большее, что можно от него требовать, — это сохранить честь вверенного армии русского знамени. Конечно, общая обстановка мне менее знакома, чем всем присутствующим, а потому я, быть может, преувеличиваю безвыходность нашего положения. Я считаю совершенно необходимым ныне же выснить этот вопрос».

Все молчали. Наконец генерал Махров стал говорить о том, что как бы безвыходно ни казалось положение, борьбу следует продолжать, «пока у нас есть хоть один шанс из ста, мы не можем сложить оружия».

«Да, Петр Семенович, это так, — ответил генерал Шатилов, — если бы этот шанс был... Но по-моему, у противника не девяносто девять шансов, а девяносто девять и девять в периоде...» Генерал Махров не возражал.

Для меня не было сомнения, что выбор участников совещания остановится на мне. Жребий был брошен, я сказал все, и дальнейшее зависело не от меня. Сославшись на нездоровье, я просил генерала Драгомирова разрешения оставить совещание.

На душе было невыразимо тяжело. Хотелось быть одному, разобраться с мыслями. Я вышел из дворца и пошел бродить по городу, ища уединения. Я прошел на Исторический бульвар и долго ходил по пустынным аллеям. Тяжелое, гнетущее чувство не проходило. Мне стало казаться, что душевное равновесие не вернется, пока я не получу возможности поделиться с кем-либо всем, что мучило мою душу. Мне вспомнилось посещение мое, в бытность в Севастополе, епископа Севастопольского Вениамина. Это было накануне оставления мною родной земли. Я также тогда переживал тяжелые часы. Теплая, полная искренней задушевности беседа с владыкой облегчила тогда мою душу. Я решил пройти к епископу Вениамину. Последний знал уже о моем приезде и, видимо, мне обрадовался.

«Вы хорошо сделали, что приехали сюда. Господь надоумил вас. Это был ваш долг, — сказал он. — Я знаю, как тяжело вам, знаю, какой крест вы на себя берете. Но вы не имеете права от этого креста отказываться. Вы должны принести жертву родной вам армии и России. На вас указал промысел Божий устами тех людей, которые верят в вас и готовы вам вручить свою участь. Еще до вашего приезда, как только генерал Драгомиров собрал совет, к нему обратился, указывая на вас, целый ряд русских людей, духовенство православное, католическое и магометанское, целый ряд общественных организаций. Вот у меня копии с двух таких обращений».

Владыка, порывшись в лежащих на столе бумагах, передал мне две из них. Пока я читал, владыка вышел в соседнюю горницу, откуда вынес икону Божьей Матери, старинного письма в золотой оправе с ризой, расшитой жемчугами. Он подошел ко мне: «Этой старинной иконой я решил благословить вас, когда вы прибудете сюда на ваш новый подвиг». Я преклонил колена. Владыка благословил меня. Тяжелый камень свалился с сердца. На душе просветлело, и я, спокойно решившись покориться судьбе, вернулся в Большой дворец.

Совещание давно уже кончилось. Следующее заседание было назначено на 6 часов вечера. Старшие начальники единогласно указали на меня как на преемника генерала Деникина. Генерал Драгомиров соборил Главнокомандующему о результатах сегодняшнего совещания.

Во дворец приезжал державший флаг на дредноуте «Empregor of India» адмирал Сеймур. Глубоко порядочный человек, тип английского джентльмена в лучшем смысле этого слова, он был положительно удручен новым политическим выступлением своего правительства. Он через несколько часов уходил в Феодосию.

Командующий флотом адмирал Герасимов предложил мне перекусить. На вопрос мой о тоннаже, запасах угля и масла, которыми мы могли бы обеспечить суда на случай необходимой эвакуации, я получил безнадежно неутешительный ответ. Тоннаж в портах Крыма достаточен, однако ни одно судно выйти в море не может. Не только нет запасов угля и масла, но и на кораблях ни угля, ни масла нет. Даже боевые суда нет возможности освещать электричеством. «Вы не поверите, — добавил адмирал Герасимов, — нам нечем даже развести пары на буксирах, чтобы вывести суда на рейд. Если, не дай бог, случится несчастье на фронте, никто не выйдет».

В 6 часов заседание совета старших начальников возобновилось под председательством генерала Драгомирова. Я передал присутствующим, что указание их на меня как на будущего преемника генерала Деникина мне известно, что оказываемое мне моими соратниками в эти грозные дни доверие меня особенно обязывает перед самим собой и перед ними это доверие оправдать, что прежде, чем дать свое согласие, я должен быть уверен, что в силах выполнить то, что от меня ожидают, что, как я уже имел случай высказать, я не вправе обещать им победы, что в настоящих условиях мы на победу рассчитывать не можем. Я могу обещать лишь одно: не склонить знамени перед врагом, и если нам суждено будет погибнуть, то сохранить честь русского знамени до конца.

«Англичане решили выйти из игры, — сказал я. — Отказ наш от их посредничества даст им возможность отойти в сторону, умыв руки.

Никаких переговоров с большевиками с нашей стороны я, конечно, не допускаю. Мне представляется в настоящих условиях необходимым прежде всего не дать возможности англичанам выйти из игры. Переложить на них одиум переговоров, всячески затягивая такие, а тем временем укрепиться, привести армию и тыл в порядок и обеспечить флот углем и маслом на случай эвакуации... Если мои соображения разделяются, я прошу совет особым актом указать, какие задачи ставятся новому Главнокомандующему».

Я тут же предложил проект акта. Генерал Шатилов записал его по моей диктовке:

«На заседании старших начальников, выделенных из состава военного совета, собранного по приказанию Главнокомандующего в Севастополе 22 марта 1920 года для избрания заместителя генералу Деникину, председателем совета генералом от кавалерии Драгомировым было оглашено ультимативное сообщение британского правительства генералу Деникину с указанием о необходимости прекращения неравной и безнадежной борьбы, с тем чтобы правительство Короля Великобритании обратилось бы с предложением к советскому правительству об амнистии населения Крыма и, в частности, войскам Юга России, причем в случае отказа генерала Деникина на это предложение британское правительство категорически отказывается оказывать ему впредь всякую свою поддержку и какую бы то ни было помощь.

При этих условиях совещание выразило желание просить Главнокомандующего о назначении его заместителем генерала Врангеля, с тем чтобы он, приняв на себя главное командование, путем сношения с союзниками добился бы неприкосновенности всем лицам, борющимся против большевиков, и создал бы наиболее благоприятные условия для личного состава Вооруженных сил Юга России, который не найдет для себя возможным принять обеспечение безопасности от советского правительства».

«Я вправе надеяться, — в заключение сказал я, — что вы не откажетесь поставить ваши подписи под этим постановлением, ежели, конечно, его текст вас удовлетворит, и тем разделите со мной ту тяжкую ответственность, которую я принимаю по вашему желанию перед русскими людьми. Я отлично отдаю себе отчет, насколько эта ответственность тяжела, и потому прошу еще раз все это обдумать...»

Я оставил совет и вышел в соседнюю комнату. Прошло десять, пятнадцать, двадцать минут, обсуждение продолжалось. Изредка через дверь доносились до меня оживленные голоса; о чем-то спорили. Наконец дверь в кабинет отворилась. Вышел командир Добровольческого корпуса генерал Кутепов.

— Ваше превосходительство, пройдите туда, без вас все равно ничего не решат.

— Как так, в чем дело?

Генерал Кутепов пожал плечами:

— Да вот. Все понимают, что другого решения нет, а поставить свою подпись не соглашаются.

— Кто же, собственно, не соглашается?

— Генерал Турбин и генерал Улагай.

Коменданта крепости генерала Турбина я почти не знал, зато смелого и благородного генерала Улагая знал отлично. В отсутствии гражданского мужества я его подозревать не мог. Причину с его стороны надо было искать в чем-то другом. Я прошел к совету.

«У вас, господа, по-видимому, возникли какие-то сомнения. Я считаю необходимым их выяснить, ибо то решение, которое мы примем, может иметь значение, лишь если оно будет единодушным».

Генерал Улагай стал возражать: против решения никто ничего не имеет. Однако он, Улагай, считает, что обуславливание моего согласия получением акта за подписью участников совета есть признак недостаточного доверия моего к своим сотрудникам, что ни один из них, конечно, от своих слов не откажется и в письменном подтверждении этих слов надобности нет.

«Я поражен, — сказал я, — слышать эти слова от генерала Улагая. Особенно от него. Мы, кажется, пережили немало вместе и не раз имели случай друг друга испытать. Я не допускаю и мысли о возможности между нами какого-то недоверия. Мне лично нет надобности в письменном подтверждении слов каждого из здесь присутствующих. Однако никто из нас не знает, что ожидает нас, быть может, в ближайшем будущем. Каждый из нас, а я тем более, должны будем дать ответ перед будущей Россией, перед русскими людьми, наконец, перед теми, кто нам дорог».

Генерал Улагай тотчас заявил, что он готов дать свою подпись. Генерал Турбин с своей стороны не возражал. Стали подходить к столу и подписывать.

Подписали: генерал от кавалерии Драгомиров, вице-адмирал Герасимов, генерал-лейтенант Богаевский, генерал-лейтенант Сидорин, генерал-лейтенант Келчевский, генерал-лейтенант Вязьмитинов, генерал-лейтенант Шатилов, генерал-лейтенант Турбин, генерал-лейтенант Боровский, генерал-лейтенант Покровский, генерал-лейтенант Топорков, генерал-лейтенант Юзефович, генерал-лейтенант Шиллинг, генерал-лейтенант Кутепов, генерал-лейтенант Ефимов, генерал-лейтенант Улагай, контр-адмирал Евдокимов, генерал-лейтенант Стогов и генерал-майор Махров.

Последним подписал я: «Я делил с армией славу побед и не могу отказать испытать с нею чашу унижения. Черпая силы в поддержке моих старых соратников, я соглашаюсь принять должность Главнокомандующего. Генерал-лейтенант барон П. Врангель. 22 марта 1920 года».

В то время как подписывался акт, генерал Драгомиров был вызван к аппарату генералом Деникиным. Последний справлялся о том, известно ли мне новое политическое положение и постановление утренного совещания. Получив утвердительный ответ, генерал Деникин сообщил, что им отдается приказ о назначении меня его преемником. Приказ этот гласил:

«ПРИКАЗ

Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России

№ 2899

г. Феодосия. 22 марта 1920 года

1. Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России.

2. Всем, честно шедшим со мной в тяжелой борьбе, низкий поклон. Господи, дай победу армии, спаси Россию.

Генерал-лейтенант *Деникин*».

Мы вышли в зал, где тем временем собрались все члены совещания. Генерал Драгомиров предоставил мне слово.

Я начал говорить и при первых же словах почувствовал, как спазмы сжимают мне горло. Меня глубоко растрогала оказанная мне всеми моими соратниками неподдельно трогательная и радостная встреча. Я ясно чувствовал, что среди безысходного горя, разбитых надежд, страданий и лишений они ищут во мне поддержку и опору. Привезенное мною известие наносило им новый удар.

Что ожидает их в ближайшем будущем? Что станется с теми, кто шел за нами, жертвуя личными интересами, здоровьем и самой жизнью во имя борьбы за свободу и счастье родины? Что станется с десятками тысяч русских людей, которые в слепом ужасе бежали сюда, на последний клочок русской земли, под защиту штыков армии?

Неужели напрасно принесено столько жертв, пролито столько крови и слез? Неужели бесследно будет вычеркнута из истории России светлая страница борьбы ее лучших сынов, борьбы среди смрада российского пожарища, потоков крови, развала и бесчестия родины? С трудом выдавливая фразы из горла, закончил я свою речь.

Я остался с генералом Драгомировым и генералом Шатиловым. Я решил немедленно ответить на ноту великобританского правительства и, приказав послать за начальником политической канцелярии управления иностранных сношений Б.А. Татищевым²⁷ (начальник управления иностранных сношений А.А. Нератов²⁸ был болен), стал диктовать генералу Шатилову ответ англичанам. Татищев вскоре прибыл, и нота тут же была подписана мною.

«Телеграмма адмиралу де Робеку, в Константинополь, отправленная из Севастополя 22 марта (4 апреля) 1920 года.

Приказом генерала Деникина я назначен Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России и вступил в исполнение моих обязанностей. Категорическое требование Великобританского Правительства прекратить борьбу ставит мою армию в невозможность продолжать таковую. Возлагая на Великобританское Правительство всю нравственную ответственность за принятое им решение и совершенно исключая возможность непосредственных переговоров с врагом, я отдаю участь армии, флота и населения занятых нами областей, а также всех тех, кто участвовал с нами в настоящей борьбе, на справедливое решение Великобританского Правительства.

Я считаю, что долг чести тех, кто лишает своей помощи в самый решительный час армию Юга России, остававшуюся неизменно верной общему делу союзников, обязывает их принять все меры к обеспечению неприкосновенности армии, населения занятых областей, а также тех лиц, которые не пожелали бы вернуться в Россию, и, наконец, тех, кто боролся против большевиков и ныне томится в тюрьмах Советской России.

Я имею право требовать от моих подчиненных жертвовать жизнью для спасения Отечества, но я не могу требовать от тех, кто считает для себя постыдным принять пощаду от врага, воспользоваться ею.

При этих условиях я нахожу необходимым, чтобы та возможность, которую Британское правительство предлагает Главнокомандующему и его главным сотрудникам, — найти приют вне России, — была бы предоставлена в одинаковой степени всем тем, кто предпочел бы оставление своей Родины принятию пощады от врага.

Я готов согласиться на самые тяжелые условия для существования за границей этих лиц, чем обеспечилось бы, что этой возможностью воспользуются только те, кому совесть не допускает воспользоваться милостью врага.

Само собой разумеется, что во главе этих лиц я прошу считать меня самого.

Возможно быстрое разрешение вопроса о перемирии и его осуществление является необходимым.

Переговоры могли бы быть возложены на представителей английского командования, находящихся здесь.

Для спокойного разрешения вопросов, связанных с прекращением военных действий и ликвидацией военных и гражданских учреждений, в связи с передачей Крыма Советскому Правительству, необходимо предоставить мне не менее двух месяцев, от дня завершения переговоров. В течение этого времени союзники должны продолжать снабжать армию и население занятых областей всем необходимым. *Врангель*».

Я собирался ехать на крейсер «Генерал Корнилов», когда мне передали принятую по аппарату телеграмму генерала Слащева; последний телеграфировал, что считает мое положение в Севастополе опасным и просит разрешения прибыть с бронепоездом и отрядом своих войск для моей охраны. Я приказал ответить, что в охране не нуждаюсь, прибытие бронепоезда и войск считаю излишним, лично же генерала Слащева всегда рад буду видеть. Поздно ночью я вернулся в отведенное мне помещение на борту «Генерала Корнилова».

Едва стало светать, как я уже проснулся, разбуженный непривычным шумом утренней уборки. Звенели цепи, трещали скребки, шумела выбрасываемая насосами вода, гулко отдавался в металлических переборках корабля тяжелый топот уборщиков... Сон не возвращался, докучливые, беспокойные мысли лезли в голову. Я встал, оделся и сел писать приказ войскам.

Что мог сказать я им, чем ободрить упавший дух? Наше тяжелое, по-видимому, безвыходное положение известно и офицерам, и солдатам. Не сегодня, так завтра им станет известна и измена наших союзников. Не дрогнут ли при этом новом ударе сердца тех, кто грудью своей прикрывает последнюю пядь родной земли? Войска знали, что я никогда не скрывал от них правды, и, зная это, верили мне. Я и теперь не мог сулить им несбыточные надежды. Я мог обещать лишь выполнить свой долг и, дав пример, потребовать от них того же:

«ПРИКАЗ

Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России

№ 2900

г. Севастополь. 22 марта 1920 года

Приказом от 22 марта за № 2899 я назначен генералом Деникиным его преемником.

В глубоком сознании ответственности перед родиной, я становлюсь во главе Вооруженных Сил на Юге России.

Я сделаю все, чтобы вывести армию и флот с честью из создавшегося тяжелого положения. Призываю верных сынов России напрячь все силы, помогая мне выполнить мой долг. Зная доблестные войска и флот, с которыми я делил победы и часы невзгоды, я уверен, что армия грудью своей защитит подступы к Крыму, а флот надежно обеспечит побережье.

В этом залог нашего успеха. С верой в помощь Божью приступим к работе.

Генерал-лейтенант барон *Врангель*».

Вошел генерал Шатилов. Он также почти не спал, просидев до поздней ночи с начальником штаба генералом Махровым. Он успел ознакомиться с главнейшими вопросами нашего общего положения.

Правительственного аппарата не существовало. С переходом в Крым «демократическое» правительство Мельникова пало, и бывшему начальнику финансового управления М.В. Бернацкому²⁹ было поручено генералом Деникиным составить новый «деловой» кабинет. За исключением М.В. Бернацкого, находившегося в Феодосии, и большого начальника управления иностранных сношений А.А. Нератова, все остальные начальники гражданских управлений и многие из ближайших их помощников разъехались. Во главе остатков громоздких управлений с огромным числом служащих, без помещений, с остатками растерянных и брошенных дел, остались второстепенные исполнители.

При упразднении и расформировании частей управлений и учреждений, по распоряжению генерала Деникина, всем оставшимся за штатом было обещано четырехмесячное содержание. Огромные суммы подлежали выдаче в качестве «эвакуационного» пособия.

Крошечный Крым, при полном отсутствии естественных богатств, должен был принять, кормить и оплачивать в течение многих месяцев и армии, и бесконечно разросшиеся тылы Вооруженных сил Юга России.

Неумелая финансовая политика, упорный отказ генерала Деникина от использования для привлечения иностранного капитала громадных естественных богатств Юга России, несовершенство налогового аппарата приводили к тому, что вся финансовая система сводилась к печатанию денежных знаков. Однако новые и новые эмиссии не могли удовлетворить денежной потребности, непрерывно возрастающей, по мере обезценивания денежных знаков бесконечными их выпусками. При отходе в Крым из четырех экспедиций заготовления государ-

ственных бумаг три были частью вывезены и бездействовали, частью погибли. Оставшаяся в Феодосии экспедиция не успевала печатать. С утерей нами всего Юга России и оставлением нас нашими союзниками и без того незначительные суммы, находящиеся в банках и на руках финансовых агентов Главного командования за границей, не могли считаться прочно обеспеченными от захвата многочисленными кредиторами.

На довольствии в армии состояло более 150 000 ртов, но из этого числа лишь около одной шестой могли почитаться боевым элементом, остальную часть составляли раненые, больные, инвалиды разных категорий, воспитанники кадетских корпусов и военных училищ, громадное число чинов резерва, в большинстве случаев престарелых, чинов многочисленных тыловых учреждений.

Крым местными средствами был беден, и в мирное время он жил за счет богатой Северной Таврии; теперь же с населением в значительной мере возросшим, с расстроеным долгими годами Германской и Гражданской войны хозяйственным аппаратом он не мог прокормить население и армию. В городах Южного побережья — Севастополе, Ялте, Феодосии и Керчи — благодаря трудному подвозу с севера хлеба уже не хватало. Цены на хлеб непрерывно росли. Не хватало совершенно и необходимых жиров. Не было угля, и не только флот, но и железнодорожный транспорт были под угрозой.

Огромные запасы обмундирования и снаряжения были брошены на Юге России, и раздетую и в значительной части безоружную армию нечем было снабжать. Винтовок было в обрез, пулеметов и орудий не хватало, почти все танки, броневые машины и аэропланы были оставлены в руках противника. Немногие сохранившиеся боевые машины не могли быть использованы за полным отсутствием бензина. Огнеприпасов, особенно артиллерийских снарядов, могло хватить лишь на короткое время.

Уцелевшие орудия нечем было запрячь. Конница осталась без лошадей, и единственная конная часть была 2-я конная дивизия генерала Морозова³⁰ (около 2000 шашек), входившая в состав отошедшего в Крым с севера сухим путем корпуса генерала Слащева. Кроме этого корпуса, все отошедшие в Крым войска лишились своих обозов. В бедном коневыми средствами Крыму недостаток конского состава не представлялось возможным пополнить, особенно при наступавшем времени весенних полевых работ.

Войска за многомесячное беспорядочное отступление вышли из рук начальников. Пьянство, самоуправство, грабежи и даже убийства стали обычным явлением в местах стоянок большинства частей.

Развал достиг и верхов армии. Политиканствовали, интриговали, разводили недостойные дрязги и происки. Благодатная почва открывала широкое поле деятельности крупным и мелким авантюристам. Особенно шумели оставшиеся за бортом, снедаемые неудовлетворенным честолюбием выдвинувшиеся не по заслугам генералы: бывший командующий Кавказской армией генерал Покровский, генерал Боровский, сподвижник грабительского набега генерала Мамонтова³¹, его начальник штаба, генерал Постовский³². Вокруг них собиралась шайка всевозможных проходимцев, бывших чинов многочисленных контрразведок, секретного отдела Освага и т. п.

Среди высшего командования донцов также было неблагополучно. Генерал Сидорин и генерал Келчевский, окончательно порвав с «добровольцами», вели свою самостоятельную казачью политику, ища поддержки у «демократического» казачества.

Генерал Слащев, бывший полновластный властитель Крыма, с переходом Ставки в Феодосию оставался во главе своего корпуса. Генерал Шиллинг был отчислен в распоряжение Главнокомандующего. Хороший строевой офицер, генерал Слащев, имея сборные случайные войска, отлично справлялся со своей задачей. С горстью людей, среди общего развала, он отстоял Крым. Однако полная, вне всякого контроля, самостоятельность, сознание безнаказанности окончательно вскружили ему голову. Неуравновешенный от природы, слабохарактерный, легко поддающийся самой низкопробной лести, плохо разбирающийся в людях, к тому же подверженный болезненному пристрастию к наркотикам и вину, он в атмосфере общего развала окончательно запутался. Не довольствуясь уже ролью строевого начальника, он стремился влиять на общую политическую работу, засыпал Ставку всевозможными проектами и предположениями, одно другого сумбурнее, настаивал на смене целого ряда других начальников, требовал привлечения к работе казавшихся ему выдающимися лиц.

Аппарат внутреннего управления был в полном расстройстве. Проведя эволюцию от единоличной диктатуры до демократического правительства, при котором Главнокомандующий являлся лишь главой вооруженных сил, генерал Деникин спутал все карты в колоде своей политической игры.

Во главе гражданского управления в Крыму стоял таврический губернатор Перлик³³, недавно назначенный после оставившего этот пост Н.А. Татищева³⁴. Он бессилен был, при отсутствии твердых руководящих сверху указаний, управлять внутренней жизнью края.

Если этих твердых руководящих указаний не давалось за последнее время, то и раньше единая определенная внутренняя политика отсут-

ствовала. Одновременно с гражданским управлением политика проводилась и политической частью штаба во главе со вторым генерал-квартирмейстером. Двойственность и, как следствие ее, «разнобой» при таком порядке вещей были неизбежны. Неудовлетворительный подбор представителей власти на местах, при общем бессилии правительственного аппарата, еще более этот «разнобой» усиливал.

Отношение местного татарского населения было в общем благожелательно. Правда, татары неохотно шли в войска, всячески уклоняясь от призывов, но никаких враждебных проявлений со стороны населения до сего времени не наблюдалось. Настроение в городах, особенно портовых, с пришлым, в значительной степени промышленным населением, также в общем не внушало особенных тревог, хотя под влиянием работы эсеров, успевших проникнуть по новому демократическому закону в значительном количестве в местные городские самоуправления, среди рабочих портового завода в Севастополе уже имели место незначительные беспорядки. В штабе имелись сведения о готовящейся забастовке.

Ушедший в горы с некоторыми своими приспешниками капитан Орлов³⁵ присоединил к себе несколько десятков укрывавшихся в горных деревушках дезертиров. Он изредка появлялся на симферопольском шоссе, нападая на отдельных проезжающих и одиночных стражников. Однако на более крупные предприятия не решался. С отходом армии в Крым к нему бежали ищущие наживы, не брезгающие средствами проходимцы. Среди последних оказался и бывший личный адъютант генерала Май-Маевского³⁶ капитан Макаров³⁷. Имелись сведения, что большевистские агенты снабжают отряды Орлова и Макарова оружием и деньгами.

Условия будущей работы представлялись безнадежно тяжелыми. Не только приходилось все строить заново, но и погашать старые обязательства. Генерал Шатилов успел повидать и новых чинов штаба Главнокомандующего. С оставлением генералом Романовским поста начальника штаба и уходом генерал-квартирмейстера генерала Плющевского-Плющика³⁸, начальником штаба Главнокомандующего был назначен генерал Махров. Должность генерал-квартирмейстера занял полковник Коновалов³⁹. Делами второго генерал-квартирмейстерства ведал полковник Дорман⁴⁰.

Генерала Махрова я знал очень хорошо. Он долгое время состоял в Кавказской армии начальником военных сообщений. Это был чрезвычайно способный, дельный и знающий офицер Генерального штаба. Ума быстрого и гибкого, весьма живой. Он не прочь был поиграть «демократизмом». Либерализм начальника штаба в настоящее время

являлся в значительной мере отражением политических взглядов его ближайших помощников, обоих генерал-квартирмейстеров.

Среди офицерства Ставки и высших чинов, настроенных, в общем, право, либерализм начальника штаба и его ближайших помощников вызывал большие нарекания. Их обвиняли в «эсеровщине». Однако полковник Коновалов даже его врагами признавался за выдающегося по способностям офицера. Впоследствии я имел случай убедиться в справедливости этого мнения. Полковник Дорман был также способный офицер. Дежурным генералом состоял генерал Трухачев⁴¹, занимавший эту должность с первых шагов Добровольческой армии, хорошо знающий свое дело. Я наметил в дальнейшем ограничить работу штаба исключительно военными вопросами, изъяв из ведения штаба вопросы политического характера.

Я считал, что всякие перемены личного состава, особенно в настоящие дни общего развала, были бы только вредны. Неизбежные перемены могли быть сделаны лишь постепенно более или менее безболезненно в порядке работы. Ввиду сложившихся за последнее время моих отношений с генералом Деникиным, я считал особенно необходимым возможно щепетильно относиться к тем его сотрудникам, которые ныне становились моими. Все эти соображения я высказал генералу Шатилову, прося его вместе с тем дружески переговорить с генералом Махровым, ознакомить его с моими соображениями и взглядами на дальнейшую ожидаемую мной от штаба работу.

В разговоре с генералом Махровым надлежало, в частности, затронуть вопрос и о той части работы штаба, касающейся внутренней разведки, которая, вероятно, перешла к нему после расформирования пресловутого Освага. Я подразумевал ту «информацию вверх», коей освещалась деятельность старших начальников, не исключая помощников Главнокомандующего. Я не мог допустить мысли о возможности предательства моих ближайших сотрудников и всякую слежку за ними считал недостойной.

Предстоящая работа требовала огромного с моей стороны напряжения и личного участия как в тылу, так и на фронте. В настоящие трудные дни личное влияние вождя приобретало особое значение. Одной из крупных ошибок моего предшественника было постепенное полное прекращение общения с войсками. Я предложил генералу Шатилову должность моего помощника, с тем чтобы при поездках моих на фронт он мог бы меня заменять в Севастополе. Приказ о назначении генерала Шатилова помощником Главнокомандующего состоялся 24 марта.

Вскоре прибыл генерал Махров. Он привез известие об отъезде генерала Деникина с несколькими лицами его личного штаба из Феодосии в Константинополь. Генерал Деникин оставлял Крым на том же корабле, «Emperor of India», который привез меня.

Генерал Слащев телеграфировал, что будет сегодня в Севастополе.

Доклад генерала Махрова подтвердил мне те сведения, которые сообщил генерал Шатилов.

Общая стратегическая обстановка представлялась в следующем виде: отношения большевиков с поляками окончательно испортились, и со дня на день можно было ожидать возобновления борьбы на Польском фронте. Туда были переброшены освобожденные после разгрома армии генерала Деникина красные части, за исключением незначительного числа войск, оставленных для преследования окончательно деморализованных, потерявших всякую боеспособность, прижатых к Черному морю казаков.

На Крымском фронте против частей генерала Слащева действовала 13-я советская армия, общей численностью около 6000 штыков и 3000 шашек (число бойцов в передовой линии; общее число на фронте и в тылу в шесть-семь раз больше). В состав 13-й советской армии входили части эстонской пехотной дивизии, 46-й стрелковой, 8-й червонного казачества кавалерийской, 13-й кавалерийской бригады и ряд мелких отрядов: карательный китайский, заградительный, пограничный конный и т. д.; за последние дни к противнику подошла латышская пехотная и ожидалось прибытие 3-й стрелковой дивизии.

Позиция противника усиленно укреплялась и усиливалась артиллерией. Стратегический план красного командования, по-видимому, предусматривал крупные наступательные операции на Польском фронте, ограничиваясь на нашем фронте обороной.

Занятые нашими войсками позиции были весьма неудобны, так как делали чрезвычайно затруднительной активную оборону. В летнее время Сиваш в средней своей части мелел, и позиции легко обходились. Представлялось настоятельно необходимым выдвинуть часть позиций вперед, овладев выходами из Сальковского и Перекопского дефиле.

Генерал Махров предлагал воспользоваться для намеченной операции частью полков Добровольческого корпуса, наименее утеревших боеспособность, произведя на обоих флангах противника десанты и одновременно нанося удар с фронта и действуя десантными частями в тыл противника. Я предложил генералу Махрову детально разработать намеченную операцию, совместно с командующим флотом и одновременно снести с нашей морской базой в Константинополе, дабы необходимый для десантных операций флота уголь был бы срочно до-

ставлен. Я дал указания немедленно наметить будущую линию нашей обороны и произвести все расчеты по организации будущих работ по ее укреплению. Придавая исключительное значение укреплению северных выходов из Крыма, я предполагал поручить организацию и общее руководство работами бывшему моему начальнику штаба генералу Юзефовичу.

Одновременно должны были производиться работы для подготовки укреплений к северу от Севастополя с целью прикрыть порт и нашу главную базу.

Я дал указания немедленно принять самые решительные меры по учету, разбору и сохранению всех эвакуированных в Крым запасов, по оборудованию, где только возможно, необходимых мастерских и складов. Все дело снабжения как армии, так и городов Крыма я решил сосредоточить в одних руках, что одно давало возможность избежать излишних межведомственных трений и гарантировало наиболее планомерное использование в общих интересах скудных местных средств. Главным начальником снабжения я решил назначить генерала Вильчевского⁴², бывшего начальника снабжения Кавказской армии, неподкупная честность, энергия и твердость которого мне были хорошо известны.

Бесчисленное количество войсковых частей необходимо было свести в более крупные соединения, сократить многочисленные штабы и усилить боеспособным элементом боевой состав полков, дать армии правильную организацию. Я наметил свести войска первоначально в три корпуса: корпус генерала Кутепова, главным образом бывшие части Добровольческого корпуса — Корниловская, Марковская и Дроздовская дивизии; корпус генерала Слащева, сведя бесконечные части, его составлявшие, в две пехотные дивизии — 13-ю и 34-ю, кадры которых входили в состав корпуса; донские части должны были составить Донской корпус. Регулярные конные части намечалось свести в шесть полков.

Готовясь к продолжению борьбы, я считал совершенно необходимым безотлагательно обеспечить армию на случай несчастья. Я предложил генералу Махрову немедленно разработать, совместно со штабом командующего флотом, план эвакуации, наметить те порты, куда войска должны были отходить и где они должны были грузиться, принять меры к сосредоточению в этих портах необходимого тоннажа, запасов угля и масла. До той поры, пока флот не был обеспечен углем и маслом, мы оставались под угрозой гибели.

Снабжение Крыма как топливом, так и всем прочим производилось через Константинополь. Там же пребывали верховные союзные комис-

сары, непосредственные руководители политики своих правительств на Ближнем Востоке и Юге России. Я просил генерала Шатилова безотлагательно проехать в Константинополь и совместно с нашим военным представителем наметить меры по обеспечению Крыма, хотя бы на первое время, необходимыми запасами.

Генерал Шатилов должен был повидать Великобританского верховного комиссара адмирала де Робека и командующего английским оккупационным корпусом генерала Мильна, с коими и вести переговоры в духе ноты моей в ответ на предъявленный мне ультиматум, всемерно стараясь не дать англичанам возможности «выйти из игры», втягивая их в переговоры с большевиками и по возможности выигрывая время. Генерал Шатилов решил выехать через день, 25 марта.

Прибыл генерал Слащев. После нашего последнего свидания он еще более осунулся и обрюзг. Его фантастический костюм, громкий нервный смех и беспорядочный отрывистый разговор производили тягостное впечатление. Я выразил ему восхищение перед выполненной им трудной задачей по удержанию Крыма и высказал уверенность, что под защитой его войск я буду иметь возможность привести армию в порядок и наладить тыл. Затем я ознакомил его с последними решениями военного совета. Генерал Слащев ответил, что с решением совета он полностью согласен, и просил верить, что его части выполняют свой долг. Он имел основание ожидать в ближайшие дни наступления противника. Я вкратце ознакомил его с намечаемой операцией по овладению выходами из Крыма. Затем генерал Слащев затронул вопросы общего характера. Он считал необходимым в ближайшие же дни широко оповестить войска и население о взглядах нового Главнокомандующего на вопросы внутренней и внешней политики.

Неопределенная за последнее время, неустойчивая политика генерала Деникина, в связи с широко развившейся пропагандой враждебных нашему делу групп, окончательно сбила с толку всех. Необходимо было ясно и определенно дать ответ на наиболее жгучие вопросы, вырвать из рук наших врагов козыри их политической игры. Без этого нам не вдохнуть в войска утерянную веру в правоту нашего дела и не вернуть доверия населения. С этим нельзя было не согласиться.

Тут же генерал Слащев стал жаловаться на «левизну» начальника штаба и его ближайших помощников, на несоответствие целого ряда старших начальников добровольческих частей, которые якобы «совсем ненадежны», что его корпус, во главе с ним самим, единственно верные мне части и что он имеет сведения о том, что в Севастополе старшие чины Добровольческого корпуса «подготавливают переворот», чем

и вызвана была его телеграмма накануне. Я поспешил прекратить разговор, предложив генералу Слащеву съехать со мной на берег, чтобы повидать прибывших с ним людей его конвоя.

На Нахимовской площади был выстроен полуэскадрон. Я поздоровался с людьми, благодарил их за славную службу и объявил, что в ознаменование заслуг славных войск, отстоявших последнюю пядь родной земли, произвожу их начальника, генерала Слащева, в генерал-лейтенанты, а его начальника штаба — в генерал-майоры. Генерал Слащев отбыл на фронт, я вернулся на крейсер «Генерал Корнилов», где принял депутации духовенства и общественных деятелей.

Депутации приветствовали меня в весьма теплых выражениях, высказав уверенность, что отныне русское знамя в твердых руках. Я благодарил, упомянув о том, что нравственная поддержка, оказываемая мне ими, особенно ценна в эти трудные дни. «Вы знаете наше положение, знаете то тяжелое наследство, которое досталось мне, и слышали уже, вероятно, о том новом ударе, который нанесен нам нашими недавними союзниками. При этих условиях с моей стороны было бы бесчестным обещать вам победу. Я могу обещать лишь с честью вывести вас из тяжелого положения», — закончил я.

После этого я беседовал с членами депутатий. Здесь также затрагивалось большинство тех вопросов, которые так больно переживались всеми: крестьянский, в связи с жгучим земельным вопросом, ставшим главным орудием пропаганды среди крестьянства врагов нашего дела, острый вопрос об отношениях южнорусской власти к новым государственным образованиям, отношение Главного командования с казачьими правительствами, наконец, отношение к западноевропейским державам и, в частности, возможность при измене нашему делу Антанты опереться на Германию. Все эти вопросы весьма волновали общество и армию. Мои ответы встречены были, по-видимому, с большим удовлетворением, и собеседники мои настаивали на необходимости ознакомления с моими взглядами возможно более широких кругов населения.

При отъезде депутатий епископ Вениамин, бывший в числе присутствующих, просил разрешения остаться, желая иметь со мной особый разговор. Он обращал внимание мое на угрожающий упадок нравственности в армии. Междоусобная война со всеми ее ужасами извращала все нравственные понятия, грязнила душу. В то же время ничего не делалось для духовно-религиозного воспитания войск. Работы духовенства в войсках почти не было. Я не мог с этим не согласиться. Управляющий военным и морским духовенством, протопресвитер Шавельский⁴³, находясь безотлучно при Ставке Главного

командующего, стоял лично, видимо, весьма далеко от войск. Войсковое духовенство сплошь и рядом было не на высоте. В связи с общей работой по возрождению армии я считал совершенно необходимым не только беспощадную чистку ее от порочных элементов, но и проведение целого ряда мер для повышения нравственного уровня в войсках, в том числе и духовно-религиозного воспитания. Работа и в этом отношении предстояла большая, и во главе военного духовенства должен был быть поставлен человек исключительно деятельный. Мало зная наше высшее духовенство, мне трудно было наметить такое лицо; я решил посоветоваться с членом церковного собора графом П.Н. Апраксиным⁴⁴, бывшим таврическим губернатором, ныне председателем Ялтинской городской думы, человеком высоко честным и глубоко религиозным. Он находился в Севастополе, и я просил его на следующий день прибыть ко мне. Граф Апраксин горячо рекомендовал мне самого епископа Вениамина, который, помимо других качеств, как епископ Севастопольский был хорошо известен населению Таврии и пользовался среди последнего высоким уважением.

Протопресвитер Шавельский, по словам графа Апраксина, под влиянием событий последнего времени сильно пал духом. Разбитый душой, глубоко морально потрясенный, он в настоящее время для работы был мало пригоден. Я написал протопресвитеру Шавельскому письмо, прося его взять на себя задачу ознакомиться на месте с положением наших беженцев за границей, о тяжелых условиях существования которых до нас доходили слухи, и принести им слово утешения. 31 марта состоялся приказ о назначении епископа Вениамина управляющим военным и морским духовенством.

Из Феодосии прибыл М.В. Бернацкий и подал мне прошение об отставке. Мне удалось убедить его взять прошение обратно. Его уход в эти дни оставил бы меня в беспомощном положении. М.В. Бернацкий считал необходимым в ближайшее время проехать за границу, чтобы точно выяснить, на какие из депонированных за границей сумм мы имеем возможность рассчитывать.

В этот день посетили меня представители союзнических военных миссий. Из разговоров с представителем французской миссии генералом Манженом я убедился, что об ультиматуме, предъявленном англичанами, ему ничего не известно.

25 марта на Нахимовской площади был назначен торжественный молебен и парад войскам. После обедни в соборе крестный ход во главе с епископом Вениамином под колокольный звон направился к Нахимовской площади, по дороге к нему присоединялись крестные

ходы из других церквей. Вдоль Екатерининской улицы и вокруг площади стояли развернутым фронтом войска. Против памятника адмиралу Нахимову был установлен аналой. Здесь стояла группа высших чинов и представители союзнических миссий. Окна, балконы, даже крыши домов были усеяны зрителями. Стоял тихий солнечный день. Голубое небо отражалось в гладкой, как зеркало, бухте, плавно неслись звуки церковного пения соборного хора, в неподвижном воздухе не трепетал огонь многочисленных свечей, стоял дым кадильного курения. Молебен кончился, епископ Вениамин огласил изданный накануне указ правительствующего сената.

«УКАЗ

Именем Закона из Правительствующего Сената, всем подчиненным ему присутственным местам и должностным лицам и во всеобщее сведение.

Именем закона, Правительствующий Сенат слушали: Приказ от 22 марта 1920 года бывшего Главнокомандующего генерала Деникина о назначении Главнокомандующим всеми вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенанта барона Врангеля и приказ последнего о вступлении его в должность.

П р и к а з а л и: Промыслом Божиим предначертано новому Главнокомандующему стать во главе воинских сил и гражданского управления в исключительной важности исторический момент, когда, невзирая на героические усилия доблестной армии, большевистские полчища стоят на подступах к Крыму и мирное население, истощенное чрезвычайными тяготами жизни, теряет уверенность в будущем. В этот грозный час с честью вывести армию и население из настоящего беспримерно трудного положения и отстоять оплот русской государственности на Крымском полуострове может только крепкая вера в нее и сильная воля любимого войсками вождя. Проникнутая беззаветною любовью к Родине, решимость не знавшего поражений и заслужившего всеобщее доверие генерала Врангеля принять на себя великий подвиг предводительства вооруженными силами, борющимися с врагами Веры и Отечества, обязывает всех истинных сынов России сплотиться вокруг него в служении святому делу спасения Родины. Правительствующий Сенат с своей стороны, в сознании лежащей на нем обязанности утверждения законности и порядка, почитает своим долгом призвать все органы государственного управления и все население страны к дружному объединению под властью нового Главнокомандующего, к полному ему повиновению, к честному и самоотвер-

женному служению нуждам армии, не за страх, а за совесть и не щадя живота своего, и к сохранению в тылу спокойствия, порядка и бодрости духа. В благоговейном уповании на милосердие Господне к пострадавшей Родине нашей и с непоколебимой верой в нового народного вождя, которому отныне принадлежит вся полнота власти, военной и гражданской, без всяких ограничений, — Правительствующий Сенат определяет: особым указом дать знать о сем всем присутственным местам и должностным лицам и распубликовать сей указ во всеобщее сведение.

Марта 24-го дня 1920 года

Обер-Секретарь П. Мезенцов,
помощник обер-Секретаря С. Бубель-Яроцкий.
По Общему собранию Правительствующего Сената».

Прочувственное слово сказал протопресвитер Шавельский, благословил меня иконой святого Михаила Архангела.

На возвышение поднялся епископ Вениамин.

«Слушайте, русские люди, слушайте, русские воины, слушайте, вы, представители наших союзников, слушайте, вы, те большевики, которые находитесь здесь, среди толпы...» — звенящим, покрывающим всю площадь, голосом начал владыка.

Он говорил о тяжких страданиях, ниспосланных нашей Родине свыше, как искупление за грехи всех слоев русского народа, о высоком подвиге, который свершают те, которые среди развала и позора Родины чистым несут родное русское знамя, о том тяжелом крестном пути, которым вот уже несколько лет идет русская армия.

«Путь этот тернист, он не кончен. Мы только что перенесли тяжелые испытания, ближайшее будущее, быть может, готовит нам новые. Но вера творит чудеса, тот, кто верит, кто честно и мужественно идет указанным ему совестью путем, тот победит.

Месяц тому назад русская армия, прижатая к морю у Новороссийска, умирала, быть может, через два месяца она воскреснет и одолеет врага...»

Сказанная с огромным подъемом и необыкновенной силой проповедь произвела большое впечатление.

После окропления войск святой водой полки построили на площади резервный порядок. Я, поднявшись к памятнику адмиралу Нахимову, обратился к войскам. Обрисовав в нескольких словах наше тяжелое положение, я сказал, что без трепета и колебания стал во главе армии в эти дни. Я верю, что Господь не допустит гибели правого дела, что Он даст мне ум и силы вывести армию из тяжелого

положения. Зная безмерную доблесть войск, я непоколебимо верю, что они помогут мне выполнить мой долг перед Родиной, и верю, что мы дождемся светлого дня воскресения России.

Войска проходили церемониальным маршем. Поношенная, обтрепанная одежда, сбитые, заплатанные сапоги, усталые землистые лица, но весело и бодро блестят глаза, твердо отбивают шаг. Где-то в глубине души шевелится теплое, бодрое чувство: «Нет, не все еще потеряно, нет, мы можем еще держаться...»

После парада я присутствовал на устроенном в мою честь флотом завтраке в Морском собрании. Беседовал с офицерами и представителями команд. И здесь настроение было бодрое, приподнятое, казалось, каждый себя старался уверить в возможности светлого будущего.

Из Морского собрания я проехал в штаб, где принимал представлявшихся чинов штаба, а затем делал визиты военным представителям Англии, Франции и Соединенных Штатов.

На другой день я съехал с крейсера «Генерал Корнилов» и переехал в приготовленное для меня помещение в городе, так называемый Малый дворец, одноэтажный, небольшой особняк с крохотным садом, выстроенный когда-то для Великого князя Алексея Александровича, генерал-адмирала Русского флота.

По окончании военного совета 22 марта старшие начальники разъехались: генерал Улагай отправился к своей армии, генерал Сидорин — в Евпаторию к своим донцам, генерал Кутепов — в Симферополь. На местах началась работа по реорганизации Крымского, Донского и Добровольческого корпусов, производился учет материальной части, войска приводились в порядок.

Мой штаб, совместно со штабом командующего флотом, подробно разработал предстоящую операцию по овладению выходами из Крыма. Для начала наступления ожидалось лишь прибытие вышедших из Константинополя транспортов с углем. Для участия в операции, помимо корпуса генерала Слащева, были намечены части Добровольческого корпуса — дроздовцы и алексеевцы. По завершении операции я наметил сосредоточить добровольцев в северо-западной части полуострова, возложив на Добровольческий корпус оборону Перекопского перешейка, части же Крымского корпуса сосредоточить к востоку и возложить на них оборону перешейка у Салькова и Геническа; эшелонированный вдоль линии железной дороги и имея весьма малый фронт, корпус мог передохнуть и спокойно произвести намеченную реорганизацию.

Из Симферополя прибыл и. д. губернатора Перлик. Начальника губернии чрезвычайно беспокоил вопрос о продовольствии городов.

Вследствие расстроенного транспорта, подвоз хлеба из северной хлебобородной части полуострова в города Южного побережья совсем прекратился, что, в связи с прибытием в Крым большого числа войск и беженцев, делало вопрос о продовольствии этих городов особенно острым. Большой недостаток ощущался и в других предметах продовольствия. Не хватало жиров, чая, сахара. Беспорядочные, самовольные реквизиции войск еще более увеличивали хозяйственную разруху и чрезвычайно озлобляли население. Необходимо было принять срочные меры, чтобы остановить дальнейшую разруху.

С приходом армии в Крым чрезвычайно усилилась работа большевистских агентов. Работа эта последнее время особенно сильно велась среди крестьянского населения. Хотя в Крыму земельный вопрос и не стоял так болезненно, как в прочих частях нашего отечества, но и здесь, особенно в северных земледельческих уездах, агитация на почве земельного вопроса могла встретить благодарную почву. Что же касается уездов Северной Таврии, с крупными селами и громадными помещичьими имениями, то вопрос этот стоял там особенно остро. По имевшимся оттуда сведениям, враждебная нам пропаганда среди крестьян имела там большой успех. Начальник губернии также придавал исключительное значение ознакомлению населения со взглядами власти на земельный вопрос.

Благодаря тому что генерал Деникин до последнего времени не решился разрубить этот гордиев узел и дальше бесконечного обсуждения в комиссиях вопрос не пошел, а за это время враждебные нам группы успели использовать его как орудие политической борьбы, вокруг этого вопроса создалась такая сложная болезненная атмосфера, что даже и сочувствующие нам общественные группы и благонамеренные органы прессы окончательно потеряли под ногами почву.

Пресса в Крыму была представлена целым рядом повседневных изданий: «Юг России», «Крымский Вестник», «Вечернее Слово» и «Заря России» в Севастополе, «Таврический Голос», «Время», «Южная Речь» в Симферополе, «Ялтинский Вечер» в Ялте, «Евпаторийский Курьер» в Евпатории, «Вечернее Время»¹ в Феодосии и т. д.

Конечно, камертон давала севастопольская пресса: «Вечернее Слово», редактируемое Бурнакиным, листок монархического оттенка, «Юг России», под редакцией Аркадия Аверченко, газета умеренного направления, и «Крымский Вестник», либеральничавший еврейский орган. Серьезного государственного органа не было.

¹ Здесь и далее воспроизводится бытовавшее в ту пору написание двусловных названий.

После смерти пресловутого Освага на территории Вооруженных сил Юга России образовался целый ряд вскармливаемых правительством информационных органов: «Пресс-бюро», «Редагот», «Инфот», «Осогот», «Политотдел» и т. д. Все эти органы стоили огромных денег и, пополненные прежними сотрудниками Освага, вели почти безответственную и в большинстве случаев явно вредную работу. Цензура была поставлена совершенно неудовлетворительно. Места цензоров занимались в большинстве случаев строевыми офицерами, не обладавшими ни необходимыми сведениями, ни достаточным кругозором. Сплошь и рядом статьи совершенно невинного характера, почему-либо казавшиеся цензору подозрительными или просто ему непонятные, не пропускались, зато подчас, по недомыслию, на столбцы газет попадали заметки определенно провокационного характера: то сообщалось «по сведениям из осведомленного источника» о «предстоящем назначении на ответственный пост» какого-либо лица, успевшего предыдущей деятельностью своей вызвать общее неудовольствие, то появлялось известие о намечаемой «реформе в армии — снятии с офицеров погон» и т. д.

В нервной, напряженной обстановке тех дней подобные известия встречались весьма болезненно. За последнее время во всей прессе с исключительной горячностью обсуждался вопрос о стеснениях цензуры, предъявлялись требования «предоставить свободу печати» и т. д. Шумиха принимала недопустимые размеры. Я пригласил к себе всех трех редакторов газет. Предложив им чаю, я высказал большое удовлетворение видеть у себя представителей местной прессы, наиболее близко стоящей к органам правительственной власти, к голосу которой, конечно, прислушивается провинциальная печать.

«Некоторые из вас, господа, знают меня, вероятно, по прежней моей деятельности и знают, что я всегда был другом печати. Печатному слову я придаю исключительное значение особенно в настоящие дни, когда вся страна, весь народ не могут оставаться в стороне от событий, переживаемых Родиной. Уважая чужие мнения, я не намерен стеснять печать независимо от ее направления, конечно, при условии, если это направление не будет дружественно нашим врагам. Вместе с тем я должен указать вам, что мы находимся в положении исключительном.

Мы в осажденной крепости — противник не только угрожает нам с севера, но мы вынуждены нести охрану всего побережья, где можно ожидать высадок его отрядов. При этих условиях мы не можем обойтись без цензуры. В самых либеральных государствах на театре военных действий, а тем более в осажденных врагом крепостях, са-

мая строгая цензура неизбежна. Эта цензура не может исключительно распространяться на военные вопросы, ибо во время войны, а тем более войны гражданской, где орудием борьбы являются не только пушки и ружья, но и идеи, отделить военную цензуру от общей невозможно.

Я не сомневаюсь, господа, в вашем патриотизме и очень бы хотел избавить вас от тех стеснений, которые мешают вашей работе. Вместе с тем, будучи ответствен за то дело, во главе которого стою, я вынужден принять меры для ограждения армии и населения, под защитой армии находящегося, от всего того, что могло бы им угрожать. Я предлагаю на ваше усмотрение два выхода: или сохранить существующий ныне порядок, причем я обещаю вам принять все меры к тому, чтобы упорядочить цензуру, чтобы подобрать соответствующий состав цензоров, или, освободив печать от цензуры, возложить всю ответственность на редакторов. В этом случае последние явятся ответственными перед судебной властью. В случае появления статей или заметок, наносящих вред делу нашей борьбы, они будут отвечать по законам военного времени, как за преступление военного характера. Должен обратить ваше внимание, что, по военным законам, действия, наносящие вред нам и служащие на пользу противника, караются весьма строго, вплоть до смертной казни. Обдумайте, господа, мое предложение и дайте мне ваш ответ».

Первым подал голос редактор «Крымского Вестника», поспешивший заявить, что, ввиду нашего исключительно тяжелого положения и учитывая все приведенные мною соображения, он готов признать вопрос об отмене цензуры несвоевременным; с ним согласился представитель редакции «Юга России». Один Бурнакин сказал, что готов принять ответственность за свой орган. После этой беседы вопрос об отмене цензуры на столбах печати больше не обсуждался.

В эти дни в Крым пришли известия об убийстве в Константинополе в здании российского посольства генерала Романовского⁴⁵. Подлое убийство из-за угла. Подробности не были еще известны.

27 марта, в соборе, штабом Главнокомандующего служилась панихида по своему бывшему начальнику. Выходя из собора после службы, я увидел на паперти Петра Бернгардовича Струве⁴⁶ и Н.М. Котляревского⁴⁷, бывшего сотрудника и секретаря А.В. Кривошеина⁴⁸.

В день моего отъезда из Константинополя П.Б. Струве в городе отсутствовал и, вернувшись, узнал о выезде моем в Крым. Он поспешил прибыть в Севастополь, справедливо полагая, что мне необходимы желающие работать, преданные делу люди. Я глубоко оценил эти побуждения. Человек большого ума, огромной эрудиции, Струве как

ученый и политик был хорошо известен в Европе. Как советник он мог мне быть чрезвычайно полезен.

От П.Б. Струве и Н.М. Котляревского узнал я впервые подробности убийства генерала Романовского и обстоятельства, вызвавшие занятие здания российского посольства английскими войсками. Н.М. Котляревский привез мне рапорт нашего военного представителя генерала Агапеева⁴⁹. Последний так описал это событие:

«23 марта в 3 часа дня я был извещен по телефону нашим военно-морским агентом о приезде в 3 часа дня в Константинополь генерала Деникина. Поручив офицеру, доложившему мне предупредить об этом некоторых чинов военного представительства, я взял с собой офицера для поручений и отправился на автомобиле на пристань Топханэ, откуда мне телефонировал военно-морской агент, встречать приезжающего генерала Деникина.

Около 4¹/₂ часов генерал Деникин в сопровождении генерала Романовского прибыл в здание русского посольства и прошел в квартиру посла. Я также прошел туда. Через несколько минут генерал Романовский вышел в вестибюль, чтобы отдать распоряжение шоферу. В тот момент, когда он входил, возвращаясь из вестибюля, в бильярдную, к нему сзади подошел неизвестный, одетый в офицерское пальто образца мирного времени с золотыми погонами, который выхватил из правого кармана револьвер системы «Кольт» и произвел три выстрела в упор. Через 2 минуты генерал Романовский, не приходя в сознание, скончался. Убийца бросился по главной лестнице посольства вверх и пытался проникнуть на черный ход, но дверь туда была заперта по приказанию смотрителя зданий дня за 4 до этого. Тогда убийца бросился к другой двери в залу, где живут беженцы. Эта дверь также была заперта, но ее открыла убийце одна из беженок, и убийца быстро прошел на черный ход и скрылся».

Напуганная убийством генерала Романовского, боявшаяся за участь мужа жена генерала Деникина обратилась к прибывшему одновременно с ним в Константинополь генералу Хольману с просьбой прислать для защиты мужа английские войска. Обязанности российского дипломатического представителя исполнял русский консул Якимов, заменивший давно назначенного, но все еще не прибывшего к месту назначения поверенного в делах Щербатского. Якимов заявил английским властям протест против нарушения экстерриториальности посольства. Генерал Агапеев просил генерала Деникина снести с генералом Хольманом и не допустить оскорбительного для русского достоинства ввода в посольство английских солдат. Все оказалось тщетным. Генерал Деникин не выполнил просьбы генерала Агапеева. Англичане заявили,

что бывший Главнокомандующий находится под их покровительством и они не могут отказать ему в защите.

«С моей стороны, — писал генерал Агапеев, — вслед за вводом английской полиции была сделана попытка напомнить генералу Деникину, что на нем, как на бывшем Главнокомандующем ВСЮР, лежат некоторые нравственные обязанности в вопросе о поддержании достоинства России, причем я начал разговор с ним о наглой выходке генерала Хольмана и как я на нее реагировал, но генерал Деникин, не дав договорить мне, резко оборвал меня, встал и тоном, не допускавшим возражений, сказал: «Ваше превосходительство. Зачем вы мне это говорите...» То напоминание, которое я сделал, было, конечно, неприятно генералу Деникину; я полагаю, он принял решение, сознавая, что оно несовместимо с престижем той идеи, которой он служил, но не желая, чтобы это сознавали другие. Так как попытка моя потерпела полное крушение, то мне ничего не оставалось больше, как повернуться и уйти».

Посольство было занято гуркосами. Генерал Деникин даже на панихиде присутствовал окруженный ими. На другой день, накануне похорон своего соратника и друга, генерал Деникин выехал в Англию. После его отъезда английским командованием было выпущено объявление с предупреждением, что если виновники убийства не будут обнаружены, то все русские офицеры будут выселены из района Константинополя. (На убитом генерале Романовском в боковом кармане кителя оказалось перлюстрированное письмо генерала Шатилова к генералу Науменко⁵⁰. Письмо было частное, касавшееся личных вопросов, — просьбу устроить службу одному лицу.)

Необходимо было оградить престиж русского имени. Я отдал приказ об отчислении генерала Агапеева и г-на Щербатского, как не принявших достаточных мер по охране генерала Деникина и прибывших с ним лиц, «следствием чего явилось убийство в Константинополе генерала Романовского и ввод в русское посольство английских войск». В частном письме генералу Агапееву я изложил ему мои соображения и просил не сетовать на меня, ибо я вынужден поступить так, дабы избегнуть в дальнейшем возможности повторения со стороны англичан новых бестактностей. Я принял меры, чтобы приказ мой стал известен представителям союзного командования. Приказ возымел действие, и через несколько дней вывешенные в Константинополе объявления английских властей были сняты, а начавшиеся было против русских мелкие репрессии совершенно прекратились. В дальнейшем, несмотря на враждебную нам политику английского правительства, со стороны английских представителей в Константинополе

и в Крыму я встречал неизменно самое корректное, предупредительное отношение. Много позже, уже по оставлении России, я от моих английских друзей слышал, что приказ, отданный мною в ограждение русского достоинства, отданный в дни, когда судьба Крыма была всецело в руках англичан, был англичанами оценен по достоинству.

Военным представителем в Константинополе я решил назначить генерала Лукомского⁵¹, большой ум и выдающиеся организаторские способности которого я высоко ценил, во главе дипломатического представительства поставить А.А. Нератова, дипломата старой школы, долгое время бывшего товарищем министра иностранных дел при царском правительстве, опытного, осторожного и исключительно тактичного человека, к тому же имевшего большие связи по старой службе в иностранных дипломатических кругах. А.А. Нератов близко стоял к армии, все время руководя управлением иностранных сношений, за отсутствием начальника управления С.Д. Сазонова⁵², постоянно проживавшего в Париже.

Сазонов, далеко стоявший от нашей борьбы, не был в состоянии учесть новую обстановку, приспособиться к новым условиям работы. Он не мог примириться с тем, что положение представителя Великой России теперь другое, и, оберегая свое достоинство, все время уходил от дела. Его присутствие в Париже стало бесполезным, да и, по существу, место руководителя внешней политикой должно было быть в центре государственного управления.

Я решил, предложив А.А. Нератову назначение в Константинополь, просить П.Б. Струве стать во главе управления иностранных сношений.

С уходом Сазонова теряло смысл и дальнейшее существование пребывающей в Париже политической делегации, одним из членов которой являлся С.Д. Сазонов. Делегация эта под главенством бывшего председателя Временного правительства князя Г.Е. Львова и при участии ряда общественных деятелей выступала по вопросам нашей внешней политики, с протестами, записками и меморандумами, не имевшими, конечно, существенного значения. Я телеграфировал нашему послу в Париже, что в дальнейшем все сношения будут вестись исключительно через него одного. Члены делегации из общественных деятелей стали с этого дня в оппозицию Главному командованию, не брезгуя ничем, чтобы вредить в иностранных кругах тому делу, которое с таким трудом приходилось вести.

29 марта я объявил положение об управлении областями, занимаемыми Вооруженными силами на Юге России.

«ПРИКАЗ

Главногокомандующего Вооруженными Силами на Юге России

№ 2925

г. Севастополь. 29 марта 1920 года

Объявляю положение об управлении областями, занимаемыми Вооруженными Силами на Юге России.

Правитель и Главныйкомандующий Вооруженными Силами на Юге России принимает всю полноту военной и гражданской власти без всяких ограничений. Земли казачьих войск независимы в отношении самоуправления, однако с полным подчинением казачьих вооруженных сил Главномукомандующему.

Непосредственно Главномукомандующему подчиняются: помощник Главногокомандующего, начальник его штаба, начальник военного управления, начальник морского управления — он же командующий флотом, государственный контролер, начальник гражданского управления, ведающий внутренними делами, земледелием и землеустройством, юстицией и народным просвещением, начальник хозяйственного управления, ведающий финансами, продовольствием, торговлей и промышленностью и путями сообщения, начальник управления иностранных сношений.

Все эти лица составляют при Главномукомандующем совет, имеющий характер органа совещательного.

Генерал-лейтенант барон *Врангель*».

Приказ этот я издал по предварительному соглашению с атаманами и председателями правительств Дона, Кубани, Терека и Астрахани.

Наконец, Главныйкомандующий в отношении подведомственных ему казачьих войск получал полную мощь и нахождение в рядах армии казачьих частей хотя бы и разных войск, но на разных основаниях был положен конец. Этот приказ впервые ясно и определенно поставил вопрос о диктатуре.

Первые дни

Все вопросы по снабжению войск и населения, экспорту и импорту были объединены в руках начальника снабжения. Через два дня об этом последовал приказ.

Одновременно был издан ряд приказов по запрещению самовольных войсковых реквизиций лошадей, скота и пр., по уменьшению тягот городского населения от постоя войск, по обеспечению населения продовольствием, для чего с целью сократить убой скота введены были обязательные для войск и населения три постных дня в неделю. Войскам в городах запрещено было брать хлеб из частных лавок, и начальникам гарнизонов приказано было организовать повсеместно войсковое хлебопечение. Запрещен был вывоз из пределов Крыма хлебных злаков, рыбных продуктов, всякого рода жиров, и запрещено было приготовление сладких кондитерских изделий; предложено было городским самоуправлениям ввести на отпуск хлеба карточную систему с условием, чтобы на каждого едока приходилось не более одного фунта хлеба (отпуск хлеба войскам из войсковых хлебопекарен производился по прежним нормам). Хлеб указывалось выпекать из пшеничной или ржаной муки с примесью 20 процентов ячменя. Такой хлеб, как показали произведенные опытные выпечки, оказался вполне удовлетворительным.

Вновь назначенный начальник снабжения взялся за дело с той исключительной энергией, которая была ему свойственна. Организовывался целый ряд мастерских, седельных, оружейных, слесарных, швальни и сапожные. Огромный Севастопольский портовый завод приспособлялся для починки орудий, пулеметов, броневых машин и аэропланов. В Константинополь был дан ряд нарядов по закупке жиров и других необходимых предметов продовольствия, бензина, керосина, масла и угля. Первые транспорты с углем уже прибыли, и начало намеченной мною операции было назначено на 1 апреля.

Намечая целый ряд мер по приведению армии в порядок и организации тыла, я все время думал об обеспечении на случай несчастья возможности эвакуации, требуя присылки все новых и новых транспортов угля.

В нескольких десятках верст от Симферополя имелись залежи угля. Об этих залежах было давно известно, однако они доселе не разрабатывались, хотя пласты были поверхностные, разработка легка и уголь хорошего качества. Крым пользовался донецким углем. Я приказал срочно исследовать месторождение и произвести разведку для проведения к угольным месторождениям железнодорожной ветки от ближайшей станции Бешуй-Сюрень.

В случае необходимости для нас оставить родную землю, нам трудно было рассчитывать на сочувствие других стран. Ни одна из них, вероятно, не согласилась бы дать нам приют. Исключение могли составить лишь славянские страны, и прежде всего Сербия, столь много

обязанная Великой России. Я послал Сербскому Королевичу Александру письмо, прося его приюта и защиты на случай нашего несчастья. Я писал, что делаю все возможное, чтобы спасти от красного ига последний клочок русской земли, и хочу верить, что Господь мне в этом поможет, но что я должен предвидеть худшее.

Приближались дни Светлого праздника. Как мало напоминали они такие же дни минувших годов тихой русской жизни; весна была в полном разгаре, церкви полны молящихся, но не было обычного предпраздничного радостного ожидания. Цены страшно росли, продуктов не доставало, все жилось под гнетом грозного будущего. В Страстную пятницу я исповедовался, на следующий день приобщился. После заутрени в соборе разговлялся в офицерском собрании лейб-гвардии Казачьего полка, несшего гарнизонную службу в городе. Полк этот был один из немногих, где сохранился старый офицерский состав. Большинство сотенных командиров командовали сотнями еще в германскую войну.

В первый день праздника, 29 марта, я принимал поздравления представителей иностранных миссий и высших чинов, а вечером на яхте командующего флотом «Лукулл» вышел в Ялту. Я наметил посетить ряд городов, чтобы на месте ознакомиться с нуждами населения.

Мы прибыли в Ялту 30-го утром. На дебаркадере приветствовал меня целый ряд депутаций от сената, городского самоуправления, Красного Креста, прессы и т. д. Приняв депутации, я проехал в городской собор, где прибывший со мной епископ Вениамин отслужил молебен, затем в гостиницу «Россия», где в большом зале присутствовал на торжественном заседании сената, после чего принимал целый ряд лиц. Тут же в гостинице «Россия» обществом помощи чинам Добровольческой армии был устроен завтрак. Днем я осматривал расположенные в Ялте лазареты и санатории.

На следующее утро я вернулся в Севастополь. Встретивший меня только что прибывший из Константинополя генерал Шатилов сообщил неприятное известие. Накануне на городском бульваре офицер лейб-гвардии Петроградского полка капитан Манегетти, встретив нескольких матросов, сделал им какое-то замечание. Один из матросов ответил. Капитан Манегетти выхватил револьвер, выстрелил в упор и убил матроса. Среди команд флота и в городе случился скандал, вызвавший массу разговоров. Расследование уже было закончено, оно показало, что и офицер и матросы были в нетрезвом состоянии. Действия капитана Манегетти не были вызваны необходимостью самозащиты или защиты офицерского достоинства, и поведению его нельзя было найти оправдания. Я приказал на другой же день предать капитана Манегетти военно-полевому суду, причем заседание суда назначить

гласным. Зал был переполнен публикой, среди которой было много людей флотских команд. Капитан Манегетти был приговорен к смертной казни, причем суд постановил во внимание к прежним его боевым заслугам ходатайствовать передо мной о смягчении наказания. Я заменил смертную казнь разжалованием в рядовые. Инцидент не имел дальнейших последствий. Через несколько месяцев капитан Манегетти доблестно погиб в бою.

31 марта мною был подписан приказ о введении во всех частях гарнизонов судов чести для штаб- и обер-офицеров, причем права судов в отношении наложения наказаний были значительно расширены вплоть до разжалования в рядовые.

Генерал Шатилов имел в Константинополе несколько свиданий с английским верховным комиссаром. Последний не скрывал своего убеждения в бесполезности переговоров великобританского правительства с большевиками.

Генерал Лукомский принял уже ряд мер по обеспечению Крыма необходимым и прежде всего углем, на чем я особенно в моих письмах к нему настаивал.

В Севастополе я пробыл всего день и проехал в Симферополь, где смотрел части 1-го корпуса, несущие в городе гарнизонную службу, присутствовал на молебствии в соборе, принимал ряд должностных лиц и осмотрел несколько лечебных заведений. По приезде на вокзал я был встречен почетным караулом от Добровольческого корпуса и был очень поражен увидеть выстроенный у моего вагона караул юнкеров Константиновского училища, входившего в состав частей, подчиненных генералу Слащеву. На правом фланге стоял сам генерал Слащев; последний доложил мне, что, узнав о предстоящем прибытии моем в Симферополь и «не доверяя добровольцам», прибыл с юнкерами для моей охраны. Я весьма сухо заметил ему, что одинаково доверяю всем частям армии и ни в какой особой охране не нуждаюсь, и, поздоровавшись с юнкерами, прекратил дальнейшие разговоры и прошел к почетному караулу 1-го корпуса, а затем на площадь, где были выстроены войска. Генерал Слащев был, видимо, весьма смущен.

31 марта в районе Перекопа разыгрался упорный встречный бой. Со стороны противника действовала 1-я латышская дивизия с конницей. 2-й Донской дивизией генерала Морозова, поддержанной нашей пехотой, аэропланами, броневиками и танками, противник был разбит. Перекопский вал и ближайшие подступы остались в наших руках. 1 апреля красные, подтянув только что прибывшую 3-ю стрелковую дивизию и сосредоточив до трех тысяч конницы, пытались снова

наступать, но, встреченные нашей контратакой, были отбиты. В этот день наш правый десант — Алексеевская бригада — имевший целью отвлечь резервы красных, благополучно высадился у деревни Кирилловки, в сорока верстах северо-восточнее Геническа, и занял село Ефремовка. Однако при дальнейшем продвижении на соединение со своими частями в районе Геническа алексеевцы были атакованы красными и, не проявив должной стойкости, стали отходить, причем понесли значительные потери.

2 апреля наши части овладели южными предместьями Геническа. Одновременно в районе Хорлов была произведена высадка нашего левого десанта — полков Дроздовской дивизии. Высадка производилась при чрезвычайно трудных условиях: красные занимали Хорлы двумя полками с большим количеством пулеметов и четырьмя орудиями, хорошо пристрелянными по единственному ведущему в порт каналу. Славные дроздовцы с помощью моряков преодолели все препятствия.

3 апреля части правого десанта продолжали продвижение на Ново-Алексеевку. Одновременно правофланговые части Крымского корпуса, под начальством храброго генерала Ангуладзе⁵³, атаковали и овладели станцией Сиваш. Испорченный противником Сивашский мост был быстро исправлен, и наши части, продолжая наступление, при поддержке бронепоездов, после блестящей атаки юнкеров-константиновцев, заняли укрепленную противником станцию Чонгар. В Перекопском районе весь день 3 апреля шел сильный бой. Все атаки противника были отбиты нашими частями, усиленными прибывшими марковцами. В этот день дроздовцы, продолжая наступление, овладели селом Адамань, где захватили четыре орудия в полной запряжке. Дроздовская дивизия дралась блестяще, имея противника со всех сторон и испытывая недостаток в снарядах.

3-го вечером я выехал на фронт и рано утром со станции Таганаш, в автомобиле с генералом Слащевым, проехал к нашим частям, ведущим наступление на станции Джимбулук. Со мной прибыл пожелавший сопровождать меня епископ Вениамин. Наши части при поддержке огня бронепоезда вели наступление. Противник отходил. Его артиллерия обстреливала наши цепи. Стрелки залегли на гладкой солончаковой равнине. Неприятельские снаряды взбивали фонтаны черной жидкой грязи. Выйдя из автомобиля, я пошел вдоль цепи, здороваясь с людьми, благодаря их за славное вчерашнее дело. Епископ Вениамин с крестом в руке благословлял людей. Начальник дивизии, генерал Ангуладзе, лично поднял цепь и повел стрелков.

Вскоре укрепленная красными станция Джимбулук была взята нами. Противник с Чонгарского полуострова беспорядочно отходил

на север. Получено было от командира Алексеевской бригады, полковника Гравицкого⁵⁴, донесение, что им занят Геничск. Противник отходил, преследуемый нашими частями. Обойдя стоящие в резерве войска, я вернулся на станцию Джанкой и оттуда на автомобиле проехал к Перекопу. На следующий день утром части генерала Англадзе заняли станцию Сальково.

Между тем дроздовцы, продолжая наступление и отбивая атаки конницы противника, прорвали фронт красных южнее Преображенки и присоединились к нашим частям у Перекопа, вынеся с собой всех своих раненых и захваченные трофеи. Во время боя под начальником Дроздовской дивизии, генералом Витковским⁵⁵, было ранено две лошади. За бои последних дней нами было захвачено шесть орудий и шестьдесят пулеметов.

Поставленная мною войскам задача была выполнена, но главное значение боя было моральное. Последние бои показали, что непобедимый дух в армии еще жив. А раз жив дух, то не все еще потеряно. Я послал генералу Шатилову телеграмму, приказав широко оповестить о нашей победе население.

В Севастополе были получены сведения о возобновлении военных действий на Польском фронте. Польские войска перешли в наступление и по всему фронту теснили красных. Наше тяжелое военное положение несколько облегчалось. Мы могли рассчитывать, что противник, отвлеченный всецело поляками, даст нам временную передышку. Эту передышку мы должны были всемерно использовать.

Войскам было приказано немедленно приступить к укреплению занятых ими позиций. Одновременно приказано было начать подготовку укрепленных тыловых позиций в районе села Юшунь и станции Таганаш. Приказано было спешно строить железнодорожную ветку от станции Джанкой на село Юшунь. Постройка этой ветки была намечена генералом Слащевым еще до прибытия моего в Крым, однако работы пока мало продвинулись. Необходимые для укрепления позиций материалы частью находились на месте, частью должны были быть подвезены из Феодосии и Севастополя. Руководство работами по укреплению выходов из Крыма и проведению ветки Джанкой—Юшунь было возложено на генерала Юзефовича.

Возвращаясь в Севастополь, я на несколько часов остановился в Симферополе, где принял в вагоне ряд лиц, в том числе прибывшего из Евпатории редактора газеты «Евпаторийский Вестник» Ратимова, добивавшегося иметь со мной личный разговор. Ратимов ходатайствовал о поддержании издаваемого им органа, весьма сочувственного армии направления. Положение газеты в Евпатории было весьма труд-

ное, ибо поддержки со стороны расположенного там штаба Донского корпуса газета не встречала. При штабе корпуса издавалась газета «Донской Вестник», и в «Евпаторийском Вестнике» штаб корпуса видел конкурента и противника, ибо самое направление донского органа было определено враждебно Главному командованию. В подтверждение своих слов Ратимов передал мне целый ряд номеров «Донского Вестника». Просмотрев их, я просто оторопел. Орган издавался при ближайшем участии командира корпуса и начальника штаба, что было мне хорошо известно. Редактором состоял начальник политической части, сотник граф Дю-Шайля⁵⁶. О нем я уже ранее имел сведения самого неблагоприятного характера, он принимал деятельное участие в враждебной Главному командованию политике донцов.

Оппозиция донского командования не была для меня новой, однако то, что я увидел, превосходило все мои ожидания.

В ряде статей официального органа разжигалась самым недопустимым образом вражда казаков против добровольцев, восстанавливалось казачество против «генералов и сановников», проводилась мысль об отделении всего казачества от России. Я не знал, чему более удивляться, — подлости ли изменнической работы лиц, стоявших во главе донцов, или наглости их открытой, ничем не прикрашиваемой работы. Я предложил господину Ратимову проехать со мной в Севастополь.

Прибыв туда, я немедленно послал за Донским атаманом генералом Богаевским, передал ему доставленные Ратимовым номера «Донского Вестника» и предложил лично переговорить с Ратимовым. Оставив генерала Богаевского и Ратимова вдвоем, я прошел к себе в кабинет и тут же набросал приказ, в котором писал: «По соглашению с донским атаманом, приказываю генерал-лейтенанту Сидорину сдать должность генерал-лейтенанту Абрамову⁵⁷. Отрешаю от должности начальника штаба корпуса генерал-лейтенанта Келчевского и генерал-квартирмейстера генерал-майора Кислова⁵⁸. Начальника политического отдела и редактора газеты сотника графа Дю-Шайля предаю военно-полевому суду при коменданте главной квартиры. Следователю по особо важным делам немедленно на месте произвести следствие для обнаружения прочих виновных и предания их суду. Газету закрыть».

Закончив приказ, я вышел к генералу Богаевскому. Последний у окна просматривал донскую газету. Вид у него был смущенный и расстроенный. Я протянул ему мой приказ.

— Вы ничего не имеете против того, что я упоминаю о вашем согласии?

— Да, конечно... — видимо, с громадным трудом, едва слышно ответил атаман.

Я тут же подписал приказ и передал его адъютанту для исполнения.

Проведенное следствие обнаружило полную виновность генералов Сидорина и Келчевского. Сотник граф Дю-Шайля являлся второстепенным исполнителем. В момент ареста он попытался покончить жизнь самоубийством и тяжело себя ранил. Генерал Сидорин пробовал привлечь на свою сторону офицеров корпуса, однако успеха не имел.

Ознакомившись с результатами следствия, я предал генералов Сидорина, Келчевского и сотника графа Дю-Шайля военно-полевому суду. Суд под председательством генерала Драгомирова приговорил обоих генералов к каторжным работам, каковое наказание я заменил им, во внимание к прежним боевым заслугам Донской армии, исключением со службы с лишением мундира.

Сотник граф Дю-Шайля, тяжело раненный, лежал в госпитале, и дело о нем было выделено; оно рассматривалось много позднее. Ввиду того что граф Дю-Шайля был не более как мелкий проходимец, простой исполнитель, и что я нашел возможным смягчить участь главных виновников, суд сотника графа Дю-Шайля оправдал. Последний выехал за границу и после оставления нами родной земли продолжал враждебную армии политику.

Одним решительным ударом был положен предел оппозиционной работе донского командования. Проискам и интригам недовольных генералов наступил конец. Одновременно с генералами Сидориным и Келчевским выехали за границу генералы Покровский, Боровский, Постовский. Интриги прекратились.

Один лишь генерал Слащев не мог успокоиться. Убедившись, что я в разговорах с ним тщательно избегаю касаться всего того, что не имеет отношения к вопросам, связанным с его командованием, он стал засыпать меня своими сумбурными рапортами. Рапорты эти столь характерны, что я не могу не привести одного из них.

«5 апреля 1920 года.

Секретно в собственные руки.

Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России
№ 021

РАПОРТ

I. Мне известно, что многочисленные штабы бывшего Главнокомандующего и командвойска не вполне уясняют себе сложность переживаемого времени, не понимают современного курса политики и усло-

вий новой работы. Замечается перегруженность канцелярий, многочисленность проектов, комиссий, предположений о ломке всего того, что, может быть, и худо, но способствовало удержанию Крыма (внешне и внутренне).

Все это сказалось: 1. Печать, идущая на помощь фронту, остается без бумаги либо болтается из стороны в сторону. 2. Интриги вызывают самые дикие слухи, а причиной этому — нежелание некоторых лиц, делающих вид, что хотят создать что-то новое, расстаться со старыми местами. (Разрушается моя контрразведка, намечаются новые газеты, когда не хватает бумаги для старых, а мне не высылают орудий и автомобилей.) Интриги на маленькой территории Крыма невероятно растут. Борьба идет с коренными защитниками фронта, до меня включительно, вторгаясь даже в мою частную жизнь (спирт, кокаин).

II. Сейчас в Вашем штабе остались лица «керенского» направления с добавлением невероятного себялюбия, к этому присоединяется карьеризм и переменчивость взглядов некоторых старших начальников.

1. Утверждаю, что генералы Кутепов и Витковский на военном совете (уход генерала Деникина) во всеуслышание, в присутствии командиров полков заявили, что если генерал Деникин уйдет, то они служить не смогут, и провозгласили ему «ура». Это заявление и «ура» на заседании государственной важности было настолько возмутительным, что считал своим долгом встать и спросить: «Чему мы служим — Родине или лицам». Ответа не было. Сорвав заседание, я приказал отцепить вагон генерала Кутепова от своего поезда. (Войск и пулеметов около вагона заседания и моего вагона было так много, что противник испугался бы.)

2. Генерал Махров и полковник Коновалов портят все дело и подрывают обаяние Вашего имени проведением на государственные должности «лиц», подобных Оболенскому. От Вашего имени посылают телеграмму о возложении всей ответственности за предпринятый мною бой на меня, чем могли бы сорвать операцию. Бронепоезда задерживаются в тылу, мои настойчивые требования не исполняются, а сегодня их прислали без паровозов. Сменяются лица, работавшие на совесть в тылу для фронта (доктор Вейс). Отменяются отданные мною приказания (комиссия осмотра тыла № 5464), чем подрываются нервы, и так натянутые у всех фронтовых, до меня включительно. (Ведь комиссия была создана по просьбе фронтовых — отменил доктор Артемьев.)

III. Для спасения Родины и по долгу службы настойчиво осмеливаюсь ходатайствовать перед Вашим Превосходительством:

1. Пресечь попытки разных лиц и партий провести у меня на фронте перемену личного состава, работой которого я был доволен.

2. Поддержать старую печать (по Вашему указанию). Открывающиеся новые газеты вызовут осложнения.

3. Объявить себя диктатором (неограниченным правителем) без флера, а ясно для всех (для народа).

4. Дать немедленно крестьянам землю (за плату хлебом), а рабочим хлеб за труд.

5. Под благовидным предлогом устранить генералов Кутепова, Витковского, Махрова, полковника Коновалова, доктора Артемьева хотя бы на должности, где интриги их будут бессильны.

6. Вернуть доктора Вейса на пользу фронта.

IV. Я взял на себя смелость подать Вам этот рапорт, потому что не могу работать в создавшейся обстановке (ведь на телеграмму генерала Деникина я ответил донесением, что оборону Крыма ставлю для себя вопросом не только долга, но и чести).

Слово свое сдержал.

Чечь свою сохранил я и тогда, когда уходил генерал Деникин.

Вы это знаете.

Но сейчас, если не изменится обстановка, ручаться за фронт не могу. Интриги разложат фронт.

Поэтому умоляю при Вашем несогласии с моим докладом снять с меня ответственность за оборону Крыма, так как уйти из армии в тяжелый момент не могу, назначьте меня туда, куда найдете нужным, хотя бы рядовым — я сделаю все, чтобы не повредить делу и не запятнать своей чести.

Прошу этому верить.

V. Подаю этот рапорт Вам, в собственные руки, но ходатайствую, если найдете нужным, прочесть лицам по Вашему усмотрению.

Слащев».

В Севастополе я пробыл всего один день и 7 апреля вновь выехал в Симферополь, где посетил университет и присутствовал на совете университета.

Генерал Кутепов железной рукой приводил свои войска в порядок, беспощадно предавая военно-полевому суду и подвергая смертной казни грабителей и дезертиров. Местные либерально-общественные круги во главе с симферопольским городским головой Усовым стали генералу Кутепову в оппозицию, предъявляя от имени общественности протесты против смертной казни и т. д. Я предложил городскому голове на другой день прибыть в Севастополь. Сообщая о его выезде,

либеральная пресса намекала, что, в связи с вызовом симферопольского городского головы к Главнокомандующему, ожидается ряд перемен в высшем командовании, что Главным командованием, вероятно, приняты будут меры против самовольных действий некоторых высших чинов и т. п.

Городской голова вошел в мой кабинет с видом победителя. Но, видя, что я не подаю ему руки и не прошу сесть, заметно смутился.

«Я знаю о неладах ваших с генералом Кутеповым, являющимся исполнителем моих приказаний, — сказал я. — Я не хочу разбирать вопроса, кто прав. Я ли, дающий эти приказания, или вы. На мне лежит ответственность перед армией и населением, и я действую так, как мой ум и моя совесть мне повелевают. Вы на моем месте действовали бы, конечно, иначе, однако судьба во главе русского дела поставила не вас, а меня, и я поступаю так, как понимаю свой долг. Для выполнения этого долга я не останавлиюсь ни перед чем и без колебания устраню всякое лицо, которое мне в выполнении этого долга будет мешать. Вы протестуете против того, что генерал Кутепов повесил несколько десятков вредных армии и нашему делу лиц. Предупреждаю вас, что я не задумаюсь увеличить число повешенных еще одним, хотя бы этим лицом оказались вы».

Господин Усов вышел из кабинета как в воду опущенный. Через день газеты сообщили, что «вернувшийся из Севастополя симферопольский городской голова отказался сообщить подробности своего разговора с Главнокомандующим». Еще через несколько дней те же газеты сообщили, что господин Усов тяжело заболел и подал в отставку.

В Севастополь вновь прибыли с Кавказского побережья генерал Улагай и командир Донского корпуса генерал Стариков. Попытки генерала Улагая перейти в наступление оказались тщетными. Казаки совсем не хотели драться. Среди кубанского правительства, рады и высшего командования кубанцев и донцов происходили нелады. Генералы Улагай и Стариков настаивали на перевозке кубанцев и донцов в Крым, однако кубанский атаман генерал Букретов не соглашался.

Я собрал совещание из атаманов донского, кубанского и терского войск, генералов Улагая и Старикова, генерала Шатилова, генерала Махрова и командующего флотом. Генералы Улагай и Стариков повторили свои доклады. Атаманы донской и терский их поддержали, генерал Букретов вновь заявил, что считает перевозку кубанцев в Крым нежелательной, что, как кубанский атаман, он считает необходимым предварительно опросить всех казаков об их желании. На мое возражение, что я не могу допустить обсуждения казаками приказаний начальников, генерал Букретов ответил:

— А я, как атаман, не могу допустить, чтобы казаков перевезли в Крым, где они будут пасынками, как были всегда в Добровольческой армии. В этом я не вижу и надобности. Неправда, что казаки не желают драться. Не желают драться лишь их старшие начальники — генералы Улагай, Шкуро, Науменко, Бабиев⁵⁹ и другие.

— Раз так, то пускай сам генерал Букретов командует армией, — вспылил генерал Улагай.

Я остановил его и обратился к Букретову:

— Вы упрекаете старших начальников в нежелании драться. Зная всех их, я, конечно, этому верить не могу; однако из ваших слов мне ясно, что, при подобном отношении атамана, правительства и рады к высшему командному составу, последний не может иметь среди казаков должного авторитета. Вы уверяете, что казаки готовы драться с другими начальниками. Отлично, вступайте в командование Кубанской армией сами и бейте большевиков.

— Нет, командовать армией я не согласен.

— В таком случае нам разговаривать не о чем. Ответственность взять на себя вы не хотите, а агитацию безответственных лиц среди казаков против их командующего армией я допустить не могу. Можете идти, но из Крыма вы не выедете. — Я обратился к адмиралу Герасимову: — Поручаю вам принять меры, чтобы ни одно из отходящих из Крыма судов не приняло на свой борт генерала Букретова.

Генерал Букретов вышел. Все присутствующие казались весьма смущенными. Генерал Богаевский и генерал Вдовенко⁶⁰ стали убеждать меня изменить мое решение.

— Атаман лицо неприкосновенное, — говорил генерал Богаевский, — вы только что отдали с согласия атаманов приказ, где подтвердили права казачества на внутреннее самоуправление; задержание генерала Букретова произведет тяжелое впечатление на всех казаков...

Генерал Шатилов стал также убеждать меня. Я твердо стоял на своем:

— Я не могу допустить, чтобы генерал Букретов вернулся к армии и там продолжал агитацию. Я ни одну минуту не верю ему, что казаки готовы драться, но пусть он сам несет ответственность за все, что произойдет...

Наконец генерал Шатилов предложил поехать к генералу Букретову и лично переговорить с ним. Через полчаса генерал Шатилов вернулся и сообщил, что генерал Букретов готов согласиться на командование армией. Я вновь просил генерала Шатилова проехать к кубанскому атаману и передать ему, что я сожалею о происшедшем недоразумении и прошу его вернуться на совещание. Генерал Букретов прибыл.

— Я рад узнать, что вы изменили свое решение и готовы принять на себя тяжелую ответственность. Забудем все бывшие недоразумения, — сказал я, протягивая ему руку.

Тут же подписал я приказ о назначении генерала Букретова командующим Кубанской армией и зачислении в мое распоряжение генералов Улагая, Шкуро, Науменко и Бабиева.

Дабы подчеркнуть еще раз единение Главнокомандующего с атаманами, я просил генерала Богаевского согласиться принять на себя звание командующего Донской армией. Фактически таковой не существовало, ибо войска, находящиеся уже в Крыму, были сведены в корпус, а части генерала Старикова по составу не превосходили дивизии; в случае переброски в Крым должны были войти в состав Донского корпуса. Принятие генералом Богаевским должности командующего Донской армией имело значение лишь принципиальное.

9 апреля состоялось под моим председательством первое заседание совета начальников управлений при мне. Открывая заседание, я ознакомил совет с нашим общим политическим и военным положением и, указав на то, что мною принимаются все меры для усиления боеспособности армии, подчеркнул, что эта боеспособность зависит в большой степени от того, как организован тыл.

В первую очередь я обратил внимание на необходимость принятия ряда мер по улучшению хозяйственного положения: удешевления предметов первой необходимости, увеличения запасов муки в городах и пр. В Крыму имелись запасы сырья, готовой соли, большое количество железного лома, имелись залежи серы, туфов и, в районе станции Бешуй, угля. Необходимо было принять меры для возможности их разработки и использования. Затем мною было обращено внимание на необходимость сокращения непомерных штатов всевозможных управлений и учреждений, на несоответствие окладов служащих в различных ведомствах, на необходимость разработать вопрос о нормировке рабочих ставок и хотя бы частичной натурализации оплаты труда. Наконец, мною было обращено внимание на то, что городские и земские самоуправления расходуют получаемые ими многомиллионные авансы не по прямому их назначению, а на повышение окладов служащих и т. п.

Генерал Вильчевский доложил, что, при условии расходования не более фунта хлеба в сутки на человека, он надеется, что муки хватит в Крыму до нового урожая. Им уже был принят ряд мер для устранения продовольственного кризиса и для обеспечения населения недостающими продуктами путем подвоза. Так, выписано было несколько миллионов порций солонины и мясных консервов из

Болгарии, приобретены были жиры в Константинополе и т. д. В ближайшие дни должны были начаться изыскания бешуйских угольных месторождений.

Совет наметил образование особой комиссии под председательством моего помощника, генерала Шатилова, для пересмотра штатов всех учреждений с целью возможного сокращения их и для установления единообразных окладов содержания во всех ведомствах, соответственно классам занимаемых должностей. Другая комиссия была образована под председательством генерала Вильчевского для разработки вопроса о нормировке рабочих ставок и возможном переходе хотя бы к частичной натурализации оплаты труда и с целью наметить другие пути к облегчению рабочим борьбы за существование: устройство кооперативов, швален, развитие существующих уже потребительских лавок под названием «Армия — населению».

В конце заседания и. о. начальника управления финансов Б.В. Матусевич сделал доклад о причинах падения русского рубля. Намечено было образовать под председательством начальника управления финансов особую комиссию, коей поручить наметить ряд мер по улучшению налоговой системы и по увеличению доходов казны.

Я все более убеждался, что те лица, которые до сего времени стояли во главе различных отраслей государственного управления на Юге России, не были в состоянии справиться с той огромной задачей, которую судьба ставила им. Вся гражданская и экономическая жизнь в стране была разрушена, все приходилось создавать сызнова, не просто восстанавливать, а именно создавать, в полной мере учитывая все новые политические и экономические условия. С такой задачей могли справиться лишь люди, обладавшие широким запасом знаний и государственного опыта и необыкновенной политической гибкостью. Последние два условия, конечно, трудно было совместить в одном лице. Наиболее испытанные государственные деятели приобрели необходимый опыт и знание дела, проведя всю службу в прочно сложившихся бюрократических условиях старой России. Они никак не могли от этих условий отрешиться, не могли плодотворно работать при отсутствии прочно и правильно налаженного административного аппарата в условиях военно-походной жизни междуусобной войны; в работу свою они неизбежно переносили все отрицательные черты нашей старой бюрократии, не умели близко подойти к населению, вводили в живое дело неизбежный канцеляризм, служебную волокиту, условные, потерявшие свое значение формы. Необходимая в эпоху революционных потрясений, свободная в формах творческая работа была им не под силу. Те круги нашей либеральной обществен-

ности, среди которой черпал своих сотрудников генерал Деникин, были для работы еще менее подходящими. Люди в большинстве случаев слов, а не дела, принадлежащие главным образом к тому классу русской интеллигенции, которой даже и в политической борьбе был чужд действенный порыв, они были не способны к творческой работе, не обладая в то же время ни необходимыми знаниями, ни достаточным опытом.

Я ясно понимал, что в настоящих исключительно тяжелых условиях с огромной предстоящей в Крыму работой может справиться лишь государственный деятель, обладающий исключительными данными. Единственным лицом, которому эта работа могла бы быть под силу, был, по моему убеждению, А.В. Кривошеин.

Я знал его лично давно, его государственная деятельность в течение долгих лет была известна всей России. Человек выдающегося ума, исключительной работоспособности, он изучил за свою продолжительную службу самые разнообразные отрасли государственного управления. Служил и в земском отделе Министерства внутренних дел, где близко ознакомился с крестьянским вопросом, в Государственном земельном банке, состоял начальником переселенческого управления, товарищем министра финансов; в бытность последним широко развил деятельность крестьянского банка и направил ее к повсеместному созданию мелкой крестьянской собственности. В течение десяти лет был министром земледелия, ближайшим сотрудником П.А. Столыпина, проводя в жизнь земельную реформу последнего. Достижением высоких служебных положений он обязан был одному себе, своим личным качествам, причем, имея исключительное значение в высших правительственных кругах, он в равной мере пользовался исключительным авторитетом и в кругах общественных.

Выдающийся администратор, он всегда удачно выбирал своих сотрудников, целый ряд которых впоследствии, пройдя его школу, выдвинулись на разнообразных поприщах государственной службы.

Человек исключительной эрудиции, культурности и широкого кругозора, с вполне определенными ясными взглядами, он умел быть терпимым, обладал редкой способностью уметь стать на точку зрения другого, убедить своего собеседника, с исключительным тактом избегая всего того, что могло бы последнего задеть. Принадлежа всей своей предыдущей службой к государственным людям старой школы, он, конечно, не мог быть в числе тех, кто готов был приять революцию, но он ясно сознавал необходимость ее учесть. Он умел примениться к новым условиям работы, требующей необыкновенного импульса и не терпящей шаблона.

Я понимал, какую огромную жертву принес бы Александр Васильевич, если бы согласился разделить со мной мой тяжкий крест, но, зная его, не терял надежды, что он согласится, что, горячий патриот и человек долга, он принесет эту жертву во имя родины. 9 апреля Н.М. Котляревский выехал в Париже к А.В. Кривошеину с моим письмом.

Первые шаги новой власти, решительные меры по восстановлению порядка в тылу и недавняя победа на фронте внесли в население некоторое успокоение, однако лицо новой власти продолжало быть закрытым. Враждебная нам пропаганда делала свое дело. В многочисленных разговорах моих с представителями военной и гражданской власти и с общественными деятелями, я неизменно убеждался, что от новой власти ожидают разъяснения наиболее больных вопросов. Вопросы эти всегда были те же: земельный, отношение к казачеству и государственным новообразованиям, отношение к государствам Западной Европы. Весьма дружелюбно расположенный к нам начальник американской миссии адмирал Мак Колли и французской — генерал Манжен также указывали мне на необходимость, в противовес тенденциозному освещению намерений нового командования в иностранных кругах, широко ознакомить с моими взглядами общественное мнение.

Идя навстречу общим пожеланиям, я пригласил представителей печати и ознакомил их со своим взглядом на предстоящие нам задачи:

«После тяжелых шестидневных боев мы овладели плацдармами Крыма и прочно их за собой обеспечили.

Армия, после пережитых испытаний, спешно приводится в порядок, переформируется. В самом ближайшем будущем я проведу целый ряд мер организационного характера, которые должны устранить часть недочетов, значительно затруднявших управление армией. Проведен уже отчасти в жизнь целый ряд мер для повышения нравственного уровня в войсках. В частях введены суды чести для офицеров, коим предоставлены широкие права до разжалования штаб-офицеров включительно.

Наравне с заботами об армии будет проведен ряд мер к разрешению наиболее назревших вопросов государственной жизни. Трехлетняя анархия, неоднократная смена власти, из которых каждая провозглашала программы, имеющие целью увлечь за собой симпатии населения заманчивыми обещаниями, исполнить каковые физически не могла никакая власть, — настолько усложнили целый ряд отраслей промышленно-экономической жизни, что разрешить это сразу нет никакой возможности. Примером может служить хотя бы земельный вопрос.

Я стремлюсь к тому, чтобы разрешить наиболее назревшие вопросы, не превышая пределы фактической возможности. Создание для населения Юга России, занятого моими войсками, такого правопорядка, при котором население могло бы быть удовлетворено в своих чаяниях возможно шире, — вот основные задачи власти.

Мною намечен целый ряд мер, чтобы наибольшее количество земли могло бы быть использовано на правах частной собственности теми, кто в эту землю вложил свой труд. Мелкому крестьянину-собственнику принадлежит сельскохозяйственная будущность России, крупное землевладение отжило свой век. Улучшение материального благосостояния рабочих и удовлетворение их профессиональных нужд является одной из моих главнейших забот.

Теперь о причинах наших бывших неудач. Причины эти чрезвычайно разнообразны. Резюмируя их, можно сказать, что стратегия была принесена в жертву политике, а политика никуда не годилась. Вместо того чтобы объединить все силы, поставившие себе целью борьбу с большевизмом и коммуной, и проводить одну политику, «русскую», вне всяких партий, проводилась политика «добровольческая», какая-то частная политика, руководители которой видели во всем том, что не носило на себе печать «добровольцев» — врагов России.

Дрались и с большевиками, дрались и с украинцами, и с Грузией и Азербайджаном, и лишь немногого не хватало, чтобы начать драться с казаками, которые составляли половину нашей армии и кровью своей на полях сражений спаяли связь с регулярными частями. В итоге, провозгласив единую, великую и неделимую Россию, пришли к тому, что разъединили все антибольшевистские русские силы и разделяли всю Россию на целый ряд враждующих между собой образований.

Я вижу к воссозданию России совершенно иной путь. Несколько дней тому назад мною заключено соглашение с представителями всех казачьих войск, коим между мною и казаками установлены определенные взаимоотношения. Казачьи области остаются в своем внутреннем самоуправлении самостоятельными, их же вооруженные силы полностью подчиняются мне.

В областях не казачьих я объединил всю полноту гражданской и военной власти без всяких ограничений, причем при разрешении вопросов внутренней жизни я намерен широко обращаться к помощи общественных сил. Мы в осажденной крепости, и лишь единая твердая власть может спасти положение. Надо побить врага прежде всего, сейчас не место партийной борьбе.

Когда опасный для всех призрак большевизма исчезнет, тогда народная мудрость найдет ту политическую равнодействующую, кото-

рая удовлетворит все круги населения. Пока же борьба не кончена, все партии должны объединиться в одну, делая внепартийную деловую работу. Значительно упрощенный аппарат управления мною строится не из людей какой-либо партии, а из людей дела. Для меня нет ни монархистов, ни республиканцев, а есть лишь люди знания и труда.

На такой же точке зрения я стою в отношении к вопросу о так называемой «ориентации». С кем хочешь, но за Россию, — вот мой лозунг. В частности, касаясь германской ориентации, о которой так много пишут и говорят за последнее время, я не могу придавать ей серьезного значения. Германия, истощенная войной и занятая внутренними делами, едва ли может оказать реальную помощь другим странам.

Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа».

11 апреля мною был отдан приказ об образовании под председательством сенатора Глинки, одного из ближайших сотрудников А.В. Кривошеина, бывшего начальника переселенческого управления, комиссии по разработке земельного вопроса. В основу работы комиссии должны были быть положены следующие руководящие начала:

1. Вся годная к обработке земельная площадь должна быть надлежащим образом и полностью использована.

2. Землею должно владеть на правах прочно установленной частной собственности возможно большее число лиц, могущих вкладывать в нее свой труд.

3. Посредником для расчетов между крупным и мелким землевладением должно быть государство.

Я понимал, что в бесконечно разнообразных этнографических и экономических условиях необъятных пространств России среди общего развала и смуты, разрушивших все хозяйство страны и нарушивших все правовые взаимоотношения, разрешить удовлетворительно земельный вопрос в полном объеме невозможно, что любое решение вызовет неудовольствие многих, что, несомненно, в будущем жизнь внесет свои неизбежные коррективы. Но настоящие условия этой жизни не позволяли дальше ждать, требовалось разрубить этот гордиев узел. Разрешение этого вопроса имело исключительное психологическое значение. Оно должно было выбить из рук наших врагов главное орудие политической борьбы, ударить по воображению населения и армии, произвести соответствующее впечатление в иностранных кругах.

С первых дней приезда моего в Крым я обратил внимание на необходимость установления начал нормального правопорядка, столь пошатнувшегося за годы Гражданской войны.

Одной из главнейших причин развала армий генерала Деникина было отсутствие в них твердого правового уклада и чувства законности. Войска развратились, военно-судебное ведомство, во главе с главным военным и морским прокурором, было бессильно. Приказом Главнокомандующего право на возбуждение уголовного преследования предоставлено было непосредственным начальникам виновных. В существовавшие корпусные суды, в состав которых входили опытные юристы, дел почти не поступало, почти все дела рассматривались военно-полевыми судами, находившимися фактически в полном подчинении войсковым начальникам. Военно-полевые суды стали постоянно действующим аппаратом судебной власти и, состоя из лиц в большинстве случаев незнакомых с самыми элементарными юридическими познаниями, сплошь и рядом совершали грубые неправые ошибки, в корне нарушая основные понятия законности и правопорядка. Prestиж суда оказался подорванным.

Моим приказом от 6 апреля предание суду должно было производиться не по усмотрению войскового начальства, а путем непосредственного внесения прокурорским надзором обвинительного акта в суд с сообщением о том начальству обвиняемого для отдания в приказ.

Наряду с другими мерами для решительного искоренения грабежей и разбоев, приказом моим от 14 апреля образованы были особые военно-судные комиссии при начальниках гарнизонов, комендантах крепостей, а впоследствии при штабах корпусов, дивизий и отдельных бригад. Комиссии в составе председателя и пяти членов назначались по возможности из лиц с высшим юридическим образованием, а делопроизводитель обязательно с таковым. Комиссии подчинены были непосредственно главному прокурору. Их рассмотрению подлежали дела об убийствах, грабежах, разбоях, кражах, самочинных и незаконных реквизициях, а равно о всяких других незаконных действиях, клонящихся к стеснению местных жителей, совершаемых военными служащими. Пределы власти каждой комиссии распространялись на территории соответствующего уезда или на чинов данного войскового соединения. Несколько позднее, в интересах более полного обеспечения мирного населения, в состав комиссии было включено по два представителя крестьян от волости с правом совещательного голоса и присутствия при производстве комиссией расследования, причем производящий расследование обязан был отвечать в соответствующих протоколах и актах о пожеланиях пред-

ставителей волости и удовлетворять их, если они не противоречили закону и могли быть выполнены без ущерба для дела.

Расследование дела производилось одним из членов комиссии на правах военного следователя, но без тех формальностей, кои установлены в законе при производстве предварительного следствия. Конечно, при такой конструкции допускалось некоторое смешение следственных и чисто судебных функций, но в условиях работы комиссий, которые должны были обладать всей полнотой власти и независимостью и в то же время действовать скоро и решительно, этот недостаток был неизбежен. Однако член комиссии, производящий расследование, не мог участвовать в постановлении по данному делу приговора по существу. При рассмотрении дел военно-судные комиссии должны были руководствоваться правилами о военно-полевых судах. Приговоры утверждались соответствующими военными начальниками. В случае несогласия последних с приговором дело передавалось в корпусный или военно-окружной суд.

Военно-судные комиссии за все время нашей борьбы в Крыму оказали правительству огромную помощь в борьбе с всевозможными злоупотреблениями, разьедавшими армию. Грабежи войск прекратились почти совершенно. Об этом свидетельствовал ряд беспристрастных очевидцев, целый ряд приговоров сельских сходов, обращавшихся ко мне с благодарностью за учреждение комиссий, избавивших население от грабежей и разбоев, красноречивее всяких слов свидетельствовавшей об их значении. Даже та часть крымской прессы, которая первоначально высказывалась против военно-судных комиссий, вынуждена была впоследствии признать их полезное значение.

Рядом приказов были изъяты из ведения военно-полевых судов дела о несовершеннолетних от десяти- до семнадцатилетнего возраста и исполнение приговора над присужденными к смертной казни предписывалось не производить публично. При общем огрубении нравов публичное приведение приговоров в исполнение мало устрашало, вызывая лишь еще большее нравственное отупение.

Наше политическое положение продолжало оставаться неопределенным. Тем временем переговоры поляков с большевиками были прерваны, польские войска перешли в наступление и теснили красных по всему фронту. Последние спешно сосредоточивали на западном фронте все свои силы. Падение Крыма развязало бы красному командованию руки, давая возможность сосредоточить все усилия против поляков. Это, конечно, учитывала Франция, неизменно поддерживавшая Польшу. Французское правительство не могло сочувствовать политике англичан. По моему поручению, Струве телегра-

фировал нашему послу в Париже В.А. Маклакову⁶¹ просьбу выяснить взгляды французского правительства.

В половине апреля большевики перешли против наших кавказских частей в наступление и заняли Сочи. Командующий Кубанской армией генерал Морозов⁶² и некоторые члены рады вступили 17 апреля, с согласия генерала Букретова, в переговоры с большевиками.

Получив об этом сведения, я приказал спешно выслать в порт Адлер весь свободный тоннаж и обратился к адмиралу Де-Робеку с просьбой помочь английским флотом. Туда же выехал генерал Шкуро, на коего я возложил поручение принять для перевозки в Крым те части, начальники которых не пожелали бы вступить в переговоры с большевиками. Погрузка производилась в весьма трудных условиях с лодок. Грузились как на русские транспорты, так и на английские военные корабли. Лошадей, орудия и пулеметы пришлось бросить. Так как при эвакуации Новороссийска в Крым попали одни донцы, то я приказал теперь в первую голову грузить кубанцев.

Генерал Букретов, генерал Морозов, члены кубанского правительства и рады убеждали офицеров и казаков, что Крым ловушка и что через несколько дней части армии в Крыму вынуждены будут капитулировать.

19 апреля погрузка закончилась, и корабли отошли в Крым. Большая часть кубанцев сдалась, незначительная часть ушла в горы, остальные были погружены; погрузилась и большая часть донских полков и Терско-Астраханская бригада.

Сам генерал Букретов, сложив с себя звание кубанского атамана и передав атаманскую булаву, согласно кубанской конституции, председателю кубанского правительства, инженеру Иванису, бежал в Грузию. За ним последовали члены Кубанской рады — самостийники, захватив с собой часть кубанской казны.

21 апреля части с Кавказского побережья прибыли в Феодосию. Я через день приехал туда, смотрел полки, беседовал с офицерами. Большинство офицеров и казаков были мои старые соратники, сражавшиеся под моим начальством на Северном Кавказе и под Царицыном. В Крым прибыли наиболее сильные духом, изверившиеся и малодушные остались на Черноморском побережье. Прибывшие офицеры и казаки негодовали на предательство атамана и самостийных членов рады. Я был уверен что, очистившись от малодушных, находясь вне тлетворной работы демагогической рады и поставленные под начальство крепких духом офицеров, отдохнув и пополнившись всем необходимым, прибывшие казачьи полки вновь станут теми прекрасными частями, которые неизменно били врага на Северном Кавказе и в Задонье.

Донские части направлялись в Евпаторию, где должны были войти в состав Донского корпуса. Кубанские части я наметил свести в дивизию. Во главе Кубанской дивизии и приданной ей бригады терцев-астраханцев я поставил доблестного генерала Бабиева.

Бабиев был один из наиболее блестящих кавалерийских генералов на Юге России. Совершенно исключительного мужества и порыва, с редким кавалерийским чутьем, отличный джигит, обожаемый офицерами и казаками, он, командуя полком, бригадой и дивизией, неизменно одерживал блестящие победы. Его конные атаки всегда вносили смятение в ряды врага. За время Великой войны и междоусобной брани, находясь постоянно в самых опасных местах, генерал Бабиев получил девятнадцать ран. Правая рука его была сведена, однако, несмотря на все ранения, его не знающий удерживать порыв остался прежним. Горячий русский патриот, он с величайшим негодованием относился к предательской работе казачьих самостийников. Я мог быть спокоен за те части, во главе которых он стоял.

За несколько дней до поездки в Феодосию я смотрел в Евпатории полки Донского корпуса. Во главе корпуса теперь стоял генерал Абрамов, высокой доблести, неподкупной честности, большой твердости и исключительного такта начальник. Денец по рождению, офицер Генерального штаба по образованию, командовавший до революции регулярной дивизией, долгое время исполнявший должность генерал-квартирмейстера в одной из армий, командовавший на Юге России гвардейской казачьей бригадой, генерал Абрамов пользовался заслуженным уважением всей армии. Став во главе корпуса, он твердой рукой наводил порядки. Сменил целый ряд начальников, подтянул офицеров и казаков. Я не сомневался, что ему удастся в самое короткое время привести корпус в порядок и вернуть ему прежнюю боеспособность.

Тогда же из Евпатории проехал я на фронт, где видел части Крымского и Добровольческого корпусов. Намеченная мною перегруппировка закончилась. Крымский корпус был эшелонирован на Сальковском направлении вдоль линии железной дороги, добровольцы сосредоточились на Перекопском направлении. Юнкерские училища, дравшиеся в составе войск генерала Слащева, были выделены, и юноши, многие почти мальчишки, жизни которых были столь дороги будущей России, получили возможность учиться. Части на фронте, успевшие поотдохнуть, почиститься и приодеться, имели бодрый, веселый вид. Работы по укреплению позиций шли полным ходом. Рылись окопы, строились пулеметные гнезда, позиции заплетались проволокой. Кипела работа и по постройке тыловых укреплений, лихорадочно строился Юшуньский

подъездной путь. Руководивший работами генерал Юзефович для ускорения работ по постройке железной дороги использовал целый ряд подъездных путей, имеющих второстепенное значение, перевоза разобранные шпалы и рельсы на новую дорогу.

Дисциплина в тылу, особенно в крупных городах, также значительно поднялась. Я неуклонно требовал от начальников гарнизонов самых решительных мер против разнузданности и разгильдяйства воинских чинов в тылу, требовал, чтобы все боеспособные без уважительных причин не оставляли бы своих частей, чтобы все выздоровевшие немедленно отправлялись из лазаретов на фронт; настаивал на соблюдении установленной формы одежды.

В середине апреля я сменил коменданта Севастопольской крепости. Новым комендантом был назначен генерал Писарев⁶³, хорошо мне известный по деятельности его в Кавказской армии, где он командовал корпусом. При нем Севастополь сразу подтянулся. В конце мая генерал Писарев был назначен мною командиром Сводного корпуса, в состав которого вошли Кубанская дивизия и бригада туземцев, выделенная из состава Крымского корпуса. Генерала Писарева заменил генерал Стогов, остававшийся в должности коменданта до конца борьбы в Крыму.

Пришлось заменить и командующего флотом адмирала Герасимова, прекрасного человека, но мягкого и недостаточно решительного. 19 апреля командующим флотом и начальником морского управления был назначен вице-адмирал Саблин.

28 апреля я отдал приказ о наименовании впредь армии «Русской». Соответственно с этим, корпуса должны были именоваться армейские — по номерам, казачьи — по соответственному войску.

Название «Добровольческая» переносилось с Добровольческой армии и на политику ее руководителей. Оно перестало быть достойным определенных воинских частей, оно стало нарицательным для всего возглавляемого генералом Деникиным движения. «Добровольческая политика», «добровольческая печать», «добровольческие власти» стали ходячими формулами. Славное в прошлом, связанное с первыми шагами героической борьбы генералов Алексеева и Корнилова «добровольчество», название столь дорогое для всех участников этой борьбы, потеряло со временем свое прежнее обаяние. Несостоятельная политика генерала Деникина и его ближайших помощников, недостойное поведение засоривших армию преступных элементов, пагубная борьба между главным «добровольческим» командованием и казачеством — все это уронило в глазах населения и самой армии звание «добровольца».

Из двух сражавшихся в России армий, конечно, право называться Русской принадлежало той, в рядах которой сражались все те, кто среди развала и смуты остался верным родному национальному знамени, кто отдал все за счастье и честь Родины. Не могла же почитаться Русской та армия, вожди которой заменили трехцветное русское знамя красным и слово «Россия» — словом «интернационал»...

Конечно, и в рядах Красной армии было немало русских честных людей. В настоящее время Красная армия по составу своему была уже не та, как два года тому назад. Во время борьбы на Северном Кавказе в рядах большевистских войск стояло все то мутное, что вынесла на гребне своем революция, все те худшие элементы, которые разложили и развратили Русскую армию. Такому врагу не могло быть пощады. По мере развития нашей борьбы обе стороны вынуждены были прибегать к мобилизации, и в ряды красных войск попадали такие же воины, как те, которые сражались в наших рядах. Присутствие их на той или иной стороне большей частью зависело от случайных географических причин.

Этого не учел мой предшественник. Его односторонняя, непримиримая политика преследовала не только всех инакомыслящих, но и всех тех, кто случайно оказывался прикосновенным к любому делу, враждебному или просто недостаточно дружественному добровольческому. Преследованию подвергались не только те, кто так или иначе, вольно или невольно был прикосновенен к большевикам, но и к Украине, к Грузинской республике и пр. Неумная и жестокая политика вызывала ответную реакцию, отталкивала тех, кто готов был стать нашим союзником, и превращала искавших нашей дружбы во врагов. Мы несли с собой не мир и прощение, а жестокий карающий меч. Тысячи офицеров, видевших в нас своих избавителей, переходя к нам, попадали под политическое подозрение и томились под следствием. Такое же отношение было и к гражданскому населению во вновь занимаемых нами областях. Под подозрение попадали и преследованию подвергались и те, вся вина которых состояла в том, что они под угрозами вынуждены были предоставить перевозочные средства для подвоза провианта красным войскам, или те, кто, умирая с голода, служил писцом в потребительской лавке или телеграфной конторе.

Приказом от 29 апреля я освободил от всяких наказаний и ограничений по службе всех офицеров и солдат, если они сдались и перешли на нашу сторону, безразлично до сражения или во время боев, а равно и всех служивших ранее в советской армии и по добровольном прибытии в войска Вооруженных сил на Юге России, подвергшихся наказаниям или ограничениям по службе, восстановив их в правах и

преимуществах, выслуженных до 1 декабря 1917 года. Равным образом были освобождены от всякого наказания и ограничения по службе все офицеры и солдаты, ранее служившие в новых образованиях (Украина, Грузия) и подвергшиеся за это карам и ограничениям. Всем таким лицам возвращались их служебные преимущества.

Приказом от 8 июня все эти льготы распространены были на чинов гражданских управлений и учреждений. В 20-х числах мая я обратился с воззванием к офицерам Красной армии:

«Офицеры Красной армии!

Я, генерал Врангель, стал во главе остатков Русской армии — не красной, а русской, еще недавно могучей и страшной врагам, в рядах которой служили когда-то и многие из вас.

Русское офицерство искони верой и правдой служило Родине и беззаветно умирало за ее счастье. Оно жило одной дружной семьей. Три года тому назад, забыв долг, Русская армия открыла фронт врагу, и обезумевший народ стал жечь и грабить родную землю.

Ныне разоренная, опозоренная и окровавленная братской кровью лежит перед нами Мать-Россия...

Три ужасных года оставшиеся верными старым заветам офицеры шли тяжелым крестным путем, спасая честь и счастье Родины, оскверненной собственными сынами. Этих сынов, темных и безответных, вели вы, бывшие офицеры непобедимой Русской армии...

Что привело вас на этот позорный путь? Что заставило вас поднять руку на старых соратников и однополчан?

Я говорил с многими из вас, добровольно оставившими ряды Красной армии. Все они говорили, что смертельный ужас, голод и страх за близких толкнули их на службу красной нечисти. Мало сильных людей, способных на величие духа и на самоотречение... Многие говорили мне, что в глубине души сознали ужас своего падения, но тот же страх перед наказанием удерживал их от возвращения к нам.

Я хочу верить, что среди вас, красные офицеры, есть еще честные люди, что любовь к Родине еще не угасла в ваших сердцах.

Я зову вас идти к нам, чтобы вы смыли с себя пятно позора, чтобы вы стали вновь в ряды Русской, настоящей армии.

Я, генерал Врангель, ныне стоящий во главе ее, как старый офицер, отдавший Родине лучшие годы жизни, обещаю вам забвение прошлого и предоставляю возможность искупить ваш грех.

Правитель и Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России,
генерал *Врангель*».

Воззвание это было приказано широко распространить среди противника, направляя за фронт через наших агентов, сбрасывая с аэропланов и т. п.

Весьма озабочен был я и облегчением тяжелого положения служащих военного и гражданского ведомств. При беспрестанном вздорожании жизни их положение, особенно семейных, было невыносимо тяжело. Целым рядом приказов денежные отпуска были увеличены, были намечены отпуска для семей, главы которых оставались в безвестном отсутствии, остались при эвакуации Одессы и Новороссийска, попали в плен и т. п.

Вместе с тем производилось усиленное сокращение штатов, непомерно разросшихся, был принят ряд мер по улучшению налоговой системы, повышены акцизные, таможенные и другие пошлины.

Однако наш рубль продолжал стремительно падать. Маленькая территория Крыма, конечно, не могла кормить армию. Вывоза не было, потребление значительно превышало предложение. Начальник финансового управления Бернацкий справедливо полагал, что поднять ценность рубля может лишь внешний заем, однако в настоящих условиях на такой заем едва ли можно было рассчитывать. Тем не менее с целью выяснить все возможности М.В. Бернацкий 28 апреля выехал в Париж.

В связи с вздорожанием жизни становилось тяжелым положение и всего городского населения, в том числе и рабочих. Враждебные нам силы это, конечно, использовали, за последние дни среди рабочих в севастопольских портовых заводах стало заметно брожение, готовилась забастовка. Последняя поставила бы нас в самое тяжелое положение, на заводах велась лихорадочная работа по исправлению орудий, пулеметов, аэропланов, броневых машин, по заготовке авиационных бомб, шанцевого инструмента и т. п.

В Севастополе, кроме лейб-казачьего полка, других сил не было. Я решил лично переговорить с рабочими, вызвал выборных к себе и долго с ними беседовал. Я указал им, что еще 9 апреля советом начальников управлений при мне намечено рассмотреть вопрос о возможности прийти на помощь рабочим и что в настоящее время комиссией, рассматривающей этот вопрос, уже намечено повышение поденной платы чернорабочих до сравнения ее с соответствующей оплатой труда низших служащих в правительственных учреждениях, причем в дальнейшем плата будет повышаться в соответствии и одновременно с увеличением содержания низших служащих в тех же учреждениях. Устанавливаемая, таким образом, плата должна приниматься за основание при установлении оплаты труда квалифици-

рованных рабочих. Из свободных от назначения на фронт предметов обмундирования и продовольственных запасов рабочим будут выдаваться в счет заработной платы по интендантской цене, установленной для военнослужащих, предметы обмундирования с рассрочкой платежа на двенадцать месяцев и интендантский паек натурой, первоначально в половинном размере. В городах и пунктах пребывания рабочих было намечено открыть особые казенные потребительские лавки, сосредоточив в них из казенных запасов возможное количество продовольственных продуктов, мануфактуры и других предметов домашнего обихода, и снабжать ими рабочих по льготным ценам в размере до десяти процентов месячной заработной платы. В первую голову приказано было открыть две такие лавки в Севастополе. В заключение я, указав рабочим на тяжелое положение государственного казначейства и скудость имеющихся запасов, выразил уверенность, что они оценят то, что делает для них армия, делясь с ними последним, и со своей стороны помогут ей своей работой.

Рабочие ушли, видимо очень удовлетворенные. Забастовка не состоялась, и дальнейшие попытки к агитации успеха не имели.

* * *

Приказом моим от 27 апреля управление юстиции, входившее в состав гражданского управления, выделено было в самостоятельное ведомство. Во главе управления юстиции поставлен был сенатор Н.Н. Таганцев, оставшийся на этом посту во все время нашей борьбы в Крыму. Разумный, тактичный человек, он оказался на высоте положения.

Постепенно лицо новой власти открывалось, и население убеждалось, что это лицо страшно лишь для преступников и изменников. Доверие к власти росло. Ярким показателем этого явилось значительное увеличение, несмотря на постоянное вздорожание жизни, притоков вкладов в ссудосберегательные кассы.

20 мая опубликовано было воззвание к русским людям.

«ВОЗЗВАНИЕ

Слушайте, русские люди, за что мы боремся:

За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь.

За прекращение междоусобной брани.

За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы русский народ сам выбрал бы себе Хозяина.

Помогите мне, русские люди, спасти Родину.

Генерал *Врангель*».

Перед наступлением

С самых первых дней приезда в Крым я работал ежедневно десять—двенадцать часов, требуя такой же работы и от своих сотрудников.

Мой день начинался с семи часов утра; с восьми открывался прием начальника штаба, командующего флотом, начальника военного управления, представлявшихся лиц и просителей. Прием продолжался до часу дня, когда я обедал. С двух до пяти принимал доклады прочих начальников управлений, а с шести до восьми, до ужина, почти ежедневно назначал прием тем или другим прибывающим в Севастополь лицам, с которыми хотел побеседовать более подробно, начальникам союзнических миссий и т. д. В редкие дни, когда перед ужином находился свободный час, я с адъютантом делал прогулку по городу, осматривая лазареты, общежития. Вечером я или присутствовал на заседании совета начальников управлений, или прочитывал доклады, или отвечал на многочисленные письма. Ложился не ранее одиннадцати—двенадцати часов.

Первые несколько недель было особенно много посетителей. Многие обращались по самым незначительным вопросам, подчас с самыми вздорными просьбами. Дважды пришлось иметь беседу с психическими больными.

Однажды мне доложили, что в числе записавшихся на прием имеется инженер-механик флота, желающий доложить мне о сделанном им изобретении, могущем иметь большое значение в настоящих условиях войны. Изобретатель не считал возможным ознакомить со своим секретом кого-либо другого, кроме Главнокомандующего. Я принял его. Это был молодой еще человек, симпатичный, с болезненным лицом. Он, видимо, несколько волновался. Я предложил ему сесть, сказал, что слышал о его изобретении и желал бы знать, в чем оно заключается.

«Ваше превосходительство, я не позволил бы себе беспокоить вас, ежели бы не думал, что мое изобретение может быть вам полезно, особенно теперь, когда вам должно быть так трудно, кругом предательство и измена, ни на кого положиться нельзя. И вот тот простой

прибор, который я изобрел, может оказать вам огромную услугу. Прибор этот нечто вроде компаса. Вы можете незаметно закрепить его в вашем письменном столе. Вы ведете беседу с каким-либо лицом, и это лицо вам мало известно. Вы незаметно нажимаете кнопку прибора, и стрелка автоматически укажет вам на циферблате, кто именно перед вами — германofil или приверженец Антанты, большевик, кадет или монархист. У меня тут и чертежи прибора...» Он стал раскладывать свою папку...

Другой раз в числе представлявшихся принимал я заведующего одним из офицерских кооперативов, старичка, отставного полковника. Он весьма дельно и подробно доложил мне о своем деле. Я обещал помочь и, отпуская его, спросил, где раньше он служил.

— Последнее время в Петрограде я состоял воспитателем корпуса. — Он назвал один из корпусов. — Имел счастье лично показывать Наследнику Цесаревичу наш музей. — Он помолчал, затем, наклонившись к моему уху, таинственно прошептал: — А как Он вырос теперь, ваше превосходительство, я Его последний раз и не узнал совсем, выше меня ростом стал. Здоровый, веселый, да и Государь Император и Великие княжны, слава Богу, выглядели хорошо.

— Где и когда видели вы в последний раз Царскую Семью?

— Да как же, в прошлом году в Ростове. Иду по Садовой, смотрю, Государь в штатском, я Его едва узнал, поздоровался со мной, потом я у Них несколько раз бывал — видел и Государя, и Императрицу, и Царских Детей.

С трудом удалось перевести беседу на другой вопрос. Как только разговор коснулся другой темы, полковник вновь стал рассуждать вполне разумно.

Разбитые поляками 12-я, 15-я и 16-я советские армии продолжали отходить по всему фронту, почти не оказывая сопротивления. В течение нескольких недель поляки, при содействии украинских петлюровских формирований, очистили огромную территорию вплоть до Полоцка на Западной Двине, до верхнего течения Днепра, Киевский район и значительную часть Правобережной Украины. Все резервы красного командования бросались на Западный фронт для спасения катастрофического положения. Туда, главным образом, направлялась конница. С Кавказа переброшена была 1-я конная армия товарища Буденного, наиболее сильная конная часть красных армий. Даже с Крымского фронта была снята единственная кавалерийская дивизия, 8-я червонного казачества, брошенная на юго-западный участок Польского фронта. Железнодорожные пути на Юге России, после отхода наших армий, еще не были возобновлены, и переброска крас-

ных частей производилась медленно, походным порядком. Вместе с тем овладение нами выходами из Крыма показало, что остатки Русской Армии не потеряли свою боеспособность. Напряженная работа по возрождению армии и восстановлению порядка в Крыму не могла ускользнуть от внимания красного командования, и, несмотря на то что все усилия свои оно вынуждено было направлять на борьбу с поляками, оно не могло оставить без внимания и угрозу со стороны Крыма. Еще в апреле в резерв 13-й армии прибыла из Екатеринославского района 52-я стрелковая дивизия, занявшая в конце апреля боевой участок к западу от Перекопа. На участок севернее Сиваша прибыла 124-я бригада 42-й стрелковой дивизии. Две другие бригады этой дивизии были временно задержаны для подавления движения повстанцев под начальством батьки Махно, еще недавно сражавшегося против наших войск, теперь ведущего беспощадную борьбу с большевиками.

В конце апреля в 13-ю армию переброшена была с Сибирского фронта из бывшей 3-й советской армии 85-я бригада 29-й стрелковой дивизии. Благодаря прибывшим частям и влитым пополнениям к маю месяцу в боевом составе 13-й советской армии числилось вновь до 12 000 штыков и 8000 сабель.

Во главе 13-й армии поставлен был подполковник Генерального штаба латыш Паука. По всему фронту армии большевики производили усиленные фортификационные работы. Укрепленные позиции усиливались большим количеством артиллерии. Поступали сведения о налаживании большевиками ближайшего тыла 13-й армии и упорядочении железнодорожного сообщения в прифронтовой полосе.

Русская Армия к маю месяцу уже представляла серьезную силу. Численность бойцов на фронте, в запасных и тыловых частях достигла 40 000 человек. Все боеспособное было влито в строй. Материальная часть приведена в порядок. Мы располагали десятью танками, двадцатью аэропланами, правда весьма несовременными, самого разнообразного типа. Работы по укреплению позиций на всем фронте значительно подвинулись. Войска успели отдохнуть и оправиться. Во всех частях велись усиленные строевые занятия.

Общая стратегическая обстановка начинала складываться для нас благоприятно. Мы не только могли быть временно спокойны за участь Крыма, но могли вновь помериться с врагом.

Тяжелое экономическое положение не позволяло далее оставаться в Крыму. Выход в богатые южные уезды Северной Таврии представлялся жизненно необходимым. Наши успехи должны были отразиться благоприятно и на нашем политическом положении.

В начале мая был окончательно разработан план летней кампании. Он сводился к следующему:

1. Выдвижение Русской Армии на линию Бердянск—Пологи—Александровск и Днепр.

2. Операции по овладению Таманским полуостровом, с целью создать на Кубани новый очаг борьбы.

3. Выдвижение на линию Ростов—Таганрог—Донецкий каменно-угольный район—станция Гришино—станция Синельниково.

4. Очищение от красных Дона и Кубани (казаки должны были дать живую силу для продолжения борьбы).

5. Бесперывные укрепления Крымских перешейков (доведение укреплений до крепостного типа).

6. Создание в Крыму базы для Вооруженных сил Юга России.

30 апреля была объявлена обязательная поставка четырех тысяч лошадей за установленную плату, для чего Крым делился на пять районов, соответственно его уездам. Прием производился особыми ремонтными комиссиями по одной на каждый район. Поставленными лошадьми удалось запрячь артиллерию и часть обозов и посадить на коней один кавалерийский полк в четыреста коней.

15 мая была объявлена мобилизация родившихся в 1900—1901 годах.

Боевые награды во все времена и у всех народов являлись одним из стимулов, побуждающих воинов к подвигам. Нельзя было отрицать значения боевых наград и в той борьбе, которая велась во имя идеи, в основу которой легли высшие человеческие побуждения. В армиях адмирала Колчака, генерала Деникина, генерала Юденича подвиги отмечались боевыми наградами. Солдаты, а в некоторых из этих армий и офицеры награждались боевыми орденами, а в армиях адмирала Колчака даже орденом Святого Георгия. За боевые отличия офицеры производились в старшие чины. В армиях генерала Деникина боевые подвиги награждались исключительно чинами. При бесперывных боях многие получали в течение двух лет несколько чинов, и в штаб-офицеры и даже в генералы попадали совсем юноши. Являясь по своему чину кандидатами на высшие должности командиров частей и высших соединений, они не обладали ни достаточной зрелостью, ни должным опытом. Необходимо было, кроме чинов, ввести в армии другой вид боевых отличий. Награждение подвигов, совершенных в междоусобной брани, общероссийскими орденами, коими доселе награждались подвиги в борьбе с внешним врагом, представлялось едва ли уместным.

Приказом от 30 апреля мною был учрежден орден во имя Святителя Николая Чудотворца в виде черного металлического креста с изоб-

ражением Святителя Николая и надписью «Верую спасется Россия» на трехцветной национальной ленте.

Определение подвигов и лиц, достойных награждения орденом Святого Николая Чудотворца, возлагалось на орденскую следственную комиссию и на кавалерскую думу ордена.

В предвидении возобновления военных операций и придавая в связи с этим исключительное значение вопросам железнодорожных перебросок и правильному обслуживанию войск железнодорожной сетью, я объединил все железнодорожное дело в руках начальника военных сообщений, каковая мера впоследствии оказалась весьма удачной.

Одновременно с мероприятиями военного характера был проведен ряд мер по гражданскому управлению.

11 мая объявлено было «Временное положение о начальниках гражданской части при командирах корпусов». Это положение обеспечивало впредь во вновь освобожденных местностях правильную организацию гражданского аппарата тотчас по занятии местности нашими войсками, и ставился предел самовольным полномочным распоряжениям войсковых начальников, действовавших вразброд каждый по собственному усмотрению при полном неведении дела. Отныне гражданское управление во вновь освобожденных местностях вверялось командирам корпусов через состоящих при них начальниках гражданской части, с правами губернатора. Начальник гражданской части, подчиненный, в порядке управления своего района, непосредственно командиру корпуса, должен был получать общие руководящие указания от начальника гражданского управления. Он объединял деятельность начальников уездов в пределах корпусных районов с подчиненными им чинами сельской и городской стражи, начальников участков и волостных надзирателей и формировал через начальников уезда во вновь занятых городах и селениях городскую и сельскую стражу. При начальнике гражданской части состояли уполномоченные управлений финансов, юстиции, снабжения и отдела земледелия, исполнявшие его задания в пределах своего ведомства, на основании руководящих указаний, получаемых от начальников подлежащих управлений. Это мероприятие оказалось весьма удачным и в дальнейшем в полной мере оправдало себя.

Существенным образом реорганизовано было сыскное дело. Уголовный розыск был отделен от государственно-политического и получил возможность заняться прямым своим делом — борьбой с уголовной преступностью. За преступления уголовные и государственные в настоящих условиях виновные могли быть подвержены или высшей мере

наказания — смертной казни, или заключению в тюрьме. Другие меры наказания не могли быть применены. Число тюрем было весьма ограничено и не могло вместить всех осужденных. Осужденные преступники продолжали оставаться в домах предварительного заключения, переполняя их до крайности, требуя значительной охраны и поглощая большие средства. Отбросы общества жили тунеядцами за счет страны, в то время как вся страна терпела неопишуемые лишения, ведя борьбу за Родину.

Приказом моим от 11 мая была установлена мера административного характера — высылка в Советскую Россию лиц, избалованных в явном сочувствии большевизму, в непомерной личной наживе на почве тяжелого экономического положения края и пр. Приказ этот был выработан военным и морским судным отделом. Право высылки предоставлено было губернаторам и комендантам крепостей, причем требовалось обязательное производство дознания и заключение по последнему прокурорского надзора.

Весьма досадовал я на поднятый в печати шум вокруг вопроса о возвращении в Крым русских беженцев новороссийской и одесской эвакуации. Некоторые из них попали за границы в весьма тяжелые условия. Особенно тяжело было положение на пустынном острове Лемнос, где среди детей была большая смертность. Оттуда писались отчаянные письма, вызывая справедливую тревогу близких.

Русские люди склонны быстро переходить от отчаяния к радужным надеждам. Те, кто недавно еще видел в Крыму могилу, ныне считал его неприступной крепостью. Ежедневно сыпалось бесконечное число ходатайств и петиций о возвращении тех или других лиц в Крым. Столбцы газет пестрели статьями под заглавиями: «Верните нам наши семьи», «Вернуть их обратно» и т. д.

Отлично понимая, что офицер или чиновник не может спокойно нести службу, постоянно болея душой за близких ему лиц, я, в то же время отдавая себе отчет в том, что положение наше не может почтаться обеспеченным, и учитывая, что с приездом новых партий беженцев в Крым тяжелое положение страны еще усилится, всячески оттягивал разрешение этого вопроса.

Жизнь в тылу постепенно налаживалась, стали прибывать иностранные товары, открывались магазины, театры, кинематографы. Севастополь подчистился и подтянулся. Воинские чины на улицах были одеты опрятно, тщательно отдавали честь.

В начале мая как в Севастополе, так и в других городах появились случаи холеры. В середине месяца число заболеваний увеличилось, и в Севастополе достигало двадцати—двадцати пяти случаев в

день. Я приказал во всех частях армии, в военных и гражданских управлениях и учреждениях, а затем и в городских участках произвести холерные прививки. Начальник санитарной части доктор Лукашевич решительно взялся за дело, и эпидемия не получила широкого распространения.

В конце апреля я дал несколько обедов представителям иностранных миссий — английской, французской, американской, японской, сербской и польской — и принял приглашения на обеды английской, французской и японской миссий. С представителями всех миссий без исключения установились наилучшие отношения. В разговорах с ними я неизменно подчеркивал значение нашей борьбы не только для самой России, но и для всей Европы, указывал, что угроза мирового большевизма не изжита, что, доколе в Москве будут сидеть представители интернационала, ставящие себе задачей зажечь мировой пожар, спокойствия в Европе быть не может. Не может быть и экономического равновесия, пока с мирового рынка будет выброшена шестая часть света.

На изменение политики Великобритании рассчитывать не приходилось, мы могли искать поддержки лишь в правительстве Франции и, может быть, Америки. С целью получения поддержки этих стран я предпринимал шаги и в Севастополе, и в Париже.

29 апреля (12 мая) военный представитель в Константинополе генерал Лукомский писал по моему поручению нашему дипломатическому представителю А.А. Нератову: «Главкомандующий полагает, что нам надлежит всемерно использовать отмечаемое за последнее время благоприятное отношение к нам американцев. Главкомандующий рассчитывает как на дипломатическую, так в будущем и на финансовую поддержку С.-А. Соединенных Штатов. Сообщая Вам об изложенном, я полагал бы весьма желательным, чтобы Вы сообщили о вышеприведенном мнении нашему послу в Париже».

Принимая все меры для обеспечения дальнейшей борьбы, я ни один день не забывал о необходимости обеспечить возможность эвакуации армии и населения на случай неудачи.

Решив в ближайшее время перейти в наступление, я хотел заблаговременно принять меры против несомненных попыток англичан нам в этом помешать и одновременно, в случае успеха, использовать его с целью получения дальнейшей поддержки Франции. Я просил П.Б. Струве проехать в Париж.

2 мая прибыл в Севастополь командующий английским оккупационным корпусом генерал Мильн. Он посетил меня. Его посещение, по его словам, имело специальной целью ознакомиться с той громадной

работой по реорганизации армии и устройства тыла в Крыму, о коей он был осведомлен через своих агентов. Личные впечатления его в Севастополе, как он говорил, это полностью подтвердили.

Он просил меня указать, не испытываю ли я нужду в каких-либо предметах боевого снаряжения, и выразил полную готовность сделать все от него зависящее для ее удовлетворения. Я благодарил за предложение и сказал, что в настоящую минуту особенно нуждаюсь в бензине для боевых машин и рельсах для проведения ветки к Бешуйским копям, разработка коих облегчит острую нужду в угле. Генерал Мильн отдал тут же распоряжение об отпуске бензина из Батума и предложил воспользоваться для получения рельс старым русским имуществом, оставшимся в Трапезунде. На замечание мое, что в Трапезунде могут встретиться затруднения со стороны турок, генерал Мильн предложил послать с нашим транспортом английский броненосец для прикрытия погрузки.

В дальнейшей беседе я вскользь упомянул о тяжелом экономическом положении Крыма. Великобританское правительство, взяв на себя инициативу переговоров с большевиками, до сего времени никаких существенных результатов не достигло. Дальнейшее пребывание в Крыму грозит армии и населению голодом. При этих условиях я не вижу другой возможности, как попытаться расширить занятую нами территорию. Генерал Мильн, видимо, весьма заинтересовался моими словами и пытался выяснить мои дальнейшие намерения, однако я от продолжения разговора уклонился.

В то время как англичане продолжали искать сближения с советским правительством и настаивать на прекращении нашей борьбы, французское правительство, неизменно поддерживая Польшу, стояло на противоположной точке зрения. В разговоре со мной, Струве и князем Трубецким генерал Манжен неоднократно выдвигал вопрос о возможности согласования наших действий с действиями польско-украинских войск.

20 мая прибыл Александр Васильевич Кривошеин. Я не ошибся в нем. Он оставил семью, прочно материально обеспеченную службу, удобную и спокойную жизнь в Париже и, не колеблясь, прибыл туда, куда его звал долг. Правда, он заявил мне, что не предполагает окончательно оставаться в Крыму, что хочет осмотреться, разобраться в положении и готов помочь мне советом, после чего намерен вернуться к семье. Однако, зная его, я не сомневался, что работа его захватит и что он, войдя в нее, от нее не отойдет.

В последних переговорах генерал Перси проявил исключительное благородство. А.В. Кривошеин, перед отъездом своим из Парижа,

имел ряд беседований с представителями французского правительства. С некоторыми из них он был связан старыми дружескими отношениями. Результатом этих переговоров был обмен письмами между А.В. Кривошеиным и товарищем министра иностранных дел М. Палеологом. Имел А.В. Кривошеин и ряд беседований с русскими общественными и политическими деятелями: старшиной русского дипломатического представительства М.Н. Гирсом⁶⁴, В.А. Маклаковым, назначенным при Временном правительстве послом в Париже, князем Львовым, А.И. Гучковым, бароном Нольде, П.Н. Милюковым, Аджемовым и др. За исключением Гучкова, все горячо отговаривали Александра Васильевича связывать себя с безнадежным делом в Крыму.

Милюковым и его партийными товарищами выдвигалась мысль, что ввиду ничтожности того клочка русской земли, где ведется ныне борьба, глава русских белых сил не может говорить от имени национальной России. Он должен быть лишь главою белых войск; представительство русского национального дела за границей должен взять на себя орган из общественно-политических деятелей, причем этот орган, естественно, должен находиться в Париже, центре европейской политики.

При этих условиях согласие Кривошеина стать моим помощником, естественно, ослабляло их позицию. Авторитет Кривошеина в иностранных кругах был значителен. Его личное участие в нашем деле должно было в глазах иностранцев подчеркнуть значение этого дела. А это не было на руку тем, кто только себя считал «солью земли русской». «Вы единственный государственный деятель, авторитет которого признается всеми без различия партиями, ваша работа необходима для будущей России; связав себя с безнадежным делом генерала Врангеля, граничащим с авантюрой, вы навеки будете потеряны для России...» — убеждал А.В. Кривошеина Милюков.

Александр Васильевич перед своим отъездом повидал в Париже массу людей, почти все считали нашу борьбу окончательно проигранной, не верили в возможность ее продолжения, готовы были считать всю предшествовавшую борьбу бесцельной. Умудренный жизненным опытом, знающий сердца людей, Кривошеин понимал, что после первых успехов все малодушные вновь пойдут за армией. Учитывал он в полной мере и то значение, которое мог бы иметь наш хотя бы кратковременный успех на отношении к нам иностранных правительств, и в частности Франции. В то же время, ознакомленный мною во всех подробностях с нашим военным положением и готовившейся наступательной операцией, ожидая от нее в случае успеха многого, Алек-

сандр Васильевич, видимо, боялся верить в этот успех, опасался неудачи и предостерегал меня от опасности риска.

Начало наступления было назначено на 25 мая. 21-го я выезжал в Феодосию, где должен был грузиться назначенный в десант корпус генерала Слащева.

Учитывая то исключительное значение, которое предавалось земельному вопросу и войсками и населением, я считал необходимым обнаружение закона о земле одновременно с переходом войск в наступление. Александр Васильевич эти соображения разделял и, ознакомившись с проектом закона, не возражал против него и по существу, указывая, однако, на много погрешностей в изложении и настаивая, как я упоминал выше, на опубликовании его в форме приказа.

Он сам составил и сопровождавшее приказ правительственное сообщение.

21 мая английские войска праздновали день рождения своего Короля. Генерал Перси просил меня принять парад английских моряков и морской пехоты. Парад происходил на Историческом бульваре. Отлично, щеголевато одетые, рослые, здоровые люди производили прекрасное впечатление. После парада я выехал в Феодосию.

Два месяца тому назад я прибыл в Крым. Волна красной нечисти готова была захлестнуть последнюю пядь русской земли, где, прижатые к морю, ждали ежечасно конца десятки тысяч русских людей. Два года боровшиеся за счастье родины остатки армии раздирались внутренними распрями, утратили веру в своих вождей, потеряли воинский облик. Объятые ужасом, оборванные и голодные, молили о помощи толпы обывателей — стариков, женщин и детей. Смерть протягивала над ними свою костлявую руку.

Прошло два месяца, и вновь сплотились вокруг родного знамени русские воины, вновь гордо взвился из праха трехцветный флаг, ошестинились стальной щетиной полки, грудью своей прикрыли родную землю, готовые возобновить борьбу за ее свободу. Под их защитой вздохнуло население, отчаяние сменилось надеждой, горячая любовь к родине охватила сердца. И вместо костлявого призрака смерти встал лучезарный образ победы.

Вперед

К 25 мая перед фронтом Русской Армии стояли следующие части противника: Латышская, 3-я, 46-я, 52-я стрелковые дивизии, 85-я бригада 29-й стрелковой дивизии, 124-я бригада 42-й стрелковой дивизии,

2-я кавалерийская дивизия имени Блинова (прибывшая с Кубани из бывшего корпуса Думенко перед самым нашим наступлением и предназначенная на Польский фронт), запасная кавалерийская бригада Федотова из частей управления формирований 1-й конной армии Буденного и отдельные мелкие отряды (полковника Льва Каменева, особый отряд крымского ревкома, карательный отряд, караульный батальон и т. д.). Общая численность противника составляла 15—16 тысяч штыков, 3—4 тысячи сабель. За последнее время имелся ряд сведений о том, что красное командование готовится в ближайшие дни перейти против нас в решительное наступление.

Наша армия численно несколько превосходила противника. Дух войск был превосходен. Войска сведены были в четыре корпуса:

1-й армейский корпус генерала Кутепова — Корниловская, Марковская и Дроздовская дивизии и 1-я кавалерийская и 2-я конная (наполовину регулярная, наполовину из донцов) дивизии;

2-й армейский корпус генерала Слащева — 13-я и 34-я пехотные дивизии и Терско-Астраханская казачья бригада;

Сводный корпус генерала Писарева — Кубанская дивизия и 3-я конная дивизия (туземцы и астраханцы);

Донской корпус генерала Абрамова — 2-я и 3-я Донские дивизии и гвардейская Донская бригада.

Боевой состав армии 25 000 штыков и сабель ($1\frac{1}{5}$ — $1\frac{1}{6}$ общей численности армии, считая и флот).

Произведенная конская мобилизация дала возможность посадить на коней один полк 1-й конной дивизии (около 400 шашек). На конях были входившие в состав 1-го армейского корпуса 2-я конная дивизия генерала Морозова (около 2000 шашек) и Терско-Астраханская бригада 2-го корпуса. В Сводном и Донском корпусах имелось лишь по конному дивизиону (150—200 шашек). Остальная конница действовала в пешем строю.

Директивой моей от 21 мая войскам ставились задачи: генералу Слащеву, после смены его частей на Сальковском направлении войсками генерала Писарева и погрузки в Феодосии, высадиться в районе Кирилловка—Горелое, прервать линию железной дороги Сальково—Мелитополь и в дальнейшем, совместно с частями генерала Писарева, действовать в тыл Перекопской группе красных; генералу Писареву и генералу Кутепову атаковать противника на рассвете 25 мая, разбить и отбросить за Днепр; генералу Абрамову с Донским корпусом оставаться в моем резерве в районе станции Джанкой. Часть флота вошла в Днепровский лиман для обеспечения левого фланга операции.

Время начала операции и место высадки десанта сохранены были в полной тайне. Штабом намеренно распространялись слухи о готовящемся десанте в районе Новороссийска и Одессы. Директива генералу Слащеву должна была быть вскрыта им лишь по выходе десантного отряда в море.

20 мая было мною подписано обращение к народу:

«ПРИКАЗ

Правителя и Главнокомандующего Вооруженными Силами
на Юге России

№ 3226

Севастополь. 20 мая 1920 года

Русская армия идет освобождать от красной нечисти родную землю. Я призываю на помощь мне русский народ.

Мною подписан закон о волостном земстве, и восстанавливаются земские учреждения в занимаемых армией областях.

Земля казенная и частновладельческая сельскохозяйственного пользования распоряжением самих волостных земств будет передаваться обрабатывающим ее хозяевам.

Призываю к защите Родины и мирному труду русских людей и обещаю прощение заблудшим, которые вернутся к нам.

Народу — земля и воля в устройении государства.

Земле — волею народа поставленный Хозяин.

Да благословит нас Бог.

Генерал Врангель».

Обращение это было обнаружено 25 мая. К этому же времени должен был быть отпечатан земельный приказ.

22-го утром прибыл я в Феодосию, где застал корпус генерала Слащева уже оканчивающим погрузку. Войска имели отличный вид. Сам генерал Слащев был настроен весьма бодро и уверенно. Я провел в Феодосии всего два-три часа. Обошел пароходы, нагруженные войсками, говорил с офицерами и солдатами и, отдав последние распоряжения, выехал обратно в Севастополь.

По дороге на станции Колай смотрел расположенные здесь части нашей спешенной конницы. Созданию мощной конницы я по-прежнему придавал исключительное значение, решив, по посадке полков на коней, свести конницу в крупные соединения; наметил сформирова-

ние в дальнейшем казачьего и регулярного конных корпусов, создание запасных и учебных кавалерийских частей, отдела ремонта. Работа по созданию, подготовке и обучению конницы была возложена на особую инспекцию, во главе которой стоял генерал-инспектор конницы, на какую должность я назначил генерала Юзефовича (заведывание работами по укреплению Перекопа и постройке подъездного пути Джанкой—Юшунь были переданы генералом Юзефовичем генерал-лейтенанту Макееву⁶⁵), прекрасного организатора, близко знающего по своей предыдущей службе личный состав конницы.

23-го утром я вернулся в Севастополь, с тем чтобы в тот же день вечером выехать в Джанкой. А.В. Кривошеин успел в общих чертах ознакомиться с положением. Он беседовал с начальниками отдельных управлений, присутствовал на заседании совета и был поражен бедностью сил.

Впредь до изменения нашего положения было невозможно рассчитывать на привлечение свежих людей. Никто не решился бы приобщиться к «крымской авантюре». Достаточно подготовленных людей на местах также трудно было найти. Александр Васильевич это понимал, однако считал настоятельно необходимым заменить и. д. начальника гражданского управления Перлика. После долгих поисков Александр Васильевич остановился на С.Д. Тверском⁶⁶, бывшем воронежском губернаторе, а затем помощнике моем по гражданской части в бытность мою командующим Добровольческой армией осенью 1919 года. С.Д. Тверской после эвакуации Новороссийска попал в Сербию и, как только стало известно об уходе генерала Деникина и вступлении моем в главное командование, по собственному почину выехал в Крым. В связи с намеченной земельной реформой вопросы землеустройства решено было выделить в особое управление, во главе которого Александр Васильевич наметил поставить сенатора Г.В. Глинку. Наконец, должность государственного контролера решено было предложить Н.В. Савичу, которого и А.В. Кривошеин и я высоко ценили.

Дабы объединить действия наших военных агентур, связь с которыми из Севастополя была крайне затруднительна, было намечено всех военных агентов на Балканах подчинить военному представителю в Константинополе генералу Лукомскому; военных агентов прочих государств Западной Европы — военному представителю в Париже. Занимавший эту должность генерал Щербачев сильно постарел. А.В. Кривошеин горячо рекомендовал заменить его генералом Миллером, бывшим Главнокомандующим Северной армией. Я знал генерала Миллера лишь по репутации и охотно согласился на это назначение, в дальнейшем оказавшееся весьма удачным.

С началом боевых операций мое присутствие на фронте представлялось необходимым. Руководить непосредственно войсками и выполнять одновременно огромную работу по государственному управлению мне представлялось непосильным, и я горячо просил А.В. Кривошеина помочь мне, приняв должность моего помощника. Однако Александр Васильевич все еще не мог решиться. После долгих моих настояний он согласился на время моего отсутствия принять на себя исполнение должности председателя совета, однако лишь в порядке временного поручения, каковое и было возложено на него мною особым официальным письмом.

23-го вечером я с полевым штабом выехал в Джанкой.

24-го вечером получено было радио об удачной высадке войск генерала Слащева у Кирилловки. Высадка совершена была в чрезвычайно тяжелых условиях, при сильном шторме. На рассвете 25-го армия перешла на всем фронте в наступление. После короткой артиллерийской подготовки части генерала Писарева, поддержанные танками и бронепоездами, атаковали красных, в то время как десант генерала Слащева, овладев деревнями Ефремовской и Давыдовкой, подходил передовыми частями к линии железной дороги. Атакованные с фронта и угрожаемые с тыла, красные бежали, почти не оказывая сопротивления. Город Геническ, станция Ново-Алексеевка и деревня Ново-Михайловка были заняты частями Сводного корпуса. Наши бронепоезда были двинуты на станцию Рыково. Красные отходили на Рождественское. Здесь нами взято было несколько сот пленных и два орудия. Одновременно корпус генерала Кутепова атаковал на Перекопском участке главные силы 13-й советской армии. Танки и броневики двигались впереди наших цепей, уничтожая проволочные заграждения. Красные оказывали отчаянное сопротивление. Особенно упорно дрались латышские части. Красные артиллеристы, установив орудия между домами в деревнях Преображенка и Первоконстантиновка, в упор расстреливали танки. Несколько танков было разбито, однако наша пехота с помощью их овладела всей укрепленной позицией. Марковская и Корниловская дивизии выдвинулись на линию: Первоконстантиновка—Спендиарово (марковцы) и Преображенка—Адамань (корниловцы). 2-я конная дивизия генерала Морозова брошена была для преследования красных. Дроздовская и 1-я конная дивизии оставались в резерве командира корпуса.

Оправившись после первого удара, красные, стянув против Марковской дивизии до двух дивизий пехоты и бригаду конницы, перешли в наступление и оттеснили марковцев от деревни Первоконстантиновки. На поддержку отходившим марковцам была двинута

Дроздовская дивизия. Одновременно 2-я конная дивизия, выдвинувшись до Чаплинки, отбивала атаки пехоты и конницы противника, пытавшихся охватить марковцев с северо-запада. С помощью Дроздовской дивизии Первоконстантиновка вновь была занята нами, но подоспевшими резервами красных марковцы и дроздовцы были вновь оттеснены. К ночи Первоконстантиновка осталась за красными. За день нами захвачено было пятнадцать орудий, три броневика, пленные и пулеметы.

В пять часов вечера я выехал поездом в Ново-Алексеевку, несколько часов тому назад занятую кубанцами. Перед фронтом войск я награжден орденом Святого Николая поручика Любич-Ярмоловича, который, находясь на головном танке, прорвал проволочные заграждения и лично захватил одно орудие. Поручик Любич-Ярмолович был первым кавалером ордена Святого Николая. К вечеру я вернулся в Джанкой.

26 мая ожесточенные бои продолжались. Части генерала Слащева к вечеру вышли с боем на железную дорогу между станциями Большой Утлюг—Акимовка, захватив до 1000 пленных различных частей из состава мелитопольского гарнизона. Наши бронепоезда выдвинулись к станции Сокологорное, где подбили бронепоезд красных. Сводный корпус генерала Писарева продолжал наступление: Кубанская дивизия на линию станция Юрицыно—село Рождественское, 3-я — на линию Отрада—Ново-Троицкое. Противник, в свою очередь, атаковал своей конницей (дивизия Блинова до 2500 всадников, только что прибывшая с Кавказа), охватывая фланг Сводного корпуса. Деревня Ново-Михайловка была временно захвачена красными, однако к вечеру положение на этом участке было восстановлено. Дроздовская дивизия после горячего боя окончательно заняла Первоконстантиновку. Красные под прикрытием артиллерии отходили на Владимировку. Их преследовали дроздовцы с запада и 2-я конная дивизия генерала Морозова с севера.

Около 12 часов дня Владимировка была захвачена дроздовцами. На участки между Владимировкой и Строгановкой красные были достигнуты и прижаты к Сивашу. После короткого боя, атакованные нашей воздушной эскадрилей, красные бросились врассыпную, часть пыталась спастись вплавь через Сиваш и тонула, расстреливаемая нашими батареями. Переплывшие на южный берег Сиваша отдельные люди задерживались нашими сторожевыми постами. Большая часть положила оружие. Здесь захвачено было 1500 пленных, пять орудий и три броневика. У Спендиарова марковцы и корниловцы отбили в течение дня все атаки противника.

За двухдневный бой 1-м корпусом взято было 3500 пленных, 25 орудий, 6 броневиков. Потери в частях корпуса были весьма значительны, особенно в командном составе. В 1-м дроздовском полку были из строя все батальонные и ротные командиры.

В ночь на 27 мая красная дивизия Блинова, использовав растянутое расположение 3-й конной дивизии, ночным налетом заняла деревню Отраду и прорвалась в Ново-Михайловку, где захватила весь штаб 3-й конной дивизии во главе с начальником дивизии генералом Ревизиным⁶⁷.

27-го утром мною отдана была директива: генералу Слащеву овладеть районом Мелитополь—Екатериновка—Акимовка, в дальнейшем направить конницу на северо-запад в тыл красным, отходящим от Сиваша; генералу Писареву, усиленному 2-й Донской казачьей дивизией, уничтожить Рождественско-Петровскую группу красных и овладеть Колгой, Ивановкой, Серогозами; генералу Кутепову овладеть Каховкой и Алешками; Донскому корпусу генерала Абрамова, без 2-й Донской казачьей дивизии, оставаться в моем резерве в районе Ново-Алексеевки.

К вечеру части генерала Слащева заняли Мелитополь. Части сводного корпуса медленно продвигались вперед. Части 1-го армейского корпуса вышли на линию Аскания-Нова—Чаплинка—Колончак и продолжали преследование красных. В Чаплинке захвачены были оставленные красными баллоны с удушливыми газами, лаборатория для добычи газов и батарея.

Конница генерала Морозова, после разгрома красных под Строгановкой, 26 мая была спешно переброшена на Чаплинку. К вечеру 27 мая генерал Морозов достиг хутора Бальтазаровского.

28 мая генерал Слащев овладел станцией Мелитополь и продолжал удерживать город, несмотря на яростные атаки красных, подвезших из Александровска свежие резервы. Сводный корпус вел бой с кавалерией «товарища» Блинова к юго-востоку от села Рождественского.

Между тем перекопская группа красных, отходя главными силами на Каховку, получила новое подкрепление. 15-я стрелковая дивизия, направлявшаяся с Дона походным порядком на Польский фронт, была красным командованием повернута с похода и двинута на поддержку разбитых частей 13-й советской армии. 28 мая 15-я стрелковая дивизия, в составе трех бригад пехоты и бригады конницы, общей численностью до 4500 штыков и 800 сабель, подошла в район Черной Долины.

Части 1-го армейского корпуса занимали следующее расположение: Дроздовская дивизия в районе Марьяновка—Самойловка (северо-за-

паднее Аскания-Нова); Корниловская — на линии Черная Долина—Черненко; 2-я конная дивизия генерала Морозова в центре боевого расположения к югу от Натальина; марковцы в корпусном резерве южнее Чаплинки; 1-я конная дивизия (пешая) на участке Большие Копани—Чолбасы.

15-я стрелковая дивизия, поддержанная Латышской и 52-й, обрушилась на части генерала Морозова. Наша конница стала отходить на юг. Дроздовцы и корниловцы отбили все атаки противника. К вечеру наши части заняли в отношении главных сил красных, втянувшихся между дроздовцами и корниловцами, выгодное охватывающее положение.

29 мая генерал Слащев, несмотря на яростные атаки с севера и востока, продолжал удерживать Мелитополь. К вечеру его конница заняла Елизаветовку, а бригада 34-й дивизии — Койлы-Елга. В Сводном корпусе на рассвете 29-го кубанцы были атакованы бригадой 2-й красной кавалерийской дивизии и поспешно отошли к Ново-Алексеевке, при отходе потеряв батарею. Контратакой частей Сводного корпуса красные были отброшены на север. К вечеру, развивая успех, кубанцы заняли хутор Адама, донцы — Рождественское. Наскоро сколоченные казачьи части корпуса в непривычной обстановке пехотного боя дрались плохо.

Используя выгодное положение, генерал Кутепов подтянул Марковскую дивизию к Чаплинке и четыре полка 1-й конной дивизии к Черненке, с утра 29 мая перешел всеми частями в наступление. Красные не выдержали концентрического удара и стали поспешно отходить. До темноты генерал Кутепов продолжал теснить противника, к вечеру подойдя на десять верст к Каховке. Левофланговая группа 1-го корпуса подошла к Алешкам.

30 мая упорные бои в районе Мелитополя продолжались. Части генерала Слащева удерживали свои позиции. В этот день Сводный корпус занял Петровское (кубанцы) и Отраду (3-я конная дивизия). Части 1-го корпуса вышли на линию Днепра на всем фронте от Каховки до устья. Корниловская и 2-я конная дивизии стремительной атакой захватили Каховку, где взяли 1500 пленных. Обозы и часть пехоты красных успели отойти за Днепр, взорвав мосты. Конница красных с частью обозов отходила левым берегом Днепра на северо-восток. Конница генерала Морозова настигла эту группу (до 1000 сабель) у деревни Любимовки, жестоко потрепала и продолжала гнать на восток. С 25-го по 30 мая 13-я советская армия потеряла до 8000 пленных, около 30 орудий, два бронепоезда, массу пулеметов и огромные склады боевых припасов.

30 мая я отдал директиву, приказав войскам настойчивым преследованием довершить разгром врага: генералу Слащеву приказано было продолжать удерживать район Мелитополя, где красные, подводя свежие резервы, продолжали свои атаки; генералу Абрамову, объединив командование Донским и Сводным корпусами, преследовать красных в направлении Колга—Серогозы; генералу Кутепову, удерживая линию Днепра от Каир Западных (23 версты на северо-восток от Каховки) до устья, бросить Дроздовскую и 2-ю конную дивизии на северо-восток, с тем чтобы в кратчайший срок выйти в район Рубановки (52 версты на северо-восток от Каховки и 84 версты к западу от Мелитополя).

В четыре часа дня я выехал в Севастополь. За последние дни на западном красном фронте обстановка изменилась. В то время как наша армия атаковала противника, большевики, в свою очередь, перешли в наступление против поляков.

27 мая красные войска захватили Белую Церковь, прорвав Польский фронт. 30 мая красные заняли Фастов и одновременно форсировали Днепр в 60 верстах к северу от Киева и перерезали железную дорогу Киев—Коростень. 31 мая Киев был оставлен польскими войсками. Большевики усиленно раздували свои новые успехи против поляков и всячески замалчивали свое поражение на юге. В Англию прибыл представитель советского правительства Красин. Переговоры его с Ллойд Джорджем, по-видимому, встретили благоприятную почву. Политика англичан стала нам резко враждебной.

24 мая (6 июня) Нератов телеграфировал, что адмирал де-Робек передал ему о полученном им из Лондона приказе задерживать в настоящее время военные грузы, назначенные для Крыма и отправляемые под английским флагом, даже и на русских судах. Грузы, идущие под иными флагами, его не будут касаться. «Это распоряжение, — телеграфировал Нератов, — видимо, является средством давления на нас». Распоряжение английского правительства ставило нас в тягчайшее положение. Лишение нас возможности получать военные грузы неминуемо свело бы все наши успехи на нет.

Я пригласил генерала Перси и имел с ним продолжительный разговор, краткое содержание коего князь Трубецкой 31 мая (13 июня) сообщил Струве в Париж и Нератову в Константинополь. Через несколько дней, 16 июня, Маклаков телеграфировал: «...Вопрос снабжения решен благоприятно, непосредственная ближайшая опасность временно устранилась». Хотя в дальнейшем англичане и продолжали чинить нам различные препятствия, но путем личных переговоров в Севастополе, Константинополе и Париже большинство грузов удавалось, хотя и с трудом, доставлять в Крым.

С переходом к нам новых областей необходимо было принять самые неотложные меры по установлению во вновь занятых местностях должного правопорядка. Многое было уже сделано. На местах, при командирах корпусов, имелся готовый аппарат гражданской власти; армия высоко несла знамя законности. Отдельные случаи нарушения закона войсками беспощадно карались. Военно-судные комиссии с представителями от населения зорко следили за соблюдением законности в прифронтовой полосе, однако настоятельно необходим был и ряд других мер.

Одной из таких насущных мер являлось упорядочение дела контрразведочных органов (наблюдательных отделений), о чем 28 мая был отдан соответствующий приказ:

«Ввиду того что в прошлом году в занимаемых Вооруженными силами на юге России местностях самочинно возникали, а иногда и организовывались комендантами городов и другими военными властями контрразведки, которые совершали массу злоупотреблений и преступлений, чем возбуждали население против чинов армии и, в частности, против законных контрразведывательных органов, приказываю:

1. Борьбу с коммунистическими организациями и большевистскими агентами, остающимися для преступной работы во вновь занимаемых нашими войсками местностях, возложить исключительно на наблюдательные пункты при штабах корпусов, дивизий и другие, организованные и подчиненные наблюдательному отделению.

2. Всякую организацию наблюдательных органов комендантами городов и вообще какими бы то ни было властями, помимо наблюдательного отделения, воспретить.

3. Виновных в неисполнении этого приказа, как организовавших или допустивших возникновение самочинных контрразведок, так и служащих в этих учреждениях, подвергать ответственности по суду».

Ввиду особого характера органов контрразведки и тех тяжких обвинений, которые не без основания возводились на контрразведывательные органы при моем предшественнике, представлялось необходимым вести особенно тщательное за ними наблюдение. Решено было возвратиться к существовавшему еще до мартовского переворота порядку наблюдения прокурорского надзора за производством дознаний по государственным преступлениям, производимым чинами корпуса жандармов. По сношению главного военного прокурора с начальником управления юстиции, были в дальнейшем подробно выработаны правила такого надзора. Наблюдение за производством дознаний по делам о государственных преступлениях было возложено (приказом от 8 июля за № 91) на чинов прокурорского надзора военного и воен-

но-морского ведомств — в прифронтовой полосе и гражданского ведомства — в тыловом районе. Лицам этим предписывалось иметь тщательное наблюдение за производством дознаний по государственным преступлениям, для чего они должны были присутствовать по возможности при всех важнейших следственных действиях и следить за законностью арестов и правильностью содержания арестованных.

За все время трехлетней Гражданской войны это был первый случай, когда дело политического розыска ставилось под контроль чинов прокуратуры.

31 мая был объявлен приказ об учреждении при штабе каждого армейского корпуса должности начальника военно-судной части. На последнего возлагалось: рассмотрение всех военно-судных дел, поступающих на разрешение командира корпуса, и составление по ним доклада, ближайший надзор за деятельностью военно-полевых судов, ведение переписки по всем вопросам, относящимся к военно-судной части, исполнение указаний главного прокурора, относящихся к деятельности военно-судных комиссий корпуса, и производство расследований и исполнение других поручений по военно-судной части и распоряжений командира корпуса и главного военно-морского прокурора. Таким образом, и деятельность военно-полевых судов, как и следственных органов, была по мере возможности обставлена законными гарантиями.

И. д. губернатора Перлик оставил свой пост, таврическим губернатором был назначен С.Д. Тверской, с возложением на него исполнения обязанностей начальника гражданского управления. Одновременно произошла замена таврического вице-губернатора, на какую должность был назначен А.А. Лодыженский⁶⁸, бывший помощник управляющего делами особого совещания. Ввиду необходимости С.Д. Тверскому иметь постоянное пребывание в Севастополе, А.А. Лодыженский фактически исполнял должность таврического губернатора.

В эти дни прибыл в Крым бывший директор департамента полиции генерал Климович⁶⁹; я знал его по репутации за весьма дельного и честного человека. Работа большевистских агентов в Крыму за последнее время значительно сократилась. В апреле в Симферополе была обнаружена часть членов центра организации коммунистов, руководимой в этот период времени присланным из Советской России «товарищем» Николаем Бабаханом. Организация ставила себе целью порчу железнодорожных путей и стрелок, взрывы мостов и бронепоездов. При обыске было захвачено значительное количество взрывчатых веществ. Организация эта имела связь с большевистской ячейкой, образовавшейся в 7-м запасном батальоне, расположенном в Симферополе,

с автоброневым дивизионом при Ставке Главнокомандующего и с группировавшимися в горах зелеными, возглавляемыми упомянутым выше капитаном Орловым. Одновременно была разгромлена большевистская организация в городе Керчи, причем захвачены пулемет, винтовки и значительное количество пироксилина.

С наступлением весны коммунисты перенесли центр своей деятельности в леса, оставляя в городах и других населенных пунктах лишь явочные конспиративные квартиры, необходимые для взаимной связи организационных ячеек между собой и с Советской Россией. Отряды зеленых состояли главным образом из всякого сброда — банд бежавших зимой из симферопольской тюрьмы и эвакуированных из Харькова арестантов-большевиков (в то время как раненые, больные, семьи служащих, ценнейшие грузы бросались за неимением свободного подвижного состава, все преступники, заполнявшие тюрьмы, бережно увозились в тыл), дезертиров и прочего преступного люда. Общая численность их к этому времени не превышала нескольких десятков человек, однако имелись сведения, что большевики, используя отсутствие действительной морской охраны берегов Крыма, приняли меры к пополнению отрядов зеленых людьми и снабжению их деньгами и оружием. Морским путем, моторными катерами из Новороссийска и Анапы люди и оружие перевозились по ночам и, высаживаясь где-либо на пустынном берегу, уходили в горы на присоединение к зеленым.

Борьба с работой противника в тылу требовала опыта и исключительно большой энергии. Я принял решение использовать для этой борьбы генерала Климовича, и последний был назначен начальником особого отдела моего штаба и помощником начальника гражданского управления.

31 мая состоялось в Морском собрании торжественное открытие комитета ордена Святого Николая Чудотворца, под председательством генерала от кавалерии Драгомирова. Я присутствовал на молебне и в тот же вечер выехал на фронт.

Упорные бои в районе Мелитополя продолжались, однако противник, видимо, уже выдыхался. Конница 2-го армейского корпуса под командой генерала Шифнер-Маркевича вышла в тыл 2-й кавалерийской дивизии «товарища» Блинова. В районе Нижних Серогоз она перехватила обозы 3-й и 46-й стрелковых дивизий. Остатки этих дивизий и отдельные бригады 15-й, 29-й, 42-й и 52-й стрелковых дивизий потеряли всякую боеспособность и поспешно отходили на линию Орехов—Александровск.

Угрожаемая с тыла кавалерия «товарища» Блинова бросилась из района Ново-Троицкого на Агайман и Рубановку. Сводный корпус

получил возможность выдвинуться на поддержку частей генерала Слащева.

Днем 1 июня я получил сообщение, что в Севастополе среди офицеров флота обнаружен «монархический заговор» и что значительное число офицеров арестовано. Сведения эти показались мне весьма странными. Я только что был в Севастополе, и общее настроение там не оставляло желать лучшего. Я приказал запросить подробности.

Оказалось, что накануне два каких-то мичмана явились в расположение лейб-казачьего полка и пытались уговоривать казаков по возвращении моем в Севастополь арестовать меня, начальника штаба и некоторых других лиц, не сочувствующих будто бы возвращению на русский престол Царя. Вместо меня будто бы во главе армии станет Великий князь Николай Николаевич, а временно, до его приезда, пасынок его, герцог Сергей Георгиевич Лейхтенбергский. Последний состоял ординарцем при генерале Слащеве. Та атмосфера, которая царил в штабе последнего, непрерывный разгул и интриги не могли быть полезны юноше, и я в бытность мою в Феодосии решил отправить его к отчиму. Одновременно я написал Великому князю Николаю Николаевичу, прося, в интересах молодого человека, оставить его при себе. Герцог Лейхтенбергский в самый день обнаружения заговора выехал в Константинополь. Наивные агитаторы были задержаны казаками и представлены начальству. На первом же допросе они проговорились, назвав ряд соучастников.

Вся эта история представлялась мальчишеской выходкой. Мне было неприятно лишь то, что в ней замешан был герцог Лейхтенбергский, близкий Великому князю Николаю Николаевичу, и упоминалось имя последнего. Я решил не давать делу дальнейшего хода и в тот же день вечером выехал в Севастополь.

Как я и ожидал, вся эта история оказалась глупым фарсом, однако за кулисами действовали большевистские агенты. В общих чертах дело представлялось следующим образом: еще зимою 1919 года среди группы молодых офицеров флота возникла мысль создать особый орден, долженствующий воспитывать среди офицерства высокие понятия о чести, воинском долге, традиции старых Императорских армии и флота, забытые в разрухе смутного времени. О существовании этого ордена я знал и даже видел его устав. Он ничего предосудительного в себе не заключал.

Однако за последнее время в состав членов этого общества сумел втереться некий Логвинский, еврей, настоящая фамилия коего была Пинхус. Пинхус-Логвинский был личностью весьма темной, с уголовным прошлым, в последние перед революцией дни замешанный в

мошеннических проделках пресловутой комиссии генерала Батюшина. Ныне, по имеющимся сведениям, Логвинский являлся одним из агентов большевиков. Втеревшись в доверие молодежи, Логвинский подготовил весь этот недостойный фарс; трудно было допустить мысль, чтобы он сам рассчитывал на какие-то серьезные от него результаты, вернее, он преследовал лишь цель дискредитировать власть.

Арестованные, в общем количестве десять—двенадцать человек, были все, за исключением одного-двух офицеров, зеленая молодежь, сама, видимо, не отдававшая себе ясного отчета в неблагоприятности своего поступка. Я приказал призвать их всех к себе, пристыдил их и сказал, что ставлю крест на всей этой глупой истории. Вместо того чтобы бить баклуши в Севастополе и делать политику, они должны отправиться на фронт, где они могут принести пользу и загладить свою вину. Офицеры были прикомандированы к пехотным полкам и дальнейшей службой своей доказали преданность Родине. Впоследствии все они были постепенно возвращены во флот. Пинхус-Логвинский был расстрелян.

Я вернулся в Джанкой 3-го вечером. Противник в беспорядке поспешно отходил по всему фронту. 13-я советская армия в боях с 25 мая по 4 июня понесла огромные потери, доходившие в некоторых частях до 75 процентов первоначального состава. При отходе части противника перепутались, потеряли связь между собой и со своими штабами. Огромные запасы достались в наши руки. Наиболее богатые уезды Северной Таврии были освобождены. Цены на все продукты в Крыму сразу понизились.

Наша конница садилась на коней. Заблаговременно снабженные значительным количеством денежных знаков, части расплачивались за лошадей по существующим рыночным ценам. Военно-судные комиссии беспощадно карали за всякие самовольные попытки реквизиций. Случаи незаконных реквизиций коней имели место главным образом в казачьих частях, особенно в донских. Казаки, непривычные к пешему бою, старались обзавестись конями, не считаясь ни с чем. Первые дни нареканий на казачьи части было особенно много, однако после отрешения мною двух командиров полков и нескольких суровых приговоров, вынесенных военно-судными комиссиями, жалобы прекратились.

Преследуя противника по пятам, наши части подходили к Ногайску, Большому Токмаку (50 верст на северо-восток и 75 верст на восток от Мелитополя) и, двигаясь вдоль Днепра, достигли железной дороги. Несмотря на тяжелые потери, в войсках, окрыленных побе-

дой, подъем духа был огромный. Вся крымская печать, без различия направлений, ликовала.

В последний мой приезд в Севастополь я мог убедиться, что А.В. Кривошеин вошел совершенно в курс дела и овладел им. Я не возобновлял с ним разговора о привлечении его к дальнейшей работе в качестве моего помощника, решив выждать для этого разговора окончательного завершения операции. Теперь я послал к нему генерала Шатилова. Как я и предвидел, Александр Васильевич, войдя в дело, не мог уже решиться от него отойти. Наши военные успехи рассеяли его последние колебания. Он уступил моим настояниям. 6 июня состоялось назначение А.В. Кривошеина моим помощником. Одновременно было решено, что генерал Шатилов займет должность начальника моего штаба. Назначение это я наметил уже давно. Однако, не желая с первых шагов вступления моего в командование армией производить коренную ломку в штабе, откладывал его до удобного времени.

Генерал Махров назначался военным представителем в Польше. Согласованность наших операций с операциями на Польском фронте приобретала первенствующее значение. Политическая обстановка исключала возможность каких-либо непосредственных соглашений с польским правительством и требовала особой осторожности с нашей стороны, дабы согласовать с поляками наши военные операции, не связывая себя в то же время никакими политическими обязательствами. В этой сложной военно-политической обстановке генерал Махров вполне мог разобраться. Назначение генералов Махрова и Шатилова состоялось в середине июня.

4 июня я проехал в Мелитополь, куда прибыл уже в сумерки. С вокзала я проехал в собор, где присутствовал на молебне, а затем, выйдя на площадь, говорил с народом, разъясняя, что Русская Армия несет с собой не месть и кару, а освобождение от красного ига, мир, тишину и порядок, что в ближайшее время под защитой Русской Армии каждый трудящийся получит возможность спокойно жить плодами своей работы. Пояснив вкратце сущность намеченных мероприятий по организации самоуправления в волостях и наделения крестьян землей, подчеркнул, что благожелательная ко всем слоям населения власть в то же время не потерпит никаких нарушений закона и беспощадно будет бороться со злоупотреблениями и правонарушениями. Огромная, в несколько тысяч человек, толпа слушала в полном молчании. Едва я кончил, как тысячеголосое «Ура!» покрыло площадь.

6 июня наши части достигли линии Бердянск—Орехов—Плавни. Железнодорожная ветка Джанкой—Юшунь была вчерне закончена, и

я имел возможность проехать поездом до самой станции Юшунь, откуда на автомобиле проехал до деревень Чаплинки и Черная Долина, где смотрел части 1-го корпуса. Войска имели веселый, бодрый вид. Население, относившееся в первые дни к войскам с недоверием, опасаясь обид и грабежей, успело убедиться, что Русская Армия стала другой, что те войска, которые пришли ныне, ничем не напоминают те части, которые несколько месяцев тому назад мало чем отличались от большевиков. По дороге я несколько раз останавливался в селах и беседовал с крестьянами и всюду слышал самые лучшие отзывы о наших войсках.

Из Черной Долины я проехал в Каховку, где смотрел кавалерийские полки дивизии генерала Барбовича⁷⁰. Знаток своего дела, большой личной храбрости и порыва, человек исключительного благородства души, строгий к себе и другим, пользующийся любовью и уважением подчиненных, генерал Барбович был отличным начальником конницы. Полки начинали садиться на коней. Переночевав в Каховке, я вернулся на станцию Юшунь и 7-го вечером был в Джанкое.

8 июня был объявлен приказ об освобождении во вновь занятых областях от ответственности служивших в советских учреждениях.

«ПРИКАЗ

Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России

№ 3224

Севастополь. 8 июня 1920 года

Обновленная Русская Армия вышла на путь освобождения Родины от анархии и террора. В этот ответственный момент, когда на армию устремлены взоры русского народа, ожидающего от нее избавления от ужасов большевистского гнета и восстановления в стране начал права и законности, я, учитывая, что советская служба многих русских людей носила принудительный характер и вызывалась неблагоприятно сложившимися для них обстоятельствами и государственной разрухой, приказываю:

Освободить от ответственности всех граждан вновь занимаемых вооруженными силами областей, кои во время господства там советской власти состояли на службе в различных советских учреждениях и вообще принимали участие в работе советских властей, за исключением лиц, занимавших ответственные руководящие должности в советском управлении и сознательно осуществлявших или содействовавших осуществлению основных задач советской власти (первая часть ст. 1 за-

кона 30 июля 1919 года об уголовной ответственности участников установления советской власти), а также учинивших одно из тяжких преступлений, предусмотренных последней частью (п. п. 1—6 ст. 108 по редакции приказа Добровольческой армии 1918 года № 390) Уголовного Уложения.

В отношении офицеров и солдат красной армии с ее учреждениями руководствоваться приказом моим от 29 апреля сего года за № 3052.

Генерал Врангель».

Объявляя во вновь занятых областях мобилизацию людей и лошадей, я в то же время делал все возможное, чтобы прийти на помощь и населению. Начальнику управления снабжения было приказано принять меры по снабжению сельского населения кузнечным углем, железом и т. д., в каковых предметах деревня особенно нуждалась. От войск я требовал всеми мерами помочь населению, предоставляя главным образом, где возможно, для сбора урожая коневые средства.

Пришлось также скрепя сердце отдать приказ о разрешении беженцам возвратиться в Крым (8 июня, № 3242), в котором я писал: «Идя навстречу настоятельным просьбам, разрешаю всем желающим семьям военных и гражданских лиц, эвакуированным за границу, вернуться на территорию Вооруженных сил Юга России, но должен предупредить, что в случае изменения обстановки никакие просьбы и ходатайства о вывозе этих семей вновь за границу удовлетворяться не будут».

9 июня ставка перешла в Мелитополь. Я со штабом продолжал жить в поезде.

В Северной Таврии

К 10 июня части Русской Армии выдвинулись на линию Ногайск, западнее железной дороги Бердянск—Пологи—Гнаденфельд—Вальдгейм, огибая район Большого Токмака с северо-востока до Днепра у станции Попово; далее по левому берегу Днепра до его устья.

Расположение наших частей было следующее: от Азовского моря до Гнадонфельда — последовательно 2-я Донская (севшая на коней) и 3-я Донская (пешая) казачьи дивизии Донского корпуса генерала Абрамова; от Вальдгейма до станции Попово — 13-я и 34-я пехотные дивизии 2-го армейского корпуса генерала Слащева; в районе Михайловка—Дроздовская пехотная дивизия и 2-я конная (генера-

ла Морозова) под общей командой начальника Дроздовской пехотной дивизии генерала Витковского. По левому берегу Днепра: разведывательные части Кубанской казачьей дивизии (ядро в селе Большая Белозерка), Туземной бригады (ядро в Верхнем Рогачике), Марковской дивизии (ядро в Дмитриевке), Корниловской дивизии (ядро в Натальине). Далее от Каховки до Днепровского лимана — части 1-й конной дивизии генерала Барбовича, еще не посаженные на коней.

Жестоко потрепанная в боях с 25 мая по 4 июня, XIII советская армия приводилась в порядок и спешно пополнялась маршевыми ротами и свежими частями. Группировка противника была такова: в районе Бердянска — запасная кавалерийская бригада Федотова, по железной дороге Бердянск—Верхний Токмак — прибывшая с Дона 40-я стрелковая дивизия, в составе трех пехотных и двух кавалерийских бригад; к северо-востоку и к северу от Большого Токмака — последовательно части 3-й, 46-й и 15-й стрелковых дивизий, к востоку от железной дороги Мелитополь—Александровск — 2-я кавалерийская дивизия Блинова, в районе к северу от станции Попово — части 29-й, 42-й и 52-й стрелковых дивизий.

По правому берегу Днепра, главным образом в районе Бериславля, сосредоточивались части Латышской и 52-й стрелковых дивизий и мелкие отряды. Повстанческое движение в районе Екатеринославской губернии с весны 1920 года разрасталось, представляя значительную угрозу ближайшему тылу XIII советской армии. Красное командование было настолько этим обеспокоено, что одно время вынуждено было задержать в этом районе следовавшую на Польский фронт конную армию «товарища» Буденного. Однако повстанцы уклонялись от вооруженных столкновений с сильными частями, рассеиваясь при приближении значительных отрядов, и конница Буденного, не уничтожив очагов восстаний, двинулась на Польский фронт. Последнее время против повстанцев были выдвинуты 125-я и 126-я бригады 42-й стрелковой советской дивизии.

По данным разведки, противник сосредоточивал на своем левом фланге в районе станции Пологи свежие части, с целью перейти в решительное наступление и вновь овладеть Северной Таврией.

10 июня я отдал директиву войскам для соответствующей перегруппировки: генералу Абрамову — сосредоточив на своем левом фланге сильную ударную группу, продолжать удерживать занятый район; основательно разрушить железнодорожную линию Бердянск—Верхний Токмак; генералу Слащеву — подчинив себе отряд генерала Витковского, нанести противнику короткий удар в северном направлении; по

выполнении этой задачи, отряд генерала Витковского направить в резерв Главнокомандующего в район Колга—Елизаветовка Северная—Нижние Серогозы, а частями 2-го корпуса прочно удерживать Мелитопольский район, выделив сильные подрывные части для порчи железной дороги Пологи—Александровск (нажим красных в направлении Большого Токмака в десятых числа июня вынудил оставить отряд генерала Витковского на Ореховско-Александровском направлении); генералу Кутепову — оставив в распоряжении генерала Барбовича Марковскую пехотную и 1-ю конную дивизии, перейти к 14 июня с Корниловской дивизией в район Нижние Серогозы—Колга—Елизаветовка Северная, где, приняв в подчинение отряд генерала Витковского, составить резерв Главнокомандующего.

10 июня я проехал поездом в расположение 2-го армейского корпуса, где в колонии Гальбштадт и Большом Токмаке смотрел части 13-й и 34-й дивизий. Полки имели большой некомплект, однако люди были бодры и веселы. Дорогу из Гальбштадта в Большой Токмак я сделал верхом. Расположенные здесь богатые колонии немецких колонистов встречали меня хлебом-солью; немецкие девушки подносили цветы. Несмотря на пребывание колонистов более столетия в России, колонии сохранили весь уклад немецкой деревни. Многие из колонистов вовсе не говорили по-русски. Немецкие колонии поражали исключительным богатством и высокой культурой хозяйств. Ночью я вернулся в Мелитополь, откуда проехал в Севастополь.

Наши успехи встревожили большевиков. Советская печать была тревогу, призывая уничтожить засевшего в Крыму «барона», загнать его в «крымскую бутылку» и т. д. Агенты противника усилили работу в тылу. За последние дни среди рабочих портового завода вновь началось брожение. Рабочие предъявили ряд требований и, не получив удовлетворения, забастовали. Однако теперь власть была уже достаточно сильна и могла действовать решительно. Я отдал приказание уволить всех забастовавших и забастовщиков призывных годов немедленно отправить на фронт. Одновременно объявил, что в случае каких-либо беспорядков расправа будет самая беспощадная. Проявленная властью твердость отрезвила умы. Несколько десятков смутьянов из молодых рабочих были отправлены в строй и в дальнейшем, до самых последних дней нашего пребывания в Крыму, рабочие, несмотря на тяжелые материальные условия, беззаветно выполняли свой долг.

Из вновь занятых мест поступали отрядные сведения. Войска сумели заслужить доверие населения. Земельный закон встречал огромное сочувствие; приказ о земле читался на волостных сходах и вызывал горячее одобрение крестьян. Наряду с тем происходили отдельные

прискорбные явления. Некоторые представители власти на местах, не исключая подчас и наиболее крупных лиц, не сочувствуя новому закону, всячески старались обойти его, придать ему произвольное толкование. С этим приходилось настойчиво бороться. Были и другие не менее прискорбные явления, побудившие меня отдать приказ о недопущении на административные должности помещиков в освобожденных местах их постоянного жительства, чтобы пресечь тем имевшие место случаи сведения личных счетов администраторов из помещиков с крестьянами.

Во вновь занятых местностях организовывалась государственная стража. Последняя была сравнена по содержанию с армией.

В Северной Таврии имелись большие запасы зерна, приближалось время сбора урожая. За обеспечением необходимым продовольствием занятых армией областей, мы могли надеяться получить избыток зерна для обмена его на необходимые нам продукты. Запасы обмундирования, снаряжения, бензина, масла и угля приходилось полностью приобретать за границей. Я всячески торопил постройку железнодорожной ветки Бешуй—Сюрень, с окончанием которой представилась бы возможность пользоваться углем бешуйских месторождений. К первым числам июня добыча угля достигала тысячи пудов в день, но ввиду недостаточности перевозочных средств (лошадей и повозок) месячная добыча угля не превышала пятнадцати тысяч пудов. Постройка железной дороги Бешуй—Сюрень, несмотря на все усилия, не могла быть окончена ранее октября.

Наше финансовое положение продолжало оставаться крайне тяжелым. Маленькая территория не могла содержать армию. Хлеб в незначительном количестве и отчасти соль могли быть единственными предметами вывоза. При отсутствии местной промышленности и недостатка многих предметов сырья, почти все приходилось ввозить. Наш рубль продолжал падать, несмотря на повышение косвенных и прямых налогов. Переговоры Бернацкого и Струве за границей, с целью получения иностранного займа, успеха не имели. В прочность нашего дела за границей мало верили.

15 июня отданы были приказы об учреждении управлений торговли и промышленности и земледелия и землеустройства. Начальником первого, по выбору А.В. Кривошеина, был назначен В.С. Налбандов, местный землевладелец, бывший член Таврической губернской земской управы и государственный контролер в крымском правительстве С. Крыма в 1919 году. Начальником второго — сенатор Г.В. Глинка. Через несколько дней, 20 июня, последовал приказ о назначении государственным контролером Н.В. Савича.

Успехи красных войск на Польском фронте продолжались. Польская армия отходила. Общественное мнение Франции, поставив свою карту на Польшу, волновалось. Интерес к нам во Франции заметно увеличился. Французы отлично учитывали, что наше победоносное наступление должно оказать их союзникам, полякам, огромную помощь в эти тяжелые для польской армии дни. Находившийся в Париже П.Б. Струве весьма умело использовал обстановку. Он прочел несколько докладов о нашей борьбе, обрисовал наши успехи, подчеркивал новое направление политики Главного командования, останавливался на последних реформах во внутреннем управлении и земельном вопросе. Французская печать поместила несколько заметок об этих докладах, весьма сочувственно отзываясь о «широкой либеральной» политике правительства Юга России. П.Б. Струве имел свидание с рядом лиц близких французскому правительству и, наконец, принят был председателем французского правительства Мильтераном. Последний проявил большой интерес к борьбе на Юге России и просил Струве письменно изложить ему взгляд правителя Юга России на русский вопрос.

7 (20) июня Струве вручил председателю французского правительства нижеследующее письмо:

*«Начальник Управления Внешних Сношений
при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России.
Париж, 20 июня 1920 года.»*

Господин Председатель Совета Министров, Главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России поручил мне поделиться с Вами его идеями и намерениями, а также его дальнейшими видами, в связи с настоящим положением в России. Я уже имел случай устно сообщить Вашему Превосходительству те принципы, которые генерал Врангель положил в основу своей внутренней политики. Эти принципы, заключающие в себе весь опыт русской революции, состоят в следующем:

1. Захват крестьянами поместных земель во всех случаях, когда он фактически имел место, должен быть признан. Вышеуказанное составляет отправной пункт для широкой аграрной реформы, долженствующей обеспечить крестьянам, обрабатывающим землю, владение ею на правах полной собственности. Таким образом, аграрная революция, происшедшая в пользу крестьян, будет легализована и поведет к установлению аграрного строя, основанного на принципе частной собственности, несомненно отвечающем чаяниям крестьян.

2. Будущая организация России должна быть основана на договоре, заключенном между политическими новообразованиями, фактически существующими. Воссоединение различных частей России, в настоящее время разъединенной, в широкую федерацию должно быть основано на свободно заключенном договоре, исходящем из общности интересов, и в первую голову экономических потребностей. Такая политика ни в каком случае не старается добиться объединения силой.

3. Каковы бы ни были в будущем взаимоотношения различных частей России, в настоящее время разделенной, политическая организация их территорий и конструкция их федеративного союза должна быть основана на свободном волеизъявлении населения, через посредство представительных собраний избираемых на демократических основах. Что же касается настоящего положения в России, раздираемой гражданской войной, то в первую голову надо обратить внимание на то соображение, что желание прекратить гражданскую войну, лежащее в основе настоящей русской политики Британского правительства, отнюдь не влечет за собой обязательной капитуляции перед красной армией и советской властью всех тех русских элементов, которые собрались вокруг генерала Врангеля или которые сохранили до сих пор свою независимость по отношению к советской власти. Если Британское правительство желает содействовать прекращению гражданской войны, то принуждение лучших элементов русской армии к принятию неприемлемой для них капитуляции и предоставление всего русского населения террористической диктатуре воинствующего коммунизма, воплощенного в советском правительстве и красной армии — не есть ни действительный, ни честный способ достигнуть этой цели. Прекращение гражданской войны, если бы оно было навязано воюющим сторонам, означало бы, в настоящих условиях, не капитуляцию Вооруженных Сил на Юге России перед красной армией, а разграничение между Россией советской и Россией антибольшевистской, основанное на обеспечении жизненных потребностей обеих территорий. Независимо от того, насколько вероятно длительное сохранение мира между этими двумя режимами, все же прекращение гражданской войны может быть достигнуто только этим решением, а отнюдь не капитуляцией одной воюющей стороны перед другой. Главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России мог бы согласиться на прекращение гражданской войны на этих условиях, но оно было бы ему абсолютно неприемлемо в форме капитуляции перед советской Россией. Всякий договор, заключаемый на этот предмет, должен будет установить неприкосновенность территории, занимаемой армией генерала Вранге-

ля, в пределах, обеспечивающих населению удовлетворение его элементарных экономических потребностей, а в особенности его продовольствования питательными продуктами. Кроме того, казачьи области, историческая автономия которых и бытовые особенности были снова признаны генералом Врангелем, вследствие договора с выбранными, согласно воле и потребностям населения, казачьими атаманами, — должны быть совершенно изъяты из владений советского правительства. Генерал Врангель полагает, что политические новообразования, создавшиеся на Кавказе, должны также получить гарантии против агрессивных действий со стороны советов.

Что же касается вопроса о возобновлении экономических сношений с советской Россией, то мнение, что таковое возобновление будет иметь умиротворяющее действие на состояние России, должно быть признано обоснованным. Однако, чтобы политика, основанная на этой идее, могла быть успешной, необходимо, чтобы она проводилась последовательно и методично. Эта политика, устанавливая взаимоотношения между русскими и иностранцами, должна будет исходить из двух основных принципов экономической жизни цивилизованных народов: а) права частной собственности и б) свободы в экономическом отношении. Применение этих принципов даже в отношении одних только иностранцев поведет к необходимости организации юридической и полицейской защиты этого права и этой свободы. Без действительного признания и проведения в жизнь этих принципов возобновление экономических сношений с Россией останется пустым звуком.

Признание частной собственности в будущем тесно связано с признанием ее в прошлом, т. е. с признанием советским правительством всех прав и интересов иностранцев в большевистской России и всех общественных долгов (государственных, городских самоуправлений и т. д.), принятых ранее на себя Российским государством. Тут будет уместно заметить, что если иностранные правительства согласились бы теперь признать какое-либо русское правительство, не полагающее себя связанным финансовыми обязательствами Российского государства, — то любое будущее российское правительство, как бы умеренно и здраво оно ни было и как бы ему ни была ясна, в интересах самой же России, необходимость уважать эти обязательства, встретит громадные психологические затруднения к признанию долгов, отрицание которых хотя бы и безмолвно, но все же было санкционировано правительствами государств-кредиторов.

Из всего вышеизложенного, Ваше Превосходительство, изволили усмотреть все то, что генерал Врангель полагает для себя обязательным как представитель элементов русской армии, оставшихся вер-

ными воинской чести и союзам, а также как представитель населения, признающего принципы общественной жизни, свойственные всем культурным народам. Генерал Врангель отдает себе отчет в трудностях своего собственного и международного положения. Он далек от мысли, что восстановление в России порядка и свободы может быть достигнуто исключительно чисто военными действиями. Он понимает необходимость длительной умиротворительной работы, направленной в первую голову на удовлетворение потребностей крестьян, составляющих большинство русского населения. Это население не желает ни восстановления старого порядка, ни коммунистической тирании. Дать удовлетворение потребностям крестьянского населения, оздоровить моральную жизнь страны, восстановить экономическую жизнь, объединить все элементы порядка — вот цели, которые себе поставил Главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России и достижение которых, по его мнению, выведет Россию из состояния анархии, в которое ее ввергнул коммунистический режим, сделавший из нее опытное поле для чудовищных социальных экспериментов, неслыханных доселе в истории.

Примите, господин Председатель Совета, уверения в глубоком моем уважении.

П. Струве.

В то время как французы явно делали шаги нам навстречу, политика англичан в отношении нас оставалась враждебной. Ллойд Джордж продолжал заигрывать с Советами. Открывшееся в Булони заседание Верховного союзного совета, имевшее целью рассмотреть те предложения, которые должны были быть предъявлены Германии по предмету уплаты Германией военных убытков, одновременно затронуло и ряд других насущных политических вопросов. В русском вопросе обнаружилось резкое расхождение английской и французской точек зрения.

В эти дни меня посетили представители союзнических миссий, принешие поздравления по случаю одержанной победы. Японский представитель майор Токахасси сообщил мне последние сведения с Дальнего Востока. Между дальневосточным правительством демократического характера, возглавляемым каким-то Медведевым, и атаманом Семеновым при участии японцев будто бы ведутся переговоры, и атаман Семенов в ближайшие дни должен стать во главе дальневосточной власти.

После заявления великобританского правительства об отклонении от себя всякой ответственности за возобновление борьбы на Юге Рос-

сии, великобританская военная миссия была отозвана. В Крыму оставался лишь небольшой осведомительный орган. Представитель английской миссии генерал Перси во всех предшествовавших переговорах держал себя истинным джентльменом. По получении предложения англичан вступить в переговоры с большевиками, генерал Перси телеграфировал своему правительству, что он отказывается участвовать в этих переговорах. Мне было известно, что в своих донесениях он гордо поддерживал невозможность для меня отменить наступление.

Я давал отъезжающей миссии прощальный обед. В кратких словах я выразил сожаление, что с отъездом генерала Перси и его офицеров Русская Армия лишится искренних друзей, что независимо от политики русские и великобританские офицеры и солдаты связаны кровью, пролитой в Великой войне, и дорогими для каждого воина понятиями о рыцарстве и чести. Я видел доказательства этому со стороны начальника английской военной миссии и его офицеров. Это особенно дорого мне и моим соратникам в настоящие дни, когда армия в своей борьбе одинока. Генерал Перси отвечал, что с грустью оставляет армию, великий подвиг которой не только для русского дела, но и для всего мира должен быть ясен всем, кто был беспристрастным свидетелем ее борьбы, что, как солдат, он стоит вне политики, но, как англичанин, он верит, что английский народ не оставит свою недавнюю союзницу, Русскую Армию, в ее героической борьбе, что он и его офицеры сочтут долгом поведать о том великом подвиге русских патриотов, о котором так мало знает Европа. После обеда, уезжая, он еще раз говорил мне, что сделает все возможное, чтобы обратить внимание своего правительства на те губительные последствия, которые неминуемо будут иметь место для всей Европы, если оставленная одинокой Русская Армия погибнет в борьбе.

«Я хочу верить, что политика нашего правительства будет другой, и не теряю надежды вновь во главе военной миссии вернуться к вам. Если этого не будет, то мне останется заняться своей фермой», — полушутливо сказал он.

Я, конечно, не придавал его словам серьезного значения, однако через несколько месяцев получил от него письмо. Он писал, что, убедившись окончательно в губительной политике своего правительства, оставляет службу и, отказавшись от предложенной ему дивизии, уезжает в Канаду, где будет заниматься своей фермой. Впоследствии от своих английских друзей я получил подтверждение этого.

Представитель американской миссии адмирал Мак Колли пригласил меня с женой и А.В. Кривошеина пройти в Ялту на американском миноносце. Среди нервной лихорадочной работы я с наслажде-

нием оторвался от дел и провел несколько часов, любясь морем и чудными видами крымского побережья. Однако отдыхать пришлось не долго. В Ялте я получил переданную из Севастополя телеграмму о переходе противника в наступление в районе Большого Токмака. Получены были сведения о подходе на восточный участок фронта конного корпуса «товарища» Жлобы. Части последнего прибывали с Кавказа по железной дороге и высаживались на станциях Волноваха, Розовка, Царевоконстантиновка. 14 июня я вернулся в Мелитополь.

Я решил не дать противнику закончить сосредоточение и вырвать у него из рук инициативу. В тот же день я отдал приказ к 16 июня войскам принять следующую группировку: Донскому корпусу, оставив заслон на Бердянском и Мариупольском направлениях, сосредоточить главную массу конницы в районе Верхний Токмак—Черниговка—Семеновка, имея задачей атаковать в дальнейшем противника, на фронте Пологи—Вербовое; 2-му корпусу, оставив заслон на Александровском направлении, главную массу своих сил, в том числе всю конницу и Дроздовскую дивизию, сосредоточить к северо-западу от Большого Токмака, имея задачей атаковать противника на фронте Вербовое—Орехов.

Однако 15 июня противник силою до полутора дивизий конницы, поддержанной бронепоездами и бронеавтомобилями, сам повел решительное наступление на фронте Поповка—Ново-Полтавка, продвигаясь на Верхний Токмак. Части 3-й Донской дивизии генерала Гусельщикова⁷¹ после жестокого, доходившего до рукопашной схватки боя отошли на линию Михайловка—Бегим—Чокрак. Одновременно противник повел наступление и против 2-й Донской дивизии к северо-западу от Бердянска. На всем фронте 2-го корпуса шли упорные бои. Я послал приказание донцам перейти в наступление и разбить верхнетокмакскую группу красных. Генералу Слащеву с Дроздовской и 2-й конной дивизиями — продолжать выполнять прежнюю директиву, действуя против северной группы противника. Вместе с тем я решил подтянуть резервы и отдал распоряжение Корниловской дивизии перейти в село Веселое.

Попытки донцов перейти в наступление успехом не увенчались. Противник продолжал теснить их по всему фронту. Я послал приказание генералу Слащеву действовать возможно решительнее, с тем чтобы по разгроме находящегося против него противника отряд генерала Витковского спешно направить на поддержку донцам в район Гальбштадта. Отряд должен был прибыть туда к ночи на 17 июня. Я наметил нанести противнику, наступающему к юго-западу от Верхнего Токмака, согласованный дружный удар утром 18 июня.

Во исполнение этого 16 июня войскам даны были задачи: генералу Кутепову — к 12 часам 17 июня сосредоточить всю свою ударную группу (Корниловская, Дроздовская и 2-я конная дивизии) в районе Молочное—Тигервейде—Лихтенау. На рассвете 18-го атаковать противника: генералу Кутепову — обрушиться на правый фланг и тыл верхнетокмакской группы красных, донцам 3-й конной дивизии атаковать с фронта, 2-й — в левый фланг и тыл, генералу Слащеву удерживать фронт Большой Токмак—Васильевка.

16 июня конница Жлобы продолжала теснить донцов. С тяжелыми арьергардными боями 3-я Донская дивизия продолжала отходить. На рассвете 17 июня 3-я Донская дивизия располагалась на фронте Нейкирх—Рикенау; 2-я Донская дивизия расположилась в районе Марьяновка—Ново-Спасская. На фронте 2-го корпуса наши части продвигались с большим трудом.

16 июня красные стали переправляться через Днепр в район Малой Знаменки, но после короткого боя были отброшены нашими частями на правый берег. С утра 17-го красные опять форсировали Днепр, но вновь были отброшены, потеряв пленных и пулеметы.

17, 18 и 19 июня донцы продолжали отходить, конница Жлобы продвигалась к юго-западу. Понеся значительные потери от наших аэропланов, Жлоба избегал двигаться днем, совершая ночные переходы. Между тем на фронте 2-го корпуса бои продолжались, и скованный противником генерал Слащев не имел возможности оказать отрядом генерала Витковского помощь изнемогавшим в тяжелых боях донцам. Лишь 17 июня обозначился решительный успех на фронте 2-го корпуса. В этот день части генерала Слащева атаковали противника на фронте Щербаковка—Янчокрак и наголову его разбили. 18-го числа генерал Витковский с Дроздовской и 2-й конной дивизиями выступил в район Гальбштадт—Молочное. Таким образом, лишь к 19 июня наши части заняли намеченное мною для нанесения охватывающего удара исходное положение.

Наши части располагались: 2-я Донская дивизия (1500 шашек и около 1000 штыков) главными силами в районе деревни Ореховки; 3-я Донская дивизия (2—3 тысячи штыков) в районе деревни Астраханки, держа в Варваровке связь с Корниловской дивизией. Общая сила Донского корпуса: 3500—4000 штыков, 1500 шашек, 18 орудий; 1-й армейский корпус — Корниловская дивизия (1800 штыков) в районе Орлов—Тиге—Розенрот—Линденау. Дроздовская (2150 штыков) и 2-я конная дивизии (1500 шашек) в районе Гальбштадт—Молочное. Общая численность 1-го армейского корпуса: 4000 штыков, 1500 шашек, 50 орудий; в районе Большого Токмака, фронтом

на север — 13-я пехотная дивизия; на участке железной дороги Федоровка—Стульнево — три бронепоезда. Общие силы ударной группы: 10 000—11 000 штыков и шашек. Общая численность частей на фронте армии: 15 000 штыков, 6500 шашек.

Главные силы конницы Жлобы группировались в районе Моргенау—Александркрон—Клефельд—Тигервейде—Фриденсдорф. Общая численность корпуса: 7500 шашек и 6000 пехоты и, кроме того, две кавалерийские дивизии общей численностью в 4500 шашек и 1600 человек пехоты (на время операции «товаришу» Жлобе подчинялись: 2-я кавалерийская дивизия «товарища» Блинова, две конные бригады 40-й дивизии и части 42-й и 46-й стрелковых дивизий). Численность всех частей 13-й армии: 25 000 штыков и 12 000 шашек.

В шесть часов вечера 19 июня я отдал директиву: генералу Абрамову, обеспечив себя на Бердянском направлении, перед рассветом 20 июня главной массой своих сил решительно атаковать противника в общем направлении на Гнаденфельд; генералу Кутепову, произведя необходимые перегруппировки, в ночь на 20-е, перед рассветом 20-го, нанести главный удар противнику, атакуя частью сил вдоль реки Крульман, а большей массой в охват правого фланга и тыла противника в общем направлении на Вальдгейм; генералу Слащеву, активно обороняя свой фронт, надежно обеспечить левый фланг генерала Кутепова; генералу Ткачеву всеми аэропланами способствовать уничтожению конной группы противника. Директива заканчивалась указанием, что «успех операции зависит от скрытности, внезапности и согласованности удара». Соединившись проводом с командирами корпусов, я лично отдал каждому из них соответствующие указания.

В развитие моей директивы корпусам отданы были приказы: 1-му корпусу атаковать Тигервейде (корниловцы) и Фриденсдорф (дроздовцы). Коннице 1-го корпуса (генерал Морозов) наступать севернее дроздовцев на Вальдгейм; Донскому корпусу — 2-й дивизией перед рассветом в пять часов нанести удар в общем направлении на Гнаденфельд, держать связь с 3-й Донской дивизией, оказывая ей содействие ударом во фланг и тыл противника; 3-й дивизией в пять часов двадцать минут атаковать Александркрон—Штейнфельд и далее на Гнаденфельд, держа связь с 1-м армейским корпусом.

Едва забрезжил рассвет, как на фронте 3-й Донской дивизии завязался встречный бой. Перешедшие на наступление донцы встретились с наступлением красных. 3-я Донская дивизия с трудом удерживала свои позиции. Я телеграфировал начальнику 3-й Донской дивизии генералу Гусельщикову, требуя удержания во что бы то ни стало линии Астраханка—Варваровка, дабы дать возможность 1-му армейскому

корпусу выйти во фланг и тыл врага. Благодаря донцов за блестящую работу последних дней, я выражал уверенность, что они выполнят свой долг.

В Мелитополе на станции явственно слышалась орудийная стрельба. К поезду тянулись толпы обывателей с пожитками, справляясь, не пора ли оставлять город. Работа в штабе шла своим порядком, однако чувствовалось, что нервы всех напряжены до крайности. В моем резерве для прикрытия города оставался всего один юнкерский полк, выдвинутый в район села Вознесенского.

К полудню напряжение достигло предела. Корпуса находились в движении, и непосредственной связи с ними не было. Явственно доносился непрерывный гул стрельбы... Наконец, приближающийся звук пропеллера... Над поездом, снизившись, пронесся аппарат, бросил сигнальную ракету и выбросил донесение: противник разбит наголову, окружен нашими войсками, генерал Ткачев⁷² сообщает о «полном разгроме врага».

Стремительно наступая на Тигервейде, корниловцы к девяти часам утра заняли Рикенау и повернули на юг. Районы Клефельда, Александеркрона оказались занятыми значительными силами красной конницы, теснившей 3-ю Донскую дивизию. Корниловская артиллерия с открытых позиций открыла огонь по наступавшим на донцов красным. Наши броневики, ворвавшись в колонны конницы Жлобы, расстреливали красные полки. Одновременно эскадрилья аэропланов осыпала красных кавалеристов сверху пулеметным огнем. Остановив атаку на 3-ю Донскую дивизию, «товарищ» Жлоба всеми силами, до пяти кавалерийских бригад, бросился на корниловцев. Однако корниловцы выдержанным ружейным и пулеметным огнем встретили атаку красной конницы. Наша артиллерия, выскочив на открытую позицию, открыла огонь во фланг атакующим. В то же время 3-я Донская дивизия, быстро оправившись, сама перешла в наступление на север.

Атакующие с фронта и фланга и поражаемые метательными снарядами нашей воздушной эскадрильи, массы красной конницы смешались и бросились бежать в разных направлениях. Большая часть, до двух дивизий, во главе с самим Жлобой, прорываясь на северо-запад, бросилась на Гальштадт и Большой Токмак, но здесь была встречена резервами 13-й пехотной дивизии и бронепоездами, в упор расстреливавшими беспорядочно метавшиеся толпы красных кавалеристов. Жлоба бросился на юг, но здесь вновь попал под удар дроздовцев. Последние, частью сев на повозки, преследовали противника, перехватывая ему дорогу и расстреливая в упор из пулеметов... Ос-

татки красных дивизий были достигнуты в районе Черниговки конницей генерала Морозова и окончательно рассеяны. Вторая группа красной конницы из района Александеркрона бросилась на север, в направлении на деревню Моргенау, но здесь наткнулась на дроздовцев и, встреченная убийственным огнем, бросилась на восток, но была перехвачена 2-й Донской дивизией, овладевшей на рассвете деревней Штейнфельд и преследующей выбитых из этих селений красных, отходивших на Фриденсдорф. Передовые части конницы генерала Морозова и донцов долго преследовали остатки разгромленного противника, бегущего на Черниговку. Краевые кавалеристы уже не оказывали никакого сопротивления. Многие бросали загнанных коней и разбегались по хуторам и балкам.

Конная группа «товарища» Жлобы была разгромлена совершенно. Вся артиллерия противника, свыше сорока орудий, до 200 пулеметов и до 2000 пленных попали в наши руки. Мы захватили до 3000 коней. Полки 2-й Конной и Донских дивизий полностью пополнили свой конский состав. Штабы двух дивизий красной конницы были захвачены нами.

Я в тот же день телеграфировал А.В. Кривошеину, сообщив о нашей блестящей победе, и отдал распоряжение о широком распространении телеграммы среди населения Крыма. 21 июня в Мелитополе был отслужен торжественный молебен по случаю дарования нам победы.

В течение 19 и 20 июня красные вновь переправлялись через Днепр в район Бериславля, Каховки и Корсунского монастыря. Временно захватили эти пункты, однако вновь были отброшены за Днепр с большими потерями.

В то же время корпус генерала Слащева сдерживал настойчивые атаки красных, особенно упорные к северу от Большого Токмака. С целью развития достигнутый успех я приказал войскам: генералу Абрамову — обеспечить себя со стороны Большого Токмака, в кратчайший срок разбить бердянскую группу красных; генералу Кутепову — подчинив себе 2-й армейский корпус, разбить ореховскую и александровскую группы красных. По окончании указанной операции сменить части 2-го армейского корпуса.

Не ожидая, что наши части успеют так быстро произвести перегруппировку, красные перешли 21 июня в наступление и ворвались в Большой Токмак. При поддержке танков противник был выбит из города и отброшен на север. Одновременно противник повел наступление против 34-й пехотной дивизии, вдоль линии железной дороги Александровск—Мелитополь, и к ночи 22 июня занял Михайловку,

западнее станции Пришиб. Частями Сводного корпуса генерала Писарева красные были атакованы 23 июня во фланг и бежали на север. Части 1-го и 2-го армейских корпусов очищали от красных район Большого Токмака, Щербаковки и Янчокрака. 23 июня противник начал отход на всем указанном фронте. За операцию с 20-го по 23 июня на Ореховском и Александровском направлениях было захвачено свыше 3000 пленных и много трофеев. За период с 15-го по 23 июня (вторая крупная операция Русской Армии) взято свыше 11 000 пленных, 60 орудий, 300 пулеметов, два броневика и большое количество огнестрельного и холодного оружия. План красного командования очистить Северную Таврию от Русской Армии потерпел полную неудачу.

Новая наша победа укрепила еще более положение власти и вселила в население уверенность в твердости нашего положения... В Севастополе радость победы была омрачена несчастьем. 21 июня в два часа дня взорвались передаточные артиллерийские склады в районе Киленбухты. Взрыву предшествовал пожар в химической лаборатории. Причины пожара, несмотря на все усилия, выяснить не удалось. Производившиеся впоследствии несколько дознаний так и не могли выяснить, был ли налицо злой умысел или небрежность. На самом складе находились преимущественно старые немецкие снаряды и лишь небольшое количество русских полевых и ружейных патронов, предназначенных к очередной отправке на фронт. В непосредственной близости от склада стояли только что прибывшие с артиллерийскими грузами из-за границы два транспорта — «Саратов» и «Чита ди Венеция». Пожар грозил им взрывом. Дождь снарядов и осколков осыпал все кругом. Команда близстоящего линейного корабля «Генерал Алексеев» вывела на буксирах оба парохода, предотвратив возможность большого несчастья. Жертв почти не было — всего лишь несколько раненых, но город пережил тревожные часы.

Воспользовавшись временным затишьем на фронте, я проехал к донцам. Полки успели полностью сеть на коней. Огромное количество захваченных при разгроме конного корпуса Жлобы лошадей, седел, оружия и обозов дали возможность пополниться дивизиям. Еще недавно непривычные к нашему бою казаки едва могли считаться боееспособными; теперь казачья конница представляла грозную силу. Когда я смотрел на проходившие мимо меня стройные ряды, мне казалось, что я вижу сон — чудесное возрождение русской конницы.

Вернувшись в Мелитополь по объезде донских частей, я немедленно проехал в Севастополь. Объявленная мобилизация проходила успешно. Тяжелые бесперывные бои в течение пяти недель вывели из

стройка массы людей. Ряды армии таяли. Новые пополнения не могли возместить всех потерь. Являлась необходимость искать новые источники пополнения. Известное число офицеров и солдат мог дать тыл. Принятыми мною решительными мерами бесконечно размножившиеся и разросшиеся до моего вступления в командование штабы и управления непрерывно сокращались. За последние два месяца было расформировано более трехсот шестидесяти учреждений, однако я надеялся иметь возможность расформировать еще не менее ста пятидесяти. Рядом приказов по военному и гражданскому ведомствам было предложено немедленно отчислить в строй из всех тыловых учреждений всех здоровых воинских чинов, исключение делалось для специалистов и лиц, занимавших должности не ниже начальников отделений, заменив отчисленных полными инвалидами.

Главному интенданту приказано было принять все меры к выяснению действительной численности всех войсковых частей и исключить с довольства всех лишних людей. Однако, несмотря на все эти меры, отношение боевого состава к общей численности находившихся на довольствии ртов оставалось около одной пятой. Огромное число раненых, пленных и большое число возвращающихся в Крым эвакуированных ранее, в большинстве случаев престарелых или категорийных воинских чинов, увеличивало число ртов в тылу. Лишь небольшое число уволенных в тыл по категориям инвалидов могли быть использованы для укомплектования запасных полков, где проходили краткий курс обучения, как призванные по мобилизации, так и некоторая часть пленных, составлявших по-прежнему значительную часть наших пополнений. В большинстве случаев командиры частей и начальники дивизий сами отбирали известное число солдат из пленных и пополняли ими частью обозы и тыловые учреждения, частью ставили в строй. Остальные пленные содержались в лагерях под наблюдением агентов контрразведывательного отделения и, по изъятии коммунистов, отправлялись в запасные полки.

Конечно, все эти источники пополнения по своему качеству не могли возместить наших потерь, особенно в офицерском составе. Приходилось искать новые источники пополнения. Таковыми могли быть остатки северо-западных и северной армий, а также те части генерала Шиллинга, которые во главе с генералом Бредовым отошли из Новороссии в Польшу, где и были интернированы. Я предписал всем нашим военным представителям принять все зависящие от них меры для направления в Крым всех боеспособных офицеров и солдат. Переговоры с Польшей и Румынией относительно возвращения отряда генерала Бредова близились к благоприятному разрешению.

Вновь занятый нами район, весьма богатый коневыми средствами, дал возможность посадить на коней полки регулярной конницы и кубанские казачьи полки и запрячь часть артиллерии. Однако все же для обозов лошадей не хватало, и я вынужден был объявить дополнительную конскую мобилизацию 3000 коней. В страдную летнюю пору поставка такого количества лошадей была для населения особенно тяжела. Стремясь всеми мерами облегчить тяготы населения от падающих на него натуральных на военные нужды повинностей, я требовал от войсковых частей помощи населению по уборке урожая и засеву озимых полей свободными от наряда людьми и лошадьми войсковых обозов. Начальники гражданских частей при корпусах обязаны были собирать сведения по волостям о числе требуемых для уборки лошадей и повозок. Командиры корпусов делали соответствующие наряды. Ответственность за исполнение приказов возлагалась на командиров частей, наблюдение лежало на начальниках дивизий и командирах корпусов. О сделанных нарядах корпуса доносили мне каждую неделю. Я предупреждал войска, что, ежели при объездах буду видеть вблизи расположения воинских частей необработанные поля, взыскивать буду с начальника части.

При огромном численном превосходстве противника, для нас приобретали особое значение технические средства борьбы — аэропланы, танки, бронев автомобили. В последних боях наши аэропланы оказали нам неоценимые услуги, однако аппараты (всего 20—30) были в таком состоянии, что их могло хватить всего на один-полтора месяца. Танки, броневики и автомобили разного типа были в таком виде, что лишь беззаветная доблесть офицеров давала возможность ими пользоваться. Бензин, масло, резина доставались за границей с величайшим трудом, и в них ощущался огромный недостаток.

Все необходимое нам закупалось частью в Румынии, частью в Болгарии, частью в Грузии. Делались попытки использовать оставленное в Трапезунде русское имущество, однако все эти попытки встречали непреодолимые затруднения. Англичане чинили нам всевозможные препятствия, задерживая пропуск грузов под всевозможными предлогами. Всякими ухищрениями и пользуясь доброжелательным отношением местных представителей Великобритании в Константинополе мы кое-как эти препятствия обходили. Однако терялось огромное количество времени и напрасных усилий.

Другое препятствие представлялось еще более серьезным. На приобретение всего необходимого мы не имели валюты. Наше финансовое положение становилось все тяжелее. Небольшие запасы иностранной валюты истощались, новых поступлений не было, наш рубль продолжал

падать. Нашим единственным предметом вывоза мог быть хлеб, и единственной возможностью обеспечить дальнейшее боевое снабжение армии был обмен этого хлеба на предметы боевого снабжения. Приходилось остановиться на мысли монополизации вывоза хлеба. Мера эта неизбежно должна была вызвать неудовольствие в тех коммерческих кругах, которые преследовали прежде всего личную наживу, но другого исхода, с государственной точки зрения, не было.

Жизнь в Северной Таврии постепенно налаживалась, восстанавливались органы местного самоуправления. Весь сложный земский аппарат был совершенно разрушен, все приходилось создавать сызнова. Мелитопольской земской управе, ввиду полного отсутствия средств, выдана была двенадцатимиллионная ссуда. Восстанавливалось и городское самоуправление.

26 июня мною был отдан приказ (№ 3372):

«Войска наши встречают повсеместно сочувствие населения. Правительственным учреждениям мною поставлена задача водворить законность, охранить свободу и безопасность мирных граждан и дать населению земельный порядок и самоуправление. Основанная на таких началах правительственная политика не нуждается в особых мерах искусственного влияния на общественное мнение и настроение народной мысли, редко достигающих своей цели. Пусть судят власть по ее действиям.

Ввиду сего нахожу излишним существование специальных военных и гражданских организаций политической пропаганды и осведомления, все же дела о печати нахожу своевременным сосредоточить в ведении начальника гражданского управления.

Посему приказываю: 1) отдел печати и местные политические отделения передать в ведение начальника гражданского управления; 2) центральное управление политической части и политические отделения при штабах корпусов упразднить; 3) телеграфное агентство «Юрта» передать в ведение начальника управления иностранных дел; 4) остальные отделения, а также издательство «Военного Голоса» с типографией оставить в ведении обер-квартирмейстера отдела Генерального штаба военного управления; 5) преобразования закончить к 1 июля сего года, остающихся за штатом чинов обратить по назначению».

Давно задуманная мною мера проведена была в жизнь. Отныне штаб ведал исключительно военным делом, и гибельной двойственности политической работы был положен конец.

Проведение этой меры встретило немало затруднений со стороны штаба, видевшего в этом умаление своих прав. Со стороны вто-

рого генерал-квартирмейстера полковника Дормана и его помощника, заведывавшего политической частью полковника Симинского, и их сотрудников делалось все, чтобы воспрепятствовать проведению этой меры в жизнь. Однако я остался непреклонен. Ближайшее будущее показало, что, помимо неуместного самолюбия, со стороны полковника Симинского имелись и другие более веские причины для противодействия намеченному мною мероприятию. С расформированием политической части штаба чины этой части остались за штатом, и полковник Симинский отпросился в отпуск в Грузию. По отъезде его обнаружилось исчезновение шифра и ряда секретных документов, а произведенным расследованием было выяснено, что полковник Симинский состоял агентом большевиков. Через несколько месяцев, по моему настоянию, полковник Симинский был задержан в Грузии и отправлен в Крым, однако везший его пароход прибыл в Феодосию через день по оставлении нами родной земли. Полковник Симинский был освобожден большевиками и избежал за служенной кары.

26 июня состоялось заседание совета под моим председательством. Я ознакомил совет с общим положением на фронте и указал в общих чертах наши ближайшие задачи: задуманная красными против Русской Армии операция закончилась их разгромом. Победа дает нам некоторую передышку. Эту передышку необходимо использовать — привести в порядок тыл, пополнить и правильно организовать армию. В дальнейшем я намерен бить по частям подходящего противника.

Необходимо энергично продолжать расформирование и сокращение тыловых учреждений, принимая вместе с тем меры для улучшения материального обеспечения служащих. Для усиления боеспособности армии необходимо обратить внимание на техническое ее оборудование. Снабжение армии аэропланами, автомобилями, броневиками и обеспечение достаточным количеством снарядов и патронов является непременным условием нашего успеха. Для приобретения всего этого необходим достаточный запас иностранной валюты. Таковой должен быть хлеб. Принимая все меры для того, чтобы победить врага, мы ни минуты не должны забывать о необходимости обратить Крым, наше последнее убежище, в неприступную крепость, дабы в случае неудач на фронте мы могли бы держаться в Крыму. Крым должен быть обеспечен всем необходимым — запасом продовольствия, фуражом, углем, нефтью, артиллерийскими запасами.

Отношение населения к армии особенно благожелательно. Необходимо взамен приносимых населением жертв дать населению порядок и улучшить его экономическое положение. Необходимо принять самые

срочные меры, чтобы наладить гражданское управление в тылу, ввести волостные земства, обеспечить население наиболее необходимыми товарами — углем, железом, земледельческими орудиями, мануфактурой, обувью, устранить задержки в уплате денег по реквизиционным квитанциям, облегчить крестьянам подводную повинность.

То же и в отношении городского населения и, в частности, рабочих. Все, что возможно с государственной точки зрения, должно быть сделано для разрешения рабочего вопроса в интересах рабочих. Вместе с тем необходима самая решительная борьба с попытками саботажа, забастовок и т. д. Необходимо, чтобы главнейшие жизненные центры были обеспечены для непрерывного действия правительственного аппарата. Надо подобрать соответствующий кадр рабочих из военнообязанных для обслуживания экспедиции заготовления денежных знаков, главнейших железных дорог, водопроводных и электрических станций, в частности, обращаю внимание на электрическую станцию в Симферополе, центральную для всего фронта.

В заключение я обратил внимание на необходимость требования от всех учреждений и лиц, в настоящих условиях, самой напряженной работы. Работа должна идти революционным темпом, рутины быть не может. Объявленные правительством мероприятия не только должны проводиться быстро, но и так, чтобы население верило, что со стороны власти нет колебаний в проведении в жизнь намеченных мер. В этом отношении особенно необходимо обратить внимание на проведение в жизнь приказа о земле. Необходимо, чтобы у крестьян была уверенность, что этот приказ власть искренно готова провести в жизнь. Из бесед моих с крестьянами во время последнего моего объезда я убедился, что этого нет.

Недостаток людей чувствовался во всем. Если в войсках было мало опытных строевых начальников, то гражданские управления были особенно бедны людьми. Еще при моем предшественнике эти управления пополнялись людьми случайными, в дальнейшем, по развале Вооруженных сил Юга России, значительное число служащих оставили пределы родины, и в большинстве управлений оставались лишь те, кто не мог по тем или иным причинам выехать за границу или, обремененный семьей, вынужден был из-за куска хлеба тянуть служебную лямку. При этих условиях трудно было требовать от них творческой работы.

С первых же дней вступления своего в должность моего помощника и председателя совета А.В. Кривошеин написал целому ряду лиц, призывая их к работе. Однако, кроме Никанора Васильевича Савича, ни один из этих лиц не решился отдать силы свои на дело, казавшее-

ся безнадежным. Большинство отнекивалось под тем или иным предлогом. Одни ссылались на свое здоровье, другие на свои личные частные дела, некоторые признавались, что потеряли веру в дело и в самих себя. Так, бывший министр земледелия, А.А. Риттих, намечавшийся Александром Васильевичем на должность начальника гражданского управления, телеграфировал, что «потерял веру в свои силы».

А.В. Кривошеин горько жаловался мне на трудность работы в таких условиях. «За исключением Савича и Струве — мне даже и посоветоваться не с кем, — говорил он. — Помощников совсем нет, приходится всю мелкую работу делать самому». Он действительно работал по двенадцать часов в сутки. Однако духом не падал. Наши последние победы в значительной степени ободрили его.

«Все зависит от наших дальнейших успехов, увеличится занятая нами территория, удастся захватить нам каменноугольный район или нефтеносные кавказские земли, будет и поддержка иностранцев, будут и деньги, тогда все пойдут к нам», — говорил он.

Подолгу обсуждали мы вместе настоящее положение, искали выходов. Маленькая территория Крыма не могла долго прокормить армию. Незначительная база не давала возможности, опираясь на нее, начать обширные операции против армий Советской России. Расширение этой базы, захват новых обладающих естественными богатствами областей, могущих дать новые источники пополнения и обеспечить заграничный кредит, являлось необходимым. Однако расширение занятой территории требовало увеличения численности армий. Последнее, при отсутствии технических средств, оружия и снаряжения, являлось недостижимым. Перед нами был заколдованный круг. Поляки отходили по всему фронту. За последние дни их отступление обращалось в беспорядочное бегство. Уже теперь красное командование получило возможность, снимая войска с Польского фронта, направлять их на юг. За последнее время против нас было обнаружено несколько прибывших с запада новых дивизий. В недалеком будущем, покончив с поляками, красные получали возможность всей массой своих сил обрушиться на нас.

Единственным источником пополнений армий могли быть еще казачьи земли. При развале армий генерала Деникина десятки тысяч казаков разошлись по домам с конями, оружием и снаряжением. Огромные боевые запасы были оставлены на Северном Кавказе и на Дону. Несмотря на то что на Дону и на Кавказе в течение нескольких лет велась кровавая борьба, эти края были богаты еще местными средствами. Все это заставляло склоняться к перенесению нашей борьбы в казачьи области. Сведения нашей разведки с Кубани и Дона

были благоприятны. В целом ряде станиц казаки восставали против советской власти. Население укрывало наших разведчиков и всячески помогало им. Правда, имелись сведения о том, что по занятии Кавказа красное командование приняло ряд мер к обезоружению населения; большое число казаков было выселено в центральные губернии России...

Операция по расширению нашей базы путем захвата казачьих областей могла вестись, лишь опираясь на местные силы, рассчитывая, что при появлении наших частей по всей области вспыхнут восстания. Для операции мы не могли выделить значительных сил, т. к. удержание нашей житницы, Северной Таврии, являлось жизненной необходимостью. Лишь впоследствии, в случае первоначальных крупных успехов и захвата богатых областей Северного Кавказа, мы могли бы, оттянув войска к перешейкам Крыма и закрепившись здесь, направить большую часть сил для закрепления и развития достигнутых на востоке успехов...

После всестороннего обсуждения я принял план: пополнив армию, приведя в порядок тылы, нанести противнику новый удар на Северном фронте и тем развязать себе руки. Затем, удерживаясь в Северной Таврии, перебросить часть сил (кавказские казачьи полки) на Кубань и, опираясь на местное казачество, очистить от большевиков кубанские земли. В дальнейшем, оставив Северную Таврию и удерживая 1-м корпусом крымские дефиле, перебросить на помощь кубанским донские полки.

В предвидении начала операции по очищению от красных казачьих земель, представлялось необходимым окончательно разрешить «казачий вопрос». В связи с этим надо было точно определить взаимоотношения правительства Юга России с казачьими правительствами. Широкая местная автономия, дающая возможность использовать налаженный уже аппарат местного казачьего управления, мне представлялась желательной. В то же время для обеспечения успеха нашей дальнейшей борьбы все наиболее жизненные отрасли государственной власти — вооруженную силу, финансы, пути сообщения, почту и телеграф — я считал необходимым сохранить в полном своем распоряжении.

Для заключения соглашения с казаками обстановка была благоприятной. Самостийные течения потеряли у казаков всякое значение. Строевое казачество относилось к ним явно враждебно. Чувствуя недоверие в строевых частях, находясь в полной зависимости от правительства Юга России, атаманы и их правительства всячески искали сближения с Главным командованием. Донской атаман генерал Бога-

евский и терский — генерал Вдовенко были сами по себе чужды «самостийности». Они лишь не имели достаточно широкого государственного кругозора, ни должной силы характера, чтобы бороться с демагогией казачьих политиканов.

Что касается кубанцев, то за сложением с себя звания атамана генералом Букретовым атаманская булава оказалась в руках председателя кубанского правительства инженера Иваниса, весьма близкого к самостийным кругам рады. Против него в среде кубанских частей было большое озлобление, его считали одним из виновников позорной сдачи Кубанской армии. Собравшиеся, с моего согласия, 25 июня в Феодосии, для обсуждения некоторых своих казачьих дел, члены Кубанской рады объявили генерала Букретова и инженера Иваниса изменниками и потребовали сложения ими с себя полномочий, однако Иванис от этого отказался, ссылаясь на то, что постановление членов рады незаконно, за отсутствием кворума. Последнее было справедливо. Вместе с тем Иванис официальным письмом уведомил меня, что считает для себя обязательным подписанное в апреле соглашение с Главным командованием. В разговоре со мной он выражал готовность дополнить этот договор отдельным соглашением на намеченных мною основаниях. Члены рады продолжали настаивать на сложении Иванисом своих полномочий. В одном из заседаний члены рады единогласно объявили об избрании ими кубанским атаманом генерала Улагая. Постановление было явно незаконно. Это сознавал и сам генерал Улагай, категорически отказавшийся от принятия атаманской булавы. Помимо незаконности избрания, генерал Улагай указывал и на другие причины своего отказа. Он вообще уклонялся от политической деятельности, считая себя исключительно строевым начальником. После долгих переговоров члены рады согласились отложить вопрос о выборе нового атамана до того времени, когда рада получит возможность собраться в законном составе.

Весьма озабочен был я вопросом о печати. С упразднением политической части штаба отдел печати переходил в ведение начальника гражданского управления. Как чины этого отдела, так и большинство цензоров на местах были прежними служащими Освага. Осваг не без основания оставил по себе недобрую память. Там пристраивались те, кто имел руку, и состав служащих был чисто случайный. Ни опыта, ни определенных твердых убеждений в большинстве случаев у этих лиц не было. За исключением одной серьезной газеты «Великая Россия», издававшейся под редакцией В.М. Левитского⁷³ и при участии Н.Н. Львова⁷⁴, Н.Н. Чебышева⁷⁵ и В.В. Шульгина⁷⁶, остальная печать была типично мелко провинциальной.

Печать эта весьма слабо отражала значение русского национального дела и характер южнорусской власти в вопросах внешней и внутренней политики. Сплошь и рядом, преднамеренно или случайно, по вине редакции, или недосмотру, или непониманию цензора, в печать проскальзывали заметки, сообщения или статьи, должествующие произвести за границей весьма для нас неблагоприятное впечатление.

В газете монархического направления «Русская Правда», издававшейся в Севастополе, появился целый ряд статей определенно погромного характера. Весьма дружественно к нашему делу расположенные представители Америки — адмирал Мак-Колли и Франции, заменивший генерала Манжена, майор Этьеван, почти одновременно один за другим пришли ко мне с номерами газеты в руках и предупреждали меня о том неблагоприятном впечатлении, которое помещенные в газете статьи неминуемо произведут на общественное мнение их стран. Я тогда же отдал приказ, объявив вновь выговор цензору, и закрыл газету.

В настоящей сложной политической обстановке, при господствующих на Западе демократических веяниях и полной зависимости нас от западноевропейских государств, приходилось быть особенно осторожным. Враждебные нам круги русской зарубежной общественности вели предательскую работу, подыгрываясь к западноевропейской демократии. В нашей борьбе хотели видеть борьбу не национальную, а националистическую, не освобождение, а реставрацию. Пользовались всяким поводом: так, в обращении моем к «русским людям», выпущенном в дни нашего перехода в наступление, слово «хозяин», напечатанное к тому же крупным шрифтом, вызвало в левой прессе целую бурю... К сожалению, органы печати, подобные «Русской Правде», давали к этому повод. 5 июля в газете «Великая Россия» была помещена имеющая декларативный характер беседа моя с представителем этой газеты Н.Н. Чебышевым:

«На днях я имел случай беседовать с генералом Врангелем о политике Главного командования. Генерал Врангель при этом высказал свои взгляды по общим вопросам политики, выдвинутым ходом событий. За что мы боремся.

— На этот вопрос, — заявил генерал Врангель, — может быть только один ответ: мы боремся за свободу... По ту сторону нашего фронта, на севере, царит произвол, угнетение, рабство. Можно держаться самых разнообразных взглядов на желательность того или иного государственного строя, можно быть крайним республиканцем, социалистом, даже марксистом, и все-таки признавать так называемую советскую республику образцом самого небывалого, зловещего

деспотизма, под гнетом которого погибает и Россия, и даже новый ее, якобы господствующий, класс пролетариата, придавленный к земле, как и все остальное население. Теперь это не составляет тайны и в Европе. Над советской Россией приподнята завеса. Гнездо реакции в Москве. Там сидят поработители, трактующие народ как стадо. Только слепота и недобросовестность могут считать нас реакционерами. Мы боремся за раскрепощение народа от ига, какого он не видел в самые мрачные времена своей истории. В Европе долгое время не понимали, но теперь, по-видимому, уже начинают понимать то, что мы ясно сознаем: все мировое значение нашей домашней распри. Если наши жертвы пропадут даром, то европейскому обществу, европейской демократии придется самим встать на вооруженную защиту своих культурных и политических завоеваний против окрыленного успехом врага цивилизации.

Хозяин.

— Слово «хозяин» посчастливилось. Оно стало ходячим словом. Россия сейчас не имеет «хозяина». Им я себя никоим образом не считаю, что признаю долгом засвидетельствовать в самой решительной форме. Но я никак не могу признать «хозяином» земли русской неведомо кем уполномоченный московский совнарком — бурьян, выросший из анархии, в которую погружена Россия. «Хозяин» — это сам русский народ. Как он захочет, так и должна устроиться страна. Если он пожелает иметь монарха, Россия будет монархией. Если он признает полезной для себя республику — будет республика.

Но дайте народу возможность выразить свои желания без чрезвычайок и без наведенных на него пулеметов. Большевики разогнали Учредительное собрание, рассадили по тюрьмам, убили некоторых его членов. Большевики боятся всякого правильного законного представительства, в котором может вылиться воля народа. А мы стремимся установить минимальный порядок, при котором народ мог бы, если пожелает, свободно собраться и свободно выразить свою волю. Мои личные вкусы не имеют никакого значения. С минуты принятия на себя власти я отрешился в своей официальной деятельности от личных влечений к тому или другому порядку. Я беспрекословно подчиняюсь голосу русской земли.

Еврейский вопрос.

Я поинтересовался узнать мнение генерала Врангеля о еврейском вопросе.

— В народных массах действительно замечается обострение ненависти к евреям. Чувство это все сильнее разливается в народе. В последних своих проявлениях народные противоеврейские настроения

буино разрастаются на гнойнике большевизма. Народ не разбирается, кто виноват. Он видит евреев-комиссаров, евреев-коммунистов и не останавливается на том, что это часть еврейского населения, может быть оторвавшаяся от другой части еврейства, не разделяющая коммунистических учений и отвергающая советскую власть. Всякое погромное движение, всякую агитацию в этом направлении я считаю государственным бедствием и буду с ним бороться всеми имеющимися у меня средствами. Всякий погром разлагает армию. Войска, причастные к погромам, выходят из повиновения. Утром они громят евреев, а к вечеру они начнут громять остальное мирное население. Еврейский вопрос, вопрос тысячелетний, больной, трудный, он может быть разрешен временем и мерами общественного оздоровления, но исключительно при наличии крепкой, опирающейся на закон и реальную силу государственной власти. В стране, где анархия и произвол, где неприкосновенность личности и собственности ставится ни во что, открыт простор для насильственных выступлений одной части населения против другой. Наблюдаемое в последнее время обострение вражды народа к еврейству, быть может, один из показателей того, насколько народ далек от коммунизма, с которым он склонен ошибочно отождествлять все еврейство. С оживлением деятельности большевистской власти в известной местности там растут и противоеврейские течения.

Россия и Европа.

— Я всей душой жажду прекращения гражданской войны. Каждая капля пролитой русской крови отзывается болью в моем сердце. Но борьба неизбежна, пока сознание не прояснилось, пока люди не поймут, что они борются против себя, против своих прав на самоопределение, что они совершают над собой бессмысленный акт политического самоубийства. Пока в России не установится настоящая государственная власть любого настроения, но такая, которая будет основана на освященных вековыми исканиями человеческой мысли началах законности, обеспеченности личных и имущественных прав, на началах уважения к международным обязательствам, в Европе никогда не наступит ни мира, ни улучшения экономических условий. Невозможно будет заключить ни одного мало-мальски прочного международного соглашения и ни о чем как следует договориться. История когда-нибудь оценит самоотречение и труды горсти русских людей в Крыму, которые в полном одиночестве на последнем клочке русской земли боролись за устои счастья человеческого, за отдаленные очаги европейской культуры. Дело Русской Армии в Крыму — великое освободительное движение. Это священная война за свободу и право».

А.В. Кривошеин, так же как и я, сознавал необходимость упорядочения печатного дела, подбора соответствующих лиц в центральных и местных отделах цензуры. К сожалению, и в этом деле приходилось считаться с отсутствием людей. Заведывание отделом печати было предложено профессору Новгородцеву и профессору Алексееву. Однако оба отказались; отказались и другие лица, находящиеся вне Крыма. Впредь до подыскания соответствующего лица, начальником отдела печати оставался Г.В. Немирович-Данченко⁷⁷, назначенный на эту должность по рекомендации и. д. начальника гражданского управления С.Д. Тверского. Человек крайне ограниченный, без всякого опыта и достаточных знаний, Немирович-Данченко был совершенно не на месте.

В связи с успехами большевиков на Польском фронте положение представителя советского правительства в Лондоне значительно окрепло. На поляков англичане оказывали давление, побуждая заключить мир. Итальянцы тоже склонялись к заключению соглашения с Советами. Одни Франция и Америка оставались верными прежней политике.

29 июня, в День Петра и Павла, у меня был прием для членов правительства, высших чинов моего штаба и управлений, атаманов и их правительств.

4 июля я выехал в Мелитополь. К этому времени части армии закончили перегруппировку. 1-й армейский корпус генерала Кутепова сменил 2-й армейский корпус генерала Слащева и занял участок от деревни Вальдгейм через хутора Острякова на Вальдорф и далее до Днепра у станции Попово. 2-й армейский корпус стал по течению Днепра, пополнялся и приводился в порядок после непрерывных полуторамесячных боев. Донской корпус оставался на старом участке от Азовского моря в районе Ногайска до Вальдгейма. Сводный корпус генерала Писарева расформировывался, кубанцы сели на коней, и Кубанская казачья, 1-я и 2-я конные дивизии, сведенные в конный корпус под начальством бывшего начальника 2-й Донской дивизии генерала Калинина⁷⁸, только что назначенного командиром корпуса, сосредоточились в районе Большого Токмака. В Мелитополе формировалась 6-я пехотная дивизия.

Красные также приводили свои части в порядок и перегруппировывались. Свежие пополнения непрерывно подходили к 13-й советской армии как из восточных округов Европейской России и Западной Сибири, так и с Кавказа и Польского фронта. За последнее время на фронте были обнаружены вновь прибывшие 68-я и 69-я бригады 23-й стрелковой дивизии, сводная бригада «товарища» Плетнева, 16-я кавалерийская

дивизия, 15-я стрелковая дивизия была оттянута на отдых в Екатеринослав, 154-я бригада 52-й стрелковой дивизии была оттянута на правый берег Днепра в район Берислава.

Силы противника на Северном фронте исчислялись в одиннадцать пехотных и шесть конных дивизий, всего 35 000 штыков и 10 000 шашек. Общая численность армии противника исчислялась в 250—300 тысяч (считая и тыловые части).

Агентура из достоверных источников доносила о сведениях кавалерийских дивизий (2-й и 16-й) и дивизий бывшего конного корпуса Жлобы, получивших после формирования и пополнения номера 20-й и 21-й, во 2-ю конную армию. Последняя, численностью 4—5 тысяч шашек, обнаружена была в ближайшем тылу 13-й советской армии на Ореховском направлении. Были получены сведения о работе в тылу противника партизан. С некоторыми из партизанских отрядов Гришина, Процана, Яценко и других удалось установить связь. По мере возможности мы снабжали их деньгами и оружием.

5 июля войскам был отдан приказ: генералу Кутепову объединить командование Донским, 1-м армейским и конным корпусами; сосредоточить сильную ударную группу в районе Токмака и на рассвете 10 июля (по просьбе генерала Кутепова впоследствии начало операции было отложено на два дня) разбить александровскую группу красных, стремясь прижать ее к Днепровским плавням. По выполнении этого, удерживая частью своих сил линию рек Жеребец—Конская, прочими силами ударной группы бить по тылам пологской и верхнетокмакской групп противника; генералу Слащеву выполнять прежнюю задачу. Приказав Ставке переходить из Мелитополя в Джанкой, я вечером 5 июля вернулся в Севастополь.

Положение на фронте поляков становилось все серьезнее. Чичерин в ответ на предложение Ллойд Джорджа о перемирии сообщил, что он отвергает всякое посредничество Англии в отношениях между Польшей и Советами, а равно и с мятежником Врангелем, которому лишь в случае капитуляции обещает обеспечить жизнь. Под давлением обстановки новое польское коалиционное правительство, во главе с Витошем, обратилось непосредственно к Советам с просьбой о перемирии.

Я всячески торопил отъезд генерала Махрова в Польшу. Наконец, после целого месяца сношений, было получено согласие польского правительства на его назначение военным представителем в Варшаву, и он на американском миноносце выехал в Константинополь.

8-го вечером я вернулся в Джанкой. На следующий день А.В. Кривошеин вызвал меня к аппарату: «Только что получена телеграмма

от П.Б. Струве. Французское правительство изъявило готовность признать де-факто правительство Юга России. Это большая политическая победа».

Между тем 10 июля наша ударная группа — весь конный корпус с приданной ему посаженной на повозки Дроздовской дивизией сосредоточился в районе Большого Токмака. В 4 часа утра 12 июля все части генерала Кутепова перешли в решительное наступление. В полдень конница генерала Калинина заняла Орехов, откуда генерал Калинин направил 2-ю конную дивизию с 3-м Дроздовским полком на Александровск. К вечеру эти части заняли деревню Жеребец. Корниловцы к вечеру выдвинулись с боями на линию Ланскроне—Шонзе—Сладкая Балка. Марковцы — на линию реки Янчокрак.

13 июля Кубанская казачья дивизия, с двумя полками Дроздовской дивизии, вела бой в районе Орехова. 1-я конная дивизия двинута была на помощь марковцам, встретившим крайне упорное сопротивление, 2-я конная дивизия двинута была в обход на Александровск с севера. Генерал Калинин сразу разбросал свои части. Я телеграфировал генералу Кутепову, указывая на необходимость действовать сосредоточенной массой конницы.

Действия генерала Калинина с утра 14-го были столь же неудачны. Сперва, по недостаточно проверенным сведениям, он двинул 1-ю конную и Кубанскую дивизии на Копани, заняв дроздовцами высоты западнее Орехова. Кубанцы имели красивое дело, захватив 1500 пленных и одно орудие. Между тем конница противника всеми силами обрушилась на 2-ю конную дивизию генерала Морозова, потеснила ее и беспрепятственно заняла Орехов. Генерал Калинин бросился туда. К ночи дроздовцы овладели Ореховом. 1-я конная дивизия заняла Аул. Кубанцы заночевали к востоку от Орехова. Корниловцы и марковцы вели весь день упорные бои, причем марковцы вышли на линию реки Конской, овладев деревней Веселой и Царицынским Кутом.

15 июля донцы имели крупный успех, разгромили 40-ю стрелковую дивизию противника в районе Юльевки, захватили 1500 пленных, 7 орудий, 35 пулеметов и отбросили противника на восток за железную дорогу. Генерал Калинин продолжал топтаться на месте. К вечеру его части располагались: 1-я конная и кубанская дивизии в Ауле и Жеребце; 2-я конная дивизия с 3-м Дроздовским полком в районе Камышеватки, два дроздовских полка в Орехове. Марковцы, оставив охранение на реке Конской, отошли в район Щербаковка—Яковлевка—Янчокрак. Корниловцы продолжали занимать свой участок. Я вновь телеграфировал генералу Кутепову, требуя от конницы решительных действий.

16-го с рассветом противник сам перешел в наступление в районе Сладкой Балки и потеснил корниловцев к долине реки Чингула. Одновременно конница красных оттеснила 3-й Дроздовский полк и охранение Марковской дивизии и заняла район Юльевка—Веселое—Ново-Григорьевское. Конница генерала Калинина продолжала топтаться в районе Жеребец—Васиновка—Малая Токмачка. Убедившись, что генерал Калинин справиться с задачей не может, я по телеграфу отчислил его, приказав вступить в командование корпусом начальнику Кубанской дивизии генералу Бабиеву.

17 июля донцы вновь нанесли противнику жестокий удар, захватили 500 пленных. 3 бронепоезда, 3 орудия, пулеметы, склад снарядов и запасы бензина. К ночи Донской корпус остановился на высотах севернее Черниговки и Семеновки Северной. Корниловцы энергичным ударом овладели деревнями Вернерсдорф, Скелеватая и Сладкая Балка и вышли к вечеру правым флангом на линию Ново-Михайловка—Очертоноватое. Марковцы, поддержанные 3-м Дроздовским и 7-м конным полком 2-й конной дивизии, наступали на Яковлевку, Юльевку, Веселое и Царицынский Кут. С вступлением в командование доблестного генерала Бабиева действия конницы сразу изменились. Выполняя указанную мною задачу разбить главную группу противника — конницу красных, прижав ее к Днепру, генерал Бабиев направил: 1-ю конную и Кубанскую дивизии, под командой генерала Барбовича, от Малой Токмачки на Васиновку и далее на Жеребец, в охват левого фланга конной группы противника. Одновременно 2-я конная дивизия генерала Морозова двинута была на Аул, где завязала бой с конницей красных, наступавших на Ново-Павловку. Два дроздовских полка вышли на север от Орехова.

В районе Малая Токмачка—Блуменфельд конница генерала Барбовича столкнулась с красными частями 16-й и 20-й кавалерийских дивизий. При содействии дроздовцев, ударивших во фланг развернувшейся конницы красных, генерал Барбович рассеял противника и захватил семь орудий. Преследование велось до двух часов ночи, и лишь полное истощение коней не дало возможности развить успех.

День 18 июля прошел спокойно. Донцы заняли 3-й дивизией Верхне-Токмак, Черниговку, Семеновку Южную; 2-й дивизией — линию Семеновка Северная—Конские Раздоры—Пологи. Корпус генерала Бабиева сосредоточился для новой атаки. В полночь на 19 июля генерал Барбович 1-й конной и Кубанской казачьей дивизиями внезапно атаковал деревню Васиновку, застигнув врасплох расположенную там дивизию красной конницы. Красные бежали в разных направлениях, оставив в наших руках три гаубицы, два бронеевтомобиля,

пулеметы и обозы. В шесть часов утра 19-го одновременным ударом Кубанской и 1-й дивизий с севера и 2-й конной и Дроздовской с юга генерал Бабиев атаковал деревню Жеребец, разбил следующую конную группу красных, захватил вновь пять орудий, зарядные ящики, пулеметы и обозы, после чего сосредоточил свои силы в районе Аула.

19 июля донцы выбили красных из Конских Раздоров, но затем сами были оттеснены на Семеновку и Ново-Григорьевку. Правый фланг занял район Басань—Вербовое—Работин.

20-го противник продолжал отход на север. Передовые части Кубанской дивизии с одним Дроздовским полком овладели городом Александровском. 1-я и 2-я конные дивизии наступали на север от Александровска. На 21 июля конница генерала Барбовича ночевала в районе Григорьевки.

В боях с 12-го по 20 июля нами было взято свыше 5000 пленных, более 30 орудий, 150 пулеметов, 4 бронепоезда и другая военная добыча. Верхнетокмакская, пологская и александровская группы красных были разбиты. В ночь на 21 июля наши части получили приказание, разрушив Александровский железнодорожный узел, оставить город.

К утру 22 июля 1-я конная и Дроздовская дивизии были оттянуты в деревню Жеребец, 2-я конная — в деревню Васиновку, кубанцы направлены были на станцию Пришиб для погрузки и переброски в Феодосию. Туда же направились терские и астраханские полки. К вечеру 20 июля я вернулся в Севастополь.

22 июля состоялось торжественное подписание соглашения моего с атаманами и правительствами Дона, Кубани, Терека и Астрахани:

«Ввиду совместно предпринятой борьбы за освобождение России от большевиков, Правитель и Главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России и атаманы и правительства Дона, Кубани, Терека и Астрахани, в развитие соглашения от 2 (15) апреля сего года, единодушно заключили настоящее соглашение:

1. Государственным образованиям Дона, Кубани, Терека и Астрахани обеспечивается полная независимость в их внутреннем устройстве и управлении.

2. В совете начальников управления при Правителе и Главнокомандующем участвуют, с правом решающего голоса по всем вопросам, председатели правительств государственных образований Дона, Кубани, Терека и Астрахани или заменяющие их члены сих правительств.

3. Главнокомандующему присваивается полнота власти над всеми вооруженными силами государственных образований Дона, Кубани, Терека и Астрахани, как в оперативном отношении, так и по прин-

ципиальным вопросам организации армии. Государственные образования Дона, Кубани, Терека и Астрахани обязуются производить по указанию Главнокомандующего мобилизацию не менее сроков и категорий, какие устанавливаются на территории Вооруженных Сил на Юге России.

4. Все необходимые для снабжения борющихся с большевиками Вооруженных Сил Юга России, продовольственные и иные средства предоставляются, по требованию Главнокомандующего, территориями Вооруженных Сил и государственными образованиями Дона, Кубани, Терека и Астрахани по особой разверстке.

5. Управление железнодорожными путями и магистральными телеграфными линиями предоставляется власти Главнокомандующего.

6. Соглашение и переговоры с иностранными правительствами как в области политической, так и в области торговой политики осуществляются Правителем и Главнокомандующим. Если переговоры эти касаются интересов одного из государственных образований Дона, Кубани, Терека и Астрахани, Правитель и Главнокомандующий предварительно входит в соглашение с подлежащим атаманом.

7. Устанавливается общая таможенная черта и единое косвенное обложение; отменяются всякие таможенные заставы и досмотры между отдельными территориями, участвующими в настоящем соглашении.

8. На территории договаривающихся сторон устанавливается единая денежная система. Эмиссионное право осуществляется Правителем и Главнокомандующим. Установление денежной системы и распределение денежных средств, получаемых от эмиссии, составляет предмет дополнительных соглашений. Размеры эмиссии определяются постановлениями совета начальников управлений при Правителе и Главнокомандующем, при обязательном участии представителей государственных образований Дона, Кубани, Терека и Астрахани и утверждаются Правителем и Главнокомандующим.

9. По освобождении территорий государственных образований Дона, Кубани, Терека и Астрахани настоящее соглашение имеет быть внесено на утверждение больших войсковых кругов и краевой рады, но приемлет силу тотчас по его подписании.

10. Настоящее соглашение устанавливается впредь до полного окончания гражданской войны.

Учинено в пяти экземплярах в Севастополе, июля 22-го, августа 4-го дня тысяча девятьсот двадцатого года».

Перед началом заседания в Большом дворце было отслужено молебствие преосвященным епископом Вениамином. На заседании, под моим председательством, присутствовали: А.В. Кривошеин, генерал-

лейтенант Шатилов, атаман Донского казачьего войска генерал-лейтенант Богаевский, и. о. атамана Кубанского казачьего войска и председатель кубанского краевого правительства Иванис, атаман Терского казачьего войска генерал-лейтенант Вдовенко, и. о. астраханского атамана Ляхов, и. о. председателя донского правительства Корженевский, за председателя кубанского правительства генерал-майор Захаров, председатель терского правительства Букановский, председатель астраханского правительства Санджи-Баянов. Члены совета при Главнокомандующем: врид начальника военного управления генерал-майор Никольский, за начальника морского управления контр-адмирал Евдокимов, начальник управления снабжений генерал-лейтенант Вильчевский, врио начальника управления иностранных сношений князь Трубецкой, и. д. начальника гражданского управления Тверской, начальник управления торговли и промышленности Налбандов, начальник управления юстиции сенатор Таганцев, начальник управления земледелия и землеустройства сенатор Глинка, врио начальника финансового управления Матусевич, государственный контролер Савич и врид управляющего делами совета Сергеенко-Богокутский.

Вечером у меня состоялся большой прием в честь представителей казачества, на котором присутствовали представители иностранных миссий, высшие чины военных и гражданских учреждений, представители городского управления и земства.

На следующий день состоялось заседание совета под моим председательством. Я ознакомил совет с нашим военным положением и дал общие указания о работе в тылу на ближайшее время: работа эта идет по-прежнему недостаточно энергично. Так, вывоз хлеба из Северной Таврии все еще не налажен. Правда, недостает рабочих рук и транспортных средств, но вместе с тем налицо и недостаточная распорядительность. Необходимо принять все меры, чтобы широкие массы крестьянства были ознакомлены с «приказом о земле». Армия должна нести крестьянам землю на штыках — вот психологическое значение приказа. Большевики это отлично учли и делают со своей стороны все возможное, чтобы препятствовать распространению приказа среди населения. В наших руках образцы распространяемого большевиками подложного секретного распоряжения, якобы исходящего от меня, — не приводить приказ о земле в исполнение.

Важнейшая задача в настоящее время — выработать определенный план снабжения и планомерно провести его в жизнь. В отношении армии и флота это уже сделано, необходимо сделать то же самое и по гражданским ведомствам. Наметить общий план, проверить требовательные ведомости и сократить их до возможного предела.

Зеленые вновь проявляют свою деятельность. Борьба с ними должна вестись не столько военной силой, сколько путем внутреннего осуждения и энергичной деятельности государственной стражи. Н. А. начальника гражданского управления должен принять все меры для улучшения личного состава государственной стражи, в видах чего ему будет предоставлено право при предстоящем новом наборе выбрать наиболее подходящих людей.

Приказ о новой мобилизации был объявлен 27 июля. Призывались военнообязанные досрочных призывов 1921-го и 1922 годов.

Подготовка к предстоящей операции на Кубани продолжалась. Кубанцы, терцы и астраханцы заканчивали сосредоточение в Феодосии и Керчи. С Кубани и Дона поступали сведения о значительных восстаниях. Мелкие партии охотников, высаженные на Азовском и Черноморском побережье, успешно вели партизанские действия. Наиболее крупная из этих партий под начальством Донского войска полковника Назарова, высадившаяся удачно 26 июня между Мариуполем и Таганрогом и значительно увеличившаяся примкнувшими к ней восставшими казаками, 9 июля занимала район Александровск—Грушевск, в 35 верстах от Новочеркасска. Последние дни обнаружено было сосредоточение противника в районе Бериславля. По всему нашему фронту активность красных увеличивалась.

За последнее время становилось ясным, что из переговоров поляков с большевиками ничего не выйдет. Советская власть под всевозможными предлогами начало переговоров оттягивала, видимо желая выиграть время и дать возможность победоноснодвигающимся красным войскам завершить разгром врага. Правда, Ллойд Джордж еще делал отчаянные попытки достигнуть соглашения с Советами, однако и он, видимо, начинал понимать безнадежность этих попыток. В одной из своих речей в палате он упоминал, что со своей стороны Англия сделала все для того, чтобы избежать необходимости «прибегнуть к крайним мерам». Политика Франции оставалась неизменной. Франция готовилась всемерно поддерживать Польшу, посылая туда военных руководителей, оружие и снаряжение. Что касается Америки, то она решительно отказывалась от каких-либо переговоров с большевиками. Казалось, приближался час, когда прозреет Европа, когда она учтет мировую опасность красного интернационала и поймет все значение нашей борьбы.

В тихий ясный вечер, когда догорал закат и радужными цветами играло и переливалось море и зажигались огни в погружавшемся во тьму городе, мы сидели с генералом Шатиловым на террасе дворца. В эти часы мы часто сидели там, обмениваясь мыслями, обсуждая будущее, вспо-

миная прошедшее. Мы почти никогда не посвящали один другого в наши внутренние переживания. Все тяжелые, почти безнадежные дни мы молча согласились щадить один другого. Разговор обыкновенно касался лишь существенной, деловой стороны. Лишь возвращаясь к прошлому, подчас признавались мы один другому в тех сомнениях и душевных муках, которые дотоле ревниво хранили в своей душе.

На этот раз разговор был более задушевный. Безмятежная тихая красота умирающего дня, временное затишье после многомесячных кровавых битв, некоторое прояснение в заволоченном черными тучами международном положении, все это, вместе взятое, располагало к душевным излияниям...

— Да, мы сами не отдаем себе отчета в том чуде, которого мы свидетели и участники, — задумчиво говорил Шатилов. — Ведь всего три месяца тому назад, как мы прибыли сюда. Ты считал, что твой долг ехать к армии, я — что мой долг не оставлять тебя в эти дни. Не знаю, верил ли ты в возможность успеха, что касалось меня, то я считал дело проигранным окончательно. С тех пор прошло всего три месяца... — Он замолчал.

— Да, огромная работа сделана за это время, и сделана не даром; что бы ни случилось в дальнейшем, честь национального знамени, поверженного в прах в Новороссийске, восстановлена и героическая борьба, если ей суждено закончиться, закончится красиво.

— Нет, о конце борьбы речи теперь быть не может. Насколько три месяца тому назад я был уверен, что эта борьба проиграна, настолько теперь я уверен в успехе. Армия воскресла, она мала числом, но дух ее никогда не был так силен. В исходе кубанской операции я не сомневаюсь, там на Кубани и на Дону армия возрастает и численно. Население сейчас с нами, оно верит новой власти, оно понимает, что эта власть идет освобождать, а не карать Россию. Поняла и Европа, что мы боремся не только за свое русское, но и за ее европейское дело. Нет, о конце борьбы сейчас думать не приходится.

Молча слушал я слова друга и помощника. Огромная работа сделана нами. Три месяца тому назад, прижатая к морю, на последнем клочке родной земли умирала армия. Русский народ отверг ее. В ней видел он не освободителей, а насильников. Европа отвернулась от нас, готовая видеть во власти захватчиков России власть, представляющую русский народ. Казалось, конец неизбежен. Теперь наши войска победоносно двигаются вперед. Воскресшие духом, очистившись в страданиях, русские полки идут, неся с собой порядок и законность. Новая власть пользуется доверием народа. Ее лицо для него открыто. Мир, забыв было нас, вновь нас вспоминает, и борьба горсти русских пат-

риотов начинает приобретать значение крупного фактора международной политики. Да, это так. Но как ничтожен маленький клочок свободной от красного ига русской земли по сравнению с необъятными пространствами залитой красной нечистью России. Как бедны мы по сравнению с теми, кто ограбил несметные богатства нашей Родины. Какое неравенство пространства, сил и средств обеих сторон. Редуют ежедневно наши ряды, раненые заполняют тыл. Лучшие опытные офицеры выбывают из строя, их заменить некем. Изнашивается оружие, иссякают огнеприпасы, приходят в негодность технические средства борьбы. Без них мы бессильны. Приобрести все это нет средств. Наше экономическое положение становится все более тяжелым. Хватит ли сил у нас дожидаться помощи, придет ли эта помощь и не потребуют ли за нее те, кто ее даст, слишком дорогую плату. На бескорыстную помощь мы рассчитывать не вправе.

В политике Европы тщетно было бы искать высших моральных побуждений. Этой политикой руководит исключительно нажива. Доказательств этому искать недалеко. Всего несколько дней назад на уведомление мое о том, что в целях прекращения подвоза в большевистские порты Черного моря военной контрабанды я вынужден поставить у советских портов мины, командующие союзными английским и французским флотами против этого протестовали, телеграфно уведомив меня, что эта мера излишняя, раз они запрещают кому бы то ни было торговлю с советскими портами. Через четыре дня радиостанция нашего морского ведомства приняла радиограмму французского миноносца «Commandant Vogix», отправленную, по-видимому, по просьбе одесского Союза кооперативов, следующего содержания: «Пароход (имя неразборчиво) отойдет 5 августа в Геную с четырьмя тысячами тонн хлеба. Высылайте пароход с медикаментами, грузовыми машинами и хирургическими инструментами. Подпись: Рандони».

Что порукой тому, что, используя наши силы, те, кому мы сейчас нужны, не оставят нас в решительную минуту. Успеем ли мы дотоле достаточно окрепнуть, чтобы собственными силами продолжать борьбу.

Темно будущее, и лучше не заглядывать в него. Выбора нет, мы должны бороться, пока есть силы.

На Кубань

Подготовка к намеченной мной операции на Кубани закончилась. 29 июля должна была начаться погрузка войск одновременно в Феодосии и Керчи. 1 августа на рассвете десант должен был высадиться

в районе станицы Приморско-Ахтарской и, заслонившись с севера, быстро двигаться в направлении на станицу Тимашевскую—Екатеринодар, присоединяя по пути повстанцев и поднимая в станицах казаков.

В состав десантного отряда входили: 1-я Кубанская дивизия (конная) генерала Бабиева — около 1000 шашек, 35 пулеметов, 6 орудий; 2-я Кубанская дивизия (пешая) генерала Шифнер-Маркевича⁷⁹ — 900 штыков, 100 шашек, 48 пулеметов, 8 орудий; Сводная пехотная дивизия генерала Казановича⁸⁰ (1-й Кубанский стрелковый полк, Алексеевский пехотный полк с Алексеевским артиллерийским дивизионом, Константиновское и Кубанское военные училища) — силою около 2500 штыков, 50 пулеметов, 12 орудий, — итого около 4¹/₂ тысячи штыков и шашек, 130 пулеметов, 12 орудий, несколько броневигов и 8 аэропланов. Отдельный отряд генерала Черепова⁸¹ в составе Корниловского военного училища и Черкесского дивизиона — всего около 500 штыков с двумя горными орудиями — был предназначен начальником десанта, именованного группой особого назначения, к высадке у Анапы в целях демонстрации совместно с действовавшими в этом районе повстанцами.

По данным нашей разведки, повстанческие отряды действовали: а) отряд полковника Скакуна, численность которого определялась разнo, от 400 до 1500 человек, — в плавнях района Ачуева; б) отряд генерала Фостикова⁸² — в Баталпашинском отделе в районе станиц Удобная—Передовая—Сторожевая—Кардоникская; отряд этот исчислялся в несколько тысяч казаков и действовал под командой решительного начальника весьма успешно. К сожалению, все попытки установить с генералом Фостиковым непосредственную связь были безуспешны; в) отряд полковника Менякова — в районе станиц Суворовская—Бекетовская—Боргустанская; г) наконец, вернувшийся недавно партизан полковник Лебедев, работавший некоторое время в районе Анапы, донес о весьма удачных действиях повстанцев (зеленых) вдоль линии железной дороги Екатеринодар—Новороссийск. По донесениям наших разведчиков, казаки всюду враждебно относились к советской власти.

Сведения о противнике сводились к следующему: в районе Новороссийск—Таманский полуостров — 22-я советская дивизия; на Тамани — бригада этой дивизии с кавалерийским полком; в районе станиц Крымская—Гостогоевская — бригада 9-й советской дивизии; остальные части этой дивизии перебрасывались по железной дороге на север в район Ростова, видимо, для борьбы с действовавшим на Дону партизаном полковником Назаровым⁸³. К северу от Таманского полу-

острова до самого Ейска побережье наблюдалось лишь слабыми частями 1-й Кавказской кавалерийской дивизии (Дикой), штаб которой располагался в станице Брюховецкой. Принимая во внимание крупные отряды повстанцев, численность наших войск лишь немногим уступала противнику.

Означенные сведения давали основания рассчитывать, что при условии соблюдения должной скрытности и быстроты высадку удастся произвести почти беспрепятственно. В дальнейшем, двигаясь по родным местам среди сочувствующего населения и присоединяя к себе многочисленные повстанческие отряды, войскам удастся захватить самое сердце Кубани — Екатеринодар и прежде, нежели красное командование успеет собрать значительные силы, очистить от красных северную часть Кубанской области.

По занятии Кубани, как указано было выше, я намечал, оттянув войска к Перекопу, перебросить на Тамань весь Донской корпус и, обеспечив прочную базу на Кубани, приступить к очищению Донской области.

Во главе десантного отряда был поставлен генерал Улагай. Заменить его было некем. Пользуясь широким обаянием среди казаков, генерал Улагай один мог с успехом «объявить сполох», поднять казачество и повести его за собой. За ним должны были, казалось, пойти все. Отличный кавалерийский начальник, разбирающийся в обстановке, смелый и решительный, он во главе казачьей конницы мог творить чудеса. Я знал его отрицательные свойства — отсутствие способности к организации, свойство легко переходить от большого подъема духа к унынию.

Ему необходимо было придать твердого и знающего начальника штаба. На эту должность я наметил генерала Коновалова, однако последний настойчиво просил его не назначать. Генерал Шатилов горячо рекомендовал мне генерала Драценко⁸⁴, занимавшего должность моего представителя в Батуме. О генерале Драценко я неоднократно слышал самые лучшие отзывы от генерала Деникина, Романовского и Эрдели⁸⁵, в бытность которого Главнначальствующим Северного Кавказа генерал Драценко успешно действовал против мятежных горцев. Генерал Шатилов знал генерала Драценко еще по Великой войне, где они служили вместе в штабе генерала Юденича. Позднее, в начале 1919 года, при очищении мною от красных Северного Кавказа, генерал Драценко сражался под начальством генерала Шатилова в Дагестане, а затем, после ранения последнего, некоторое время заменял его, действуя весьма удачно. Я вызвал генерала Драценко к себе, беседовал с ним и вынес о нем благоприятное впечатление.

Генералу Улагаю Драценко также понравился, и он предложил ему должность начальника штаба, на что Драценко охотно согласился.

Дав генералам Улагаю и Драценко общие указания, указав задачу и наметив те силы и средства, которые по обстановке я мог дать им для выполнения этой задачи, я предоставил им самостоятельно разработать план операции, распределить войска, указать войскам частные задачи, наладить снабжение, поручив генералу Шатилову лишь общее наблюдение. В дальнейшем, будучи всецело поглощен вопросами государственными и руководством войск на Северном фронте, я мало вникал в выполнение порученной мной генералам Шатилову, Улагаю и Драценко задачи. Это было с моей стороны, как показали события, крупной ошибкой. Уже прибыв в Феодосию на посадку войск 29 июля, я мог убедиться в этом. Огромный штаб генерала Улагая, помимо своей громоздкости, производил впечатление совершенно не организованного, собранного, видимо, из случайных людей, между собой ничем не спаянных. Громадный тыл неминуемо должен был обременить войска.

Намечаемый десант на Кубань не мог оставаться в тайне. О нем знал кубанский атаман, от него узнали члены кубанского правительства и рады. Молва о том, что «идем на Кубань», облетела все тылы и докатилась до фронта. Распространяемым штабом сведениям о том, что десант намечается в район Таганрога для помощи полковнику Назарову, никто не верил.

Огромное число беженцев-кубанцев потянулось за войсками. Теснота при посадке была невероятная. По донесению генерала Казановича, мальчишки-юнкера падали в обморок от духоты. По данным флота, было погружено 16 000 человек, 4500 коней, при общей численности войск в 5000 штыков и шашек. Все остальное составляли тыловые части и беженцы.

Менять что-либо было уже поздно. Я объехал пароходы, говорил с войсками, а затем, пригласив к себе начальника группы, еще раз подтвердил данные ему указания: «База отряда — Кубань. Оглядываний на корабли быть не должно. Всемерно избегать дробления сил. Только решительное движение вперед обеспечит успех. Малейшее промедление вас погубит».

За несколько дней до моего приезда в Феодосию прибыла часть наших войск, отошедших зимой 1920 года под начальством генерала Бредова из Одессы в Польшу и там интернированных. После многих месяцев переговоров удалось добиться пропуска их через Румынию в Крым. В Польше они находились в ужасных условиях. Содержались в тесных лагерях, раздетые, почти не кормленные. Объехав грузившие-

ся войска, я смотрел прибывших бредовцев. Сердце сжималось от боли. В лохмотьях, босые, некоторые в одном грязном нижнем белье... Прибывшие части должны были, отдохнув, одевшись и подкормившись в Феодосии, идти на пополнение частей 2-го корпуса.

В четыре часа дня 29 июля, проводив корабли с войсками, я выехал в Джанкой, куда прибыл к вечеру и где застал прибывший сюда накануне поезд штаба.

В последних числах июля стали поступать сведения об усилении красных на правом берегу Днепра. Со дня на день следовало ожидать форсирования крупными силами противника нижнего течения Днепра. Данные агентурной разведки и радиослежки давали основания предполагать, что главный удар будет нанесен из района Бериславля (против Каховки) силами трех-четырёх дивизий. Ввиду этих данных, генералу Кутепову и генералу Слащеву были даны соответствующие указания: генералу Кутепову — упорно удерживать северный участок фронта, собрав к своему левому флангу возможно большее количество сил; генералу Слащеву — оборонять линию Днепра, обратив главное внимание на Перекопское направление; генералу Барбовичу — во главе конного корпуса в составе 1-й конной дивизии, 2-й кавалерийской (в составе дивизии одна бригада безлошадная), 2-й Донской казачьей дивизии и Алексеевского военного училища, было приказано сосредоточить в районе села Серогозы мой резерв. Туда же предполагал я вывести Дроздовскую дивизию.

В случае переправы противником против 2-го корпуса значительных сил и отхода 2-го корпуса от Днепра к Перекопу я рассчитывал, дав противнику оттянуться от переправ, нанести переправившимся удар в тыл.

Намеченную перегруппировку полностью осуществить не удалось. На фронте 1-го корпуса противник, пополнив растрепанные части, подтянув на участок между Большим Токмаком и линией Днепра 2-ю конную армию и вновь прибывшую 1-ю стрелковую дивизию, повел наступление на левый фланг 1-го армейского корпуса, стремясь прорваться вдоль Днепра и выйти в тыл нашим частям. Одновременно противник перешел в наступление и против частей генерала Слащева.

25 июля под прикрытием артиллерийского огня с правого берега Днепра, господствующего над песчаной равниной левого берега, красные высадились против Малой Каховки и приступили к наводке понтонного моста. Одновременно, под прикрытием артиллерии, противник переправился у Корсунского монастыря и Алешек. К полудню противник закончил у Каховки наводку моста и к вечеру занял Боль-

шую Каховку силами до 2000 пехоты при нескольких легких батареях.

Передовые части противника, наступая на фронт Любимовка—Терны, к четырем часам дня заняли эти пункты. От Корсунского монастыря красные двинулись на село Большие Маячки, выделив часть сил на деревню Британы. Потеснив части 34-й пехотной дивизии, противник к шести часам вечера был уже в семи верстах от Британ. От Алешек противник частями 34-й дивизии был отброшен. В 5 часов вечера части 13-й пехотной дивизии, занимавшие район Любимовка—Лукьяновка, перешли в наступление на Большую Каховку, овладели было Малой Каховкой, но, поражаемые артиллерией с правого берега и встретив значительно превосходящие силы, были отеснены в исходное положение.

По донесению начальника дивизий, дивизия потеряла не менее половины состава. Начальник дивизии доносил, что «боеспособность частей значительно понизилась». Дивизия отошла и к 26-му, согласно приказу, сосредоточилась в районе Могила Высокая—Каменный Колодезь. Боями 25 июля было выяснено, что в районе Каховки переправились части Латышской и 52-й стрелковой дивизий, у Корсунского монастыря — 15-й стрелковой дивизии.

26 июля красные продолжали наступление, но 13-й пехотной дивизией атаки их были отбиты. В то же время бригада 34-й пехотной дивизии ворвалась в Корсунский монастырь, но контратакой противника была выбита, однако к вечеру вновь овладела монастырем.

27 июля на фронте 13-й пехотной дивизии бой продолжался. Закончив переправу у Каховки и переведя на левый берег Днепра тяжелую артиллерию и части конницы, противник, развернувшись на широком фронте, повел наступление на юг, пытаясь охватить оба фланга нашей пехоты.

Около трех часов дня, охватив правый фланг 13-й дивизии, красные, выйдя в глубокий тыл, заняли деревню Черная Долина. 50-й Белостокский полк с батареей повернул фронт на юг, атаковал обошедшую колонну красных и обратил ее в бегство. К вечеру части 13-й дивизии удержали свои позиции. У Корсунского монастыря продолжалась артиллерийская перестрелка; у Алешек противник вновь переправился силою до 1000 человек.

К 28 июля 13-я дивизия отошла, согласно приказанию генерала Слащева, в район села Черная Долина. 133-й и 134-й полки оттянуты были от Корсунского монастыря и казачьих лагерей к хутору Марьяновскому. 2-я бригада 34-й дивизии и 8-й кавалерийский полк перешли в село Преображенка, в резерв командира корпуса. Таким

образом, весь корпус занял сосредоточенное расположение, имея целью укрепить главнейшее Перекопское направление. В то же время корпус генерала Барбовича закончил сосредоточение в районе Серогозы.

Противник в течение 28 июля продолжал продвигаться к югу. Передовые части его достигли района Дмитриевка—Зеленый Пад—Черненька.

На рассвете 29 июля красные вновь атаковали 13-ю дивизию, охватывая левый фланг ее от Черненьки и Маячек. Отбив атаки противника, 13-я пехотная дивизия стала по приказу отходить на линию Масловка—Магдалиновка—Александровка. В этот день конный корпус перешел главными силами в район села Константиновка, выдвинув 1-ю конную дивизию в село Ново-Николаевка.

В то время как части 2-го армейского и конного корпусов готовились нанести удар красным на левом берегу Днепра, положение на фронте 1-го армейского корпуса становилось угрожающим. На участке Большой Токмак—Васильевка шли непрерывные ожесточенные бои. Сосредоточив 2-ю конную армию, 1-ю, 3-ю и 46-ю стрелковые дивизии, пополненные коммунистическими частями и бригадой курсантов, противник делал отчаянные попытки прорвать наш фронт.

Атаки красных неизменно отбивались доблестными частями 1-го корпуса, однако последние понесли огромные потери. Некоторые полки были сведены в батальоны. Особенно велики были потери в командном составе. При этих условиях представлялось совершенно необходимым возможно быстрее закончить операцию против переправившейся через Днепр группы противника, дабы, освободив конницу генерала Барбовича, бросить ее на помощь изнемогавшим в неравном бою частям 1-го корпуса.

29 июля я отдал приказ:

«Я решил завтра, 30 июля, разбить красных на фронте Нижнего Днепра: приказываю генералу Барбовичу выступить в ночь на 30 июля и на рассвете, выставив заслон против красных, занимающих Каховку, ударить в тыл противника, действующего против генерала Слащева, и совместно с частями последнего разбить красных, не дав им отойти на каховскую и корсунскую переправы. По установлении непосредственной связи с частями генерала Слащева поступить в его подчинение. Генералу Слащеву перед рассветом 30 июля атаковать противника, нанося главный удар в общем направлении на Большие Маячки—Каховку, стремясь не дать противнику отойти на правый берег Днепра. По соединении с частями генерала Барбовича подчинить себе последнего, с тем чтобы, используя успех, возможно скорее освободить конницу. Командиру

авиагруппы с рассветом 30 июля оказать бомбометанием содействие генералу Барбовичу и генералу Слащеву».

Вместо того чтобы в точности выполнить мои указания и, по разгроме генералом Барбовичем действовавших против 2-го корпуса частей противника, бросить свою пехоту на его укрепленную позицию и, воспользовавшись его расстройством, овладеть ею, генерал Слащев привлек к этой задаче часть конницы — сначала пешую бригаду 2-й конной дивизии и военное училище, а затем и Донскую дивизию, выделив из состава 2-го корпуса на помощь им лишь одну бригаду 13-й пехотной дивизии с туземным черкесским дивизионом. 34-я дивизия была направлена для овладения Большими Маячками.

На рассвете части генерала Барбовича двинулись в общем направлении на Черненьку, в тыл противника. Обнаружив движение нашей конницы, противник стал на всем фронте отходить, теснимый частями 34-й и 13-й дивизий. Подходя к Чаплинской дороге, генерал Барбович нагнал отходившую бригаду латышей. Наша конница атаковала противника, изрубила до 400 человек и продолжала наступление на деревню Черненьку, где атаковала красных, отходивших от Больших Маячек, разбила их наголову, взяв более 2000 пленных и 3 орудия в полной запряжке. Остатки противника, преследуемые 2-й кавалерийской дивизией, бежали на Корсунский монастырь. 34-я пехотная дивизия к вечеру заняла Большие Маячки, где, в свою очередь, захватила до 800 пленных.

Бригада 13-й пехотной дивизии в 4 часа дня вошла в связь с пешей бригадой 2-й кавалерийской дивизии и юнкерами и совместно с частями 2-й Донской дивизии с наступлением темноты атаковала укрепленную позицию красных. Наша атака успеха не имела. Части понесли значительные потери. Особенно тяжелы были потери в частях конницы.

Таким образом, несмотря на удачные действия доблестного генерала Барбовича, нанесшего противнику жестокое поражение, генерал Слащев решительного успеха не достиг. Возложив на конницу непосильную задачу по овладению укрепленной позицией, разбросав части своего корпуса, он не сумел использовать успеха нашей конницы и дал противнику время оправиться и закрепиться. Между тем 1-й корпус продолжал отбивать ожесточенные атаки красных, в прямом смысле истекая кровью.

Считая, что благоприятная обстановка для нанесения решительного поражения переправившимся через Днепр частям противника генералом Слащевым неумело использована и что теперь ему укрепленной позицией противника не овладеть, я отдал приказание конницу

отвести в деревню Черненьку, где дать ей 31 июля отдых, после чего направить ее в район Серогоз в мой резерв.

В ответ на это генерал Слащев просил оставить части генерала Барбовича до 3 часов дня 31 июля. Он указывал, что рассчитывает взять Каховку на рассвете и что для этого ему необходимо сосредоточить свою пехоту, так как при условии, что бой у Корсунского монастыря и Алешек продолжается, одной лишь пехотой своего корпуса он операцию закончить не может. Разрешение я дал, указав вместе с тем генералу Слащеву, что я не допускаю использования конницы для атаки укрепленной позиции.

Ночная атака на Каховку, веденная по-прежнему недостаточными силами (пешая бригада 2-й кавалерийской дивизии, юнкера, одна бригада 13-й дивизии и туземный дивизион), окончилась неудачей. В 8 часов утра красные сами повели наступление от хутора Терны на правый фланг 13-й дивизии, но были отбиты, и в 9 часов 13-я дивизия вновь перешла в наступление, однако успеха вновь не имела.

1-я конная дивизия, выступив в 6 часов утра на местечко Самсоново для содействия нашей пехоте, встретила в шести верстах к северу от Черненьки пехоту противника, обходившую левый фланг 13-й дивизии, опрокинула ее и к вечеру заняла окраину Ключевой балки на правом фланге Каховской позиции.

Длившийся весь день бой закончился новой неудачей, причем наши части вновь понесли большие потери; противник оказывал отчаянное сопротивление. Особенно упорно дрались латыши. Противник беспрерывно вел работы по укреплению своей позиции.

За эти дни красные успели сосредоточить на каховском плацдарме сильную группу пехоты: Латышскую, 51-ю (только что прибывшую с Западного фронта) и 52-ю стрелковые дивизии и 6 четырехорудийных батарей. В районе Корсунского монастыря противник окончательно был разгромлен частями 34-й, 2-й Донской казачьей и 2-й конной дивизий. Одновременно два батальона 34-й дивизии при поддержке казаков заняли казачьи лагерь и Алешки, захватив 1200 пленных и 3 орудия.

Генерал Слащев вновь телеграфировал, прося разрешения задержать конницу, докладывая, что считает возможным, ввиду окончательного разгрома противника в районе Корсунского монастыря и Алешек, усилить части 13-й дивизии 2-й бригадой этой дивизии, 136-м полком и тремя батареями и что при этих условиях уверен в успехе. Хотя и неохотно, я все же дал ему согласие, вновь подтвердив необходимость беречь конницу. Поздно ночью я выехал в Мелитополь, куда прибыл в 9 часов утра.

На фронте 1-го корпуса противник, видимо, начинал выдыхаться. Атаки его заметно слабели. С утра 1 августа на большей части фронта наступило затишье. Генерал Кутепов бодро смотрел в будущее.

В тот же день я вернулся в Джанкой, где нашел телеграмму А.В. Кривошеина о состоявшемся признании Францией правительства Юга России де-факто. Вечером была получена телеграмма об удачной высадке нашего кубанского отряда в районе поселка Ахтарского.

Несмотря на то что молва о десанте на Кубань, вследствие нескромности кубанских правителей, конечно, дошла и до противника, красному командованию пункт высадки оставался неизвестным и высадку удалось произвести без потерь.

В ночь на 2 августа я выехал в Севастополь. К 4 часам 1 августа перегруппировка частей на фронте 2-го корпуса закончилась. Однако и в этот день, и на следующий наши атаки успеха не имели. Наши части опять понесли жестокие потери. Вечером 2 августа генерал Слащев телеграфировал мне в Севастополь, что от повторения атак на укрепленную позицию противника вынужден отказаться, и просил разрешения отвести свои части на линию Каменный Колодезь—Черненька. Я ответил согласием, приказав одновременно отвести конные части генерала Барбовича в район Дмитриевка—Антоновка в мой резерв. Вместе с тем я приказал указать генералу Слащеву на неудовольствие мое его действиями.

Удержание противником каховского тет-де-пона приковывало к этому участку значительную часть наших сил, создавало угрозу нашему левому флангу в наиболее чувствительном для нас Перекопском направлении. Однако решительного успеха противник не достиг. Северная Таврия оставалась в наших руках, и выделенные из состава армии части десантного отряда беспрепятственно выполнили первую часть своей задачи, закончив высадку и быстро продвигаясь в глубь Кубани.

С развитием операций на Кубани я решил перенести Ставку в Севастополь, объединив командование 1-м и 2-м корпусами на северном участке фронта в руках генерала Кутепова. Генерал Кутепов был начальник, хорошо разбирающийся в обстановке, большой воинской доблести, совершенно исключительного упорства в достижении поставленных целей, умевший близко подойти к офицерам и солдатам, прекрасный воспитатель войск.

10 августа Мильеран письмом на имя г-на Базили, советника нашего посольства в Париже, уведомил о признании правительства Юга России де-факто, о чем Базили немедленно телеграфировал Струве.

Через несколько дней стала известна нота, опубликованная американским правительством, излагающая взгляды С.-А. Соединенных

Штатов на русский и польский вопросы. В ряде телеграмм Гирс общал:

«Американское правительство опубликовало ноту, излагающую взгляд С.-А. Штатов на русский и польский вопросы. Польша должна быть политически территориально неприкосновенна. Сочувствуя переговорам держав о перемирии между Польшей и Советами, Америка противится созыву общей конференции, вероятно, результатом которой было бы признание большевиков и расчленение России. Высказываясь за сохранение единства последней, Штаты желают, чтобы решение всех вопросов, связанных с суверенитетом над территориями бывшей Российской Империи, было отложено. Поэтому Америка уже отказала в признании независимости всех окраин, кроме Армении. Она указывает, что окончательное установление границ Армении должно состояться с согласия и при участии России. То же участие необходимо для решения вопросов ближнего востока. С.-А. Соединенные Штаты никогда не признают советского правительства, отрицающего существующий международный уклад, демократические принципы всех государств и стремящегося вызвать всемирную революцию с помощью Третьего Интернационала».

Я поручил Струве через нашего посла в Вашингтоне принести американскому правительству мою горячую признательность за ту поддержку, которую Соединенные Штаты оказывали нам своим заявлением.

Положение на Польском фронте казалось безнадежным. Красная армия, продолжая наступление, подходила к Варшаве. Фронт проходил в пятидесяти километрах от города. Варшава спешно эвакуировалась. В то же время под влиянием патриотического порыва огромное количество добровольцев всех классов населения и всех возрастов записывались в войска. Прибывший в Польшу генерал Вейганг принимал все меры, реорганизуя с помощью прибывших с ним офицеров французского Генерального штаба польскую армию. Армия перегруппировывалась, имея целью при первой же возможности перейти в наступление и вырвать инициативу из рук противника.

Операция на Кубани развивалась успешно. 5 августа войска генерала Улагая вышли на линию Тимашевская—Брюховецкая, нанеся противнику ряд жестоких поражений. Наголову разбив Кавказскую казачью дивизию красных, захватив много пленных во главе с начальником дивизии «товарищем» Мейером, со всем его штабом и всю артиллерию дивизии, части генерала Улагая соединились с повстанцами полковника Скакуна. К нашим частям присоединилось до 2000 человек казаков освобожденных станиц.

6 августа был отдан нижеследующий приказ:

«ПРИКАЗ

Правителя и Главнокомандующего Вооруженными Силами
на Юге России

№ 3504

Севастополь. 6 (19) августа 1920 года

Ввиду расширения занимаемой территории и в связи с соглашением с казачьими атаманами и правительствами, коим Главнокомандующему присваивается полнота власти над всеми вооруженными силами государственных образований Дона, Кубани, Терека и Астрахани, — Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России впредь именуется Главнокомандующим Русской Армией, а состоящее при нем правительство — правительством Юга России. Означенное правительство, включая в себя представителей названных казачьих образований, имеет во главе председателя и состоит из лиц, заведующих отдельными управлениями.

Правитель Юга России и
Главнокомандующий Русской Армией
генерал *Врангель*».

В связи с благоприятной военной обстановкой, последними успехами в области международных сношений и постепенным установлением в стране нормального правопорядка, доверие к власти крепло. Жизнь налаживалась, и лишь экономическое положение оставалось тяжелым. При общем расстройстве хозяйственной жизни, неизбежном при гражданской войне, необходимость содержать значительную, по занятой нами территории, армию ложилась тяжелым бременем на страну. Наши обыкновенные государственные расходы с лихвой покрывались доходами от прямого и косвенного обложения, но расходы на военные нужды при невозможности заключить внутренний или внешний заем и почти полном отсутствии экспорта поглощали последние скудные остатки нашего валютного фонда.

С образованием управления торговли и промышленности круг ведения начальника управления снабжения значительно сократился. Последнее было упразднено, и начальник снабжения был подчинен начальнику военного управления. Одновременно генерал Вильчевский оставил свой пост. Безупречной честности и большой работоспособности, он все же не оказался на высоте при новом крупном масштабе работы. Он окончательно изнервничался, ссорился с представителями других ведомств, внося в работу много трений. На должность

начальника снабжения я привлек генерала Ставицкого; назначение это оказалось удачным, и новый начальник снабжения успешно выполнял свои обязанности до самого оставления Крыма.

4 августа я получил рапорт генерала Слащева:

«Срочно. Вне очереди. Главкому. Ходатайствую об отчислении меня от должности и увольнении в отставку. Основания: 1) удручающая обстановка, о которой неоднократно просил разрешения доложить Вам лично, но получил отказ; 2) безвыходно тяжелые условия для ведения операций, в которые меня ставили (особенно отказом в технических средствах); 3) обидная телеграмма № 008070 за последнюю операцию, в которой я применил все свои силы, согласно директивы и обстановки. Все это, вместе взятое, привело меня к заключению, что я уже свое дело сделал, а теперь являюсь лишним.

*№ 519, х. Александровский,
23 часа 2 августа 1920 года.*

Слащев».

Рапорт этот являлся ответом на телеграмму мою, в коей я выражал генералу Слащеву неудовольствие по поводу его последней операции. Я решил удовлетворить его ходатайство и освободить от должности. Цения его заслуги в прошлом, я прощал ему многое, однако за последнее время все более убеждался, что оставление его далее во главе корпуса является невозможным.

Злоупотребляя наркотиками и вином, генерал Слащев окружил себя всякими проходимцами. Мне стало известным из доклада Главного военного прокурора об аресте по обвинению в вымогательстве и убийстве ряда лиц с целью грабежа начальника контрразведки генерала Слащева, военного чиновника Шарова. Последнего генерал Слащев всячески выгораживал, отказываясь выдать судебным властям. Следствие между прочим обнаружило, что в состоянии невменяемости генералом Слащевым был отдан чиновнику Шарову, по его докладу, приказ расстрелять без суда и следствия полковника Протопопова как дезертира. Полковник Протопопов был расстрелян, причем вещи его, два золотых кольца и золотые часы, присвоил себе чиновник Шаров. Бескорыстность генерала Слащева была несомненна, и к преступлениям чиновника Шарова он, конечно, прямого касательства не имел. Опустившийся, большей частью невменяемый, он достиг предела, когда человек не может быть ответствен за свои поступки.

Немедленно по получении рапорта генерала Слащева я телеграфировал ему:

«Генералу Слащеву. Я с глубокой скорбью вынужден удовлетворить возбужденное Вами ходатайство об отчислении Вас от должности командира 2-го корпуса. Родина оценит все сделанное Вами. Я же прошу принять от меня глубокую благодарность. Назначенный командиром 2-го корпуса генерал Витковский завтра выезжает в село Чаплинка. Впредь до его прибытия в командование корпусом укажите вступить старшему. Вас прошу прибыть в Севастополь.

4 (17) августа, № 009379.

Врангель».

Назначенный командиром 2-го корпуса, начальник Дроздовской дивизии генерал Витковский был генерал большой личной храбрости, прекрасно разбиравшийся в обстановке, исключительно хороший организатор. Последнее было особенно важно для 2-го корпуса, сильно расстроенного управлением последнего командира.

Я решил ввиду того, что с развитием операции на Кубани северный участок фронта являлся вполне самостоятельным, объединить войска 1-го, 2-го и конного корпусов в 1-ю армию, во главе которой оставить генерала Кутепова. Во главе 1-го корпуса я поставил коменданта Севастопольской крепости генерала Писарева.

5 августа генерал Слащев прибыл в Севастополь. Вид его был ужасен: мертвенно-бледный, с трясущейся челюстью. Слезы непрерывно текли по его щекам. Он вручил мне рапорт, содержание которого не оставляло сомнения, что передо мной психически больной человек. Он упоминал о том, что, «вследствие действий генерала Коновалова, явилась последовательная работа по уничтожению 2-го корпуса и приведение его к лево-социал-революционному знамени», упрекал меня в том, что, «чтобы окончательно подорвать дух 2-го корпуса, моим заместителем назначен генерал Витковский, человек, заявивший в момент ухода генерала Деникина, что, если уйдет Деникин, уйдет и Витковский со своей Дроздовской дивизией». Рапорт заканчивался следующими словами: «Как подчиненный ходатайствую, как офицер у офицера прошу, а как русский у русского требую назначения следствия над начальником штаба Главнокомандующего, начальником штаба 2-го корпуса и надо мной...»

С трудом удалось мне его успокоить. Возможно задушевнее я постарался его убедить в необходимости лечиться, высказывая уверенность, что, отдохнув и поправившись, он вновь получит возможность служить нашему общему делу. Я обещал сделать все от меня зависящее, чтобы уход его не был истолкован как отрешение. В изъятие из общих правил, я наметил зачислить генерала Слащева в свое распоря-

жение с сохранением содержания, что давало ему возможность спокойно заняться лечением. В заключение нашего разговора я передал генералу Слащеву приказ, в коем в воздание его заслуг по спасению Крыма ему присваивалось наименование «Крымский»; я знал, что это была его давнишняя мечта (приказ № 3505, 6 (19) августа 1920 года). Слащев растрогался совершенно; захлебывающимся, прерываемым слезами голосом он благодарил меня. Без жалости нельзя было на него смотреть.

В тот же день генерал Слащев с женой был у моей жены с визитом. На следующий день мы поехали отдавать визит. Слащев жил в своем вагоне на вокзале. В вагоне царил невероятный беспорядок. Стол уставленный бутылками и закусками, на диванах — разбросанная одежда, карты, оружие. Среди этого беспорядка Слащев, в фантастическом белом ментике, расшитом желтыми шнурами и отороченном мехом, окруженный всевозможными птицами. Тут были и журавль, и ворон, и ласточка, и скворец. Они прыгали по столу и диванам, вспархивали на плечи и на голову своего хозяина.

Я настоял на том, чтобы генерал Слащев дал осмотреть себя врачам. Последние определили сильнейшую форму неврастения, требующую самого серьезного лечения. По словам врачей, последнее возможно было лишь в санатории, и рекомендовали генералу Слащеву отправиться для лечения за границу, однако все попытки мои убедить его в этом оказались тщетными, он решил поселиться в Ялте.

Перегруппировка польских войск закончилась, и под стенами Варшавы завязались упорные бои. На некоторых участках фронта успех обнаружился на стороне поляков, и большевики терпели поражение.

На фронте войск генерала Кутепова (1-го конного и 2-го корпусов) 5 августа возобновились жестокие бои. Красные силою до 1500 штыков и 2500 шашек обрушились на Корниловскую дивизию на участке Нижний Куркулак—Гейдельберг. После повторных атак красных Корниловская дивизия была оттеснена к селу Старый Мунталь. Одновременно была атакована Дроздовская дивизия с обоих флангов конницей и пехотой. Засыпанная ураганным артиллерийским огнем, неся большие потери, Дроздовская дивизия стала отходить на Розенталь и к вечеру под продолжающимся давлением противника сосредоточилась в районе Н. Нассау. Конница красных устремилась на Молочное. На фронте Марковской дивизии противник занял Эристовку и Карачекрак. Марковская дивизия отошла к Бурчатску.

Оживление боевой деятельности проявилось и в Каховском районе. Около трех конных полков с артиллерией и броневиками повели энергичное наступление от Любимовки на передовые части 2-й Дон-

ской казачьей и 2-й конной дивизий. Контратакой в конном строю противник был опрокинут и укрылся в Любимовке. Одновременно красные, при поддержке артиллерии и броневиков, вели наступление на 13-ю пехотную дивизию.

6 августа части 1-го армейского корпуса перешли в контрнаступление. В результате, после упорного боя, корниловцы и Донская бригада генерала Клочкова овладели Новым Мунталем и преследовали противника на северо-запад. Дроздовская дивизия вышла к Фридрихсфельду и, после ожесточенного боя с пехотой и конницей, отбросила противника к северу от Розенталя. На участке Марковской дивизии наступление красных было остановлено, и Марковская дивизия заняла станцию Чокрак. Бои на фронте 13-й и 34-й дивизий продолжались. 34-я пехотная дивизия отбила атаки; фронт 13-й дивизии был прорван, и дивизия вынуждена была отойти на Черненьку, прикрываясь с левого фланга 8-м кавалерийским полком, действовавшим в районе Больших Маячек.

7 августа на фронте 1-го корпуса было спокойно. Попытки наступления против конного корпуса в районе Константиновка—Антоновка—Дмитриевка были отбиты.

8 августа красные вновь перешли в решительное наступление по всему фронту 1-го корпуса. Бои шли севернее района Большой Токмак—Старый Мунталь—Розенталь—Орлянк. Атаки красных отбивались, но противник упорно задерживался и окапывался на занятых рубежах. Особенно тяжелое положение создалось на участке Марковской дивизии, сдерживавшей натиск крупных сил пехоты, поддержанной огнем пяти броневиков. В неравном ожесточенном бою марковцы понесли большие потери, два танка были подбиты артиллерией противника и сгорели. Одновременно красные продолжали распространяться на левом берегу Днепра. Заняли Завадовку, Горностаевку и Капры Западные, двинулись на Рубановку, овладели районом Константиновка—Дмитриевка и городом Алешки. Части конного корпуса отошли на Успенскую.

В связи с создавшимся положением я отдал генералу Кутепову приказ: оставив часть сил для прикрытия Бердянского и Верхнетокмакского направлений, сосредоточить сильную ударную группу между Большим Токмаком и железной дорогой на Александровск и нанести удар по васильевской группе красных, стремясь прижать ее к плавням. На Каховском направлении, не ввязываясь в упорные бои, прикрывать Сальковское и Перекопское направления. По завершении операции против васильевской группы красных перебросить часть сил на Каховское направление и отбросить противника за Днепр.

Между тем наши части на Кубани, заняв 5 августа станицы Поповичевскую, Тимашевскую, Брюховецкую, далее не продвигались.

Последние сведения о противнике сообщали о сосредоточении красных на линии реки Бейсуг и переброске на линию Дядьковская—Медведовская—Старо-Величковская резервов 9-й армии «товарища» Левандовского.

Против частей генерала Улагая были обнаружены новые части: 2-я и 3-я Уральские стрелковые бригады, 26-я бригада 9-й стрелковой дивизии. Было ясно, что противник начал сосредоточение своих войск для борьбы с нашим десантом. Нельзя было терять ни одного дня: каждый лишний день давал противнику возможность подвести свежие силы. Между тем генерал Улагай в течение 6, 7 и 8 августа продолжал стоять на месте.

От начальника Керченского укрепленного района генерала Зигеля⁸⁶ поступило донесение, что высланные на Тамань наши разведчики обнаружили отход противника. Генерал Зигель отдал распоряжение наспех сформированному из запасных и тыловых частей в Керчи отряду высадиться на Тамань.

Утром 10 августа я выехал в Керчь. Непростительное промедление движения частей генерала Улагая тревожило меня, беспокойные мысли сверлили мозг. На станции Владиславовка ко мне вошел генерал Шатилов. По расстроенному виду его я сразу догадался, что он принес дурные вести. Генерал Шатилов молча протянул мне телеграмму генерала Улагая. Последний телеграфировал, что ввиду обнаружения вновь прибывших свежих частей противника и подавляющей численности врага положение серьезное, и просил спешно выслать к поселку Ахтарскому суда, для обеспечения погрузки десанта. Предчувствие не обмануло меня. Краткие сообщения радио не давали возможности составить себе определенную картину происшедшего, однако неудача всей задуманной операции уже определенно обозначилась. Необходимое условие успеха — внезапность — было уже утеряно; инициатива выпущена из рук, и сама вера в успех у начальника отряда поколеблена.

Вместе с тем очищение противником Таманского полуострова давало некоторые надежды, что не все еще потеряно. Если бы генералу Улагая удалось разбить выдвинутые против него с Таманского полуострова части и перенести базирование свое на Тамань, наше положение оказалось бы достаточно прочным. К сожалению, для прочного закрепления, впредь до подхода частей генерала Улагая к Тамани, войск под рукой не было. Генерал Зигель успел сформировать в Керчи сборную роту и сотню пластунов при одном орудии. Слабой численности и состава, эти части не представляли боевой силы. Напряженные бои на Северном фронте не позволяли взять оттуда ни одного человека.

Утром 11 августа я проехал в станицу Таманскую, где присутствовал на молебне и говорил с станичным сбором. Станица была почти пуста. Немногие оставшиеся казаки были совершенно запуганы, не веря в наш успех и ожидая ежечасно возвращения красных. Наши части были уже верстах в десяти к востоку от станицы. Противник отходил, не оказывая сопротивления.

По возвращении в Керчь я нашел телеграмму генерала Бабиева, доблестного начальника 1-й Кубанской казачьей дивизии. Последний сообщал о крупном успехе, достигнутом им в районе станиц Брыньковской и Ольгинской. Ему известно было о посланной накануне мне телеграмме генерала Улагая, однако, по его, генерала Бабиева, убеждению, обстановка для нас в настоящее время была благоприятна и не было оснований отказываться от продолжения операции. Связь его с генералом Улагаем была утеряна, а потому он доносил непосредственно мне. Телеграмму генерала Бабиева я летчиком выслал генералу Улагаю, добавив, что со своей стороны также считаю необходимым операцию продолжать, имея в виду при первой возможности перебросить базирование на Тамань. От генерала Улагая я требовал сообщения мне подробной обстановки.

12-го утром от генерала Улагая была получена телеграмма: ввиду изменившейся обстановки необходимость присылки кораблей отпадает. Телеграмма эта мало успокоила меня. Резкая перемена настроения начальника отряда ясно показывала, что равновесие духа было уже утеряно. Вечером вернулся летчик с подробным докладом об обстановке.

Наши части 5 августа заняли: 1-я Кубанская дивизия генерала Бабиева — станицу Переяславскую, сводная дивизия генерала Казановича — станицу Тимашевскую, 2-я Кубанская казачья дивизия генерала Шифнер-Маркевича — станицы Поповичевскую, Староджерелиевскую и Полтавскую. Здесь обнаружены были части, переброшенные с Таманского полуострова. В районе станиц Старо-Величковской, Дядьковской противник продолжал удерживаться. Вместе с тем красные разворачивались по линии реки Бейсуг. Из перехваченного приказа красных явствовало, что в этом районе сосредоточилась ударная группа с целью нанесения удара по нашей базе.

К сожалению, генерал Улагай, вопреки собственным своим словам, обращенным к начальникам: «Только решительное движение даст нам успех. База наша на Кубани. Корабли для нас сожжены», сковал себя огромным громоздким тылом. В месте высадки — станице Приморско-Ахтарской — были сосредоточены большие запасы оружия, снарядов и продовольствия. Здесь же оставались следовавшие за армией

на Кубань семьи воинских чинов и беженцы. Наши части, при движении своем вперед, вынуждены были оглядываться назад.

Получив сведения о сосредоточении красных по линии реки Бейсуг и опасаясь за свою базу, генерал Улагай заколебался. Генералы Казанович и Бабиев доказывали необходимость немедленного движения на Екатеринодар, где, по донесениям перебежчиков, красных войск почти не было и царила полная паника, однако начальник отряда в течение 6 и 7 августа не мог принять определенного решения.

На 8-е число им отдано было приказание генералу Бабиеву разбить ударную группу красных в районе станицы Брыньковской и хутора Привольного, прочим частям — обеспечивать занятые пункты. Между тем противник сам перешел в наступление и 8 августа продвинулся в тыл нашим частям, достигнув станицы Роговской. Однако здесь он был атакован частями генерала Бабиева и отброшен вновь к станице Брыньковской. 9-го противник перешел в наступление против частей генералов Шифнер-Маркевича и Казановича и одновременно атаковал терцев, прикрывавших станицу Ольгинскую. Терцы были потеснены. Расположенный в станице штаб десантного отряда вынужден был под огнем противника отходить. Генерал Улагай из Ольгинской проехал в штаб сводной дивизии, ведшей упорный бой с красными. От генерала Шифнер-Маркевича пришло донесение, что он, понеся большие потери, начал отходить. К вечеру связь с генералом Бабиевым была прервана.

В ночь на 10 августа генерал Улагай отдал приказ 2-й Кубанской и сводной дивизиям отходить к станице Гривенской. Тогда же им была отправлена телеграмма с просьбой о присылке кораблей.

Между тем генерал Бабиев 9 августа нанес противнику в районе хутора Ищенко и станицы Брыньковской жестокий удар, захватив до 1000 пленных и много пулеметов. Оставив передовые части на линии реки Бейсуг, генерал Бабиев к ночи отошел к станице Ольгинской. Здесь 10-го числа, узнав о посланной мне генералом Улагаем телеграмме и не имея с ним связи, генерал Бабиев решил телеграфировать мне.

В течение 10 и 11 августа красные безуспешно атаковали части 1-й Кубанской дивизии. Станицы Брыньковская и Ольгинская переходили из рук в руки, однако все усилия противника были тщетны, и к вечеру 11 августа наши части удержали свое расположение. К вечеру этого дня генерал Бабиев вошел в связь с генералом Улагаем. Получив сведения об отходе 2-й Кубанской и сводной дивизий к станице Гривенской, генерал Бабиев, прикрывая отходящие из поселка Ахтарского огромные обозы, 12 августа перешел в район хутора Степного и станицы Карпильской.

Летчик привез адресованную генералу Шатилову записку начальника штаба генерала Улагая, генерала Драценко. Последний сообщил, что,

вследствие создавшихся между начальником отряда и им отношений, он в интересах дела считает необходимым замену себя другим лицом, что и ныне уже он фактически устранен генералом Улагаям от дела, а между тем тяжелая обстановка требует сосредоточения работы штаба в опытных руках. По докладу летчика, недоразумения между начальником отряда и его начальником штаба не составляли секрета. О них открыто говорили в войсках, и генерал Улагай не скрывал своего неудовольствия генералом Драценко. Я приказал генералу Коновалову немедленно отправиться к генералу Улагая, где заменить генерала Драценко, которому прибыть ко мне. В тот же день генерал Коновалов вылетел в Гривенскую.

В течение 13 августа части генерала Улагая несколько продвинулись, заняв район станиц Староджерелиевской, Новониколаевской, хутора Степного. 14-го с утра противник перешел на всем фронте в наступление и овладел станицами Староджерелиевской и Новониколаевской. В этом районе обнаружено было около трех дивизий пехоты и дивизии конницы красных с многочисленной артиллерией.

Между тем наши части на Тамани продолжали медленно продвигаться. Сюда перебросил я отряд генерала Черепова (Корниловское военное училище и Черкесский дивизион), высадившийся одновременно с частями генерала Улагая южнее Анапы и долженствовавший войти в связь с действовавшими там зелеными. Надежды, возлагавшиеся на зеленых, не оправдались. Атакованный красными отряд генерала Черепова был прижат к морю, где с трудом продолжал держаться. Несмотря на тяжелые потери, юнкера выглядели молодцами.

13 августа нами на Тамани заняты были станицы Актанизовская и Вышестеблиевская. Однако дальше продвижение наше стало встречать серьезное сопротивление. Противник, оттеснив части генерала Улагая к Гривенской, успел освободить свои части с Тамани, и красные спешили восстановить здесь утерянное положение.

Обстановка на Польском фронте круто изменилась. Перешедшие в наступление польские войска нанесли красным решительное поражение. В районе между Наревом и прусской границей несколько десятков тысяч советских войск положили оружие, несколько десятков тысяч перешли немецкую границу и были разоружены. Большевицские армии отходили по всему фронту, преследуемые поляками. С каждым днем размеры успеха поляков обнаруживались в большем масштабе. Стратегическая обстановка менялась с быстротой калейдоскопа.

9 (22) августа Маклаков телеграфировал: «Видел Палеолога. Ввиду крушения большевистской атаки, Польша, вероятно, очень скоро заключит мир в этнографических границах, на которые имеет согласие ве-

ликих держав. Палеолог понимает необходимость ускорить помощь Вам. Будет сделано все возможное». Заключение Польшей мира сделало бы наше положение бесконечно тяжелым. Неудача кубанской операции отнимала последнюю надежду получить помощь за счет местных средств русских областей. Предоставленные самим себе, мы неминуемо должны были рано или поздно погибнуть. Однако я не терял надежды, что Франция, недавно нас признавшая и тем самым определенно подчеркнувшая отношение свое к советской власти, не оставит нас без помощи. Основание к этому давала и телеграмма Маклакова.

Необходимо было в предвидении возможных колебаний поддержать у французов уверенность в прочности нашего положения. Известие об оставлении нами Кубани могло произвести в настоящее время за границей особенно неблагоприятное впечатление. Необходимо было этого избежать. Согласно данным мной указаниям, Струве вручил начальнику французской миссии записку с соответствующими объяснениями.

15 августа части генерала Бабиева вновь перешли в наступление, однако успеха не имели. Противник обладал уже огромным численным превосходством. После упорного боя, длившегося целый день, генерал Улагай отдал приказ войскам отходить на Ачуев. По получении об этом известия я приказал судам выйти к Ачуеву для принятия десанта. Туда же на миноносце выехал генерал Шатилов. Из доклада вернувшегося генерала Драценко я мог убедиться в правильности составленного мною заключения о причинах нашей неудачи на Кубани.

17 августа наши части стали грузиться у Ачуева. Удобная для обороны местность давала возможность, удерживая противника незначительными силами, спокойно производить погрузку. Войска грузились в полном порядке. Несмотря на тяжелые потери, численность частей значительно возросла. Так, например, дивизия генерала Шифнер-Маркевича, потерявшая убитыми и ранеными около 300 человек и 200 лошадей и вышедшая из Феодосии в составе 1200 человек и 250 лошадей, увеличилась до 1500 казаков и 600 лошадей. Все, кто мог, бежали от красного ига. К вечеру вернулся генерал Шатилов, доложивший, что погрузка войск идет вполне успешно. 1-я кубанская дивизия генерала Бабиева уже погружена на суда, остальные грузятся.

Между тем на Северном фронте положение стало грозным. 9 августа красные возобновили атаки на Большой Токмак, а бронепоезда красных интенсивным огнем обстреливали расположение Марковской дивизии. Части конного корпуса вели бой с большими силами красных в районе деревни Успенской. Части 2-го армейского корпуса отходили под натиском противника на линию Черная Долина — Б. Копани.

10 августа на северном участке фронта значительных боевых столкновений не было. Части конного корпуса продолжали вести бой. 1-я конная дивизия отбросила противника в район Вознесенки и после боя сосредоточилась в Торгаевке. 2-я конная дивизия (спешенная) была обойдена с юго-запада и оттянута на Агайман. 34-я пехотная дивизия вела бой в районе Натальино—хутор Балтазаровский. 33-я пехотная дивизия сосредоточилась в районе Марьяновка—Белоцерковка.

К 11 августа в районе Молочного сосредоточились части 1-й и 2-й донских казачьих дивизий и перешли в решительное наступление на Тифенбрун—Сладкую Балку, в дальнейшем повернули на Гохгейм—Гейдельберг, с задачей атаковать васильевскую группу красных в направлении на северо-запад. Дроздовская дивизия овладела Андребургом. К вечеру донские казачьи дивизии заняли Эристовку и Карачекрак, но подверглись ураганному обстрелу бронепоездов красных, прикрывавших отход васильевской группы. Донские дивизии вынуждены были отойти. Пехота и конница красных стали очищать район Михайловка—Орлянск. Части 1-го армейского корпуса и донские казачьи дивизии заняли линию Сладкая Балка—Гейдельберг—Бурчатск. Одновременно 1-я и 2-я конные дивизии перешли в наступление на Вознесенку, Новорепьевку, Успенскую, но успеха не имели. На поддержку конного корпуса была двинута 6-я, вновь сформированная из частей Бредовского отряда, пехотная дивизия, которая к 13 августа должна была сосредоточиться в Торгаевке. На участке 2-го армейского корпуса противник вел атаки на хутора северо-восточнее Балтазаровского, на левом фланге корпуса красные продвинулись до Чалбасы.

12 августа 1-й армейский корпус продолжал очищать от красных район Эристовка—Васильевка. К вечеру в районе Тифенбруна завязался встречный бой с частями красных. 1-я и 2-я Донские дивизии преследовали красных в направлении Щербатовка—Янчекрак.

Конница красных, прикрывая отход пехоты, задерживалась на удобных естественных рубежах и переходила в контратаки. В районе Гохгейм—Гейдельберг конница красных была после горячего боя опрокинута и отошла. Южнее Щербатовки против двух донских дивизий развернулась вся 2-я конная армия красных, но она не выдержала удара донцов и ушла на север. Против Донского корпуса с утра красные повели наступление большими силами, при поддержке шести броневиков, на фронте Торгаевка—Агайман, 2-я конная дивизия, обойденная с севера, очистила Агайман и стала отходить на юго-восток, на хутора Позднякова—Морозова.

Заняв Агайман, красные стали выходить в тыл 1-й конной дивизии и отдельной конной бригады генерала Шинкаренко⁸⁷. Стреми-

тельной конной атакой 1-й конной дивизии положение было спасено. В доблестной конной атаке пал начальник дивизии генерал Агоев⁸⁸ и выбыли из строя ранеными несколько командиров полков. На ночь 1-я конная дивизия собралась в Нижних Серогозах; 2-я конная дивизия — в хуторах Позднякова—Морозова. 6-я пехотная дивизия подтягивалась в Нижние Серогозы. Красные продолжали вести атаки по всему фронту 2-го армейского корпуса, но были отбиты с большими потерями.

В течение 13 августа красные вели атаки на отдельных участках Донского и 1-го армейского корпусов. Части конного корпуса, при поддержке 6-й пехотной дивизии, повели наступление на Торгаевку и Агайман, но не достигли успеха вследствие упорного сопротивления противника, снабженного большим количеством артиллерии и броневиков. На ночь части отошли в исходное положение. На участке 2-го армейского корпуса продолжались бои местного характера и артиллерийская перестрелка.

Опасаясь, что противник, развивая успех против конного корпуса, выйдет на сообщения армии — линию железной дороги Севастополь—Мелитополь, генерал Кутепов, не закончив разгром васьевской группы, решил перебросить Корниловскую дивизию из района Большого Токмака в помощь конному корпусу, который вместе с 6-й дивизией с трудом сдерживал натиск противника.

В ночь на 14 августа Корниловская дивизия была направлена в район Базылевки, куда она должна была прибыть к 15 августа. 14 августа красные вновь заняли Эристовку, Карачекрак, Васильевку, направляя главный удар на Андреебург—Бурчатск, куда было брошено 2000 красной конницы в стык Марковской и Дроздовской дивизий. 2-й Донской дивизии и одной бригаде 1-й Донской дивизии было приказано ударить из района Большого Токмака в направлении Вольдорф—Гохгейм, чтобы отразить наступление красной конницы на 1-й армейский корпус.

В течение целых суток Дроздовская и Марковская дивизии вели ожесточенные бои с наступающим противником в районе Андреебург—Эристовка—Бурчатск. Указанные селения переходили из рук в руки. Несмотря на большие потери, красные упорно рвали фронт 1-го армейского корпуса, вводя в бой свежие части. Особенным ожесточением отличался ночной бой (на 15 августа) Дроздовской дивизии на улицах Андреебурга. Красные были выбиты из селения. Марковская дивизия, сдержав наступление красных на Бурчатск, перешла в наступление на Васильевку, но овладеть последней не могла и сосредоточилась на буграх южнее Бурчатска. Против конного корпуса красные не проявили особой актив-

ности, и перегруппировка частей ударной группы происходила без давления со стороны противника. Корниловская, 6-я пехотная и 1-я конная дивизия сосредоточились в Демьяновке под общим командованием генерала Скоблина⁸⁹. 2-я конная дивизия отошла на Петровское, оставив арьергардные части в районе Кучкогуса. Держа связь между обеими группами, отдельная конная бригада генерала Шинкаренко группировалась между Калгой и Ивановкой. Атаки красных на 13-ю дивизию в районе Магдалиновки были отбиты 14 августа с большими потерями.

На 15-е ударной группе генерала Скоблина было приказано обрушиться на красных в направлении Серогозы—Агайман; 2-му армейскому корпусу — поддержать наступление ударной группы генерала Скоблина наступлением правого фланга.

Ударная группа Донского корпуса (1½ казачьих дивизий), выступившая 15 августа из Вальдорфа в северо-западном направлении, для содействия наступлению 1-го армейского корпуса, сбила у Тифенбруна пехоту противника и завязала в районе Гохгейма упорный бой с пехотой и конницей красных. Последние ввели в бой большие силы, поддержанные большим количеством броневиков и артиллерии. Атаки донцов упорно отбивались, и бой не дал результата. На ночь ударная донская группа была оттянута в Вальдорф и Нижний Куркулак.

Наступление 1-го армейского корпуса развивалось успешно. Части корпуса заняли Эристовку и Бурчатск. Красные превосходными силами пехоты и конницы перешли в контратаку. Дроздовская дивизия отбила все атаки. Марковская дивизия отошла под давлением к Бурчатску.

Колонна красной конницы, до 1000 сабель, обходя левый фланг Марковской дивизии, двинулась из Васильевки на Скульку и далее на Орлянк. Другая конная группа противника, до 800 сабель, наседала на левый фланг Марковской дивизии. Используя все резервы, Марковская дивизия принуждена была оттянуться в район Фридрихсфельд—Михайловка. Ударная группа генерала Скоблина около 20 часов сбила передовые части противника и подошла вплотную к Верхним и Нижним Серогозам; отдельная бригада генерала Шинкаренко заняла позицию восточнее Ивановки; 2-я конная дивизия заняла Санбурн. Общая атака ударной группы была отложена на 16 августа.

На участке 2-го армейского корпуса шли местные бои. Противник вел атаки на левый фланг 34-й дивизии и центр 13-й.

Части 1-го армейского и Донского корпусов производили 16 августа перегруппировку, с целью парализовать движение конницы красных из района Васильевка—Орлянк в юго-западном направлении и в обход левого фланга Марковской дивизии. 2-я донская казачья дивизия и час-

ти Марковской дивизии, усиленные донским Дзюнгарским полком, сосредоточивались в Михайловке для удара в направлении Орлянска. Общая атака орлянской группы красных была назначена на рассвете 17 августа, к каковому сроку могла поспеть донская конница.

Днем 16 августа красная конница обрушилась двумя колоннами на донской стрелковый полк в районе Малой Белозерки. После жестокого боя, в результате которого большая часть донского полка была захвачена в плен, остатки полка сосредоточились в Веселом.

С утра 16 августа ударная группа генерала Скоблина перешла в решительное наступление. Корниловская дивизия стремительно захватила Ново-Александровку. Противник отошел в двух направлениях: на Покровку и на юго-запад. Против покровской группы была брошена 1-я конная дивизия с 1-м Корниловским полком. Выбитый из Покровки противник повернул на Рубановку, преследуемый конницей и корниловцами. Одновременно два других корниловских полка были двинуты на поддержку 6-й пехотной дивизии, атаковавшей Верхние и Нижние Серогозы. Несмотря на упорное сопротивление красных, переходивших в контратаки, корниловцы штыковым ударом ворвались в Верхние Серогозы. Красные бросились в панике на запад, но были встречены обходной колонной 1-го Корниловского полка. Части 6-й пехотной дивизии продолжали атаки на Нижние Серогозы с востока, бригада генерала Шинкаренко вела бой в районе Серогоз, 2-я конная дивизия ворвалась передовыми частями в Агайман, но была вытеснена подоспевшими из Торгаевки красными.

В течение 16 августа крупные силы пехоты (Латышская и 15-я стрелковая дивизии) напирала на фронт 2-го армейского корпуса, нанося главный удар по левому флангу корпуса. Наступление красных сдерживалось, но части 13-й пехотной дивизии были потеснены к району Григорьевка—Константиновка. Таким образом, 2-й корпус был оттеснен к самому Перекопу. Значительные силы красной конницы прорвали фланг 1-го корпуса, выйдя в тыл армии.

На 17 августа командующий 1-й армией приказал: Донскому корпусу, продолжая удерживать участок от Азовского моря до Вальдорфа, 2-й казачьей дивизией генерала Калинина, сосредоточенной в Михайловке, не позже рассвета 17 августа стремительно атаковать красных и разбить их, стараясь прижать к плавням. Ни в коем случае не допускать движения красных на запад; 1-му армейскому корпусу энергичным наступлением левого фланга поддержать генерала Калинина; генералу Барбовичу продолжать стремительное наступление на Каховку; 2-му армейскому корпусу сосредоточить резервы к правому флангу, с рассветом энергично наступать на красных по всему фронту.

С утра 17 августа на всем фронте возобновился жестокий бой. До полудня исход еще не был известен, генерал Кутепов считал положение очень тревожным. Я решил проехать в Мелитополь. На станции Джанкой нас предупредили, что разъезды красной конницы подходят к железной дороге. С потушенными огнями мы в сумерках прошли на север. В Мелитополь я прибыл поздним вечером. Несмотря на поздний час, большая толпа стояла на улицах, прилегающих к штабу. В сумрачных, угрюмых лицах чувствовалась тревога. Генерал Кутепов не терял спокойствия. К ночи донесения с большинства участков были получены.

В 8 часов утра 17 августа 3-й Марковский полк ворвался в Орлянк. 1-й Марковский и Дзюнгарский полки вели бои северо-восточнее Орлянска. Красные упорно оборонялись. Сломив сопротивление, Марковская дивизия преследовала красных к Васильевке и Скельке. По очищению указанного района от красных Марковская дивизия расположилась в Орлянске и Скельке, на случай попыток противника прорваться вдоль плавней Днепра к своей базе.

Дроздовская дивизия, двинутая на Бурчатск, столкнулась с наступавшими вдоль железной дороги значительными силами красных. Отбив атаки красных курсантов и нанеся им тяжелые потери, Дроздовская дивизия овладела высотами севернее Фридрихсфельда и южнее Бурчатска.

2-я донская казачья дивизия настигла часть прорвавшейся конницы противника в районе Малой Белозерки, однако генерал Калинин действовал крайне нерешительно. После боя Малая Белозерка была занята донцами, но противник успел отойти на Менчекур, где около 17 часов наши части вновь нагнали красную конницу.

В это же время колонна красной конницы, обнаруженная летчиками в районе Пескошено—Менчекур, подверглась бомбометанию наших самолетов. Красная конница разделилась на две группы: большая часть укрылась по хуторам между Менчекуром и Гавриловкой, а часть в 600 сабель с двумястами пехоты направилась на Большую Белозерку.

После жестокого боя 17 августа Корниловская дивизия заняла Нижние Серогозы, атакованные одновременно с востока 6-й пехотной дивизией и с юго-востока отдельной конной бригадой генерала Шинкаренко. Окруженный с трех сторон противник бежал в полном беспорядке, не оказывая уже сопротивления. 1-я конная дивизия около полудня ворвалась в Верхнюю Торгаевку (севернее Торгаевки), где был захвачен штаб 52-й стрелковой дивизии (начальник дивизии с начальником штаба успели скрыться). После этого все части ударной груп-

пы генерала Барбовича преследовали красных к Торгаевке. Отрезанные от прямого направления на Каховку, красные бросились на юго-запад.

Около 19 часов бригада красной конницы сводной дивизии Саблина, брошенная на поддержку своей бегущей пехоты, ворвалась в Верхнюю Торгаевку. Против нее была направлена 1-я конная дивизия, которая выбила красных из Верхней Торгаевки и преследовала ее до темноты. Пехотные части ударной группы генерала Барбовича преследовали красных, выйдя на 8—10 верст западнее и юго-западнее Торгаевки. Темнота и полное утомление остановили преследование красных.

2-й армейский корпус перешел, согласно приказу, с утра 17 августа в наступление и занял линию хуторов Балтазаровский—Белоцерковка. Вследствие обхода правого фланга корпуса пехотой и конницей противника, 34-я пехотная дивизия вынуждена была осадить на бугры севернее Масловки и к югу от хутора Балтазаровского. Аскания-Нова и хутора северо-восточнее Чаплинки были заняты пехотными и конными частями красных.

Хотя успех дня склонялся в нашу сторону, но положение продолжало оставаться тревожным. Присутствие красной конницы в нашем тылу сулило всякие неожиданности. Я телеграфировал непосредственно генералу Калинину, требуя от него решительных действий и возлагая на него ответственность, если красной коннице удастся уклониться от удара донцов. На ночь я вернулся к себе в поезд. С раннего утра я был в штабе армии.

18 августа противник возобновил атаки на участке Вальдорф—Розенталь—Бурчатск, временно захватывая эти селения. Контратакой донцов и частей 1-го армейского корпуса противник был отброшен на север. Около 11 часов 2-я донская казачья дивизия, под командой генерала Калинина, выступила главными силами из Веселого на Большую Белозерку, но оказалось, что противник уже оттуда ушел. Когда около 19 часов передовые части донской конницы заняли Большую Белозерку, главные силы прорвавшейся красной конницы уже ушли из Большой Белозерки на юго-запад. Генерал Калинин вновь упустил противника. Утренняя воздушная разведка, вследствие дождя, не могла установить направления рейда красной конницы, и только около 18 часов она была обнаружена в районе хутора Зеленого. Я приказал генералу Кутепову отрешить генерала Калинина от должности. Вступившему в командование дивизией генералу Татаркину был дан приказ немедленно двигаться на Рубановку, отжимая красную конницу к Днепру.

В ночь на 19 августа генерал Татаркин рассчитывал нагнать конницу красных. Продолжая преследование, части группы генерала Барбовича заняли Вознесенку и двинулись на Антоновку. После упорного

боя Корниловская и 1-я конная дивизии отрезали красных от дороги на Любимовку; часть красных бросилась на Дмитриевку, часть прорвалась на Антоновку. Генерал Барбович преследовал красных до ночи. 2-я конная дивизия двигалась из Агаймана на Нижнюю Репьевку—Успенскую, встречая крайне упорное сопротивление противника.

С утра 2-й армейский корпус продолжал наступление. Красные оставили Аскания-Нова и отошли на Натальино. Особенное упорство противник проявил в бою под Натальином и на хуторах севернее Марьяновского, но был в результате боя выбит.

К ночи на 19 августа Корниловская, 6-я пехотная и конная дивизии сосредоточились в районе Вознесенское—Челноково, 2-я конная дивизия в районе Новорепьевка—Успенская, 2-й армейский корпус на линии Натальино—Марьянова. Острота положения миновала, и я мог вернуться в Керчь. Слух о наших успехах разнесся по городу с быстротой молнии. На улицах царило оживление, всюду виднелись веселые лица. Огромная толпа провожала меня криками «Ура!»...

19-го я прибыл в Керчь. Погрузка у Ачуева шла успешно. На Тамани наши части заняли 18-го станицу Старотиторовскую. Однако 19-го противник, сильно усилившийся, сам перешел в наступление. К вечеру наши части были потеснены. Начальник отряда генерал Харламов⁹⁰ доносил, что несет большие потери и вынужден отходить. К ночи отряд генерала Харламова, понесший чрезвычайно тяжелые потери, отошел к станице Таманской. Я отдал приказ начать погрузку войск для переброски в Керчь.

Кубанская операция закончилась неудачей. Прижатые к морю на небольшом клочке русской земли, мы вынуждены были продолжать борьбу против врага, имевшего за собой необъятные пространства России. Наши силы таяли с каждым днем. Последние средства иссякали. Неудача, как тяжелый камень, давила душу. Невольно сотни раз задавал я себе вопрос, не я ли виновник происшедшего. Все ли было предусмотрено, верен ли был расчет.

Тяжелые бои на Северном фронте, только что разрешившие с таким трудом грозное там положение, не оставляли сомнений, что снять с северного участка большее число войск, нежели было назначено для кубанской операции, представлялось невозможным. Направление, в котором эти войска были брошены, как показал опыт, было выбрано правильно. Несмотря на нескромность кубанских правителей, задолго разболтавших о намеченной операции, самый пункт высадки оставался для противника неизвестным. Красные ожидали нас на Тамани в районе Новороссийска. Войска высадились без потерь и через три дня,

завладев важнейшим железнодорожным узлом — Тимашевской, были уже в сорока верстах от сердца Кубани — Екатеринодара. Не приостановись генерал Улагай, двигайся он далее, не оглядываясь на базу, через два дня Екатеринодар бы пал и Северная Кубань была бы очищена. Все это было так.

Но вместе с тем в происшедшем была значительная доля и моей вины. Я знал генерала Улагая, знал и положительные и отрицательные свойства его. Назначив ему начальником штаба неизвестного мне генерала Драценко, я должен был сам вникнуть в подробности разработки и подготовки операции. Я поручил это генералу Шатилову, который, сам будучи очень занят, уделил этому недостаточно времени. Я жестоко винил себя, не находя себе оправдания.

Единственное, что дал нам десант, — это значительное пополнение десантного отряда людьми и лошадьми. Число присоединившихся казаков исчислялось десятками тысячами. Это число не только покрывало тяжелые потери последних дней на Северном фронте, но и давало значительный излишек.

Я решил сформировать 2-ю кубанскую дивизию, пополнив инородными сводную дивизию генерала Казановича и передав казаков в 1-ю кубанскую дивизию генерала Бабиева. Сводную дивизию, переименованную в 7-ю и 6-ю дивизию, свести в 3-й корпус. Во главе последнего должен был стать генерал Скалон⁹¹, прибывший в составе отряда генерала Бредова⁹², бывший начальник 33-й пехотной дивизии. 2-й и 3-й корпуса и Терско-Астраханская бригада должны были составить 2-ю армию. 1-й и Донской корпуса — 1-ю армию. 1-я и 2-я кавалерийские дивизии — отдельный конный корпус.

Вопрос о назначении командующего 2-й армией весьма меня беспокоил. Единственным подходящим кандидатом мог бы быть генерал Абрамов, однако последнего трудно было заменить. К тому же сам генерал Абрамов просил оставить его во главе своих донцов. После долгих колебаний я остановился на генерале Драценко, последнего горячо рекомендовал генерал Шатилов. По возвращении своем из поездки к генералу Улагаю он докладывал мне, что одна из причин кубанской неудачи — нежелание генерала Улагая руководствоваться указаниями генерала Драценко. Дальнейшее показало, что выбор генерала Драценко был крупной ошибкой. На должность начальника штаба генерал Драценко наметил генерала Масловского⁹³, бывшего начальника штаба Главноначальствующего Северного Кавказа генерала Ляхова⁹⁴. Генерал Масловский был усердный работник, весьма исполнительный, но назначению его на ответственную должность начальника штаба армии я мало сочувствовал. <...>

Разгром красных войск поляками обозначился в полной мере. Количество пленных, захваченных поляками, превосходило 100 000. Немногим меньше было интернировано в Германии. Вместе с тем все более выяснялась возможность заключения Польшей и Советской Россией мира. Стала известна декларация Польши, определенно заявлявшая, что «Польша искренно желает мира». Намечался и пункт переговоров — Рига.

Оставив генерала Шатилова в Керчи, я в ночь на 20-е выехал в Севастополь. Немедленно по приезде я принял ряд мер, чтобы сгладить впечатление от последней неудачи нашей на Кубани.

На следующий день после моего приезда меня посетил начальник американской военной миссии адмирал Мак Колли. Последний, по поручению своего правительства, представил мне в письменной форме ряд вопросов по общей политике правительства Юга России. Вручая мне эти вопросы, адмирал, искренний друг нашего дела, сиял. Он считал, что желание американского правительства получить ответ на предложенные вопросы является предварительным шагом перед признанием правительства Юга России Америкой. 24 августа адмиралу Мак Колли был сообщен ответ на поставленные им вопросы.

Наш посол в Париже уведомлял, что приезд мой в настоящее время во Францию не желателен, как могущий создать затруднения правительству. В то же время он сообщал, что французское правительство готово оказать нам всяческую поддержку.

Через несколько дней я получил уведомление, что в Севастополь прибывает французский адмирал Леже, имеющий поручение выяснить главнейшие наши нужды в отношении военного снабжения. В день прибытия в Севастополь адмирал Леже обедал у меня. Вечером состоялось совещание при участии начальника его штаба, А.В. Кривошеина, начальника моего штаба, командующего флотом с его начальником штаба и начальника снабжения. Адмиралу Леже были представлены исчерпывающие данные. На другой день он выехал в Константинополь.

Упорные бои на Северном фронте продолжались. 19 августа на участке 1-го армейского корпуса боевых столкновении не было. Донская конница под командой вновь вступившего в командование генерала Татаркина около 8 часов 30 минут утра выступила переменным аллюром из Большой Белозерки на Рубановку; в то же время красная конница, по донесениям летчиков, около 8 часов вышла главными силами (до 1000 сабель) из хутора Зеленого на юго-запад, имея в авангарде отряд до 400 сабель и отряд с востока, силою также до 400 сабель. Около 20 часов конница генерала Татаркина подходила к Рубановке; хвост

колонны красной конницы вытягивался в это время из хутора Стрежелова на юго-запад.

С утра ударная группа генерала Барбовича, собранная в районе Федоровки, двинулась на Константиновку и Чокрак. Несмотря на отчаянное сопротивление красных и распутицу от ливня, части генерала Барбовича захватили Ново-Николаевку, Антоновку и Дмитриевку. Последняя несколько раз переходила из рук в руки. Около двадцати часов красные подтянули из Каховки свежие силы и перешли густыми цепями в наступление на фронте больше десяти верст, причем левый фланг наступающих цепей красных уходил далеко севернее Константиновки. До подхода донской конницы генерала Татаркина группе генерала Барбовича было приказано удержаться на занятом рубеже. 2-й армейский корпус с боем вышел на линию севернее хуторов Тельников, Черненька.

С утра 20-го красные заняли Вальдорф и Н. Мунталь. Сводная красная дивизия «товарища» Саблина, около 1000 сабель, атаковала 6-ю пехотную дивизию в районе Константиновки. Около полудня генерал Барбович, связавшись с передовыми частями донской конницы генерала Татаркина, перешел в наступление. Преодолев сопротивление красных западнее линии Константиновка—Антоновка, части генерала Барбовича около 17 часов теснили медленно отходивших красных к Каховке. Генерал Татаркин вел бой с красной конницей под Софиевкой Нассауской. По данным воздушной разведки, главная масса красной пехоты с обозами около 19 часов подтягивалась к укрепленной каховской позиции. Корниловская дивизия неотступно следовала за красными, обстреливая отходившие колонны красных артиллерийским огнем. В это время конница красных стала отходить вдоль Днепра из Софиевки Нассауской к Любимовке. Генерал Татаркин шел на рысях к Любимовке, стараясь перерезать красной коннице дорогу к каховской позиции. 1-я конная дивизия следовала левее конницы генерала Татаркина. 2-й армейский корпус продвигался с боем на север.

Около полудня красные задержались и перешли значительными силами в контрнаступление против 2-го армейского корпуса. Атаки красных были отбиты, но 2-й корпус не мог продвинуться вперед из-за жестокого артиллерийского огня противника с укрепленных каховских позиций. С подходом частей генерала Барбовича 2-й армейский корпус вновь перешел в наступление. До наступления темноты по всей линии каховских укрепленных позиций шел жестокий огневой бой.

21 августа части 3-й Донской дивизии атаковали красных, окопавшихся на линии Нижний Куркулак—Вальдорф—Н. Мунталь, и отбросили их на Тифенбрун—Гейдельберг. Развивая преследование, донцы

захватили указанные селения. В районе Сладкой Балки загорелся встречный бой с красной конницей (до 700 сабель).

В течение ночи на 21 августа пехота и конница красных отошла за проволоку каховской позиции. Ударная группа генерала Скоблина в два часа подошла к проволоке, и около пяти часов Корниловская дивизия и части 6-й пехотной дивизии ворвались в Любимовку. Встреченные сильнейшим огнем и забросанные ручными гранатами, атакующие части отошли с большими потерями в исходное положение на две версты восточнее Любимовки. Части 2-го армейского корпуса перешли в атаку в два часа ночи, но были встречены яростными контратаками красных и засыпаны ураганным артиллерийским огнем. Отбив контратаки, 2-й армейский корпус занял к восьми часам бугры и позицию красных перед хутором Терны. Легофланговые части корпуса заняли к вечеру Корсунский монастырь и вели разведку на Британы, Казачьи Лагери. Каховскую укрепленную позицию с налета взять не удалось. Командующий 1-й армией приказал сосредоточить всю конницу в его резерве в районе хуторов Дворянский, Гладкий и Тельник под общим командованием генерала Барбовича. Генералу Витковскому — объединить все пешие части, произвести необходимые перегруппировки и взять Каховку.

22 августа на северном участке фронта все было спокойно. Под Каховкой наши части производили перегруппировку. В то же время противник спешно укреплял каховскую позицию новыми рядами проволочных заграждений. На правом берегу Днепра устанавливались тяжелые батареи; на каховском плацдарме было обнаружено до девяти легких батарей и несколько тяжелых орудий.

В ночь на 23 августа была назначена общая атака каховской позиции. 6-я пехотная и 2-я конная (спешенная) дивизии повели в два часа демонстративные атаки, под прикрытием артиллерийского огня. Разведывательные части залегли под густыми рядами проволочных заграждений, но вследствие сильного пулеметного и артиллерийского обстрела вынуждены были вместе с главными силами отойти в исходное положение, ведя в то же время интенсивный огонь по расположению противника. Корниловская дивизия, сосредоточенная в районе хутора Топилова (к востоку от деревни Любимовки), была неожиданно атакована в 1 час 30 минут ночи конницей противника в невыясненных силах. Отбив атаку, Корниловская дивизия вместе с танками и броневиками атаковала укрепленную позицию и стремительно прорвала первую линию укрепленной полосы противника. Части Корниловской дивизии, несмотря на жестокие потери, устремились на вторую линию, обороняемую громадным количеством пулеметов. Красные встретили корниловцев контратакой с фронта, с охватом обоих флангов. Корниловцы стали отходить.

Из четырех малых танков, поддерживавших атаку Корниловской дивизии, два погибли во время атаки от артиллерийского огня.

Группа генерала Ангуладзе (13-я и 34-я пехотные дивизии) атаковала противника в два часа в направлении Малой Каховки. Не будучи в состоянии преодолеть проволочные заграждения, части 13-й и 34-й пехотных дивизий залегли под проволокой, расстреливаемые артиллерийским и пулеметным огнем. Перед рассветом, ввиду все усиливающегося обстрела, части были оттянуты в исходное положение. В семь часов утра всем частям группы генерала Витковского было приказано занять наиболее выгодное положение и приступить к активной обороне. Вторичная неудача наших частей под Каховкой обнаружила крепость каховских позиций, стойкость красных при обороне и слабеющий наступательный порыв нашей пехоты.

Операция закончилась. Генералу Витковскому было приказано активно оборонять нижнее течение Днепра (Каиры Западные—устье Днепра) силами 2-го армейского корпуса и 6-й пехотной дивизии; генералу Барбовичу, в составе 1-й конной, 2-й донской казачьей и 2-й бригады 1-й донской казачьей дивизии отойти к 26 августа в район Покровка—Серогозы; Корниловской дивизии, понесшей во время последних боев большие потери, было приказано перейти в резерв в Н. Серогозы и в дальнейшем в Ново-Николаевку под Мелитополем; 2-я конная дивизия была направлена в Петровское для следования по железной дороге на Южный берег Крыма, где дивизия должна была садиться на коней.

В Севастополь прибыл вышедший на участок одного из полков 1-го корпуса полковник Назаров, во главе отряда партизан высадившийся в начале июля под Мариуполем. После ряда успехов полковник Назаров в последних числах июля был настигнут превосходными силами красных в районе станицы Константиновской. Его отряд был разбит. Остатки отряда отошли в Сальские степи. Сам полковник Назаров был захвачен в плен, но бежал и после долгих скитаний вышел на наш фронт. По его словам, население станиц, через которые он проходил, относилось к нему весьма сочувственно. Однако к отряду присоединялись немногие, опасаясь жестокой расправы красных в случае неудачи; и на Дону, как и на Кубани, население проявило пассивность.

Для пополнения убыли в последних боях я вынужден был вновь произвести набор и объявил поставку еще 1500 лошадей. Неоднократные призывы и конские поставки тяжким бременем ложились на население. Последнее за все время нашей борьбы проявляло полное сочувствие к власти. Однако военные тяготы становились для него непосильными, и за последнее время участились случаи уклонения от призыва. Отдавая себе в полной мере отчет в непомерных тяготах

предъявляемых населению требований, я в то же время вынужден был всей силой власти эти требования поддерживать. Беспощадная борьба требовала общих жертв.

Пользуясь тяжелым положением края, противник делал все возможное, чтобы усилить работу свою в тылу армии. В середине июля большевикам удалось морским путем, посредством моторных катеров, отправлявшихся из Новороссийска и Анапы, установить связь с «Крымским областным комитетом» коммунистической организации, одно время было разгромленной, но в конце июня вновь начавшей проявлять свою деятельность.

5 августа высадился вблизи местечка Капсхор, затопив у берега свой моторный катер, небольшой коммунистический отряд в двенадцать человек, под начальством матроса Мокроусова, снабженный пулеметами, патронами, ручными гранатами и значительными деньгами — до 500 миллионов рублей «романовскими», курс которых в то время в семьдесят раз превышал цену денег Главного командования, и 200 тысяч турецких лир. Благополучно пробравшись с помощью соучастников в леса, Мокроусов, присвоивший себе громкое наименование «командующего Крымской повстанческой армией», пытался привлечь в свой отряд всякий сброд. К концу августа у Мокроусова было уже около 300 человек, которые распределялись им в три полка: Карасубазарский пеше-конный полк, под командой бывшего сотника Галько, при котором находился сам Мокроусов, Симферопольский полк, под командой уже известного капитана Макарова (при этом полку находился и областной ревком с «товарищем» Бабаханом во главе), и Феодосийский полк, существовавший, собственно, номинально, так как вошедшие в состав этого полка шайки Проньки, Остапка, Лоло и Капитана так и не объединились, продолжая грабить на свой страх и риск.

Отряды Мокроусова действовали весьма решительно; так, в ночь на 30 июля отряд зеленых совершил нападение на артиллерийский транспорт, увел лошадей и взорвал снаряды; 4 августа совершил ограбление Массандровского лесничества на миллион рублей; в ночь на 20 августа было совершено нападение на Бешуйские копи, разграблена была касса, сожжен пороховой погреб и разрушена шахта; 22 августа шайки Мокроусова напали на Кучук-Узен, увели местного пристава и одиннадцать стражников; 29-го шайка в 150 человек при четырех пулеметах напала на местечко Судак, однако находящимися здесь на излечении офицерами и солдатами, своевременно предупрежденными, была отбита и понесла значительные потери.

Областной ревком работал и в городах, располагая огромными деньгами. В течение четырех месяцев ревком получил из Москвы через

курьера еврея Рафаила Кургана, Фоли, один миллион «романовских», 10 тысяч фунтов стерлингов и на 40 миллионов золота в изделиях и бриллиантах. В Симферополе, Севастополе, Ялте, Феодосии, Керчи и Евпатории образовались коммунистические комитеты, щедро снабжаемые деньгами. Между ними установилась живая связь курьерами.

2 августа в Ялте была обнаружена коммунистическая ячейка, имевшая в своем распоряжении типографский шрифт и поддерживавшая связь с Областкомом. В том же месяце в прифронтовой полосе были задержаны с мандатами Областка два «курьера», высланные с целью шпионажа. Почти одновременно на Перекопе был арестован советский «шпион-курьер» Симка Кессель, пробиравшийся из Крыма в Одессу.

Вскоре удалось добыть нити для наблюдения за лицами, стоявшими в самом центре обновленной организации Областка. В результате установленного наблюдения 21 августа был задержан чинами розыска пробиравшийся из леса в Севастополь Мордух Акодис, получивший от Областка задачу воссоздать севастопольский городской революционный комитет, на что он получил 16 тысяч рублей «романовских», оказавшихся при нем при аресте. Одновременно были арестованы в Симферополе проживавшие там по фальшивым паспортам Рафаил Курган, Фоля, и Наум Глатман, являвшиеся местными представителями Областка, в квартире которых было обнаружено 250 тысяч «романовских» рублей в обертках со штампом Московского народного банка, миллион денег Главного командования, золотые вещи и бриллианты по казенной оценке на сумму 28 миллионов рублей, партийная переписка, денежные отчеты и отчеты по партийной работе революционного областного комитета в Крыму. В тот же день в Севастополе были арестованы Герш Гоцман и Осман Жилер, причем у первого была обнаружена переписка и почти не бывшая в употреблении печать севастопольского революционного комитета, а у второго переписка и три миллиона рублей партийных денег в разной валюте.

Материалы, добытые обысками у названных лиц, в связи с данными ими обширными и вполне откровенными показаниями, дали возможность выяснить полную картину всей работавшей в Крыму большевистской организации. В течение месяца число привлеченных к формальному дознанию превышало уже 150 человек. Организации противника в Крыму был нанесен сокрушительный удар. Успешности действий по обнаружению и разгрому коммунистической работы в Крыму я обязан был генералу Климовичу. В его распоряжение была передана и вся государственная стража, действовавшая весьма успешно.

В связи с бесперывным падением рубля и возрастающей дороговизной, материальное положение служащих становилось все более тя-

желым. Необходимо было им помочь. В первую очередь старался я прийти на помощь офицерам. 25 августа состоялось под моим председательством заседание совета при мне, при участии некоторых старших военачальников, для рассмотрения мер по облегчению быта военнослужащих. Из состава совета выделена была для разработки этого вопроса особая комиссия. Председателем этой комиссии был назначен генерал Слащев. За последнее время он, отдохнув и пожив в Ялте спокойной жизнью, как будто оправился. Принимая участие в заседании, он особенно горячо ратовал за необходимость помощи офицерам. 25 августа комиссия рассмотрела выработанный моим штабом приказ и, внося несколько пожеланий, представила мне на утверждение.

В тот же день приказ был обнародован.

«ПРИКАЗ

Главного командующего Русской Армией

№ 3580

Севастополь. 26 августа (8 сентября) 1920 года

Величие Российского Государства покоилось на могучих Армии и Флоте. В переживаемое нами лихолетье небольшие числом, но крепкие духом возрождающиеся Русская Армия и Флот — грудью своей отстаивают от красного интернационала последний клочок необъятной когда-то нашей Родины.

Верю, что настанет время, и Русская Армия, сильная духом своих офицеров и солдат, возрастая как снежный ком, покатится по родной земле, освобождая ее от извергов, не знающих Бога и Отечества.

Будущая Россия будет создана армией и флотом, одухотворенными одной мыслью: «Родина это все».

Вдохнуть в армию эту мысль могут прежде всего господа офицеры — душа армии.

К вам, господа офицеры, я обращаюсь в первую очередь.

Напрягите ваши силы, не покладая рук работайте над усилением мощи армии и верьте, что успехи вам будут сопутствовать.

Знаю все ваши нужды, все ваши печали, знаю, что вы отдали всю жизнь службе Родине и потеряли все свое достояние.

Испытание, ниспосланное Господом Богом на многострадальную нашу Родину, еще продолжается, и я не в силах помочь вам и семьям вашим так, как бы я хотел и как вы все того заслуживаете.

Будем верить, что Мать-Россия в будущем достойно вас вознаградит.

В настоящее время я могу помочь вам только частично, удовлетворить только самые наиболее нужды, а потому и приказываю:

1. Начать с 1 (14) сентября ежемесячную выдачу всем нетрудоспособным членам семейств офицерских и классных чинов армии и флота — установленного казенного пайка продовольствия бесплатно.

Право на получение этого пайка предоставляется всем членам семьи, находящимся действительно на иждивении главы семейства, независимо от степени родства, но при условии их нетрудоспособности или фактической невозможности иметь заработок; жены и дети до 17-летнего возраста во всяком случае получают паек (если не получают его в другом месте службы). Определение права на получение пайка согласно этой статьи приказа возлагается на личную ответственность начальников частей и учреждений и подтверждается начальниками дивизии или пользующимися их правами начальствующими лицами. Дети до 12-летнего возраста и трудоспособные члены семьи, временно не имеющие заработка, получают паек в половинном размере. Порядок выдачи пайков из интендантских магазинов и возмещение денежной стоимости их полностью или частью по расценке кормового оклада, при неимении в наличии продуктов в магазинах, устанавливается особой инструкцией начальника снабжения.

2. Выдавать членам офицерских и классных семейств, имеющих право на паек, два раза в год материал для шитья одежды, на первое время в количестве 6 аршин материи, а также по 1 фунту кожи для починки обуви; первую выдачу произвести не позднее 1 октября. Получающим половинные пайки — выдавать в половинном размере.

3. В тыловом районе начальникам гарнизонов и комендантам городов озаботиться в срочном порядке устройством для семейств офицерских и классных чинов экономических лавок, столовых, прачечных, починочных мастерских; интендантству оказывать в этом деле возможное содействие. Распоряжением командующего войсками тылового района принять меры к объединению всяких существующих офицерских экономических обществ и кооперативных лавок в одно офицерское экономическое общество армии и флота, с отделениями в главных городах Крыма. Для усиления оборотных средств этого общества будет выдана правительственная субсидия. О принятых мерах донести мне.

4. Установить бесплатное обучение детей офицерских и классных чинов в правительственных и субсидируемых правительством учебных заведениях.

5. Председателю комитета государственного призрения озаботиться оказанием помощи и устройством в первую очередь сирот военно-служащих и инвалидов — защитников Родины.

6. Предоставить бесплатную медицинскую помощь и медикаменты в военно-лечебных заведениях семьям офицерских и классных чинов.

7. Всякого рода подходящие казенные работы и заготовки предоставлять преимущественно членам офицерских и классных семейств. Во всех тыловых штабах, управлениях и учреждениях замещать должности писарей, телефонистов, посыльных — по преимуществу членами этих семейств, с выдачей установленного для вольнонаемных лиц содержания.

8. Начальнику военного управления по соглашению с начальником управления финансов разработать и представить мне в кратчайший срок соображения: а) об установлении прибавок к основному окладу в соответствии со сроком службы в рядах армии, б) об улучшении пенсионного обеспечения чинов армии и флота.

9. В связи с изменением по настоящему приказу порядка довольствия семейных офицерских чинов и вследствие непрерывно возрастающей дороговизны, установить на сентябрьскую треть размер содержания офицерских и классных чинов в двойном размере основного оклада; главам семей, не состоящим на котле, при частях и командах, выдавать установленный кормовой оклад.

10. Сверх всего указанного выдать на заготовление заблаговременно на зиму продуктов питания, топлива и пр. всем офицерским и классным чинам единовременное пособие в размере полного получаемого ими ежемесячного содержания, включая и кормовые деньги. Верю, что намеченные мною меры облегчат тяжелое положение офицеров, врачей и военных чиновников и дадут им новые силы для борьбы за родину, в спокойном сознании, что семьи их не терпят крайней нужды.

Генерал Врангель».

30 августа генерал Слащев представил мне рапорт, указывая, что намеченных комиссией мер недостаточно. Он предлагал, «что все имущие слои населения должны сознательно отдать половину своего состояния, в чем бы оно ни заключалось, на финансовое и экономическое возрождение России, хотя бы из имущества, находящегося в Совдепии, причем является возможность выдать строго юридические обязательства на передачу половины этих имуществ в собственность государства». Вместе с тем он предлагал одновременно «с обращением к честным работникам воздвигнуть виселицу для спекулянтов и мешающих возрождению России торгашей и себялюбцев». Улучшение его здоровья оказалось лишь кажущимся. Отдых, по-видимому, не рассеял тумана в его голове.

По инициативе А.В. Кривошеина, начальники управлений выступали с публичными докладами. Доклады эти организовывались группой

общественных деятелей. Первый доклад делал П.Б. Струве, ознакомивший с общим международным положением и достигнутыми результатами в области внешней политики правительства Юга России. После доклада присутствующими задавались письменные вопросы. Вслед за Струве такие же доклады делали сенатор Г.В. Глинка, В.С. Налбандов и М.В. Бернауцкий. Доклады эти вызвали большой интерес. Зал каждый раз был переполнен. Особенный интерес был проявлен к докладам Струве и Глинки. Из всех гражданских ведомств результаты работы управлений иностранных сношений и земледелия и землеустройства были наиболее очевидны.

В поразительно короткий срок выборы в волостные земельные советы закончились. Уже имелось 68 волостных земельных советов. Почти везде были закончены обследования земельного фонда и составлены были списки лиц, имеющих право на получение земли в собственность. Многими земельными советами были выработаны и нормы землевладения. По новому приказу о земле уже появились собственники. В Мелитопольском и Днепровском уездах приступлено было к разверстке волостными земельными советами нескольких крупных частновладельческих имений. В имении «Ак-Манай» Филибера-Шатилова получили в собственность арендную землю двадцать два хозяина. На образование этих участков отпущено было около пятисот десятин по постановлению ефремовского волостного земельного совета. В ближайшем времени намечалась дальнейшая передача земли в руки новых собственников в ряде волостей.

За последнее время произведено было несколько новых назначений на высшие должности в управлениях. Начальником санитарной части вместо доктора Лукашевича был назначен С.Н. Ильин⁹⁵, Главноуполномоченный Г.О. Красного Креста в Крыму. Назначение это оказалось весьма удачным. Труды С.Н. Ильина в дни эвакуации оказались неоценимыми. Помощником начальника военного управления был назначен прибывший в Крым генерал Данилов⁹⁶, бывший генерал-квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича в начале Великой войны.

Внешняя жизнь в тылу ничем уже не напоминала недавние тревожные дни. Несмотря на близость фронта, совершенно не чувствовались столь свойственные прифронтовым городам распущенность и разгул. Многочисленное офицерство в тылу подтянулось. Мирная жизнь текла обычным порядком. 23 августа состоялось устроенное в пользу детей-сирот гулянье на Приморском бульваре. Нарядная оживленная толпа, веселые лица, музыка — все уносило в далекое прошлое.

Раздел 1

МАРКОВЦЫ В РУССКОЙ АРМИИ⁹⁷

В Крыму

В большой тесноте марковцы, кое-как пристроившись в трюмах, на палубе, во всяких надстройках, в лодках, быстро заснули под шум машин «Маргариты». Море не тревожило — оно спокойно. Уже скрылись ночные силуэты гор, скрылось и зарево пожара в Новороссийске. Глубокий крепкий сон. Еще бы не быть ему: теперь нет никакой непосредственной опасности. От всего, что было, уносит «Маргарита». Настоящее — на пароходе, а будущее — в Крыму.

Марковцы спали бы еще и еще, но, услышав слово «Крым», проснулись моментально и, для кого было возможно, направили свои взоры туда, куда шел транспорт. Видны горы, виден порт. Феодосия! «Маргарита» причалила к пристани. Толпа народа, машет платками, шляпами. Передают: будем высаживаться. В город пошли квартирьеры, но возвращаются и говорят: едем в Севастополь. «Маргарита», к сожалению всех, тронулась вечером: не придется увидеть Южный берег с Алуштой, Ялтой, Ливадией...

Утром 15 марта показался Севастополь. Опять далеко не все могли наблюдать панораму города, его знаменитой бухты Золотой Рог и приветствовавшие на берегу массы людей. В трюмы едва доносилась с палубы игра духового оркестра.

Выгрузка началась немедленно на пристани Корабельной стороны, и сразу же части разводились по кварталам слободы вблизи Малахова кургана. Вежливо, но холодно встречали марковцев живущие здесь портовые рабочие. Спасибо и за это. Все удовлетворены размещением в просторных и удобных квартирах и не ждали ничего больше: здесь не станица, не деревня, чтобы можно было бы получить хотя бы вареную картошку.

На следующий день прогулка строем и с оркестром музыки в город. Прогулка была интересной: видели главные улицы города, бухту с военными судами, как отслужившими свой срок, так и действительной службы; видели приветствовавшие толпы народа и среди них много моряков. От них узнали, наконец, о силе флота Добрармии: только недавно все суда Черноморского флота были французами переданы генералу Деникину; до этого их было у него несколько единиц. Тяжелую судьбу перенес флот. Пришлось ему быть и под немецким флагом, и под украинским, и под французским, турецким и даже советским. Единственный, который он хотел сохранить и сохранил, — морской, Андреевский.

В городе угостили марковцев довольно сытным обедом по разным военным собраниям и пунктам. Три дня простояла дивизия в Севастополе и провела их в деятельном формировании, чего она не могла делать в Новороссийске, будучи разбросанной по его окрестностям. И тем более потому, что ей пришлось многое оставить там и кое-что получить только здесь, главным образом пополнение бойцами.

Дивизия представляла собою снова силу: 1-й полк — 3 батальона по 3—4 роты; в ротах по 25—30 штыков; офицерская рота и команда пеших разведчиков по 35—40 штыков. Всего около 450 штыков при 15 пулеметах.

2-й полк весь свой наличный состав мог свести лишь в 2 батальона по 25—30 штыков в ротах и команде разведчиков. 3-й батальон полка составил влитый в него Сибирский батальон в 400 штыков. Всего в полку до 650 штыков при 15 пулеметах.

Сибирский батальон стал формироваться в апреле 1919 года из офицеров, служивших в Сибирских частях и желавших ехать в армию адмирала Колчака, в которой был большой недостаток в офицерах. Записью и сбором руководил генерал-майор Гаттенбергер⁹⁸, уполномоченный на это адмиралом Колчаком. Записавшиеся стояли в Таганроге. К началу октября 1919 года был сформирован батальон четырехротного состава с пулеметной командой и хозяйственной частью. Командиром его был назначен генерал Гаттенбергер. Предполагалось в октябре батальон отправить пароходом во Владивосток, но ввиду неудач на фронте отправка его затянулась, а затем и отпала. В ноябре батальон был переброшен в Новороссийск. Со влитием батальона во 2-й полк генерал Гаттенбергер по собственному желанию остался с ним на должности командира батальона.

3-й полк — 3 батальона. В ротах 1-го и 2-го батальонов по 30—35 штыков; в 3-м — по 15. Всего 350 штыков при 12 пулеметах.

Артбригада имела лишь 4 орудия. За отсутствием материальной части, чины батарей были сведены в пеший артбатальон, численностью до 200 штыков при 8 пулеметах.

Инженерная рота в составе 150 человек была выделена из дивизии, получив самостоятельные задачи. Отдельно от нее были Марковские железнодорожная и телеграфная роты.

С 19 марта части дивизии стали перебрасываться по железной дороге в Симферополь и там располагаться по казармам и квартирам. Население города встречало «цветных» с большим к ним вниманием, приветливо и радостно. Но неприязненное к себе отношение они находили в некоторых газетах и видели явно со стороны чинов того корпуса, который отстоял Крым от захвата красными. Горе побежденным! Марковцам осталось просто не обращать внимания на этих господ, хорошо одетых и нарушающих самые простые правила военного приличия.

Смена командования

21 марта в Севастополь были вызваны командиры частей, начиная с командиров полков и арtdивизионов. Говорили о каком-то совещании, на котором будто бы будет решаться вопрос о смене возглавления армии. Вопрос касался генерала Деникина.

Ходили слухи о его желании добровольно уйти. Оснований к этому было много, но возникли и опасения, что уход вызван давлением на него. Со стороны кого? Из разговоров с чинами Крымского корпуса, слащевцами, можно было судить, что именно они против генерала Деникина. Марковцы насторожились. В своей среде они решили: генерал Деникин и никто другой, если он сам не решит оставить свой пост. Они были уверены, что их начальники и начальники всего корпуса не позволят посягать на доброе имя генерала Деникина, верны которому, несмотря ни на что, они остались. С большим волнением они ждали результатов совещания.

28 марта начальники вернулись и огласили два приказа. Прочитанные перед строем приказы были выслушаны с затаенным дыханием и бешено бьющимся сердцем. Громовое «Ура!» кричали марковцы в честь генерала Деникина. Громовое «Ура!» кричали марковцы и в честь генерала Врангеля — нового Главнокомандующего.

Успокоившимися разошлись они по квартирам: генерал Деникин не под давлением сдал командование, а генерал Врангель вступил в командование по приказу генерала Деникина. Кроме того, марков-

цы отлично знали генерала Врангеля, не раз будучи в его подчинении. Марковцы кричали «Ура» генералу Врангелю еще и потому, что он, как и генерал Деникин, решительно отклонил требования англичан о заключении перемирия с большевиками при их посредничестве и под угрозой прекращения ими всякой поддержки армии. Марковцы переехали в Крым не для того, чтобы тут прекращать борьбу. На них не действовали разговорчики о «Крымской ловушке».

Они откровенно говорили между собой о беспредельной трудности дальнейшей борьбы; даже, может быть, об ее безнадежности — маленький Крым и огромная Россия; маленькая армия и огромная, победившая Красная; пусть только чудо может спасти Родину и армию; пусть их ведет «Белая Мечта». Пусть! Но продолжать бороться они будут. Но все же должна же быть какая-нибудь, пусть малая надежда. Она есть — народ, испытав на себе большевизм, перейдет на нашу сторону, а мы до того часа как-нибудь продержимся в Крыму.

Говоря «мы», марковцы, конечно, говорили о всей армии в Крыму, реорганизуемой генералом Врангелем и составившей: 1-й «цветной» корпус генерала Кутепова в три дивизии; 2-й корпус генерала Слащева — две дивизии; корпус спешенных донцов — две дивизии; дивизия кубанцев, регулярной кавалерии, и другие части. Была еще дивизия конницы, сидящая на конях, генерала Морозова, бывшая в Крыму при корпусе генерала Слащева.

26 марта марковцы имели радость видеть и слышать своего нового Главнокомандующего. Выстроились корниловцы, марковцы с батареями и на правом фланге Константиновское военное училище. Генерал Врангель перед строем в сопровождении генерала Кутепова и генерала Слащева, поздравившись с частями, произнес короткую, но сильную речь. Он говорил: армия не склонит своих знамен ни перед врагом, ни перед испытаниями, которые ее ждут. Она отстоит Крым и выйдет из борьбы, сохранив честь Родины и национального флага. Затем он обратился к марковцам и сказал, что их дивизия в ближайшие дни выступит к Перекопу на помощь 2-му корпусу, и поздравил ее с новым походом.

Долгое, громкое «Ура» неслось в ответ на речь. «Она могла оживить даже мертвых», — говорили среди марковцев. А в записках одного из них сказано: «Вернувшись со смотра, отрадно было видеть настроение офицеров и солдат. Все изменилось. Где прежнее уныние, неуверенность? Все прошло. Люди жили чем-то новым, особенным. Казалось, что это были совершенно другие люди, не те, которыми они были вчера. Люди готовы были сегодня идти в бой, вполне уверенные в своих силах. Вчера еще красноармеец, сегодня белый, после смотра

вполне проникся «белым» духом и в своем порыве не уступал настоящему белому».

Общему подъему содействовало также производство командира 1-го полка, капитана Марченко⁹⁹, и командира 1-й батареи, капитана Шперлинга¹⁰⁰, в чин полковника; несколько прапорщиков — в подпоручики и многих офицеров, давно выслуживших следующие чины, — в эти чины. В этот же день, по представлению генерала Кутепова, начальником Марковской дивизии был назначен генерал Третьяков¹⁰¹, ей хорошо известный.

Итак — в поход! Пусть слабы еще силы дивизии, пусть в боях придется тянуть на себе пулеметы... Русского солдата зовет Долг перед Родиной в бой, а не на месть... Марковцев возмутило презренное убийство генерала Романовского дезертиром из армии в форме офицера.

На Перекопе

В конце декабря корпус генерала Слащева отошел в Крым. Силы его — около 5000 штыков и 1200 сабель. В течение января и февраля красные неоднократно пытались ворваться в Крым, но безуспешно. В конце марта они готовили новое наступление своей 13-й армией. Для усиления 2-го корпуса был поставлен на охрану южного побережья Сиваша Черноморский конный полк, самая большая однородная кавалерийская часть, хотя теперь и пешая, сменившая там части 2-го корпуса, и направлялась Марковская дивизия.

Кроме того, готовились два десанта: двумя полками дроздовцев у порта Хорлы, в 35 верстах на запад от Перекопа, и двумя полками алексеевцев — у Геническа, с выходом их в тыл Таганашскому полуострову, на который будут наступать части Сводного корпуса.

* * *

Погрузка марковцев в поезда началась вечером 26 марта, в тот же день, когда делал им смотр генерал Врангель, и закончилась 28-го, в Страстную субботу. Для последних частей была общая исповедь, и все причастились.

По выгрузке на станцию Курман Кемельчи, части шли к Перекопу с остановками на ночлег в цветущих колониях немцев, армян и татар.

2 апреля дивизия сосредоточилась в городе Армянский Базар, небольшом, грязном, полуразрушенном. Не хватало в нем даже воды. До Перекопа было 8 верст.

3 апреля рано утром всех поднял гром артиллерийской стрельбы на Перекопе. Красные наступали и взяли восточную половину позиции. Марковской дивизии приказано восстановить положение. Выступили 1-й и 3-й полки. Их приветствовал генерал Слащев. Когда по колоннам стали рваться снаряды, они развернулись в боевой порядок на быстром ходу. Прошли под крики «Ура!» передовые цепи 2-го корпуса, атаковали, взяли Перекопский вал и пошли дальше. Сильная контратака Латышской дивизии была отбита, после чего вышли на линию высоты 7.1, полностью восстановив положение. Дальнейшее продвижение было остановлено. Новая атака красных была снова отбита.

Оставив на линии высоты 7.1 сильное охранение, 2-й и 3-й полки заняли позицию на валу от Сивашского залива до города Перекопа. Влево — части 2-го корпуса. Потери полков превысили сто человек. Особенно пострадал 3-й батальон 3-го полка: из 70 штыков в нем осталось 28. Марковская бригада потеряла две лошади и несколько человек.

4 апреля. Ожидалось наступление красных, но та и другая сторона остались пассивны. Однако марковцы слышали звуки боя далеко к западу, за селением Преображенка. В чем дело — никто не знал. Наконец приказание: 1-му полку произвести «сильную демонстрацию» в направлении высоты 9.3, занятой красными. Командир полка решил взять высоту. Высота была взята; отбита атака кавалерии слева.

В это время бой за Преображенкой усиливался и приближался. Недоумение марковцев: они не видели, чтобы части, стоявшие левее их, наступали. Спустя несколько часов 1-й полк по приказанию отошел в исходное положение. И только потом узнали: бои вели дроздовцы, вышедшие к Перекопу от порта Хорлы со взятой ими 4-орудийной батареей красных. Удивило, почему же им не было оказано непосредственной поддержки от Перекопа, а лишь полком марковцев, верстах в пяти от боя? Полк потерял до 60 человек.

После этого боя наступило спокойствие, нарушаемое слабой артиллерийской перестрелкой. Противник понес значительные потери, и теперь, когда силы обороняющихся увеличились, не скоро можно ожидать его наступления. Во всяком случае оно будет 30 апреля, накануне 1 мая. Так думали.

* * *

Главная линия обороны проходила по Перекопскому, или Татарскому, валу, сооруженному татарами во времена Крымского ханства для обороны от нападения запорожских казаков и русских войск. Он

имел длину 8 верст и упирался в Сивашский залив в восточной части и в Перекопский — в западной; был до 4 аршин высотой, со рвом перед ним в 4 аршина глубиной. В середине вала, на северной его стороне, находился небольшой городок, Перекоп, у которого вал пересекала единственная дорога, расходившаяся потом на север, к селу Чаплинка, и на северо-запад, к селу Преображенка. Местность перед валом отчетливо делилась на две зоны: левую — голую, равнинную, более низменную, и правую — возвышенную, перерезанную балками и рукавами Сиваша, с высотой 7.1, а на красной стороне — высотой 9.3.

Для обороны наибольшее значение имела восточная половина вала, так как здесь противник мог, пользуясь подступами, подводить свои части версты на две к валу. Охранение, выставляемое на линии высоты 7.1, могло лишь предупредить его о приближении, находясь само под угрозой быть ночью отрезанным от вала слева. Кроме того, не исключалась возможность и обхода самого вала справа: Сивашский залив был мелкий, и он еще более мелел, когда дул западный ветер.

Этот участок перекопской позиции и заняла Марковская дивизия; на левом стала Корниловская; в резерве — Дроздовская. Вообще, вся оборона этой позиции была передана 1-му корпусу; 2-й перешел в резерв армии. За дивизией стояли две Марковские батареи, две Дроздовские, одна Алексеевская и одна от 2-го корпуса.

Немедленно было приступлено к укреплению обороны: усиливались проволочные заграждения, на валу возводились окопы полной профили, а на правом фланге — пулеметный редут под руководством саперных офицеров от Марковской инженерной роты. (Сама рота находилась в Севастополе, где разбирала железнодорожные ветки северного дока, рельсы и шпалы которых отправлялись на постройку линии от станции Джанкой на Юшунь.)

С полным напряжением работали и артиллеристы: оборудовали позиции, наблюдательные пункты, погреба для снарядов; их пулеметчики несли охранение вдоль Сиваша, часть обслуживала два клиновых орудия на Чувашском полуострове; остальные формировали новые батареи. Артиллерийский батальон был расформирован.

Спокойное состояние было неожиданно нарушено утром 17 апреля: загремела артиллерия красных; их пехота перешла в наступление от высоты 9.3, а кавалерия с запада. Стоявшие в охранении на линии высоты 7.1 части успели отойти только благодаря меткому огню 1-й батареи, разметавшему кавалерию. Перед самым городом наступавшую пехоту контратаковал резервный 2-й полк и моментально обратил ее в бегство, взяв в плен около 80 человек.

Марковцы ошиблись в своих предположениях: они не знали, что красные перешли на новый календарный стиль и 17 апреля для них было 30 апреля по новому стилю — канун пролетарского праздника.

Снова наступили дни позиционного стояния. Но было уже легче: уменьшились работы, а число людей в частях увеличилось, особенно в 3-м полку, которому был придан Сводный батальон Кавказского офицерского строевого полка в 400 штыков, ставший в нем 3-м батальоном. 2-й полк был направлен в Караджанай и нес охрану по побережью Сиваша. Постепенно, по мере формирования, на позиции становились новые двухорудийные батареи.

Усиливали и укрепляли свои позиции и красные. Перед высотой 9.3 они вырыли две линии окопов с проволочными заграждениями; сильно укрепили горку за рукавом Сиваша, через который шла гать, названную «пулеметной». Увеличивалось у них число батарей. В воздухе висел змейковый аэростат. Их дальнобойные орудия обстреливали тыл перекопской позиции вплоть до Армянского Базара.

* * *

Что делать по окончании всяких нарядов, после часов сна? Благо — весна. Все покрылось зеленью, цветами; приятно смотреть на равнину к югу от вала, на воды Сиваша. Вон батарейные лошади пасутся, набирают тела. В воздухе трели птиц. И солнце такое мягкое, приятное. Останавливается взор на маленькой деревне Щемиловке. Там штабы полков, походные кухни. Но днем движение слабое. Полный покой. Артиллерийский обстрел? Ничтожное беспокойство.

Бойцы лежат, сидят на скате, разговаривают; группами читают найденные в Перекопе книги; играют в самодельные карты. А в общем — однообразие. Оно томит. Целое событие — показ кинофильма или концерт, даваемый приезжими артистами; но немногим приходится воспользоваться ими.

Было и другое однообразие — в пище, и притом скудной. Продовольственный кризис в Крыму сказывался и на армии. Что можно приготовить и как разнообразить пищу, приготовляемую в походных кухнях, при выдаче всего лишь полуфунта мяса на человека в день, незначительной доли жиров, однообразии приварка и отсутствия овощей? Единственно, что поступало в достаточном количестве, это — мелкая рыбешка, камса. Кашевары всячески изошрялись, чтобы меньше выслушивать упреков. Раза три в неделю варили рыбные супы, в остальные — мясные. Избыток камсы выдавали на руки — поступай с ней как знаешь. И с любовью вспоминалась тогда вобла, выдаваемая на фронте Великой

войны. Вобла была одной из причин развала армии, но камса не давала к этому никакого повода — ворчали, и только.

Иногда поступали мясные консервы; их обыкновенно просили выдавать на руки. И такие дни были счастливыми. Счастливыми были и дни, когда обед приготавливался из продуктов, закупленных где-то далеко в тылу. Вспоминались дни Великой войны, когда коротали свободное время за чаем; теперь вода привозилась, а чая на заварку, и особенно сахара, было мало. Да и хлеба не доставало.

Как тут не заскучать? Как не озлиться, когда пища расстраивает желудки и доводит до серьезных заболеваний. Врачи почти всегда ставили диагноз — брюшной тиф. А это значит — не доедал, так теперь садись на совершенно голодную диету. Удовольствия мало. Одно утешение — эвакуация в Симферополь.

* * *

В Симферополе был открыт Марковский лазарет. Вмещал он сотни человек. Первыми в этот госпиталь попала часть из сотен больных и раненых, вывезенных из Новороссийска. Замечательный во всех отношениях был лазарет. Марковцы вспоминают с глубокой благодарностью и г-жу Рогозину, открывшую свой домашний лазарет, и набранный ею медицинский персонал.

Больных осматривали очень внимательно.

— Что за болезнь? — недоуменно задает себе вопрос консилиум врачей. — Это какая-то особенная, «марковская» болезнь.

Такой страдали многие.

Голодно сидеть на диете. Скучно в лазарете. Тянет в город. Наконец разрешение в отпуск. Но в городе масса соблазнов и нужны деньги; ну хотя бы съесть варенец и побывать в театре, вопреки всяким положениям для офицеров, взяв места на галерке. Приятно посмотреть веселую комедию «Губернская Клеопатра». Но окончились деньги, и совсем скучно. Единственное спасение — скорее в полк с законной остановкой в обозе 2-го разряда в немецкой колонии, где хоть кормят хорошо.

На Перекопе более или менее регулярно стали поступать газеты, вызывавшие к себе огромный интерес и дающие богатые темы для разговоров. Приносили новости и вернувшиеся в строй.

Приятно было узнать, что резко к лучшему изменилось отношение некоторых газет к «цветным» и как наводят генералом Врангелем порядки в тылу. Рады были узнать о распоряжении, запрещающем ношение формы полков лицам более двух месяцев выбывшим из них и находящимся на других службах.

Сильное впечатление произвели несколько приказов генерала Врангеля. Приказом 28 апреля все армии — Добровольческая, Донская, Кубанская — сводились в единую Русскую Армию и подчинялись одному вождю и одному закону. Вся масса казаков отнеслась к этому приказу не только спокойно, но и как к положительной мере. Этим же приказом устранялись и наименования, связанные с Добровольческим периодом, как то «Офицерский», и наименования частей по именам их шефов. Офицерская генерала Маркова дивизия стала просто Марковская дивизия, полк — просто Марковским.

Над этой реформой задумывались, ведь устранялось полное имя их шефа — генерала Маркова, а устранением «Офицерской» оказывалось психологическое воздействие на каждого попадающего в полк, будь то офицер, будь солдат. Но, обсудив, успокоились. Давно уже полки не «Офицерские», и давно уже они сами свою дивизию называли просто Марковской. Но дух и традиции, заложенные генералом Марковым, останутся живы в частях.

Приказом 29 апреля генерал Врангель освобождал от всяких наказаний и ограничений по службе воинских чинов, не только перешедших из Красной армии, но и тех, кто был взят в плен с оговоркой: если не оказывал сопротивления. В этом приказе для марковцев не было ничего нового: они всегда ставили в свои ряды взятых в плен офицеров, давая им полную возможность реабилитироваться в боях.

В связи с этим приказом, марковцев взволновало и возмутило «дело» с капитаном Дубининым. В 1919 году он с батальоном красноармейцев перешел на сторону Добрармии, сдавшись полковнику Слоновскому¹⁰², тогда командиру батальона. Он сразу же был поставлен в ряды батальона, а через короткое время получил команду пеших разведчиков, с которой отлично действовал. Будучи раненным, он эвакуировался в Крым, где примкнул к восстанию капитана Орлова, поднятому как протест против беспорядков в тылу. Это восстание генерал Слащев не мог подавить, и только со вступлением в командование генерала Врангеля, ставшего твердо наводить порядки, восстание капитана Орлова потеряло свой смысл и его отряд стал расплываться. Капитан Орлов, однако, продолжал скрываться, а капитан Дубинин вернулся к полковнику Слоновскому и был зачислен в полк.

Несмотря на приказ генерала Врангеля, генерал Слащев тем не менее продолжал вылавливать орловцев. Это знали и генерал Кутепов, и полковник Слоновский. Генерал Кутепов приказал сохранять в полной тайне пребывание капитана Дубинина в полку и запретил куда-либо отправлять его. Но полковник Слоновский, соблазнившись предложением капитана Дубинина привести в полк человек до 150 орловцев, отпра-

вил его в Симферополь. Уже там, в хозяйственной части полка, стали собираться орловцы, как разведка генерала Слащева напала на след капитана Дубинина. Последнему оставалось ехать в полк, но по дороге он был схвачен слащевцами. Генерал Слащев, не снесшись с полковником Слоновским, несмотря на то что капитан Дубинин был в марковских погонах, повесил его. Генерал Слащев все еще чувствовал себя полным хозяином Крыма и не задумываясь нанес оскорбление марковцам. Досадно было еще и то, что 2-й полк лишился значительного пополнения.

30 апреля генерал Врангель отдал приказ об учреждении ордена Святого Николая Чудотворца для награждения им отличившихся в боях солдат и офицеров и Николаевских знамен, штандартов и труб для отличившихся частей армии. Орден Святого Николая — темно-бронзовый крест с мечами, с надписью «Верою спасется Россия» на ленте национальных цветов. Он имел и высшую 2-ю степень награждения старших начальников. Знамена и увенчанные восьмиконечным крестом, с национальными лентами штандарты цвета полков с ликом святого Николая и на обратной стороне — вензель части. На полотнищах надпись «Верою спасется Россия». Учреждение этих наград радовало марковцев, но и смущало: заслужат ли их слабые части высокие награды? Оправдают ли они славное имя своего шефа?

* * *

Среди марковцев кипучая деятельность генерала Врангеля возбуждала интерес и внимание не только в сфере военной. Его изречения, письменные и устные, схватывались и обсуждались.

«Мы в осажденной крепости, и лишь единая твердая власть может спасти положение. Нужно побить врага прежде всего; сейчас не место партийной борьбе».

«Пока борьба не окончена, все партии должны объединиться в одну, делая внепартийную деловую работу. Значительно упрощенный аппарат управления строится мною не из людей какой-либо партии, а из людей дела. Для меня нет ни монархистов, ни республиканцев, а есть люди знания и труда».

«На таковой точке зрения я стою и в отношении к вопросу о так называемой ориентации. С кем хочешь, но за Россию — вот мой лозунг».

«Во время войны, а тем более войны гражданской, орудием борьбы являются не только пушки и ружья, но и Идеи».

Уже более года, как в среде бойцов ставился вопрос: «В чем заключается Белая Идея?» К этому побуждала сама жизнь и ее требова-

ния. На вопрос: «За что идет армия?» — как раз и должны быть ответы по содержанию Идеи. Генерал Врангель говорит об Идеях — действительном и важном оружии борьбы наряду с пулеметами. Стали ожидать раскрытия этих Идеи, что не заставило себя долго ждать.

Подготовка к наступлению

Разговоры о переходе в наступление велись ежедневно. Наступление было не только целью, оправдывающей пребывание в Крыму, но и избавлением от томительной скуки и многих лишений. Вопрос о времени решался коротко: чем скорее, тем лучше. Все, конечно, знали, что откладывание его хотя и увеличивает физическую силу Русской Армии — численную и техническую (они слышали, что с Кавказа все еще подвозили войска), но позволяет и противнику увеличивать свои силы и подготовиться к новому штурму Крыма. Делался вывод: оттяжка наступления может привести армию к жестокой обороне.

А оборону марковцы сильно недолюбливали: быть прикованными к одному месту и сидеть там под ливнем снарядов. Предпочитали наступление, при этом совершенно не считаясь с силами врага.

3 мая на Перекоп приезжал генерал Врангель и произвел смотр свободным от нарядов и службы частям дивизии. Он ничего не сказал о наступлении, но говорил, что Русская Армия выполнит свой долг перед Родиной до конца. В один из последующих дней позиции обошел генерал Кутепов в сопровождении представителей нескольких стран. И генерал Кутепов ничего не говорил о наступлении. Посещение иностранцами вызывало большой интерес. Кто они? Друзья, союзники или просто любопытные?

Но посещение высшим начальством позиций марковцы сочли признаком скорого наступления, тем более что из тыла доходили слухи об этом. Один юноша-офицер записал в свой дневник: «К чему-то готовятся. 15-е число будет для Родины и армии решительным днем». Но прошло оно, 16 мая он записал: «Вчера было вечернее занятие. Сегодня панихида по павшим и умершим. К чему готовятся — неизвестно. Трудное и ответственное дело. Для милой России я готов сию же минуту пожертвовать своею жизнью; ведь жизнь моя — ничто в сравнении с теми жизнями, которые положены за идею. Лишь бы была польза для Родины и для народа».

Во второй половине мая слухи о предстоящем наступлении усилились. Говорили о переброске частей: одних на фронт, других по железной дороге на юг. Говорили о танках, бронемашинах, направляющихся на

фронт, вообще о том, что тыл армии весь в движении. Высказывались даже предположения о готовящемся якобы где-то десанте.

Между тем у марковцев не было перемен. Усиленно копались лишь артиллеристы, устраивая позиции впереди вала: якобы туда на день будет выезжать не одна батарея, а несколько. Пришла инженерная рота. Стало несколько беспокойнее: днем учащенно летали аэропланы и стреляла артиллерия с двух сторон, а ночами — усиленные поиски разведчиков, вспышки короткой стрельбы и более часто взвивались светящиеся ракеты со стороны красных. Было и новое: у города слышался шум моторов и объясняли — подвозятся материалы для укрепления позиций, Красные тоже слышали этот шум и часто обстреливали город из орудий. А в общем — все нормально, как нормально напоминание о бдительности.

23 мая началось и проходило как каждый предыдущий день. Жарило солнце, и приходилось спасаться от него в окопах. Конечно — скучно. Оживленными себя чувствовали лишь те немногие, которые получили разрешение отправиться в Армянский Базар на концерт.

Вернувшись, один записал в свой маленький карманный дневник: «Что-то творится кругом. Все волнуются, чего-то ждут. Только что пришел с концерта из гимназии в Армянском Базаре. Исполнение чудесное, почти на злобу дня. Лица слушателей были не те, как прежде, — какая-то перемена во взгляде, какой-то таинственный блеск в глазах. Видно, на что-то решаются. Но на что? Да, есть о чем задуматься. В ночь с 24-го на 25-е, кажется, назначено наступление. О нем уже громко говорят, и в эту ночь для нас многое должно решиться. В этом бою — половина успеха. Здесь будет «пан или пропал». О последнем я, конечно, мало думаю. Но почти наверно можно сказать, что через несколько дней мы будем далеко, далеко от Крыма. Боже, помоги нам! А мне нужно ложиться спать, так как уже 2 часа 20 минут ночи».

Утром 24 мая по всем линиям марковцев передан неофициальный слух: в Перекоп ночью пришли танки и, замаскировавшись там, притаились. Эта новость привела всех в весьма возбужденное состояние. «Завтра в наступление!» — таков был вывод. Нетерпение росло, но в полдень всем сказано: красные если не завтра, то послезавтра перейдут в наступление.

Вперед!

Вечер. Приказание приготовиться к выступлению. Ночь тихая, лунная. Однако на фоне свежей зелени видимость незначительная. Разведчикам приказано не беспокоить противника, а лишь следить за ним.

Около 21 часа к Перекопу подошел 2-й полк. Каждый полк выстроился отдельно, и в каждом объясняется его задача. Армия переходит в наступление.

1-й полк наступает в сопровождении трех танков на высоту 9.3, берет ее и выдвигается к хутору Спендиарово. 3-й полк наступает вдоль Сиваша, переходит его рукав, берет «пулеметную» горку, далее переходит второй рукав и берет село Владимировка. 2-й полк следует за 3-м; после взятия «пулеметной» горки разворачивается влево и берет село Первоконстантиновка, которое со стороны высоты 9.3 атакуют танки. Инженерная рота очищает от мин гать через рукав Сиваша, пропускает батареи и остается в резерве дивизии у этой гати.

Слева от дивизии на село Преображенка наступает Корниловская. Между ними — конница генерала Морозова. Одновременно с Чонгарского полуострова наступает сводный корпус генерала Писарева. В резерве 1-го корпуса — Дроздовская и кавалерийская дивизии; в резерве армии — Донской корпус генерала Абрамова. Поразило сообщение, что 2-й корпус генерала Слашева с конной Терско-Астраханской бригадой уже высадился десантом к востоку от Мелитополя у деревни Кирилловки и ведет наступление в тыл противнику.

После объявления задачи каждому батальону в полках были отслужены молебны. Вот одна из записей: «Полк выслушал молебен, и священник окропил его святой водой, говоря: «Силою креста Твоего сохрани и спаси!» Хор пел «Спаси, Господи». Потом священник сказал прочувствованное слово, которое все выслушали с бьющимися сердцами. Некоторые плакали. И в заключение он сказал: «Идите, дорогие, туда, где вас ждут. Идите их спасать!» Накрывшись, мы тихо и спокойно пошли за Перекоп. Луна светила во все лицо, и лишь слышалось топанье человеческих и лошадиных ног. Было уже за полночь. Все шли молча, будто у каждого на груди лежал камень. Каждый думал о только что слышанных словах священника, о своих родных».

25 мая. Около двух часов. Тихо. Вдруг в охранении раздалась ружейные и два орудийных выстрела: разведчики красных, незамеченные, наскочили на только что ставшую на передовую позицию батарею. И опять тихо.

Полки идут занимать свои исходные позиции. У марковцев напряжены слух, зрение, внимание и нервы. Сказано — атака в три часа по выстрелу тяжелого орудия. Слух уловил далекую артиллерийскую канонаду на востоке. И... бухнул выстрел за валом. Тихая ночь вдруг наполнилась грохотом орудий, разрывов, гулом несущихся снарядов, вспышками и усилилась ответным огнем противника...

1-й полк идет быстро вперед. Его обгоняют танки. Центральный батальон врывается на высоту 9.3; левый, взяв первую линию окопов, залегает перед второй, но на непродолжительное время. Сбивая резервы красных, полк наступает дальше. Влево взвигается зеленая ракета — знак, что корниловцы заняли Преображенку.

3-й полк идет вброд по рукаву Сиваша в версту шириной, местами с мелкой водой, местами только с густой грязью. Перед ним вся в разрывах снарядов позиция противника с «пулеметной» горкой. Полк подошел к ней. Батареи замолчали, и... его встречает сильный пулеметный и ружейный огонь. Не преодолев проволочного заграждения, он залег под ним. Снова открыли огонь батареи — пять батарей. Полк несет потери не только от огня противника, но и от огня своих. Его засыпает землей от близких разрывов. И — атака. Позиция взята. Полк наступает дальше.

Батареи, следовавшие за полком, задержались перед гатью: саперы в темноте не могут найти заложённых мин. Но ждать нельзя. По гати скачет зарядный ящик и... благополучно переходит ее. За ящиком — орудия, как раз тогда, когда мины найдены и обезврежены. Быстро переходит гать 2-й полк и разворачивается фронтом на Первоконстантиновку.

Светает. Идет горячий бой. 3-й полк переходит второй рукав Сиваша. Его, понесшего большие потери, подбодрила эскадрилья аэропланов, летевшая в сторону противника. 2-й полк атакует Первоконстантиновку. Жестокое сопротивление противника сломлено огнем батареи, ставшей в цепях полка. На окраине села стоял подбитый снарядом танк; на улице — другой с перебитой от брошенной в его люк ручной гранатой прислугой. Полк взял село, защищала которое красная часть, называвшаяся «Красные орлы»; захватил броневомобиль. 1-й полк около 12 часов занял хутор Спендиарово. Он уже выдвинулся на 10 верст, и у него открыты фланги. Слева сзади шли густые цепи красных, отбивающиеся от конницы генерала Морозова. Увидев себя окруженными, сдались в числе 700 человек. Это были латыши. 300 человек, изъявившие согласие биться с большевиками, сразу же были распределены между ротами полка.

Но разгорался бой с перешедшими в наступление красными у 3-го и 2-го полков. Красные перешли в наступление, огромными густыми цепями охватывали 3-й полк слева, 2-й — справа. Не выдержал 3-й полк, не выдержал и 2-й. Стали отходить: 3-й — в свое исходное положение, 2-й — к высоте 9.3. Около 17 часов к высоте 9.3 подошел 1-й Дроздовский полк. Ему приказано взять Первоконстантиновку, и он взял ее, но около 23 часов был выбит. Красные дрались отчаянно.

Ночь. 1-й полк у хутора Спендиарово. Тут же части конницы генерала Морозова. 3-й полк перешел ко 2-му — к высоте 9.3; у гати осталась инженерная рота. К высоте подошли и 2-й и 3-й Дроздовские полки. К отдыхающим марковцам подошел генерал Кутепов. Он мягко высказал неудовлетворение исходом сражения дня, но сейчас же подбодрил: «Завтра красные будут разбиты на нашем участке; наступление на других участках фронта развивается». Затем он был в 1-м полку и благодарил за успешное наступление.

26 мая утром дроздовцы взяли Первоконстантиновку и преследовали красных до Владимировки. Конная дивизия атаковала их с тыла. Красные были разбиты и понесли огромные потери. Марковцам уже не пришлось участвовать в бою; только несколько артиллерийских выстрелов было произведено по красным броневым автомобилям, появившимся со стороны села Чаплинка. Дивизия осталась в резерве корпуса, расположившись в Первоконстантиновке, Спендиарове и Преображенке, где простояла два дня.

Один день боя, 25 мая, стоил дивизии больших потерь: почти до 600 человек, почти треть ее численности. Особенно пострадал 3-й полк — потерял до 300 человек, половину своего состава. Полки влили в свои ряды пленных. 1-й полк, потеряв около 100 человек, влил до трехсот. Около 15 человек потеряли артиллеристы. Но Марковская артбригада в результате боя значительно усилилась: она сразу поставила в строй 4 орудия из взятых дивизией восьми и имела теперь 14 орудий; поставить больше мешала нехватка лошадей. Всего 1-й корпус при выходе в Северную Таврию взял 3500 пленных, 25 орудий, 6 броневиков.

* * *

Кажется, в первый раз за всю Гражданскую войну полковые священники были на месте: напутствовали части в бой, хоронили убитых и жителям напоминали, что пришло Христолюбивое Воинство. В Первоконстантиновке, после долгого молчания, зазвонили церковные колокола, и, за отсутствием сельского священника, в церкви служил священник 3-го полка, отец Поликарп Шиманский. Церковь была полна молящимися.

Да! Для русского народа нужна церковь, Дом Молитвы. Нужна свобода молитвы. Но этому ли только радовались жители села? Было видно, что они радовались окончанию их жуткой жизни непосредственно на фронте с тяжелыми обязанностями подводной повинности, которую на них налагали большевики: привозить со станции каждый день ящи-

ки, тюки, всякое неизвестное им имущество и везти туда раненых без конца. Но радовались ли они полному освобождению от большевиков? Ответить было трудно. Они беспокоило говорили: «Сколько вас, и сколько их. За красными вся Россия, а за вами только Крым. Они, красные, говорили, что все равно потопят вас в море».

Все это марковцев мало беспокоило, но, когда узнали о подготовляющейся красными газовой атаке, о подвезенных газовых снарядах, баллонах, о противогазовых масках и химических лабораториях, у них вырвалось: «Вовремя мы вышли из Крыма!» С Кубани не ели марковцы такую вкусную и обильную пищу, как теперь. Жители охотно снабжали всеми продуктами.

29 мая 1-й и 2-й полки выступили в село Натальино, где Морозовская конная дивизия не выдерживала натиска красных. Страшная, мучительная жара! Но спасла гроза с невероятным ливнем, продолжавшаяся полчаса. Вода покрыла степь. Когда колонны двинулись дальше, пришлось освободить двуколки и подводы от лишних седоков, степных зверьков-тушканчиков, нашедших на них спасение из своих защитных водюю нор. Ливень помог морозовцам отбросить противника.

1 июня вся дивизия сосредоточилась в селе Дмитриевка, уже в 60 верстах от Перекопа. Корниловцами взята Каховка и очищен весь левый берег Днепра вплоть до устья. Дроздовцы и морозовцы продолжали наступать на север, войдя в связь с остальными частями армии.

В селе Дмитриевка

С первого же дня, как только дивизия стала в селе, в ней закипела работа по усилению своей мощности. Ежедневно прибывало пополнение из пленных, мобилизованных, возвращавшихся по выздоровлении и даже добровольцами из крестьян. Шло обучение пулеметчиков, в которых был острый недостаток. Не хватало телег, тачанок, лошадей. Дивизии не пришлось наступать в передовой линии, отчего ей досталось лишь то, что не было подобрано другими.

К концу стояния в резерве в полках дивизии уже было 1000, 900 и 800 штыков. В артбригаде — 16 орудий. В полках формировались запасные батальоны и даже отдельный на всю дивизию. Было лишь одно смущающее обстоятельство — эпидемия холеры, выведшая из рядов несколько человек.

6 июня в Дмитриевку приехал генерал Врангель, и дивизия представлялась ему уже во внушительном состоянии. «Кланяюсь вам, Рус-

ские Орлы!» — так начал он свое слово. Он говорил, что будет сделано все, чтобы вырвать победу у врага. «Нужно верить в победу, так как только Верою спасется Россия. Вера творит чудеса. С верою, вперед!».

Генерал Врангель благодарил марковцев за ратные дела и выразил уверенность в их новых успехах. «В воздаяние заслуг, полки ваши награждаются Николаевскими знаменами; 1-я, 3-я, 4-я и 7-я батареи — Николаевскими трубами». Громкое восторженное «Ура!» покрыло слова Главнокомандующего. Тут же он произвел командира артбригады полковника Машина¹⁰³ в чин генерал-майора; утвердил полковника Докукина¹⁰⁴ в должности помощника начальника дивизии; генерала Гаттенбергера назначил командиром 2-го полка.

Короткая встреча с генералом Врангелем незабываема. Высокие награды марковцы сочли воздаянием не за Перекопский бой, а за свою прежнюю службу и как обязательство оправдать ее в будущем. (Знамена не были привезены, так как еще не были готовы.)

Генерала Врангеля крестьяне встретили с подношением хлеба-соли. Он долго разговаривал с ними, и потом видно было, с каким доверием они отнеслись ко всему, что услышали от него. О чем он говорил им, марковцы судили по приказу и воззванию, которые уже были расклеены по селу.

Читая и перечитывая эти документы, марковцы находили в них что-то из того, о чем они думали; находили то, чего раньше, когда боевая служба сталкивала их с народом и они должны были ему отвечать на вопросы, у них не было. Они чувствовали, что начинают понимать глубже ведущую Идею борьбы и могут говорить о ней с народом. Какое-то новое «оружие» давалось им.

В первые дни в Северной Таврии в записях были такие заметки: «Население смотрит волком», «Впечатление таково, что, собственно, в настроении населения никаких перемен не произошло». А через несколько дней — явная перемена. Были потом скачки в обратную сторону, особенно когда была объявлена мобилизация лошадей, но на короткое время. Крестьяне примирились с постановлением власти, но на беззаконие отвечали огромным возмущением. С мародерством, грабежами велась беспощадная борьба, и народ видел — власть не даст его в обиду.

Через несколько дней вышло новое обращение к «Войскам и населению»: «Как Правитель, Главнокомандующий и как один из сынов несчастной России, земно кланяюсь вам, Русские орлы, все честные Русские люди — помогите мне нести выпавший на мою долю тяжкий крест». Общими усилиями войск и населения! Прямой призыв — за

Россию общим фронтом, согласованными силами. И чтобы согласовать эти силы, делалось многое.

В войсках появился новый институт связи: все постановления и объявления из центра передавались в народные массы, через специально назначенных в полках лиц. То, что не было проведено раньше, то, что должен был делать Осваг при генерале Деникине, теперь введено в жизнь. Другое дело, как это осуществлялось. Нужны были опытные люди, а не формалисты. Назначенные на такую работу лица не должны были сделать шага без нужных документов, без нужных фраз. Генерал Врангель это требовал. Однажды у сопровождающего его генерала, руководившего этой работой, не оказалось с собой документов, и он немедленно был отправлен за ними. В полках эта работа велась неумело, да на нее назначались сверхштатные штаб-офицеры, далекие от понимания глубокой важности дела для «войск и населения». Коммунистическая пропаганда действовала, и ей нужно было противопоставить живую контрпропаганду.

Между прочим, в это время коммунистическая пропаганда твердила о новой интервенции капиталистических стран против России: Польша, за которой стояла Франция, и Врангеля, который якобы поддерживается Англией и другими странами. Она твердила о продажности и предательстве Врангеля, пошедшего против Родины.

Да! У марковцев сжалось сердце, когда узнали, что поляки и петлюровцы, которым в это время помогала Франция, захватили Киев. Но у них не дрогнули сердца, когда узнали, что бывший союзник, Англия, решительно противился наступлению армии из Крыма, угрожая лишением всякой поддержки. «У нас теперь есть союзник — Махно», — не без серьезности говорили марковцы, несмотря на недоверие к нему.

«С кем хочешь, но за Россию — вот мой лозунг», — сказал генерал Врангель.

* * *

За время, пока дивизия стояла в резерве, Русская Армия освободила Северную Таврию. Ее фронт от Крыма уже находился в 100 верстах к востоку, в 120 — к северу и в 60 — к западу и имел протяжение до 300 верст, причем 200 верст — вдоль Днепра.

Армией было взято 48 орудий, 250 пулеметов, 3 бронепоезда, 9 бронемашин и свыше 16 000 пленных. Весьма скромная доля марковцев в этом успехе напоминала о необходимости им показать себя в дальнейших боях. И они к этому готовились уже под сенью своих Крестonosных знамен. В артбригаде выработали даже нагрудный

знак — крест мальтийских рыцарей — черный с красной каймой, перевитой терновым венком, и с вензелем генерала Маркова. Этот знак позднее был утвержден. Такой же знак был принят и в полках, но с белой каймой, а в центре вместо вензеля — знаки полков.

Каховские бои

Красное командование, обладая огромными резервами, сразу же стало готовить контрнаступление. Оно задалось целью одновременным ударом с востока и запада на Мелитополь разбить и окружить Русскую Армию и во всяком случае отбросить ее в Крым. На востоке оно сосредоточило силы кавалерии, больше чем в три раза превышающие силы таковой Русской Армии. С запада, в районе Каховки, должны были переправить через Днепр две стрелковые дивизии. Одновременно и наступление на всем остальном фронте. Оно началось 15 июня.

10 июня один батальон 2-го полка с двумя орудиями выступил из Дмитриевки к Днепру в Любимовку; правее него, в Горностаевке, стал Черноморский конный дивизион. После переезда с Кавказа в Крым Черноморский конный полк вошел в состав 4-го Сводного полка кавалерийской дивизии как дивизион, и с ним с Перекопа вел наступление на Алешки. Он захватил большие трофеи, позволившие ему посадить два эскадрона на лошадей, а третий, пеший, сделать ездящим на подводах и иметь достаточно сильную пулеметную команду. Общая численность его превышала 300 человек. С 10 июня дивизион стал связан неразрывными узами боевого братства с Марковской дивизией в качестве ее конницы. Вдоль Днепра соседями справа были части генерала Писарева, слева — еще пешие части кавалерийской дивизии Барбовича.

Днепр в нижнем его течении — широкий, многоводный. Казалось бы — надежное обеспечение. Но — днепровские плавни. С ними познакомились марковцы. Главное русло Днепра имело в ширину несколько сот шагов, но оно разделялось на много рукавов-протоков, между которыми острова, покрытые густой растительностью. Это и были плавни шириной до десяти верст. Переправиться через Днепр по плавням не представляло больших препятствий, и особенно с западного, возвышенного берега. Нужно было иметь большие силы для занятия всех островов, чтобы не допустить этого.

Только в одном месте на протяжении нескольких верст исчезали плавни и оба берега разделяло лишь русло Днепра — у Каховки на восточном берегу и Бериславля на западном. И, как ни казалась здесь переправа через реку наиболее трудной, она была особенно легка: с

доминирующего западного берега открывался отличный вид на низкий восточный, на котором нигде не было укрытия; неприятельские батареи на возвышенном берегу не только могли подготовить условия для переправы, но и погасить огонь батарей, которые этой переправе мешали бы. Здесь у Каховки красные и готовили переправу.

11—14 июня прошли на линии Днепра спокойно. Разведчики батальона 2-го полка свободно ходили по плавням и были даже на полузатонувшем пароходе на главном течении Днепра, на котором были двуколки и всякое военное имущество. Попытка забрать их стоила жизни подпрапорщику Шацкому и ранений двум солдатам.

Для выяснения намерений красных на тот берег переправился офицер 2-го полка, уроженец одной из колоний близ Бериславля. 15 июля утром он вернулся и сообщил: красные начинают переправу на острова северной Каховки. В этот день из Дмитриевки в Любимовку переходит еще один батальон 2-го полка со взводом орудий.

16 июня красные переправляются на восточный берег у Горностаевки — севернее и у Корсунского монастыря — южнее Каховки, но были отброшены в плавни. У Горностаевки черноморцам, к удивлению, пришлось иметь дело с конной частью красных. Оказалось, красные всадники переправились с седлами, а лошадей набрали у крестьян. К Днепру выступил последний батальон 2-го полка.

18 июня артиллерия красных усиленно обстреливала район Каховки и во второй половине дня их пехота, переправившись через Днепр, заняла Большую Каховку, выбив из нее части генерала Барбовича.

19 июня. Ночь светлая, лунная. Во второй половине ее перед Любимовкой из протока в плавнях стали выплывать на рукав Днепра, Конку, отделявший плавни от восточного берега, лодки. На середине реки их встретили пулеметным огнем. Одна за другой лодки стали переворачиваться, плыть по течению, возвращаться назад. Едва рассвело, красные, уже с поддержкой артиллерии, снова повторили попытку переправиться, но понесли еще большие потери, теперь уже и от артиллерийского огня.

А в это время пехота красных повела наступление с бугров восточнее Большой Каховки на Любимовку. Встреченная огнем пулеметов и батальона 2-го полка, она отошла на бугры. В контрнаступление перешли шесть рот 2-го полка, но и они под сильным огнем, особенно батарей, вынуждены были отойти. Третья попытка красных переправиться через Конку была отбита, и только одна их лодка достигла берега. Взятые в плен говорили: их двум батальонам, двум командам разведчиков и двум пулеметным приказано было во что бы то ни ста-

до содействовать развитию наступления со стороны Большой Каховки. Потери они понесли огромные.

Сообщение летчика, что красные уже навели мост через Днепр и по нему переходят части, указало на серьезность положения. 1-й и 3-й полки получили приказание выступить к Любимовке. Части генерала Барбовича уже дерутся с противником, занявшим и Малую Каховку, и Корсунский монастырь.

20 июня. 20 верст форсированного ночного марша. 1-й полк идет еще дальше. 10 верст к хутору Терны; от него отделяется батальон и идет к Корсунскому монастырю на помощь кавалеристам.

3-му полку — немедленно атаковать Большую Каховку. Ночь. Он сбивает красных с бугров. (Среди пленных — командир тяжелого артдивизиона, его адъютант, два командира батарей — все бывшие офицеры; один из них застрелился.) Правофланговый батальон с налета сбивает резервы красных, разворачивающиеся из Большой Каховки, и врывается в нее; на левом фланге сильный бой; он задержался, так как оказался под ударом слева.

Светает. Для артиллерии красных с возвышенного берега Днепра цели как на ладони, на полк сыпятся снаряды. Красная пехота переходит в контрнаступление. Полк вынужден отходить. Свои батареи поддержать не могут: их наблюдательные пункты тоже под обстрелом. Снаряды рвутся точно по отходящим цепям; прямым попаданием уничтожен пулемет и с ним три пулеметчика.

Днем страшная жара. В 15 часов приказание: 1-му и 3-му полкам атаковать Малую и Большую Каховку. 1-й, повторной атакой, берет Малую Каховку; 3-й опять правым флангом врывается в Большую Каховку, проходит ее, но не может взять кладбище, огороженное каменной стеной и находящееся за маленьким рвом; левый фланг его опять задержан. От артиллерийского огня красных спасает ночь. Тяжелые снаряды рвутся по Большой Каховке; пожар, паника среди населения.

Ночью на левый фланг 3-го полка выходит батальон 2-го; далее два батальона 1-го полка с дивизионом кавалеристов. Перед рассветом приказано атаковать.

21 июня. Ночь. Атака. Сильнейший ружейный и пулеметный огонь; центр продвинуться не в состоянии. Рассвело. Мощный артиллерийский огонь красных; они наступают. Центр подается назад. Правый фланг в Большой Каховке отбивает красных. Левый фланг в Малой Каховке медленно продвигается вперед по виноградникам. Правофланговый батальон 3-го полка атакует кладбище, берет его и преследует красных, бегущих на остров через мелкий поток Днепра.

Вдоль северного края он идет к переправе, до которой версты три. Вот он уже у понтонного моста, который отводится к тому берегу. Отрезанные от переправы цепи красных, преследуемые 1-м полком, поворачивают к югу и исчезают в плавнях. Пытаться преследовать их среди водных бассейнов, порослей кустарника, деревьев, тростника, по узким неровным дорожкам, невысказано. Насколько было возможно, роты продвинулись вдоль главного течения Днепра и обстреливали отплывающие на тот берег лодки с красными.

Попытка красных переправиться через Днепр у Каховки и южнее стоила им очень дорого, но и у марковцев выбыло до 400 человек, особенно из 3-го полка. Было взято до 1000 человек в плен, много пулеметов. Пленные принадлежали к частям Латышской и 52-й стрелковой дивизии.

Через день полки расположились: один в Каховке, другой в Любимовке и третий в селе Каиры, где спокойно простояли целую неделю. Эти дни оставили у марковцев самые лучшие воспоминания: лето, река, отличное питание, вволю пополняемое рыбными блюдами и созревшими фруктами; пили каховское вино и пиво.

Настроение особенно поднялось, когда узнали о новой большой победе армии. Итог ее: до 11 000 пленных, 60 орудий, 2 броневика, 300 пулеметов, а главное — 3000 коней, столь необходимых ей. Но у 3-го полка большое огорчение: из него выделялся, приданный ему на Перекопе, батальон Кавказского стр. полка, на формирование своего полка в составе 6-й пехотной дивизии. Получено было большое пополнение, но его нужно обучить, воспитать.

На участке главного фронта

Используя одержанную победу, генерал Врангель провел перегруппировку сил. Марковская дивизия переводилась на северный участок к своему 1-му корпусу. 2-й корпус становился на место Марковской и Конной дивизий; Конная дивизия отводилась в резерв для посадки на коней.

В ночь на 29 июня 13-я пехотная дивизия 2-го корпуса сменила Марковскую, которая немедленно на подводах двинулась в путь, причем старшему командному составу, до командиров батальонов включительно, приказано было собраться в штаб дивизии на показательной сельскохозяйственной ферме. Не зная причин вызова, все были удивлены, увидев там накрытый и уставленный едой огромный стол и оркестр 1-го полка. Оказалось, причины были две: отмечался День Ангела Глав-

нокомандующего Петра Врангеля и Марковская дивизия приветствует сменившую ее 13-ю пехотную дивизию в лице ее начальника, генерала Андгуладзе и его штаба.

Генерал Андгуладзе и его офицеры были торжественно встречены маршем и громким «Ура!». Первый тост генерал Третьяков провозгласил за именинника, генерала Врангеля, второй — за славную 13-ю дивизию и ее начальника; генерал Андгуладзе — за марковцев. После официальной части марковцы спели кавказскую застольную песню «Нам каждый гость дается Богом» в честь грузина, ген. Андгуладзе. Затем гремели кавказские мотивы, «Наурская» и другие танцы. Танцевал и генерал Андгуладзе. Блестели в руках кинжалы, револьверы стреляли в такт танцам; громко хлопали в ладоши, подбадривая криками «Ур-са!». А полковник Докукин, служивший долгое время в Закавказье, поразил всех танцами с шашками. В эту ночь душа Кавказа проснулась у марковцев. Долго угощаться, танцевать и петь не пришлось. Раздалась команда: «Марковцы! По коням!»

Дивизия совершала переходы только по ночам, останавливаясь днем в больших и богатых селах. Шла разными дорогами. Ночи были темные; колонны подвод растягивались, отрывались, сбивались с направления. 3 июля, после четвертого перехода, дивизия расположилась в большом селе Михайловка, имевшем свыше 50 000 жителей. С нею Инженерная рота и Черноморский дивизион. До фронта оставалось около 20 верст, и оттуда доносилась артиллерийская стрельба. Настроение отличное. Наконец-то на главном фронте.

3—5 июля прошли спокойно, а 6-го — в деятельных приготовлениях к смене дроздовцев. Когда стемнело, части дивизии тронулись: 1-й полк — в село Васильевка, 2-й — в колонию Гейдельберг, 3-й — в колонию Андребург, Конный дивизион — в Бурчатск и Инженерная рота — в села Скельки, Златополь.

Смена прошла ночью быстро. Дроздовцы, которым, видимо, надоело стоять на позиции, торопились, и марковцам пришлось узнать от них об обстановке лишь в общих чертах и расположить свои части так, как были расположены дроздовские. Ночь не позволила получить хоть малейшее представление о местности, а противник, по словам дроздовцев, был весьма активен. 3-й полк пришел на позицию с представлением, как ему было сказано, быть в резерве дивизии, а сменяемые им дроздовцы сказали: «Какой тут резерв! Тут похуже, чем на позиции. Ну, да завтра увидите сами!» Получилась задача с многими неизвестными. А тут еще выяснилось, что каждый Дроздовский полк был не менее как на 200 штыков сильнее Марковского; слабее была и артиллерия, и даже конница дивизии.

7 июля прошло спокойно. За этот день марковцы осмотрелись, выработали план обороны, по-своему разместили части.

Позиция дивизии шла вдоль Карачекракской ложины от колонии Гейдельберг до станции Плавни, упираясь в плавни Днепра, и имела свыше 20 верст протяжением. Такое же протяжение имел и участок вдоль плавней. Фланговые 2-й и 1-й полки седлали ложину, а 3-й, в колонии Андреебург, отстоял от нее на 3 версты к югу. Интервалы между полками — 4 и 10 верст. Интервал <...> отлично наблюдался с обеих сторон, кроме самой ложины с находящейся в ней колонии Эристовка. И как раз это место было наиболее уязвимым на участке, тем более что к нему подходили другие ложины со стороны противника, наблюдение за которыми было весьма трудным. Не было сомнения, что это место будет использовано противником при наступлении. Такой вывод потребовал придать 3-му полку не два орудия, а четыре. При 2-м полку их было 6, при 1-м — 8. (Учитывалось, что через его участок проходила железная дорога, на которой действовали бронепоезда красных.) В резерве дивизии — конный дивизион в Бурчатске. Сосед справа, на интервале свыше 5 верст, — корниловцы; влево вдоль плавней — Инженерная рота держала связь с Донским стрелковым полком.

Плавни, к которым примыкал участок дивизии, в этом месте имели наибольшую ширину, достигающую до 20 верст. Они были сплошь покрыты лесом и кустарником и изрезаны протоками. Кое-где на легких возвышенностях стояли хутора в 1—2 двора, к которым вели узенькие, выющиеся дорожки. Плавни — особое царство, куда никакая власть не могла проникнуть без риска и там укрепиться. В минувшие годы там скрывались махновцы, а в описываемое время — противокommунистические партизанские отряды Прочан, Володина, Хмары, в какой-то степени «союзники» Русской Армии. Численность отрядов — в несколько десятков человек — увеличивалась уклоняющимися от мобилизации и дезертирами.

Для полной оценки этих плавней нужно сказать: во время Второй мировой войны, когда юг был занят войсками Гитлера, в них скрывались антинемецкие партизанские отряды и немцы были бессильны с ними покончить силой и только голодом вынудили их сложить оружие, и то на условии полной для них безнаказанности. «Сложили оружие» и бывшие здесь два марковца — поручик Носенко и подпрапорщик Сербинов, приехавший из Франции.

Партизанские отряды, как «союзники» армии, получали все для них необходимое и выполняли даваемые им задачи, главным образом по разведке по обоим берегам Днепра. С их помощью проводились и

взрывы мостов в тылу противника чинами инженерной роты и батареи. Об одном таком деле есть запись в истории артбригады.

«Партизаны пришедших к ним двух белых величали «товарищи офицеры», но смотрели на них свысока, презрительно и отпускали по их адресу грубые шутки. Их разговор был пересыпан непонятными словами, и если они при этом поглядывали на белых, то последним становилось неволью жутко. Только к одному атаману марковцы имели доверие и видели в нем своего защитника. Приходилось поражаться своеобразной, но крутой дисциплине партизан. В диких зарослях плавней они чувствовали себя как в родной стихии. Они будто не знали страха, и все были головорезами. Для них крик совы или филина, послышавшийся где-то далеко, не всегда был обыкновенным птичьим криком, на иные они как-то реагировали».

«Наступил вечер. Перед «делом» партизаны сели за еду и пригласили белых, но усадили их отдельно, «как начальников». После еды, уже в темноте, все куда-то тронулись и где-то в полной тишине залегли. Большая часть из них куда-то ушла. Закричала ночная птица. «Ну, готово! — сказал атаман. — Теперь ваше дело», — обратился он к марковцам. Пошли быстро. Вышли из плавней. Железная дорога. У моста лежали 10 красноармейцев, бесшумно зарезанных партизанами. Штабс-капитан Иегулов¹⁰⁵ и бомбардир Абазов заложили в двух местах по обе стороны железнодорожного мостика сильные взрывчатые снаряды. Два взрыва нарушили тишину ночи. Снова плавни. Марковцев любезно проводили, и после целой ночи пути по узким тропинкам, мостикам они наконец вышли к своим».

8—11 июля прошли совершенно спокойно. Красные стояли где-то далеко за возвышенностью, и только их наблюдатели виднелись вне досягаемости дальнего ружейного выстрела. Лишь одной ночью батальон 2-го полка с двумя орудиями совершил налет на расположенную в лошине, невидимую с участка полка колонию Тифенбрун и рассеял часть красной кавалерии.

Но у марковцев все эти дни кипела особая работа. Пришло распоряжение по армии — в свободное от боевых действий время оказывать максимальную помощь населению по уборке урожая. Эта задача была понятна всем: без помощи, когда в армию мобилизованы и люди, и лошади, когда часть людей ушла с красными и увела лошадей, собрать урожай некому. И марковцы эту задачу выполняли с энтузиазмом.

Их особенно увлекала помощь немцам-колонистам, которые их поражали всем: и своими чудными колониями, и идеальным хозяйством, и бытом, и тем, что они, живя сотню и более лет, сохранили себя полностью немцами до того, что их женщины и дети слабо го-

ворили по-русски. Поразило, что немцы поголовно вступили в ряды армии — в пехоту (из них был сформирован немецкий батальон), в артиллерию и в кавалерию, даже со своими конями.

В Марковских частях на вечерней поверке производились наряды в сторожевое охранение и на сельскохозяйственные работы. С утра, когда выяснялась пассивность противника, половина состава приступала к уборке. Немки-хозяйки угощали своих бесплатных работников вкусными супами и прочими яствами. Каждый вечер в штаб посылались донесения о количестве произведенной работы.

С первого же выхода на работу замечена была перемена настроения у всех, и особенно у бывших красноармейцев. Все повеселели, оживились, что заметно отразилось и на воинском порядке и дисциплине. Все глубоко понимали, что выполняют долг и перед Родиной, и перед народом. «Красные не так относятся к народу», — говорили пленные. Особенно удивляла их помощь тем семьям, члены которых ушли с большевиками.

За 4 дня ни разу не была нарушена эта работа, ни звоном колоколов в кирхах, ни орудийными выстрелами. Спокойно шла уборка в поле, и спокойно проводились нужные занятия. Несколько беспокойно было в 1-м полку, к которому подъезжали бронепоезда красных.

* * *

Между тем противник готовяла новое наступление, не только восполнив потери в своих дивизиях, не только направлением на фронт своих отборных частей, но и силой 2-й конной армии в 4-й кавалерийской дивизии. На этот раз удар готовился не с востока, а с севера, то есть на 1-й корпус, с одновременным повторным ударом у Каховки.

Зная это, командование решило предупредить красных своим наступлением.

12 июля в 3 часа неожиданный подъем и приказ: корпус переходит в наступление. Главный удар наносится ударной группой в три кавалерийских дивизии и Дроздовской, в направлении на город Орехов. Корниловская и Марковская дивизии обеспечивают ее фланги.

Марковцев поразила чрезвычайная медлительность наступления: за день 2-й полк почти без боя продвинулся на 6—7 верст, 3-й — едва на 10 и 1-й — на 12, заняв село Янчекрак. И это когда вправо слышался сильный бой. На следующий день приказано 2-му полку занять Щербаковку, 3-му — Яковлевку.

13 июля. Перед рассветом 2-й и 3-й полки идут вперед. 2-й атакует Щербаковку и залегает под огнем. Атакует во второй раз, и опять

неудачно. 3-й полк, едва выйдя из хутора Пятихатка, сталкивается с густыми цепями противника; в жестокой схватке он их отбрасывает, но на небольшое расстояние. Атакуют красные. Слева летит их лава и, попав под огонь батарей и пулеметов, отскакивает. Полк переходит в контрнаступление, но вынужден залечь под огнем справа с возвышенности, которую потом атакует и берет резервный батальон.

Бой жестокий под жгучим солнцем. Полк атакует снова и принуждает красных к отходу. Чрезвычайно упорно дерутся они. Резервный батальон обстреливает их во фланг. Выйдя на гребень перед собой, он внезапно атакуется кавалерией. Взвод орудий и пулеметы отбрасывают ее. И — о ужас! Несколько человек убитых и раненых в погонах дивизии генерала Барбовича. Оказалось, кавалерийская дивизия генерала Барбовича, обойдя Щербаковку с востока, помогла 2-му полку взять это село и теперь обходила красных, упорно сдерживающих наступление 3-го полка. Она взяла Яковлевку и оттуда шла в тыл красным, наступающим против 1-го полка.

А тем временем в 1-м полку... На рассвете красные атаквали его, сбили с бугров перед селом Янчекрак. На внутреннем скате лощины полк не смог удержаться. Его отход через лощину на виду у противника. Огонь батарей и бронепоездов поражает отходящий полк. Едва уходит 1-я батарея, потерявшая за короткое время 17 человек и 19 лошадей. Атака резерва, конного дивизиона, отбивается красными. Положение полка крайне тяжелое. Спасает успех 3-го полка, который, преследуя красных, выходит во фланг наступающим на 1-й полк и вынуждает их к отходу, а скоро и к бегству: в тыл им шли части генерала Барбовича.

К вечеру 1-й полк снова занял Янчекрак, 3-й пришел в Яковлевку, 2-й — в Щербаковку. Дивизия генерала Барбовича ушла обратно на восток, где шел сильный бой.

Этот необычайно тяжелый бой шел в течение всего дня в сильную жару. На 1-й полк навалились части 3-й строевой дивизии красных; 2-му и 3-му полкам пришлось иметь дело с Интернациональной бригадой в три полка пехоты и полка кавалерии из мадьяр и немцев. 3-й полк взял в плен до 400 человек; сотни убитых и раненых и особенно много свалившихся от солнечного удара лежали в лощине. Сотни зарубленных — между Щербаковкой и Яковлевкой. Кавалерийская дивизия взяла до 1000 пленных.

Картина боя потрясающая. В одном месте лежало до 30 убитых кавалеристов генерала Барбовича — результат их неудачной атаки на мадьяр, и в некотором отдалении — много десятков зарубленных мадьяр — результат повторной атаки кавалеристов.

Интернациональная бригада была сформирована из пленных, взятых в Великую войну. Они прибыли из Туркестана, где участвовали в подавлении восстания против советской власти. Она ехала, как ей было сказано, в Венгрию, на родину, и была свернута на Крымский фронт, где и нашла свой конец. Сила ее превышала 3000 штыков и сабель. Дорого стоил этот бой и Марковской дивизии, и особенно 1-му полку: до 400 человек. Много раненых и сестра милосердия были добиты красными.

Из дневника офицера 3-го полка: «Приезжал начальник дивизии и благодарил полк. Марка полка за бой 13-го числа повысилась: ведь мы, в составе 600 человек, разбили три интернациональных полка немцев и мадьяр. Получили 8 пленных на пополнение роты».

14—18 июля. Передовые части дивизии на линии реки Конка. От Орехова несутся раскаты сильного боя, отчетливо передвигающегося к югу. Батальон 2-го полка отбил атаку кавалерии, но подходит красная пехота. С наступлением ночи батальон отводится к Яковлевке, из которой полк уже ушел к югу обеспечивать дивизию с востока. Он, 180 штыков при 2 орудиях, один. Обстановка неизвестна; тревожно особенно справа. Но оттуда подошла Офицерская рота Дроздовского полка в 150 штыков и конный дивизион — 120 сабель, оторвавшиеся от своих частей. Общее командование над собравшимися принял командир Офицерской роты, капитан Переселенин.

Тревога: противник с севера! Отряд приготовился. Огонь! Бросив своих раненых и убитых, бригада 16-й кавалерийской дивизии красных отскочила. Вскоре группа капитана Переселенина ушла. Снова тревога: оставшиеся одни, марковцы отбили атаку красной пехоты. Под утро батальон был вызван к полку. Красные наступали: заняли Яковлевку и принудили 1-й полк оставить Янчекрак.

19 июля, как-то неожиданно, дивизия перешла в наступление и, не встретив серьезного сопротивления, вышла на рубеж реки Конской. Противник перед ней исчез. Полная тишина.

20—21 июля. Совершенно спокойно на всем фронте. Оказалось — 3-й Дроздовский полк с конницей занял Александровск, в 15 верстах к северу. Вывод — красные разбиты. Но вскоре сообщено: Александровск удерживаться не будет. Встревожила срочная отправка батальона 2-го полка с двумя орудиями в Эристовку, то есть в исходное перед началом наступления положение, для обеспечения дивизии с востока.

22 июля в распоряжение дивизии переехал от красных офицер-донец, служивший в 16-й кавалерийской дивизии, и сообщил: частям красных приказано энергично преследовать белых. Днем батальоном 2-го полка была отбита атака конницы, а ночью дивизия стала отхо-

дять и 24-го заняла свое исходное положение; лишь 3-й полк был задержан в колонии Гохгейм.

Задержка полка в выдвинутом положении была непонятна и, главное, для него очень опасна. Вечером он отбил атаку кавалерии, а ночью на него снова повела наступление кавалерия с востока и севера, а с запада пехота. Кавалерия была отбита, но пехота охватила колонию. Наступали курсанты.

«Передки, стоявшие на главной улице, оказались под пулеметным огнем. В полном мраке батареи двинулись без дороги по пахоте, вырываясь из кольца красных». Стоявший в восточной части батальон выходит через дворы по выгону на юг; попадает под огонь пулеметов с востока; на него летят пули и с запада. Он захватывает с налета один пулемет красных и отходит по полевой дорожке среди полей кукурузы. Куда ведет дорожка — неизвестно. Уже не слышно боя. Батальон выходит на какую-то колонию. Кто в ней? Оказалось — Гейдельберг и в ней 2-й полк. Перед этим, вечером, он тут отбил атаку красной кавалерии.

25 июля утром батальон пришел в Андребург, где уже собрался весь полк. В этот день полки стали на свои прежние места вдоль Карачакракской ложины. Единственное изменение. батальон 2-го полка стоял в Эристовке в 10-верстном интервале между 3-м и 1-м полками. Усилен был центр, но ослаблен правый фланг. 13-дневные бои стоили дивизии до 500 человек и достаточно измотали людей. Хотелось отдохнуть и хотя бы выспаться.

Бои вдоль Карачакракской ложины

Проведенное наступление 1-м и Донским корпусами значительно ослабило красных, которые потеряли до 5000 пленными, 30 орудий, 150 пулеметов, 4 бронепоезда, броневые автомобили. Уничтожена была Интернациональная бригада и сильно ослаблена в столкновении с дроздовцами у Орехова бригада курсантов.

Можно было вполне допустить, что назначенное на 25 июля наступление красных с севера и у Каховки если и не будет отложено, то, во всяком случае, на северном участке оно уже не может быть слишком опасным. Генерал Врангель так и предполагал, почему и начал перегруппировку войск: с восточного и северного участков фронта перебрасывались к Каховке в резерв Донская и Кавалерийская дивизии; снималась и самая сильная Кубанская дивизия. Она направлялась, о чем никто не знал, в десант на Кубань. На восточном участке оставались две Донские

дивизии; на северном — три дивизии 1-го корпуса, усиленного Самурским полком¹⁰⁶ (в Корниловскую дивизию) и конной бригадой.

Генералу Кутепову дана директива: упорно удерживать северный участок фронта, собрав к левому флангу возможно большее количество сил. На левом фланге стояла Марковская дивизия.

25 июля красные перешли в наступление и у Каховки, и с севера. Отдыхать марковцам пришлось недолго, а 3-му полку — едва полдня. Во второй половине дня уже гремели орудия. Наступление пехоты на 2-й и 3-й полки было отбито; сосредоточенные в лощинах части красной кавалерии рассеяны артиллерийским огнем. Но атакой в сумерках красные заставили 2-й полк оставить Гейдельберг и занять позиции на краю лощины, в 300 шагах от колонии. Ночью 2-й полк получил приказание обеспечить фланги дроздовцев, которые перед рассветом начнут короткий рейд по ближайшему тылу противника.

26 июля. С утра красные перешли в наступление на всем фронте дивизии. Перед 2-м полком они быстро остановились и стали отходить; перед 3-м полком, которому придан батальон 2-го полка, они взяли Эривовку и уже вклинились в интервал между 3-м и 1-м полками, как вдруг также стали быстро отходить. Причина отхода: дроздовцы, проникнув правее 2-го полка сквозь фронт красных и углубившись верст на 6—7, свернули к западу и взяли колонию Гохтейм в их тылу.

Некоторое время спустя, после того как дроздовцы ушли в рейд, перешел в наступление 2-й полк своими двумя батальонами. Правифланговый батальон взял почти без сопротивления до 700 пленных, которых до этого обошли дроздовцы, не обращая на них внимания. Другому батальону пришлось вести серьезное преследование отходивших в порядке красных и захватить лишь 20 человек, оказавшихся курсантами. К вечеру батальоны, пропустив между собою дроздовцев с 1000 пленных и четырьмя взятыми орудиями, отошли к Гейдельбергу.

Во второй половине дня на всем фронте дивизии уже была полная тишина. Нарушена она была лишь несколькими орудийными выстрелами на участке 3-го полка по броневому автомобилю противника, полным ходом мчавшемуся к лощине и скрывшемуся в ней. А через некоторое время он оказался с белым флагом. Этот броневик, называвшийся «Товарищ Троцкий», привел и сдал сотник Донского войска Кирилов. В машине лежал труп комиссара.

Вот что рассказал сотник. Он остался на Дону больной тифом. По выздоровлении он изъявил желание служить в Красной армии и, как умеющий управлять машиной, был назначен шофером на броневик. Но

им владело желание перейти к своим — белым. Это нелегко: ему не доверяли и никогда не оставляли одного в машине. И вот остановка в хуторе; нужно проверить машину. Улучив момент, он убивает комиссара и дает полный ход. Его «заговор в себе» осуществлен. По телеграфу генерал Врангель произвел сотника в чин подьесаула, наградил орденом Святого Николая и назначил командиром машины, получившей название «Марковец».

В 3-м полку шли разговоры о смелом и решительном офицере. Сотник Кириллов говорил, что обращение генерала Врангеля к русским офицерам на стороне красных известно, но остаются они исключительно из страха: за ними наблюдение, расправа короткая. Однако он утверждал, что, испытывая страх, офицеры о нем не говорят, в нем не признаются и, оправдывая свое служение красным разными причинами, служат «на совесть» вплоть до записи в партию. Марковцы поражались такой «совести» и не удивлялись, что так мало переходит их на сторону белых.

Во 2-м полку после боя шел разговор о настроениях населения на красной стороне. Когда пленных курсантов вели в штаб полка, с ними разговорились. Весьма охотно отвечал на вопросы один из них, державшийся смело и гордо, 18-летний гимназист. Ответы молодого курсанта были весьма обстоятельны. Он делил население на три группы: самая ничтожная по численности — коммунисты, борющиеся до «полной победы коммунизма»; более значительная — обыватели, не желающие воевать, но воюющие потому, что их заставляют; и группа самая многочисленная, думающая о скорейшем окончании братоубийственной войны, но так как видит неизбежность конечной победы красных, то «за совесть» поддерживает их. Сам он причислял себя к этой группе и на предложение вступить в ряды армии, бороться за освобождение России и за истинный мир и порядок ответил твердым отказом. Никакие доводы на него не повлияли. «Подумай!» — говорили ему, и на это немедленно последовал ответ: «Нечего мне думать теперь. У меня было достаточно времени думать раньше». Курсантов отправили в запасный батальон полка.

Ответы молодого курсанта заставили марковцев призадуматься. Неужели народ действительно желает скорейшего окончания войны ценою жизни под владычеством коммунистов? Неужели он не уразумел, что такое коммунизм и что он несет ему? Какое нужно время, чтобы он понял, что Русская Армия, несущая Белую Идею, идею Добра для всех, не враг для народа, а его друг? Показания пленных подтверждали: не завтра, так послезавтра красные перейдут в наступление на этом участке.

* * *

Командир 2-го полка, генерал Гаттенбергер, беспокоился за свой правый фланг: до корниловцев свыше 5 верст; их левый фланг в колонии Нижний Куркулак, несколько южнее; большая лощина, идущая с севера на юг, отличный подступ для противника. Он просил вернуть ему его батальон, стоявший в Эристовке, и вообще усилить его полк.

28 июля. Утром 2-й полк оставил колонию и занял позицию на краю лощины, растянувшись на большом участке и сильно загнув свой правый фланг, с интервалами не только между ротами, но и взводами. В промежутках пулеметы. Его позиция на виду у противника и под обстрелом его батарей. Открыт и тыл ее, и только поля кукурузы скрывали артиллерийские позиции. Марковцы стали окапываться.

На участках же 3-го и 1-го полков противник с утра перешел в наступление. Он занял расположенные в лощине колонии Эристовка и Карачакрак и стал продвигаться в разрыве между полками, но, взятый под обстрел батарей с обоих флангов и под давлением пехотных цепей с броневедомообилиями «Генерал Слащев» и «Марковец», пока еще пошедшим в бой под именем «Товарищ Троцкий», вынужден был отойти. Около 14 часов положение в центре полностью восстановлено. Особенно жестокий бой шел у Андребурга, к которому красные, используя лощины, подходили вплотную.

К концу дня для 2-го полка стало совершенно очевидно, что на следующий день наступление на него будет с участием кавалерии и при этом использована лощина вправо от него. И теперь штаб дивизии возвратил ему батальон и придал броневедомообили «Генерал Слащев» и «Марковец»; но резерв, Конный дивизион, продолжал держать в Бурчатске, в 15 верстах от угрожаемого места.

Ночью разведчики доносят: Гейдельберг не занимается противником, хотя его разведчики приходят туда; вправо слышен шум, лай собак; в сторону Куркулака видны световые сигналы. Генерал Гаттенбергер успокаивает: «Это, вероятно, сигналы дроздовцев, которые с утра перейдут в наступление вместе с корниловцами». Не верить нельзя, но на душе спокойно. Пришедший батальон становится в резерв за правым флангом на половине расстояния до колонии Н. Мунталь, в которую направляется команда конных разведчиков в 30 сабель.

Знал ли генерал Гаттенбергер, что дроздовцы утром готовились к наступлению? Очевидно, знал, успокаивал своих. Очевидно, он знал и о том, что корниловцы оставили колонию Нижний Куркулак, раз выслал конных в Н. Мунталь.

29 июля. Перед рассветом в охранении началась стрельба. Доносят: «Цепи противника вошли в Гейдельберг», «Красные заняли Эристовку». А когда рассвело, на всем фронте дивизии красные, поддерживаемые многочисленной артиллерией, а на левом фланге и тремя бронепоездами, огромными силами перешли в наступление. Начался один из редких боев, когда напряжение на одном участке не позволяло бросить взгляд на соседний, чтобы увидеть, как там развивался бой.

На участке 1-го полка дымятся от разрывов высоты у станции Попово, могила 4.7 на южном краю лощины. Полк их оставляет; оставляет и Карачакрак. Он сжимается у Васильевки. Красные его обходят справа, в разрыв между ним и 3-м полком, но тут они попадают под перекрестный огонь батарей от Васильевки и Андренбурга. Батальоны с той и другой стороны атакуют. Красные уже обороняются. Напряжение боя здесь падает.

3-й полк отбивается от густых цепей, выходящих из лощины. На момент он отходит на окраину Андренбурга, а когда красные поднялись в атаку, с расстояния в 500 шагов заговорили пулеметы, скосившие их цепи. Полк отбросил их в лощину.

Во 2-м полку. Едва светало, как в Гейдельберг проскочили два красных бронеавтомобиля. Батареи их открыли огонь по позиции полка. До колонии 300 шагов. Ожидается атака. И вот два бронеавтомобиля вылетают на край лощины; пехота атакует. Но батарея, нацеленная на дорогу, и «Генерал Слащев» со своим орудием быстро принуждают машины скрыться. Атака отбита. Отбита и батальоном, стоявшим правее и фронтом на восток; но последующую, немедленно начатую уже и лавой кавалерии справа, батальон не сдержал и начал было отходить, как подъехали оба бронеавтомобиля, «Генерал Слащев» и «Марковец». Противник отброшен и здесь.

Но уже началась новая атака у колонии и фронтом, удлиненным влево, до могилы «Шанц», где стояла Офицерская рота в 35 штыков. На этот раз красные машины не встретили огня батарей, вынужденных молчать под сыпавшимися на них снарядами. Роты начали отбегать, но возвращаются бронеавтомобили, и положение восстанавливается.

Бой достигает огромного напряжения. Из пулеметов валит пар; батареи с обеих сторон стараются задушить друг друга. Генерал Гаттенбергер скачет вдоль фронта, повторяя: «Держитесь!» У марковцев уверенность в себе и уверенность в поддержке их батарей и бронеавтомобилей. Но к генералу Гаттенбергеру подскакивает ординарец и что-то докладывает. Генерал отдает приказание батальонам отступить, а сам скачет к резервному батальону. Около разрывается снаряд, и

генерал падает с лошади. Он смертельно ранен. Обстановка для полка уже сложилась трагическая.

Кавалерия противника со стороны Нижнего Куркулака на рассвете охватила Н. Мунталь, где стояла команда конных разведчиков, отрезала ее от полка и затем повернула в сторону Гейдельберга, в тыл полку, а следующие массы ее устремились в направлении к Розенталю и Фридрихсфельду. А в это время резервный батальон развернулся фронтом на восток, откуда на него шли лавы. Командир его резервной роты видит идущие справа, с юга, два броневедомокола и, думая, что свои, подходит к ним. Очередь пулемета, и он падает. У резервного батальона в тылу противник; лавы перед ним и справа. Он сжимается, отходит к Гейдельбергу и встречается с отходившим центральным батальоном.

Красные перешли в наступление по всему фронту полка с двумя машинами с севера и двумя с юга. «Генерал Слащев» и «Марковец» мечутся с места на место, строча пулеметными очередями. Оба окутаны паром.

— Воды! — кричат со «Слащева».

Поручик Вончаров слышит крик. Он подбегает к двуколке и бежит к машине с бидоном воды, затем приносит другой. «Слащев» оживает на некоторое время. У «Марковца» уже иссякла вода, и он спешит в Андребург за ней и, не найдя ее там в достаточном количестве, мчится к какому-то дальнему колодезю. Кончилась вода и у «Слащева», уезжает и он. Полк остается без машин.

Левифланговый батальон с Офицерской ротой, отрезанный от полка броневедомоколами, отходит к Андребургу. Батареи вынуждены менять позиции. Два батальона полка остаются без поддержки. Они, отбиваясь от пехоты и кавалерии в полях кукурузы, отходят к Андребургу.

Правый фланг 3-го полка в бою перед колонией. Он не видит и не знает, что происходит во 2-м полку. И вдруг приказание фланговому батальону: немедленно на южную окраину колонии и развернуться фронтом на восток. Едва он вышел на окраину, как перед ним пролетают два броневедомокола красных. Его спасла кукуруза. Броневедомоколы, проехав немного, остановились и открыли огонь... не по нему. Батальон видит лишь, как через дорогу, оттуда, где стоял 2-й полк, под огнем перебежали люди. Броневедомоколы заехали в тыл отходившим двум батальонам полка.

3-й полк стал отходить к западу, одним батальоном вдоль южной окраины Андребурга. Внезапно два броневедомокола полетели по дороге за ним, обдав его пулеметными очередями. И опять кукуруза спасает его. Но в тылу пулеметные очереди и несколько артиллерийских выстрелов, а через некоторое время обратно по дороге мчались

красные бронемашины, а за ними «Генерал Слащев» и «Марковец». Еще немного, и попаданием снаряда «Генерала Слащева» уничтожена одна машина противника.

3-й полк остановился недалеко от западной окраины Андребурга вдоль ложины, идущей на Эрстовку, имея один батальон фронтом на север.

С могилы отличный вид во все стороны. Пехота красных цепями входит в Андребург; далее их колонны, по которым батареи открыли огонь. В обратном, западном направлении виден быстро отходящий со станции Бурчатск бронепоезд и состав со змейковым аэропланом, еще окончательно не спущенным. В южном направлении видны колонии: Н. Мунталь, Розенталь и Фридрихсфельд, до которых 6—8 верст; видны обрывки лав, колонны кавалерии, батареи, двигающихся к Фридрихсфельду. Картина захватывающая и поражающая жуткостью: массы красной кавалерии заходят в тыл дивизии.

И вдруг, минут через 10—20, в эту немую картину врывается гром орудий, а сама она, в интервале между колониями Н. Мунталь и Розенталь, покрывается черно-синими веерами. Все бинокли направлены туда, и видно, как между этими веерами мечутся всадники. Стреляли несколько батарей сосредоточенным огнем, через небольшие промежутки времени перемещая его.

— Дроздовцы! — закричали в цепи.

Действительно, это были они, подошедшие из резерва, но, к сожалению, с трехчасовым запозданием. Мысли марковцев быстро переключились: забыв нависшую опасность для дивизии в тылу, они видели теперь возможность окружения красных. «Противник обходящий может быть обойден сам».

Осуществления этой мысли не пришлось долго ждать. Двум батальонам 3-го полка с броневедомолами приказано взять колонию Андребург. Как один все рванулись вперед. Броневедомолами рассеяли красных южнее колонии, но красные перешли в наступление со стороны Эрстовки, тесня оставшийся там батальон.

— Немедленно в исходное положение! Всем верховым к штабу полка! — передал проскакавший офицер.

Батальоны, уже занявшие часть колонии, стали отходить. Красные повернули за ними и едва не захватили «Марковца», застопорившегося на подъеме из ложины; помогли старики немцы из ближайших домов.

Полк отбил атаки красных как со стороны Эрстовки, так и Андребурга. Но не эти атаки были причиной его короткого отхода. С кургана наблюдалась такая картина: от Фридрихсфельда по полевым дорогам, среди полей кукурузы двигались на Бурчатск и Васильевку колонны пе-

хоты, обозы, небольшие части кавалерии. И было видно, как заматались они, когда на них налетели «Генерал Слещев» и «Марковец»; как группы конных со стороны Бурчатска (2-го полка и штаба дивизии), со стороны Андребурга (конные разведчики батарей) и из тыла 3-го полка (все собранные верховые) лавами скакали на идущих из Фридрихсфельда. Картина хаоса, почти без стрельбы. Она продолжалась недолго.

Оказалось, кавалерия противника, заняв Фридрихсфельд, ввиду приближения ночи, отсылала свои обозы под прикрытием конных частей в тыл, будучи уверенной, что белыми уже оставлены Бурчатск и Васильевка. В результате марковцами было взято до 400 человек в плен, десятки подвод, походные кухни, мастерская броневого дивизиона до 100 оседланных коней и освобождено до 150 дроздовцев, из запасного батальона, захваченного в Фридрихсфельде.

3-му полку приказано отойти на половину расстояния до села Бурчатск, на линию могилы 49.5, загнув свой правый фланг фронтом на юг; влево от него 1-й полк — фронтом на север с загнутым на восток флангом.

Время к вечеру. Батарейцы устраиваются на новых позициях. Сзади одной батареи проезжают два броневедомола с сидящими на них людьми. Свои. Вот они у 1-й батареи, уже на участке 1-го полка. К ним подъезжает командир батареи с разведчиками и... видит надпись «Пестель». На задумываясь он бросается на машины. Люди, сидящие в них, скрываются, и атакующих встречает огонь пулеметов: убит разведчик и трое ранено; убито 2 лошади и 10 ранено. Машины дают ход и, свернув вправо, мирно проезжают мимо лежавшего на дороге караула и скрываются в лошине. Караул в полном недоумении.

Ночь. 1-й полк фронтом на север, 3-й — на восток, 2-й, отошедший к Бурчатску, фронтом на юг. Дивизия в опасном положении: она прижата к плавням. Фронт 1-го корпуса прорван. Конный дивизион Марковской дивизии у станции Пришиб, к которой ушли оба броневедомола. Обеспечение слабое. В Михайловке и Тимашевке стоят запасные батальоны дивизии, но можно ли на них надеяться? Разговор одного из командиров батальонов с командиром гаубичного взвода, присланного в его распоряжение:

— Как я рад! Будет хоть одна безусловно верная часть.

— Вы правы, — ответил командир взвода. — Но беда в том, что у меня всего лишь два десятка снарядов.

Командир батальона ошеломлен.

— Об этом никто не должен знать, — только и мог сказать он.

Срочно в Михайловку от плавней переброшена половина Инженерной роты.

* * *

Минувший день был глубоко трагичен. Лай собак, световые сигналы; успокоительные сообщения из штаба; неожиданное нападение кавалерии с броневиками с тыла; выход из боя машин из-за отсутствия воды; окружение двух батальонов 2-го полка и их гибель; добитые раненые в схватке в 3-м полку... отсутствие резерва.

Счастливым оказался один командир роты. Его, раненного, не успели унести, а когда рота вернулась, то нашла его нетронутым. Первой на санитарке прилетела сестра милосердия Вера. Раненый капитан потом описал, что произошло: «Меня спас мой однокурсник по университету, командир роты красных; он не отходил от меня и ушел последним. Мы узнали друг друга, но не сказали ни слова». Далее в письме он писал: «Сестра Вера мне напоминает Марию Магдалину, и не только по случаю со мной. Ее святая любовь к раненым покрывает все ее человеческие слабости».

И вот дальше. Раненых увозили на станцию Пришиб, где грузили в поезд. Привезли и генерала Гаттенбергера, который тут и скончался. Но часть не доехала до станции: несколько подвод перехватила красная кавалерия. Подводы рванулись; та, на которой ехал раненый капитан, спасенный из плена, всколыхнула в кукурузу и где-то остановилась, не замеченная красными. Наутро только она выехала к железной дороге. Капитан дважды за день побывал в плену. На захваченных подводах все раненые были зарублены. Зарублено было и несколько батальонов, ехавших на участок 2-го полка.

Ночью на участок 3-го полка вышел капитан Костенко, командир одной из рот 2-го полка, которого, конечно, считали погибшим. Но в каком виде? Совершенно раздетый, весь в крови, с головой кое-как забинтованной. Будучи без чувств, он не слышал, как его раздели. Ночью он пришел в себя, добрался до Андребурга и свалился у забора. На лай собаки обратил внимание немец. Он нашел раненого, обвязал голову и, предупредив, что в колонии красные, направил в сторону белых. Едва доплелся капитан Костенко.

Другой командир роты — капитан Рейнгард¹⁰⁷. Это он был сражен очередью тех броневых автомобилей красных, которые оказались в тылу полка. Вечером его и других раненых немцы, по приказанию красных, свезли в колонию. Один из немцев, у которого раньше капитан Рейнгард стоял на квартире, узнав его, перевез к себе и укрыл. Дня через три колонию заняли дроздовцы. Между прочим, немец говорил о 30 взятых красными в плен, которых будто бы те расстреляли.

* * *

Ночь полна тревоги. Марковцы не могут уснуть. А что, если масса кавалерии с тыла и пехота с фронта навалятся на них? Сколько их? Еще более-менее сохранился 1-й полк; 3-й полк потерял треть состава, и в нем едва 400 штыков; во 2-м осталось до 250 штыков. Из двух погибших батальонов вышло 50—60 человек и несколько пулеметов. Выбыли из строя все командиры их рот и батальонов. Нет с ними ни Конного дивизиона, ни броневладельцев.

Но вот передали: подошли танки. И действительно, за правым флангом 3-го полка, в маленькой ложбине, стояло три маленьких танка, слегка ворчащие от невыключенных моторов. С тревогой ждали утра.

30 июля. Утром красные перешли в наступление с севера и востока с двумя бронемашинами. Они наступали массой и решительно. Их стремление было понятно: выйти пехотными частями на линию своей прорвавшейся в тыл кавалерии. И всего лишь два полка с помощью танков не только остановили красных, не только отбросили их, а 3-й полк даже дошел снова до Андреевбурга. Целый день на юге был слышен сильный бой. В этом бою был убит славный поддесаул Кириллов, командир «Марковца».

31 июля. Бессонная ночь. В сущности — все в охране. А утром, предупредив красных, 1-й и 3-й полки, имея в центре батальон 2-го, перешли в наступление. 1-й полк снова занял высоты у станции Попово и выбил противника из Карачакрака; батальон 2-го полка занял могилу 47.9, но перед Эристовкой встретил контр наступление красных и стал подаваться назад. Его поддержал батальон 3-го полка.

3-й полк силами двух батальонов и трех танков получил задачу взять Андреевбург и из него провести диверсию на колонию Гейдельберг, на которую наступали дроздовцы. Полк должен был вклиниться в расположение противника, может быть, содействовать окружению его, все еще занимавшего Фридрихсфельд; может быть, угрозой окружения принудить его к отходу. Риск был огромный, так как весь южный фас дивизии, протяжением до 10 верст, ничем не был прикрыт, лишь у Бурчатска стояла одна команда пеших разведчиков с батареями.

3-й полк врывается в колонию. Танки идут вдоль южной окраины. Один батальон прикрывает с севера. Уже занята половина колонии. Головной батальон на северной окраине. Он ожидает атаку красной пехоты. И вдруг из ложины выскакивает дивизион кавалерии, сминает головные роты и мчится в колонию. Роты собираются. Дивизион в колонии едва не захватил батарею, которая усакала назад, прикрываемая своими пулеметами.

На окраину колонии приезжает штаб полка. До батальона от него 200—300 шагов. Не успел батальон связаться со штабом, как из колонии вылетает тот же дивизион красных (к югу от колонии он наскочил на танки) и натывается на группу штаба полка. Батальон это видит, но вынужден не стрелять. Красных атаковал штаб с командиром полка, подполковником Урфаловым¹⁰⁸. Два десятка красных свалилось с коней под ударами шашек и единственной пики с полковым значком.

А в это время на Андреебург с севера пошла пехота красных, с юга кавалерия. Ее заметила отскочившая от колонии батарея, когда лавы были всего лишь в нескольких сотнях шагов. Пулеметным и картечным огнем она расстроила их, а вернувшиеся танки разметали по полю. Полк же в это время, сдерживая пехоту красных, был отведен на линию могилы 49.5, в свое исходное положение. И вдруг наступило спокойствие. А ночью сообщение: дроздовцы взяли Андреебург. Теперь у дивизии один фронт — на север. Красная кавалерия отошла за Каракчаракскую лошину.

1 августа. Противник наступал снова, но слабо. Ночью 3-й полк сменил 2-м и стал в резерв в Бурчатске. 2-й полк уже в составе трех батальонов. (Отведенные в Михайловку остатки его двух батальонов и Офицерская рота, пополненные из запасного батальона, сформировали батальоны по 200 штыков каждый.) Полк принял генерал Гравицкий, известный полку как командир Сводно-стрелкового полка, по боям между Касторной и Ливнами; тогда о нем сложилось хорошее мнение.

2 августа. Тяжелое было пробуждение марковцев 3-го полка. Чуткий сон едва спавших 4—5 часов людей уловил звуки начавшегося боя, но никто не тронулся со своего ложа. Все ждали: «Выходи! Строиться!» И только в полдень, когда было сказано: «Выходи за обедом», поднялись все. Ели торопясь, под музыку шедшего в 2—3 верстах боя.

Красные вели на 1-й и 2-й полки наступление. В Карачакраке погибло несколько раненых, которых не успели вынести, и вместе с ними не оставившая их сестра милосердия, Нина Водяковская. Красные уже подходили к Бурчатску, но общими усилиями полков были отброшены.

3-й полк, кроме одного батальона, так и не потревожили последней командой. Люди отдохнули, и некоторые даже сделали записи в своих тетрадах. «Тяжелые были бои. Потеряли пулемет. Позорный был день». Другой: «За 3—4 дня боя одними убитыми полк потерял 65 человек. Такие сильные бои, что привозят много сумасшедших».

Действительно, убитых много. Действительно, много «сумасшедших», но это не были сумасшедшие, а изнервничавшиеся вконец, потерявшие совершенно самообладание, дрожащие даже в спокойные часы. Сплошь и рядом видны были бойцы, мечущиеся из стороны в

сторону, зарывающиеся «носом в землю», ищущие спасения у своих командиров, откровенно признающиеся, что не могут владеть собой. Их приходилось отправлять в обоз.

3, 4, 5 августа красные вели на всем фронте отчаянное наступление, стоящее им очень дорого и ничего не давшее. Наступала их свежая бригада со стороны Эриванки. Обращал на себя внимание образцовый порядок, смелость, уверенность. Удивляло: они были одеты в английское обмундирование. Взятые в плен показали, что они из бригады 7-й стрелковой дивизии, переброшенной из Мурманска, где она и была одета в английское обмундирование из оставленных там складов. Бригада при отправке на Крымский фронт имела в ротах по 150 штыков, но прибыла имея 100. В боях этих дней участвовал и весь 3-й полк и уже не был отведен в резерв.

* * *

Главное поле боя в течение восьми дней — это треугольник между Васильевкой, Эриванкой и Андребургом со сторонами 10, 8 и 6 верст. Это — «поле смерти». Оно все изрыто снарядами, покрыто наспех закиданными могилами; на нем каждый день находили убитых людей и лошадей; всюду валялись винтовки, разбитые и целые пулеметы, патроны, снаряжение.

Вот картина одного из таких боев. «Все расположение противника задымилось, покрылось облаками пыли. Когда впереди рассеялся дым, можно было видеть группы разбегающихся людей, неподвижно лежащих, разбитые тачанки, лошадей без всадников, скачущих в разных направлениях».

Обращала на себя внимание отличная стрельба одной красной батареи. В бою она разбила один за другим два пулемета, гоняла с места на место другие; она метко обстреливала батареи и их наблюдательные пункты. Пленные говорили — у них есть офицерская батарея.

6 августа. Ночь. 2-й полк ушел в резерв: 6 августа — Преображение Господне и полковой праздник. Ему нужно в сравнительно спокойной обстановке отметить свой первый праздник и годовщину основания. Но обстановка на фронте изменилась к худшему настолько, что ночью же 1-му полку было приказано оставить высоты у станции Попово и отвести части на южный край ложины, а 3-му полку — загнуть свой фланг фронтом на Андребург. Красные прорвались на участке дроздовцев, и те оставили колонию.

С утра противник наступает. Два броневедомола врываются в расположение 3-го полка, но он не сдвинулся с места, засев в полях куку-

рузы, и отбил атаку. Бронеавтомобили мотались у него в тылу, пока огнем батарей, на которые они налетали, не были принуждены уйти назад. И только лавы красных, вышедшие на фланг полка, заставили его отойти. Повторилось положение 29 и 30 июля, когда батареи уже били не только в восточном направлении, но и в южном, где колонны кавалерии скакали по дорогам на Фридрихсфельд. Но по-новому складывалось положение на фланге 1-го полка, упирающегося в плавни. Там батальон, осыпaeмый снарядами батарей и бронепоездов, не мог выдержать атаки пехоты и начал отходить. Он отлично был виден противнику с высот. Для полка создалось отчаянное положение. Его участок делился на две части ложиной, идущей от Большой Карачакракской к югу, вплоть до Бурчатска. Лощина покрыта лесом, и видеть, что творилось в одной части, с другой было невозможно, а следовательно, и оказать поддержку артиллерийским огнем. На западной части участка был лишь один артвзвод. Красные, сбив там батальон, следовали за ним, используя своей массой лес в ложине. Они обходили слева правый участок полка и принудили оставить село Васильевка. Полк, собравшись с силами, контрударом взял село и разъезд Чакрак, но удержаться не смог и стал отходить.

На станции Бурчатск стоят два батальона 2-го полка. Они обеспечивают дивизию от возможной атаки кавалерии с юга. На ней и два бронепоезда — «Генерал Алексеев» и «Солдат». Они ведут огонь по наступающим со стороны Эрстовки. По станции рвутся тяжелые снаряды, нанося потери батальонам.

Штаб дивизии, получив донесение от 1-го полка о взятии им села Васильевка и разъезда Чакрак, высылает туда «Генерала Алексева». Бронепоезд спускается по ложине лесом. Влево от ложины «могила» и на ней наблюдательный пункт взвода 1-й батареи. С него видно в одном месте полотно железной дороги. Полковник Шперлинг видит, что кто-то заваливает полотно в тылу прошедшего бронепоезда. Он скачет туда и, попав под ружейный обстрел, мчится в штаб дивизии с сообщением о виденном. Вслед за «Генералом Алексеевым» направлен «Солдат» и батальон 2-го полка. В лесу они попадают под обстрел. На них выходит команда «Генерала Алексева», оставившая свой поезд.

В это время красные наступали по обе стороны ложины, тесня 1-й полк. На наблюдательном пункте разрывом шрапнели убиты полковник Шперлинг и два телефониста. На левый фланг полка уже выдвинут последний батальон 2-го полка. Они сдерживают противника, но вдоль плавней скачет большая колонна кавалерии, силою в два полка.

Дивизия охвачена с трех сторон, причем на флангах кавалерия. Темнело, когда полкам было приказано отходить вдоль железной до-

роги. Левофланговый батальон 2-го полка отошел на западную оконечность Бурчатска, когда туда влетела кавалерия. Он выбил ее, а когда подходил к восточной окраине, с надеждой там соединиться со своими, неожиданно встретился с красной пехотой. Все перемешалось в темноте. Вышедшие из села люди батальона нагнали свой полк в двух верстах к югу от станции. Их не осталось и половины — около 80 человек.

На линии станция Пришиб — село Михайловка

Ночь. Марковцы куда-то шли, потом расходились, где-то остановились и выставили охранение. Тревожная ночь. На посты выходили группы отставших. И только наутро осмотрелись и определили свое положение. 3-й полк — в двух верстах к северу от станции Пришиб, седлая железную дорогу; 2-й — на северо-восточной окраине Михайловки фронтом на Бурчатск, оставив один батальон в трех верстах от села на Ореховской высоте; 1-й — на северной окраине, седлая дорогу на Васильевку. Оказалось, позиции 1-го и 2-го полков имели окопы с проволочным заграждением, построенные Марковской инженерной ротой. Вправо от дивизии в Фридрихсфельде — дроздовцы; влево в Орлянке — Конный дивизион и далее Донской стрелковый полк.

Марковцы почувствовали себя спокойнее: нет угрозы охвата или окружения. Успокаивало и то, что из вышедшего последним из Бурчатска батальона пропало не 100, а лишь 25 штыков.

Несложной казалась теперь задача дивизии. Однако было вводное задание: не допустить противника просочиться к западу между плавнями и ею. Что же касается наступления противника с фронта, то решение ясное и обычное. Его бронепоезда? Но им тоже будут противопоставлены бронепоезда.

Говоря о своих бронепоездах, марковцы ничего не говорили о «Генерале Алексееве», который погиб накануне на их участке. Об этом не знали ни 1-й полк, включая его командира, ни 3-й; во 2-м знали лишь два батальона. Так таинственно погиб поезд, ни на один из полков не ложилась ответственность за его гибель¹⁰⁹.

7 августа до 12 часов было спокойно, пока со стороны Бурчатска не показались два бронепоезда красных. Они шли медленно и на ходу стали обстреливать Ореховскую высоту, по которой стреляли еще две наземные батареи и, не доходя позиции 3-го полка верст трех, открыли огонь по батареям, встретившим их своим огнем. Со станции вышел «Солдат» и также открыл огонь.

Стрельба многих орудий не наносила никаких потерь 3-му полку в полях кукурузы и только сильно глушила; но плохо было батареям: от их выстрелов подымалась пыль, ясно выдававшая их позиции на ровном поле. Вскоре красные поезда ушли назад, но вывод из короткого поединка был тревожным: пехотинцы беспокоились за свои батареи, а батарейцы должны были подумать о лучшей маскировке на случай продолжительного боя. Всю ночь они работали: врывали глубже орудия, наваливали перед ними стебли кукурузы и обильно поливали водой, рыли ямы для снарядов. Все задавали себе вопрос: почему не испорчено полотно железной дороги? Может быть, оно нужно на случай перехода в наступление?

* * *

Решение сохранить полотно исходило из штаба корпуса, который стоял на станции Пришиб. 1-м корпусом в это время командовал генерал Писарев, участник 1-го Кубанского похода и боев в 1919 году у Царицына, стоявший во главе корпуса. Генерал Кутепов назначен был командовать группой войск (в которую входил и 1-й корпус), противостоящей сильному наступлению красных со стороны Каховки, где им удалось не только закрепиться на восточном берегу Днепра, но и развивать операции, угрожающие и Перекопу, и тылу всех частей на северном и восточном участках Северной Таврии.

8 августа. Ночь прошла спокойно, а с рассветом со стороны Бурчатска вышли уже не два, а пять бронепоездов. Показались и цепи пехоты, наступавшие сплошным фронтом на Михайловку. Задымилась Ореховская высота, и батальон, бывший на ней, оставил ее. Бронепоезда уверенно приближались к станции Пришиб. Они были на крайнем прицеле батарей в Фридрихсфельде и Михайловке, но теперь занятых боем с противником, наступающим на эти пункты.

Разгорается дуэль — со стороны Пришиба шести наземных орудий и двух бронепоездов против наступающих пяти бронепоездов. Невроятной силы грохот на узкой полосе вдоль железной дороги; он еще более резок в этот жаркий день. Батареи то смолкают, осыпаемые снарядами, то снова заливаются беглым огнем; бронепоезда то с орудийным грохотом выходят со станции, то смолкают, скрывшись в ней.

Головной бронепоезд красных уже почти на линии лежащей цепи 3-го полка; строчит пулеметами. Убит командир роты, поручик Сергеев, и вскоре за ним штабс-капитан Ткаченко, его заместитель.

На железнодорожной будке телефонная станция 3-го полка. Командир полка, подполковник Урфалов, получает приказание бросить кон-

ную команду в направлении пути отхода красных бронепоездов и подорвать путь. Он с несколькими верховыми скачет выполнить приказание сам...

В воздух взлетают огромные клубы пыли, стебли кукурузы; взлетает от прямого попадания и железнодорожная будка с телефонной станцией полка; по скачущим вперед всадникам в упор бьют орудия и пулеметы. Всадники рассеиваются, два-три падают, падает и подполковник Урфалов... И неожиданно бронепоезда красных быстро стали отходить и направляют свой огонь на Ореховскую высоту.

1-й и 2-й полки, отбив красных перед Михайловкой, перешли в контрнаступление; 2-й с четырьмя танками занял высоту, что и заставило бронепоезда красных отходить. Высота дымилась от разрывов снарядов батарей и бронепоездов. Два танка подбиты. Красные отошли в исходное положение. 3-й полк и его батареи наконец-то могли вздохнуть свободно, размять тела от лежания пластом в течение всего дня. Как шумело в головах от грохота орудий, разрывов снарядов! Как сухо было в горле без капли воды в этот жаркий день! И как напряжены должны быть нервы! И это — у не принимавших участия в бою бойцов в цепях. Не сразу узнали, что командир полка убит.

Подполковник Урфалов бросился спасти положение, выполняя приказ. Его привезли уже мертвым. Умер он от потери крови. На станции отслужили панихиду и похоронили в Симферополе. Он вышел на Великую войну прапорщиком запаса; в 1918 году из Одессы прибыл в Добрармию, в которой начал службу Родине с рядового положения. Его качества как начальника выдвинули на высокий пост командира полка, на каком он показал себя высоко и достойно. Потеря для полка тяжелая. Полк принял подполковник Никитин.

Ночь. Спокойно. Но спят немногие. Разговоры о завтрашнем дне, который, по всем признакам, будет повторением минувшего, если не будет подорвано полотно железной дороги. Но повторного приказа «Взорвать» не следовало.

9 августа. Рассвет. Невооруженным глазом видны дымки на станции Бурчатск и... как вчера оттуда идут пять, с Пришиба выходят два. Ореховская высота — вулкан. Ее занимает противник. Но она продолжает дымиться от разрывов снарядов батарей со стороны Михайловки. 1-й полк отбрасывает красных контратакой; на участке 2-го красные не могут двинуться вперед с высоты; 3-й — опять безмолвный наблюдатель, гложущий от рядом идущей орудийной схватки. Но противник не так напорист, и, когда 2-й полк перешел в наступление и красные оставили высоту, пошли назад и их бронепоезда.

— Они дерутся, а мы несем потери, глохнем, и у нас трещит голова, — говорили в 3-м полку. — И лежим-то мы между ними зачем, когда красная пехота не нападает?

Этот вопрос решили обсудить в штабе полка, но задержала внезапная тревога, и как раз в то время, как раздавался в первый раз за день обед. Пользуясь темнотой, два бронепоезда приблизились к станции и обстреляли ее беглым коротким огнем.

Решение сводилось к следующему: незачем держать два батальона в передовой линии, достаточно одного. В случае наступления пехоты переходить в контр наступление. Маловероятно, чтобы противник рискнул наступать на станцию, когда на его флангах заняты нашими частями Фридрихсфельд и Михайловка. Но предварительно надо узнать у Дроздовцев, как они поступят, когда красные будут наступать на Пришиб.

Утром на следующий день с этим поручением в Фридрихсфельд выехали офицеры. Там стоял 1-й Дроздовский полк, как раз в это время ведущий бой с наступающим противником. По колонии рвались снаряды. На крыльце дома стоял командир полка, генерал Туркул¹¹⁰. Разговор был коротким. Молодой генерал, о котором много приходилось слышать, сказал: «Дроздовцы в цепях не лежат. Они всегда в кулаке и бьют кулаком. Мы стоим здесь, а когда потребуется, двинем. Что делается у вас, мы видим и окажем поддержку». Коротко и ясно.

10 августа. К утру на станции Пришиб стояло уже три бронепоезда: «Дмитрий Донской», «Солдат» и «Георгий Победоносец». Это сила. Но перевес все же за красными, у них их пять. Ставился вопрос: «Чья возьмет?»

И начался день, как начинались предыдущие: красная пехота наступала большими силами и более решительно на 1-й и 2-й полки. Ореховская высота была оставлена. Бронепоезда противника могли не беспокоиться за свой тыл. И они повели атаку на станцию не только огнем, но и напором, не обращая внимания на рвущиеся вокруг снаряды.

В цепях марковцев с тревогой следят за приближающимися стальными крепостями; смотрят назад: ведь спасение в батареях, а они окутаны пылью и дымом. Они замолкают. Вся сила огня красных направляется на бронепоезда, и они скрываются на станции. Опять рывок вперед. Головной уже на линии цепей, укрытых кукурузой. 4-я батарея замолкает. Ей не сняться со своей позиции. Но опять вырываются со станции наши бронепоезда...

В грохот стрельбы врывается нечто новое: на станции Бурчатск взвилась высоко в воздух столб бледно-зеленого дыма; слышен тяжелый, густой гул и тяжелый удар на станции; через несколько минут другой, тре-

тий... Стреляло сверхтяжелое орудие. (Потом узнали — морское, привезенное на специальной платформе, спускающейся на полотно железной дороги.) Чья возьмет?

И в ужасе марковцы видят — головной, свой, бронепоезд подбит; к нему подходит другой, и оба идут назад. Что-то произошло с третьим — стоит на месте. Со станции выезжает вспомогатель и тащит его назад. Стоящий на окраине 4-й скрывается. Все четыре уходят с поля боя. Марковцы свидетели победы красных.

Но что-то произошло и у красных. В то время как красные бронепоезда обратили огонь на своих стальных противников, наши батареи залились беглым огнем. И вот красные остановились, сблизилась и пошли назад. Три из них подбиты... Победа! И действительно, бой бронепоездов кончился. Была вторая половина дня.

Кончился бой и у Михайловки, где красная пехота также была отброшена и отошла в исходное положение. «Измучились все от непрерывного грохота и изнеможения. Хотя бы ранили...» — запись одного. «От непрерывных боев мы очень устали», — записал другой. Короткие записи и такие же короткие словесные впечатления. 3-й полк отводит два батальона к станции, третий остается в охране. Полк отдыхает от тяжелых испытаний дня.

* * *

— Прибыло пополнение! — раздались голоса. Оживление. К командиру стоявшего в охране батальона приводят группу в 80 человек.

— Мы весьма рады вашему прибытию, — приветствует командир. — Вы удваиваете силу батальона.

Затем он говорит о том, что от них требуется: крепкий дух, твердая воля, полное самообладание и, конечно, дисциплина; в остальном служба не очень сложная. Конечно, придется привыкать к особенностям, которые легче усвоить, будучи полностью влитым в часть.

— Но вас приказано держать отдельной группой, и вы будете особой ротой при батальоне. Однако это зависит от личного желания каждого из вас. Для начала ваша рота станет в охранение. Пусть марковцы отдохнут немного, а пока — побеседуем.

В полной ночной тишине с час разговаривали прибывшие с марковцами.

Оказалось, в Крым прибыло около 10 000 бредовцев из Польши, интернированных там после постигшей армию неудачи в минувшем году. Польша, терпевшая поражения, согласилась выпустить интернированных в Крым на усиление армии генерала Врангеля, вполне отда-

вая себе отчет, что силы Русской Армии отвлекают силы Красной с Польского фронта. В Крым отправлялись только изъявившие желание. То, что приехали добровольцы, марковцев крайне радовало. Радовало еще и то, что большинство из них офицеры.

Бредовцы говорили: «Наше прибытие в Марковскую дивизию было встречено гулом сильной артиллерийской стрельбы. Мы не могли сразу подъехать к станции. Переживали большое волнение, и только сознание, что вливаемся в ряды марковцев, утешало нас», «Нас смущает — выдержим ли мы то напряжение, которое требуется. Ведь мы физически ослабели в польских лагерях от плохого питания», «Придется вести бои с кавалерией, а мы не вполне представляем себе тактику таких боев».

— В ружье! Пулеметчики — пять шагов вперед. В пулеметную команду! Роте в охранение!

Ночь прошла спокойно, но не совсем гладко для новой роты: наделал в ней переполох... разъезд дроздовцев в три коня.

* * *

В дивизию прибыло пополнение до 800 человек. В 1-й полк был влит батальон Белозерского полка¹¹¹, который вопреки распоряжению, но по желанию его чинов был распределен по ротам. Во 2-й — батальон кабардинцев¹¹², составивших в нем целиком 3-й батальон; часть кадра его начала службу в 1-м Офицерском генерала Маркова полку в Донецком бассейне и выделена из него в Белгороде, где сформировался Кабардинский полк. В 3-й вошли роты Олонецкого¹¹³, Якутского¹¹⁴ и Навагинского полков, приданные батальонам. Около 250 человек в каждый полк. Едва прибыв во 2-й полк, батальон кабардинцев сменил роты полка на Ореховской высоте.

11 августа красные наступали снова, но с поддержкой лишь двух бронепоездов. Серьезные потери потерпел батальон на высоте. Но слабо велось наступление красных, и к полудню бой кончился. А в 16 часов вся дивизия перешла в наступление, и сравнительно легко был взят Бурчатск.

Первый экзамен для пополнения бредовцев оказался нелегким. В одном батальоне их рота должна была выступать во второй линии и проделывать те же маневры, что и первая линия. Перед самым Бурчатском батальону нужно было перейти через железную дорогу под огнем стоявшего в 500 шагах бронепоезда. Головная цепь проделала это быстро и с потерей только двух человек, тогда как вторая потеряла 12. Затем батальон стал обходить село и выдвинулся на полрасстояния до Васильевки, но вторая его цепь отстала, растерялась в

кукурузе. После этого боя почти все заявили желание зачислиться в Марковский полк.

Вправо от дивизии дроздовцы взяли Андребург и Гейдельберг с поддержкой Донской конной дивизии. Последняя, наступая в тыл красным перед марковцами, встретила бронепоезда и вынуждена была отойти.

12 августа красные перешли в наступление на Бурчатск, но были отбиты. Подошел 2-й Дроздовский конный полк¹¹⁵ из бредовцев, не имевший коней, и занял участок между двумя Марковскими полками. Ему была придана Марковская пулеметная команда.

«Если вся эта масса красных двинется в атаку, выдержит ли ваш полк?» — спросил командира, полковника Силкина¹¹⁶, начальник пулеметной команды. Полковник Силкин пожал плечами. Бредовцы, конечно, как они сами говорили, «отвыкли от войны».

В наступление перешла вся дивизия и отбросила противника за Карачакракскую ложину. Ночью 2-й Дроздовский конный полк ушел в резерв корпуса.

13 августа прошло сравнительно спокойно, но 14 августа красные перешли в энергичное наступление. Дивизия отошла к Бурчатску и снова загнула свой правый фланг, так как Андребург был оставлен дроздовцами.

Ночь. Ожидается атака красных. Около полуночи подъехали походные кухни и стали выдавать пищу. Не быстро проходила эта процедура — роты разбросаны, разбросано и охранение. Одни уже едят, сидя маленькими группами, другие у кухни, третьи тянутся к кухне или от нее. Людей мало: в батальонах по 150 штыков. Командир правофлангового батальона, предчувствуя недоброе, сам пошел дозором и вдруг натывается на красных. Он стремглав бежит назад и попадает на батарею. «Большевики!» — кричит он, и в этот момент с их стороны послышалось их «Ура!» и стрельба.

«К бою. Картечью!» — командует старший офицер батареи. Через несколько секунд ночной мрак прорезали вспышки картечного огня 4 орудий и затрещали батарейные пулеметы. Когда через несколько минут стрельба была прекращена, то впереди уже никаких криков не было и пули свистели реже. Батарея взялась на передки и ушла к Бурчатску. Собравшаяся небольшая цепь батальона, когда снова понеслось «Ура!» красных, тоже стала отходить, но большинство, захваченное врасплох во время раздачи пищи, отошло в беспорядке. Осложнилось положение и тем, что в это время красные открыли сильную артиллерийскую стрельбу по Бурчатску и перешли в наступление и там.

Быстро отошли опять к Михайловке 1-й и 2-й полки; разрозненно к Пришибу — 3-й, оказавшийся через короткое время в полном со-

ставе. Смущение в полку было огромное. Но — «не пропали»! А бредовцам говорили: «Бывает у нас и так». А потом начались и шутки в отношении тех, кто «хорошо пообедал», кто «спасался» на горячей кухне, изрядно поджарив себе некоторые части тела, и строгие к тем, кто оказался без винтовок.

15 августа, едва рассвело, дивизия снова пошла вперед и снова взяла Бурчатск, не продвинувшись далее потому, что правый фланг в сторону Андреебурга продолжал оставаться на весу.

После полудня перешли в наступление красные. Сильный нажим они повели на левый фланг, и, когда обнаружился обход фланга вдоль плавающей большой колонной кавалерии, вся дивизия спешно отошла в Михайловку, где 1-й и 2-й полки заняли свои старые позиции, а 3-й стал в резерв на западной окраине. Конный дивизион отошел в Орлянск, в 10 верстах к северо-западу от Михайловки.

Всем марковцам положение рисовалось весьма грозным для дивизии, но они не знали, что оно еще более грозно для всей армии. В эти дни красные добились большого успеха на Каховском участке. Если им удастся развить наступление против марковцев, то они могут создать новый большой фронт от Михайловки до Каховки. В 1-м корпусе резервов нет. Корниловская дивизия уже ушла к Каховке. Стоявший в 10 верстах к западу от Орлянска, Донской стрелковый полк вряд ли сможет сдержать противника. Запасные батальоны Марковской дивизии — слабая поддержка.

16 августа. Утром кавалерия красных, силою в дивизию, заняла Орлянск. После полудня лавы из Орлянска повели наступление на Михайловку. 3-й полк, правее его — подошедший Донской Дзюнгарский (Калмыцкий) конный и еще правее — части 1-го полка перешли в наступление. Красные стали отходить. Но наступила ночь, и наступление было остановлено. 3-й полк заночевал в поле, в нескольких верстах от Орлянска. Ночью на восточной части позиций перед Михайловкой стал 2-й Дроздовский конный полк; 2-й Марковский занял участок 1-го полка.

18 августа. С рассветом пехота красных перешла в наступление на Михайловку. Ее упорство было сломлено: 2-й полк контрударом взял до 500 человек в плен. Дроздовцы отбили атаки курсантов.

С рассветом 3-й полк ворвался в Орлянск, разметав красную конницу и пехоту и взяв до 200 пленных. Дзюнгарцы, охватив село, взяли до 400 человек. Правее 1-й полк взял в плен до 300 человек и преследовал противника на Васильевку. Выбитая из Орлянска конница стала отходить на село Малая Белозерка, где обрушилась на Донской стрелковый полк и потрепала его. Прикрывшись в этом направлении Кон-

ным дивизионом и двумя батальонами 3-го полка, 3-й его батальон с дзюнгарцами преследовали красных, отходивших на Скельки. Не дойдя до этого села, батальон был возвращен обратно, проделав совершенно напрасно 20 верст. 1-й полк остановил сильное контрнаступление красной пехоты.

Дивизии дана задача — не допустить вернуться в Васильевку прорвавшуюся конницу красных, — и она вся сосредоточилась в Орлянке. За красными выступила 2-я Донская конная дивизия.

18 августа с рассветом в большой туман красные перешли в наступление со стороны Васильевки на 1-й полк и на дзюнгарцев в селе Скельки. Дзюнгарцы отошли вдоль плавней к селу Балки. Им на помощь идет батальон 3-го полка; он доходит до села Балки и срочно отзывается назад. 2-й полк идет на Скельки, берет его и 200 пленных и также срочно отзывается назад. Он проходит не так далеко от места, где отходил 1-й полк под давлением противника, но не оказывает ему поддержки, не имея на это приказаний.

1-й полк в этот день, отбив красных и преследуя их, уже выдвинулся было на линию Бурчатска, как был атакован из него в тыл, едва не потеряв батарею, которую спасли ее конные разведчики и резервная рота, захватив при этом до 300 человек в плен. Но силы красных оказались настолько велики, что полк стал отходить. Его отход и вызывал срочный отзыв на село Скельки 2-го полка, вместо того чтобы направить его во фланг и даже тыл наступавшим на 1-й полк красным.

К вечеру вся дивизия собралась в Орлянке, по которому уже стреляла артиллерия. Дзюнгарский полк был оставлен в бездействии. Обвинение штабом дивизии командира 1-го полка за неудачу дня тот встретил обвинением штаба дивизии в неиспользовании 2-го полка для удара в тыл противнику.

19 августа. Выяснилось, что прорвавшаяся кавалерия красных, преследуемая донцами, отходит к Каховке. Наступление красных на Орлянку отбивается с громадным для них уроном. 2-й полк идет в Михайловку и сменяет дроздовцев.

20 августа. Снова отбита атака красных. Они явно обескровлены. В Михайловку идут 1-й и 3-й полки, дзюнгарцы — в Орлянку. С этого дня на фронте дивизии водворилось полное спокойствие, лишь 25 августа 2-й полк провел рейд на Скельки и, переночевав там, вернулся назад; а на следующий день 1-й и 3-й полки провели короткое наступление на Бурчатск и, легко сбив противника с передовых позиций, вернулись назад.

Бои окончились не только для Марковской дивизии, но и на Каховском фронте. Наступление красных — 13-й и 2-й конной армий с севера и 6-й с запада — отбито. Итак, для красных небольшой успех:

удержали за собой колонии Гейдельберг и Андребург и села Бурчатск и Васильевку на участке 1-го корпуса; и обе Каховки на участке 2-го. Однако удержание ими предместного района у Каховки создавало угрозу Перекопу и тылу всей армии в Северной Таврии. Это вызвало необходимость держать там не менее как треть сил армии. Атаки Каховского плацдарма красных стоили больших потерь и не дали положительного результата. Марковцы знали этот район. Для всей армии Каховка стала опасной занозой.

* * *

В Михайловке стали подводиться итоги минувших боев, начавшихся 12 июля и без перерыва ни на один день шедших в течение 38 дней. Они стоили дивизии до 2000 человек. Батареи потеряли около 60 человек и 50 лошадей.

Много, очень много было произнесено имен на отслуженной по павшим панихиде, и в их числе по достойным начальникам: генералу Гаттенбергеру, подполковнику Урфалову и командиру батареи полковнику Шперлингу.

*А. Леонтьев*¹¹⁷

МАРКОВСКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ В КРЫМУ И СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ¹¹⁸

Первоначально предполагалось выгрузиться в Феодосии, но потом получили распоряжение идти в Севастополь. 16 марта около 11 часов, под звуки марковских оркестров, «Маргарита» вошла в Севастопольский рейд и направилась к пристани Корабельной стороны. Началась разгрузка. Батареи по квартирам. Во время четырех дней стоянки все приводилось в порядок, а эвакуированные по болезням и ранениям чины, прибывшие на пароходе «Тигр», были отправлены по госпиталям Крыма.

Все три полка не насчитывали и 1500 штыков. 20-го и 21-го все батареи, вместе с другими частями дивизии, эшелонами переброшены в город Симферополь, где расположились по квартирам.

26-го генерал Врангель приехал в Симферополь и на вокзальной площади произвел смотр Корниловской и Марковской дивизиям и местному гарнизону. После обхода фронта войск генерал Врангель сказал речь, полную бодрых слов, и обещал с честью вывести армию из создавшегося

ся положения. Смотр закончился церемониальным маршем, в котором принимали участие в конном строю бойцы генерала Маркова и 7-я батарея... Главкомандующий на параде произвел командира 1-го генерала Маркова полка капитана Марченко и командира 1-й генерала Маркова батареи штабс-капитана Шперлинга в полковники.

За отсутствием материальной части 3-я, 4-я, 5-я и 8-я батареи сведены в пеший артбатальон в 200 человек, при 8 пулеметах и под командой полковника Изенбека¹¹⁹. Дивизию принял генерал-майор Третьяков.

Часа через три после парада началась переброска дивизии в район станции Курман-Кемельчи, в резерв Крымского корпуса. После разгрузки пеший артбатальон расположился в немецких колониях Курман-Кемельчи, Гибрун и Найман. Генерала Маркова батарея с 1-м полком — в колонии Берлин, а 7-я батарея со 2-м полком — в колонии Бурак, составив сводный артдивизион полковника Михайлова.

27-го и 28-го оставались на местах, а 29-го, в первый день Святой Пасхи, получили приказание спешно двигаться к Перекопу. 2 апреля обе батареи и артбатальон пришли в город Армянский Базар, где с большим трудом стали по квартирам. Небольшой, грязный, полуразрушенный город был забит разными частями. Ко всему, в городе ощущался острый недостаток в питьевой воде. Управление бригады со 2-й и 6-й батареями остались в городе Симферополе.

Генерал Врангель наметил операцию по овладению выходами из Крыма. Для участия, кроме Крымского корпуса с приданной ему Марковской дивизией, предназначены были дроздовцы и Алексеевская бригада.

31 марта части Крымского корпуса имели безрезультатный встречный бой в районе города Перекопа, а алексеевцы (восточный десант) отплыли из города Керчь и высадились около деревни Кирилловки, верстах в 40 к северо-востоку от города Геническа, и заняли село Ефремовка. Но при дальнейшем движении на соединение с нашими войсками, наступавшими по Чонгарскому полуострову, к станции Сальково, они были атакованы крупными силами противника, понесли потери и с трудом отошли на город Геническ.

Для отвлечения сил красных с Перекопского фронта западный десант, дроздовцы, погрузились в Севастополе и после упорного боя выгрузились 2 апреля в Хорлах, в 30 верстах к западу от Перекопа.

3 апреля противник перешел в наступление на Перекопе и занял высоту 7.1, северную окраину города Перекопа и часть Перекопского вала. Спешно из Армянского Базара была вызвана Марковская дивизия, перешедшая в контратаку и восстановившая положение на валу,

а после полудня заняла высоту 7.1 и Школьную Горку. Артбатальон был придан 2-му полку, но оставался в резерве и непосредственного участия в бою не принимал.

В то же время окруженная противником Дроздовская дивизия с боями сильными пробивала себе путь через деревню Адамань, около которой была захвачена действующая батарея красных, на село Преображенка и дальше к Перекопскому валу.

С утра 4-го в тылу у противника был слышен бой и наблюдалось движение обозов и частей от села Преображенка к селу Перво-Константиновка. Марковцы получили приказ наступать к высоте 9.3, но через некоторое время этот приказ был отменен. Части Крымского корпуса, стоявшие западнее, то есть в направлении на село Преображенка, оставались пассивны. Тем временем дроздовцы прорвались через село Преображенка, и, когда лишь их авангардные роты приблизились к Перекопскому валу, оттуда появились разезды дивизиона 9-й кавалерийской дивизии. Оказалось, что о десантной операции на этом участке здесь ничего не знали и недоумевали, что за бои идут в тылу у противника.

К вечеру генерала Маркова (далее Г.М.) и 7-я батареи получили приказание отойти за вал и начать оборудование артиллерийских позиций. Армия на всем фронте перешла к обороне. У красных, в районе села Перво-Константиновка, появилась для наблюдения «колбаса». Война приняла позиционный характер, что позволило генералу Врангелю начать работы по реорганизации армии.

Вечером приехал из Симферополя полковник Лепилин и привез приказание о приеме нашей бригадой 1-й Артиллерийской школы батареи, стоявшей в селе Воинка. 5-го артбатальон перешел в село Воинка, где был расформирован.

* * *

Всю материальную часть и конский состав 1-й школьной батареи разделили поровну между 3-й и 4-й батареями. 3-й дивизион был расформирован: 5-я батарея вошла в состав 3-й батареи, а 6-я в Г.М. и конвой генерала Кутепова. Каждая батарея получили по 2 английских 18-фунтовых орудия, по одному зарядному ящику и по 40 лошадей или мулов. Для полного приведения в порядок материальной части и пополнения личным составом обе батареи были отправлены в город Симферополь, куда прибыли 12-го. Туда же перешла и 8-я батарея.

Телеграммой начдива от 14-го в управление бригады 3-я и 8-я батареи были срочно вызваны на фронт, куда и прибыли походным по-

рядком 23-го, а 4-я — личным распоряжением комкора была оставлена в Симферополе.

2 мая 8-я батарея получила 2 английские гаубицы 45" и один зарядный ящик и 3-го на лошадях, взятых у 6-й Алексеевской батареи, стала на позицию восточнее деревни Щемиловки, а 3-я батарея, в командование которой вступил подполковник Стадницкий-Колендо, 4-го сменила Г.М. батарею на крайнем правом фланге дивизии, на берегу Сиваша.

4-я батарея по дороге из Симферополя в Армянский Базар в колонии Тукулчак представлялась генералу Кутепову и 6-го заняла позицию у ворот Перекопского вала, по правой стороне дороги. 2-я батарея с большими затруднениями продолжала свое формирование в селе Аджеул в 40 верстах от города Симферополя. Из госпиталей начали возвращаться поправившиеся после ранений и болезней.

К середине мая 1920 года состав бригады был таков: командир — полковник Машин; 1-го дивизиона — полковник Лепилин¹²⁰ и батареи: генерала Маркова — полковник Шперлинг и 2-я — капитан Боголюбский¹²¹; 2-й дивизион — полковник Михайлов¹²² и батареи: 3-я — подполковник Стадницкий-Колендо¹²³ и 4-я — полковник Изенбек и 3-й дивизион: 7-я гаубичная — полковник Левиков¹²⁴ и 8-я — полковник Песчанников¹²⁵. Всего 8 легких английских 18-фунтовых пушек и 4 английские 45" гаубицы.

К 20 апреля закончилась намеченная Главкомом перегруппировка наших сил. Добровольческий корпус сосредоточился на Перекопском перешейке; Крымский — был эшелонирован вдоль железной дороги на Сальковском направлении. Донцы находились в районе города Евпатории. Части приводились в порядок. Работы по укреплению позиций шли полным ходом. Спешно строилась железнодорожная ветка от станции Джанкой на Армянский Базар.

28-го был отдан приказ о наименовании впредь армии «Русской». Корпуса переименованы в армейские по номерам, а казаки по соответствующему войску. При корпусах и дивизиях были созданы военно-судные комиссии. Их рассмотрению подлежали дела об убийствах, грабежах, кражах, самочинных реквизициях и других незаконных действиях, совершаемых военнослужащими.

Продовольственный вопрос в Крыму стоял остро, что сказывалось на довольствии армии. Не хватало жиров, запасы муки были ограничены, и паек постепенно уменьшался. Интендантство охотно отпускало лишь только камсу и табак. С фуражом было совсем плохо, и все лошади в течение дня паслись в районе расположения батарей.

После ухода с Перекопского вала 2-го корпуса его место заняла Корниловская дивизия, и оборона была возложена на передовой обо-

ронительный отряд в составе корниловцев-марковцев. Артиллерийскую оборону возглавил генерал-майор Фок¹²⁶.

Наша главная линия обороны проходила по Перекопскому валу. Вал, около 10 верст длиной, построен между Сивашем и Перекопским заливом Черного моря. С северной стороны находился город Перекоп, через который проходила единственная дорога из Армянского Базара на село Чаплинка. Местность перед валом на западе — ровная и голая, а на востоке — холмистая и перерезанная многочисленными бухточками Сиваша с высотами 7.1 и 9.3.

Главная оборонительная линия противника проходила по побережью Перекопского залива, перед селом Преображенка и высотой 9.3, которая представляла собой центральный наблюдательный пункт, хорошо оборудованный, для артиллерии красных, стоявшей в этом районе и далее перед селом Перво-Константиновка, где упиралась своим левым флангом в Сиваш. Ближайшие тылы имели отдельные опорные пункты. В районе села Преображенка, Перво-Константиновка и высоты 9.3 была сосредоточена сильная артиллерия. Город Армянский Базар и дорога к валу обстреливалась 42" батареями, стоявшей у села Адамань.

Передовая линия нашей обороны на участке Марковской дивизии, где находилось лишь сторожевое охранение, была вынесена на Школьную Горку и высоту 7.1. Резерв находился у Полугоспиталя. Для артиллерийской поддержки на оборудованную позицию в район расположения резерва выезжали попеременно Г.М. и 7-я батареи, а их основные позиции были за валом.

Весь апрель противник особой активности не проявлял. Наши батареи вели наблюдение и разгоняли своим огнем разведку красных. 9 апреля во второй гаубице 7-й батареи в канале разорвалась бомба, которой убиты трое номеров: Клапцов, Гапонцев и еще один, а ранено несколько номеров и телефонист, среди них наводчик подпоручик Н.И. Попов.

В начале мая артиллерийская оборона вала принимает окончательные формы, делясь на два участка, соответственно дивизиям, находящимся на валу. Начальником артиллерийского участка марковцев был назначен полковник Машин. Постепенно наши батареи заняли позиции на участке своей дивизии. На крайнем правом фланге стояла 3-я батарея, прикрываясь со стороны Сиваша двумя своими пулеметами; в районе деревни Щемиловки были позиции Г.М., 7-й и 8-й батарей и на левом фланге, около дороги через вал на село Чаплинка, стояла 4-я. К 14 мая в подчинении полковника Машина находилось 5 батарей Марковских, 2 Дроздовских, 1 Алексеевская и одна 34-я артбригада, а всего 15 легких орудий и 8 гаубиц. Батареи производили

поверку пристрелочных данных и вели занятия с ездовыми и номерами. Часть батарей продолжала по очереди выезжать к Полугоспиталю.

Еще в начале апреля данные нашей разведки показывали, что противник собирался перейти в решительное наступление с целью ликвидировать белый Крым. На Перекопские позиции подготавливалась газовая атака, и в село Чаплинка свозились баллоны с удушливыми газами. Только начавшееся в марте наступление польских войск по всему фронту заставило советское командование временно отказаться от своего намерения и бросить все свои резервы против поляков, перейдя к обороне в Крыму.

Генерал Врангель решил предупредить все намерения красных переходом в наступление, с целью овладеть Северной Таврией, взять инициативу в свои руки и вывести армию и население Крыма из продовольственного тупика. Началась напряженная и спешная работа для подготовки наступления. Все батареи выбирали позиции и наблюдательные пункты впереди вала, с которых должны были поддержать атаку нашей пехоты. С новых позиций были сделаны пристрелки главных целей, иногда даже с помощью корректирования с аэроплана, в последнюю минуту должны были подвезти снаряды с расчетом по 200 на орудие, обеспечивалась непрерывность связи.

Для прорыва укрепленной полосы противника артучасток наш делился на: 1) правую группу полковника Михайлова в составе 7 легких орудий и 2 гаубиц; 2) среднюю полковника Соловьева¹²⁷ — 2 легких орудия и 4 гаубицы; 3) левую полковника Лепилина — 2 легких орудия и 4 гаубицы и 4) группу для борьбы с артиллерией противника полковника Лопатина¹²⁸ в составе 4 легких орудий, 2 5" пушек и 2 6" гаубиц. Итого — 15 легких орудий, 10 гаубиц, 2 6" гаубицы и 2 5" тракторные пушки.

Полки получили пополнение, производили частые поиски разведчиков и изучали впередилежащую местность. Армия имела 10 танков и 20 аэропланов. Все боеспособное было поставлено в строй.

Наступление 25 мая 1920 года

К 24 мая подготовка к наступлению была закончена. Со стороны Армянского Базара к валу подошли танки и тракторная батарея. С наступлением темноты вышли за вал и заняли свои позиции все батареи участка марковцев. Командиры групп и батарей на своих наблюдательных пунктах. Для обеспечения связи провели телефонные линии в дватри провода, по разным направлениям. Ночь была тихая. Противник не

проявлял никакой активности. Только около 2 часов ночи 8-я батарея открыла огонь по красным разведчикам, прошедшим через наше сторожевое охранение около высоты 7.1 и подходившим к позиции батареи.

Около 3 часов 1-й Г.М. полк полковника Марченко и 3-й подполковника Урфалова прошли линию наших батарей и заняли исходное положение для атаки. В 3 часа 20 минут выстрел тяжелого орудия за валом — и одновременно с криком «Ура!» 3-го полка, начавшего атаку, открыла огонь вся наша артиллерия. Наступление началось на всем фронте. В течение некоторого времени артиллерия противника пыталась отвечать, но быстро была подавлена огнем наших батарей. С Г.М. полком двинулись танки, прорвали укрепленную полосу и совместно с частями полка заняли высоту 9.3.

Продвижение 3-го полка было остановлено сильным огнем с Пулеметной горки, но сосредоточенным огнем батарей правой группы пулеметы были сбиты. 3-й полк взял горку, и дорога на Перво-Константиновку открыта. Всюду взвивались зеленые ракеты — знак, что наши части достигли намеченных рубежей. Сбитый со своей основной позиции по всему фронту противник начал поспешно отступать, бросая свою артиллерию и раненых. Начало светать. Из-за вала вышла конница генерала Морозова, и в небе появилась эскадрилья наших аэропланов.

Артиллерия Марковского участка разделилась на группы полковой и резервной артиллерии. Первый фазис боя был закончен. Группа 1-го Г.М. полка (полковник Лепилин) — Г.М. и 8-я батареи двинулись за полком по столбовой дороге на хутор Спендиарово. Группа 2-го полка (полковник Михайлов) — 3-я и 4-я батареи, подошли к гати, где Марковская инженерная рота (полковник Гротенгельм¹²⁹) искала и обезвреживала заложенные мины. Не ожидая окончательного результата этой работы, 4-я батарея пустила зарядный ящик, который без вреда перешел через гать. За ящиком перешли обе батареи и немедленно открыли огонь для поддержки дальнейшего наступления 3-го полка в направлении на село Владимировка. В прорыв между Г.М. и 3-м полками вошел 2-й полк полковника Докукина, который при поддержке огня батарей и танков со стороны хутора Спендиарово занял село Перво-Константиновка. В открытый люк одного танка была брошена ручная граната, и танк сгорел.

К 3-му полку подошли 7-я наша и 6-я Алексеевские батареи. Сразу же за Пулеметной горкой находилась позиция красной батареи, пристрелянная нами с помощью аэроплана. Батарея была совершенно разбита огнем 3-й и 4-й батарей; брошенные два орудия 1902 года вывезены 4-й батареей и позволили при батарее сформировать 2-й взвод.

Около 13 часов противник перешел в контратаку по всему фронту. На левом фланге и в центре все контратаки отбиты, но на правом фланге, после упорного боя, 2-й и 3-й наши полки отошли в исходное положение. Из корпусного резерва подошла Дроздовская дивизия, и 1-й генерала Дроздова полк со стороны дороги Перекоп—ЧапLINKка вновь атаковал село Перво-Константиновка и восстановил положение, но ночью принужден был опять оставить село.

К вечеру 25-го 2-й и 3-й Марковские полки с 3-й, 4-й и 7-й батареями отведены в корпусной резерв и сосредоточены в районе высоты 9.3. Для обороны переправы у гати оставлена Марковская инженерная рота. Наши батареи понесли потери убитыми и ранеными. Артиллерией участка было выпущено 1200 снарядов и 600 бомб.

Блестящие действия артиллерии при прорыве укрепленной полосы доказаны разрушением окопов, разбитыми главнейшими артиллерийскими наблюдательными пунктами, брошенными орудиями, и при них убитые номера и лошади, десятки уничтоженных пулеметов. Самоотверженно и блестяще работали танки на участках корниловцев и 1-го Г.М. полка. Особенно пострадали 2-й и 3-й наши полки, принявшие на себя главный удар при атаках красных.

26-го дроздовцы и 2-я конная дивизия совместными действиями прижали к Сивашу Латышскую дивизию — «Красных Орлов» — и окончательно ликвидировали эту группу, заняв села Владимировка и Строгановка. Наши батареи и полки расположились в хуторе Спендиарово, куда 27-го прибыла сформировавшаяся 2-я батарея.

На всех фронтах армии обозначился полный успех: 2-й Армейский корпус занял город Мелитополь; наш корпус своим левым флангом вышел к Днепру от города Алешки до Малой Каховки; на правом фланге корпуса конный отряд из разведчиков батарей и ординарцев штаба дивизии около полудня 27-го вошел в связь с частями генерала Писарева в районе села Громовка.

2 июня Марковская дивизия перешла в село Димитриевка. Занятие плодородной территории сразу улучшило продовольственный вопрос в армии. 6 июня Главнокомандующий, встреченный населением села Димитриевка хлебом и солью, произвел парад Марковской дивизии, наградив полки Николаевскими знаменами и Г.М., 3-ю, 4-ю и 7-ю батареи серебряными трубами с лентами Святого Николая Чудотворца... Наш командир полковник Машин был произведен за боевые отличия в генерал-майоры. Командир 2-го полка занял должность командира пехотной бригады, и полк принял генерал-майор Гаттенбергер.

В целях более удобного расквартирования, а главное, из-за кормежки лошадей батареи перешли на хутора: Г.М. — хутор Царицын, 3-я —

хутор Сушков, 4-я — хутор Камышанка и 7-я — хутор Зеленый. Г.М. и 4-я развернулись в 4-орудийный состав. Хозяйственные части батарей из Армянского Базара перешли на хутора Падовские. Для наблюдения за переправами через Днепр в села Любимовка и Софиевка выдвинуты батальон 2-го полка и 2-я батарея. Правее в селе Горностаевка находились части генерала Писарева, а левее от Каховки до города Алешек стояли части 1-й конной дивизии генерала Барбовича. Противник укрепился на правом возвышенном берегу Днепра.

На Днепре

16 июня противник переправился через Днепр у села Горностаевка. Для ликвидации в районе села Западные Каиры выступили 3-я батарея и батальон 2-го полка. 4-я батарея перешла в село Любимовка, куда на следующий день прибыла 8-я батарея.

В ночь на 18-е красные сделали попытку переправиться у Каховки и Любимовки, но были отбиты пулеметным и ружейным огнем, а с наступлением рассвета наши батареи своим огнем ликвидировали группы красных, засевшие в плавнях.

19-го противнику удалось крупными силами переправиться у Каховки и потеснить части генерала Барбовича. На помощь были вызваны Г.М. и 3-й полки с Г.М. и 7-й батареями. По данным воздушной разведки, красные усиленно перебрасывали войска на нашу сторону и спешно укреплялись. Местность перед Каховкой совершенно голая, и артиллерия красных с противоположного берега Днепра держала под своим наблюдением и огнем все подступы к реке с нашей стороны.

На совещании начальников было решено занять исходное положение для атаки ночью, выдвинувшись насколько возможно вперед, и на рассвете начать атаку. Первая атака 3-го полка была отбита с большими потерями, но после полудня повторной атакой, поддержанной огнем батарей, 1-й и 3-й полки заняли Большую и Малую Каховку. Среди захваченных пленных — командир тяжелого артдивизиона, его адъютант и 2 командира батарей, все бывшие офицеры, прибывшие на наш берег для рекогносцировки позиций и выбора наблюдательных пунктов. Один из командиров батарей застрелился.

На следующий день было приказано уничтожить мост у села Малая Каховка, что и исполнил взвод Г.М. батареи.

Вся дивизия, за исключением батальона 2-го полка и 3-й батареи, оставшихся в селе Западные Каиры, сосредоточилась в районе Каховка—Любимовка. Батареи обороняли свои позиции, и орудия всегда

находились в положении «к бою». По ночам принимались усиленные меры охранения. Однажды с наблюдательного пункта Г.М. батареи заметили плывущего в нашу сторону человека, по которому красные открыли огонь. Беглец оказался фельдфебелем Бельмасом, служившим в 1-й Западной батарее штабс-капитана Масленникова, погибшей под городом Новороссийском. Узнав, что в Каховке находятся марковцы, он решил возвратиться в свою часть. После допроса его зачислили в 4-ю батарею.

До 29-го дивизия стояла на берегу Днепра в селах, богатых продуктами и с массой фруктовых садов. Часто купались, хотя это было сопряжено с опасностью, так как красные батареи открывали огонь по купающимся.

20-го к северо-востоку от Мелитополя наша ударная группа разгромила конную группу Жлобы в составе 7500 шашек и 6 тысяч штыков, захватив свыше 40 орудий, 200 пулеметов, 2000 пленных и 3000 коней. Массы красных попрятались в балках и кукурузных полях. Донские казацкие полки полностью сели на коней.

На линии село Васильевка—колония Андребург— колония Гейдельберг

Наша дивизия перебрасывалась к частям 1-го корпуса, находившимся на северо-восточном фронте нашей армии, и сосредотачивалась в селе Михайловка, с 35 000 жителей. Батареей, выступившей в поход первой, была 3-я, 30 июня в 22 часа из села Западные Каиры. Остальные из района Каховки выступили перед рассветом 1 июля. Во время 4-дневного перехода погода была исключительно жаркой. Все батареи шли в сплошных облаках пыли, в несколько саженей высоты. Переходы были большие: в среднем по 40 верст. Людей и лошадей мучила страшная жажда. Шли разными дорогами и предпочитали двигаться по ночам и рано утром.

4 июля вся дивизия прибыла в село Михайловка. Здесь ко 2-й и 3-й батареям присоединились вновь сформированные вторые взводы. 6-го к вечеру марковцы сменили дроздовцев.

Г.М. и 2-я батарея с 1-м полком заняли участок от Днепровских плавней, где находилось «царство союзных бандитов», с которыми надлежало держать связь; затем через село Васильевка вдоль Карачак-ракской лощины до стыка с заставами 3-го полка, который стоял с 8-й батареей в колонии Андребург. Район колонии Гейдельберг заняли 2-й полк с 3-й, 4-й и 7-й батареями. Фронт дивизии был око-

ло 25 верст. Непосредственная близость противника чувствовалась во всем. На ночь принимались все меры предосторожности.

Успех красных на Польском фронте позволил им свернуть резервы и направить на Крым, где в районе Орехова появились части 2-й конной армии, интернациональная бригада и бригада красных курсантов. Наше командование решило предупредить противника, и 12 июля ударная группа генерала Кутепова атаковала александровскую группу красных.

Дивизия выступила 3 колоннами в направлении к реке Конской: левая — 1-й полк с Г.М. и 2-й батареями — вдоль железной дороги на село Янчокрак, средняя — 3-й полк, 8-я батарея и взвод 4-й — на село Пятихатка и правая — 2-й полк с 3-й и 7-й батареями и взводом 4-м — через колонию Гохгейм, на село Щербаковка. Противник оказывал слабое сопротивление, и наши части, при поддержке своих батарей, непрерывно продвигались вперед и к ночи заняли село Янчокрак, село Пятихатка и высоты южнее села Щербаковка. На правом фланге дивизии конница генерала Калинина заняла город Орехов и село Жеребец.

13-го с утра на фронте дивизии начались упорные бои. Красные, подойдя вплотную к селу Янчокрак, на рассвете атаковали село, расположенное в глубокой ложине. Для того чтобы развернуться и занять позиции, полку и батареям пришлось оставить село и под сильнейшим ружейным и пулеметным огнем подниматься в гору. Заняв открытую позицию, Г.М. батарея сразу же была накрыта артиллерией красных и после нескольких минут обстрела потеряла ранеными 5 офицеров, 11 солдат и 19 лошадей. К вечеру, в связи с успехами во 2-м и 3-м полках, левая колонна вновь заняла село Янчокрак.

В это время 3-й полк был атакован в Пятихатке красными, которые всю ночь провели в поле около селения. Атака их, поддержанная 3-м конным Интернациональным полком, была отбита при энергичной поддержке 8-й и взвода 4-й батарей, после чего средняя колонна продолжала свое движение вперед. Правая же колонна с рассветом перешла в наступление на село Щербаковка. Против находилась интернациональная бригада, сформированная еще год тому назад из пленных венгров с целью отправки их в красную Венгрию. Но в связи с событиями там, бригада эта в конце концов попала в Таврию. Мадыры дрались исключительно упорно, при появлении нашей конницы построили «каре», которое пришлось разбивать артиллерийским огнем, и задерживались на каждом удобном рубеже.

При нашем продвижении вперед валялось много трупов, как наших, так и противника — свидетели упорных боев, происходивших

здесь накануне. К вечеру, после повторных атак, сопротивление противника было окончательно сломлено, и при поддержке конницы генерала Агоева и генерала Барбовича средняя колонна заняла село Яковлевка, а правая — село Щербаковка. В 3-й батарее в 4-й раз и тяжело ранен штабс-капитан Афанасьев.

С наступлением темноты правая колонна перешла в село Яковлевка, где сосредоточились 2-й и 3-й полки с 3-й 4-й, 7-й и 8-й батареями. После непрерывных боев в этом районе, где атаки сменялись контратаками и наши батареи часто с открытых позиций своим огнем останавливали лавы красной конницы, наша дивизия вышла к реке Конской.

Красные поспешно отошли дальше, так как кубанцы генерала Бабиева и 3-й Дроздовский полк, посаженный на подводы, заняли город Александровск. Потерпев поражение на реке Конской, противник, используя свои многочисленные резервы, немедленно начал новое наступление в тыл нашему расположению, угрожая колониям Гохгейм и Гейдельберг.

24 июля дивизия начала отходить на линию Васильевка—Карачак-ракская лощина—колония Гейдельберг. 2-й полк и 3-я и 7-я батареи сразу же начали бои с противником, наседавшим с северо-востока. 1-я Кубанская дивизия генерала Бабиева оттянута в глубокий тыл. 3-й полк со взводом 4-й и 8-й батарей к вечеру 24-го были окружены в колонии Гохгейм, и после упорного боя под сильным ружейным и пулеметным огнем противника, без дорог, по пахоте, орудия вырвались из кольца красных и на рассвете 25-го прибыли в колонию Андребург.

1-й полк с Г.М. и 2-й батареями с небольшими арьергардными боями отошли в Васильевку. Для того чтобы облегчить оборону и застраховать себя от приближения красных поездов, было решено взорвать железнодорожный мост между станцией Попово и разъездом Плавни.

Г.М. батарее приказано командировать инструктора по подрывному делу к атаману Прачану. Выполнение этой задачи возложено на штабс-капитана Иегулова, который в сопровождении бомб. Абазова и трех партизан с пулеметом отбыли от штаба полка в плавни. Далее пересели на коней и только по одним партизанам известным лесным дорогам и тропинкам добрались до железнодорожного моста. Полевой караул красных снят без выстрела, и под руководством штабс-капитана Иегулова заложены шашки. Шнур на три минуты — и железнодорожный мост взлетел на воздух.

Пока шли успешные бои на фронте, в тылу спешно укреплялись Крымские перешейки и южный берег Сиваша. Крым превращался в главную базу армии. Каждая армейская часть получила свой район, где

заготавливались продовольствие и фураж и где многие поправлялись после ранений и болезней. Все батареи имели свои базы в районе станции Курман-Кемельчи.

25-го следовавший за нами по пятам противник атаковал колонию Гейдельберг. Завязался упорный бой. 3-я и 7-я батареи занимали незакрытые позиции на кукурузном поле и сразу привлекли на себя огонь красной артиллерии. В одно из орудий 3-й батареи было 2 прямых попадания «шрапнелью на удар». Убито 2 номера и 5 ранено. Орудие, лишившееся номеров, было временно уведено в тыл. К вечеру противник отошел с большими потерями.

В течение 26-го и 27-го на всем фронте шли непрерывные бои с наседавшим противником; батареи своим огнем способствовали отбитию многочисленных атак, стреляя часто с открытых позиций, и понесли значительные потери. День 28-го прошел спокойно: одни разведывательные партии красных и небольшие конные группы наблюдали и изучали наше расположение. Ночь на 29-е была тревожной.

К рассвету 2-й батальон 2-го полка и 7-я батарея выдвинуты в направлении на Нижний Кукурлак, который, по некоторым сведениям, полученным ночью, как будто бы был оставлен корниловцами. 3-й батальон с 3-й батареей заняли позицию на южной окраине колонии Гейдельберг, почти что под прямым углом к позиции, занятой 2-м батальоном. 1-й батальон находился на северной окраине колонии у «шанцев».

3-й полк с 4-й и 8-й батареями стояли у колонии Андребург, а Г.М. у станции Попово и села Карачакрак.

Ранним утром противник открыл сильный артиллерийский огонь по расположению 3-го батальона 2-го полка и одновременно атаковал при поддержке бронемашин. В самом начале боя был смертельно ранен разорвавшимся снарядом командир полка генерал-майор Гаттенбергер, находившийся верхом со своим штабом в цепях 3-го батальона. Несмотря на беглый огонь 3—1 батарей и стрельбу пулеметов, противник смял батальон, а своими конными частями и бронемашинами вышел 2-му батальону в тыл. Батальон с большими потерями, оказывая сопротивление, небольшими группами, стал отходить на станцию Бурчатск. Вдали колонны красной конницы двигались в направлении на Н. Мунталь и Фридрихсфельд, где были должны находиться дроздовцы.

3-й полк успешно отбил первые атаки красных, но благодаря отходу 2-го полка правый фланг оказался обнаженным, и полк получил приказание начать отход вместе с подошедшим из Гейдельберга 1-м батальоном 2-го полка. 3-я, 4-я, 7-я и 8-я батареи стали отходить по очереди, непрерывно обстреливая цепи и лавы противника. Бронема-

шины «Генерал Слащев» и «Марковец» появлялись в угрожаемых местах и не давали красным подойти на близкую дистанцию. Были моменты, когда положение становилось серьезным, так как наша малочисленная пехота, утомленная долгим боем, могла не выдержать натиска бронемашин и конницы противника. Отбитие наседавшего неприятеля ложилось на наши пулеметы, батареи и бронемашины, они работали блестяще. При приближении к железной дороге натиск красных ослабевал. 1-й полк с Г.М. и 2 батареей, отбив все атаки, удержали село Васильевка.

3-й полк и 1-й батальон 2-го полка заняли позицию параллельно железнодорожной линии Бурчатск—Пришиб, причем правый фланг расположения фронтом на юг, откуда 4-я батарея своим огнем поддерживала атаку дроздовцев со стороны колонии Фридрихсфельд. Противник начал отход, а 3-й полк перешел в наступление на колонию Андебург. Повсюду прятались в кукурузе отставшие красноармейцы, а по дорогам попадались повозки красного обоза с боевыми припасами и другим имуществом. Было отбито несколько групп наших пленных, которых вели в тыл — многих уже успели раздеть. 2-я конная армия, имевшая первоначально успех, к вечеру была атакована дроздовцами и марковцами с юга и запада и, угрожаемая Донской конницей с юго-востока, начала поспешный и беспорядочный отход. В этот день батареи понесли значительные потери и среди других тяжело ранен 4-й батареи штабс-капитан Лисенко¹³⁰, а прорвавшейся к нам в тыл небольшой конной группой противника зарублены возвращавшиеся из хозяйственной части 7-й батареи: штабс-капитан Гневашев, старший фейерверкер Голев, бомбардир Голубенко и канонир Сазонов.

Разведчик 4-й батареи младший фейерверкер Жерновой был захвачен в плен, и только через месяц этот доблестный солдат смог бежать из поезда Чека в Екатеринославе и, пробираясь на юг, в конце концов присоединился к батарее.

К вечеру в нашем тылу появились 2 бронемашины, шедшие вдоль железнодорожной линии на станции Васильевка. Мало кто обратил внимание на это. Картина была самая мирная: на башне одной сидело 2 человека свесив ноги. Эти броневики были замечены с наблюдательного пункта Г.М. батареи, и полковник Шперлинг с командой разведчиков направился к ним узнать обстановку. Оставалось шагов 30—40, когда увидели большие красные буквы «Пестель». Разведчики открыли огонь, бронемашины ответили пулеметной очередью и скрылись. Команда потеряла одного убитого, 3 раненых и 12 лошадей. На ночь 3-й полк с 3-й, 4-й и 7-й батареями и тремя танками расположились на буграх к северо-востоку от станции Бурчатск.

Утром 30-го противник вновь атаковал наше расположение, но был отбит с большими потерями. В этот день к 3-й и 4-й батареям приехал генерал-майор Машин и благодарил батареи за работу в боях последних дней.

7-я и 8-я батареи выступили в село Михайловка для приведения в порядок материальной части и перевооружения 8-й орудиями образца 1902 года, так как ощущался недостаток в снарядах для гаубиц. По перевооружении один взвод 8-й батареи был придан 2-му полку, который находился в резерве на станции Бурчатск.

31 июля Г.М. и 2-я батареи наступали на колонию Андреебург. 3-я батарея на позиции у села Эристовка была обстреляна красной батареей и понесла потери двумя убитыми и 4 ранеными. 4-я батарея находилась на правом фланге полка и весь день способствовала отбиту атак красных и лишь только присутствие 3 танков дало возможность полку и батареям отойти к высоте 41.8.

1 августа высадился наш десант на Кубани. В конце июля в районе Каховки противник переправился на левый берег, и все попытки отбросить его обратно не удалось. В руках красных остался Каховский тет-де-пон. На Польском фронте большевики подходили к Варшаве. Франция признала де-факто правительство генерала Врангеля.

На Крымском фронте красные атаковали везде. На участке дивизии первые 18 дней августа бои шли непрерывно. Резервов не было, и общая обстановка заставила перейти к активной обороне. Стояла невероятная жара, ощущался острый недостаток воды, которую в бочках доставляли из ближайших селений для людей и лошадей батарей, стоявших круглые сутки на позициях в кукурузных полях. И лишь только начавшие созреть на многочисленных бахчах арбузы утоляли жажду и часто вместе с хлебом являлись единственным питанием в течение всего дня. Противник атаковал по 3—4 раза в день. Бои шли с переменным успехом в районе Васильевки, Эристовки и высоты 47.9 и 49.5.

Особенно упорный бой начался на рассвете 6 августа. Ночью 1-й полк с Г.М. и 2 батареями оставили село Васильевка и заняли позицию перед селом Бурчатск. Противник атаковал расположение 1-го полка и одновременно высоты 47.9 и 49.5, где находился 3-й полк с 3-й и 4-й батареями. 7-я стояла на позиции у юго-восточной окраины села Бурчатск. Красная конница пошла в прорыв между марковцами и дроздовцами и угрожала колонии Фридрихсфельд. 3-й полк с батареями отошел к железной дороге. Один из наших бронепоездов оказался отрезанным в районе Васильевки, и 1-й полк перешел в контратаку. Батареи полка энергичным огнем обстреливали расположение красных.

На наблюдательном пункте Г.М. батареи, который обстреливался артиллерией красных, находился командир батареи полковник Шперлинг со своим начальником связи штабс-капитаном Иегуловым, сидевшим в ногах у командира и передававшим команды голосом находившимся в стороне телефонистам. Очереди шрапнелей противника рвутся над самым бугром. И вдруг один низкий разрыв перед самым Командиром, и он падает, пораженный насмерть десятками пуль. Руки, лежащие на бинокле, пробиты диафрагмой. Тело падает бессильно вперед на штабс-капитана Иегулова, оглушенного разрывом, но невредимого. Убито и два телефониста.

В этот же день умер от ран старший офицер 2-й батареи штабс-капитан Решке. К ночи дивизия сосредоточилась перед линией село Михайловка — станция Пришиб. 8-я батарея с запасным батальоном дивизии перешла в село Тимашевка в связи с появлением красной конницы в этом районе.

Оборона линии село Михайловка—Ореховская высота— станция Пришиб

На рассвете 7—8 августа части дивизии расположились: Г.М. полк — в окопах с северной стороны села Михайловка, Г.М. и 2-я батареи — на окраине села; 2-й полк с 3-й батареей у Ореховской высоты и 3-й полк с 4-й и 7-й батареями верстах в двух севернее станции Пришиб. Генерал Кутепов был назначен командиром 1-й армии, генерал Писарев — командиром нашего корпуса и генерал Гравицкий — командиром 2-го Марковского полка.

8-го красные с утра перешли в наступление со стороны Бурчатска. Главная атака велась на Ореховскую высоту, занятую 2-м полком. Поддержанный энергичным огнем 3-й батареи, полк оказывал упорное сопротивление, но после повторных атак красных, понеся сильные потери, начал отходить.

Положение создалось критическое. Центр нашей обороны прорван. В этот момент из села Михайловка под прикрытием огня наших батарей перешли в контратаку 3 танка и части 1-го полка. Но по железнодорожной линии от станции Бурчатск выдвинулось 7 красных бронепоездов, которые прямой наводкой били по нашим танкам и сопровождавшей их пехоте. Все поле покрылось дымом непрерывных разрывов. Один танк подбит. Противник отошел в исходное положение.

На участке 3-го полка 4-я и 7-я батареи весь день вели артиллерийскую дуэль с многочисленными бронепоездами красных. Закрытых

позиций не было, и батареям под сильным огнем пришлось несколько раз менять позиции. Несколько бронепоездов противника получили прямые попадания. Еще 2 атаки на Ореховскую высоту красных были отбиты сосредоточенным огнем пулеметов и 3-й батареи до наступления темноты.

Бои с тем же напряжением продолжались 9-го и 10-го, когда был убит доблестный командир 3-го полка подполковник Урфалов, и полк принял подполковник Никитин¹³¹.

11-го ударная группа в составе Дроздовской, 1-й и 2-й Донских казачьих дивизий из района села Молочное атаковала в направлении на Гохтейм—Гейдельберг. Марковцы, после короткой артподготовки, перешли в наступление и заняли село Бурчатск. Ударная группа к вечеру заняла Андребург, Эристовку и Карачакрак. Красная конница из села Васильевка двинулась на село Орлянск и угрожала левому флангу нашей дивизии. Полки, понесшие большие потери в последних боях, получили пополнение из числа 10 000 бредовцев, прибывших из Польши в Крым, и 800 человек было влито в дивизию.

Продолжая наступление, 1-й полк с приданными временно дивизии спешенными эскадронами 2-го конного генерала Дроздовского полка, прибывшими из Польши, и Г.М., 2-й и 3-й батареями, утром 12-го сбили противника с позиций перед селом Васильевка и заняли село.

13-го и 14-го шли упорные бои в этом районе, куда подошел и 2-й полк с 7-й батареей. После полудня обозначилось наступление противника от колонии Андребург. Из резерва был вызван 3-й полк с 4-й батареей. К вечеру 1-й и 2-й полки оставили село Васильевка, и вся дивизия сосредоточилась на буграх к северу и северо-востоку от села Бурчатск. Атаки противника не ослабевали. Потери в полках большие. С наступлением темноты красные остались перед нашей линией обороны.

Генерал Третьяков приказал с восходом луны ночной контратакой опрокинуть противника и вновь занять село Васильевка. В ожидании чего люди отдыхали. Все батареи оставались на своих позициях, делая приготовления к предстоящей ночной стрельбе и посылая по очереди передки на водопой лошадей в село Бурчатск. Номера не отходили далеко от орудий. Было тревожно. Около часу ночи красные внезапно атаковали на правом фланге 3-го полка стоящую без прикрытия 4-ю батарею, которая встретила атаку картечью и огнем своих 4 пулеметов, противник был отбит.

Дивизии приказано оставить село Бурчатск и отойти на линию Михайловка—Пришиб. В эту ночь погиб транспорт со снарядами бригадного огнесклада. Не зная обстановки, транспорт по одной из поле-

вых дорог, где не было никаких застав, ночью прошел в село Бурчатск, где был захвачен красными. Погиб поручик Вакар.

15-го с утра дивизия снова перешла в наступление и заняла село Бурчатск и в течение целого дня отбивала многочисленные атаки, при поддержке наших батарей. Бои везде велись с исключительным напряжением. Батареи беспрерывно переносили огонь с только что восстановленных ими и залегших цепей красных на подходившие резервы, пулеметные тачанки и обнаруженные батареи. Расход снарядов был большой. К вечеру конница красных из села Орляnsk начала обходить наш левый фланг и дивизия принуждена отойти к селу Михайловка. На дивизию, совместно со 2-й Донской казачьей дивизией и Дзюнгарским калмыцким конным полком, возложена задача ликвидировать эту конную группу. Атака назначалась на 17-е.

К этому времени кубанский десант закончился неудачей, хотя кубанские части и пополнились присоединившимися к ним казаками. Исключительно тяжелое положение создалось в районе Каховки, где части 2-го армейского корпуса генерала Витковского были оттеснены к Перекопскому валу, и разъезды красной конницы подходили к железнодорожной линии Сальково—Мелитополь. С участка нашего корпуса была снята Корниловская ударная дивизия, которая со вновь сформированной 6-й пехотной дивизией начала наступление в направлении Серогозы—Агайман.

После полудня 16-го 2-й полк и 3-я батарея остались на позициях севернее села Михайловка, а остальные части дивизии перешли в наступление на Орляnsk. 8-я батарея с западным батальоном дивизии заняли станцию Плодородие. На следующий день утром село Орляnsk было взято после упорного боя, и большая часть красной конницы отошла на юго-запад, за ней пошли 2 Донские казачьи дивизии, 1-й полк и дзюнгарцы с Г.М., 2-й и 7-й батареями. 3-й полк с 4-й батареей заняли село Скельки. 2-й полк с 3-й батареей, отбив все атаки противника, выдвинулись вперед и заняли бугры южнее села Бурчатск. Справа продвигались дроздовцы. Вечером вся дивизия сосредоточилась в районе село Скельки—Орляnsk, а 8-я батарея перешла в село Михайловка.

В течение 18-го, 19-го и 20-го — бои местного значения, более серьезные на участке 1-го полка и Г.М. батареи, между селами Орляnsk и Бурчатск. 21-го вся дивизия вновь перешла в село Михайловка и заняла позиции вдоль северной окраины села. На левом фланге Г.М. и 2-я батареи с Г.М. полком; на правом — 3-я и 7-я батареи со 2-м полком, а 3-й полк с 4-й батареей в резерве. На станции Пришиб и в колонии Фридрихсфельд части дроздовцев.

КРЫМ И ТАВРИЯ¹³³

В Крыму положение к весне 1920 года было довольно устойчивым: части генерала Слащева, численностью в несколько тысяч, с артиллерией, успешно отбивали атаки красных на Перекопский вал и тем самым дали возможность отдохнуть и переформироваться высадившимся в Крыму частям отступающей армии генерала Деникина. Уход генерала Деникина и принятие командования над отошедшей в Крым армией генералом Врангелем способствовали поднятию общего настроения и возвращению утраченной веры в успех дальнейшей борьбы.

В Крыму уцелевшие части артиллерии Марковской дивизии сосредоточились в Симферополе. Мы, офицеры 6-й батареи во главе с капитаном Михно, были причислены к Первой генерала Маркова батарее, но вне штата и без должностей. Это было печально и скучно. Ни орудий, ни лошадей для нас не было. Из состава Шестой Марковской батареи, вышедшей из Курска на Елецкое направление, скольких уже мы недосчитывались, — Плотников¹³⁴, Сергеев¹³⁵, Анкирский¹³⁶, Рага¹³⁷, Шигорин¹³⁸ и многие другие — пали смертью храбрых. В Симферополе встретились капитан Михно и поручики Соломон¹³⁹, Березовский¹⁴⁰, Златковский¹⁴¹, Жилин¹⁴², Орловский¹⁴³ и я. Капитан Михно был временно переведен в Первую генерала Маркова батарею, а нас, оставшихся офицеров Шестой, зачислили как бы в бригадный резерв.

Отдыхали мы в Симферополе недолго: нас расквартировали в еврейском квартале города, и в то время как поручик Котик Слонимский ухаживал за красавицей еврейкой, похожей на финикийскую богиню Астарту, поручики Бурсо¹⁴⁴ и маленький Михайлов¹⁴⁵ в пьяном виде разгромили соседнюю квартиру, разбив стрельбой из револьверов люстры и повредив портреты предков. Владелец квартиры выскочил из окна и побежал в комендатуру. Из комендатуры пришла почти целая рота арестовывать виновных, и полковнику Шперлингу стоило немало труда спрятать «головорезов» — отправить их к Перекопу и потом, отвечая на запросы штаба корпуса, зачислить их умершими от ран. При командовании генерала Врангеля были введены строгие законы военного времени, и такие дела могли иметь для виновных весьма неприятные последствия, вплоть до суда и расстрела.

На следующий вечер командующий корпусом, генерал Кутепов, согнал с фонаря одного из бывших наших юнкеров, полезшего, не без ловкости, там закуривать. Все эти события переполнили чашу терпения командующего корпусом, и он уже на следующий день отдал

приказ Первой генерала Маркова батарее немедленно идти на север Крыма ближе к Перекопу.

Пошли в направлении Перекопа. Страшно торопились и держали все время переменный аллюр. В первый же день прошли до семидесяти километров. Передавали, что красные сильно жмут новыми силами на корпус генерала Слащева, который еле удерживает еще Перекопский вал. Кроме нашей батареи, на север к Перекопу шел конный корпус генерала Барбовича и Марковский батальон на повозках.

Скоро с севера начал доноситься орудийный гул: это был сплошной грохот выстрелов и разрывов бомб и гранат различных калибров, как на Западном фронте Великой войны. «Ну, тут не тот огонь», — говорили наши ездовые. Навстречу начали попадаться повозки с ранеными из Слащевского корпуса. Расспросы этих раненых, как всегда, не разъясняли положения на поле боя.

Долго тянулись неприветливые Джанкойские степи; наконец вдали показалась колокольня городка Армянский Базар, а дальше за городком поднимались дымки разрывов гранат и облачки рвущейся высоко шрапнели, — у Перекопского вала шел упорный бой, продолжавшийся уже третий день. К вечеру, когда наша колонна достигла Армянского Базара, бой у вала затихал. Уже на рассвете нас подняли по тревоге: у Перекопа вновь закипел бой. Передавали, что ночью красные пробрались через Сивашский залив и на крайнем фланге внезапно напали на стоявшее там сторожевое охранение Кирасирского полка, прорвали его, застигли врасплох кирасирский эскадрон, перебили многих кирасир и окопались на берегу Сиваша на участке, выходявшем во фланг и тыл Перекопскому валу. Одновременно части 13-й советской армии повели наступление на городок Перекоп и быстро овладели городом, за исключением тюремного здания, находившегося на южной окраине, у самого вала.

Сильная советская артиллерия вела ураганный огонь по всему валу и по тылу Слащевского корпуса, оборонявшего Перекопский вал. Нас, Марковскую батарею и батальон, быстро двинули в направлении Перекопского вала. Правее, в неглубокой балке, скоро стал виден конный корпус генерала Барбовича, стоявший там в резерве в сомкнутых колоннах. Конный корпус был ослаблен, так как многие кони не вынесли непривычного корма — крымской травы — и пали.

Чем ближе к Перекопскому валу, тем слышнее грохот советских пушек, разрывов гранат и бомб различных калибров. На всех участках вала строчат пулеметы — «максимы» и «кольты». Перекопский вал и стоящие за ним батареи Слащевского корпуса — в дыму гранатных

разрывов советской артиллерии. Но как спокойно и методически работает наша артиллерия! Батареи гаубиц и трехдюймовок — как на параде: ни суеты, ни паники. Телефонная связь, спокойные команды, носилки для раненых наготове.

Нашу батарею маринуют, то здесь, то там, и наконец двигают поддержать Марковский батальон, идущий в контратаку на красных, захвативших часть вала около Сиваша. Мы на ровном поле перед валом, к которому двинулась цепь Марковского батальона.

Батарея снялась с передков, но в это время над нами появился самолет красных и бросил дымовой сигнал. Не прошло и пяти минут, как загудел воздух и несколько 42-линейных советских гранат покрыли батарею. Шестерка первого орудия оказалась на земле. Убитые и раненые лошади заливали кровью траву. Солдат — ездовой первого орудия — лежал со снесенным черепом. Котику Слонимскому прямо в лицо попал кусок окровавленного лошадиного или человеческого мозга, он долго вытирался.

Когда загудел следующий залп советской 42-линейной батареи, многие побледили и легли на землю. «Накрытие» было снова трагичным. Теперь попало по резервной части марковцев и по нашему обозу. Стонали раненые пехотинцы. Много лошадей лежало на земле или, сорвавшись, бегало по полю. Красная батарея, столь удачно нас покрывшая, к нашему счастью, перестала почему-то стрелять.

Атака 13-й советской армии на Перекопский вал захлебнулась в огне нашей артиллерии и жестоким пулеметным огнем с вала. Те отдельные части, коим все же удалось дойти до вала, были встречены контратакой Слащевской и Марковской пехоты и с потерями отброшены назад.

К вечеру 13-я советская армия отошла на северную окраину Перекопа и окопалась далеко от вала за домами и в поле. На валу появился генерал Слащев во главе своего личного конвоя. Наряженный в довольно фантастическую форму, он явно демонстрировал перед войсками, занявшими вал, свою храбрость. Изучив положение, он что-то скомандовал, во главе своего конвоя с развернутым флагом спустился в сторону города Перекопа и рысью пошел «преследовать противника»... Генерал ничем не рисковал: все легкие батареи красных были за этот день разбиты и молчали, а пехота отошла от города и окопалась где-то далеко. Проскакав рысью через полуразрушенный Перекоп, «атакующие», никого не догнав, вернулись в Армянский Базар к ужину.

На другой день 13-я советская армия не возобновляла больше наступления на Перекопский вал; очевидно, ей все же сильно «набили

морду». В степи за Перекопом царила полная тишина. Войска генерала Слащева снимались с вала и уходили куда-то в тыл, на отдых и на переформирование. Перекопский вал вместо них заняли части Кутеповского корпуса, корниловцы и марковцы.

Наша батарея заняла позицию на нескольких сотнях шагов от Перекопского вала, прямо в поле. Тут мы окопались и построили глубокую землянку, где спали ночью по очереди.

Батарея простояла за валом весь апрель. Мы разделились на две смены. Так как батарея все еще имела лишь два орудия, офицеров было слишком много, и мы могли по очереди дежурить — одну ночь в окопе за валом на батарее, а другую ночь ночевать в реквизированной для нас квартире в городке Армянский Базар, приблизительно в трех километрах от Перекопского вала.

Погода весь апрель была прекрасная, теплая и солнечная, так что и в окопе у орудий было уютно, как на даче. Боев не было. 13-я советская армия, очевидно, зализывала свои раны. Городок Армянский Базар был довольно сильно разрушен советской дальнебойной артиллерией, и многие жители его покинули, но все же кое-кто оставался, привыкнув к вою снарядов и к разрывам. В городке было так же скучно, как и в окопе у вала, а в смысле безопасности даже хуже: в то время как ни один снаряд не попадал в батарею, скрытую за валом, городок ежедневно обстреливался несколько часов 42-линейными снарядами со стороны Преображенки и с косы. Но все же мы все охотно отдыхали в городской квартире, где можно было спать на кроватях, есть вилками и ножами с тарелок и видеть иногда чужие гражданские лица, даже женского пола, и, конечно, сестер милосердия из ближайшего тыла.

Город был переполнен штабными и кавалерийскими офицерами из штабов и управлений, так что мы, фронтовики-артиллеристы, в потрепанной в боях и походах фронтовой одежде, могли только издали смотреть на немногих женщин.

Но иногда у нас в квартире появлялась странная девочка Иза, своеобразный цветок Гражданской войны. Ей было всего 15 лет, и числилась она сестрой-санитаркой в Марковском полку, пристав к нему при отступлении. Под селом Алексеево-Леоново она попала в руки буденновцев и на Кубани перебежала снова к белым. Она была смугла и стройна, с ясными синими глазами. Охотно приходила она в нашу квартиру, очевидно, потому, что мы не относились к ней как к женщине. Ее кормили и поили, и спала она у нас тут же на кровати крепким, детским сном. Самый молодой из нас, восемнадцатилетний Сенька Жилин, бывший кадет Первого корпуса и «конста-

пуп»¹⁴⁶, сам похожий на безусого младенца, возился с Изой как с товарищем. Они вместе гуляли по Армянскому Базару, собирали акацию, бегали купаться на мелкий залив. Для того чтобы дойти на глубину до колен и окунуться, надо было идти почти полкилометра по теплой воде. А советские наблюдатели на косе около Преображенки, когда обнаруживали купающихся, сообщали на свою батарею, посылавшую потом несколько гранат, на далеком прицеле, которые часто не рвались. По вечерам Иза и Сеня играли в карты в дурачка и ссорились совершенно по-детски. Когда пришел приказ Главной квартиры удалить женщин из строевых частей, марковцам пришлось уволить Изу из состава батальона и снять ее с довольствия. Не могли мы и взять ее с собой, когда началось наступление на Перекоп и на Таврию, 25 мая. Исключений для женщин почти не было, так что Иза осталась одна в городе, пока ее не подобрал какой-то тыловой полковник.

На батарее, около вала, мы вырыли глубокую землянку и в ней спали по ночам. За то время, пока ее копали, мы нашли человеческие черепа и предметы домашнего обихода доисторических времен. В развалинах старого города ползали серые гадюки с зигзагом на спине. Такие же змеи были замечены и около батареи. Пока не была вырыта землянка, я из города Перекопа принес большой шкаф и удобно в нем спал, закрываясь двумя одеялами.

По ночам надо было дежурить у орудий по очереди, и я хорошо запомнил одну ночь своего дежурства. Горел костер, и дым стлался по земле. Дул легкий теплый ветер с Черного моря, изредка накрапывал мелкий дождик. Я лежал около костра и читал в журнале «Нива» роман «Разрыв-трава». Содержание было довольно занимательным, и ночь проходила незаметно. В романе описывался тип опасной девушки, которая и сравнивалась с «Разрыв-травой». «Бегите от нее... — писал автор, — иначе она испепелит ваше сердце, опустошит вашу душу...» Девушка была очень красива и умна, но высмеивала мужчин и без соблюдения какой-либо «буржуазной» морали отдавалась всем, кому хотела...

В два часа ночи послышался топот копыт. Это был связной от штаба полка, который сообщил, что впереди у вала никого нет, вал занят лишь редкими слабыми дозорами и что в степи, за валом, слышно какое-то шевеление. Я бросил «Разрыв-траву», вскочил и пошел будить командира батареи, спавшего в землянке, но он послал меня ко всем чертям... Я снова сел к костру, но читать уже не мог: впереди — в теплой черной дождливой мгле — мерещились подкрадывающиеся враги... Вдруг позади, со стороны Армянского Базара, послышалась отдаленная военная песня, потом ближе и ближе:

Марш вперед, труба зовет...
Корниловцы лихие.

То шли Корниловские роты — занимать вал. Дочитал я тогда все же «Разрыв-траву»...

Питание наше на Перекопе было очень плохим. Один раз в день привозили невкусную уху и хлеб. Среди людей и лошадей начались болезни. Многие лошади пали от какой-то местной перекопской травы. А местные лошади переносили ее хорошо. Полковник Шперлинг был в отчаянии, ибо достать новых лошадей в Крыму было почти невозможно.

В конце мая боевое однообразие на Перекопе было нарушено неожиданной свадьбой одного нашего «констапуа», штабс-капитана Мино¹⁴⁷, в Армянском Базаре. Это была первая свадьба нашей батареи среди бывших юнкеров. Правда, первым женихом был еще в дни Белгорода бригадный адъютант, «констапуп», штабс-капитан Канищев¹⁴⁸, погибший под селом Алексеево-Леоново. Невольно вспоминалось, как тот же Мино, проповедовавший среди юнкеров безбрачие, ходил за Канищевым, во время погрузки батареи на железнодорожной станции где-то около Севска и вместе с приятелями, Кондратовичем¹⁴⁹ и Полубинским¹⁵⁰, неостроумно дразнил влюбленного в молодую казачку Нину. Они без конца напевали низким басом — «С законным бра-а-ком». А Канищев — франтоватый бригадный адъютант — не знал, куда ему деться от назойливых певцов.

И вот теперь такой «противник брака» женится сам. Невеста его, первопоходница, корниловская сестра Ольга¹⁵¹, интересная брюнетка, уроженка Ростова, а посаженный отец — «сам» генерал Кутепов.

Свадьба была веселая и шумная. Молодые товарищи Мино по училищу и по батарее перепились. Маленький Михайлов играл на рояле и пел так громко, что было слышно по всей улице:

Мы артиллеристы, мы артиллеристы,
Мы вам волнуем кровь...
Дайте нам серьги, кольца, аметисты —
Мы вам дадим любовь...

2 июня 1920 года в 15 часов советская артиллерия по всему фронту обрушила залпы своих орудий на Перекопский вал и на город Армянский Базар. Однако большинство снарядов давали перелет через стоящие за валом батареи и рвались главным образом в степи перед городом или на его окраине. Приблизительно через час такой артиллерийской подготовки советская пехота пыталась атаковать вал, но была отброшена артиллерийским огнем и контратакой Корнилов-

ских и Марковских рот. Это наступление было проведено по приказу советского Верховного командования, очевидно не учитывавшего обстановки на Перекопе.

Теперь пришла очередь нашего наступления. И подготовка к нему ощущалась все явственнее: пришли тяжелые орудия, несколько броневых машин и танки, коих насчитывалось двенадцать. Затем батареи начали осторожную пристрелку по советским позициям за Перекопом, по окопам и батареям. Пора была отходить от Перекопа. В городе появилась холера, и наш константиновец, молодой инженер Баянов¹⁵², заболел и умер. Умер от брюшного тифа и юнкер Бабкин. Ряды первоходников продолжали редеть.

В конце мая, после отдыха и переформирования, из Симферополя в Армянский Базар пришли Дроздовские полки. От многочисленных рядов в ротах мы отвыкли уже давно и смотрели, как «дрозды» шли отдохнувшие, веселые. Во время переходов по Таврической степи они успели уже и загореть. Гордо несли дроздовцы свои знамена и первая рота Первого полка — свой традиционный Андреевский флаг.

При подходе к Армянскому Базару они еще более подравнялись и подтянулись. Их звонкие голоса далеко неслись по степи:

Из Румынии походом
Шел Дроздовский славный полк...

Пели и новую, уже сложенную в Крыму полковую песню:

Через вал Перекопский шагая,
Позабывши былые беды,
В день веселого, светлого мая
Полетели на север «Дрозды»...

На окраине Армянского Базара черные, закоптелые дроздовские танкисты разбирали и чистили свои танки. Около автоброневиков возились шоферы, артиллеристы и пулеметчики.

Наконец настал долгожданный день нашего наступления на 13-ю советскую армию за Перекопом — общая атака всех наших частей от вала на север в направлении Чаплинки и Каховки. Наши легкие батареи выехали и заняли позиции в разбитом городке в ночной темноте. Номера окопались в ожидании тяжелого боя. В темноте подтягивались к валу и пехотные батальоны. К северу от Армянского Базара расположились конные полки Второй Донской дивизии генерала Морозова. Временами слышалось осторожное стрекотание моторов: это танки и автоброневики подкрадывались к валу и к Сивашу. Генерал Врангель

прибыл в Армянский Базар к началу операции, к двум часам ночи, и вместе с генералом Кутеповым выехал на Перекопский вал.

На вражеской стороне все было тихо. Очевидно, противник не подозревал о готовящемся ударе. Около полуночи с одной из советских батарей раздался орудийный выстрел, но потом снова наступила тишина.

Ночь была теплая и совершенно темная — без луны, без звезд... Ровно в два часа ночи 7 июня на нашей стороне взлетела ракета и по этому сигналу не менее ста полевых и два десятка тяжелых орудий открыли беглый огонь по заранее пристрелянным целям: окопам, батареям и опорным пунктам. Кроме того, несколько мелкосидящих судов нашего Черноморского флота подошли к берегам Таврии со стороны Черного моря и начали громить фланг и тыл советского расположения. В грохоте наших орудий и разрывов снарядов еле слышалось стрекотание моторов, — это танки двинулись вперед — рвать колючую проволоку перед советскими окопами.

Артиллерия красных, застигнутая врасплох ураганным огнем белых батарей, после нескольких ответных выстрелов замолчала.

Не прошло и часа, как по всему фронту корниловцев, атаковавших правый фланг и отчасти центр 13-й советской армии, взвились зеленые ракеты, обозначающие: «Противник сбит, переносить огонь дальше». Скоро и марковцы сбили красных в центре. На левом же фланге красных и за Сивашем, где наступали дроздовцы, разгорелся серьезный бой: Латышская красная дивизия, занимавшая деревню, несколько отдаленную от фронта, и отчасти прикрытая илстым Сивашем, задержала наступление дроздовцев.

Утром, через проход в Татарском вале на Перекопе, донская конница ринулась преследовать противника по шоссе на Чаплинку. Сверкая в лучах восхода пиками, конные сотни галопом и рысью неслись мимо нас. Земля гудела и дрожала от мощного топота тысяч конских копыт. В промежутках, между сотнями, грохоча колесами и щитами, неслись конные и конно-горные батареи конного корпуса. Штандарты и сотенные значки развевались на скаку. Это была незабываемая картина...

Мы медленно шли по шоссе. Повсюду были следы беспорядочного бегства красных. Навстречу нам, без всякого конвоя, шло много пленных. На мотоцикле проскочил даже какой-то запыленный красный артиллерист, спешащий прямо к нашему штабу корпуса.

Мы дошли до хутора, где остановились передохнуть, но скоро были отозваны и спешно стали на позицию полуоборотом назад, к Сивашу. Оказалось, что красные удержались на своем левом фланге, благодаря

упорству Латышской дивизии, и перешли в контратаку на правый фланг нашего фронта у Сиваша, а конная бригада «Червонных казаков» двигалась в прорыв, образовавшийся между отступившими назад к валу дроздовцами и продвинувшимися уже на несколько километров к Чаплинке корниловцами и марковцами. Положение стало опасным. Нас прикрывала рота марковской пехоты, но она была слишком малочисленна, чтобы спасти батарею от быстро приближающейся конной бригады. Рассчитывать мы могли только на себя и показали класс. Полковник Шперлинг подавал совершенно новые, неизвестные дотолем команды, приноровленные к нашим английским пушкам с их удобным поворотным механизмом: «Восемь гранат с поворотом направо на один оборот — огонь!» Или: «До команды — стой! Огонь!» В то время как гаубичная батарея, стоявшая позади, едва успевала выплюнуть свои четыре бомбы, нам удавалось выпустить не менее 24 гранат — или мгновенного действия, или с замедлителем. Весь фронт атакующих «Червонных казаков» дымился от разрывов наших гранат... Тут в прорыве появился один из наших танков. Он направился навстречу коннице и скоро попал в переплет со стороны нескольких красных батарей, но не отступал, а ползал взад и вперед, стараясь заткнуть прорыв.

«Червонные казаки» не выдержали нашего огня. Недоскакав лишь километра до батареи и до Марковской роты прикрытия, они сбились, смешались и повернули назад. Наши гранаты, как из пулемета, вылетали им вслед из накаленных до предела оружейных стволов.

Контратаки Дроздовской дивизии от Перекопа и Сиваша были, в свою очередь, отбиты красными — недаром на этом участке была Латышская красная дивизия. К ночи дроздовцы снова отошли на холмы к северу от вала, а мы оставались на хуторе между Перекопом и Чаплинкой, где и заночевали, как бы повиснув в воздухе.

Ночь была тревожная. Почти всю ночь за окнами слышалось движение войск — стук колес и топот коней. На рассвете нас двинули на вчерашнюю позицию, и мы ожидали продолжения вчерашнего боя. Однако события повернулись иначе: проходившие через хутор ночью войска оказались 2-й конной Донской дивизией генерала Морозова, атаковавшей с тыла Латышскую дивизию и ту часть группы 13-й советской армии, что устояла против дроздовцев. Донцы изрубили часть бойцов Латышской дивизии и захватили много пленных; другая часть латышей смогла пробиться на северо-восток.

После разгрома советской группы донцами наша батарея свернулась и двинулась дальше на Чаплинку и оттуда на Каховку. По дороге нас застигла страшная жара. В открытой таврической степи не было

ни малейшей тени и негде было укрыться от сжигающих лучей. В пехоте несколько человек свалилось от солнечного удара. Около полудня появилась туча, она быстро приблизилась, и вскоре над нами разразилась редкая по силе гроза, с таким ливнем, что степь через несколько минут превратилась в озеро, глубиною в четверть метра. Люди и лошади приободрились и зашагали дальше к Днепру.

Впереди нас корниловцы опрокинули советскую конницу, и мы проходили место горячей схватки, на дороге лежало несколько трупов корниловцев с разрубленными черепами.

К вечеру мы вошли в Каховку и стали там на квартиры. Простояли мы несколько суток, отдыхали и купались в Днепре. Село Бериславль, на другом берегу, было занято красными, мы смотрели, как и они там купаются. Каждое движение на стороне противника и без бинокля было хорошо видно.

Красная артиллерия часто обстреливала Каховку, и как-то раз, когда мы с полковником Шперлингом прыгали с плавучей купальни, советская батарея стала обстреливать ее... Щепки и доски крыши полетели в разные стороны. Схватив штаны и сапоги, мы, голые, пустились бежать подальше от купальни. Только чудом никто из нас не был ни убит, ни ранен. Самому командиру нашему пришлось бежать голым по набережной города. Рассердившись поэтому серьезно, он оделся и быстрым шагом пошел в гору на батарею: он решил разогнать купающихся красных на том берегу Днепра. Несколькими шрапнелями Шперлинг в две минуты очистил противоположный берег. Красные воины так же, как и мы, удирали без штанов, но, наверное, не так благополучно, ибо шрапнельный огонь, нацеленный Шперлингом, не мог быть безобидным фейерверком.

В Каховке мы ожидали серьезных боев и даже начали рыть у орудий блиндаж, но скоро пришли части корпуса генерала Слащева и сменили нас.

Первая батарея дошла до приднепровского села Васильевка, к северу от Каховки. Там мы, офицеры бывшей Шестой Марковской батареи, были выделены из Первой и нам от управления дивизиона были обещаны пушки и быстрое формирование.

За это время боевые события шли без нашего участия. Дроздовцы, корниловцы и донцы окружили советский конный корпус Жлобы, проникший в наши тылы, и уничтожили его полностью. Бои в Таврии шли теперь по всем направлениям: от Каховки до Александровска и от Александровска до Токмака.

Генерал Слащев не удержал Каховку и не смог вернуть ее контратаками. Благодаря этому, большевики успели построить на нашем бе-

регу прочный «тет-де-пон» (предмостное укрепление), защищенный рядами колючей проволоки и огнем нескольких батарей с Берислава. Генерал Слащев получил за защиту Крыма титул — Слащев-Крымский, но от командования корпусом был отставлен. На его место был назначен наш «цветной» генерал-дроздовец Витковский. Но и он не смог вновь занять Каховку.

Обещания генерала Машина восстановить Шестую батарею не осуществлялись, и мы томились от скуки. Начались ссоры и различные недоразумения. Михно, Жилин и я записались в Кубанскую группу генерала Бабиева, подготовлявшего десант на Кубань. Михно и Жилин скоро уехали, а я заболел желтухой и должен был лежать в кровати.

Скоро пришло для нас еще предложение: формировать конно-артиллерийский взвод при конвое генерала Кутепова. Генерал Кутепов, назначенный уже командующим армией, говорил, что у генерала Туркула, начальника Дроздовской дивизии, при конном конвое есть артиллерийский взвод. Есть артиллерийский взвод и в Корниловской дивизии, при конвое генерала Скоблина, а у него самого, командующего Первой армией, при конвое есть лишь два пулемета. Мы с радостью согласились ехать к штабу армии в Мелитополь и приехали попрощаться с полковником Шперлингом.

Соломон, Березовский, Златковский и я вошли в хату Шперлинга. Александр Альфредович поднялся нам навстречу и всем нам пожелал счастья и удачи. Мы теперь уходили уже из Марковской бригады. Я никогда не забуду этого прощания с нашим воспитателем, командиром еще со времени тяжелого «Ледяного похода». В его прощальном взгляде я прочел печаль — печаль расставания навсегда...

На другой же день мы уехали в Мелитополь, вместе с назначенным командиром конной батареи, полковником Харьковцевым¹⁵³, в недавнем еще прошлом — командиром бронепоезда «Слава Офицеру». Харьковцев был известен своей храбростью и жестокостью в отношении пленных красноармейцев. Вместе с нами выехала и молодая жена Харьковцева, красивая рыжеватая блондинка с зелеными глазами, стройная и гибкая.

На ночь мы остановились в немецкой колонии. На рассвете пришло сообщение, что конный корпус товарища Думенко прорвал фронт корниловцев и держит направление на юг, прямо на нашу колонию, где, кроме какого-то обоза и нас, никого нет. Когда мы спешно стали собираться в дорогу, выяснилось, что у жены Харьковцева пропала кошка и сам полковник ищет ее по огородам. Все мы понимали, что можем пропасть из-за кошки! Но кошка нашлась, и мы смогли двинуться дальше в Мелитополь к штабу армии.

Приехали мы в Мелитополь 5 августа, а на другой день полковник Харьковцев получил приказание спешно вернуться в Васильевку и принять Первую генерала Маркова батарею: 6 августа 1920 года лучшего артиллериста Добровольческой армии, полковника Александра Альфредовича Шперлинга не стало.

Тяжелые бои шли в это время по всему фронту Северной Таврии, и особенно на берегах Днепра под Васильевкой. Красные ежедневно наступали, бросая все новые резервы и ведя сильный артиллерийский огонь, даже по отдельным всадникам. Близкие к Шперлингу люди — Иегулов, Кривошея¹⁵⁴ и Слонимский — потом рассказывали, что в эти дни полковник Шперлинг был неузнаваемо печален и нервен. Он даже как-то сказал об обреченности и безнадежности нашего положения. В роковой день Шперлинг руководил огнем батареи с холмика, бывшего его наблюдательным пунктом. Холмик был незаметен со стороны красных, и они по нему не стреляли. Когда наступающие красные цепи были рассеяны нашим артиллерийским огнем и бой приостановился, командир артиллерийского дивизиона, полковник Лепилин, с группой конных разведчиков подскочил с флажком дивизиона к холмику, где лежал полковник Шперлинг и сопровождавший его штабс-капитан Иегулов, и начал, картинно рисуясь в седле, задавать довольно ненужные вопросы о боевой обстановке. Шперлинг отвечал коротко и отрывисто — он мало уважал тех начальников, коим знал грошовую цену. В это время красные наблюдатели заметили группу конных с флажком и открыли шрапнельный огонь по холмику. Началась пристрелка. Шперлинг встал во весь рост и взял бинокль в руки. Лепилин побледнел, когда клевок шрапнели гулко шлепнулся у самого холмика, и резко рванул бока своего коня. Группа всадников поскакала в тыл, а Шперлинг и Иегулов остались. Шперлинг не ложился и продолжал наблюдение в бинокль. Иегулов вдруг почувствовал удар как бы кулаком по глазам, оглушительный звон и запах пороха. Низкий разрыв шрапнели покрыл холмик. Полковник Шперлинг был убит наповал — в него попало не менее двадцати шрапнельных пуль, разбит был даже бинокль в его руках и пульей смят значок Кубанского похода. Славная смерть для первопоходника, для марковца-артиллериста!

Весть о гибели нашего полковника повергла нас в тяжелое душевное состояние. Трудно описать скорбь бывших юнкеров-первопоходников. Молодые черкесы, конные разведчики Первой батареи, плакали, как дети. Поручик Кузьмин¹⁵⁵, особенно любивший своего командира, вскоре застрелился. Его близкие друзья Попов и Кривошея повезли его гроб в Мелитополь, а затем дальше в Симферополь, чтобы похоронить

его рядом с полковником Шперлингом, которого Боря Кузьмин, маленький «констауп», любил больше всех на свете.

Убитых хоронили, раненых увозили в лазареты, и они снова возвращались на фронт. Уцелевшие не знали отдыха... В те дни по всей Таврии гремели орудия, трещала пулеметная и оружейная стрельба. По всем городам, селам и хуторам росла тревога... Конные лавы — красные, Жлобы и Буденного, и наши, казачьи, — ходили друг на друга в атаки без решающего успеха.

Корпус генерала Кутепова оборонял важнейший участок, упираясь левым флангом в Днепр и Хортицы и правым флангом прикрывая Мелитополь и дороги в Крым. Донская конница генералов Гусельщикова и Калинина часто рвала красный фронт, доходила до западного района Донбасса. Ударом во фланг красной группе, оборонявшей Орехов и Александровск, она помогла группе генерала Кутепова занять эти города и выйти к берегам Днепра у Хортицы.

Но в то время как наши отборные части громили красный фронт, захватывая тысячи пленных, сотни пулеметов и десятки орудий, на фронте под Каховкой не все было благополучно: красные прочно удерживали предместное укрепление на нашем берегу Днепра и, стягивая там большие силы и части конницы, угрожали выйти на наши тылы к Перекопу, а в другом направлении перерезать через Аскания-Нову нашу единственную железную дорогу на Чонгар.

Наш Второй корпус, бывший генерала Слащева, теперь под командой генерала Витковского, усиленный танками и конной группой генерала Барбовича, так и не смог отбить назад Каховку. Красным удалось расширить Каховский плацдарм, с которого они уже два раза двинули сильные конные группы в тылы Марковской дивизии на северо-восток. Эти группы были, однако, успешно отброшены назад к Каховке конными частями генерала Гусельщикова, снятыми с крайнего правого фланга.

Большое значение придавалось задуманному нашим Главным командованием десанту из Керчи на Кубань, который должен был способствовать общему восстанию кубанских казаков. К сожалению, он не оправдал надежд. Кубанские части, усиленные добровольцами и военными училищами, под командой генералов Улагая и Бабиева, успешно высадились 14 августа и повели наступление на Ейск и на Екатеринодар. Красное командование, поняв угрожающую опасность всеобщего восстания на Кубани, успело сосредоточить крупные силы в районе десанта, где артиллерия была слабая, а конницы не было совсем.

Трудная операция отступления к месту высадки и, главное, погрузка на пароходы обратно в Керчь в конце августа были проведены бле-

стяже, благодаря действиям военных училищ. Об этих боях мы потом слушали рассказы Сеньки Жилина, участника десанта генерала Улагая. Жилин рассказал нам и о нашем бывшем командире Шестой батареи, капитане Михно, который все в той же грязной, когда-то белой папаче командовал теперь кубанской сотней, ходил в конные атаки и считался у кубанцев одним из бесстрашных командиров. Части генералов Улагая и Бабиева значительно усилили нашу конницу в Таврии.

Все это время мы сидели в Мелитополе, при штабе армии, ожидая обещанные пушки и конский состав для формирования конно-артиллерийского взвода при конвое генерала Кутепова. Пришлось познакомиться и с жизнью нашего тыла, далеко не всегда отвечавшей ожиданиям фронта. Например, когда генерал Кутепов посылал свой конвой, кстати довольно сильный (60 всадников, частью — офицеров, с двумя пулеметами типа «максим» на тачанках и усиленный еще нашим конно-артиллерийским взводом), командир конвоя, капитан Белевич, часто искал противника там, где его не было, но затем составлял победную реляцию. Мы томились, болтались по городу, дежурили вместе с офицерами конвоя на дому у командарма, по вечерам ходили в городской сад, где в темных аллеях скользили фигуры городских барышень и слышался их мелодичный смех. С музыкальной площадки плыли томные звуки мелодий из оперетты «Сильва»... Заунывные, пьяные, волнующие кровь: «Помнишь ли ты — как улыбалось нам счастье...»

*Э. Гуацинтов*¹⁵⁶

В КРЫМУ ПРИ ВРАНГЕЛЕ¹⁵⁷

Прибыв в Новороссийск, мы узнали, что генерал Деникин вместе со своим начальником штаба генералом Романовским покинул Добровольческую армию и вместо него вступил в командование генерал Врангель. Это изумительно храбрый воин, лихой кавалерист и очень дальновидный и умный администратор.

В Крыму остатки нашей дивизии остановились в городе Симферополе, где мы пробыли некоторое время. Мне удалось, несмотря на большие затруднения, вывезти своего вороного коня донской чистой крови — очень хороший конь был! Кажется, я был единственный конный — все остальные покинули своих лошадей на набережной Новороссийска... В Симферополе мы стояли очень недолго. Жалко было покидать Симферополь, так как мы расположились в хороших городских домах со всеми тогдашними удобствами.

Нашу дивизию выслали к Перекопу — в город или местечко, уж не помню, как его назвать, Армянский Базар. Перед Армянским Базаром верстах в двух, я думаю, находился Перекопский вал. Там заняли позицию марковцы, и батарея наша стояла позади марковцев, но особых боев за это время не произошло. Ходили слухи, что в мае месяце мы должны опять перейти в наступление и взять города и деревни Советской России, для того чтобы продолжить наступление на Москву. Это очень подбодрило наш дух.

В это же самое время Врангель производил чистку тыла и издал законы о землепользовании в пользу крестьян. Как будто все сулило нам удачливое наступление. Наконец-то наступил май месяц 1920 года. 20 мая было объявлено в приказе, что мы переходим в наступление. Меня послали в «ничью землю» между красными и белыми. Красные стояли верстах в трех к северу от Перекопа, а наши части находились по эту сторону — южнее Перекопского вала. Выехал я на разведку в эту «ничью землю» в сопровождении трех разведчиков, для того чтобы подыскать позиции для двух батарей нашего дивизиона. Немножко, правда, я замешкался в этом деле, так как не находил подходящего места, и, когда выбрал наконец позиции для двух батарей, повернул обратно и поехал навстречу нашему дивизиону. Но дивизион уже в это время перевалил через Перекопский вал и шел в эту самую «ничью землю». Тут я получил разнос от командира дивизиона за то, что поздно выехал навстречу. В конце концов наши две батареи заняли выбранную мною позицию, и рано утром начался с нашей стороны обстрел позиций красных. Стреляли очень удачно, как мы впоследствии установили, когда прорвали линию красных. Корниловская дивизия заняла какое-то важное село на левом фланге Марковской дивизии. Марковцы тоже заняли деревню Первоконстантиновку, и тут мы и обнаружили удачную стрельбу нашего дивизиона. Была разбита совершенно одна красная батарея. Лежали трупы лошадей и людей.

Мы не долго оставались в этой деревне и двинулись дальше по направлению к Днепру. Были легкие бои, о которых упоминать даже не стоит. В конце концов мы вышли на берег Днепра и стояли в селе Михайловка. Тут как раз я подал рапорт о том, что для сравнения со сверстниками прошу меня произвести в следующие чины. В августе месяце я был произведен сразу в капитаны и из капитанов в подполковники. А этому событию предшествовала одна моя командировка, когда на какой-то станции, где нужны были лошади, чтобы ехать дальше, какой-то совершенно молодой человек в чине подполковника получил превосходство, а я остался дожидаться лошадей. Это меня возмутило, так как я был старше его, а он получил предпочтение. Так что

я решил расстаться со своим чином штабс-капитана и был произведен в подполковники.

Как я уже говорил, мы застряли в селе Михайловка и стояли там довольно долго. Развлекались тем, что купались и ездили верхом в соседние полки. Помню, как я попал к кирасирам Его Величества и там провел очень хорошо время. Они занимали чудный дом какого-то немца, который был женат на француженке. Я с удовольствием болтал по-французски с его женой. Выпито, конечно, было изрядно, потому что этот немец имел собственное вино и охотно ставил нам его на стол.

Боевых действий нашему дивизиону не пришлось особенно вести. Был небольшой бой около Каховки, но он ограничился обменом снарядами — как с нашей, так и с другой стороны. А Михайловка стояла в нескольких верстах от Каховки. Не помню сейчас, на чьем берегу было само местечко Каховка. Помню очень хорошо, как пытались взять Каховку. Наш 1-й конный полк был брошен в атаку, и мы из Михайловки великолепно видели всю эту атаку, так как это было, наверное, верстах в трех. Она для нас окончилась неудачно. Но в конце концов меня назначили старшим офицером в 5-ю батарею, которая должна была сформироваться.

Собралось довольно много офицеров из 4-й батареи нашего дивизиона, и у нас не было ни лошадей, ни седел, ни орудий — вообще ничего! Мы насмешливо называли себя «Вооруженные силы Юга России», так как, кроме винтовок и карабинов, у нас ничего не было. И когда были какие-нибудь передвижения, то мы садились на телеги и ехали. В конце концов это нам ужасно надоело, и, когда представилась возможность, мы подали соответствующие рапорты и были переведены в Кубанскую запасную батарею для формирования дивизиона. Я был назначен старшим офицером в 8-ю конную батарею, но так это и осталось на бумаге: ни орудий, ни лошадей, ни казаков (потому что это была казачья батарея) не было. Мы опять вели довольно скучную и беспросветную жизнь. Правда, мы находились в полной безопасности, так как на боевую линию нас не выводили, ибо мы были там совершенно бесполезны.

Раздел 2

КОРНИЛОВЦЫ В КРЫМУ И СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ¹⁵⁸

Пароходы с остатками «Вооруженных сил Юга России» поплыли в Крым, где еще держался пятитысячный корпус добровольцев под командой генерала Слащева. Когда пароход с Корниловской дивизией причалил в Феодосии к пристани, корниловцам сразу бросилась в глаза стоявшая среди толпы грузная фигура генерала Май-Маевского в корниловской форме. Уволенный в отставку генерал доживал свои дни в Крыму.

— Здравствуйте, мои родные корниловцы, — донеслось до них.

Моментально был вызван оркестр, и в честь генерала раздался корниловский марш. Растроганный Май-Маевский заплакал.

В Феодосии Корниловскую дивизию было приказано выгрузить в Севастополе. Севастополь поразил корниловцев. Пристань, сад и главные улицы были полны дамами в весенних туалетах, прекрасно одетыми мужчинами и блестящими офицерами тыловых учреждений. Ужасная война здесь совсем не чувствовалась, веселая жизнь была ключом, и казалось, что никому нет никакого дела до разыгравшейся два дня тому назад Новороссийской катастрофы. Враждебное чувство подымалась против всех этих людей, а вместе с тем было стыдно показаться им в своей замызганной обтрепанной форме...

Корниловскую дивизию погрузили в эшелоны и отправили в Симферополь, где стоял штаб генерала Кутепова.

В городе корниловцы узнали всякие новости. Сообщали по секрету, что командиры всех полков через генерала Кутепова предъявили Деникину ультиматум — удалить с должности начальника штаба Ставки генерала Романовского — «злого гения армии». Передавали, что казацки атаманы еще до Новороссийской эвакуации хотели арестовать самого Деникина и заговор не удался только потому, что не могли сговориться на кандидатуру нового Главнокомандующего. Местные жители рассказывали, что все «крайние правые» во главе с

епископом Вениамином ведут усиленную агитацию за генерала Врангеля. Слухи ходили самые фантастические, но толком никто ничего не знал. Начальники молчали, все время собирались, совещались и куда-то ездили.

Наконец, по Корниловской дивизии 24 марта был объявлен приказ генерала Деникина о передаче им власти и командования генералу барону Врангелю. Смута в умах кончилась.

Спокойно отнеслись корниловцы к переименованию Врангелем «Вооруженных сил Юга России» в «Русскую Армию» и с грустью приняли новость, что «Добровольческий корпус» отныне 1-й армейский корпус. «Добровольчество» стало неприемлемым.

Никаких изменений в командном составе Корниловской дивизии не произошло, наоборот, новым Главнокомандующим было сразу оказано внимание корниловцам: 26 марта начальник Корниловской дивизии полковник Скоблин был произведен в генерал-майоры, а его начальник штаба капитан Капнин¹⁵⁹ — в полковники. В тот же день Врангель приехал в Симферополь, лично поздравил Скоблина с производством и принял парад Корниловской и Марковской дивизий.

В Симферополе генерал Кутепов со всей своей энергией приводил в порядок войска и обуздывал всех тех, кто во время бедствия потерял чувство долга и чести. Еще до ухода Деникина со своего поста Кутепов издал приказ от 19 марта, в котором писал, что виновные в малейшем насилии над личностью и собственностью граждан будут немедленно предаваться военно-полевому суду. «С просьбами о помиловании по таким делам обращаться ко мне запрещаю, несмотря ни на служебное положение, ни на прошлые боевые заслуги» — так заканчивался этот приказ. Очень скоро были приговорены к расстрелу два солдата за кражу поросят, а три офицера за конокрадство.

Получив пополнение людьми, лошадьми и материальной частью, Корниловская дивизия из Симферополя выступила в поход и 10 апреля прибыла в Армянский Базар.

В дивизии в это время состояли следующие части:

1. Управление дивизии.
2. 1-й Корниловский ударный полк.
3. 2-й Корниловский ударный полк.
4. 3-й Корниловский ударный полк.
5. Корниловская артиллерийская бригада из шести батарей.
6. Корниловский отдельный конный дивизион.
7. Корниловская отдельная инженерная рота.
8. Управление дивизионного интенданта.
9. Перевязочный отряд дивизии.

Кроме того, Корниловской дивизии были приданы:

1. 1-й отдельный тяжелый артиллерийский дивизион.
2. 1-й и 2-й отряд танков.
3. 4-й отряд броневедомительного дивизиона.

Во главе 1-го и 2-го полков оставались прежние командиры — полковник Гордиенко¹⁶⁰ и капитан Пашкевич¹⁶¹, произведенный в полковники; 3-м полком после убитого на Дону капитана Франца¹⁶² командовал полковник Щеглов¹⁶³ — кадровый офицер. Несмотря на свое худощавое трагическое лицо с глубоко сидящими глазами, он был веселый, жизнерадостный человек с открытой душой. При всякой тяжелой обстановке подходил к своим офицерам и солдатам и утешал:

— Ничего, ничего, все пройдет...

В бой Щеглов бросался очертя голову, разъезжая верхом вдоль своей цепи, всегда рассчитывая на победу, но часто терпел поражения. Был к тому же поэт и любил писать экспромты. Среди сохранившихся официальных полковых документов и рапортов есть один листок из полевой книжки со стихотворением Щеглова, написанный по такому случаю. У Щеглова был большой приятель полковник Пух¹⁶⁴ — старый корниловец-первопоходник, в котором жизнь тоже была ключом: веселые черные глаза и ослепительно белые зубы постоянно сверкали на его вечно смеющемся смуглом лице. В Таврии под Никоподем у села Знаменка Пух командовал сводным отрядом и срочно послал Щеглову просьбу о присылке ему на помощь всех конных, имевшихся в 3-м полку. Пух немедленно получил такой ответ:

«Полковнику Пух.

Пух! Просишь Ты конных — их нет у меня,
 Несчастных коней измотали
 В бою до того, что, поев ячменя,
 И ныне бодрее не стали.
 Счастливы Ты, что в Знаменке кротко сидел,
 Об отзыве грезы лелея,
 И не был вчерашним участником дел...
 Не рыпайся — будешь целее.
 А дальше, послушай, тебе я спою,
 Вчера что случилось с нами,
 Чуть-чуть было грешную душу мою
 Не вспомнили ныне блинами.
 Вчера из Рогачика еле утек,
 Вовсю отбиваясь пехотой.

Как вспомню про это, то сердце ек-ек,
 И аж отрыгнется тошнотой.
 Но полно смеяться: растаял мой полк,
 Рогачик вчера атакуя.
 Сижу в Ольгофельде и я, старый волк,
 Объятия Музы смакуя...
 Пишу Тебе рифмы, любезный мой Пух,
 Друг боя и винной бутылки.
 Читай и, стихами чаруя свой слух,
 Не жди, милый, конных присылки.
 А в общем — целую, будь крепок, здоров,
 Всегда Твой до гроба полковник Щеглов.

15-X — 20 г. 2 час. Кол. Ольгофельд».

Вслед за Корниловской дивизией в Армянский Базар была прислана 1-я морская отдельная бригада из трех батальонов, которые были влиты в 1-й и 2-й Корниловские полки. Лучшего пополнения не могло быть: офицеры и солдаты были старой выправки и прекрасно воевали. Во время одной атаки на проволочных заграждениях под Каховкой погиб командир одного из влившихся батальонов полковник Тарасевич.

В Армянском Базаре Корниловскую дивизию вторично навесил генерал Врангель. Перед фронтом он произнес речь, в которой сообщил, что англичане предложили Русской Армии свое посредничество для заключения мира с большевиками, а в случае отказа армии от этого посредничества англичане заявили, что оставят ее безо всякой поддержки.

— У нас остается, — закончил Врангель, — одна надежда — на свои собственные силы. Держитесь, орлы, держитесь.

19 апреля Корниловская дивизия стала на позицию, заняв Перекопский вал, пересекающий весь Крымский перешеек глубоким рвом с отвесной каменной стеной в сторону Крыма и противоположным покатым скатом. Во времена Крымского ханства ров наполнялся водой и служил неприступной преградой от набегов запорожцев. Этот ров теперь разделял два непримиримых русских стана.

* * *

15 марта. Транспорт «Корнилов» прибыл в Феодосию. Необходимо было произвести дезинфекцию и немного разгрузиться. Переход с транспорта на берег решено было использовать для фильтрации всех погрузившихся и для сопровождения болтающихся на пополнение

полков дивизии. Для этого недалеко от пристани был выбран громадный двор с высокими «крепостными» стенами, дорога к нему охранялась шпалерами офицерского батальона 2-го Корниловского ударного полка, и тогда было приступлено к разгрузке. Полки в этом дворе разместились по своим участкам, а всю остальную публику стали фильтровать. Большинство не ожидало такой меры, а предполагало спокойно выгрузиться где-нибудь в районе Константинополя, а тут — на тебе! Феодосия и предложение пожаловать в такую-то роту Корниловского ударного полка. Вся эта толпа сомнительных сразу ошетинилась и пыталась «на арапа» выскользнуть на свободу. Все стали засыпать контролеров страшными фразами, указывая на занимаемые ими высокие посты и на связи со Ставкой, но этот номер для многих не прошел, и им пришлось пока что пожаловать в какой-либо полк. Как только первый их натиск потерпел фиаско, сразу все это заюлило и стало определять высоту стен, окружавших двор. Картина, свидетелем которой я был, дала нам полную характеристику всем этим господам и их роли в армии. Пять штаб-офицеров и несколько обер-офицеров, вследствие неопределенности их положения в армии и за отсутствием у них надлежащих документов, были назначены в офицерский батальон 2-го Корниловского ударного полка. Часть из них явились командиру батальона, а часть занялись исследованием высоты стен. Через некоторое время вся эта теплая компания соединилась, оживленно и таинственно что-то обсуждая. Затем они принялись что-то быстро переключать в своих чемоданах, выбрасывая все ненужное, после чего, пользуясь отсутствием надлежащего надзора, стали пытаться взять барьер — стену и бежать. Группа наших офицеров наблюдала это и хохотала. Самым рьяным спортсменом оказался один старец, который минимум раз пять пытался преодолеть стену и каждый раз срывался. Наконец их остановили, и старче не выдержал и, махнув рукой, сказал: «Черт побери, а как бы на самом деле не пришлось служить?» В следующую ночь все они сбежали.

Итак, первое доброе начинание встретило отпор. Последующая борьба облегчилась, так как у подобного рода господ действительно оказались солидные связи и их понемногу выручили. На питательном пункте дивизия получила горячую пищу, и вечером приступили к погрузке на старый транспорт.

16 марта. Около 3 часов отчалили и направились в Севастополь. Наша артиллерийская бригада осталась в Феодосии. Все любовались Ливадией — резиденцией Государя Императора Николая II, Хараксом, Ай-Тодором, Дюльбером, Кореизом, Симеизом и т. д. Памятники искусства еще сохранились и блистали своей красотой. Я же имел слу-

чай вспомнить о своем пребывании здесь в охране Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны от Корниловского ударного полка. День был хороший, играл оркестр, и все как-то приободрились. В 18 часов транспорт «Корнилов» прибыл в Севастополь. При проходе мимо крейсера «Генерал Корнилов» его экипаж с оркестром был выстроен для встречи на палубе. Корниловцы-ударники и корниловцы-моряки приветствовали друг друга, и громкое «Ура!» далеко разносилось по заливу. Встречать нас на пристань приехал наш бывший командующий Добровольческой армией генерал Май-Маевский. Мне тяжело было видеть его после битвы за Орел, и поэтому я уклонился от участия во встрече. Позади за нами осталась трагедия неудавшейся борьбы в течение двух лет за Россию. Теперь все наши чувства и мысли были направлены к тому, как сложится дальнейшая борьба на этом последнем клочке родной земли.

17 марта 1920 г. (ст. ст.) Корниловская ударная дивизия выгрузилась и стала по квартирам в Севастополе. В Крыму у всех царило представление, что мы просто «драпанули» и что теперь мы не боеспособны, а потому чины армии генерала Слащева смотрели на нас свысока.

18 марта. Утром дивизия погрузилась в эшелоны для отправки в Симферополь.

19 марта. По прибытии корниловцы расходятся по отведенным им местам, 2-й полк получил казармы Крымского конного полка. Идет чистка казармы, и начались строевые занятия. Последовал ряд приказов о поднятии на должную высоту воинского звания и дисциплины. Занятия и ликвидация нескольких шаек из компании легкой наживы сделали свое дело, и армия стала крепнуть и готовиться к новой борьбе. Приказ Добровольческому корпусу № 93.

20—27 марта. Занятия и баня. Командиры полков во главе с начальником дивизии ездили на военное совещание, где обсуждался вопрос о решении генерала Деникина оставить занимаемый им пост. Старшие начальники упрашивали его не делать этого, но он категорически отклонил просьбу, подчеркнув этим бесполезность продолжения борьбы в создавшихся условиях. В тот же день генерал Деникин отбыл на крейсере в Константинополь, а генерал барон Врангель вступил в командование Вооруженными силами и возглавил управление Крымом.

28 марта. Парад по случаю приезда нового командующего армией генерала Врангеля, который на нем сказал: «Я с честью выведу вас из создавшегося положения». Это подбодрило многих, и положение стало казаться не столь уже безнадежным. Таким образом, и генерал Врангель

обещал только «с честью вывести из создавшегося положения», что фактически было аналогично с мнением генерала Деникина.

29—30 марта. Приготовления к празднику Святой Пасхи. Красные сделали попытку наступать, и поэтому был получен приказ о нашем выступлении. Остатки 3-го Корниловского ударного полка поехали эшелонам, 1-й и 2-й полки остались на месте для встречи Пасхи.

31 марта. Благодаря хозяйственной части встреча праздника была хорошо обставлена: в казарме были устроены общие столы, на которых красовались яйца, куличи, колбаса, ветчина, вино и даже жаркое. Приехал начальник дивизии, поздравил с праздником, и только после этого началась застольная трапеза. К 8 часам полки уже подходили к станции для погрузки в эшелоны, а к 19 часам были на месте назначения, на станции Курман-Кемельчи. Приятно было видеть и слышать, что население Крыма находило в нас не шайку разбойников, как это чувствовалось в Севастополе, а регулярные части Добровольческой армии. К 24 часам полки стали по квартирам в селах Курман-Кемельчи и Бузлак.

1—3 апреля. Отдых. Приказ о смене Крымского корпуса генерала Слащева на Перекопе.

4 апреля. Переход в село Павлово, в 42 верстах, совершен бодро. Великое дело для солдата — отдохнуть, подкормиться и сходить в баню. Помогла и чудная погода Крыма.

5 апреля. К вечеру дивизия прибыла в село Ново-Ивановка.

9 апреля. Утром выступление, и к 20 часам ночлег в хуторе Бесчинском.

10 апреля. К 12 часам дивизия сосредоточилась и расположилась в маленьком, грязном, полуразрушенном, не имеющем достаточно воды городишке Армянск. Это уже фронт, откуда местами был виден знаменитый Перекопский вал и слышалась артиллерийская перестрелка.

11—16 апреля. Строевые занятия. Приезд Главнокомандующего генерала Врангеля, который заявил, что все слухи о переговорах с большевиками — ложь и что борьба с ними будет продолжаться. Со стороны англичан было предложено посредничество для мирных переговоров с большевиками, и при отказе они грозили прекратить все поставки нам. Генерал Врангель с достоинством отверг эти предложения, и англичане порвали с нами. Начались работы по укреплению Перекопского вала. Полкам были указаны их участки, и на них они стали рыть окопы и делать пулеметные гнезда. Участок дивизии: от разрушенного городка в центре вала — Перекопа — и до Перекопского залива. Для обороны он был пригоден, но имел тот большой минус, что вообще все это огромное старое турецкое укрепление с его

валом и рвом, где воды теперь уже не было, может быть глубоко обойдено справа, по мелким сивашам (род залива), с выходом даже в тыл городу Армянску, почему теперь прежнее значение этого крепостного сооружения теряется. Предполагаю, что поэтому-то генерал Слащев Перекопского вала не укреплял, на нем не оборонялся и при наступлении красных впускал их на полуостров, определял их маневр и всегда потом отбрасывал их обратно. В бытность мою в охране Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны весной 1919 года красные углубились до Акманайских позиций и судьба Крыма висела на волоске, почему Ее Величество и Великий князь Николай Николаевич согласились на предложение англичан выехать за границу. От такой обороны генерал Кутепов отказался, и было решено отбивать атаки красных на валу и на сивашах. Флота у красных не было, и за море мы были спокойны.

19 апреля. Корниловская ударная дивизия занимает Перекопский вал от города Перекопа до Перекопского залива, 1-й полк — от города до Собачьей Балки исключительно, 2-й Корниловский ударный полк сменил 136-й пехотный Таганрогский полк и приступил к укреплению позиции. Проволочное ограждение было усилено не только перед рвом, но и в глубине его, по склонам; не забыли вынести ограждение и далеко по заливу, с загибом в наш тыл, — это на всякий случай. Погода стояла все время чудная, поднимающая настроение, но только с питанием стало слабо, почему пришлось сократить и наряды на работы.

28 апреля. Приказ генерала Врангеля о переименовании «Вооруженных сил Юга России» в «Русскую Армию» произвел большое впечатление. Положительным в этом было то, что было прекращено самостоятельное деление власти в военном аппарате, но для нас было печальным уничтожение Добровольчества, которое, собственно, и положило начало борьбе с большевиками.

30 апреля. До сего времени в Добровольческой армии награждения чинами и орденами за боевые отличия были весьма редким исключением. Теперь же генерал Врангель отдал приказ об учреждении ордена Святого Николая Чудотворца, для награждения им отличившихся в боях солдат и офицеров, и также Николаевских знамен, штандартов и труб для отличившихся частей армии. Орден Святого Николая — темно-бронзовый крест с надписью «Верю спасется Россия» на ленте национальных цветов. Знамена и штандарты — цвета полков, с ликом святого Николая, имеют на обратной стороне вензель части и увенчаны восьмиконечным крестом и национальными лентами. Надпись на полотнищах: «Верю спасется Россия».

Концерт на Перекопе

Больше месяца просидели корниловцы на Перекопском валу. Расстояние до противника было около тысячи шагов, ружейной и пулеметной стрельбы почти не было. Вели пристрелку только батареи. Тянулись скучные и нудные дни. Питались мелкой рыбешкой — камсой с какими-то приправами. От скверной воды начались желудочные заболевания, стали хворать и цингой. Заболел брюшным тифом генерал Скоблин, только что перед этим назначенный командующим войсками Перекопской группы. Скоблина увезли в Симферополь.

Корниловцы развлекались игрой в городки да изредка ездили в Армянск, где можно было узнать штабные новости и посидеть в турецких кофейнях за стаканом мутного чая. Хороша была только весенняя степь, усыпанная цветами. Трепещущими комочками в синих небесах пели жаворонки, нежно перекликались перепела, шныряли суслики.

Однажды во 2-м полку все с волнением прочитали приказ: «Сегодня, когда стемнеет, состоится во рву, на участке Офицерского батальона, концерт Н.В. Плевицкой. Чинам полка, свободным от нарядов и службы, прибыть в строю и занять отведенные места».

Закипела работа. Во рву около отвесной стены соорудили эстраду, разукрасили ее гирляндами из полевых цветов, в Армянске раздобыли пианино. Перед эстрадой доставили скамьи для начальства и гостей.

Наконец стемнело. Все роты потянулись на левый фланг полкового участка. На местах остались дежурные части да сторожевое охранение. Пришли гости — офицеры соседних полков, артиллеристы, моряки. Корниловцы расселись по скату. Вся эстрада и ров были залиты лунным светом. Глухо доносился прибой.

— Встать, смирно, господа офицеры! — раздалась команда.

Показался командир полка полковник Пашкевич, рядом с ним Плевицкая. Оркестр заиграл встречу.

Точно в привычном концертном зале спокойным голосом запела артистка. Песнь разносилась по рву и уснувшей степи. Родные напевы колыхали в душе потускневшие образы, вставал дорогой лик утерянной России... «Занесло тебя снегом, Россия...»

Аплодисментами, криками «бис» кончалась каждая песнь. После того как Плевицкая спела «Ухарь купец» и смолкнул шум одобрений, вдруг дружное плесканье повторилось как эхо во вражеском стане. Не выдержали сердца и у красноармейцев...

Но когда низкий грудной голос зарокотал по степи: «Шумел, гремел пожар московский, дым расстился по реке...», с грохотом и воем

пронеслись надо рвом вражеские снаряды и разорвались за валом. Начался обстрел.

Концерт оборвался... Пашкевич резким голосом прокричал:
— Все по своим местам!.. Пулеметчики, пулей!..

Схватил Плевицкую за руку и поспешно увел ее. Несмотря на пережитую опасность, Плевицкая вскоре еще раз дала свой концерт в Перекопском рву, но уже на участке 1-го Корниловского полка.

* * *

Вследствие болезни начальника дивизии и его помощника, в дивизии произошли перемены лиц командного состава: 7 мая командир 2-го Корниловского ударного полка полковник Пашкевич назначен временно командующим дивизией, а его помощник, подполковник Левитов, — временно командующим 2-м Корниловским ударным полком.

9 мая. На участок 2-го Корниловского ударного полка прибыл генерал Врангель, который в своей речи подчеркнул, что Русская Армия скоро пойдет вперед.

15 мая начинается подготовка к прорыву укреплений красных. Правый участок Корниловской ударной дивизии, от города Перекопа включительно до Собачьей Балки, отводится 1-му полку, а далее влево, до залива, — 2-му полку, 3-й полк — в резерве, за 1-м полком. Почти ежедневно противника тревожили и производилась разведка подступов к его позиции. В этой разведке принимали участие все — от обычного наряда до командиров батальонов, танкистов и командиров полков включительно. Артиллерия изучала свои участки и вела пристрелку. На участке полка были проведены две дороги через вал и ров — для пехоты и кавалерии. Обычные проходы расширены, и в проволочных заграждениях сделаны необходимые удобства. Готовили запасных пулеметчиков, формировались специальные команды для разрушения проволочных заграждений, штудировалась сигнализация ракетами с артиллерией и полотнищами с авиацией, пополнялись склады боеприпасов, и расширялись перевязочные пункты. Несмотря на то что питание было весьма слабое, все делалось с полным сознанием значения для нас первого после долгого перерыва боя с нашими старыми знакомыми — латышами.

Боевой состав 2-го Корниловского ударного полка на 24 мая 1920 года: батальонов — один офицерский и три солдатских, ударников в командах — 380, пулеметов тяжелых — 22, легких — 32, пулеметная команда офицерского батальона — 21 пулемет, шашек — 9.

24 мая 1920 года получен боевой приказ Корниловской ударной дивизии за № 10. 2-му Корниловскому ударному полку с тремя орудиями 6-й Корниловской батареи, тремя тяжелыми танками и Корниловским конным дивизионом была поставлена задача: 25 мая в 2 часа 25 минут занять исходное положение по гребню высоты, что северо-восточнее хутора Кошары, и по проходе танков через исходное положение полка, в 3 часа 30 минут, начать стремительную атаку позиций противника, нанося главный удар между хутором Преображенка и приморским садом. По овладении позицией противника закрепить таковую. По имеющимся сведениям, на фронте полка находятся части 42-й стрелковой и 13-й кавалерийской латышской дивизий. Здесь я позволю себе вспомнить характерный для боевой обстановки случай, происшедший со мной 24 мая и в день выхода полка за ров 25-го. Штаб 2-го Корниловского ударного полка располагался в хуторе Кула, в двух верстах за валом. Отдав последнее распоряжение, я с моим ординарцем Лебедеико, бывшим адъютантом Махно, карьером полетел к валу через огороды. Какую-то канаву мой конь не взял и полетел. Лебедеико через меня тоже, но я устоял на ногах, а он упал вместе с конем. Стоявшая на огороде старуха говорит: «Эх, барин! Плохая примета». Знал и я, что плохая, но скоро позабыл про это. Не забыла про это только судьба: через три дня, по дороге на Каховку, на кургане Черная Могила первым же снарядом был убит Лебедеико с конем и мой вороной, а я устоял и только был легко контужен.

В 23 часа 24 мая полк приступил к занятию исходного положения. 1-й батальон, пулеметные команды, артиллерия, танки и боевой обоз были собраны на правом фланге участка полка для перехода через ров по дороге, сделанной специально для пропуска всех родов войск. Мне запомнился момент, когда переправлявшиеся через ров и вал с особым удовольствием смотрели на нашу главную опору в атаке — на танки, около которых хлопотали русские офицеры, собираясь в последний для них путь и заботливо проверяя исправность своих стальных гробов. Батальоны — офицерский, 2-й и 3-й — переправлялись на участке 2-го по пешеходной тропе. Конный дивизион — по тропе у залива.

25 мая около 2 часов 30 минут полк занял исходное положение. В первую линию прорыва укреплений противника была назначены 2-й и 3-й батальоны с тремя танками и одним сопровождающим орудием от 6-й батареи. Ночь была темная и теплая, ветер дул с севера. Луна взошла в 3 часа. На фронте противника тишина. Красные, по-видимому, не подозревали близости момента атаки. В 3 часа 30 минут танки прошли расположение полка, двигаясь развернутым фронтом на интер-

валах около 200 шагов. Вследствие северного ветра шум танков противнику не был слышен. У всех чинов полка вера в успех атаки была полная. Вдруг со стороны противника стали доноситься одиночные выстрелы секретов, потом раздался частый ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь. Наша артиллерия с вала открыла, в свою очередь, заградительный огонь по Преображенке и по приморскому саду и батареям противника. Вера в успех атаки стремительно влекла в бой весь полк, и первые цепи почти обгоняли танки. Пулеметный огонь противника был настолько силен, что и мне, и находившимся со мной конным пришлось кубарем спешиться. Я приказал резервным батальонам залечь. Здесь нас выручила маленькая неточность движения: путь следования полка был по склону морского берега, пересекаемого под косым углом от противника к нам пологим оврагом, а потому, как это бывает при ночных движениях, полк уклонился к морю, воспользовавшись незаметно для себя складкой местности, что спасло нам многие десятки жизней. В 4 часа 30 минут 2-й батальон выпустил ракету — условный знак прорыва позиции и перенесения артиллерийского огня. В прорыв, для развития успеха, был направлен весь полк. В это время 1-й полк только подходил к противнику у хутора Преображенка. Посланный с донесением о прорыве первой укрепленной линии полевой адъютант полка поручик Горонескул¹⁶⁵ возвращался вместе с временно командующим дивизией полковником Пашкевичем, который был в восторге от того, что его полк первым нанес поражение противнику и движением 2-го батальона с одним танком помогает своему старшему брату штурмовать хутор Преображенка. Для этого 2-й батальон с танком меняют свое первоначальное северо-западное направление на северо-восточное. Танк принял участие с 1-м полком в занятии хутора, а 2-й батальон, видя, что противник всюду бежит, взял свое первоначальное направление на вторую укрепленную линию. Танк же продолжал свое движение на участке 1-го полка и при наступившем рассвете стал жертвой снарядов тяжелой красной батареи. Началось наступление Корниловской ударной дивизии на вторую укрепленную линию противника. Общее направление 2-го полка было прямо на запад. Расположение батальонов: 2-й — на правом фланге, 3-й — в центре и 1-й с двумя танками на левом фланге, 6-я Корниловская батарея на линии батальонов, конный дивизион за левым флангом 1-го батальона, по дороге на село Адамань, офицерский — в резерве полка. В 5 часов 30 минут на участок полка прибыли 3-я гвардейская батарея и 8-я гаубичная. В 6 часов на участке 2-го батальона взвилась красная ракета: противник переходит в атаку. Красная артиллерия развивает бешеный огонь по своей первой линии, нами уже пройденной. Наша артиллерия не остается в долгу: усиленная батарея-

ми, прибывшими с Перекопского вала, она месит атакующих красных и не забывает отвечать артиллерии противника. Пулеметные команды, исключая находившуюся с офицерским батальоном, силою огня своих 54 пулеметов косят латышей. Батальоны 2-го полка идут, не задерживаясь, навстречу врагу. Дерзость перехода красных в контратаку со второй линии отвечала идее фланкирующего расположения таковой, построенной с целью отрезать от Перекопского вала части, выходящие в Северную Таврию. Очень часто красные не учитывали при наступлении на нас качества и силы нашего огня. Подобного рода просчет получился у них и в данном случае: сорвать наш выход из Крыма фланговым ударом по частям, фактически еще не развернувшимся, им не удалось. Помимо сокрушительного огня с нашей стороны и эффектного, быстрого движения навстречу врагу трех батальонов, с офицерским в резерве, левофланговый наш батальон с двумя танками, несмотря на то что перед ним окопы красных оказались прикрытыми болотом и латышской батареей, берет их вместе с орудиями. Бегущие в это время от 2-го и 3-го батальонов красные при виде прорыва их укреплений на их правом фланге отступают, не задерживаясь, на Колончак. Досадно, что здесь у нас не было кавалерии в резерве, а наш конный дивизион устремился на Адамань. Хотя на участке 1-го батальона оба танка не ворвались в укрепленную линию, только подошли близко, все же половина успеха принадлежит им. Здесь противник, как сказано выше, имел перед своими укреплениями болото и латышскую батарею. Наступивший рассвет ясно обнаружил малочисленность нашей пехоты в сравнении с ними, но танки и пулеметы их подавили, и на этом участке они даже не переходили в контратаку. Особенно самоотверженно оборонялась стоявшая прямо за окопами латышская батарея под командой молодого латыша. Вся ее прислуга была перебита ружейным и пулеметным огнем, а сам командир тяжело ранен. Когда же наша сестра милосердия хотела перевязать его, он с отборной руганью отказался и спустя немного подох. Дорого мы заплатили за эту батарею: она разбила один танк, который сгорел вместе с экипажем, и от нее же пал смертью храбрых офицер-первопоходник, командир орудия 6-й батареи, сопровождавшей цепи. Действуя с большой отвагой, танки при обоих прорывах сыграли решающую роль, но по своим техническим свойствам и вооружению они бессильны бороться днем с артиллерией. С наступлением рассвета и общим порывом вперед они невольно вышли из подчинения своему прямому начальнику, командиру 2-го Корниловского ударного полка: один не вернулся со 2-м батальоном на свой участок после демонстрации на хутор Преображенка, пошел по участку 1-го полка и там погиб от снарядов тяжелой батареи красных. Шедшие же в центре участка полка с 3-м батальо-

оном хотя и сыграли свою роль, но, очутившись перед болотом, дали латышской батарее возможность учесть их слабость и дерзким огнем с близкой дистанции разбить один из них вместе с его героическим экипажем.

В 7 часов к хутору Преображенка подошел Сводно-кавалерийский полк генерала Барбовича и повел преследование уже разбитого противника через участок 2-го полка. Ввиду того что бой закончился еще до полного рассвета, авиация участия в нем не принимала. Наш конный дивизион занял село Адамань.

Таким образом, прорыв с Перекопского вала был сделан 1-м и 2-м полками Корниловской ударной дивизии, а 3-й полк дивизии оставался все время боя в резерве за 1-м полком, по дороге на Перекоп, на линии самого вала. Он составлял резерв нашей дивизии, обеспечивая наш правый фланг, где наступление марковцев и дроздовцев через Сиваши встретило сильное сопротивление противника. Временно командующий дивизией полковник Пашкевич ликовал: дивизия с небольшими потерями, первой из всех атакующих частей прорвала укрепления, а его полк имел счастье быть из первых первым за окопами противника. Потери 2-го полка были: убиты и ранены 5 офицеров и 7 ударников, сгорели 2 танка с их экипажами, и большие потери были в артиллерии. Небольшие потери полка я приписываю исключительно условиям ночного боя, дружному налету на противника и силе нашего огня. Из лиц командного состава был ранен командир морского батальона полковник Тарасевич. Трофеи полка: 5 легких орудий (английских), 10 пулеметов и 150 пленных.

Прорыв в Таврию

Непосредственное общение полководца со своими войсками поднимает боеспособность и дух армии. Армии надо чувствовать и осязать своего вождя. Преклонения перед неизвестным полководцем у солдата быть не может. Генерал Врангель это ясно сознавал, и он в скором времени опять приехал к корниловцам. Обходя позиции, Главнокомандующий обронил, что скоро пойдем вперед. Эта весть сразу облетала войска, и у всех стало на душе веселее. Хотя и чувствовалась своя обреченность, но невольно снова загоралась надежда на освобождение России. Многие думали и так: «Погибать, так с треском».

24 мая весь день к Перекопскому валу подходили резервы, подвозили пушки, танки. В ротах раздали ручные гранаты, патроны. Привели в порядок пулеметные двуколки, осмотрели свое оружие.

Вечером полковые священники служили молебны о даровании победы. Со строгими сосредоточенными лицами молились корниловцы. Через несколько часов бой... Снова быть на грани жизни и смерти. О себе не думалось, лишь бы победа... Верующие и неверующие становились на колени.

В каждом полку был объявлен боевой порядок: каким батальонам наступать в первой линии, каким во второй. Батальонам первой линии были выданы ракеты для сигнализации своим батареям. Зеленые ракеты было приказано выпустить из неприятельских окопов, красные на тот случай, если батальоны залягут перед проволочными заграждениями.

В два часа ночи Корниловские полки вышли за Перекопский вал и стали занимать исходное положение. В цепях 2-го Корниловского полка шли запряжки с легкими орудиями и тихо ползли танки. Перед рассветом, когда стуслилась тьма, орудия стали на позицию, танки ускорили ход, корниловцы двинулись за ними. Во всю мочь затрещали моторы, и танки врезались в проволоку. Как огромные утюги, они зашныряли вдоль и поперек неприятельских заграждений... Загрохотали пушки, ружья, пулеметы. Огненные языки лизали степь, пороховой дым крутился белыми клубами. Сзади корниловцев тяжело ухали морские орудия.

На Перекопском валу стояли наблюдатели. Весь перешеек сверкал огненными вспышками. Вдруг взвились яркие струи, и на черном небе задрожали зеленые звезды. Во вражеские окопы ворвался капитан Померанцев со своим 2-м батальоном 2-го Корниловского полка.

Без передышки, уже на рассвете корниловцы бросились брать вторую линию окопов. Латышская батарея, скрытая в хуторе Спиндияровка, была с правого фланга продольным огнем. Корниловцы побежали к батарее. Латыши открыли огонь на картечь, но было уже поздно: их окружили, и началась расправа с ненавистными артиллеристами. Всех до одного перекололи. Три латышских полка пытались оказать сопротивление за второй линией окопов около экономии Преображенка, расположенной уже за Крымским перешейком, но 1-й Корниловский полк разбил их наголову, захватив легкие и тяжелые орудия.

* * *

Прорыв укрепленных позиций красных на Крымском перешейке интересен для нас с двух точек зрения, тактической и моральной. Тактически — ход боя на прорыв укреплений соответствовал характеру

ударных частей и был проведен, как мы видели, с максимальной точностью, дерзновением всех родов войск и сознанием исполняемого нами воинского долга перед национальной Россией. Моральная сторона боя будет относиться исключительно к корниловцам, дабы избежать упрека при обобщении говорить за других. Суть освещения этой стороны боя в общих чертах сводится к следующему: в Крым мы прибыли после тяжелого поражения, равного, пожалуй, дням гибели под Екатеринодаром нашего вождя и шефа полка генерала А.Г. Корнилова. Главным в этом, тогда и теперь, было тягостное для нас сознание, что народы Российской Империи, в массе своей, быть может, из животного страха пошли в ряды нашего врага, чуждого им и нам интернационала. Тогда, до 1-го Кубанского похода, до 17 тысяч офицеров, находившихся в Ростове и Нахичевани, уклонились от похода с нами, а положение на Дону определил своим выстрелом большой русский патриот генерал Каледин, один из немногих верно оценивший безнадежность самостийных построений вне решения общего Российского вопроса. Теперь, то есть после 1-го Кубанского похода, когда стало ясным его значение и когда цель его — «зажечь светоч» — была осуществлена и вся Россия узнала о целях обеих борющихся сторон, то, несмотря на это, по выходе Добровольческой армии на Московскую дорогу мы встретили интернациональную Красную армию, по выражению советских источников созданную Лениным (это, конечно, жест партийной вежливости) и военспецами Императорской армии, ставшими «верными сынами своей советской родины». Что это именно так, это мы особенно хорошо узнали в битве под Орлом, когда карьеристы и шкурники из числа «бывших» использовали все ресурсы страны, спокойно переданные Керенским Ленину, и создали совместно с чекистами подавившую нас своей численностью Красную армию. Под давлением этой массы, отбиваясь с мужеством, достойным Императорской армии, мы принуждены были пережить Новороссийскую катастрофу, сконцентрировавшую в своей точке все неудачи Вооруженных сил Юга России. Они критикуются под тяжестью пережитого поражения или нежелания признать его. Критика жестокая, доходящая в своих суждениях до возможности чуть ли не повернуть наше поражение в победу на полях и водах Новороссийска!

Жестокий лик войны для нас, корниловцев, всюду был одинаков, всюду лилась русская кровь, но под Новороссийском он был особенно тяжел, подводя итог пройденному нами пути. Операция эвакуации из Новороссийска переживалась нами как желание использовать в борьбе все возможности, и этой последней возможностью был Крым.

Первые дни в Крыму были для нас полны тревог: произошла смена Верховного командования с переименованием «Вооруженных сил Юга России» в «Русскую Армию», с критикой, изображавшей нас чуть ли не бандой. Отказ генерала Деникина, как бы к нему ни относиться, имел в своем основании признание невозможности продолжать борьбу в такой форме, и первое обращение к нам Главнокомандующего, генерала Врангеля, обещало нам только с честью вывести нас из создавшегося положения, другими словами — был выражен тот же взгляд. Отвергнутое им с презрением предложение англичан о посредничестве для переговоров с врагом было встречено в армии с восторгом, так как отвечало настроению всех: драться на родной земле до последней возможности. Сознание, что в Крыму мы должны иметь дело со старым, во много раз сильнеешим врагом, нас не смущало, но вот оценка выполнения нами в последних боях своего воинского долга сильно коробила нас. Собственно, что же произошло? Плохо были одеты и истощены, но все это было и под Орлом, где плюс к этому многие были и без шинелей. А ведь дрались временами с врагом, превышавшим наши силы чуть ли не в двадцать раз. Одно только в позорящей нас клевете было правдой: что много мы бросили материальной части при эвакуации в силу создавшихся условий, а конский состав был полностью оставлен. Но сила духа Корниловских полков была на высоте, и дезертирства не было. Все это переживалось и взвешивалось в душе каждого корниловца, отливаясь в старое наше настроение — «умереть или победить».

И 25 мая 1920 года это настроение должно было вылиться в действие. Я мало знал, чтобы кто-либо твердо верил в наш полный конечный успех борьбы при таком соотношении сил обеих сторон, но желание нанести возможно больше вреда власти извергов интернационала было общим. Не забывали мы в этих переживаниях и наших жестоких критиков. Победой в первом бою нам хотелось сказать им: жив дух ударников генерала Корнилова, да здравствует Россия!

Первый бой в Крыму эти надежды оправдал и укрепил нас в старой преданности заветам горячо нами чтимого вождя и шефа полка генерала Лавра Георгиевича Корнилова, определившего требования нашей службы в борьбе за честь России в своем знаменитом прощальном приказе: «...Будьте и впредь такими, как вы теперь. Все ваши мысли, чувства и силы отдайте Родине, многострадальной России. Живите, дышите только мечтой о Ее величии, счастье и славе. Бог в помощь вам! 1 сентября ст. ст. 1917 г. Генерал Корнилов».

Успех боя 25 мая 1920 года был ценен для нас не сам по себе даже, но особенно своими последствиями: он влил в нас ту силу, с которой

мы достойно вели борьбу с поработителями национальной России и которую генерал Врангель оценил врученными нам наградами: дивизии — Георгиевского знамени и полкам — Николаевских знамен.

Заканчивая описание боя Корниловской ударной дивизии, я с чувством гордости свидетельствую, что заветы нашего вождя и шефа полка и здесь мы выполнили достойно. Бывший командир 2-го Корниловского ударного полка полковник Левитов.

* * *

За отсутствием у меня журнала боевых действий 1-го Корниловского ударного полка, я помещаю воспоминания одного из его офицеров — поручика Михаила Юрьевича Бердника, приславшего мне их к юбилею этого боя.

Захват неприятельской батареи. Ночь на 25 мая 1920 года была необычна для Крымской армии генерала Врангеля. Ни один человек на фронте в эту ночь не заснул, и с наступлением темноты все боевые единицы всех родов войск пришли в движение. Это движение было заранее predetermined и разработано в деталях, начиная от штаба Главнокомандующего и всех крупных боевых соединений до полковых штабов включительно. Наш 3-й батальон 1-го Корниловского ударного полка, стоявший в резерве, с заходом солнца присоединился к полку и в 11 часов ночи был на Перекопском валу в ожидании дальнейшего движения. В полночь полк в полном составе, соблюдая абсолютную тишину, двинулся в темное пространство на территорию, занятую красными частями. Из своего крымского убежища мы выходили на широкий простор Таврии. Первые заставы красных находились около села Преображенка, их линии не имели вида непрерывных укреплений позиции, какие имела на Перекопском валу армия генерала Врангеля. Открытое и безлесное пространство не защищало пехоту красных от нашего артиллерийского огня, но все их главные силы находились вне досягаемости наших батарей, примерно на расстоянии 4 верст от линии наших позиций. Ночным маршем, сохраняя непрерывную связь с соседями, мы медленно продвигались по целине к противнику, и часа через два весь полк залег в ожидании рассвета, чтобы в скрывающем нас тумане атаковать красных, сломить их сопротивление и преследовать их отступающие части до окончания распыления первой оборонительной линии. Лежа в темноте, мы потеряли представление о времени, но было, вероятно, близко к рассвету. Позади нас слышался гроыхающий лязг наших наступавших танков, идущих с прикрытыми огнями по заросшей проселочной дороге. На

всем фронте широкого наступления царил гробовая тишина, и вдруг совсем невдалеке начались частые вспышки артиллерийских огней, и в ночную темноту стали ложиться снаряды по заранее пристрелянным расчетным площадям воображаемых опасных участков, может быть, занятых невидимым противником. Батарея красных нервно переносила огонь с одного квадрата на другой, кладя снаряды близко к участку скрытого темнотой нашего полка, но никого, к счастью, не задевало. Шум наступающих танков приближался ближе и ближе, и батарея противника перенесла огонь на расчетную дистанцию танков и на время оставила нас в покое. Темный покров ночи стал сменяться бледно-серым молочным туманом, и начали вырисовываться неясные очертания ближайших предметов. Полк был поднят на ноги, и мы двинулись вперед, идя почти рядом с движущимися танками. Батарея красных непрерывно, но беспорядочно и нервно вела огонь по разным направлениям. Быстро приближался рассвет. Танки были уже обнаружены, и батарея встретила чудовища неистовым огнем. В глубоком молчании шло наступление, не было слышно ни пулеметного, ни винтовочного огня, и только артиллерийская дуэль батареи с нашими танками разрывала тишину исчезающей ночи. Среди одинаковых разрывов мы отметили сильный взрыв, происшедший где-то впереди от нас, к линии наступающих танков, и вскоре по цепи получили подтверждение, что один наш танк был подорван и быстро загорелся, оставленный командой. Теперь мы ускорили наше движение, стремясь подойти к линии противника как можно скорей, обнаружить его силы и войти с ним в боевое соприкосновение. На нашем пути был встречен стоявший в стороне объятый пламенем наш танк, внутри которого непрерывно рвались патроны пулеметных лент и резерва. Яростный огонь красной батареи неожиданно прервался и затих. Мы не знали, что в этот момент среди молочного тумана красные артиллеристы увидели неожиданно выросшие как из-под земли фигуры корниловцев, в упор расстреливавших прислугу орудий. В один момент батарея смолкла, ее команда быстро, в смертельном страхе кинулась к лошадям, бросив все орудия и зарядные ящики в руки ворвавшихся храбрецов.

Это был первый грозный шквал сокрушительной атаки лучших передовых частей 1-го ударного полка, укомплектованных старыми боевыми офицерами и ударниками, прошедшими суровую школу войны от Ледяного похода до Курска и Орла. Все было брошено противником на месте, винтовки и патроны в беспорядке валялись на мокрой земле вместе с шинелями и покрывалами, забытыми в панике. Во всех направлениях были растянуты катушки артиллерийских проводов, от

толстых кабелей до тончайших, в иностранных миниатюрных, изящных катушках. Как нити паутины, они тянулись по полю на целые километры на различные наблюдательные пункты, в штабы и квартиры командиров и комиссаров. Видно было богатство и разнообразие артиллерийского снабжения по сравнению с убожеством и нехватками нашей телефонной связи, не позволяющей нашей артиллерии как следует наладить связь наблюдательных пунктов. Так наши союзные предатели из Лондона и Парижа снабжали наших врагов «последним словом артиллерийской техники», в чем можно было убедиться по имевшимся металлическим ярлычкам и надписям на английском и французском языках. Наблюдение всего этого было мимолетным... Еще минута, и батарея снова открыла огонь, еще более быстрый и нервный, чем был слышен до сих пор. Идущая сзади пехота узнала потом, почему снаряды не рвались на нашей стороне, а где-то глухо утопали в ближайшем тылу красного расположения и как будто все время углублялись в позиции красных. Впереди прозвучало мощное «Ура», и по цепи передали, что передовыми дозорами вместе с нашими артиллеристами захвачена в плен неприятельская батарея из шести орудий в полной исправности. Орудия были быстро повернуты на 180 градусов, и сам доблестный командир Корниловской батареи, георгиевский кавалер полковник Бялковский Николай Петрович¹⁶⁶, преследовал огнем отступающие красные полчища, не жалея вражеских снарядов, посылая их в спину «драпающего» врага. Уже совсем светало. Весеннее солнце показалось на горизонте, холодная утренняя роса искрилась на светлой траве, отражая косые лучи солнца. Впереди шла трескотня пулеметов и беспорядочный ружейный огонь, неся смерть и сокрушение отступающим красным частям, в большинстве случаев состоявшим из оплота Красной армии — латышей.

Наш 3-й батальон 1-го Корниловского полка шел медленно и уверенно в направлении молчавшей батареи. Первые ряды пулеметной команды наткнулись на искусственные заграждения из мешков с землей и декоративные прикрития из зеленых ветвей, стоящие около орудий и зарядных ящиков. Чины команды осматривали детали убежищ и глубоко врезанных в землю землянок, ища подходящего оружия для своего резерва. В земляных углублениях стояли тяжелые артиллерийские ящики со снарядами и много нераспечатанных патронных ящиков в белой деревянной обшивке. Пробуя поднимать ящики, я сразу обнаружил разницу в весе одинаково сделанных и немедленно вскрыл более легкие. Какова же была наша радость, когда, срывая крышки, мы обнаружили сложенные рядами куски прекрасного белого сала, пересыпанного солью. Вероятно, никто из нас бо-

лее года не только не пробовал, но даже и не видел маленького куса сала, питаюсь каждый день, в обед и вечером, керченской «камсой». От такого счастья была на время забыта боевая обстановка, и, разбивая ящики с салом, мы набивали им наши походные сумки и снабжали им всех подходивших. Сало успевало исчезать не только в сумках, но и во рту уже достаточно проголодавшихся в походе бойцов. Наша остановка продолжалась недолго. О неожиданном кормовом подкреплении было немедленно сообщено хозяйственной части батальона, и мы быстрым шагом покатались вперед, за волнами рассыпного строя идущих впереди нас батальонов. Нашей целью было как можно скорей оттеснить и рассеять сброшенные с первой оборонительной линии силы красных, уничтожить их боеспособность и помочь своим фланговым движением соседней, Марковской дивизии, героически дерущейся с сильной пехотой и артиллерией красных на хорошо устроенных позициях. Гул артиллерийской канонады доносился до глубокой ночи. Сомкнув батальоны, пехота пропустила кавалерийские и казачьи части, посланные вдогонку отступающему врагу, и снова замаршировала по степным просторам Северной Таврии, захватывая и увеличивая плацдарм будущих боев с красными — Троцким, Буденным, Жлобой, Дыбенко и другими, захлебнувшимися в крови «углубления революции». Нашим Белым Вождям не было суждено выполнить задачу освобождения родной земли от интернациональной нечисти. Несмотря на героизм и доблесть лучших сынов России, армия генерала Врангеля через семь месяцев неравной борьбы с хорошо вооруженными полчищами латышей, китайцев, военнопленных немцев и мадьяр снова перешла в Крым через Перекоп, чтобы отплыть затем к чужим берегам и не оставить своих защитников на мучения и позорную смерть.

* * *

26 мая (ст. ст.) 2-й Корниловский ударный полк получил приказание продвинуться в хутор Спендиаровка, куда полк прибыл в 13 часов и сменил на позиции 3-й Марковский полк. Офицерский батальон расположился западнее полка. Со стороны противника, на высоте, что южнее села Чаплинка, были видны наблюдательные посты красных, 1-й полк расположился по дороге на Чаплинку, куда подходят резервы красных. Ночь прошла спокойно.

27 мая. Получен приказ овладеть Чаплинкой. Около 6 часов 2-й Корниловский ударный полк сосредоточивается в хуторе Спендиаровка. В 9 часов был сделан налет на Чаплинку аэропланов, сбросивших

бомбы на противника. Разведка выяснила, что противник занимает южную окраину Чаплинки, западнее большой дороги. Кроме пулеметов и двух батарей, из них одна тяжелая, у противника имелось четыре броневедомока. В 12 часов 2-й полк с 5-й и 6-й легкими и 8-й 6-дюймовой батареями выступил на Чаплинку. За правым флангом полка следовал дивизионный резерв — 3-й Корниловский ударный полк с двумя легкими и одной тяжелой батареями. Левее 2-го полка на село Преображенка двигался 1-й Корниловский ударный полк. По выходе 2-го полка на высоту, что южнее Чаплинки, к востоку показалась конница генерала Морозова, идущая на Каховку. При развертывании 2-го полка противник открыл сильный огонь. День был очень жаркий, чувствовалась усталость, но около 14 часов лихой атакой красные были выбиты из Чаплинки. После этого 3-й полк через Чаплинку идет на село Преображенка (северо-западнее Чаплинки). После занятия нашими полками села 2-й полк занимает для ночлега хутора Анциферова, на север от Чаплинки.

28 мая. Корниловской ударной дивизии приказано взять Каховку. 2-й Корниловский ударный полк в 10 часов идет на хутор Балтазаров, на север, противник конницей на большом расстоянии обтекает его с обоих флангов, но от обстрела нашей артиллерией отскакивает, сосредоточиваясь к востоку, против конницы генерала Морозова.

На участке 1-го полка конница тоже отступает. С подходом авангарда 2-го полка к хутору Балтазарову временно командующий полком подполковник Левитов и командир артиллерийского дивизиона полковник Роппонет¹⁶⁷ поспешили выехать на доминирующую над местностью очень высокую могилу, оставшуюся с татарских времен. Не успела группа добраться до вершины, как в ее центре грянул разрыв снаряда. Красные, должно быть, заранее пристрелялись и первым же снарядом накрыли нас. Все исчезло в дыму и пыли. Я, подполковник Левитов, пришел в себя лежа на земле. Мой вороной конь сидел на задних, качал головой, а потом и упал. Соображаю, что дело плохо, а потому собираю все свои силы и встаю. За мной лежит убитый конь моего ординарца, а сам ординарец сидит, как будто стараясь не упасть. Беру его за плечо и спрашиваю: «Лебеденко, что с тобой?» Бедняга откидывается назад и умирает. Бывший адъютант Махно, перешедший к нам где-то за Курском, он был трезв и честно служил России, заняв у меня беспокойное и опасное место ординарца, тоже убитого своего предшественника. Итак, предсказание старухи перед боем 25 мая за Перекопом теперь сбылось. Тогда Лебеденко упал вместе с конем, упал и мой вороной, а я соскочил с него на ноги, а теперь оба коня с Лебеденко убиты, а меня Бог спас. Судьба!..

Не успели снести убитого с могилы, как к ее подножию ворвался красный броневик. Наши пулеметы и шедший около батальон, находясь от него в каких-нибудь 200 шагах, открыли по нему сосредоточенный огонь. Град пуль, по-видимому, произвел свое впечатление на красных. Их пулеметы давали недолет и только подняли перед нами гряды земли, даже не ранив никого. Наши бросились на ура, но он все же удрал. После этого Лебеденко похоронили в усадьбе одного хуторянина.

29 мая. Ночь прошла спокойно. Около 10 часов приехал командир корпуса генерал Кутепов. Генералу Морозову было приказано атаковать хутор Тельникова, а 2-му Корниловскому ударному полку содействовать атаке. Для этого полк в 12 часов перешел на хутор, что в 3 верстах северо-западнее Натальина, и открыл огонь во фланг и тыл противника, находившегося перед фронтом генерала Морозова. Для обеспечения своего левого фланга по большой дороге был пущен 2-й батальон полка с 6-й батареей, двумя пушками Гочкиса и двумя броневиками. В 17 часов 2-й полк, совместно с конницей генерала Морозова, атаковал красных в направлении западнее хутора Тельникова офицерским, 1-м и 3-м батальонами. Противник был отброшен на Малую Каховку. На ночлег полк расположился на хуторе Тельникова, что на большой дороге и севернее на 3 версты хутора Каменный Колодезь. В полку за эти бои потери были незначительны. У красных в этом бою был убит командир 4-го кавалерийского полка и его ординарец.

Возвратился после болезни начальник Корниловской ударной дивизии полковник Скоблин. Полковник Пашкевич принял 2-й Корниловский ударный полк, а подполковник Левитов вернулся на свое место помощника командира полка по строевой части. На фронте против Корниловской ударной дивизии осталась латышская кавалерийская дивизия. За время нашего отсутствия на хуторе латыши испортили все колодезы, которых было всего только три.

30 мая. Корниловская ударная дивизия выступила в 9 часов для занятия Малой Каховки. На линии хутора Терны встретили арьергарды противника, которые спешно отходили, часть — на Каховку, а часть — на северо-восток, вдоль Днепра. При занятии 2-м полком Малой Каховки противник с правого берега обстреливал его пулеметным и артиллерийским огнем. 1-й и 3-й батальоны преследовали противника, отходившего на восток. Около села Любимовка настигли его и несколько лодок с комиссарами были пущены огнем ко дну. В 21 час батальоны присоединились к полку.

31 мая. Дневка. На фронте артиллерийская перестрелка.

* * *

Из журнала боевых действий 2-го Корниловского ударного полка, который вел бывший командир Кавказского полка полковник Бржезицкий Александр Иосифович¹⁶⁸, помещается только «Общий вывод из всей операции Перекоп—Малая Каховка»: 1) План операции разрабатывает тот начальник, который должен его выполнить. Утверждает и дополняет его высший штаб. 2) При наступлении не давать коннице задач, подобных пехоте, а давать соответствующие ее роду оружия. 3) Вследствие малочисленности у нас танков, применять их только ночью. 4) Связь пехоты с техническими частями неудовлетворительна. 5) Необходима большая интенсивность в организации тыла. Заключение: операция прошла блестяще и без особых потерь.

* * *

1 июня 1920 года Корниловская ударная дивизия отводится в резерв в село Натальино. 2-й Корниловский ударный полк выступил из Каховки в час. С 4 часов до 13 — большой привал в хуторе Топилове. За отсутствием мест в Натальине 2-й полк расположился в хуторе Кочкуровском.

2 июня. Появление желудочных заболеваний. Вода достается из глубоких колодцев.

3 июня. Прибыло сто человек пополнения из числа военнопленных, захваченных 25 мая.

4 и 5 июня. Строевые занятия. Запрещение продажи вишен, появившихся в изобилии.

6 июня. Смотр дивизии Главнокомандующим. Было видно, что генерал Врангель доволен работой корниловцев.

7 июня. Прививка противохолерной вакцины.

8 июня. Продолжение прививки. Горячая пища два раза в день.

9 июня. Строевых занятий нет.

10—11 июня. Занятия и поверка огнеприпасов.

12 июня. Согласно приказу по дивизии от 11 июня за № 4 назначено выступление на Нижние Серагозы в 6 часов 30 минут.

Разгром Жлобы

Из Каховки Корниловская дивизия была отведена в корпусной резерв, но не простояла она на отдыхе и одной недели, как всю дивизию посадили на подводы и повезли в сторону Мелитополя. Три дня

мчались корниловцы по знойной степи. Пыль забивалась в глаза, уши, рот. Мучила жажда, но командиры полков до привала никому не позволяли задерживаться ни на одну минуту. Полковник Пашкевич перед каждым селом или хутором обгонял свой полк и встречал его около околицы.

— Пошел, пошел! — пресекал Пашкевич все попытки напиться. — Чиновники, не останавливаться...

«Чиновниками» командир называл пулеметчиков за их привилегию ездить на пулеметных двуколках при всяких походах.

Втихомолку поругивая свое начальство, корниловцы покорялись, и вереницы подвод снова скрывались в облаках пыли. На походе догнал корниловцев генерал Скоблин, выздоровевший от тифа, и вступил в командование дивизией.

Корниловскую дивизию вместе с другими частями 1-го корпуса перебрасывали с такой спешкой для контрманевра. Большевики, обеспокоенные неожиданным натиском Врангеля и потерей Таврии, спешно пополнили свою разбитую 19-ю армию и подтянули свежие части из соседних 9-й и 14-й армий. Кроме того, в Таврию была повернута с пути вся конница Жлобы в количестве восьми тысяч сабель, предназначенных в Польшу для развития наступления на Варшаву.

Красное командование, «чтобы покончить с белогвардейцами», выработало следующий план: произвести демонстративное наступление по линии Днепра, а главный удар нанести с севера и востока на Большой Токмак и Мелитополь, с тем чтобы, овладев этими пунктами, выйти всей конницей Жлобы в тыл Русской Армии и отрезать ее от Крыма.

К 18 июня Жлоба, отбросив 3-ю Донскую дивизию, подходил к Мелитополю, но корниловцы и дроздовцы в это время уже заняли исходное положение для нанесения, в свою очередь, охватывающего удара против Жлобы.

Корниловцы стояли в немецких колониях: 1-й полк — в колонии Линденау, 2-й — в Орлов-Тиге, 3-й — в Минстерберге. В ночь на 19-е 2-му полку было приказано выставить заставы и усиленное сторожевое охранение версты на две впереди колонии, а еще дальше должен был нести охрану Корниловский конный дивизион. На севере от колонии пошли в засаду две роты 2-го батальона с пятью пулеметами, на восток и юг — роты от 1-го и 3-го батальонов.

Выслав вперед секреты, роты 2-го батальона густой цепью легли за снопами недавно скошенного хлеба. Офицер пулеметной команды штабс-капитан Канелец¹⁶⁹ обошел цепь и выбрал места для своих пулеметов. Расставив их, он завернулся в бурку и улегся на снопах. Ночь была светлая, лунная. В полной тишине изредка доносилось

тявканье собак. Пахло свежей соломой и скошенной травой. Одоле-вала дремота. Канелец приказал своему подпрапорщику разбудить себя при малейшей тревоге и заснул.

— Господин капитан, господин капитан... — разбудил Канельца придушенный голос.

— В чем дело?

— Кавалерия... Посмотрите, вон между этими копнами.

Шагах в двухстах под горкой ясно видны были два всадника. В их руках поблескивали шашки. Канелец схватился за бинокль, чтобы разоб-раться, есть ли на всадниках погоны. Разглядеть не удалось: всадники все время вертелись на месте и, наконец, скрылись в ложине.

— Эх, а еще подпрапорщик, кавалерию от двух всадников отличить не сумел, — посмеялся Канелец и вновь завернулся в бурку.

— Господин капитан, опять они, — снова прервал дремоту голос подпрапорщика.

На тех же лошадях два всадника стояли уже около левого секрета.

Канелец вскочил как встрепанный и пошел к командиру 5-й роты.

— Да я уже давно за ними наблюдаю, — сказал ротный. — Это не наши конники... Черт бы драл наших сметанников, вместо того чтобы маячить, дрыхнут по теплым хатам.

Канелец сел с командиром роты на край обрыва над какой-то речушкой. Тут же вдоль обрыва темными бугорками лежали ударники. В предрассветной тишине еще отчетливее был слышен каждый шорох.

— Слышите, к шестой роте секреты бегут, — проговорил командир роты.

Канелец прислушался и тоже пустился бегом к шестой роте. На ходу до него донесся резкий голос поручика Маншина: «Без команды не стрелять!»

Когда Канелец подбежал к роте, из-за бугра уже неслись красные с протяжным криком «Ура-а-а!..».

— По кавалерии... батальон!.. — выкрикнул поручик Маншин.

«Ура» нарастало, но в цепи корниловцев все та же жуткая и томительная тишина. Спасительного продолжения команды еще нет. Вдох-маченные кони уже близко, но их стремительный бег слабеет, передние всадники начинают сдерживать коней и сворачивать в сторону.

— Часто начинай! — наконец скомандовал Маншин.

Сразу рванули пулеметы и винтовки. Пригнувшись к коням, кавалеристы унеслись назад за бугор. Несколько лошадей без всадников умчались в сторону.

Канелец пошел по цепи осматривать пулеметы. Вздурораженные ударники перешептывались. Когда Канелец подошел к 5-й роте, то всю

низину за речушкой уже завлокло туманом. В напряженной тишине ухо ловило малейший звук. Все чувствовали, что в низине что-то шевелится, двигается. Туман колыхался.

Вдруг впереди колонны одиноко грянула пушка. Не успел Канелец проговорить — сигнал к новой атаке, — как внизу, под самым обрывом, грянуло «Ура!».

Опять затрещали винтовки и пулеметы. Корниловцы стреляли наугад в самый туман. Командир роты нагнулся к обрыву и закричал:

— Дураки, куда вы лезете, здесь корниловцы.

Шум и крики под обрывом стихли. Раздавались только стоны и отдельные выкрики: «Товарищи, не бросайте...» Но в то же время донеслись выстрелы и взрывы ручных гранат из самого Орлова.

— Что за чертовщина, — проговорил ротный, — неужели красные ворвались в колонию?

Немедленно отрядили трех ударников для выяснения обстановки. Стали их ждать. Уже совсем рассвело, и все увидели, что со стороны Орлова приближается какой-то человек и шатается, как пьяный. Его подхватили ударники и подвели к офицерам.

Весь окровавленный, корниловец, задыхаясь, пытался рассказать, что произошло и как его изрубили красные:

— Налетала их сила несметная... Как ахнут меня... Весь полк тоже порубили... Кто спасся, тот побежал к железной дороге на станцию Светлодолинскую...

Взволнованные офицеры стали обсуждать, что теперь делать. В голове не укладывалась мысль, что твердыни полка — офицерский батальон, оставшийся в колонии, мог быть уничтожен, но посланная связь не приходила, и, казалось, все подтверждало самые мрачные предположения.

Офицеры решили отходить тоже к Светлодолинской. Роты двинулись, но у всех поднимался внутренний протест: неприлично покидать свои позиции безо всякого приказа или же давления противника.

— Полубатальон, стой! — скомандовал поручик Маншин. — Всю ответственность беру на себя. До точного выяснения обстановки назад на прежние позиции.

Только корниловцы снова рассыпались в цепь, как увидели капитана Трошина¹⁷⁰ с тремя ударниками, посланными для связи. Уже по одному широкому улыбающемуся лицу Трошина всем стало ясно, что в колонии все благополучно.

— Это верно, — рассказывал Трошин, — под самое утро налетел на нас целый полк кавалерии, но ни одному всаднику так и не удалось пронестись через всю колонию. Как мы начали крыть залпами,

так красные через огороды, дворы сразу смотались. Бросили два своих орудия, да и в плен мы забрали немало всадников...

После такой тревожной ночи день прошел спокойно, но в следующую ночь, на 20 июня, Корниловской дивизии было приказано ночным маршем перейти в колонию Рикенау и дальше на восток. Конница Жлобы предшествующими боями с 3-й Донской дивизией оказалась втянутой в мешок. Корниловцы должны были его закрыть.

На рассвете 1-й Корниловский полк, шедший в арьергарде, остановился в Рикенау, а 2-й и 3-й полки вместе с начальником дивизии генералом Скоблиным двинулись дальше.

Около девяти часов утра до Корниловской колонны донеслась с юга сильная артиллерийская стрельба — Жлоба наступал на донцов. Скоблин немедленно повернул полки на юг и повел их на выстрелы.

— Какое-то подсознательное чувство, что именно здесь решится операция, толкнуло меня на этот шаг, — рассказывал потом Скоблин.

Начальник дивизии вместе со своим полевым штабом в быстром галопе обогнал колонну и вынесся вперед на ближайшую горку. Все так и ахнули. В глубокой лощине около колонии Лихтфельд, правее Корниловской дивизии, стояли построенные «ящиками» чуть ли не все полки Жлобы.

Быстро окинув всю местность, Скоблин решил немедленно атаковать красную конницу.

Все дальнейшее развернулось с молниеносной быстротой. Шестерки коней, одна за другой, вылетели карьером на позиции, пушки снялись с передков и по команде «беглый огонь» запрыгали наперегонки. Броневики врезались в конницу. В то же время полковник Пашкевич со своим 2-м полком в сомкнутом строю двинулся на колонию Лихтфельд. Ошеломленные красные пришли в себя и под прикрытием своего артиллерийского огня стали строиться к атаке. Пашкевич продолжал идти колонной. Подойдя к противнику на ружейный выстрел, он перестроил два батальона и развернутым фронтом быстрым шагом пошел навстречу несущейся лаве. Это так ошеломило всадников, что они остановились и поскакали обратно. Вдогонку им хлестали пулеметы.

Выскочив из-под обстрела, красные привели себя в порядок и решили снова атаковать Пашкевича. Теперь на развернутый фронт корниловцев были пущены четыре полка, а два полка — в обхват их левого фланга. Пашкевич, оставив два батальона своему заместителю, немедленно вызвал из резерва третий батальон и опять сам повел его против обходящей колонны красных. В то же время на помощь Пашкевичу ринулся бегом полковник Щеглов с 3-м полком.

Густые лавы противника поскакали в атаку. Между всадниками расстились тройки с пулеметными тачанками. Топот, гиканье, треск пулеметов неслись навстречу корниловцам. Тем же шагом в сомкнутом строю продолжали идти батальоны, расстреливая лавы из ручных пулеметов. Как и в первый раз, атака пехоты на атакующую ее же кавалерию навела ужас: лавы красных, не доскакав до корниловцев, бросились назад и в стороны. Красная кавалерия потеряла сердце. Всадники на взмыленных лошадях заматались по жнивью и пахоте.

В то время как корниловцы громили Жлобу, два его полка еще наступали на 3-ю Донскую дивизию. Донцы, услышав в тылу противника сильный бой, стали теснить красных. Донская артиллерия, своим огнем преследуя всадников, отступавших к главным силам Жлобы, невольно била и по корниловцам. Целых два часа корниловцы были под перекрестным огнем артиллерии Жлобы и донцов, но так и не выпустили из мешка красную кавалерию. Она, отрезанная от востока, в конце концов отскочила на запад, к колонии Лихтфельд, а оттуда еще на большем аллюре помчалась на северо-восток, на колонию Рикенау. В это время полковник Гордиенко беглым шагом шел к колонии Лихтфельд, оставив на юго-западной окраине Рикенау офицерский батальон.

Гордиенко еще издали увидел текущую лавину всадников — она двигалась ему навстречу, но только по дороге левее его.

— Третий батальон, полуоборот вправо, наперерез кавалерии противника, — скомандовал Гордиенко.

Снова увидев перед собой точно выросших из земли тех же страшных корниловцев, всадники заматались между батальонами Гордиенко, а те, что успели подскочить к Рикенау, нарвались на офицерский батальон. От ружейных залпов и беглого огня 1-й Корниловской батареи полная паника охватила всадников. В полном беспорядке, несущимся стадом, всадники повернули прямо на запад к колонии Тигервейде, а от этой колонии одни поскакали на север, а другие снова на северо-восток, но уже в обход Рикенау. На севере их встретили четыре бронепоезда, Самурский полк и дроздовцы, а на северо-востоке, около колонии Фриденсдорф, — опять дроздовцы. Те всадники, которые все-таки успели проскочить мимо дроздовцев, и те, которые ускакали от донцов, были перехвачены с севера 2-й Конной дивизией, а с юга — 2-й Донской дивизией.

Конница Жлобы была совершенно разгромлена. Она потеряла все свои орудия, пулеметы, обоз. Тысячи всадников и коней, совершенно обессиленные, попали в плен.

Оперативные сводки от 21 июня подчеркивали, что «вся тяжесть вчерашнего боя с группой Жлобы легла на Корниловскую дивизию... Корниловцы первые нанесли Жлобе жестокое поражение, и лишь благодаря исключительной доблести и сплоченности частей корниловцам самим в первый момент боя удалось выйти из критического положения».

Но бой, начавшийся 20 июня, не кончился одним разгромом Жлобы. На выручку Жлобы была послана пехота. На нее 21 июня наткнулся 1-й Корниловский полк, шедший в авангарде дивизии из колонии Рикенау. Полковник Гордиенко, не ожидая никаких приказаний, немедленно бросился в атаку, и три советских полка — 376-й, 377-й и 378-й — были смяты. Двенадцать верст Гордиенко преследовал красных и только на ночь остановился в колонии Гиршау. Здесь он узнал, что в соседней колонии Вальдгейм сосредоточены еще два советских полка — 520-й и 521-й, тоже посланные на поддержку Жлобы. Гордиенко решил ликвидировать и эти полки.

В ночь с 21-го на 22-е Гордиенко, взяв с собой всего два батальона, подошел на заре к Вальдгейму и штыковой атакой через полчаса овладел колонией. 521-й полк был почти уничтожен. Одних пленных корниловцы взяли 500 человек, 96 раненых красноармейцев были сданы в местные больницы и до 100 убитых похоронены в общей могиле. Из корниловского командного состава был убит командир штабного эскадрона капитан Натус¹⁷¹.

* * *

21 июня 1920 года 1-й Корниловский ударный полк с боем занял линию от Гиршау включительно до железной дороги исключительно, 3-й Корниловский ударный полк — от железной дороги включительно до Шензе включительно, 2-й Корниловский ударный полк к 10 часам в Александрополь, где и расположился в качестве дивизионного резерва. В 13 часов получено от наштадива сообщение, что: 1) противник ворвался в Большой Токмак; 2) 1-я бригада 13-й дивизии обороняет северную окраину Шензе и Фиренштенау. Приказом по дивизии за № 93 бронепоезда «Георгий Победоносец» и «Иоанн Калита» полагать в составе дивизии.

22 июня. С 21-го на 22-е командир 1-го Корниловского ударного полка полковник Гордиенко с двумя батальонами занимает колонию Вальдгейм; 520-й и 521-й советские стрелковые полки почти уничтожены, взято в плен здоровыми 500 человек, 96 раненых и похоронено около 100 человек. Среди особо отличившихся был поручик Васи-

льев Анатолий¹⁷², взявший с несколькими всадниками с ручными гранатами броневик, за что он был награжден орденом Святого Николая Чудотворца. Судьба этого исключительно храброго офицера в эмиграции была трагична. Он затосковал по родине, как и все мы, и решил покончить с собой. Выстрел его услышали жители дома и, вбежав к нему в комнату, увидели такую картину: пуля вошла в один висок и вышла из другого, а Васильев ползает по полу, ища свой револьвер, и умоляет вошедших дать ему его, чтобы покончить с собой. Он выжил, но остался слепым на оба глаза. Впоследствии за него вышла замуж ухаживавшая за ним сестра милосердия, бельгийка, и он потом, уже после Второй мировой войны, скончался от разрыва сердца, побывав перед смертью в Париже на празднике сорокалетия Корниловского ударного полка.

23 июня. 3-й Корниловский ударный полк в резерве дивизии, 1-й Корниловский ударный полк занимает и его участок фронта.

2-й Корниловский ударный полк в 2 часа получает приказ по дивизии, где полку ставится задача: с тремя батальонами, 5-й и 6-й Корниловскими батареями и Корниловским конным дивизионом овладеть селом Сладкая Балка, 3-й батальон прибыл из дивизионного резерва в 5 часов, и в то же время полк выступил по назначению. По данным полковой разведки, пехота красных силой в один полк занимала высоты в трех верстах южнее села Сладкая Балка. Около 8 часов полк развернулся на высоте в четырех с половиной верстах севернее Большого Токмака: 2-й батальон вдоль большой дороги, 3-й — за его правым флангом и офицерский — в полковом резерве, по большой дороге, 5-я батарея, обогнав цепи полка, спустилась в долину реки Чингар, конечно, не с целью атаковать противника, а для занятия выгодной позиции. Красные не выдержали столь стремительного наступления и, преследуемые артиллерийским огнем, стали отходить восточнее Сладкой Балки, через Верхний Куркулак, в северо-восточном направлении. Трофеи: 15 человек пленных штаба 46-й стрелковой дивизии и одна повозка с канцелярией той же дивизии.

24 июня. Согласно приказу начдива полку приказано оставить Сладкую Балку и отойти главными силами на Большой Токмак, выставив сторожевое охранение от высоты 49.1 включительно и до реки Чингул. Сторожевое охранение назначено от 2-го и 3-го батальонов. По сводке, красные сегодня до железной дороги город Орехов—станция Пологи не обнаружены. От Корниловского конного дивизиона выслан разъезд на Сладкую Балку.

25 июня. Разъезд 2-го Корниловского ударного полка донес, что застава противника в 25—30 коней с двумя пулеметами обнаружена

на южной окраине хутора Верхний Куркулак. По показаниям подводчика, возвращавшегося из местечка Малая Токмачка в Сладкую Балку, из последней в село Вербовое ехали на подводах латыши и китайцы. Нами производятся работы по устройству опорных пунктов, 1-й батальон 2-го полка отправлен в резерв дивизии, на восточную окраину Большого Токмака.

26 июня. Полки Корниловской ударной дивизии на своих местах. 2-й полк роет окопы. Сладкая Балка свободна от противника.

27 июня. Сладкая Балка и хутор Скелеватый заняты противником.

28 июня. На участке 2-го Корниловского ударного полка со стороны хутора Очеретоватого разъезда красных обстрелял наши окопы, 3-й батальон сменен офицерским и отошел в резерв.

3-й Корниловский ударный полк, занимавший Нижний Куркулак, был отведен в резерв дивизии, а на его месте остался Корниловский конный дивизион. Противник несколькими полками пехоты и кавалерии с четырьмя броневиками в тот же день вытеснил конный дивизион и занял Куркулак. 1-й полк продолжает занимать свой участок на правом фланге дивизии, 3-й Корниловский ударный полк занял хутор Скелеватый, там ночевал и потом отошел обратно в колонию Шензе, где и стоял до 7 июля.

Центральным участком обороны Корниловской ударной дивизии был Большой Токмак, и разработка плана обороны была штабом дивизии поручена офицеру 2-го полка полковнику Бржезицкому. План исходил из задания: активно оборонять участок от высоты 60.18, что в 5 верстах северо-восточнее Большого Токмака, и далее на запад, по высоте долины реки Чингул, тоже включительно. Состав 2-го полка: 4 батальона, 85 пулеметов, отдельная офицерская пулеметная команда, 21 пулемет, 6 легких и 3 6-дюймовых орудий. Временами полку придавались три тяжелых танка и два броневедомоцикла. Задача полку: прикрывать местечко Большой Токмак и станцию железной дороги. В дальнейшем, как мы увидим, противник стремился наносить сильные удары сначала по прямой от Сладкой Балки с особо усиленным нажимом на высоту 60.18, а потом, после кровопролитных и неуспешных для него боев, потеряв веру в успех на этом направлении, он переносит центр наступления своими свежими полками по линии реки Куркулак на Старый Мунталь, где тоже в серии настойчивых атак с применением многочисленной артиллерии он не добился успеха.

29 июня. Около 11 часов красные, силой до одного батальона с пулеметами и одним эскадроном, повели наступление на участок 2-го полка из Сладкой Балки. После обстрела пулеметным и артиллерийским огнем красные отошли. В то же время кавалерия противника за-

няла северную окраину хутора Нижний Куркулак. В 12 часов нами выслан конный дивизион на Старый Мунталь. В 24 часа получено донесение от конного дивизиона, что дроздовцы занимают Тейфельберг, имея конный пост на бугре южнее упомянутой колонии. Красные занимают Вальдорф и бугры, что северо-западнее этой колонии, и обстреливали артиллерией южную окраину Нижнего Куркулака и конный пост дроздовцев.

3-й Корниловский ударный полк с конным дивизионом пытался отбить Куркулак. Под огнем восьми неприятельских батарей корниловцы подошли к Куркулаку. Подпустив их на близкую дистанцию, красные открыли жесточайший огонь из пулеметов, тщательно замаскированных в заборах и изгородях. Такого огня корниловцы не выдержали и отступили. Кто пытался поднять раненого — сваливался рядом с ним замертво, 180 человек было вывучено из рядов корниловцев, из них 60 офицеров. Красные подобрали раненых, сволокли их в одну хату и сожгли.

30 июня. Перед рассветом со стороны противника доносился стук колес и шум моторов. Не успела разведка выяснить происходившее, как вслед за шумом моторов последовала внезапная атака по всему фронту 2-го Корниловского ударного полка с охватом обоих флангов. 138-я советская стрелковая бригада в составе 412-го, 413-го и 414-го стрелковых полков при 4 легких и 4 тяжелых орудиях и двух броневедомо-мобильях атаковала правый фланг полка, где был 1-й батальон. Атака была произведена с обходом правого фланга батальона и высоты 60.18 стремительным движением одного стрелкового полка и конницы красных на северо-восточную окраину Большого Токмака. Обходу фланга предшествовала атака двух полков с фронта и прорыв позиции 1-го батальона двумя броневидами. Благодаря выдержке корниловцев фланг батальона от обхода был обеспечен, и после отражения двух повторных атак батальон, неся огромные потери от огня броневида, отошел на северо-восточную окраину Большого Токмака, имея фронт на восток. Артиллерия и броневики противника жестоким огнем обстреливали новое расположение батальона. Одновременно 137-я советская стрелковая бригада в составе 409-го, 410-го и 411-го стрелковых полков при 6 легких и 2 тяжелых орудиях и двух броневидах с конницей атаковала левый боевой участок полка, где были расположены 2-я и 3-я офицерские роты. Здесь атака была также произведена с обходом по долине реки Чингул левого фланга полка, причем конница красных пошла прямо в тыл участка. Одновременно с охватом фланга кавалерией три стрелковых полка атаковали 2-ю и 3-ю офицерские роты с фронта. При этом два броневида и здесь прорвали фронт, и 3-я рота, будучи окруженной со всех сторон,

во главе с командиром роты капитаном Плохих пробилась сквозь ряды красных и, понеся большие потери, отошла и заняла позицию в полутора верстах северо-восточное Большого Токмака, где артиллерия красных и броневики производили жестокий обстрел новых позиций. Неравный бой на обоих участках длился около часа. Противник при поддержке своей артиллерии и броневиков продолжал вести стремительное наступление на новое расположение батальонов. Около 5 часов 30 минут утра полковой резерв в составе 2-го и 3-го батальонов и двух офицерских рот, выдвинувшись на северо-восточную окраину Большого Токмака, застал положение обоих участков в вышеописанном состоянии. Имея в виду, что на восточной окраине не было дивизионного резерва, восстановление положения началось с левого фланга противника ударом 3-го и офицерского батальонов по 138-й советской стрелковой бригаде. Здесь красные дрогнули и стали отходить, но выехавшие их броневики своим огнем приостановили наше наступление. Это красные использовали, и обе бригады вновь перешли в наступление. Однако, на их несчастье, наши пулеметы и здесь показали свою силу, сметая перед собой все. Они остановили красных и парализовали их порыв. На этот раз наш 2-й Корниловский ударный полк учел эффект огневого удара и одновременно и дружно ударил в штыки. Противник был опрокинут и бежал. Для нашей артиллерии было большое поле деятельности, сводившееся главным образом к подавлению артиллерийского огня красных и охоте за броневиками. Досадным явлением в этом бою было то, что наши броневики и танки опоздали, не было и кавалерии, а потому наши измотанные ударники исполнили только свой долг: отбили в неравной борьбе массы красных, но преследовать их не могли. Трофеи: 4 человека пленных, много винтовок и убитых. Наши потери: убито офицеров 6, ударников 4, ранено офицеров 51, среди них командир 2-го батальона, оставшийся в строю до конца боя, и ударников 58. Лошадей убито 6, ранено 5. После боя прибыл в 9 часов батальон 1-го Корниловского ударного полка и расположился уступом за правым флангом полка. Идет переброска 1-го полка на участок Нижнего Куркулака.

На участке 2-го полка противник, отступая, оставил около 10 пулеметов на тачанках и броневик по дороге на Сладкую Балку. Около 19 часов противник вел пристрелку по правому участку 2-го полка.

30 июня и 1 июля 1920 года. Бой у колонии Нижний Куркулак 1-го и 3-го Корниловских ударных полков освещается в книге «Корниловский ударный полк» следующим образом:

«1 июля 1920 г. Бой у Нижнего Куркулака 1-го и 3-го Корниловских ударных полков. К 3-му полку был подтянут 1-й полк, и было приказано вновь атаковать Куркулак. 1-й полк (временно командовал

полком подполковник Дашкевич¹⁷³, 1-м батальоном — подполковник Ширковский¹⁷⁴, 3-м — поручик Лясковский, поднятый в этом бою на штыки) должен был вести атаку с северо-запада, 3-й полк — с востока, а с юга должен был наступать Самурский полк, но по неизвестным причинам его там не оказалось, 3-й и 4-й батальоны 1-го полка, продвигаясь к Куркулаку, наткнулись на густые цепи красных, засевавших в окопах. Заградительный огонь 16 орудий пресекал все попытки взять окопы с налета, и наступление батальонов приостановилось.

Тогда подполковник Дашкевич, заменивший уехавшего в отпуск полковника Гордеенко, приказал 2-му батальону подполковника Лебедева атаковать Куркулак с юга, а 3-му и 4-му батальонам «во что бы то ни стало сломить сопротивление красных». Дыханием смерти всегда веет от этих коротких слов... Получив такой приказ, корниловцы в конце концов прорвались через огневую завесу, овладели окопами и, преследуя красных, захватили западную окраину Куркулака. Красноармейцы стали сдаваться. Корниловцы уже сгоняли пленных и собирали вражеские пулеметы, как вдруг с северной окраины хутора выскочили три броневика, а за ними свежие резервы красных. Броневики открыли пулеметный огонь и начали косить корниловцев. Пленные схватили брошенное оружие и присоединились к своим. Корниловские роты сразу потеряли почти всех своих офицеров и были окружены. Напрягая последние силы, они все-таки прорвались и в полном беспорядке стали отступать. Неудача постигла и 2-й батальон, атаковавший Куркулак с юга. Здесь под защитой жестокого артиллерийского огня красные сами перешли в наступление и контратаку и отбросили корниловцев. Положение создалось угрожающее. Тогда не потерявший присутствия духа подполковник Дашкевич бросил свой последний резерв — 1-й батальон. Три роты этого батальона под начальством подполковника Ширковского пошли в атаку на южную окраину Куркулака, а одна рота с пешими разведчиками устремилась к западной окраине. На карту была поставлена честь полка, и разведчики с 1-м батальоном ворвались в селение. Но борьба не кончилась. Каждый дом, подвал, забор пришлось брать с боем. Повсюду были сделаны бойницы, и красные стреляли с боков и с тыла. Защищалась с таким упорством 1-я стрелковая Уральская дивизия, пришедшая с Мурмана, с Северного фронта, и также бригада красных курсантов, 1-й Корниловский ударный полк потерял 61 офицера и 130 ударников, четверть своего состава. Все раненые 3-го и 4-го батальонов, поневоле брошенные при отступлении, лежали с размозженными черепами — их добила красные. Двести уральцев и курсантов, взятых в плен, были тут же расстреляны, остальных триста пленных отправили в тыл. Боль-

шведики пытались снова овладеть Куркулаком. Они сосредоточили до сорока легких и тяжелых орудий и перед своими атаками развивали ураганный огонь. Выпустив до двух тысяч снарядов, 46-я советская дивизия шесть раз подряд ходила в атаки, а два кавалерийских полка одновременно наступали во фланг корниловцам, и все эти атаки разбились о стойкость 1-го и 3-го Корниловских ударных полков».

О роли Самурского полка говорится только, что он был послан для наступления на Куркулак с юга, но участка его в бою не находим. Фронт Корниловского ударного полка периодически обстреливался в разных местах. Ночь прошла спокойно.

1 июля (ст. ст.). Броневики красных около 8 часов обстрелял участок офицерского батальона 2-го Корниловского ударного полка, но огнем артиллерии был отогнан. В 10 часов одна офицерская рота с броневиком была послана на разведку и установила, что позиция красных находится в 4 верстах от наших окопов и западнее большой дороги. На участке 2-го Корниловского ударного полка находится три броневика и четыре танка.

2 июля. В 6 часов утра Корниловский конный дивизион, поддержанный тяжелым броневиком, сделал налет на сторожевое охранение противника, который в панике бежал, оставив одну повозку и пару лошадей. День прошел спокойно. Около 20 часов противник обстрелял участок полка артиллерийским огнем.

3 июля. Около 7 часов красные двумя стрелковыми полками, 3-м трудовым и 412-м стрелковым повели наступление густыми цепями при поддержке двух броневиков и сильного артиллерийского огня на левый участок 2-го Корниловского ударного полка. Быстрым подходом полкового резерва с двумя броневиками противник был встречен контратакой и, понеся большие потери, отошел. В этой атаке отмечаются лихие действия наших броневиков «Генерал Слащев» и «Капитан Добровольский», которые были высланы навстречу двум броневикам красных, наступавшим вместе с пехотой цепью и пулеметами на тачанках. Обе наши машины, обогнав наши цепи, молниеносно понеслись на бронемашину красных. Когда расстояние стало уменьшаться, красные машины стали отходить, оставляя свою пехоту без прикрытия. Видя, что машины красных быстроходнее, «Слащев» открыл огонь из орудия. Вторым выстрелом машина красных была подбита и захвачена нами. Вторая бронемашина красных была преследуема и скрылась, после чего наши броневики открыли огонь по цепям противника с тыла. В этой атаке своими доблестными действиями броневики много способствовали общему успеху атаки. Около 9 часов противник с подошедшими резервами, 413-м и

414-м стрелковыми полками, повел повторную атаку на правый боевой участок. Одновременно с этим 406-й, 407-й и 408-й стрелковые полки с 12 орудиями и конницей повели наступление из колонии Старый Мунталь на Большой Токмак, в тыл полку.

Быстрым выдвиганием на левый боевой участок полкового резерва с двумя танками и двумя броневиками, при поддержке всей артиллерии, противник, понеся большие потери, был отброшен. После этого в направлении на Старый Мунталь, для усиления инженерной роты, были высланы броневые автомобили «Генерал Слащев» и «Капитан Добровольский», 2-й батальон и из дивизионного резерва батальон 1-го Корниловского ударного полка. Жестокий бой длился весь день. Желая поддержать свою мунтальскую группу, противник снова повел атаку на левый боевой участок полка. Под стремительным ударом полкового резерва из двух батальонов противник был отброшен. Ввиду того что наша конная группа, вышедшая в тыл противника, в направлении на Блюменталь, обозначила движение на юг, около 17 часов 2-й батальон нанес удар с фронта на хутор Нижний Куркулак, где вся группа красных, будучи окружена нашей конницей и броневиками, после отчаянного сопротивления была взята в плен или рассеяна. В этом бою вновь отмечаются лихие действия наших броневиков, которые отрезали красным путь отступления на север, чем весьма содействовали общему разгрому их. Боем установлено наличие 3-го трудового полка, 412-го, 413-го и 414-го стрелковых полков 138-й бригады и 406-го, 407-го и 408-го стрелковых полков 136-й бригады. Трофеи: один броневик в полном вооружении, 200 пленных и две лошади. Наши потери: ранено 4 человека. Потери и трофеи нашей кавалерии, батальона 1-го Корниловского ударного полка и Инженерной роты неизвестны. В последних боях колоссально увеличиваются наши потери при отсутствии броневиков, танков и кавалерии, так как противник всюду давит нас своей массой.

4 июля. Наша конная разведка установила, что противник занимает позиции севернее и восточнее Сладкой Балки. Ночь прошла спокойно. Боевой состав 2-го Корниловского ударного полка на 4 июля: штаб-офицеров — 8, обер-офицеров — 253, ударников — 406, батальонов — 4, команда конных разведчиков, сотня войскового старшины Попова, пулеметная рота — 55 пулеметов, офицерская пулеметная команда — 20 пулеметов, ударников в пулеметных командах — 387.

5 июля. Разъезд от 2-го Корниловского ударного полка, высланный на Сладкую Балку, установил, что она занята конной заставой противника. В полк прибыло 24 человека пополнения из старообрядцев, которые составили команду разведчиков.

6 июля. По данным от местных жителей, противник сосредоточил к северо-западу от Сладкой Балки до тысячи шашек при двух танках (?) и броневиках. На участке Корниловской ударной дивизии ночь прошла спокойно.

7 июля. Сладкая Балка занята на северо-западе двумя конными заставами. В ночь с 7-го на 8-е 3-й Корниловский ударный полк сосредоточивается в Фридендорфе и ведет 8-го наступление на Вальггейм.

8 июля. Рекогносцировка наших позиций командным составом. Решено главную линию обороны Большого Токмака сделать сторожевым охранением, отражение же атак противника перенести на северную окраину местечка, действуя главным образом танками, броневиками и артиллерией.

9 июля. Противник ведет себя пассивно. Прибыла конница генерала Бабиева (кубанские казаки).

10 июля. Около 14 часов на правом участке 2-го Корниловского ударного полка появились пешая и конная разведка противника с пулеметной тачанкой. Наш фронт охраняется от конной дивизии.

11 июля. На фронте Корниловской ударной дивизии спокойно.

12 июля. В час ночи 2-й Корниловский ударный полк получил приказ по дивизии за № 11. Обстановка была следующей: противник для перехода в наступление около городов Александровска и Орехова сосредоточил значительные силы. Задача: нашему 1-му армейскому корпусу, совместно с конницей генерала Бабиева, приказано уничтожить ореховскую группу красных. Корниловской ударной дивизии — активно обороняя свой прежний участок, перейти левым флангом в наступление. Поэтому 2-му Корниловскому ударному полку приказано одним батальоном с батареей и четырьмя танками оборонять участок позиции в районе высоты 60.18, а тремя батальонами, конным дивизионом с двумя батареями и двумя броневиками ровно в 4 часа 12 июля перейти в самое энергичное наступление на Сладкую Балку, овладеть ею и затем пропустить через себя конницу генерала Бабиева. По овладении Сладкой Балкой один батальон выслать в район высоты 60.18.

Сосредоточение и движение. Сборный пункт был назначен на большой дороге в 4 верстах севернее Большого Токмака. Ровно в 4 часа отряд от полка под командой помощника командира полка полковника Левитова выступил в следующем порядке: два броневика, 2-й батальон, Корниловский конный дивизион, боевой обоз пулеметной роты и боевой обоз полка. Позади полка следовала конница генерала Бабиева. Для обороны высоты 60.18 был назначен 1-й батальон, 3-я тяжелая батарея и четыре танка.

Разворачивание и действия отряда. 409-м полком красные обороняли высоты, что в версте к югу от Сладкой Балки. Полк развернулся на высоте в трех верстах южнее села. По одному эскадрону Корниловского конного дивизиона было выдвинуто на фланги отряда. Около 6 часов отряд повел наступление. Несмотря на сильный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь, красные были сбиты и отброшены на Сладкую Балку, где подошедшие резервы их, 410-й и 411-й стрелковые полки, под прикрытием сильного артиллерийского огня с фронта и со стороны хутора Очеретоватого оказали упорное сопротивление. Несмотря на это, красные были опрокинуты корниловцами и преследуемы конницей генерала Бабиева. По количеству взятых в плен 337-ю стрелковую бригаду противника можно было считать уничтоженной. Около 7 часов Сладкая Балка была занята, и вся наша конница устремилась на север. Около 20 часов в Большой Токмак возвратились: офицерский батальон, 2-й батальон, 6-я батарея, 3-й батальон, 5-я батарея и штаб отряда. В Сладкой Балке были оставлены конный дивизион и два броневика. Трофеи: 500 пленных. Потери: 7 человек и 2 лошади ранены. Боем были обнаружены 409-й, 410-й и 411-й стрелковые полки 137-й бригады 46-й стрелковой дивизии.

1-й Корниловский ударный полк на правом фланге дивизии, 3-й — в Нижнем Куркулаке. На фронте оживление с обеих сторон.

13 июля. Около 13 часов со стороны хутора Очеретоватого показались разъезды противника, которые оставались перед фронтом боевого участка 2-го Корниловского ударного полка все время. Конница красных, около 4 эскадронов с тремя орудиями, заняла Сладкую Балку. Корниловский конный дивизион и два броневика присоединились к полку. Приняты меры предосторожности. Весь полк ночевал на северной окраине местечка Большой Токмак.

14 июля. Ввиду занятия красными Сладкой Балки, полку приказано двумя батальонами с двумя легкими батареями восстановить положение. Остальными силами, то есть двумя батальонами, одной тяжелой батареей и четырьмя танками, оборонять участок позиции в районе высоты 60.18. Отряд 2-го полка выступил в 4 часа в следующем порядке: 3-й батальон, 5-я батарея, 2-й батальон, 6-я батарея, Корниловский конный дивизион, пулеметная рота и броневик. Отрядом командовал помощник командира полка по строевой части полковник Левитов.

Группа красной конницы занимала Сладкую Балку, хутор Куркулак и хутор Ильчиков. В состав этой группы входили 12 полков, в каждом из которых от 60 до 200 шашек. Всего было около 2000 шашек, 3-й и 4-й кавалерийские полки при двух батареях обороняли высоты, что в версте к югу от Сладкой Балки.

Несмотря на сильный артиллерийский и пулеметный огонь красных, противник был сбит и стал отходить к северо-восточной окраине Сладкой Балки, охватывая правый фланг отряда. В то же время конница красных, расположенная в хуторе Куркулаке и хуторе Ильчикове, стала обходить левый фланг отряда Быстрым выдвижением рот 2-го батальона с пулеметами и самоотверженными действиями 6-й батареи охват был ликвидирован. Батальоны продвинулись, заняли северо-восточную окраину Сладкой Балки и закрепили ее за собой. Будучи окруженным с трех сторон конницей, отряд в течение дня отбивал попытки красных атаковать его. При отражении атак конницы красных отмечаются самоотверженные действия 6-й легкой батареи полковника Гетца¹⁷⁵, которая в этом бою потеряла убитыми двух старших офицеров батареи и ранеными 12 солдат и 9 мулов. Потери отряда: 357 человек убитыми и ранеными. Около 20 часов со стороны высоты 60.18 появилась конница красных, которая после обстрела нашей артиллерией скрылась, 3-я тяжелая батарея вела пристрелку по батареям красных, обстреливавшим участок 1-го Корниловского ударного полка. Дополнительно выясненные потери 2-го полка: убито 2, ранено 11 человек. Боем было установлено наличие в Сладкой Балке 3-го и 4-го кавалерийских полков и в хуторе Очеретоватом 273-го стрелкового полка. На фронте 2-го полка и отряда ночь прошла спокойно. На фронте 1-го и 3-го Корниловских ударных полков без перемен.

15 июля. Около 6 часов конница красных, силой до полка, повела наступление на высоту 60.18, но огнем рот 1-го батальона была отбита. Вслед за конницей показались пехотные цепи, которые, будучи обстреляны тяжелой батареей, залегли. Из резерва полка подошли офицерский батальон, четыре танка и одна легкая пушка. По фронту участка редкая ружейная, пулеметная и артиллерийская стрельба. Около 11 часов красные открыли по участку уже сильный огонь, очевидно подготавливая атаку. Видя стойкость рот 1-го батальона, красные в атаку не пошли.

Во время огневой подготовки был смертельно ранен в голову командир полка полковник Пашкевич Яков Антонович. В 11 часов он скончался. Мы лишились старого корниловца-первопоходника, доблестного идейного борца за национальную историческую Россию, выдающегося знатока пулеметного дела, создавшего свой полк, выведшего его на поле брани и прославившего его в боях за Курск и Орел. 25 мая 1920 года, во время блестящего прорыва укреплений красных при выходе в Северную Таврию с Перекопа он стоял во главе Корниловской ударной дивизии, за что получил орден Святого Николая Чудотворца. В бою с конным корпусом Жлобы он первым со своим полком

нанес ему главный удар, и теперь, приготовив все для полкового праздника своему любимому полку ко дню 15 июля ст. ст. Св. князя Владимира, вместо встречи его пал на поле чести. Но и здесь, в последние минуты своей жизни с нами, он проявил выдающиеся качества начальника: он видел, что его славный полк волей начальника, выполняя свой долг, был разделен пополам, в пунктах, находящихся друг от друга в 15 верстах, под ударами сильнейшего врага, и своей близостью к передовой линии на высоте 60.18 хотел точнее определить удар противника, использовать для контрудара силу своего огня и тем сократить нашу очередную кровавую жертву своему Отечеству. В Первую мировую и в эту Гражданскую войны он имел много ранений, но сегодня разделил участь большинства ударников нашего бессмертного вождя и шефа полка Л.Г. Корнилова. Вместо торжества своего полкового праздника, мы проводили прах нашего героя-командира полка на вокзал для предания его тела земле в Симферополе, отбили все атаки красных и на высоте 60.18 поставили железный православный крест.

В книге «Корниловский ударный полк» так описывается этот роковой день:

«Непрерывные и жестокие бои постоянно разыгрывались около высоты 60.18, господствующей над Большим Токмаком. На этой высоте 15 июля, в день полкового праздника, был убит командир 2-го Корниловского ударного полка полковник Пашкевич. Погиб из-за своей всегдашней рачительности: в тяжкие боевые дни Пашкевич носился по всему фронту своего полка на отбитой у Жлобы мотоциклетке. 15 июля с самого утра красные повели наступление на Большой Токмак, стремясь овладеть колонией Шензе и высотой 60.18. Выдержанным огнем корниловцев, при содействии артиллерии и бронепоездов, атака была отражена, и красные отступили с такой поспешностью, что не подобрали своих раненых. Выстрелы стихли, и все замерло в знойной тишине. Через несколько часов у противника загрохотали пушки, красные выскочили из кукурузы и целой дивизией повели наступление на высоту 60.18. 2-й батальон 2-го полка стал поспешно рассыпаться по склонам холма, но густые цепи красных уже обходили холм. Командир офицерского батальона полковник Иванов К.В.¹⁷⁶ приказал начальнику офицерской пулеметной команды подпоручику Бондарю Артему¹⁷⁷ как можно скорее выдвинуть пулеметы во фланг наступающему противнику. Бондарь побежал выбирать позиции для своих пулеметов. Бросился туда, сюда — все места были малоподходящи. Красноармейцы показались уже в тылу у корниловцев. Тогда Бондарь вскочил в седло и карьером помчался прямо на цепь красных. За ним загремела тачанка с тремя пулеме-

тами. Бондарь и тачанка вихрем промчались через цепь ошеломленных красноармейцев и скрылись из виду. Ошеломлены были и корниловцы, никто ничего не понимал, но уже через несколько минут пулеметы Бондаря заклокотали сзади красноармейцев. Точно невидимая коса прошла по их рядам. Корниловцы, восхищенные такой отвагой своего офицера, вскочили и со штыками наперевес ринулись на красных. Толпы красных уже в панике побежали назад и скрылись далеко под холмом в густой кукурузе. На выстрелы прикатил полковник Пашкевич. Ему непременно нужно было самому удостовериться, насколько был отогнан противник. Полковник Пашкевич сошел с мотоциклета и стал спускаться с холма, прошел через цепи корниловцев, вышел к сторожевому охранению, постоял около него и спустился еще ниже. Из кукурузы раздался залп, и полковник Пашкевич свалился. Скончался он на руках сестры милосердия Екатерины Глик по дороге в госпиталь, пытаясь перекреститься и произнести слова: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа». В корниловском журнале боевых действий было записано: «15 июля наступление противника было отбито, но дорогой ценой: пал смертью храбрых командир 2-го Корниловского ударного полка полковник Пашкевич. Потеря не только для корниловцев, но и для всей Русской Армии».

Общие потери Корниловской ударной дивизии за время боев в районе Большого Токмака дошли до 2000 убитыми и ранеными. Корниловская ударная дивизия истекала кровью.

В журнале боевых действий 2-го полка сохраняются фотографии креста с железной решеткой на высоте 60.18, где был смертельно ранен полковник Пашкевич; полковник Пашкевич в гробу; он же живой (снимок сбоку на параде в Ростове-на-Дону, перед отправкой полка на фронт, во время смотра его генералом Май-Маевским) и зарисовка (тоже сбоку) сестры милосердия В.С. Левитовой¹⁷⁸ — у штаба полка он смотрит в бинокль на Перекопский залив.

На участке 1-го Корниловского ударного полка противник был тоже отбит. Помощник командира 2-го Корниловского ударного полка полковник Левитов, объединявший в этот день отряд полка в бою у села Сладкая Балка, был вызван в Большой Токмак и назначен командиром полка.

1-й батальон с двумя танками в 19 часов переходит в наступление с высоты 60.18 и далеко отбрасывает противника. Ночь проходит спокойно.

16 июля. На участке Корниловской ударной дивизии противник всюду пытается наступать. На рассвете эскадрон красных сделал налет на Сладкую Балку, но своевременно был обнаружен заставой 3-го батальо-

на, огнем которой был отбит и в панике бежал. В течение ночи на хутор Очеретоватый выслались разьезды от Корниловского конного дивизиона, которые доносили, что они соприкасались с разьездами красных и вели с ними перестрелку. Около 10 часов было замечено накапливание пехоты в ложине, что северо-восточнее высоты 60.18. В 15 часов красные густыми цепями повели наступление на эту высоту, но были встречены сильным огнем. После обстрела 1-й батальон стал отходить с целью дать возможность произвести охват слева выдвижением из полкового резерва офицерского батальона, а справа развернувшимся батальоном 1-го полка. Заметив это движение наших батальонов на флангах, красные в панике бежали, понеся большие потери.

Около 17 часов 2-й и 3-й батальоны в Сладкой Балке были внезапно атакованы со всех сторон конницей в количестве 2500 шашек и двух батальонов пехоты с артиллерией. Учитывая, что они окружены превосходными силами на расстоянии 16 верст от своего полка, батальоны стали отходить на Большой Токмак. По пути отступления противник не раз бросался в атаки с фронта и тыла, но благодаря храбрости отряда и распорядительности и самоотверженности начальствующих лиц батальоны пробивались через кольцо красных, нанеся им большие потери. Отход сопровождался непрерывными атаками конницы, отчаянными контратаками наших батальонов и лихими действиями 5-й батареи полковника Петренко¹⁷⁹. Противник каждый раз отбрасывался нами с огромными для него потерями. Не раз происходили рукопашные схватки, которые заканчивались полным разгромом красных. С такими ожесточенными боями батальоны прочищали себе путь к высотам, что в 3—4 верстах севернее Большого Токмака, куда они прибыли около 20 часов и заняли окопы своего боевого участка. 2-й и 3-й батальоны были отведены в полковой резерв. Наши потери: 40 человек без вести пропавших из числа военнопленных, только что поставленных в строй, 27 человек раненых и 5 убитых. В дальнейшем мы видим, что наша конница отбила этих 40 человек, они пришли снова в «свой» полк и отлично дрались до конца.

17 июля. Противник сосредоточился большими силами в районе хутора Очеретоватого и в 3 часа 30 минут повел наступление на высоту 60.18: Оборонявший высоту 1-й батальон 2-го полка встретил атакующих огнем и сам с подошедшими двумя танками, направленными на фланги, перешел в контратаку и стремительным ударом отбросил красных на восток, нанеся им большие потери. Особенно много потерь им нанес огонь наших батарей.

Получен приказ по дивизии за № 012: «2-му Корниловскому полку с Корниловским конным дивизионом и двумя легкими и одной

тяжелой батареей сегодня в 6 часов начать наступление с высот, что в 3 верстах севернее Большого Токмака, и выбить красных из Сладкой Балки и хутора Ильчикова. К вечеру занять для обороны фронт: хутор Сорочин исключительно — Блюменталь исключительно, войдя в последнем в связь с генералом Агоевым, а вправо с 1-м Корниловским ударным полком. Главные силы — в Сладкой Балке».

В 6 часов полк выступил на сборное место по большой дороге на Сладкую Балку. В голове колонны двигался Корниловский конный дивизион, затем 2-й батальон, 6-я батарея, 3-й батальон, 5-я батарея, 1-й батальон, офицерский батальон, пулеметные команды по своим батальонам, 1-я тяжелая батарея и обозы. В таком порядке полк около 10 часов без боя вошел в Сладкую Балку, выставив сторожевое охранение фронтом на север и северо-восток. Установлена связь с конницей генерала Агоева и 1-м Корниловским ударным полком. Противник, узнав о нашем наступлении, вышел из района Сладкой Балки в сторону Вербового за два часа до нашего прихода.

3-й Корниловский ударный полк из Лянскрона переходит в Вернерсдорф и Скелеватое, ночует в Вернерсдорфе. Затем переходит в Петропавловскую для наступления на село и станцию Пологи, занимает их, но потом отходит в Петропавловскую, где отдыхает три дня.

18 июля. В деревню Сорочин высылается разъезд, который противника там не обнаружил. В 17 часов получена телефонограмма следующего содержания: «Оставаясь главными силами в районе Сладкой Балки и поддерживая связь с генералом Агоевым, немедленно выдвинуть один сильный батальон с эскадром Корниловского конного дивизиона в Вербовое и выбить оттуда противника, если бы он там оказался; батальону, особенно с севера, вести охранение и поддерживать связь с хутором Очеретоватым (с 1-м полком) и Петропавловской (генерал Барбович) и 3-м полком. Иметь в виду, что вчера генерал Барбович разбил конницу красных в районе Блюменфельд, а сегодня пошел на Жеребец. Орехов удерживают дроздовцы».

В 17 часов 45 минут 2-й батальон с эскадром выслан в Вербовое. Строевые занятия с 19 до 21 часа. Население Сладкой Балки встретило нас радушно. На фронте Корниловской ударной дивизии спокойно. Во 2-й полк прибыли 40 человек, захваченных красными в плен при отступлении наших двух батальонов из Сладкой Балки 16 июля. Они были отбиты нашей кавалерией и вернулись в полк с неподдельной радостью.

19 июля. Прибыло пополнение из пленных, захваченных 12-го в бою у Сладкой Балки. Батальоны водились в церковь. Получен приказ по дивизии за № 013: «2-му полку с двумя легкими и одной тяжелой

батареями и эскадроном Корниловского конного дивизиона с получением приказа перейти в район хутора Работина и занять для обороны участок: село Вербовое исключительно, хутор Работин, большая дорога город Орехов—Большой Токмак, включительно. Держать связь с 1-м Корниловским ударным полком в Вербовом, дроздовцами в Орехове и генералом Агоевым в Первой Копани. По прибытии 1-го Корниловского ударного полка в Вербовое притянуть свои части оттуда в район хутора Работина».

Около 14 часов 2-й полк выступил из Сладкой Балки и в 16 часов без боя занял хутор Работин, заняв фронт согласно приказу по дивизии. В 19 часов из Вербового прибыл 2-й батальон полка. В полковом резерве 2-й и офицерский батальоны. Переход — 9 верст. День прошел спокойно. На хуторском сходе крестьяне ознакомились с законом о земле и другими приказами командования Русской Армии. Крестьяне сильно нуждаются в литературе и ею интересуются. Вообще надо отметить, что дело забрасывания пропагандной литературы в Добровольческой и Русской Армиях велось очень плохо, вернее — почти не велось.

20 июля. Ночь прошла спокойно. Противник не обнаружен. По словам жителей и перебежчиков, противника в Малой Токмачке и Орехове нет. В связи с уходом конницы генерала Агоева из Первой Копани установлена связь с конным постом 3-го Марковского полка на высоте между Ореховом и Ново-Андреевкой. Около 20 часов наши были в Орехове и противника не обнаружили. Аэропланы красных бросали газеты и прокламации. Строевые занятия с 19 до 21 часа. Есть случаи заболевания оспой. По словам перебежчиков, настроение мобилизованных подавленное и они выражают полное недовольство коммунистическим строем. В прифронтовых селах население с нетерпением ждет нашего прихода. Пополнение из пленных держит себя бодро и сражается героически, — это можно судить по ожесточенным боям 12 и 16 июля под Сладкой Балкой.

21 июля. Ночь прошла спокойно. Разъезды, высланные на Орехов и Малую Токмачку, были обстреляны одиночными выстрелами конных. Утром же, по словам жителей, красных там не было. Противника в Первой Копани тоже нет. День прошел спокойно. Строевые занятия с 15 до 17 часов.

22 июля. Ночь прошла спокойно. Горячая пища два раза в день. Противник не обнаружен. Боевой состав 2-го Корниловского ударного полка на 22 июля: офицеров — 349, ударников — 1018, нестроевых — 126. Пулеметов в пулеметной роте — 50 и в офицерской пулеметной команде — 20. Винтовок — 851. Пополнения при полку — 100 человек.

23 июля. На участке 2-го полка спокойно. Наши разъезды донесли, что в Орехове находится Дроздовская дивизия, в Малой Токмачке — 2-я кавалерийская дивизия. На фронте Корниловской ударной дивизии спокойно. Сведений о противнике не имеется. Строевые занятия с 18 до 20 часов.

24 июля. На участке 2-го полка спокойно. К 3 часам Марковская дивизия занимала линию: Блюменталь—Гохгейм—Эристовка—Карачекрак—Васильевка. Вправо от 2-го полка 1-й Корниловский ударный полк занимает Вербовое, Дроздовский — Сладкую Балку, 2-я конная дивизия выступила из Орехова в 7 часов, прикрывая отход Дроздовской дивизии, 2-му Корниловскому ударному полку приказано выполнять ту же задачу, то есть оборонять участок от села Вербового исключительно до дороги Орехов—Сладкая Балка включительно. В 11 часов разъезд донес, что Орехов свободен от наших войск. В 17 часов получено донесение о занятии красными Малой Токмачки отрядом в 200 человек пехоты и 200 конных. К югу от железной дороги показались одиночные всадники красной конницы. Получен приказ по дивизии об отходе полка в Большой Токмак и занятии позиции по высоте 60.18 включительно до реки Чингул, тоже включительно. В 23 часа 2-й Корниловский ударный полк выступил из хутора Работина на Большой Токмак.

25 июля. В местечко Большой Токмак 2-й полк прибыл в 9 часов. Высота 60.18 занята заставой с пулеметами от 2-го батальона, а на большой дороге у реки Чингул — застава от офицерского батальона. Полк расположился на северной окраине местечка. В 22 часа в распоряжение полка прибыл броневик «Капитан Добровольский» и в 24 часа — два танка. Около 22 часов доложили, что марковцы под давлением превосходящих сил противника оставили Гейдельберг.

3-й Корниловский ударный полк переходит из Петропавловки в Либенау и потом на западную окраину Большого Токмака.

За этим в журнале боевых действий 2-го Корниловского ударного полка имеется разбор этой операции, для сокращения пропускаемый, и я перехожу к выводам из нее: «1) При постановке задачи не было учтено наличие железнодорожного узла Пологи, вследствие чего задача нашим ударным группам была поставлена просто как на разгром живой силы противника. 2) Запоздалое овладение узлом Пологи дало возможность противнику перебросить 20-ю кавалерийскую дивизию и этим затянуть операцию. 3) Вследствие дальности узлов друг от друга, — до Александровска три перехода, до Пологи один, — и разновременного начала операции против узлов, противник имел возможность делать перегруппировку сил для контрудара и выводить

свои части из-под нашего удара. 4) Все указанные в выводах недочеты решающего значения на ход операции не имели. Операция по своим трофеям и последствиям была блестящая. Удар, нанесенный пехоте и коннице противника, дал ему возможность перейти к активным действиям только после пополнения разбитых или подхода новых частей».

26 июля. 3-й Корниловский ударный полк: переход в Тифенбрун, наступление на Блюменталь, отход от Блюментала, ночевка в Нижнем Куркулаке. На фронте 1-го и 2-го Корниловских ударных полков спокойно.

27 июля. Около 9 часов разъезды красных показались против высоты 60.18. После обстрела нашей заставой они скрылись. Ночь прошла спокойно.

28 июля. На фронте 2-го Корниловского ударного полка в 9 часов со стороны Сладкой Балки показались цепи противника, которые после обстрела их нашей артиллерией залегли в балке у колодезев. В 17 часов появились конные разъезды. В стороне хутора Нижний Куркулак было видно движение пехоты и обозов. В 23 часа 3-му полку был передан броневик «Капитан Добровольский» для атаки противника, занимавшего хутор Нижний Куркулак. Отдано распоряжение 2-му Корниловскому ударному полку быть к рассвету в полной боевой готовности. Ночь прошла спокойно.

29 июля. Около 6 часов противник в составе: 7-го, 8-го, 371-го, 411-го, 412-го, 413-го и 414-го стрелковых и 46-го кавалерийского полков при 18 орудиях разного калибра повел наступление густыми цепями на фронте 2-го Корниловского ударного полка, направляя главный удар вдоль большой дороги на высоту 60.18. Сбив наши заставы, противник под прикрытием сильного артиллерийского огня к 8 часам занял наши окопы и высоту 60.18 и продолжал движение на Большой Токмак. К 9 часам противник подошел к северной окраине версты на полторы, развиг сильный артиллерийский огонь как по расположению батальонов, так и по местечку.

Действия 2-го Корниловского ударного полка. Ко времени отхода наших застав 3-й и 1-й батальоны с 6-й легкой и 3-й тяжелой батареями и двумя танками развернулись на северной окраине местечка Большой Токмак по большой дороге, а 2-й батальон с 5-й легкой батареей и одним танком развернулся на северо-восточной окраине его. В таком положении батальоны ожидали подхода противника, который поражен был метким огнем нашей артиллерии. Подпустив противника на 300—500 шагов, батальоны открыли ружейный и пулеметный огонь, после чего в сопровождении танков повели стремительную

контратаку. Противник не выдержал и начал отходить, неся большие потери убитыми и ранеными, которых оставлял на поле боя необранными. Около 10 часов положение было восстановлено, и полк занял свои окопы. Противник преследовался пулеметным и артиллерийским огнем. Взято 30 пленных и много винтовок. Наши потери: 2 убитых и 29 раненых. Убито 10 лошадей.

Выйдя из сферы артиллерийского огня, противник привел свои части в порядок и снова пытался переходить в наступление по всему фронту полка, но артиллерийским огнем был остановлен. Пехота противника залегла, а его артиллерия в течение всего дня вела обстрел наших окопов.

3-й Корниловский ударный полк после занятия хутора Нижний Куркулак повел атаку на Нижний Мунталь. Туда же с юга вели атаку и донцы. Они взяли 500 пленных и 4 орудия. В этом бою был убит доблестный командир Корниловского конного дивизиона ротмистр Ковалевский. На фронте 1-го Корниловского ударного полка наступление красных отбито. Пленными установлено участие в бою полков из состава 1-й, 42-й и 46-й стрелковых дивизий красных.

30 июля. Около 7 часов, в том же составе, что и 29 июля, и еще усиленный 372-м стрелковым полком и 4 броневиками, противник повел наступление на весь участок 2-го полка семью густыми цепями, направляя главный удар вдоль большой дороги и на высоту 60.18. Сбив наши заставы, противник под прикрытием сильного артиллерийского огня занял около 8 часов наши окопы и высоту 60.18 и продолжал двигаться на Большой Токмак. К 9 часам противник подошел к самой окраине местечка, где к этому времени развернулся со своей артиллерией и танками весь 2-й Корниловский ударный полк. В полковом резерве находился 2-й батальон. Подпустив противника на 300 и даже на 100 шагов, батальоны с танками повели стремительную контратаку. Противник и на этот раз не выдержал и стал отходить. К 10 часам положение было восстановлено. В 14 часов противник группировался северо-восточное высоты 60.18. День закончился спокойно. Трофеи: 5 пленных и много винтовок. Наши потери: 2 убитых и 39 раненых. Броня и огонь выручают... 3-й Корниловский ударный полк и 6-я пехотная дивизия вели наступление на Гейдельберг. Вправо, на участке 1-го полка спокойно.

31 июля. Около 8 часов противник силой до одного батальона при 4 орудиях повел наступление на высоту 60.18. К 9 часам он сбил заставу и занял высоту. Подошедшие две роты 1-го батальона восстановили положение. В 14 часов противник силой уже около двух полков при 4 орудиях повел наступление вдоль большой дороги. Метким ог-

нем наших батарей противник был остановлен. В это же время было видно движение колонн и обозов со стороны колодцев на Нижний Куркулак. Около 18 часов противник сильным артиллерийским огнем обстрелял обе заставы. Обстрел продолжался до 20 часов 30 минут. Наша тракторная батарея была по колодцам, 1-й Корниловский ударный полк был сменен Кавказским офицерским полком и выступил на присоединение к 3-му Корниловскому ударному полку для атаки Нижнего Куркулака. Штаб Корниловской ударной дивизии прибыл на станцию Мунталь. 2-й Корниловский ударный полк перешел в подчинение 6-й пехотной дивизии. За день 2-й полк имел одного пленного и потерял 20 человек ранеными.

Большой Токмак

(по книге «Корниловский ударный полк»)

Бой с отборной конницей Жлобы потребовал от корниловцев сильнейшего напряжения. Выдержка и самообладание даются не так легко, и нервы требовали отдыха. Корниловцы надеялись, что после такого нанесенного ими удара наступит хотя бы временное затишье, но на фронте Русской Армии прибывали все новые и новые красные полки. Они нарастали, как волны прибоя: разобьется о скалы одна волна, за тою вздымается другая... Опять начались упорные и кровопролитные бои.

Корниловской дивизии было приказано стать на позиции от колонии Вальдгейм до селения Нижний Куркулак включительно и вести активную оборону города и станции Большой Токмак — важного стратегического пункта.

Здесь в течение почти двух месяцев изо дня в день корниловцы не только отбивались от лучших и наиболее стойких частей противника, но и наносили им короткими ударами громадные потери. Корниловцы бились с отдельными полками 2-й конной армии и с шестью советскими дивизиями и бригадой красных курсантов. Особо тяжелые бои разыгрались в Нижнем Куркулаке, в Новом Мунтале и у высоты, отмеченной на картах цифрой 60.18.

28 июля 3-й Корниловской полк, занимавший Нижний Куркулак, был отозван в резерв дивизии. В Куркулаке остался Корниловский конный дивизион. Противник несколькими полками пехоты и кавалерии с четырьмя броневыми автомобилями в тот же день вытеснил конный дивизион и занял Куркулак.

На другой день 3-й Корниловский полк с конным дивизионом пытались отбить Куркулак. Под снарядами восьми неприятельских батарей корниловцы подошли к Куркулаку. Красные, подпустив их на близкую дистанцию, открыли жесточайший огонь из пулеметов, тщательно замаскированных в заборах и изгородах. Такого огня корниловцы не выдержали. Они отступили. Кто пытался поднять раненого, сваливался с ним рядом замертво. Сто восемьдесят человек было выхвачено из рядов корниловцев, из них шестьдесят офицеров офицерского батальона. Красные подобрали раненых, сволокли их в хату и сожгли.

31 июля к 3-му Корниловскому полку был подтянут 1-й полк и было приказано вновь атаковать Куркулак. 1-й полк должен был вести атаку с северо-запада, 3-й полк — с востока, а с юга на поддержку наступления был послан Самурский полк.

3-й и 4-й батальоны 1-го полка, продвигаясь к Куркулаку, наткнулись на густые цепи красноармейцев, засевших в окопах. Заградительный огонь из шестнадцати орудий пресекал все попытки взять окопы с налета. Наступление батальонов приостановилось. Тогда капитан Дашкевич, заменявший уехавшего в отпуск полковника Гордиенко, приказал 2-му батальону атаковать Куркулак с юга — левее самурцев, а 3-му и 4-му батальонам — «во что бы то ни стало» — сломить сопротивление красных. Дыханием смерти всегда веет от этих коротеньких слов — «во что бы то ни стало». Получив такой приказ, корниловцы в конце концов прорвались через огневую завесу, овладели окопами и, преследуя красных, захватили западную окраину Куркулака. Красноармейцы стали сдаваться. Корниловцы уже слоняли пленных и собирали вражеские пулеметы, как вдруг с северной окраины села выскочили три броневых автомобиля, а за ними свежие резервы красных. Броневики открыли пулеметный огонь и начали косить корниловцев. Пленные схватили брошенное оружие и присоединились к своим. Корниловские роты сразу потеряли почти всех своих офицеров и были окружены. Напрягая последнее усилие, они все-таки прорвались и в полном беспорядке стали отступать, преследуемые красными.

Неудача постигла и 2-й батальон, атаковавший Куркулак с юга. Здесь под защитой жестокого артиллерийского огня красные сами перешли в контратаку и отбросили корниловцев. Положение создалось угрожающее. Тогда Дашкевич, не потерявший присутствия духа, бросил свой последний резерв — 1-й батальон. Три роты этого батальона под начальством подполковника Ширковского пошли в атаку на южную окраину Куркулака, а одна рота с офицерским полубатальоном и

пешими разведчиками, под командой очень храброго поручика Бурьяна, устремилась к западной окраине. На карту была поставлена честь полка, и разведчики с 1-м батальоном ворвались в селение. Но борьба не кончилась. Каждый дом, подвал, забор пришлось брать с боем. Повсюду были сделаны бойницы, и красные стреляли в упор, с боков и тыла. Такого напряженного боя корниловцы еще не испытывали ни разу. Защищались с таким упорством 1-я Уральская стрелковая дивизия, пришедшая из Мурмана, с Северного фронта, и бригада красных курсантов. 1-й Корниловский полк потерял шестьдесят одного офицера и сто тридцать ударников — четверть своего состава; все раненые 3-го и 4-го батальонов, поневоле брошенные при отступлении, лежали с разможженными черепами — их побили красные. Двести уральцев и курсантов, взятых в плен, были тут же расстреляны, остальных триста пленных отправили в тыл.

Большевики пытались снова овладеть Куркулаком. Они сосредоточили до сорока тяжелых и легких орудий и перед своими атаками развивали ураганный огонь. Однажды, выпустив до двух тысяч снарядов, 46-я советская дивизия шесть раз подряд ходила в атаку, а два полка кавалерии одновременно наступали во фланг корниловцев, и все эти атаки разбились о стойкость 1-го и 3-го Корниловских полков. Такие упорные атаки повторились и в последующие дни, красные несколько раз даже захватывали окраины Куркулака, но неизменно были оттуда выбиваемы. Тогда большевики силой до двух тысяч сабель отеснили Донской полк, обеспечивавший левый фланг корниловцев, и взяли Куркулак в полукольцо. Корниловцы были зажаты с трех сторон. Корниловские резервы со своими броневыми машинами перебрасывались из стороны в сторону и повсюду восстанавливали положение, но большевики продолжали сжимать кольцо. Корниловцы получили приказ отойти к югу от Куркулака на колонию Старый Мунталь.

Чтобы парализовать успех красных, генералу Скоблину на другой же день было приказано, подчинив себе Донскую бригаду генерала Клочкова¹⁸⁰, овладеть колонией Новый Мунталь, расположенной северо-западнее Куркулака. Новый Мунталь занимала красная кавалерия. 1-й и 2-й Корниловские полки повели наступление с востока и юга, а Донская бригада была пущена в обход колонии, чтобы отрезать красным путь отступления на севере в колонию Гейдельберг.

Корниловцы быстро овладели Мунталем, но к красным подошли резервы — два пехотных полка и интернациональный батальон из мадяр и спартаковцев. Мунталь стал переходить из рук в руки.

При подготовке четвертой атаки аэропланы, вылетевшие на помощь Корниловской дивизии, приняли конницу генерала Клочкова за непри-

ягельскую и со всей своей лихостью стали ее бомбить и расстреливать из пулеметов. Один командир полка был убит, двое других ранены. Был тяжело ранен сам командир бригады генерал Клочков. Смятение овладело донскими полками. К довершению беды красные из всех своих орудий стали осыпать шрапнелью метавшихся по полю казаков. Генералы Скоблин и Пешня¹⁸¹ помчались к донцам и с большим трудом стали приводить их в порядок.

Красные воспользовались общим замешательством и пошли в атаку. Их конница поскакала в обход корниловцев, но офицерский батальон ее отбросил, а другие батальоны сами бросились в атаку. Ударили по красным и казаки. Мунталь был взят окончательно.

* * *

1 августа. В течение дня со стороны Сладкой Балки и хутора Очеретоватого перед фронтом 2-го Корниловского ударного полка показалась партия разведчиков, которая после обстрела пулеметным и артиллерийским огнем скрылась. Около 20 часов бывшие гвардейские офицеры, состоящие на службе в советской армии, прислали письмо с предложением перейти к нам на службу. Письмо осталось без ответа. Ночь прошла спокойно.

2 августа. Около 7 часов красные двумя цепями повели наступление на высоту 60.18, но огнем были отброшены и залегли. В 16 часов застава донесла, что противник свое охранение оттягивает назад. В течение дня идет артиллерийская перестрелка. Ночь прошла спокойно.

3 августа. В 9 часов красные силой около двух батальонов повели наступление на высоту 60.18, но после обстрела подались назад. Около 13 часов они вновь пошли в наступление при поддержке артиллерийского огня. После обстрела нашей артиллерией скрылись.

4 августа. В 2 часа заставами была замечена сигнализация из Большого Токмака на Сладкую Балку. В 3 часа заставу обстрелял разъезд противника, который после этого скрылся. Ночь прошла спокойно.

5 августа. С утра противник силой около двух батальонов повел по всему фронту 2-го полка наступление, под натиском которого заставы отошли на северную окраину местечка. Полк, без танков, перешел в наступление и занял свои окопы. В 16 часов полк сменился, передав позицию Самурскому пехотному полку. В помощь самурцам оставлено три роты с двумя орудиями 6-й батареи, под командой полковника Померанцева. В 20 часов полк прибыл в расположение свое на западной окраине Большого Токмака. В 24 часа полк переведен в

колонию Старый Мунталь. 3-й Корниловский ударный полк отошел от Куркулака в Старый Мунталь и с 5-го на 6-е в Большой Токмак.

6 августа. Помещаемое ниже описание боя резко отличается от изложенного в книге «Корниловский ударный полк». Журнал боевых действий 2-го Корниловского ударного полка излагает действительную картину происходившего, которая говорит о постигшей нас трагической неудаче, когда наши же авионы разбомбили конную бригаду генерала Клочкова в самый критический момент перехода красных в контратаку на 2-й Корниловский ударный полк с обходом его конницей. Роль 1-го полка из-за его опоздания свелась к пассивному наблюдению. Отбил все атаки противника и ликвидировал обход красной кавалерии 2-й полк.

Обстановка боя. Дроздовцы из Ново-Нассау должны были наступать на Новый Мунталь. Задача 1-му и 2-му Корниловским ударным полкам с их артиллерией, с 12-м и 18-м Донскими полками и с двумя бронеполками, под командой генерала Пешни: не позже 8 часов сего числа перейти в решительное наступление в направлении на Новый Мунталь, охватывая его с востока, с целью уничтожить противника в этом районе. Коннице в начале боя быть в кулаке за пехотой для нанесения удара в нужный момент в важнейшем направлении.

Сосредоточение и движение. Сборный пункт 2-го полка и отряда — западная окраина колонии Старый Мунталь. В 8 часов 30 минут 2-й Корниловский ударный полк выступил со сборного пункта без трех рот и 6-й батареи, оставленных Самурскому полку. Конница на сборный пункт опоздала, 1-й Корниловский ударный полк тоже своевременно не вышел на сборный пункт и выступил из колонии только в 9 часов 30 минут.

Действия 2-го Корниловского ударного полка. Около 10 часов, выдвинувшись на высоты, что в 4 верстах северо-западнее колонии Старый Мунталь, противник открыл по колонне артиллерийский огонь. Под прикрытием огня своих батарей полк двинулся дальше уже под фланговым огнем артиллерии красных со стороны колонии Нижний Куркулак. Около 13 часов, под сильным артиллерийским огнем со стороны колонии Нижний Мунталь, полк развернулся: 3-й батальон вдоль дороги, правее — 2-й и 1-й батальоны, полковой резерв, офицерский батальон — за левым флангом полка, и начал теснить передовые части противника. Приблизившись на 1000—1200 шагов, полк попадает под сильный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь, носивший характер заградительного. Кроме этого, со стороны красных непрерывно выезжали для обстрела четыре броневика. Принимая во внимание слабость полковой артиллерии — 5 орудий — и несмелые

действия наших двух броневиков, полку приходилось нести большие потери в людях и отбиваться больше ружейным огнем. Противник на фронте полка был в превосходных силах и отличался стойкостью. Около 15 часов, когда полк сблизился и был готов перейти в атаку, конница противника повела атаку на левый фланг полка, а четыре наших аэроплана в это время с успехом бомбили нашу же конную бригаду донцов, убив одного командира полка, ранив другого командира полка и самого командира бригады генерала Клочкова, нескольких чинов его штаба и человек десять казаков, разогнав в эту критическую минуту главный наш козырь в операции не только для отражения обходившей нас красной кавалерии, но и для обхода атакуемой нами пехоты, с целью ее уничтожения. Атаку красной кавалерии отбил офицерский батальон, счастливо расположенный за левым флангом полка. Затем полк повел энергичное наступление на южную окраину колонии, и упорное сопротивление противника было сломлено, несмотря на то что 10 его орудий бомбили корниловцев. Колония Новый Мунталь была занята нами.

Действия соседей. Наша конница все же нанесла удар в левый фланг противника, 1-й же Корниловский ударный полк после опоздания на сборный пункт был как бы в резерве, хотя, судя по ходу боя, его место было в тесном взаимодействии со 2-м своим полком для облегчения выполнения поставленной задачи уничтожения живой силы противника. В трагический момент бомбежки нашими аэропланами своей конницы, совпавшей с переходом в атаку на наш левый фланг красной кавалерии, присутствие 1-го полка было особенно желательно. Мне, как командиру 2-го Корниловского ударного полка, картина была ясна: трагический разгром аэропланами нашей конницы сорвал выполнение нами задачи на уничтожение живой силы противника. Это усиливалось еще и тем, что 2-й полк перед уходом из Большого Токмака ослабили, оставив самурам три роты с легкой батареей под командой лучшего командира батальона полковника Померанцева и отобрав потом и тяжелую батарею. В этом бою и два броневика действовали слабо, боясь, по-видимому, многочисленной артиллерии красных и четырех своих противников.

Со стороны противника в бою участвовали: 2-я и 16-я кавалерийские дивизии, одна стрелковая бригада из двух полков и 3-й интернациональный батальон из мадьяр-спартаковцев при 4 тяжелых и 16 легких орудиях и четырех броневиках. Наши потери: убиты 1 офицер и 6 ударников, ранены 15 офицеров и 84 ударника, без вести пропали 1 офицер и 4 ударника. Пленных не было, но оружия и убитых красные оставили много.

К вечеру 2-й Корниловский ударный полк оставался на занятой им позиции за колонией Нижний Мунталь; один батальон 1-го полка занял с батареей бугры, что северо-западнее Вальдорфа, остальные его батальоны оставались за правым флангом 2-го полка, 3-й Корниловский ударный полк из Большого Токмака перешел обратно в Старый Мунталь, то есть был в резерве дивизии.

7 августа. К часу 2-й Корниловский ударный полк перешел в колонию Старый Мунталь. Был получен приказ о занятии участка от реки Чингул включительно до дороги на Нижний Мунталь, тоже включительно.

В 22 часа полк сменил на позиции заставы 3-го Корниловского ударного полка, который совместно с 1-м полком выступил на северо-западную окраину Большого Токмака. Ночь прошла спокойно.

8 августа. Около 10 часов красные, силой в 500 мадьяр, сибирских стрелков, с двумя эскадронами и при одном броневике, повели наступление на правый участок 2-го Корниловского ударного полка со стороны Нижнего Куркулака. Выдвинутые 2-й и офицерский батальоны, при поддержке 6-й легкой и 3-й тяжелой батарей, остановили продвижение противника. В 14 часов, силой одного стрелкового полка при двух броневиках красные повели наступление из колонии Нижний Мунталь, в обход левого фланга полка. Высланный 3-й батальон при поддержке нашей артиллерии остановил противника. Броневики противника неоднократно выезжали для обстрела наших цепей, но каждый раз залповым огнем рот прогонялись. Около 15 часов красные пытались под прикрытием сильного артиллерийского огня перейти в наступление, но пулеметным и артиллерийским огнем были остановлены. Во время артиллерийской подготовки красных был тяжело ранен и вскоре скончался доблестный командир батальона полковник Померанцев¹⁸². Без рисовки и показного усердия перед начальством он всегда ровно, спокойно и пунктуально исполнял самые трудные задачи. Его подчиненные видели в нем идейного борца за Русь Святую и шли за ним в огонь и в воду. Владел он собой поразительно и часто, будучи ранен, до конца боя не эвакуировался или вообще залечивал раны в строю. На этот раз он был тяжело ранен в живот. Когда его везли на санитарной повозке с передовой линии, я сопровождал резерв полка, выдвигаемый на левый фланг. Подъехав к повозке, я увидел по лицу полковника Померанцева, что дела его плохи, но, не подавая вида тревоги, спросил, как он себя чувствует. Он довольно спокойно ответил: «Красные упорно хотят нас выбить. Дело мое плохо — прощайте». Я пытался его ободрить, сказал, что мы скоро еще увидимся, но к вечеру мне сообщили о его кончине.

Всю ночь около 14 пулеметов противника вели перестрелку с нашими заставами.

Соседи: 3-й Корниловский ударный полк обеспечивал правый фланг 2-го Корниловского ударного полка и затем перешел в Большой Токмак. 1-й полк в 11 часов был передвинут на хутор Молочный и выдвинулся на «Шесть могил», 2-й Донской казачий полк к 13 часам выдвинулся на левый фланг полка, со стороны Молочного, 3-я тяжелая батарея своим метким огнем сбила две батареи противника. Во 2-м полку было убито 4 человека и ранено 21. Около 22 часов застава № 3 донесла, что в подсолнухах скопилось около 300 кавалеристов при 12 пулеметах.

9 августа. Разъезды противника при пулеметных тачанках всю ночь вели перестрелку с нашими заставами. Около 5 часов противник одним стрелковым полком при 200 кавалеристах и 12 орудиях повел наступление по всему фронту 2-го полка. Огнем наших батарей, а также пулеметным и ружейным 1-го и 3-го батальонов противник был остановлен и залег. В 10 часов, усилившись 3-м интернациональным полком, 8 орудиями и двумя броневиками, он снова перешел в наступление, поддерживаемый сильным артиллерийским огнем. Ведя атаку, противник 1-м интернациональным полком охватывал левый фланг полка. К означенному пункту были подтянуты 3-й и офицерский батальоны с двумя броневиками, но последние в момент атаки испортились. При вторичном подходе броневика «Могучий» полк стремительной атакой отбросил и обратил в бегство противника, оставившего на поле боя 50 убитых и раненых, по преимуществу мадьяр. Были взяты в плен здоровыми 5 мадьяр. У нас были сильно контужены командиры 1-го и 3-го батальонов, убит командир 1-й роты, 2 офицера ранено, убито 6 ударников и 45 ранено. Отмечаются доблестные действия известного начальника офицерской пулеметной команды поручика Бондаря Артема, офицера из вахмистров кавалерии, и командиров 5-й и 6-й наших батарей, все время работавших под сильным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника. В течение минувшей ночи на левом фланге полка были вырыты окопы, благодаря чему полк понес сравнительно мало потерь.

Соседи: 1-й Корниловский ударный полк был на «Шести могилах» и в течение всего боя вел себя пассивно, почему 2-й полк и был атакован в свой левый фланг, 3-й Корниловский ударный полк из Большого Токмака выступил на Фирстенау, Фабричную и Шензе. Его офицерский полубатальон ушел на формирование.

10 августа. Ночь прошла спокойно. С 15 до 16 часов редкая артиллерийская стрельба со стороны противника. Около 20 часов было замечено движение цепей противника со стороны колонии Нижний

Мунталь на заставу № 4 и далее влево. Одновременно с этим по дороге из колонии Нижний Мунталь шел броневик к заставе № 3. Огнем застав и выдвиганием броневика «Могучий» противник был вынужден отойти и залег. Ночью перед заставами № 3 и 4 были слышны голоса и движение тачанок. Приняты меры предосторожности.

11 августа. В 4 часа противник повел наступление на левый участок 2-го полка, но огнем был отбит и залег на расстоянии 1000 шагов. В 7 часов 30 минут противник в составе 1-й Сибирской бригады, 3-го интернационального полка, 1-го полка бригады 46-й стрелковой дивизии, при большом количестве артиллерии, вторично повел наступление на левый фланг полка, с заходом в тыл ему. Наши цепи встретили противника сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем и, перейдя в контратаку, отбросили его. После этого красные еще несколько раз переходили в контратаки. Жестокий бой длился не менее двух часов. Под сильным натиском противника окопы не раз переходили из рук в руки. Около 9 часов положение было восстановлено, и стремительной атакой с выдвиганием из резерва 1-го и 2-го батальонов и двух рот офицерского батальона, при поддержке всей артиллерии и броневиков, выдвинутых на фланги, противник был сбит и обращен в паническое бегство на северо-запад, оставив на поле боя много раненых и убитых. После преследования противника донской конницей 46-я стрелковая дивизия была полностью захвачена. Рассеяв красных, наши цепи вернулись на Бельдорф, где полк построился и походным порядком был направлен на Тифенбрун, куда прибыл в 13 часов, выставив сторожевое охранение на север и северо-запад. Вальдорф и Тифенбрун противник, в связи с неудачным наступлением, оставил без боя. В этом бою был ранен доблестный командир 3-й пулеметной команды поручик Власенко. Снова большое мужество и храбрость проявили 5-я батарея полковника Петренко и 6-я полковника Гетца, которые, находясь под действительным ружейным и пулеметным огнем, все время били на картечь, и броневик «Могучий», прорвавшийся к орудью противника, где он переранил всю прислугу и лошадей и, за невозможностью вывести орудие, снял с него замок. О всех чинах 2-го Корниловского ударного полка я, как его командир, должен отметить, что они и здесь показали себя достойными ударниками генерала Корнилова. Наши трофеи: одно орудие, много пулеметов и винтовок, 140 пленных. Наши потери: убито 4 офицера, 9 ударников и 17 лошадей, ранено 15 офицеров и 38 ударников.

Резко замечается необходимость в коннице, которая могла бы отрезать всю левофланговую группу красных, стремившихся зайти в тыл полку, и этим избавить нас от лишних потерь.

Около 18 часов со стороны Блюменталья показались разезды красных. Выдвинутыми броневиками противник был отогнан. Соседи на левом фланге — 6-я пластунская сотня, расположенная на «Шести могилах», в течение боя вела себя пассивно. Правый фланг обеспечивал наш 3-й полк.

12 августа. Ночь прошла спокойно. В 16 часов со стороны Блюменталья двигалась пехотная цепь, человек 200, и разезды в направлении к Тифенбруну. Огнем артиллерии противник был разогнан и залег в 4—5 верстах от расположения 2-го полка.

13 августа. В 5 часов 2-й Корниловский ударный полк, оставив в Тифенбруне 6-ю пластунскую сотню 2-го Донского полка, двинулся в Старый Мунталь, откуда, сдав свой участок 1-й Донской бригаде, проследовал в село Троицкое, в котором и расположился на ночлег. 3-й Корниловский ударный полк направлен в Серагозы через Троицкое и Демьяновку. Отсюда начинается переброска Корниловской ударной дивизии на занятую противником Каховку.

Выводы за период с 26 июля по 13 августа 1920 года. В журнале 2-го Корниловского ударного полка вывода за этот период нет. Надо полагать, что донесение в штаб дивизии за это время было послано без такового из-за тяжелых боев, особенно для 2-го Корниловского ударного полка. Поэтому я восполню этот пробел с точки зрения его командира, избежав всех поправок штаба дивизии.

Возвращение 1-й армии из рейда на Пологи—Орехов противник считал за наше поражение, быстро вошел в соприкосновение с нами на наших старых позициях, подтянул резервы и стал непрерывно вести атаки на высоту 60.18 и колонии Куркулак—Нижний Мунталь, сосредоточив здесь для поддержки пехоты сильную артиллерию и броневики.

Сначала красные все время вели атаки на местечко Большой Токмак, начиная с 29 июля — на высоту 60.18 и большую дорогу на село Сладкая Балка. Противник, по-видимому, не смог понять того, что мы после рейда даже усилились, и настойчиво вел атаки до 5 августа включительно, поломав себе зубы на этом участке. Осознав это, он перебрасывает свои резервы левее, и 2-й Корниловский ударный полк тут же, после отражения атаки 5 августа, был сменен в течение ночи и переброшен через Большой Токмак в Старый Мунталь. Бои, начиная с 29 июля и до 5 августа включительно, велись в обстановке перехода инициативы к противнику и его значительного перевеса в силах, особенно в артиллерии. Мы же могли ему противопоставить свою сплоченность, облегчающую всякий маневр, и качество наших пулеметов и нашей превосходной артиллерии. Танки и броневики были малочис-

ленны и редко бывали с нами в нужные минуты, но, когда они работали с нами, наши потери были в 3—4 раза меньшими.

И за все это время на участке нашей дивизии наше командование не могло сосредоточить достаточной силы для окружения и уничтожения двух-трех бригад противника, — все сводилось к отбрасыванию красных, правда, с огромными для них потерями от нашего огня, а иногда и от штыков. Наше командование, перебрасывая Корниловскую ударную дивизию под колонию Нижний Мунталь, не ошиблось в своих данных: потерпев неудачу в лобовых атаках на Большой Токмак, противник сосредоточил все свои силы на самом левом фланге дивизии, где произошли вновь кровопролитные для 2-го Корниловского ударного полка встречные бои.

Отлично задуманная операция на уничтожение живой силы противника 6 августа встретила ряд непредвиденных и даже роковых затруднений, и при наличии данных выполнить ее с успехом она закончилась простым отбрасыванием его. Предполагалось, что удар на группу красных с центром у колонии Новый Мунталь нанесут: в авангарде прямо на колонию наступает 2-й Корниловский ударный полк, за ним, в резерве группы генерала Пешни, 1-й Корниловский ударный полк, левее 2-го полка какая-то часть Дроздовской стрелковой дивизии наносит удар из Нассау тоже на Новый Мунталь, и за левым флангом 2-го полка Донская конная бригада генерала Клочкова для удара по возможности с тыла противнику. На деле же получилось: 2-й Корниловский ударный полк в авангарде выступает своевременно, 1-й полк опаздывает с выступлением на час. Дроздовцев, по невыясненным причинам, вообще за этот день не было на отведенном для них участке. Донская конная бригада, хотя и опоздала с выступлением, все же подошла уступом назад за левым флангом 2-го полка, когда полк с большим трудом преодолевал сопротивление красных и когда красная кавалерия шла в атаку на его левый фланг и тыл, но здесь произошло невероятное: наши четыре аэроплана с присущей им лихостью разнесли с большими потерями всю бригаду донцов, которые и были «гвоздем» в данной операции и выполнили бы свой долг окружения противника, но они сами рассыпались от огня своих же, и командование группы генерала Пешни собирало их. Однако этот страшный момент для 2-го полка был удачно ликвидирован его резервом, удачно расположенным за левым флангом офицерским батальоном с его отличной пулеметной командой в 20 пулеметов.

Несмотря на то что полк имел только пять орудий и у него оставили в Большом Токмаке три роты, колония Новый Мунталь была взята. 1-й Корниловский полк так и остался в резерве. Операция на

окружение сорвалась, а имела все данные для блестящего ее выполнения. Со стороны противника у колонии Новый Мунталь в бою против 2-го Корниловского ударного полка участие принимали 2-я и 26-я кавалерийские дивизии, одна стрелковая бригада из двух полков и 3-й интернациональный батальон, составленный из мадьяр-спартаковцев, при 4 тяжелых и 16 легких орудиях и четырех броневиках.

7 августа 2-й Корниловский ударный полк для сокращения фронта был переведен из Нового Мунталя в Старый Мунталь. Противник все время ведет наступление. 9 и 10 августа снова на участке 2-го полка красные ведут наступление силами 1-й Сибирской бригады, 3-го Интернационального полка, 1-го полка бригады 46-й стрелковой дивизии, при большом количестве артиллерии. Наши окопы переходили из рук в руки, и напряженный бой длился с 7 до 9 часов. При содействии броневиков и всех сил полка противник был отброшен с большими для него потерями. За это время конная бригада донцов ударила по частям 46-й стрелковой дивизии с тыла, захватив почти все, что осталось от этой дивизии, — так это записано в журнале боевых действий 2-го Корниловского ударного полка. Это является лишним подтверждением необходимости конницы для совместных действий с пехотой при решении задач на уничтожение живой силы противника. 12 августа было только слабое наступление красных, а 13-го Корниловская ударная дивизия стала перебрасываться на Каховку для ликвидации там прорыва. Сообщение о нем объяснило, почему красные, не считаясь со своими потерями, нанесенными им разгромом Жлобы и рейдом Пологи—Орехов, гнали остатки своих потрепанных частей в атаки ежедневно. По-видимому, прорывом на двух отдаленных участках, имевших каждый кратчайшее расстояние для перехода в Крым, они предполагали ликвидировать нас еще на полях Северной Таврии, но на этот раз они просчитались.

Бои за Каховский укрепленный район

14 августа. В 7 часов 2-й Корниловский ударный полк в составе своей дивизии выступил из села Троицкого в село Елизаветовка. В Большой Ивановке двухчасовой привал. В 17 часов полк направляется далее по назначению. В 22 часа полк прибывает в Елизаветовку и располагается на ночлег, выставив сторожевое охранение на запад, юг и север, что ясно говорило о неопределенности положения.

15 августа. В 8 часов полк выступил из Елизаветовки в Демьяновку, куда прибыл в 12 часов. Около 16 часов полк в составе дивизии двинулся по дороге из Демьяновки на Нижние Серагозы.

Временно я прерываю выписки из журнала боевых действий 2-го Корниловского ударного полка и ознакомлю читателя с 29-й главой книги «Корниловский ударный полк» под заглавием «Каховка».

В августе атаки красных в районе Большого Токмака стали выдыхаться. Последнюю сильную атаку они повели из Куркулака на Старый Мунталь, подступы к которому защищал 2-й Корниловский ударный полк. Горячий бой длился два часа, но в это время Донской конный корпус овладел колонией Тифенбрун, расположенной к северу от Куркулака, и красные стали стремительно отступать. Их казаки перехватили. Ближайший к Токмаку район был очищен от красных, и бои перенеслись к селу Васильевка, недалеко от города Александровска. Не так благополучно сложилась обстановка на левом фланге Русской Армии: под прикрытием огня дальнобойных орудий, поставленных на высотах правого берега Днепра, красные навели понтонный мост через Днепр и овладели Каховкой. Сюда из Бериславля были переброшены три стрелковые дивизии, 51-я, 52-я и латышская, с шестью батареями. Укрепив каховский тет-де-пон, красные двинулись в Таврию, отгесняя конный корпус генерала Барбовича. Они уже заняли деревню Нижние Серагозы и создали угрозу перерезать железную дорогу Севастополь—Мелитополь. Генерал Кутепов, к этому времени назначенный командующим 1-й армией, решил в помощь генералу Барбовичу перебросить из Большого Токмака всю Корниловскую ударную дивизию. Через два дня корниловцы уже были в одном переходе от противника. Корниловцам была придана 1-я конная дивизия и два полка 6-й пехотной дивизии. Все эти части образовали ударную группу под общим командованием генерала Скоблина. 15 августа ударная группа получила приказ перейти в наступление. «Корниловцы, — писал в своем приказе генерал Скоблин, — положение очень серьезное... Только от вас зависит, останется ли Русская Армия в Северной Таврии или принуждена будет ее очистить... Превозмогите усталость (скажу от себя, что недаром приказ по дивизии подчеркнул: «превозмогите усталость», а она была от предыдущих ежедневных боев такой, что корниловцы просто валились с ног) и покажите еще раз, что Корниловская дивизия действительно ударная...»

Полки стали готовиться к бою. 1-м полком продолжал командовать временно капитан Дашкевич, в командование 2-м полком после смерти полковника Пашкевича вступил полковник Левитов, и только в 3-м полку оставался старый командир, полковник Щеглов. К часу дня все распоряжения были закончены, и полки потянулись к Верхним и Нижним Серагозам, откуда было приказано выбить противника. Когда корниловцы стали разворачиваться в боевой порядок, хлынул про-

ливной дождь. Перед глазами стояла сплошная водяная стена, и она скрыла от красных приближение корниловцев. Ливень прекратился так же сразу, как начался, но за это время корниловцы успели подойти к курганам и буграм, где укрепились красные. Несмотря на внезапность корниловской атаки, первый бой под Нижними и Верхними Серагозами кончился вничью. Красные хотя и были сбиты со своих позиций, но под самыми селениями проявили большую стойкость. В 3-м полку был легко ранен полковник Щеглов, и его заменил полковник Пух, тоже легко раненный. Только со второго дня корниловцы стали теснить красных. Красные отступали, но отбивались упорно, каждый раз на месте боя оставались сотни убитых и раненых красноармейцев. Большие потери несли и корниловцы (не забудем, что оборона Большого Токмака взяла от Корниловской ударной дивизии больше двух тысяч убитыми и ранеными). Когда Корниловская дивизия к вечеру 20 августа, после целого ряда непрерывных атак, прижала, наконец, красных к Днепру, она была совершенно обескровлена — в ней оставалось всего около шестисот штыков (это автором сильно уменьшено, так как в дивизии было три полка и один запасный, плюс к этому полки перед походом получили из своих запасных батальонов пополнение). Тем не менее ударной группе генерала Скоблина было приказано без всякой передышки не только отбросить красных за Днепр, но и взять Бериславль, висящий по ту сторону над Каховкой. Генерал Скоблин в ответ на это приказание немедленно послал донесение, помеченное 20 августа, 23 часа 40 минут, в котором писал: «От самых Серагоз мы били красных исключительно благодаря Корниловской дивизии. На своих плечах она вывозила все тяготы и дралась за всех. Теперь, после семидневных непрерывных боев, Корниловская дивизия уменьшилась на две трети, выбыл из строя почти весь командный состав. Люди изнурены до того, что не в состоянии двигаться. Артиллерия своей блестящей работой неустанно помогала корниловцам, но у нее осталось очень мало снарядов, не более сорока на орудие. Несмотря на все мои просьбы, снарядов не высылают. Очевидно, инспектор артиллерии не понимает, что при подавляющем числе противника наше небольшое количество штыков может быть возмещено только огнем артиллерии. Только против моей группы не меньше 7—8 тысяч красных (51-я советская стрелковая дивизия при переброске на станции Апостолово имела до 24 тысяч в своих девяти полках, при форсировании красными Днепра была в резерве, и потому при столкновении теперь с нами ее численность должна быть старой). Их убыль пополняется непрестанно. И доблесть корниловцев имеет предел. Раз приказано — они идут на верную смерть, но сейчас, в данный момент,

атаковать Каховку не могут. В крайнем случае ваше приказание об атаке могут начать приводить в исполнение только в 4 часа 21 августа, но что из этого выйдет — не знаю... Если атаку отложить на завтра, то, чтобы облегчить бой и уменьшить потери, прошу вашего ходатайства перед комкором 2-го о следующем: во-первых, послать аэропланы для непрерывной бомбардировки батарей противника и всех мостов и, во-вторых, доставить к полудню не меньше 2 тысяч снарядов». Через 20 минут, в 24 часа, генерал Скоблин получил такое приказание: «Приказываю в 4 часа 21 августа атаковать Любимовку — село восточнее Каховки — и безостановочно развивать успех на Каховку, подготавливая выделение одной дивизии (?!) для занятия Бериславля тотчас после взятия Каховки. Дивизию направлять по понтонному мосту. Ваш правый фланг и тыл будет обеспечивать конница генерала Татаркина, которая сосредоточивается в Софиевке. Генерал-лейтенант *Барбович*».

К 4 часам ночи корниловцы подходили к Любимовке. Они были еще верстах в трех от укрепленной полосы, когда 2-й корпус начал атаку западных укреплений каховского плацдарма. Красные всполошились на всем фронте, и неожиданность корниловского удара была сорвана. Когда корниловцы развернулись для атаки, впереди сразу засверкала непрерывная лента огня. Разрывы снарядов, вой осколков, свист пуль в темноте страшнее, чем днем. Все-таки корниловцы подбежали к проволочным заграждениям. Ножниц не было. Стали бить по проволоке прикладами, рвать руками. Из окопов полетели ручные и зажигательные гранаты, 1-й полк залег под проволокой, 2-му полку удалось прорваться за проволоку, с криком «Ура!» он бросился за проволоку, но захлебнулся в свинцовом потоке, 2-й полк пытался атаковать еще раз два, и, совершенно обессиленный, он свалился между проволокой. В 5 часов ночи корниловцы выбрались из проволоки и отошли назад за бугры. Жутко было смотреть на измученные, осунувшиеся лица. Глаза были воспалены, руки сочились кровью, одежда вся была в клочьях. Во 2-м полку осталось сто штыков, в первом около ста пятидесяти. Тремя пулями в живот был ранен капитан Дашкевич. На его место стал подполковник *Челядинов*¹⁸³.

Атака Каховки с налета не удалась. После длительных переговоров между штабами было решено произвести перегруппировку и, сосредоточив большую часть пехоты на западной окраине каховского тет-де-пона, снова атаковать красных. Атака была назначена на 23 августа, в 2 часа ночи. На левом фланге атакующих 13-я и 34-я пехотные дивизии получили задачу взять хутор Терны — опорный пункт каховского тет-де-пона, и Малую Каховку. На правом фланге корниловцев 6-я пехотная дивизия двухполкового состава и спешенная 2-я конная,

наступая на Любимовку, должны были привлечь на себя внимание противника. В центре, вдоль дороги из Чаплинки на Каховку, была поставлена Корниловская ударная дивизия (точнее — 3-й и запасный полки с остатками 1-го и 3-го полков). Ей было приказано прорвать фронт и овладеть Каховкой. В авангарде дивизии шел 3-й полк с тремя танками и двумя бронеавтомобилями. Непосредственно за 3-м полком — запасный Корниловский полк. Затем 1-й и 2-й полки в резерве дивизии. Танки быстро прорвали четыре линии проволочных заграждений, и корниловцы ворвались в окопы. Выбивая из них красных и преследуя их, корниловцы захватили 20 пулеметов и несколько орудий, но страшный ночной бой нисколько не утихал. Остальные наступавшие дивизии залегли под проволокой, и красные всеми силами обрушились на корниловцев. Их расстреливали спереди, из Каховки, и из Бериславля, сзади, из хутора Терны, и с фланга, из Любимовки. Все танки были подбиты, они в темноте наткнулись вплотную на неприятельскую батарею. От прямого попадания танк «Сибиряк» запылал как факел, у танка «Сфинкс» был разбит мотор и разорвана гусеница, у танка «Урал» лопнул корпус, два полевых орудия, сопровождавшие танки, были еле вывезены, так как прислуга и кони были перебиты. Маленькую кучку корниловцев обступили с трех сторон, особенно наседали латыши. На помощь был брошен последний резерв — Корниловская инженерная рота, — но уже силы были слишком неравны. До 5 часов корниловцы отбивались от яростных атак и, наконец, под прикрытием огня своей артиллерии выбрались из этого ада. Корниловская дивизия была почти добита. На переключке редко кто отзывался. Все корниловские полки были сведены в роты. В сводной роте 1-го Корниловского ударного полка осталось сто семь человек, в сводной роте 2-го Корниловского ударного полка — сто двадцать и в сводной роте 3-го полка — девяносто два.

Продолжаю описание этих же боев по журналу боевых действий 2-го Корниловского ударного полка, который составлялся во время боев, велся специально назначенными для этого офицерами и представлялся в штаб дивизии, а копии отсылались в исторический отдел Русской Армии.

15/28 августа. Около 16 часов 2-й Корниловский ударный полк в составе дивизии двинулся по дороге из Демьяновки на Нижние Серагозы и, пройдя 8—10 верст, залег, находясь все время боя в дивизионном резерве, уступом за правым флангом 1-го Корниловского ударного полка. Дивизии было приказано при содействии 1-й конной дивизии и 6-й пехотной двухполкового состава дивизии овладеть Ново-Александровкой и Верхними и Нижними Серагозами. Стой-

кость 51-й советской стрелковой дивизии помешала выполнить эту задачу.

Согласно данным штаба 2-го корпуса, против нас должна была находиться только одна бригада 51-й стрелковой дивизии, то есть три свежих полка из дивизии Блюхера, прибывшей из Сибири, со станции Байкал, на Байкальском озере. Корниловская ударная дивизия возвратилась в село Демьяновка в 24 часа. Во время сильной огневой подготовки был ранен доблестный командир 3-го батальона 2-го Корниловского ударного полка полковник Бржезицкий Александр Иосифович, и его заместил капитан Балашев.

3-й Корниловский ударный полк из боя под Серагозами отходит тоже в Демьяновку. Его командир полка, полковник Щеглов, легко ранен. Потери во 2-м полку: 5 убитых и 2 раненых.

16/29 августа. 2-му Корниловскому ударному полку приказано овладеть Ново-Александровкой и развивать наступление далее на юг, с целью разгрома 53-й советской дивизии, и занять Нижние Серагозы. В 6 часов полк выступил западнее села Демьяновка по дороге на Ново-Александровку и двинулся в следующем порядке: два броневика, 1-й и 2-й батальоны, 5-я и 6-я легкие батареи: 3-й и офицерский батальоны и тяжелая 6-дюймовая батарея. 51-я советская стрелковая дивизия обороняла восточную окраину села. Полк развернулся в трех верстах от Ново-Александровки. С расстояния в 600 шагов полк был встречен сильным ружейным и пулеметным огнем. Стремительным ударом в штыки противник был опрокинут в село, откуда красные после трехчасового боя были выбиты и разрезаны на две группы. Одна из них отходила на север, где натолкнулась на нашу конницу и вступила с ней в бой, другая в сторону Верхних Серагоз. Весь день противник обстреливал западную окраину села артиллерийским огнем и не раз переходил в атаку, но огнем наших пулеметов и артиллерии каждый раз отбрасывался с большими для него потерями. В 17 часов противник превосходными силами в сомкнутом строю, под прикрытием артиллерийского огня, повел интенсивное наступление на юго-западную окраину села с целью произвести охват слева и соединиться со своей группой, отступавшей на север. Здесь выяснилось, что против нас была не одна 151-я бригада 51-й стрелковой дивизии, а и 153-я бригада той же дивизии, то есть против нас было уже шесть свежих полков. Это и было причиной, почему в первый день встречи с противником бой у нас кончился вничью.

Полк подпустил противника на 200—300 шагов, открыл сильный ружейный и пулеметный огонь и перешел в контратаку. Противник в беспорядке бежал, оставив на месте боя сотни убитых и раненых. На

плечах противника полк ворвался в Верхние Серагозы. Около 20 часов полк втянулся в селение на ночлег. Из командного состава 2-го Корниловского ударного полка были ранены командир 1-го батальона поручик Кленовой и командир 2-го батальона полковник Алексеев, который был ранен, когда я подъехал к нему, чтобы отдать приказание: пуля выбила ему глаз и, пройдя через горло, лишила его дара слова, отчего он потом, уже в эмиграции в Болгарии, застрелился. Был ранен и командир офицерского батальона, полковник Злотников, оставшийся до конца боя в строю. Всего было ранено 23 офицера и 56 ударников, убитые не были записаны. Трофеи полка: 4 орудия, 7 зарядных ящиков, 4 пулемета, пленные, 30 здоровых лошадей и другая военная добыча. При своем отступлении противник был отрезан и сбит в лошину, в бесформенную массу, но из-за усталости наших частей и пользуясь темнотой и деревней, он отступил на юг и ушел из-под удара. При наличии в полку одного-двух эскадронов возможен был захват всей группы красных с их артиллерией. В этом бою корниловцы наблюдали, в какое стадо баранов превращает паника войска, даже превышающие своего наступающего противника численностью во много раз. Когда 2-й Корниловский ударный полк расколол на две части войска красных, одна из них стала отходить на север, то есть в свою сторону, нарвалась там на нашу кавалерию, но все же ушла. Вторая же была отброшена на юг, то есть по их представлению — на нашу сторону, — что грозило им уничтожением, это они поняли и обратились в такое паническое бегство, которое было достойно представления в цирке. Красное сибирское войско побросало все мешавшее бегу, стараясь маскироваться заборами и огородами, и потому все ограды вдоль дороги были разрисованы комическими сценами прыжков и задних частей тела положительно на всех заборах. Я с небольшой группой своих ординарцев и конных разведчиков выбирали в этой массе начальство в кожаных тужурках, прямо как баранов. Но все же им удалось оторваться от нас по нескольким причинам: 1) 2-й Корниловский ударный полк должны были сопровождать несколько броневиков, но они подъехали, когда все было уже кончено. Я в присутствии помощника начальника дивизии генерала Пешни в резких выражениях просил предать командиров машин суду; они же ссылались на полное физическое истощение их команд. Я указывал на свой офицерский батальон, гнавший вместо них такую тучу красных и, конечно, не могший уничтожить их. 2) Я не знаю причин, почему отошедшую на север группу красных не уничтожила кавалерия. Быть может, ей это было не по силам? Но в этом случае получилось то же и в отношении группы, отступившей на юг, которую мы, пехота, не могли переловить

полностью. В этом все же виноваты опоздавшие броневики, которые в обоих случаях могли бы парализовать движение противника. 3) Наступившая ночь не только скрыла от нас эту орду, но и позволила их начальникам сделать попытку прорваться, минуя нас стороной, чтобы соединиться со своей группой, отступившей на север.

17/30 августа. Ночь прошла спокойно. Обстановка на фронте: противник занимает Нижние Серагозы и участок верст на шесть к западу. 1-я конная дивизия должна была выступить в 9 часов из Рубановки на Торгаевку, обеспечивая правый фланг нашей дивизии, 6-я дивизия занимала восточную окраину Верхних Серагоз до разрытого большого кургана. Ей было приказано в 9 часов перейти в наступление на Нижние Серагозы и далее на Торгаевку, обеспечивая наш левый фланг. Корниловской ударной дивизии приказано было разбить противника, занимающего Нижние Серагозы, уничтожить его и преследовать на Торгаевку. 1-му Корниловскому ударному полку — в 10 часов перейти в наступление, охватывая Нижние Серагозы с западной стороны и действуя противнику во фланг. В 10 часов 2-й Корниловский ударный полк перешел в наступление на Нижние Серагозы. В трех верстах севернее Нижних Серагоз полк развернулся и был встречен выдержанным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем. Несмотря на ураганный огонь, упорство и стойкость противника, полк перешел в атаку. Видя нашу настойчивость, красные дрогнули и отошли в село, откуда после продолжительного боя на улицах были выбиты и стали быстро отходить на Торгаевку, оставляя на поле боя сотни раненых и убитых. На пути отступления противник пытался задержаться атаками, но успеха не имел. У Торгаевки противник залег и дал упорный бой, переходя неоднократно в контратаки. Огнем пулеметов и решительными действиями 1-го батальона противник был сбит и обращен в паническое бегство, оставляя тоже много раненых и убитых. В 21 час полк вошел в Торгаевку и расположился на ночлег. В этом бою конница генерала Барбовича вела себя пассивно.

18/31 августа. Ночь прошла спокойно, 2-й Корниловский ударный полк в составе дивизии около 9 часов двинулся в Анастасиевку через Вознесенку — оба села с прилегающими хуторами были заняты противником. 6-я пехотная дивизия вела наступление влево от дороги на Анастасиевку. Для обеспечения правого фланга 6-й дивизии, которая при преследовании противника охватывалась с правого фланга последним, полк развернулся и повел наступление во фланг и тыл красным. Противник оказал и здесь особенно упорное сопротивление, подпуская наши цепи на 100—350 шагов и в упор их расстреливая. Под давлением огня нашей артиллерии и лихой атаки противник с числен-

ным перевесом был сбит, что дало возможность 6-й дивизии продолжать преследование разбитого противника далее на запад. Здесь противник понес огромные потери убитыми и ранеными. В этом бою всю группу, действующую против полка, при наличии конницы можно было бы полностью уничтожить. Одна только команда конных разведчиков 2-го Корниловского ударного полка в десять всадников захватила шесть пулеметов. Вообще встречать противника с близкой дистанции — дело рискованное, при неустойке кончающееся полным разгромом. Наши трофеи: 11 пулеметов и другая военная добыча. В 18 часов полк, построившись в селе Черемисове, что у большой дороги Антоновка—Торгаевка и к югу от Вознесенки, проследовал в хутор Федоровка, где расположился на ночлег. Ранено офицеров — 19, ударников — 69, убито офицеров — 2.

19 августа/1 сентября. Ночь прошла спокойно. В 9 часов полк, развернувшись около большой дороги, повел наступление на хутор Анастасиевка. Под действием решительной атаки и меткого огня артиллерии противник быстро отошел на запад. В 16 часов хутор Анастасиевка был занят нами. В 22 часа, оставив 1-й батальон в Анастасиевке, с остальными тремя батальонами и тремя батареями полк перешел в Ново-Николаевку на ночлег.

20 августа/2 сентября. Ночь прошла спокойно. На рассвете обнаружено движение противника на Ново-Николаевку с охватом левого фланга 6-й пехотной дивизии, 2-му Корниловскому ударному полку приказано остановить наступление красных и развивать наступление далее на запад, двигаясь вправо от дороги Антоновка—Каховка. В 8 часов полк был переброшен в хутор Антоновка, где развернулся в боевой порядок. Противник проявил необыкновенную стойкость, открыл сильный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь и подпустил наши цепи на близкое расстояние. Несмотря на это, полк повел отчаянную атаку с главным ударом во фланг и тыл противнику. Последний, с превосходством в силах, стал отходить, отдавая каждую пядь земли с большим сопротивлением и громадными для себя потерями. Под вечер полк занял деревню Злобин. В 24 часа полк перешел в деревню Лукьяновку и расположился на ночлег. И здесь противник имел большие потери. В полку ранено 18 офицеров и 36 ударников и убито 3 офицера. Тяжело ранен доблестный командир 2-го батальона поручик Романюк.

С получением приказа от генерала Барбовича о наступлении никакого ночлега, собственно, не получилось. На все просьбы начальника Корниловской ударной дивизии отложить начало наступления на 24 часа был получен приказ генерала Барбовича следующего со-

держания: «Приказываю в 4 часа 21 августа ст. ст. атаковать Любимовку (село восточнее Каховки) и безостановочно развивать успех на Каховку, подготовляя выделение одной дивизии для занятия Берислава тотчас после взятия Каховки. Дивизию направить по понтонному мосту. Ваш правый фланг и тыл будет обеспечивать конница генерала Татаркина, которая будет сосредоточиваться в Софиевке... Генерал-лейтенант *Барбович*».

Я не хочу отступать от поставленной мною себе цели сбора материалов для освещения всего происходившего в обстановке именно того времени, а потому, помимо записи журнала боевых действий, я приведу и наши взгляды на это: генерал Барбович считался тогда опытным кавалерийским начальником, к которому мы впервые попали в подчинение в этой операции на Каховку. В конце 2-го Кубанского похода и потом, в заднепровской операции, мы были в подчинении столь же доблестного кавалериста, генерала Бабиева. Но, да простят меня наши соратники, их взгляды на совместные действия пехоты с кавалерией стоят на разных полюсах. Генерал Бабиев находил место и создавал обстановку именно для совместного удара двух родов войск, гармонично применяя каждый из них по назначению. Генерал же Барбович в данной операции за семь больших боев четырех полков Корниловской ударной дивизии и двух полков 6-й пехотной дивизии только охранял наши фланги и ни разу не воспользовался случаем добить разбитого противника. Результатом этого было то, что мы только «вогнали 51-ю советскую стрелковую дивизию в то самое предместное укрепление, которое нам же и нужно было брать». К штурму же Любимовки мы подошли не только с большими потерями, но и измотанными до предела ежедневными тяжелыми боями, когда люди просто падали. По всем данным мы тогда знали, что на нашем фланге к плавням болталось только 400 шашек той же 51-й стрелковой дивизии.

Что же касается того, что генерал Барбович отдал убийственный для себя и для нас приказ об атаке Любимовки без техники и без отдыха, с включением штурма крепости по ту сторону Днепра — города Берислава и с выделением для этого несуществующей какой-то дивизии, быть может все той же единственной Корниловской ударной, то предполагали тогда, что для этого могли быть две причины: 1) Полное бездействие 2-го корпуса за все время его обороны этого района, почему он и не учел сил переправившегося противника, не дал подходящим для штурма войскам схем укреплений и информации о характере обороны, а потому и не сосредоточил на нашем участке просимые нами танки. 2) Вышеизложенное отношение 2-го корпуса к штурму

Любимовки передалось и генералу Барбовичу, который к тому же не был хорошо знаком с возможностями нашей ударной группы и потому подписал подобного рода приказ.

Вывод: приказ 2-го корпуса и протесты перед атакой Любимовки начальника Корниловской ударной дивизии и двух его командиров полков были настолько далеки друг от друга в оценке обстановки, что невольно задаешь себе вопрос: как это могло быть в работе одного и того же боевого участка? Итак, приказом генерала Барбовича все просьбы начальника Корниловской ударной дивизии были отброшены, и корниловцы должны были ночной атакой с налета штурмовать укрепления Любимовки, то есть отбросить противника, как в простом бою в поле.

Прошу читателя обратить внимание на то, что 2-й Корниловский ударный полк пришел в Лукьяновку в 24 часа 20 августа, а в 3 часа 21-го уже было назначено наступление для прорыва укрепленного любимовского района. Значит, на отдых на первом попавшемся месте полк имел не больше полутора часов. Истощение всех было таково, что все валились с ног и к происходящему кругом относились безразлично.

21 августа/3 сентября. Полку было приказано наступать по правую сторону большой столбовой дороги на Каховку и овладеть высотами, что южнее Любимовки верстах в двух, и южной частью села Любимовка. Влево по дороге наступал 1-й Корниловский ударный полк, вправо — 6-я пехотная дивизия двухполкового состава.

В 3 часа 2-й Корниловский ударный полк выступил по назначению с восточной окраины села Лукьяновка. Еще до рассвета полк подошел к укреплениям противника с окопами полной профили, с несколькими рядами проволочных заграждений и с хорошо пристрелянными рубежами для пулеметного и артиллерийского огня. С подходом полка к проволоке по нему был открыт бешеный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь. Несмотря на потери и огонь сорока пулеметов с фронта и с правого фланга, полк, за отсутствием всякой технической помощи, с голыми руками приступил к прорыву проволочных заграждений. Потеряв во время этой работы $\frac{2}{3}$ своего состава и почти весь командный состав, полк после блестящих побед теперь в таком виде не удержался и бросился на ура в окопы. Под действием небывалого губительного огня с бросанием ручных гранат и при большом численном перевесе противника, который встретил нас контратакой, нам пришлось отступить и залечь перед проволокой.

Только третья атака на окопы удалась, и противник здесь их очистил, но было уже поздно — был получен приказ начальника дивизии

об отступлении вследствие неудачи 1-го Корниловского ударного полка и 6-й дивизии, на участке которой не было даже сильного огня; а она должна была атаковать как раз тот укрепленный форт, который, будучи вынесен вперед из общей линии обороны, косил 2-й полк массой своих пулеметов. В этом бою пропал без вести помощник командира полка и он же командир морского батальона полковник Тарасович и был тяжело ранен командир офицерского батальона полковник Злотников. В 21 час Корниловская ударная дивизия выступила на хутор Топилов, что по дороге Чаплинка—Каховка, в 12 верстах от последней.

Потери только 2-го полка: ранено 32 офицера и 276 ударников, без вести пропало 15; все убитые оставлены на поле боя. Наши потери здесь уменьшены, так как быстрота выхода полка по приказу из укреплений противника, где его резервы уже подходили с флангов и могли легко нас уничтожить, не дала времени сделать подсчета и вынести убитых.

Дополнение к вышеизложенному от командира 2-го Корниловского ударного полка Бой под селом Любимовка требует дополнения к сухим записям журнала, к тому же заполнявшегося в кошмарных условиях кровопролитного для нас боя, где 2-й Корниловский ударный полк и его старший брат — 1-й Корниловский ударный полк — принесли громадную жертву неумению организовать штурм укрепленного тет-де-пона Каховки. Дело в том, что наше командование решило уничтожить укрепленный плацдарм красных у Каховки, и с этой целью к селу Любимовка подходили с тяжелыми боями: в центре — Корниловская ударная дивизия, 6-я пехотная дивизия двухполкового состава и кавалерийская дивизия генерала Барбовича. 20 августа перед Любимовкой, на линии села Анастасиевка, которую 2-й Корниловский ударный полк взял с боем, укрепившиеся красные оказали упорное сопротивление. Здесь, как и всюду, сила нашего пулеметного огня и артиллерийского огня, соединенного с атакой пехоты, сбили противника. Силы красных во много раз превышали наши, но все же они были сильно расстроены и потому отступали стадом, хотя и не бежали. Вправо 6-я пехотная дивизия не была видна. За нами были кавалерийские части генерала Барбовича, и я надеялся, что наше командование воспользуется моментом и пустит кавалерию в атаку с целью уничтожить такую большую группу красных и не дать ей укрыться за укрепления плацдарма, которые мы же и должны были штурмовать. Однако конной атаки не последовало, красные вошли в основную линию укреплений, а мы остановились по приказу в маленьких хуторах перед ней. Вечером был получен приказ об атаке укреплений у села

Любимовка до рассвета 21-го. Мы уже действовали в районе 2-го корпуса, где, полагаю, все приказы исходили от него и где к этому времени и наша ударная группа перешла в подчинение генерала Барбовича. О сопровождении пехоты техникой при штурме указаний не было, а мы не имели даже шанцевого инструмента, чтобы преодолеть отличное проволочное ограждение. О том, что перед нами находятся отличные проволочные ограждения с окопами полной профили, пристрелянные, мы знали от пленных и перебежчиков, но послать свою разведку за неимением у нас времени мы не могли. Настроение у командного состава штурмующих частей было убийственное и, не стовариваясь, командиры 1-го и 2-го Корниловских ударных полков после неудачной просьбы оказать им поддержку танками отказались от атаки. Это был единственный случай отказа за все время существования Корниловской ударной дивизии. В ответ на это, помимо отказа в поддержке техникой, было передано: согласно письменному показанию офицера 1-го Корниловского ударного полка полковника Бояринцева¹⁸⁴, сам генерал Скоблин собрал всех начальствующих лиц 1-го полка, до командиров рот включительно, и прочел им приказ генерала Врангеля об атаке Каховки — Любимовки, где говорилось, что атаковать необходимо «хотя бы ценой Корниловской ударной дивизии».

Мне же, командиру 2-го Корниловского ударного полка, было прислано письменное приказание такого содержания: «Если полк не атакует, то по приказанию штаба Главнокомандующего командный состав его будет предан военно-полевому суду». Кто отдавал эти приказы, почему они были двух вариантов — последующие события не дали нам возможности выяснить, но они сделали свое дело, и Корниловские ударные полки пошли на штурм с одними винтовками в руках. Самым тяжелым для нас было то, что наша главная сила — пулеметы и артиллерия — должны были бездействовать из-за темноты, за исключением бесполезных попыток стрельбы по тылам.

Прямо по дороге на Любимовку был направлен 1-й Корниловский ударный полк, правее — 2-й полк, а еще правее — 6-я пехотная дивизия известного нам слабого состава. Левее же 1-го полка, как мы после увидели, был только спешенный эскадрон кавалерийской дивизии генерала Барбовича.

Движение ночью по ровной местности и в определенном направлении сначала шло нормально, но потом движение 1-го полка было встречено сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем. Полк сразу понес большие потери: был тяжело ранен тремя пулями в живот временно командующий полком капитан Дашкевич, и полк залег перед проволокой. В командование полком вступил подполковник Челядинов.

2-й полк своим правым флангом подвергся сильнейшему обстрелу из окопов, особо сильно укрепленных и вынесенных вперед, которые должна была атаковать 6-я пехотная дивизия. Поэтому первые два батальона 2-го полка изменили свое направление с северного на восточное и пошли в атаку, подошли к проволоке, и вот здесь-то и сказалось отсутствие техники. Колья, где было можно, вытаскивали, но проволока все же скрепляла полосы заграждений, и здесь мы понесли самые большие потери. Два раза бросались корниловцы в атаку и только на третий раз ворвались в окопы. Красные здесь не выдержали и очистили окопы. Начался рассвет, и мы обнаружили наши ужасные потери и прорыв только на участке 2-го полка, для заполнения которого уже не было свободных батальонов. В это время мне был доставлен из штаба нашей дивизии приказ об отходе. Отдав соответствующее распоряжение, я ездил с ординарцем вдоль окопов с целью разыскать без вести пропавшего командира морского батальона и моего помощника по строевой части полковника Тарасовича, но безрезультатно — глубокие гряды посеянного здесь картофеля укрывали убитых или тяжело раненных и потому мы спешно убирали кого могли. Здесь же был тяжело ранен и полковник Злотников, командир офицерского батальона.

Противник не стрелял, и только его артиллерия стала усиливать огонь, и было заметно, как по окопам на флангах, на прорванном нами участке, зашевелились резервы красных. Чтобы избежать полного нашего уничтожения, пришлось быстро отступать, унося горечь незаслуженного поражения. Противник не воспользовался нашим положением, и подобно тому, как мы его не атаковали накануне кавалерией при его отходе за проволоку укреплений, так и он теперь дал нам возможность после трудностей ночного боя и потери более 300 человек отойти, разобраться и укрыться под защиту своих пулеметов.

Этот штурм каховских укреплений у села Любимовка выявил два больших недочета со стороны командования: 1) При отсутствии в предыдущих боях у противника кавалерии (было всего 400 шашек при 51-й советской стрелковой дивизии) наша кавалерия ни разу не была использована для организации боев на уничтожение живой силы противника, а подобных случаев для этого было не мало. В результате бывших до Любимовки больших боев противник убедился в нашей малочисленности, и если и отступал перед силой нашего огня и жертвенностью войск, то не пал духом, справедливо определяя свою силу в том, что его ни разу не истребили и дали ему возможность своими массами усилить гарнизон укреплений. 2) После того как мы только загоняли противника в его укрепления, а не истребляли в поле, какие данные могло иметь

наше командование для атаки с налета? Оно не могло не знать наших физических и технических возможностей для атаки ночью и, несмотря на протесты двух командиров полков Корниловской ударной дивизии, подтвердило приказание, сопроводив его угрозой репрессий, а не смягчающим указанием на создавшееся положение.

В журнале боевых действий 2-го Корниловского ударного полка сохранилась копия моего рапорта начальнику нашей дивизии от 21 августа 1920 года.

«Командир 2-го Корниловского ударного полка.

21 августа 1920 г. Хутор Сподин.

Начальнику Корниловской ударной дивизии

РАПОРТ

В тяжелую пору жестоких боев с сибирскими стрелками, мадьярами и конницей красных, цеплявшимися при своем отступлении за каждый хутор и каждую складку местности, полк бил врага не зная страха, и лихие дела последних боев свидетели тому. Полк быстро таял, но упадка духа не было ни у гг. офицеров, ни у ударников. Из девяти-сот штыков и пулеметчиков за несколько дней боев осталось около двухсот пятидесяти штыков и ста двадцати пулеметчиков, и на это никто не обращал внимания — все лихо работали, и полк в бою 20 августа лихим ударом во фланг и тыл противника перед участком 6-й пехотной дивизии погнал его, хотевшего прорваться на Ново-Николаевку. За эти бои полк захватил около 20 пулеметов, 4 орудия и 7 зарядных ящиков. Сотни трупов противника устилали путь полка. В решительный же момент, когда остаткам бойцов, окрыленным неудержимым порывом покончить с наглым противником, нужно было оказать поддержку техническими средствами и хорошей разработкой плана окончательного удара, — этого не оказалось. Артиллерию оставили почти без снарядов, броневые автомобили ломались на каждом шагу, а танки оставались во 2-м корпусе, который имел задание демонстрировать наступление. В довершение всего, эвакуация из дивизионного лазарета в тыл была на наших подводах, и отказ приемщикам дивизии дать подводы — лишили полк самого необходимого транспорта, почему при отходе после штурма укрепленной позиции у села Любимовка полк оставил противнику старейших бойцов, так как $\frac{2}{3}$ было ранено или убито. О переутомлении непрерывными боями и колоссальными переходами никто и не заикался. При таком состоянии приходилось штурмовать Любимовку. Я, как солдат, хотя и не имею

права критиковать действия начальника, но, как командир полка, считаю долгом просить Ваше Превосходительство для пользы дела довести это до сведения высшего командования и в подтверждение мое засвидетельствовать работу полка в период, мною описываемый.

Полковник *Левитов*.

Полковник Бояринцев, офицер 1-го Корниловского ударного полка, на мою просьбу осветить этот бой в 1963 году, в Париже, так отвечает:

«Атаку Любимовки я помню отлично, она была первым этапом для овладения Каховкой. Корпус генерала Витковского не сумел вовремя помешать образованию в Каховке угрожающего нам тет-де-пона, и его повторные атаки стоили нам дорого, особенно принимая во внимание двух- и трехнедельные бои, которые вела дивизия без перерыва до перехода на Каховское направление. Тактически было правильно брать Каховку после овладения Любимовкой. Но ошибкой была ставка на беспредельность героизма атакующих, вымотанных в предшествовавших боях и очень ослабленных потерями. Мы буквально спали на ходу и засыпали мертвым сном на привалах. Разбудить людей для дальнейшего движения стоило большого труда. Все чувства были так притуплены, что сравнительно равнодушно был принят приказ об атаке сначала Любимовки, а потом Каховки. Помню обстановку, когда Скоблин вызвал в голову походной колонны командный состав и прочел приказ генерала Врангеля: «Каховка должна быть взята хотя бы ценой Корниловской дивизии...» Уходили мы от Любимовки в отчаянном настроении. Но даже и оно не могло побороть желания спать... спать... спать. В себя пришли в Николаевке (под Мелитополем), но пополнение, пришедшее в дивизию, не было таким, чтобы возродить настоящее лицо корниловцев. Все эти «воспоминания» меня так взволновали, что я... кончаю письмо».

Помещаю сообщение о том, как переживал штаб нашей дивизии неудачу атаки на Любимовку.

Париж, 1 мая 1967 года. Вчера был первый день праздника Святой Пасхи, и, как обычно, корниловцы ходят друг к другу, чтобы поздравить с праздником, или собираются организованными группами на взаимные поздравления. Так, у меня в семье вчера была сестра милосердия 1-го Корниловского ударного полка Васса Яковлевна Гайдукова, приехавшая из старческого дома. Для нее полк — это ее семья, сама она была в его рядах четыре раза ранена, а две ее сестры пали смертью храбрых в его рядах. Прошло 50 лет с тех пор, как началась Гражданская война, а мы все вспоминаем ее победы и поражения.

Вспомнила и сестра В.Я. Гайдукова про кошмар боя под Любимовкой около Каховки на Днестре, в Северной Таврии, 21 августа 1920 года по старому стилю, в день ее Ангела. Она перевязывала раненых около штаба нашей дивизии и видела, как помощник начальника дивизии генерал Пешня, в ужасе от результатов этого боя, ходил и все повторял: «А кто же будет отвечать за ужасы этого боя?» Прошло с тех пор 47 лет, а яркость пережитого нами в этом бою жива своей изумительной жертвенностью Корниловских ударных полков, которые в упорной атаке почти все пали. Ужасы этого заключались не в том, что наши жертвы были так велики, а в том, что командование не вняло доводам начальника нашей дивизии и командиров 1-го и 2-го полков, отказавшихся при таких условиях от атаки, и только после второго приказа они должны были двинуть свои полки на проволоку укреплений Любимовки. Что побудило штаб 2-го корпуса пустить нас в атаку в момент, когда наша главная сила — артиллерия и тяжелые пулеметы — не могла действовать, а ударники едва двигались?! Да, эта операция спасла тогда армию от разгрома, но, по-нашему, этого можно было добиться и без столь кошмарных жертв, которые были принесены нами в боях под Любимовкой и Каховкой.

Считаю своим долгом поместить в своих материалах и переживания в бою под Любимовкой тех, кто был непосредственным исполнителем этого жестокого приказа: «Ценой Корниловской ударной дивизии атаковать, не считаясь с доводами командования дивизии».

«Люксембург, 1964 год.

Дорогой Михаил Николаевич! Я обещал вам дать свою заметку — свидетельство, как участник боя и атаки Любимовки в 1920 году. Не берусь судить о том, насколько мне удалась эта работа в смысле ее пригодности как материала для описания боевых действий нашего родного 2-го Корниловского ударного полка. Исполнил свой долг и написал то, что знал, чувствовал, пережил и чему был свидетелем как чин офицерского батальона 2-го Корниловского ударного полка. Много я выпустил как личные переживания и личные чувства по отношению к тем людям, коим я обязан жизнью, с которыми свела судьба на службе Родине во 2-м Корниловском ударном полку с начала его формирования. Буду удовлетворен, если я хоть чем-либо малым помог вам в вашей нелегкой задаче по сбору материала, приведению его в порядок и т. д. Вы делаете большое и нужное дело в невероятных условиях, но это наш долг чести на службе Родине. Храни вас Господь!..»

Для того чтобы яснее представить себе атаку Любимовки, автор письма кратко вспоминает напряженные бои: наш прорыв за Перекоп, в Северную Таврию, разгром двух корпусов Жлобы в 8000 ша-

шек, где 2-й Корниловский ударный полк нанес ему первое поражение, и продолжает: «Большой Токмак... Каждодневные напряженные бои с лучшими красными частями велись почти два месяца. 15 июля 1920 года, в день нашего полкового праздника, — гибель основателя 2-го Корниловского ударного полка и его командира, полковника Пашкевича. Командование полком принимает его помощник, полковник Левитов. Потери корниловцев неисчислимы, а свежих сил взять неоткуда. А боевая обстановка такова, что остается только драться до последнего патрона и до последней капли крови».

После описания причин, заставивших наше командование перебросить нашу дивизию для ликвидации прорвавшихся красных от Каховки, он продолжает: «В половине августа корниловцы уже атакуют холмы и курганы красных у Верхних и Нижних Серагоз. Красные, отступая, стойко дерутся. В конце концов они прижаты к Днепру. Корниловцы в непрерывных, бессменных боях понесли колоссальные потери и дошли до предела напряжения всех человеческих сил. Начиная с Перекопа, с 24 мая, вплоть до 21 августа, — это без трех дней три месяца непрерывных боев, напряжения всех возможных и невозможных человеческих сил, без оглядки назад: везде враг, везде одно и то же: бой, атака, победа или смерть. Притока свежих сил нет, нет передышки, нет и не может быть отдыха. По всей вероятности, необходимость общей боевой обстановки, просто нужда заставили высшее командование отдать корниловцам приказ: «Во что бы то ни стало взять Любимовку и безостановочно развивать успех...» А Любимовка-то окопана в несколько рядов колючей проволокой. В окопах сидят свежие бойцы, пулеметные гнезда повсюду. Честно спрашиваю, что у нас, получивших приказ атаковать, было в тот момент? Порыв, голые руки вымотанных до конца людей с винтовками и те, что на тебе, носимые патроны...»

Прошло с того времени ровно сорок четыре года, написано много и прочитано немало и нашей и советской военной литературы. Но все еще не сказано последнее заключительное слово. Его скажет в свое время история, которая будет брать нужное ей беспристрастное суждение из приказов, боевых журналов, описаний, показаний. Так вот еще одно показание, если оно достойно приобщения к архиву Корниловских частей.

«Атака Любимовки. К Любимовке, как видим, мы подходили «не с парада», к полуночи 20 августа. В 3 часа ночи выступили, чтобы занять исходное положение согласно приказу «в 4 часа 21 августа атаковать Любимовку». Какой-то куцый час — полтора для подготовки и отдыха. Тот, кто участвовал вообще в боях, тот, кто воевал в Гражданскую войну, те поймут с двух слов, что в данном случае отдыха как

такового даже и в полтора часа не было. Тут уже где застала команда: «Стой!» — садись или ложись прямо на дороге, что было или что случайно достал — закусил, запил. Вследствие предельной усталости не хотелось и думать, что скоро снова в атаку. Какая-то апатия, безразличие и к самому себе, и к тому, что происходит вокруг. Внезапности атаки не получилось. Мы еще не подошли в исходное положение к Любимовке, а красные уже всполошились по всему фронту. Наш соседний корпус начал атаку западных укреплений раньше нашего подхода к месту атаки. В темноте мы бросились в атаку, нас встретили таким ураганным огнем, что только держись!.. Голыми руками и винтовками рвали, валили с кольями проволоку, помогая ногами, неистово крича «Ура!». Наша 1-я офицерская рота нашла или случайно набрела на проход, затянутый колючей проволокой на деревянных кольях, раскидав эти колючие козлы и образовав проходимые ворота. А дальше опять темень, проволока и беспредельный огонь. Офицерский батальон 2-го Корниловского ударного полка занял окопы противника, но какие и что впереди, справа, слева — неизвестно и не видно. А убийственный ружейный и пулеметный огонь со стороны красных не прекращался, но нет с их стороны и контратаки. Я был скошен пулеметной очередью, повалившись и повиснув на проволоке. Получил рану в левую руку, около самого сгиба локтя, и в левую ногу, в область паха. Оба ранения навывлет. Теперь мне стало известно, что был приказ об отступлении. Тогда, за проволокой, придя в себя и какими-то нечеловеческими усилиями, здоровой рукой и ногой отвязавшись от проволоки, мне казалось, что наши впереди или распространились вправо, влево. Но странное затишье, нарушаемое отдельными выстрелами, говорило другое, что наши отошли, бросив убитых и раненых. Долго я мучился, в темноте ползая в поисках разгадки, но лишь найдя убитых и раненых, повисших на проволоке, ощупью, как слепец, хватаясь здоровой рукой. Вся моя жизнь быстро прошла в моем разгоряченном воображении, от младенчества и когда стал осознавать, помнить себя зрелым, молодым здоровым человеком, под Сарыкамышем, Кеприкейскими мостами, Огнотом, в атаке и взятии Эрзерума, потом — Ростов-на-Дону, путь до Орла и обратно, до 21 августа 1920 года, когда очутился я на поле битвы на родной земле, у родного Днепра, за колючей проволокой, ночью, раненный и забытый. Если отошли и не вернутся наши — на рассвете придут красные и, измучив, добьют. Такого печального, страшного конца нельзя спокойно представить себе мысленно и сейчас, а каково было самочувствие раненых за проволокой тогда? Стоны, крики, проклятия, молитвы... Никогда не забыть этой ночи. Можно по этому поводу написать целые

страницы и не выразить ими и сотой доли того, что пережил и пере-чувствовал. Не было видно конца ночи, а ведь с 4 часов до рассвета всего только два с лишним часа. Который был час, не знаю, но стало светать, и можно было уже различать предметы, видеть поле боя в дымке предутреннего тумана. Чу!.. Что-то как бы двигается, что-то шелестит и потом затихает... Сердце готово выскочить от страха, если это приближаются красные, и от радости, если свои. Принятое заранее решение живым в руки противнику не попадать как бы забыто, но карабин с собой и не бросается, правая рука и нога могут еще действовать и могут избавить от зверств и мучений врага, которыми Гражданская война, к сожалению, изобиловала. Молился горячо, урывками, как умел, надеясь на помощь Божию, и она пришла... Пришла в лице командира 2-го Корниловского ударного полка полковника Левитова. Как сейчас вижу: в расстегнутой шинели, с плеткой в руке, сзади несколько человек цепочкой идут за ним. «Не волнуйтесь, успокойтесь! Вынесут!» И пошел дальше быстрым шагом, что-то или кого-то ища. Пока собирали нас, вывели, вынесли, уже успело показаться солнце. На арбах с сеном повезли к большому стогу сена, где оказался перевязочный пункт и где распоряжалась наша незабвенная сестра милосердия Варвара Сергеевна. Страшный и жалкий вид представляли мы собой: ободранная одежда, вся в крови, исцарапанные руки и лица, рваная обувь, грязные, измученные, испачканные кровью... Сестра с санитаром еще больше украсили меня. Чтобы быстрее сделать перевязку у поля боя, ножницами разрезали левый рукав моей добротной кожаной куртки и левую штанину и без того изодранных штанов. Дальнейшее последовало обычным порядком, целый обоз раненых потянулся в тыл. Большевики и обоза с ранеными не оставили в покое: красный аэроплан налетел, снизился и пустил пулеметную очередь по обозу. Обоз как бешеный помчался врассыпную по полю. Нашу арбу на кочке качнуло в сторону, наклонило, и мы высыпались на землю, как горох, а подвода умчалась. Кто-то привел обоз в порядок, выброшенных подобрали и благополучно довели до эвакуационного пункта на железной дороге. Итог: задача не была выполнена, а корниловцы обескровлены и сведены в роту. Славный офицерский батальон 2-го Корниловского ударного полка повис на проволоке у Любимовки. Там же целиком, во главе с командиром, полковником Тарасовичем, погиб не менее славный Морской батальон полка. Полковник Тарасович являлся заместителем командира полка. Его так тщательно и искал за проволокой полковник Левитов, как своего заместителя. Там же, у Любимовки, погиб командир офицерской роты штабс-капитан Панасюк¹⁸⁵. Полковник Злотников, являясь заместителем командира офи-

церского батальона полковника Константина Васильевича Иванова, был смертельно ранен под Любимовкой, а до этого он был легко ранен.

Укрепленные позиции голыми руками не берут. Курск тоже был укреплен, но там, что называется, на плечах красных мы въехали в город (добавлю от себя о взятии нами красной крепости Курск: там картина была совершенно другой, где еще до подхода к укреплениям Курска в ряде боев мы не только разбили противника, но и деморализовали его, включая и подвезенных знаменитых сибирских стрелков «имени Троцкого». К тому же у нас тогда была довольно сильная по масштабам Гражданской войны артиллерия и три доблестных наших бронепоезда. Уже это одно говорит нам, что эти два боя несравнимы. *Полковник Левитов*). Там действовала наша артиллерия, бронепоезда, бронеемобили, пулеметы. А что было и действовало у Любимовки? Ничего, кроме винтовок и легких пулеметов (в небольшом количестве). Не было сделано ни одного артиллерийского выстрела. Приказ есть приказ, и в боевой обстановке он еще строже. Командиры 1-го и 2-го Корниловских ударных полков знали эту обстановку и требовали для успешного выполнения приказа «атаковать Любимовку» исполнить их просьбу и дать танки для прорыва, как это было на Перекопе. Танки были, но их не дали и приказали: «Атака должна быть проведена хотя бы ценой Корниловской ударной дивизии». Приказ был исполнен, Корниловская дивизия уничтожена, а Любимовка не взята. Пришлось штабам ждать и перестраиваться. Танки потом дали, дали и броневики и назначили атаку на 23 августа в 2 часа ночи. Но погибших, утерятых, повисших на проволоке у Любимовки славных батальонов, особенно офицерского и морского, во главе с их командирами, и вообще всех корниловцев, героически погибших у Любимовки, не воскресить. Ни Любимовка, ни Каховка не были взяты. Поздно... «Промедление смерти подобно...»

Алексей Ефремович Бондарь,
2-го Корниловского ударного полка,
1-й роты офицерского батальона, его адъютант.
Подпоручик с 1916 года.

Люксембург, 1964 год».

* * *

22 августа/4 сентября. В 8 часов 2-й Корниловский ударный полк прибыл в хутор Топилов.

23 августа/5 сентября. Около часа ночи разъезд противника силой в 50 коней прошел наши заставы и с расстояния одной версты

открыл по дивизии сильный пулеметный огонь. Огнем броневиков и наших застав разъезд был отброшен.

Получен приказ по Корниловской ударной дивизии за № 027 от 22 августа, 21 час 30 минут.

«Командарм (должно быть, 2-й корпус, который в это время был переименован во 2-ю армию генерала Драценко) приказал взять укрепленную каховскую позицию. Начало наступления в 2 часа 23 августа, 6-я пехотная дивизия в час 23 августа откроет демонстративный артиллерийский огонь до 2 часов. Влево наступают 13-я и 34-я пехотные дивизии на хутор Терны—Малая Каховка—Бериславль. Вверенной мне дивизии приказано в 2 часа 23-го перейти в наступление вдоль дороги Чаплинка—Каховка на Каховку, прорвать фронт красных и овладеть Каховкой. По прорыве позиции оказать возможное содействие 34-й пехотной дивизии при овладении хутором Терны.

1) Полковнику Пуху: 3-й Корниловский ударный полк и три танка (ага, здесь и танки нашлись, но поздно, — людей-то не стало. *Полковник Левитов*). Наступать $1\frac{1}{2}$ версты к востоку, параллельно дороге Чаплинка—Каховка, прорвать танками проволочное ограждение и стремительно наступать на Каховку и овладеть ею, стараясь захватить в свои руки переправу. По овладении Каховкой не менее двух танков направить в сторону Любимовки для отражения контратаки противника со стороны последней. Необходимо придать особое значение правильности направления.

2) Капитану Миляшкевичу¹⁸⁶. Запасный Корниловский ударный полк. Следовать непосредственно за 3-м Корниловским ударным полком, проявляя полную инициативу в содействии ему по прорыву укрепленной позиции и овладению Каховкой.

3) Полковнику Челядинову. 1-й Корниловский ударный полк. Следовать непосредственно за запасным полком, самостоятельно оказывая поддержку в случае экстренной необходимости и полное содействие 3-му Корниловскому ударному полку по прорыву укрепленной позиции и овладению Каховкой.

4) Полковнику Левитову. 2-й Корниловский ударный полк. Оставаясь в моем резерве, следовать непосредственно за 1-м Корниловским ударным полком.

5) При движении соблюдать тишину и не курить.

6) Командиру артиллерийской бригады полковнику Роппону: назначить взвод артиллерии исключительно для прикрытия танков.

7) Передвигать всю артиллерию в зависимости от успеха всех полков.

8) Броневым автомобилям быть в моем резерве, но с началом наступления быстро выдвинуться вперед по дороге на Каховку и выбить противника из окопов на линии Терны, действуя вправо и влево от дороги.

9) Если будут получены ракеты, то бросать их в том случае, когда необходимо указать свое местоположение своей артиллерии во избежание поражения.

10) Эвакуация на Чаплинку.

11) Я буду следовать в общей колонне.

12) Заместители: полковник Левитов и полковник Челядинов.

13) Сборный пункт в 2 часа 30 минут на северной окраине хутора Топилова.

Генерал-майор *Пешня*».

(Отсутствие подписи самого начальника дивизии генерал-майора Скоблина и командира артиллерийской бригады генерала Ерогина¹⁸⁷ не выяснено.)

* * *

В 2 часа 2-й Корниловский ударный полк выстроился на северной окраине хутора Топилова и двинулся в резерве дивизии за 1-м полком. В момент подхода 3-го Корниловского ударного полка к укрепленной полосе противник открыл меткий артиллерийский огонь. При содействии танков и резервных полков 3-й полк прорвал укрепленную полосу и двинулся с танками по направлению на Каховку. В приказе для атаки укрепленной позиции всем участвующим полкам (кроме дивизионного резерва) было приказано содействовать прорыву и ни одному полку не была дана задача на развитие успеха после прорыва. Естественно, после прорыва стремление всех частей на Каховку, что создало для прорвавшихся полков фланговую угрозу с обеих сторон и парализовало дальнейшее продвижение. Желательно было бы после прорыва одним полком с танком или броневиком развивать успех вправо вдоль окопов, а другим полком влево, по окопам. В этой атаке полки совершили последнее свое героическое усилие, снова прорвали укрепленную полосу, но вынуждены были отойти согласно приказу по дивизии. Ход этого боя был разобран по данным книги «Корниловский ударный полк». И в этом жестоком бою полки Корниловской ударной дивизии прорвали укрепления, но сила артиллерийского огня с того берега Днепра не только парализовала наше дальнейшее продвижение, но и не дала другим дивизиям где-либо прорвать позиции красных. Поте-

ри нашего дивизионного резерва — 2-го Корниловского ударного полка малого состава — всего около 150 человек — были: 11 офицеров и 69 ударников убитых и раненых исключительно артиллерийским огнем. По выходе 2-го полка из укрепленной полосы он около 11 часов прибыл в хутор Топилов и занял позицию. В 23 часа полк выступил на Ново-Репьевку. И в этом бою укрепленную полосу красных обороняли сибирские стрелки и латыши с мадьярами.

От составителя материалов. Операция по ликвидации прорыва у Каховки дорого обошлась корниловцам — вместо полков на подводах ехали сводные роты. Несмотря на наличие танков, 3-й и запасный наши полки принуждены были отступить из прорыва под действием сильного артиллерийского огня с того берега и справа — из неочищенной полосы укреплений. Артиллерийский огонь был настолько силен, что во 2-м Корниловском ударном полку, находившемся в резерве, было убито и ранено 11 офицеров, 69 ударников и 60 лошадей. И это — из остатков полка, насчитывавшего после атаки Любимовки не более 150 человек. Все три танка были разбиты. Да, мало приказать, но нужно еще и организовать прорыв укрепленной полосы. Упущенный случай — когда в бою перед Любимовкой и до этого, еще в нескольких, ему подобных, когда наша кавалерия не атаковала разбитые пехотой силы противника и позволила им укрыться в своих укреплениях. Это было большим упущением. И то, что не поняли основательных доводов командиров 1-го и 2-го Корниловских ударных полков и не отложили атаку на Любимовку до подхода танков, тоже нужно отнести к непонятному расходу наших слабых сил и боеприпасов. Хуже всего было то, что до сего времени высшие штабы не учли, в чем заключается сила наших ударных частей. Как бы ни были беззаветно храбры ударники, но все же и они пробиваются пулями и к тому же их ряды всегда малочисленны. Главная же их сила заключается в поражении врага превосходным огнем своих пулеметов и непревзойденной нашей артиллерии, несмотря на скромность наших боеприпасов. В умелых руках этот род огня, как показали наши бои под Орлом с латышами, под Ростовом-на-Дону с 1-й конной армией Буденного и при разгроме конной группы Жлобы в 8000 шашек перед Мелитополем, приносил нам успех над врагом, превышавшим нас (у Орла) не менее чем в двадцать раз.

Общий подсчет потерь 2-го Корниловского ударного полка за бой у селения Любимовка: убито и ранено 111 офицеров и 327 ударников и много лошадей. Плюс Каховка: 11 офицеров, 69 ударников и 60 лошадей. Итог потерь Корниловской ударной дивизии за поход на Каховку представляет собой тяжелую картину. Если общие потери

Корниловской ударной дивизии за бои в течение двух месяцев в районе Большого Токмака доходили до двух тысяч человек, то в походе на Каховку за семь основных боев было 3216 человек убитыми и ранеными. Эта цифра исходит из такого расчета: по записи журнала боевых действий 2-го Корниловского ударного полка точный подсчет потерь полка равнялся 804 человекам и более ста лошадей. В дивизии было три номерных полка и один запасный полк, и в итоге после боев эти полки имели по одной сводной роте, а потому, помножая 804 на четыре, мы имеем 3216 человек убитыми и ранеными.

Пусть знают русские люди, с каким самопожертвованием дрались корниловцы за честь и достоинство национальной России против диктатуры мирового пролетариата Ленина, созданной на деньги Вильгельма II и руками интернационального сброда. Трудно представить себе всю высоту доблести корниловцев, заключающейся в этой траурной цифре и проявленной в условиях совершенно безнадежных, а потому вдвойне заслуживающей преклонения.

* * *

ПРИКАЗ

Корниловской ударной дивизии

№ 028

24 августа ст. ст. 1920 года. Елизаветовка

«Завтра полкам выступить из Елизаветовки и самостоятельно следовать: 1-му Генерала Корнилова полку, артиллерийской бригаде и инженерной роте, под общим командованием полковника Гордеенко, — в д. Ново-Николаевку, где и расположиться по квартирам на отдых, 2-му Генерала Корнилова полку следовать в д. Спасское. 3-му Генерала Корнилова полку — в д. Федоровку, где стать по квартирам для отдыха.

В местах стоянок занять самое широкое квартирное расположение. Безотлагательно соединиться телефоном с наштадивом в д. Ново-Николаевке.

Командиру 3-го Генерала Корнилова полка принять в Федоровке от Донского корпуса 500 человек пленных, из которых 100 человек взять для 3-го полка. 100 человек отправить в Спасское во 2-й Генерала Корнилова полк, а остальных 300 человек — в штадив в Ново-Николаевку. На местах расположения частей немедленно приступить к интенсивной работе по приведению их в боевой вид, которым кор-

ниловцы всегда гордились, чтобы вновь славная доблесть Корниловская загорелась ярким светом, по которому равнялись бы другие полки многострадаальной Русской Армии. С Богом, за работу!

Временно исполняющий должность начальника дивизии
генерал-майор *Пешня*.

Временно исполняющий должность начальника штаба
(подпись неразборчива, но надо полагать за полковника Капнина
А. Б. капитан *Месснер*¹⁸⁸)».

Подлинник этого приказа и приказ об атаке Каховки сохранились в журнале боевых действий 2-го Корниловского ударного полка.

24 августа (6 сентября). В 8 часов 2-й Корниловский ударный полк прибыл в село Димитриевка. Большой привал и выдача горячей пищи. В 22 часа полк прибыл в Ново-Репьевку. Ночлег. Выдача горячей пищи Переход — 50 верст.

25 августа (7 сентября). В Нижние Серагозы полк прибыл в 16 часов. Переход — 25 верст.

26 августа. Дневка.

27 августа. Елизаветовка. Переход — 38 верст.

28 августа (10 сентября). Полк выступил в село Спасское, на место пополнения. Прибытием в Спасское и соседние с ним села Корниловская ударная дивизия закончила свой один из самых тяжелых походов — рейд по ликвидации прорыва красных у Каховки. «Бой, — сказал Кутузов, — важен не сам по себе, а своими последствиями». Корниловцы осознали предупреждение их начальником дивизии о значении боев за Каховку и своими жертвами и в этом рейде доказали свою верность национальной России, но... полной победы в этих боях они физически не могли дать, и виною тому было отсутствие у военного командования представления о возможностях вверенных ему войск и упущение возможностей в нескольких боях этой операции уничтожить силы противника по частям, располагая кавалерией и, таким образом, через это создавая своим войскам посильные условия для основного сражения — штурма Каховско-Любимовского укрепленного плацдарма. Однако в этих боях, где Корниловская ударная дивизия от начала и до конца была в центре боев, противнику был нанесен такой сокрушительный удар, что он счел за лучшее остаться за своими укреплениями, а не воспользовался нашими неудачами, чтобы загнать нас за Перекопский вал и тем ликвидировать действия Русской Армии в Северной Таврии.

Выводы из этого рейда, изложенные в журнале боевых действий 2-го Корниловского ударного полка, я не буду приводить здесь, так как

они содержат в себе перечисление всех наших усилий и недостатков, описанных выше, и, если что и нужно еще раз подчеркнуть, это снова повторить призыв обратить внимание на действия нашей кавалерии, которая только охраняла наши фланги и упустила случаи атаковать противника 17, 18, 19 и 20 августа.

Вообще жизнь не останавливается, а военная в особенности, и, проведив своих павших героев до могилы с печальным маршем, войска возвращаются под бравурно-веселый, вливающий в бойцов свежие силы и бодрость для исполнения ими своего воинского долга перед Отечеством.

29 августа (11 сентября). Корниловская ударная дивизия стала по квартирам в районе сел Федоровка и Спасское. Наши запасные батальоны и командование Русской Армии срочно направили в дивизию пополнение, которое было весьма разнообразно: прибыли добровольно наши старые части из Польши, из отступившей туда армии генерала Бредова; небольшая часть, состоявшая из оставшихся за бортом после сокращения армии, — была холодно встречена нами; основная же масса пополнения состояла из пленных, выразивших желание бороться в наших рядах с большевиками; была даже партия матросов, 2-му Корниловскому ударному полку, вместе с другим пополнением, были присланы прибывшие из бредовской армии со своими знаменами 133-й Симферопольский и 75-й Севастопольский пехотные полки. Знамена их, еще Императорской армии, были в эмиграции отправлены из Болгарии в Сербию для хранения в особо устроенном храме, и участь их после Второй мировой войны нам неизвестна. Севастопольский полк составил в полку 4-й батальон под командой своего командира, полковника Силина, в прошлом офицера 137-го пехотного Нежинского полка. Разбивка пополнения, вооружение и снаряжение заняли всех, и работа, как говорится, кипела.

30 августа (12 сентября). Строевые занятия и пригонка обмундирования.

31 августа (13 сентября). Строевые занятия под музыку — подготовка к смотру дивизии генералом Врангелем.

1 (14) сентября. Смотр Главнокомандующим Русской Армией генералом Врангелем Корниловской ударной дивизии. Смотр состоялся в селе Федоровка, и его ожидали с большим нетерпением не только старые корниловцы, но и бывшие красноармейцы. Генерал Врангель, генерал Кутепов и иностранные представители произвели на войска большое впечатление. Полки дивизии, артиллерия, пулеметы, конный дивизион, инженерная рота — все пополнили свои ряды. 3-й Корниловский ударный полк особенно много принял к себе бывших красноармейцев, и в его рядах было что-то около 2 тысяч человек. День

был солнечный и хороший, и это поднимало настроение. Корниловцам генерал Врангель привез награду — Георгиевское знамя бывшего Георгиевского батальона при Ставке Верховного Главнокомандующего в войну 1914—1917 годов. Начался обход фронта. Гремел Преображенский марш, неслось русское «Ура!» — все слились воедино в желании сражаться до конца за Россию. После обхода фронта и молебна началась церемония прибавления полотнища знамени к древку. Первый гвоздь вбил генерал Врангель, за ним генерал Кутепов, генерал Писарев — командир корпуса, начальник Корниловской ударной дивизии генерал Скоблин и потом командиры полков.

Георгиевское знамя для дивизии было передано 1-му Корниловскому ударному полку. Дивизия взяла на караул, и генерал Врангель с большим подъемом сказал слово. Помимо награждения Георгиевским знаменем Корниловской ударной дивизии, последовали награды Николаевскими знаменами и орденом Святого Николая Чудотворца.

В память славы Корниловской ударной дивизии в борьбе за честь России в Крыму и в Северной Таврии в 1920 году Николаевскими знаменами были награждены 1-й, 2-й и 3-й корниловские ударные полки. Корниловской артиллерийской бригады 1-я, 3-я, 5-я, 6-я и 7-я батареи — серебряными трубами с лентами ордена Святого Николая Чудотворца. Военному генерала Корнилова училищу — серебряные трубы с лентами ордена Святого Николая Чудотворца.

Последний смотр

(по книге «Корниловский ударный полк»)

После боя под Каховкой остатки Корниловской дивизии были отведены в резерв Главнокомандующего и расположены по окрестным селам Мелитополя.

Корниловские запасные батальоны сразу прислали в свои полки около трех тысяч человек пополнения из бывших красноармейцев, взятых в плен за целый ряд боев самими корниловцами. Кроме того, в распоряжение генерала Скоблина были присланы из Мелитополя полтораста пленных матросов.

Скоблин вышел к матросам.

— Здорово, — сказал он.

Матросы ответили как следует.

— Знаете ли вы, — спросил Скоблин, — в какую часть вас прислали?

— В Корниловскую дивизию, — ответило несколько голосов.

— Не в Корниловскую дивизию, а в Корниловскую ударную дивизию, — поправил Скоблин. — Так вот что: всех трусов, всех тех, кто дрожит за свою жизнь, и тех, кто задумал в бою переметнуться к красным, нам таких не надо. Я их отправляю в Мелитополь. Все храбрые и честные — три шага вперед!

Все полтораста человек сделали три шага вперед. Из этих матросов была сформирована рота, и она честно воевала с красными.

Каждый день прибывали и корниловцы, поправившиеся после ранений. Полки начали опять разрастаться. Приехал из отпуска командир 1-го полка полковник Гордиенко. Он привез с собой красавицу жену, с которой только что обвенчался. Корниловцы жили такой тесной семьей, что горе или радость каждого из них, а командира в особенности, разделялись всеми. Оживленного и веселого Гордиенко все поздравляли. Искренно радовались его счастью. Выбор командира одобрили, решили, что оба «подходящая пара».

Мать-командиршу усадили за чайным столом на почетное место. Наперебой старались ей услужить. С робостью она поглядывала на загорелые обветренные лица. Командира позвали к телефону.

— Неужели мой Карпуша командует всеми вами? — спросила жена командира. — И как это он, такой застенчивый и тихий, справляется с такими?

Все офицеры так и фыркнули. Кто закашлялся, кто засморкался, кто отвернулся в сторону и зажал рот ладонью. Удивленной командирше стали объяснять, что человек в боевой обстановке сильно меняется, делается «совсем наоборот». Ну вот и их командир в бою тоже «другой»...

Во всех полках кипела работа. Каждый день шли усиленные занятия. На строевые учения приезжал генерал Скоблин. Его не оставляла тревога: почти все батальонные и ротные командиры — новые, неопытные; сумеют ли они передать «землякам-красноармейцам» корниловский дух, да еще в такой короткий срок?

1 сентября был назначен смотр дивизии Главнокомандующим.

В осенний погожий день вся дивизия выстроилась на большой площади Кронсфельд. На правом фланге 1-й Корниловский полк. Вереница автомобилей, один за другим, полным ходом подкатила к колонии. Показался генерал Врангель, с ним Кутепов, свита и военные представители иностранных держав. Высокая тонкая фигура Врангеля в корниловской форме возвышалась над всеми.

Начался обход фронта. Преображенский марш, приветственный клич, переливающийся по фронту волной, сливались в один волную-

щий гул. После обхода — молебен. На середине площади аналой, перед ним духовенство в блестящих ризах. Рядом с аналоем, на особом столике, знамя, которое привез Главнокомандующий.

Поет хор корниловцев. При скорбном возгласе: «Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, воинам, на поле брани живот свой положившим: боярину Лавру, воину Митрофану и всем корниловцам, и сотвори им вечную память» — все, как один, опустились на колени. Торжествующее «многая лета» русскому воинству отогнало призрак смерти.

Команда — «накройсь», и все глаза устремились на церемонию вручения знамени. Знамя прибывают к древку. Первый гвоздь вбивает Врангель, за ним Кутепов, потом командир корпуса, начальник дивизии и все командиры Корниловских полков.

— Слушай, на караул!

Штыки застыли. Полная тишина. Врангель выступил вперед. Громким, на всю площадь, голосом он начал:

— Орлы ратные. Корниловцы! Сегодня впервые после зачисления в ваши славные ряды довелось мне увидеть вас. Сегодня привез я вам — достойнейшим из достойных этой чести — знамя бывшего Георгиевского батальона. Это знамя вручил батальону храбрых сам Корнилов, чье бессмертное имя носите вы — бессмертные корниловцы. На этом знамени начертаны слова: «Благо Родины превыше всего». Их хранил в своем сердце Корнилов, их теперь храните вы, корниловцы. Благо Родины — это то, за что лучшие сыны ее три года уже орошают своей кровью ее поля. Это то, что заставляет вас пренебрегать холодом, голодом. Это то, ради чего вы несетесь через тучи пуль, не считая врага. Я вручаю вам это знамя храбрейших. На нем изображен орел, расправивший свои могучие крылья, — ваш прообраз. На нем Георгиевские ленты и Георгиевский крест, украшающие груди русских храбрецов. Достоинейшая награда увенчивает вас, орлы-корниловцы, и я знаю, что вы вполне достойны ее.

Орлы! Одним криком, криком русского солдата, могучее корниловское «Ура!» нашей страдальице матери-России!

Грянуло «Ура!». Главнокомандующий вручает знамя коленопреклоненному венному командиру 1-го полка полковнику Гордиенко. С поднятой рукой Гордиенко раздельно и громко произносит слова клятвы. Командир целует край знамени, встает и передает знамя коленопреклоненному знаменщику. С крайнего правого фланга 1-го полка отделяется офицерская полурота и с двумя офицерами-ассистентами подходит к знамени. Древко с развернутым знаменем заслуженный офицер-знаменщик кладет на плечо, и под торжественные

звучи полковых оркестров полотнище заколыхалось вдоль всего фронта. Рота со знаменем дошла до своего места и остановилась. Начался церемониальный марш.

Идут полки, держат равнение, печатают шаг. Мелькают выцветшие рубахи, порыжевшие стоптанные сапоги. У многих ударников верхних рубах нет, вместо них шерстяные фуфайки. Бросился в глаза мужественный солдат в ситцевой пестрой рубахе с нашитыми полотняными погонами, в потертых защитных штанах и в английских желтых ботинках, рядом с ним другой вовсе без штанов — в одних вязаных кальсонах. Зато у всех тщательно пригнана амуниция, вычищено оружие...

В иностранных мундирах, в брюках со складками стоят блестящие представители бывших союзных армий и щелкают затворами кодаков. Запечатлевают на пленках нищую армию.

Рысью промчался конный дивизион, прогромыхала артиллерия, и парад кончился. Никто не думал, что этот парад был последним корниловским парадом на русской земле.

Ударник Дегтярев в своих воспоминаниях этот парад описывает так: «Прибытие Главнокомандующего, его пламенная речь и неподражаемый его вопль (иначе нельзя выразиться): «Орлы-ы-ы! Корниловцы-ы-ы!» — сопровождалась для меня непрерывной нервной дрожью и доходившим почти до взрыва внутренним рыданьем...

Мощный, хриповатый голос Главнокомандующего казался надорванным и как бы выражал собою надорвавшуюся Добровольческую армию...

«Орлами-корниловцами» перед ним стояли пленные, попадавшие к нам раздетыми и босыми. Они и теперь еле прикрывали свою наготу полосатыми из сарпинок рубахами...»

*В. Гетц*¹⁸⁹

6-Я КОРНИЛОВСКАЯ¹⁹⁰

Феодосия вывела нас из смрадных трюмов и вернула к человеческому бытию. После короткого двухдневного отдыха вся бригада была отправлена в Керчь, где и расквартировалась в районе Митридата, войдя в состав гарнизона. Наконец кончились мытарства, мы улеглись на кроватях, однако недолго наслаждались безмятежным сном и сетями сладкой дремоты — все это оказалось нежной прелюдией перед поглотившей нас драмой вспыхнувшей эпидемии сыпного тифа, а затем

возвратного тифа. Большая половина состава переболела с десятком смертных случаев.

Этот тяжелый недуг пришелся в дни смены высшего командования и нравственного возрождения после глубоких психологических сдвигов, связанных с уходом вождя и проигрыша кампании на российских просторах. Новый вождь вдохнул веру, и пришло душевное и физическое исцеление. Вскоре от батареи потребовался наряд для несения патрульной и охранной службы на побережье.

В начале мая 1920 года началось оживление на фронте, и 6-я батарея в составе бригады выступила на Перекоп, где получила орудия и конский состав от Офицерской артиллерийской школы, после чего батарея была готова для боевых действий. В этот период пополнения командовал батареей старший офицер штабс-капитан Рыбаков, заменяя командира, болевшего сыпным тифом. На долю заместителя выпала честь успешных действий при выходе наших войск из Крыма на просторы Северной Таврии. Переформированная и переименованная Русская Армия начала свою славную Крымскую эпопею. В Каховку прибыл командир и вступил в командование батареей.

После разгрома на этом фронте красных войск восточный участок приобретает первенствующее значение, сюда прибывают новые большевистские соединения, активно настроенные. Корниловская дивизия ускоренным маршем направляется в угрожаемый нападением красных район, а именно в Большой Токмак, который, по меткому выражению, становится мельницей для многочисленных частей, побывавших в ней. В смысле тактическом Большой Токмак был ключевым пунктом и осью, вокруг которой производилась весьма удачная активная оборона.

Все действия противника, здесь энергичного и настойчивого, происходили как бы по одному трафарету с незначительными вариантами на флангах. Сжимая нас наподобие пружины, с возрастающей упругостью ее спиралей, по мере приближения к пределу и сокращения площади борьбы эти спирали достигали конечной точки напряжения, после чего начиналось их обратное действие стремительного характера, отчего красные бежали без оглядки. Первоначальный их успех, с оттеснением нашего сторожевого охранения к главным силам, окончательно останавливался на плацдарме перед Большим Токмаком с подходом наших резервов и введением в действие 2 легких батарей и одной гаубичной. Лихая контратака корниловцев довершила победу. В преследовании на Сладкую Балку уничтожались остатки — «корниловские жернова» — чисто перемалывали очередную подачу советских контингентов; одной из участниц была 6-я батарея.

К серии боев в районе Большого Токмака надо причислить и разгром конного корпуса Жлобы, 6-я батарея удостоилась чести быть назначенной в авангард дивизии со 2-м Корниловским ударным полком. Встречное движение началось ночью. Этот марш-маневр не был замечен противником, так как прикрывавший наше направление отряд красной конницы был полностью уничтожен во время его попытки снять наше сторожевое охранение накануне задуманной операции. Нашим пунктом сосредоточения было село Орловка, откуда, без всякой помехи, дивизия к рассвету достигла колонии Рикенау и, войдя в нее, готовилась раздать людям завтрак, но прискакавший конный доложил командиру полка, что красные занимают впередилежащие бугры и стоят к нам тылом. Немедленно последовало развертывание авангарда и началось его наступление на занятого боем с Донским корпусом противника. 6-я батарея открыла огонь и первой очередью как кинжалом ударила в спину врага. Попавшая под огонь неприятельская батарея сразу замолчала, а ее прислуга разбежалась. Конные лавы, ошеломленные внезапностью нашего нападения, метнулись в разные стороны и поддались панике — назревал разгром. Однако усилиями своих командиров эти конные силы были приведены в порядок и повернуты на нас. На широком галопе, как озверелые гунны, они бросились на цепи корниловцев... Порыва их хватило не надолго, наш губительный огонь на низких разрывах окончательно деморализовал красных, и они бросились в беспорядочное бегство: одна группа ушла на восток и там попала под удар конницы Морозова, закончив свое существование; другая — большая — повернула на запад и там, как стог сена, сгорела в сосредоточенном огне корниловцев, дроздовцев и бронепоездов. Гордость красной ударной конницы была уничтожена доблестью войск и талантливым руководством штаба и участием самого Главнокомандующего генерала Врангеля, а Жлоба не дождался маршальского жезла. Затем наши действия перенеслись к Большому Токмаку и всем нам памятной Сладкой Балке.

Снова ожил и повторился всем нам надоевший танц-класс, но Господь нас хранил так до скорбного дня — 19 июля. В этот день нас постигло большое несчастье, стоившее нам гибели одновременно двух старших офицеров — полковника Брезгуна и капитана Бородулина, ранеными — начальника 1-го орудия штабс-капитана Токаревича¹⁹¹, четырех солдат и 19 лошадей. Произошло это трагическое событие во время выезда батареи на позицию: перелетная очередь неприятельской батареи по нашей пехоте полностью легла на батарею в то время, когда она снималась с передков. Осколками прыгающих гранат оба офицера были убиты — полковник Брезгун изуродован с перебитыми

костями рук и ног, у капитана Бородулина оторвана голова. Странная судьба этих двух равнодоблестных офицеров. При жизни они всегда были в оппозиции друг к другу. Полковник А. Брезгун всегда бодрый, жизнерадостный, привлекал к себе всех своей открытой натурой, в то время как капитан В. Бородулин всегда был мрачным, никогда ничем не довольным, всегда ноющим, необщительным и всегда грустным, с какой-то скрытой печалью в душе, но исключительно добрым. И вот этих двух человек связала общая могила, куда они легли рядом друг с другом, и общая любовь к России, за которую отдали свои молодые жизни... Хоронили мы их на местном кладбище Большого Токмака под выстрелы недалеко действующей батареи, а вечерняя заря, потухая за далеким горизонтом, углубляла нашу скорбь в разлуке с верными боевыми друзьями. Утерев слезы и вздохнув глубоко, мы покорились воле Господа и опять вернулись к своему делу, готовыми принять участь, подобную ушедшим. Врачует душевные раны дело; на войне некогда долго лить слезы, мы во власти судьбы — сегодня ты, а завтра я. На пополнение погибшего 1-го старшего офицера прибыл полковник Ал. Севастьянов¹⁹² — достойный заместитель своего предшественника, со стажем офицера Генштаба.

Но вот началась новая серия сражений, теперь красные перенесли свои усилия на наш левый фланг, и здесь разыгрались крайне упорные бои в районе Куркулака. Сюда прибыли новые советские части, среди них бригада курсантов. Вообще с этого времени мы имели дело с регулярно обученным противником, пришлось менять и способ борьбы с ним. Прежде всего перемена сказалась в ведении артиллерийского огня, видно было, что стрельба ведется правильно, нет прежней кустарности, а заметно руководство. Тактические приемы пехоты красных показывали их грамотность, и потому хождение в атаку с песнями и винтовками на ремне надо было оставить во избежание больших потерь. Когда командир батареи, по своему обыкновению, выехал на будущий наблюдательный пункт верхом в сопровождении конного вестового, то он сразу был накрыт шрапнельной очередью, от которой погиб вестовой, славный фейерверкер Сергеев, и лошадь командира. Видя эту картину, старший офицер полковник Севастьянов из предосторожности занимал маскировочную позицию спешенными ездовыми.

Артиллерийская дуэль после нашего открытия огня нас убедила, что перед нами или мобилизованный офицер, сохранявший предательский нейтралитет, или тот же «товарищ», но обученный тем же нейтралитетом, способствующим поневоле торжеству интернационала. Но несмотря на значительное улучшение в подготовке красных, они все же

были разбиты, а их цвет новых формирований безжалостно уничтожен и остался в погребках Куркулака, который они с яростью защищали.

Никто не смог тогда устоять под ударами корниловцев, возглавляемых такими исключительными командирами, как полковники Пашкевич и Левитов, с их ближайшими помощниками полковниками Бржезицким, Померанцевым и другими. Но пуля не щадит героев, так она не пощадила командира полка полковника Пашкевича. Смерть его чистейшая случайность. Полковник Пашкевич не знал отдыха; полк иногда отдыхал, а он — никогда. Однажды поехал командир проверить сторожевое охранение и поднялся на курган. Впереди кукурузное поле шелестело своими мечевидными листьями... и вдруг, среди безмолвия, показалась группа всадников. Командир движением руки показал им приблизиться, а оттуда раздался залп, и... сраженный командир упал, наказанный за свою беспечность. Полк лишился столь талантливого командования, а Белое Дело понесло трудно залечимую утрату... Смерть, щадившая его в бурном пламени боя, как нарочно, для конца такого героя избрала прозаический случай. Осторожный, предусмотрительный во всем, что касается полка, дрожавший за участь каждого своего подчиненного и беспощадный за излишние потери, он не был таковым в отношении себя.

Красная стратегия неутомимо продолжала разрабатывать планы нашего полного уничтожения в Северной Таврии. Не добившись успеха в этих попытках на одном из фронтов, красное командование перебрасывало свои усилия на другой. Теперь оно задумало концентрическим ударом с двух сторон устроить нам мешок у перешейков. И вот на Днепре собирается мощный кулак, и первый его размах удачен — враг далеко углубляется в наш тыл и переходит линию Сирагоз. Опять наша «моторизованная» на обывательских подводах Корниловская дивизия спешит к угрожаемому месту. Завязываются крайне упорные бои; враг остановлен и после короткой обороны начинает организованный отход. 6-я батарея в продолжение всего боя сопровождает своих ударников и огнем и колесами, не выходя из сферы действительного ружейного огня. На одном из участков боя она видит плоды своей работы: спешно подошедшая поддержка красных, в составе 4 станковых пулеметов на тачанках и двух рот пехоты, сметена огнем батареи — кладбище выросло на их месте. Особенно обращала на себя внимание груда из 26 мертвых тел, поваленных одной прыгающей гранатой. Брошенные тяжелораненые красные с ужасом рассказывали о смерче огня, о том же говорили и жители, видевшие всю картину бесчисленного потока раненых. Нужно отдать справедливость проявленной здесь особой стойкости большевиков: они открывали

огонь стоя в шереночном строю, но что было возможно во времена стрельбы ядрами из гладкоствольной артиллерии, то перед скорострельной, да еще на близкой дистанции, не превышающей 30 делений прицела, подобные боевые порядки могли родиться в голове во хмелю красного командира. Противник дрогнул, израсходовав свои последние резервы, и начал поспешный отход, который мог бы превратиться в разгром, если бы не опустившаяся ночь, прикрывшая обе враждебные стороны. Однако ему удалось удержаться на заранее построенной укрепленной позиции у Любимовки.

Все же враг был настолько обессилен, что не смел сделать попыток к наступлению. Корниловская дивизия перешла в район станции Федоровка для пополнения. И здесь дождалась смотра своего любимого Главнокомандующего генерала Врангеля. Все полки получили новые знамена, батарея получила Николаевские трубы с лентами. Вручение новых знамен было обставлено помпезно, в присутствии иностранных гостей. Пополненные и вновь экипированные полки выглядели парадно, а их церемониальный марш напоминал парады старой армии, вселяя надежду и уверенность в конечное торжество нашего дела. Особенное впечатление произвели пулеметные роты станковых пулеметов, продемонстрировавшие свою многочисленность и молодцеватость. Казалось, что проходила стихия всесокрушающего огня. В первый раз мы увидели себя в таком количестве и в таком внешнем блеске и еще больше поверили в свою силу. После парада состоялся официальный обед, на котором генерал Врангель блистал ораторским искусством, произнося слово на родном и французском языках. С гордостью мы слушали своего вождя, столь всесторонне образованного. Настроения отдаляли грозную ситуацию и вуалировали неприглядную действительность неравной борьбы. К нашему несчастью, только что пережитый подъем был лебединой песнью... Последовавшая эпопея, при полном нашем самоотвержении, постепенно подтачивала наши силы.

*М. Левитов*¹⁹³

МОИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О РАЗГРОМЕ КОННОГО КОРПУСА ЖЛОБЫ 19 И 20 ИЮНЯ 1920 ГОДА¹⁹⁴

Для ликвидации успешного продвижения Русской Армии по линии Перекоп—Каховка красное командование перебросило в район станции Пологи значительные силы пехоты и кавалерии с целью ударом

на город Мелитополь разбить наши слабые части на этом участке и в дальнейшем выйти в тыл Каховской группе. С получением донесений разведки об этом штаб армии решает парировать этот удар быстрой переброской частей, освободившихся после занятия Каховки. Среди них была и Корниловская ударная дивизия, отведенная из Каховки в резерв в село Натальино. Переброска Корниловской дивизии из района села Натальина началась 12 июня 1920 года, и за пять дней Корниловский ударный полк сделал 160 верст, прибыв в село Троицкое в 19 часов 17 июня.

К этому времени определился и состав красных войск, в свою очередь спешивших на город Мелитополь. На участке Корниловской ударной дивизии это был конный корпус усиленного состава.

18 июня 2-й Корниловский ударный полк со своей артиллерией выдвигается в колонию Орлово-Тиге; присутствие противника обнаружено в колонии Тигервейде. Сторожевое охранение приказано выставить на север, восток и юго-восток. 1-й и 2-й батальоны занимают северную часть колонии, выставив от себя указанное сторожевое охранение, а 3-й и офицерский батальоны со штабом полка и артиллерией остаются в юго-западной ее части с добавочным своим охранением от офицерского батальона.

После установления телефонной связи и получения донесений командиров батальонов об исполнении приказаний я должен был проехать по их участкам и проверить. Полк растянулся по колонии версты на три плюс черта сторожевого охранения, и моя поездка затянулась часов до трех 19 июня. По возвращении я доложил командиру полка о положении и, не закусив, завалился, не раздеваясь, спать. Но не успел я заснуть, как в северной части колонии была открыта стрельба, которая по своему характеру ничего хорошего не говорила: начиналась в разных местах, велась беспорядочно и быстро прекращалась. Слышались разрывы ручных гранат, которых мы не имели. Телефонная связь была прервана.

Не спрашивая разрешения командира полка, я понесся с одним только ординарцем на место боя. Не успел я отъехать и версты, как увидел скачущие наши кухни и каких-то всадников, снующих по единственной улице колонии. Встречные кавалеристы сначала подозрительно смотрят на нашу скачку, а потом и преграждают нам дорогу. Картина стала для нас ясна: мы среди красных, но я все же решил пробиться на выстрелы своих батальонов. Ординарца они от меня отбили, подлетавших чересчур близко ко мне красных приходилось отбивать выстрелами из нагана. Стало немного светать, и я увидел корниловцев, группами выглядывавших из-за солидных забо-

ров и редко стрелявших в мечущихся уже с узлами награбленного удирающих красных.

В это время с северо-восточной стороны вдоль колонии батарея красных открыла огонь с близкой дистанции. От первого контакта со своими у меня создалось впечатление, что действует кавалерия красных и что за первой прорвавшейся слабой частью должна последовать атака главными силами противника, которая пойдет не по одной же улице колонии, куда было обращено главное внимание наших! Для выяснения обстановки я спешу со двора, через сад, рассмотреть, что делается в том направлении, куда удирали красные кавалеристы. Слабый рассвет с туманом все же позволил мне увидеть в бинокль следующую картину: в версте на северо-восток от колонии батарея противника ведет огонь по расположению полка, а в направлении на восток, среди зелени высоких хлебов, на нас движется поэскадронно масса кавалерии, тыл которой был прикрыт туманом. Отдаю приказание срочно собрать ко мне пулеметы, а ротам резерва изменить направление на главный удар, оставив минимум для расправы с одиночками на улице. Собравшиеся еще при мне пулеметы первым своим огнем накрыли батарею, которая прекратила огонь, и я полагаю, что она и брошена была в силу этого. Я видел силу и первого обстрела пулеметной батареей наступавших колонн кавалерии. В первый момент фронт противника замер от неожиданности, потом, как будто очнувшись, смешался и бросился наутек, оставляя группами раненых и убитых.

Несмотря на прекрасное действие 1-го и 2-го батальонов, я не верил, что атака красных сорвалась, и карьером полетел к командиру полка с докладом и с просьбой усилить северную часть колонии офицерским батальоном. Рассвет сделал свое дело — открыла огонь по отступающей кавалерии и наша артиллерия. Сила и дальность ее огня окончательно расстроили противника, командир полка это видел и мою просьбу усилить 1-й и 2-й батальоны отклонил. Раненые и убитые были из состава двух кавалерийских полков корпуса Жлобы, но сколько сил было во второй линии, из-за тумана и быстрого отступления противника выяснить не удалось. (Позже выяснилось, что действовала Таманская кавалерийская бригада при 4 орудиях, два из которых, шедшие с атакующими, были нами взяты, так же как и два пулемета.) Успех занятия северо-восточной части колонии красными объяснялся тем, что впереди должен был своими разъездами освещать местность эскадрон штаба нашей дивизии, утомлением чинов полка от усиленных переходов за последние шесть дней и тем, что противник был информирован о нашем расположении в колонии. Быстрота лихого ночного налета и действия конной артиллерии красных создали им иллюзию

успеха, за что батарея заплатила своей гибелью, из ворвавшихся кавалеристов редко кто удрал с награбленными узлами, а смело наступавшее ядро кавалерии за свою самоуверенность, помимо разгрома, поплатилось изрядными потерями. Красным все же удалось взять в плен несколько человек из наших разъездов, но на следующий день, после разгрома конного корпуса Жлобы, мы их отбили. Оказывается, их срочно доставили в штаб корпуса красных и, судя по взволнованным разговорам конвоя и по ходу допроса, было видно, насколько их ошеломил такой резкий отпор противника — как будто и незначительного по силам, но губительного по огню. Допросы и споры красных между собой велись весь день, но в оценке вопроса о наших силах ясности они не добились. В итоге быстро катившаяся на Мелитополь красная лавина остановилась, потеряв драгоценные для себя 24 часа, что дало возможность нашему командованию уточнить детали нашего контрудара на утро 20 июня 1920 года.

Итак, бой с Таманской кавалерийской бригадой, в составе 1-го и 2-го кавалерийских полков, при двух батареях, начавшийся в 5 часов 19 июня, положил начало фактическому разгрому корпуса Жлобы на следующее утро. С нашей стороны этот удар принял на себя 2-й Корниловский ударный полк, по сложившимся обстоятельствам оправдавший определение фельдмаршалом Кутузовым ценности боя: «Бой важен не сам по себе, а своими последствиями», то есть в данном случае он не только наказал дерзкого противника, но и задержал его на месте на сутки, получив тем самым право на следующее утро выбрать для себя удобное место, точно в тылу всего конного корпуса Жлобы, который в бою с Корниловской ударной дивизией получил первый и основной сокрушительный удар. В итоге к 6 часам 19 июня бой под колонией Орлово-Тиге закончился, разбитая кавалерия противника скрылась в направлении колонии Рикенау, а 1-й Корниловский ударный полк был отведен в дивизионный резерв в колонию Альтенау. Трофеями были 2 орудия, один зарядный ящик, масса винтовок, два пулемета. Наши потери: ранены 4 офицера и 15 ударников, убиты один врач и 4 ударника.

Согласно записи журнала боевых действий 2-го Корниловского ударного полка, за отличия в этом бою были представлены к производству в следующие чины и к ордену Святого Николая Чудотворца: подполковник Померанцев, подпоручик Паньшин, подпоручик Косович, подпоручик Носиков, фельдфебель Морозов, старший унтер-офицер Халидулин. Мое представление не записано в журнал, но оно состоялось: командир 2-го Корниловского ударного полка джентльменски уклонился от руководства боем, приписав руководство и ус-

пех такового мне, и я в срочном порядке получил производство в полковники за боевые отличия.

15 июня 1963 года, в Париже, поручик Дудниченко рассказал мне о своем впечатлении о бое в Орлово-Тиге: «Я был назначен в связь к командиру полка от офицерского батальона. С началом стрельбы на северо-восточной окраине колонии и около южной части ее, в расположении штаба полка и офицерского батальона были красные кавалеристы. Одному нашему часовому ударом шашки снесли треть головы, был убит врач. Были видны искры от встречных ударов шашек красных и наших».

Таким образом, выясняется наличие кавалерийских дозоров красных и на южном конце колонии, там, где мы не ожидали противника и где на ближнем расстоянии было выставлено слабое сторожевое охранение. Безусловно, тревога и здесь была, но сила двух батальонов и трех батарей этого почти и не заметила. Как ни самоуверенны были красные кавалеристы, но сила огнестрельного оружия в руках корниловцев всегда дорого им обходилась.

19 июня 1920 года, в 23 часа, 2-й Корниловский ударный полк получил приказ по дивизии за № 17 для операции по окружению конного корпуса Жлобы: «2-й Корниловский ударный полк в 2 часа 20 июня выступает за 1-м Корниловским ударным полком в колонию Тигервейде, должен пройти через нее и через колонию Рикенау и в дальнейшем наступать на Лихтфельд — Александеркрон».

Все обозы и кухни полк отослал назад в село Троицкое и выступил за 1-м Корниловским ударным полком точно в 2 часа. Движение Корниловской ударной дивизии происходило со всеми мерами предосторожности, и за все время движения 2-го Корниловского ударного полка до Рикенау включительно только один раз раздалось несколько выстрелов в походном охранении: в темноте произошло недоразумение между своими.

Согласно приказу, полк, пройдя Рикенау, идет уже в авангарде на юг, по дороге на Лихтфельд; по той же дороге за ним идет и 3-й Корниловский ударный полк. Не пройдя и трех верст в этом направлении, часов в 8 в бинокли можно было наблюдать массовое движение красной конницы за колониями Клефельд — Александеркрон, направлением на юг, то есть, согласно диспозиции, против 3-й Донской дивизии. Полк начал разворачиваться для боя с кавалерией. Направление: 1-й батальон вдоль дороги, 2-й — левее, 3-й в резерве и офицерский батальон — уступом за левым флангом. Батальоны идут в резервных колоннах, с развернутыми ротами в две шеренги, все пулеметы (52 пулемета) в интервалах рот, офицерская пулеметная команда — 21 пулемет — со своим батальоном;

две легкие батареи и одна шестидюймовая — прямо за полком, на ближних дистанциях.

На участке 3-й Донской дивизии красная артиллерия начинает бить по донцам, а донская — о ужас! — начинает бить по офицерскому батальону... С первых же попаданий убита сестра милосердия и несколько офицеров и несколько офицеров ранены. Командир полка, я и командиры батарей были около офицерского батальона. Командир полка полковник Пашкевич говорит: «Не разобрались! Полковник Петренко (командир 5-й батареи), заставьте их замолчать!» Как после выяснилось, 5-я батарея со второго выстрела перевернула одно орудие донской батареи, стрельба по нам прекратилась, и печальный «обоз недоразумения» повез в Мелитополь раненых с обеих сторон.

Красные сразу прекратили движение на донцов, наша артиллерия бьет по красным, наш броневтомобиль лихо катит по дороге на Лихтенфельд, и эскадрон штаба Корниловской ударной дивизии идет на рысях туда же. Но спустя минут 15, при виде всей массы противника перед собой, наши горячие головы неслись карьером обратно, под прикрытие своей пехоты. Артиллерия красных по-кавалерийски бьет часто и разбрасывает снаряды, высокий хлеб хорошо маскирует наше движение. Однако командир полка, оценив силу движущейся на нас массы красных кавалерийских полков, приостанавливает наше движение, батареи почти соединяются с пехотой, и пулеметы все в первой линии.

Отчетливо наметились две громадные группы для удара по нашим флангам, а на центр полка шло не больше десяти эскадронов. Напряжение бойцов было предельным, но вера в силу своего действительно внушительного огня и вдобавок компактное расположение наше обещали нам успех.

В это время из Рикенау быстрым шагом на наш правый фланг выходил батальон 1-го Корниловского ударного полка для прикрытия нашего левого фланга уступом назад версты на две.

Первыми нас атаковали в лоб сотни кубанцев. Сначала они шли змейками, потом, на расстоянии версты, когда вышли на нашу возвышенную местность и увидели нас, все лихо развернулись в две шеренги, почему-то надвинули кубанки на глаза, выхватили шашки и понеслись на нас в атаку. Картина была внушительная. Пехота наша молчала, била только артиллерия. Я почти с ужасом смотрел на мчавшихся на нас не так давно наших славных союзников, земли которых совместно с ними освободила дорогой ценой Добровольческая армия; а теперь только одна минута отделяет нас от начала исполнения нами своего воинского долга. Летели кубанцы на нас лихо, сохраняя даже равне-

ние в сотнях. Среди наших по их адресу кое-где неслась отборная ругань, но преобладало уверенное в себе гробовое молчание. Красные были уверены в успехе удара по нашим флангам, а мы, в большинстве не видевшие еще этой угрозы, твердо верили в мощную силу нашего огня, несмотря на выдвинутое положение полка. Начало каждой атаки во многом зависит от выбора момента шока, и это особенно важно в кавалерии. Атакующие нас с фронта не согласовали по времени своего удара с фланговыми, они начали его минимум минут на 20 раньше, не дождавшись эффекта действий на флангах, и этим сами себе подписали полный разгром. Расстояние быстро сокращалось, неслось уже русское «Ура!», и в ответ ему понеслись русские же пули.

Уничтожение «себе подобных» началось. Лавина пулеметного огня понеслась навстречу грозно сверкавшим клинкам в руках озверевших красных, мчавшихся на прекрасных конях, хотя и неповинных в нашем кровавом споре, но одинаково обреченных на смерть. Первая половина версты, разделявшая противников, вычистила наполовину же атакующих, их победный крик смолкает под силой огня корниловцев, темп атакующих выдыхается, роковой перелом начался, и только немногие храбрецы нашли свою смерть шагах в ста от центра обороны 2-го Корниловского ударного полка.

Первая сцена центральной атаки закончена, начинают давить более мощные кулаки красной конницы на оба фланга полка. Артиллерия бьет прямой наводкой, тяжелые пулеметы перемещаются на фланги и ведут пристрелку, сила огня снова заглушает гул несущихся в атаку красных. 2-й Корниловский ударный полк не меняет своей позиции и только погибает оба фланга и усиливает их, главным образом — тяжелыми пулеметами. Атакующие частично захватывают и участки 3-го Корниловского ударного полка, и батальона 1-го Корниловского ударного полка. По густоте атакующих наш образовавшийся треугольник было видно, что противник решил уничтожить выдвинувшийся 2-й Корниловский ударный полк. Но и здесь они не учли того, что сила огня корниловцев была в полном взаимодействии. Артиллерия красных растерялась — по-видимому, все время меняла позиции, да и высокие хлеба отлично маскировали нас, а потому все наше внимание сводилось к отбитию кавалерийских атак. На этот раз они были более настойчивы и возобновлялись по нескольку раз, соединив их с новой фронтальной атакой.

В итоге настойчивых атак красных результаты для них всюду были печальными: фронтальная атака снова была отбита огнем, а фланговые, очутившись, каждая в отдельности, под нашим перекрестным огнем, благодаря своевременному прикрытию флангов 2-го Корниловского

ударного полка штабом нашей дивизии, тоже захлебывались. Не смогли им и попытки повторных атак.

У меня тогда и теперь нет впечатления о том, что Жлоба с первого же момента появления у него в тылу корниловцев искал, «в какую дыру ему можно было бы ускользнуть». Судя по его действиям, это далеко не так. После первой неудачной лобовой атаки кубанцев на центр 2-го Корниловского ударного полка он повторяет ее, соединяя с двумя мощными ударами — слева 6-й бригадой, справа 4-й бригадой — на фланги и тыл 2-го Корниловского ударного полка, считая, по-видимому, это главными силами с нашей стороны, которые он и надеялся уничтожить. Своей левофланговой и очень многочисленной группой, 6-й кавалерийской бригадой, управлял сам Жлоба. Фланги Корниловского 2-го ударного полка оказались хорошо прикрытыми, кавалерия красных отбита, но она пытается более глубоким ударом сломить наше сопротивление. Но когда и эта попытка провалилась, то с этого момента можно считать, что Жлоба со своей самой большой группой обратился в бегство, как и все части его корпуса.

В это время 3-я Донская дивизия энергично гнала перед собой оставленный Жлобой заслон, который при своем отступлении тоже разделся на две группы и, обтекая 2-й Корниловский ударный полк, уходил на присоединение к своим. Конец боя для 2-го Корниловского ударного полка, как и начало, ознаменовался стычкой, где тоже «своя своих не познаша»: с окраины колонии Лихтенфельд на нас посыпались редкие, но чрезвычайно меткие ружейные выстрелы. По обстановке и качеству огня было видно, что это наши казачьи части, почему мы не отвечали и только выслали разъезды для связи.

На этом бой для 2-го Корниловского ударного полка с прикрывавшими его фланги 3-м Корниловским ударным полком и батальоном 1-го Корниловского ударного полка закончился. 1-й же Корниловский ударный полк, после отражения атаки у колонии Рикенау, преследовал красных на колонию Тигервейде и дальше.

Командование искусно поставило Корниловский треугольник во главе со 2-м Корниловским ударным полком, вынудило Жлобу атаковать отличную пехоту, которая своим мужеством и богатством огня не только нанесла ему громадные потери, но разделила на две части, бросившиеся в ужасе от поражения в приготовленные для них мешки. Можно было пожалеть только о том, что для полного уничтожения разбитых жлобинцев у нас не было здесь достаточно кавалерии.

Быть может, незнакомым с условиями боя пехоты с кавалерией покажется, что трофеев у корниловцев маловато для такого разгрома: пять орудий и несколько десятков пулеметов, про лошадей даже и не

говорится, а разбито было около 8 тысяч кавалерии. Дело в том, что последний шок атаки кавалерии на пехоту решает холодное оружие, когда пулеметы с артиллерией отстают, при неудаче атаки им легко укрыться. К тому же пехота не может преследовать кавалерию, дело ограничивается огнем и простым продвижением. Обычно трофеями пехоты бывает все, разбитое ее огнем. Чудная зелень полей тоже укрывала много здоровых красных, раненых, убитых и всякого рода оружия. Помимо этого, уменьшение числа трофеев произошло и из-за желания частей восполнить все, оставленное в Новороссийске. Так, во втором Корниловском ударном полку при выходе его в бою 25 мая за Перекопский вал было около 52 пулеметов плюс офицерская пулеметная команда и 9 лошадей в команде конных разведчиков. После разгрома кавалерийского корпуса Жлобы оказалось 85 пулеметов, эскадрон капитана Литвиненко, сотня войскового старшины В.Д. Попова, команда связи, лазарет и хозяйственная часть, сильно пополнившиеся. Поэтому понятно, когда Жлоба, сломив свою мощь и волю на корниловцах, стал переходить от одного нашего удара к другому, путаясь в приготовленном ему мешке, конечно не думая уже здесь о повторных атаках, как на корниловцев, когда ездовые у него для быстроты рубили постромки, бросая орудия и пулеметы, — трофеи здесь увеличивались сами собой, но это было уже на участке других дивизий.

В итоге боев с конным корпусом Жлобы 19 и 20 июня, 2-й Корниловский ударный полк был в авангарде Корниловской ударной дивизии и оба раза отбивал его массовые атаки с такой силой, что это явилось основанием поражения красных. Здесь, для ясности, я должен оговориться, что атаки, ночная 19-го и фронтальная 20-го, отбивались исключительно 2-м Корниловским ударным полком, а фланговые — совместно с 3-м Корниловским ударным полком (слабого состава) и одним батальоном 1-го Корниловского ударного полка, прикрывшими его фланги. Удачное построение, треугольником, фронта корниловцев полностью способствовало использованию нами силы своего огня, а она была внушительной: сила центра в бою с корпусом Жлобы равнялась семи батальонам (12 трехдюймовых орудий, 3 шестидюймовых орудия, 103 пулемета и 29 шашек и один бронеавтомобиль). Думаю, что Жлоба такой силы огня не ожидал и потому так настойчиво, повторными атаками, глупо обескровил свой корпус.

Потери 2-го Корниловского ударного полка в бою 19 июня: убито 5, ранено 19; в бою 20 июня убито 7, ранено 24. Отбито 6 человек нашего конного дивизиона, взятых в плен красными во время ночного налета на Орлово-Тиге. Потери 1-го и 3-го Корниловских ударных полков не записаны.

Теперь, для объективности суждения о роли Корниловской ударной дивизии в разгроме Жлобы, приведу приказ Корниловской ударной дивизии № 93, от 22 июня 1920 года, село Большой Токмак.

«П. 1

Объявляю приказ 1-му армейскому корпусу от 20 июня 1920 г., № 3735:

«Сегодня корниловцы, дроздовцы и 2-я конная дивизия вновь явили свою беспримерную доблесть, выдержку и высокий воинский дух. Многочисленная отборная конница красных разгромлена. Взято 29 орудий, больше 130 пулеметов, пленные, обоз и большая добыча. В этом исключительном по обстановке бою части соперничали в доблести, начальники — в искусстве управления. От всего сердца благодарю генералов Витковского, Скоблина, Морозова, всех командиров полковых артиллерийских бригад и всех начальников за блестящее руководство частями. Генералов, офицеров и солдат сердечно благодарю за исключительно лихую работу. П.п. Генерал-лейтенант *Кутепов*».

П. 2

Объявляю копию телефонограммы наштакора 1-го армейского корпуса от 21 июня № 3736: «Срочно оперативная сводка к 24 часам 20 июня 1920 г. По дополнительно полученным сведениям, сегодняшний бой разыгрался следующим образом: Корниловская дивизия в 5 часов, отогнав разъезды противника, прошла Тигервейде и заняла Рикенау, откуда начдив решил, во исполнение поставленной ему задачи, вести наступление на Лихтенфельд. Шедший во главе 2-й Корниловский ударный полк обнаружил, что район Лихтенфельд, Александеркрон и Клефельд заняты значительными силами конницы противника, из коих около бригады, при поддержке своей артиллерии, стоявшей на обоих берегах реки Юшанки, вело бой с 3-й Дондивизией, наступавшей с юга. Две конных бригады красных стояли в резерве. Корниловская артиллерия, выехав на открытые позиции, открывала ураганный огонь по Лихтенфельду и Александеркрону. В это время в эти деревни ворвался наш броневик «Екатеринославец». Здесь поднялась паника, и громадная масса конницы бросилась часть на запад, часть на восток. В районе к северу от Штейнфельда до 4 бригад красных, приведя себя в порядок, развернули лаву и повели наступление на запад, на 2-й Корниловский ударный полк, который частью своих сил переменил фронт и, развернувшись фронтом на восток, дружным залповым огнем встретил атаку противника.

Красные, несколько отойдя, снова повели наступление на Рикенау, но и здесь были встречены выдержанным огнем батальона 1-го Корниловского ударного полка и уже в некотором беспорядке уклонились на Моргенау. 3-й Дроздовский полк огнем ружейным и 30 пулеметов отбросил противника от Моргенау, причем преследование вел командир полка полковник Манштейн¹⁹⁵ с сорока своими ординарцами и с частью полка на тачанках. Противник, отброшенный дроздовцами к Николайдорфу, в панике бросился на северо-восток, в направлении на Гиршау, но на полпути был атакован конницей генерала Морозова, который совершил обходное движение через Большой Токмак и Ландескроне, выйдя во фланг этой группе противника. Красные, смятые 2-й конной дивизией, поддержанной еще и 3-й Донской дивизией, наступавшей от Шпенфельда на север, были смяты окончательно и, рассеявшись, начали пробиваться на восток.

Другая группа красных, до шести бригад, под командой Жлобы, повела энергичное наступление из района к северо-западу от Лихтенфельда на северо-восток, на части 2-го Корниловского ударного полка и на 3-й Корниловский ударный полк, который, разворачиваясь на бегу, бросился на поддержку 2-го Корниловского ударного полка. Неоднократные атаки Жлобы были отбиты, после чего он, уклонившись на север, пытался со стороны Тигервейде атаковать Рикенау. Два батальона 1-го Корниловского ударного полка, несмотря на подавляющее превосходство сил противника, отбросили красных, которые уклонились в промежуток между Рикенау и Тигервейде. В районе к западу от Фирстенвардера красным преградил дорогу 1-й Дроздовский полк. Попытка Жлобы атаковать дроздовцев была совершенно безуспешна, и он в полном беспорядке, имея в своих рядах обрубивших построения обозных и артиллеристов, повернул на запад в направлении на Линденау, а затем, параллельно преследуемый корниловцами, в полном расстройстве бежал на север, в направлении на Гальбштадт. Здесь ему преградил путь батальон самурцев, встретив его огнем пехоты и танков. Жлоба бросился на Большой Токмак. Отбитые отсюда частями 13-й дивизии и бронепоездами, красные отскочили на юг, причем впереди своей беспорядочной массы конницы Жлоба ехал на автомобиле. Встреченный залповым огнем дроздовских частей, перешедших затем в контратаку и захвативших с прочими трофеями и автомобиль Жлобы с помощником его начальника штаба (сам он пересел на коня и успел ускакать), и под ураганным огнем 12 орудий дроздовских батарей, уже в совершенном беспорядке повернул на север. Бронепоезда снова встретили Жлобу жестоким огнем, и он беспорядочной массой бросился на восток, на Черниговку, сопровождае-

мый во все время своего движения огнем бронепоездов, дошедших до станции Стульнево.

Трофеи 1-го корпуса велики. Подсчет их еще не закончен. Пока выяснено, что нами взято 29 орудий, 130 пулеметов, штаб 2-й конной дивизии Жлобы во главе с начальником штаба, пленные, масса обозов и всякое имущество. Предварительным опросом пленных устанавливается, что разбит весь корпус Жлобы, состоящий из 1-й и 2-й кавалерийских дивизий в количестве 11 кавалерийских полков, отряда Блинова в составе 6 полков и двух кавалерийских бригад 40-й дивизии (минимум — 6 полков), приданных три дня тому назад корпусу Жлобы. Всего в корпусе было 7—8 тысяч шашек.

Лихтенау, 1 час 30 минут 21—6—20, № 3736

Достовалов¹⁹⁶».

П. 3

Объявляю копию телеграммы наштакора 1-го армейского корпуса от 21—6, № 3736.

«Из полученных дополнительных сведений установлено, что вся тяжесть вчерашнего боя с группой Жлобы легла на Корниловскую дивизию. При подходе корниловцев к Лихтенфельду выяснилось, что 3-я Дондивизия под давлением частей сил Жлобы отходила на юг. Корниловцы немедленно атаковали красную конницу с тыла. Обнаружив наступление корниловцев, Жлоба оставил против донцов одну бригаду, остальными пятью бригадами со всех сторон обрушился на Корниловскую дивизию. Оправившиеся в это время донцы снова повели наступление на север, причем интенсивным артиллерийским огнем обстреливали окруженных со всех сторон корниловцев. Корниловцы первые нанесли Жлобе жестокое поражение, причем лишь благодаря исключительной доблести и сплоченности частей корниловцам самим в первый момент боя удалось выйти из критического положения. Дивизия, имея вырвавшийся вперед в районе Лихфельда 2-й полк, неоднократно отбивала энергичные атаки приведших себя в порядок западной и восточной групп красной конницы. Причем корниловцы, простреливаемые насквозь пулеметами и артиллерией обеих групп Жлобы, кроме того, в течение двух часов одновременно несли потери от огня 3-й Дондивизии с юга. Блестящими контратаками западная и восточная группы Жлобы были неоднократно отбрасываемы. 7-я Корниловская батарея 1-го Отдельного тяжелого артдивизиона, находясь под угрозой несколько раз быть захваченной в плен выходящими в тыл конными массами, безостановочно стреляла на картечь. Под ударами Корниловской дивизии

Жлоба дрогнул, и его группы, обращаясь постепенно в беспорядочные массы, неотступно преследуемые корниловцами, бросились частью на север, где были встречены дроздовцами, 2-й конной дивизией и генералом Калининым. Вчера корниловцы взяли не три, а пять орудий, а всего корпус взял 31 орудие.

№ 3749, 21—6—20,

генерал *Достовалов*».

Заканчивая описание боев с конным корпусом Жлобы, я хочу не забыть о своих впечатлениях общего порядка:

1) До сего времени я не знаю точно, кто был фактически автором маневра разгрома Жлобы. Исполнители же этого блестящего плана тоже не ударили лицом в грязь; вся операция не только проведена со знанием своего дела, но вдобавок и с малыми потерями.

2) Не знаю также и того, что за шляпа был у Жлобы начальник штаба, позволивший, после отпора его бригаде у колонии Орлово-Тиге утром 19 июня, так халатно отнестись к охране движения своего корпуса, что пропустил ночью 20 июня целую Корниловскую ударную дивизию в тыл и центр своего боевого расположения.

Если бой у колонии Орлово-Тиге задержал движение корпуса на сутки, значит, для этого были серьезные основания, и все же по существу этого вопроса ничего не было сделано, то есть не была освещена обстановка ближайшего расположения и силы уже подошедшего противника.

Вот и получился жестокий урок: многократные атаки, ведшиеся с чисто кавалерийским размахом и с правильной оценкой — изолированно уничтожить главный кулак противника у себя в тылу — привели только к поражению, и все потому, что не знал начальник штаба Жлобы, с кем имеет дело. А дело-то оказалось очень простым: против Жлобы были его старые знакомые по 1-му и 2-му Кубанским походам — корниловцы.

*М. Бердник*¹⁹⁷

ИЗ МИРА НЕВЕДОМОГО¹⁹⁸

В наш век потери моральных ценностей, безверия и преклонения перед материальной реальностью мне хочется показать на живом примере собственной жизни существование иной, не физической, а глубоко духовной человеческой эмоции, не имеющей никакой связи с

физически осязаемым миром, — эмоции, проявляющейся иногда в тайниках человеческой души.

То, что я вам желаю сообщить, есть подтверждение непреложной истины существования духовного мира. Перефразируя слова поэта о пережитом мною, я могу сказать: это было давно, но я прекрасно знаю, когда это было.

Летом 1911 года, будучи мальчиком-подростком, я проводил каникулы у себя в далекой и глухой северной окраине. Жизнь страны и людей текла своим ровным размером, без тревожений, без революционных исканий «социальной правды», а управлялась постановлениями Церкви, ее учениями в духе христианской любви к ближнему и проведения жизни в труде, молитве и посте.

В один из таких спокойных моментов жизни, в какую-то ночь произошло событие сильно загадочное и волновавшее меня во все последующее время, пока, наконец, не исполнилось в реальном переживании много лет спустя. Хотя все это происходило во сне, но это не был сон, а ясное видение событий моей дальнейшей жизни.

С невероятной отчетливостью и ясностью деталей передо мною расстилалась картина будущих событий. Я видел себя уже взрослым, но одиноким и преследуемым какой-то странной массой людей, ищущих моей гибели. В этой чрезвычайной ясности внешних восприятий мне запомнилась местность со всеми ее деталями.

Это была почти выжженная солнцем степь с небольшими безлесными холмами. Раннее солнце показалось над горизонтом, и в утреннем тумане оно выглядело как зловещее кровавое пятно. Мне было ясно, что все это происходило где-то далеко от моих родных полей тихого севера.

Все было чуждо и незнакомо: ковыль-трава, невысокие курганы, туман над ложиною, смешанный с дымом, и вдали беспредельная степь. Все, что я видел вокруг, так сильно запечатлелось в моей памяти, что никогда не могло исчезнуть на все будущее время. Наблюдение окружающей природы длилось всего несколько секунд. Опасность погони висела надо мною, нужно было спастись и бежать в противоположную сторону от врагов, ищущих моей смерти.

Я чувствовал себя молодым и сильным, мне хотелось еще бороться и жить... Я вскоре потерял из виду моих преследователей и считал себя уже спасенным, как вдруг передо мною неожиданно открылся глубокий овраг — 30—40 метров глубины и такой же ширины. Не думая долго, я спрыгнул вниз, докатился до дна и стал беспомощно карабкаться по крутому склону оврага, не имея никакой опоры ни для ног, ни для рук. Кроме того, дно этого оврага (такие часто встречаются на

Юге России) представляло собой мягкую жидкую смесь воды и красной земли, которая все больше затягивала мои ноги в глубину.

Я понял, что жизнь моя здесь кончилась. В этот момент я услышал гул шагов и злорадный смех толпящихся надо мной людей, небрежно и грязно одетых в разного покроя военные шинели, но хорошо вооруженных. Толпа гигикала, но грубый голос командира оборвал ее словами: «А ну, дай дорогу!» — с прибавлением непечатных слов, и последовал отрывистый и резкий винтовочный выстрел.

Еще звучал в моих ушах никогда до сих пор не слышанный звук винтовочного выстрела, как я пришел в сознание и, озираясь со страхом кругом, увидел себя опять в родном доме живым и здоровым. Я долго не мог прийти в душевное равновесие: какая-то внутренняя сила внушала мне, что все виденное мною я должен пережить в жизни еще раз. И в этом я не ошибся.

Дни за днями катятся — проходят годы. В спокойной жизни и учении прошло моих несколько лет. Как вихрь, налетел неожиданно шквал Великой войны, и люди молча шли на бранный подвиг, на защиту родной земли. Подоспел и мой черед. Разрушены мечты об окончании высшей школы. Студенчество призвано в армию, и масса молодежи, после кратковременной подготовки, была брошена на фронт. В моем сознании никогда не погасло воспоминание волнующего видения, и я всюду искал подтверждения его. Оно вскоре само пришло.

Меня интересовало услышать звук винтовочного выстрела вблизи и непосредственно надо мной. Для практики в военной школе, вскоре после начала военных занятий, молодых юнкеров помещали под обстрел. Мы лежали в неглубоких окопах, а над нами открывали винтовочный огонь для испытания духа и нервов.

Первый же услышанный мною выстрел убедил меня, что давно когда-то воспринятое впечатление стрельбы не был ошибочным. Я узнал этот звук... Мне этого было достаточно для укрепления моей веры в неизбежность будущего происшествия — оно тяготило меня, так как я никому и никогда не открыл моей тайны, кроме родной матери, которая не придавала особенного значения моему сонному видению. Осуществления этой тайны я решил терпеливо ждать.

События на родине чередовались одно за другим. Не успела кончиться война — настала революция. Враги национальной России, объединенные жаждой мести, не только везли в запломбированных вагонах свою преступную шайку интернациональных агентов, но через нашу «союзницу» Англию и миллионы долларов на революционную смуту и уничтожение не только Императорской семьи, но и русской интелли-

генции под новыми лозунгами борьбы классов, и толкали Россию в омут безвластия и хаоса. По их дальнейшей программе пошли погромы помещичьих имений с поголовным уничтожением их обладателей, как врагов народа. Волны дезертиров с фронта грабили в городах с разрешения новых властей «награбленное». Пошатнулась экономика страны, быстро обесценились ценности, разрушались пути сообщения, а бесславное окончание войны совсем парализовало жизнь огромной страны.

Люди искали выхода для личного спасения, найдя его в организации Добровольческой армии. Среди первых пошел туда и я. Героическая эпопея борьбы с красными в 1918, 1919 и 1920 годах всем нам хорошо известна, и я не буду повторять бесчисленных описаний этого периода. Лично участвуя в походе с фронта мировой войны с доблестным тогда еще полковником Генштаба М.Г. Дроздовским из Румынии на Дон, я всегда помнил и носил где-то в глубине сознания представление об ожидающей меня гибели.

Это воспоминание часто служило и руководящим принципом в моей дальнейшей жизни. Так, назначенный весной 1920 года в Крыму дежурным генералом в Корниловскую дивизию и слепо веря в предопределение судьбы, я решил остаться в 1-м ударном Корниловском полку, а не следовать к моим старым соратникам-друзьям дроздовцам, имея в виду судьбу — кисмет.

После многих пережитых мною надежд и разочарований я дожил до августовских дней 1920 года. В непрерывной и беспощадной борьбе нашего 1-го ударного Корниловского полка таяли силы борцов. После разгрома буденновской Конной армии мы были переброшены в район Нижнего Куркулака навстречу движущейся красной пехоте. На позицию полк стал ночью, выбросив вперед сторожевое охранение и дозоры. Измотавшиеся в бесконечных боях бойцы дремали, а я, вернувшись в шинель, быстро и крепко заснул...

Разбудил меня беспорядочный гул наших батарей, стоявших внизу и вправо от холма, где мы находились в сторожевом охранении. Это не была обыкновенная артиллерийская стрельба. Орудийные выстрелы сливались с разрывами снарядов, и холм дрожал от непрерывного огня тяжелой и легкой батарей. Наши батареи работали на картечь, сметая огнем ряды наступающего врага. В этом рокочущем гуле артиллерийского огня едва был слышен стук пулеметов и почти не было слышно винтовочных выстрелов.

Но меня интересовало другое. Я видел опять в утреннем тумане знакомое багрово-красное пятно солнца. Я узнал обожженный солнцем ковыль, холмы, и вся окружающая местность стала мне близко

знакомой. Я не только видел все это, но я постоянно носил в памяти это место, никогда не быв здесь.

«Вероятно, это мой конец», — подумал я, вспомнив свое далекое прошлое видение, и вместо облегчения появилось гнетущее, ноющее чувство. Думать мне было некогда. В расходящемся тумане я увидел высокую фигуру моего командира, ищущего меня. Он быстро объяснил боевую задачу и приказал немедленно следовать моему пулеметному взводу с жалкими остатками 12-й роты — человек 11—12 — навстречу движущемуся противнику с целью задержать его как можно дольше. Из его слов я понял, что из этой операции мы, то есть мой пулеметный взвод 15—16 человек и 12-я рота — не должны были вернуться, приняв на себя самый сильный встречный удар наступающих сил красной дивизии.

Приблизительно в километре или двух от главных сил нашего полка следовавшая за нами рота остановилась на природном рубеже перед спуском в широкую долину, и командир ее посоветовал мне занять боевую позицию впереди и ниже его редкой ротной цепи, на одном из уступов спускающегося к противнику холма.

Оставив пулеметные тачанки с конями и двумя вожатыми позади роты, захватив лишь пулеметы и патронные ленты, я быстро занял со своей маленькой командой боевое положение уже на виду движущегося к нам противника. В долине еще стоял утренний туман и слабо были видны бесконечные цепи красной пехоты. Наступала укомплектованная несколькими полками красная дивизия. В ранней тиши каждый звук был слышен очень далеко, до меня доносилась брань командиров-комиссаров, шутки красноармейцев, смех и взаимное подбадривание при наступлении.

Мы уже были замечены ими, и их залегшие цепи открыли одиночный огонь по нашей маленькой цепи. Чтобы задержать их дальнейшее продвижение, я из обоих пулеметов открыл стрельбу — огонь по всей видимой цепи. Продвижение противника на участке нашего огня временно приостановилось, и красные стали делать перебежки звеньями, постепенно приближаясь к нам. Наши пулеметные ленты быстро расходо­вались, сами же мы обстреливались только винтовочным огнем, и благодаря хорошо скрытой позиции никто из моих людей не был ни убит, ни ранен.

Во время стрельбы я почувствовал, что кто-то сильно толкает меня в спину, и я прекратил огонь. Повернувшись назад, я увидел вожатого коней, недавно взятого в плен красноармейца-карела из разбитой финской дивизии, который на ломаном русском языке пытался объяснить мне, что ротное прикрытие давно оставило позицию и ушло обратно

на соединение с полком, не известив меня об этом, а красные цепи справа и слева от нас на необстреливаемых участках обходят наши фланги.

Видя себя почти окруженным противником, я приказал немедленно захватить пулеметы и патронные ящики с запасными лентами; их быстро оттянули на руках до подвод, погрузили и, помогая людской силой коням, быстро поднялись по крутой горе (зигзагообразно) вверх. Красные, не сдерживаемые огнем, цепями следовали за нами, стреляя на ходу.

Наша цель была — как можно скорее достигнуть вершины горы, откуда шло плоскогорье; там мы были бы временно вне поля зрения противника. Несколько минут тягостных усилий — и мы выскочили на ровное поле. Дорога, что вела к главным силам полка, проходила далеко вправо, поэтому, чтобы сократить себе путь, я приказал старшему унтер-офицеру сопровождать туда пулеметы, а сам решил идти пешком напрямик.

Вскоре я услышал сзади стрельбу по мне, свист пуль близко около меня и крики догонявших меня красных, предлагавших сдаться. Я напрягал последние усилия, чтобы достигнуть наши первые боевые части, зная, что они недалеко. Но вместо продвижения вперед я остановился как вкопанный. Я задержался на всем бегу на краю красного оврага глубиной 30—40 метров и такой же ширины, увидев знакомое мне место моей гибели — расстрела, — из которого не было выхода. Несмотря на отчаянную внешнюю обстановку, я почувствовал прилив душевных и физических сил от увиденного мною второй раз в жизни, теперь уже реального переживания, которое спасло меня от неминуемой смерти на дне красного оврага.

Я действовал как под гипнозом... Каждая секунда была дорога, противник догонял меня, все чаще и чаще свистели пули около меня, и я решил бежать вдоль оврага против его течения воды, зная, что кверху будет уменьшаться его ширина. Красные, не понимая перемены моего движения, реже стали стрелять, ожидая моей сдачи, но продолжали ругань, крики и остроты с большим остервенением.

Мои расчеты быстро оправдались: овраг уменьшился в своей ширине настолько, что я почувствовал себя способным перепрыгнуть его. Отбежав в сторону красных и приведя их в еще большее недоумение, я с сильным разбегом легко перескочил овраг шириной всего 3—4 метра и, скрываясь в неровностях местности, нагибаясь до самой травы, через несколько минут пути вышел на дорогу и стал ожидать пулеметные тачанки. Расчет мой оказался верен — я увидел мой быстро приближающийся пулеметный взвод.

Моей радости не было предела. Я быстро занял место между моими ударниками. Все люди были целы, пулеметы спасены, только красная артиллерия продолжала преследовать нас шрапнельным огнем, но, благодаря высоким разрывам, на этом пути был ранен один только старший унтер-офицер — картечина задержалась у него на спине под кожей. Через несколько минут мы влились в боевую линию нашего родного полка.

Наше появление вызвало настоящий фурор и неподдельную радость, так как давно уже прибывшая 12-я рота со своим командиром поручиком Д-м сообщила командиру полка и моему начальнику пулеметной команды о нашей геройской гибели, когда они сверху холма видели нас, окруженных наступающими цепями красных. Никто не мог поверить в возможность спасения брошенной на смерть кучки бойцов.

Несмотря на все пережитые опасности, я ощутил внутренний мир в моей душе, сознавая, что какая-то Высшая сила из неведомых источников бытия сохранила мне жизнь и что, наконец, совершилось предначертанное Провидением мое чудесное спасение, благодаря Божественному дару предвидения своей будущей судьбы.

Раздел 3

В. Кравченко¹⁹⁹

ДРОЗДОВЦЫ В КРЫМУ И СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ²⁰⁰

Крымская эпопея

Трагедия в Новороссийске приближалась к концу. Один за другим отчаливали от пристани заполненные до отказа транспорты. Но не все части, даже боевые строевые, смогли погрузиться. На пристани творилось что-то ужасное: видя уходящие транспорты, многие, потерявшие всякую надежду выехать из Новороссийска, бросались в море, иные стрелялись, другие истерично плакали, протягивая в сторону уходящих транспортов руки. Тысячи офицеров, добровольцев, казаков и солдат, все раненые и больные — все они оказались брошенными на произвол судьбы.

14 марта, около 10 часов утра, судовая артиллерия стала обстреливать город, куда просачивались передовые части красных, а в 11 часов Новороссийск уже был окончательно занят красными.

В числе непогруженных частей был и 3-й Дроздовский стрелковый полк, прибывший на погрузку с большим запозданием. Только малая часть его успела погрузиться на броненосец «Вальдек Руссо», а остальные двинулись пехотным порядком вдоль берега моря на юг — в сторону Туапсе. В том же направлении пошел и Черноморский конный полк под командой ротмистра Христинича²⁰¹, не покидавшего свой полк ни на одну минуту. Он, хотя и знал, что в городе должна быть его семья, не пошел ее разыскивать.

Трудно подыскать слова, чтобы передать всю ту тяжесть на сердце, с которой белые воины оставляли Кавказ. Рухнули все надежды — поход на Москву закончился драмой Новороссийска. Невольно всплывали в памяти дни прошлогодних побед, вспоминались картины радо-

стных встреч освобожденными от красных жителями Кубани, Дона, Терека и Юга России и в то же время, как тяжелый сон, мерещились бесконечные могилы павших за честь и свободу России бойцов.

Невольно тогда припомнились слова из песенки: «Плачьте, красавицы горных аулов, правьте поминки по нас, вслед за последнею меткою пульей мы покидаем Кавказ...» Да, так пелось, когда посылалась последняя пуля. Но в Новороссийске в марте 1920 года, к сожалению, не прожужжала последняя пуля...

Дроздовцы, отходившие из города Новороссийска вдоль берега на юг, пройдя местечко Кабардинка, должны были вступить в бой с зелеными, преградившими им дальнейший путь. Вскоре к дроздовцам присоединился подошедший из оставленного Новороссийска Черноморский конный полк ротмистра Христинича в составе около 400 всадников. Во время перестрелки с красно-зелеными в море неожиданно показались суда французского военного флота, которые выслали к берегу лодки и предложили грузиться. Ротмистр Христинич организовал погрузку под прикрытием артиллерийского огня с французских кораблей, и на них погрузилось около 900 дроздовцев и черноморцев.

Покинувшие Новороссийск транспорты пошли прямо на Севастополь, кроме транспорта «Екатеринодар», на котором были части Дроздовской дивизии. «Екатеринодар» 15 марта прибыл в Феодосию, имея на своей палубе два оцинкованных гроба с останками генерала Дроздовского и полковника Туцевича²⁰², возле которых во все время плавания стояли часовые.

Стали разгружаться. И вот все, как только оказались на берегу, — и батюшка, и командиры, и стрелки, и сестры милосердия, и жены офицеров, — все со всех ног понеслись искать воду. Жажда заглушила все остальное — и голод, и желание спать, — так как у многих за два дня пути ничего не было во рту, и они не могли сомкнуть глаз и даже прилечь.

Невольно, по прибытии в Феодосию, в глаза бросилась странная картина бухты. На виду у всех на якорях стояло несколько незагруженных транспортов, которые не были своевременно посланы в Новороссийск.

Выгрузившиеся из «Екатеринодара», измученные физически и потрясенные морально всем пережитым, дроздовцы тут же на пристани ложились среди мешков, скаток шинелей, пулеметов и составленных в козлы винтовок, чтобы расправить, наконец, руки и вытянуть ноги, чего не могли они сделать за все время плавания.

Днем стало известно, что дроздовцев в Феодосии не оставят, а перевезут в Севастополь на транспорте «Рион». Этот транспорт уже стоял

в бухте, а вечером причалил к пристани. Вновь началась погрузка. Теперь для всех нашлось довольно места, а для начальства даже были предоставлены каюты. Когда вносили на транспорт «Рион» гробы генерала Дроздовского и полковника Туцевича, построившиеся Дроздовские части взяли «на караул», а оркестр сопровождал их торжественными звуками траурного марша.

17 марта транспорт «Рион» отчалил от пристани в весеннем легком сумраке и, выйдя в море, поплыл в Севастополь. Промелькнули горы Аю-Даг, затем Алушта, Алупка, Ласточкино Гнездо, Гурзуф, Ялта, Георгиевский монастырь, и под вечер показалась Севастопольская бухта. Когда транспорт «Рион» входил в бухту, на его палубе играл оркестр. С дредноута «Генерал Алексеев» также доносились звуки встречного марша, на палубах его и крейсера «Генерал Корнилов» стояли выстроенные команды, кричавшие «Ура!» и бросавшие вверх шапки.

У многих в это время было какое-то неприятное ощущение, видя и слыша такую встречу. Ведь это было после только что пережитого большого поражения нашей армии и новороссийской драмы. Мы вначале недоумевали: почему так рады все нашему приезду, зачем нужно было кричать «Ура!»?

После уже узнали — почему. Оказывается, все кричавшие «Ура!» радовались прибытию дроздовцев, прибытию столь внушительных сил, так как была получена радиотелеграмма красных с приказом Троцкого: «Сосредоточив все возможные силы, в кратчайший срок, в две недели, покончить с Крымом».

Транспорт «Рион» бросил якорь в Севастопольской бухте. Начальнику Дроздовской дивизии пришло приказание разгрузку начать на следующий день, на берег никого не выпускать, а послать в город только квартирьеров.

Возвратившись на транспорт, квартирьеры 1-го Дроздовского стрелкового полка доложили полковнику Туркулу, что «...по городу шляется офицеров до пропасти...». Услыхав это, полковник Туркул приказал выслать патрули в город Севастополь, оцепить улицы, занять выходы у Морского сада, где было особенно много гуляющих, и задержать всех празднующих. В тот вечер были задержаны в городе все «беспризорные» офицеры и даже штатские, по возрасту подлежащие мобилизации. Всех задержанных в Севастополе полковник Туркул приказал зачислить в полк рядовыми. Произошла своего рода внезапная поголовная мобилизация.

Тогда же вечером был еще довольно интересный эпизод в городе. Несколько офицеров, патрулировавших по городу, заняв выходы, вошли в редакцию одного местного радикального листка и вежливо

попросили редактора назвать им сотрудника листка, который в своих статьях изо дня в день травил «цветные» войска, то есть алексеевцев, дроздовцев, корниловцев и марковцев. Не получив удовлетворительного ответа, пришедшие офицеры перепороли всю редакцию, но так, что никто и не узнал, кто из офицеров там был и произвел эту экзекуцию. Много позже все сотрудники этого листка перекинулись в лагерь красных.

18 марта транспорт «Рион» был разгружен и части разместились по квартирам. В Севастополе узнали о бывшем в Крыму заговоре большевиков, незадолго до Новороссийской эвакуации ликвидированном генералом Слащевым. В местных газетах появилось сообщение о предстоящих переменах в руководстве операциями на Крымском участке фронта и о переводе Ставки из Феодосии в Севастополь. Стало также известно, что генерал Врангель покинул пределы России и находится в Константинополе. Газеты пошли еще дальше и стали намекать на необходимость больших перемен, и в первую очередь, чтобы власть в Крыму прочно взял в свои руки новый человек.

Вечером 21 марта, согласно полученному приказанию от генерала Деникина, состоялось, под председательством генерала Драгомирова, совещание генералов, начальников дивизий, командиров бригад, полков и дивизионов. Цель совещания — выбор преемника генералу Деникину. Сам генерал Деникин на совещании не присутствовал и оставался в Феодосии. Перед совещанием страсти разгорелись. За несколько дней до совещания был послан английский миноносец за генералом Врангелем. Полковник Колтышев²⁰³ (походник), находившийся при штабе генерала Деникина, вызвал по прямому проводу полковника Ползикова²⁰⁴, командира Дроздовской артиллерийской бригады, и имел с ним продолжительный разговор. Он тогда сказал, что генерал Деникин отказывается от власти, вследствие выраженного ему недоверия. Полковник Колтышев советовал, чтобы представители дроздовцев отказались от всякого выборного начала и предложили бы совещанию просить генерала Деникина остаться на своем посту, мотивируя это тем, что его уход с поста правителя и Главнокомандующего может иметь тяжелые последствия.

Ходили упорные слухи, что слащевцы особенно были настроены против генерала Деникина. Настроение же в «цветных» войсках было приблизительно одинаковым с настроением дроздовцев, которые полностью разделяли высказанную полковником Колтышевым мысль. Страсти разгорелись, и командир Первого Дроздовского стрелкового полка, полковник Туркул, на совещании во дворец прибыл в сопровождении офицерской роты.

Против всяких предположений и ожиданий, совещание прошло спокойно, хотя и было немало выступлений, критикующих способ эвакуации Новороссийска, но в менее резких выражениях, чем это ожидалось. По предложению начальника Дроздовской дивизии, генерала Витковского, была отправлена генералу Деникину телеграмма за подписью всех участников совещания, в которой было сказано, что Военный Совет не счел возможным вводить в армию выборное начало, что Совет просит генерала Деникина остаться на его посту или же самому назначить заместителя себе.

Председатель совещания, генерал Драгомиров, в ответ на посланную телеграмму получил от генерала Деникина запрос о том, приехал ли из Константинополя генерал Врангель и осведомлен ли он о создавшейся обстановке. Получив от генерала Драгомирова утвердительный ответ на все вопросы, генерал Деникин прислал следующую телеграмму: «Благословляю генерала Врангеля на его трудный путь».

В лучшем состоянии и по вооружению были прибывшие с Кавказа так называемые «цветные» части Добровольческого корпуса, из которых самой многочисленной была Дроздовская дивизия, но и эти части прибыли только с винтовками и пулеметами. Хотя, после всего пережитого, настроение в этих частях было подавленное, но воинского духа они не потеряли, были в полном порядке и генерал Врангель верил, что сможет их применить, в первую очередь, для обороны Крыма. Самым малочисленным был 3-й полк Дроздовский дивизии, так как он не успел прибыть в Новороссийск ко времени погрузки и только частично смог там погрузиться.

Началась новая страница истории Белого движения. Все тогда понимали беспредельную трудность дальнейшей борьбы: маленький Крым и вся огромная Россия с полчищами красных. Но добровольцы надеялись на чудо. Надеялись, что, наконец, проснется русский народ, испытает на себе прелести большевизма, и перейдет на нашу сторону, а для этого надо сохранить Крым. Добровольцы отлично понимали создавшееся положение, но, зная своего нового вождя, верили ему и надеялись на успех.

Вскоре вернулся с побережья полковник Манштейн вместе с остатками своего 3-го Дроздовского полка, отступившими из Новороссийска вдоль Черноморского побережья в сторону Туапсе. Часть офицеров 7-й гаубичной батареи (6 офицеров) перевелась в 3-й Дроздовский полк к полковнику Манштейну. Капитан Переслени²⁰⁵ вступил в командование офицерской ротой, поручик Коваленко²⁰⁶ получил команду разведчиков, остальные — номерные роты. Полковник Манштейн прилагал все усилия, чтобы воссоздать вновь свой полк таким же, ка-

ким он был до Новороссийска, несмотря на потерю многих из лучших. Его старания не пропали даром, и в наступивших боях полк оправдал надежды своего командира.

На Благовещение в Севастополе на Нахимовской площади состоялся парад добровольческих частей, которым командовал генерал Витковский, а принимал его генерал Врангель. На площади были построены 1-й Дроздовский стрелковый полк под командой полковника Туркула; 2-й Дроздовский стрелковый полк по командой полковника Харжевского²⁰⁷; 3-й Дроздовский стрелковый полк под командой полковника Манштейна; корниловцы; танки; конные части полков и батареи Дроздовской артиллерийской бригады — в пешем строю. Ловко и молодо шли непобедимые стрелки, конники и артиллеристы перед своим любимым вождем. Южное солнце блистало на медных трубах оркестров, на штыках, на козырьках колышающихся малиновых фуражек... Гул ровного шага, грозное тарыхтение танков и пулеметов вселяли уверенность, что есть еще надежда на успех борьбы, если народ проснется и в массе поддержит армию.

На другой день после этого парада, на рассвете, были тайно погребены на кладбище Малахова кургана в Севастополе, в правом углу при входе, перевезенные из Екатеринодара гробы с останками генерала Дроздовского и полковника Туцевича. Только пять первопоходников присутствовали при этом чине: капитан Виноградов²⁰⁸ (Дроздовского стрелкового полка), капитан Матишев²⁰⁹ (1-й Дроздовской артиллерийской батареи), поручик Купер²¹⁰, фельдфебель Биденко и фейерверкер (имя его не сохранилось в памяти). На могилах были поставлены деревянные кресты с синими дощечками с надписями: «Полковник М.И. Гордеев» — на кресте у могилы генерала Дроздовского, и на другом кресте — «Капитан Туцевич». Сделано это было так потому, что в то время не было уверенности в длительном пребывании белых в Крыму. Во время Второй мировой войны в Севастополе, занятом немцами, побывал командированный дроздовцами офицер, чтобы узнать о судьбе могил. Прибыв в Севастополь, он отправился на Малахов курган. Там он не нашел не только могил, но и самого кладбища. Во время боев этот район был перерыт тяжелыми снарядами и стал неузнаваем.

В конце марта стало известно о концентрации красных на Крымском участке борьбы. Тогда генерал Врангель решил предупредить наступление красных на Перекопские и Сальские позиции высадкой в тыл красных в этих районах десантов. Для выполнения этого плана 30 марта 1-й и 2-й Дроздовские полки с 1-м и 2-м артиллерийскими дивизионами начали грузиться на десантные суда для производства

десантной операции в районе порта Хорлы. (Порт Хорлы входил в свое время в состав имения Фальц-Фейна, которому в царские времена принадлежал почти весь юг Таврии вблизи Крыма и большой участок земли и в самом Крыму. Семья Фальц-Фейна почти вся трагически погибла во время бегства от большевиков на яхте, команда которой разбежалась, а бывшие на ней члены семьи Фальц-Фейна были найдены расстрелянными.)

Поздно вечером погрузка на транспорты была закончена, а рано утром 31 марта эскадра транспортов была готова к отплытию. На транспорте «Цесаревич Георгий» разместился штаб Дроздовской дивизии и часть 2-го стрелкового полка, на транспортах «Веста» и «Крым» (прежде — транспорт № 412) поместились части 1-го стрелкового полка, на транспорте «Павел» — части 2-го стрелкового полка и на транспорт «Россия» погрузилась артиллерия. При эвакуации из Новороссиска были оставлены все орудия и конский состав Дроздовской артиллерийской бригады. Для предстоящей десантной операции в дивизию прибыли в полной упряжке четыре легких орудия, 18 верховых лошадей, два автомобиля «форд», два мотоциклета для штаба дивизии и радиостанция.

3-й Дроздовский стрелковый полк с 3-м и 4-м артиллерийскими дивизионами (в пешем строю, без орудий и конского состава), а также все хозяйственные части дивизии остались в Севастополе. Дроздовская инженерная рота еще 26 марта была отправлена в район Джанкоя.

Рано утром 31 марта вся эскадра транспортов направилась к порту Хорлы и к вечеру того же дня благополучно прибыла и стала на внешнем рейде, верстах в восьми от порта Хорлы. 1 апреля, с рассветом, на разведку был выслан тральщик «Скиф», которого, когда он приблизился к порту, красные встретили пулеметным и артиллерийским огнем. Это было полной неожиданностью для прибывших, ибо, по полученным сведениям, в Хорлах не должно было быть противника. Вслед за «Скифом» вошла во внутренний рейд порта вся эскадра и так же была обстреляна. Как потом выяснилось, в то время в Хорлах находились два полка красных, при большом количестве пулеметов и при четырех орудиях. Красная батарея заранее пристреляла единственный ведущий в порт «канал» — фарватер с версту длиною. Судовая артиллерия открыла ответный огонь, пытаясь нащупать батарею красных, но до самого вечера этого ей сделать не удалось. При создавшемся положении произвести высадку войск не представлялось возможным, а также трудно было вывести суда из-под артиллерийского огня красных, так как внутренний рейд был

окружен мелководьем, а выход на внешний рейд, то есть в открытое море, прилегал сравнительно близко к порту Хорлы. Пришлось оставаться на внутреннем рейде, но все же удалось отвести суда к южной его части, наиболее отдаленной от Хорлов. Артиллерийская перестрелка продолжалась до темноты, и только тогда эскадра смогла покинуть внутренний рейд порта.

Создалось серьезное положение. Хорлы заняты довольно сильным противником, который обнаружил наше присутствие и был начеку, а в порт же войти можно было, как уже выше указано, только по обозначенному буйками и пристрелянному противником фарватеру. Поэтому обо всем было послано донесение генералу Врангелю, от которого немедленно последовало подтверждение необходимости выполнить десантную операцию.

Получив категорическое приказание Главнокомандующего о выполнении десантной операции в Хорлах, на совещании начальников Дроздовской дивизии было решено приступить к выполнению поставленной задачи перед рассветом 2 апреля. Один батальон 1-го полка должен был на тральщике пройти по «каналу» в порт Хорлы и там высадиться, а за ним должны двигаться и все остальные суда.

Было еще темно, когда вся эскадра вновь перешла во внутренний рейд. При полнейшей тишине, без всяких огней, была произведена перегрузка частей на тральщики. Этому в значительной мере помог сильный предрассветный туман. Точно в назначенное время «Скиф» с 1-м батальоном 1-го полка, под командой полковника Петерса²¹¹, двинулся на Хорлы. В напряженной тишине последующие эшелоны ожидали своей очереди начать также движение вперед — по первому сигналу с берега. Наконец в направлении Хорлов донеслось победное «Ура!», и намеченное движение судов началось. Появление тральщика «Скиф» в самом порту и у пристани явилось для красных полной неожиданностью. Закипел горячий бой, и к рассвету высадившийся батальон полковника Петерса уже выбил красных из порта, заняв и ближайšie дома — до самого поселка Хорлы. В это время суда один за другим подходили к пристани. Части быстро выгружались и немедленно вступали в бой.

При высадке батальона полковника Петерса был убит мичман, командир тральщика, и ранено около 40 офицеров и солдат батальона. Артиллерия красных не стреляла, но и судовая также не могла оказать большой помощи батальону при высадке. Не выдержав стремительной атаки дроздовцев, красные вскоре бежали из Хорлов, и дроздовцы, заняв высоты перед поселком, в течение дня продвинулись вперед, выдвинув передовые заставы на север, к перешейку, где начи-

нается полуостров, на южной части которого (очень длинного и узкого) и был расположен порт и поселок Хорлы.

В течение дня, который прошел спокойно, разгрузка всех частей отряда была закончена и было послано соответствующее донесение Главнокомандующему. Раненых погрузили на транспорт «Россия», а также — имущество, захваченное в Хорлах. Все суда, кроме транспорта «Россия», после разгрузки сразу же вышли в море.

На утро 3 апреля было назначено наступление в направлении на деревню Адамань (согласно полученному распоряжению Главнокомандующего). Около часа ночи красные внезапно атаковали наше охранение, смяли его и стали продвигаться на юг к Хорлам. Эта их неожиданная ночная атака создала грозное положение, и малейшая неустойка грозила нам гибелью. Командир 1-го полка, полковник Туркул, рассыпал роту на узком месте полуострова и на расстоянии приблизительно 100 шагов выставил 15 пулеметов. Когда части батальона, бывшего в охранении, прошли через цепь пулеметной роты и красные были уже близко и с криками «Ура!» устремились вперед, полковник Туркул приказал оркестру играть егерский марш, а пулеметам открыть огонь. Минут через пять огонь пулеметов, по приказанию полковника Туркула, был прекращен, а также перестал играть оркестр. Со стороны красных, вместо криков «Ура!», теперь слышались лишь стоны, а оставшиеся в живых в панике бежали назад. Эта их смелая попытка стоила красным свыше 200 человек убитыми.

Как выше было сказано, при погрузке на транспорты дивизия получила 18 верховых лошадей, которые были переданы разведчикам 1-го Артиллерийского дивизиона и образовали небольшой конный отряд, главным образом для службы связи и разведки. Сам начальник дивизии, генерал Витковский, имел для себя автомобиль «форд», а остальные начальники, и даже командиры полков, были пешими.

В 9 часов утра 3 апреля дивизия выступила в направлении на деревню Адамань, а в Хорлах осталась только в пешем строю 4-я артиллерийская батарея, которая в роли пехоты должна была прикрывать до вечера погрузку раненых и кое-что из захваченного имущества и продуктов. В Хорлах, кроме этих 60 артиллеристов, других частей не осталось. По словам командира 4-й батареи, в течение дня к Хорлам приближались только разъезды красных, но на горизонте были видны колонны красной конницы, которая двигалась по пятам дивизии. Вечером Хорлы были оставлены без давления со стороны красных. При приближении частей дивизии к деревне Адамань была обнаружена колонна красной конницы с батареей, двигавшаяся восточнее деревни в северном направлении. Конные разведчики батареи при поддержке

пехоты атаковали фланг красных и смяли их. Нами были взяты в плен батарея в полной упряжке (четыре орудия с частью прислуги), около 25 конных красных, а также 10 пулеметов. Эти неожиданные трофеи оказались чрезвычайно ценными: вместо четырех орудий теперь было уже восемь и увеличился конный отряд.

Окрыленные удачей, дроздовцы вошли в деревню Адамань. Часа в четыре дня было обнаружено появление красной конницы, сперва с северо-востока и севера, а вскоре и с запада. Количество красных все время возрастало. Замечено было также большое количество тачанок с пулеметами. Красные, накапливаясь, стали приближаться к деревне, охватывая ее с трех сторон, — с четвертой стороны было море. Дроздовцы заняли позиции на окраине деревни, выделив на особо выдвинутые позиции пулеметные соединения. Стала на позицию и вся артиллерия, теперь уже в составе восьми орудий. Гробовое молчание, так как приказано было открыть огонь только по особой команде. Наступившая мертвая тишина не могла не оказать известного влияния на состояние красных, и они уже более осторожно стали приближаться, развернувшись в лавы. Только когда красные лавы подошли совсем близко, был открыт сильнейший огонь ружейными залпами и из всех пулеметов и орудий. Эффект получился замечательный, и красные, неся громадные потери, не выдержав, в панике бросились назад, устилая поле трупами людей и лошадей. Наступила вновь тишина, и только спустя некоторое время красные открыли по деревне Адамань артиллерийский огонь, который стал все время усиливаться, и к вечеру стреляло не меньше 12 орудий. Красные до темноты выпустили до тысячи снарядов, а их конница все время маячила около деревни, делая вид, что собирается возобновить атаку, но так до ночи и не атаковала. К ночи охранение было выставлено 2-м полком. Теперь стало ясно, что против дроздовцев красные сосредоточивают значительные силы, оттянув их с позиций у Перекопа. Отсутствие у Дроздовской дивизии тыла, достаточного транспорта, необеспеченность боевыми припасами и продовольствием, а также наличие раненых создавало затруднения, но имеющиеся распоряжения Главного командования о продвижении в сторону Перекопа на соединение с там находившимися нашими частями заставляли, без дальнейшего промедления, пробить себе путь сквозь окружение и двигаться вперед.

В этот же день части правого десанта из Ефимовки двигались в направлении на Ново-Алексеевку. Чтобы помочь десанту и в то же время овладеть позициями у Салькова и тем самым обеспечить армии выход из Крыма и в том районе, части генерала Ангуладзе атаковали красных и захватили станцию Сиваш. Сивашский мост был быстро

исправлен, и в дальнейшем наши части смогли продолжить наступление при поддержке бронепоездов. После атаки юнкеров Константиновского военного училища были заняты станция Чонгар и позиции впереди нее. Генерал Врангель лично присутствовал на этом участке фронта в тот момент, когда наши части занимали Джимбулукскую позицию, а красные в беспорядке отходили с Чонгарского полуострова на север.

Части Дроздовской дивизии выступили из деревни Адамань в направлении села Преображенка в 3 часа 4 апреля, имея во главе колонны 2-й полк, снятый с охранения. За 2-м полком следовал штаб дивизии, затем двигались раненые и артиллерия в боевом порядке. В арьергарде шел 1-й полк. При подходе к Скотскому двору, что в верстах шести от деревни Адамань, красные, бывшие в селении, встретили 2-й полк огнем. После короткой перестрелки наши передовые части, при громовом «Ура!» всей колонны, атаковали красных, которые поспешили сразу оставить Скотский двор, а дивизия, не задерживаясь, продолжила свое движение. Уже к 6 часам утра на пути движения дивизии появилась конница красных, вначале с северо-восточного направления, а позднее и с запада и юго-запада, то есть с фланга и тыла. Через короткое время красная артиллерия открыла огонь, а конница поддержала ее огнем из пулеметных тачанок. Огонь артиллерии стал все время усиливаться, и вскоре стреляло до 30 орудий красных. Пехотные части Дроздовской дивизии продолжали движение под прикрытием своей артиллерии и пулеметов, которые двигались перекатами повзводно, отражая своим огнем наседающего со всех сторон противника. Дивизия несла потери, и число раненых все время росло. Многих пришлось нести к тому же на руках, за отсутствием перевозочных средств. «Форд» начальника дивизии был подбит снарядом, шофер ранен. Генерал Витковский после этого передвигался вначале верхом, но после ранения под ним двух лошадей в дальнейшем путь проделал пешком со своим ординарцем, корнетом Уманцевым, державшим в руке значок дивизии. Безостановочно продолжалось движение дивизии под грохот разрывов и выстрелов. С кургана генерал Витковский уже мог вскоре видеть вдали очертания Перекопа, но со стороны наших войск, занимавших позиции впереди него, генерал не заметил никакого движения. Ему было непонятно, почему они оставались пассивными и не оказали поддержку Дроздовской дивизии. Только когда передовые части Дроздовской дивизии стали приближаться к самому Перекопу, оттуда появились разъезды дивизиона 9-й кавалерийской дивизии. От чинов разъезда узнали дроздовцы, что в Перекопе наши части не были поставлены в известность о десантной операции Дроз-

довской дивизии и в течение четырех дней недоумевали, слыша артиллерийскую стрельбу в тылу противника. Только днем Дроздовская дивизия полностью вышла из окружения, пробившись в Перекоп, где ее встретили восторженными криками «Ура!» все наши части, бывшие там на позиции. Недалеко от Перекопа был ранен в живот командир 2-го полка — полковник Харжевский. Дивизия за время этой операции понесла значительные потери, которые исчислялись в 575 убитых и раненых. Неизменно двигаясь вперед, при наличии сильного противника, не разворачивая полностью боевого порядка, несмотря на утомление, сильный обстрел и большие потери, дивизия успешно выполнила поставленную ей задачу и парализовала этим самым начавшееся наступление красных на Перекоп.

* * *

7-я и 8-я гаубичные батареи Дроздовской артиллерийской бригады 7 апреля получили от гаубичной батареи Офицерской артиллерийской школы по две 45-линейных гаубицы с запряжками на мулах, и дивизион под командой полковника Медведева был отправлен на Перекоп и стал на позиции на стыке Марковской пехотной и Корниловской ударной дивизий.

Приказом Главнокомандующего, генерала Врангеля, за успешно проведенную десантную операцию Хорлы—Перекоп начальник Дроздовской стрелковой дивизии, генерал Витковский, был произведен в чин генерал-лейтенанта, а командир 1-го Дроздовского полка, полковник Туркул, — в чин генерал-майора.

* * *

В Джанаире, в месте стоянки 2-го Дроздовского стрелкового полка, 6 мая начальник дивизии, генерал Витковский, устроил смотр полку и артиллерийскому дивизиону. Этот смотр явился своего рода репетицией к параду, назначенному на 8 мая в Конжанбаке. Парад, в котором принимала участие вся Дроздовская дивизия, принимал генерал Врангель в присутствии иностранных представителей. Особенно отличилась офицерская рота 1-го стрелкового полка, проделавшая ряд сложных построений. Когда генерал Врангель проходил по селению, деревенские дети бросали перед ним на дорогу цветы.

Корпус генерала Слащева был сменен казачьими частями и отведен в район города Феодосии, так как он предназначался для десантной операции. На всех участках фронта в Крыму ничего особенного

не произошло до 22 мая. В этот день красные вновь пытались наступать на станцию Сальково, но были отброшены в исходное положение. Части Русской Армии, бывшие в армейском резерве, подтягивались к позициям на Перекопе и в районе Чонгара, 24 мая вечером Корниловский, Марковский артиллерийские и 4-й Дроздовский гаубичный дивизионы были выдвинуты за Перекопский вал, впереди пехотных позиций, прикрытые к северу на высоте только заставой от 2-го конного полка. Ночью красные сбили эту заставу и для восстановления положения и прикрытия батарей номера 7-й и 8-й Дроздовских гаубичных батарей немедленно контратаковали большевиков и вновь заняли высоту. В три часа 25 мая, после небольшой артиллерийской подготовки, пошли в наступление наши танки и за ними двинулась пехота. Корниловцы вели наступление на Преображенку, а 4-й Дроздовский гаубичный дивизион двинулся вперед вместе с частями Марковской дивизии на Перво-Константиновку. Дроздовская дивизия вначале оставалась в резерве. Около шести часов утра корниловцы заняли Преображенку, а к семи часам части Марковской дивизии захватили и Перво-Константиновку. Вслед за пехотой была двинута в прорыв конница генерала Барбовича, очень скоро взявшая в плен много красных, которые были переданы в Дроздовскую дивизию и немедленно поставлены в строй полков.

Это слишком поспешное пополнение (в некоторых ротах оказалось до 60 процентов только что взятых в плен красноармейцев) было чревато тяжелыми последствиями, о чем будет речь немного ниже.

После полудня красные, подтянув резервы (пехоту и конницу), силою до двух пехотных дивизий, атаковали марковцев, занимавших Перво-Константиновку, и, потеснив их, вновь заняли селение. На помощь марковцам немедленно были посланы 1-й Дроздовский и 3-й Дроздовский полки, которые лихой атакой выбили красных из Перво-Константиновки. Под вечер красные вновь бросили из резерва большие силы, атаковав наших в Перво-Константиновке, вскоре захватили вновь селение, причем в тот момент, когда красные повели наступление, часть стрелков из числа пленных, поставленных в строй всего за пару часов перед этим, в самый критический момент, когда 3-й батальон 1-го Дроздовского полка был прижат к Сивашу, отказалась стрелять, и 11-я рота попала в плен. Часть старых дроздовцев была перебита на месте, а остальные отведены в Аскания-Нова и там расстреляны.

На другой день части Русской Армии развивали свое наступление. Корниловцы продвигались прямо к Днепру, и красные, боясь быть отрезанными от переправы через Днепр, отходили в северо-восточном

направлении и особого сопротивления не оказали. Конница генерала Барбовича вела бои в районе Спендиаровка—ЧапLINKа и продвинулась от Перекопа за 30 верст. 2-й Дроздовский стрелковый полк, имея слева 3-й Дроздовский полк, повел наступление на Перво-Константиновку. Выбив из села красных, полк, тесня их, с помощью конницы, ударившей красных с тыла, и обойдя их фланги, у села Владимировка прижал три полка красных к Сивашу. На эту группу красных налетели шесть наших аэропланов, которые, снизившись, насколько было вообще возможно, стали разделявать красных из пулеметов и забрасывать с воздуха бомбами. В довершение к этому в красных врезался наш броневик и стал поливать их из своих пулеметов. Все три полка красных были опрокинуты в Сиваш и полностью уничтожены. Один из них носил громкое название — «Полк красных орлов».

Развивая свое наступление из района Григорьевки и Владимировки, Дроздовская дивизия 27 мая двинулась на север и заняла имение Фальц-Фейна — «Аскания-Нова», где был захвачен большой склад артиллерийских снарядов (свыше 4000, разных калибров). «Аскания-Нова» — роскошное имение с парком, сохранившимся огромным зверинцем, собранным владельцем имения. Среди разных животных — зубры, бизоны, ламы, яки, олени, страусы, причем многие совершенно на свободе и бродят по степи, а когда проголодаются, сами возвращаются к своим кормушкам. В парке устроен искусственный пруд, и там много разных птиц — фламинго, белые и черные лебеди, разных пород гуси, утки, аисты коричневые и австралийские, фазаны и много других пород. Хищные звери и птицы — в специальных больших клетках.

На Сальковском участке фронта части Русской Армии медленно продвигались вперед. Приехавшие из Джанкоя рассказывали, что, когда 25 мая прилетел с фронта первый аэроплан с донесением, к нему бегом бросился, прямо под вагонами, генерал Врангель, бывший тогда на вокзале, чтобы узнать о результате начавшегося наступления Русской Армии.

В течение дня 28 мая красные пытались наступать на «Аскания-Нова», но были отбиты с большими потерями. Под вечер, уже в сумерках, вдруг в степи появились целые тучи пыли. В направлении имения неслись разбежавшиеся во время боя животные, которых, из-за облаков пыли, вначале приняли за атакующую конницу красных, и сам начальник дивизии, генерал Витковский, бросился с конными дивизии в контратаку. Проскакав версты две, обнаружили, в чем дело. Но, возвращаясь назад в имение, наши кавалеристы все-таки захватили 27 человек комендантской роты штаба красной дивизии. Простояв 28 мая в «Аскания-Нова», 3-й Дроздовский полк с 3-й лег-

кой и 7-й гаубичной батареей двинулся на северо-восток, а остальные части Дроздовской дивизии пошли влево на помощь корниловцам, ведущим в тот день наступление на Каховку. В имении «Аскания-Нова» осталась только слабого состава рота Самурского полка. Не успел полк отойти трех-четырёх верст от имения, как на «Аскания-Нова» налетели части конной красной дивизии, под командой Блинова, с двумя броневиками. Несколько самурцев и обозников было зарублено, а остальные успели попрятаться. Немедленно на выручку их была брошена офицерская рота 3-го Дроздовского полка со взводом батареи капитана Мусина-Пушкина²¹². Интересно было наблюдать, как в открытой степи конная дивизия Блинова с двумя броневиками поломала свои зубы о сотню человек офицерской роты с двумя пушками и принуждена была обратиться в бегство. «Аскания-Нова» была снова занята, и из садов и построек повыползали попрятавшиеся там стрелки.

На корниловцев и части Барбовича упорно наступали красные. Вообще, надо заметить, что большевики, пользуясь своим превосходством по численности, весь крымский период борьбы частей Русской Армии под водительством генерала Врангеля не давали белым передышки. Под сильным нажимом корниловцы и части генерала Барбовича принуждены были отходить. Около часу дня 29 мая 1-й Дроздовский стрелковый полк получил приказание выйти в тыл и во фланг наступающих красных. В тот день стояла жара просто невыносимая и к тому же страшно парило. Пот заливал лица. В воздухе стояла серая мгла, а край неба заволакивали огромные темные тучи.

Полк очень скоро вышел в тыл на левый фланг красных. Видя это, 9-я пехотная дивизия красных повернула свой фронт на вышедший ей в тыл 1-й Дроздовский полк и атаковала его. Страшный пулеметный огонь. Цепи атакующих шли из-под тяжелого душного неба серыми волнами. Вдруг хлынул страшный ливень с такой силой, точно он хотел разогнать всех, и красных, и белых. Батальон полковника Петерса, мокрый до нитки, с криками «Ура!», заглушаемыми проливным дождем, двинулся в контратаку, сопровождаемый броневиком, сплошь залепленным грязью.

В этот день был занят хутор Круглова, но захватить там красных кавалеристов не удалось, успели ударить.

Выбив красных из «Аскания-Нова» и Марьяновки, остальные части Дроздовской дивизии продолжали наступление, и 30 мая была без боя занята Ольговка. Во время пребывания дроздовцев в селе Самойловка тамошние жители рассказывали с возмущением чинам 3-го полка о том, что большевики разбили склеп местного помещика, взломали

цинковые гробы, перетрясли и обшарили скелеты и потом поразбрасывали кости мертвецов. Они искали нательные кресты и другие золотые и драгоценные вещи.

Из Самойловки, двигаясь на север, 3-й Дроздовский стрелковый полк занял село Успенское и 29 мая, разбив красных, занял с боя и село Малая Белозерка. Остальные части Дроздовской дивизии успешно продвигались в северном направлении, и 29 мая, преследуя красных, дивизия вышла на Днепр — на линии Знаменка—Каменка, захватив переправы против города Никополя.

Части Дроздовской дивизии в начале июня находились в районе реки Конской, занимая села Васильевка, Скелцы, Бурчак и колонии Гейдельберг, Андребург, Янчекрак, а также село Копани. На их участке вначале было сравнительно спокойно, но с середины июля большевики стали проявлять активность и против дроздовцев. Наши части не оставались в долгу и переходили короткими ударами в контрнаступления. 16 и 17 июня дроздовцы вели упорные бои с красными в районе села Копани и Янчекрак, а 18 июня — в районе колонии Гохгейм. Перед этим красные, введя в бой большую группу конницы, сильно нажимали на части корпуса генерала Слащева, бывшие правее дроздовцев, и, потеснив их верст на тридцать от города Орехова, заняли даже Большой Токмак. Только к вечеру 15 июня наши части с подошедшими танками отбросили красных от Большого Токмака. Донцы на правом фланге фронта удачным маневром захватили в плен целую бригаду красных с 40 пулеметами и заняли город Бердянск

В Дроздовской дивизии за это время было довольно много потерь, но по численному составу она не уменьшилась. Упорные бои и постоянные переброски частей дивизии с одного участка фронта на другой, часто переходами до 60 верст в сутки (правда, на подводах), хотя и основательно изматывали стрелков, но на дух и бодрое настроение людей дивизии не влияли. Раненых и взятых в плен, как правило, отправляли в тыл. Часть же пленных ставилась сразу в роты, а из остальных в тылу формировались запасные батальоны. В Крыму у Дроздовской дивизии был свой запасный батальон, который в последних боях в Таврии был переименован в 4-й Дроздовский стрелковый полк (речь о нем будет в конце этой главы).

* * *

Из 2-го Дроздовского стрелкового полка был выделен батальон самурцев ввиду развертывания его вновь в полк, а вместо самурцев был сформирован батальон из бывших пленных красноармейцев.

Отступившие было на Александровск красные, видя, что белые их не преследуют, стали очень осторожно продвигаться назад и занимать нейтральную территорию, сосредоточиваясь в районе колонии Гохгейм. 3-му Дроздовскому стрелковому полку было приказано выбить красных из Гохгейма. Полк генерала Манштейна численно увеличился за счет пополнения из пленных красноармейцев, но, по словам своего командира, много потерял в качественном отношении, так как в его строю стало до 50 процентов бывших красноармейцев. Это особенно было заметно при ночных операциях, так как новоиспеченные «дроздовцы» (из бывших красноармейцев) часто поддавались паническому настроению, а бывали случаи и перебежек их назад к красным. Перед началом наступления на колонию Гохгейм (29 июня) перебежало к большевикам несколько стрелков, которые, конечно, предупредили большевиков о предстоящем наступлении полка, и поэтому, когда 3-й Дроздовский полк генерала Манштейна, на рассвете 29 июня, подошел к колонии Гохгейм, он был встречен сильным ружейным и пулеметным огнем. Хотя полк и ворвался в колонию, но ему пришлось оттуда быстро отступить под сильным артиллерийским обстрелом, так как к тому же было обнаружено обходное движение довольно крупных сил красной конницы. Когда же отходивший полк подошел опять к колонии Гейдельберг, было замечено, что колония уже занята красной конницей, и полку пришлось ее оттуда выбивать.

Операция в конечном итоге кончилась неудачно. Положение на этом участке фронта осталось прежним, а полк потерял 103 человека, из которых 40 стрелков попало в плен, около 25 осталось убитыми на поле сражения (среди них и командир одного батальона), а остальные 38 стрелков вернулись ранеными. На рассвете 30 июня красные большими силами атаковали колонию Гейдельберг и, после непродолжительного боя, заняли ее. 3-й Дроздовской батарее, бывшей в колонии Гринвальд, было приказано выступить на помощь генералу Манштейну. Также было приказано отряду нашей конницы (приблизительно силою до 500 сабель) генерала Агоева обойти Гейдельберг справа. Около 9 часов утра батарея уже стала на позицию у бугра против колонии Гейдельберг, в то время когда красные успели достаточно близко продвинуться к бугру. Красные залегли шагах в 200 от наблюдательного пункта батареи перед кукурузой, но так, что до пояса были в кукурузе, а ноги на дороге. Ясно, что видеть что-нибудь перед собой они не могли, а поэтому и не обстреляли наш наблюдательный пункт. Батарея открыла огонь при прицеле 10—12 и в течение дня выпустила 179 снарядов. Появлялся несколько раз броневик красных, но неизменно каждый раз возвра-

щался обратно при первом же снаряде, выпущенном в него. По ошибке несколько снарядов батарея выпустила по нашему броневику, не зная, что при 3-м Дроздовском полку имеется броневик «Иван Сусанин». Генерал Агоев с конницей подошел с некоторым запозданием, но, встретив значительные силы красных и слегка их порубив, вернулся в Мунталь. С наступлением темноты батарея снялась с позиции и вернулась в Гринталь, где лошадей не выпрягали и все спали при орудиях на улице. Около двух часов была ложная тревога, и вся артиллерия и обозы были оттянуты версты на полторы от колонии, по дороге на Розенталь. Рано утром батарея вновь стала на позицию. Почти одновременно завязался бой, так как цепи 3-го Дроздовского полка подошли к колонии Гейдельберг. В 9 часов утра красные в панике бежали из колонии, и батарея крыла беглым огнем по отступающим красным. Колония была взята. В плен попало 280 красноармейцев, и было захвачено 4 брошенных красными орудия, так как перед самым началом боя ездовые красной батареи повели поить лошадей и не успели подать передки. Полк двинулся на хутор Коробочка, и туда же, через Гейдельберг, проследовала и батарея, после небольшого привала в Гейдельберге. Жители Гейдельберга говорили, что от огня батареи красные имели большие потери. Особенно много было раненых и убитых гранатами с замедлителем, которые производили на красных ошеломляющее впечатление. Одной такой гранатой было убито и ранено сразу 12 человек. Жители также рассказывали, что у красных за два дня вышло из строя около 1500 человек убитыми и ранеными. Колонию Гейдельберг защищали 73-й, 79-й и 299-й советские пехотные полки при десяти орудиях, одном бронев автомобиле и двух оборудованных и снабженных пулеметами грузовиках. Из хутора Коробочка батарея вернулась вечером в колонию Гринталь. За день было опять израсходовано 172 снаряда. Пришло приказание: расход снарядов ограничить, так как таковых будет выдаваться значительно меньше, чем раньше, — в связи со взрывом в Килен-бухте промежуточного артиллерийского склада, где взлетело в воздух до 80 000 снарядов.

На другой день, 2 июля, все вначале говорило, что красные, получив столь хороший урок, достаточно потрясены и на этом участке фронта будет спокойно, но получилось совсем иначе. В 10 часов красные вновь зашевелились, и их цепи обозначили наступление на колонию Гейдельберг, а около полудня красные появились и на буграх севернее Андребурга и Гринталя. Как потом было установлено, оказалось, что накануне подошли к красным их новые части, главным образом оренбургские казаки, которые ранее были в армии адмира-

ла Колчака и попали в плен к красным. Теперь красные послали их на Крымский фронт против Русской Армии. 3-й Дроздовский стрелковый полк быстро и самостоятельно отбросил красных от колонии Гейдельберг, но 1-й Дроздовский полк, на который наступали значительные силы красных, после упорного боя оставил в третьем часу дня Эрстовку и Карачакрак. Совместно с подошедшим 2-м Дроздовским стрелковым полком 1-й Дроздовский полк атаковал красных и занял Карачакрак, а 2-й Дроздовский стрелковый полк выбил красных и из Эрстовки, причем вновь сформированный из бывших красноармейцев 2-й батальон этого полка отлично дрался, за что получил особую благодарность от полковника Харжевского, своего командира полка. В тот день также были отброшены красные, наступавшие вдоль железной дороги, о чем можно было судить по продвижению нашей наблюдательной «колбасы». Под вечер красные вновь повели наступление и заняли колонию Гейдельберг. Чтобы ликвидировать действующую на этом участке фронта сильную группу красных, в 4 часа утра 3 июля из Михайловки выступила наша конница, состоявшая из пяти полков генерала Морозова и двух конных кубанских полков генерала Бабиева. Полкам генерала Бабиева и генерала Морозова, под командой генерала Бабиева, было приказано пройти между Карачакраком и Эрстовкой и выйти в тыл красным. Затем эта конная группа должна была пройти на колонию Блюменталь, село Копани (верстах в двадцати трех в тылу фронта) и спуститься к колонии Тифенбрун. Дроздовской дивизии было приказано наступать на колонию Гейдельберг, а коннице генерала Агоева пройти правее колонии Гейдельберг через нижний Куркулак и колонии Вальдорф и выйти на бугры у колонии Тифенбрун. 2-му Дроздовскому стрелковому полку с двумя батареями было приказано, заняв Эрстовку, выдвинуться несколько на север и прогуляться через колонию Барбараштадт, деревню Лесную, колонию Гохгейм и, пройдя мимо колонии Тифенбрун через Гейдельберг, вернуться на старое место в колонию Гринталь. Таким образом, был намечен рейд с обходом красных по двум соприкасающимся в конце полуокружностям, причем радиус кавалерийского обхода раза в два с половиной превосходил пехотный.

В 7 часов утра части 2-го Дроздовского стрелкового полка уже столкнулись с выходящими из Эрстовки красными. Опоздай полк на 15 минут, было бы довольно плохо, так как красные успели бы выйти на бугры, но все-таки колонна 2-го Дроздовского полка была обстреляна ружейным огнем раньше, чем полк развернулся. В 3-й батарее был ранен поручик Зиновьев и убита одна лошадь. После короткой пере-

стрелки развернувшийся 2-й Дроздовский полк атаковал красных, и Эристовка была взята. Цепи полка после этого стали продвигаться дальше, согласно полученному приказу. Слева была слышна сильная стрельба. Там продвигалась наша конница. Пройдя небольшое расстояние, 2-й Дроздовский полк свернул вправо. У колонии Барбараштадт наши батареи снова стали на позиции и обстреляли цепи красных правее колонии. Несколько раз появлялся пушечный броневик красных, но каждый раз, как только был обстрелян нашими батареями, с места поворачивал обратно. Красные открыли было сильный огонь по колонии, но через полчаса прекратили. Одно из орудий 3-й батареи стреляло по взводу красной батареи, который находился в колонии Гейдельберг и стрелял по наступающим цепям 3-го Дроздовского стрелкового полка. После этого 2-й Дроздовский стрелковый полк двинулся на деревню Лесную и прошел ее. В этой деревне одна женщина жаловалась, что «коммуна производила в деревне сильное насилие над женщинами». Из деревни Лесной колонна 2-го Дроздовского стрелкового полка двинулась дальше и около 18 часов вошла в колонию Гохгейм, где, по указанию жителя колонии, арестовала комиссара, забрав его с собой, чтобы позже расстрелять. Из колонии полк двинулся в направлении колонии Тифенбрун и, не доходя до этой колонии, свернул в направлении на колонию Гейдельберг. Пройдя эту колонию, в 23 часа вернулся в колонию Гринталь. Когда полк находился недалеко от колонии Тифенбрун, на буграх уже маячила конница генерала Агеева.

Когда части 2-го Дроздовского полка были в Гохгейме, там нашли много советских газет («Красная Звезда», «Беднота», «Московские известия» и «Правда»), в которых красные посвящали много статей нашему Крымскому фронту, называя его Южным фронтом. Встречались в газетах новые лозунги: «Смотрите в оба за бароном!», «Все на Врангеля», «Удесятерим усилия и на этот раз не только разобьем, но уже совсем добьем!». В этих газетах красные также сообщали о своих успехах на Польском фронте, вспоминали про какой-то Северный фронт и много писали о Кавказском фронте. Должно быть, о Кавказском фронте вновь вспоминали по той причине, что там, на Кубани, имели много хлопот с повстанцами, которые уже располагали внушительными силами и даже занимали временно Армавир, Гулькевичи, Минеральные Воды и находились в районе Святого Креста.

6 июля Дроздовскую дивизию сменила на этом участке Марковская дивизия, а Дроздовская перешла в район колонии Гоффенталь.

За последние бои многие части и отдельные лица были награждены знаком отличия, вновь учрежденным генералом Врангелем, ордена Святого Николая Чудотворца. В числе награжденных частей батареи

Дроздовской артиллерийской бригады — 1-я, 3-я и 7-я, — получившие серебряные Николаевские трубы с лентами.

Последовали значительные перемены в высшем командном составе армии: генерал Кутепов назначен помощником Главнокомандующего, а на его место — командиром 1-го армейского корпуса — начальник Дроздовской стрелковой дивизии, генерал Витковский. Дроздовскую дивизию принял генерал Кельнер. Дроздовцы радовались повышению в должности генерала Витковского, но в то же самое время и сожалели, теряя его как своего начальника дивизии, так долго бывшего среди своих дроздовцев.

Необходимо отметить и то, что после того, как все штабы, по приказу генерала Врангеля, были выселены из вагонов, командные лица теперь постоянно появлялись на фронте. Раньше, бывало, начальствующих лиц старше командира полка редко можно было увидеть на передовых позициях, а теперь часто и всюду появлялись штабные автомобили с начальством и при мотоциклетах для связи и донесений.

На участке Корниловской ударной дивизии на нашу сторону перешло 350 красноармейцев, перебив своих комиссаров, но за время стоянки 2-го Дроздовского полка в Гоффентале в полку было расстреляно 27 стрелков из бывших красноармейцев, оказавшихся агентами-политкомиссарами красных, засланных для пропаганды и разложения полка. Их выдали сами стрелки.

Около 19 часов 11 июля из колонии Гоффенталь, под звуки егерского марша и сопровождаемая приветствиями и пожеланиями успеха жителями колонии, Дроздовская дивизия выступила в Нижний Куркулак, куда и прибыла к 22 часам того же дня.

В 3 часа 30 минут 12 июля началось наступление ударной группы генерала Кутепова. В центре двигалась посаженная на повозки Дроздовская стрелковая дивизия в направлении на город Орехов, имея головным 1-й Дроздовский стрелковый полк под командой генерала Туркула, за ним двигался 2-й Дроздовский стрелковый полк генерала Харжевского, а последним — 3-й Дроздовский стрелковый полк генерала Манштейна. Артиллерия — при полках.

Правее Дроздовской дивизии наступали конные части дивизий генералов Бабиева и Морозова, а левее — полки 1-й Кавалерийской дивизии генерала Барбовича. По пути движения Дроздовской стрелковой дивизии красные части из состава 46-й советской стрелковой дивизии в последовавших столкновениях у колоний Тифенбрун и Блюменталь и затем у села Копани были опрокинуты и отброшены на северо-восток. После этого 1-й Дроздовский полк свернул на северо-запад и занял села Ново-Андреевка и Ново-Павловка.

Продолжая продвижение вперед, после полудня 2-й и 3-й Дроздовские стрелковые полки вошли в город Орехов, уже занятый частями Кубанской дивизии. Наступая, кубанцы уже успели захватить до 3000 пленных, а донцы генерала Морозова — у села Сладкая Балка — большой обоз красных.

Части ударной группы двигались большим кулаком, предполагая встретить большие силы красных, а на самом деле серьезного сопротивления оказано не было и в город Орехов наши части вошли почти без боя, чему особенно радовались жители его. Город быстро переполнился войсками настолько, что по улицам не особенно легко было продвигаться батареям. По первому впечатлению казалось, что наш удар пришелся по воздуху, но дальнейшие события показали совсем иное.

Во второй половине дня 12 июля 2-й Дроздовский стрелковый полк перешел из города в смежное село Преображенское, а 1-й Дроздовский полк занял позиции в районе вокзала и на городских окраинах Орехова. 3-й Дроздовский полк выступил вечером с конницей генерала Морозова на Жеребец, который и был занят без боя.

В дальнейшем эта группа должна была совершить рейд на город Александровск, где находился штаб 13-й советской армии. Конница генерала Барбовича двинулась из Орехова на запад в направлении на село Щербаково, где, по полученным сведениям, сосредоточивались красные. Корниловская ударная дивизия, потеснив 42-ю советскую стрелковую дивизию, 12 июля выдвинулась на линию Ланскроне—Шензе—Сладкая Балка. Части Марковской дивизии отбросили 3-ю советскую дивизию за линию Янчекрака. Таким образом, ударная группа генерала Кутепова сильно выдвинулась на север — по сравнению с общей линией фронта. Таким положением воспользовались красные и стали нажимать на город Орехов с востока и юго-востока. Уже 12 июля обозначилось со стороны Полог наступление красных, которые выбили нашу заставу из Малой Токмачки около 16 часов, и в то же время появившиеся бронепоезда красных открыли артиллерийский огонь по городу Орехову. Красные также пытались наступать на город Орехов, но их без особого труда отбросил 2-й батальон 2-го Дроздовского стрелкового полка, совместно с одним из полков Кубанской конной дивизии.

В течение дня 13 июля 1-й и 2-й Дроздовские стрелковые полки вместе с Кубанской конной дивизией вели бой у села Преображенского. В 15 часов красные одновременно атаковали с востока из района М. Токмачки позиции 2-го полка у города Орехова, но были отбиты. Правее и левее позиций 2-го полка у села Преображенского

действовала конница генерала Бабиева, части которой уже было заняли Малую Токмачку, но перешедшей в контратаку красной пехотой с броневиком из села были выбиты.

В связи со сложившейся обстановкой к концу дня 13 июля, когда красные обошли город Орехов с трех сторон, защищать его, находящийся в ложине, было невозможно, и поэтому было приказано город оставить и отойти на бугры за селом Ново-Алексеевка. Во исполнение этого приказа наши части ночью с 13-го на 14 июля покинули город. 3-й Дроздовский стрелковый полк, бывший при 2-й конной дивизии генерала Морозова в районе Камушевахи, также отошел несколько к юго-западу.

В 9 часов утра 14 июля красные, войдя тремя колоннами, без боя заняли город Орехов. Коротков в своей книге, где вообще замечено много неточностей, пишет, что «27 июля (по нов. стилю) 46-я дивизия и бригада курсантов заняли Орехов. Бои за этот город отличались особым героизмом советских войск. Курсанты шли в штыковую атаку с пением «Интернационала», наводя страх на дроздовцев, считавшихся «цветом Врангелевской армии».

На самом же деле 14 июля в город Орехов вошли лишь части советской пехоты, и никаких курсантов в тот день в Орехове не было. Город был оставлен дроздовскими полками без боя, ввиду сложившейся обстановки на этом участке фронта. Бой же с курсантами разыгрался только в ночь на 16 июля (или, по новому стилю, 29 июля), причем бригада курсантов была тогда разгромлена и город взят не смогла.

Отойдя от города Орехова и пройдя село Ново-Андреевка, 1-й и 2-й Дроздовские стрелковые полки расположились в поле, и в Ново-Андреевку вошли без боя красные. Переброшенная в этот район конная дивизия генерала Барбовича с боем овладела селом Копани, захватив свыше 800 красных в плен, а перешедший в наступление 1-й Дроздовский полк к 15 часам выбил красных из села Ново-Андреевка, захватив также свыше 150 пленных. После взятия села Копани 1-я конная дивизия генерала Барбовича двинулась на село Жеребец и заняла селение Аул, отделенное от Жеребца рекой Конской. В 22 часа 14 июля дроздовцы атаковали красных в Орехове, и к полуночи город был полностью очищен от красных. 2-й Дроздовский полк после этого занял вновь село Преображенское.

С утра 15 июля город Орехов подвергся сильному артиллерийскому обстрелу подошедших в этот район бронепоездов красных. В 11 часов красные повели энергичное наступление на позиции 1-го и 2-го Дроздовских полков. Ведя наступление на восточную и юго-восточную окра-

ины села Преображенского, которое защищал 2-й Дроздовский стрелковый полк, красным удалось временно занять юго-восточную часть села. В это же самое время 1-му Дроздовскому полку удалось отбить все атаки красных, и они отошли назад.

3-й Дроздовский стрелковый полк, приданный коннице генерала Морозова, ведя ожесточенные бои с наступающими красными в районе Камушевахы, отбил, совместно с нашими конными полками, все атаки 46-й советской дивизии, поддержанной бронепоездами и броневедомствами красных. В этот день 3-й Дроздовский стрелковый полк проявил исключительную доблесть, покрыв свое знамя лаврами славы.

* * *

Теперь вернемся к другим полкам Дроздовской дивизии.

Основные силы 2-го Дроздовского стрелкового полка вели в то время, когда происходило сражение с курсантами, бой фронтом на восток, обороняя предместье города Орехова — село Преображенское. Также приходилось 2-му полку временами отбивать атаки красных с юга и юго-востока. Таким образом, фронт дроздовцев ломался под углом у юго-восточной окраины села Преображенского. Вести же бой приходилось, по существу, с перевернутым фронтом по отношению к нашему общему выдвигению на север.

Красные, поддержанные броневиком, ворвались было в юго-восточную часть села Преображенского, но около полудня второму батальону 2-го Дроздовского стрелкового полка, при поддержке 3-й Дроздовской артиллерийской батареи, удалось выбить уже залегших в огородах и поперек улиц красных из села.

Одно заряженное орудие артиллеристы 3-й батареи выкатили под огнем красной пехоты и броневика на улицу и стали обстреливать броневик, который, после того как был поврежден, воспользовавшись поднявшейся пылью от рвущихся снарядов, успел уйти. После этого стрелки полка, пошедшие в контратаку, погнались красных, отбросили их более чем на версту от села и заняли вновь позиции на окраине Преображенского. В это самое время курсанты вели наступление на город Орехов при поддержке броневедомств и бронепоездов; весь бой отлично можно было наблюдать с юго-восточной окраины села через широкую сухую ложину, отделяющую город Орехов от Преображенского, а 2-й батальон 2-го Дроздовского полка от левого фланга 1-го Дроздовского полка. Хорошо было видно артиллеристам и стрелкам 2-го полка контратакующих дроздовцев и отступление красных от

города. Во время атаки курсантов одно орудие 3-й батареи вело огонь по бронев автомобилям и правому флангу атакующих курсантов. Одновременно вели наступление красные и на части 2-го полка, с целью обеспечить наступление правого фланга курсантов. Левее, на выдвинутой линии обороны 2-го полка перед восточной окраиной Преображенского, шел также упорный бой. Там наступали части 46-й советской дивизии и полки 2-й кавалерийской дивизии имени Блинова. Оттуда доносился сплошной артиллерийский гул. Выстрелы 3-й и 4-й Дроздовских батарей сливались в один гул с выстрелами красных орудий, дополняемый сильным пулеметным и ружейным огнем. Был момент боя, когда правый фланг 2-го батальона 2-го Дроздовского полка, попав под огонь справа, принужден был отойти немного в глубь села, но к 16 часам положение было восстановлено. Бой на участке 2-го полка, восточнее Преображенского, продолжался с большой интенсивностью весь день и затих только с наступлением темноты. Красные, при уже совсем ступившихся сумерках, повели энергичное наступление на юго-восточную окраину села, но были, после продолжительного боя, отброшены от села 2-м батальоном 2-го Дроздовского полка. Не добившись успеха, красные некоторое время держались этой ночью на участке 2-го полка пассивно.

Не успел еще полностью затихнуть огонь в районе юго-восточной окраины Преображенского, как в районе 1-го полка началась ожесточенная стрельба, которая все время расширялась в городе Орехове. Не будучи осведомленным о положении в городе, 2-й батальон 2-го полка, опасаясь за свой фланг, снова отошел в глубь села, чем воспользовались красные и с криками «Ура!» и стрельбой заняли окраину села. Получив сообщение о том, что положение в городе восстановлено и курсанты отброшены, батальон 2-го полка, атаковав красных, выбил их из села и занял вновь окраину его. Около полуночи в городе вновь поднялась ожесточенная стрельба пачками, залпами, перемешанная с артиллерийским огнем 1-го дивизиона Дроздовской артиллерийской бригады и пулеметными очередями. Затем наступила зловещая тишина, и на мост, что через балку, в тыл 2-го батальона выехала пулеметная тачанка красных, направившись к церкви на площади, где помещался штаб 2-го полка, а в огородах, ближних и крайних домах города начали раздаваться голоса отдельных просачивающихся в город и перекликающихся между собой красных. Тачанка, будучи обстреляна, повернула обратно и унеслась в город. Связь с 1-м полком прервалась. 2-й полк выставил охранение в сторону города.

Наступила опять тишина, а потом начало раздаваться в городе пение «Интернационала» проникавших в город курсантов. Красный бро-

неповозд же стал переносить свой огонь все дальше и дальше за город, видимо предполагая, что наши части уже отходят из него.

В связи с тем что связь с 1-м полком была прервана и не зная, что творится в городе, 2-й батальон 2-го полка снова отошел с окраины села, чтобы занять более сосредоточенное положение, и принял несколько вправо, с целью уменьшить разрыв с левым флангом 1-го полка. По продвигающемуся в город пению «Интернационала», причем отдельные слова его были очень хорошо слышны в Преображенском, создалось впечатление, что для курсантов путь в город уже почти открыт.

Но вдруг в ответ послышалась песня дроздовцев, а потом пение «Интернационала» было прервано морем залпового огня, пулеметными очередями, разрывами снарядов, что убедительно свидетельствовало, что 1-й полк удерживает свои позиции. Как мы знаем, в ту ночь в городе шел бой, описанный в воспоминаниях генерала Туркула, закончившийся разгромом курсантов. На следующий день офицеры и стрелки 1-го Дроздовского полка с гордостью рассказывали о бое с курсантами, отмечая, что сам генерал Туркул в эту ночь все время находился на самых передовых позициях и что его исключительная отвага и решимость в бою придавали еще больше уверенности, твердости и без того доблестному боевому составу полка. Говорили, что генерал Туркул очень жалел, что в этом бою отсутствовал полковой оркестр: «Жаль, что с нами нет оркестра, а то я приказал бы ему при этом играть».

Из описания ночного боя известно, что только отдельным небольшим группам курсантов удалось задержаться в том месте, где город отделен от села Преображенского ложиной (в разрыве между полками), и задержались также те курсанты, которые проникли в район городского сквера, попавшие под перекрестный огонь, и, не имея возможности отойти, рассеялись по дворам, ища спасения. Позже оставшиеся в живых попали в плен и были расстреляны. Дальнейшее отступление для курсантов оказалось весьма тяжелым, так как 1-й полк их жестоко преследовал.

Чтобы облегчить их положение, 46-я советская дивизия пыталась наступать, но успеха не имела и была с потерями отброшена. В течение всего дня 16 июля из погребов и разных закоулков, дворов и укромных мест вылавливали застрявших в городе курсантов. У многих из них были найдены письма, которые они написали своим родным и знакомым накануне боя. В них описывалось, как курсантов провожали из Петрограда, как их напутствовал при проезде через Москву сам Троцкий, выражалась уверенность в том, что им удастся разбить дроз-

довцев и что после этого им обещали командные должности и звания. Действительность же для них была весьма печальная. Из общего числа в 1500 штыков, бывших в бригаде курсантов, только около 400 смогли отойти на Малую Токмачку. По дороге их встретила конница генерала Барбовича, ведущая бой с 46-й дивизией, и также их потрепала. В тот день было взято генералом Барбовичем в плен около 800 человек из частей 46-й советской дивизии. Всех взятых в плен курсантов расстреляли. В районе вокзала после ночного боя было подобрано свыше 130 трупов курсантов, а в городе повсюду также валялись убитые курсанты. Смотря на убитых, дроздовцы говорили, что произвели их в красных офицеров. Потери у дроздовцев были сравнительно невелики. Больше всех пострадали роты 1-го батальона 1-го полка и 2-й батальон 2-го полка. Сам же город Орехов пострадал очень сильно от артиллерийского обстрела — разбито около 150 домов и убито свыше 300 жителей.

Остатки бригады курсантов были сведены в батальон. После их разгрома красные курсанты уже утратили свою отвагу, потеряли, как говорится в военной среде, «сердце» и по своим боевым качествам почти перестали отличаться от остальных красноармейцев. Командовал бригадой курсантов Около-Кулак, бывший капитан Преображенского полка, в котором он, по словам генерала Кутепова, заворачивал полковыми песенниками.

В течение 15 июля 3-й Дроздовский полк, приданный коннице генерала Морозова, целый день вел бой против наступающих частей 16-й и 21-й советских кавалерийских дивизий и совместно с нашей конницей отбил все их атаки в районе Камушевахи. К вечеру наши части расположились в этом селе.

С рассветом 16 июля красные перешли в наступление на участке Корниловской ударной дивизии и после упорного боя потеснили ее в районе Сладкой Балки к долине реки Чингул. В тот же день, под давлением частей 2-й конной армии красных, 3-й Дроздовский полк и марковцы отступили в районе реки Красной и красные продвинулись в район сел Юльевка—Веселое—Ново-Григорьевка.

Около 18 часов 16 июля части 2-й конной армии с четырьмя броневозами атаковали одновременно село Ново-Павловка, где потеснили 2-ю конную дивизию генерала Морозова, а с севера и запада — наши части в районе города Орехова. Был момент, когда конница красных уже заняла окраину города, но подошедшими дроздовцами они были выбиты из черты города. В течение дня до позднего вечера части генерала Морозова отбивали атаки наступающих семи красных полков при четырех бронепоездах, и положение к ночи оставалось се-

рзным, а посему дроздовцы выслали из города все лишнее и обозы. Село Жеребец к вечеру было занято красными.

С рассветом 17 июля генерал Бабиев направил под командой генерала Барбовича 1-ю кавалерийскую и Кубанскую конную дивизии в обхват левого фланга красных, из Малой Токмачки на Васильевку и Жеребец. 2-я конная генерала Морозова дивизия должна была наступать на Аул. Вскоре эта дивизия завязала бой с красными, нажимавшими на Ново-Павловку. 3-й Дроздовский полк по-прежнему был придан 2-й конной дивизии.

Отбросив конницу красных от Орехова, 1-й и 2-й Дроздовские полки стали продвигаться на север. Справа от города Орехова, несколько севернее района Блюменфельд — Малая Токмачка, конница генерала Барбовича столкнулась с частями 16-й и 21-й конных дивизий красных. При содействии 1-го и 2-го Дроздовских стрелковых полков, ударивших во фланг развернувшейся красной конницы, конница генерала Барбовича рассеяла красных, много их порубила, захватила пленных, пулеметы и 9 орудий. Весь следующий после этого боя день, на месте одной захваченной батареи оставались стоять 2 задних хода от зарядных ящиков и вокруг них лежали 12 зарубленных красноармейцев, среди последних две женщины в военной форме, бывшие ездовыми в захваченной конной советской батарее.

Нужно отметить, что в этот день вообще не было серьезного наступления на город Орехов со стороны красных. Дроздовские артиллеристы побывали на месте вчерашней схватки конницы генерала Барбовича с красной конницей, привеза повозку с русскими снарядами, рассказывали, что там всюду валяются в большом количестве порубленные красноармейцы. Днем появлялись отряды красной конницы со стороны Жеребца, но их конные группы и разъезды, порой и с броневиками, легко были рассеяны, главным образом артиллерийским огнем.

Около 22 часов красные опять появились и подошли вплотную к городу с броневиками и обстреляли, но после того, как одно орудие 3-й Дроздовской батареи ахнуло на звук их выстрелов гранатой, красные быстро исчезли, бросив мотоциклет. Судя по всему, мотоциклист был или убит, или ранен.

В 3 часа 30 минут 18 июля вся Дроздовская дивизия двинулась на Жеребец. В правой колонне наступал 2-й Дроздовский стрелковый полк, в центре двигался 1-й Дроздовский полк, а в левой колонне, в направлении на село Дарьевка, — 3-й Дроздовский полк с конницей генерала Морозова.

1-я кавалерийская дивизия заходила в обход по радиусу в 15 верст, а Кубанская конная дивизия — еще севернее. Обе эти дивизии должны

были атаковать Жеребец с севера, а части Дроздовской дивизии и 2-й конной генерала Морозова — с юга. На рассвете части Дроздовской дивизии подошли к Жеребцу, но там все было спокойно и как будто пусто, — получалось первое впечатление удара по пустому месту.

Вскоре было замечено, что справа на Орехов движется какая-то группа конных. Оказалось, что красные, и их быстро рассеяли. Около 8 часов начался бой севернее Жеребца. Взвод 3-й батареи выехал вперед и открыл огонь. В это время начался бой у северной окраины этого огромного села. Красная конница, не занимавшая южной части Жеребца и сосредоточенная главной своей массой на северной его окраине, подверглась атаке конницы генерала Барбовича, который лично сам повел в атаку головной эскадрон павлоградцев. Наша дроздовская артиллерия могла поддержать эту атаку только до того момента, когда ряды конницы врубались один в другой. Артиллеристы с наблюдательных пунктов следили за этим боем. Было отлично видно, как сверкали шашки, как сталкивались группы всадников, но разглядеть, где свои и где красные, было невозможно. Рубка продолжалась недолго. Красные ее не выдержали и поспешно бросились назад, сопровождаемые артиллерийским огнем и оставив на поле боя 7 легких орудий, 2 гаубицы, 3 броневедомола, 4 грузовых и 2 легких автомобиля и 3 зарядных ящика. В бою под Жеребцом было взято в плен около 1000 красных. Атаковавший красных головной эскадрон павлоградцев потерял 30 всадников и лошадей.

В 12 часов части Дроздовской дивизии были в Жеребце. Село Жеребец очень большое. В нем было свыше 4000 дворов, две церкви, заводы, банк, театр и даже электричество. По другую сторону реки Конской — селение Аул.

Бои в районе города Орехова, который являлся с 12 июля осью всей операции в этом районе, закончились, и начиналось наступление, вернее — рейд на город Александровск. Имея же город Орехов центром своих маневренных действий, Конный корпус, подчиненный вначале генералу Калинину, а потом генералу Бабиеву, опираясь на части Дроздовской стрелковой дивизии, много раз занимал и оставлял ряд населенных пунктов в этом районе, исключительно с целью уничтожения сил противника.

1-я и 2-я конные дивизии Конного корпуса генерала Бабиева преследовали противника, отходящего севернее города Александровска, который уже был занят передовыми частями Кубанской конной дивизии и частями Дроздовской стрелковой дивизии. Все части последней сосредоточились в городе Александровске к 17 часам, а конница прошла на ночлег в район села Григорьевка. В тот момент, когда 3-я Дроз-

довская батарея входила в город, к ней подошел, на главной улице, оркестр железнодорожников Южных железных дорог. Капельмейстер оркестра спросил, можно ли встретить наши части музыкой. Получив удовлетворительный ответ, сыграли нам встречный марш. После этого оркестр продолжал играть все время, встречая маршами входившие в город части Русской Армии. Жители города все, как один, жаловались на красных, а наши войска произвели на них отличное впечатление. После вечерней поверки и общей молитвы к дроздовцам подошла какая-то старушка и трогательным голосом сказала: «За то спасибо, что Бога не забываете, хорошо...» Наступая на Александровск, дроздовцы, проходя через Дарьевку, любовались там результатами работы наших летчиков. По дороге целыми группами валялись убитые бомбами лошади, а жители города говорили, что красные очень боялись наших аэропланов. Действительно, они наносили им серьезные потери. Например, 14 июля 7 наших аэропланов навели на красных в Орехове страшную панику и вечером отогнали с места боя их бронепоезда.

В результате ударная группа прогулялась на Александровск совсем зря, так как красные бежали из города заранее и, таким образом, успели ускользнуть из наших объятий. В городе ничего не захватили, а командование Русской Армии не собиралось удерживать город за собой. Уже на другой день в 20 часов было получено приказание разрушить Александровский железнодорожный узел, город оставить и отойти на юг: Дроздовской дивизии — в район колонии Гоффенталь.

Дроздовская дивизия, взорвав железнодорожные пути, покинула город Александровск и около 12 часов 22 июля прибыла в Жеребец, где никаких красных не оказалось. Жители рассказывали, что как-то появлялись конные разведчики красных, но, не задерживаясь в селе, сразу же уехали. Там же стало известно, что в город Орехов, заблудившись, заехала кухня красных и, не найдя своих в городе, в панике улетучилась.

Дроздовцы в Жеребце задержались до утра 23 июля. Оттуда они выступили все, за исключением 2-го Дроздовского стрелкового полка с приданными ему двумя батареями, причем 2-й полк получил приказание в случае появления красных с ними в бой не вступать, а отойти в город Орехов. Около полудня стала подходить к Жеребцу красная конница. Одна из Дроздовских батарей обстреляла колонну красной конницы, когда та стала втягиваться с северо-восточной стороны села в Жеребец. После этого полк и батареи отошли через село Аул, не преследуемые противником, в предместье города Орехова — Прицепилровку. Красные не спешили и только в 19 часов подошли к городу Орехову и пробовали наступать, но были легко отбиты. На этом успо-

коились, и только их артиллерия еще некоторое время продолжала довольно сильный обстрел города. Ночью, около 12 часов, красные еще раз попробовали полезть, но, встреченные пулеметным огнем, сразу же отошли назад. Жители Жеребца и Орехова боялись возвращения красных, так как они заберут последний хлеб. Перед нашим уходом из Жеребца один десятник сказал нашим стрелкам: «Кажется, придется брать вилы в руки, иначе ничего другого не будет».

Около трех часов 24 июля 2-й Дроздовский полк и батареи, без всякого давления со стороны противника, вышли из предместья города Орехова и двинулись в направлении на Сладкую Балку, что на 25 верст южнее города.

Прибыв в село Сладкая Балка и простояв там около часу, в 11 часов 2-й полк со своей артиллерией передвинулся на одну версту севернее — в хутор Ильчиков. Корниловцы в это время находились северо-восточнее, в хуторе Работине, и оттуда, с Дроздовским полком, должны были пойти на Большой Токмак.

В это время стояла очень жаркая погода; жара и большие переходы, хотя пехота и передвигалась на подводах (жителям приходилось от этого очень тяжело), очень утомили всех. 25 июля в 3 часа 2-й Дроздовский полк с батареями, бывший в арьергарде, выступил из хутора Ильчикова и, пройдя Сладкую Балку, Большой Токмак, Ледекоп, Петерегаин и Пришиб, наконец прибыл на место своего назначения — в колонию Гоффенталь. Красные не преследовали.

Во время последних боев, закончившихся рейдом на Александровск и возвращением в исходное положение и даже местами немного назад — ради сокращения линии фронта, — было захвачено в плен свыше 5000 красноармейцев, 4 бронепоезда, 5 бронеавтомобилей, свыше 200 пулеметов, 40 орудий, зарядные ящики, грузовые и легкие автомобили, составы железнодорожных вагонов и другая военная добыча. За это время была разгромлена бригада курсантов, а также нанесены большие потери пехотным и кавалерийским частям красных дивизий. О действиях Дроздовской дивизии очень лестно выразился генерал Бабиев, командующий Конным корпусом, сказав: «Дроздовская дивизия — это прочная ось, вокруг которой кавалерия может совершать какие угодно маневры».

Не успели части Дроздовской дивизии разместиться полностью по квартирам на новом месте, как было получено приказание быть готовыми к походу. Не замедлило и приказание о наступлении совместно с бригадой генерала Морозова для ликвидации группы красных, нажимавших на марковцев. В 18 часов 25 июля Дроздовская дивизия выступила в Нижний Куркулак, куда и прибыла в тот же день, а

в 3 часа 26 июля двинулась на Гохгейм. Впереди шел 1-й Дроздовский полк, который без особого труда выбил красных из Тифенбруна и продолжал движение дальше. За полком двигались остальные части. Шли, минуя все селения, прямо по полям, и на рассвете подошли к колонии Гохгейм, занятой красными. 1-й полк подошел вплотную, 2-й вышел несколько левее, а 3-й — почти в затылок 1-му полку. В колонии находились советские пехотные части, кавалерийский полк, батарея и обозы. Все беспечно спали, а кавалеристы даже не выставили охранения, так как, после взятия вечером Гейдельберга, не ожидали появления противника. Паника у красных поднялась страшная: кавалеристы, бросив всех своих коней, обоз, винтовки, шашки, платье и даже многие белье, почти голыми разбежались пешком, кто куда успел. Кроме обозов, лошадей, оружия, здесь было захвачено 3 орудия и грузовой автомобиль. В панике красные так бежали из колонии, что наша пехота не смогла их догнать. Кроме того, им помогла бежать и кукуруза на полях. Пленных было мало, но среди них были курсанты и комиссары, которых тут же в Гохгейме на улице и расстреляли. Не прошло много времени, как из Гейдельберга также стала на рысях уходить конница красных и их артиллерия. 3-й полк продвинулся на север Гохгейма, 2-й двинулся на колонию Барбараштадт, а 1-й остался в Гохгейме. Отступающие красные открыли было на короткое время сильный артиллерийский обстрел колонии Гохгейм. Жители рассказывали, что они первый раз видели у красных такую массу войск, как это было теперь. Все было переполнено их кавалерией.

Операция была закончена занятием Барбараштадта. Положение было восстановлено, и дивизия стала сворачиваться и собираться у Гейдельберга. У хутора Коробочка полил такой сильный ливень, что буквально нельзя было стоять против ветра и дождя. К хутору подошли и марковцы. Противника разбить не удалось, его только слегка потрепали, захватив около 250 пленных и из них 50 курсантов, которых и расстреляли на месте. Еще не успели все вернуться в Гейдельберг, как было получено сообщение, что красные уже пришли в себя и наступают вновь на марковцев. Под вечер они подошли и к Гейдельбергу и стали обстреливать колонию артиллерийским огнем. Ответным огнем и 1-м полком они были быстро отогнаны назад. 1-й полк остался в колонии, а 3-й утром ушел на отдых в Молочное. Красные стали 27 июля опять нажимать на марковцев, и 2-му полку было приказано помочь марковцам восстановить полностью положение, так как красные к этому времени уже заняли Эрристовку. 2-му полку было приказано наступать на Эрристовку по ложине, то есть между марков-

цами и большевистскими цепями. Красные подходили уже к Гейдельбергу. 2-й полк двинулся по линии фронта, но вскоре частям пришлось свернуть влево, на более укрытую дорогу, попав под сильный артиллерийский обстрел. Эта небольшая и совершенно ненужная прогулка по открытому полю обошлась 2-му полку в 23 человека из 1-го батальона, причем был серьезно ранен и командир батальона — полковник Кунцевич. Эристовку к этому времени уже вновь заняли марковцы, и прогулка с потерями оказалась излишней. Полк двинулся на Андебург, а оттуда в Гоффенталь по старой знакомой дороге через Новый Монталь. Начальник штаба дивизии просил об отдыхе всей дивизии, которой она вполне заслужила и очень в нем нуждалась. К вечеру многие буквально шатались. Жара изнуряла, постоянные переходы днем и ночью не только лишали нужного отдыха (почти не приходилось даже как следует поспать), но и регулярного питания не было (кухни с едой не успевали прибыть к полкам вовремя), а поэтому питались, главным образом, всякого рода зеленью из бахчей и баштанов (зелеными яблоками, грушами, дынями и помидорами, а также не вполне созревшими арбузами). Весь скошенный и неубранный хлеб на полях шел на кормежку переутомленных лошадей.

День 26 июля прошел спокойно, и дивизия простояла в Гоффентале. С 20 июля фактически началось наступление красных на северном участке фронта. Красным удалось занять только ту территорию, которую части Русской Армии оставили без всякого давления с их стороны — согласно полученного приказа Главного командования. На фронт за это время прибыли Самурский пехотный и Кавказский стрелковый полки 6-й пехотной дивизии — с пятью батареями, имея по 600 штывков в полку.

На Днепровском участке фронта красные, наступая, потеснили части 2-го корпуса, которые отошли почти до Аскания-Нова. Вечером 28 июля красные, наступая на марковцев, вновь продвинулись и заняли Нижний Куркулак. Ночью 29 июля, около 2 часов, загремела артиллерия красных на всем участке 1-го армейского корпуса, от Васильевки до Большого Токмака, и даже правее последнего. Гул артиллерийской стрельбы все время нарастал, приближаясь к Гоффенталу. Около 9 часов в Гоффентале была уже слышна ружейная перестрелка. Красные в этот день повели наступление на всем участке 1-го армейского корпуса. Получив приказание, Дроздовская дивизия в 12 часов выступила из Гоффентала. 1-й и 3-й Дроздовские полки двинулись на станцию Монталь, получив приказание наступать и занять Нижний Куркулак, а затем продвинуться на Ново-Монталь. 2-й Дроздовский стрелковый полк двинулся прямо на Ново-Монталь.

У холмов «Шесть братьев» 2-й полк столкнулся с колонной красной конницы, двигавшейся на Гоффенталь. Она была огнем рассеяна и отброшена к Ново-Монталю. Около 15 часов левее — в направлении на наш тыл — была замечена колонна красной конницы длиной в шесть верст, двигавшаяся на Ново-Нассау, Вассерау и Вейнау. Вначале эту конницу приняли за отступающие обозы Марковской дивизии, но оказалось, что красной кавалерии удалось прорваться в наш тыл, сильно потрепав марковцев, которые отошли к железной дороге под прикрытие бронепоездов.

Вследствие этого прорыва красных в наш тыл, 2-му Дроздовскому стрелковому полку пришлось изменить первоначальную задачу — восстановление положения — и повернуть фронт больше чем на 90 градусов влево, на юг, и занять позицию у юго-западной окраины Гоффенталья. В это время конница красных уже вошла в колонию Ново-Нассау. В тылу у нас началась паника. Все стали спешно эвакуироваться в сторону Большого Токмака. Утром красная конница ворвалась и туда, но корниловцы с помощью танков восстановили положение в этом районе. На станции же Полугород уже приготовились взрывать снаряды. Все говорило, что путь отступления на Федоровку уже отрезан. В городе Мелитополе также приготовились эвакуироваться учреждения и государственная стража.

В это время на участке Дроздовской дивизии красная конница была встречена дружными залпами, пулеметным и артиллерийским огнем. Не ожидая этого, красные сразу опешили и потом стали принимать вправо, то есть назад. С юга вмешались в эту операцию запасные части Дроздовской дивизии, чтобы закрыть дыру в прорыве. Под вечер конная батарея красных основательно обстреляла стоявшую на открытой позиции 3-ю Дроздовскую батарею. Был смертельно ранен походник — поручик Мазинг²¹³, а также ранены ездовые Ковалев, Косов и Орещенко, убито 2 и ранено 10 лошадей.

3-й Дроздовский стрелковый полк, продвинувшись влево от Ново-Монталя, стал заходить в тыл красных. Видя все эти маневры Дроздовской дивизии, красные догадались, что для них готовится мешок, и, опасаясь судьбы Жлобы, стали поспешно уходить из уже почти приготовленного мешка. 3-й полк вскоре захватил два исправных орудия и после захода солнца занял колонию Ново-Нассау. 2-й полк в 22 часа пришел в Гоффенталь, где и остановился на ночлег. После того как 1-й и 3-й Дроздовские полки из Нижнего Куркулака передвинулись дальше, в последний вновь прибыли красные.

Предпринятый красными прорыв в наш тыл полностью сорвался. Заняв село Нижний Куркулак, дроздовцы захватили 2 шестидюймовые

гаубицы, 3 сорокавосьмилинейных, 2 сорокадвухлинейных дальнебойных орудия и 4 легких.

Вывести взятые орудия, кроме 2 сорокадвухлинейных, было не на чем, и пришлось их бросить, сняв с них замки и взяв с собой панорамы. Кроме взятых орудий, в руки дроздовцев попало свыше 1000 пленных и пулеметы. Красной коннице удалось избежать судьбу Жлобы, понеся большие потери.

30 июля утром наши артиллеристы выпустили несколько сорокадвухлинейных снарядов по Нижнему Куркулаку, прямо от штаба 1-го полка, — из захваченных накануне у красных орудий. Около 10 часов было получено приказание приготовиться к наступлению. Полки выступили в 15 часов. 3-й Дроздовский полк двинулся на колонию Розенталь, 2-й Дроздовский стрелковый полк — на колонию Ново-Монталь, а 1-й полк продвигался сзади в резерве. Начиная от холмов «Шесть братьев» до колонии Ново-Монталь местность на протяжении семи верст совершенно открытая: нет ни одной складки, ни одной закрытой артиллерийской позиции. Дроздовская дивизия двигалась общей колонной, имея впереди разведку и роту в цепи. Подошли версты на 3 к колонии Ново-Монталь. Оттуда ни одного выстрела. Полная тишина, и казалось вначале, что колония оставлена красными. Вдруг неожиданно начался сильный ружейный огонь, и вскоре к нему не замедлил прибавиться и обстрел артиллерийским огнем колонны наступавшей Дроздовской дивизии.

Первым снарядом по 3-й батарее были ранены капитан Андриевский и ездовой Поляков. Батарея сразу свернула в кукурузу и стала на позицию. Открыв ответный огонь, быстро сбила стрелявшее орудие красных. Появившуюся красную кавалерию отбросила огнем наша пехота. Бой под Ново-Монталем затянулся до темноты. Около 20 часов пыль от выстрелов и разрывов снарядов достигла таких размеров, что на 3 версты уже ничего нельзя было увидеть, даже разрывов наших снарядов, а поэтому корректировать стрельбу было очень трудно. Постепенно, хотя и медленно, меняя много раз позиции, части 2-го полка, наконец, заняли колонию Ново-Монталь. Красные стреляли очень много, но из-за поднявшейся пыли почти без результата, и поэтому наши потери в этот день были ничтожны. 1-й полк наступал правее 2-го, а 3-й — на Розенталь и, заняв его, в нем заночевал. Остальные части Дроздовской дивизии на ночлег разместились в колонии Ново-Монталь. Ночью конница красных с броневиками два раза пыталась атаковать наши части в Ново-Монтале, но каждый раз была отбита огнем. Жители колонии рассказывали, что там были буденновцы, которые сильно грабили их и говорили, что

им было приказано окружить и уничтожить дроздовцев. Также они говорили о вчерашней операции, что им едва удалось избежать судьбы Жлобы, и во всех своих неудачах обвиняли своих комиссаров и даже хотели с ними расправиться. Паника у них в тот день была большая.

Перед рассветом на 31 июля 1-й Дроздовский полк двинулся на колонию Гейдельберг, а 3-й полк — на Андебург. Генерал Манштейн со своим полком сразу же занял Андебург и Гринталь, после короткого боя, но с 1-м полком вышла совсем неожиданная и со многими жертвами история.

* * *

2-й Дроздовский стрелковый полк во время этого боя находился в колонии Ново-Монталь, и его к 19 часам вытянули на позицию. Красным этот день обошелся недешево. С нашим броневиком «Кречет» произошел следующий случай во время боя. Когда он въехал в цепь красных, у него вдруг остановился мотор, так как пуля попала в бак, пройдя в маленькую щель в броне. Пулеметным огнем он разогнал красных вокруг себя, после солдат-механик вышел из броневика и произвел необходимое исправление, будучи во время этого ранен пулей в руку. За это он был представлен к награждению орденом Святого Николая, а также и те два лихих разведчика, о которых вспоминает генерал Туркул, которые перебили почти всю прислугу красной батареи у скирды возле Гейдельберга. В автомобиль начальника Дроздовской дивизии, генерала Кельнера, попал снаряд пуль разорвавшейся красной шрапнели. Был убит шофер и слегка попорчен автомобиль. Кроме взятых у скирды четырех орудий, в Гейдельберге красные оставили еще два орудия и сторевавший броневик.

1 августа около 12 часов 2-й Дроздовский стрелковый полк сменил в Гейдельберге 1-й Дроздовский полк. Позиция в Гейдельберге весьма плохая, так как колония расположена в яме и справа и слева к ней подходят глубокие лощины. Если месяц тому назад эту колонию было тяжело удерживать, то теперь, при наличии у красных громадных сил, с этой позицией был совсем гроб. День прошел на этом участке относительно спокойно. Правда, красные подходили к колонии, но особенного нажима с их стороны не было, и их легко отбрасывали каждый раз артиллерийским огнем. Их артиллерия в течение дня обстреливала позиции батарей и вела огонь по колонии, а на буграх до темноты маячила лава красных. Ночью разведка красных подходила к колонии и была обстреляна нашими заставами.

На участке Дроздовской дивизии день 2 августа прошел сравнительно спокойно. На участке 2-го полка — артиллерийская перестрелка. Было замечено также передвижение красной пехоты, кавалерии и обозов между Коробочкой, Гохгеймом и Барбараштадтом. На рассвете 3 августа красные повели наступление на колонию Гейдельберг. Первый их порыв был быстро остановлен, и они залегли на прицеле 20—24 от батарей и до полудня вели интенсивный обстрел, а потом вновь атаковали наши позиции при поддержке броневиков, из которых один был подбит и едва успел отойти в сторону Гохгейма, но красной пехоте удалось занять бугры у самой колонии, что вынудило 2-й Дроздовский полк отойти от Гейдельберга версты на две-три в сторону Ново-Монталя. Приблизительно через час после этого на правый фланг 2-го полка вышел подошедший из Ново-Монталя 1-й Дроздовский полк. В 13 часов 2-й полк из ложины через бугор Шанцы атаковал красных. Неожиданно на атакующие цепи полка выскочила конница красных и врубилась в цепи 1-го батальона. Дальнейшее продвижение красной конницы было остановлено артиллерийским огнем, но среди стрелков 1-го батальона было много раненых и часть порублена. В 15 часов 2-й полк вновь занял Гейдельберг и к вечеру оттеснил красных далеко от колонии. В этот день досталось и Дроздовским батареям. Было двое убитых и восемь раненых батарейцев и пять коней. В довершение всего, наш аэроплан по ошибке сбросил на позицию 3-й батареи 4 бомбы и обстрелял орудия из пулемета. К счастью, потерь не было.

День 4 августа на участке дивизии прошел в перестрелке. 1-й полк занимал колонию Андребург, 2-й полк — позиции у колонии Гейдельберг, а 3-й Дроздовский полк был в Ново-Монтале в дивизионном резерве.

Ночью на 5 августа красные повели наступление на корниловцев и марковцев. Уже с 2 часов доносился гул артиллерийской стрельбы с их участков, что заставило и 2-й Дроздовский полк занять оборонительные позиции впереди колонии Гейдельберг. Около 6 часов обозначилось наступление красных крупными силами и на участке полка. Красные наступали бешено. От открывшейся стрельбы пехоты, от выстрелов орудий и разрывов снарядов поднялась такая пыль, что ничего нельзя было разобрать и разглядеть. 2-й Дроздовский полк отступил, и красные ворвались в колонию. 3-я батарея едва успела сняться с позиции. Последнее орудие едва вытащили на руках номера, под сильным огнем красных. В колонию вскочил броневики красных. Человек 70 стрелков 2-го полка, не успев выскочить из колонии, попрятались в домах. Броневики налетел на 3-ю батарею, обстрелял ее из

пулеметов. Пострадала пулеметная тачанка батареи: был убит подпоручик Якубовский и ранен солдат Аникин. Одновременно справа выскочила также и конница красных, но огнем восьми орудий и дружными залпами пехоты была отброшена. Пехота красных, пройдя колонию, стала выходить на бугры. 2-й полк, отступив версты на три от колонии, перестроился и контратаковал красных. Встреченный сильным огнем с близкой дистанции, принужден был залечь, потеряв до 100 человек. В это самое время от мельницы вылетела красная конница. Ей навстречу понесся наш броневик «Кречет», заставил ее изменить направление и удирать вдоль фронта. 3-я батарея выпустила по красной коннице почти все свои снаряды. Великолепно было видно, что целые группы лошадей скакали без всадников. Все говорило, что Гейдельберг будет вновь занят нами, но неожиданно было приказано полку отходить. Как потом стало известно, приказ об отходе последовал потому, что в районе Ново-Монталя на 3-й Дроздовский полк налетела конница красных и 3-й батальон полка попал в очень тяжелое положение: часть стрелков была порублена, много попало в плен и только единицам удалось спастись. До селения Гохштадт 2-й Дроздовский стрелковый полк отошел без давления со стороны красных. 1-му Дроздовскому полку пришлось также отойти, оставив Андребург. В этот день Дроздовские батареи израсходовали почти весь запас своих снарядов, а дивизия понесла значительные потери. В 3-м полку фактически остался только один батальон. Во 2-м полку в строю насчитывалось лишь 300 стрелков, и только в 1-м полку в строю было свыше 1000 стрелков. Красные наступали очень крупными силами и бросали в атаку тучи пехоты и массу кавалерии, поддержанных броневиками и артиллерийским огнем из большого числа орудий. В ночь на 6 августа 2-й и 3-й Дроздовские полки отошли вправо в Ново-Нассау, а 1-й полк со штабом дивизии расположился в колонии Гохштадт.

Генерал Туркул принял от генерала Кельнера²¹⁴ Дроздовскую дивизию, а командиром 1-го Дроздовского полка был назначен полковник Мельников²¹⁵. Последовал приказ перейти в наступление, а поэтому в 9 часов утра 6 августа 1-й Дроздовский полк повел наступление на колонию Фридрихсфельд, а остальные полки дивизии — на Розенталя. На Ново-Монталь должны были наступать корниловцы, а на Гейдельберг донцы генерала Морозова. Пройдя Ново-Нассау верстах в двух от Гохштадта, дроздовцы встретились с конницей красных и артиллерийским огнем разбили ее на две группы. Одна группа ускакала в сторону Розенталя, а другая — в Ново-Монталь. Около полудня 1-м полком был занят Фридрихсфельд. После этого 2-й и 3-й полки стали продвигаться вперед, и огнем трех батарей красная конница была сбита с

бугров у колонии Розенталь, и после часовой перестрелки наша пехота заняла колонию. Дроздовцы двинулись дальше, и, пройдя мимо колонии Ново-Монталь, наша артиллерия вновь обстреляла конницу красных, уходившую из колонии. 1-й полк наступал в направлении на колонию Гринталь, а 2-й и 3-й полки — на Андребург. Когда цепи дроздовцев подошли к колонии Андребург на одну версту, красные встретили их огнем, и только после получасового боя удалось выбить их из колонии. Надо отметить, что красные стали очень самоуверенными и наглыми. На окраине Андребурга стояла у них пушка и продолжала вести огонь еще и тогда, когда наши цепи уже занимали колонию. Она была подбита нашей батареей, и все предполагали, что красные не смогут ее вывезти, но, когда наши стрелки подошли к месту ее стоянки, там нашли только один труп и пустые гильзы. В Гринтале 1-м полком было захвачено 100 пленных, а конницей генерала Морозова был занят Гейдельберг. Весь день, таким образом, прошел в восстановлении прежнего положения на участке дивизии. Вчера дроздовцы отходили, а корниловцы и марковцы удержали свои позиции. Сегодня же получилось наоборот, и дроздовцы продвинулись вперед, а корниловцы отступили и оставили Нижний Куркулак, марковцы же отошли на Михайловку. В их районе красным удалось отрезать и захватить наш бронепоезд «Генерал Алексеев», участвовавший, после ремонта, первый раз в бою. Наши аэропланы, приняв конницу генерала Морозова за кавалерию красных, напали на нее. Пострадали командир одной бригады, командир полка и несколько всадников, будучи ранеными. На станции Федоровка выгрузились прибывшие из Севастополя Атаманский и Лейб-казачий полки. Для сокращения фронта, ввиду отступления марковцев, в три часа 7 августа дроздовцы оставили Фридрихсфельд и отошли к Андребургу, который к вечеру был занят красными.

* * *

Упорные бои в Таврии продолжались. Дроздовская дивизия базировалась на колонию Фридрихсфельд. На участке дроздовцев красные 10 августа повели наступление, но их остановили артиллерийским огнем. Тогда артиллерия красных повела усиленный огонь, обстреливая колонию Фридрихсфельд и позиции наших батарей. В 19 часов подошедшие два бронепоезда красных открыли также сильный огонь из тяжелых орудий. От разрывов и поднявшейся пыли было трудно что-либо видеть перед собой. Наши части понесли потери, и особенно много было их у артиллеристов — в людском и конском составе. В

тот день был убит и командир 5-й Дроздовской батареи, подполковник Мусин-Пушкин, вышедший в поход из Румынии. Артиллерийский огонь не прекращался всю ночь, и красные около трех часов, атаковав наши части силою до одного батальона, подошли к колонии Фридрихсфельд. Дроздовцы молча подпустили их к колонии и только тогда встретили огнем, заставив их залечь. До утра красные вели ружейный обстрел. От захваченных в тот день в плен красных стрелков были получены сведения о том, что на рассвете красные перейдут в наступление силами Сибирской добровольческой бригады на дроздовцев, а на марковцев будет наступать 4-я советская дивизия.

Ночью был получен приказ перейти в наступление Дроздовской дивизии совместно со 2-й Донской дивизией. Выполняя этот приказ, 1-й Дроздовский полк двинулся на колонию Гринталь, а остальные полки Дроздовской дивизии — на колонию Розенталь. Батальон красных, который залег ночью перед Фридрихсфельдом, был моментально обращен в бегство, но у колонии Розенталь красные оказали упорное сопротивление. 3-й полк, шедший впереди, не мог выбить их из окопов. Генерал Манштейн все время горячился. Он выезжал на тачанке вперед цепей, кричал «Вперед!», но ничего из этого не вышло. Генерал Харжевский успокаивал его и предлагал обождать с атакой, пока подтянется 2-й Дроздовский полк и подойдут батареи, но генерала Манштейн упорствовал. Интересно то, что артиллерия красных ушла, но их пехота продолжала стойко держаться в окопах, и только когда подошел и развернулся 2-й полк и батареи открыли огонь из десяти орудий по окопам, красные стрелки стали медленно отходить, часто останавливаясь и отстреливаясь от преследующих их дроздовцев. В колонии Розенталь попало в плен около 100 красных, которых почти всех по приказанию генерала Манштейна расстреляли. При взятии Розенталя был подбит наш броневик «Екатеринославец», попавший в вырытую красными на дороге яму. Из пяти человек команды один был убит, а трое ранено. Когда 1-й полк уже втянулся в колонию Андребург, красная конница, силою до 600 сабель, собралась его атаковать, но наткнулась на наш броневик «Кречет». Броневик стоял на месте, и красные, думая, что он подбит, бросились к нему. Из 100 всадников, которые атаковали броневик, его команда пулеметным огнем с места спешила свыше 40, а после этого броневик влетел в густые лавы красных, уже идущих в атаку на колонию Андребург, и смял их. Красная конница обратилась в бегство. Продолжая наступление в колонии Ново-Монталь, было захвачено 2 орудия, прислуга которых отстреливалась до последнего момента. Всех 14 захваченных артиллеристов на месте же расстреляли. Попало в плен довольно много коммунистов, которых постигла та же участь.

С большевиками стало теперь значительно труднее воевать. Их пехота стала более стойкой, а артиллерия работает хорошо и стреляет прилично, имея к тому же неограниченный запас снарядов. Все последнее время красные артиллеристы свое главное внимание обращали на нашу артиллерию и площадями обстреливали наши позиции. Достойного ответного огня наши батареи дать не могли, ввиду весьма малого дневного количества снарядов. Нашим батареям поэтому, экономя снаряды, приходилось вести огонь главным образом по наступающим цепям красных, а об обстреле артиллерии красных площадями не могло быть и речи. Наши батареи стали нести большие потери в людском и конском составе. Для примера возьмем Дроздовскую артиллерийскую бригаду, которая со времени выхода из Крыма в Северную Таврию имела около 500 человек убитыми и ранеными. Не лучше обстояло дело с конским составом, потери которого были настолько велики, что в 1-й батарее в строю работал только один взвод, в 4-й батарее — три орудия, в 6-й батарее — один взвод, а в 3-й батарее в запряжках уже давно ходили обывательские лошади. На пополнение казенными лошадьми, в ответ на запрос, был получен ответ, чтобы и не помышляли рассчитывать.

Около 10 часов 12 августа Дроздовская дивизия двинулась на Эривань, а Донская конница должна была, заходя правым плечом, занять Щербаковку и Янчекрак. Цель наступления — прижать красных к плавням. После небольшой перестрелки дроздовцы двинулись к буграм перед Эриванью. Бой вели 2-й и 3-й Дроздовские полки, а 1-й был в резерве. Все решалось исключительно артиллерией. Пехота ружейного огня и не открывала. Противником оказалась только конница красных. Около 14 часов обозначился обход красными слева по глубокой долине, которая начиналась между Эриванью и Карачекраком и выходила к колонии Андреебург. Туда был выдвинут 1-й Дроздовский полк, а цепи 2-го и 3-го полков вышли на бугры перед Эриванью. Наши батареи обстреливали красных, а пехота двинулась влево на Карачекрак, уже занятый 1-м полком. Марковцы также продвинулись и заняли Васильевку. К вечеру линия фронта была: Васильевка—Карачекрак—Эривань—Нижний Куркулак. Защищать эту линию очень трудно, так как все селения находились в ямах, местность пересечена местами глубокими долинами. Хотя Щербаковка и Янчекрак заняты не были, но прежнее положение было восстановлено. На этот раз прижать красных к плавням не удалось.

Последнее время стали постоянно появляться аэропланы красных. Семь их 12 августа налетели на расположение дроздовцев, сбросили много бомб, но, к счастью, почти не причинивших потерь. Единственно в 3-м полку было ранено несколько стрелков.

Утром 13 августа, когда 2-й батальон 2-го Дроздовского стрелкового полка со взводом 3-й батареи поднимался на бугор, чтобы занять позицию, подполковником Слесаревским²¹⁶, командиром взвода, выехавшим вперед, были замечены совсем близко от Карачакрака цепи и колонна красных, двигавшихся на колонию. Об этом было доложено командиру батальона, и он, не разузнав точно о направлении красных, с места скомандовал: «Батальон, в кукурузу!» Это весьма характерно для способа ведения гражданской войны. Пехотные цепи в большинстве случаев заботились о том, чтобы они были лучше укрыты, даже не считаясь с тем, какой у них будет обстрел. Красные же почти всегда рыли себе окопчики за гребнем — на противоположном к нам скате. Видел там стрелок перед собой не больше как на 100 шагов, но зато и его не видели — и это считалось достаточным.

На этот раз дроздовцы очень удачно и быстро заняли соответствующую позицию и покрыли красных ружейным и артиллерийским огнем. Красные отскочили, и остановились лишь на линии хутора Гладкого. В скором времени на дроздовцев налетело 10 аэропланов, по которым наша пехота открыла сильный ружейный огонь, и даже одно орудие бахнуло два раза по ним, но понятно, что от этой стрельбы не было результатов. Красные, сбросив некоторое количество бомб, вполне благополучно улетели.

В Карачекраке марковцы сменили 3-й Дроздовский полк, и он перешел в Андреебург. Теперь участок дивизии был: Эристовка—Андреебург—Гейдельберг. Согласно приказу начальника дивизии, генерала Туркула, части дивизии были собраны в кулак. В Эристовке и Гейдельберге были лишь конные разезды, а штаб и 1-й полк разместились в Гринтале, а 2-й и 3-й полки — в Андреебурге. Батареи — при полках.

Около 12 часов 14 августа красные, заняв Эристовку, подошли к Гринталю. 2-й и 3-й полки оставались некоторое время на месте и оборонялись, а 1-й Дроздовский полк повел в 15 часов наступление слева. Около 19 часов 2-й полк выдвинулся вперед, наступая и имея целью очистить от красных Эристовку. 3-й полк оставался в Андреебурге, так как к этому времени выяснилось, что красные заняли Гейдельберг. Сбив противника, 2-й полк уже подходил к Эристовке, когда было получено сообщение нашего летчика о том, что в лошине у Эристовки сосредотачивалась красная конница силой до 1500 сабель. Начинало темнеть. 1-й, а за ним и 2-й полки свернулись и пошли на старые квартиры. Не успели полки разместиться по квартирам, как со стороны Гейдельберга послышалась очень близкая ружейная стрельба. Минут через десять стреляли уже у самой окраины Андреебурга. По улицам

понеслись обозы, но с нашей стороны не было ответных выстрелов. Двинулась из Андребурга и 3-я батарея. Со стороны Гейдельберга начался артиллерийский обстрел Андребурга. Ружейная стрельба со стороны Гейдельберга, бывшая до того справа, почти стихла, но зато слева, у Гринталя, стреляли чуть ли не в упор. Когда батарея выехала на дорогу на Розенталь и повернула по ней, она очутилась в настоящей каше. Обозы неслись со всех сторон, и батарея попала сразу между четырьмя-пятью рядами повозок. Стреляли прямо под носом, и в сторону батареи раздавался неистовый крик. Пехота выбежала из колонны вразброд, не слушая криков командиров. Только после того, как броневик выпустил несколько очередей из пулемета, она остановилась, пришла в себя и ее удалось собрать. Страшный крик продолжался впереди по дороге к Розенталю. Продолжалась и стрельба по дороге между повозками, причем ясно можно было разобрать крики: «Куда?», «Стой!», «Вертай назад», «Ай, не руби!»... Тут же справа у дороги раздалось несколько орудийных выстрелов. Среди этого хаоса 3-я батарея двигалась дальше и, наконец, въехала в совершенно непонятную кашу. Снова крики: «Товарищи!..», потом свистки и стрельба. Кто-то стрелял, по-видимому из револьвера, прямо в лошадей орудий. Куда ехать дальше — стало совсем непонятно. Многие вначале предполагали, что эту панику устроили сами наши обозники и что в суматохе, темноте и пыли стреляли друг в друга, не разобравшись, в чем дело, но крики «Товарищи!» разубедили всех мгновенно, и было ясно, что на нас налетели красные. Кто-то крикнул: «Где наши пулеметы?» «Кавалерия!». Стрелять же в этой суматохе из пулеметов было совершенно невозможно, так как со всех сторон двигались в несколько рядов повозки. Батарея свернула влево, но и слева стреляли. Наконец, в полуверсте перед батареей раздался орудийный выстрел, и батарея двинулась в том направлении и вскоре подошла к орудию 5-й батареи, стоящему на позиции у дороги. Теперь с полной очевидностью было установлено, что на дивизию налетела конница красных. Она шла вслед за нами между колоннами 2-го и 1-го полков и вошла в Гринталь в тот момент, когда части стали размещаться по квартирам. Тогда и поднялся страшный кавардак. Красные налетели на штаб дивизии. Начальник дивизии удирал на автомобиле, который попал в яму и перевернулся. Автомобиль нашли красные и порубили шины, а также испортили мотор. Штаб дивизии и управление артиллерийской бригады выскочили из колонии на конях под пулеметным огнем. 1-я батарея, слыша выстрелы и летящие в ее сторону пули, встретила скакавших на них наших штабных, приняв их за красных, картечью. Несколько человек было ранено, и среди них — адъютант бригады,

подполковник Пинчуков²¹⁷, а начальник службы связи дивизии, капитан Семенов, убит.

Часть красных кавалеристов выскочила на дорогу у Андреевбурга в тот момент, когда 3-я батарея только сворачивала на нее, и налетела на обозы, начав их заворачивать (крики «Стой, заворачивай назад!» исходили от красных), рубить обозников и пехотинцев. Эти крики наши понимали как голоса своих и кричали «Стой!», в то время как другие в ответ кричали: «Куда стой?! Нас рубят!» Все это происходило в 20 шагах правее батареи на дороге, но из-за темноты, шума и пыли никто не мог знать и представить, что рядом разыгрывается подобная история. Тут же, недалеко от дороги, красные наскочили на 5-ю батарею, окружили ее и начали рубить прислугу. Одно орудие выскочило и удрало, а три остались на месте. Захватив орудия, красные посадили соскочивших было ездовых, а на один из передних уносов сел красный кавалерист, повернув орудия в обратную сторону, двинулся с ними в колонию. Разведчик 3-й батареи, младший фейерверкер Ермолов, случайно оказавшийся вблизи, зарубив сопровождавшего орудия 5-й батареи красного кавалериста, помог ездовым вывезти орудия на голос командира 3-го полка генерала Манштейна. За этот подвиг фейерверкер Ермолов был представлен к награде. Вообще же в начале этого налета люди просто не имели представления о том, что вокруг них происходит. Такое положение продолжалось не долго. Как только частям удалось выбраться из улиц колонии на простор, пехота была приведена в порядок и красная конница, встретив организованное сопротивление, принуждена была ускакать. Обе колонии были снова заняты дроздовцами. В результате этого налета в дивизии было зарублено 4 и ранено 96 человек, главным образом холодным оружием, причем больший процент пострадавших приходился на чинов хозяйственных частей и обоза 1-го разряда.

А вся эта ночная история получилась потому, что не было настоящего охранения и красные ворвались в колонии без выстрела. Слишком много было самоуверенности. Еще продолжали по-прежнему считать красных бандой, в то время когда они уже представляли хорошо организованное войско. Если одним полком и удавалось бить 4—5 полков красных, то из этого не следовало бы заключать, что с красными можно совсем не считаться.

15 августа 2-й Дроздовский полк занял старые позиции, а 3-й пошел в Эристовку на помощь марковцам. Донцы вновь наступали и занимали Гохгейм. В Гейдельберге довольно скоро появились красные, но вели себя пассивно. Около 17 часов 2-й Дроздовский полк выдвинулся вперед с целью обеспечить правый фланг 3-го полка, заняв гре-

вень перед Эрстовкой. В течение дня на участке Дроздовской дивизии ничего особенного не произошло. Около 20 часов 2-му полку было приказано отойти в Андреебург. В час ночи полк начал отход на Фридрихсфельд, так как стало известно, что красные прорвались и заняли Бурчак, Белозерку и Орлянк, заставив отступить марковцев. Не успел 2-й полк отойти три версты от Андреебурга, как на левой окраине Гринталя поднялась стрельба. Повಾದились теперь красные ходить и бродить по ночам. В это время в Гринтале было еще прикрытие от 1-го Дроздовского полка, которое встретило красных пулеметными очередями. Стрельба вскоре прекратилась, и вновь наступила тишина. Днем 19 августа 1-й и 3-й Дроздовские полки ушли из Фридрихсфельда, чтобы занять фронт по линии Михайловка—Пришиб. 2-й полк оставался в Фридрихсфельде. День прошел спокойно.

На Каховском направлении красная конница стала спешно отходить в сторону Каховки. На Северном участке в это время, 17 августа, красными был занят Розенталь, и ночью они вошли в Ново-Монталь. Донцы выбили красных из Белозерки, а марковцами был занят Орлянк. Группой в районе Михайловки командовал генерал Туркул. Там был и 1-й Дроздовский полк. Когда перед расположением 1-го Дроздовского полка появились первые цепи красных, генерал Туркул приказал одному батальону 1-го полка выдвинуться левее вперед, к кирпичному заводу, и когда красные подойдут ближе, атаковать их во фланг и тыл. Остальные батальоны и танковый отряд заняли боевую позицию на северной окраине села Михайловка. Красные наступали против 3-го батальона 1-го Дроздовского полка, которым командовал полковник Бикс. Они подошли местами на триста шагов к двум гаубицам 7-й Дроздовской батареи, снаряды которой рвались в самой их гуще. Перед Михайловкой версты на три раскинулась целина, ровная и гладкая, как паркет. Цепи красных шли быстро и стройно. Их легкий шаг всем показался давно знакомым. Дроздовцы молча ожидали их приближение и только на близкой дистанции открыли сильный огонь. Тогда цепи заметались. Многих снесло, а остальные залегли. Среди цепей, верхом на хорошем коне, выблескивавшем буланой шерстью, скакал всадник. Он вырвался вперед и поднял залегших, которые побежали за ним с криком «Ура!». Разрывом гаубичного снаряда его сбilo с коня. В это самое время с фланга и тыла, от кирпичного завода, стремительно бросился в атаку на красных батальон дроздовцев, а в лоб красных ударили танки и остальные батальоны 1-го Дроздовского полка. Красных разметали.

После боя выяснилось, что на дроздовцев в этот день наступали курсанты, остатки бригады, разбитой 1-м полком под Ореховом, и

2 полка 7-й бригады 3-й советской стрелковой дивизии. Этот бой был последней «лебединой песней» курсантов. Всадник, сбитый разрывом снаряда, оказался командиром бригады курсантов — бывшим гвардейским офицером. Разведчик 7-й гаубичной батареи нашел его визитную карточку: «Отставной штабс-капитан Около-Кулак». В его полевой сумке нашли приказ, согласно которому на нашем участке красные не смели сильно нажимать до тех пор, пока Каховская советская группа войск полностью не отрезет пути отступления частям Русской Армии в Крым, и только после этого красные должны были стремительно нас атаковать, чтобы полностью уничтожить. Красные понесли весьма большие потери, и очень многие из уцелевших попали в плен. Особенно не повезло курсантам. Их не только разбили, но и многих захватили в плен, а участь их в плену довольно печальная — расстрел.

18 августа на участке 2-го Дроздовского полка весь день было спокойно. Слева даже не было слышно нигде выстрела. Около 18 часов 3-й батарее было приказано занять позицию и огнем поддержать наступление донцов на Ново-Монталь.

День 19 августа на участке дроздовцев, в районе Фридрихсфельда, прошел спокойно. Красные не наступали, но 1-й полк на своем участке коротким ударом немного потрепал красных, взяв 300 пленных и захватив 6 пулеметов. Ночью в районе Ново-Монталя, Куркулака и Старо-Монталя шел приличный бой, и красные выбили донцов из Ново-Монталя и Куркулака. На Каховском направлении группа генерала Скоблина перерезала дорогу на Любимовку. Красные бросились к переправам. 20 и 21 августа на участке Дроздовской дивизии было спокойно. Над расположением дивизии пролетал в эти дни советский аэроплан «Илья Муромец», сбросивший в районе станции Пришиб много бомб. Каждый раз по «Илье Муромцу» открывался сильный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь. Стреляло поставленное на противоаэропланную установку орудие 4-й батареи. Этот обстрел был безрезультатен. Донцы же на своем участке сбили ружейным огнем аэроплан красных, который снизился в 10—15 верстах от Федоровки, но летчику и наблюдателю удалось скрыться. На Каховском направлении большевики пробивались к переправам. 21 августа там шел упорный бой с отходящими красными. Части 2-го корпуса и наша конница подошли к Каховке на 12 верст, а корниловцы были в 2—3 верстах от Любимовки. Район переправ был забит бесчисленными обзовами отступавших красных, которые все время подвергались бомбардировке нашими аэропланами.

В состав Дроздовской дивизии вернулся 21 августа 2-й Дроздовский конный полк, но в пешем строю, прибывший из Польши и быв-

ший некоторое время при Марковской дивизии, имея в строю 600 штыков. Чины этого полка сильно ругали поляков, которые очень плохо к ним относились во время их пребывания в Польше, куда они попали при отступлении Добровольческой армии. В тот же день в состав дивизии прибыла 42-линейная пушка и была придана 1-му полку для борьбы с бронепоездами красных.

Дни 22 и 23 августа прошли на участке Дроздовской дивизии спокойно. На Каховском участке фронта, после неудачной попытки овладеть переправами, наши части отошли немного назад и перешли к активной обороне. Наши части, после упорного боя, заняли Корсунский монастырь и продвигались на Алешки и Голую Пристань. Красные сильно укрепили предместный плацдарм, а на противоположном берегу Днепра сосредоточили в большом количестве тяжелую артиллерию и тем самым создали постоянную угрозу всему фронту Русской Армии в Северной Таврии. Закончилась эвакуация наших десантных войск с Кубани. После возвращения десантных войск с Кубани 2-й Конно-артиллерийский дивизион был придан 1-й Кубанской казачьей дивизии генерала Бабиева, в составе 1-й и 5-й конных батарей, а 3-й Конно-артиллерийский дивизион, в составе Конно-горной и 7-й конных батарей, под командой полковника Колзакова²¹⁸, вошел в состав Конного корпуса генерала Барбовича.

24 и 25 августа ради разведки, в пешем строю, ходил в экспедицию в Розенталь 2-й Дроздовский конный полк. Донцы, чтобы предупредить наступление красных, сами перешли 24 августа в короткое наступление в районе Скелетоватая—Очеретоватая и захватили в плен бригаду 46-й советской дивизии (371-й, 372-й и 373-й пехотные полки) со всеми штабами, обозами, канцеляриями и пулеметами. Командир советской бригады, оказавший сопротивление, был убит.

26 августа Дроздовская дивизия и донцы провели короткое наступление. 1-й Дроздовский полк побывал в Андребурге, 2-й Дроздовский стрелковый полк побывал в Розентале и Ново-Монтале, а 3-й Дроздовский полк произвел демонстрацию впереди Пришиба. В этом наступлении было захвачено около 100 пленных, и к вечеру все части вернулись назад, потеряв 15 человек ранеными, в их числе был командир 1-го артиллерийского дивизиона Дроздовской бригады, полковник Протасевич. Особенно упорно сопротивлялись пулеметные тачанки красных, оставаясь на позиции и после отхода пехотных цепей. Колонию Ново-Монталь занимали части 46-й советской пехотной дивизии, сменившие 25 августа западносибирских стрелков, отведенных в тыл на переформирование ввиду их неустойчивости. Жители всех колоний, где побывали в этот день дроздовцы, жалова-

лись на красных, и всех своих молодых женщин и девушек отправили в наш тыл, боясь насильования их красными. Донцы в этот день побывали в Куркулаке и Сладкой Балке, подходили к Блюменталу, но к вечеру также вернулись в исходное положение, захватив около 700 пленных, 6 орудий, 2 зарядных ящика и пулеметы. На Каховском участке фронта в течение дня — артиллерийская и ружейная перестрелка.

Сформированный в районе Симферополя партизанский отряд атамана Володина (из повстанческой организации имени батьки Махно), отправленный в тыл красных, переправившись через Днепр, захватил город Никополь, взяв там пленных и приличную военную добычу, и в том числе бронепоезд красных. Теперь партизаны типа Махно работают на нашей стороне, получая от командования денежную помощь, оружие и остальное снаряжение.

На участке всего 1-го армейского корпуса до 1 сентября ничего не произошло. Было замечено, что красные около занятых колоний усиленно рыли окопы и ставили проволочные заграждения. Налетевшие на красных разведчики Дроздовской дивизии захватили несколько подвод с проволокой и кольями. Наступившая тишина на участке Дроздовской дивизии позволила оттянуть в резерв, в колонию Карлсруэ, 3-ю Дроздовскую батарею, где она и отпраздновала свой батарейный праздник. Донская конница лихим налетом захватила город Ногайск и в нем — пленных, пулемет и 20 тачанок. На Каховском направлении наши части отошли в район Дмитриевки и стали там рыть окопы. В Розенталь и в Ново-Монталь, которые никем не были заняты, ходила разведка от Дроздовской дивизии.

*В. Витковский*²¹⁹

ДЕСАНТ В ХОРЛАХ²²⁰

Порт Хорлы расположен на берегу Черного моря, в верстах 40 к западу от Перекопа.

После тяжелой Новороссийской эвакуации (13—14 марта 1920 года) части Вооруженных сил Юга России прибыли в Крым. В частности, Дроздовская стрелковая дивизия, входившая в состав 1-го армейского корпуса, прибыла в Севастополь 17 марта, где и была расположена. 22 марта состоялся приказ генерала Деникина о назначении им вместо себя Главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России — генерала барона П.Н. Врангеля.

14 марта я представлялся новому Главнокомандующему на крейсере «Генерал Корнилов». 15 марта на Нахимовской площади были построены войска, отслужен торжественный молебен и затем состоялся парад. После окропления войск святой водой, генерал Врангель обратился к войскам. Он обрисовал в кратких словах наше тяжелое положение, что он встал во главе армии, веря, что Господь не допустит гибели правого дела, и что, зная безмерную доблесть войск, он непоколебимо верит, что они помогут ему выполнить долг перед Родиной. Войска проходили затем церемониальным маршем. Я командовал парадом.

С первого дня своего вступления в командование Вооруженными силами Юга России генерал Врангель наметил операцию по овладению выходами из Крыма. В этой операции для западного десанта предназначена была вверенная мне Дроздовская стрелковая дивизия.

29 марта, в первый день Святой Пасхи, вечером, я был вызван в штаб Главнокомандующего для получения боевой задачи. Дроздовская дивизия должна была погрузиться на суда, двинуться к порту Хорлы, где произвести высадку и затем, наступая в северо-восточном направлении, — отвлечь на себя силы противника, наседавшие на Перекоп. Части Крымского корпуса, занимавшие Перекоп, должны были своевременно перейти в наступление.

30 марта днем началась погрузка в Севастополе. Штаб дивизии и 2-й Дроздовский стрелковый полк (его большая часть) — «Цесаревич Георгий». 1-й Дроздовский стрелковый полк — «Веста» и «412». Часть 2-го Дроздовского стрелкового полка — «Павел» и Дроздовская артиллерийская бригада (без 4-го гаубичного дивизиона) — «Россия».

В Севастополе оставались: 3-й Дроздовский стрелковый полк, 4-й гаубичный дивизион и тыловые части дивизии. Инженерная рота еще 26 марта была отправлена в Джанкой.

Следует указать, что после Новороссийской эвакуации дивизия не имела ни орудий, ни лошадей. Для предстоящей десантной операции было получено в Севастополе: 4 легких орудия с полной упряжкой, 18 верховых лошадей, радиостанция, 2 автомобиля «форд» и 2 мотоциклета. Один из автомобилей служил подвижной базой с горючим. Краткий отдых, после всего перенесенного, позволил людям отдохнуть физически и окрепнуть духом.

Поздно вечером 30 марта погрузка была закончена. 31-го рано утром эскадра, во главе с «Цесаревичем Георгием», направилась к порту Хорлы. К вечеру эскадра прибыла на внешний рейд, верстах в 8 от Хорлов. 1 апреля, с рассветом, на разведку был выслан тральщик «Скиф». Подойдя к Хорлам, «Скиф» был обстрелян артиллерийским

и пулеметным огнем, что явилось неожиданностью, ибо предполагалось, что порт Хорлы противником не занят.

Тем временем вся эскадра вошла во внутренний рейд. Из Хорлов начался обстрел наших судов. Как оказалось, Хорлы занимались двумя полками, с большим количеством пулеметов и 4 орудиями, хорошо пристрелянными по единственному ведущему в порт «каналу» — фарватеру, с версту длиною. Наша судовая артиллерия открыла огонь, пытаясь нащупать батарею красных, но заставить замолчать ее не удалось, и обстрел продолжался.

При создавшемся положении произвести высадку войск не представлялось возможным. Вывести суда из-под артиллерийского огня тоже было трудно, так как внутренний рейд был окружен мелководьем, а выход на внешний рейд, то есть в открытое море, пролегал сравнительно близко от порта Хорлы. Оставаясь на внутреннем рейде, наши суда отошли к южной его части, наиболее отдаленной от Хорлов. Артиллерийская перестрелка продолжалась до сумерек. С наступлением темноты эскадра вышла на внешний рейд.

Создалось серьезное положение. Хорлы заняты сильным противником, наше присутствие обнаружено. В порт войти возможно, как указано выше, только по «каналу» — фарватеру, обозначенному буйками. Было послано донесение Главнокомандующему, на которое последовало подтверждение необходимости выполнить операцию. До поздней ночи я со своим штабом, командирами частей и морским начальством выяснял обстановку и все возможности для успешного выполнения боевой задачи.

Были обследованы возможности высадки на побережье, возле Хорлов, но оказалось, что суда из-за мелководья не могут приблизиться к берегу, катеров и лодок было недостаточно, да и пересадка на них, а затем движение к берегу, частью по воде, в неизвестных условиях, на виду у противника — не могли иметь успеха.

Взвесив все данные, я принял решение и приказал начать операцию 2 апреля, перед рассветом. Один батальон 1-го Дроздовского полка должен был на тральщике «Скиф» первым пройти по «каналу» в порт Хорлы, где и высадиться. Затем должны были двигаться туда же суда с другими частями.

Только при соблюдении всех предусмотренных предосторожностей можно было рассчитывать на внезапное появление наше в самом порту. Предыдущий день с полной очевидностью показал, какую исключительно трудную и ответственную задачу предстояло решить.

Было еще темно, когда вся эскадра вновь перешла во внутренний рейд и при полнейшей тишине, без всяких огней, произведена была

перегрузка соответствующих частей на тральщики. Предрассветный сильный туман в значительной мере помог нам.

В назначенное время «Скиф» с 1-м батальоном 1-го Дроздовского полка, под командой полковника Петерса, двинулся на Хорлы. В напряженной тишине последующие эшелоны ожидали своей очереди начать движение по «каналу» — фарватеру к Хорлам. Наконец в направлении Хорлов послышалось «Ура!», и намеченное движение судов началось.

Появление «Скифа» в самом порту у пристани явилось полной неожиданностью для противника. Закипел горячий бой, и к рассвету высадившийся батальон выбил красных из порта и занял ближайшие строения. Наши суда подходили. Части быстро разгружались и двигались вперед.

Наступившее утро встретило нас в приподнятом настроении. С помощью Божией и благодаря доблести дроздовцев и моряков первая часть боевой задачи была выполнена.

Порт и поселок Хорлы был расположен на южной оконечности узкого и длинного полуострова. Выдвинув передовые части на север, к перешейку, где начинался полуостров, части дивизии продолжали разгрузку. День прошел спокойно. К вечеру в порту оставалась только «Россия», на которую было приказано погрузить имущество, не могущее быть поднято людьми и лошадьми. Все остальные суда выходили из порта по мере разгрузки. На утро 3 апреля я назначил общее наступление.

Около 1 часа ночи красные внезапно атаковали наше охранение, смяли его и продолжали двигаться на юг, к порту Хорлы. Эта неожиданная ночная атака красных создала грозное положение, малейшая неустойка грозила гибелью. Без промедления мы перешли в контратаку, причем двинулись вперед с оркестром музыки, под марш. Красные не выдержали и откатились назад. Положение было восстановлено, но отдых перед назначенным утренним наступлением был нарушен. Раненые были погружены на «Россию», которая утром вышла в море, на присоединение к эскадре.

В 9 часов утра началось наше наступление на деревню Адамань (к северо-востоку от Хорлов). 2-му Дроздовскому полку было приказано отбросить противника на север, пропустить 1-й Дроздовский полк, после чего следовать в арьергарде. Задача эта была успешно выполнена 2-м полком, и колонна двигалась в направлении деревни Адамань.

Как было указано раньше, дивизия получила только 18 верховых лошадей, которых я передал разведчикам 1-го дивизиона Дроздовской артиллерийской бригады, дабы иметь хотя бы небольшой разведывательный орган. Я был на небольшом «форде» со своим адъютантом

капитаном Кречетовым²²¹ (пулеметчиком) с пулеметом «льюис». Все остальные начальствующие лица были пешими.

При приближении колонны к деревне Адамань, будучи в голове колонны, вместе с конной разведкой мы обнаружили колонну красной конницы с 4 орудиями, двигавшуюся восточнее деревни Адамань, в северном направлении. Я немедленно вызвал нашу батарею и вместе с конной разведкой атаковал во фланг мчавшихся красных. Нами были взяты эти 4 орудия, с частью прислуги, 10 пулеметов и до 25 конных пленных. Трофеи оказались для нас чрезвычайно ценными.

Наша колонна победоносно втягивалась в деревню Адамань. Часа в 4 дня было обнаружено появление красной конницы, сперва с северо-востока и с севера, а вскоре и с запада. Количество красных все возрастало, при наличии большого количества тачанок с пулеметами. Я отдал приказание — не открывать огня до особого распоряжения, с тем чтобы подпустить красных возможно ближе. Были выделены части с пулеметами, занявшие подходящие позиции на окраине деревни, стала на позицию и артиллерия. Противник продолжал приближаться, окружая нас с трех сторон. С четвертой стороны было море.

У нас наступила мертвая тишина, которая не могла не оказывать известное влияние на состояние противника. Тем не менее красные приближались и, когда наконец лава была уже совсем близко, был открыт сильнейший огонь — ружейными залпами, пулеметный и артиллерийский. Эффект получился замечательный, противник не выдержал и бросился назад, понеся значительные потери.

Прошло некоторое время, по деревне Адамань красные открыли сильный артиллерийский огонь. Можно было предполагать, что у противника появилось 12 орудий. Появилась вновь и красная конница, видимо желая возобновить атаку. Артиллерийский обстрел противник продолжал до сумерек, выпустив до тысячи снарядов, но атаки не последовало. К ночи было выставлено охранение от 2-го Дроздовского полка.

Минувший день показал, что противник сосредоточивает против нас значительные силы, по всей вероятности оттянув часть таковых из Перекопского района. Отсутствие тыла, достаточного транспорта, необеспеченность продовольствием и боевыми припасами, а также наличие раненых указывали на необходимость без промедления двинуться на соединение со своими, то есть к Перекопу, пробивая себе путь через красное окружение.

На 4 апреля я приказал дивизии выступить в 3 часа утра в направлении на деревню Преображенку. В голове колонны 2-й Дроздовский

полк, снятый с охранения, затем штаб дивизии, раненные, артиллерия и в арьергарде 1-й полк.

Было еще темно, когда колонна двинулась в северо-восточном направлении. При подходе головы колонны к Скотному Двору, что в верстах 6 от деревни Адамань, красные, занимавшие этот Двор, открыли огонь. После некоторой перестрелки наши передовые части атаковали красных при громовом «Ура!» всей колонны. Выбив красных, мы продолжали безостановочное движение вперед.

Часов в 6 утра появилась красная конница на нашем пути, в северо-восточном направлении, а позднее была замечена конница с запада и юго-запада, то есть с фланга и тыла. Вскоре затем красные открыли по нас сильный огонь, пулеметный и артиллерийский, последний не менее как из 30 орудий. Колонна продолжала движение. Пулеметы и артиллерия повзводно двигались перекатами, останавливаясь по пути временно на позиции для отражения противника.

Количество раненых росло. Тяжелораненых несли на руках. Подомно было ранено две лошади. Я пересел на «форд», но вскоре автомобиль был подбит, шофер ранен, я же остался невредим. Перекоп был уже виден, но боя там заметно не было. Продолжая движение пешком, для воодушевления дроздовцев, я поднялся на небольшой курган, вместе со своим ординарцем корнетом Уманцевым, державшим в руке дивизионный флаг на пике. Огонь противника продолжался с той же интенсивностью.

Части Крымского корпуса, занимавшие Перекоп, в силу неизвестных обстоятельств оставались пассивными. Только когда наши передовые части приблизились к Перекопу, оттуда появились разъезды дивизиона 9-й Кавалерийской дивизии. Оказалось, что войска на Перекопе ничего не знали о нашей десантной операции и недоумевали, что за артиллерийская канонада в течение четырех дней в тылу у противника.

Днем Дроздовская дивизия полностью пробилась из окружения на Перекоп, где с восторгом была встречена нашими войсками. Потери наши — 575 убитых и раненых. В числе раненых находился командир 2-го Дроздовского стрелкового полка полковник Харжевский.

Описанная вкратце десантная операция поистине была чрезвычайно трудная и рискованная. Высадка на занятой противником территории, прорыв его расположения с нанесением ему значительных потерь и соединение со своими войсками. Неизменно двигаясь вперед, при наличии сильного противника, не разворачивая боевого порядка полностью, несмотря на утомление, голод, сильный обстрел и потери, мы успешно выполнили поставленную нам задачу. Начавше-

еся решительное наступление красных на Перекоп было парализовано.

Хорловская десантная операция может служить ярким примером высокого духа, храбрости, выносливости и жертвенности в борьбе за нашу Родину — Великую Россию.

Л. Булгаков²²²

ХОРЛЫ²²³

Я не пишу о десанте в Хорлы Дроздовской бригады, о нем читайте в книге «Дроздовцы в огне», но я сообщу только об участии в нем 4-й Дроздовской батареи, о Белых Мальчиках и о смехотворном случае со мной на пристани в Хорлах, виновником которого был трофейный верблюд...

После высадки и взятия дроздовцами малого полуостровка с поселком Хорлы нам предстоял ночной бой на перешейке за выход в тыл Красной армии, осаждающей Крым — последний уголок свободной России от красного интернационала.

Вечером наша батарея получила приказ выйти на перешеек и приготовиться к ночному бою. Батарея была только с одним пулеметом, а орудия мы спустили в горах под Новороссийском и отправились грузиться на пароход «Екатеринодар».

Придя на перешеек, нам выдали белые повязки на фуражки и рукава, чтобы в ночном бою отличать своих от врага. Батарейцы перед боем решили отдыхать под шум морской волны. Только Белые Мальчики подняли вопрос о штыках. Предположим, говорили они, если пехота пойдет в штыки, что же нам делать? И они нашли, без начальства, разрешение сложного вопроса о штыках: они пойдут за пехотой брать врага в приклады. Видя штыковое замешательство начальства, они успокоились и улеглись вздремнуть перед боем. Их разбудила стрельба на перешейке и Егерский марш, известный всем дроздовцам в тяжелую минуту боя. К утру красные были изгнаны за перешеек, и бригада пошла с непрерывным боем, окруженная с трех сторон врагом (с четвертой было море), пробиваться к Перекопу.

Наша батарея получила приказ остаться на перешейке, занять готовый окоп (от моря до моря) с бруствером в сторону Хорлов, напоминающий нам артиллерийскую шутку — «Пять, пять по своим опять», и охранять подступ к Хорлам, где шла погрузка раненых и трофеев, что на катере перевозились на пароходы, стоящие в откры-

том море и ожидающие сообщения о прибытии десантной бригады на Перекоп; к приказу добавлялось, что охраняющей Хорлы батарее сниматься с позиции по приказу капитана вспомогательного крейсера «Цесаревич Георгий». Заняв окоп, Белые Мальчики быстро установили телефонную связь с катером на пристани и стали ожидать появления врага.

Части Красной армии, как видно, увлеклись преследованием бригады и нас оставили в покое; появлялись малые группы противника у перешейка, которых мы меткой стрельбой прогоняли. Нашей малой группой, в количестве 30—35 батарейцев, командовал не командир батареи, а командир 2-го Дроздовского артиллерийского дивизиона полковник Шеин²²⁴.

Около пяти часов вечера батарея получила приказ от капитана оставить позицию и идти на пристань грузиться в ожидающий нас катер. С песней и музыкой под гармошку вольноопределяющегося Кафарены мы отправились на пристань, где застали двух наших разведчиков за погрузкой трофейных верблюдов. Один из них уже был на палубе катера, но второй, стоя на деревянном помосте между катером и пристанью, упорно не хотел расставаться с Хорлами, наблюдая по бокам морскую пучину.

Необходимо вспомнить наказ матери, провожающей меня на ратное дело. Вот ее наказ: «Будь на службе исполнительным, но на нее никогда не напрашивайся, и Господь Бог тебя сохранит на многие лета». Я забыл материнский наказ и бросился помогать разведчикам тянуть непослушного верблюда и нарвался на отвратительную неприятность, опозорившую меня перед всеми батарейцами и моряками. Я до сих пор помню ее: разведчик, видя упрямство верблюда и его боязнь воды, решил его голову покрыть мешком, а тот, отворачиваясь от мешка, окатил избыточным плевком мою голову, лицо и грудь и спокойно пошел на палубу под громкий смех присутствующих. Я не знал, что мне делать с этой тощей скотиной: то ли взять его в приклад, то ли ответить плевком, а батарейцы, проходя на катер, издевались надо мною. Подошел и командир батареи и, смеясь, приказал потребовать у оскорбителя сатисфакции. Один из сердобольных телефонистов подал мне тот самый мешок, что предназначался для покрытия головы верблюда, вытереть его плевком, так как платок был бесполезен для такого дела.

Как хорошо предо мною стоит сейчас катер, верблюд-оскорбитель, слышится мне громкий смех батарейцев и моряков и шуточный приказ командира требовать у верблюда сатисфакции.

После десанта в Хорлы наша батарея стояла в татарской деревушке возле станции Курман-Кемельчи, где я с верблюдом помирился, он

был послушной и милой скотиной, а в Северной Таврии мы стали боевыми друзьями: он привозил, часто под обстрелом батарей, нам кухню на позицию, и всегда под злые крики кавалеристов и ездоков, потому что их лошади, видя «красавца» верблюда, очень тревожились и валили ездоков своих из седел.

А. Туркул²²⁵

ДРОЗДОВЦЫ В ОГНЕ²²⁶

Утро. Уже маячит крымский берег. Колхида. Зеленое море и медная рябь наших загорелых лиц на корабле. В безветренный день мы подошли к белой Феодосии, полк начал стружаться. На пристани все, что было в полку, — бойцы, командиры, батюшка, раненые, сестры милосердия, кашевары, офицерские жены, — прямо сказать, понеслось со всех ног по уборным. Любопытно, что в очереди с терпением стояла, уныло свесив одно ухо, и моя Пальма, тигровый бульдог, — все стоят, и она.

Здесь же на пристани, среди серых мешков и шинелей, пулеметов и винтовок, составленных в козлы, полк poleg вповалку на отдых, расправить, наконец, руки, вытянуть ноги.

К вечеру подошел обширный транспорт «Кронштадт». 1-й и 2-й полки, уже отдохнув и здорово пообедав, стали грузиться снова. Места на транспорте было довольно всем, для нас нашлись и каюты. Полки взяли «на караул», оркестры торжественно заиграли похоронные марши; мы перенесли на «Кронштадт» гробы Дроздовского и Туцевича.

В легком весеннем сумраке, когда была разлита в воздухе мягкая синева, «Кронштадт» бесшумно пошел на Севастополь. На палубе огни папирос, отдыхающий говор и пение, всюду пение.

В Севастополь мы пришли к вечеру. Квартирьеры мне доложили:

— Господин полковник, офицерства по городу шляется до пропасти...

Я выгрузил офицерскую роту и приказал занять все входы и выходы Морского сада, где было особенно много гуляющих. В тот вечер мы учинили в Севастополе внезапную и поголовную мобилизацию всех беспризорных господ офицеров. А на другой день несколько офицеров так же заняли все входы и выходы редакции одного местного радикального листка. Они вежливо предложили господину редактору назвать имя того сотрудника, который изо дня в день, при полном попустительстве генерала Слащева, травил в листке «цветные войска», как называли старейшие добровольческие части за их цветные формы.

Поздно вечером меня вызвал комендант города:

— Возмутительный случай. Ваши офицеры перепороли всю редакцию.

— Не допускаю и мысли, чтобы мои. Заметил их форму?

— Разумеется.

— Какие погоны?

— Как — какие? Общеармейские, золотые.

— При чем же тогда тут мои? У дроздовцев малиновые.

Так никто и не узнал, какие офицеры расправились с редакцией радикального листка, сотрудники которого перекинулись позже к большевикам.

В Севастополе я должен был расстрелять двух дроздовцев. За грабеж. Два бойца шестой роты, хорошие солдаты, сперли у одной дамы, надо думать на выпивку, золотые часики с цепочкой и медальон, необыкновенно дорогой ей по воспоминаниям. Они едва успели выпрыгнуть в окно, и дама твердо заявила, что узнает их в лицо. Кража случилась в районе, где квартировала шестая рота. Тогда я выстроил всю роту в ружье у штаба полка. Дама, насколько помню, она была вдовой морского офицера, изящная, седая, в трауре, пошла вдоль фронта, заглядывая в лица солдат.

— Вот этот, — сказала она, — и этот.

Оба по команде вышли из рядов. Они были бледны как смерть.

— Виноват, мой грех, — сказал один из них глухо и потупился.

Военно-полевой суд приговорил обоих к расстрелу. Я помню, как рыдала седая дама, как рвала в клочья свою черную вуаль, умоляя пощадить «солдатиков». Поздно. Военный суд есть суд, а солдатский долг выше самой смерти. Бойцов расстреляли.

В самое Благовещение, 25 марта, на Нахимовской площади был блестящий парад. Командовал парадом генерал Витковский. Генерал Врангель принимал парад нас и корниловцев. Привели свои славные полки Харжевский, Манштейн и я. Однорукий Манштейн догнал на миноносце части 3-го полка, шедшие в Туапсе на транспорте «Николай», успел подобрать тех, кто шел по берегу, и вернулся в Севастополь. Ловко и молодо шли наши лихие стрелки, южное солнце ярко освещало колыхающиеся малиновые фуражки, блистало на медных трубах оркестров, на штыках.

А в ветреную ночь после парада мы тайно погребли Дроздовского и Туцевича. Только пять ближайших соратников опускали их гробы в глубокую сухую могилу. Тогда мы не думали задерживаться в Крыму и опасались, что красные надругаются над усопшими. Их похоронили втайне, опустив их гробы на веревках в могилы при тусклом свете фонаря.

Только эти пять человек во всей Белой армии знают место упокоения двух наших вождей. План их могил хранится в надежных руках. (Попытка разыскать эту могилу во время Второй мировой войны окончилась неудачей, так как кладбище оказалось совершенно разбитым во время обороны Севастополя в 1941 году.)

Так окончился Новороссийск, и начался Крым.

Хорлы

В Севастополе нас снова погрузили на пароходы. В поход. Цель похода хранилась в тайне. Мы всем говорили, что надоело есть крымскую рыбешку, камсу, что отправляемся за продовольствием.

Пароходы тронулись. В открытом море я созвал командный состав моего полка и сказал, что мы идем в боевой десант; высадка назначена на узком перешейке, в тылу красных, в Хорлах. Оттуда, по тылам, мы должны прорваться к Перекопу, на который насаждают красные, и нашим прорывом разгромить их военный план. Хорлы были выбраны местом высадки потому, что, по донесениям разведки, красных там не было.

Десантом командовал генерал Витковский, Харжевский — Вторым, я — Первым полком. «Святой Георгий», транспорты, катера — вся наша флотилия плыла довольно беспечно. Апрельский день, четвертый день Пасхи. Как неприятно мы были удивлены, когда красные из Хорлов встретили нас жаркой пушечной стрельбой. Вот так разведка! После Хорлов у нас уже не было настоящей веры в ее донесения.

Светлый день, море блещет; нас громят пушечным и пулеметным огнем, как учебную мишень. Пехота, стиснутая на кораблях, поневоле бездействующая, чувствует себя под обстрелом до крайности кисло. Мы поболтались у берега, повернули налево кругом и постыдно дали ход в открытое море. Что же дальше? Не в Севастополь же возвращаться с позором.

Наша армада покачивалась на воде, корабли сгрудились, как бы совещаясь друг с другом. Совещались и командиры. Так мы покачивались до самой темноты, а ночью генерал Витковский, наш маленький генерал с упорными прозрачными глазами, приказал нам снова двинуться в Хорлы. Высадку он поручил начать мне.

Первый батальон полковника Петерса в шестьсот бойцов, пулеметная команда и штаб полка перегрузились по шатучим мосткам на морской катер «Скиф». В потемках, с погашенными огнями и заглушенной машиной, «Скиф» тронулся к берегу. Мы стояли на катере

вплотную, прижавшись локтями, штык к штыку. Я курил в рукав последнюю папиросу перед боем.

Шумит у берега темная вода. Ночной ветер, просторный, проносится порывами. Бесшумно идет «Скиф», ошестиненный штыками, точно колющее морское чудовище. Хорлы, узкий песчаный полуостров, окруженный мелью. Фальц-Фейн для экспортной цели прорыл там канал, с версту длиной, прямой, как стрела. Канал смутно светится перед нами. Последняя папироса погасла; последний стук оружия смолк. Все затаили дыхание. Мы без звука вошли в канал, как громадное темное привидение.

Три часа ночи. В предрассветном дыму видны на берегу тени построек. Все пусто и немо. Может быть, красные ночью ушли? Я приказал дать полный ход. Застучала машина, шумит вода, точно все очнулось. «Скиф» идет на всех парах. На полном ходу он ударился носом о сваи, накренья, привалился бортом к пристани. От толчка все попадали друг на друга. С берега вдруг такнул, застрочил пулемет, другой. Заскрежетали. Над палубой со звоном пронеслась очередь. Красные точно заманили нас молчанием; теперь расстреливают в упор.

На капитанском мостике пулеметной очередью мгновенно снесло капитана. Мы привалились к берегу под огнем, податься некуда — в западне. Стоны раненых, стук оружия, гул. На мостике рядом со мной стоит капитан Мищенко с ручным пулеметом Льюиса.

— Мищенко, видите? — кричу я.

В утреннем тумане хорошо видна лестница у берегового обрыва, на обрыве два темных пулемета, вокруг суетится команда.

— Так точно, вижу!

— Открывайте огонь.

Мищенко, вовсе не думая в ту минуту, что я командир полка, крепко звякнул меня по спине пулеметом. Я согнулся, опершись руками о поручни капитанского мостика: Мищенко, быстро установив на мне пулемет, открыл стрельбу с моего плеча. Я крепко держался под горячим, прыгающим «льюисом», сотрясаясь от его жадной дрожи. Мищенко выпустил целый диск. Батальон с Петерсом во главе высыпал со «Скифа» на берег, бегом, в атаку, на обрыв.

Вдруг пулеметы смолкли. Наши стрелки забрались по лестнице на обрыв, а там один пулемет опрокинулся, другой зарылся в землю; кругом убитые. Капитан Мищенко одним диском срезал, оказывается, десяток красных пулеметчиков. Если бы не он, наши потери под их огнем были бы отчаянными.

К рассвету перешеек был занят первым батальоном. Выгрузилась вся десантная бригада. Красные отошли. После Новороссийска на оба

полка у нас было всего четыре пушки, в запряжках мулы; ни коня, ни подводы, ни автомобиля, кроме расшатанного «фордика» генерала Витковского. Патроны и пулеметы с запасными частями бойцы несли на себе; все были перегружены до отказа. С пылом кинулись мы в Хорлы искать лошадей. Но их нашлось немного, две-три подводы, и никуда не годные верблюды, истощавшие, добродушные одры, с плешинами, в клочьях бурой шерсти.

Мы разместились в тихом, безлюдном поселке с хорошими строениями немецкой хозяйственной руки. Наша радиостанция только принимала, и мы не могли послать в Севастополь весть о высадке. День прошел спокойно. Под вечер у Витковского собрался военный совет. Генерал, несмотря на все трудности, настаивал на выполнении боевой задачи до конца: прорваться с перешейка по тылам противника к Перекопу. Военный совет решил: наутро наступление.

Ночью в охранении был Первый полк. От пятой и шестой рот, выдвинутых далеко вперед, за полночь застучала стрельба. Красные поднялись внезапной атакой. Обе роты были смяты, начали быстро отходить. Тревога ночного боя, крики, топот бегущих, смутный звон — все, как на ночном пожаре. Первый полк по тревоге собрался у полкового штаба. Из темноты наши роты в беспорядке отступают на нас, а за нами, за косою песка, темное море. Корабли ушли далеко от берега. Если нас сметут, сбросят с песчаной косы, всех перебьют в воде. Тогда каждый хорошо понял старые слова: победа или смерть.

Я приказал играть полковой марш. Над перекатами залпов, в тревожной смуте ночного боя торжественно запел Егерский марш. Полк стал разворачиваться для атаки. Мы двинулись вперед с оркестром. Красные слышали музыку, их огонь стал смолкать. Они были изумлены: думали, по-видимому, что все перед собой на перешейке смяли, а на них, точно из самого моря, идут во весь рост цепи атакующих с торжественным маршем, как на ночном смотре. Красные не выдержали атаки, откатились назад.

С оркестром мы подошли к месту боя, где были смяты пятая и шестая роты. Отступающих здесь приняла на себя седьмая рота доблестного капитана Конькова²²⁷. Перешеек здесь очень узкий, у берега мели, пятая и шестая отступали в потемках прямо в воде по горло.

Я стоял на косе с капитаном Коньковым и поручиком Сараевым, когда слева, с моря, донесся невнятный крик:

— Помогите, тону...

Поручик Сараев, во всей амуниции, мгновенно кинулся в темную воду и поплыл. Сильно и радостно дыша, он вскоре вышел на берег с солдатом на руках. С обеих шумно бежала вода. Молодой, из красно-

армейцев, солдат шестой роты был ранен в ноги. Он пробирался с другими к берегу, но попал в глубокое место, ослабел и захлебывался, когда к нему подплыл поручик. Теперь он, как ребенок, обнял офицера рукой за шею и благодарно плакал.

Я помню светящиеся глаза Сараева, я хорошо помню офицера с солдатом на руках, выходящего ночью из моря. И теперь мне это кажется видением или знамением той России, которой неминуемо еще быть.

Наш отдых перед наступлением пропал. Часов в восемь утра мы уже тронулись на деревню Адамань, пробиваться на Перекоп. Нас еще нес порыв ночного боя, стремительность победного удара. Красные отступали. Мы накатили на Адамань. В бою под Адаманью конными разведчиками первой дроздовской батареи, совместно с генералом Витковским, выехавшим в атаку на автомобиле с пулеметом Льюиса, была взята красная батарея.

Пушки нам были дороже хлеба. В Новороссийске орудий не грузили, все было брошено, уж не знаю, в отчаянии или в чаянии захватить орудия в новых боях.

Первый и Второй полки в Адамани передохнули. Здесь мне достался конь, покойный и удобный, как вместительное кресло, и я вспомнил порывистую Гальку-белые чулочки, с которой навсегда простился в Новороссийске. В полуверсте впереди Адамани, на хуторе, встало сторожевое охранение, офицерская и пулеметная роты, команда пеших разведчиков. Владимир Константинович Витковский и я наблюдали с хутора за отходом пехоты красных.

За полем вдруг поднялись, заблестали столбы пыли. У нас пошел тревожный гул: «Кавалерия, кавалерия». На хутор летели красные лавы. Я приказал не стрелять. Подпустить до отказа. Мчатся столбы пыли, сверканье, топот большого движения. Не стрелять.

Выстрел. Кто-то не выдержал. Колонна содрогнулась, как бы запрыгала от залпов. Заскрежетали, точно ликуя, все наши пулеметы. Страшный огонь. Столбы пыли отмахнуло, погнало назад. Конная атака отбита.

В Адамани нас застала и ночь. Генералом Витковским нам дан был краткий отдых до двух часов. В три часа мы должны были выступить в ночной марш. Три часа. Едва светает. Первый полк уже вытянулся на серой дороге к Перекопу. В голове, после Адамани, должен идти Второй полк. Но Второго полка мы на дороге не нашли. Он опоздал минут на сорок. Эти сорок минут ускорили весь ход боя. Полки сошлись и один за другим двинулись вперед в четыре часа утра. И едва двинулись, минут через двадцать передовые Второго полка столкнулись с передовыми красными.

Залпы, «Ура!». Вся колонна сбилась с марша. Мы бросились вперед, бегом, ко Второму полку. Помню белую полосу прохладной зари в темном небе, и как от росы дымилась в канавах жесткая трава; помню топот бегущих, порывы дыхания. На дороге, как раз посередине, кем-то брошена громоздкая бричка. Стрелки ее оббегают, прыгают через нее. Я подскакал:

— Чего стоишь, прочь с дороги!

На бричке никого, а из-под нее торчит пара зашпоренных сапог. Я нагнулся с седла и тупьем стал обрабатывать владельца кавалерийских шпор. Стрелки, бегущие в атаку, сбросили экипаж в канаву. К нашему удивлению, такой нечаянный приют под колесами избрал себе один порядком струхнувший штабной офицер. Я попросил извинения, что обработал его пониже поясицы, и поскакал к колонне. И почему только память выносит из огня такие смешные пустяки?

Раннее, белое солнце, дым росы над мокрой травой, быстрое звяканье амуниции. Апрельское утро прохладной свежестью разлито в воздухе. Вдоль колонны носится Витковский на расшатанном «форде», обрызганном росой, в звездах мокрой глины. Генерал в ослепительной фуражке. По колонне прокатывается радостное «Ура!». Второй полк ломит перед собой противника. А на мою колонну противник насаждает с тыла. Бой гремит в голове и в тылу. Красные двинулись в атаку и слева. Упорно таранят с трех сторон, начинают гнуть нас контратаками.

Шесть утра. Содрогается от грохота воздух. Колонна теперь не стремится вперед скорым шагом, а идет медленно, как бы отяжелев. Лица потемнели, напряглись, струится по скулам пот. Как будто трудно стало дышать. Колонна идет у самого моря, над обрывом, по крутому каменистому берегу в лысых камнях, заросших лишаями и мхом. Гремят наши пушки: батарея красных, взятая в Адамани, служит нам верой и правдой

Внизу, справа, море. Видно, как идут к берегу белые дорожки пены. Под нами носятся чайки, распуганные пушечным громом. Кровь на лысых камнях. Раненый стрелок с осунувшимся лицом подкорчился на дороге, выкашливает кровь. Молодые лица в колонне озаряются раз за разом желтоватыми вихрями огня. Нас атакуют с фронта, с тыла, слева. Кавалерия красных заскакала с тыла к морю. Окружены. Отступить некуда, и лучше смерть, чем плен, мучительный, с глумлениями, терзаниями, с такими истязаниями, каких не знала ни одна бойня на земле.

Колонна идет вперед. В глазах у всех блеск огня, смертельные молнии. Теперь над колонной невнятно трепещет смутный стон тех страш-

ных мгновений боя, когда залпы, команды, взрывы, бормотание, вой раненых, топот шагов, сильное дыхание — все смешивается в один трепетный человеческий ропот. Нам круто до последней духоты.

Полковник Петерс, с наганом в руке, без фуражки, — блещет в пыли его медное лицо, — пеший повел в атаку первый батальон. Идут молча, без «Ура», каменный топот шагов на известковой дороге. Петерс отбил атаку. Но слева и с тыла красные кидаются все ожесточеннее.

Колонна идет, идет под залпами. Я верхом обгоняю стрелков. Лица темны, залиты потом, напряглись вилки жил на лбах, расстегнуты рубахи у ворота, идут не в ногу, без строя, теснясь друг к другу, тяжело звякая амуницией. Под страшным огнем несут раненых. Их уже несколько сот. Все смешалось в колонне в смутное человеческое стелание. Это предсмертный трепет. Еще удар, и колонна дрогнет. Колонна дрогнет, колонна уже потеряла шаг, у нее сбито дыхание. Я поднялся на стременах и с отчаянием и бешенством, мне самому непонятным, кричу командиру офицерской роты:

— Почему ваша рота идет не в ногу?

Гром огня срывается, проносится над нами.

— В ногу, в ногу! — кричу я. — Подсчитать ногу, колонна!

И под залпами, в губительном огне, со своими ранеными и убитыми, которых они несут, нестройная толпа расстреливаемых людей, теряющих последнее дыхание, начинает невпопад, с тем же отчаянием, с тем же бешенством, с каким кричал я, подсчитывать ногу:

— Раз, два! Раз, два! Раз, два!

Все ровнее команды, все тверже удары ног, и вот уже смолкла команда, и вот уже вся колонна с силой отбивает ногу, точно самое небо и земля, содрогаемые залпами, командуют им:

— Раз, два! Раз, два!

Колонна идет грозно, в священном покое бессмертия. Проносится на «форде» Витковский. Красные на мгновение сосредоточили на нем огонь. Взрывы кругом. Снаряд угодил в машину. Владимир Константинович невредим, наш маленький, вылитый из стали генерал.

Колонна идет. В полку всего две подводы. Они полны ранеными. Кровь сочится сквозь щели телег. Темная борозда в пыли. Раненых ведут под руки. Одни обнимают шеи несущих, другие опираются на плечи соседей. Раненых несут на скрещенных винтовках, на шинелях, потемневших и мокрых от крови. Вот идет в смертельном огне она, русская молодость. Мы еще пробьемся к России.

В колонне идут за подводами наши полковые сестры милосердия, жены и сестры дроздовцев: Мария Васильевна, Александра Павловна

Слюсарева, Вера Александровна Фридман. Лица молодых женщин бледны, точно окаменели. При каждом взрыве снаряда все они крестятся.

— В ногу! В ногу!

У всех тяжелое дыхание, снова сбиваются с шага. Я спешился. Пулеметы красных бьют по голове колонны, по штабу, где иду я. Вдруг чувствую тупой удар по лицу, хватаю рукой — поцарапан. Пулеметы бьют верст с четырех, на пределе, когда пули теряют силу.

— Во, ядрена-зелена. Самого и пуля не берет...

Стрелки, потемневшие от пота и грязи, смотрят с дороги. Именно тогда услышал я впервые, как солдаты называют меня «Сам».

Далеко перед нами, в пыли, уже виден Приморский сад и Перекопский вал. «Неужели пробилась? — И не верю, стискиваю зубы. — Господи, помоги нам пробиться». В солдатском батальоне нет больше патронов. Мы перестраиваемся под огнем. Впереди пошла офицерская рота Второго полка, в арьергарде офицерская рота Первого.

Приморский сад виден всем. Точно сильным ветром дунуло по колонне. Идут быстрее, теснее, с торопливым дыханием. Пушечные залпы редуют. Так же редует гром к концу грозы. В пыли, там и сям, рванулось горячее «Ура!». Приморский сад маячит в пыльном мареве. Господи, пробилась...

Мы прошли более шестидесяти верст с боем по тылам противника, отвлекли его силы от Перекопа, куда он наседал, и вот пробилась. Красные отхлынули. Первый полк стал строем у дороги, пропуская Второй, твердую грудь всех наших атак под Преображенкой.

Артиллерийский огонь красных еще гудит. Я приказал полку сойти в огромные рвы, окружающие Приморский сад. Верхом, вдоль рвов, поскакал осматривать полк. В жесткой траве сидят во рву командир второй роты поручик Гуревич и его старший офицер поручик Чутчев; оба сосредоточенно выгребают оловянными ложками из консервных банок сладкий перец.

— Ну как, устали?

— Страшно, — улыбнулся смуглый Гуревич. — Разрешите предложить вам консервов.

— Спасибо, заняты.

Поскакал дальше. За мной грохнул удар, точно сдвинулся воздух. Я вернулся. Поручик Гуревич, совершенно бледный, изо рта сочится темная кровь, лежит на спине. Я и Чутчев стали его поднимать.

— Куда? — прошептал я.

— В живот. Смертельно...

Я помню, как Чутчев в пыльной траве собирал часы, наган, измятую фуражку боевого товарища, пропитанную потом, и его оловянную

столовую ложку. Поручик Чутчев, горячий, самолюбивый и порывистый человек, статный удалец, с головой древнего бога, был убит позже, под немецкой колонией Гейдельберг; ядром ему снесло голову.

Гуревича унесли. На вал перед нами высыпали конные разезды кавалерийских частей Слащева. Мы стали их крыть свирепой бранью. Люди, в грязи и в пыли, в повязках, пропитанных кровью, едва вышедшие из тесноты многочасового боя, бледные от негодования, встретили слащевских кавалеристов чуть ли не в штыки. Все были оскорблены, что слащевские части вовремя не подошли к нам на помощь.

— Но мы ни при чем, ей-богу, ни при чем, — отвечали всадники, в большинстве мальчишки, бледные, виноватые и тоже обиженные, что их не послали к нам в огонь. — Ей-богу, господа, мы не получали приказа...

Вскоре мы помирились и подружились. Полк двинулся на Армянск, за Перекопский вал. Кругом сухо блещет от солнца голая степь, налево серые развалины старого Перекопа. Колонна идет по степи уже без боевого строя. Только голова отряда в строю, а другие, теснясь, несут убитых и раненых. На валу нас встретила бригада генерала Морозова и части 13-й дивизии. Все стояли перед нами, отдавая честь доблестной, израненной колонне.

А через два дня в Армянск приехал генерал Врангель. Был тихий летний день. Под звуки оркестра, где были переранены многие музыканты, Главнокомандующий пропустил бригаду церемониальным маршем. Полки построились в поле. Генерал Врангель пригласил весь командный состав бригады выйти вперед. К Врангелю подошли Витковский, Харжевский и я.

— Ваше превосходительство, — позвал кого-то Врангель.

Я оглянулся, шагнув в сторону, думая, что Врангель зовет генерала Витковского.

— Нет, нет, я вас, полковник Туркул, — улыбнулся Врангель. — Поздравляю вас с производством за Хорлы в генералы.

Я помню его узкое лицо, полное бодрого света, его смеющиеся серовато-зеленые глаза. Я помню, как его рыцарское лицо освещалось улыбкой.

Часа через два, после простого завтрака с Главнокомандующим у генерала Витковского, когда я вернулся в штаб полка, мой оперативный адъютант, капитан Елецкий, с которым у меня и по службе были простые отношения, с необыкновенно торжественным видом подал мне папку с делами.

— Подписать бумаги, ваше превосходительство.

— Что же, давайте, по почему же такая торжественность?

Я открыл папку, а там лежат новенькие генеральские погоны, которые уже успела «построить» офицерская рота. Елецкий разыграл меня с первой казенной бумагой.

Через несколько дней после смотра у Армянска Первый полк послали в резерв, на честно заслуженный отдых.

Хорлы. С этим именем связан для меня навсегда гул атак, блеск смертельных молний, видение героической русской молодежи, неудержимо идущей вперед. Мы все еще пробьемся к России.

Встреча в огне

После Хорлов Дроздовская дивизия стояла в резерве. Наш отдых длился недолго. Мы наступали из Крыма. На село Перво-Константиновка наступали марковцы. Красные атаку отбили. Мой Первый полк получил приказ атаковать село.

Перед нами тянулась трясина, болото. Проходима только узкая гать, крепко убитая тропа по болотине. Команда пеших разведчиков, офицерская рота — весь полк бегом кинулся на гать. Порыв был так стремителен, точно мы перелетели болото, и до того внезапно, что большевики обалдели. У нас все перло в атаку бегом, мчалась и артиллерия. Генерал Кутепов наблюдал за атакой. Гать взяли почти без потерь.

Первый полк в Перво-Константиновке, но большевики поднялись без передышки в контратаку. Они обошли нас с тыла. Так же скоропалительно полку пришлось пробиваться назад с большими потерями. Пленные красноармейцы, взятые только утром дивизией Морозова и перед обедом влитые к нам, уже отлично дрались в наших рядах. Среди них не было ни одного перебежчика. В начале отхода был ранен в грудь навывлет командир третьего батальона, безрукий полковник Мельников.

Мы пробились, отошли. Это был первый бой, когда я, имея честь командовать Первым полком, должен был откатиться на так называемую исходную позицию. Село мы оставили.

Дроздовская дивизия переночевала на развалинах Перекопа. С утра Второй и Третий полки снова пошли в наступление. Мой Первый, бывший в резерве, втянулся в бой к концу. На этот раз мы красных разбили. Они стали отходить по всему фронту; и без сильных боев, гоня перед собой противника, мы так докатились до знаменитого имени Фальцфейна «Аскания-Нова».

Перед нами внезапно поднялось огромное облако пыли. Кавалерия. На нас, в вихрях, скакала какая-то чудовищная толпа. Пулеметчики приготовились к стрельбе, конвой генерала Витковского, звеня саблями, построился для конной атаки. Я взглянул в бинокль в волны пыли.

Мне показалось, что мчатся какие-то странные тени; присмотрелся: на нас бежали жирафы, в пыли прыгали друг через друга зебры, летели тесные стада антилоп. Точно сам великий Пан поднял, погнался перед собой всю звериную силу.

Большевики, уходя из «Аскания-Нова», умышленно или по случайности отперли звериные загородки, и зверей, обезумевших от страха и пушечной стрельбы, шарахнуло по пахоте прямо на нас. Мы заметили жирафов, огонь не был открыт, и жильцы замечательного зоологического сада уцелели.

Стрелки стали ловить и загонять дрожащих тонконогих антилоп, испуганно поводящих нежными глазами. Их кормили с рук сахаром и хлебом. Нам пришлось стреножить не одну крепкозадую зебру, отбрыкивавшуюся ногами, а жирафы скоро подружились с нами и без церемоний, с высоты своего величия, расставив передние ноги, стали щипать нас за волосы и снимать с нас мягкими губами фуражки. Не знаю, удалось ли бы нам так же подружиться со львами или тиграми, если бы они тоже были среди пленников и пленниц. Как странен, необыкновенен был этот свежий сад в степи, полный разного зверья на свободе, точно сон о саде райском. Офицеры и солдаты бродили там целый день. Стрелки восхищались зверями, как дети.

В «Аскания-Нова» был еще огромный зимний сад. Стрелки, с лицами, освещенными радостным вниманием, слушали звучный гомон едва ли не тысячи волшебных птиц. Там были крошечные, как золотые искры, колибри, золотисто-зеленые павлины с пышными арками хвостов, удивительные райские птицы и целый крикливый каравансарай нежно-зеленых, бледно-вишневых, бело-желтых какаду.

Первый полк заночевал в этих волшебных местах, и я думаю, удачным пулеметчикам и артиллеристам из кадет или харьковских и киевских гимназистов, только что вышедшим из огня и снова идущим в огонь, снились на том ночлеге отроческие сны о чудесных странах Майн Рида и Фенимора Купера.

А к утру полк втянулся в прохладный лесок к западу от «Аскания-Нова». Левее нас на Корниловскую дивизию и на дивизию генерала Барбовича упорно наступали большевики. В Крыму большевики не давали нам передышки. Под сильными атаками красных корниловцы и дивизия Барбовича начали отходить. После обеда, во

втором часу дня, я получил приказ выйти с Первым полком в тыл и фланг наступающим красным.

Жарко. Парит. Соленый пот заливает лица. Воздух мглист и тяжел, в нем стоит серая мгла, гарь. Темные тучи завалили край неба. Первый полк скоро вышел красным в тыл и на левый фланг. Тогда на нас повернула в тяжелой атаке 9-я советская дивизия. Цепи атакующих гнало изпод тяжелого, душного неба серыми волнами. Страшный пулеметный огонь. И вдруг ударил ливень.

Все заплясало мутными тенями, понеслось косым дымом. Ливень хлынул с такой силой, точно хотел разогнать нас всех, и красных, и белых. Но головной батальон полковника Петерса, мокрый до нитки, — все изгвазданы в глине, — с глухим «Ура», относимым ливнем, пошел в контратаку. С батальоном двинулся наш броневик, залепленный вихрями грязи. Тогда и я управился в седле и повел в конную атаку команду конных разведчиков. В сильном дожде кони и люди мелькали за мною тенями.

На нас несет пули, бешеный огонь, но ни убитых, ни раненых нет. Уже видны серые советские стрелки, цепь. Гнедой конь вынес меня вперед, за мной скачут ординарец и личный адъютант капитан Конради²²⁸. Мы одни. Уже слышен быстрый плеск шагов по лужам. Броневик застрял за нами, в колдобине на размытой дороге, рычит, а Петерса с батальоном еще не видно.

Все ближе советские стрелки с винтовками наперевес. Я вижу их мокрые лица, их темные глаза. Я попятил коня к Конради, у меня в руке наган. Мы окружены. Конец.

— Господин полковник, — донесся глухой крик из цепи.

— Господин полковник, господин полковник, — порывисто и глухо звали из цепи. Нас уже обступили.

— Господин полковник, не стреляйте, господин полковник...

И вдруг я понял, что мы не среди врагов, а среди своих. Так оно и было. Советские стрелки, окружившие меня и Конради, почти все были нашими дроздовскими бойцами. Вот как это случилось. Я никогда не загонял в чужие тыловые лазареты больных Первого полка. У нас были свои особые полковые лазареты, куда партиями, с доктором и сестрой, отправляли мы всех наших тифозных. Им не приходилось валяться в горячке на вшивых вокзалах, по эвакуационным пунктам, в нетопленных скотских вагонах. Уход за больными дроздовцами был образцовый, кормили их превосходно. Стрелки в командах выздоравливающих отъедались на славу.

Один из таких дроздовских лазаретов с командой выздоравливающих и попался в руки красных. Большевики не расстреляли солдат, а

забрали всех на красный фронт, в 9-ю советскую дивизию. В этой команде выздоравливающих большинство солдат было из бывших красноармейцев. Но было в этой команде и сорок наших офицеров. Настоящие белогвардейцы, золотопогонники. А для них у большевиков одно: расстрел.

И вот тут-то и случилось прекрасное чудо, иначе я этого назвать не могу: среди дроздовцев из пленных красноармейцев никто не стал предателем, ни один не донес, что скрывается между ними «офицеры». Солдаты объявили комиссарам всех наших офицеров рабоче-крестьянскими стрелками, скрыли их, а потом вошли все вместе в 9-ю советскую дивизию и оказались в той самой цепи, которая меня окружила.

Вера в человека, и его совесть и свободу была конечной нашей надеждой. И то, что бывшие красноармейцы в большевистском плену не выдали на смерть ни одного белого офицера, было победой человека в самые бесчеловечные и беспощадные времена кромешной русской тьмы.

Вот они, советские стрелки, теснятся к моему коню. Ни одни солдаты на свете не пахнут так хорошо, как русские, особенно когда дымятся их мокрые шинели. Они пахнут не то банными вениками, не то печеным хлебом, свежей силой, здоровьем. У одних еще красные звезды на помятых фуражках, у других уже поломаны, сорваны. Все чего-то заволновались, смущенно обертываются друг на друга, кто-то сказал:

— Да чего же мы его господином полковником... Сам-то уже генерал.

Двое стрелков быстро отошли в сторону. Оба сели на мокрую землю, один с проворством вытащил из-за голенища сточенный солдатский нож для хлеба, оба стали что-то торопливо отпарывать в своих вещевых мешках: оба надели наши малиновые погоны, потаённые ими.

— Так что, господин полковник... виноват, ваше превосходительство, старшие унтер-офицеры четвертой роты капитана Иванова...

Вот она, образцовая солдатская школа нашего картавого храбреца, капитана Иванова.

Батальон, подошедший к нам на рысях, стал, опираясь на винтовки, и с крайним удивлением смотрел на мой внезапный митинг с советскими стрелками.

— Но, братцы, вы все же в нас здорово стреляли...

— Так точно, здорово. Да не по малиновым фуражкам, а в воздух. Мы все в воздух били.

Действительно, у нас не было ранено даже коня.

— А комиссары где?

— Какие убежали, других пришлось прикончить. Пятерых.

В боях сильно пострадал наш второй батальон, и я решил пополнить его этими дроздами, так внезапно пришедшими к нам из красной цепи.

— Вот что, ребята, я вас всех назначаю во второй батальон.

Но дроздовцы начали дружно кричать:

— Ваше превосходительство, не забивайте нас во второй... Разрешите по старым ротам, по своим... Вон и Петро стоит... Акимов, здорово, где ряжку наел? Вон и Коренев. Жив, Корнюха... Разрешите по старым ротам.

На радостях нечаянного свидания я разрешил разбить их по прежним ротам. Наши офицеры, бывшие среди них в 9-й советской, — кто без фуражки, у кого еще темнеет над козырьком след пятиконечной звезды, — вышли вперед и начали разбивать их по ротам.

— Первая ко мне, вторая ко мне, третья...

И так до последней, двенадцатой. Скоро в нашем строю, на сыром поле, стояло триста шестьдесят новых дроздовцев, вернувшихся домой, к родным. С песнями, с присвистом двинулись роты на отдых. Никто из нас не забыл и никогда не забудет той встречи в огне.

Деда

Деда, плотный, бодрый, ходит, постукивая обтертой палкой. От его поношенной офицерской шинели, от чистого платка, слежавшегося по складкам (кстати сказать, когда деда сморкается, как иерихонская труба, косятся люди и лошади), от башлыка, от пропотевшей по исподу фуражки с потертой кокардой идет приятный запах стариковской чистоты, немного кисловатого настоя табака и сушеных яблок.

Кто в Белой армии не знал нашего Деда, седого как лунь, с его башлыком, тростью и жестяной с табаком-мухобоем? Он был суровый, усатый, жестокобровый, но под обликом старого солдата хранилось у него доброе веселье. Как часто под нахмуренными бровями блестели от безмолвного смеха зеленоватые, прозрачные его глаза. Веселье Деда было армейское, стародавнее, хлебосольное, простодушное. Деда умел отыскать шутку в самое трудное мгновение, прорваться бранью в минуту отчаяния и тут же повернуть на бодрый смех.

В нем была необыкновенно бодрая сила жизни. Все проросло и спелось в нем дремуче и крепко, как корни старого дуба; крутые лопатки, плечи, жесткие, как сивое железо, брови, жилистые старье

руки с узловатыми, помороженными еще на Балканах пальцами. И все было в нем свежо, как листва старого дуба.

На Дон Дед привел едва ли не всю семью Манштейн, до внуков, до легоньких, остриженных кадет с детскими еще глазами и нежными впадинами на затылках. Дед пришел в Белую армию добровольцем сам — шестой.

Его сын Владимир, доблестнейший из доблестных, командовал нашим Третьим полком. Имя Владимира Манштейна одно из заветных белых русских имен. Все Манштейны, кто мог носить оружие, пошли в Белую армию. Если бы вся Россия поднялась так, как эта военная семья киевлян, от большевиков давно и праха бы не осталось. Одни Манштейны сложили голову в огне, другие почили от ран; Владимир Манштейн застрелился уже здесь, в изгнании, — не вынес разлуки.

В бою Владимир потерял руку вместе с плечом. Золотой генеральский погон свисал с пустого плеча на одной пуговице. В его лице, всегда гладко выбритом, в приподнятых бровях, в его глазах, горячих и печальных, было трагическое сходство с Гаршиным. Что-то птичье было в нем, во всех его изящных и бесшумных движениях. Его походка была как беззвучный полет.

Он был моим боевым товарищем, мы делили с ним страшную судьбу каждого дня, каждого часа Гражданской войны. У него было какое-то томление земным, и он чувствовал нашу обреченность, он знал, что нас, белых, разгромят. Но также он верил и знал, что на честной крови белых взойдет вновь христианская Россия. В огне у Владимира было совершенное самообладание, совершенное презрение к смерти. Большевики прозвали его Безруким Чертом.

То же самообладание было и у отца Владимира. Как-то в перестрелке был ранен один из его любимых внуков, заяц-кадет. Мальчик со стоном добрался до тачанки старика:

— Дедушка, дедушка, меня ранили...

Кадета перевязали. Дед сам уложил его, всего в бинтах, в сено, накрыл старенькой шинелью. Мальчик мучился, смутно стонал от пулевой раны в плечо. Дед гладил внука по голове и утешал по-своему:

— Так и надо, что ранен, и ничего, что больно, — ты солдат, должен все терпеть. Претерпевший до конца спасен будет...

Я хорошо знал старика Манштейна²²⁹. Он служил при штабе моего Первого полка в офицерской роте, а жил у меня. До того, в Каменноугольном районе, он заведовал эшелонами офицерской роты. Дед подавал поездные составы под самым жестоким огнем, вывозил раненых и убитых. Обычное его место было на паровозе, рядом с машинистом. Дед стоял с револьвером в руке — револьвер был допотопный, «буль-

дог», как пушка, — а сам Дед в шинели, и его башлык, завязанный по-старинному крест-накрест, пушисто индевел от дыхания.

Старый Манштейн, среди других стариков нашей молодой армии — таких, как вот хотя бы славный Карцев, прозванный «богом войны», — был для нас, можно сказать, образом наших седых отцов.

Пехотный офицер незнатного полка, командир батальона, потом полковой командир — на его ветхой шинели цветился солдатский Георгиевский крест — Дед, уже ветераном, участвовал в Японской войне, а в первый огонь пошел еще при Скобелеве, в Освободительную войну на Балканах. Дед отзывался добровольцем на все боевые выстрелы: был в Бухарском походе, умирал в Китае «Большого Кулака». С удивительной ясностью, как будто бы Горный Дубняк, Шипка, Плевна были вчерашним ясным днем, рассказывал он нам о 1877 годе. Его рассказы как-то странно и светло мешались с нашей белой войной, точно уже не было хода времени для протабаченного скобелевского солдата в балканском башлыке, и наша война была для него все той же неутраченной вечной войной за освобождение братьев-христиан.

Для нас всех Дед был ходячим судом чести. Военные обычаи и процедуру, подчас весьма сложные, Дед знал до тонкости, что называется, на зубок. Ему было близко под семьдесят, и он был для нас живой и бодрой традицией старой Императорской армии, былой империи, живым Палладиумом славы российской, как сказали бы в старину.

Он был для нас и табачным интендантом. Страшный курильщик, он всегда держал табак в огромной жестяной коробке на полпуда, и еще во второй, походной; так с ней и ходил зимой и летом. Зимой походную жестянку он носил в башлыке.

Теперь уже не знают таких табачных секретов. По старинке Дед прокладывал табак тончайшими пластинками картофеля, чтобы в меру хранить влагу, покрывал сверху яблочным и липовым листом, да и еще какими-то чудесными травами, и получалась у него из самого дрянного мухобоя замечательно крутая и душистая смесь.

Как-то в бою, в оттепель, когда глухо и сыро бухали пушки, Дед, со своим табачным интендантством в руках, стоял с кучкой офицеров на дороге, в луже, в талом снегу. Он всех приветствовал крученками. Раскурили. Дед, пустив дым сквозь прокуренные усы, принялся рассказывать что-то про Скобелева:

— Представьте себе такую же оттепель, грязь по колено... Мы тоже раскурили табачок, и тут скачет с ординарцем Скобелев и этак, с картавцем, как пустит...

Вдруг сдвинулся воздух от взрыва. Грянула с визгом шрапнель, горячий осколок выбил из рук Деда, Манштейна, жестяную коробку, табачная гора вывалилась в лужу. Мы так и не узнали, что пустил с картавцем подскакавший Скобелев, а Дед пустил такие шесть этажей, что ему позавидовал бы любой ругатель нашей армии. После такого приключения Дед не расставался с продырявленной коробкой, а шрапнельную дыру заклепал чудовищной свинцовой бляхой.

А каким милым было его хлебосольство. Точно наши седые отцы весело смотрели на гостя сквозь его прозрачные глаза, и точно их голоса были слышны в его стариковском привете:

— Разрешите вас приветствовать стопочкой...

Когда он жил в эшелоне, под его вагонной лавкой таился целый походный погребок: водочка, настоянная на березовой почке и на златотысячнике, лучок, который сам Дед посыпал для гостя крупной солью, колбаса краковская и с чесноком, вареники, сало с последней стоянки.

Как хорошо хрустел он корочкой хлеба где-то на самых задних зубах, отчего у него наморщивалась щека; с каким приятным кряканьем опрокидывал серебряную стопочку и какой звонкой была его водочка. Я должен сказать, что за нашими полковыми обедами, когда дело заходило далеко, Дед свободно мог перепить всех, но не пьянел никогда. Только его седая голова как будто начинала слегка дымиться.

— Ну, господа, большой привал, — объявлял он внезапно в разгаре обеда и тут же, облокотясь на руки, засыпал. Можно было вокруг шуметь, кричать, звенеть стаканами, он блаженно спал, прижавши к руке прокуренные усы. Минут через десять Дед так же внезапно просыпался, посвежевший, с прозрачными глазами, и первым делом наливал себе стопку.

Удивительный Дед, наша удивительная старая пехота. Таким же он был и с сыном Владимиром. Такой преданной, полной любви друг к другу мне больше уже не видать, но и такой готовности в любую минуту схватиться в бурной ссоре по самому пустяку. Оба они, сухощавые, рыжеватые, вспыльчивые, как порох, жадно кидались в перепалку спора, не уступали ни в чем и под конец просто не слушали друг друга.

Теперь, когда я вспоминаю их, уже ушедших, мне кажется, что во всей их складке, в изяществе, силе, в жилистых сухих телах, даже в рыжеватости, как и в горячем, смелом благородстве их натур, была та же цельная красота, какая есть у самых изящных и благородных существ на свете — ирландских сеттеров.

Старый Манштейн, полковник без должности, жил у меня в Первом полку, а его сын Владимир, генерал, командовал Третьим пол-

ком. Как часто Дед по всем правилам представлялся мне, шашка через шинель, рука под козырек:

— Ваше превосходительство, разрешите отбыть в Третий полк в отпуск к сыну.

— Пожалуйста, дедушка, пожалуйста.

Проходит день. К вечеру Дед возвращается обратно. Сумрачный, ни на кого не смотрит.

— Что, дедушка, скоро из отпуска? Как ездилось?

Молчит, скручивая свою табачную пушку, или что-то ворчит рассерженно и невнятно в сивые усы. Позже выяснялось, как именно ему ездилось. В Третьем полку он радостно был встречен сыном, накормлен добрым обедом, за которым оба с удовольствием обсуждали, как старик поживет у сына хорошо и долго. После обеда стали наседать красные. Дело обычное, завязался бой. Сын-генерал, командир полка, с отцом, полковником без должности, идут под огнем по цепям. Сын отдает приказания. Отец расправляет усы, откашливается, желая обратить на себя внимание, наконец говорит:

— А я, Володя, сделал бы не так...

Генерал Манштейн молча смотрит на полковника Манштейна, идут дальше. Новое приказание, снова расправляются усы, откашливание, новое замечание:

— Володя, а я бы...

Молодой Манштейн круто оборачивается, глаза залило золотым светом, звонкий окрик:

— Полковник Манштейн, потрудитесь замолчать.

Старик вытягивается перед сыном, берет под козырек:

— Слушаю, ваше превосходительство.

Идут под огнем дальше. Сын опять что-то приказывает. Отец опять вмешивается:

— Да нет, Володя, не так...

Сын не выдерживает:

— Полковник Манштейн. Я вам здесь не Володя, потрудитесь молчать.

Дед мгновенно под козырек:

— Слушаю, ваше превосходительство.

Но молодой Манштейн уже ищет глазами ординара:

— Немедленно подать полковнику Манштейну экипаж.

Так кончались их добрые надежды пожить вместе, и Дед возвращался к нам.

Он никогда не говорил о таких приключениях у сына: по-видимому, полковник без должности понимал сам, что ему не следовало

вмешиваться в боевые приказы командующего генерала. В Крыму, по моему ходатайству перед Врангелем, Дед, впрочем, тоже был произведен в генералы, для уравнивания в чинах с сыном.

Третий полк сына был для старика совершенным образцом всех полков Белой армии. Мой оперативный адъютант, капитан Елецкий, веселый человек, подметив эту черту Деда, начинал иногда трунить за обедом.

— Эх, — вздыхал Елецкий, — кабы у нас да все полки были как наш Первый, уже давно были бы в Москве и все там мохом поросли.

— Почему не как Третий? — настораживался Дед.

— Первый полк лучше, — невозмутимо и строго отвечал Елецкий.

Дед раскидывал на него мохнатые брови, заметно краснел и говорил с презрением:

— Почему-с это лучше?

— Да вы возьмите-с карандаш, — подхватывал презрительное «с» Елецкий. — Простая арифметика. Записывайте, сколько взято бронепоездов, батарей, пулеметов Первым, сколько Третьим полком, — разница.

Дед добросовестно подсчитывал. Елецкий нарочно подсыпал нам лишние трофеи. Дед смотрел на листок, краснел до самого лба и с яростью останавливал Елецкого:

— Капитан Елецкий, потрудитесь замолчать. Доблесть Третьего полка высчитывается не по вашей дрянной бумажонке.

Мы все спешили согласиться с Дедом. Имя сына было для старика святыней, что, впрочем, не мешало им грызться между собой. Однажды ко мне неожиданно пришел молодой Манштейн.

— Ваше превосходительство, воздействуйте, наконец, на отца, — сказал он, с усмешкой покусывая губы.

— Что такое?

— Хотел меня душить.

— Как душить?

— Из-за путешествия на луну.

— Ничего не понимаю.

Тогда молодой генерал рассказал мне историю, причудливее которой, я думаю, мне и не слышать. Отец пришел к сыну в гости. Оба рады, у обоих планы, как пожить вместе, отдохнуть по-семейному. Молодой генерал читал перед тем попавшегося под руку затрепанного Жюль Верна «Путешествие на луну» с наивно фантастическими рисунками, кажется, Риу. Старик Манштейн, повертев книгу, небрежно бросил ее на стол.

— А знаешь, занятно, — сказал сын о Жюле Верне, — умный был человек. Авиацию предугадал. Я думаю, лет через пятьдесят мы, кроме шуток, полетим на луну.

Отец усмехнулся с презрительным сожалением:

— Полетим, как же, держи карман шире. Брось, Володя. Все это глупости.

— Но почему?

— Никогда мы на луну не полетим. Там безвоздушное пространство.

— Подумаешь, невидаль, безвоздушное пространство. Люди что-нибудь выдумают, чтобы его победить.

— Победить... Да ты гимназист или генерал? Черта лысого они выдумают. Никогда мы не долетим до луны.

— А я говорю — долетим.

— А я говорю — не долетим.

— А я...

Спор о путешествии на луну кончился тем, что вспыльчивый старый генерал Манштейн схватил молодого генерала Манштейна за ворот гимнастерки: «Не долетим, тебе говорят...»

У молодого Манштейна уже отлегло от сердца, и у меня он вспоминал с улыбкой, как летал с отцом на луну.

Уже в Крыму, когда мы были под немецкими колониями Гольдштадт и Молочная, ко мне приехала на свидание жена с дочерью. Моей дочери тогда не было и года.

Я хорошо помню тот страшный день. Левее нас прорвалась вся Вторая конная армия Гая. Дроздовская дивизия получила приказ остановить прорыв. Только на мгновение видел я в обозе Александру Федоровну с маленькой Тamarой на руках. Красные нас громили. Гай отрезал тыл. Жена и ребенок оказались с нами в самом огне.

Под Куркулаком, на поле, стоял Корниловский конный дивизион. Когда я садился на коня, поручик Дубатов²³⁰, заведующий оружием, поднес мне, помню, в подарок от нашей оружейной мастерской зажигалку. Зажигалка хорошей работы, с чеканкой, но здоровая, весом около фунта.

— Куда же мне ее девать?

— Вы ее на письменный стол.

— Да что вы, батенька, уж и не помню, когда я за ним сидел...

Я сунул тяжелый подарок в карман гимнастерки, прыгнул в седло, вдруг — раз — и моя верная гимнастерка лопнула на спине. Выручил меня ординарец Тарасов, выше меня на голову, в плечах сажень.

— Возьмите, ваше превосходительство, мою. Ни разу не надевана.

Я потонул в Тарасовой рубахе, нацепил свои погоны. Гимнастерка гиганта так широка, что грудной карман с новой зажигалкой пришелся как раз на животе. Я поскакал в огонь. Первый батальон полковника Петерса уже разворачивался для атаки. Гай таранит. Я вижу, наш первый батальон вот-вот ляжет. Корниловцы смотрят сурово и молча, что мы будем делать, как остановим Гая. Петерс, с наганом, вышел перед цепями батальона. Я спрыгнул с коня, подошел к Петерсу. Бойцы как бы оседают в землю, тяжело топчутся, сметаемые огнем. Я махнул фуражкой:

— Братцы, вперед!

Батальон рванулся с тяжелым гулом. Фуражку мне пробило пулей. Я бегу вперед со стрелками. Вдруг тупой, горячий удар в живот. «Пуля», — мелькает у меня; в глазах потемнело, ничего не вижу, падаю, падаю...

Когда я очнулся, надо мной склонились тревожные лица дроздов. Наш доктор Сергей Порфирьевич Казанцев вынул мне пулю:

— Вот она, стерва...

Пуля, оказывается, соскользнула с тяжелой зажигалки и застряла под кожей. Я потерял сознание от сильного удара, а рана пустячная. Так меня спасла зажигалка Дубатова и рубаха Тарасова. На войне все случайно, и всего случайнее жизнь и смерть.

Я догнал полк. Корниловцы пошли правее нас, мы с ними выбили 1-ю советскую стрелковую дивизию из Куркулака, взяли десять пушек. В Куркулаке стали корниловцы, мы двинулись дальше на колонию Мунтадь. Там мы отбивали красную кавалерию. Я отдавал приказания с тачанки, оглянулся зачем-то, и сердце у меня упало: за нашей боевой цепью, близко в огне, сгрудился полковой обоз, и там, на тачанке, я увидел нашу сестру милосердия Лидию Сергеевну, Деда и мою жену с ребенком на руках.

Бой разгорялся, ко мне подбегали адъютанты, ординарцы, несли раненых, и я не мог ни крикнуть, ни сказать слова Александре Федоровне. Я только улыбался ей, чтобы ободрить. Снаряд красных с грохотом ударил в орудие первой батареи недалеко от тачанки, где была жена.

Так нестерпимо сжалось сердце, точно нет больше дыхания. Дым взрыва медленно расходился. Подбежал ординарец — семеро артиллеристов напавал. И тогда-то, сквозь гром пальбы, донеслась бодря брань Деда: он распекал мою бедную Александру Федоровну:

— Свидание, давно не видались, дочь показать!.. Вот и показали: угораздило вас в самое пекло. По одной молодости рискуете ребенком...

— Но чем же я виновата, что у вас тут Гай прорвался, — слышу голос жены.

Слава Богу, живы. Пушки низко гремят над нашими головами. От пушечного грома и крепкой брани Деда наши храбрые дамы забрались под тачанку и засели там под колесами, точно зайцы, как будто подвода могла их спасти.

Должен сказать, что ни в одном бою не было мне так тягостно, так страшно все — вдруг потемневшее небо, лица, гром пушек, мечущиеся кони, стоны раненых, пыль, как в том бою, когда моя жена с девочкой, тихо спавшей на ее руках, сидела под тачанкой, на дороге, в самом огне.

К вечеру Дроздовская дивизия отбила красных. Прорыв Гая остановили. Вечером все утихло. В колонии Мунталь я мог вымыться после боя. С удовольствием полоскался я на дворе у колодца. На крыльце сидел с крученкой Дед. Александра Федоровна, засучив рукава, купала в сенях, в чане, Тамарочку.

Как странен был после боя этот самый мерный вечер на свете, с ласточками, низко прометывавшими по двору, синеватым дымком дедовской крученки, с милым материнским щебетом молодой женщины, слышным из сеней дома.

По-южному быстро стемнело. Над двором в небе засияла звезда. Вдруг воздух стали рвать беспорядочные залпы, донеслось тягостное «Ура!». Александра Федоровна выбежала на крыльцо с девочкой, завернутой в мокрое полотенце.

— Какого черта вы бродите тут? — набросился на нее Дед. — Слышите, пули визжат...

— Да вы же сидите на крыльце, — отвечает жена.

— Я солдат, мне все равно, где сидеть, а вы, извините, по бабьей молодости не понимаете опасности, лезете под пули с ребенком, марш в дом!

Резерв, звеня оружием, уже сбегался к штабу. Я поцеловал в сенях бледную жену, вышел к полку и в потемках поздоровался с бойцами. Мы с песнями двинулись отбивать красных на окраине Мунталя. Дед, торжественный, — офицерская шинель со светящимся Георгием застегнута наглухо, — опираясь на трость, шел в атакующей цепи с доблестной командой пеших разведчиков. Я слышал, как Дед крепким басом подпевает нашей боевой: «Вперед, дроздовцы удалые». Он шел, сильно и сипло дыша. Деду было тяжело попадать в молодой шаг. Я заметил в потемках, как он присел на землю.

— Дедушка, задело?

— Нет, все в порядке, да годы не те, стар стал, дыхания не хватает... «Вперед, дроздовцы удалые...»

Он сипло запел, морщинистой рукой крепко оперся на мою руку, поднялся с травы и снова пошел в атаку, а его старческий голос смешался с быстрым гулом боевой: «Вперед, дроздовцы удалые...» Красных отбили.

И навсегда память сохранила Деда, как он оперся на мою руку в атаке. Ни чужбины, ни разлуки, ни его конца в изгнании нет для меня. Точно мы так, рядом, все идем с ним в атаку, под пулями, в темноте, с боевой: «Вперед без страха, с нами Бог».

Пальма

На его крепкой груди шерсть закручивалась жестким завитком. Он ходил вразвалку на кривых ногах, но он не был кавалеристом. Его выкаченные темно-карие глаза, полные горячего света, были умны и сметливы. Курносый нос, вернее, две дырки, сочился от вечного насморка. Между двух нижних клыков трепетал кончик горячего языка. Он всегда сопел, с хрюпотком. А если мягко похлопать его по заду, то он вертелся на одном месте, пытаясь поймать свой куцый хвост. Это был германский тигровый бульдог, ширококостый, жилистый, более свирепый, чем приветливый, и выносливый до черта.

Свирепость смешивалась в нем с глубокой нежностью, и суровый вояка был для тех, кто знал его ближе, самым добродушным существом на свете. Он спал совершенно как ребенок, раскидывая куда попало ноги, и на концах его сильных, жестких лап, под когтями, были мягкие, какие-то детские серые подушечки.

Мы встретились с ним в декабре проклятого 1919 года, когда Дроздовская дивизия, с обозами и артиллерией, в слепую пургу перебралась по льду Дона в большое село Койсуг. Там, в глухое утро, я услышал в штабе полка смелый, бодрый лай.

Солдаты притащили мне в подарок щенка, настоящего тигрового бульдога. Он попался им на улице села. Как очутился он в Койсуге, не знал никто. Потерял ли его кто-либо из бегущих москвичей или петербуржцев, отбился ли он от красных или от немецкой колонны, но он долго колесил один, маленький серый германец, по льду Дона и по степи в самую крепкую метель.

Стрелки, вероятно, потому, что в его серой шерсти были легкие полосы, прозвали его Пальмой. Вовсе не стройная и не высокая была эта Пальма, как бы отлитая из одного куска металла. Для первой встре-

чи, когда я присел перед ней на корточки, она бесстрашно облаяла меня. Потом ткнулась мокрым носом в руки. С того мгновения мы стали друзьями на всю жизнь. Что она почувствовала во мне, почему выбрала меня, не знаю, но она привязалась ко мне всей силой своей собачьей души.

Серая шерсть с железным блеском, благородное тело, подобранные и четкое, как у древнего дискобола. Я понимаю, что это зверь, собака, но такие слова не говорят ничего. Это странное существо несло в себе необыкновенно сильную душу, полную и цельную. Она не знала, что такое грех, не разбирала добра и зла. Но зла в ней совершенно не было, и вся стихия Пальмы, ее чувства и сознание двигались одним: любовью к человеку. И под жесткой грубостью серого вояки таилась для друзей совершенная нежность.

Ум Пальмы был ясный — она все понимала с полуслова. Воспитание ее не было трудным, а делала она все опрятно и четко. Она до крайности любила чистоту и свежую воду, подбирала после себя мельчайшие крошки. Она ни за что не оставалась в доме, когда по нужде ей надо было пойти на улицу. Если об этом забывали, она, не щадя себя, кидалась всем сильным телом на двери, в окна, только бы ее выпустили.

Обычно она спала у моих ног или у дверей на коврик. После боевого огня она дрожала и легонько, очень жалобно порявкивала во сне. А иногда смеялась. Она смеялась от всей души, свесив язык на просушку, и тогда кожа на ее курносой роже расходилась лучами. Я узнавал смех Пальмы во сне по короткому грудному хрипотку. Так же смеются и плачут, тягостно кричат, вздрагивают, крепко скрипят во сне зубами и люди, стоящие в огне.

Маленький серый германец Пальма стал с нами белогвардейцем, золотопогонником. Он твердо решил, что есть настоящие люди, его друзья, и все такие люди носят погоны. Те же, кто без погон, не друзья, а враги, и даже не люди, а мишень для его острых зубов.

Она просто не выносила людей без погон. Любому штатскому, кто бы он ни был, Пальма с мгновенной яростью рвала штаны. Историй из-за этого было достаточно. Пальма молча обходила штатского, и тот еще не успевал сказать: «Ах, какая милая собачка», как Пальма сзади вцеплялась ему в штаны, как раз, извините, на том месте, которое пониже поясницы.

Однажды она отворила такое заднее окно одному приезжему высокому чиновнику, едва ли не министру, пожилому, довольно рыхлому господину. Министр, с открытым окном, помчался от Пальмы с необыкновенной и для отрочества скоростью. В другой раз Пальма превратила в лохмотья хорошее английское сукно одного британского

журналиста. Тот, показав нам весьма тощие ноги, удрал от Пальмы высокими прыжками с тирольским криком: «О-ле-ле!»

Разумеется, за это Пальме влетало. А военных посетителей она впускала ко мне совершенно молча: в погонах — стало быть, свой. Но все же кто его знает? И Пальма ложилась у моих ног, под стул, не спуская с вошедшего светло-карих недружелюбных глаз. В любую минуту она была готова к прыжку, следила за малейшим движением чужих рук, за тем, как шевелится чужой зашпоренный сапог. Из-под стула слышался иногда раскат глухого рычания. Она меня охраняла и нетерпеливо ждала, когда незнакомец уйдет. Тогда так же молча и недружелюбно она провожала его до дверей.

Пальма была служакой щепетильным, даже придирчивым. Она хорошо понимала, что каждому назначено делать свое дело. Например, часовой должен смотреть перед собой и ходить. Пальма очень любила, когда часовой ходит взад и вперед, и могла подолгу смотреть на его мерную прогулку, потряхивая куцым хвостом.

Но вот я как-то заснул с горящей у койки свечой. Звон разбитого стекла, лай, брань разбудили меня. С бешеным рычанием Пальма всем телом кидалась в окно. Я ее отогнал.

— Что такое? — позвал я в окно часового.

— Да, ваше превосходительство, Пальма, сволочь, кусается.

— Почему?

— У вас свет. Я посмотрел в окно, как бы чего не случилось. А она как бросится, зачем смотрю...

Пальма спала чутко, в полглаза. За всем следила, передвигая во сне острыми ушами. Она решила, что дело часового не в окна засматриваться, а ходить.

Солдатскую дружбу Пальма, однако, ценила выше всего на свете. Она равнодушно, иногда с ворчанием, принимала ласки людей, часто у меня бывавших. Но стрелкам позволяла и хлопать себя по заду, и теревить за уши. Она любила забираться к ним в самую гущу, в кучумалу, и среди солдатских ног только потряхивался от удовольствия ее жилистый серый зад.

Она сама заигрывала с солдатами. Собаку более слабую Пальма никогда не трогала и не отгоняла. Любопытно было видеть, как какой-нибудь Кабысдох, лядящая собачонка, с лаем скакал вокруг Пальмы, хватая ее то за лапы, то за уши. Пальма позволяла все. Иногда только молча отталкивала забияку. Кабысдох далеко летел кубарем, чтобы снова кинуться в игру.

Мне известен только один роман, вернее, странная дружба Пальмы. В разрушенном степном городке я застал ее как-то в бурьяне,

среди камней, битого стекла, горелых тряпок и жестянок из-под консервов, на свидании с собакой, отставшей от красных. Мой белогвардеец с нежным вниманием облизывал эту тощую рыжую большевичку, помесь сеттера, но бродяжку, такую легкую, как подбитую ветром, с израненной спиной, где можно было пересчитать позвонки, и с оторванным ухом.

Пальма внимательно посмотрела на меня и отвела глаза, как бы хотела сказать: «Что же, брат, суди как хочешь, но у каждого свои чувства». Так же взглянула она на меня в одной немецкой колонии, когда я застал ее вниз головой, на одних передних лапах. Ее задние лапы забрал в ручонки сын хозяйки, белобрый Готлиб. Так, опрокинув Пальму, расхаживал он с ней по всему дому, изображая, по видимому, тачку.

Самолюбивая, гордая, готовая загрызть любого оскорбителя Пальма невозмутимо слушалась маленького немца и покорно ходила вниз головой. «Что же делать, — как бы говорил ее взгляд, — не сердиться же на такую мелюзгу. Пусть забавляется».

Я вспоминаю наши походы. Необыкновенная свежесть есть в военном движении. В Крыму, как-то ночью, мы шли на подводах. Я спал в сене, под легкой шинелью. Прохладная крымская ночь. Позади шагом идет конвой, 2-й конный генерала Дроздовского офицерский полк, команда конных разведчиков. За мной, с конями на поводу, идет шагом вся кавалерия дивизии. Дреmlют кони и люди, пехота мирно спит на тачанках.

— Ваше превосходительство, — тербит меня за плечо ординарец Тарасов.

Пальма уже проснулась, шуршит сеном, перебираясь через меня, чихает от сырости. Все влажно от утренней росы. Заря за темным полем точно чисто омыта. Та-та-та — слышно впереди. Стрельба.

— Тарасов, коня.

Я умылся росой, сел в седло, легкий ветер свежит лицо. Все чаще стучит стрельба. И вот разнеслась первая утренняя команда:

— По коням...

Мгновенно дрогнула, блеснула, прозвенела оружием вся кавалерия. Вот она уже в седлах. Рысью я обгоняю колонну. Пальма с лаем носится у коня в радостной игре. Мы идем на утренние выстрелы. Пехота прыгает с тачанок, подтягивает шинели. Скрежещет штык о штык. По колонне летит команда:

— Смирно...

Я здороваюсь с ротами; по раскату бодрости я понимаю, что с такими бойцами будет победа. На ходу я поднимаю Пальму в седло.

Пальма, улыбаясь, обмахивает мне лицо языком, но ей не очень-то нравится скачка на жестком седле, она предпочитает вертеться у копыт.

Светлая заря. Звонко загрела наша артиллерия.

— Гляди, Сам поехал, — говорят обо мне у дороги двое наших подводчиков, мужики, помятые ночлегом, с соломинками и сеном в волосах. — Сейчас, стало быть, пойдем вперед.

Подводчики ходили с нами по Таврии месяцами, некоторые были еще из Курска и Севска; они крепко к нам привыкли, наши бородачи, похожие на святых отцов с древних икон.

Пальма не отходит ни на шаг. Если в походе я шел пешком, ее любимым удовольствием было попадать со мной нога в ногу. Чувствовать ее за собой и для меня стало необходимостью, мне недоставало ее сзади, как будто без нее за мною была неуютная пустота. На походе, в самое пекло, когда рассерженно бреччат манерки и раскалены до темноты лица, Пальма не раз с высунутым языком забегала впереди идущих солдат. С лаем она высоко прыгала, просила пить. Стрелок откупоривал фляжку и лил в пасть Пальме воду. В благодарность Пальма тыкалась мокрой мордой в загорелую руку солдата.

Нигде, кажется, не найти такой застенчивой человеческой нежности, как у солдата к четвероногому приятелю. Принес ли артиллерист с последней стоянки за пазухой котенка — этот мяукающий зверенок, разевающий рот розовым треугольником, становится божеством всей батареи. В бою думают не о себе, а о нем, чтобы не испугать, не оглушить. Для него лучшее место, для него самое тепло, первый кусок. И балованное божество расхаживает по пушкам, как дома, грациозно отряхивая лапки в белых манжетках; на шее повязан бантиком кусок синей или красной тесьмы, и все зовут божество самыми нежными прозвищами: Барышней, Ветерком.

А собаки в полку не бывают существом женского рода, хотя бы и суки. Собака — это солдатский приятель, и, сука или кобель, она всегда мужчина. Полковая собака — самый добрый друг солдатской души.

А наши кони. Я не могу думать о них без чувства жалости и стыда. Мне нестерпимо стыдно вспоминать, как наши раненые кони, иногда с вывалившимися кишками, все ковыляли и ковыляли за нашей колонной, покуда не падали на дороге.

Наши звери стояли с нами в огне, не зная ни нашей распри, ни нашего добра и зла. Что они понимали в нашем человеческом бое, но все они, без сомнения, чувствовали опасность, испытывали страх, животный ужас. Пушечный огонь подавлял их так же, как людей. Одни

замирали от ужаса, каменели, другие неистово метались. Когда атака неслась вперед, их тоже как бы захватывала ярость боя. И это верно, что Пальма бросалась на пленных, еще ошалевших от огня, не понимавших, где они и что с ними, с лицами, черными от пыли. Тогда я отгонял ее хлыстом.

Пальма не раз увязывалась за мной в огонь, в атаки. В Крыму, в атаке под Гейдельбергом, Пальма была впервые ранена. Пуля пробила ей навывлет заднюю ногу. Мне было не до нее в горячке боя, но мое сердце защемила беспомощная жалость, когда я увидел Пальму, с визгом припрыгивающую на трех ногах по пыльным кочкам. Она беспрерывно и тускло лаяла, присаживалась на задние лапы и слизывала кровь. День был жаркий, глухой, над ней роями носились мухи.

От стрелка к стрелку, ухватив за жесткий закрик, Пальму перетаскивали по боевой цепи к санитарам. Она упиралась. В мгlistой духоте мы поднялись в атаку. Большевиков сбили, но часа через два они снова перешли в наступление по всему фронту. Наш третий батальон отступил под тяжелым ударом. На помощь батальону я поднял в атаку офицерскую роту и команду пеших разведчиков. Люди двинулись с тяжелым гулом, задыхаясь от духоты.

Медленно отступавший батальон увидал нас, как будто бы покачался на месте и с глухим «Ура» повернул обратно на красных. Мы ускорили шаг. Вдруг я почувствовал, как что-то горячее трется у моего сапога. Смотрю — Пальма.

В черной коросте присохшей крови, охваченная прозрачным паром дыхания, мокрая от бега, со сползшими марлевыми бинтами, волочащимися по жесткой траве, Пальма шла рядом со мной под огнем, не отступая.

И вдруг ее отбросило в сторону. С визгом она упала боком в траву. В атаке Пальма была ранена во второй раз, в спину, легко. Ее снова унесли на перевязку, откуда она перед тем сбежала. Только вечером после боя, когда мы отбросили красных, я нашел Пальму в обозе, у моего возницы, колониста Франца. Вся в бинтах — Франц обмотал ей зачем-то и голову, — Пальма, беспечная к своим ранам, встретила меня бодрым лаем. От Франца я узнал, как именно она попала к нам в бой после первого ранения.

Франц, по моему приказу, крепко привязал раненую Пальму к экипажу ремнем, но она так билась и рвалась, что Францу не раз приходилось опрavlять ей сползающие повязки. Потом Франц отлучился к коням, а когда вернулся, Пальмы уже не было. Тигровый бульдог перегрыз ремень, с обрывком на шее понесся на трех ногах, кропя кро-

вью, по пустой колонии, кинулся под пулеметный огонь в цепи, чуть-ем, почти мгновенно, нашел меня и пошел со мной в атаку, откуда не был ранен снова.

В другом бою, под колонией Грюнталь, красные потеснили марковцев. Мы пошли им на помощь. В автомобиле я объезжал колонны. Уже темнело. Над нами кружился наш аэроплан. Летчик сбрасывал вымпелы, тяжести с донесениями. В сумерках мы не могли их найти на кукурузном поле. Летчик снизился. Машина, обдавая нас холодным шумом и треском, носилась над самыми головами. Летчик выбросил что-то вроде простыни. Это была географическая карта, на ней карандашом торопливо набросано донесение: севернее колоний Грюнталь и Андебург в ложине замечена вся Вторая конная армия. Она готовится к атаке.

Мы двинулись на Грюнталь и Андебург. Со штабом дивизии, двумя ротами Первого полка и офицерской ротой я вошел в колонию Грюнталь. Стоял тихий августовский вечер. Это было 14 августа 1920 года. Мы сели за обеденный стол в штабе дивизии, когда с окраины колонии покатило «Ура!» и залпы. В Грюнталь ворвалась красная конница.

Я выбежал на двор к офицерской роте. Стрелки уже стоят на изготовку вдоль камерной ограды немецкого дома. Красная конница с визгом, размахивая шашками, несется по улице. Всадники на скаку швыряют к нам во двор ручные гранаты. Мы дали залп. Всадников отнесло, помчались назад. В том бою мне особенно памятен наш Дед, старик Манштейн, отец однорукого генерала Манштейна, командира 3-го Дроздовского полка. Старый Манштейн, ветеран 1877 года, жестокобровый, седой как лунь, в поношенной офицерской шинели, сурово стоял в цепи с револьвером в руке. На мгновение он показался мне видением всех наших суровых отцов, залетевшим к нам сизым орлом старой Императорской армии.

Мы отогнали конницу и стали отходить от Грюнталья к холмам, на подходящие к нам полки. Верхом, с конвоем и офицерской ротой, я поскакал к ним навстречу.

Скоро с холмов до нас донеслись в потемках голоса, лязг оружия. Высланный разъезд встретился с разъездом поручика первой Дроздовской батареи Гампера. От него мы узнали, что полки еще не подошли, но что первая батарея заняла холмы.

Стемнело совершенно. Красные, заскакавшие снова в Грюнталь, открыли по нас пулеметный огонь. В темноте на батарее нас могли принять за подошедших большевиков. Я приказал поручику Гамперу скакать предупредить, что идут свои. Но было уже поздно, Гампер

доскакать не успел. Вдруг вспыхнул сильный сноп огня, ослепил, и грянула по всем нам наша собственная картечь.

Рядом со мной был убит начальник службы связи капитан Смирнов, прекрасный офицер, ранено шесть конвойцев и адъютант генерала Ползикова, командира артиллерийской бригады. Я покрыл артиллеристов неистовой бранью, до сипоты, и вдруг, в порыве бешеного отчаяния, мы все, пригибаясь к лукам седел, неслись к батарее. Наши артиллеристы готовились в третий раз встретить нас прямым выстрелом, но узнали в темноте мой голос. Все спасла наша отчаянная скачка под картечью с шестиэтажной бранью.

Первый и Второй полки, наконец, подошли. Мы двинулись в наступление на Грюнталь. Генерал Манштейн с Третьим полком пошел к Андребургу. В темном поле полк встретил какую-то батарею, окруженную всадниками.

— Какая батарея? — окликнул однорукий Манштейн.

Молчание.

— Какая батарея, почему молчите?

Молчание. Манштейн подскакал ближе.

— Да что вы, оглохли?

— Так что пятая, — слышался в потемках голос ездового. — Да только мы в плен забраны. Пленные.

— Как — пленные?

Пятая батарея, оказалось, вошла и Андребург, когда туда налетела красная конница. Красные погнались захваченную с налета батарею в тыл, но напоролась на Манштейна. Мы мгновенно выбили красных из колонии и повернули всеми силами на Грюнталь. Отбросили красную конницу и оттуда.

После боя, утром, меня вызвал по полевому телефону из штаба корпуса генерал Кутепов.

— Что же вы, батенька, — звучно стал меня распекать генерал, — отдаете батарее и ни черта мне не доносите.

— Как так, ваше превосходительство?

— Да так. Нами перехвачено советское радио. Вот послушайте: лихой конной атакой нами взята с боя пятая Дроздовская батарея...

— Да эта батарея уже преспокойно отдыхает у нас...

И я рассказал генералу Кутепову, как все было. Он сначала не верил:

— Просто вы сформировали новую, а говорите, что пятая...

Кутепов поверил только позже, когда приехал в дивизию и сам побывал в пятой батарее, многих бойцов которой он знал лично. Он много смеялся «очной встрече» генерала Манштейна.

Но что же в ту тревожную ночь было с Пальмой? Когда красная конница налетела на Грюнталь и мы подались к холмам, Пальма, гонявшая весь день, спала, что называется, «без задних ног» под моей койкой. В горячке боя я не заметил, что Пальмы нет со мною на дворе штаба дивизии. Пальма спала до того крепко, что ее не разбудили ни взрывы, ни выстрелы. Так мы ушли, а Пальма осталась в Грюнтале. Красные кинулись в дом, рассказывала позже немка-хозяйка, торопливо искали в штабе наши приказы, документы. Мгновенно они все перевернули и разнесли, не зная, что вся моя походная канцелярия отлично умещалась в сумке одного ординарца.

От топота и шума в доме Пальма проснулась. Она выбралась из-под койки, и что же открылось ее глазам: толпа орущих, потных людей, обвешанных холщовыми пулеметными лентами, ручными гранатами, и все без погон.

Точно страшный сон приснился ей: дом был полон людей-врагов, людей без погон. И Пальма, бесстрашная и свирепая, мгновенно кинулась на ближайшего. Поднялась дикая свалка, Пальма кидалась на красных, повисала, сомкнув зубы, у них на руках, рвала в клочья шинели, прокусывала сапоги. Пальму избивали прикладами, ногами, рукоятками револьверов. Ее, конечно, убили бы, если бы один из красных кавалеристов не заметил, что это чистокровный германский бульдог.

— Стой, даешь мне! — крикнул он, хватая Пальму за кожаный ошейник.

Тогда-то и докатилось с улицы «Ура!» нашей ночной атаки. Мы ворвались в колонию. Красных как смело, Пальма была спасена. Я поскакал к штабу дивизии. Ко мне с лаем мчалась Пальма. Точно она бурно бранила меня, как я мог забыть о ней, оставить ее. За ошейник я подтянул ее к себе в седло. От радости она содрогалась у меня на груди, царапала гимнастерку когтями, как бы желая ворваться в меня. Я целовал ей голову, сильную грудь. При свете карманного фонаря я увидел, что спина Пальмы в ссадинах и глаз затек от удара.

Она вдруг вырвалась от меня и стала высоко подпрыгивать к моему коню и к моим рукам. Она плясала на задних ногах, изнемогая от восторга свидания.

После двух ранений Пальмы для меня стало заботой не пускать ее в огонь. Я ее запирал, отправляя ее на ремне в тыл, в обозы. Вестовым приходилось тащить ее изо всех сил, так что ее зеленый с бляхами ошейник налезал ей на наморщенный серый лоб. Она упрямо садилась на дороге, упиралась, как каменная; она точно чуяла свою судьбу — солдатскую гибель в боевом огне.

Это было в начале прекрасного летнего дня, на станции Пришиб, где стоял штаб дивизии. Вестовой постучал ко мне и сказал:

— Ваше превосходительство, летит аэроплан.

Я вышел на крыльцо, Пальма, конечно, со мною. Высоко над нами гудела сильная машина. Все и Пальма следили за ней, подняв головы. Я приказал расстилать код, опознавательные знаки. Вдруг загрохотал ужасный взрыв, точно сдвинулась земля. Второй взрыв, третий. Аэроплан сбрасывал на нас шестипудовые бомбы. Это был впервые показавшийся тогда над нашим фронтом советский «Илья Муромец», прозванный позже стрелками «Ильюшкой».

Громадный аэроплан, бросая на поле быстрюю тень, скрылся с тяжелым гулом. Около штаба осколками бомб был ранен командир Дроздовской артиллерийской бригады генерал Ползиков, пятеро солдат и офицеров и Пальма. Осколками ей перебило бедро и ранило в живот. В живот смертельно.

Я понес ее на перевязку. Ни визга, ни стога. Она затихла, как-то полегчала, и оттого, что она стала такой легкой и что так удобно нести ее на руках, я понял, что это конец. Ее мокрые черноватые губы мелко и косо дрожали. Потом ее голова свесилась с моих рук, как у ребенка. Надежды не было, но я все же решил отправить ее в ближайший тыл, в село Федоровка, на ветеринарный пункт.

Пальму отвезли поздно вечером. До вечера я лежал с ней рядом, голова к голове, и шептал ей все добрые, все хорошие слова, какие только знал. Пальма дышала коротко и горячо, дрожал кончик ее посеревшего сухого языка. Она меня слушала.

Пришел Дед, старый Манштейн. Он страшно любил Пальму. Он всегда потихоньку натаскивал ей в карманах шинели котлет, сахару, случалось, жирную курятину. Дед был с Пальмой суров, чувств своих не высказывал, но они горячо любили друг друга. Дед с крученкой обычно сидел у меня с Пальмой в углу, молча и тесно. Пальма одному ему из всех нас как-то застенчиво лизала за ухом.

Дед пришел, сел тихо. Лохматая с волокнистым табаком крученка скоро погасла в его руках. Дед, как и я, только смотрел на Пальму. Мы уже ничего не могли для нее сделать. Она необыкновенно кротко приподняла голову и посмотрела на Деда, хвост слегка дрогнул — узнала. По жесткому лицу Манштейна, солдатскому сивому усу покатились слеза. Он сердито утер ее рукавом шинели, а уже покатились другая...

Жизнь Пальмы окончилась и селе Федоровка, в ветеринарном лазарете. Моя мать, приехавшая тогда ко мне на свидание и ожидавшая меня в Федоровке, была с Пальмой до самого конца. Пальма кончи-

лась тихо, без стопа. Несколько раз она кротко приподнимала голову, прислушиваясь к чему-то, слышному только одной ей...

Полегчавшее тело маленького серого германца, приставшего к нам, белогвардейцам, в пургу 1919 года, закопали в поселке Федоровка. Моя мать отметила могилу Пальмы большим серым камнем.

Гейдельберг

Гейдельберг — старинный город, кабачки, песни, дуэли, бурши в романтических плащах... Но Гейдельберг в Крыму — тихая немецкая колония верстах в трех севернее Мунталя, в лощине.

На Гейдельберг, занятый красными, наступал от Мунталя наш третий батальон, под командой полковника Бикса²³¹. Доблестный Бикс атаковал ночью, в потемках. Красных вышибли. Третья офицерская рота, пулеметчики, команда пеших разведчиков вышли севернее колонии на холмы. В это мгновение красные ударили в контратаку. Атака навалилась на третий батальон. Бикс начал отходить.

Уже посветлело. В бинокль я заметил, что отступают одни наши белые околыши. Цепь за цепью, цепей восемь. Со мной пешие разведчики, пулеметчики, офицерская рота, отступать на нас, стало быть, может только один батальон Бикса. А надвигаются целые полчища в белых околышах. Что за чертовщина?

Я подозвал командира пулеметной роты капитана Павла Михайловича Трофимова²³², блестящего офицера, великого нашего молчаливика. Он молча взял под козырек и с совершенным хладнокровием пошел к пулеметам. Пристрелка. Снова молчание. Вдруг заскрежетали все двадцать четыре пулемета. Я вижу, как начиная с третьей цепи наши стали косить белые околыши.

— Господи, но там наши, — говорит за мною кто-то из адъютантов.

Подскакал полковник Бикс:

— Ваше превосходительство, вы стреляете по своим. Это мой батальон.

— Сколько у вас штыков?

— Пятьсот.

— Возьмите бинокль и смотрите. Сколько там наступает?

— Что такое? Там несколько тысяч!

— Ваших?

— Нет.

— Конечно нет. наших только три первые цепи, а за ними красные. Они надели фуражки с белыми околышами: военная хитрость, вернее, подлость.

Мы стоим на холме. Красные спускаются в ложину Гейдельберга. Видны их цепи, сметаемые пулеметным огнем. Третьему батальону я приказал отходить на меня. Первый и второй батальоны, отступавшие за третьим, ошиблись дорогой и вышли не на правую окраину Гейдельберга, а на левую. К ним поскакали ординарцы с приказанием идти беглым шагом ко мне. Нам надо было сойтись до того, как красные войдут в Гейдельберг, иначе нас раскромсают по кускам.

Наша артиллерия, ставшая на позицию ночью, оказалась теперь для большевиков открытой. Они покрывали батареи таким огнем, что нельзя было подать передков, сняться с места. Так мы могли потерять все наши пушки.

Большинство чинов штаба переранено, другие разосланы. Я приказываю команде пеших разведчиков подтянуться ближе. Под отчаянным ружейным и пулеметным огнем команда храбрецов подходит, с ними их храбрый командир, капитан Байтодоров, коренастый, суровый.

— Господа, — мой голос осекается, — первый и второй батальоны еще не подошли. Третий отступает. Мы одни. Наша артиллерия на открытой позиции. При отходе мы вынуждены оставить все пушки. Первый полк никогда не бросал артиллерии, не бросит и сегодня. Примите боевой порядок, и как только ворвутся большевики — в штывки. Вы поняли, господа?..

Точно сильно дохнула одна грудь:

— Поняли.

Офицерская рота и команда пеших разведчиков развернулись в боевой порядок. Красные всадники уже скачут по колонии: конница обходит нас справа. Я поскакал к пулеметной роте, бывшей правее, когда мне перерезали дорогу первые большевики. Впереди бежал рослый парень в белой рубахе, надутый ветром, лицо блестит от пота, в одной руке блещет наган, в другой ручная граната.

— Товарищи, вперед!

Я прицелился, уложил белую рубаху из маузера. Ручная граната большевика, сверкая, заковыляла в пыли, откатилась. Команда пеших разведчиков двинулась в атаку. Трофимовская рота заметила обход красных. В Гейдельберге начался ад. Офицерская рота, не успевшая развернуться, подалась под натиском противника, но повернула назад, в контратаку.

Тогда-то, серый от пыли, в потоках пота, к нам бегом подоспел второй батальон под командой полковника Василия Петровича Конькова. Из пересохших глоток вырвалось ярое «Ура!». Под лобовым на-

тиском большевики откинута назад, но справа, за колонией, от мельницы на нас поднимаются новые цепи.

— Полковник Коньков, видите мельницу? — кричу я командиру второго батальона.

— Вижу.

— На мельницу, в атаку!

Я сорвал голос, песок и пыль хрустят на зубах, мешаясь с соленым потом. Коньков во весь рост вышел перед головными пятой и шестой ротами.

— Братцы, за мной, ура!

Все лежат и кричат «Ура!». Блеск на винтовках, на манерках. Приподнимаются на колено, упираясь рукой в землю, лица напряжены до черноты, открыты от крика рты, хотят встать, натужены жилы на руках, на лбах, привстают и снова, с тяжким гулом, падают в пыльную траву.

Не встать. Неутихаемый, мучительный рев «Ура» катится над цепью. Они кричат с набрякшими жилами, выкачены невидящие глаза, они хотят встать, но сильнее человеческих сил сила огня, животное чувство жизни гнет нас всех к земле. В отчаянии, в бешенстве я кричу двум стрелкам, лежащим около меня:

— Вперед, вперед, ура!

И оба, ничего не видя перед собой, грузно, точно стопудовые, отрываются от земли, поднялись и, шатаясь, побежали вперед. И тогда с железным лязгом, ослепительно сверкнув, поднялась вся цепь. Кинулась вперед.

Три-четыре минуты атаки. Красных погнало, но справа, под новым натиском, отходит команда пеших разведчиков, офицерская рота.

Скорым шагом, сильно отбивая ногу, к нам подошел первый батальон полковника Петерса и третий — полковника Бикса. Первый батальон на ходу рассыпался в цепь, двинулся в контратаку.

Еще не было, я думаю, и девяти утра, как красные отступили по всему фронту. День стоял жаркий, влажный, со столбами пыли и мглой над выжженной степью. Я прошел пыльный Гейдельберг. На улицах убитые, солдатское тряпье в крови, расстрелянные гильзы. В поле за колонией, у большой немецкой скирды, красными брошены четыре пушки. Кругом лежат убитые артиллеристы. Под самой скирдой раненый, перегнувшись надвое, стонет и выкашливает кровь. Меня удивило, как мы могли перебить здесь прислугу батареи, когда не видели ее, даже не подозревали о четырех пушках у скирды. Я решил, что все разбросал удачный разрыв нашей шрапнели.

Ветер шевелил длинные концы соломы. У скирды была тишина смерти. Через серую пушку, отблескивающую солнцем, перевесился

убитый наводчик. Уже собираясь уходить, я посмотрел наверх и замер в полном изумлении.

Увешанные космами соломы, коренастые, сухопарые, на меня смотрели сверху два загорелых стрелка в дроздовских фуражках. Они смотрели на меня с таким же удивлением, как и я на них.

— Какой роты? — сказал я, не вполне веря, что это наши.

— Так что разрешите доложить, команды пеших разведчиков.

— Но как вы сюда попали?

Оба разведчика, увешанные соломой, стали втолковывать мне, как именно они попали на скирду. Они пошли с цепью в атаку и не заметили, как вырвались вперед. Наши отступили, их обошли большевики, и пробиться к своим оба разведчика не успели; впереди уже были красные. Пропали удалые. Но вот огромная скирда — стрелки проворно забрались на нее, закидали себя соломой.

— Да на что же вы надеялись?

— А на то мы, ваше превосходительство, надеялись, что верх все равно будет наш, что Первый полк выручит беспременно.

Оба стрелка зарылись в солому, бой уходил дальше. Все не наш верх. Так они таились около часа. Вдруг слышат лязг пушечных цепей. На рысях подкатывает к скирде батарея. На помятых фуражках красные звезды: товарищи. Они с проворством снялись с передков, один полез на скирду. Наблюдатель. Оба наши затаили дыхание, притиснулись друг к другу. Вот-вот красный наблюдатель наступит на плечо или на руку.

— Скирда, ваше превосходительство, сами видите, шагов сорок длины. Наблюдатель до нас шагов пять не дошел. Ходит по соломе, шуршит, такую пылищу поднял, чихнуть хочется — страсть. Мы руками носы, рты позажимали, чтобы не чихнуть. Вдруг слышим «Ура». Ближе к нам подается. Тогда мы поняли, что подходит наш полк.

— Да как же вы поняли? По «Ура»?

— Так точно. У товарищей крик большой, но точно по низу идет, а у нас по верху рвется, узнать легко.

— Ну и что?

— Ну, когда обратно подходит, мы поняли, что верх будет наш. Тогда высунулись оба из соломы, схватились за винтовки и давай бить. Наблюдателя первого со скирды долой.

— Сколько выпустили?

— Патронов шестьдесят. Прямо как из пулемета крыли.

Красный офицер в долгополой шинели лежит лицом в траву. Стекла бинокля разбиты. Вокруг пушек я насчитал четырнадцать убитых. Большевиков, по-видимому, охватил ужас от внезапного огня сверху. Видно, они бежали не оглядываясь, были убиты на бегу.

Скоро к скирде подошла команда пеших разведчиков. Начальник команды начал было докладывать о потерях, что двое пропали без вести.

— Да вот они, без вести пропавшие...

Вся команда смотрит снизу, а два стрелка, черные от загара, счищая с себя солому, порывисто дыша, стоят на скирде. Пошли расспросы. Один из них был пленный матрос, другой наш, из суровых хуторян.

Первый батальон занял Гейдельберг. Бой утих. Часа через три вновь загремели пушки. Снова покатались серые цепи красных, поперло бессмысленное Число. Весь полк втянулся в бой. Когда у меня остались в резерве едва только две роты, мне доложили, что первый батальон отступает. Я повел весь резерв на помощь доблестному батальону. Увидя подмогу, он повернул назад в атаку, ударил всей грудью. Большевики дрогнули, откатились назад.

К сумеркам последняя пушка умолкла. Под Гейдельбергом мы разбили 1-ю советскую стрелковую дивизию, отборные войска, гарнизон красной Москвы. Все пленные были ладно одеты и хорошо откормлены; мы заметили у них старую солдатскую дисциплину. Тяжелый бой под Гейдельбергом напомнил нам бои Великой войны. Мы выпустили до пяти тысяч снарядов; красные, я думаю, раза в два больше. Мы потеряли шестьсот бойцов.

Этот бой звался у дроздовцев «боем адъютантов». Все полковые адъютанты были переранены или убиты; смертельно ранен адъютант второго батальона поручик Сараев, ранен адъютант первого батальона Гичевский, мой штабной адъютант штабс-капитан Виноградов — теперь, в изгнании, принявший монашество, — ранен адъютант Степанищев, начальник пулеметной команды капитан Трифимов. Не останови трофимовская пулеметная рота своим огнем обхода справа, день Гейдельберга мог бы окончиться для нас разгромом.

Гейдельберг — вымершая и выжженная солнцем степная колония. Вокруг, в пыльном поле, где шумит и сегодня горячий степной ветер, спят вместе до Страшного суда белые и красные бойцы. И над всеми ними ходит, качается, блистая на солнце, трава забвения — серый ковыль.

Курсанты

Крым. Июнь 1920 года. Бои. Мы в таком непрерывном боевом напряжении, когда начинаешь чувствовать, что надо передохнуть, выспаться, выйти из огня в тишину, в покой, как бы напиться свежей, холодной воды.

Пыль атак. Пушечный гром. Отдыха нет. После Гейдельберга мы наступали степью, в отблескивающем ковыле, обдаваемые суховеем, загоревшие, с посветлевшими от усталости глазами. Все переходы как перекаты одного огромного боя.

Идем тремя колоннами: кавалерийская бригада и 3-й полк на село Жеребец, западнее Орехова, 1-й и 2-й Дроздовские полки на Орехов, а на село Большая Камышеваха, за Ореховом, двигалась, блистая в пыли, кавалерия генерала Барбовича. Орехов — ось нашего движения.

За несколько дней до того разведка прислала сводку, что у станций Пологи и Волноваха высаживается бригада красных курсантов. Курсанты, если это были они, привалили на Южный фронт, одурманенные удачами, безнаказанностью, легкостью расправ над восставшими обывателями и крестьянами. Среди них, как мы знали, была революционная учащая молодежь; были даже некоторые юнкера и кадеты, сбитые с толку всеобщим развалом и нашедшие в красных военных школах видимость знакомого быта. Но много было и наглой городской черни, которую до революции называли хулиганами.

Это было смешение революционных подпольщиков с городским отребьем, армейскими неудачниками и переметами. Все были, конечно, коммунистами. Это была ядовитая выжимка России, разбитой войной, разнузданной и разъеденной революцией. Это была страшная сила.

Мы не очень-то верили донесениям разведки, не верили и в красных курсантов. От села Сладкая Балка, после удачного удара по большевикам, мы двинулись на Орехов. Новое сопротивление. На плечах противника мы ворвались в город. Курсантов нигде и помину. 1-й Дроздовский полк занял Орехов, выставил сторожевые охранения. 2-й полк стал в городском предместье, в селе Преображенка.

Вечером, в штабе полка, меня вызвал начальник службы связи капитан Сосновый²³³:

— Ваше превосходительство, удалось включиться в линию телефона красных. Слышен разговор их комбригов.

— Вы не ошибаетесь?

— Никак нет. Они. Слышно отчетливо. Кажется, там красные курсанты...

Красные, отступая, довольно часто забывали перерезать провода, и мы, зная это, всегда включали наши аппараты в телефонные линии и слушали противника. Большевики не перерезали проводов и на этот раз. Я взял слуховую трубку.

— Алло, алло... Комбриг краснокурсантов, — услышал я и подумал: «Так курсанты, действительно, здесь», — а голос продолжал: — Почему вы оставили Орехов?

— На нас наступали дроздовцы, — отвечал другой голос, только что выбитого мною из Орехова командира советской бригады. — Полк не выдержал атаки. Еще и теперь я привожу его в порядок.

— Ничего, завтра мы приведем в порядок дроздовскую сволочь... В шесть утра бригада курсантов начнет наступать на Орехов южнее железной дороги, с востока, с заданием атаковать белогвардейцев с тыла. Ты слышишь?

— Слышу. С тыла.

— Курсантов будут поддерживать бронепоезда. Твоя бригада поступает в подчинение мне, в резерв. Слышишь?

— Слышу. В резерв.

Далеко за полночь телефонисты все еще записывали переключку двух комбригов. Судя по их ночному разговору, они гордились, что им поручено покончить с белыми дроздами, уверенно ждали встречи: их — отборная бригада, нас в Орехове один полк. Они могли переменить ход удара, но удар готовили несомненно.

У нас поднялась затаенная спешка перед неминуемым боем; усилены сторожевые охранения, выслана разведка, послана связь во Второй полк. В четыре часа утра я приказал Первому полку без шума сосредоточиться у вокзала, на восточной окраине Орехова, откуда обещали ударить курсанты. Третий батальон и артиллерия стали на позицию. Для верности прицельного огня артиллеристы кое-где расставили вежи.

Заря, прохладная и свежая, осветила лица: какие все молодые, какие суровые. На траве играет роса. Бездонное синее небо обещает прекрасный день. В то утро снова многие из нас в последний раз смотрели на небо, на солдатский синий покров над всеми нами.

Ровно в шесть мы услышали дружный гул. Далеко заблестали первые цепи противника. Правее них, на железной дороге, закурились дымы пяти-шести бронепоездов. На нас шли в атаку курсанты и бронепоезда. Курсанты шли превосходно. Легко, быстро, стройно, с возрастающим гулом.

Загремели пушки: бронепоезда красных, распугивая стаи голубей и воробьев, бьют по еще не проснувшемуся Орехову, по мокрым от росы крышам, над которыми бродит румяный пар. Мы стоим в полном молчании, я огня приказал не открывать.

Серые, выблискивающие цепи курсантов подкатили тысячи на три шагов и заметно замедляют движение. Они идут теперь, точно прислушиваются, почему дрозды молчат как могила. Их затревожило молчание, они приостанавливаются. От цепей покатались вперед дозоры в два-три человека, цепи очень медленно двигаются за ними, точно ощупывая, куда идут.

Наше гробовое молчание поколебало их великолепный первый порыв. Медленно, неуверенно, как бы отяжелев, они плывут к нам. Две тысячи шагов. В бинокль хорошо видны люди, блистающие штыки.

— Огонь!

Наши пушки и все сто пулеметов ударили в лоб. Огненная жалящая смерть. Огонь разбрасывает их, терзает, но курсанты катятся вперед, как лавина. Их раздирает фронтовым огнем.

До нас шестьсот шагов. Третий батальон полковника Мельникова пошел в контратаку. С необыкновенной быстротой кинулся вперед третий. Его контратака отбросила курсантов, уже растерзанных огнем. Они качнулись, покатались назад.

Батальон, с пленными, так же быстро, молча вернулся; молния ударила и отлетела. Командир батальона в атаке ранен в голову. Учащеннее наш пулеметный и пушечный огонь, и кажется, что слышно в нем ликование нечеловеческих сил, терзающей смерти.

Бронепоезда красных, заметив отступление курсантов, в отместку открыли ураганный огонь. Они бьют вслепую, куда ни попадя, разбивают снарядами город. Около меня осколком смертельно ранило вахмистра Носова. Ему был поручен наш полковой значок. Он был простой солдат Империи: сильный, спокойно-красивый русский богатырь, настоящий белый солдат. Между его загорелыми, крупными пальцами в серебряных кольцах затекала полосками кровь. Он желал перекреститься, очень страдал от раны и уже кончался.

— За правду, — бормотал он, — за правду.

Тонко дрожал в предсмертной улыбке его рот. Навсегда открылись в синее небо серые солдатские глаза. Я завел ему веки.

Вернувшиеся конные разъезды донесли, что большевики отступают на Камышеваху; мы отбили курсантов и могли теперь смениться с позиции.

После какого-то заземного существования в бою, когда человек со всех сторон охвачен смертью так, точно в нем одном таится вся жизнь, какая есть во вселенной, странно снова входить в жизнь, чувствовать, что она не только в тебе, но и вокруг тебя, что тебя со всех сторон обтекает мирное дыхание бытия. Странно в первые мгновения менять пропотевшую боевую рубашку, мыться у рукомыльника, закуривать, наливать чай, причесываться или садиться обедать.

Мы отобедали. Уже наступил мирный провинциальный вечер. Я забрался в ванну, начал с удовольствием полоскаться. И вдруг, как пробуждение, раскаты залпов, строчат пулеметы. На площадь, к дому, занятому моим штабом, сбегается дежурная часть. Спешно натянув свою сбрую

на мокрое тело, я вышел к полку. Нет, мирное дыхание бытия, мирная жизнь вокруг, вечерняя тишина — все обман.

Красные курсанты идут по городу. Они очнулись от утреннего огня. Их второй вал будет яростнее первого. Курсанты идут в атаку с пеном. Они переиначили нашу белогвардейскую «Смело мы в бой пойдем за Русь святую»:

Смело мы в бой пойдем
За власть трудовую
И всех дроздов побьем,
Сволочь такую...

Полк сосредоточился у вокзала. Там была обширная базарная площадь, огороженная забором. По краю тянулось здание земской больницы. Проходы в заборе были замотаны колючей проволокой. Первый полк стал на базарной площади. Ко мне подошел командир роты, занимавшей сторожевое охранение, и сказал вполголоса:

— Ваше превосходительство, первого взвода, бывшего в заставе, целиком нет.

Исчезновение взвода показалось мне невероятным, тем более что полковой врач доложил, что ни одного раненого из этого взвода через перевязочный пункт не проходило. Неужели захвачен врасплох, отрезан, погиб до одного человека целый взвод, сорок человек с двумя пулеметами?

Ночь была теплая, безветренная. По небу медленно волокутся тучи. Ближе пение курсантов. Я обернулся и тоже приказал петь всем полком. Сделал я это в надежде, что исчезнувший взвод по нашему хору найдет к нам дорогу.

Полк пошевелился за мной в потемках, как бы легкое дуновение прошло но нему, и поднялось наше дружное сильное дыхание:

Смелей, дроздовцы удалые,
Вперед без страха, с нами Бог...

Пели все — командиры и бойцы, от старого деда Манштейна до подростка-пулеметчика. Наша боевая, как мощная молитва. Доносит пение красных. Теперь это стенания «Интернационала»:

Вставай, проклятьем заклеянный...

Порывы нашего пения обдают мне затылок и щеку, до дрожи. В потемках сходятся революция и Россия, бунт и строй. На смерть. Нас, красных и белых бойцов, павших в бою, может быть, уравниют перед Вечным Судией наша смерть и наши страдания, но для жи-

вых останется навеки заветом беспощадная борьба, выбор между белым и красным, между бунтом и строем, между революцией и Россией. Мы за Россию.

Вперед без страха, с нами Бог...

Передние цепи курсантов выкатились на вокзальную площадь. Из темноты доносится:

— Товарищи, вперед, ура...

Они бросились в атаку. Тогда я приказал открыть огонь. Точно засияли чудовишные молнии, озаряя площадь в непрерывных падениях. Атака отбита. Теснясь кучками, они пытаются удерживаться на площади. Сносит огнем шевелящиеся островки. Команда пеших разведчиков послана за отступающими. Начинают приводить пленных.

Все щегольски одеты, лихо замяты фуражки с красными звездами. Все в хороших сапогах, с клоками намасленных волос, выпущенными из-под фуражек. Мы легко узнавали коммунистов по печати наглой вседозволенности на молодых лицах. Одни дико озирались, еще не понимая толком, что с ними случилось; другие, с посеревшими от страха лицами, крупно дрожали.

Ночной бой утихал. Меня охватила такая усталость, что тут же на площади, среди первого батальона, я лег на землю и мгновенно заснул. Вскоре я проснулся в потемках от невыносимой жары и духоты. Оказывается, когда я спал, накрапывал ночной дождь, и стрелки стали потихоньку прикрывать меня шинелями. Один подойдет и покроет, за ним другой заботливо набросит свою. Вскоре на мне оказалась чуть ли не дюжина шинелей, а гора все росла, и не проснись я от духоты, стрелки, чего доброго, навалили бы на меня шинели всего батальона.

К исходу ночи курсанты с нестройными криками, видимо подбадривая друг друга, двинулись в третью атаку. Мы отбросили их огнем. Порыв был сбит окончательно. Светало. Первый полк двумя колоннами перешел в контратаку. На площади, куда мы вышли, мы могли убедиться в страшной силе нашего огня. Площадь была вповалку устлана мертвыми курсантами. Убитые лежали так тесно и такими грудами, точно их швыряло друг на друга. Застигнутые огнем, они, по видимому, сбегались, жались в кучки, и пулеметы сметали всех.

Наши цепи шли пустым городом. Обваленные заборы, крыши, пробитые их и нашими снарядами, низкий дым пожарищ — проклятая Гражданская война.

У каменистой высохшей речки под городом отступавшие вдруг обернулись. С отчаянной дерзостью кинулись в штыки. Встречный

удар. Сшиблись в остервенелой схватке. Дрались прикладами, разбитыми в щепья, камнями, схватывались врукопашную, катались по каменистому дну реки.

Наш штыковой удар был сильнее. Курсантов сбили, погнали. В нашей первой и второй ротах, ударивших в штыки, перекололо до пятидесяти человек. Курсантов перекололи до двухсот. Первый полк, осипший от «Ура», заметенный пылью, в порыве преследования вынесся за город в поле.

Все остервенели. Наши наступающие волны, достигая кучки отставших курсантов, мгновенно их уничтожали. Курсанты отступали мимо приречных камышей, куда с вечера была послана застава, наш исчезнувший взвод.

Там стали рваться мины. Застрочил пулемет. Курсанты попали под огонь с фланга и с тыла. Из камышей вышла редкая цепь стрелков, и мы узнали пропавший взвод. Каким радостным, свирепым ревом встретил их полк. Со штабом я подскакал к заставе. Поздоровался со стрелками. Теперь только я понял, как всю ночь болело у меня сердце за сорок пропавших бойцов.

Они стояли, увешанные поломанным камышом, измазанные грязью и глиной, как негры, в мокрых шинелях, с которых стекала вода. Оказывается, курсанты с броневиками стали вчера вечером на дороге у камышей и тем отрезали заставе отступление. Тогда взвод отошел в болото, в самую глубину. Люди всю ночь стояли по грудь в воде с двумя пулеметами на плечах.

— Мы были уверены, что выручите, — говорили стрелки, — не бросите нас с двумя пулеметами...

Я поблагодарил взвод за солдатскую верность России и нашим знаменам. Разъезды донесли, что курсанты отступают по всему фронту. Два батальона на подводах туда посланы их преследовать. Конные лавы генерала Барбовича показались из Камышевахи. Наша кавалерия напала там на бригаду, за день до того разбитую нами под Ореховом. Теперь Барбович разметал ее окончательно. Так окончилась встреча дроздовцев с курсантами. Четырехтысячная бригада оставила на поле сражения до тысячи человек. У нас в Первом полку убито и переранено более двухсот.

Из земской больницы, на вокзальной площади, ко мне пришел унтер-офицер, раненный в грудь штыком.

— В больнице большевики. Под койками винтовки... Сговариваются ночью переколоть наших и бежать...

Мне показалось, что унтер-офицер со штыковой раной помешался. Мы пошли с ним в больницу. Раненые встретили нас возмущенными

рассказами: их не перевязывали, они были брошены. Зато они обнаружили палату, где лежало человек тридцать курсантов в больничных халатах. Курсантов, не успевших пробиться к своим, собирал в больницу врач, молодой еврей. Он же выдал им халаты и уложил на койки. Курсанты сговаривались ночью переколоть наших и бежать из больницы. Врач, коммунист, скрылся.

Курсантов начали приводить ко мне. Среди них ни одного раненого.

— Коммунисты?

— Так точно, — отвечали они один за другим с подчеркнутым равнодушием.

Все были коммунистами.

— Белых приходилось расстреливать?

— Приходилось.

Мои стрелки настаивали, чтобы их всех расстреляли. Курсантов вывели на двор, их было человек тридцать. Они поняли, что это конец. Побледили, прижались друг к другу. Один выступил вперед, взял под козырек, рука слегка дрожит.

— Нас вывели на расстрел, ваше превосходительство?

— Да.

— Разрешите нам спеть «Интернационал»...

Я пристально посмотрел в эти серые русские глаза. Курсанту лет двадцать, смелое, худое лицо. Кто он? Кто был его отец? Как успели так растравить его молодую душу, что Бога, Россию — все заменил для него этот «Интернационал»? Он смотрит на меня. Свой, русский, московская курноса, Ванька или Федька, но какой зияющий провал — крови, интернационала, пролетариата, советской власти — между нами.

— Пойте, — сказал я. — В последний раз. Отпевайте себя «Интернационалом».

Выступил другой, лицо в веснушках, удалой парнишка, оскалены ровные белые зубы, щека исцарапана в кровь. Отдал мне честь:

— Ваше превосходительство, разрешите перед смертью покурить, хотя бы затяжку.

— Курите. Нам бы не дали, попадись мы вам в руки...

Они затягивались торопливыми, глубокими затяжками. Быстро побросали окурки, как-то подтянулись, откуда-то из их глубины поднялся точно один глухой голос; воющий «Интернационал». От их предсмертного пения, в один голос, тусклого, у меня мурашки прошли по корням волос.

— С интернационалом воспрянет...

«Род людской» потонул в мгновенно грянувшем залпе.

После боя под Ореховом бригада красных курсантов была сведена в один полк. Я узнал также, что курсантами командовал бывший офицер Около-Кулак.

Недели через две, ночью, наш Первый полк от меноннитской колонии Молочная подошел к колонии Гохгейм. Мы знали, что в Гохгейме стоит красная кавалерия, а у нас после Новороссийска не доставало лошадей. Если открыть огонь — спугнем, кавалеристы ускачут. Мы решили захватить их без шума. Цепи первой и второй рот в потемках добрались до заборов. Я шел с первой ротой. В колонии ни звука, ни лая, точно все вымерло.

Осторожно перелезаем через забор. Двор, темный сарай, за сараем переступают лошади. Там полно оседланных кавалерийских коней. Я распорядился — без звука на большевиков. Их взяли сонными. Так мы прошли дворов шесть, без выстрела, как глухонемые или привидения, забирая пулеметы, пленных, лошадей. Но вот выстрел во второй роте. Поднялась суматоха. Красные кавалеристы <...> успели драпануть.

На нас наскочил броневик. В Гохгейме разгорелся путаный ночной бой. Красные отбивались с яростью. В камышовом сарае, куда забежал один из офицеров, на него бросился скрывшийся там красный, начал душить; стрелки подняли душителя на штыки.

Первый полк с боем прошел колонию. А за колонией боевая судьба вновь свела нас с курсантами. Их цепи с батареей вели атаку на марковцев. В ту ночь 1-й Дроздовский полк снова тяжело вкатил курсантам, и после той встречи, как я узнал, они были сведены из полка в отдельный батальон.

Большевики откатились на запад. Мы шли по их тылам. У Трактира, памятного по Крымской кампании 1854 года, мы увидели в громадной лощине катящиеся цепи красных. Артиллерия открыла по ним ураганный огонь. Наша конница поскакала в атаку. Тысячи полторы красных было взято в плен. Конница гнала большевиков не останавливаясь, и вдруг затопталась в беспорядке на месте. Она наткнулась на батальон китайцев. Китайцы встретили нашу кавалерию залпами с колена. Отчаянные потери. Едва ли не четверть всадников переранена и перебита. Смертельно ранен в живот ротмистр Михайловский.

Быстрая атака пеших разведчиков и первого батальона опрокинула китайцев. Человек триста захватили в плен. У многих были на пальцах золотые обручальные кольца с расстрелянных, в карманах портсигары и часы, тоже с расстрелянных. Азиатские палачи Чека, с их крысиной вонью, со сбитыми в черный войлок волосами, с плоскими темными лицами, ожесточили наших. Все триста китайцев были расстреляны.

Мы захватили Янчекрак и оттуда поднялись на Васильевку. К Янчекраку подошел красный бронепоезд, обстрелял нас из пулеметов. На какой-то подводе стали будить в поход одного офицера. Его расталкивали, а он, румяный от сна, теплый, никак не просыпался. Он во сне был убит пулей с бронепоезда, и его начали будить уже после смерти. Только когда подняли его с подводы, увидели, что весь бок шинели в темной крови.

После Гохгейма курсанты были сведены в отряд. В начале августа Дроздовская дивизия занимала фронт Фридрихсфельд—Пришиб—Михайловка. 1-й Дроздовский полк стоял в Михайловке. Перед полком показались цепи противника. Примчавшись в Михайловку на автомобиле, я приказал полку, вместе с танковым отрядом, занять боевую позицию на северной окраине деревни. Один батальон я выслал вперед, левее, к кирпичному заводу, чтобы атаковать красных, когда те подойдут ближе, во фланг и в тыл.

Красные наступали против третьего батальона полковника Бикса. Они вырвались на триста шагов к двум гаубицам нашей седьмой батареи. Наши снаряды рвались в самой их гуще. Перед Михайловкой версты на три раскинулась целина, ровная и гладкая, как паркет. На ней виднелись красные цепи. Они шли быстро и стройно. Их легкий шаг показался мне знакомым.

Мы молча подпустили их на полторы тысячи шагов. Огонь. Цепи заметались, залегли, многих снесло. Среди цепей, верхом на хорошем коне, выблискивающим буланой шерстью, скакал всадник. Он вырвался вперед, поднял залегших, они побежали за ним с криками «Ура!». Его сбило с коня нашим огнем.

От кирпичного завода в атаку на красных, с фланга и тыла, бросился бегом наш батальон. Весь полк с танками ударил с фронта. Мы разметали атакующих. Это были красные курсанты. Бой под Михайловкой 17 августа 1920 года был их последней песней.

Любопытно, что за всю Гражданскую войну нашим артиллеристам один только раз довелось видеть открыто стоявшее орудие красных; это было у села Макеевка, в мае 1919 года. Дроздовская же артиллерия очень часто становилась открыто, несла, конечно, от этого потери, но зато ее огонь, можно сказать, вел пехоту и весь бой. Так и под Михайловкой красная артиллерия, на этой ровной как стол местности, не могла найти закрытую позицию, не поддержала атаки курсантов и успела выпустить всего лишь два-три снаряда.

Сбитый нами всадник был командир бригады курсантов ОколоКулак. Крупный человек с холеными барскими руками, прекрасно одетый, в тонком шелковом белье, он был убит разрывом гаубичной

бомбы. Разведчик седьмой батареи нашел его визитную карточку: «Отставной штабс-капитан Около-Кулак». С его гимнастерки был снят орден Красного Знамени, который и теперь хранится в нашем Дроздовском архиве.

Буланый конь убитого комбрига еще долго носился тогда по полю без всадника, позвякивая стременами.

Сечь

Поздним летом и осенью 1920 года Дроздовской дивизии пришлось обеспечивать широкий участок фронта к востоку от Днепра. Я стянул всю дивизию в кулак в громадное село Новогуполовка, на железной дороге Александровск—Синельниково.

Стоянку эту прозвали Запорожской Сечью. Мы выставляли во все стороны паутину сторожевых охранений, выходили за них для коротких ударов и снова возвращались в нашу Сечь. Там мы отдыхали и мирно, весело и сытно жили в летнюю пору. В самый разгар нашего отдыха от генерала Врангеля к нам в Сечь неожиданно-негаданно был прислан едва ли не целый взвод журналистов, иностранных военных корреспондентов. Среди них были англичане, итальянцы, французы.

«Я Вас очень прошу, — писал мне по-дружески генерал Врангель, — показать им бой».

А боя, как назло, даже и не предвидится. Мы только что вернулись в нашу Сечь после удачного рейда, когда разнесли красных перед фронтом Дроздовской дивизии. Разъезды ушли вперед верст на тридцать, нигде о противнике ни слуху ни духу. Но господа журналисты рвутся в бой. Их стали кормить до отвала; вином хоть залейся, песельники поют, оркестры гремят. Но противника нет нигде; не выдумывать же для господ военных корреспондентов по примеру потемкинских деревень потемкинские баталии.

В те дни у меня на левом фланге был в подчинении атаман противосоветского партизанского отряда. Партизаны бродили в камышах где-то на левом берегу Днепра. Что делали эти заднепровские ребята, здоровые, угрюмые, крепко зашибавшие горилку, я толком не знаю и теперь. Думаю, впрочем, что ни черта не делали: сидели в камышах в прохладной тени и дулись по целым дням замасленными картами в очко.

Атаман партизан, кажется приказчик или конторщик с большой экономии, левша, усы колечком, был, я думаю, из полковых писарей. Красных он ненавидел люто, нещадно, и все его белые партизаны были

такими же. Среди них были украинские мужики, ограбленные большевиками, мастеровые, солоно хлебнувшие товарищей, отбившиеся от рук солдаты, а в общем — суровая вольница.

Атаман Левша — назовем его так — разезжал в помещицьем экипаже на дутых шинах. Он сидел в коляске подбоченясь. По жилету пущена серебряная цепь от часов, сам увешан пулеметными лентами, а против него всегда сидел его гармонист. С венской гармонией в бубенцах и звонках, с перламутровыми клавишами, разезжал наш союзничек-атаман по селам.

Меня герой днепровских камышей явно боялся. Когда ему была надобность, он обычно оставлял подальше за селом свой экипаж на дутых шинах и гармониста, а сам скромно шел ко мне пешком; в разговоре по-солдатски тянулся во фронт. Партизанский атаман только приходил за довольствием и снова исчезал в камышах. Наконец мне это надоело, и при очередном свидании я сказал ему с ледяной вежливостью:

— Вот что, друг мой, довольно нам ломать дурака. Вы и ваши ребята жрут до черта и только отнимают у нас пайки. Больше я вас кормить не буду. Вы все равно ничего не делаете. Потрудитесь, мой друг, сделать что-нибудь, пошевелитесь, а то я начисто спишу вас с довольствия.

Атаман покрутил ус, обещал что-нибудь сделать и ушел заметно подавленный. Так и пропал. Журналисты между тем жаждали боя. Как только могли, мы покуда утоляли их боевую жажду обильными обедами и ужинами. Как-то раз, во время ужина, мне доложили, что пришел партизанский атаман. «За довольствием, — подумал я не без злорадства. — Нет, голубчик, ни шиша больше не получишь».

Атаман вошел героем. Его свирепый вид поразил корреспондентов. И было чему поражаться, когда мой Левша перепоясался во всех направлениях, куда только можно и куда нельзя, холщовыми пулеметными лентами.

— Я привел пленных, — гордо сказал Левша, с притворным равнодушием обводя всех глазами.

«Каких пленных? Врет», — мелькнуло у меня невольно.

— Ведите их сюда.

Вошло еще несколько пленников повстанцев, кто с винтовкой, кто с потертой берданкой, кто с карабином; кряжистые хохлы, загорелые, костистые; буйный черный волос так и прет из-под рваных папах с заношенными белыми лоскутками. Мужичьи затылки пропечены солнцем, в бороздах морщин. Все они тоже увешаны пулеметными лентами, как ходячие арсеналы, вид самый суровый.

А между повстанцами жмутся трое пленных, в хороших шинелях, у одного на ремне через плечо бинокль; красный офицер и два красноармейца. Вид у пленных пролетариев куда более буржуйский, чем у заднепровских серых орлов. За столом утихли, журналисты во все глаза смотрят на пленных. Я приказал их обыскать. И тогда у красного офицера под гимнастеркой нашли запечатанный конверт, а в нем документ исключительной боевой ценности. Это был приказ по 13-й советской армии. Ее частям, 9-й кавалерийской дивизии и двум бригадам 23-й стрелковой дивизии, давалось задание покончить с нами в Новогуполовке. Приказ предписывал двигаться тремя колоннами; точно были указаны маршруты, часы движения и отдыха.

— Поздравляю вас, господа, — сказал я, вставая из-за стола. — Мы выступаем немедленно.

Все поднялись с горячим «Ура».

Наши камышевые ребята со своим Левшой недаром ели дроздовский паек: они перехватили драгоценный документ. Он отдавал нам в руки ключ боя, только надо было опередить движение красных, следуя навстречу их же маршрутом. Начальник моего штаба тут же за столом написал приказ о выступлении, а я, чтобы было веселее, приказал взять с собой полковой оркестр. Мы точно знали маршрут и могли бить красных по очереди, колонну за колонной.

Ночью Третий полк уже атаковал среднюю колонну. Внезапная атака захватила их врасплох: они спали без сторожевых охранений, почти без часовых, так как были уверены, что идут по своим тылам и что белогвардейцы от них далеко.

Мгновенным ударом мы захватили красную бригаду вместе с комбригом. Большевики не понимали, что творится, они, что называется, еще не прочухались со сна, как все уже были пленными. Наши потери — один раненый, наши трофеи — вся красная бригада. Пленных погнали в тыл, а мы потекли вперед. Все было похоже на охоту впопыхах: подстеречь, налететь, захватить, не дать опомниться, поразить внезапностью удара.

Через два часа быстрого марша разведчики донесли, что впереди замечена новая колонна. Я приказал пехоте прыгать на повозки, а сам рысью повел на колонну кавалерию дивизии. Мы неслись по степи, в сухой траве, еще не тронутой росой и обдававшей нас пылью. Начиало светать.

В бурной быстроте ночного марша я забыл о наших гостях-журналистах. Правда, когда мы выступали после ужина, я предложил им следовать за нами в удобных экипажах. Но какие там экипажи — наши гости в один голос стали с лихостью требовать верховых ло-

шадей Они рвались в атаку едва ли не впереди нас, эти бравые газетчики.

Им подали заводных, порядком горячих лошадей конвоя. Только иронический и тонкий Шарль Ривэ, корреспондент «Тана», отказался от поэтического верхового коня и выбрал себе самую обычную прозаическую полковую тачанку. Мы скакали без дороги, нам было не до того, чтобы справляться, как чувствуют себя в седлах наши штатские попутчики. Полагаю, впрочем, что с непривычки подкидывало их здорово. Мне говорили, что кое-кто из журналистов проехался даже под конским брюхом.

В колонне большевиков так были уверены, что скачет своя конница, что не открывали огня. Зато я с полуторы тысяч шагов приказал конному артиллерийскому взводу открыть беглую пальбу. В колонне красных заметались. Доблестный полковник Хабаров повел в атаку Второй конный полк. Большевики, под огнем и перед нашими лавами, стали быстро отходить. Тогда я приказал атаковать всей нашей кавалерией.

— Шашки вон!

Подскакав к нашему оркестру, я махнул фуражкой и приказал играть. Блеснули трубы конных трубачей, конница, колыхаясь тесно и сильно, с музыкой двинулась в атаку. Оркестр играл мазурку Венявского. Это было изумительно красивое движение: атакующая с музыкой конница, сверкающее оружие, молодые лица, дружный гул копыт, ржание, выблискивание серебряных труб, и над всем гармонические волны мазурки.

Бег коня, свежий ветер в лицо, музыка, блеск — мы неслись в атаку с тем чувством, когда забыта смерть, точно нет ее вовсе, когда человек сильнее смерти. Я вспомнил о журналистах только тогда, когда проскакал боком на седле тощий англичанин в очках, с застывшей улыбкой, оскалившей желтоватые крупные зубы. Тогда я понял, что журналистам не следовало давать заводных лошадей.

Конвойные лошади превосходно знали свои места и по команде «Шашки вон» понесли господ иностранных корреспондентов в атаку. Признаюсь, с некоторым чувством вины вспоминаю я эту невероятную скачку журналистов. Мне помнится черноволосый, с оливковым лицом итальянец; он несся в атаку без стремян, со сползшим седлом, держась за конскую гриву.

Но все храбрые военные корреспонденты орали не хуже наших ребят; с ошалелой улыбкой орал «Ура» англичанин, зажмурившись, орал итальянец. В кепках, в пыльных пиджаках, с удалью летели они и атаку с одними своими блокнотами, карандашами и фотографиче-

скими аппаратами на потертых, выдавших виды, ремнях. Один корреспондент, маленький, довольно короткий полный человек, потный и багровый, пронесся мимо меня, размахивая шляпой, с яростным криком. Атака увлекала журналистов так же, как и их коней.

С музыкой ударили волны атаки, мгновенно опрокинули, смели красную колонну. Колонна была взята с артиллерией и обозом. Мы захватили до трех тысяч пленных одним ударом.

Еще дышали разгоряченные кони и люди, кони с храпом грызли мундштуки; их пропотевшие бока в темных влажных пятнах. Всадники рукавами гимнастеров, смятыми фуражками утирают лица, что-то радостно и жадно кричат друг другу. Над полем, потоптанным атакой, еще носится горячий трепет боя, боевого состязания со смертью, и над всеми, над победителями и над побежденными, еще плавно летает и поет мазурка Венявского.

Я шагом пустил коня вдоль толпы пленных. Они теснились, как разогретое серое стадо, к прозрачной дымке дыхания. С тачанки Шарль Ривэ махал шляпой, он удобно катил в тачанке за атакующей кавалерией, перевязывая по дороге раненых, наших и красных. Теперь он насмешливо крикнул мне, указывая куда-то вправо:

— Поэзия кончилась, началась проза...

Я думал, что он говорит про пленных. Запыленные, веселые и усталые мы двинулись с музыкой назад, в Сечь. Надо сказать, что третья колонна красных, их кавалерия, успела от нас драпануть. В рядах не умолкал смех. То здесь, то там поднималось дружное пение. Как оживлены все лица: русская юность идет с победой.

Я заметил, что невеселы одни журналисты: бледны смертельно, разболтанно трясутся на конях и все до одного сидят боком на седлах, просушивая на воздухе одну половину сиденья. Точно окривели вдруг, морщатся при каждом толчке, при каждом сильном ударе копыта. Глядя на кучку верховых журналистов, можно подумать, что мы потерпели страшное поражение, разбиты наголову и тащимся и трясемся теперь восвояси как в воду опущенные.

Только у штаба Сечи, в Новогуполовке, выяснилось, в чем дело. Там мы узнали, что журналисты, оказывается, просто-напросто поприлипали к седлам. Они так набили себе в скачке сиденья, что не могли сойти с коней. Удалых корреспондентов, непривычных, правда, к конным атакам, пришлось у штаба снимать с седел как детей, в охалку, в наши объятия, некоторые при этом даже легонько пристанывали. Предусмотрительный Шарль Ривэ указывал мне не на пленных, а на кучку журналистов: после боевой поэзии для них действительно началась лазаретная проза.

Стоит ли говорить, что доктору с фельдшером пришлось немало повозиться с корреспондентами, отмачивая им штаны перекисью водорода. У всех до одного, кого заводные кони понесли в атаку, сиденья были набиты, можно сказать, до сплошного бифштекса. Шарль Ривэ; правда очень добродушно, один смеялся над нечаянными отбивными котлетами. Но к обеду все неприятности были забыты, шумно полились разговоры и белое вино, запели песельники, заиграла музыка. Долго не хотели уезжать из дроздовской Сечи иностранные журналисты...

А помнят ли теперь наши гости — англичане, французы, итальянцы, — помнят ли они тогдашние свои восторги, с какими описывали в Лондоне, в Париже и в Риме белых русских солдат и их блистательную конную атаку с мазуркой Венявского?

Д. Пронин²³⁴

ЗАПИСКИ ДРОЗДОВЦА-АртиллЕРИСТА²³⁵

Молоко

Немного придя в себя после Новороссийского разгрома и подлечив ноги в госпитале в Феодосии, я нагнал свою батарею в конце апреля двадцатого года на Перекопе. Здесь мы сменили слащевские части.

На Перекопском валу расположилась марковская пехота, вынеся перед валом заграждения из колючей проволоки. Большевики занимали Перво-Константиновку и ряд возвышенностей на западе. Свои позиции они также опутали проволокой, очевидно готовясь взять нас измором. Большой активности не проявляли. Несколько раз щупали позиции небольшими силами, а обычно ограничивались вялым артиллерийским обстрелом. Наши легкие гаубицы стояли на закрытых позициях за валом. Постреливали редко. Тут же, недалеко от орудий, была устроена коновязь и вырыты землянки, в которых помещалась прислуга орудий. Дроздовская пехота находилась в тылу, и после десанта под Хорлами ей дали отдохнуть и пополниться. При отходе на Кавказ, под Новороссийском, в районе станицы Неберджайской, особенно тяжелые потери понес 3-й Дроздовский полк, с которым мы обычно действовали. Первый полк понес потери во время десанта под Хорлами.

Наступило сравнительное затишье. Что было мучительно — это недостаток еды. Особенно надоела всем камса — маленькая рыбеш-

ка, которую привозили бочками. На поверхности рассола, в котором она находилась, плавали жирные круги, очень напоминавшие пятна нефти на воде, не только по виду, но и по вкусу. Вкус этой камсы был отвратительный. Камсу выдавали к завтраку — к чаю, в обед из нее готовили тошнотворный, соленый суп, а вечером ее же выдавали на ужин. Отсутствие витаминов — овощей — сказывалось на зубах. Зубы начинали шататься, из десен шла кровь — очевидно, начиналась цинга.

Стыдно признаться, но праздником для батарей было, когда большевистским снарядом убило у нас лошадь. Куски конины поджаривались на костре, варился мясной суп. И если бы разрывом того же снаряда не был убит и ездовой Максим Бессонов, то можно было подумать, что на батарее какое-то торжество. Максим, или, как его все звали, Моська, — молодой славный парень из хутора Екатеринославской губернии. Убит он был осколком наповал.

Помню пасмурный день, когда мы стояли перед его гробом, сколоченным из ящиков и поставленным на два стула. Каждый, смотря на его спокойное, заострившееся лицо, задавал себе вопрос: не счастливее ли он теперь всех нас оставшихся?

Служил панихиду священник Марковского полка. Во время отпевания начал накрапывать мелкий дождик. Откуда-то взялась маленькая белая собачонка. Прикармливал ли ее Бессонов при жизни или просто пряталась от дождя, но она все время подлезала под гроб, а солдат с кадиллом, певший за дьячка, никак не мог изгнать ее оттуда. Собачку выгоняли, она забегала с другой стороны. Батарея стояла смиренно, и, чтобы не нарушать торжественности отпевания, пса оставили в покое, и до конца службы он так и сидел под гробом.

Мне пришлось вести взвод с гробом, поставленным на лафет, на кладбище около Армянска. В памяти осталась кладбищенская ограда из белого камня, комки красной липкой глины, падавшей на крышку гроба. Отдали прощальный залп. Когда выходили из ограды, шла какая-то рота пехоты с занятий. Молодые голоса стройно пели добровольческую песню:

Мы смело в бой пойдем за Русь Святую
И, как один, прольем кровь молодую.

Вернулись на батарею, и опять потянулась та же привычная жизнь, нарушаемая редкими тревогами.

Лошадь была съедена. Через неделю низким разрывом красной шрапнели был убит мул. Мулов мы получили от англичан и называли их «единственными верными союзниками». Действительно, тако-

выми мулы и были. Даже смертельно раненный мул везет еще орудие или двуколку и потом уже падает мертвым. Но достоинства мула, как упряжного животного, совершенно не относятся к качеству его мяса. Мясо оказалось чем-то вроде подошвы, и с шатающимися зубами его нельзя было жевать.

Раздобыть какой бы то ни было провиант в нашем тылу — Армянске или Юшуни — не было никакой возможности. Везде стояли войска. Все было выедено дочиста. Оставалось пространство впереди наших пехотных линий до линии большевистской проволоки. Там были хутора. Но бои, которые шли зимой и ранней весной, разорили и эту местность.

Однако наши солдаты разузнали, что некоторые хуторяне ушли в землю, соорудили землянки среди развалин и тут, на ничьей земле, имеют даже под землей коров. К деньгам они совершенно безразличны, ни «колокольчики» Добровольческой армии, ни «керенки», которые печатались большевиками, их не интересуют, но за вещи они охотно дадут молока. У меня в вещевом мешке оказалось несколько пачек катушек английских ниток, которые я положил туда на всякий случай в новороссийском порту, подняв их из разбитого ящика, около одного из горевших военных складов. На совещании с приятелями эти катушки были признаны валютой очень большой ценности. Получить разрешение начальства на такого рода экспедицию было дело безнадежное. Нужно было действовать на свой страх и риск. Опасность была как со стороны своей пехоты, которая могла принять меня за перебежчика к красным и пустить пулю или очередь вдогонку, так и со стороны красных. Не исключалась встреча на хуторах и с красными разведчиками.

Обвешавшись флягами, взяв винтовку и две ручные гранаты, на всякий случай, еще на рассвете, в тумане, я прошел наши пехотные линии. Поднял ежа, которым был закрыт проход в заграждениях, и без всяких приключений, очевидно из-за тумана, добрался до землянок, в которых жили хуторяне.

Первым моим вопросом было — нет ли на хуторах красных? Мне сказали, что последние дни их не видно, так как когда они пытались приближаться, то начинался сильный обстрел из пулеметов со стороны вала. Я начал свое коммерческое предприятие. На предложение денег только отмахнулись, но катушками заинтересовались. Пожилая хозяйка оказалась приветливой и заявила:

— Как ты живой до нас добрался, то уж порожняком назад не пойдешь. Ишь что выдумали — одни белые, другие красные, только народ переводят!

На столе появился свежий черный хлеб и молоко. Корку я есть не мог, приходилось жевать больше языком, чем зубами. С наслаждением поел и наполнил фляги молоком. Хозяевам отдал катушки. Удовольствие портила только мысль о том, как меня встретит наша пехота при возвращении. Ждать темноты не хотелось, так как мог понадобиться на батарее. Хозяева точно объяснили, где нужно проскакивать быстрее, где лучше проползти, так как стреляют красные. Принял их указания во внимание.

Итак, увешанный флягами с драгоценным молоком, немного ползком, кой-где перебежками я добрался почти до наших позиций. Осталось несколько сот метров. И тут началось. С вала раздался выстрел. Я увидел в воздухе мину с крутящимися лопастями хвоста. Стрелял марковский миномет. Чтобы не попасть под осколки, я распластался, прикинув к земле. Несколько вправо от меня последовал оглушительный взрыв. Ударило по спине несколькими комками земли. Снова последовал выстрел, и через меня со свистом и завыванием пошла вторая мина. Что я думал в то время? «Глупо погибать из-за молока». Других, более глубоких мыслей не было. После разрыва второй мины я решился — вскочил, крича и размахивая правой рукой, бросился к проволоке. На валу послышалась команда прекратить огонь, и когда я, запыхавшись, отсовывал ежа, то в проходе, с наганом в руке, стоял удивленный марковский офицер.

— Откуда?

— Артиллерист, седьмой гаубичной, ходил за провиантом.

— Ну и черти, недаром вас, артиллеристов, еще в германскую салями звали; ведь мы новый миномет пробуем!

— Виноват, господин поручик!

— Какой там виноват; мы вас чуть не утробили! — сказал, улыбаясь, марковец.

Молоко я принес всем приятелям, но больше за ним уже не ходил.

Перекопский бой

1920 год. Весна. А весной добровольцам всегда везет. Это все знают. Готовятся к наступлению. Вся огромная страна залита красным наводнением. На юге остался маленький полуостров, и на нем остатки разбитых частей армии генерала Деникина.

Генерал Врангель сумел внушить армии, что она жива. Мужественный генерал Витковский со своими дроздами показал в Хорлах, на что еще способны оставшиеся в живых. Вся дроздовская дивизия отведе-

на в тыл после Хорловского десанта. Гаубичный дроздовский дивизион в Хорлах не был, поэтому мы стережем Перекоп с марковцами. Началась пристрелка позиций красных. Начальник артиллерии генерал Фок сам летал на аэроплане и отмечал попадания. Как только какой-нибудь снаряд попадал в расположение неприятельской артиллерии или укрепленных позиций, огонь сразу прекращался, а цель записывалась. За несколько дней до наступления становились на позиции впереди Перекопского вала, выкопали рвы около орудий, чтобы наполнить их снарядами. Ящики и запряжки должны быть отведены подальше от батареи. На некотором расстоянии впереди — памятник, небольшой обелиск. Повесили на нем фонарь так, чтобы зажечь его ночью — точка отметки для наводчиков, невидимая со стороны противника даже в темноте.

Кто-то ездил в Юшунь и рассказывал, что пришло много войск и вся наша пополненная дивизия. Наступать на нашем участке будут марковцы, левее нас корниловцы и казачья кавалерия Морозова. Пришли и танки. Дело будет жаркое. Солдаты и добровольцы надевают чистые рубахи, как полагается, если придется престать пред престолом Всевышнего. Шуток не слышно. Все серьезные и сосредоточенны. Только Болотов не утерпел.

— Одно из двух, — говорит, — или убьют меня, или больше уж не буду есть камсы (маленькая крымская рыбешка).

Ночью, соблюдая все предосторожности, не шумя, не куря, не разговаривая, крадучись выехали на позиции. Так же бесшумно стали. Запряжки отъехали. Встал наводчиком. Получил от командира ряд прицелов и угломеров для разных целей. Записано и количество снарядов. Высота 9.3 — 10 патронов, беглый огонь; цель № 5 — 5 патронов и т. д. Такого количества снарядов мы давно уже не видали. Снарядов по 200 на орудие. Точку отметки — фонарь — зажгли. Видно отчетливо, но и на панораму (прицельное приспособление) кто-нибудь должен светить карманным фонариком сбоку так, чтобы свет не был виден издалека.

Порядок целей тоже дан. Поставили установку — угломер, прицел. Номера расположились цепью. Один во рву со снарядами и потом до самого орудия, чтобы не было суеты, беготни и бестолочи в темноте, а снаряды, как по конвейеру, подавались бы из рва к орудию по мере стрельбы. Теперь все готово. Сели кто на землю, кто на лафет. Кругом тихо. Не слышно ни пехоты, ни танков. Танки должны идти первыми — впереди пехоты. Сигнал для открытия огня — это одиночный выстрел восьмидюймовой пушки, стоящей где-то сзади нас. Ночь теплая — не шелохнется ничто.

Со стороны неприятеля началась было перестрелка, но сейчас не слышно никакого движения. Все молчат. Чувствуется напряжение. «Хоть бы уже началось!» — думает каждый.

Вдруг тишина оборвалась. Сзади что-то тяжело ухнуло. С шипением и свистом, через головы, пошел к красным тяжелый снаряд. Несколько секунд еще продолжалась пауза — молчание, и потом весь перешеек опоясался огнем. Теперь все внимание сосредоточено на углемере и прицеле. Проверяю установку после каждого выстрела. Чтобы не ошибиться числом снарядов, загибаю пальцы на левой руке. Выстрел следует за выстрелом. Впереди батареи четыре или пять огненных взрывов — их снаряды. Через несколько минут за нами опять полоса разрывов — перелет. Но нет времени наблюдать за их разрывами.

Старший офицер наклоняется ко мне и что-то говорит. Оглушенный стрельбой, абсолютно ничего не слышу. Он протягивает записку и светит на нее ручным фонариком. Читаю: «Высота 9.3 еще 10 патронов, беглый огонь на том же прицеле, потом перенести на цель № 5 — 10 патронов также».

Ушные перепонки болят, хотя все время, когда дергаю за шнур, приоткрываю рот при выстреле. Уже в одном рву нет снарядов. Достают и начинают подавать из другого. Тело орудия (ствол) раскалилось — так и пышет жаром, нельзя дотронуться.

Снаряды красных со свистом идут через головы и рвутся где-то сзади в расположении наших легких полевых орудий. Явно нас они не нацупали, да и считают невозможным такое близкое местонахождение от себя полевых гаубиц. В этом наше счастье. У легкачей (как мы потом узнали) были потери.

Канонада идет не прекращаясь и сливается в сплошной гул, где нельзя уже разобрать выстрелов с нашей стороны и разрывов их снарядов. Кажется, стонет земля.

Начинает уже немного светлеть, но все еще полутемно. Артиллерийский огонь со стороны красных слабеет, да и наш тоже уменьшается. Слышен металлический шум — идут танки, за ними, без стрельбы, идет наша пехота. Через час артиллерийский огонь уже стих, спереди слышен винтовочный и пулеметный. Командир говорит, что корниловцы удачно продвинулись на левом фланге, а наша кавалерия пошла уже вперед.

Снимаемся и идем за пехотой. Проезжаем проволочные заграждения, сильно поврежденные нашей бомбардировкой, и брошенные окопы. Проезжаем красную батарею. Тоже легкие полевые гаубицы. Четыре орудия. Одно подбито и лежит боком на разбитом колесе. Другое, видно, хотели взять на передки, но вся запряжка лежит по-

битая, около ездовые. Некоторые люди повыскакивали из землянок в белье и сразу попали под огонь. Вряд ли эта батарея отвечала нам. Навстречу ведут колонну пленных.

Втягиваемся в село Перво-Константиновка. Здесь успеваем даже забежать в хату и выпить молока. Однако стоим недолго. Выезжаем за околицу. Впереди бой разгорается все сильнее. Поддерживаем своим огнем марковцев. Но нажим красных все усиливается. Видим их цепи. Идут в полный рост. Это резервы — латышская дивизия. Марковская пехота начинает отходить. Полковник Соловьев удерживает батарею на линии нашей пехотной цепи. Стреляем прямой наводкой на коротком прицеле, но и снарядов уже немного.

От села мы уже отошли. Из него по дороге к Перекопу появляется несколько пулеметных тачанок и колонна красной пехоты. Высокий, худой марковский капитан, с головой, повязанной окровавленным платком, кричит что-то Соловьеву, указывая на деревню. Поворачиваем орудие почти под прямым углом и стреляем по голове колонны. Случай из ряда вон выходящий — первым же снарядом снимаем головную тачанку, второй попадает в середину колонны. Видно, как разбегаются и ложатся люди, как поворачивают коней тачанки и скрываются в селе. Но цепи красных надвигаются на нас все ближе и ближе, и ружейный огонь дает себя чувствовать.

У нас в запряжках мулы. Интересные животные эти наши «верные союзнички». Пока идет артиллерийский обстрел, они равнодушны, как только начинают свистать пули — выражают беспокойство, поводят ушами, бьют копытом и потом, как только орудие взято в передки, несутся дружно, как сумасшедшие. Очевидно, свист пуль напоминает им свист бича. Снаряды наши совсем на исходе. Пехота продолжает отходить. Начинаем отходить и мы. Так блестяще начатое дело, кажется, грозит превратиться в поражение.

В это время со стороны Перекопского вала по дороге показались клубы желтоватой пыли. Уже можно различить группу верховых и за ними быстро едущие повозки с людьми. Еще через некоторое время около нас уже группа дроздовских офицеров, между ними Туркул. Пехота, соскакивая с повозок, быстро строится. Трудно передать то чувство радости, которое охватило нас при виде нашей родной пехоты, пришедшей на выручку в этот тяжелый момент. И окровавленный офицер, и другие марковцы, казавшиеся минуту перед тем совершенно подавленными, и мы встретили криком «Ура!» приближающуюся поддержку.

Слышим команды Туркула:

— Первый батальон — направление на мельницу, команда пеших разведчиков... капитан Трофимов...

Быстрым шагом, почти бегом, дроздовская пехота направляется к Перво-Константиновке, навстречу приближающимся красным цепям.

В дальнейшем нам не пришлось участвовать в бою этого дня! Недостаток амуниции заставил батарею отправиться назад за вал для пополнения запаса снарядов. Как шел бой первого полка с латышами, мне не пришлось видеть. Слышал об очень больших потерях в первом полку и о том, что все же латыши удержали за собой Перво-Константиновку. Даже как-то не хотелось верить, чтобы эти свежие дроздовские части, которые таким бодрым шагом, почти бегом, шли навстречу врагу несколько часов перед этим на наших глазах, так потрепаны и не достигли решающего успеха в этом бою.

Второй Дроздовский полк генерала Харжевского был в этот день в резерве и должен был войти в линию огня только на следующий день, 26 мая. Мы, получив снаряды, были приданы ему и должны были поддерживать наступление 3-го батальона, который представлял собой свернутый, когда-то славный Самурский полк генерала Витковского, теперь начальника всей Дроздовской дивизии. Что это были самурцы, можно было заключить по желто-оранжевым фуражкам.

Еще затемно мы должны были перейти по гатям (узким дорогам — плотинам) через рукав Сиваша, чтобы находиться как можно ближе к своей пехоте. Дальше тянулись другие рукава Сивашей и еще гати, которые пехота должна была захватить, имея задачей овладение селением Владимировка, расположенным на берегу Сивашских озер. Перво-Константиновка, задача занять которую ложилась на другие дроздовские полки, лежала от нас налево.

Когда ночью мы переправлялись через гать, с тем чтобы стать за гребнем узкой косы, занятой нашей пехотой, не могу сказать, чтобы мы испытывали радостное чувство. Было отчетливое сознание того, что если красные нажмут, легко взяв под обстрел единственную дорогу по гати, то мы окажемся в мышеловке, из которой нет выхода, так как кругом темная, топкая, непролазная грязь и тина сивашского рукава.

Наш старший офицер отправился к пехоте на гребень и, без телефонной проводки, поставил от орудия цепью несколько разведчиков для передачи команд. Пехота просила его заставить умолкнуть пулеметы красных, державших под обстрелом следующую гать и не дававших возможности продвинуться вперед.

Так же, как и накануне, близкое положение — непосредственно за нашей пехотой — оказалось для нас очень удачным. Когда на рассвете начался бой, то снаряды красных со свистом и шипением шли через наши головы в сторону легких батарей, стоявших в полуверсте за нами. Пулеметный и ружейный огонь, который вначале был весьма

силен, также шел через нас. Потерь на батарее не было. Прицелы подавались сперва на очень короткой дистанции — обивались пулеметы красных, а потом расстояние приделов начало возрастать. Ослабел и винтовочный обстрел красных.

Самурский батальон пошел в атаку. По цепи разведчиков от наблюдателя было передано радостное: «Красные бегут» — и потом: «Передки на батарею». Карьером мы понеслись вслед за своей пехотой. На гати по сторонам лежали сперва убитые самурцы, потом убитые красные. Отход большевиков, вначале спокойный, превратился в паническое бегство.

Было очевидно, что это не результат нашего лобового удара. Вся операция, по-видимому, принимала для них трагический оборот. Шум боя под Перво-Константиновкой также стих. Прекратился артиллерийский огонь красных из Владимировки. Оказалось, что наша Донская кавалерия Морозова ночевала в Чаплинке в тылу у красных, прорвавшись туда еще вчера. Сейчас она нанесла сокрушительный удар по тылам частей, которые вели с нами бой. После нескольких выстрелов мы опять брались в передки и шли дальше. Навстречу попадались конные, сопровождавшие колонны пленных. По дороге видно много порубленных красных. Тут на них обрушился конный удар Морозова.

Перед Владимировкой мы въехали на бугор, откуда перед нами открылась серебряная гладь Сивашей. Но по всему пространству этих мелких соленых озер видны были идущие люди, которые издалека казались точками. Это была Латышская стрелковая дивизия, прижатая с фронта нашими дроздовскими частями, а с фланга и тыла донской конницей и опрокинутая в Сиваши. Казалось, для этих людей уже не было иного выхода, кроме сдачи, однако латыши, стоя почти по грудь в воде и повязав на шею патронные сумки, продолжали стрелять в наших пехотинцев, кричавших им с берега, чтобы те сдавались. Железный закон гражданской войны: «Пощады не даем, сами не просим» — диктовал окончание Перекопского боя. Пулеметы и низкие разрывы шрапнелей смели остатки сопротивления.

Во Владимировку мы входили покрытые пылью и пороховой копотью, но полные радостным чувством крупного успеха. 8-я советская армия перестала существовать. Дорога в Северную Таврию была открыта. Прошло около двух месяцев непрерывающихся боев. Все время подходили свежие силы красных. Наши лица и руки стали совершенно черными от загара.

В этот день я был дежурным по батарее. Когда батарея уже готовилась к выходу из села, к нам подъехал командир Дроздовского гау-

бичного дивизиона полковник А.К. Медведев²³⁶, прозванный артиллеристами Муленоад. Полковник Медведев, рыцарь без страха и упрека, был одинаково любим как за свое бесстрашие и спокойствие, так и за доброту и сердечность. За что больше, сказать трудно.

Увидав Медведева, я скомандовал: «Батарея смирно!» — и подошел к нему с рапортом:

— Дежурный по батарее старший фейерверкер Пронин. В 7-й гаубичной генерала Дроздовского батарее во время моего дежурства...

Приложив руку к козырьку, Медведев внимательно выслушал рапорт, потом произнес своим негромким голосом:

— Старший фейерверкер Пронин, приказом Главнокомандующего Русской Армией вы произведены в чин подпоручика за бой 25 и 26 мая на Перекопском перешейке.

Он наклонился вперед в седле и, улыбаясь, крепко пожал мне руку.

— Есть ли у вас погоны?

— Никак нет, господин полковник.

— Мы достанем. Вечером, как придем на стоянку, приходите ко мне.

Приходилось слышать и читать рассказы о производствах в офицеры. До революции производство происходило в торжественной обстановке, иногда сам Государь поздравлял с производством. В провинции это были командующие военными округами. После производства бывали торжественные обеды, балы. Мое производство происходило в несколько иной обстановке.

Погоны нашлись в вещевой сумке одного из наших офицеров. Хуже дело обстояло с кокардой на фуражку. Ее дал одному из моих друзей пехотный офицер 3-го Дроздовского полка с таким сопроводительным наставлением:

— У вас произвели долговязого наводчика в подпоручики. Вот ему кокарда. У нас красная конница зарубила одного из офицеров, и при этом от кокарды отбит кусок. Это поможет ему, как веревка повешенного, если его и убьют, то каким-нибудь другим способом, но во всяком случае не зарубят шашкой.

Эту кокарду я носил все время и с ней попал и в Галлиполи.

Аскания-Нова

Широко раскинулось южнорусское степное пространство Северной Таврии. Разбогатевший немецкий колонист Фальц-Фейн устроил на площади около десяти тысяч десятин заповедник, в котором производил опыты с акклиматизацией разнообразных животных и птиц, при-

везенных из других стран. Часть их жила в саду около усадьбы, часть была в загонах около крытых помещений, а некоторые паслись в степи. В большом парке имения на прудах плавали лебеди, стояли фламинго. Очевидно, хозяин был большим любителем всякого зверья и птиц, так как не жалел ни средств, ни усилий, чтобы создать им наиболее благоприятные условия. На Россию налетел ураган революции, но каким-то чудом заброшенная далеко от населенных центров «Аскания-Нова» осталась почти нетронутой.

Стояли жаркие дни лета двадцатого года. Солнце палило немилосердно. В степи, на высохшей траве, лежит пехотная цепь. В нескольких сотнях шагов за цепью установлены снятые с передков орудия. Не слышно команды «К бою», и люди, сидя и лежа в траве, томятся от безделья, ожидания и солнцепека. Вдоль цепи показывается необыкновенное шествие — два солдата ведут двугорбого верблюда, впряженного в бочку. Кто-то из начальства позаботился напоить людей, истомленных переходом и жаждой. Мерно покачиваясь на ходу, везет верблюд бочку по степи, покрытой желтой травой.

— Возьми котелки и фляги и езжай привези воды, — обращается фэйерверкер к одному из разведчиков, лежащему в траве в нескольких шагах от орудия.

— Откуда пехота этого верблюда выкопала? — спрашивает один из добровольцев.

— Да этих разных зверей там до черта, — кивает разведчик в сторону усадьбы, где он уже побывал — ездил туда с донесением в штаб. — Знаете, ребята, — продолжает он, — что мне там в имении рассказывали. Когда их занимали красные, то был у них комендантом матрос-комиссар. Так эта бестия приказала зажарить себе по одной штуке зверя и птицы, чтобы попробовать. Съел, прохвост, черного лебедя — понравилось ему, а когда зажарили попугая, то говорит: «Жесткая штука этот попугай, а потом...» На этом рассказ был прерван.

— Батарея к бою! — раздалась команда, и впереди нас, в цепи, тоже наступило оживление. Так мы никогда и не узнали от словоохотливого разведчика, что случилось «потом» с матросом и зверинцем.

— По кавалерии справа! — был подан прицел, а направление: — Прямой наводкой!

Действительно, с правой стороны в степи поднялось облако пыли. Прильнув к панораме, наводчик тщетно старался различить скачущую конницу. В пыли можно было различить очертания, но это были лошади без всадников. Оторвавшись от панорамы, наводчик, еще не услышавший исполнительной команды «Огонь», закричал:

— Господин капитан, это не кавалерия!

Начальство, всмотревшись в бинокль, пришло к тому же самому заключению.

— Отбой! — последовала команда.

Облако пыли увеличивалось и приближалось. Теперь уже простым глазом можно было различить несущихся по целине животных — то были ламы. Это не была единственная встреча с зверинцем Фальц-Фейна в этот день. Вечером меня послали в «Аскания-Нова». Выполнив поручение, пошел осматривать зверей, у которых были небольшие загородки и крытые помещения. Потом перелез через загородку и направился напрямик в сторону батареи.

Не сделал я и нескольких шагов, как услышал сзади топот и увидел быстро несущегося на меня гну. Это был самец, видно, весьма неспокойного характера, так как на рогах у него были припаяны металлические шары. Первым движением было схватиться за револьвер, но тут же мелькнула мысль о матросе-комиссаре, который, согласно рассказу разведчика, уже уничтожил здесь животных и птиц. Стыдно было хоть чем-нибудь оказаться похожим на него.

Однако времени также нельзя было терять. Благо, никого кругом свидетелей не было, и «сверхдоблестный» дроздовец вихрем понесся к загородке. В последнее мгновение, чувствуя за собой совсем близко зверя, я с необыкновенной быстротой перемахнул через забор, воспроизводя целиком действия пикадоров и матадоров во время боя быков. Теперь уже стало немного смешно. Однако за этой загородкой оказались бизоны. Эти уже хоть не неслись, а, нагнув головы, медленно подходили, так что выбраться из загороженного места можно было с меньшей быстротой.

Около батареи встретил Болотова.

— Ну как, осмотрели зверинец Фальц-Фейна?

— Да, осмотрел — очень интересно, — ответил я, не вдаваясь в подробности.

— Знаешь, а другое орудие, обстреливая дорогу, убило яка, и сегодня мы будем иметь его на обед. Конечно, жаль яка, слабая ему акклиматизация вышла у нас в котле, но что ж поделать. Не успел матрос его съесть. А суп — наваристый.

Бой под Ново-Мунталем

В начале августа 1920 года армия генерала Врангеля вела упорные бои в Северной Таврии. Дроздовская дивизия участвовала в бою 3 августа, 4-го была дневка.

Наша 7-я гаубичная батарея Дроздовской артиллерийской бригады была вооружена 45-линейными английскими полевыми гаубицами. Англия прекратила подвоз боеприпасов, и последние запасы снарядов подходили к концу. Необходимость поддержать свою пехоту артиллерийским огнем, хотя бы и незначительной силы, заставила нас принять участие в бою 5 августа с очень малым количеством боеприпасов.

В качестве цели были указаны броневые автомобили, орудия и пулеметные тачанки красных. По пехотным цепям противника было категорически запрещено стрелять. Против цепей должна была действовать пехота ружейным и пулеметным огнем. Орудия были распределены не взводами, а отдельными орудиями и приданы батальонам. Наше орудие под командой штабс-капитана Александра Гельбке²³⁷, с двумя тяжелыми пулеметами на тачанках, было придано одному из батальонов весьма уже уменьшившегося в составе 3-го Дроздовского полка.

Еще на рассвете протянулись через немецкую колонию Ново-Мунталь. Я ехал с Гельбке на передке орудия. Он ворчал, что мы «психологическая», а не огневая поддержка нашей пехоте. Длинная прямая улица колонии кончилась. Пехота начала рассыпаться в цепь по обе стороны дороги.

Уже рассвело. Сразу за немецкой колонией местность полого поднималась к гребню на расстоянии около версты от Мунталя. Дальше гребень скрывал местность, пересеченную глубокими балками. Слышны были одиночные выстрелы, очевидно, отходили красные заставы. Когда пехота достигла гребня, со стороны противника начался артиллерийский обстрел, все усиливавшийся и перешедший в беглый огонь нескольких батарей. Наше орудие стало в полуверсте от гребня и было незаметно для артиллерийских наблюдателей большевиков. Обе тачанки выехали на фланги, заменяя собой пехотное прикрытие орудия. Справа местность была совершенно открытой. До самого горизонта тянулась степь, и только где-то вдали неясными очертаниями возвышались старые курганы — могилы степных кочевников, обитателей южнорусских пространств в отдаленные эпохи.

На пулеметных тачанках наводчиками были офицеры батареи. На одной поручик Обремский, на другой — Галицинский, с двумя солдатами на каждой. Один из солдат правил лошадьми, другой помогал обслуживать пулемет. Оба офицера были спокойными, храбрыми людьми. Особенно ярко остался у меня в памяти Ян Генрихович Обремский. Поляк по происхождению, католик по вероисповеданию, студент Варшавского политехникума, он окончил ускоренный выпуск Михайловского артиллерийского училища, а к нам в батарею пере-

шел в Крыму, после нашего слияния с 8-й гаубичной батареей. Небольшого роста, худощавый блондин. Всегда спокойный в бою. Только когда положение делалось очень серьезным, на его обычно бледном лице появлялся румянец, но все так же спокойно смотрели серые глаза, и такими же размеренными были движения. Он был глубоко предан идее Единой и Великой России. В Галлиполи, интернированный с нами в лагере, несмотря на приглашения из Польши, он оставался до конца, пока не начался разъезд в Балканские страны. Тогда и он выехал в Варшаву.

На мрачном горизонте лихолетья, в темной ночи человеческой подлости, предательства и трусости, яркими светочами выделяются люди, для которых Честь и Верность были содержанием их жизни. Вспомним флигель-адъютанта поляка, генерала графа Замойского, который в то время, когда почти все приближенные отшатнулись от Царской Семьи, явился к Императрице и заявил, что его сабля в ее распоряжении. Только настоятельные просьбы Государыни, не желавшей никакого кровопролития, заставили его покинуть царственных узников. Подобным человеком был российский посланник в Румынии поляк Поклевский-Козел²³⁸. Преданность его России была настолько велика, что, несмотря на все приглашения Пилсудского, он оставался на своем посту. Уже не существовало Империи, но по распоряжению румынского короля Поклевский по-прежнему числился в списке аккредитованных дипломатов. Скромная надпись на его могиле в Бухаресте гласит: «Верному Поляку — Русские». К таким рыцарям духа принадлежал и Ян Обремский. Пусть в будущих взаимоотношениях двух славянских народов, русского и польского, несмотря на многочисленные исторические обиды и несправедливости, светлая память об этих людях послужит мостом взаимного понимания и уважения.

Артиллерийский огонь все усиливался. Гребень курился от разрывов снарядов. Удержаться там не окопавшейся пехоте было невозможно. По склону назад ползли многочисленные раненые. Неся большие потери, пехота не удержалась на гребне и начала отходить по склону. Артиллерийский огонь был перенесен большевиками дальше, и снаряды начали ложиться в расположении нашего орудия. Потерь не было, но состояние было очень неприятное. Орудие временно ослепло, так как нашему наблюдателю пришлось тоже сняться с гребня. В поле зрения оставался только склон, вершина гребня и степь справа.

Дальнейший ход боя развернулся в течение нескольких минут. Было видно, как наша пехота, поднявшись, бросилась смыкаться поротно. Одновременно, в нескольких сотнях шагов от нее, в облаке пыли, на гребне показалась кавалерия. Наше орудие и пулеметы были лишены

даже возможности открыть огонь, так как нахлынувшая кавалерия и наша пехота смешались. После одного залпа последовала частая беспорядочная ружейная стрельба. Но в облаке пыли было видно, что всадники рубят нашу пехоту, ворвавшись в ее ряды. Густая пыль закрыла от нас подробности драмы. Позже я слышал, что часть батальона сдалась. Всадники, прорвавшись далее, неслись на орудие и пулеметы.

— По отражателю ноль! Картечь! По кавалерии! Три снаряда — беглый огонь!

Дождем картечи и огнем наших двух пулеметных тачанок удалось остановить катившийся на нас кавалерийский вал. Слева во фланг коннице била на картечь наша легкая 3-дюймовая батарея (кажется, пятая Мусина-Пушкина). Как морские волны, ударившись о берег, откатываются с шумом назад, оставляя на песке какие-то обломки и доски, принесенные прибоем, так, покрыв трупами людей и коней пространство на несколько сотен шагов перед нашим орудием и пулеметами, конница отхлынула назад. Но от батальона пехоты у подножия гребня остались только лежавшие убитые.

К большевистской коннице, очевидно, подошло подкрепление, и опять повторилась атака на орудие и пулеметы, прикрывавшие вход в колонию. И опять, не выдержав огня, они отхлынули назад. Только несколько коней без всадников, с болтавшимися стремянами, носились по степи, а вал из конских и людских тел перед орудием и пулеметами стал почти сплошным.

Вдали же, справа по степи, шли вперед красные кавалерийские массы. Тут уже была стихия. До самого горизонта, как мог только охватить взор, неслась конница, тачанки, конные батареи. Казалось, что сама степь находится в движении.

— Видите, что там делается, они обходят колонию, и там больше дивизии конницы, — обратился я к Гельбке.

— Выпустим наши оставшиеся снаряды и будем спасать орудие, — решил он.

— Прямой наводкой! По кавалерии справа! — последовала команда.

Я наводил. Орудие повернули под прямым углом. Прицел роли не играл, так как каждый снаряд все равно попадал в густо идущие лавы. Шрапнель у нас вышла, и били мы бризантными бомбами. В панораму орудия ясно было видно, как после разрыва нашего снаряда летели в разные стороны кони и люди, но как образовавшееся пустое пространство заливали новые массы конницы. Старался попасть по орудиям или тачанкам с пулеметами. Видел, как опрокинулась одна тачанка, как вздыбились кони в другой, шедшей за ней, и как падали всадники. Но ощу-

щение, которое я испытывал, было чем-то подобным удару кулаком в резину или жидкое месиво. Эффект удара продолжался только несколько мгновений, и казалось, что расплавленная густая масса опять заливает все.

Вышли все снаряды. Снимаемся и карьером идем к Мунталю. Ведь пехота не нуждается даже в «психологической» поддержке, так как батальон перестал существовать. Ян Обремский и Галицинский уступами следуют за нами, к окраине колонии, прикрывая нас огнем своих тяжелых пулеметов.

По Мунталю наши мулы неслись со скоростью совершенно невероятной. Все люди и животные одинаково ясно сознавали, что скорость — это единственный шанс спасения. Прикинув расстояние, отделявшее нас от конца колонии, я пришел к заключению, что красные дойдут степью туда раньше, чем мы. Мысль о возможности попасть в плен заставила расстегнуть кобуру и вытащить верный наган. Однако по дороге еще не видно всадников. Вылетаем на окраину. Шагах в четырехстах, наперерез нам, шагом идет эскадрон кавалерии.

Тут произошло что-то странное. Вместо того чтобы броситься на нас, красные всадники начали стрелять из винтовок с седла. Никогда, кажется, свист пуль не казался нам такой приятной музыкой, как в этот момент. Попасть разгоряченными ездой, не спешившись, по быстро движущейся цели не так просто. Очевидно, кони у них были загнаны. Расстояние между нами увеличивалось. Наши тачанки, идущие сзади, открыли на полном ходу из пулеметов огонь по всадникам. Вдалеке были видны подходившие конные массы красных.

— Ну, слава богу, выскочили, — сказал Гельбке.

Не больше чем версту сделали мы от колонии, когда навстречу нам показалась на подводах наша пехота с легкими пушками, шедшая, чтобы заткнуть прорыв. Был и разведчик с приказом для нас от командира батареи: «Идти в Фридрихсфельд и пополнить снаряды и патроны».

Через час, покрытые пылью и копотью, мы вчетвером сидели за большим, ненакрытым столом во дворе немецкого колониста. На столе лежали по крайней мере десятка дынь и арбузов. Мы совершенно незаметно уничтожили все. Хозяйка, увидав это, всплеснула руками:

— Вы все помрете!

— Нет, знаете, если мы из Ново-Мунталя сегодня выскочили от двух дивизий Второй конной армии, то от ваших арбузов и дынь умирать не собираемся. Сколько мы вам должны?

— Ничего от вас не надо. Только не пускайте сюда «товарищей». Хозяйка ушла.

— Если бы она видела, с какой быстротой мы неслись по Мунталю, она никогда не дала бы тебе дынь и арбузов, — пошутил Обремский.

— Не могу же я стрелять арбузными корками, — немного обиженно отозвался Гельбке.

В стороне Мунталя глухо ухали орудия. Но очевидно, бой затихал.

В Северной Таврии

Ярко светит южное солнце. Кукуруза уже пожелтела. Обильным урожаем покрыты благодатные равнины Северной Таврии. На бахчах темно-зелеными пятнами выделяются огромные арбузы, называемые здесь, как везде на Украине, кавунами. Промеж арбузов выделяются золотисто-желтые, ароматные дыни. Все, кажется, дал людям Господь в этом богатом краю.

Так думали и чувствовали несколько молодых людей в посеревших от пыли гимнастерках. Людская злоба и зависть, поднявшая одних над другими, заставила их покинуть семьи, любимых, друзей и уйти в эти далекие степи, отстаивая честь России и русского имени. Перед ними противник — красные мадьяры. Это по большей части бывшие военнопленные, которые, вскоре после Октября, влились добровольцами в ряды Красной гвардии и с того времени то в Сибири, то на Юге России составляли, вместе с красными латышами, наиболее верные Советам боевые отряды.

Один из добровольцев — разведчик — наблюдает за степью, всматриваясь в горизонт. Другой, сидя у телефона, время от времени проверяет связь с батареей. Третий, тоже телефонист, просто лежит на спине около ящика с телефоном и катушек с запасным проводом. Смотрит на синее небо, на маленькие белые облачка, которые медленно плывут, а иногда даже кажется, что стоят на месте. От движения нагретого около земли воздуха горизонт как бы колеблется. Обычные предметы: одиночные деревья, ветряк (ветряная мельница), группа кустов принимают какие-то причудливые очертания и танцующие формы. Разведчик усиленно вглядывается через стекла полевого бинокля, с мелкими делениями угломера в поле зрения. Наконец со вздохом опускает руку с биноклем и начинает просто наблюдать, смотря невооруженным глазом. Это оказывается даже вернее.

— Здесь наблюдатель 7-й гаубичной, — второй раз однотонно повторяет в трубку телефонист.

Легкое дуновение ветра со стороны кукурузного поля доносит уже всем им хорошо знакомый, приторно-тошнотворный запах разлагающихся людских трупов.

— Пооставляли убитых в кукурузе, черти! — говорит телефонист.

— Да может, и кто из наших. По запаху не узнаешь, — замечает лежащий на спине, — кто их теперь уберет, вчера красные венгры опять пытались нас выбить из Андревурга. Ты видел вчера убитых пехотинцев? — обратился он к товарищу, приподнимаясь на локте. — Наша цепь и ихняя лежали на бахче. Жара, жажда. Так вот, подползет пехотинец к арбузу, кулаком разобьет его и вгрызается в сладкое месиво. А потом опять за винтовку и стрелять. Грязь от пороховой гари и пыли кругом так и липнет на сладкое лицо. Лица черные — родного отца не узнаешь. Только по погонам своих убитых от чужих отличить можно.

Разговор прерывает телефон. Передают наблюдательному пункту сниматься, сматывать провод и отходить к орудиям. Малое это удовольствие — сматывать версту телефонного провода по такой жаре. Мокрая гимнастерка совсем прилипает к спине. Но около орудия как-то веселее. Номера орудия — народ запасливый, и вода у них всегда есть. А там, смотришь, и кухня, дымя, подъедет. Даже когда переплет начнется, то гаубица гремит, подпрыгивает при выстрелах, несет смертоносные снаряды навстречу врагу и увереннее чувствует себя телефонист, хотя иногда почти ничего не может услышать в телефон от грохота кругом.

Был в 7-й батарее такой телефонист-вольнопер, по фамилии Жук. Этому самому Жуку, когда он сматывал под неприятельским огнем провод, пуля попала в зад. Конечно, смешного тут ничего нет. Исполнял человек свой долг, как полагается; горел жертвенным чувством подвига и т. д. Спиной же к противнику обернулся, так как иначе нельзя же провод сматывать. А все же обидно. Даже героизм какое-то смешное вышло. Хорошо хоть, что скоро из госпиталя вышел. А тут глупые шутки приятелей: «Ты возьми на всякий случай щит на то место, которое у тебя красных так привлекает». Нудная, неблагодарная служба телефониста.

А к вечеру бой разгорелся. Опять какие-то свежие подкрепления подошли к красным, и снова они пробовали выбить дроздовцев из Андревурга. Несколько раз орудия меняли позицию. Уже низко было солнце, когда заняли позицию около кукурузного поля и приказано было держать под наблюдением дорогу из соседней колонии, откуда ожидали красных броневиков. Недалеко около орудия валялись брошенные подсумки, простреленные гильзы, обоймы, открытые ящики

от патронов — свидетельства о том, что каких-нибудь полчаса тому назад здесь кипел ожесточенный бой.

Наступило некоторое затишье. Со стороны дороги, по которой ожидали броневладельцев, ничего не появлялось. На батарею была передана команда «отбой», и люди уселись или улеглись на сухую, пыльную, местами потрескавшуюся землю. Наводчик сел на лафет орудия, лицом к кукурузному полю, до которого было не более десяти шагов. Кукуруза поднималась выше человеческого роста.

Неожиданно, раздвигая стебли кукурузы, показался человек без фуражки, со сбившимися, спутанными и от пота прилипшими ко лбу волосами. Был он в защитной гимнастерке, но без погон. Быстро направился к наводчику и остановился перед ним.

— Возьмите меня в плен, господин товарищ!

Наводчик смотрел на бледное, хотя и покрытое пылью лицо. В серых глазах был одновременно испуг, страдание и какая-то доверчивость. перевел взгляд на руки красноармейца. Тот крепко зажимал левой рукой правую, согнутую в локте, ниже кисти. Кисть же правой висела, а из окровавленного рукава торчали две переломленные кости. «Как перебитые крылья у птицы, подстреленной охотником» — это сравнение так и запечатлелось в памяти наводчика.

Первым движением, когда человек выбежал из кукурузы, а доброволец вскочил с лафета, было схватиться за револьвер. Теперь, стыдясь своей поспешности, он нащупал в кармане индивидуальный пакетик красного креста, разорвал его, взял обезображенную руку, вылил на нее йод и начал забинтовывать. Раненый только скрипел зубами и тяжело дышал.

— Мы тебя отвезем в тыл, — наконец сказал доброволец.

— Я сам могу идти, вы только что-нибудь своим напишите.

Наводчик вытащил из кармана гимнастерки довольно грязный, измятый листок бумаги, положил его на отогнутую часть оружейного щита (английские полевые 45-линейные гаубицы имеют отгибающуюся верхнюю часть оружейного щита; этими гаубицами была вооружена батарея в тот период кампании), в другом кармане нашел огрызок карандаша, спросил красноармейца фамилию и написал: «Удостоверение. Красноармеец Александр Сидоренко взят в плен 4-м орудием 7-й гаубичной батареи генерала Дроздовского Артиллерийской Бригады». Подумал немного и приписал: «Сдался добровольно». Поставил подпись: «Старший фейерверкер такой-то».

Пленный взял левой рукой записку и, перехватив выше локтя и подняв перебитую руку, пошел по дороге к Андревбургу.

— Он еще свалится где-нибудь — крови много потерял, — сказал Болотов. — Но конечно, нас тут четыре номера вместо полагающихся

на орудие восьми, и никто не может отлучиться. А что ты ему написал? — обратился он к наводчику.

— Что он сам сдался, — неохотно ответил тот.

— Посмеется над тобой пехоташка. Ведь если тебе руки и ноги перебьют, то и ты тоже сам сдашься. Но парень-то, видно, неплохой. Как ты его перевязывал, ни разу не пикнул даже.

— Батарея к бою! — закричал телефонист, передавая приказ командира с наблюдательного пункта.

Наводчик привычным движением поднял верхнюю часть орудийного щита и наклонился к панораме.

Последний смотр на русской земле

Фридрихсфельд. Немецкая колония в Северной Таврии. Длинной, прямой полосой растянулась широкая улица. По обоим сторонам стоят, под черепицей, одинаковые дома из красного кирпича. От улицы дворы огорожены каменными изгородями, покрашенными в белый цвет. Дома и хозяйственные постройки резко отличаются от крытых соломой хат и клунь соседних крестьянских селений. Яркий солнечный день конца лета. При выезде из колонии необычная группа. Впереди, выше всех окружающих почти на голову, худой, с продолговатым мужественным лицом и большими серыми глазами, генерал Врангель.

Около него офицеры штаба, командир корпуса и начальник Дроздовской дивизии генерал Туркул. С ними военные представители иностранных армий. Маленький француз в расшитой золотом кепи и еще меньший японец. Серб с темным от загара лицом и итальянец в высокой кепи.

От колонии, побатальонно, проходят дроздовские полки. Дивизия вышла из тяжелых боев в районе Андребурга. Сейчас Главнокомандующий Русской Армией устраивает смотр, и дивизия сразу идет опять на север, где обозначился сильный нажим на сменивших нас марковцев.

Батарея следует за пехотой. Необычный парад. Слышится команда:

— Смирно! Равнение направо!

Отчетливо долетают слова здоровающегося Врангеля:

— Здорово, орлы!

Пауза. Только слышен шаг.

— Здравия желаем, Ваше... ди... тст! — как один голос, вырвавшийся из гигантской груди.

«Орлы» в запыленных, продымленных гимнастерках. Тщетно утром искали по вещевым мешкам, что есть посвежее и почище. Много ра-

ненных в строю. У некоторых забинтованы головы. Повязки стали сероватыми от осевшей на них пыли.

Врангель, полуобернувшись, что-то говорит Туркулу.

Остановившись, чтобы получилась дистанция, полковник Соловьев проводит рысью нашу батарею. Команда:

— Смирно!

Видим близко Врангеля. Отвечаем на приветствие и догоняем свою пехоту. По дороге поднимаются клубы желтовато-белой пыли от множества марширующих людей. В голове встают образы древнего мира. Громадная, покрытая желтым песком арена. Яркое южное солнце. Идут гладиаторы. Одни закованы в латы и несут короткие мечи, другие — трезубцы и сети. С трибуны Цезарь приветствует проходящих. По римскому обычаю, проходя мимо него, бойцы поднимают правую руку, и из могучей груди вырывается: «Да здравствует Цезарь! Обреченные на смерть тебя приветствуют!»

Врангель был любимым вождем. Он олицетворял для нас последнюю надежду в борьбе за Честь Родины. Ему мы верили, его мы любили — нашего Белого Рыцаря. Но все же чувство обреченности в 1920 году было у многих из нас.

Мы шли на север. Над горизонтом облачками белой ваты висели разрывы далеких шрапнелей. Глухо доносилась канонада и шум боя.

«Morituri te salutant!» — «Обреченные на смерть тебя приветствуют!»

Чувство обреченности

В одном из своих отрывков — воспоминаний о кампании в Северной Таврии, под командованием генерала барона Врангеля, — я писал о чувстве обреченности. Один из наших же дроздовцев позже поместил свои воспоминания, написанные в очень бодром тоне, и утверждал, что ни о каком чувстве обреченности не могло быть речи. Может быть, и были лица так настроенные, но я хотел бы указать, на чем я основывал свои воспоминания и это утверждение.

Дроздовская дивизия в Таврии почти не выходила из линии огня, не считая коротких стоянок в Фридрихсфельде и Александровске. 7-я легко-гаубичная батарея, в которой я служил, за четыре месяца кампании имела 29 ночных переходов и боев, кроме очередных дневных. Потери только среди офицерского состава достигли 15 человек, при обычном числе офицеров боевой части нашей батареи 19 человек. Люди и командный состав были совершенно вымотаны. В пехо-

те обстояло с потерями гораздо серьезнее, чем в артиллерии. Мне дважды пришлось видеть самоубийство пехотных офицеров.

Почти каждый день, судя по пленным, мы имели против себя свежие части красных. Еще на Перекопе мы столкнулись с частями 8-й советской армии, в которую входили очень высококачественные в боевом отношении латышские дивизии. Корпус кавалерии Жлобы, 2-я конная армия, венгерские части, 12-я советская армия с китайцами, входившими в нее, школы петроградских курсантов — это все, как в калейдоскопе, прошло перед нами в течение нескольких месяцев. Потом нахлынули свежие части с Польского фронта, включая Первую конную армию Буденного и сибирские дивизии Блюхера.

У нас же с пополнениями дело обстояло очень слабо. Например, пехотные роты Первого Марковского полка перед началом наступления на Перекопе насчитывали около двадцати штыков в роте. Тяжело было и с боеприпасами.

От солдата до Главнокомандующего все, за очень малыми исключениями, понимали безвыходность положения. Генерал Врангель, приняв командование, сразу же начал готовить эвакуацию войск.

Чувство обреченности совершенно не уменьшало боеспособности наших частей. Все так же, без громких фраз, изо дня в день, умирали в боях солдаты и офицеры. «Умирали молча, стиснув зубы, как умирает русский человек» (профессор Кизеветтер, «Лекции по русской истории»).

Эти настроения нашли себе отражение в добровольческой песне, появившейся в Крыму:

Не плачь о нас, Святая Русь,
 Не надо слез, не надо.
 Молись за павших и живых —
 Молитва нам отрада.
 Не плачьте, матери, отцы,
 Не плачьте, жены, дети,
 За благо Родины своей
 Забудем все на свете.

Ведь эта песня почти та же панихида, которую служили о себе преданные англичанами русские люди в горах Австрии четверть века спустя.

Совершенно иначе дело обстояло в 1919 году. Тогда Главнокомандующий генерал Деникин обратился к нам со словами:

«Дроздовцы! Вы первые вышли на большую дорогу к Москве!

Через Харьков, Богодухов, Сумы, Путивль до Камаричей под Брянском дошла с боями дивизия, и занятие Москвы тогда казалось всем реальностью.

Но славнейшие страницы русской военной истории были вписаны не фанфарами побед, а силой духа, выразившейся в обреченности, часто при безнадежной обстановке битв.

Так было начиная с седой старины, воспетой неизвестным бардом в «Слове о Полку Игореве», и до бастионов Севастополя. А русские военные песни, прославляющие гибель «Варяга»? Ведь это славословие «павшим за русскую честь» в неравном бою с врагом.

Если обреченность в Крыму была, и ее чувствовала и понимала Русская Армия генерала Врангеля, то это нисколько не умаляет ее героизма, а, наоборот, делает ей честь и неуязвимой славой покрывает ее знамена и тех, кто, сознавая это, пролил свою кровь за Родину на Перекопе и на раскаленных жарким солнцем степях Северной Таврии.

Пусть же молчаливые курганы седой старины стоят им стражами и памятниками.

Нам же, случайно уцелевшим, остается только благоговейно склонить головы перед памятью погибших соратников.

И верить, что близятся сроки, когда и весь народ наш, стяхнув с себя большевистское наваждение, придет к их могилам, чтобы почтить верных сынов своих — тех, которые, сознавая безвыходность положения, все же нашли в себе силы отдать добровольно жизнь за честь своего народа. Они отдали единственное их богатство, молодую жизнь, в искупительную жертву за грехи остального народа.

«Gloria victis! Слава побежденным!»

*Г. Александровский*²³⁹

НА ПОЛЯХ СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ²⁴⁰

Вместо предисловия

Автор ниже помещаемых очерков не принадлежал к личному составу седьмой гаубичной батареи Дроздовской артиллерийской бригады. Будучи морским офицером, он тем не менее сражался в составе офицерской роты 3-го Дроздовского полка на полях и степях Северной Таврии летом 1920 года бок о бок с седьмой гаубичной батареей.

Батарея была придана большую часть времени к третьему полку, и обе части участвовали в одних и тех же боях. В очерках Дмитрия Федоровича Пронина много места уделяется описанию действий пе-

хоты, которые наблюдались им с боевого поста у орудия. Также и мы, в стрелковом полку, были свидетелями действий артиллеристов, бывших самыми верными нашими соратниками, храбростью которых мы многократно восхищались.

Кроме того, многие лица, упоминаемые в последующих очерках, перешли в 3-й Дроздовский полк из личного состава батареи. Таким образом, эти очерки, написанные лицом, не принадлежавшим к личному составу батареи, дополняют рассказы Д.Ф. Пронина и восполняют дневник Н.Н. Ребикова, в котором описание действий батареи от 26 июня до 28 июля 1920 года как раз случайно пропущено.

Автор вел дневник событий Гражданской войны, который бережно хранил. К сожалению, этот дневник погиб в огне, когда за две недели до окончания Второй мировой войны триста американских четырехмоторных бомбардировщиков бомбардировали и сожгли заводы «Шкода» в Пильзене в Чехословакии, на которых тогда служил автор этих строк. Как говорится, на чужом пиру — похмелье. За срок прошедших со времени Гражданской войны лет память уже не сохранила многих деталей пережитых событий, и автор просит снисхождения читателей за возможные неточности в изложении описываемых событий.

Гальбштадт

Поля и степи Северной Таврии, простиравшиеся между Приазовской возвышенностью и Днепровскими плавнями, были местом упорных боев и глубокого маневра летом 1920 года.

После разгрома красного конного корпуса Жлобы 3-й Дроздовский полк стоял в Большом Токмаке или в Старом Мунтале и оттуда выступал обыкновенно ночью на подводах на Нижний Куркулак. Полк двигался в полной темноте в глубокой ложине, образованной речками Молочная и Куркулак, пересыхавшими на лето.

Дойдя до назначенного места, полк выгружался с подвод, поднимался влево на плато с расположенными на нем многочисленными немецкими колониями. Здесь полк шел в атаку на скопления красных войск, находясь под перекрестным огнем красных батарей. Наши бесподобные артиллеристы, в том числе 7-й гаубичной батареи, выезжали на открытую позицию между цепями и своим метким огнем заставляли красные орудия замолчать. После этого они поворачивали свои орудия на клубы пыли, которые поднимали красные войска, и шли вперед вместе с пехотными цепями. К полудню

обыкновенно сопротивление красных бывало сломлено, захвачены пленные, а разбитый противник спешно отступал. Эта операция повторялась несколько раз.

Кооперация между артиллеристами и дроздовскими стрелками была замечательной. Когда стрелки видели на поле невысокого, коренастого полковника, всегда ходившего без головного убора, то один его вид вселял в стрелках уверенность в верной поддержке со стороны артиллеристов. Этим полковником был командир 7-й гаубичной батареи — Соловьев.

Иногда красным удавалось обмануть стрелковые дозоры и наблюдательные посты наших артиллеристов и, пользуясь складкой местности, неожиданно атаковать кавалерией наши пехотные цепи. Если цепи не успевали вовремя сомкнуться, то солдаты, в прошлом взятые в плен красноармейцы, поддавались панике и несколько раз сдавались, ставив тем полк в критическое положение. Из опасного положения выручала быстрая способность ориентироваться в боевой обстановке и решимость командира полка — безрукого генерал-майора Владимира Владимировича Манштейна, бросавшего в атаку для спасения положения своих пеших и конных разведчиков и, как последний резерв, — офицерскую роту. Иногда критическое положение возникало из-за отсутствия снарядов к нашим английским орудиям, так как в это время Англия перекинулась в стан соглашателей и скрытых покровителей крайних революционных элементов, захвативших насилием власть над Россией.

Южное солнце немилосердно палило. Солнечные удары и припадки временного помешательства были рядовым явлением. Воду было трудно достать. В Нижнем Каркулаке имелся всего лишь один колодезь, из которого черпали мутную желтую воду. Для получения этой отвратной на вид и запах воды всегда стояла длинная очередь людей и лошадей.

— Что, Коля, — говорю я своему другу, такому же молодому морскому офицеру и состоявшему рядовым офицерской роты 3-го Дроздовского полка, как и я, — когда ты был боцманом на «Живом» (легендарный «белый» миноносец, который бесстрашно врывался в крымские порты летом 1919 года и освобождал их от коммунистической власти), то ты вряд ли бы согласился этой водой окатить палубу миноносца.

Коля, сын доблестного морского офицера, зверски убитого матросами осенью 1917 года, был на один год старше меня по классам в Морском корпусе. Летом 1917 года за участие в минных постановках с легких катеров перед Босфором он был награжден двумя Ге-

оргиевскими крестами. Он отличался исключительной выдержкой и спокойствием, не покидавшими его при всех обстоятельствах. В силу этих своих качеств, он пользовался чрезвычайной популярностью среди своих товарищей. Более авторитетного лица для занятия боцманской должности на первом настоящем военном, надводном корабле Добровольческой армии, укомплектованном офицерами, гардемаринами, кадетами и учащимися крымских средних учебных заведений, трудно было найти.

— Ты прав, Жорж, этой водой только размывать грязь, да ее еще — как кот наплакал. Ее вряд ли бы хватило не только для миноносца «Живого», но и для глистоподобной «Утки», где ты был боцманом (подводная лодка «Утка» имела большее водоизмещение, чем «Живой», но ее главный корпус находился всегда под водой, а над водой выступала только длинная и узкая надстройка).

Мы оба оставались почти единственными дроздовцами, которые не соблазнились напиться этой мутной воды.

— Эх вы, самотопы, — корили нас наши товарищи, сухопутные офицеры, — пусть вода и грязная, но зато в ней не утонешь, как у вас на море.

Примеры из Русско-японской войны, когда наши корабли гибли в бою, исчезая под водой со всем экипажем, произвели в свое время сильное впечатление на жителей континентальной России, никогда не видавших моря. Однако риск пребывания в Дроздовском полку был куда серьезнее опасности, которой подвергались моряки. Потери, которые нес полк, были исключительно большими и, вероятно, являлись одними из самых высоких в военной истории. Смерть ожидала на каждом шагу и в любую минуту. Пребывание большинства офицеров в полку на позициях не превышало срока от двух недель до двух месяцев.

Были, конечно, исключения — вроде «безрукого черта», как прозывали красные нашего командира полка, генерал-майора Манштейна. В предыдущих боях он потерял левую руку вместе с плечом, и генеральский погон свисал у него с левой стороны от шеи отвесно вниз. Ранение — страшное. Однако на полях Северной Таврии ему невероятно везло, и, несмотря на постоянное пребывание в первой линии огня, он, кажется, остался невредим в течение всей кампании 1920 года.

Зато очень невезучим был его помощник, полковник Владимир Степанович Дрон²⁴¹, отличавшийся наравне с бесстрашием также внимательным и заботливым отношением ко всем окружающим. Пуля его умела найти почти немедленно после излечения предыдущего ранения и возвращения его в полк. Помню свою встречу с ним в Севастополе, где мы оба лежали ранеными.

— Обещайте мне, что вы снова вернетесь в полк, — горячо убеждал он меня.

Ему удалось вернуться в полк еще до наступления трагического конца белой борьбы в России, но он вернулся только для того, чтобы стать последним командиром полка и найти свое последнее смертельное ранение и смерть с почти всем офицерским составом полка, защищая вход на последний клочок белой земли — Крым. Мое ранение оказалось более серьезным, и судьбой я был обережен от участия в этом последнем кровавом эпилоге белой борьбы.

Самые большие потери несли пешие и конные разведчики. Это была прислуга на все. Их можно было приравнять к ломовым и притом исключительно верным лошадям. Пешими разведчиками командовал капитан Владимир Иосифович Коваленко. Бравый и спокойный офицер. Мы его называли первым кандидатом на другой свет.

Офицерский состав стрелковых рот был следующей категорией, несшей большие потери. Офицерская рота несла потери главным образом от артиллерийского огня, так как составляла резерв полка и бросалась в бой, только когда нужно было спасти положение. Обычно появление офицерской роты создавало перелом в военном счастье, и атака кончалась полным успехом с минимальными потерями роты от ружейного огня. После каждого боя из ее рядов переводились новые офицеры с рядовых должностей для занятия освободившихся офицерских вакансий в стрелковых ротах взамен убитых или раненых в бою. Таким образом, офицерская рота являлась станovým хребтом, опираясь на который держались солдатские роты, укомплектованные бывшими красноармейцами, и кузницей офицерских кадров для этих рот.

Под жгучим солнцепеком, страдая от жажды, поливаемые сверху стальным дождем рвущихся шрапнелей, иногда дружно идущие в штыковую атаку на прорвавшегося противника, со стертymi до открытых ран ногами, мы были в вечном движении, делая иной раз за сутки несколько десятков верст с боем. Таков был лик войны для офицерской роты на полях Северной Таврии.

И вдруг в полку разнеслась весть. Полк идет на отдых в Гальбштадт, в котором он уже один раз останавливался перед выступлением для разгрома корпуса Жлобы. Радость была всеобщей, но, как оказалось потом, — несколько преждевременной.

В Гальбштадте немцы, потомки старых швабов, сохранили язык, на котором говорили их предки 150 лет тому назад и который уже не сохранился в Германии. Они жили исключительно зажиточно. Просторные кирпичные двухэтажные особняки, прекрасные сады, огром-

ные сараи, заваленные всяческими земледельческими машинами и снаряжением; сотни голов скота. Колония в несколько десятков домов имеет собственный кирпичный и черепичный заводы. На несколько колоний — мельница и небольшой пивоваренный завод. Внутри особняков — все удобства, вплоть до центрального отопления с радиаторами в комнатах. Пианино — в гостиных. Кровати с матрасами, в которых человек проваливался, с горой пуховых подушек и перин. Провести несколько дней с такими удобствами, это могло быть действительно настоящим отдыхом, но...

В Гальбштадте имелась просторная площадь, на которой, вероятно, устраивались ярмарки для скота. Теперь на ней с раннего утра до позднего вечера производились строевые учения. В мирное время, когда на военную службу приходили деревенские парни от сохи, такое учение являлось неотъемлемой частью подготовки призванных для выработки в них военной выправки и сноровки. Однако, когда подобный курс обучения проходит офицерская рота в порядке получения отдыха и восстановления своих физических сил после непрерывных боев и длинных переходов, то цель такого «дриля» нам в то время была малопонятной и вызывала возмущение.

Тем не менее этот дриль вовсе не был бессмысленным. Состав офицерской роты был очень пестр. Были там офицеры с боевым стажем Первой мировой войны, но несколько позабывших тонкости строевого учения, — восстановление этих тонкостей в их памяти не занимало много времени. Но были также офицеры тыловых служб и военные чиновники, никогда, вероятно, тонкостей строевого учения не проходившие. Им строевое учение давалось очень туго. Были молодые офицеры и юнкера, только что пришедшие из военных училищ и корпусов, как, например, автор этих строк, которым строевое учение давалось легко и просто. В результате эта молодежь лучше выполняла строгие требования командира роты капитана Владимира Переслени, чем уже несколько обрюзгшие офицеры старшего возраста или не обладавшие никакой военной выправкой военные чиновники. На учении они по очереди заменяли начальников отделений и взводов и командовали всеми остальными, готовясь к занятию тех же должностей в солдатских ротах. Результат у многих был плачевный: они производили не те перестроения, какие были нужны, или отдавали неправильную команду. После нескольких замечаний, капитан Переслени потерял терпение и раздраженно приказал:

— Рота, бегом — марш!

И вот на большом плацу офицерская рота начала бегать как какие-нибудь наказанные дети. Но рота состояла уже не из юношей, а в

большинстве из людей пожилого возраста (тогда зрелые мужчины в тридцать пять—сорок лет мне казались стариками). Солнце жгло немилосердно. Пыль, поднимаемая бегущими ногами. В горле пересохло от жажды. Тяжелая винтовка давит плечо. Полное военное снаряжение отягчает пояс. Многие из «стариков» уже страдают одышкой или другими физическими пороками, по которым они были освобождены от отправки на фронт и были назначены в тыл. Лица у них красные, обливаются потом, глаза навывкате. Видно, что бегут из последних сил. Вид у них был жалкий и... для физически развитого и спортивно воспитанного 18-летнего юноши, каким был я тогда, — смешной. Невольно на моем лице заиграла улыбка.

— Рота, стой! — неожиданно раздалась команда Переслени.

Еще под свежим впечатлением смешного и жалкого вида, каким представились мне наши «старики» во время бега, я запоздал проглотить свою улыбку, как рота, точно вкопанная, остановилась.

— Подпоручик Александровский, что за смех в строю? — раздался взбешенный голос Переслени. — Два шага вперед — марш!

Отпечатал два шага и замер.

— Капитан (такой-то) и поручик (имярек), возьмите у подпоручика Александровского винтовку и отведите его на гауптвахту!

Сдал винтовку, круто по приказанию повернулся, и, под конвоем двух часовых, перед фронтом всего полка, через всю площадь меня повели на гауптвахту.

Гауптвахтой оказалась какая-то комната на чердаке одного из домов колонии. Поместили меня туда и заперли дверь на ключ. Перед дверью стал часовой. Надо признаться, что настроение у меня в этот момент было кислое. На фронте не любят церемониться. Возиться с арестованным нет ни времени, ни людей для охраны. Виноват — расстрелять, и все тут.

Прошло несколько часов сидения. Жара начала спадать. Время клонилось к вечеру. Ключ в дверях заскрипел. В комнату вошел Переслени. Приготовился получить разнос и головомойку.

— Что же это вы, батенька, задумали смеяться в строю?.. Я вас вполне понимаю: удержаться от смеха при виде бегающих старичков было трудно и мне, но не подал виду. Строй есть строй. Я понимаю, что вы еще молоды и вам было труднее сдержаться, чем мне. Но вперед — вам наука. Отсидели несколько часов, и баста. Возвращайтесь в роту и постарайтесь больше уже не смеяться в строю. Идет? — Хлопнув по плечу, он слегка меня подтолкнул и рассмеялся над счастливым видом человека, совершенно не ожидавшего такого поворота событий.

Камышуваха

После длинного и утомительного перехода, чередующегося с тяжелыми боями, полк разместился на ночь вдоль канавы, с левой стороны пыльной дороги, уходящей от Орехова на север к Александровску. Усталые люди как сошли с дороги, так и повалились на сырую землю. Мокрые от пота рубашки прилипли к телу и в наступившем ночном холоду жгут его раскаленными угольками. Прикрыться нечем — ни одеял, ни шинелей. Полковой обоз остался далеко позади. Зубы стучат мелкой дробью, тело дрожит в лихорадке, но безумная усталость сильнее, и тяжелый сон сковывает веки.

Сон перелистывает страницы только что начинающейся жизни вспять. Снится, что спишь не на твердой, холодной и грязной земле, а на белоснежной простыне, покрывающей теплую и удобную койку в ротной спальне Морского корпуса в Петербурге. Горнист играет побудку. Протираешь глаза, и рука тянется к аккуратному сложенному чистому белью на табурете в ногах у постели. Летишь в умывалку. Окатываешься холодной водой до пояса. Накидываешь морскую форму, на которую еще не перестал смотреть влюбленными глазами. Расправляешь складки и перетягиваешь стройный мальчишеский стан поясом.

• Становимся в строй. Утренняя молитва. Каптенармус раздает свежие платки. Звучный голос фельдфебеля, сына морского министра — адмирала Вердеревского, направляет роту по длинным коридорам мимо стен, увешенных огромными портретами в тяжелых рамах. Наши знаменитые предшественники, пронесшие славу Андреевского флага по всем морям и океанам земного шара за двухсотлетнюю историю Российского Императорского Флота, строго смотрят на нас, желторотых юнцов, из этих рам. Отдельные роты почти одновременно вступают в Столовый зал, появляясь из разных дверей.

Этот зал — самый большой в Петербурге. Да и наверно, во всей России. Потолок подвешен на тяжелых якорных канатах. Когда батальон гардемарин и кадет выстраивается в нем, то занимает только ползала, а другая половина остается свободной для прохождения батальона повзводно и поротно церемониальным маршем. Высокие белые стены сплошь покрыты белыми мраморными досками с вписанными золотыми буквами именами питомцев корпуса — георгиевских кавалеров. У передней стены, посредине зала, высится высокая медная статуя основателя первого светского учебного заведения в России — Петра Великого, принадлежащая резцу скульптора Антокольского. В глубине зала с распушенными белыми парусами стоит модель

славного брига «Меркурий», в половину натуральной величины. По блестящему паркету проходят стройные ряды темно-синих галанок и выпущенных голубых воротников форменок. Команда:

— Смирно! На молитву!

Из тысячи молодых глоток несутся ввысь бархатные тона торжественной молитвы:

— Очи всех на Тя, Господи, уповают...

Всматриваюсь в своих однокашников. Какие знакомые и симпатичные лица. Среди них мне бросается в глаза нежное, зардевшееся от румянца, как у красной девицы, лицо всеобщего любимца нашей роты и всего корпуса — Жоржа Терехова. Он перешел в Морской корпус из Киевского Владимирского корпуса. Прошло три года Гражданской войны. И вдруг из какого-то провала памяти встает, как живое, перед моими глазами это милое, чистое лицо.

Открываю глаза... На востоке небо начинает светлеть. Стоит пред-рассветный туман. Вместо размеренной поступи стройных рот по паркету Столового зала Морского корпуса раздается нестройный, путаный топот конских подков. По дороге в клубах пыли проходит на север конница генерала Барбовича. В голове стоит передо мною лицо Жоржа Терехова, которое каким-то таинственным роком выплыло передо мною во сне после трехлетней разлуки, выделенное из длинной галереи лиц, которые пришлось повстречать за три года скитаний в Гражданской войне.

Кавалерия проходит по три всадника в ряд. Ряд за рядом, взвод за взводом, эскадрон за эскадроном, полк за полком. Всматриваюсь невидящими глазами в лица всадников. Взгляд проскальзывает по заспанным лицам, не оставляя отпечатка в памяти. И вдруг взор остановился, сначала не реагируя, на молодом лице всадника в серой солдатской шинели, затем точно блеск молнии промелькнул в голове. Да ведь же... это — Жорж Терехов! Никогда бы его не узнал, если бы его лицо не приснилось только что во сне.

— Жорж! — кричу я.

— Жорж! — раздается в ответ (мы были тезки), и всадник с юным лицом подлетает ко мне. — Какими судьбами? Ты — дроздовец?

— Да, — отвечаю я. — А ты?

— Вольноопределяющийся девятого уланского Бугского полка, которым командует мой дядя. Ну, ты прости меня, мне нельзя отстать от полка. Теперь мы знаем, где друг друга искать, и при первой возможности встретимся и поговорим обо всем подробно... — прервал он разговор и поскакал догонять свою часть.

Опять всадники идут за всадниками. Серый предрассветный свет. Серые шинели, серые пыльные лица, облако пыли стоит над дорогой, а всадники все идут и идут...

После тяжелого боевого дня очутился на площади большого села Камышуваха. На площади расположилась конница. Солдаты кормят лошадей, любовно похлопывая их по крепкому заду. Подхожу к ним и спрашиваю:

— Какого полка?

— Девятого уланского Бугского, господин подпоручик.

— А вольноопределяющегося Терехова знаете?

— А вы ему кем будете?

— Я — его товарищу по школе.

Солдаты замаялись, лица потемнели, потупили глаза...

— Нету уже больше Терехова. Утром его послали вместе с четырьмя другими в разведку. Дозор сняли красные. Командир полка повел полк в атаку, чтобы их отбить. Во время атаки командир был убит, но дозор не отбили...

«Боже мой — какая ужасная судьба. Вот и не встретились! Бедный Жорж, что сделают с ним большевики?» — мысль за мыслью проносятся в моей голове. Благодарю солдат за печальные новости и отхожу. Наполненный душевной болью за своего жизнерадостного, так неожиданно встреченного и так быстро потерянного товарища, приближаюсь к школе, где разместился штаб генерала Барбовича. На веранде происходит допрос пленных. Рассказывают о захваченных утром пяти белых кавалеристах. Красные их расстреляли...

«Упокой, Господи, душу новопреставленного воина Георгия», — молюсь я, вытирая наворачнувшуюся на глаза слезу. Стыжусь за проявление этой душевной слабости, но, слава богу, темно и никто моих слез не видит.

«Так и не удалось еще раз встретиться на этом свете, — мысли текут дальше. — Но какая странная судьба. Видно, ей было угодно, чтобы я увидел Терехова во сне и встретился, когда ему оставалось жить на этом свете всего несколько часов, и чтобы весть о его безвременной кончине дошла до его друзей».

Утром наш полк покидает деревню и отходит назад по направлению к нашему фронту. Очевидно, хождение Третьего Дроздовского полка вместе с нашей конницей по красным тылам приходит к концу. Однако мы не отошли далеко и остановились на холмах, возвышающихся над деревней. Роты лежат в цепи. Снизу на нас, от деревни, идут красные цепи. Но под нашим огнем залегают, а потом откатываются назад. Несколько раз за день ходила красная пехота в

атаку, но безрезультатно. Наконец залегла, наполовину поднявшись на наши бугры. «Малоприятное соседство будет на ночь», — думается нам.

Солнце склоняется к горизонту. День подходит к концу. Вдруг откуда-то со стороны появляется эскадрилья аэропланов. Чьи они, наши или чужие? Над нашей головой они начинают снижаться. Затем летят от нас в сторону красных бреющим полетом. «Ура, это — наши!» От аэропланов отделяются бомбы и начинают рваться в расположении красных цепей. Среди коммунистов — паника. Их цепи поднимаются и бегут вниз, к деревне. С воодушевленными криками «Ура!» наш полк бросается в атаку на красных, вышибает их из села и отбрасывает далеко, по другую сторону от села. Выставив ночные дозоры, полк поздним вечером получает пищу и проводит в селе вторую ночь.

Однако в селе находится только наш полк. Наша конница куда-то ушла. Первый Дроздовский полк вел тяжелые бои с бригадой красных курсантов справа от нас, под Ореховом. Генерал Туркул в книге «Дроздовцы в огне» пишет: «Конные лавы генерала Барбовича появились из Камышувахи. Наша кавалерия напала там на бригаду, за день до того разбитую под Ореховом...» Очевидно, наша конница была брошена на подмогу первому полку, сдерживавшему наступление красных на нашем правом фланге. Прикрывать левый фланг остался только наш полк. А к красным, по-видимому, подошли подкрепления и с левого фланга, со стороны Синельникова.

Наутро мы снова покинули Камышуваху и снова заняли наши позиции на буграх южнее села. Красные цепи занимают село, обходят его и снова идут в атаку на нас. Не дойдя до нас, залегают. Несколько раз снова бросаются в атаку, но безрезультатно.

К вечеру снова появляются наши аэропланы. Приветствуем их веселыми криками, но вряд ли летчики из-за шума моторов слышали наши крики. Радостно сознавать, что мы не забыты, что где-то там в штабе армии о нас думают и посылают посильную подмогу. Вот это она — современная война. Летчики бесстрашно снижаются, и между красными цепями снова рвутся метко сброшенные бомбы. С криками «Ура!» снова идем в атаку, снова опрокидываем красных, загоняем их далеко за село, получаем наш поздний обед и в третий раз проводим ночь в этом злополучном селе.

На утро третьего дня опять возвращаемся на наши насиженные бугры. Но на этот раз слева от нас наблюдается на горизонте большое скопление красных войск. Опасность не впереди, а со стороны. Роты лежат в цепи, обращенной на все четыре стороны. В интервалах между ротами притаились жерла орудий. На горизонте поднимаются к

небу клубы пыли. Доносятся звуки отдаленной канонады. У нас — полное молчание.

Вдруг скопление людских масс на горизонте стало принимать более отчетливые формы и увеличиваться в размерах. Очевидно, красные подтянули резервы и выделили дополнительные силы — покончить с нами. Отдан приказ — ротам сомкнуться и приготовиться к отражению кавалерийской атаки.

Бесформенная волнуемая масса удлиняется и уже занимает всю линию горизонта. Из общей массы начинают выделяться отдельные фигуры. Эти фигуры превращаются во всадников. Можно различить лошадей и сидящих на них людей. На всадниках, скачущих в первом ряду, вырисовываются лица. Размеры всадников быстро растут, и уже видны движения их рук. У нас по-прежнему — гробовое молчание.

Очевидно, что Димитрий Федорович Пронин был участником того же самого сражения и, наверно, его четвертое орудие Седьмой гаубичной батареи стояло где-то бок о бок с нами, так как это был командир офицерской роты, капитан Переслени, который в этот момент скомандовал, как вспоминает Димитрий Федорович, лежа много позднее в польском госпитале и находясь в бреду:

— По кавалерии... рота...

Как машина, словно движением одного человека, одновременно поднимаются винтовки.

— Отставить! — подает опять команду командир роты.

Ружья опускаются к ноге. С каждой секундой расстояние между нами и кавалерией уменьшается...

«Да что же они, с ума сошли? — мелькает мысль у Пронина. — Ведь еще несколько минут, и мы все будем сметены этой несущейся, неудержимой лавиной».

Это была лихая бравота, но бравота намеренная и имевшая большое психологическое действие на стрелков. Мы, стоявшие в сомкнутом строю, представляли собою маленький остров, стоявший на пути бушующего моря огромной конной массы, быстро приближавшейся к нам и готовой нас затопить своим численным перевесом. Красная лава подобно огромному удаву, способному загипнотизировать крохотного кролика, своей подавляющей массой действовала и на нас. Отставленное приказание Переслени как бы разбудило и вывело нас из этого оцепенения, навеянного динамичной подвижностью и размерами готового на нас обрушиться конного удара. Мы как-то внутренне подтянулись, вспомнили, кто мы, и напрягли все наши душевные силы и нервы, чтобы встретить хладнокровно приближающуюся смертельную опасность.

— По кавалерии рота...

На лицах дроздовцев написаны плохо скрываемое нервное ожидание и большое внутреннее напряжение. Винтовки подняты. Затворы взведены и приготовлены к выстрелу. Глаза пулеметчиков прилипли к мушке, а руки судорожно сжимают ручки, направляющие пулеметные стволы.

Всадники быстро приближаются. Видно, как они пригнулись к седлам и яростно погоняют лошадей. Конная масса закрыла все поле перед нами и, как снежная лавина, готова обрушиться на нас.

— Пли!

Залп следует за залпом с невероятной быстротой. Орудия рядом оглушительно бьют картечью. Пулеметы как бешеные строчат и посылают на красных дождь стальных пуль.

Неприятельская лава все еще стремительно движется вперед, но меткий огонь дроздовцев вырывает из ее движущейся массы большие клочья. Красные ряды заметно редеют. Винтовки накалены до крайности. Руки все в ожогах. Боли не замечаешь. Лишь бы скорее зарядить винтовку и выстрелить в противника.

Красные всадники уже в нескольких десятках шагов. Но вот они не выдержали. Останавливаются. Поворачивают и несутся назад. Все поле перед нами усеяно трупами людей и лошадей. Потерявшие всадников кони носятся по полю. Красная лава откатывается назад.

Как признают советские историки, две кавалерийские дивизии (16-я и 2-я) были брошены на помощь 23-й пехотной дивизии для захвата Камышувахи, которую защищал только один полк белых. Весь день красная конница ходила в атаку на нас, то с одной стороны, то с другой, то с нескольких сторон одновременно. Однако ни одна из этих атак не достигла порыва и не приблизилась так близко, как их первая атака. Каждый раз их атаки разбивались об огневую мощь 3-го Дроздовского полка.

В этот день уже больше не прилетели наши аэропланы. Мы также не пытались вернуться в Камышуваху. С наступившей темнотой полк был собран в тесное каре. Внутри каре наши батареи и повозки с амуницией и ранеными. Отдан приказ — двигаться на юг.

С обеих сторон и сзади доносятся крики «Ура!». Наш полк молчит и настойчиво продвигается в неизвестную для нас темноту. Когда крики «Ура!» приближаются вплотную, то полк останавливается и бросает залпы в сторону, откуда доносятся крики или ведется по нас стрельба.

Какая жуткая феерия — ночной бой. Страшная, но захватывающая своей фантастичностью картина. Огромные огненные шары раз-

рывающейся картечи... Бенгальские огни непрерывно строчащих пулеметов... И, как свечи, вспыхивают и тухнут выстрелы из винтовок... Фейерверк, который не способен воспроизвести никакие искусные пиротехники, но который смастерила сама безыскусная жизнь.

Красная атака отбита, стрельба по нас прекратилась, крики «Ура!» замолкли. Полк немедленно возобновляет свой прерванный марш вперед. Сохраняем гробовое молчание. Следим, чтобы никто не закурил папиросу. Прислушиваемся к отданным в полголоса приказаниям. Крики «Ура!» снова возобновились, но к нам не приближаются. Сохраняем все то же гробовое молчание и упорно продвигаемся вперед.

Очевидно, вперед были посланы разведчики. Неожиданно для нас подходим к залежшим и изготовленным к стрельбе цепям, которые, однако, не открыли огня по нас. Ими были марковцы. Пропустили нас молча, приветствуя только руками. Из нашей груди вырвался вздох облегчения. Красное кольцо не успело сомкнуться, и мы вырвались из окружения.

Крики «Ура!» не прекращаются и растут за нами в темноте. Вот эти крики уже доносятся из ближайшей темноты, но марковцы злоежце молчат. Затем по команде вся линия марковской обороны опоясывается огненными вспышками орудий, пулеметов и винтовок. Крики «Ура!» обрываются на полуслове. Стрельба так же резко прекращается, как она началась. Тишина восстановилась. Изредка ветер доносит стоны раненых красных. Ночь, наконец, вступила в свои права.

Между Розенталем и Андебургом

Борьба, которую вел командующий Вооруженными силами Юга России генерал Врангель, опираясь на Крымский полуостров, против красного засилья, имела смысл, пока имелась хоть малейшая надежда, что эта борьба будет поддержана русским народом. Поэтому генерал Врангель делал героические усилия расширить фронт борьбы, производя десанты на Кубани и на Дону и совершив рейд на правобережную Малороссию по направлению к Никополю. С той же целью Дроздовская дивизия два раза доходила до Александровска и после второго занятия Александровска — даже до Синельникова.

Однако, очевидно, еще не прошло достаточно времени, чтобы народ распознал подлинное звериное лицо коммунизма. Александровск с большим рабочим населением встретил белые войска радостно и

приветливо, но еще без сознания, что нужно самим включиться в борьбу с целью стереть интернациональную красную напасть, присосавшуюся к телу русского народа.

Каких только международных ландскнехтов не посылали коммунисты против нас: латыши, венгры, китайцы... По признанию начальника политического управления советских вооруженных сил Голикова в 1958 году — двести тысяч иностранцев приняло участие в Гражданской войне на стороне большевиков. В то же самое время у генерала Врангеля всех родов войск было не более 40 000. Советская власть была утверждена при помощи иностранных коммунистов вопреки сопротивлению, оказанному частью офицерского состава русской армии и главным образом учащейся молодежью, оказавшихся, увы, в меньшинстве, при безразличном отношении всего остального населения. В 1920 году красная повязка с очей русского народа еще не спала, и это обстоятельство предвосхитило исход Белого движения.

После первого занятия Александровска наши войска отошли, чтобы остановить красное наступление, начатое ими у Каховки и на правом фланге первого корпуса. Красные хотели воспользоваться отводом кубанской конницы для производства десанта на Кубани. Об этих боях, в начале августа 1920 года, рассказывает А.Ф. Пронин в очерке «Бой под Ново-Мунталем». Было ли это под Новым Мунталем или Розенталем, спорить не берусь. Обе колонии находятся по соседству. Моя память почему-то сохранила имя колонии Розенталь, как о месте, где описываемые бои имели место.

Наша рота лежала в цепи с левой стороны от северного выхода из колонии. Вдруг что-то произошло по другую сторону колонии. Что именно произошло — нам тогда известно не было. Н.Н. Ребиков рассказывает в своем дневнике, что на 3-й батальон полка наскочила красная конница и батальон сдался. Две артиллерийские батареи, в том числе гаубичная, оказались со снарядами на исходе и без пехотного прикрытия.

Наша рота была поднята и срочно направлена к северной окраине колонии. Когда мы вытянувшимся строем по два в ряд подбегали к первым жилищам, то с другой стороны колонии появилась красная тачанка со станковым пулеметом.

Тачанка появилась столь внезапно, что мы не успели поднять винтовок и встретить ее ружейным огнем, как она уже развернулась и, с расстояния шагов в 50, облила нас дождем стальных пуль. Устье ствола пулемета, до которого, казалось, рукой подать, изрыгало на нас огненные молнии. Пули зацокали по земле под ногами. Красный пу-

леметчик, очевидно, исправил свою ошибку и приподнял ствол. Немедленно одна из пуль ударила в приклад моей винтовки и его разбила, но мое тело под прикладом осталось невредимым.

Еще несколько скачков, и мы, находясь под прикрытием ближайшего к нам дома, открыли огонь по красной тачанке, удивившей нас своей смелостью. Тачанка столь же быстро, как появилась, стала удаляться. Но вместо одной появилось несколько тачанок. Наши пулеметы израсходовали все патроны. Поединок винтовок с пулеметами не сулил нам успеха.

На северном конце колонии появилась красная кавалерия. Приказано немедленно отступать, цепляясь за каждый дом и обороняясь. «Вот бы ударить по кавалерии из орудия», — мечтали мы. Точно по мановению волшебной палочки, от южного конца колонии приближалось к нам легкое полевое орудие. Развернувшись и встав под пулеметным огнем на позицию поперек улицы, орудие открыло стрельбу по кавалерии. Совместными усилиями орудия и наших винтовок красные были отражены и покинули окраину села.

Только теперь я заметил, что у меня вся левая штанина в крови. Пошел на перевязку. Очевидно, в то время, когда пуля разбила приклад, другая прострелила икру левой ноги. Рана — ерундовая, в пылу боя даже ее не заметил. Почувствовал боль, только когда фельдшер залил рану йодом. Получив перевязку, вернулся в строй. Это было предупреждение.

За ночь подошли резервы, а главное, были доставлены снаряды для орудий и патроны для пулеметов. Получили по котелку чаю. Еще перед рассветом двинулись вперед.

Бои были очень тяжелые, но красные не удержались и были выбиты из колоний, захваченных ими в течение предыдущих дней. Во время этих боев был убит начальник команды пеших разведчиков, капитан Владимир Иосифович Коваленко. Не ушел он от переселения на другой свет, и наша шуточная кличка оказалась, увы, пророческой. Без одной остановки на отдых продвигались вперед. Также не получали никакой пищи — желудки были пусты, и только потуже затянуты были ремни.

Наконец день начал склоняться к вечеру. За день прошли с огнем верст пятнадцать—двадцать. Впереди колония Андебург (на советской карте она называется Андебург). Между ней и соседней колонией Грюндаль — небольшой чахлый лесок. На опушке этой роши полк был остановлен для отдыха. Полусидим и полулежим.

Вдруг откуда-то из нашего тыла появился броневик. Приняли его за свой. Полк не пошелохнул и продолжает отдыхать. Однако бро-

невик оказался красным. Из пулемета, высунутого из круглой башни, замелькали огоньки. Пули застучали по стволам деревьев. Внезапная боль появилась где-то в нижней части туловища, и я моментально потерял сознание...

Страшно тяжело дышать от боли при каждом вдохе и выдохе. Внутри все переворачивается. Пальцы судорожно корчатся и что-то в отчаянии ломают, как потом разобрался, стебли соломы. Лежу на санитарной повозке. Надо мной в тумане какие-то лица. Слышу знакомый голос полкового врача, доктора Леонидова:

— Ранение в полость живота. Вряд ли выживет. Возьмите у него бумажник и документы и перешлите родителям.

— Есть, — отвечает взволнованный голос моего друга Коли.

— Слава богу, что больше нет потерь. Могло быть больше, — хладнокровно продолжает доктор.

Голоса обрываются. Снова впадаю в беспамятство. Слышу, как скрипят и визжат колеса. Подо мной уже нет больше соломы. Лежу не на полковой санитарной коляске, а на досках телеги, на которой вывозят навоз на поле. От каждого содрогания телеги по ухабистой дороге — точно ножи переворачивают свои лезвия где-то между грудью и животом. Очевидно, я был мертвенно бледен и не проявлял признаков жизни.

— И куды вы этот труп везете-то? — слышу чей-то бабий голос.

— А вот туды, на станцию. Там разберут, труп этот чи живой, — отвечает возница, у которого вижу сквозь туман только спину. Незвестный возница честно вез «труп» в течение нескольких часов и уже в сумерках привез на станцию железной дороги в Пришибе.

Раздается озабоченный женский голос, вероятно, сестры милосердия:

— Там привезли офицера-дроздовца. Перенесите его в вагон в первую очередь.

«Труп» положили на пол теплушки. Через некоторое время вагон вздрогнул, подтолкнутый подошедшим паровозом. Паровоз с вагоном начал маневрировать. «Боже мой, зачем нужно так бесчеловечно жестоко толкать вагоны с ранеными», — мучительно проносится в моей голове. Опять память куда-то теряется.

На станции Федоровка нас переносят в мягкие пульмановские вагоны санитарного поезда. Над моей головой висит записка: «Ранение в живот. Никакой пищи». Но мне повезло: ранен в наступлении, ранен во время привала — один из всего полка, было когда возиться и отправить в тыл, а главное, был ранен в живот — на пустой желудок. И «труп» выжил.

ДНЕВНИК КАПИТАНА 7-Й ГАУБИЧНОЙ БАТАРЕИ
ДРОЗДОВСКОЙ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЫ²⁴³

Май 1920 года

После несчастной Новороссийской эвакуации батарея прибыла без орудий в Севастополь. Из Севастополя батарея по железной дороге была перевезена в Джанкой, откуда походным порядком перешла к Перекопскому валу, где приняла совместно с 8-й гаубичной батареей от батареи офицерской артиллерийской школы четыре 45-линейные английские гаубицы, один пулемет Викерса и один ручной пулемет Льюиса. Была сформирована сводная гаубичная батарея Дроздовской артиллерийской бригады под командой полковника Соловьева (полковник Медведев находился в эвакуации). Обоз батареи расположился в деревне Воинке. Первые три орудия батареи были укомплектованы личным составом 7-й батареи, а 4-е орудие — 8-й батареи. В 3-й Дроздовский стрелковый полк перешли капитаны Переслени, Обухов²⁴⁴, Диденко²⁴⁵, Коваленко, поручики Будянский²⁴⁶, Кривенко, подпоручик Прокопов 2-й²⁴⁷ и несколько старых добровольцев. Переведены в батарею из бронеавтомобильных частей полковник Нилов²⁴⁸ и капитан Кудряшов²⁴⁹. Из 8-й батареи — подпоручик Рутковский²⁵⁰, Галицынский и Обремский, а также подпоручики Игнатьев, Семенов и поручик Мордвинкин из состава погибшей 12-й батареи. На Перекопском валу батарея была придана 1-му Марковскому пехотному полку, под командой полковника Марченко (первоходника). Позиция батареи была почти на стыке с Корниловской дивизией. Пехотные роты были весьма слабого состава (около 20 штыков в роте). Впереди вала были слабые проволочные заграждения. На валу было устроено непрерывное наблюдение за полем. На наблюдательном пункте находилась даже стереотруба. Велась запись наблюдений. 2 мая красная артиллерия открыла внезапно артиллерийский огонь по валу, причем случайным снарядом был убит доброволец Бессонов (похоронен в Армянске). В общем стояли спокойно. Были вырыты землянки. Погода была большей частью прекрасная. Перед переходом в наступление начала производиться подготовка к операции. Сводная батарея была вновь разделена на две батареи: 7-ю и 8-ю. 8-й батареей командовал полковник Абамеликов²⁵¹ при старшем офицере капитане Прокопенко²⁵². Обе батареи были двухорудийные. Старшим офицером 7-й батареи был капитан Камлач²⁵³.

24. Батарея в составе двух 45-линейных английских гаубиц, одного пулемета Викерса и одного пулемета Льюиса начала готовиться к переходу в наступление. На будущую позицию батареи у высоты 7.1 было свезено 200 снарядов. Были вырыты ровики для номеров и открыты площадки для орудий. С этой позиции батарея 21 мая пристреляла при помощи аэроплана две батареи красных и их окопы западнее Перво-Константиновки.

25. В 24 часа ночи на 25-е число батарея выехала на позицию к юго-востоку от высоты 7.1, то есть выехала вперед за проволочные заграждения. Батарее было приказано открыть огонь перед рассветом по общему сигналу, по заранее пристрелянным целям. Батарея стояла на закрытой позиции. Наблюдательный пункт с вырытым окопчиком и ходом сообщения находился в 400 шагах вправо от высоты 7.1. На наблюдательный пункт отправился старший офицер и командир взвода с телефонистами и пулеметчиками. Протянули телефонную связь. Командир батареи полковник Соловьев был начальником левого артиллерийского участка и находился при начальнике артиллерии полковнике Машине. Высота 7.1 занималась всего лишь пикетом 2-го конного Дроздовского дивизиона. Других частей, прикрывающих выехавшую вперед артиллерию, не было. Таким образом, вся артиллерия участка полковника Машина, стоявшая здесь, охранялась всего конным пикетом. В час ночи наблюдательный пункт батареи был внезапно обстрелян ружейным и пулеметным огнем. Наш пулемет также открыл огонь. Конный пикет ускакал. Началась редкая перестрелка. Ввиду серьезности обстановки, на батарею были собраны номера с винтовками и высланы на высоту 7.1. Отдельные выстрелы продолжались всю ночь. Перед рассветом послышалось «Ура!» нашей пехоты, и по всему фронту разлился сильный ружейный огонь. Наша артиллерия открыла сильный огонь. 7-я гаубичная батарея вела огонь по заранее пристрелянным красным батареям. Батареи красных открыли заградительный огонь, который, однако, вреда не причинил, так как ложился между наблюдательным пунктом и позицией батареи. Через четверть часа батареи красных замолчали и ружейная стрельба удалась. Батарея перешла к высоте 9.3. Наши части быстро продвигались вперед. Батарея получила приказание ожидать подхода Дроздовской дивизии, которая стояла в резерве в районе Воинки, и перейти в ее распоряжение. Батарея остановилась влево от дороги на Чаплинку в двух верстах от Перво-Константиновки. Здесь батарея стала на позицию и вела огонь во фланг цепям красных, которые наступали на Перво-Константиновку. Рядом стреляла 8-я батарея. В 11 часов батарея перешла в Перво-Константиновку, где оставалась на улице. В 13 часов была по-

лучена полевая записка от командира 2-го Марковского полка с просьбой его поддержать, так как красные его очень теснили. Разгорелся сильный ружейный огонь. Батарея выехала на позицию в одной версте к западу от Перво-Константиновки и открыла огонь по цепям красных. Наша малочисленная пехота быстро отступала. Батарее пришлось переменить позицию и отойти немного назад. Сзади была видна подходившая колонна Дроздовской дивизии. Начал подходить 3-й Дроздовский полк, который рассыпался в цепь за батареей. Сперва батарея поддерживала своим огнем наступление 3-го Дроздовского стрелкового полка. В 16 часов батарея получила приказание отойти за вал и перейти в распоряжение 2-го Дроздовского стрелкового полка. Таким образом, батарея до конца не поддерживала наступление 3-го Дроздовского полка. В 18 часов батарея пришла на старое место за валом и расположилась на отдых по старым землянкам. За день боя выпущено 160 снарядов. Ранен ружейной пулей бомбардир Репин.

26. На рассвете батарея вместе со 2-м Дроздовским стрелковым полком выступила в направлении на Перво-Константиновку, которая накануне вечером была вновь взята красными, причем понес потери 1-й Дроздовский полк. Колонна прошла мимо высоты 7.1. Батарея, перейдя гать, остановилась и стала на позицию. Наблюдательный пункт был впереди батареи, и туда отправился старший офицер батареи капитан Камлач. Наша пехота быстро рассыпалась в цепь и энергично пошла вперед. Батарея открыла огонь по цепям красных. Красные оказывали сопротивление, которое было сломлено атакой нашей кавалерии генерала Морозова со стороны Перво-Константиновки. Красные обратились в бегство. Батарея пошла вперед. В 11 часов колонна прибыла во Владимировку, где стала по квартирам. В Сивашах были видны красные, которые туда бежали от атаки кавалерии. Были взяты пленные. Двое из них были зачислены в батарею. Выпущено 80 снарядов.

27. Батарея в колонне 2-го Дроздовского стрелкового полка выступила на «Аскания-Нова». В 16 часов колонна в «Аскания-Нова». Батарея выпустила 4 снаряда по видневшейся вдали кавалерии красных, но достать не смогла. Расположилась в прекрасном парке Аскания-Нова. Туда же подошел 3-й Дроздовский стрелковый полк. Батарея перешла в распоряжение 3-го Дроздовского полка.

28. На рассвете началась ружейная перестрелка. Батарея стала на позицию на северной окраине «Аскания-Нова» и стреляла по показавшейся кавалерии. Затем батарея со 2-м батальоном 3-го Дроздовского стрелкового полка перешла на хутор в 7 верстах к северу от «Аскания-Нова». Вечером батарея перешла на старое место в «Аскания-Нова».

29. В 14 часов батарея в составе колонны 3-го Дроздовского полка перешла в хутор Самойлов. В 20 часов батарея спешно выступила на поддержку отходившего из «Аскания-Нова» 3-го батальона 3-го Дроздовского полка (батальон Смоленского полка²⁵⁴). Батарея выпустила 6 снарядов. Вследствие наступившей темноты батарея вернулась назад в хутор Самойлов.

30. На рассвете батарея в составе колонны 3-го Дроздовского стрелкового полка перешла в «Аскания-Нова», которую вечером накануне захватили красные, а затем вновь оставили, при этом в 3-м батальоне было несколько человек зарублено.

31. Батарея в составе колонны 3-го Дроздовского полка перешла в село Вознесенка. Переход 40 верст. Большой привал был в Успенке. Население встречает очень хорошо.

Июнь 1920 года

1. Батарея в составе колонны 3-го Дроздовского стрелкового полка перешла в село Рубановка. Переход 18 верст.

2. Батарея в составе той же колонны перешла в Верхний Рогачик. Переход 30 верст.

3. Колонна стоит в резерве в Верхнем Рогачике.

4. В 10 часов батарея в составе колонны 3-го Дроздовского полка выступила на село Малые Белозерки. Подойдя к Малым Белозеркам, колонна попала под обстрел. Батарея в развернутом строю двинулась за цепями стрелков. Это было сделано по приказанию командира полка, опасавшегося атаки красных броневедомств. На расстоянии полутора верст от села батарея стала на открытую позицию. Красные открыли сильный артиллерийский огонь по батарее, который, к счастью, ущерба не причинил. Солнце было за спиной батареи, и видимость для красных была плохая. Номера при наших орудиях работали очень спокойно. В один момент батарея очутилась в нулевой вилке (перелет—недолет на том же прицеле). После этого красные увеличили прицел. Если бы люди у орудий забегали, то батарея была бы накрыта огнем. Сама батарея вела редкий огонь по окраине села, так как определенных целей не было. Наши стрелки быстро двигались вперед и очистили часть села. Батарея двинулась вперед и стала по квартирам на юго-западной окраине села. Село огромное. Ночью приказано быть очень бдительными, так как не все село очищено от красных. Полку еще придан 3-й дивизион Дроздовской артиллерийской бригады под командой полковника Соколова. 5-й батареей командует

капитан Мусин-Пушкин (бывший старший офицер 7-й батареи). 6-й батареей командует капитан Маслов²⁵⁵ (бывший 4-го дивизиона).

5. На рассвете в селе началась ружейная перестрелка. Оказывается, в селе также ночевала красная кавалерия. Батарея немедленно выступила в поле за южной окраиной села, туда вышла также и пехота. Команда пеших разведчиков полка принялась за очистку села. (Начальником команды был капитан Коваленко, командиром взвода поручик Будянский, оба бывшие офицеры 7-й батареи.) В 10 часов батарея в составе колонны 3-го полка двинулась на Бурчатск. 3-й полк шел в резерве дивизии. В Орлянке был привал. В Бурчатск пришли в 20 часов и стали там по квартирам. Переход 38 верст.

6. Батарея стоит в Бурчатске. Как квартиру батарея получила всего один дом. Личный и конский состав батареи сильно утомлен боями и переходами. Трудно также доставать фураж. Мелких денег в батарее почти нет, поэтому приходится расплачиваться крупными денежными знаками, что, в свою очередь, повышает цены.

7. В 10 часов вся Дроздовская дивизия перешла в село Михайловка, где стали по квартирам. Дивизия находится в корпусном резерве. Переход 18 верст.

8—12. Стоянка в Михайловке.

10. Ожидался приезд генерала Врангеля, и поэтому всю дивизию вывели на площадь, но генерал Врангель не приехал.

13. На рассвете с 3-м полком перешли в Бурчатск, где стали по прежним квартирам. Слышан бой в Васильевке.

14. В 13 часов батарея в составе колонны 3-го полка выступила на село Карачекрак. Само село сильно обстреливалось бронепоездом красных. Батарея вместе с 3-м батальоном 3-го Дроздовского полка шла в резерве и остановилась у хутора Лесного. В 20 часов полк с артиллерией вернулся в Бурчатск. Стали по прежним квартирам. Батарея не выпустила ни одного снаряда. Цель похода — восстановить положение 34-й пехотной дивизии.

15. В 14 часов в составе колонны 3-го полка выступили на Гейдельберг, куда пришли в 16 часов. В Гейдельберге сосредоточена вся Дроздовская дивизия. Переход 20 верст.

16. Батарея в составе колонны 3-го полка выступила в направлении на высоту 421 (у Сладкой Балки). Вместе с колонной шли два танка. Наши стрелки сбили красных с высоты 421. Батарея рысью выехала на открытую позицию влево от высоты 421 и обстреляла отходившие цепи красных. Красные отходили в беспорядке. Затем батарея перешла на позицию в полутора верстах к югу от Блюменталя, откуда обстреливала кавалерию красных, которая накапливались в районе хутора

Ильченкова. После чего батарея перешла на позицию к востоку от Вторых Копаней, откуда обстреляла красных, отходивших на Орехов. За отходившими красными были посланы в атаку полковые разведчики и конные разведчики батареи. Наши разведчики захватили в плен двух красных, которые были зачислены на службу в батарею. Наступила темнота, и приказано перейти на ночь в Сладкую Балку. 3-й полк с артиллерией разместился по квартирам в Сладкой Балке. За день выпущено 80 снарядов. В бою ранен старший фейерверкер Слаутский. В команде пеших разведчиков 3-го Дроздовского полка убит бывший офицер батареи поручик Будянский (награжден посмертно орденом Святого Николая 2-й степени).

17. В 3 часа батарея в составе 3-го полка выступила в направлении на Янчекрак. Цель похода — удар Дроздовской дивизии по тылам красных и облегчение положения 34-й дивизии, которая занимала фронт Карачекрак—Нижний Куркулак. 3-й полк идет в резерве дивизии. В голове идет 1-й полк под командой генерал-майора Туркула. Прошли обе Копани и Щербакровку. В 16 часов пришли в Янчекрак. В 19 часов дивизия выступила на Карачекрак, где стала по квартирам. Переход 50 верст.

18. В 6 часов выступили на Гофенталь, где стали по квартирам. Переход 40 верст.

19. Вся Дроздовская дивизия стоит в колонии Гофенталь.

20. В 1 час ночи батарея в составе колонны 3-го полка выступила на колонию Рикенау. В батарее никто не знал о цели движения, только все были предупреждены о возможности внезапного нападения кавалерии. В пулеметах на тачанках были продернуты ленты. На рассвете колонна подошла к колонии Рикенау. В колонии думали найти красную кавалерию, но ее там не оказалось. Полк с артиллерией перешел в колонию Фридендорф и остановился на улице. Пролетел наш самолет, который сбросил донесение. Внезапно за колонией послышалась ружейная стрельба. Батарею потребовали вперед, и она на рысях выехала на юго-восточную окраину Фридендорфа. В версте была видна масса красной кавалерии, проносившейся в беспорядке на север. Это была конница Жлобы, теснимая кавалерией генерала Морозова. Наша пехота в сомкнутом строю стреляла залпами по кавалерии. Батарея открыла огонь и стреляла очень удачно по теснине, через которую проскакивали красные кавалеристы. Вдруг потребовали батарею вперед, несмотря на то что ее стрельба была удачна. Одно орудие оставлено на старой позиции, а другое выехало вперед и потеряло только время, так как красная кавалерия уже проскочила. Бой продолжался двадцать минут. Части свернулись в колонну. В 14 часов было приказано полковой колонне вытягиваться в направлении на Ландскронэ.

Снова появилась масса несущейся кавалерии красных, которая направлялась с севера на юг. Батарея стала на позицию на бугре к востоку от Гнаденгейма и открыла беглый огонь. Через 10 минут рассеянная конница скрылась. Батарея после этого еще два часа стояла на позиции. Разведчики батареи поскакали собирать брошенных красными лошадей. В этом отношении части соперничали друг с другом, так как других способов пополнения конского состава не было. За этот бой батарея добыла 5 сильно загнанных лошадей и несколько седел и одну тачанку. За бой выпущено 150 снарядов. В этом бою, как исключение, боевая часть везла снаряды, кроме обычного комплекта, в передке и в зарядном ящике, еще на двух обывательских подводах и одной казенной парной подводе. На каждое орудие было по 100 снарядов. Гаубичных снарядов отпускалось такое малое количество, что их приходилось очень экономить. Ввиду большой скоротечности боя, батарея занимала открытые позиции. Особенно отличился разведчик, кадет Полтавского корпуса Карпинский, 14 лет, атаковавший один тачанку красных. Полк с артиллерией ночевал в колонии Ландскронэ. Так закончился разгром конницы Жлобы. (Интересно то, что в 1958 году была помещена в «Красной Звезде» обстоятельная биография Жлобы. В этой биографии об этом разгроме не сказано ни слова.)

21. На рассвете батарея, в составе колонны 3-го полка, выступила на Гофенталь, куда прибыла в 11 часов и стала по старым квартирам. Переход 45 верст.

22. Батарея, в составе 3-го Дроздовского полка, выступила на Старый Мунталь, на южной окраине которого сосредоточилась вся Дроздовская дивизия. 3-му полку приказано наступать на Нижний Куркулак, левее 3-го полка наступала кавалерийская бригада генерала Шифнер-Маркевича, которой приказано взять колонию Розенталь. Правее 3-го полка наступал 2-й Дроздовский стрелковый полк. 3-й полк двинулся на Нижний Куркулак, а 7-я гаубичная батарея стала на закрытую позицию и открыла редкий огонь по цепям красных. Красные со своей стороны вели огонь площадями по нашему тылу. 2-й Дроздовский полк, наступавший справа, ворвался с двумя бронев-автомобилями в Нижний Куркулак. Красная батарея, до сих пор невидимая, начала отходить. 7-я гаубичная открыла по ней огонь. Наша пехота быстро продвигалась вперед. Батарею было приказано перейти в распоряжение 1-го батальона и стать на позицию к югу от бугров Нижнего Куркулака. К этому времени конница генерала Шифнер-Маркевича заняла колонию Розенталь. Батарею приказано перейти в Нижний Куркулак и стать по квартирам. Вся Дрезденская дивизия расположилась в Нижем Куркулаке. В 17 часов усилилась перестрелка

в направлении на колонию Вальдорф. 7-я гаубичная батарея получила приказание выехать на западную окраину Нижнего Куркулака и обстрелять цепи и батарею красных. Батарея рысью выехала вперед. В это время красная батарея, стоявшая на полузакрытой позиции к югу от колонии Вальдорф, открыла огонь по западной окраине Нижнего Куркулака. С большим трудом, ввиду узости улицы, удалось снять гаубицу, закатить за изгиб улицы и затем своим огнем привести к молчанию красную батарею. Цепи красных так и не показывались. Во время перестрелки в передках был убит один мул. Вся эта история обошлась батарее сравнительно благополучно. Батарея не была ориентирована в обстановке и, выехав рысью на окраину села, ввиду узости улицы не могла сразу повернуться и попала под обстрел красной батареи. Эта последняя, к счастью, стреляла неудовлетворительно. Сбив красную батарею, 7-я гаубичная вернулась назад.

23. В 24 часа на 23-е батарея в составе колонны 3-го полка выступила через Вальдорф (оставленный красными без боя) на Гохгейм. На рассвете перед Гохгеймом завязался бой, который, однако, быстро кончился. Батарея была вызвана вперед и стала на полузакрытую позицию, но огня не открывала. Пехотой были взяты пленные. 3-й полк с артиллерией остановился в Гохгейме, а 1-й полк пошел вперед. 3-й полк оставлен в резерве. Днем перешли в хутор Луговой, где разместились под открытым небом. Воды на хуторе было далеко не достаточно, и лошадей пришлось водить на водопой за полторы версты. С фуражем дело обстоит очень плохо: с большим трудом удалось купить у жителей небольшое количество. Ночевали в хуторе Луговом.

24. В 7 часов в составе колонны 3-го полка выступили на колонию Гейдельберг, где разместились по квартирам. 3-му полку дана задача активно оборонять участок Эривовка—Блюменталь. Красных не видно. Батарее приказано выбрать заблаговременно наблюдательный пункт и позицию для батареи на случай действий в направлении Эривовка—Блюменталь. На наблюдательном пункте должен находиться дежурный наблюдатель.

25. Спокойно стоим в Гейдельберге. Согласно приказу Главкомандующего, две пары мулов батареи были отпущены на работы по уборке урожая, на помощь жителям. Немцы-колонисты относятся очень хорошо и предупредительно. Под вечер разъезды красных появились в Эривовке.

Телеграмма начальника штаба 1-го Армейского корпуса от 29 июня 1920 года за № 9462:

«Приказом Главкома от 24 июня с. г., в воздаяние воинской доблести, отменного мужества и беззаветного самоотвержения, проявлен-

ных в боях в Северной Таврии за освобождение Родины от врагов, награждаются: первая, вторая, третья и седьмая батареи Дроздовской артиллерийской бригады и третья батарея первого отдельного Тяжелого артиллерийского дивизиона серебряными трубами с лентами ордена Святого Николая Чудотворца».

Июль 1920 года. Борьба со 2-й конной армией

29. Батарея, в составе колонны 3-го полка, выступила на Нижний Куркулак. 3-й полк идет в резерве дивизии. В двух верстах к югу от Нижнего Куркулака колонна остановилась. В Нижнем Куркулаке идет бой между красными и 1-м полком. В направлении на Розенталь видны шрапнельные разрывы. Оказывается, конница красных прорвалась через Розенталь на Фридрихсфельд (при этом были захвачены наши обозы). 3-му полку приказано восстановить положение. Колонна полка свернула в западном направлении и атаковала Розенталь, который был занят после небольшого боя. Полк остановился в колонии. Скоро подошел 1-й полк. В 17 часов со стороны Фридрихсфельда появилась масса красной конницы. Батарея рысью выехала на юго-западную окраину Розенталя и открыла огонь по красной кавалерии и рассеяла ее. Наша пехота быстро подвигалась на юг. Из Фридрихсфельда вновь появилась масса красной конницы с тремя бронеавтомобилями. Кавалерия двигалась развернутым строем. Полк остановился, роты сомкнулись, в промежутки между ротами стали 7-я гаубичная, 5-я и 6-я легкие батареи. Красная кавалерия и бронеавтомобили быстро приближались. Генерал Манштейн приказал открыть огонь по особому знаку. Наконец, генерал Манштейн приказал гаубичной батарее открыть огонь по бронеавтомобилям. Пехота и другие батареи, считая это за сигнал, открыли беглый огонь. Вследствие царившей засухи все поле покрылось пылью. Через 5 минут наш огонь прекратился. На поле были видны одиночные всадники. Красная конница была рассеяна. Огонь был открыт слишком рано, и потери красных были не столь значительны. Можно предположить, что красные не знали, кто против них. Например, на красных бронеавтомобилях были открыты люки и была видна команда. Красные обтекли полк справа и слева и ускакали на север. Полк вновь свернулся в колонну и двинулся в направлении Ней Нассау. Наступила темная южная ночь. Ввиду сильной пыли не было видно даже в 2 шагах. Справа от батарейной колонны двигался какой-то обоз. В случае малейшей стрельбы он перемешал бы всю боевую часть. Ввиду большой пыли и темноты люди нервничали. От

батареи вправо и влево были высланы батарейные разведчики для предупреждения всяких недоразумений. Между прочим, такой же разъезд стрелкового полка захватил тачанку с красными командирами, ехавшими вдоль нашей колонны. В голове колонны послышалось несколько выстрелов. Было приказано кричать «Ура!». Послышалось громовое «Ура!», кричали даже подводчики. Пехотные роты стреляли залпами на запад. Скоро стрельба прекратилась. В 22 часа колонна втянулась в Ней Нассау. Батарея разместилась на улице. От артиллерии в Гальбштадт были посланы зарядные ящики в сопровождении пулеметных тачанок, ввиду неясности обстановки. За день выпущено 110 снарядов. Батареей захвачена одна тачанка.

30. В 13 часов батарея в составе колонны 3-го полка выступила на колонию Розенталь. Отряду пришлось двигаться по совсем ровной местности под сильным артиллерийским огнем красных. Батарея несколько раз становилась на открытую позицию и обстреливала цепи красных. Без особого труда полк занял колонию. Батарее было приказано выехать на северо-восточную окраину колонии и заставить замолчать красную батарею, стоявшую на открытой позиции и своим огнем наносившую потери нашей пехоте. Батарея стала на закрытую позицию в садах колонии и прогнала красную батарею. Во время выезда на позицию был ранен шрапнельной пулей поручик Рутковский. Выпущено 90 снарядов. Ночевали в Розентале.

31. Ночью батарея, в составе колонны 3-го полка, выступила на Андребург, занятый красными, правее на колонию Гейдельберг наступал 1-й полк. На рассвете наша пехота атаковала и заняла после непродолжительного боя Андребург. Батарея выехала на позицию к Шанцевым буграм и открыла огонь по отходившим красным. В это время показался красный эскадрон, который двигался между Гейдельбергом и Андребургом. Батарея открыла огонь по эскадрону. Со стороны Гейдельберга батарея была обстреляна артиллерийским огнем (как потом выяснилось, нашей 2-й батареей). Батарее пришлось из-за этого спешно сняться с позиции и уйти за закрытие. В Гейдельберг были посланы батарейные разведчики для предупреждения стрельбы по своим. В Гейдельберге бой продолжался. Батарея стала на закрытую позицию у Шанцевых бугров и вела редкий огонь по цепям красных в районе хутора Коробочка. Район Шанцевых бугров обстреливался артиллерийским огнем красных. Разрывом гранаты в пулеметной тачанке был убит ездовой Филонов и ранены поручик Голицынский и подпоручик Прокопенко. Убит один мул и ранен другой. В 10 часов батарея получила приказание перейти в Андребург и стать по квартирам. Бой 1-го полка под Гейдельбергом продолжался.

Было приказано 3-му полку вместе с артиллерией пойти на помощь 1-му полку. 3-й полк, однако, в бою участия не принял. На пополнение батареи прибыл один красноармеец (рабочий из Москвы). На ночь стали по квартирам в Андреебурге. Выпущено около 80 снарядов.

Август 1920 года

1. Батарея стоит в Андреебурге.

2. Батарея стоит на закрытой позиции в районе Шанцевых бугров. Красные ведут сильный артиллерийский огонь по району Шанцевых бугров. К вечеру красные предприняли атаку, но были отбиты. Стали по прежним квартирам в Андреебурге.

3. С утра красные повели наступление на Шанцевы бугры и на Гейдельберг. Батарея стала на закрытую позицию у Шанцевых бугров. Красные вели сильный артиллерийский огонь по буграм. Батарея стреляла во фланг цепям красных, наступавших на Гейдельберг. Затем, на восток от Гохгейма, по трем столбам пыли, которые обозначали стоявшую за гребнем красную батарею. Красная батарея после этого прекратила огонь. Снаряды приходилось расходовать очень экономно, так как на батарее было всего 120 снарядов, а в парке гаубичных снарядов вообще не было. Батарея стояла на пахоте, и при каждом выстреле, из-за сильной засухи, поднимался огромный столб пыли, который демаскировал батарею. Вся местность вокруг батареи обстреливалась артиллерийским огнем красных. В 11 часов 1-й полк очистил Гейдельберг, и таким образом правый фланг батареи со стороны Гейдельберга оказался открытым. Начальник артиллерии 3-го полка, полковник Соловьев, после этого приказал батарее отойти ближе к Андреебургу. 1-й батальон 3-го полка по-прежнему занимал позиции к западу от бугров. На батарее имелась всего одна верста провода, так что если бы наблюдатель был бы при пехоте, то телефонного провода не хватило бы до батареи. К тому же местность понижалась слишком слабо. Даже с пехотной позиции не были видны подступы со стороны хутора Коробочкино, где сосредоточивалась красная кавалерия. На стороне красных было явное превосходство в артиллерии, и вся местность к югу от Шанцевых бугров находилась под сильным артиллерийским обстрелом. Бороться с красной артиллерией, ввиду недостатка снарядов, было невозможно. Все это побудило полковника Соловьева отвести батарею к Андреебургу. В 16 часов красная кавалерия атаковала 1-й батальон во фланг со стороны хутора Коробочкино. С наблюдательного пункта

7-й батареи (крыша дома в Андебурге) было видно, как красные кавалеристы скакали вдоль фронта батальона и рубили его. Генерал Манштейн, который находился тут же, двинул в атаку 3-й батальон и броневедомобиль. В атаку пошли сам Манштейн, конные разведчики и офицерская рота, бросившаяся со штыками наперевес вперед вместе со всадниками. Красные бежали. Из состава батальона спаслись офицеры 4-й роты во главе с командиром, капитаном Жуком, успевшие вовремя соединиться и отстреляться. Гаубичная батарея открыла огонь по красной кавалерии. 1-й батальон почти полностью погиб (батальон был слабого состава — вероятно, около 120 штыков). На месте, где погиб батальон, лежала зарубленная сестра милосердия и вблизи ее убитый красный кавалерист. Батарея стала на позицию в полутора верстах к югу от Шанцевых бугров. Ввиду недостатка телефонного провода была выставлена цепь передатчиков. Батарее было приказано обстрелять рошу к северу от хутора Коробочкино, где сосредоточилась кавалерия красных. Вскоре после открытия огня красная кавалерия группами начала уходить из роши. К вечеру на батарее осталось всего 8 снарядов. Гибель 1-го батальона объясняется тем, что он был слишком выдвинут вперед. Далее подступы к буграм со стороны роши Коробочкино не были видны, и батальон был атакован во фланг. Ночью 3-й полк перешел в Ней-Мунталь. На батарее ранен ружейной пулей капитан Кудряшов.

4. Батарея в резерве в Ней-Мунтале.

5. На рассвете началась сильная ружейная и пулеметная стрельба. Батарее приказано спешно выехать на северо-восточную окраину Ней-Мунталя. Во время выезда батареи показалась красная кавалерия, скакавшая между Гейдельбергом и Нижним Куркулаком. Батарея быстро стала на открытую позицию и разогнала красную конницу. Затем батарея стала на закрытую позицию в садах колонии и вела редкий огонь по красной кавалерии, которая сосредотачивалась на северо-востоке от Ней-Мунталя. В 7 часов батарее приказано поддержать атаку 3-го батальона, который должен был наступать на Гейдельберг с востока. Батальон в развернутом строю пошел вперед (не цепями ввиду ожидавшейся атаки красной кавалерии). Красная артиллерия открыла сильный огонь по батальону. Батарея двинулась за батальоном в развернутом строю на расстоянии полуверсты. Батарея не могла оставаться на старой позиции, так как подъем местности закрывал красных и батальон, дойдя до гребня, остался бы без артиллерийской поддержки. На телефонную связь рассчитывать было нельзя. Когда батальон достиг гребня, то была видна масса красной кавалерии с броневедомобилем, покрывавшая все пространство меж-

ду Гейдельбергом и Нижним Куркулаком. 3-й батальон был слабого состава, около 120 штыков и сформирован вместо убывшего батальона 25-го пехотного Смоленского полка. Солдатский состав батальона были сплошь пленные красноармейцы. Батальон под артиллерийским огнем остановился на гребне и стрелял залпами по красной кавалерии. Было видно, как офицер с палкой в руке шел вдоль рядов стрелков и бил по винтовкам, заставляя их не задирать вверх (люди в минуту опасности инстинктивно задирают винтовку вверх, и пули летят через головы атакующих). Одна гаубица оставлена за батальоном, а другая гаубица рысью выехала влево, от батальона, чтобы бить во фланг атакующей кавалерии красных. Красная кавалерия бросилась в атаку на батальон — были хорошо видны всадники, размахивавшие саблями. Обе гаубицы и батарейные пулеметы открыли огонь, быстро дойдя до прицела 2. Рядом стояла 5-я батарея (3 орудия), стрелявшая картечью. Когда красные всадники доскакали до батальона, то он сдался и стрелки воткнули штыки в землю. Артиллерия осталась без пехоты. За гребнем был виден красный броневедомоцикл, но он стоял на месте. На помощь бежали команда пеших разведчиков и офицерская рота, которая развернулась вправо от артиллерии. Красная кавалерия начала принимать вправо, не выдержав огня. Она безусловно понесла большие потери. Приказано было отходить. На батарее осталось всего 2 снаряда. В это время появился красный броневедомоцикл. Одним снарядом удалось его отогнать. Батарее было приказано идти за Розенталь, найти там артиллерийский парк и пополниться снарядами. За Розенталем батарея нашла парк и получила последние 16 гранат. 3-й полк в это время занял позиции на северной окраине Розенталя. Одну гаубицу было приказано отправить в Фридрихсфельд, ввиду недостатка в снарядах. Другая гаубица стала на позицию в садах колонии и вела редкий огонь по конным группам и броневедомоциклу красных. Красные действовали нерешительно, по-видимому ввиду понесенных больших потерь, у нашей же пехоты было очень мало патронов. Было приказано идти на Ней-Нассау. Полк и артиллерия спокойно отошли в колонию, где остановились на ночлег. Вечером было получено 40 снарядов. За день выпущено 140 снарядов. В 3-м полку смертельно ранен помощник командира полка полковник Пальмцвейг.

6. Батарее, ввиду слабого численного состава 3-го полка (остался всего 2-й батальон), было приказано перейти в распоряжение 1-го полка. Батарея присоединилась к полку, шедшему в колонне на Фридрихсфельд. В полуверсте к востоку от Фридрихсфельда батарея стала на позицию и открыла огонь по красным, высыпающим в беспорядке

из колонии. По-видимому, они были застигнуты врасплох. После непродолжительного боя полк занял колонию. Отряд остановился на два часа в колонии. В 12 часов было приказано выступить на Андребург и выбить оттуда красных. Отряд двинулся вперед под огнем артиллерии, который был не особенно силен. Во время движения батарея переменила несколько позиций, обстреливая отходивших красных. Местность между Фридрихсфельдом и Андребургом была почти совсем ровная и никаких укрытий не представляла. Отставать далеко от своей пехоты было опасно, так как на батарее своего прикрытия не было и пехотные начальники настойчиво требовали, чтобы артиллерия была ближе для моральной поддержки пехоте. Батарея меняла позиции обыкновенно перекатами: одно орудие оставалось на старой позиции, а другое переходило на новую позицию. Ввиду малочисленности снарядов это не наносило ущерба, так как батарея стреляла по незначительным целям из одного орудия. Часто, при широком фронте целей, каждое орудие вело огонь отдельно. Батарея двигалась вперед развернутым фронтом с интервалами в 100—200 шагов. У бугра, к югу от колонии Грюндаль, батарея подверглась сильному артиллерийскому обстрелу. Был ранен бомбардир Кацай, контужен в грудь поручик Гельбке и ранена лошадь под командиром взвода — все шрапнельными пулями. Батарея стала на закрытую позицию вправо от бугра и открыла огонь по колонии. Наша пехота стремительно двигалась вперед. Через четверть часа колония была взята. Батарея расположилась на улице в Грюндале. Место для стоянки батареи было очень невыгодным, так как улица простреливалась с севера, а на южной стороне был овраг. Колония была разграблена махновцами. Ничего нельзя было купить. На батарею отвели один полуразрушенный дом. За день было выпущено 130 снарядов.

7. На рассвете 1-й полк с приданной артиллерией (1-я, 2-я и 7-я батареи) вернулся в колонию Фридрихсфельд, где расположились 2-й и 3-й полки. Батарея разместилась в 2 домах. Часть людей и офицеров спят под открытым небом. Продукты в колонии достать можно. Вечерашняя операция была «коротким ударом». Приказано выбрать позицию в направлении на Розенталь.

8. Батарея стояла спокойно в Фридрихсфельде.

9. В 16 часов колония начала обстреливаться редким артиллерийским огнем. Батарея оставалась на месте. Обстрел кончился с наступлением сумерек.

10. Днем красные вели редкий артиллерийский огонь по колонии. К вечеру огонь усилился, причем случайной гранатой был убит доброволец Лебедев. Ночью вся колония была обстреляна ружейным

огнем. Для сбережения конского состава было приказано артиллерии выйти из колонии и стать у мельницы на юго-западной окраине колонии. Все же ночью залетевшими ружейными пулями был ранен младший фейерверкер Михайленко и убит один мул. В 5-й батарее убит командир батареи подполковник Мусин-Пушкин (бывший старший офицер 7-й батареи).

11. На рассвете дивизия перешла в наступление: 1-й полк — на Грюндаль, 2-й и 3-й полки — на Андребург. При этом были взяты в плен «ночные стрелки» (это были красные сибирские добровольцы), лежавшие в полуверсте от колонии. Наступление совершалось обычным порядком — батарея двигалась перекатами и становилась на открытые позиции, так как других не было. Наблюдение за стрельбой велось стоя на зарядном ящике. У бугра под Грюндалем батарея вновь попала под артиллерийский огонь красных, но проскочила благополучно. Батарея была предупреждена, что на Гейдельберг пошла Донская казачья бригада. После занятия колонии батарея стала в резервной колонне на северо-восточной окраине Андребурга, в ожидании дальнейших приказаний. Тут же стояла одна рота стрелков. Одна трехдюймовая пушка с конными разведчиками пошла на Шанцевы бугры, туда же пошел броневедомобиль «Кречет». В это время со стороны Гейдельберга показалась чья-то конница, скачущая в направлении на Андребург. Возник вопрос — чья она? На это никто не мог дать ответа, даже начальник артиллерии полковник Протасович²⁵⁶. Кавалерия приближалась, окутанная пылью. Трехдюймовая пушка и конные разведчики неслись назад. Рота построилась, батарея приготовилась к бою. На расстоянии четырехсот шагов было приказано открыть огонь, так как разведчики донесли, что это были красные. Батарея открыла беглый огонь, рота стреляла залпами. У красных произошло полное замешательство, и их кавалеристы понеслись к Шанцевым буграм, безнаказанно обтекая наш броневедомобиль, который, по-видимому, не знал, в чем дело. Через четверть часа полк без боя занял Шанцевы бугры. По-видимому, кавалерия красных не знала, что Андребург занят нами, и удирала от казаков, которые к этому времени заняли Гейдельберг. Шашки у красных не были обнажены. Это была 2-я Западно-Сибирская отдельная кавалерийская бригада, которая считалась лучшей красной кавалерийской частью. Были захвачены пленные. Ночевали в Грюндале. Выпущено 100 снарядов.

12. Батарея в составе колонны 1-го полка выступила на Карачекрак. 1-й полк шел в резерве. Впереди 2-й полк. В 14 часов заняли Карачекрак. Стали по квартирам. Разместились хорошо — много продуктов.

13. В 6 часов дивизии приказано перейти в Андребург. Во время перехода на колонну был совершен налет красных аэропланов. Было сброшено много бомб, но безрезультатно.

14. В 14 часов красные начали наступать по всему фронту. Под Бурчатском сильный бой вела Марковская дивизия. В 17 часов 1-му полку было приказано поддержать Марковскую дивизию, заняв бугры к юго-западу от Эристовки. Колонна вытянулась в направлении на Эристовку. Вскоре колонна попала под сильный артиллерийский огонь красных. Батарея стала на открытую позицию и своим огнем поддерживала атаку пехоты. Затем батарея переехала на правый фланг полка и поддержала своим огнем правофланговую роту, причем прогнала бронемобиль. С наступлением сумерек было приказано возвращаться в Грюндаль. Общего плана и порядка возвращения не было. (Вообще весь бой был довольно сумбурный.) С темнотой батарея втянулась в улицу Грюндаля. В этот момент на улице вблизи от нас началась ружейная перестрелка. Батарея в порядке свернула с улицы и, переправившись через овраг, рысью поскакала в направлении Фридрихсфельда. Сзади в Грюндале была слышна ружейная и пулеметная стрельба. В направлении Фридрихсфельда скакали батареи и обозы. Пройдя три версты, остановились в поле, построили караулы, выставили охранение и послали разведчиков в Грюндаль выяснить обстановку. Оказалось, что это был налет красной кавалерии, которая, используя прорыв между 1-м и 21-м полком во время смены охранения, проскочила в колонию. Пострадал 3-й батальон 1-го полка, кажется, он потерял при этом 40 солдат и одного офицера. На ночь вернулись в Грюндаль и ночевали по старым квартирам. Во время боя под командиром взвода были ранены две лошади.

15. В 24 часа дивизия перешла в Фридрихсфельд.

16. В 16 часов 1-й полк с приданной артиллерией (1-я, 2-я и 7-я батареи) перешел в село Михайловка, где сменил части Марковской дивизии. На станции Пришиб стал 3-й полк. Приказано выбрать позицию в направлении на Бурчатск и установить дежурство наблюдателей.

17. На рассвете началась ружейная перестрелка. Батарея быстро выехала на позицию. Красные повели наступление. Одно орудие было поставлено на открытую позицию на окраине села, другое на закрытую в садах села. Красные, несмотря на огонь, наступали очень решительно и быстро подошли на расстояние 250 сажен. Позицию впереди батареи занимал 3-й батальон под командой подполковника Бикса. Сосредоточенным огнем артиллерии и стрелков красных удалось отбросить, при этом они понесли большие потери. Оказывается, насту-

пали курсанты. Их командир, бывший штабс-капитан Около-Кулак, кавалер ордена Красного Знамени, был убит разрывом гаубичной бомбы. После отбития атаки красная артиллерия выпустила несколько безрезультатных снарядов по Михайловке. На батарее ранен ружейной пулей младший фейерверкер Африн. Преждевременным разрывом в 12-й роте убит один стрелок. Выпущено 80 снарядов. Остальная часть дня прошла спокойно.

18. Стоим спокойно в селе Михайловка.

19. Перешли с 1-м полком в Фридрихсфельд и стали по старым квартирам.

20—25. Батарея стоит в Фридрихсфельде. За это время колония подверглась несколько раз аэропланным налетам, причем каждый раз было сброшено до 50 бомб (в большинстве случаев безрезультатно). Кроме того, колония подвергалась артиллерийскому обстрелу.

26. 1-му полку приказано произвести «короткий удар» на Андребург и разобрать проволочные заграждения. В 1 час ночи колонна выступила и на рассвете подошла к колонии. Красную заставу захватили врасплох. Началась перестрелка. Батарея получила приказание выпустить несколько снарядов «для морали». Колония была занята без труда. Батарея выехала на северо-западную окраину Грюндаля и вела огонь по цепям красных. В 8 часов было приказано свернуться и идти в колонне в Фридрихсфельд. Батарея с 3-м батальоном пошла последняя. В бою был убит один мул. Зачислен на службу в батарею один красноармеец. Выпущено 70 снарядов.

27—31. Дивизия стоит в Фридрихсфельде. Почти каждый день красные аэропланы совершали налеты на колонию и сбрасывали бомбы.

Сентябрь 1920 года

1. В 12 часов красные аэропланы совершили налет. Было сброшено около 50 бомб (без большого результата). Вероятно, предполагалось, что генерал Врангель уже приехал. В 16 часов прибыл Главнокомандующий. Вся дивизия, кроме дежурных частей, была выстроена по дороге на Гоштедт. Генерал Врангель приехал на автомобиле в сопровождении генерала Кутепова и иностранных военных атташе. После обхода выстроенных частей состоялось награждение 1-й, 2-й, 3-й и 7-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады лентами к «Николаевским трубам». Перед фронтом от каждой награждаемой батареи были вызваны по два офицера и два солдата. От 7-й батареи были вызваны старший офицер, командир взвода и два старых добровольца. Затем дивизи-

зия прошла церемониальным маршем. В 18 часов Главкомандующий отбыл в Марковскую дивизию. Приезд Главкомандующего произвел на людей большое впечатление.

(Перерыв в дневнике со 2-го по 30 сентября 1920 года.)

А. Булгаков

ЕЩЕ О «БЕЛЫХ МАЛЬЧИКАХ». МАЛОЛЕТНИЕ БОГАТЫРИ²⁵⁷

Соавторы книги «Седьмая Гаубичная» ошибаются, называя службу батарейных телефонистов «нудной, неблагоприятной и особенно тяжелой». А что они видели, во время боя находясь у орудий, исключая стрельбу прямой наводкой? Они не знали, как интересна была служба телефонистов, особенно на наблюдательном пункте. Меня, как ка-нонира, старший оставлял на батарее, идя сам на пункт. Заслужив, вскоре после выхода из Перекопа, две нашивки, я младших оставлял на батарее, а сам отправлялся на пункт, где восхищался меткими разрывами наших снарядов и кричал «Ура!» или дико, как негр, плясал, если позволял скрытый пункт (в пехотной цепи не попляшешь), и будь соавторам книги по 17 лет, плясали бы и они...

Перед повествованием о жертвах юных богатырей я хочу читателя познакомить с командой телефонистов 4-й Дроздовской батареи: она была самая молодая, веселая, певчая, как пташка, потому что старший команды был воспитанник духовного училища, автор — семинарист, оба любители петь, кроме них, в команду на песнь приходил брат автора, тоже семинарист, и другие любители поддержать пение, да и кто из русских солдат, белый или красный, может воевать без песен? И часто в часы отдыха лилась добровольческая песнь в команде телефонистов на фронте. Вот их любимая песнь:

Кто нас в бой ведет так смело?

То полковник Самуэлов²⁵⁸.

Припев: Жура, жура, журавель, журавушка молодой.

Впереди пехоты прут,

Пушкари на бой идут.

Припев: Жура и т. д.

За этой следовала песнь молодых богатырей:

Смело мы в бой пойдем

За Русь святую,

И, как один, прольем

Кровь молодую.

И много-много распевалось песней иных. Наш батарейный «Журавушка» был выращен нами на боевых полях и пелся про каждого чина батареи; был и про меня с братом, как хороших стрелков...

А теперь о жертвах юных богатырей. Первой жертвой команды был доброволец Попов (имя забыто), воспитанник Белгородского духовного училища, тяжело раненный после дневки в имении Фальц-Фейна, Аскания-Нова, где сбылась мечта многих белых мальчишек видеть заморских животных и птиц.

Батарея шла в походной колонне. Впереди поднялась стрельба и начался артиллерийский обстрел колонны. Попов сидел на двуколке и подкреплялся из своего продуктового запаса. В это время разрывается снаряд, и осколок почти отрывает руку. Был отправлен в госпиталь и в батарею не возвратился. Ранен был он в первых числах июня.

Утром 5 августа мы возвратились из ночного успешного набега на тыл противника, и, подкрепившись с кухонного котла рыбешкой, батарейный парк крепко уснул до вечера, а вечером бодрые, веселые телефонисты устроили свой вокальный «концерт» у своей двуколки, до тех пор, пока дежурный офицер по батарее, наслушавшись наших добровольческих песен, попросил разойтись и отдыхать до утра, а там что Бог пошлет...

Тихая, светлая южная ночь Северной Таврии. Глубоким сном спят батарейцы, кроме дежурного офицера по батарее, двух дневальных у коновязи, бодро шагает часовой у орудий, и борется с дремотой телефонист с трубкой у уха, мальчик-богатырь — ему 6 лет... Иногда ночной покой прорежет ржание лошади на коновязи и крик на нее дневального. У двуколки спят два телефониста под одной попоной, прижавшись друг к другу. Они были неразлучные друзья, нося в батарее «пальму малолетства». Предчувствие их сблизило в эту последнюю ночь.

Генерал А.В. Туркул в своей книге «Дроздовцы в огне» пишет о малолетних богатырях: «Никого не было так жаль, как их, и было стыдно за всех взрослых, что такие мальчуганы обречены, вместе с нами, на кровопролитие и страдания. Кромешная Россия бросила в огонь детей. Это было как жертвоприношение». Слезы душат, когда читаешь эти страшные слова о юных богатырях!!!

6 августа 1920 года, немецкая колония Фридрихсфельд. Утром батарея стала на позицию левее колонии. Два телефониста, Соколов и Коваленко, потянули провода на наблюдательный пункт впереди колонии, на ветряную мельницу, я с Каншиным остался на батарее, остальные трое были свободны и с остальными батарейцами лежали вблизи батареи под деревьями. Скучно телефонистам сидеть у аппа-

рата, когда нет стрельбы. Заскучал на пункте и Соколов без друга Каншина. Он просил командира заменить его телефонистом с батареи. Командир разрешил и сказал, чтобы на пункт явился Булгаков.

Вскоре, после моего прихода на пункт, красная артиллерия открыла редкий и беспорядочный огонь из двух орудий. С пункта наблюдая неприятельские разрывы по всей колонии, я увидел, как, к великому нашему удивлению, два снаряда разрываются на батарее. Моментально связь с батареей прервалась. «Бежать по линии», — приказал командир. Я быстро спустился с пункта, но меня вернули обратно — с батареи передали Коваленко сообщить командиру, что с ним будет говорить старший офицер подполковник Болотников. Когда я поднялся на пункт, я понял из разговора командира с батареей, что там имеются жертвы, в людях и лошадях. Получив трубку от командира, я спросил у батарейного телефониста Соколова за брата, а он, не отвечая на мой вопрос, взволнованным голосом умолял меня сменить его немедленно, потому что он не в состоянии слышать стоны умирающего Каншина и что Самойлов убит, а остальные телефонисты будут сопровождать раненых на станцию Михайловка. Я доложил командиру просьбу Соколова и, получив разрешение, бросился бежать на батарею, — я боялся за брата, к счастью, он находился с пулеметной тачанкой слева от батареи, на позиции. Подбегая к батарее, я видел, как Соколов положил трубку на аппарат и бросился бежать на пункт — он бежал навстречу своей смерти...

На батарее я застал потрясающую картину: перевязывали раненых. Каншин был повязан с головы до ног, стонал, иногда бессвязно что-то говорил. Рядом с ним лежал убитый Самойлов, и раздавались выстрелы, там, где стояли передки, это пристреливали тяжело раненных лошадей. Из раненых я только помню капитана Герзея — начальника конной разведки, и из номеров — молодого князя Волконского, но сколько было всех, я не помню. Я занял свое место у аппарата сам, точно в это время кто-то мне сказал, что Каншин скончался.

Еще не возвратились санитарные линейки со станции, как мы увидели разрыв только одного снаряда у ветряка, и связь с пунктом прервалась. На мой настойчивый вызов пункта никто не отвечал. Я доложил старшему офицеру, что связь с пунктом прервана, и получил приказание бежать по линии от старшего офицера, который занял самое место у аппарата. Схватив провод в руку, я побежал на пункт, но по пути встретил телефониста Коваленко, медленно шагающего мне навстречу, с головы до ног обсыпанного мукой. На мой вопрос, что с ним, он ответить не мог и, не останавливаясь, что-то пробормотал; я понял, что он контужен.

Прибежав на пункт, я был потрясен видом безголового трупа Соколова, которого разведчики с командиром выносили из ветряка. Заметив меня, командир заорал: «Булгаков! Марш на батарею!» Обезглавленный труп Соколова не забыть мне до смерти. Это был редкий случай прямого попадания снаряда в голову. Наша маленькая команда, состоящая из 7 телефонистов, за 2—3 часа потеряла троих убитых и одного тяжело контуженного, а меня Рука Всемилостивейшего Господа Бога дважды отводила от места кровопролития...

Еще и кратко о нашей команде. Она до Фридрихсфельда дошла в тяжелых боях с одной жертвой. В это время мы с батареей громили корпус Жлобы, курсантов под Ореховом и Преображенкой, били 8-ю латышскую дивизию, ходили несколько раз ночью по тылам красных, когда были в ударной группе, тянули и снимали провода под сильными обстрелами врага, и смерть как будто стыдилась косить таких молодых богатырей.

Несколько слов о предпоследнем и последнем боях у деревни Старый Чуваш и Карповой Балки. Наша команда в грохоте тяжелого боя стояла и исправляла провода под жестоким пулеметным и артиллерийским огнем, перебитые снарядами и порванные кавалеристами, и даже один раз после зарвавшегося в район батареи красного автоброневика. Командир отменил передачу команд на батарею по телефону и приказал телефонистам передавать их по цепи. И на этот раз команда осталась без жертв.

Нам живым до сих пор нет возможности посетить те места, где защищали святую Русь, и братскую могилу — Каншина, Соколова и Самойлова, чтобы поклониться ей на кладбище в колонии Фридрихсфельд. Так пусть настоящее повествование будет венком на братскую могилу, а героям малолетним на Вечную Память!

Раздел 4

Б. Павлов²⁵⁹

О ДЕСАНТЕ ПОД ГЕНИЧЕСКОМ²⁶⁰

В начале апреля 1920 года, для того чтобы облегчить оборону Перекопа, войсками белых было произведено два десанта в тылу у противника. Левый — Дроздовской дивизией со стороны Черного моря у селения Хорлы и правый — Алексеевской бригадой со стороны Азовского моря у деревни Кирилловки.

В воспоминаниях генерала П.Н. Врангеля мы читаем: «В этот день (1 апреля) наш правый десант — Алексеевская бригада, имевшая целью отвлечь резервы красных, благополучно высадилась у деревни Кирилловки, в сорока верстах северо-восточнее Геническа и заняла село Ефремовка. Однако при дальнейшем продвижении на соединение со своими частями, в районе Геническа, алексеевцы были атакованы красными и, не проявив *должной стойкости* (курсив мой), стали отходить, причем понесли значительные потери». Дальше читаем: «Получено (4 апреля) от командира Алексеевской бригады полковника Гравицкого донесение, что им занят Геническ. Противник отходил, преследуемый нашими частями». Это все, что мы находим об этом десанте в воспоминаниях генерала Врангеля, и, если я не ошибаюсь, это все, что об этом эпизоде Белой борьбы написано в зарубежной печати.

Судя по этим двум коротким сообщениям, генерал Врангель, видно, был кем-то неправильно информирован о происходящем, или позднее в его архив вкралась обидная для алексеевцев ошибка.

Во-первых, как мы увидим из дальнейшего, несправедливо замечание о «не проявленной алексеевцами стойкости», и, во-вторых, полковник Гравицкий никогда командиром Алексеевской бригады не был, а также никогда не занимал с ней Геническа.

Неверные сведения об Алексеевском десанте дают и советские источники. Исследователь Гражданской войны И.С. Коротков в своей книге «Разгром Врангеля» (Издание Министерства обороны, Москва, 1955 г.) пишет: «Отбив наступление Советских войск, противник с целью расширения и закрепления занятых им территорий в северной части Крымского полуострова в течение 14 и 16 апреля провел две небольшие десантные операции: Алексеевским пехотным полком — силою до 800 штыков при одной батарее — у Кирилловки 14 апреля, и Дроздовской пехотной дивизией силою около 1600 человек и 60 пулеметах в районе порта Хорлы 16 апреля. Десант Алексеевского полка имел задачу, двигаясь на Ефремовку, перерезать железную дорогу в районе станции Акимовка. Но вследствие срочно принятых мер командованием 13-й армии и 461-й стрелковой дивизии, этот десант своей задачи не выполнил и, понеся тяжелые потери, ушел обратно для посадки на суда. Особенно успешно против Алексеевского полка действовали части Мелитопольского гарнизона и части 46-й стрелковой дивизии».

В действительности события развивались по-другому. 1 апреля Алексеевский десант высадился у деревни Кирилловки и занял ее без боя. В десант входили: Алексеевская бригада, около 600 человек, 2 орудия Корниловской батареи (при высадке оказалось, что одно орудие не в порядке, а потому выгружено было только одно орудие) и 40 юнкеров Корниловского училища. Начальником десанта был командующий Алексеевской бригадой полковник Звягин²⁶¹. Начальником флотилии, которая привезла десант и в дальнейшем должна была его поддерживать орудиями своих судов, был капитан 1-го ранга Машуков²⁶². К отряду был прикомандирован мичман, задача которого была корректировать стрельбу морских орудий. Кроме того, при отряде был представитель штаба Главнокомандующего генерал Махров.

Задачей десанта было высадиться и идти к железнодорожным станциям Большой Утлюг и Акимовка, взорвать имеющиеся там мосты и тем прервать сообщение Мелитополь—Ново-Алексеевка. После этого, в случае сильного натиска противника, отойти обратно к Кирилловке и сесть на суда.

2 апреля отряд занимает деревню Ефимовку, а затем деревню Давыдовку. Того же числа по радио было получено приказание генерала Слащева изменить задачу десанта и вместо Акимовки и Большого Утлюга идти на Геничesk и, наступая с севера, помочь Сводно-стрелковому полку (командир полк Гравицкий), который будет наступать от Арбатской стрелки, взять Геничesk. Алексеевцы исполняют приказание и берут направление на Геничesk. По дороге почти без боя зани-

мают деревни Акмонай и Стокопани и 5 апреля на рассвете с боем занимают деревню Узкуя. В этом бою был убит мичман, задача которого была корректировать стрельбу флота, и этим была потеряна поддержка с моря. К тому же все снаряды единственного орудия, которое отряд имел, были израсходованы, то есть алексеевцы остались без всякой артиллерии.

Красные, к этому времени уже успев подтянуть довольно большие силы (34-я дивизия, гарнизон города Мелитополя), почти окружили белых и начали теснить их с трех сторон. Свободным оставалось только море, вдоль которого продвигался отряд алексеевцев. Геническ, цель десанта, был уже в нескольких верстах, взять его нужно было во что бы то ни стало, — дальше уже были свои, на соединение с которыми шел отряд.

Оторвавшись отседающих сзади красных, решительным наскоком, после короткого, упорного боя алексеевцы занимают Геническ и выходят к проливу, отделяющему город от Арбатской стрелки. Красные, припертые к проливу, отходят на запад, а часть из них, как потом выяснилось, не успев вовремя отойти, прячется в домах. Сводно-стрелкового полка, на соединение с которым шли алексеевцы и с которым они должны были брать Геническ, здесь не оказалось. Не было его и на Арбатской стрелке, на другой стороне пролива.

В это время большевики, подошедшие со стороны Юзкуя, соединившись с отступившими из Геническа, начали энергично наступать на город. К ним на помощь подошел бронепоезд, который начал обстреливать город. У белых, как было сказано выше, артиллерии не было и отвечать было нечем. Положение создавалось безнадежное — удержать город не было сил.

Алексеевцы начали, для переправы на Арбатскую стрелку, отходить к проливу. Мост через пролив был взорван, брода не было, у пристани стояло несколько дырявых лодок, причем без весел. Из ближайших домов, расположенных на горе над проливом, начался обстрел. Это попрятавшиеся по домам красные, увидев, что белые отступают, открыли огонь из окон, расстреливая на выбор столпившихся у пристани белых. Начали рваться снаряды. Это бронепоезд красных перенес огонь на переправу. Началась паника. Такой развязки никто не ожидал. Лодки могли перевезти только немногих. Люди бросались в воду одетые и гибли от пуль или тонули, выбившись из сил. Командир Алексеевского полка полковник Бузун²⁶³ с ротой, прикрывающей отступление, одним из последних переплыл пролив.

В этот день Алексеевская бригада потеряла убитыми, ранеными и потонувшими 340 человек, то есть больше половины своего состава.

Остатки отряда с Арбатской стрелки были обратно перевезены в Крым (Керчь).

Когда выяснились результаты десанта, генерал Врангель приказал произвести расследование В приказе № 002858 от 27 апреля 1920 года говорится: «Произвести расследование по делу о событиях, происшедших в районе г. Геническа, и взаимодействии алексеевцев, флота и Сводно-стрелкового полка». Расследование было поручено генерал-майору Шольпу²⁶⁴, бывшему в то время начальником гарнизона и комендантом Керчи. Как генерал Шольп пишет в своих воспоминаниях, им было установлено следующее:

1) Генерал Слащев позволил себе передать по радио приказание десанту, ему не подчиненному, и изменить его задачи, вопреки полученному приказанию от Главногокомандующего.

2) Генерал Слащев не установил связи и одновременности действий десантного отряда, Сводно-стрелкового полка и нашей батареи, расположенной на Арбатской стрелке.

3) Часть Сводно-стрелкового полка за день до прихода алексеевцев произвела переправу через пролив западнее Геническа, но была отбита, потеряв 150 человек.

4) Полковник Гравицкий, командир Сводно-стрелкового полка, при даче показаний отговаривался тем, что не получил точных указаний от генерала Слащева о времени наступления десантного отряда. Сам же не позаботился установить наблюдение или запросить генерала Слащева.

5) В момент катастрофы, переживаемой алексеевцами, полковник Гравицкий находился на Арбатской стрелке, в 3 верстах от переправы, там же стояла и батарея, находившаяся в его распоряжении. А будь она на позиции и открой она огонь по противнику, переправа алексеевцев прошла бы иначе и потери были бы ничтожны.

Говоря о действиях самого десантного отряда, генерал Шольп вменяет его руководству нерешительность и из этого вытекающее медленное, особенно вначале, продвижение отряда. Хотя (примечание автора этой статьи) отрядом за 4 дня было с боями, по тылам противника, пройдено больше 70 верст.

О результатах расследования генералом Шольпом был послан доклад в штаб Главногокомандующего.

В заключение своих воспоминаний о разборе этого дела генерал Шольп пишет: «...Что Слащев избежал справедливой за это кары, то, вероятно, только потому, что незадолго до этого получил наименование «Крымского». Последующие действия генерала Слащева и полковника Гравицкого в Болгарии и переход их на службу к большевикам

показал, что эти люди были не на своем месте». (Воспоминания генерала Шольпа находятся в «Архиве генерала Головина», который, в свою очередь, находится в Хуверской библиотеке Стадфордского университета, Калифорния, США.)

Этим не кончилось знакомство алексеевцев с полковником Гравицким. В Галлиполи полковник Гравицкий был назначен командиром вновь сформированного Алексеевского полка. Это вызвало среди алексеевцев протесты и возмущение. Обратились к генералу Врангелю. Он назначил «второе» расследование, которое поручил генералу Экку²⁶⁵. Как мне рассказывали, уже тогда появилось подозрение, что полковник Гравицкий связан с большевиками.

Из всего вышесказанного нет сомнения, что о результатах «первого» расследования генерала Шольпа почему-то генералу Врангелю не было доложено. Иначе в его воспоминаниях не было бы ошибки, о которой говорится в начале этой статьи, и полковник Гравицкий понес бы заслуженное наказание еще в Крыму.

*Б. Пылин*²⁶⁶

АЛЕКСЕЕВЦЫ В КРЫМУ²⁶⁷

В Крыму при Врангеле

Путь наш был не долог. Через несколько часов мы прибыли в Керчь, где и высадились. Наш полк расквартировался в селе Катерлес, в четырех верстах от Керчи.

После многих месяцев боев и так выматывающего отступления наш полк в первый раз получил передышку. Передышка была просто необходима, чтобы собраться с силами, воспрянуть духом и стать опять боеспособными.

Общая обстановка первых дней в Крыму была не особенно благоприятной для спокойного отдыха. Фронт на Перекопе держался благодаря мужеству немногочисленных войск, главным образом юнкеров, под командой генерала Слащева, того самого Слащева, поведение которого в то время ничем не предвещало его печального конца. В тылу свирепствовал тиф, косивший людей тысячами.

Как следствие длительного отступления и неудач, мораль и дисциплина войск пали. Авторитет высшего командования был поколеблен; была поколеблена вера в победу; появилась критика тех, кому до этого безоговорочно верили. Ползли мрачные слухи и сплетни, в которых

указывались имена виновников перенесенных армией неудач. Чаще других фигурировало имя генерала Романовского, начальника штаба генерала Деникина.

Англичане, до какой-то степени помогавшие Добровольческой армии, отказались от дальнейшей помощи и в категорической форме, в виде ультиматума, предложили ей начать переговоры с большевиками о мире. В этих переговорах они предлагали свое посредничество. Не пользовавшиеся никогда у большинства русского народа ни симпатиями, ни доверием, англичане и в этот раз показали свое истинное лицо беспринципных политиков, к тому же, как события теперь показывают, проявили преступную недалекость. Однако белый Крым сдаваться не хотел, пораженческих настроений не было, и о переговорах с большевиками не могло быть и речи.

При создавшейся обстановке генерал Деникин видел, что для спасения армии и для успешного продолжения борьбы нужны решительные перемены, нужны новые имена и новые авторитеты. По его приказанию в Севастополе созывается совещание высших военачальников, задачей которого было наметить кандидатуру нового Главнокомандующего. На это совещание ездил и наш командир полка.

Совещание единодушно выразило доверие генералу Деникину и просило его остаться на своем посту. Но несмотря на это, генерал Деникин, как известно, 21 марта (ст. ст.) слагает с себя звание Главнокомандующего и передает власть генералу Врангелю.

Так начался новый период Добровольческой армии под командованием генерала Врангеля. Назначение генерала Врангеля никого не удивило: его имя всем было известно. Он пользовался в армии популярностью, ему верили и считали, что он с честью выведет армию из тяжелого положения.

В один из первых дней нового командования в нашем полку произошел инцидент, заставивший почувствовать новую, твердую руку и осознать серьезность ответственности за свое поведение. Несколько офицеров нашего полка за дебош в пьяном виде в городе были неожиданно разжалованы в солдаты. Такое наказание за такого рода поступок, быть может, было слишком суровым и жестоким по отношению к заслуженным в боях офицерам, но с точки зрения дисциплины и поднятия авторитета Белого Воина, в обстановке разлагающегося Крыма, было оправдано и необходимо.

Новая власть по-серьезному взялась за восстановление пошатнувшейся воинской этики и морали. Как ни странно, для этого процесса не потребовалось много времени и больших усилий. Приехавшие с Кубани полки были сравнительно малочисленны, но в этой их мало-

численности, как это ни звучит парадоксально, была до некоторой степени их сила. Во время долгого отступления произошел естественный отсев — все слабое и сомневающееся отстало и расплылось, осталось более сильное и верное, в главном молодежь, решившая идти до конца. Поэтому неудивительно, что боеспособность армии и дисциплина были восстановлены в невероятно короткий срок.

24 или 25 марта неожиданно в Керчь приехал новый Главнокомандующий. Был парад, в котором принял участие и наш полковник. Все как-то подтянулось, почистилось, принарядилось как могли и приняли бодрый вид. После парада генерал Врангель обратился к войскам с речью. Он был на голову выше всех, стройный, затянутый в черкеску, с гордо посаженной головой, весь — порыв, энергия и вера.

Я видел его в первый раз. Позднее, уже в эмиграции, мне пришлось его видеть еще несколько раз. С того времени прошло больше 50 лет, многие чувства и взгляды переменились, многое видишь другими глазами. Но и теперь, когда я вспоминаю Врангеля, я всегда вижу его именно таким, каким он был тогда в Крыму, в марте 1920 года. «Вождь Божьей милостью», — как его назвал П.Б. Струве, в звезду которого тогда мы все верили. Он говорил хриплым, сорванным от многих речей голосом. Точного содержания его речи память не сохранила. Но смысл ее был, что не все потеряно, что на нашей стороне правда и что еще рано склонять голову. Его речь была покрыта громовым «Ура!».

Здороваясь с нашим полком, он назвал алексеевцев «Орлами» и этим самым как бы наложил на нас обязательство быть достойными этого имени. С парада полк возвращался с бодрыми песнями, шли, четко отбивая ногу. А через несколько дней алексеевцы, так и не отдохнув, опять пошли в опасный и ответственный поход.

День парада принес и мне лично большую и неожиданную радость. В Керчи я нашел своих родных. После парада несколько наших офицеров решило пойти погулять в город. Взяли и меня с собой. Проголодавшись, зашли на главной улице в какой-то ресторан закусить. Денег у всех было не особенно много. Помню, волновались, хватит ли заплатить, хотя ели мы самый скромный обед. И вот, выходя из ресторана, подобно тому, как описывается в малоправдоподобных романах, я лицом к лицу столкнулся с моей мачехой, которая должна была быть, как я был уверен, за тысячу верст отсюда, в Ливнах. В тех самых Ливнах, куда я пытался попасть по поручению отца несколько месяцев назад, что и послужило началом моих злоключений.

Радость встречи сразу же для нас с мачехой омрачилась тем, что ни я, ни она ничего не знали об отце. Сестра моя и мой младший брат были с ней в Керчи. Мачеха повела меня к ним. Они ютились в ма-

ленькой комнатке на краю города. Конечно, и их первый вопрос был: «А где папа?» Я рассказал, где я оставил его, как он послал меня за ними в Ливны и что я пережил за эти полгода, они же рассказывали о всех своих мытарствах. Оказалось, что они вовремя выехали из Ливен и благополучно добрались до Харькова. Как у нас было договорено, они сразу пошли к начальнику станции, где мы с отцом оставили для них записку. Там им сказали, что никакой записки для них нет и что о нас ничего не известно, и предложили навеститься еще раз. Теперь мне вполне ясно, что наша идея связаться через начальника станции в Харькове была по меньшей мере наивна. Она говорила о том, что мы, будучи в Ливнах, совершенно не представляли себе реально, что происходило тогда в тылу Добровольческой армии.

Как вспоминаешь теперь, вокзал в Харькове осенью 1919 года был подобен взьерошенному муравейнику. Толпы нагруженных своим скарбом, мечущихся людей. Одни откуда-то приезжали, другие пытались куда-то уехать, а многие просто жили на вокзале, не имея другой, лучшей крыши над головой. В канцелярию начальника станции каждый день приходили сотни людей с самыми невозможными просьбами и требованиями, и, конечно, было бы чудом, если бы в такой обстановке наша записка попала по назначению.

Чуда не случилось. Одним словом, записки они так и не получили. Перед несчастными встал вопрос, что делать дальше и где нас искать. Они вспомнили наш разговор перед отъездом из Ливен о том, что если не устроимся в Харькове, то, может быть, поедем в Керчь, где у отца были знакомые. Другого им ничего не оставалось, и они направились в Керчь. Там они никаких знакомых не нашли и остались буквально на улице: без денег, без пристанища, а надвигалась зима.

Здесь приходится повторить избитые, но одни из самых утешительных для человека слова: «Свет не без добрых людей». Кто-то приютил, кто-то помог добрым советом. Да и мачеха, которую мы по общепринятой традиции все-таки недолюбливали, оказалась «доброй» мачехой и энергичным человеком. Она умела шить и показала себя неплохой портнихой. Сердобольные люди нашли заказчицу, и так они перебились зиму. Сестра даже не потеряла учебного года, поступила приходящей в женский институт, оказавшийся в это время в Керчи.

Встал вопрос, что мне делать дальше, как мне поступить. Присоединиться ли мне к своим и начать более или менее нормальную для моего возраста жизнь или же оставаться в полку? Присоединившись полностью к своим, я бы их материального положения не улучшил, мне ведь тогда было всего тринадцать с половиной лет; мачехе стало бы только еще тяжелее, было бы нужно кормить еще одного человека. И

я решил пока оставаться в полку. Но если говорить до конца откровенно, не только эти, казалось бы, благородные побуждения повлияли на мое окончательное решение. Это были скорее отговорки. Просто жизнь в полку была для меня интересней, и переход на положение обыкновенного мальчишки был бы для меня слишком тяжелой и обидной деградацией.

Сестра и мачеха пытались протестовать, но потом как-то с этим примирились. В их глазах я был героем, а потому уже самостоятельным человеком. Мой Георгиевский крест и лычки на погонах произвели на них большое впечатление, они по-женски чересчур серьезно отнеслись к этому и поверили в необходимость моего пребывания в полку, приняв это как жертву, которую в такое время должны нести все.

Я рассказал командиру полка о моей встрече со своими и о моем желании дальше оставаться в полку. Выслушав мои доводы, командир особенно не протестовал против моего решения, сказав, что свое согласие он дает только на лето и что осенью, когда начнутся в школах занятия, мы поговорим на эту тему более серьезно. Видимо, командир как-то по-своему уже привык ко мне и ему было жаль расставаться со мной.

Навещал своих я довольно часто, стараясь каждый раз приносить что-нибудь из съестного. Но это было не так просто, так как всюду чувствовалась острая нехватка продуктов. После богатой Кубани мы попали в переполненный беженцами и войсками Крым. В нашем меню появились хамса (мелкая засоленная в бочках рыбешка, похожая на кильки), селедка и знаменитая «шрапнель» (каша из перловой крупы).

Приближалась Пасха. В Страстную пятницу я исповедовался, в субботу утром должен был причащаться. На мое несчастье, хозяйка хаты, где я жил, рано утром в субботу напекла коржиков и принесла мне целую тарелку. Они были такие пышные и румяные, что я не выдержал и до обедни несколько штук съел, успокаивая себя, что об этом никто не узнает. В церкви меня начала мучить совесть. Что делать? Уйти и не причащаться нельзя, командир заметит, он тоже причащался. Идти причащаться так, скрыв, что оскоромился, вдруг стало страшно. Наконец, переборов стыд, пошел в алтарь и откровенно рассказал нашему батюшке о коржиках. Он, к моему удивлению, довольно снисходительно отнесся к моему проступку, только спросил меня, раскаиваюсь ли я в этом, и велел отбить двадцать поклонов. Об этом происшествии как-то узнали в полку. Может быть, солдат, который в этот день прислуживал в алтаре, рассказал. Так или иначе, но потом надо

мною долго подсмеивались, называя меня великим грешником, который любит коржики.

После заутрени в полковом Офицерском собрании были розговинны. (Я на них не присутствовал и разговлялся со своими в Керчи.) Нужно сказать, что в нашем полку было много хорошеньких сестер милосердия. У нас шутили, что при нашем отступлении из Ростова все хорошенькие ростовские гимназистки ушли с нашим полком. И вот из-за одной из них, по имени Маруся, очень интересной и кокетливой, чуть не произошла большая трагедия.

Во время розговин два офицера, ее соседи по столу, начали за ней ухаживать. Один из них был молоденький поручик, с сухой рукой, о котором я уже упоминал. Ему Маруся явно отдавала предпочтение, почти совсем не обращая внимания на другого соседа; тот же, раздосадованный и оскорбленный таким невниманием, налег на спиртные напитки. Провожать Марусю пошел сухорукий поручик. Другой, вдребезги пьяный, выйдя на крыльцо, выстрелил им вдогонку и ранил поручика в бок, а сестру в руку, — они шли под руку. Может быть, хотел пошутить, но шутка вышла плохая. К счастью, рана поручика оказалась не тяжелой. На другой день я его ходил проведать в лазарет. Там встретил протрезвившегося, перепуганного и очень расстроенного «соперника», пришедшего просить прощения. Дело, как мне помнится, удалось замять, но большую часть сестер милосердия раскассировали, от греха подальше, по больницам и лазаретам Керчи, оставив в полку только необходимых, полагающихся по штату.

Десант под Геническ

Отдохнуть нам так и не удалось. На второй день Пасхи неожиданно пришел приказ о выступлении. Вечером в Керчи наш полк погрузили на большую баржу. Была безлунная ночь. При потушенных огнях мы прошли Керченский пролив и вышли в Азовское море.

Куда мы плывем, никто точно не знал. Командир полка, если я не путаю, получил конверт с заданием, который он должен был распечатать в открытом море. Погода для начала апреля была необыкновенно теплая и Азовское море, известное своими бурями, довольно спокойное. В барже было чересчур душно, и я устроился спать на воздухе, на крыше рулевой будки. Нашу баржу тянул маленький по сравнению с ней катер. Запомнилось его название «Силач», такое несоответствующее его размерам. Свое название он с честью оправдал,

легко справляясь со своей, казалось, непосильной для него задачей. Мы довольно быстро продвигались вперед.

На рассвете высадились в тылу у большевиков около села Кирилловка, верст сорок севернее Генического. Высадка прошла благополучно. Как видно, нас никто не ожидал. Да и трудно было предположить, что войска, только что потерпевшие поражение на Кубани, так быстро оправятся и будут способны на рискованную операцию десанта.

Силы наши были не ахти какие: остатки нашего полка, около 300 человек, взвод юнкеров да какая-то часть Самурского полка, всего человек четыреста—пятьсот, при одном орудии (взяли с собой два, но второе даже не выгрузили, так как оно оказалось неисправным).

С нами пришла канонерская лодка «Гайдамак», бывший ледокол, переделанный в военное судно. Она должна была поддерживать огнем своих орудий нашу высадку и помогать нам в дальнейшем по мере нашего продвижения вдоль Азовского моря. Для этого к нам был прикомандирован моряк-артиллерист в чине лейтенанта, чтобы корректировать стрельбу «Гайдамака».

Задача нашего десанта, как я понимаю, была, пройдя по тылам большевиков, нарушить коммуникации, оттянуть силы красных от Перекопа и выйти на соединение с нашими около Генического.

Вначале все шло гладко, мы продвигались довольно быстро, не встречая особенного сопротивления. Но на второй день картина начала меняться: красные уже подтянули силы, каждую деревню приходилось брать с упорным боем. Ко всему, еще и моряк-лейтенант был убит, и мы потеряли поддержку с моря. Мы остались с одним орудием, к тому же и снаряды для него скоро вышли.

Одно село мы никак не могли взять. Засевшие там большевики оказывали упорное сопротивление. Для овладения им потребовалось бы много человеческих жертв и времени. А при нашей малочисленности наше спасение было в быстроте продвижения вперед. Был найден выход: мы просто обошли это село, оставив его защитников позади себя.

Подойдя к Геническу, нашему полку пришлось вести бой на две стороны: отбиваться от наступающих на нас сзади большевиков и вести бой с обороняющимися город красными войсками. Геническ оказалось взять не так просто; наши цепи были встречены сильным пулеметным и артиллерийским огнем. Большевики уходить из Генического не хотели. Нам же нужно было взять его во что бы то ни стало: другого выхода у нас не было. За Геническом была Арбатская стрелка и Крым, где были уже наши.

Напрягая последние силы, несмотря на большие потери, наши цепи упорно продвигались вперед. Наконец большевики не выдержали и

стали отходить. Мы вступили в город; казалось, что все злоключения кончились и мы сможем спокойно передохнуть. Стрельба умолкла, наступило затишье. Штаб нашего полка вышел на небольшую городскую площадь и там остановился.

Перепуганные жители начали выползать из своих домов и вступать в разговоры. Среди них были и евреи; как и во всех русских приморских городах, здесь их было довольно много. Ко мне подошел старый еврей и стал меня расспрашивать, кто мы такие, поругал большевиков, а потом сказал мне, что он знает, где у красных склад оружия, и предложил мне его показать. Он повел меня в какое-то большое здание, по виду похожее на государственное учреждение. Сначала мы пошли по лестнице, а потом по бесконечному пустому коридору. Наши шаги гулко отдавались в тишине казавшегося необитаемым здания. Начал закрадываться страх и раскаяние, что пошел с незнакомым человеком в только что занятом нами городе неизвестно куда. Главное, я никому не сказал, куда я уйду.

Наконец мы вошли в большую комнату, густо заставленную кроватями, на которых лежали и сидели раненные. Это был лазарет красных. При нашем появлении все замерли и с испугом уставились на нас. Они, верно, уже знали о приходе белых и приняли меня за первого вестника добровольцев, о жестокости которых советская пропаганда так много кричала.

В углу этой комнаты была навалена небольшая куча разнокалиберных старых винтовок, на которую мой проводник мне и показал. Это и был в его представлении «склад оружия». Обитатели палаты, видя, что пока, кроме меня и старого еврея, никого нет, осмелели. Начали переговариваться между собой и расспрашивать еврея, что происходит в городе и зачем он привел меня к ним. Ситуация приняла оборот совсем неблагоприятный для меня: я оказался один среди врагов. Они бы могли что угодно со мной сделать, и об этом никто бы не узнал. Спасло меня то, что, по-видимому, они не были вполне уверены, что мы одни и что за нами никто не следует. Пока они этого окончательно не раскумекали, нужно было уходить. Прервав дебаты, я сказал, что сейчас нам нужно идти, но что скоро мы вернемся. Мне и до сих пор не совсем понятно поведение старого еврея и почему он именно меня выбрал своим доверенным лицом. Возможно, как говорят, у него «не все были дома». Одно можно с уверенностью сказать, что ему не поздоровилось после нашего ухода из города.

За те полчаса, что я отсутствовал, обстановка совершенно изменилась. Со стороны, с которой мы вошли в Геническ, была слышна при-

ближающаяся и все усиливающаяся пулеметная и ружейная стрельба. Красные, которые шли за нами, догнали нас и наступали на город.

Командир полка, увидев меня, приказал мне отправляться на пристань, где уже шла переправа войск на Арбатскую стрелку. Генический пролив, соединяющий Азовское море с Сивашем и отделяющий Геническ от Арбатской стрелки, в этом месте довольно узкий; тем не менее переправа шла не очень быстро, так как в нашем распоряжении было только несколько небольших лодок. Даже весел не было, и приходилось грести досками, отодранными от настила пристани.

Наш Стрелковый полк, занимающий позиции на Арбатской стрелке и на обязанности которого лежала оборона ее от большевиков, почему-то не оказал нам поддержки во время нашего наступления на Геническ и не помог нам и во время переправы. Вдобавок ко всему, начался обстрел пристани из близлежащих домов, расположенных на горе над проливом. При занятии нами города красные, припертые к морю, как видно, попрятались по домам и теперь, увидев, что мы отступаем, открыли огонь из окон, в упор расстреливая на выбор бегущих белых.

Такой развязки никто не ожидал. Началась паника, лодки брали с боя. Мои попытки попасть на одну из них не увенчались успехом. Забравшись под пристань, я скинул ботинки и штаны и, бросившись в воду, поплыл. Вокруг пули, цокая, падали в воду. Вода, наверное, была холодная, ведь было только начало апреля по старому стилю, но я никакого холода не замечал.

На середине пролива я ухватился за корму мимо проходящей лодки. Это было очень вовремя, я уже начал терять силы. Кто-то, не забывший старые законы военного товарищества, подал мне руку и вытащил меня в лодку. В лодке уже были раненые и на дне лежал убитый. К тому же лодка текла и постепенно наполнялась окрашенной в красный цвет водой.

Не помню, как мы пристали к берегу. Подхваченный инстинктом «самоспасения», который охватил всех, я понесся, не чувствуя под собой ног, по открытой песчаной косе. Ни хаты, ни деревца, ни куста — ничего, что могло быть защитой или укрытием.

Начали рваться снаряды. Это наш «Гайдамак», не разобравшись, в чем дело, и решив, что это большевики переправились через пролив, по своей собственной инициативе, думая нам помочь, взял под обстрел Арбатскую стрелку. На наше счастье, ошибка скоро выяснилась и обстрел прекратился.

Пробежав версты две, мы остановились. Пули уже не достигали нас. Начали собираться те, кому удалось выскочить из этой передел-

ки. Вид у всех нас был совсем не воинственный — были мы совершенно мокрые, большинство полуголые. Немного осталось от нашего полка. Много алексеевцев осталось лежать на деревянных настилах Генической пристани или нашли свою могилу на дне Генического пролива.

Между собравшимися уцелевшими алексеевцами не было командира полка. Говорили, что он остался с ротой, прикрывающей отступление, а что произошло с ним дальше, никто не знал — начали уже беспокоиться за его судьбу.

Вдруг видим, едет какая-то повозка, а в ней, к нашей великой радости, наш командир в каком-то старом тулупе на голое тело. Он одним из последних переплыл пролив. Увидев жалкие остатки полка, он закрыл лицо руками и разрыдался. Те, у кого сохранилась одежда, поделились с ним и как-то его одели. Потом пришла та же баржа, что и привезла нас, и тянул ее тот же катер «Силач». Погрузили наши остатки и повезли обратно в Керчь.

Так, внешне бесславно, окончился наш десант. Но если принять во внимание нашу малочисленность и призадуматься, чего мы, несмотря на эту малочисленность, достигли, то стыдиться нам нечего. Горсточка алексеевцев храбро прошла по тылам красных, оттянула на себя силы большевиков и этим самым облегчила главным силам оборону Перекопа и заняла с боем Геническ. Но здесь их, повторяю, почему-то никто не поддержал, а своих сил у них было недостаточно, чтобы удержать за собой город.

Забегая вперед, хочется рассказать следующий эпизод, характеризующий преданность своему полку некоторых из наших алексеевцев. Осенью того же года наш полк, после следующего нашего десанта на Кубань, был переброшен в Северную Таврию. Там в одной из деревень к нам пришел красноармеец, перешедший на нашу сторону. Он оказался нашим офицером, раненным на пристани Геническа и оставшимся лежать на ней. Был взят в плен. Успел вовремя срезать офицерские погоны и выдал себя за солдата. Другие солдаты, тоже взятые в плен, его не выдали. Пролежав два месяца в советском госпитале, он был отправлен на Польский фронт под Варшаву. Там его рана опять открылась. Попал снова в лазарет, в котором не захотели долго возиться с его старой раной и предложили дать отпуск домой. Зная, что Белая армия вышла из Крыма и продвигается по Таврии, этот офицер выбрал город, лежащий недалеко от фронта, и заявил, что он родом из этого города. Получил пропуск, добрался до этих мест, как-то перешел фронт и после долгих мытарств очутился в родном полку.

Русская Мама и Этлингген

По возвращении в Керчь остатки нашего полка опять разместились на старых квартирах в селе Катерлес. На следующее утро, узнав, что наш полк вернулся, ко мне пришел мой младший брат Миша.

Нас еще не успели обмундировать, поэтому одет я был довольно странно: босиком, в каких-то рваных штанах. Брат с некоторым удивлением меня рассматривал; потом сказал мне, что сестра и мачеха удивляются и волнуются, почему я до сих пор не пришел к ним, и предложил мне тут же отправиться в город к нашим. Я ответил, что сегодня не могу. Брат, естественно, спросил: «Почему?» Мне не хотелось говорить, было немножко стыдно, что я в походе потерял штаны и что мне нечего надеть. Не найдя ничего более умного, я сболтнул первое, пришедшее мне в голову: «Я немножко ранен и мне запрещено ходить в город». Он сразу поверил, даже побледнел от волнения и стал меня расспрашивать, куда и как я ранен. Я успокоил его, что ранен я легко, просто пулей поцарапало бок. Обещал через два дня к ним прийти.

Просил брата никому ничего не рассказывать. Он, конечно, слова не сдержал и по приходе домой, по секрету от мачехи, рассказал всё сестре. Сестра разволновалась и поделилась своими переживаниями со своей ближайшей подругой. Та тоже не выдержала; в общем, к концу дня об этом знал весь Наташин класс. Также по секрету уже рассказывали подробности моего ранения, в каком лазарете я лежу и что я тяжело ранен. Подруги старались выразить Наташе сочувствие и внимание и в то же время чуточку завидовали ей. Ведь так романтично и почетно было иметь раненого брата. Все они тогда горячо переживали все происходящее на фронте и мечтали, как только немного подрастут, поступить в сестры милосердия.

К счастью, через два дня я получил новые брюки и ботинки и пошел навестить своих родных раньше, чем они успели попасть ко мне. Придя к ним, я признался во всем. Все мои были очень обрадованы, что я цел и невредим. Много по этому поводу смеялись и шутили. Сговорились, чтобы не выставлять мою сестру в смешном виде перед подругами, не отрицать версию о моем ранении, а только говорить, что оно, к счастью, оказалось пустяковым.

После, увы, печально кончившегося десанта остатки нашего полка для пополнения и переформирования были опять расквартированы в окрестностях Керчи. Одновременно полку была дана довольно ответственная задача, а именно охрана побережья Керченского полуострова. Для этого полк, разбитый на небольшие подразделения, занял наиболее важные места по побережью полуострова.

Как всем известно, этот полуостров омывается Черным и Азовским морями и отделен Керченским проливом от Кубани, точнее, от Таманского полуострова, в то время занятого большевиками. Длина Керченского пролива 40 км и ширина от 3 до 15 км. Такая близость к большевикам делала окрестности Керчи одним из уязвимых мест в обороне Крыма. Красные могли высадить здесь свой десант, под покровом ночи могли забрасывать сюда своих агентов, переправлять вооружение для зеленых, пропагандную литературу и т. д.

Командир полка, чтобы я не болтался без дела, назначил меня в учебную команду, возможно предполагая, что я чему-нибудь там научусь. В нормальное время задача полковых учебных команд — создавать из лучших солдат полка кадры низшего командного состава, то есть унтер-офицеров. Но то, куда попал я, можно было назвать только командным и педагогическим кадром будущей учебной команды. В ней было человек двадцать офицеров, и единственным солдатом был я.

Нашей команде была поручена охрана участка побережья там, где кончается Керченский пролив и начинается Азовское море. Расположились мы в небольшой рыбацкой деревушке со странным названием — Русская Мама. Поселок оказался замечательным — каким-то чудом сохранившим во многом быт и примитивную прелесть прошлых столетий.

Особенно были интересны обитатели поселка — старoverы. Длиннобородые, степенные, сберегшие свой, веками созданный, уклад жизни. Их предки, приверженцы «древлего благочестия», в поисках укромного места пришли сюда из Заволжских лесов, так мастерски описанных Мельниковым-Печерским. Они принесли с собой сюда гонимую «истинную веру», свои потемневшие от времени иконы, свое двуперстное знамение. На душе тех, кто в прошлом управлял Россией, много тяжких грехов по отношению к старoverам. Являясь одной из самых здоровых и сильных морально частей русского народа, они заслуживали к себе другого отношения.

В Русской Маме было дворов двадцать. Хорошо, добротнo построенные домики были разбросаны по берегу небольшого залива. Развешенные сети, запах вяленой рыбы придавали ей особый колорит, присущий рыбацким поселкам. В середине деревни, на пригорке, была небольшая молеельня, перед ней повешено «било». Каждый день перед заходом солнца раздавались удары в било, призывающие обитателей поселка к молитве. Священников у них не было; может быть, они принадлежали к секте беспоповцев. Молитва заключалась в том, что собравшиеся слушали Священное Писание, читаемое одним из стари-

ков. Иногда они пели молитвы, но напевы их были заунывные, непривычные нашему уху.

Когда мы приехали туда, уже отошла весенняя путина, когда косяки сельди, хамсы и другой рыбы входят через Керченский пролив в Азовское море. Закончен был также и лов красной рыбы, в главном севрюги, что являлось, а может быть, еще и теперь является главным доходом жителей Русской Мамы. Они ее коптили, солили икру и поставляли в старое время великолепные, сочные балыки на Керченский рынок.

Севрюга там ловилась довольно оригинальным способом: на небольшой глубине, в том месте, где рыба проходит весной, направляясь метать икру, развешиваются ряды больших, необычайно острых крючков. Цепляясь за крючки и почувствовав укол, севрюга делает резкое движение и совсем запутывается в вонзающихся в нее крючках и освободиться уже не может. Об этом мне рассказал хозяин дома, где я поселился, когда я застал его за оттачиванием крючков для следующей путины.

Каждое утро, на рассвете, закидывался большой невод. Этот улов шел на обед деревни. Невод забрасывали далеко в море и тянули сначала на лодках, а потом по пояс в воде, сообщая всей деревней. В этом и мы старались принимать посильное участие. Наша задача была несложная — ударами по воде, чем попало, загонять рыбу в невод; это обыкновенно выполнялось мальчишками. Улов часто бывал большой, ведь Азовское море было так богато рыбой. Наполненную добычей мотню невода еле вытягивали на берег. Тут были и серебристые кефали, и плоские камбалы, и барабулька, и знаменитые керченские сельди; изредка попадались большие судаки и осетры. Пойманное здесь же на берегу делилось между всеми жителями деревни. Получали и мы за нашу помощь какую-то долю, которую нам варили или жарили наши хозяйки.

У деревни был свой рыболовный флот, состоящий из больших баркасов и лодок. Как я уже упоминал, главный сезон рыбной ловли был уже закончен и эти баркасы стояли в ряд, вытасенные на берег для ремонта. Я любил ходить осматривать их. У каждого баркаса было свое имя, взятое из Священного Писания. Что-то было в этом трогательное. Наверное, такие же названия баркасов были во времена Христа у рыбаков Генисаретского озера. Удержалось в памяти имя самого большого из них — «Вифлеем», в тени которого потом, когда наступило жаркое крымское лето, было приятно полежать.

Служба у меня была не тяжелая. В ночные дежурства и патрули меня не назначали. Около поселка, образуя небольшой залив, вдавался

в море мыс, оканчивающийся небольшой скалой. Там был наш пост для наблюдения за морем. Здесь днем я нес дежурство, просиживая с винтовкой часа три, пока не приходила смена. Бывало скучно и жарко сидеть на раскаленном камне. Море, по большей части, было пустынно. Только изредка на горизонте показывался и исчезал дымок. Но это были наши корабли; у большевиков в то время флота почти не было.

Иногда, чтобы оправдать свое название учебной команды, мы разбирали и собирали наш единственный пулемет системы Льюиса и изучали его задержки. Бывала и учебная стрельба по мишеням из винтовок и из того же пулемета. Остальное время проводили на пляже: купались, загорали и наслаждались полученным, наконец, отдыхом в этом укромном, как бы оторванном от всего мира месте, продолжавшем жить своей особенной жизнью, несмотря на все происходящее вокруг.

Вместе с нами в Русской Маме стоял артиллерийский взвод. Два его орудия были установлены на берегу моря, на окраине поселка. Насколько мне помнится, это были марковцы-артиллеристы. Замечательны были их орудия, предмет наших острот и шуток. Эти орудия были какой-то устарелой, допотопной системы. Как остроили алексеевцы, «они прибыли сюда прямо из музея, где они отдыхали со времен обороны Севастополя». Заряжались они с дула: сначала загонялся банником мешочек с порохом, а потом снаряд. К чести марковцев-артиллеристов, во время учебной стрельбы даже из этих пушек они стреляли на удивление метко. Использование таких устарелых орудий говорило об острой нехватке вооружения в Крыму. Да это и понятно: ведь большая часть артиллеристов прибыла в Крым без своих орудий, оставив их или увязшими в грязи на Кубани, или на пристани Новороссийска.

От Русской Мамы до Керчи было довольно далеко, верст двадцать. Иногда, получив разрешение от начальника нашей команды, я ходил в Керчь, чтобы проведать своих.

Со штабом полка, находившимся в Катерлесе около Керчи, мы были связаны полевым телефоном. Направляясь в Керчь, я обыкновенно шел вдоль нашего телефонного провода, так как это был самый короткий путь. Дорога шла по совершенно безлюдной, однообразной, выжженной солнцем степи.

В советских «исторических исследованиях» можно прочитав, что в то время Крым кишел зелеными и что акты саботажа были постоянным явлением. Как в других местах — не знаю. У нас же, несмотря на близость большевиков (на другом берегу пролива), было довольно спокойно. За два месяца нашего пребывания в Русской Маме только один раз был перерезан наш телефон. А что могло быть проще, ведь

его никто не охранял. Причем так и не было установлено, был ли это акт саботажа или просто хулиганство.

Итак, я время от времени ходил в Керчь. Керчь для меня не была новым городом, с ней я познакомился еще до революции. В 1915 году мы с отцом провели здесь замечательное лето. Мама тем летом ездила опять на кумыс. Отец не был богатым человеком, и наша семья жила на его жалованье учителя. Побережье южного Крыма нам было не по карману, поэтому он повез нас в Керчь. Здесь, может быть, не было таких красот, но зато было много дешевле. Остановились мы в селе Старый Карантин, верст пять-шесть южнее Керчи, на берегу Черного моря, сняв комнату у рыбака. Удобств больших не было, но было теплое, синее море и жаркое крымское солнце.

Около Старого Карантина находились большие подземные каменоломни, являвшиеся местом побочного заработка его обитателей. Весь Керченский полуостров сложен из мягкого белого известняка, так называемого ракушника. Этот камень очень удобный строительный материал; он настолько мягок, что большие кубы его выпиливались просто пилами из подземной толщи, а потом, также пилой, делились на размеры и формы, применяемые при постройке домов. Большинство домов Керчи, ее окрестностей и многих селений Крыма построено из этого белого камня. Эти каменоломни простирались на многие и многие километры под землей. Они были очень старые; добывать этот белый камень там начали, наверное, еще греки, больше тысячи лет тому назад.

Я с мальчишками иногда ходил играть туда, хотя мне это отцом было строго запрещено. Говорили, что в заброшенных штольнях можно легко заблудиться и что бывали случаи, когда пошедшие туда оттуда не возвращались. Не думал я тогда и очень бы удивился, если бы мне кто-нибудь сказал, что спустя хороший десяток лет я буду ходить, но уже не мальчишкой, а горным инженером по штольням рудников в далекой и чужой Югославии...

В 1920 году в этих каменоломнях, с их уходящими в неизвестность подземными коридорами, находили себе довольно безопасное пристанище красные подпольщики. Ходили слухи, что у них там была даже своя типография.

Во время нашего с отцом пребывания в Старом Карантине нашей любимой прогулкой был поход пешком в Керчь. Керчь, или, как она в прошлом называлась, Понтикапея, была когда-то столицей Боспорского царства и имеет свою длинную и интересную историю. Отец любил историю и интересовался стариной, старался и мне привить эту любовь. Мы обошли музеи и все достопримечательные места этого уди-

вительного города. Часто ходили на гору царя Митридата, на которую с базарной площади ведет широкая каменная лестница. Оттуда открывался чудный вид на Керченский пролив, во времена Древней Греции — Босфор Кемерийский.

Здесь на большом камне, названном «Креслом Митридата», любил (по преданию) сживать этот властитель древности, некогда владыка почти всей Малой Азии. Изгнанный оттуда знаменитым римским полководцем Помпеем, он бежал сюда, чтобы здесь, на севере своего обширного царства, собрать силы для новой борьбы против ненавистного Рима. Но планам царя Митридата не суждено было осуществиться, и, как история говорит, этот когда-то могущественный правитель в 63-м году до нашей эры покончил здесь жизнь самоубийством. Фигура несчастного полумифического Митридата вызывает во мне интерес и чувство симпатии к себе. Может быть, потому, что в его судьбе есть какая-то, пусть отдаленная, аналогия с нашей судьбой. Мы — русские антикоммунисты — тоже, «только» на два тысячелетия позднее, пытались здесь, в Крыму, найти убежище; тоже строили планы и собирались с силами для новой борьбы; и нашим мечтам тоже не суждено было сбыться, и мы тоже потерпели поражение.

Жизнь Керчи, как и всех других городов Крыма, летом 1920 года была, как никогда, оживленной, — еще ни в один сезон не съезжалось сюда столько «гостей». (По советским данным, не считая армии, в это время в Крыму находилось около 500 000 беженцев, бежавших сюда от большевиков.) Улицы города были полны публикой, правда не курортной — прогуливающейся, а серенькой, озабоченной, куда-то спешащей. В главном это были семьи тех, кто был в Добровольческой армии, — без средств и без постоянной крыши над головой; ютились в казармах, в товарных вагонах на станции. Настоящих «буржуев» среди них было мало; те из них, кто попадал сюда с деньгами, обыкновенно здесь не задерживались, а уезжали за границу, чтобы там спокойно выжидать, чем дело кончится.

Вначале было очень туго с питанием, но после выхода армии в Северную Таврию стало легче. Да и люди начали как-то постепенно устраиваться и приспособливаться. Много было открыто новых столовых, «чашек чая», мастерских. Устраивались концерты и спектакли. Ведь нужно было чем-то зарабатывать деньги. В кино давались картины с Верой Холодной, Полонским, Руничем. Большой популярностью пользовалась хорошая украинская труппа. Тем летом вся Керчь распевала:

Видкиля ти тут узаявся?
Де ти ничку пропадав?

Часто раздавалась лихая солдатская песня, отдававшаяся эхом по улицам города, — это юнкера расквартированного в Керчи Корниловского училища, сопровождаемые толпой мальчишек, шли на учение.

Спокойное течение жизни лишь иногда нарушалось налетами советских самолетов, или, как тогда говорили, аэропланов: Тамань, занятая большевиками, была через пролив. Иногда, как предупреждение о приближающемся неприятельском самолете, раздавались выстрелы с «Ростислава» — броненосца, стоящего на якорях при входе в Керченский пролив. Передвигаться он не мог, так как на нем англичанами были взорваны котлы. Он служил как бы плавучей крепостью, защищающей от большевиков проход из Азовского в Черное море.

Прилетал обычно один самолет и бросал две или три бомбы. Зенитной артиллерии не было, и поднималась бестолковая стрельба из пулеметов и винтовок. Бомбы бросались не только на военные объекты, как, например, Керченскую крепость, находящуюся при входе в гавань, а и на центр города. Разрушений и жертв от этих бомб, которые по сравнению с теперешними были просто игрушечными, почти не было; только поднималась паника, особенно среди торговков на базаре, которые, бросая свои лотки на произвол судьбы, разбегались в разные стороны. Иногда эти самолеты разбрасывали листовки. Как-то раз разбрасывались листовки, подписанные генералом Брусиловым, бывшим Главнокомандующим русской армией, пошедшим на службу к большевикам.

У наших в тот день я застал большое собрание женщин, которые громко, с большим воодушевлением, друг друга перебивая, что-то обсуждали. Оказалось, что они только что вернулись с какого-то церковного собрания. Там на них произвела большое впечатление речь священника, призывающего всех верующих активно включиться в борьбу с коммунизмом. Он говорил, что для этой борьбы не нужны ни пушки, ни винтовки и что «только верой и подвигом можно победить дьявола». Говорил, что организуется крестный ход, который с хоругвями и иконами пойдет через Перекоп на большевиков, что пойдут и старики, и женщины, и дети, и что красные перед такой силой веры не устоят и не посмеют стрелять, и что к этому крестному ходу присоединится вся Россия. Конечно, это не точный пересказ его речи, а общий смысл того, что я тогда услышал.

Моя мачеха и сестра, воодушевившись этой идеей, собирались участвовать в этом крестном ходе. Рассказывали, что уже записалось более ста тысяч человек. Вероятно, эта цифра была сильно преувеличена. Но сам этот факт интересен, как говорящий о настроениях тогдашнего Крыма. Генерал Врангель, понимая утопичность и, по меньшей мере,

безрассудность такого начинания, конечно, не разрешил этого «Крестного хода». Так эта идея и заглохла. Как я позднее узнал, одним из главных организаторов этого начинания был священник Владимир Востоков.

Весной 1920 года Крым готовился к решительной схватке. 25 мая (ст. ст.) наша армия перешла в наступление и после упорных боев у Перекопа, сломив сопротивление красных, вышла в Северную Таврию. Одновременно, под командой генерала Слащева, у селения Кирилловка был высажен десант, как раз в том месте, где мы высаживались на Пасху. Как видно, наша вылазка была, кроме всего, как бы разведкой для этого большого и важного десанта.

В жизни Крыма начался новый период. Успехи на фронте, увеличившие нашу территорию больше чем в два раза, подняли дух армии и возродили веру в победу. Богатство же сельскохозяйственными продуктами новозанятых областей разрешало продовольственный кризис Крыма. Его изголодавшиеся жители устремились за Перекоп, где всего было вдоволь и все было много дешевле. Ездили туда и моя мачеха с сестрой. Возвращались нагруженные мукой, салом, крупой.

Море около Русской Мамы несколько оживилось. Появились фелюги и большие баркасы, идущие под парусами (или моторные) вдоль берега на север и обратно. Говорили, что это спекулянты ездят в Северную Таврию за продуктами, которые они потом продают с большим барышом в Крыму. Такого рода путешествия, понятно, не были безопасными. Можно было встретиться с большевиками, да и белые за спекуляцию по головке не гладили, особенно в Крыму при Врангеле. Но жажда наживы иногда не останавливает человека даже перед опасностью смерти.

Вскоре нашу команду из Русской Мамы перевели в другую деревню, расположенную приблизительно верстах в пятнадцати южнее Керчи. Эта деревня не была рыбацким поселком, как Русская Мама, и находилась верстах в двух от берега Черного моря. Название ее, какое-то иностранное, плохо сохранилось в памяти, — что-то похожее на Этлингген. Так я ее и буду называть. Если я ошибаюсь, да простит меня тот, кто лучше знает окрестности Керчи. Несмотря на свое нерусское название, деревня была русская. Она была небольшая, в ней было так дворов двадцать, но на редкость богатая. Благополучие и достаток чувствовались во всем. Большие просторные дома (назвать их хатами или избами было бы нельзя), кроме большой кухни, имели чистую половину, обставленную мебелью из города. Цветы и кисейные занавески на окнах, часы с боем, часто книги на полках, граммофоны говорили о том, что жители деревни начинают

знакомиться с тем, что дает цивилизация и культура (в одном доме было даже пианино).

В каждом хозяйстве было по несколько лошадей и коров. Во дворах стояли солидные, хорошо оборудованные хозяйственные постройки. У многих дети учились в городе в гимназии. Конечно, теперь всем этим никого не удивишь, но ведь это было больше 50 лет тому назад! Я благодарен судьбе, что перед тем, как покинуть Россию, мне привелось пожить в таком месте и самому увидеть, как иногда жил, или лучше сказать, как мог жить русский крестьянин в дореволюционной России при благоприятно сложившихся для него обстоятельствах. Такие деревни, вероятно, встречались не часто, но тем не менее они все-таки были.

В Этлингген мы приехали, когда как раз начался сбор урожая. Урожай в 1920 году был хороший. Хозяева ходили довольные, только волновались, как его убрать, так как рабочих рук не хватало. Молодые мужчины, как это было типично для того времени, отсутствовали. Они вольно или невольно служили у белых, или у красных, или скрывались у зеленых, или вообще еще не вернулись с мировой войны. Вся тяжесть работы падала на женщин, стариков и подростков.

Семья, где я получил квартиру, вся, от мала до велика, целый день проводила в поле и только затемно возвращалась домой. В семье был мальчик — одноплетка мне. Он учился в гимназии в Керчи. Помню, он хорошо пел, знал много песен и бесконечное число куплетов тогда популярного «Яблочка». Мне кажется, многие он сам сочинял. Я с ним подружился и часто, когда был свободен, вместе со всей их семьей проводил день в поле, помогая им. Жители Этлинггена нас хорошо встретили; отвечая им тем же, и многие офицеры, когда имели время, тоже помогали им. Зато и кормили они нас как на убой. Мне же, когда я шел в Керчь, мои хозяева еще обычно давали немного продуктов, как подарок моей семье.

Я был здоровый и сильный для своих лет и мог быть полезен в физической работе. Я привык ходить босиком по только что скошенному жнивью, научился вязать снопы, помогал накладывать их на арбу, а потом, когда их привозили домой, складывать их в большие круглые скирды. Принимал участие и в молотье, конечно, выполняя самую легкую и неответственную работу. Молотья, как я теперь вспоминаю, была хорошо организована. В ней принимали участие все соседи, помогая по очереди друг другу. Молотили при помощи большой паровой молотилки, которую по мере надобности перевозили из одного двора в другой.

Молотилка эта, как и многие другие хозяйственные машины, была собственностью всей деревни, то есть, по теперешней терминологии,

принадлежала деревне на кооперативных началах. Кооперация, как видно, играла важную роль в жизни села и была тем, что создало его благосостояние. Иногда после работы, в сумерках мы с моим новым приятелем отправлялись купаться в море. До моря было не так уж и близко, версты две-три, но так хотелось освежиться и смыть с себя пот.

Погода стояла безветренная, море было спокойное и в темноте, как будто дышало, накатываясь на берег, потихоньку шурша камнями. Была какая-то особенная прелесть в этих ночных купаниях. Немножко жутко и в то же время интересно и весело. Стояли звездные теплые крымские ночи. Прохладно и свежо становилось только к утру. В доме спать было чересчур душно, и мы с хозяйским сыном спали на открытом воздухе, на гумне, на только что привезенных снопах. Для меня — городского жителя — это было тоже большим и новым ощущением.

В этой деревне была своя школа, и в ней молодая и очень хорошенькая учительница, у которой гостила приехавшая к ней сестра. К ним часто приезжали в гости их подруги из Керчи. Естественно, эта школа стала местом, где постоянными гостями были наши офицеры. Возможность повеселиться и побыть в обществе хороших девушек не так уж часто выпадала на их долю. А большинство из них были такие молодые; им нужно было еще учиться, носить студенческую фуражку или юнкерскую бескозырку и пользоваться всеми благами, которые дает молодость. Судьба же их заставила воевать, быть жестокими, грубыми и рано познакомиться с обратной стороной жизни. Понятно, что эту неожиданно подаренную той же судьбой, которая иногда добреет, передышку и возможность повеселиться наша молодежь старалась полностью использовать. Устраивались прогулки, за самоваром засиживались до полуночи, отплясывали под рояль па-д'эспань и краковяк, пели хором песни и, конечно, ухаживали.

Один из офицеров по-настоящему влюбился в хорошенькую учительницу. Она к нему, как всем казалось, тоже «благоволила». У нас уже говорили, что полк скоро получит новую полковую даму, и даже более красивую, чем жена командира полка, которая до тех пор считалась нашей самой интересной дамой. Однако, когда этот офицер сделал предложение, он получил безжалостный отказ. Наверное, в ней заговорило благоразумие: не захотелось связывать свою судьбу с бездомным добровольцем. Почему-то несчастная любовь обыкновенно вызывает не сочувствие, а насмешку. Так было и в этом случае: над незадачливым поручиком тоже безжалостно шутили, он же сурьезно и жестоко страдал.

Десант на Кубань

В июле пошли слухи, что наше мирное пребывание на берегу Черного моря скоро кончится. Стали поговаривать о десанте на Кубань или на Дон, в котором и мы, возможно, примем участие. За это время наш полк хорошо отдохнул. Этот отдых полк заслужил. Почти за три года непрерывных боев и походов такое счастье, как сравнительно длительный отдых, ему выпало в первый раз. Полк получил пополнение, получил недостающее вооружение и стал опять внушительной силой. Кроме всего, в него отдельным батальоном был влит Гренадерский полк в триста человек, почти одних офицеров.

За это время все у нас как-то приоделись. Сшили себе белые гимнастерки, форменные фуражки (синий околышек и белый верх). В то лето портные и «фуражечники» Керчи были завалены работой на алексеевцев. Я тоже заказал себе такую фуражку, и мне казалось, что она мне чрезвычайно идет и делает меня более взрослым.

В последних числах июля был получен приказ о выступлении. Оказалось, что учебная команда, в которой я состоял, в поход не идет, а остается вместе с обозом в Керчи. Большинство офицеров нашей команды обратилось с просьбой в штаб полка о переводе их в боевые роты. Я тоже уговорил командира полка взять меня с собой.

Помню, грузились мы вечером, но не на городской пристани, а у причалов Керченской крепости, наверное, из соображений соблюдения тайны. Перед погрузкой был смотр полка нашим новым командиром дивизии генералом Казановичем. Для нашего полка он был свой человек. После генерала Богаевского он в Первом Кубанском походе командовал нашим полком.

Судно, на которое мы погрузились, оказалось большой вместительной баржей с поэтическим названием «Чайка». Ее тянул большой катер. Через Керченский пролив проходили опять ночью. На следующее утро проснулись в открытом море. Начинался солнечный летний день. Ветра не было, и почти не качало. Настроение у всех было приподнятое, бодрое; верили, что поход будет удачным.

Наше благодушное настроение несколько испортилось к полудню, когда наступила жара. Наша «Чайка», сделанная из железа, на солнце раскалилась. На палубе было терпимо, там хотя бы был свежий воздух. Но большинство сидело в трюме, где была невыносимая жара и духота. Все разделись и сидели голыми, но и это не помогало. Ко всему прочему выяснилось, что запас пресной воды взят недостаточный; вода была быстро выпита, и людей начала мучить жажда. Некоторые пили морскую воду, благо вода в Азовском море не такая соленая. Пробовал и я ее пить,

но не мог, было слишком противно. Меня выручил арбуз, который я купил в день погрузки. Он оказался не особенно зрелым, и я не стал его есть и собирался выбросить, но, к счастью, почему-то этого не сделал. На следующий день он очень пригодился мне и казался отличным.

В Азовском море мы встретились с другими кораблями и присоединились к ним. По мере продвижения вперед нас становилось все больше и постепенно образовалась довольно многочисленная эскадра — в два-три десятка судов, правда небольших по размеру. Для крупных кораблей Азовское море недостаточно глубоко. Тем не менее картина была довольно внушительная.

Однако внушительность эта была только внешняя: как потом выяснилось, две трети едущих на этих кораблях были не войска, а те, кто позднее оказались только ненужным балластом. Казаки, отправляющиеся к себе на Кубань, уверенные в победе, везли с собой семьи и весь свой скарб. С ними ехал их войсковой атаман со своей канцелярией, члены Кубанской Рады, видные кубанские общественные деятели. Такого состава десант, его подготовка и погрузка не могли остаться тайной, поэтому понятно, что десант на Кубань, как показали дальнейшие события, для большевиков не был неожиданностью. Они нас там ожидали и успели к этому подготовиться и сосредоточить войска. Им неизвестно было только точное место высадки десанта.

Такой громоздкий и ненужный груз, как штатские люди и беженцы, сыграл печальную роль в Кубанской операции. Он связал действия армии, сделав ее неповоротливой и медлительной, оглядывающейся на обозы, где находились семьи воюющих. Но все это рассуждения и мысли теперешние, когда уже знаешь, к чему это привело и чем кончилось. 50 лет тому назад я вообще о таких вещах не рассуждал; все мне было интересно, и я пребывал в прекрасном настроении духа. Да и никто, думаю, из плывущих тогда на нашей «Чайке» не занимался критикой и не сомневался в успехе, который нас ожидает.

Под вечер наша эскадра остановилась, и все командиры частей были вызваны на совещание на корабль, где находился генерал Улагай и его штаб. На это совещание ездил и командир нашего полка. Когда стемнело, опять тронулись дальше. На рассвете второго дня показались берега Кубани. Было тихое, ясное утро. Море было спокойное, почти как зеркало. Вдалеке показалось какое-то селение. Это и была станция Приморско-Ахтарская, цель нашего путешествия — исходная точка нашего десанта.

Корабли шли медленно и осторожно, опасаясь сесть на мель. С них, создавая какую-то особенную торжественность, понеслась песня истосковавшихся по родной земле казаков:

Эх, Кубань,
Ты наша родина,
Вековой наш богатырь!

А с берега, врываясь диссонансом и возвращая к действительности, грубо застучал пулемет. Это большевистский пост дал о себе знать.

Суда остановились довольно далеко, около версты от берега, так как ближе было чересчур мелко. Сначала высадились части конных кубанцев, а потом наш Алексеевский полк. Произошло неожиданное купание всего полка. Хорошо, что вода была теплая и начало припекать солнце. Эту версту до берега пришлось пройти голыми. Вначале вода была мне по горло. Солдаты шли, неся винтовку и одежду над головой. Наши сестры милосердия шли со своими ротами в одних сорочках. Им было, конечно, труднее идти, чем мужчинам: дно было илистое и вязкое, да и ростом они были меньше.

Первые дошедшие до берега еще не одетыми вступили в перестрелку с большевистским постом. Их там оказалось немного, с одним пулеметом, и они быстро отступили. Начало было удачно — высадка прошла без потерь, как мне помнится, не было даже ни одного раненого.

Добравшись до берега и увидев, что опасности нет, что большевики уже отступили и их пулемет замолчал, я вспомнил, что мне страшно хочется пить. Побежал к недалеке разбросанным хатам, вблизи которых были видны журавли колодцев. Туда же, перегоняя друг друга, уже бежали толпы полуодетых людей. Когда я подбежал к первому колодцу, из него уже вместо воды вытягивали жидкую грязь. То же самое повторилось и у второго колодца. Я вбежал в хату, надеясь хоть там получить какой-либо жидкости. В хате казачка разливала из бочонка белый хлебный квас. Но мне и здесь не подвезло. Когда очередь дошла до меня, весь квас был уже выпит и мне досталась одна белая гуща. Но она была холодная, видно, бочонок перед тем стоял в погребке, и я ею как-то утолил свою жажду.

Вернувшись обратно, я нашел командира полка. Он уже сердился и беспокоился, куда я пропал, и велел мне больше без его разрешения никуда не отлучаться. В это время несколько рот полка, рассыпавшись по полю в цепь, двинулись на станицу. Командир полка с адъютантом и ординарцем, несущим полковой значок, отправились пешком туда же, а с ними и я.

Большевики, как видно, уже бежали. Было тихо, и выстрелов слышно не было. Наши цепи шли по неровному полю, мы же шли по дороге и незаметно их обогнали. Они были еще далеко, а мы уже входили в станицу, где у околицы остановились и стали их поджидать. Потом

командир шутя говорил: «Сегодня мы с Борисом (то есть со мной) первыми вошли в Приморско-Ахтарскую, так что честь ее занятия принадлежит нам!»

На улицах станицы у многих домов были выставлены скамьи, на которых были расставлены ведра с молоком и водой, хлеб, сало, арбузы. Казачки угощали проходящих солдат. По дороге к станичному управлению мы зашли на железнодорожную станцию; она была пуста, но было видно, что еще недавно здесь шла нормальная жизнь. У платформы под парами стоял поезд.

Наш ординарец нашел где-то телеграфиста и привел его к командиру. Выяснилось, что телеграф еще работает. Узнав это, командир приказал телеграфисту получить связь с комендантом Тимошевки. (Тимошевка — это первая большая узловая станция по дороге на Екатеринодар, теперешний Краснодар.) Коменданту Тимошевки наш командир представился как красный комендант Приморско-Ахтарской. Тот поверил и начал расспрашивать, что у нас происходит. О десанте ему было уже известно. В связи с этим у них были большие волнения, но никаких подробностей они еще не знали. Наш командир сообщил ему, что добровольцы начали высадку, но что Приморско-Ахтарская оказывает сопротивление и просит немедленно прислать ей в подмогу бронепоезд. Тимошевский комендант ответил, что у них на станции как раз стоит бронепоезд и что он сейчас кому следует нашу просьбу передаст.

Несколько минут длилось молчание — наверное, он пошел разговаривать об этом со своим начальством. А затем телеграф начал отбивать такие слова, как «белогвардейская сволочь, гадюки, бандиты», пересыпая их площадной бранью, и наконец совсем замолчал. Связь прекратилась. Надо предполагать, что там в этот момент стало известно, что Приморско-Ахтарская уже сдана, и комендант понял, что кто-то из добровольцев пытается его обдурить.

План нашего командира состоял в том, чтобы заманить бронепоезд сюда, потом за ним взорвать железнодорожный путь, чтобы он не мог уйти, и взять его в плен. План трудный, но при удачном стечении обстоятельств выполнимый. Как рассказывал командир, такие «трюки» с красными в прошлом уже удавалось проделывать. Жаль, что на этот раз не удалось.

Нехватка бронепоездов во время нашего десанта все время чувствовалась, так как действия нашего полка, особенно вначале, происходили вдоль полотна железной дороги. Отсутствие у нас бронепоезда давало большие преимущества большевикам, у которых они были. Наши артиллеристы даже пытались эту нехватку как-то восполнить, сделав самодель-

ный бронепоезд. Простая железнодорожная платформа была обложена мешками с землей. За этим прикрытием были поставлены два пулемета и одно полевое орудие. Эту платформу возил простой паровоз. Такого рода сооружение было большой помощью в боях с пехотой, но конкуренции с настоящими бронепоездами, конечно, не выдерживало.

Передохнуть в Приморско-Ахтарской не удалось. Не успели мы хорошо поесть, как был отдан приказ выступать дальше. Наш полк получил приказание занять позиции около так называемых Свободных Хуторов, находящихся верстах в двадцати по железной дороге от Приморско-Ахтарской, и прикрывать высадку главных сил десанта. Нужно было торопиться, чтобы не дать красным опомниться и подтянуть силы.

Командиру полка пришлось, не помню уж из-за чего, задержаться, и поэтому штаб полка тронулся в путь, когда уже стемнело. Лошадей у нас не было. К счастью, на станции достали довольно большую дрезину. Погрузили на нее телефон, несколько ящиков с патронами, наши сумки и отправились догонять полк. В гору дрезину приходилось толкать самим, под горку же все усаживались на нее и катились довольно быстро. Вначале шутили и смеялись, но вскоре попритихли, начали уставать, да и обстановка не располагала к шуткам.

Темная ночь. Тишина, нарушаемая лишь постукиванием нашей дрезины. Незнакомая, еще не занятая нами местность. Камыши плавней (плавнями на Юге России называют заболоченные, покрытые тростником и камышом низовья рек, часто непроходимые для тех, кто их не знает), в некоторых местах подходящие к самой железной дороге, стояли вдоль нее как бы стеной. Неприятель мог оказаться за каждым кустом, за каждым поворотом. А нас несколько человек, при таких условиях в полном смысле слова беззащитных, неспособных оказать сопротивление. Ведь неприятель мог нас видеть, а мы его нет. Единственная надежда была на счастье да на то, что перепуганные большевики удрали уже далеко и не думают о засадах.

Прошло порядочно времени, а наших все нет. Командир начал беспокоиться, что с полком и где он. Я очень устал и, несмотря на переживаемые всеми волнения, задремал. Проснулся от толчка, когда наша дрезина резко затормозила. Нас остановила наша передовая застава. Дальше за ней наших уже не было. Не останови нас наша застава, наше путешествие могло бы кончиться печально.

Наш полк мы как-то обогнали. Возможно, что дорога, по которой шел полк, проходила вдалеке от железной дороги. Но так или иначе, связь с полком была установлена, и мы, довольные, повернули обратно.

Штаб полка обосновался в ближайшей железнодорожной будке. Не успели мы разместиться и устроиться на ночлег, как началась пере-

стрелка. Оказалось, что большевистский разъезд наткнулся на нашу заставу, на которую недавно «наткнулись» и мы. Наше счастье, что большевистский разъезд попал на нашу заставу, а не на нас. При начавшейся перестрелке один красноармеец был ранен и взят в плен. Это был первый пленный, взятый нами на Кубани.

На другой день рано утром большевики повели наступление. Наступил день тяжелый для нашего полка. Наш полк занял позиции ночью, действуя на ощупь, не зная, что впереди и вокруг него. Два батальона заняли позиции левее железной дороги. Правее, довольно далеко от железной дороги, у Свободных Хуторов, занял позицию 3-й Гренадерский батальон. Наступала на нас кавалерийская дивизия, имеющая в своем распоряжении артиллерию, которая начала нас усиленно обстреливать. Наша артиллерия еще не успела подойти, и мы не могли ответить им тем же.

Большевики, наверное узнав, что в железнодорожной будке находится штаб полка, взяли ее по-серьезному под обстрел. Снаряды, все сотрясая, рвались совсем рядом. Такого обстрела я еще не переживал. Перепуганный, я сидел за кирпичной стеной какого-то сарая и просил у Бога, чтобы этот ужас скорее кончился. Судьбе хотелось быть милостивой к нам, и на этот раз попаданий не было. Было много грохота, переживаний и страха, но никто не был даже ранен.

При такой обстановке наш штаб на какой-то промежуток времени оказался отрезанным от остальных частей полка. Позднее обнаружилось, что большевики бросили свои главные силы на наш крайний правый фланг, занимаемый Гренадерским батальоном, с целью его окружить. Бой там продолжался несколько часов без перерыва. Патроны были на исходе. Около полудня батальон не выдержал и начал отступать. Но в своем тылу он натолкнулся на красных и оказался отрезанным от своих. Мало кто пробился из окружения. Большинство или были порублены красной конницей, или взяты в плен. В этот день батальон потерял убитыми или взятыми в плен 200 человек, среди них 4 сестры милосердия.

В этом, казалось бы, безнадежном положении нашлись командиры, которые не растерялись, не поддались панике и сохранили присутствие духа. Прорываться пришлось через хутора. Каждые 40—50 шагов был забор, через который нужно было перелезть. Как рассказывали, у одного из таких перелазов остановился начальник пулеметной команды поручик Слободянюк с пулеметом; его огнем он прикрывал отступление. У него уже кончались пулеметные диски. Увидев среди бегущих своего брата, он закричал ему: «А диски взял?» На обязанности младшего брата было носить пулеметные диски. «Нет, не взял», — ответил тот сму-

щенно. «Тогда иди обратно и принеси их сюда», — отдал поручик брату довольно жестокое приказание. Младший брат точно исполнил приказ старшего брата: побежал обратно, пробрался на оставленную ими позицию, на глазах у подходивших красных забрал диски и принес их брату. Эти диски спасли людей, прорывавшихся вместе с этими двумя братьями от большевистского плена.

К вечеру подошла наша артиллерия, и Свободные Хутора, где произошла трагедия Гренадерского батальона, были нами взяты обратно. На другое утро были подобраны убитые и раненые. Убитых было около ста человек, и, наверное, много еще не найденных осталось лежать в зарослях кукурузы, в камышах плавней.

В степи была вырыта большая братская могила, и все трупы свезены к ней. Все они были догола раздеты: кто-то позарился на синие бриджи, на хорошие сапоги. Среди убитых были и такие, которые были сначала ранены, а позднее кем-то добиты. Но и этого мало: кто-то издевался над ними, кто-то мучил раненых перед тем, как убить. У многих были выколоты глаза, на плечах вырезаны погоны, на груди звезды, отрезаны половые органы.

Сколько нужно было злобы, жестокости и садизма, чтобы это сделать. И ведь это проделали над русскими свои же русские, и только потому, что они правду и добро понимали по-другому, чем те, кто надругался над ними. А казалось, еще недавно и те и другие вместе сражались на Германском фронте и в трудную минуту, рискуя жизнью, выручали друг друга. Кто разбудил в них зверя? Кто натравил этих людей друг на друга? Я не хочу сказать, что в этом виноваты были только красные, а белые всегда были правы. Конечно, много жестокого делали и белые. Нет ничего ужаснее, кровопролитнее и беспощаднее гражданской войны. И не дай бог, чтобы русскому народу пришлось еще раз пережить что-нибудь подобное.

В день панихиды было получено еще одно печальное известие — в Приморско-Ахтарской при разгрузке пароходов случайной бомбой налетевшего большевистского аэроплана был тяжело ранен помощник командира полка по хозяйственной части полковник Вертоградский. Бомба, разорвавшаяся рядом, оторвала ему обе ноги. Чтобы дальше не мучиться, у него еще нашлось сил вынуть наган и застрелиться.

Полковник Вертоградский был женат на женщине-прапорщице, первопоходнице Зинаиде Николаевне Реформатской²⁶⁸. В 1917 году, при Керенском, она поступила в Женский батальон. Была послана в Москву на курсы в Алексеевское пехотное училище, по окончании которого была произведена в прапорщички. Всего женщин на этих

курсах было двадцать пять, потом пятнадцать из них пробрались на Дон к генералу Алексееву и пошли в Первый Кубанский поход. Зинаида Николаевна была среди них.

В мое время в Белой армии чина прапорщика уже не было и первым офицерским чином был чин подпоручика. Не было и женщин в армии, кроме сестер милосердия. Поэтому прапорщик Реформатская никакой должности в полку при мне не занимала, была только женой помощника командира полка. Не была она произведена и в подпоручики, так и осталась прапорщиком, как напоминание о Женском батальоне — безрассудной, но героической попытке русских женщин во время развала керенщины спасти Россию и своим примером образумить мужчин и заставить их выполнить свой долг перед родиной.

Гибелью Гренадерского батальона и смертью помощника командира полка начался для нашего полка Кубанский десант. Под вечер, в день похорон погибших гренадеров, из камышей, близко подходящих к железнодорожной будке, где находился штаб нашего полка, выполз странного вида человек. Он был в изодранной черкеске, заросший и измученный. Представился есаулом, назвав свою фамилию. Сказал, что он послан к нам штабом Кубанского повстанческого отряда, действующего в плавнях в районе Ачуева, для связи с командованием десанта.

Он рассказывал, что в плавнях находятся много казаков, бежавших от красных и жаждущих опять начать борьбу с большевиками. Это сообщение ободрило и подняло дух, упавший после событий последних дней, и несколько разогнало минорное настроение, навеянное панихидой. Правда, как показало будущее, не все было таким радужным, как это описывал повстанец, и не так много оказалось казаков, готовых опять начать борьбу за освобождение Кубани от коммунистов. Приехавшие в этот же день из Приморско-Ахтарской рассказывали, что выгрузка войск, так затянувшаяся, наконец закончилась и что нужно ждать приказа об общем наступлении. Ждать пришлось не долго; на следующее утро началось наше наступление всеми силами. Это был третий день нашего пребывания на Кубани.

В этот день была с боем занята станица Ольгинская и взяты пленные. Кубанцы отбили у большевиков большой броневик с несколькими пулеметными башнями и с громким названием «Товарищ Ленин». Этот броневик я увидел при входе в станицу. Имя Ленина уже было перечеркнуто мелом, и сверху тем же мелом было каллиграфически выведено «Генерал Бабиев». Казаки уже перекрестили броневик, дав ему имя своего любимого командира. Генерал Бабиев, один из наиболее блестящих кавалерийских генералов Юга России, во время нашего десанта командовал Кубанской казачьей дивизией.

Это был лихой командир, еще молодой, но за время мировой и Гражданской войны уже больше десяти раз раненный, собственно говоря, инвалид: одна рука у него была сухая и не действовала. И тем не менее он был всегда там, где опасность, всегда впереди своих казаков. Рассказывали, что обыкновенно, когда его дивизия шла в атаку, он брал поводья в зубы, в здоровую руку саблю и скакал впереди всех, увлекая людей за собой. Казаки его обожали, ему верили и были готовы идти за ним куда угодно.

Вечером в станице Ольгинской неожиданно в штаб нашего полка явились два офицера из нашего Гренадерского батальона, которые уже были нами причислены к погибшим. Спаслись они чудом. Как они рассказывали, батальон был окружен, попытка пробиться окончилась неудачей. Патроны все вышли. На спасение не было никакой надежды, и они сдались, другого выхода не было. Офицеров сразу же отделили от нижних чинов и начали издеваться над ними и избивать. На ночь их поместили в какой-то сарай. Их было больше пятидесяти человек. Из разговоров конвоиров они поняли, что утром их ожидает расстрел. И вот эти два офицера сговорились, что, когда их утром поведут на расстрел, они попытаются бежать. Терять было нечего, а может быть, посчастливится и удастся спастись.

На рассвете их вывели и повели за станицу по дороге, идущей кукурузными полями. Эти два офицера шепотом пробовали уговорить шедших с ними соседей тоже рискнуть и броситься всем одновременно в разные стороны, но их план не встретил сочувствия — для этого нужна была какая-то решимость, а ее у большинства уже не осталось. Тогда один из них сильно толкнул ближайшего конвоира, так, что тот упал. Настало замешательство, воспользовавшись которым они бросились в чащу рядом растущей кукурузы. Конвоиры открыли огонь, но преследовать не решились, видимо боясь растерять остальных пленных. В этих зарослях кукурузы офицеры и скрывались два дня, питаясь початками зеленой кукурузы. Остальные же пленные были расстреляны. Трупы их позднее были найдены какой-то казачьей частью.

Наше наступление первые дни развивалось успешно. Каждый день занимали новую станицу, брали пленных, отбивали у большевиков пушки и пулеметы и довольно быстро продвигались по направлению к Екатеринодару. Оптимисты даже начали подсчитывать, когда мы будем в Ростове, считая взятие Екатеринодара и очищение Кубани от большевиков делом решенным.

Кубань, несмотря на третий год Гражданской войны, оставалась краем, поражающим своим богатством и обилием всего, что дает земля. Не было, как мне кажется, в России края богаче, чем Кубань, с ее

черноземом, дающим щедрые урожаи, с ее большими, благоустроенными, широко раскинувшимися станицами, с ее бесконечными полями высокой кукурузы, пшеницы и с ее бахчами и фруктовыми садами. Нигде я не ел таких сладких кавунов, таких душистых дынь и таких сочных персиков, как на Кубани. Мы как раз попали в сезон и объедались всеми этими деликатесами — плодами кубанской земли. Трудно было тогда поверить, что через тринадцать лет здесь, на Кубани, люди будут тысячами умирать от голода и даже дойдут до людоедства. (Голод на Кубани, 1933 год.)

Около станицы Роговской штаб полка был обстрелян большевистским самолетом. Для меня это было что-то новое, еще мною неиспытанное и, может быть, потому так хорошо запомнившееся.

Было уже под вечер, жара спала. Бой кончился, и стрельба прекратилась. Наступила приятная тишина. Вдалеке было видно, как наши цепи начали входить в станицу: большевики, как видно, ее уже оставили. Штаб полка в это время находился около насыпи железной дороги. Здесь же стояла какая-то команда полка. Солдаты и офицеры сидели на насыпи, курили и спокойно разговаривали. Вдруг тишину нарушил треск летящего самолета. Наш он или красный, определить сразу было трудно. Но очень скоро это стало ясно. Самолет неожиданно пошел вниз, спустился совсем низко и со страшным шумом пронесся над нашими головами, стреляя по нас из пулемета. Он летел так низко, что можно было разобрать лица летчиков. Их было двое.

Я упал на насыпь железной дороги, заросшую травой. Казалось, что каждая пулеметная очередь с самолета срезает траву над моей головой. Сделав два или три таких залета, самолет поднялся и улетел. Нужно было быть первоклассными летчиками, чтобы такое проделать на первобытном аэроплане того времени. Большого урона от этого нападения не было, кажется, было двое или трое раненых. Но психологический эффект был большой. Это было нечто подобное немецким «Тиф флигерам», которых мы так боялись во Вторую мировую войну.

На третий или четвертый день нашего наступления нами была занята станица Тимашевская — важный железнодорожный узел. До Екатеринодара, столицы Кубанской области, оставалось недалеко. Уже было пройдено полпути. Но здесь, в Тимашевке, наше наступление почему-то вдруг остановилось, и мы тут простояли, как будто чего-то выжидая, три дня в полном бездействии. А отдыхать нам было рано, ведь наступление только что началось. Много позднее, уже в эмиграции, приходилось читать, как генерала Улагая, начальника нашего десанта, обвиняли в медлительности и в проявленной им тогда совсем ему не свойственной нерешительности.

На квартиру в Тимашевке я вместе с несколькими офицерами попал в богатый казачий дом. Хозяйка нас там прямо закармливала. Как-то на обед она нам сварила целого маленького поросенка. Аппетиты у нас были хорошие, желудки здоровые. В один присест мы вчетвером этого поросенка и прикончили, и никто этому не удивлялся, и никто из нас не заболел.

На главной площади станицы был устроен парад войскам, с оркестром трубачей, а потом молебен с многолетием. Все это, вероятно, было сделано с пропагандной целью — показать казакам нашу силу и привлечь их в наши ряды. Но видимо, этой своей цели парад не достиг. Казаки и дальше в своей массе продолжали выжидать. К тому же и события начали принимать неблагоприятный для нас оборот. Оказалось, что у нас в тылу не все в порядке. Пока мы были в Тимашевке, большевики высадили десант около Приморско-Ахтарской, пытаются отрезать нас от моря. Высадились они как раз там, где десять дней перед этим высадился наш десант. Чтобы остановить большевиков, туда спешно была брошена дивизия генерала Бабиева. Туда же был послан и наш полк.

Но белых оказалось чересчур мало, а красных чересчур много. Разбить их нам не удалось. Они давили на нас своей массой. На смену одним появлялись новые. Началась агония, когда одной храбростью не возьмешь. Несколько дней наш полк метался по степи, ведя непрерывные бои. Потери были огромные, особенно среди офицеров. На Кубань большинство из них приехало в наших форменных белых алексеевских фуражках, заметных издали. Говорили, что у красных даже была специальная команда целиться и стрелять «по белым фуражкам». Были выбиты почти все ротные командиры. За эти несколько дней наш полк сменил четырех командиров полка. Был ранен полковник Бузун. Сменивший его на посту командир 1-го батальона полковник Шклеиник²⁶⁹ был убит. Вступивший после этого в командование полком командир 3-го батальона капитан Рачевский был смертельно ранен и через несколько дней скончался. После него полк принял полковник Логвинов, который и посадил нас обратно на пароход.

В одном из боев наш полк взял в плен около тысячи красноармейцев. В массе это были мобилизованные, то есть оказавшиеся не по своей воле на стороне большевиков. Они выдали своих комиссаров и сами же с ними безжалостно расправились, устроив над ними самосуд. Большинство из пленных было сразу же распределено по нашим поредевшим ротам.

Не прошло и трех-четырёх часов после появления у нас этих пленных, как нашему полку вновь пришлось иметь дело со свежим пол-

ком красных. По открытому полю этот полк шел густой цепью, наступая на нас. В этом бою замечательно показали себя только что взятые в плен красноармейцы. Они первыми бросились в атаку с криком: «Товарищи, не стреляйте! Мы свои! Сдавайтесь!» Красные цепи как бы в нерешительности остановились, потом совершенно неожиданно для нас повернули назад и начали уходить, не приняв боя. Возможно, красное начальство, не уверенное в стойкости своих красноармейцев и боясь, что с этим полком может произойти то же, что и с предыдущим, решило не рисковать. Из этого полка сдалось в плен только несколько человек.

Рассказываю я это со слов других. Сам же я в это время находился в обозе, который двигался за полком. Во время каждого боя мы оставались, выжидая, чем он кончится. От этих дней остались в памяти раскаленная степь, пыль дороги да бесконечные бахчи зрелых, сочных арбузов и дынь. Они были наше спасение. Ели мы их и с хлебом, и просто так. Они нам утоляли и голод, и жажду.

Отступая, около станицы Гривенской, мы вышли на Протоку, являющуюся одним из главных рукавов реки Кубани. Река Кубань, давшая имя Кубанскому казачьему войску, в недалеком прошлом была своего рода географическим феноменом. Еще на моей памяти, в начале двадцатых годов, наш учитель географии любил задавать такой вопрос: «А какая река в России впадает сразу в два моря?» Чтобы получить хорошую отметку, нужно было ответить: «Река Кубань, впадающая и в Азовское и в Черное моря».

И до начала этого столетия так и было. Один рукав, носивший название Старая Кубань, вливался в Кизил-ташский лиман Черного моря. Другими же своими рукавами она впадала, как и теперь, в Азовское море. В этом столетии рукав Старая Кубань затянуло илом и песком, он зарос бурьяном и кустарником, и связь его с Черным морем перестала существовать. И река Кубань, таким образом, потеряла свой исключительный интерес для географов.

Как я уже сказал, около станицы Гривенской мы вышли на Протоку, рукав, впадающий в Азовское море. В этом месте он имеет вид полноводной реки, правда не особенно широкой. По дороге вдоль нее и пошли наши отступающие войска. Это был единственный в этом месте узкий проход к Азовскому морю, с обеих сторон которого простирались непроходимые плавни. Для нас это было очень удачно. Это гарантировало от неожиданного нападения большевиков со стороны, а также облегчало защиту этого прохода с небольшим количеством войск и не давало возможности красным использовать численный перевес в войсках и вооружении.

Расстояние от станицы Гривенской до моря, думаю, было верст тридцать—тридцать пять. Обоз наш двигался довольно медленно, с большими остановками. Все время ехать на повозке было тоскливо и скучно, поэтому я часто шел пешком. У берега реки я нашел кем-то брошенную маленькую плоскодонную лодку-душегубку. Вычерпал из нее воду, раздобыл подходящую доску, которую применил как весло, и поплыл довольно быстро вниз по течению. Стало веселее и интереснее. В моей душегубке я обогнал наш обоз, и через час или два за одним из поворотов увидел долгожданное море, правильной сказать, довольно широкое, занесенное песком устье Протоки.

Хотя время близилось к вечеру, солнце еще ярко светило, ветра не было и море было спокойное. Настроение у меня было хорошее, и я не стеснялся (ведь никого вокруг не было) во весь голос пел, вернее, горланил песни. Вдали на песчаных отмелях были видны какие-то темные пятна, которые меня заинтересовали. Я подплыл ближе. Моего радостного настроения как не бывало. Это были человеческие трупы, принесенные сюда водой. Результат боев вдоль берегов Протоки. Они были распухшие, уже обезображенные разложением. От них шел ужасный запах. Кто — белый, кто — красный, разобрать было трудно. В полном смысле — жуткая братская могила и тех и других. Смерть всех обезобразила и всех уравнила. Такого зрелища я никак не ожидал, ведь за несколько минут до этого все было прекрасно, мне было так весело, что я совсем забыл о войне. Солнце начало садиться, надвигались сумерки. Я повернул лодку и быстро, как будто за мной кто-то гнался, поплыл обратно.

С левой стороны Протоки находится большая песчаная коса. На ней и расположились табором наши войска и обозы в ожидании пароходов, которые должны были забрать их обратно в Крым. Несмотря на понесенные войсками большие потери и наше поражение, здесь собралось народу больше, чем с нами приехало из Крыма. Тут были и повстанцы из камышей, и казаки, присоединившиеся к нам в занятых нами станицах, и пленные красноармейцы. Численно нас стало больше, мы распухли; но не думаю, что от этого мы стали сильнее. Этот прирост, конечно, не мог возместить потерю многих старых, верных белому делу добровольцев, нашедших в этот раз свою могилу на Кубани.

Неожиданное скопление такого большого количества людей в пустынной, отрезанной от населенных пунктов местности поставило вопрос пропитания, особенно в первые дни, довольно остро. Пришлось сесть на голодный паек. В первый день нам выдали по четверти фунта муки, перемешанной с отрубями, и ничего больше. Из нее кто варил

галушки, кто делал лепешки. К счастью, о крыше не приходилось заботиться — стояли теплые летние ночи.

В прежнее время в устье Протоки находились богатейшие рыбные промыслы, а также рыбный завод, принадлежавший Кубанскому казачьему войску. Здесь производилась знаменитая ачужевская икра, засаливалась разных сортов рыба, коптились балыки. Недалеко от устья была небольшая пристань для выгрузки рыбы, амбары, солевни и небольшой поселок. Мы с одним офицером на моей душегубке это обследовали.

Все выглядело запущенным и брошенным; жителей, как я вспоминаю, мы там не встречали. Возможно, они куда-нибудь попрятались и от греха подальше ушли в камыши. В одном из сараев мы нашли старый дырявый невод, что натолкнуло нас на мысль: не заняться ли нам рыбной ловлей? В реке, как видно, было много рыбы, их стаи все время проплывали мимо нашего челнока. Мы кое-как починили невод, позвали на помощь еще нескольких человек, закинули невод и потащили его вдоль берега реки. Результат превзошел все наши ожидания. Чтобы отвезти наш улов в расположение полка, пришлось идти за подводой. Такой же улов был и на следующий день. Главным образом попадались огромные сомы таких размеров, о существовании которых я даже не предполагал. Мы рыбу и варили, и пекли в золе. Без хлеба и в таком количестве она нам скоро опротивела, но все-таки она наполняла наши желудки и голодать нам не пришлось.

В рыбацьем поселке Ачужева была небольшая церковь, которой, к сожалению, тогда никто из нас не заинтересовался. Позднее, уже за границей, я где-то читал, что эта церковь старая, интересной архитектуры, расписанная каким-то неизвестным, но замечательным художником. Когда-то здесь, недалеко от Ачужева, богатый купец, застигнутый бурей, потерпел крушение. Он дал обет в случае спасения построить церковь. Его корабль выбросило на берег недалеко от устья Протоки, и купец и его люди спаслись. Тут он и построил церковь, не поскупившись на ее украшение.

Около Ачужева нас, отступивших сюда, собралось, как я уже упоминал, больше, чем прибыло вначале. Как потом говорили, около двадцати тысяч человек. Была построена временная пристань, и, когда пришли пароходы, началась погрузка, продолжавшаяся четыре или пять дней. Грузили все, ничего не оставляя: лошадей, повозки, артиллерию, отбитые у большевиков броневики. Руководить эвакуацией войск прилетел начальник штаба генерала Врангеля генерал Шатилов. Был полный порядок, и паники не было. Первыми грузились кубанские конные полки. Нашему полку и юнкерам было поручено при-

крывать посадку, то есть задерживать большевиков у узких проходов около Протоки и не пропустить их к морю. Грузиться наш полк должен был одним из последних.

Большевики, стараясь прорвать оборону, вели непрерывное наступление. Наш полк, отражая атаки, и здесь нес большие потери. В этих боях особенно отличился капитан Осипенко со своей ротой, за что и был, первым в нашем полку, награжден орденом Николая Чудотворца.

В старое время для таких случаев существовал офицерский Георгиевский крест. Он присуждался особой Георгиевской думой, и награждение им утверждалось самим Государем. По статуту ордена никто другой на это не был правомочен. Поэтому во время Гражданской войны на Юге России офицерским Георгиевским крестом никого не награждали. И вот, чтобы возместить это, в Крыму генералом Врангелем был учрежден орден Николая Чудотворца, для награждения офицеров за особо геройские подвиги.

На передовые позиции, занимаемые нашим полком, туда, где происходили непрерывные бои с нападающими большевиками, я не попал. Обыкновенно меня не пускали туда, где была большая опасность. Я это время провел на самой Ачуевской косе, там, где был штаб полка, занимаясь рыбной ловлей или наблюдая, как производится погрузка войск на пароходы.

Спокойное течение дня нарушалось налетами советских самолетов. Найти от них укрытие на голой песчаной косе было почти невозможно, и я, следуя примеру других «храбрецов», залезал под ближайшую повозку, как будто бы это могло спасти, и оттуда наблюдал за происходящим вокруг. Таких налетов бывало по нескольку в день (большевики прилагали все усилия, чтобы помешать эвакуации белых). Обыкновенно прилетали один или два самолета, летали довольно высоко, почти в недосыгаемости нашего примитивного обстрела из ружей и пулеметов. Эти самолеты сбрасывали по нескольку маленьких бомб и улетали, а им на смену через некоторое время прилетали новые. Такие бомбежки большого вреда не приносили. Они действовали больше психологически, нагоняя страх на людей со слабыми нервами. Ведь бомбежка с воздуха в те времена для многих была чем-то новым, непривычным, а потому особенно жутким. наших самолетов на Кубани мы не видели; и в этом отношении перевес был на стороне красных.

Наконец пришел и наш черед грузиться на пароход. В последний раз белые войска уходили с Кубанской земли. Последняя возможность была дана казачеству проявить себя. Но кубанцы в своей массе остались инертными и нас в этот раз не поддержали. Если бы знали они,

какая судьба ждет их в дальнейшем, что несет казачеству большевизм, то, верно, поддержали бы... Но кто знал... Была усталость уже от мировой войны, а тут еще более жестокая, затянувшаяся Гражданская война. Хотелось мирной жизни; казалось, что большевики не так страшны, что с ними можно будет ужиться.

Я не хочу бросать какие-либо обвинения служилому казачеству; оно понесло много жертв и много своей крови пролило в борьбе с большевиками. И не оно виновато, что эта борьба не была доведена до конца. Большая доля вины лежит на тех, кто еще тогда, когда Белая армия была под Орлом, сидя в тылу, вообразив себя «вождями казачества», политиканствовал, интриговал, разлагал и сеял вражду между казачеством и добровольцами.

Тем, кто в двадцатом году надеялся, что казаки смогут ужиться с большевиками, пришлось горько разочароваться. Советская власть особенно жестоко, как ни с одной другой частью населения России, расправилась с казаками. Большинство из них было раскулачено и выселено из своих станиц, отправлено в концлагеря или просто уничтожено. А на их место поселены крестьяне, привезенные из других частей России. Перед самой революцией казаки составляли 43 процента населения Кубанской области. А в 1942 году, по оценке немцев, занявших в прошлую войну Кубань, казаки составляли уже только 10 процентов населения этой области. Исход казаков на Запад во время немецкого отступления еще больше понизил этот процент. Такова печальная судьба кубанского казачества.

Итак, мы уходили с Кубани. Второй раз за последние полгода наш полк возвращался побежденным из неудавшегося десанта. На нашем пароходе несколько человек заболело холерой. На Кубани население нас предупреждало, что из некоторых колодезь нехья пить воду, так как они якобы отравлены красными. Командованием было даже дано распоряжение, чтобы добровольцы пили по возможности только кипяченую воду. Был слух, что в колодезь были пущены большевиками бациллы холеры. К счастью, холерная эпидемия на нашем пароходе не разыгралась и все ограничилось этими несколькими заболеваниями.

Кроме страха заболеть холерой, почему-то запомнилось, как в походной кухне, стоящей на палубе, варили манную кашу. Пресной воды было мало, так что воду для нее черпали прямо из моря и варили, не добавляя соли. Получалось очень вкусно. Как видно, пропорция соли в Азовском море была для этого как раз подходящая. Каша пользовалась большой популярностью, чего нельзя было сказать о выданных во время этой поездки консервах. Консервы эти были из какого-то странного, белого, неаппетитного мяса. Надписи на банках, объясняющей

их «содержание», не было. Кто-то пустил шутку, что они были заготовлены из обезьян во время войны для питания чернокожих французской армии. После таких разговоров консервы совсем не хотелось есть. К Керченскому проливу подошли днем. Предполагая, что на Тамани находятся свои, наш пароход, не останавливаясь, начал проходить пролив.

Нужно сказать, что в то время, как мы были на Кубани, наши войска высадились также и на Таманском полуострове, то есть на кубанской стороне Керченского пролива. Но, как видно, Тамань к этому времени уже тоже была оставлена нами, так как наш пароход подвергся сильному артиллерийскому обстрелу. К счастью, все были недолеты. Пришлось повернуть обратно и ждать темноты. Остановились при входе в пролив. Вдалеке была видна Русская Мама, о которой осталось много приятных воспоминаний. Ночью при потушенных огнях прошли через пролив.

По прибытии обратно в Керчь был смотр полка. Большое число бывших красноармейцев, влитых в полк, совершенно изменило его внешний вид, сделав его каким-то серым и бесцветным. Наших белых алексеевских фуражек в рядах было мало. Видно, много этих фуражек рядом со своими хозяевами осталось лежать на полях Кубани. Как у Лермонтова: «Плохая им досталась доля, немногие вернулись с поля».

В Керчи мы задержались недолго, что-то около недели. В последних числах августа (по ст. ст.) наш полк был погружен в вагоны для отправки в Северную Таврию. На станцию пришли проводить меня брат и сестра. Сестра выглядела уже настоящей барышней, вызывая интерес у молодых офицеров, с которыми я ее познакомил. Прощаясь, говорили о скорой встрече, шутили, смеялись. Ведь никто не мог предположить, что это наша последняя встреча, что расставались мы навсегда и что я моих сестру и брата никогда больше не увижу...

В нашем вагоне подобрались хорошие голоса. Во время дороги много пели: на станциях около нашего вагона собиралась публика, которая каждую песню провожала аплодисментами — пели мы, по видимому, неплохо. Между прочим, здесь я в первый раз услышал песню:

Пусть свишут пули, льется кровь,
Пусть смерть несут гранаты,
Мы смело двинемся вперед,
Мы русские солдаты... и т. д.

Песня нам очень понравилась, и мы ее часто пели. Уже в эмиграции ей было присвоено имя «Алексеевской песни».

Выгрузился наш полк за Перекопом, на небольшой станции недалеко от Мелитополя. Оттуда по степи, минуя несколько сел, прошли вперед верст тридцать. Остановились в большом и богатом, широко раскинувшемся селе Ивановка. Здесь полк простоял около месяца, пополняясь и подготавливая себя, как потом выяснилось, к «Заднепровской операции».

В этой Ивановке мне пришлось распрощаться с моим полком. Здесь было получено распоряжение генерала Врангеля, по которому всех подростков, находящихся в армии, было приказано отправить в школы для продолжения образования. Командир полка навел справки и выяснил, что я должен ехать в Сводно-кадетскую роту при Константиновском военном училище, находящемся в городе Феодосии. Я получил приказание собираться в дорогу, и на сборы мне было дано два дня. Об этом приказе генерала Врангеля поговаривали уже раньше, и я знал, что эта участь меня не минует, но никак не ожидал, что это будет так скоро.

Командир, чтобы утешить и подбодрить меня, говорил, что мой отъезд ничего не меняет, что я по-прежнему остаюсь в списках полка, что отправку в Феодосию я должен рассматривать как командировку. Говорил, что полк и дальше будет обо мне заботиться и что на все каникулы я буду приезжать в полк.

В будущем ничего из этого не сбылось. Жизнь устроила все по-другому. В полк я больше никогда не вернулся; это прощание, как и прощание с сестрой и братом, а еще раньше с отцом в Харькове, было последним. Как ни жестока бывает судьба к человеку, в одном она проявляет свое милосердие: в момент разлуки человек редко думает, что эта разлука навсегда.

Все связи с полком с моим отъездом порвались, и все так сложилось, что в дальнейшем я никого из однополчан не встретил. Жизнь меня бросила в совершенно другую сторону. Ведь своей судьбой мы не распоряжались — ехали, куда везли. Новые страны, новые впечатления, новые друзья, трудности и заботы (в жизни пришлось пробиваться самому) — все это отодвинуло полк на задний план, и постепенно он стал лишь воспоминанием далекого прошлого.

Только одно время, когда я был уже студентом, у меня на короткое время завязалась переписка с командиром полка. Он случайно встретил одного моего одноклассника, узнал мой адрес и написал мне. Судя по письмам, он был уже не тот бравый командир полка, который мне так imponировал, под обаянием которого я находился. Личная жизнь его не удалась. Его жена, Ванда Иосифовна (в которую я, говоря откровенно, мальчишкой был немножко влюблен), ушла от него. Эту драму он как раз в это время остро переживал. Чувствуя себя

одиноким, он в длинных письмах ко мне изливал свою душу, откровенно рассказывая, как эта женщина его оскорбила. Я же тогда, по молодости лет занятый полностью своими личными интересами, не сумел найти с ним общий язык, и наша переписка понемногу начала глхнуть и, наконец, совсем прекратилась. Во время последней войны, как мне потом рассказывали, он поступил в Русский корпус в Югославии, боровшийся против коммунистов. Вместо полка он там командовал только ротой. Там в одной из стычек он и погиб, убитый красными партизанами.

А. Судоплатов²⁷⁰

С АЛЕКСЕЕВСКИМ ПОЛКОМ В РУССКОЙ АРМИИ²⁷¹

Под Геническим 3 апреля 1920 года

Ну ж был денек! Этот день останется у меня в памяти на всю жизнь. Сейчас, когда я пишу эти строки, я сижу уже в Катарлесе (под Керчью). Красные далеко за Перекопом и Сивашом, и до нас им не добраться. Мы здесь будем формироваться после «Генической бани». Да, там была форменная баня, где нас сперва выпороли «свинцовыми вениками», а затем заставили «купаться» в Сиваше, где многие остались «купаться» навеки.

3 апреля. Мы уже не более как в версте от Геническа. Уже хорошо видны постройки и маяк. Красные залегли и отчаянно отбиваются от наступающих алексеевцев. Сзади из Юзкуя движутся на нас густые цепи большевиков. Самурцы (идушие в арьергарде) от них отбиваются. Пули летят и сзади и спереди. Справа на горизонте показалась красная конница. Положение наше отчаянное: спереди красные не пускают нас к Геническу, слева — море, справа — лава красной конницы, сзади напирает пехота красных. Цепи алексеевцев, пробивающихся к Геническу, и цепи самурцев, отбивающихся отседающих сзади красных, очень сблизилась: мы наступаем медленно, они отступают быстро. Между цепями отходило наше единственное орудие. Оно работало отчаянно. Быстро отойдет, запряжку отведут в сторону, и сразу, беглым огнем, снарядов пять назад, затем повернет направо — и снарядов пять по коннице, потом поворачивает вперед — и снарядов пять по Геническу. Затем быстро подводят лошадей, орудие опять отойдет, опять беглым огнем назад, направо, вперед — и опять отойдет, и опять отчаянная стрельба. Оно больше всего, вероятно, и пуга-

ло красную конницу. Хотя и у нас всех настроение такое, что «не подходит!».

— Спокойствие и хладнокровие, господа ротные командиры! — крикнул какой-то капитан-самурец.

— Алексеевцы, не подкачать имени нашего доблестного шефа. Ура! — кричит кто-то из наших.

Мы бросились на «Ура!». Мы уже на улицах Генического. Стреляют из окон. Наша офицерская рота почти вся переранена. Пробиваемся к вокзалу. Вдруг из одного дома затрещали выстрелы. Несколько человек сразу упало. Тут я никогда не забуду вольноопределяющегося пулеметчика Крыжановского. Он положил «льюис» на тумбу у тротуара и со зверским лицом осыпал дом градом пуль. С дома посыпались стекла и штукатурка.

Наконец приблизились к вокзалу. Город уже занят нами. Было жарко и пыльно. Наши разошлись по домам: кто напиться, кто перехватить чего-нибудь поесть. Выйдя из какого-то дома, я оказался на улице один. Боясь отстать от своих, пошел к маяку, надеясь там найти наших. По полю к Геническу приближается красная конница. Встретил нашего офицера. Началась отчаянная стрелкотня. Мы с ним стали к стенке какой-то хаты. Пули с визгом пролетают через крышу. Баба с визгом и причитаниями выскочила из хаты с подушкой в руке.

Вдруг близко грянуло «Ура!». Мимо нас, через огород, пробежали отступающие самурцы. Мы выскочили из-за хаты. Вокруг маяка, рысью, сверкая шашками, объезжала красная конница.

Мчится повозка с патронами. Поручик на ходу вскочил на нее, я тоже прицепился. Винтовка скользила и стучала по спицам колеса. Повозка с грохотом скачет по ужасной мостовой. Сзади на подводе бренчит, высоко подлетая на воздух, никелевый чайник. «Как бы не выпал!» — думал я и хотел было его придержать, но боюсь пошевелиться, чтобы самому не выпасть. Вдруг чайник с грохотом покатился по мостовой. Ничего не соображая, я соскочил с подводы и поднял его. Для чего?! Подвода ускакала, а я, как дурак, бегу по улице с чайником в руках. Несколько пуль свистнуло в воздухе. Меня нагоняет арба. Сидит мужик и два наших алексеевца. Я бросил чайник и вскочил на арбу.

Мчимся вниз. Уперлись в какую-то улицу. На доме надпись золотыми буквами: «Государственная Сберегательная Касса». У ворот стоит группа евреев — в Геническе их много. «Где дорога на пристань?» — спросили мы их. Они замахали направо. Мы помчались. Из одного дома по нас кто-то стрелял. Заскочили в какой-то переулочек. На углу стоит

какой-то сапожник (почему мне показалось, и сейчас кажется, что он был сапожник, — не знаю). Спрашиваем его. Он замахал руками в обратную сторону. Летим вверх обратно. Встречаем трех офицеров-алексеевцев. «Моста нет, все лодки потоплены. Будем отбиваться до последнего патрона. Все равно — смерть!» — закричали они нам, повернули назад и начали стрелять...

Подъехали, наконец, к пристани. Здесь уже толпились наши. Здесь же стояли пленные, которых мы взяли утром. Они кричали нам, чтобы мы оставались и ничего не боялись. На берегу стояло наше оружие. Замок с него уже сняли.

Моста не было. Лодки попорчены красными. Ходила одна большая лодка, которой управлял какой-то старик.

Джжж! Джжж! — взвизнул снаряд, и два водяных столба поднялись среди пролива. Один снаряд разорвался на пристани. Некоторые раздеваются, бросая оружие и одежду в воду, и бросаются сами туда же. До того берега, думаю, было саженой сто. Если бы я мог плавать, я бы поплыл... Ординарец С. Сахоцкий ведет в воду лошадь, он хочет спасти и лошадь. Лошадь храпит и боится воды — пришлось ее бросить. Его брат, поручик Сахоцкий, отличный пловец, раздевшись, прыгнул в воду. Его приятель армянин, корнет, в бурке и черкеске, вместе со своим вестовым прыгнули ему на шею.

— Поручик, — крикнул он, — мы с тобой!

Все трое потонули, а поручик, хороший пловец, никогда бы не погиб, если бы не армянин.

Полковник Звягин распоряжается погрузкой. Переполненная лодка уже отошла.

— Скорее верните лодку! — кричит Звягин.

Из окон домов уже стреляют по пристани. Снаряды с визгом падают в пролив. Я решил: будь что будет, силою вскочу в лодку. Я не умею плавать и ни за что из лодки не уйду.

Лодка идет обратно.

— Садись, штаб бригады! — распоряжается Звягин.

Когда лодка была нагружена уже наполовину, я спокойно прыгнул в нее и пробрался к носу. Думаю, что сейчас выбросят обратно. Но ничего — оставили.

Борты лодки на вершок от воды — вот-вот качнет, и она погрузится на дно. В это время один капитан-самурец подскочил к полковнику Звягину:

— Господин полковник, я плавать не умею. Разрешите сесть в лодку?

— К сожалению, лодка переполнена, — ответил Звягин

Капитан спокойно вынул наган и застрелился.

— Быстрее назад лодку! — опять кричит Звягин отходящей лодке.

Пули засвистали над лодкой. Она идет медленно, переполненная донельзя. В воде мелькают головы плывущих, некоторые кричат и тонут, не умея хорошо плавать и выбиваясь из сил, в некоторых попадают пули. Но вот лодка стукнулась о берег. Мы на Арбатской стрелке.

— Назад лодку! — кричит с того берега полковник Звягин. Все выскакивают на песок. Никому не хотелось возвращаться в это страшное «назад». Когда через минуту я оглянулся назад, лодка шла обратно и управлял ею старик рыбак... Я горячо возблагодарил Бога. После Новороссийска это мое второе чудесное спасение от явной смерти.

На берегу разбитые хаты, около них вырыты окопы. В окопах застава Сводно-стрелкового полка, с ними телефон и сестра милосердия. Наши раненые, голые, подходят для перевязки, и никто не стесняется, не такой момент.

Наконец прибыл и полковник Звягин, бросился к телефону.

— Передайте по радио, — кричит он. — «Севастополь, мы голые бежим вплавь из Геническа. Звягин».

Саша Сохацкий плачет о своем погибшем брате и ругает армянина. Он прямо сошел с ума.

— Почему вы не стреляете по тому берегу? — кричит он на начальника заставы, забывая про свое звание: все равно — голый, и, схватив «льюис», стал сам стрелять по Геническу.

Полковник Звягин вышел из хаты и тоже начал стрелять из винтовки по тому берегу.

Здесь узнаем друг от друга о погибших товарищах. Подпрапорщик С., из моего села, говорят, уже доплыл почти до этого берега, но пуля попала ему в голову, и он скрылся под водой. Только красное пятно несколько секунд обозначало место его смерти. Один офицер тоже доплыл почти до берега, но потом, очевидно выбившись из сил, вскрикнул, перекрестился и утонул. Другой попал под доски пристани, разбил голову, чуть не захлебнулся, но выплыл. Сестра его перевязывает, а он, бледный, сидит голый и не верит, что он жив.

— А где наш командир полка? — спросил кто-то.

— Он остался на том берегу, — ответил один ординарец. — Я ему кричу: «Господин полковник, раздевайтесь!» — а он говорил мне: «Я не могу бросить полк».

Всех торопят идти в тыл. Пули и здесь визжали над головой, мимо ушей, впиваясь в песок у самых ног. Красные бьют по косе, ведь коса внизу и вся как на ладони.

Со мной рядом шагает артиллерист в форменной фуражке, голый.

— Осталось орудие? — спросил я его.

— Да, но оно для нас сейчас безвредно, замок в воде.

— Жаль, хорошее было орудие!

— Такое г... мы всегда найдем, — вздохнул он, — а вот людей жаль, ведь какие были люди!

— Вам холодно? — спросил я его. — Разрешите предложить вам мою шинель?

— Очень благодарен, — сказал он, надевая шинель, — когда придем к жилью, я вам ее возвращу.

Прошли проволочное заграждение. За заграждением сидят на траве спасшиеся алексеевцы, поджидая других. Все почти голые. Корнев, Васильев, Гильдовский, Павлов, поручик Лебедев тоже здесь. Они обрадовались мне, так как считали, что я погиб. Алексеевцы все подходили и подходили. Все сидели молча, лишь кое-кто тихо переговаривался, делясь впечатлениями пережитого дня.

Незаметно наступил вечер. Стрельба утихла. Кричала какая-то птица, зажглась вечерняя звезда. Где-то далеко-далеко ухали орудия. Говорят, наши прорвали фронт на Сиваше и взяли Ново-Алексеевку. Это, кажется, один пролет от Геническа.

От заставы приближалась к нам тачанка. На ней сидел наш командир полка (полковник Бузун). Он переплыл Сиваш последним. Ему где-то раздобыли шубу, и он, голый, закутался в нее, подняв воротник.

— Полк, смирно! — раздалась команда.

«Полк» — человек сорок голяков — встал смирно. Тачанка поравнялась с нами.

— Здравствуйте, дорогие... — как-то вскрикнул полковник и, не договорив, заплакал.

Тачанка умчалась. Мы почти не ответили... Капитан Логвинов горько плакал. Старику жаль было своего батальона.

Ночевали в селе Счастливецеве. Обещали выдать обмундирование, но, говорят, командир Сводно-стрелкового полка полковник Границкий пока не дает.

4 апреля. Вечером грузимся на пароход, уезжаем обратно в Керчь. Красные, вероятно, догадываются, что мы грузимся. Только ночь скрывает нас от их взоров. А ночь хорошая, теплая, апрельская. Офицеры, усевшись на носу, поют:

В ногу, ребята, идите,
 Полно, не вешать ружья!
 Трубка со мной. Проводите
 В отпуск бессрочный меня, —

вытягивает высокий тенор, а хор подхватывает:

Был я отцом вам, ребята,
 Вся в седилах голова
 Вот она служба солдата
 В ногу, ребята, раз-два!

— Раз-два! — отрезают басы, а тенор опять выводит:

Я оскорбил офицера,
 Молод и он оскорблять!

Их слушает тихая весенняя ночь, яркие звезды, вся команда пароходика, капитан с женой и, наверное, большевики, ибо они близко и не стреляют. А тенор грустно продолжает:

Трубка никак догорела
 Дай, затянусь еще раз.
 Смело, ребята, за дело!
 Прочь! Не завязывать глаз!

Целься вернее, не гнуться!
 Слушай команды слова
 Дай бог домой вам вернуться!
 В ногу, ребята, раз-два!

Певцы уже давно замолкли, а на палубе никто не расходился. Все стояли молча, и в голове у каждого роились думы. Думы о прошлом, о далеком милом доме. А звезды ласково мигали с темного небосклона и радовались тишине и красоте природы. И казалось, что вчерашнего кошмара совсем не было. Под утро тронулись.

7 апреля. Сегодня на площади села (Катарлеса) была отслужена панихида по погибшим в десанте. Почти все плакали. Жалко товарищей. Ведь вернулась едва третья часть. А день теплый, настоящая весна...

Перед Кубанским десантом наш полк вошел в Сводно-пехотную дивизию. Командиром этой дивизии был назначен генерал Казанович — старый алексеевец, командовавший нашим полком в 1-м Кубанском походе. 23 июля был парад. После него генерал, обходя строй, здоровался и разговаривал со старыми алексеевцами.

29 июля под вечер на набережной Керченской крепости полк выстроился в каре. Был отслужен молебен, после чего началась погрузка. Ночью полк поплыл в десант.

Барон П.Н. Врангель

В.И. Гецц

М.Н. Левитов

В.К. Витковский

А.В. Туркул

В.А. Ларионов

Э.Н. Гиацинтов

А. Судоплатов

В.И. Старицкий

Л.А. Булгаков

В.И. Морозов

Генерал от кавалерии
П.Н. Шатилов

Генерал от инфантерии
А.П. Кутев

Генерал-лейтенант С.Г. Улагай

Генерал от кавалерии
А.М. Драгомиров

Генерал-лейтенант Я.А. Слащев

Генерал-лейтенант
А.П. Богаевский

Генерал-майор Г.Б. Андгуладзе

Генерал-лейтенант
Ф.Ф. Абрамов

Генерал-лейтенант П.К. Писарев

Генерал-лейтенант П.К. Писарев
полковник Ф.Ф. А.М. Дроздович

Генерал-майор Н.Г. Бабиев

Генерал-майор В.М. Ткачев

Генерал-лейтенант А.Н. Черепов

Полковник Ф.Д. Назаров

Генерал-лейтенант
Д.П. Драценко

Генерал от инфантерии
Ю.Н. Данилов

Генерал-лейтенант
Д.М. фон Зигель

Генерал-лейтенант
В.Г. Харжевский

Десант на Кубань

1 августа. Высадка десанта. Утро ясное, море спокойное. Весь флот идет вместе. В тумане видна полоска земли — это Кубань. Там большевики. Мы идем медленно вдоль берега. Рядом с нами другой пароходик тоже тащит баржу, на ней казаки-бабиевцы, с лошадьми. Наша и их баржи высаживаются первыми и поэтому отделяются от остальной флотилии и приближаются к берегу. Уже видна Бородинская коса и на ней хуторок Бородин. Наш катер подошел версты на полторы к берегу и остановился.

— Мель, не могу идти! — кричит с катера капитан.

Приходится искать другое место. Казачья баржа уже близко к берегу.

Та-та-та-та — раздалось с берега. Казаки не выдерживают. Человек 15—20 выводят лошадей на палубу и толкают их в воду. Сами, голые, с винтовкой и шашкой, бросаются за ними в воду. Рвутся на свою Кубань.

— Ну, что вы там? — нетерпеливо кричит наш командир полка, волнуясь, что катер наш медлит.

— Не можем идти дальше! — кричат нам с катера

— Какая глубина?

— Восемь футов.

— Господа! — кричит командир полка. — Кто умеет плавать, прыгай в воду и тяни за канат на буксире баржу!

Через 10 минут человек 200 пловцов тянули баржу к берегу. От баржи идут два каната, за каждый из них уцепилось человек сто и тащат с криком «Ура!» Из воды торчат головы, да взмахивают сотнями рук, как будто в воде копошится огромное чудовище. Баржа медленно движется к берегу, наконец стукнулась о песок.

— Все раздевайся! — крикнул нам командир полка. — Бери только винтовки, пулеметы, патронники и диски, сноси все на берег. Затем обратно за одеждой. Не суетясь, но быстро! — добавил он.

Оделись быстро и, взяв каждый по аппарату, винтовке, всей выкладке и по 2 катушки, пошли к хутору. Идем через бахчи, рвем дыни и арбузы.

Та-та-та-та — затрещало из кукурузы.

— Ура! — вспыхнуло где-то в роте.

Пулемет умолк. Он уже наш, красные удрали. Мы уже отошли верст 5 от берега. Моря уже не видно. Рассыпались в цепь.

Та-та-та-та — опять затрещал впереди пулемет

Трах-тах-тах-тах — затрещали ружейные выстрелы. Очевидно, тут дело более серьезное. Цепи легли. Правый фланг пошел в обход.

Поручик Лебедев, начальник команды связи, подозвал меня:

— Здесь будет промежуточная телефонная станция. Немедленно отсюда ведите линию на хутор Бородин и оставайтесь там до моего приказа.

Взяв аппарат, винтовку и 2 катушки, я понесся напрямик через бахчи и кукурузу. Прихожу в Бородин, включил в линию аппарат. Тут уже находился только что высадившийся штаб дивизии. Подошел генерал Казанович, наш начальник дивизии.

— А вы что, с позиций? — спросил он меня.

— Так точно, Ваше Превосходительство!

— Алексеевец?

— Так точно, Ваш-дитство!

— Молодец! — похлопал он меня по плечу. — Алексеевцы всегда были молодцами!

Он взял трубку и начал говорить по телефону с командиром полка.

— Ахтарская наша! — воскликнул он, бросив трубку. — Передай немедленно генералу Улагаю на миноносец! — приказал он дежурному офицеру.

3 августа. Отдан приказ в 8 часов утра перейти в наступление... Прошли уже верст 15, видна станица Ново-Джерлиевка. Уже перевалило за полдень. Раздались выстрелы. 1-й батальон рассыпался у железной дороги, 2-й пошел далеко в обход. Подъехал с ординарцами командир полка. Он влез на скамью дрезины, чтобы лучше наблюдать. На вокзале станицы показался дымок и начал приближаться к нам.

— Очевидно, бронепоезд, — с некоторой тревогой произнес командир полка, — а наших орудий все еще нет, все еще выгружаются. Дайте Ахтари! — обратился он ко мне.

Грянуло орудие. Снаряды начали ложиться около цепей. Нам приходится туговато. С винтовками нам с бронепоездом не потягаться. Бронепоезд уже виден, он выходит из станицы. Цепи наши, то было ретиво двинувшиеся вперед, залегли и не поднимаются. Около нас страшным грохотом разорвался снаряд. 1-й батальон не выдержал и стал отходить. Вдруг командир полка встрепенулся.

— У вас, кажется, есть ключ для гаек? — спросил он нас.

Мы ответили утвердительно.

— Садитесь на дрезину и езжайте вперед, пока возможно, и старайтесь развинтить рельсы!

Дьяков вскочил на дрезину, я вскочил за ним. Мы нажали на передачу и быстро помчались под уклон, навстречу бронепоезду. Красные сосредоточили по нас огонь, пули визжат. Жду — вот сейчас хлопнет в лоб! Мы уже обгоняем наши цепи. Они уже далеко позади.

Мы уже вблизи станицы. Дьяков соскочил с дрезины.

— Тормози! И где ключ? — кричит он, догоняя дрезину.

Принялись отвинчивать гайку. Но это оказалось не так просто: гайка вертится вместе с болтом. Одним ключом ничего не сделаешь, а второго у нас нет. В это время два снаряда разорвались с визгом около нас. У меня самого развинтилась «гайка». А Дьяков кричит:

— Надо что-то сделать!

— Давай перевернем дрезину, — кричу я ему. — Может, это все-таки немного задержит бронепоезд!

Мы сняли дрезину с рельс, поставили ее поперек путей и, пригнувшись, быстро побежали обратно. Командир полка поблагодарил нас за находчивость... Наши цепи отошли шагов на сто и залегли. Бронепоезд стрелял, но не двигался дальше. Может, предполагали, что мы подложили под рельсы шашки. Уже солнце садилось, когда по дороге поднялось облако пыли, которое быстро приближалось.

— Батарея! Алексеевская батарея! — раздались радостные крики.

Батарея неслась карьером. Быстро снялись с передков. Уже навоят орудие.

— Ай да молодцы! — раздаются похвалы.

Первый снаряд разорвался около самого бронепоезда. Наверное, задел его. Ура, бронепоезд удирает. Наша батарея начала бить по вокзалу. Цепи наши начали делать перебежки. Правый фланг уже вошел в станицу. Мы опять поставили дрезину на рельсы и двинулись вперед.

Слева от нас по дороге движется конница. Она несется рысью с черными знаменами, с красно-черными значками и волчьими хвостами. Это конница Бабиева, которая только сегодня полностью выгрузилась. Конница превосходная. Ну, теперь красные уже не страшны нам!

4 августа. Часов в 7 утра двинулись по железной дороге. При выходе из станицы, гляжу, наши бегут на курган. Я понесся туда тоже. Оказывается, на кургане зарыты наши взятые в плен гренадеры, которых, рассказывают местные жители, здесь ночью красные рубили. Жители говорят, что они видели, как командира батальона и одну сестру милосердия красные погнали дальше, на станицу Роговскую.

...Идем уже около часу. Солнце отчаянно печет, пить хочется. Вправо маячит хуторок. Несколько человек помчались туда напиться воды. Я тоже понесся туда. Подбегаю к крайней хате. Здесь несколько человек наших окружило какую-то бабу.

— Да ты говори толком! — кричал ей один офицер. — Белый он или красный?

— А Господь его знает! — говорила перепуганная баба.

— Да где он? Веди нас к нему!

Баба повела нас за собой в амбар, указала на загром.

— Братцы, товарищи! — раздалось из закрома. — Я ранен...

— А ну-ка, вылазь! — крикнул тот же офицер, заглядывая в загром. — Да это же наш! — воскликнул он. — Это же капитан Соловьев!

— А вы... наши... свои... — залепетало в закроме. — Господи, благодарю, благодарю Тебя!

Из закрома, едва не падая от слабости, вылез капитан Соловьев, 3-го Гренадерского батальона. Лицо у него было все в крови, он был почти голый.

— Свои, свои! — крестился он и плакал.

Он кратко рассказал, как красные взяли в плен их батальон, раздели всех и начали рубить. Ему разрубили ухо и часть черепа, но он все-таки был жив и притворился мертвым. Ночью его подобрала крестьяне и спрятали в загром. Ну и пережил же он! Я забыл про воду и понесся к своим сообщить эту новость.

...Уже вечерело, когда мы подошли к станице Роговской. Красные оказывают сильное сопротивление, их бронепоезд отчаянно бьет по цепям. В конце концов ворвались в станицу. Красные бежали.

5 августа. Подходим к Тимашевке. Красные открыли огонь. Они сосредоточили огонь по нашим обозам, которые не выдержали и убегают. С вокзала бьет их бронепоезд тяжелыми снарядами. Орудия наши бегло бьют по вокзалу. Наши батальоны наступают на станицу. Красные вышли из станицы и наступают на нашем правом фланге. Они пытаются нас обойти. Наш 2-й батальон отходит. Наши орудия перенесли огонь на правый фланг.

Командир полка наблюдает за боем. Он стоит на дрезине и смотрит в бинокль. С тылу откуда-то летит аэроплан и бьет из пулеметов по нас. Бронепоезд начал бить тяжелыми снарядами по нашей дрезине. Вот-вот угодит. У меня душа ушла в пятки. Но командир полка не шелохнется, твердо держит в руках бинокль и медленно диктует адъютанту донесение для генерала Шифнер-Маркевича.

Бой затягивается. Уже закрадывается сомнение, возьмем ли мы Тимашевку. Вдруг в тылу поднялись облака пыли. Приближается какая-то колонна. Не то конница, не то пехота. Что такое? Откуда?

— Не может быть, чтобы это были красные! — говорит немного взволнованно командир полка своему адъютанту, направляя туда бинокль. — Не могут они так быстро и незаметно нас обойти!

Все-таки он приказывает немедленно снять с передовой линии два пулемета и направить против приближающейся колонны.

«Вот будет сейчас жара! — подумал я. — Ведь у нас только 2 батальона и одна батарея, да и люди все устали страшно».

Вдруг видим — по железнодорожной насыпи бежит к нам какой-то солдат. Запыленный, потный, весь черный. Это юнкер-константиновец.

— Где командир Алексеевского полка? — кричит он.

— Здесь! Здесь!

— Господин полковник! — прикладывая руку к козырьку и запыхавшись, докладывает он. — Константиновское военное училище прибыло к вам на подкрепление. Начальник училища просит у вас инструкций.

Слава Богу! Наши просияли, вздохнули спокойней.

— Пожалуйста, передайте начальнику, — говорит успокоившийся полковник Бузун, — рассыпать училище правее нас и охватить станицу с правого фланга!

Через 20 минут по всему полю правее нас шли юнкера. Они рассыпались стройными рядами. Идут как на учение. Молодцы!

...Наши уже врываются в станицу... Мы уже на вокзале... Вбегаем в контору. Перепуганная барышня выглядывает из-за шкафа.

— Вы кто такая? — кричит на барышню Дьяков.

— Я... я... телеграфистка.

— Здесь есть красные?

— Не знаю... Они бежали... Я ничего не знаю... — лепечет она, плача.

— Успокойтесь! Успокойтесь! — говорит ей Дьяков, усаживая ее на стул. — Мы не звери... мы не красные!

В контору входит прибывший сюда начальник дивизии, генерал Казанович.

— Аппараты целы? — спрашивает генерал.

— Целы! Целы! — говорит успокоившаяся барышня.

— Дайте мне Екатеринодар!

Барышня стучит.

— Передайте, — говорит генерал барышне, — «Белые обошли нас. Что делать с бронепоездом?»

Телеграфистка стучит, потом слышен стук ответа:

— «Приказываю отойти!»

— Прошу приготовить мне хорошую квартиру в Екатеринодаре! — диктует дальше генерал Казанович.

— «Кто говорит?» — читает барышня.

— Говорит генерал Казанович, — диктует начальник дивизии.

— «Готова хорошая квартира, — медленно читает ленту барышня, — между двумя столбами с перекладной».

Аппарат дает какие-то перебои.

— Что такое? — нетерпеливо спрашивает генерал.

— «Ваше превосходительство... Ваше превосходительство... Я полковник Скакун. У меня тысяча шашек. Сейчас вышел из камышей, включился в провод и слышал случайно ваш разговор. Куда прикажете идти?» — читает барышня.

— Идите в Тимашевку! — диктует генерал.

Аппарат перестал работать.

— Линия обрезана! — говорит барышня.

...В станицу входили обозы, батареи, команды, скорым шагом вошло Алексеевское военное училище, оно опоздало к бою. Настроение у всех повышенное.

В группе обозов две клячи везут испорченный автомобиль. В нем, откинувшись на спинку сиденья, развалился толстый господин во френче без погон, но по всему видно, что он бывший офицер. Рядом с ним молодая красивая сестра милосердия в белой косынке. Оказывается, это захваченный бабиевцами командир красной дивизии с женой. Оба они сидели с закрытыми глазами, может быть, боясь взглянуть, ожидая, что вот-вот их убьют или зарубят.

— Этот господин, — говорил какой-то офицер-алексеевец, идя рядом с автомобилем, — говорят люди, приказал порубить наших grenадер.

— Ничего я не приказывал! — процедил тот сквозь зубы и не открывая глаз. (После я слышал, что его в конце концов не расстреляли.)

6 августа. Сегодня большой праздник — Преображение Господне. Вся станица празднует. У нас должен быть хороший обед, баба двух уток понесла из сарая. День солнечный, хороший. Нашему полку объявлен отдых. Слава богу, хоть один день отдохнем. С утра я лежал под амбаром, написал все до настоящих слов, начиная с Ахтарей. По улице степенно гуляют старые бородатые казаки в черкесах с кинжалами. В станице мужчин средних лет нет: или молодые парни, или бородачи. И это во всех станицах на Кубани. Говорят, призывного возраста все мобилизованы и посланы на Польский фронт.

Иду на вокзал. Большую добычу наши захватили в Тимашевке. Много груженных составов. Целый состав — мастерские с полным оборудованием. Сегодня пригнали сюда тысяч пять пленных. Все уральцы Особой Уральской бригады — Пермские, Уфимские. Они страшно боялись: когда их построили на площади, думали, что их будут расстреливать. В наш полк зачислено тысячи полторы, в нашу команду попало человек 50. Им по станице собрали пищу и пока их охраняют.

7 августа. Сегодня рано утром разбудил нас орудийный выстрел. Подошедший красный бронепоезд начал обстреливать вокзал. Снаряды с воем несутся через нашу хату. Встаем. Стрельба прекратилась. Пошел в штаб полка. На площадь влетает на лошади казак и кричит: «В тылу красная конница!» Поднялась суматоха. По телефону запросили 2-й батальон, он стоял в конце станицы. Оттуда ответили, что на соседнем хуторе заметно какое-то движение. Один броневик покати туда. Через час все выяснилось: наши брали на хуторе подводы; в это время откуда-то появились красные кавалеристы и разогнали наших.

Вот так война! Прошли 80 верст, а в тылу противник бродит! Нет, видно, нам со своими силами не сделать дела. Вчера генерал Улагай созывал здесь станичный сбор, разъясняя казакам положение. Казаки-станичники кричали «Ура». Да толку, как видно, для нас от этого мало будет...

...Сегодня у нас в 12 часов дня парад. Принимать парад будет генерал Бабиев; на площади в ожидании парада стоит его конница. Она только что пришла из Брюховецкой, разбив бригаду красных. Она имеет грозный вид со своими значками, черными знаменами и волчьими хвостами. Пришел наш полк. Пришли батареи, броневики, подошли Алексеевское и Константиновское училища. Все с нетерпением ждут Бабиева. Интересно на него посмотреть.

— Смирно! — раздалась команда.

Не успели все сообразить, в чем дело, как вдруг из-за угла как пуля вылетел всадник и птицей пролетел по фронту.

— Здра-а-а! — закричал он.

— Здрав-гав-гав! — загалдели казаки.

Я не успел рассмотреть его. Видел только мелькнувшую фигуру и руку в воздухе, другой руки, говорят, у него нет, и повод он держит в зубах.

Жду — сейчас пойдем церемониальным маршем, но почему-то тишина. Никакой команды... Заминка...

— Разойтись! — раздалась команда.

Удивительно. Почему же не было парада? Иду в штаб полка. Меня ловит поручик Яновский:

— Идите в команду, сейчас выступаем!

— Куда? Что?

— Неизвестно!

Быстро грузим на повозки аппараты, катушки, а в саду кипит борщ, неужели бросим его?!

Выезжаем на площадь. Бабиевцы уже выходят из станицы. Значки и конские хвосты грозно веют над колонной. Полк наш едет на подводах.

Но почему в такое время? Под вечер. И почему едем не вперед, а назад? Это уже совсем что-то непонятное!

Как потом оказалось, пока отряд генерала Улагая отдыхал в Тимашевке, красные обошли ее и отрезали белых от моря и от Ахтарской станицы, где находилась база отряда. К тому же в самой Ахтарской военные корабли, пришедшие из Крыма, почему-то все ушли обратно в Крым, не оставив никакой охраны базы с моря, чем воспользовались большевики, высадили десант и заняли Ахтарскую. Восстановить положение была послана конница Бабиева и приданный ей Алексеевский полк. Несмотря на проявленный героизм, огромные потери и даже одержанные победы, очистить тыл от красных белым не удалось. Они не были побеждены, но и разбить красных окончательно у них не хватило сил. Красных было много, а белых (несмотря на взятых пленных) по сравнению с красными было чересчур мало. В течение недели шли непрерывные бои, белые брали пленных, трофеи, выбивали большевиков из станиц, шли дальше, а красные шли за ними по пятам, опять занимали только что занятые белыми станицы, и нужно было возвращаться назад и опять выбивать красных.

Ночевали в станице Роговской. Там были красные, но ушли.

8 августа. Выступили до рассвета. Бабиев, узнав, что где-то близко бригада красных, пошел ей в тыл. У нас был сильный бой в Гарбузовой Балке. Наши пленные, сибиряки и уральцы, дерутся хорошо. Наконец красные побежали. Мы взяли в плен целый полк; пленных ведем больше, чем нас. Среди пленных наш Башлаев нашел соседа по квартире в Ростове.

Ночевали в Джерелиевке. А Роговская и Гарбузовая Балка опять заняты красными. С Тимашевкой связи нет. Если завтра возьмем опять Роговскую, в Джерелиевке будут красные... Ну и война! С нами движутся повозки с ранеными. Их некуда деть и негде оставить!

9 августа. Сегодня опять прошли Гарбузову Балку. Красные за нами следом заняли Джерелиевку. В общем, мы окружены кольцом красных. Связи ни с кем не имеем. Мы ли выбиваем красных из нашего «тыла», или они нас выкуривают — не разберешь. Бабиев посылает нас в одну сторону, сам мчится в другую. Нам жарко с ним работать. Конница на лошадях мчится, а мы пешком да на подводах не успеваем за ней. Лошади наши выбились из сил.

Бабиев нас послал в станицу Брыньковскую. По дороге подошли к какому-то хуторку. У хутора вырыты окопы, там красные. С нами батарея, она бьет по их окопам. Черти красные тоже здорово бьют. Мы лежим в траве. Стебли осота и будяка подлетают на воздух и шелестят от пуль. А у нас, как на подбор, у всех фуражки с белым

верхом. Перебегаем ближе и ближе. Оглянешься назад, много наших осталось лежать неподвижно навеки. Сестры милосердия ходят по цепи и делают перевязки. Одну убило (фамилии не знаю). Тяжело ранен командир офицерской роты полковник Непенин.

Мы бросились на ура. Пробегаем окопы, там никого, только лежат убитые. Вдруг сзади, из камышей, бьют по нас. Красные отошли влево в камыши и пропустили нас. Мы отхлынули назад, расстреливаемые в упор. Много упало со стоном на землю. Полковник Логвинов бежит вдоль цепи. Его лицо перекошено гневом, борода растрепана.

— Батальон, стой! — кричит он, испуская миллион матов.

— Ура! — опять вспыхнуло на левом фланге.

— Ура-а-а! — подхватили все и повернули обратно.

Перед хутором произошла короткая штыковая схватка. Красные удрали. Мы ворвались в горящий хутор. Хаты, амбары, скирды хлеба объаты пламенем. Ружейная стрельба, треск горящего дерева, вой баб, бегающих по дворам, рев коров и телят, блеяние овец — все смешалось вместе. Вокруг хутора валяются трупы красных. Два красноармейца лежали как бы обнявшись; у одного оторвало левую ногу, у другого — правую.

Батальон остановился, пройдя хутор. Решили ночевать здесь. В темноте наступающей ночи виднеется зарево горящего хутора. Спим в поле. Вверху над нами ласково мерцают небесные лампочки. Природа неизменная, как всегда. Изменились только люди. Они спят, чтобы утром с новыми силами кинуться друг на друга в новую кровавую, может быть, для них последнюю схватку.

10 августа. Сегодня будем брать станицу Брыньковскую. По очереди бегаем на соседний баштан за арбузами. Арбузы здесь громадные, сочные. Уже третий день по выходе из Тимашевки мы живем одними арбузами, почти без хлеба и воды.

...Перед Брыньковской поле ровное, как стол. Ясно видны хаты и колокольня. Из станицы затрещали пулеметы, но мы идем вперед. С нами в цепи идет много пленных. Они почти не ложатся. Даже командир полка один раз крикнул им:

— Ложитесь!

— Чаво там, господин полковник! — хладнокровно ответили они и пошли вперед.

Удивительные эти кацапы! Они и там дерутся отчаянно, и здесь молодцами.

Идет страшно жаркая перестрелка. Около меня ранило пленного. Он хватает руками траву и страшно стонет. Ползет фельдшер, рвет у него рубаху и хочет его перевязать. Фельдшер кричит мне:

— Приподнимите его и помогите пропустить бинт!

— Ой, бросьте, бросьте, — кричал раненый, царапая землю, — оставьте меня!.. — У него была рана в живот.

— Держите, держите! — говорит мне фельдшер. — И с вами может то же самое быть!

...Брыньковская уже взята нами. Наша команда едет на подводах. По дороге лежат убитые красные. Стоят воткнутые штыками в землю винтовки. Это красные сдавались нашей коннице. Один молодой парень, раненный, очевидно, в грудь, — гимнастерка вся была в крови, — протягивал руку и что-то кричал. Один из наших соскочил с подводы и побежал к нему. Раненый схватился за голову руками, очевидно ожидая, что сейчас его заколют. Наш дал ему фляжку с водой. Раненый жадно припал к ней. Я долго оглядывался, он все не отрывался от фляжки.

...Догнали полк в степи. Полк шел опять на Джерелиевку. Темно. Наши подводы все время подскакивают. На дороге что-то лежит. Я соскочил с подводы для естественной надобности. Потом бегу за своей подводой. Споткнулся о что-то. Упал. Труп, другой, третий. Тут их масса. Это работа бабиевцев. Влез обратно на подводку. Спать очень хочется. Я растянулся и заснул.

Тра-та-та-та! Что такое? Стучит пулемет. Подводы стоят, все спят. В хвосте стрельба.

— Ура-а-а! — раздалось сзади.

Пулемет стих. Подводы двинулись. Все спят, дремлют возницы.

Куда едем? Что происходит? Ничего не пойму. Опять стрельба, сквозь сон слышу залп. Подводы останавливаются. Залпы стихли. Прыгают повозки. Кажется, опять трупы. Мы движемся. Куда? Зачем? Кошмарная ночь. Спать страшно хочется.

11 августа. Утро солнечное, теплое. Красные нас совсем окружили. Мы идем цепью по высокой кукурузе. Вправо и влево белеют фуражки алексеевцев. Пули непрерывно шлепают по желтеющим листьям кукурузы. Наши кинулись на ура. Красные отступают. Бабиев крошит их где-то справа. Мы бежим через бахчи. Обоз наш бешено понесся вперед и обогнал нас на полверсты. Наша батарея бьет на шрапнель по нашему обозу.

— Передайте на батарею: бьют по своим! — несется крик по полю.

Мы прорвались из окружения. Опять едем на наших повозках. Мы впереди, артиллерия в середине, Бабиев сзади.

Рядом с нами скачет на лошади артиллерийский офицер, он смеется и говорит:

— Знаете, за всю войну, с четырнадцатого года, я сегодня впервые видал, как обоз понесся в атаку на неприятеля! Разве могли мы не

обстрелять его, — шутит он, — когда увидели, что впереди наших цепей несутся повозки?!

Сзади затрещали винтовки. Бабиев пошел куда-то влево. Мы рассыпались в цепь.

12 августа. Целую ночь были в походе. Потеряли всякую связь с остальной группой. Настроение у всех паршивое. На казаков-повстанцев нет надежды. Правда, под Джерелиевкой, еще в начале похода, к нам присоединилось несколько партизан в соломенных шляпах с винтовками, но, едва мы прошли их станицы, они дальше не пошли, а разошлись по домам. Их психология — свою хату отбил, и довольно!

Днем прилетал аэроплан. Он кружился над нами и спускался все ниже и ниже.

— Наш! Наш! Ура! — раздались крики.

С аэроплана сбросили вымпел. Длинные разноцветные ленты закружились в воздухе и отнесли вымпел далеко в кукурузу. Человек 50 как сумасшедшие полетели туда. Вымпел нашли и понесли генералу Бабиеву. Через 10 минут весь отряд знал, что аэроплан прилетал от генерала Улагая. Он стоит в станице Старо-Нижне-Стеблиевской и приказывает нам идти туда. Это отсюда верст 30. Все вздохнули облегченно. Ну, теперь, если соединимся, все-таки нас будет больше.

Подъезжаем к плавням, за ними бугор, за которым виднеется колокольня. Очевидно, там какая-то станица. Через плавни плотина. Едва мы приблизились к плотине, как справа застучал пулемет, пули засвистали над нами. Слева показалась масса красной конницы. Видимо, поджидали нас здесь, чтобы загнать в болото, когда мы будем переходить плотину, и перебить всех. Алексеевцы рассыпались в цепи. Отбиваемся, пока повозки и бабиевцы переходят плотину. Командир полка полковник Бузун на лошади носится по цепи, за ним его молодой ординарец Пушкарев с полковым значком. Вдруг справа раздалось «Ура!», и на нас ринулась лава красной конницы. Правый фланг начал отходить.

— Ни шагу назад! — закричал командир и поскакал туда.

Вдруг командир склонился на бок и едва не упал с седла. Его ранило. Две красные тачанки вылетели вперед и начали осыпать нас из пулеметов. Мы бросились в болото. Я шлепал по болоту почти по пояс в зеленой грязи. Пули впились в грязь, чмокая то сзади, то спереди. Слава богу, выбрался на сухой бугор. Офицерская рота залегла на этом бугре, открыв огонь по красной коннице. Я тоже лег. Рядом плотина, а сзади станица, куда прошли наши обозы и бабиевцы. Красные перенесли огонь на станицу — гранатами.

Мне приказано провести отсюда линию в штаб, в станицу, из телефонистов я здесь один, где остальные, не знаю. В станице ад крошечный... (Теперь, лежа на брюхе под повозкой в станице Гривенской и описывая этот день, я удивляюсь, как я вырвался из этого ада!) Вечером выступили дальше и ночью прибыли в станицу Старо-Нижне-Стеблиевскую, она же по-казачьи Гривенская.

13 августа. Стоим в Гривенской. Наконец мы с остальной группой генерала Улагая. На Тимашевку, после нашего ухода, наступали красные. Юнкера со страшными потерями их отбили и начали отходить сюда. Вечером прилетел из Крыма аэроплан и долго кружился над площадью. Наш Фоменко на треноге варил кашу. Аэроплан низко спустился, уже видно летчика. Фоменко снял фуражку и, махая ею, закричал вверх:

— Земляк, спускайся до нас вечерять!

Аэроплан действительно спланировал за станицей. На нем прибыл начальник штаба Главнокомандующего генерал Коновалов, с особыми полномочиями. За неделю первый раз спал спокойно, на площади под повозкой.

14 августа. Сегодня наш полк опять выступает на позицию. Позиция будет в 18 верстах отсюда, на реке Протока, в станице Николаевской. Поручик Яновский посылает на позицию других телефонистов, нам разрешено отдохнуть. На позиции под станицей Николаевской идут жаркие бои. Бесперывно слышен гул канонады.

Сегодня лежал часа два на берегу Протоки. Берега, обросшие ивняком, круто обрываются к реке. Высокие осокоры шумели своими серебристыми листьями. Их шум мне напомнил почему-то дом, осеннее время, сборы в училище. И мне стало грустно. Когда-то попаду домой? Настает осень. А конца нашей войне и не видно...

15 августа. Сегодня праздник Успения Божией Матери. Около полудня поднялась в станице стрельба. По улице несутся повозки. Наши повозки тоже понеслись. Я вскочил на одну. Все летят сломя голову. На улице крик: «Кавалерия!» Опомнились через час в камышах. Обозы пошли тихо. Не дай бог быть с обозом — всегда наделяют панику!

Оказалось, что красные по Протоке подошли на речных пароходах и высадили конницу. Она промчалась по улицам станицы. Наш раненый командир полка тоже вскочил на подводку, и с ним еще несколько человек. Они мчались по улице, отстреливаясь из револьверов. Фоменко, выскочив на улицу, увидев скачущего к нему буденновца, не растерялся, прицелился и сбил его. Теперь он едет на его лошади!

...Мы идем по дороге вдоль Протоки. Это единственная дорога к морю, с обеих сторон непроходимые на много верст плавни и болота, так что красные нас не могут обойти. Ночевали на хуторе. Там установили радиостанцию и вызвали Севастополь. Будто бы получили сообщение, что за нами из Крыма идут пароходы.

16 августа. Утром двинулись дальше. Я еду с обозом нашей команды. Наш полк же остановился у входа в камыши, недалеко от Гривенской, и будет там держать позицию. Везде по дороге пленные роют глубокие окопы в две или три линии. Здесь, наверно, будем защищаться, пока не сядем на пароходы.

К вечеру подошли к морю. По правому берегу Протоки, по которому мы идем, не подойти к морю, тут сплошные камыши. Левый берег открыт, виден рыбацкий поселок (Ачуев) с маленькой церковью. Там будем грузиться. Целую ночь наши «понтонеры» строили мост через Протоку, на простых рыбацких челнах, а поперек их клали заборы, ворота, двери и всякий подручный материал.

17 августа. Перешли через новый мост. У места погрузки установили 2 баржи рядом, сделали нечто вроде пристани, к которой могут подходить катера. Вдалеке стоят большие транспорты, они не могут подойти ближе — мелко. На них будут перегружать с катеров. Генерал Коновалов непрерывно присутствует на пристани. Он в белом кителе. В первую очередь будут грузиться кавалерия и артиллерия. С позиции доносится страшная канонада, там наш полк.

18 августа. Утром прилетел большевистский аэроплан и бросил бомбы. Чуть было не попал в баржу, через которую идет погрузка. Погрузка идет полным ходом. Грузятся казаки. Главная возня с лошадьми: их приходится лебедками поднимать в море с одного парохода и пересаживать на другой. До нас очередь еще далеко.

19 августа. Мы стоим, как цыгане, табором. Повозки, повозки и повозки, везде костры. Жрать нечего, выдали знаменитую «керченскую» муку, из нее делаем «пышки» на морской воде; хорошо, солить не надо! Сейчас грузят обозы. Лошадей берут всех, а повозки только казенного типа. Много подводчиков едут с нами, не решаются остаться. А тем, которые пожелали остаться, вернули лошадей, и они поехали через мост на Гривенскую.

К вечеру опять донесся гром канонады. Снаряды рвутся непрерывно уже минут двадцать. После такой стрельбы, боюсь, и места не найдешь от нашего полка.

С позиции прискакал наш ординарец с донесением. Мы его окружили, расспрашиваем.

— Там Страшный суд! — махнул он рукой и опять ускакал.

Меня подзывает поручик Яновский:

— Сейчас же собирайтесь, поедете с Башлаевым на позицию.

Едем по старой дороге, за нами еще едет повозка с продуктами для полка. Позиция верстах в восемнадцати. Встречаем повозку с ранеными алексеевцами.

— Что там, на позиции? — спрашиваем.

Машут безнадежно руками. Мне начинает казаться, что нам с Кубани не выехать.

20 августа. Пишу в окопе. Вчера часов в 8 вечера прибыл сюда. За полчаса до моего прибытия наши отошли в новые окопы. Сейчас спокойно, но в окопах все сидят, боясь приподняться, так как красные в 200 шагах и тотчас же «посадят на мушку». Правый фланг упирается в Протоку, у обрывистого берега. Левый фланг клином упирается в густой камыш и вязкое болото.

Часов в 12 дня наша батарея, стоящая в полуверсте за второй линией, открыла огонь. Красные начали отвечать. Их шрапнель рвется над окопами. Картечь с диким завыванием местами сметает бруствер. Наши прикинули к земле. Потом красные начали бить на удар. У нас вдруг перебита линия. Иваницкий, собравшись с духом, выскочил из окопа. Я взял трубку. Линия не работает. Ах, вот заработала! Лезет обратно Иваницкий. Слава богу, перебили всего в десяти шагах. К вечеру все утихло. Кухня поздно ночью привезла обед и ужин разом. Обед не то что на погрузке. Целый бык на 80 человек! Комары кусают, нет покоя.

21 августа. Ночь спали по очереди с Иваницким. Проклятые комары искушали страшно. Сижусь на дне окопа и украдкой срисовываю полковника Логвинова. Сегодня в полдень была жаркая перестрелка, убито два офицера. Один из них приподнялся — вынимал что-то из кармана, — и хлопнуло. Они, прикрытые шинелями, лежат в окопе. Вечером со стороны красных понеслись крики: «Завтра все будете у нас! Смерть белогвардейцам! Раздави гидру контрреволюции!» — отборная ругань и т. д. Слышалось пение, крики. Очевидно, там шло пьянство. У нас же было тихо — ни звука. «Но тих был наш бивак открытый!» А налево, в камышах, несколько человек роют могилу. Нужно хотя бы как-нибудь похоронить двух товарищей. Они уже начали разлагаться.

22 августа. Часов в 8 утра вдруг совершенно неожиданно справа, из-за Протоки, ухнуло орудие, и снаряды начали ложиться вдоль окопа. Красные, видно, ночью как-то переправили орудие на тот берег. Неужели исполняются их вчерашние угрозы: «Завтра будете все у нас»?!

Красные пошли в атаку. Полковник Логвинов, заменяющий командира полка, с утра у нас в 1-й линии. Он не выпускает из рук трубки.

— Батарея! — кричит он. — Сосредоточьте огонь по левому берегу, отвлекайте их батарею! Пулеметчики, на вас вся надежда! — кричал Логвинов на левый фланг, где наготове стояли четыре «льюиса». — Оставьте аппарат! — махнул он мне и Иваницкому.

Мы взяли винтовки и легли на бруствер. Снаряды рвутся то впереди, то позади окопа, то падают в воду и поднимают водяные столбы. Но все внимание наше сосредоточено вперед, где между кустами и деревьями спокойно идут на нас красные. Они идут кучами. До них шагов полтораста.

— Батальон! — закричал Логвинов. — Пли!

Грянул залп из 80 винтовок, и яростно зарокотали четыре «льюиса». Боже мой, что получилось! Красные все пали на землю и, как раки, полезли в разные стороны. Многие кинулись в камыши, прямо в болото. Другие кидались в воду. Мы бешено стреляли, пулеметчики выпускали диск за диском. Уже красных не было, а наши все стреляли!

— Разрешите в атаку? — кричали офицеры Логвинову, вылезая из окопа.

— Куда? Куда? — закричал он. — Назад!

Ночью наши лазили в разведку. Притазили одного красного, раненного в грудь. Он говорил, что у них перед наступлением все были уверены, что мы еще раньше покинули окопы. Нас, телефонистов, 4 человека (я, Иваницкий, Башлаев и Солофиенко), дежуриим в первой и второй линиях день и ночь, подменяя друг друга. Говорят, завтра кончается погрузка всех частей.

23 августа. Десять часов вечера, пишу при свете горящего кабеля. Все уже спят — утомились. Ну и денек был сегодня! С раннего утра красные буквально засыпали нас снарядами. У меня в ушах до сих пор стоит визг и треск от них. Не могу уснуть. Нам, телефонистам, пришлось особенно жарко. Как я остался жив, не знаю. Приходилось все время выскакивать из окопа и поправлять порванные линии.

Потом красные пошли в атаку, они покрыли всю поляну. У нас зарокотали пулеметы и открылась отчаянная стрельба. Пришло на помощь человек 30 с полковником Логвиновым из 2-й линии. Все лежали на бруствере и выпускали обойму за обоймой. Красные, невзирая на потери, шли напролом. Одни падали, другие сзади лезли. Было жутко!

— Почему батарея молчит? — кричит Логвинов в трубку. — Батарея! Батарея! Черт возьми! — орал он, ругаясь. — Связь! — прохрипел он, бросая трубку.

— Я, господин полковник! — кричу я.

— В одну минуту батарею дать!

Я схватил моток кабеля, запасной аппарат и, забыв про снаряды и пули, колбасой несусь по камышам. Батарея в тылу в версте. Прибегаю, батареи нет.

— Где батарея? — кричу я солдату, который грузит повозку какими-то вещами.

— Сейчас ушла на погрузку.

— Как? Куда? Почему?

— Не знаю, — флегматично ответил солдат.

Я быстро включил аппарат в брошенную линию — работает!

— Алексеевский полк! Батарея ушла на погрузку!

В ответ слышу такие ругательства, каких я никогда не ожидал от полковника Логвинова. Бегу обратно. Стрельба почему-то утихла. Какая-то зловещая тишина.

Смотрю — навстречу бегут наши, их всего человек 50.

Тра-та-та-та — опять засвистели пули.

— Полк, стой! — слышу голос Логвинова.

Остановились и легли на поляне. Я присоединился к ним. Около часу перебежали назад, пока не влезли в свежие, для нас приготовленные окопы. Вечером из Ачуева прислали патронов, продуктов и два «льюиса».

Темно. Впереди стоит секрет. Все, прильнув к брустверу, спят, ведь устали страшно. Иваницкий контужен, сидит и все время так странно мотает головой. Жалко нашего Башлаева. Его убило осколком гранаты. Он и другие убитые и раненые — человек 40—45 — лежат там... Их оставили там, когда покидали тот окоп. Бедняги раненые! Но что наши могли сделать?

24 августа. Часов в шесть утра мы покинули вчерашний окоп, так как красные открыли такой огонь, что нельзя было выдержать. Наш последний окоп недалеко от моря, отсюда видна Ачуевская церковь и мост. Красные нас оставили в покое и бьют по мосту. Если его разобьют, мы погибли. Отсюда до места погрузки верст семь. Уже известно, что грузимся сегодня вечером. Набежали черные тучи. Поднимается ветер, море беспокойное. При ветре будет скверно грузиться.

Наши четыре «льюиса» уже пошли через мост на ту сторону. Они будут обстреливать противника, когда мы будем отходить через мост. Уже отправили новых раненых на погрузку. Я сдал аппарат и кабель с ними. Мы остались с одними винтовками. Второй батальон — человек 30 — пошел на погрузку. Красные не стреляют; они, очевидно, отчаялись нас взять и ждут, когда мы сами уйдем. За 2-м батальоном на мост пошел 1-й батальон — осталась только офицерская рота, человек 18. Едва только батальон взошел на мост, как красные с кри-

ком «Ура» вылетели из своих окопов. Они, вероятно, не предполагали, что часть нас еще осталась на том берегу.

— Рота, пли! — крикнул капитан Осипенко²⁷², который остался старшим вместо Логвинова.

Офицерская рота дала залп, другой. Красные отхлынули. Наконец поднялась Офицерская рота.

— Не спеши! — кричит Осипенко. — Реже шаг! Рядами, господа, рядами, — слышен голос Осипенко. — Через мост вольным шагом, не беги! Вторая полурота, стой! Пусть первая пройдет!

Красные открыли яростный огонь. Пули защелкали по мосту. Двух человек уже понесли на руках. Наступила наша очередь. Мы, человек семь, быстро перебежали по мосту. Наши 4 «льюиса», захлебываясь, трещали по красным. Мост был обмотан соломой и облит керосином. Два офицера стояли с паклей.

— Не отрываться, господа, скорым шагом! — кричит сзади Осипенко (капитан Осипенко за оборону Протоки и за героически проведенное отступление был награжден орденом Святого Николая Чудотворца). — Ждать никого не будем.

Пулеметы наши все еще строчат. Над нами поют красные пули. Проходим Ачуевскую часовню, хутор — никого. Я оглянулся назад. Мост был охвачен пламенем, две лодки неслись вниз по течению, а остальные, разорвавшись на две части, колыхались у нашего берега.

Шел мелкий осенний дождь. Мы шли по вязкому песку к месту погрузки. Несем по очереди раненых, тяжелые «льюисы». Проходим место, где был лагерь: сломанные повозки, следы от костров, какие-то пустые банки, бумажки. Не поживятся красные тут, напрасно они так рвутся сюда! Я вспомнил нашу высадку на Кубани, какой был теплый солнечный день. А провожая нас, даже природа плакала.

Идем не особенно быстро, раненые просят не качать их здорово. На море стоят два судна: один миноносец и рядом небольшой пароход «Амвросий». У берега небольшой катерок, он перевезет нас на пароход. Первыми высадились и последними уходим. Приехали 3 батальона, человек 800, а уезжают 2 батальона, человек 120. Человек 200 уехали раньше раненых. Прощай, Кубань! Вероятно, навсегда!

Раздел 5

*В. Морозов*²⁷³

ВОСПОМИНАНИЯ О БОЕ 25 МАЯ 1920 ГОДА²⁷⁴

Приближается 17-я годовщина боя 25 мая 1920 года, который долго еще будет памятен не только русским воинам, самоотверженно защищавшим тогда Крым от напора красных полчищ, но о нем должны знать и те русские люди, которым дорога память о титанической борьбе своей армии и о красоте и величии подвигов русских воинов, движимых непреоборимой силой любви к своей родине.

25 мая было счастливым и многообещающим днем выхода всей Русской Армии генерала Врангеля из узких перешейков Крыма на широкие поля Северной Таврии, уже одним своим простором манившие к себе сердца русских воинов, жаждавших в неизбежной схватке со злобным врагом сломить там его дьявольскую силу и освободить несчастную родину от неисчислимых бед неслыханного рабства.

2-я конная дивизия, которой я имел честь в то время командовать и которая была, в сущности, единственной конницей Крыма (другие конные части были еще пешими), с нетерпением ждала этого желанного дня, когда она, наконец, получит свободное поле для маневра и расстанется с надоевшими ей за зиму окопами и проволочными заграждениями.

Бодро и весело шли 24 мая отдохнувшие, пополненные и подтянутые конные полки к исходным для наступления рубежам. Сама природа цветущего в это время мая, дышавшая полной силой новой жизни, вливалась своим бодрящим дыханием в сердца людей этой небольшой и еще неизвестной миру героической армии, крепкой, как сталь, своим духом, спайкой, выучкой и беспредельной верой в счастливое будущее своей родины. А воодушевлявшая всех вера в правоту своего святого дела, вера в своего вождя-рыцаря и в свое ду-

ховное превосходство над врагом была настолько велика и непреоборима, что в успехе прорыва совершенно никто не сомневался.

Настает последняя решающая ночь с 24-го на 25 мая. Трудно передать словами всю картину переживаний этой ночи, но она ярко стоит перед моим мысленным взором и теперь, созданная всей обстановкой последних часов перед боем.

Город Перекоп и ближайшая к нему деревня Шемиловка до отказа забиты войсками. Кругом стоит обычная, ничем не нарушаемая, позиционная тишина. Изредка только раздастся отдельный выстрел где-нибудь на передовых постах да прошипит, взвываясь кверху, осветительная ракета, и снова все погружается в тишину так же, как и вчера и как неделю тому назад. Как будто бы ничто не предвещает большевикам нависшей над ними грозы. Но в этой кажущейся тишине тысячи человеческих душ, сосредоточенных на одной мысли о предстоящем ответственном деле, живут полной жизнью, тысячи сердец русских воинов усленно бьются, ожидая момента сразиться с ненавистным врагом.

Ровно в 3 часа раздается наш первый артиллерийский выстрел, гулко отдавшийся эхом не только по окрестным полям, но и по всем сердцам русских воинов, напряженно ждавших его с минуты на минуту. Все хорошо понимали, что значит этот выстрел. Через минуту уже вся артиллерия Перекопского фронта усиленно громила своим огнем заранее хорошо пристрелянную оборонительную полосу противника. Захваченные врасплох, большевики почти не отвечали.

Вскоре после начала артиллерийской канонады наша несравненная пехота — корниловцы и марковцы — спокойно и без шума, с полным сознанием важности наступившего момента, двинулась вперед, чтобы штыком закончить дело, так успешно начатое артиллерией.

Еще не было четырех часов, когда генерал Кутепов дал мне последние указания: «Задача вам известна. Проходы в проволочных заграждениях готовы. Вот вам проводники. С Богом, вперед». И на этот раз, как и всегда, со свойственной ему милой улыбкой дружески пожелал: «Ни пуха ни пера».

Через 10 уже минут рысью, во взводных колоннах, вся дивизия проходила, едва освещаемая брезжушим рассветом раннего утра, через главный проход Перекопского вала. Яркая и незабываемая картина... В кажущейся бесконечной, быстро несущейся стройной и густой колонне, 3000-й массе конницы чувствуется необыкновенная мощь, непобедимая сила, которая вдохновляет всех, от старшего начальника до рядового солдата и казака, на дерзания и подвиги. Лица всадников бледны, но глаза горят смелостью и упорным желанием скорее сразиться с врагом. Я стою на валу и, охваченный чувством гордости за

свои прекрасные полки и батареи, громко приветствую их, отвечают все бодро и весело. Лошади, разбуженные от сладкой предрассветной дремы, храпят, фыркают, нервно дрожат и как будто тоже понимают всю важность момента, в который они призваны содействовать успеху своих всадников.

Общее направление дивизии было дано на село Чапынка, в промежуток между Марковской и Корниловской дивизиями. В авангард был выслан 6-й кавалерийский полк под командой полковника Иванова²⁷⁵. Голова колонны главных сил дивизии быстро подошла к проходам в проволочных заграждениях. Команды саперов, расширяющие проходы, весело приветствовали свою конницу громким «Ура».

В это время впереди, в авангардном полку, начали слышаться то загорающиеся, то потухающие вспышки ружейного огня, ясно было, что в предрассветном тумане полк налетал на мелкие части противника и быстро уничтожал их. Вот и первая небольшая группа пленных, латыши. По-русски говорят плохо, но все же удается от них узнать, что вся их латышская стрелковая дивизия находится здесь, по пути движения конницы. Противник, можно сказать, смелый и упорный.

Так как события в конном бою развиваются быстро, то заниматься пленными больше не было времени. В авангардном полку вдруг закипела сильная ружейная и пулеметная стрельба, которая все больше и больше разрасталась и усиливалась. По всему было видно, что полк встретил сильное сопротивление. Вскоре послышались и разрывы ручных гранат. Без донесений было ясно, что авангард атакует противника и дошел до удара холодным оружием. Прибывший от командира авангардного полка офицер подробно осветил обстановку: в районе сараев, что западнее хутора Спендиярова, полк атаковал бригаду латышской дивизии, которая упорно отбивает наши атаки, а со стороны хутора Спендиярова, где, по словам пленных, стоит другая бригада той же дивизии, ведется сильный ружейный и пулеметный огонь во фланг и тыл полку, нанося большие потери.

Я вызываю командира 1-го Донского полка полковника Рябышева²⁷⁶, кратко объясняю ему обстановку и даю задачу атаковать противника у хутора Спендиярова. Быстро, широкими аллюрами проносятся мимо меня сотни полка одна за другой и скрываются в тумане. Видимость все еще плохая. Туман хоть и начал сползать в долины, все же временами заволакивает собою все пространство.

Здесь в нашу тревожную обстановку, полную такого сосредоточенного и напряженного внимания ко всем моментам разгорающегося боя, вмешалась еще и природа, поразившая нас редким явлением: в этот ранний утренний час предстали перед нами картины, обычные для

далекого сказочного Востока, известные под именем миражей. Перед нашим изумленным взором неожиданно появились высокие городские постройки в 3—4 этажа. Через минуту они расплылись в тумане, потом снова появились и снова исчезли. К нашему разочарованию, это оказались постройки полуразрушенного хутора Спендиярова, где и в хорошее-то время, кроме одноэтажных земляных хат и сараев, ничего не было. Небольшая группа всадников нашего флангового охранения, появившаяся на буграх, выросла вдруг в сказочных гигантов, потом снова приняла свой нормальный вид. Одна сотня казаков, появившаяся на открытом месте в колонне по три, превратилась в целую стену великанов и сразу куда-то исчезла из поля нашего зрения. Можно думать, что эта таинственная картина игры окружающей атмосферы была также видна и нашему противнику.

Наконец огонь на фронте авангардного полка начал постепенно ослабевать и уклоняться к северо-западу. Через некоторое время было получено и донесение командира полка о полном разгроме латышей. Зато у хутора Спендиярова огонь в это время разразился со страшной силой. Видно было, что и эта бригада латышей решила не сдаваться на волю победителей, а биться до конца. Один полк ее стал было занимать окопы, другой в резервной колонне стоял у западного выхода из хутора Спендиярова. Стойко встретили латыши атаку казаков, но неудержимый порыв донцов ничем уже остановить было нельзя. Самоотверженно, с криками «Ура!», налетели они со всех сторон на эту бригаду инородцев, принявших такое деятельное участие в русской смуте на стороне большевиков, и разбили ее наголову.

Таким образом, почти полностью была уничтожена 3-я Латышская дивизия, считавшаяся непобедимой. Очень уж много она принесла бед и горя русскому народу и немало неприятностей Белой армии. Восстановленная большевиками после, она потеряла уже свое значение, так как в ее составе латышей почти уже не было.

Упорный и ожесточенный бой повлек за собою очень большие потери с обеих сторон. Много пало и выбыло из строя наших доблестных офицеров, казаков и солдат, но во много раз дороже заплатили за это большевики. В этом бою выстрелом в упор был ранен храбрый командир 1-го Донского полка полковник Рябышев.

Этим боем широко и окончательно была открыта дверь в Северную Таврию. Скучные окопы и проволочные заграждения были оставлены далеко позади, впереди же перед нами расстиралось широкое поле, было теперь коннице разгуляться где на воле!..

Притянув к себе храбро сражавшиеся полки, 2-я конная дивизия, выслав вперед 2-й Донской полк под командой полковника Ружейнико-

ва²⁷⁷, быстро двинулась к селу Чаплынка. В этот момент яркое солнце, появившись во всей своей красоте и величии над грешною землей, осветило нас своими первыми лучами, как бы приветствуя с первым боевым успехом. Кругом зеленела широкая степь, вливавшая в наши души бодрость и свежесть нашей русской весны, и была полна ароматами цветущих трав. Жаворонки, эти неизменные спутники весны, высоко взлетая в ясную лазурь, своей неумолчной, звучной и бесконечной песней славили Небесного Творца и как бы радовались нашему появлению на широком просторе. На душе всех было весело и легко.

Так 2-я конная дивизия в начале первого дня выхода Русской Армии из Крыма внесла свой щедрый вклад в неизмеримую сокровищницу русского героического духа и лишней раз подтвердила, что при неожиданном своем появлении конница может не только атаковать технически хорошо снабженную пехоту, а даже и бить ее.

Заканчивая статью, я шлю мой сердечный привет всем славным участникам этого конного боя и твердо верю, что 17 лет, отделяющие нас от этого исторического дня, так много надежд тогда сулившего Белой армии, не убили в нас веры в грядущее торжество правды, в наше безусловное моральное превосходство над врагом и в нашу полную готовность снова беззаветно служить родине, как только протрубит сигнал — «поход».

*Ф. Пухальский*²⁷⁸

РАЗГРОМ СВОДНОГО КОННОГО КОРПУСА ТОВАРИЩА ЖЛОБЫ В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ 20 ИЮНЯ 1920 ГОДА²⁷⁹

Разгромив и вытеснив 13-ю советскую армию в майских боях из Северной Таврии, армия генерала П.Н. Врангеля в начале июня 1920 года занимала свое исходное положение, достигнув таких рубежей, на которых она временно остановилась и имела возможность отдохнуть и привести себя в порядок после многодневных боев и маршей.

Войска генерала Врангеля занимали следующее положение: на юге и юго-востоке своим правым флангом армия упиралась в Азовское море, на котором царствовал флот белых, и этим правый фланг прочно был обеспечен от всяких неожиданностей со стороны красных. Запад и северо-запад был прикрыт широким водным простором реки Днепра, и только оставались открытыми ворота на север и на северо-восток, шириною по прямой линии немного более 100 верст. Такое положение представляло некоторую выгоду для обороны заня-

того белыми пространства в Северной Таврии. Поэтому генерал Врангель расположил свои войска по этой дуге так: донские казаки, 2-я конная дивизия генерала Калинина (1500 шашек и 1000 пехоты), 3-я Донская дивизия генерала Гусельщикова (3500—4000 пехоты), по распоряжению занимали исходное положение от Азовского моря, недалеко от Ногайска, и левым флангом дотягивались до села Черниговка. Левее донцов исходное положение занимал 2-й корпус генерала Слащева (13-я и 34-я дивизии), своим правым флангом примыкали к донцам, левым упирались в реку Днепр.

Как видим, ворота главного направления к обороне поручались двум дивизиям донских казаков (2-й и 3-й) и двум дивизиям корпуса генерала Слащева. За левым флангом корпуса генерала Слащева генерал Врангель, в районе села Михайловка, держал Дроздовскую дивизию (2200) и 2-ю конную дивизию генерала Морозова, наполовину из донских казаков. Это была группа генерала Витковского. Такое положение оставалось до 10 июня.

«Все мысли и чувства казаков были прикованы к Родным Краям... Казаки готовы были перенести все крымские невзгоды, лишь бы добраться к Родной Земле, где они снова были бы полными хозяевами. Врангель и его помощники должны были учитывать такое настроение казаков. Очевидно, поэтому Донской корпус к 10 июня занял фронт в вышеупомянутых воротах...» (П.Л. Макаренко «Трагедия Казачества», книга 5, гл. 7).

Дальше к западу от Михайловки участок занимала Кубанская дивизия генерала Бабиева, а левее дивизии генерала Бабиева была Туземная дивизия. На обязанности этих дивизий лежала охрана течения реки Днепра, почти что до Каховки. Против Каховки были сосредоточены Корниловская и Марковская дивизии. Левее их по течению Днепра располагались остальные войска. И уже в самом нижнем течении Днепра стояла кавалерийская дивизия генерала Барбовича.

Ознакомившись с расположением армии генерала Врангеля после выхода из Крыма, видим, что на самых опасных и важных участках фронта армии были расположены донские дивизии. Не прекращая, а продолжая свои майские успехи, донские дивизии после выхода из Крыма стремились на восток, к Дону, вступили в борьбу с красными, которые прикрывали подступы к городу Бердянску и дальше на Дон. Одновременно донцам приходилось оборонять половину вышеуказанных открытых ворот с севера против вторжения красных в Северную Таврию.

Не предусмотренный красным командованием и неожиданный для него разгром 13-й советской армии на подступах к Крыму и очищение почти что всей Северной Таврии от красных принудили совет-

скую власть принять решительные меры к ликвидации белых, уже вышедших из Крыма, и уничтожить армию генерала Врангеля.

Главное советское командование, предав военному суду командующего 13-й советской армией товарища Паука за неумелое командование и потерю Северной Таврии, судило и немедленно расстреляло его. Новому командующему 13-й армией входило в задачу переход в наступление, окружение белых и окончательное их уничтожение. Приказание, конечно, было категорическое. В 13-ю советскую армию были направлены новые войсковые части, которые в течение зимы находились вдали от Крыма и считались отдохнувшими и пополненными.

Для этого советское командование в районе Цареконстантиновка—Николаевка—Розовка—Волноваха сосредоточивает сильную ударную группу — Сводный корпус под командой товарища Жлобы. Весь этот корпус, состоящий из 1-й и 2-й кавалерийских дивизий, был перевезен с Дона и Северного Кавказа, где он квартировал. 2-я кавалерийская дивизия имени товарища Блинова, принимавшая участие в боях против армии генерала Врангеля при выходе его войск из Крыма в конце мая 1920 года, также влилась в корпус Жлобы. К этому Сводному корпусу товарища Жлобы в оперативном отношении подчинена была еще 40-я пехотная дивизия, силой около 6000 штыков, расположенная в селении Николаевка между городом Бердянском и городом Мариуполем. Сила этого ударного кулака Жлобы определяется по-разному:

1) Официальное сообщение штаба Врангеля № 338, от 20 июня 1920 года, говорит: «Противник сосредоточил в районе Верхнего Токмака мощную конную группу войск в составе 18 конных полков силой в 6 тысяч всадников с приданной ей, кроме того...»

2) Официальное сообщение того же штаба от 22 июня говорит о том, что в начале операции корпус Жлобы насчитывал 7500 всадников.

3) П. Врангель говорит, что «общая численность корпуса 7500 шашек и 6000 пехоты и, кроме того, две кавалерийские дивизии, общей численностью в 4500 шашек и 1600 пехоты». (На время операции товарищу Жлобе подчинялись: 2-я кавалерийская дивизия товарища Блинова, две конные бригады 40-й дивизии и части 40-й и 46-й стрелковых дивизий.)

4) Полковник С. Жуков, в работе «Операции Русской Армии в Северной Таврии» 1920 года число бойцов этого корпуса определяет в 4000 шашек; но в другом месте той же работы говорит о «почти 8-тысячной конной группе красных». Советский автор И.С. Коротков в «Разгроме Врангеля» определяет корпус Жлобы в 5000 всадников.

Еще не закончив перевозку Сводного конного корпуса к месту сосредоточения ударной группы, командование 13-й советской армии

подготовило план наступления армии на всем фронте Северной Таврии на дуге приблизительно длиной свыше 300 км. Согласно этому плану, Сводный конный корпус Жлобы (3 конные дивизии) с приданной ему 40-й пехотной дивизией 15 июня переходит в наступление с целью разбить Донской корпус и занять Мелитополь. Одновременно с севера наступает группа «товарища» Федько, в составе 3-й, 15-й, 46-й и 23-й стрелковых дивизий с фронта Жеребец—Пологи, тоже на Мелитополь. С правого берега Днепра переправляются и переходят в наступление 52-я стрелковая и Латышская дивизии из района Берислав—Алешки, с задачей отрезать отступление войскам генерала Врангеля за Перекоп. Разработанный план наступления 13-й советской армии преследовал очень широкий замысел советского командования — одним ударом быстрое и полное уничтожение армии генерала Врангеля на просторах Северной Таврии.

Общее наступление советским командованием 1-го Западного фронта было установлено на 15 июня. Однако Донской корпус, занимая правое-фланговое положение армии генерала Врангеля, начиная с 10 июня вел упорные бои с частями 40-й пехотной дивизии, именно той дивизии, которая, по плану красного командования, входила в состав Сводного конного корпуса товарища Жлобы. И согласно официальным сообщениям, донцы своими активными действиями в короткое время выбили противника из нескольких пунктов, захватив пленных и уничтожив бригаду красных.

12 июня красные сами перешли в контрнаступление на фронте длиной около 40 верст против донцов. Донцы встретили их контрударом (сообщение штаба генерала Врангеля от 12 июня 1920 года). Дальше в сообщении говорится, что после упорного боя наши (донцы) разбили противника, и на второй день, 13 июня, развивая успех, несмотря на убийственный огонь красных, донцы, нанося им серьезное поражение, выбивая противника из ряда населенных пунктов, теснят его, захватывая свыше 1000 пленных и 25 пулеметов. Разбитый противник отошел в район села Андреевка. А 14 июня сообщение штаба генерала Врангеля снова подтверждает о захвате донцами новых 1200 пленных и 49 пулеметов. Но в этом же сообщении говорится о жестокости боя, когда пешие казаки стаскивали красного с коня, отбирали у него оружие и вступали в бой уже конные, а не пешие. В сообщении генерала Врангеля также говорится, что полки соперничали друг перед другом в доблести. На фронте 3-й Донской дивизии у Верхнего Токмака и Черниговки упорные бои продолжаются, но в конце концов, к вечеру 14 июня, Черниговка осталась в руках донцов.

Из директивы Врангеля, данной войскам 10 июня, видно, что в тот день Главнокомандующий еще не имел сведений о сосредоточении большевистской ударной группы в районе Цареконстантиновки—Поповки—Гусарки. Только упорные бои на фронте Донского корпуса 10—14 июня как бы приоткрыли завесу над замыслом красного противника. Наступление конной группы Жлобы явилось неожиданностью для Врангеля.

В период с 10-го по 14 июня донские дивизии вели тяжелые и упорные бои с 40-й пехотной дивизией красных и за это время нанесли ей ряд поражений. Она уже не представляла той силы, за которую ее считало красное командование при включении дивизии в состав корпуса Жлобы. Еще 14 июня генерал Врангель не имел полных и ясных сведений о том, откуда можно ожидать удар противника. Что противник перейдет в наступление и собирается прорвать фронт Русской Армии — у генерала Врангеля и его штаба не было сомнений. Вопросом было: когда и где?

Только 15 июня воздушная разведка эскадрилий генерала Ткачева открыла скопление больших конных масс у Верхнего Токмака. Это открытие дало возможность генералу Врангелю судить, что опасность со стороны противника назревает на правом фланге его армии, прикрытом донскими дивизиями. Но принять предупредительные меры у штаба генерала Врангеля не было времени, так как в этот же день, 15 июня, конный корпус Жлобы своей огромной массой навалился на донские дивизии.

На следующий день, 16 июня, корпус Жлобы отбросил донцов и после упорного боя занял район Клефельд—Александрон—Шардау—Мариенталь, а на другой день корпус еще продвинулся вперед — так пишет И.С. Коротков («Разгром Врангеля»).

Сообщение штаба генерала Врангеля № 534 от 16 июня говорит: «На всем фронте армии завязались крупные бои с подошедшими свежими частями противника. Оттеснившая наши части из района Верхний Токмак и Черниговка конная группа противника была атакована нашей (Донской) конницей с юга и отброшена ею к Черниговке. Вновь подошедшие конные части остановили наш дальнейший успех. Бой продолжается». Необходимо было оказать немедленную и энергичную помощь Донскому корпусу, ведущему явно неравную борьбу с превосходными и хорошо вооруженными силами противника, имевшего еще и то преимущество, что 3-я Донская конная дивизия принуждена была, за отсутствием лошадей, драться в непривычном для донцов пешем строю.

На фронте корпуса генерала Слащева противник тоже перешел в наступление, и 13-я дивизия вместе с 34-й дивизией с большим тру-

дом удерживались и отбивались от красных на занятых рубежах. Генерал Врангель приказывает генералу Слащеву действовать более решительно, дабы разбить красных, вывести отряд генерала Витковского (Дроздовскую и 2-ю конную генерала Морозова дивизии) из боя, чтобы направить отряд на помощь Донскому корпусу.

Только 17 июня обозначился успех у генерала Слащева. В этот день корпус Слащева атаковал, разбил и отбросил красных далеко назад. Только 18 июня генерал Витковский смог бы выступить в помощь донцам, но и этого не случилось, так как новые распоряжения генерала Врангеля передали отряд генерала Витковского генералу Кутепову. Следовательно, со дня перехода Жлобы в наступление 15 июня Донские дивизии один на один сражались с семитысячным конным корпусом противника, не получив, по сложившейся боевой обстановке, никакой помощи, кроме авиации. Только авиация генерала Ткачева своими многочисленными налетами, бомбами и пулеметным огнем с низких высот, иногда с высоты около 20 метров, наводила страх в конных рядах корпуса товарища Жлобы.

Как видим, в период тяжелых решающих дней с 10 июня и по 20-е вся тяжесть защиты вышеуказанных ворот легла на плечи главным образом 2-й и 3-й Донских дивизий и на корпус генерала Слащева. Перейдя в наступление и после упорного боя с донцами, Сводный корпус Жлобы к вечеру 15 июня, оттеснив донцов, занимает Верхний Токмак и Черниговку. На следующий день, 16 июня, с боями и тесня казаков, Жлоба с корпусом продвигается вперед и вышел на линию Николайдорф—Шпаррау, пройдя за эти два дня около 40 км, и приблизительно столько же оставалось ему еще продвинуться вперед к Мелитополю, чтобы, сообразуясь с директивой командования 13-й советской армии, выйти в глубокий тыл армии генерала Врангеля. Но в этот же день, 16 июня, донцы нанесли сильное поражение конному корпусу Жлобы и отбросили его части на линию Гнаденфельд—Шпаррау, на 10 км назад. Это поражение заставило Жлобу отказаться от дальнейшего продвижения вперед.

Сообщение генерала Врангеля от 17 июня констатировало следующие факты: «В бою с конным корпусом красных последнему нашим огнем и лихими конными атаками (донцов) нанесены большие потери, наша (Донская) конница захватила 8 орудий, но вывезти их не удалось, и орудия были приведены в негодность. Наши летчики дважды произвели налет на конницу красных, забросав ее бомбами. Высокую доблесть проявили наши автоброневики. Потрясенный лихими и дружными действиями нашей конницы, летчиков и броневиков, противник в этом районе активности сегодня не проявил», — заканчивает сообщение штаб генерала Врангеля.

Посмотрим, что говорит начальник авиации генерал Ткачев о бое 17 июня: «Троекратное бомбометание и обстрел из пулеметов с незначительной высоты 17 июня неприятельской конницы нанесло ей огромные потери и полное расстройство. Паника была настолько велика, что артиллеристы рубили построики и бросали орудия, стремясь поспешным бегством избавиться от воздушных атак. В этот день, по показаниям пленных, Жлоба потерял 300 лошадей» (Ткачев. Авиация в гражданской войне: Военный сборник. Т. 1. С. 133. Белград).

В ночь с 17-го на 18 июня конница Жлобы ночевала в районе Контениусфельд—Гнаденфельд—Шпаррау, то есть в тех местах, куда она могла продвинуться за первые дни своего наступления.

Потерпев поражение 16 и 17 июня, Жлоба, будучи связан медленным движением 40-й стрелковой дивизии на своем левом фланге, решает на 18 июня совместно с этой дивизией, которая в то время наступала на село Новоспасское, атаковать 2-ю Донскую дивизию, разбить и уничтожить ее. Но это наступление Жлобе не удалось. Штаб генерала Врангеля об этом бое сообщает: «На Мариупольском направлении противник повел наступление на Новоспасскую, но удар нашей (Донской) конницы, при блестящей работе летчиков, снижавшихся до 15 метров и расстреливавших красных из пулеметов, был разбит и рассеян».

А в ночь на 19 июня конница Жлобы сделала налет на расположение 3-й Донской дивизии, на главном направлении движения Жлобы. Донцы этот налет отбили, противник оставил пленных, 2 орудия и пулеметы.

Еще 16 июня генерал Врангель дал войскам задачу: 1) Командиру 1-го корпуса генералу Кутепову — к 12 часам 17 июня сосредоточить всю свою ударную группу (Корниловская, Дроздовская и 2-я конная дивизия генерала Морозова) в районе Молочное—Тигервайде—Лихтенай (на реке Молочной, к юго-западу от Большого Токмака, за правым флангом 2-го корпуса генерала Слащева). На рассвете 18-го атаковать противника: генералу Кутепову обрушиться на правый фланг и тыл Верхне-Токмакской группы красных. 2) Донцам — 3-й конной дивизии атаковать с фронта. 2-й Донской — в левый фланг и тыл. 3) Генералу Слащеву удерживать фронт Большой Токмак—Васильевка.

Такой приказ был издан генералом Врангелем как директива для всех корпусов, но к 17 июня он не мог быть выполнен, так как Дроздовская и генерала Морозова дивизии были втянуты в бой на фронте генерала Слащева, против группы красных товарища Федько, перешедших в наступление 15 июня.

Корниловская дивизия в это время находилась на участке против Каховки. На рассвете 17 июня противник форсировал Днепр и захватил Каховку и Корсунский монастырь, но дальше не развил активности. Это дало возможность штабу генерала Врангеля снять без всякого риска Корниловскую дивизию и перебросить ее для общего удара по коннице Жлобы. Мне кажется, что Корниловская дивизия могла прибыть к сосредоточению генерала Кутепова не раньше 18—19 июня. Таким образом, видим, что распоряжение генерала Врангеля от 16 июня не могло быть выполнено.

В штабе генерала Врангеля уже окончательно (генерал Врангель, начштаба генерал Шатилов и генкварт полковник Коновалов) выкристаллизовался план окружения конницы корпуса Жлобы. Машина пришла в движение, и 19 июня была закончена полная перегруппировка войск генерала Врангеля. Согласно вторичному приказу штаба генерала Врангеля от 19 июня, войска заняли исходные позиции.

Приказ гласил: 1) Донскому корпусу перед рассветом 20 июня «главной массой своих сил решительно атаковать противника в общем направлении на Гнаденфельд», то есть в левый фланг и тыл расположения корпуса Жлобы. 2) Генералу Кутепову, объединявшему под своим командованием Корниловскую, Дроздовскую и 2-ю конную дивизии, «перед рассветом 20 июня нанести главный удар противнику, атакуя частью сил вдоль реки Кульман, а большей массой в охват правого фланга и тыла противника в общем направлении на Вальдгейм». 3) Командиру 2-го корпуса генералу Слащеву, «активно обороняя свой фронт, надежно обеспечить левый фланг генерала Кутепова». 4) Генералу Ткачеву «всеми аэропланами способствовать уничтожению конной группы противника».

На следующий день, 20 июня, дивизии переходят в наступление. Но Жлоба тоже переходит в наступление своим конным корпусом в направлении Мелитополя и встретился с наступающей 3-й Донской дивизией. Завязался ожесточенный и упорный бой.

Предположим, что если бы казаки 3-й Донской дивизии, действующие в непривычном для них пешем строю, утром 20 июня, когда произошел встречный бой с конницей Жлобы, под давлением этой огромной тысячной массы не устояли бы и не выдержали натиска, то корпус Жлобы, вне всяких сомнений, выскочил бы из окружения, открыл бы путь себе на Мелитополь, и «Крымская эпопея», возможно, кончилась бы на несколько месяцев раньше.

Но... хотя донцам и тяжело было, с большими жертвами они храбро это выдержали, не пустили Жлобу, закрыли ему дорогу, и это в дальнейшем решило судьбу Жлобы и его корпуса.

В то время, когда корпус Жлобы старался своими силами открыть себе свободный путь на Мелитополь, 2-я Донская дивизия, перейдя на рассвете 20-го в наступление, продвигалась вперед, выбила красных из немецкой колонии Штенфельд, внесла панику и смятение в ряды конного корпуса Жлобы, а кроме того, стойкое сопротивление 3-й Донской дивизии сломало волю командира Сводного корпуса товарища Жлобы, и не оставалось ему ничего больше, как на броневике носиться от одной части к другой, внося путаницу и хаос в ряды своих частей.

Как я выше сказал, 2-я Донская дивизия своим блестящим ударом в тыл и фланг окончательно сломала моральное состояние Сводного корпуса Жлобы, и вот здесь взял верх лозунг: «Спасайся, кто может!» И корпус товарища Жлобы тремя колоннами бросился прочь от донцов, ища путь к спасению. Около двух дивизий со Жлобой бросились в направлении на Большой Токмак. Но в этом направлении наскочили на Корниловскую дивизию, которая по прибытии из Каховки (по всей вероятности, к месту сосредоточения корпуса генерала Кутепова была подвезена на повозках) только к полудню 20 июня успела занять колонию Ракенау и указанные ей рубежи в долине реки Кульман. У меня нет данных, когда Корниловская дивизия была снята с позиции у Каховки, но я предполагаю, что она была снята с позиции в ночь с 17 на 18 июня и на повозках перевезена на дистанцию 120 км на северо-восток к Федоровке и дальше. Поэтому она не могла занять указанных ей позиций 19 июня и только к полудню 20 июня занимает колонию Ракенау и указанные ей позиции на реке Кульман.

На горизонте появилась спасающаяся конница Жлобы. Корниловская артиллерия с открытых позиций начала расстреливать бегущих. Но все же, несмотря на сильный артиллерийский и ружейный огонь корниловцев, кавалерия Жлобы с большими потерями прорвала фронт Корниловской дивизии и устремилась на северо-запад. Вторично эти остатки когда-то грозных дивизий товарища Жлобы нарвались у колонии Мунтау на пехоту 13-й пехотной дивизии и бронепоездов, и, не найдя больше сил и воли перейти железную дорогу на север или северо-запад, Жлоба бросился на юго-восток. В районе колоний Ландскроне и ближайшей Вальдгейм 2-я Конная дивизия генерала Морозова настигла и добила бегущих. Сам Жлоба где-то как-то выскочил.

Другая колонна красных из Александеркрона бросилась на север, в район Моргенау, но тут наткнулась на огонь дроздовцев. Бегущая конница красных повернула на восток и была перехвачена и уничтожена 2-й Донской дивизией.

Третья группа конницы Жлобы отступала на Фриденгофер — это, кажется, и была 2-я дивизия имени товарища Блинова — и вышла из этого окружения в порядке, хотя и понесла большие потери.

Конная группа товарища Жлобы была полностью разгромлена. Вся артиллерия конного корпуса, свыше 40 орудий, до 200 пулеметов, 2000 пленных и 3000 коней были захвачены. Полки 2-й Конной и Донской дивизий полностью пополнили свой конный состав.

Генерал Кутепов не мог руководить окружением корпуса Жлобы, так как у него не было достаточно живой силы. Генерал Кутепов, как командир 1-го корпуса, выполнял задачу, возложенную на него генералом Врангелем, Главнокомандующим Русской Армией, который в 0.30 утра 10 июня двумя поездами прибыл в город Мелитополь и на вокзале развернул свою главную квартиру. Генерал Врангель и его штаб руководили и управляли операциями по окружению корпуса Жлобы.

20 июня 1920 года в уничтожении Конного корпуса Жлобы из корпуса генерала Кутепова принимали участие: Дроздовская дивизия и Корниловская дивизия, которая приняла участие в разгроме корпуса Жлобы только 20 июня. Марковская дивизия была на позиции у Каховки. Об Алексеевской дивизии в официальных сообщениях не упоминается, а других данных о ней у меня нет.

*А. Голубинцев*²⁸⁰

РАЗГРОМ КОННОЙ ГРУППЫ ЖЛОБЫ 20 ИЮНЯ 1920 ГОДА²⁸¹

На мрачном фоне Крымского периода борьбы яркой звездой или, вернее, лебединой песней Белого движения явился блестящий по своему размаху и искусству руководства разгром красной конницы Жлобы.

В середине июня 1920 года Белая армия в Северной Таврии занимала следующее положение: Донской корпус генерала Абрамова занимал участок западнее Ногайска — села Романовка, Юрьевка, станции Нельговка и Черниговка. 1-й корпус генерала Кутепова — район: колония Вернесдорф, хутор Куркулак, Эристовка и Васильевка. 2-й корпус генерала Слащева занимал участок левее 1-го корпуса, по левому берегу Днепра до деревни Верхняя Лепетиха. Еще дальше по левому берегу Днепра сосредоточилась группа генерала Барбовича.

Против частей Белой армии, по правому берегу Днепра, была расположена 13-я советская армия товарища Уборевича, усиленная 15-й,

40-й и 42-й стрелковыми дивизиями, двумя отдельными стрелковыми бригадами, 2-й кавалерийской дивизией Блинова и сильной конной группой Жлобы (бывший шахтер) в составе 18 конных полков, хорошо снабженных материально и технически. Общая численность красных достигала 35 000 штыков и 11 000 сабель.

Советское командование поставило себе задачей разбить Белую армию и отнять богатую хлебом Таврию. Для этого командующий 13-й армией товарищ Уборевич решил, ведя демонстративные операции в районе Днепра, главный удар нанести двумя группами: пехотной дивизией товарища Федыко, которой была дана задача, наступая с севера, между железнодорожными линиями Александровск—Мелитополь и Федоровка—Верхний Токмак, нанести удар и разбить 1-й корпус. Одновременно конная группа Жлобы, наступая вдоль большой дороги Черниговка—Мелитополь, долиной реки Молочной, должна была, прорвав части Донского корпуса и разбив их, занять Мелитополь и, выйдя, таким образом, в тыл корпуса Кутепова, отрезать его от Крыма и разбить совместно с наступающей группой товарища Федыко.

14 июня красные крупными силами перешли в наступление. Бои шли с печальным успехом. На участке Донского корпуса красные потерпели поражение, потеряв 1200 пленных и 40 пулеметов. На фронте 1-го корпуса большевики сначала имели успех и овладели деревней Скелевата, но подоспевшими резервами были отброшены. На остальных участках — ряд демонстраций. Следующие дни бои продолжают усиливаться.

16 июня конная группа Жлобы, сосредоточенная в районе Царевоконстантиновка—Пологи, также перешла в наступление в направлении района Верхний Токмак—Черниговка. Опрокинув слабые пешие части Донского корпуса, красная конница прорвалась в тыл корпуса, но здесь была встречена донской конницей, самолетами и отрядом броневиков и, потеряв 8 орудий, откатилась назад. В это же время обозначился успех и у генерала Кутепова: 1-й корпус перешел в контратаку и оттеснил красных, захватив 2000 пленных и 8 пулеметов.

19 июня бои возобновились с новой силой, красные вновь перешли в наступление по всему фронту. Атаки большевиков на деревню Новоспасскую и на других участках были неудачны. В этот день донская конница захватила у красных 3 орудия и пленных, причем большую поддержку донцам оказали летчики, забросав противника бомбами. Попытка красных в этот же день, на Верхне-Токмакском направлении, атаковать у деревни Александровки наши части окончилась для большевиков также неудачно — встреченные донцами, они были отбиты и, потеряв 2 орудия и 6 пулеметов, отошли. Таким образом,

красные, за время шестидневных неудачных боев, понесли большие потери, как материально, так, главным образом, и морально. Белое командование решило использовать благоприятную обстановку и захватить инициативу в свои руки. Оставалось еще ликвидировать сильную и наиболее опасную группу Жлобы.

Конная масса Жлобы, втянутая во время боев в образовавшийся узкий мешок, оказалась окруженной стойкими частями Белой армии. Стесненная пространством, красная конница утратила значительные преимущества и качества конницы: подвижность и поворотливость; оставалось только завязать этот мешок. Благодаря бестолковому управлению и самонадеянности, красная конница, вместо содействия своей армии и нанесения решительного удара противнику, сама попала в ловушку и сделалась заманчивым объектом белого командования.

Всю находившуюся поблизости конницу белое командование направило к выходу из мешка. На линию железной дороги, прилегавшей к месту предполагаемых действий, были выдвинуты четыре бронепоезда; сосредоточены были также броневики и самолеты и усилены пехотные части. Вся перегруппировка была сделана ночью, и еще до рассвета 20 июня белые части перешли в наступление для окружения и окончательной ликвидации красной конницы Жлобы.

Несмотря на огонь наших батарей, бивших прямой наводкой красных на выбор, конница Жлобы вначале проявила достаточно хладнокровия и оказала сильное сопротивление, но затем, видя себя окруженной и избиваемой, сделала ряд отчаянных попыток прорваться всей конной массой. Но все оказалось напрасным, и красные охватила паника. Потеряв организованность и сплоченность, они стали искать спасения в бегстве, что их окончательно добило. Часть группы, во главе со Жлобой, расстреливаемая со всех сторон, бросилась на северо-запад, в район Большого Токмака, но у колонии Мунтау попала под пулеметный огонь нашей пехоты; круто повернув на северо-восток и разбившись на группы, красные пытались прорваться к северу от железной дороги, но, встреченные бронепоездами, бросились вдоль полотна железной дороги в направлении на колонию Ландскроне. Здесь им перерезала путь донская конница генерала Морозова и, вместе с подоспевшими на подводах корниловцами, окончательно их добила. Красные части были уничтожены, частью взяты в плен. Товарищ Жлоба успел выскочить из этой кровавой бойни на своем автомобиле только чудом.

Другая половина красной конницы, находившаяся в хвосте и менее пострадавшая, бросилась от колонии Фриденау на юго-восток, но, встретившись с приближавшейся ей навстречу конницей генерала Калинина (то есть 2-й Донской дивизией), уклонилась от боя и сверну-

ла назад на колонию Моргенау, надеясь, по-видимому, соединиться с оставленной ею головной частью конной группы. Параллельное преследование конницей генерала Калинина и появившимися самолетами, огонь пехоты добровольцев из каждой деревни, неизвестность обстановки и, как результат, паника — заставили и эту часть конной группы искать спасения в бегстве, не думая о сопротивлении. Не доходя до колонии Моргенау, подгоняемые донской конницей, бомбами и пулеметным огнем самолетов, красные бросились врассыпную на восток, и только благодаря запозданию конницы генерала Морозова, еще продолжавшей ликвидацию головной части красной группы, им удалось наконец выскользнуть из кольца на простор. 20 июня конная группа Жлобы прекратила свое существование, потеряв всю артиллерию, обозы, пулеметы, массу пленных и все военное имущество.

Разгром группы Жлобы является редким примером в военной истории окружения и полного уничтожения большой группы конницы.

Продолжавшиеся еще 21 и 22 июня бои носили уже характер частичных боев и продиктованы были скорее чувством взаимной выручки по отношению к погибавшим остаткам группы товарища Жлобы.

Чем объяснить полный разгром и уничтожение сильной и организованной конной группы красных? Несмотря на смелый и, казалось бы, правильно задуманный план и на добросовестное его выполнение, красные потерпели полную неудачу. Причины надо искать: 1) В умелом использовании техники белым командованием; 2) В стойкости и умении быстро маневрировать белых частей, особенно конницы; 3) В правильной и своевременной оценке обстановки и принятии быстрых и смелых решений. Конечно, еще имело большое значение, что во главе красной конницы стоял совершенно негодный для этой роли начальник, с большой самоуверенностью, но с ничтожными знаниями, опытом и способностями. Еще раз повторилась старая историческая истина: история конницы — история ее начальников.

*П. Стефановский*²⁸²

ДЕЙСТВИЯ АВИАЦИИ РУССКОЙ АРМИИ ПРИ РАЗГРОМЕ КОРПУСА ЖЛОБЫ В 1920 ГОДУ²⁸³

Разгром сводного корпуса Жлобы 18—19 и 20 июня 1920 года (по ст. ст.), блестяще проведенный благодаря умелым распоряжениям генерала Врангеля, который был своевременно осведомлен воздушной разведкой, производимой 4-м и 8-м отрядами.

Начиная с 13 июня летчики этих отрядов постоянно вели наблюдение за движением крупных красных частей, как конных, так и пехотных. Движение их было на запад от линии Волноваха—Мариуполь. Это и оказались части корпуса Жлобы, которому была поставлена задача: прорвать фронт белых войск, внезапным ударом захватить Мелитополь и выйти в тыл частям генерала Врангеля. Белые части к тому времени, после мощного удара 12 мая по красным, вырвались в Северную Таврию и, преследуя противника, заняли кольцевую линию: Каховка—Знаменка—Федоровка—Мелитополь.

Столкновения с красными начались 17-го, но наша авиация продолжала бомбить и обстреливать пулеметным огнем колонны красных, пользуясь самостоятельно летающими самолетами. Так же прошли и 2 следующих дня. Но на 20 июня генерал Ткачев, притянув к Аскания-Нова и Чаплинке еще три отряда, отдал приказ пяти отрядам с рассветом атаковать колонны красных, идя группами по 4—5 самолетов, имея бомбардировщиков в первой линии, за ними группа истребителей на бреющем полете, опять бомбардировщики и т. д. Один из самолетов-бомбардировщиков вел сам генерал Ткачев.

Картину паники, которую видели с самолетов, трудно было себе представить, находясь на земле, но сверху она была хорошо видна. Конница красных была совершенно разметана и неслась в разные стороны, попадая под наш ружейный, пулеметный, танковый и артиллерийский огонь. Красное командование удирало, бросая свои части на убой. Белые войска брали в плен тысячи и тысячи красноармейцев, громадное число лошадей, оружия и обозы. Все части Белой армии, принимавшие участие в этих боях, вынесли с честью все тягости боев и заслужили награды и «спасибо» от генерала Врангеля.

Интересно привести сообщения красных командиров о поражении своей 13-й армии (выписка из книги генерала И.К. Спатареля «Против Черного Барона»): «Белая авиация нас душит и забивает. У Врангеля здесь 1-й, 3-й, 4-й, 5-й и 8-й отряды, они засыпали наших кавалеристов осколочными бомбами, с бреющих полетов расстреливали их пулеметным огнем и внесли расстройство в наши ряды. Генерал Ткачев посылал весьма успешно эскадрилью за эскадрилей на бреющих полетах, чем наводил большую панику на лошадей. Вторая конная дивизия товарища Блинова при отступлении смяла сзади идущие части, и порыв конницы угас. Наступление нашей армии было сорвано. Мы не располагали авиацией, которую могли бы противопоставить белым». Так сами красные описывают поражение — и, надо добавить, «вторичное» — своей 13-й армии, укомплектованной главным образом латышами.

СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ ОФИЦЕРСКИЙ ПОЛК В КРЫМУ²⁸⁵

На другой день, 18 марта, по прибытии полка в лагерь Стржалково была для всех баня и переход на жительство в бараки, причем офицеры были помещены в 3-м отделе, а солдаты отдельно в 1-м отделе и во французских бараках. Лагерь был более или менее благоустроен — бараки были деревянные и вмещавшие до 100 человек; в солдатском отделении, однако, были и бараки наподобие землянок. Началась монотонная лагерная жизнь с полнейшим отсутствием каких-либо сведений о Добровольческой армии. День Святой Пасхи (5 апреля 1920 года) прошел по-будничному.

В двадцатых числах апреля украинцы-офицеры, состоявшие в наших частях, начали вести агитацию за регистрацию и выделение из состава частей всех украинцев в особый отдел. Поляки этому не противились и даже, по-видимому, поощряли. Вообще, они всеми силами старались разделить полки на враждебные лагеря. Нужно сказать, что в это время поляки вели удачное наступление на Украине; в связи с победами над большевиками отношение поляков к нам изменилось к худшему, а к украинцам поляки стали более внимательными. В нашем полку, между прочим, произошел в это время следующий инцидент, характеризующий обнаглевших украинцев. Офицеры-украинцы, большинство которых прежде служили у Петлюры и в Добровольческую армию попали только после разгрома Петлюры в конце 1919 года, предполагая выделяться из полка, стали требовать от командира полка раздела полковых сумм. Командир полка, конечно, категорически отказал им в этом, и они жаловались польскому коменданту, но из этого ничего не вышло.

27 апреля приезжал в лагерь для инспекции командующий армией генерал Бредов. Приезд его ожидался всеми с большим нетерпением, так как думали, что с его приездом решится наша судьба: поедем ли в Крым и скоро ли. Однако все были неприятно поражены, когда генерал Бредов отвечал очень уклончиво и неопределенно — что скоро, мол, поедем.

3 мая последовало распоряжение о выделении украинцев, офицеров и солдат, в другие бараки, отделенные от наших проволокой. Поляки вообще как бы поощряли распыление армии и начали производить регистрацию иностранных подданных на предмет репатриации. Иностранных подданных, по крайней мере в нашем полку, насколько мне было известно, не было, но многие из наших офицеров начали

записываться иностранцами, хотя ничего общего с иностранцами никогда не имели — с немецкими фамилиями называли себя немцами, с немного подобными французским — французами и т. п. Запись эта была до известной степени популярна между офицерами, так как это был в то время единственный способ вырваться из лагеря в Варшаву и оттуда с документами нашего военного представительства в Крым. К этому времени уже уехали назвавшиеся французами (например, уехал, как происходящий из Лотарингии, поручик Овчинников).

Производимые регистрации вносили кое-какое разнообразие в лагерную жизнь, но, в сущности, жизнь была монотонной и скучной. Постепенно, однако, жизнь начала пробуждаться, и начали устраивать развлечения: открылся любительский театр, для чего поляками был предоставлен особый барак; одним чиновником — профессором Харьковского университета — была устроена читальня с газетами, по воскресеньям в кинематографе показывались поляками картины. В лагере усилиями священника 13-го пехотного Белозерского полка при участии офицеров была устроена церковь и организован любительский хор. Настроение, однако, в лагере падало. С каждым днем в полках становилось людей все меньше и меньше: все старались тем или иным способом вырваться из лагеря в Крым. Особенно же эта тяга началась после приезда генерала Бредова и его неопределенного ответа. Но все же надежда, что скоро части наши будут переброшены в Крым, не покидала большинства, и все с нетерпением ждали этого момента. Генерал Бредов, обеспокоенный отъездом одиночных людей из лагерей, в письмах к начальнику нашего лагеря генералу Оссовскому²⁸⁶ неоднократно просил его принять меры к задержанию офицеров и указывал на то, что нам необходимо прибыть в Крым армией, а не кучкой. В одном из писем он между прочим писал, что если к 20 июля не тронется ни один эшелон, то он тогда укажет, что кому делать. После каждого письма надежда опять возрастала, но с течением времени, не имея опять никаких известий, сомнения брали верх.

Наконец, 16 июня был получен в лагере приказ по армии от 10 июня, объявлявший об отъезде нашей армии в Крым. Этим приказом, согласно распоряжению генерала Врангеля, все чины армии должны быть разделены на 4 категории: 1) боеспособные, 2) небоеспособные, 3) не желающие ехать в Крым и 4) семейные. В полках было приказано немедленно учредить полковые аттестационные комиссии для решения вопроса о боеспособности или небоеспособности чинов полка, причем должно было приниматься во внимание не только состояние здоровья аттестуемого, но и умственные и моральные его качества. Неаттестованные должны были временно остаться в Польше до окончания перегово-

ров о их приеме в другие славянские страны. Эта категория должна была пользоваться преимущественными правами на помощь со стороны наших представителей. Третья категория, то есть не желающие ехать в Крым, получают документы и никакой помощью со стороны русских дипломатических представителей не имеют права пользоваться. Четвертая категория, то есть семейные, остаются временно в Польше впредь до разрешения вопроса о переезде их в славянские страны, причем их содержание там будет за счет русской казны. В приказе было также указано начало июля как приблизительное время нашего отъезда из лагерей.

Одновременно с получением вышеуказанного приказа в лагере, с согласия поляков, представителями генерала Глазенапа²⁸⁷ началась вестись запись желающих в формируемую на территории Польши армию генерала Глазенапа. При записи заявлялось, что это формирование производится с согласия генерала Врангеля, в действительности же такового пока еще не было. Ввиду такого заявления, запись проходила довольно успешно, и из нашего полка ушло 15 офицеров. Генерал Оссовский донес генералу Бредову о производимой записи, и в ответ последовал приказ не задерживать желающих записываться и исключать их из списков частей.

22 июня последовал другой приказ по армии, которым устанавливался подробно состав эшелонов, порядок и маршрут переезда армии из Польши через Румынию в Крым. Согласно этому приказу первый эшелон из лагеря Пикулицы (у Перемышля) должен был тронуться в путь 5 июля. Наш полк был назначен к отправлению с четвертым эшелоном или вторым из лагеря Стржалково на 11 июля. Маршрут был назначен следующий: Стржалково—Вжешня—Остров—Скальмержице—Лодзь—Колюшки—Граница—Краков—Перемышль—Хыров—Стрый—Станиславов—Снятинь, затем по румынской территории Черновицы—Пашканы—Аджуд—Галац—Рени, где должна была состояться посадка на наши транспорты. В состав нашего эшелона на станцию Перемышль должен быть принят 3-й Конный полк из лагеря Пикулицы. На время переезда по Польше (рассчитано было на 5 дней) эшелоны должны быть удовлетворены довольствием из лагерей отправления, кроме того, на станциях Скальмержице, Перемышль, Стрый и Станиславов должны получить горячую пищу. В Румынии на первой станции от станции Черновицы румыны обязались выдать из своего интендантства за наличный расчет консервы и хлеб на два дня пути по Румынии. На транспорте довольствие свое.

Приказ о переезде встречен был всеми с радостью. Многие украинцы, ушедшие из частей, услышав о приказе, стали просить о при-

еме их обратно в части, но офицеры, настроенные против них враждебно, отказались их принять.

Нужно отметить, что к этому же времени отношение поляков к нашей армии несколько улучшилось; это, по-видимому, объяснялось их поражениями на фронте в конце июня. Всеми силами поляки старались угодить нам и скорее отправить армию в Крым на помощь генералу Врангелю. Много раз нам приходилось в разговорах с поляками слышать: «Поезжайте скорее в Крым, бейте большевиков с юга, а мы отсюда». До сих пор поляки отказывали армии в перевозке, указывая на недостаток подвижного состава, теперь же, несмотря на свои неудачи на фронте, несмотря на приближение фронта, обязались к 1 июля произвести перегруппировку в лагерях, сосредоточив все части каждой дивизии в одном лагере, и начать перевозку в Крым точно в срок, то есть 5 июля, отправляя эшелон по 1000 человек через день.

Дело о переезде частей особенно подвинулось вперед после поездки генерала Штейфона²⁸⁸, начальника штаба нашей армии, к генералу Врангелю. Действительно, 5 июля из лагеря Пикулицы тронулся первый эшелон. 6 июля начальник лагеря генерал Оссовский получил от генерала Бредова телеграмму, подтверждавшую движение первого эшелона. Одновременно же был получен приказ генерала Врангеля, разрешавший семьям ехать в Крым, но с условием, что в случае эвакуации правительство снимает с себя всякую ответственность. Все семейные, конечно, согласились ехать и на этих условиях. Второй эшелон из Пикулиц отправился 7 июля, но, дойдя до пограничной с Румынией станции Снятынъ, был вместе с первым эшелонам возвращен назад на станцию Станиславов, где должны были простоять около недели. Оказалось, что транспорт для первого эшелона еще не прибыл в Рени (Румыния), и потому Румыния до прихода транспорта отказалась принимать эшелоны на свою территорию. Отправка следующих эшелонов была, таким образом, задержана: третьего эшелона на 19 июля и нашего (четвертого) на 21 июля.

Генерал Штейфон, ездивший в Крым по поручению генерала Бредова, привез из Крыма письма от родных и газеты, и, таким образом, как бы установилась некоторая связь с Крымом: мы узнали приблизительно, что там происходило в наше отсутствие. Письма и газеты были в большинстве от конца мая и начала июня, и из них мы узнали о первом наступлении генерала Врангеля, о прорыве Перекопских позиций и т. д. Наконец, к этому же времени в польскую и русскую прессу в Польше стали проникать некоторые сведения о жизни в Крыму, причем характерно, что во время удачного наступления польской армии писалось о нашей армии только плохое, когда же польскую

армию постигла неудача, то наоборот — генерала Врангеля и его армию стали восхвалять на все лады. Между прочим, в русской газете «Варшавское Слово» в конце июня мы прочли сообщение о восстании капитана Н. Орлова, освещавшее дело совершенно иначе, чем было на самом деле. Там это восстание было названо «обер-офицерской революцией», якобы это была борьба рядового фронтового офицерства с высшим командным составом, творившим бесчинства в тылу армии, причем якобы капитаном Орловым в Бахчисарае было повешено несколько интендантов и т. п. В начале июля в польских газетах появилось сообщение о разгроме армией генерала Врангеля конной группы Жлобы в Северной Таврии. Поступавшие сведения о жизни нашей армии в Крыму все больше и больше увеличивали желание поскорее ехать в Крым, где, казалось, особенно в этот момент нужна была наша помощь.

Наконец, 19 июля наши желания начали сбываться, и первый эшелон из лагеря Стржалково в составе Белозерского полка и 4-й стрелковой артиллерийской бригады действительно тронулся в путь. Погрузка нашего эшелона была назначена на 21 июля. С раннего утра все в полку волновались, готовились в путь. В 10 часов отправились на станцию, и к 14 часам погрузка была закончена.

Итак, четыре месяца сидения «за другом» кончились. Кончились четыре месяца бесконечного издевательства над русским именем, русским офицером и солдатом. Каждый поляк, от офицера до последнего солдата, старались на каждом шагу подчеркнуть, что он сейчас «пан», что он сейчас хозяин положения и он может делать с нами все, что ему угодно. Особенно нужно отметить, как это ни странно, такое отношение со стороны польских офицеров, служивших ранее в Русской армии. Полковник Кевнарский, комендант лагеря Стржалково, служивший в Русской армии в 80-м пехотном Кабардинском полку, кадровый офицер, и поручик Горчаковский, комендант офицерского отдела в лагере, бывший офицер 75-го пехотного Севастопольского полка, были типичными представителями такого офицерства. При всяком удобном случае они старались показать свое превосходство, свою силу, в особенности по отношению к нашим офицерам. В отношениях с солдатами они были более деликатны, даже больше заискивали перед ними, особенно при успехах большевиков на фронте. Польское население относилось к нам различно: 1) чистые поляки относились к нам вначале в большинстве подозрительно, так как они не знали, что мы собой представляем. Сведения о Добровольческой армии к ним не проникали, и они нас считали за большевиков. Позже, когда они ближе с нами познакомились, когда узнали, что мы также боролись с

большевиками, отношения изменились к лучшему; 2) евреи смотрели на нас только с коммерческой точки зрения; 3) немцы-колонисты относились очень доброжелательно и не раз оказывали помощь нашим офицерам и солдатам.

В 18 часов 21 июля наш эшелон отошел со станции Стржалково и следовал вплоть до 4 часов 26 июля по польской территории по указанному маршруту. Отношение польских властей было во время переезда очень предупредительное, горячая пища была всегда приготовлена в назначенных местах, и эшелон двигался беспрепятственно и без каких-либо инцидентов. По дороге на станцию Перемышль был принят в наш эшелон 3-й конный полк, стоявший в лагере Пикулицы. На станции Станиславов мы задержались на несколько часов, выходили в город, где стояло в это время много украинских частей и их главная квартира. Беседовали с украинскими офицерами, и многие из них просились ехать с нами в Крым. В 12 часов 26-го тронулись со станции Снятын в Румынию, границу переехали в 14 часов и около 17 часов прибыли на станцию Черновицы. Переезд по Румынии прошел в порядке, и в 16 часов 28 июля эшелон прибыл на станцию Рени, где полк немедленно выгрузился и отправился на пристань для посадки на транспорт «Корнилов». Ночь провели мы уже на нашей территории — на своем русском транспорте.

В 12 часов 29 июля транспорт отошел по Дунаю и Сулинскому каналу в город Сулин, куда прибыл вечером около 18 часов и остановился на рейде. Дул сильный ветер, капитан транспорта отказался выходить в открытое море, и мы остались ночевать в Сулине. На другой день утром опять капитан отказался выходить в море, выставляя причины: 1) сильная теснота на транспорте — около 2500 человек — и потому сильная духота в трюмах и 2) отсутствие достаточного балласта, вследствие чего, мол, транспорт не мог погрузиться на достаточную глубину. Он заявил, что не выйдет в море, пока не придет другой транспорт и не возьмет половину людей или пока не сгрузят половину людей на берег, а с другой половиной он отправится в путь. Румыны не согласились выпустить людей на берег в Сулине и впредь до распоряжений отвели транспорт на 3 версты вверх по каналу на пустынный песчаный берег. Здесь все люди были выпущены на берег, люди выкупались, транспорт был вымыт, и заночевали — кто на берегу, кто на транспорте. Ночь была ужасная — комаров тьма, и все люди были укушены. Эта ночь принесла результаты впоследствии — масса людей позже заболела дунайской малярией.

В 16 часов 31 июля назначено было отплытие транспорта, но с условием, что все люди, за исключением только 300 человек, должны

находиться в трюмах и выходить оттуда только в самом крайнем случае. Кроме того, было объявлено, что транспорт ввиду большой тесноты идет в Севастополь. Не верилось как-то, что, наконец, едем к себе на родину, никакие тяжелые условия переезда никого не смущали, и все только желали, чтобы поскорее везли. В 20 часов транспорт вышел в открытое море. Погода прекрасная, ветер прекратился, и ночь в море прошла спокойно. Ночью по дороге транспорт получил распоряжение идти вместо Севастополя в Феодосию.

1 августа в 8 часов наконец показались берега Крыма — Херсонесский мыс. В течение всего дня мы плыли вдоль Южного берега Крыма, перед нами проходила живописная панорама Южного берега. В 22 часа мы прибыли на рейд в Феодосии, и тут первое, что нас поразило, это распоряжение командира порта, запрещающее транспорту пристать к молу, ссылаясь на отсутствие места. Это запрещение последовало после заявления капитана транспорта о тесноте. В результате капитан самовольно пристал к молу, но это не помогло — выгружаться не разрешали.

Ночью, однако, около 2 часов было разрешено сойти на берег, но не далее мола. Большинство выгрузилось и расположилось на ночлег на молу под открытым небом на мостовой. Утром в 10 часов был назначен парад, который принимал генерал Ставицкий, начальник гарнизона города Феодосии. Парад прошел хорошо. Весь день выгружали имущество и для ночлега расположились в пакгаузах здесь же на молу. Теснота была опять страшная, не меньше, чем была на транспорте, так что большинство опять вышло спать на мостовую. В город выходить было запрещено, весь мол был обнесен колючей проволокой, а у ворот стояли часовые.

К 2 августа, когда полк прибыл в Крым, в полку состояло: офицеров — 196, чиновников — 22, врачей — 1, священник — 1 и солдат — 206, всего 426 человек (из этого числа в 1-м батальоне — 161, во 2-м батальоне — 120 и в командах (нестроевой, пулеметной, связи, комендантской и штабе полка) — 145).

3 августа полк перешел с мола в город, где расположился по квартирам в амбарах. В нашем полку было много уроженцев Крыма, которые в течение долгого времени не видели своих родных, а потому командир полка подал рапорт начальнику гарнизона с просьбой о разрешении уроженцам Крыма кратковременного отпуска для свидания с родными. Начальник гарнизона генерал Ставицкий²⁸⁹ отнесся очень сочувственно к просьбе командира полка и ходатайствовал об этом в штабе Главнокомандующего. 10 августа от дежурного генерала штаба Главнокомандующего была получена телеграмма, разрешавшая отпущк

чинам полка на срок не более семи дней. В тот же день в разные города Крыма выехало в отпуск 88 офицеров, 7 чиновников, 38 солдат и священник, всего 134 человека.

Уже в Польше ходили слухи, что по приезде наших частей в Крым все они будут расформированы и влиты в иные части. И теперь вопрос о дальнейшем существовании полка, волновавший офицеров еще в Польше, стал особенно острым, так как слухи оправдывались и расформирование полка было только вопросом короткого времени. В какую часть будет влит наш личный состав — было неизвестно, а потому большинство офицеров начало просить о переводе их в другие части; многие, уехавшие в отпуск, не собирались возвращаться. 9 августа мы получили первое распоряжение о выделении наших офицеров в другую часть — это был приказ генерала Горбова о выделении 20 офицеров на укомплектование формируемой Гренадерской дивизии, которая в скором времени должна была идти в десант на Кубань. В то же самое время и к нам 10 августа прибыли 19 офицеров, переведенных из 4-й стрелковой артиллерийской бригады как пехотинцы. Все эти офицеры были пулеметчики. На 12 августа была назначена отправка полка на фронт в распоряжение командира 2-го армейского корпуса.

В 10 часов 12 августа полк с места квартирования выступил на станцию для погрузки. В 14 часов все отправляющиеся части были построены на молу, и к ним вышел попрощаться генерал Бредов. Генерал обратился к войскам с речью, в которой особенно подчеркнул боевую работу полка в дни отступления в Польшу. В 16 часов поезд отошел, и на другой день в 16 часов полк прибыл на станцию Юшунь, где выгрузился из вагонов и заночевал в деревне. Полк прибыл в составе: штаб-офицеров — 6, обер-офицеров — 98, чиновников — 13 и солдат — 143, всего 260 человек, то есть на 166 человек меньше, чем прибыло из Польши.

14 августа полк походным порядком перешел в Армянский Базар, откуда, переночевав, через деревню Спендиаровку перешел в село Чаплынка, куда прибыл в 21 час и расположился по квартирам. Командир полка по прибытии в Чаплынку немедленно явился в штаб 2-го армейского корпуса, но добиться чего-либо определенного о назначении полка ему не удалось.

Весь день 16 августа полк простоял в селе Чаплынка в ожидании распоряжений. Командир полка ездил к начальнику 13-й пехотной дивизии генералу Ангуладзе, который, вспоминая прошлую боевую работу полка, обещал оставить его в целостности отдельно, если не будет особых распоряжений из штаба корпуса. Командир полка просил так-

же, в случае влития полка в 13-ю пехотную дивизию, назначить наш полк в состав 49-го пехотного Брестского полка, где уже несколько месяцев симферопольцы составляли 3-й батальон. Здесь нужно сказать, что офицеры нашего полка, по разным причинам очутившиеся в Крыму после отступления полка в Польшу, вследствие невозможности присоединения к полку, были объединены в Крыму полковником Стольниковым²⁹⁰ и в марте 1920 года были влиты в состав 49-го пехотного Брестского полка как 3-й батальон. Генерал Ангуладзе обещал исполнить просьбу командира полка и немедленно распорядился о выдаче для нас 200 винтовок, первая партия которых прибыла вечером. Ночью полк был вооружен, и на рассвете 17-го был получен приказ по корпусу о назначении нашего полка в корпусный резерв, для чего полку передвинуться на северо-западную окраину села Чаплынка, подчинив себе остатки 52-го пехотного Виленского полка. Полковник Решетинский, временно командовавший полком, мало действовавший с полком в боевой обстановке, просил генерала Ангуладзе подчинить себя командиру Виленского полка, на что начальник дивизии ответил отказом. Весь день полк простоял спокойно в резерве.

Ночью на 18 августа был получен приказ по корпусу: ввиду появления частей противника в деревне Аскания-Нова и угрозы его нашему тылу, полку с двумя легкими танками и двумя орудиями ликвидировать противника. Выступление было назначено на 4 часа. Полковник Решетинский, получив этот приказ, по телефону просил дать ему разъяснение и одновременно послал в штаб корпуса дежурному офицеру записку с просьбой доложить начальнику штаба о том, что он вовремя выступить не может и просит отстранить его от командования полком, так как ему вообще никогда не приходилось действовать ночью да и, кроме того, почти весь командный состав в отпуску. Полковник Коваленко, помощник командира полка, и полковник Гротто-Слепиковский, командир 2-го батальона, настаивали на выполнении задачи, но полковник Решетинский упорно отказывался. В ответ на записку командира полка в штаб полка прибыл начальник штаба корпуса полковник Бредов²⁹¹, который обратился к полковнику Решетинскому за разъяснениями по поводу записки и, вследствие упорства командира полка, приказал полковнику Гротто-Слепиковскому, как старшему, принять полк и выполнить задачу. В 6 часов полк выступил по назначению, но, не дойдя до Аскания-Нова и выяснив, что противника там нет, полк в 20 часов возвратился в село Чаплынка и расположился на старом месте. По прибытии полка был получен приказ о назначении полка без виленцев в распоряжение начальника 13-й пехотной дивизии на Марьяновские хутора.

В 7 часов 19 августа полк выступил в штаб 13-й пехотной дивизии на хутора Марьяновские, где стал в дивизионном резерве. Ночью полк перешел в село Черненька, где простоял целый день 20-го. Ночью, оставаясь в дивизионном резерве, полк перешел на хутора Сергиевские, откуда в 12 часов полку было приказано наступать на хутор Мартынова. Хутор был занят полком без потерь, красные отошли. На следующий день, 22-го, полк перешел опять на хутора Сергиевские в резерв.

23 августа было последним днем существования полка как самостоятельной части. На рассвете полк, оставаясь в дивизионном резерве, перешел по пескам в колонию Ключевую, причем красные обстреливали расположение полка ружейным и артиллерийским огнем. Здесь была получена телефонограмма начальника штаба 13-й пехотной дивизии о расформировании с 23 августа Симферопольского офицерского полка и о влитии всего его личного состава в 49-й пехотный Брестский полк. На другой день полк перешел через колонию Британы в село Черненька на соединение с 49-м пехотным Брестским полком. Одновременно было получено распоряжение выделить на пополнение офицерского кадра 52-го пехотного Виленского полка 50 офицеров, что и было выполнено в тот же день. Личный состав нашего полка составил 2-й и 3-й батальоны и офицерскую роту Брестского полка, причем батальоны 3-ротного состава.

*А. Самойленко*²⁹²

БОЙ 1-Й КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА БАРБОВИЧА У МАЛОЙ ТОКМАЧКИ²⁹³

(в начале августа 1920 года)

Добрые 2 месяца пробыла наша дивизия в столь непривычной для нее обстановке Каховского укрепленного района, где коннице решительно нечего было делать: этот вездесущий песок, да и вражеский (правый) доминирующий берег Днепра вынуждали нас привыкать к столь необычным нам ходам сообщения и «маскированным» позициям, так как наш (левый) берег был значительно ниже. Наконец пришло радостное известие о переброске 1-й кавалерийской дивизии в северо-восточную часть Таврии. Но это произошло не сразу.

Дней 8 мы «стояли» в Серогозах. Редко части дивизии были столь заняты, как на этой «стоянке»: с утра до ночи — учения, маневры. Командиры всех степеней съезжали — полки, эскадроны, дивизионы,

батареи... Только одна дневка за 8 дней, да и то «дневка весьма относительная»: большей частью выводка коней, ковка и т. д.

А затем начался длинный поход в восточном направлении вверх по течению Днепра, параллельно этой красавице реке, приблизительно в 10 или 15 верстах, в зависимости от расстояния дорог, параллельных Днепру. Сразу, по мере походного движения, переменился характер местности: каховские зной и духота сменились приятной прохладной дорогой, усеянной не только зеленью кустов и высокими тенистыми деревьями, но и приятным прохладным ветром вдоль красавца Днепра. Да и вся окрестность представляла ландшафт полный зелени, где люди и кони дышали легче. Замелькали Серогозы, Рогачик, Малый и Большой Токмак; целое ожерелье крепких немецких колоний, каждая из которых походила на типичную западноевропейскую ферму (как мы узнаем, увы, позже). Наконец огромное полусело-полугород Жеребец. Сплошного, да и вообще какого-либо фронта здесь не было, были лишь огромные степные пространства, лишь частично «наблюдаемые» кавалерией. За четыре дня мы прошли 250 верст, плюс 5-й день — дневка посередине. Поход наш не был утомителен, так как большей частью он совершался переменным аллюром, конечно, с довольно строгими мерами охранения. В авангарде неизменно разведывательный эскадрон со взводом конной артиллерии по большей части (2 конных орудия); в сторону Днепра эскадрон бокового охранения, но без конных орудий, очевидно, в расчете на немедленное вступление в бой 30 конных орудий колонны главных сил. А также не менее эскадрона (третьего по счету) несло постоянную службу офицерских разъездов. Маршрут был всегда разведан и освещен. Разведывательные эскадроны и офицерские разъезды (по донесениям) противника нигде не встречали, путь свободен, но... имеются следы недавнего пребывания конницы противника. Из расспросов населения, по числу занятых дворов во время стоянок, а также по количеству взятого фуража донесения не одинаково определяли приблизительные силы конницы противника — от бригады до конного корпуса, которые ушли «куда-то на север»... Так мы благополучно дошли до села Малая Токмачка, где начальник дивизии решил дать относительный «отдых» дивизии до получения новых распоряжений. Принимая во внимание летнее время, 50—60 дворов этого села было достаточно для дивизии. Село было расположено на северном берегу речки, по-видимому одинакового с селом наименования, и было вытянуто с северо-запада на юго-восток. Южный берег речки был в зарослях, большей частью заболочен и был истинной западнёй, даже не требовавшей мер охранения.

От села к северу шел недлинный (150—200 метров) подъем, довольно медленный (от 15 до 20 градусов), переходя в широкое горизонтальное плато яровых культур с недавней свежей пашней, при полном отсутствии каких-либо дорог, идущих с севера (то есть со стороны противника) к Малой Токмачке. Единственная дорога с вражеской стороны шла к селу вдоль течения речки с северо-западной стороны, подходя и вливаясь в северо-западную оконечность села, с северо-западной высотой, поросшей рощами и кустами, на этой высоте находился дежурный эскадрон, задачей которого было наблюдение с высоты и служба офицерских разъездов вовремя обнаружить приближение противника.

Переночевали спокойно в Малой Токмачке, куда мы пришли накануне поздним вечером. Штаб дивизии получил донесение от дежурного эскадрона о том, что ни один разъезд не встретил противника, однако командир эскадрона «чувствует» к северу от нас конного противника, которого пока встретить не удастся. Под предлогом огневой разведки генерал Барбович предложил полковнику Котляревскому²⁹⁴ послать офицера с разведчиками для уточнения недостающих элементов разведки. Но так как наша 2-я конная батарея временно подчинялась полковнику Котляревскому (временно командующий дивизионом), то дивизионер передал поручение командиру 2-й конной батареи, а мой командир, конечно, вызвал меня, и приказание должен был выполнять автор этих строк. Моя команда связи представляла собой хороший 2-взводный полуэскадрон (во взводах по 18 рядов и по 3 унтер-офицера). Я взял с собой один взвод (с 3 унтер-офицерами) и вахмистра команды связи. Когда вахмистр вытянул колонну по три, я пожалел, что нельзя было разрешить песни, невольно залюбовавшись взводом и безукоризненной уборкой лошадей. Явился на высоту, где находился командир дежурного эскадрона (1-го конного генерала Алексева полка²⁹⁵), и который мне подтвердил свое «впечатление», которое он вынес из деталей донесений разъездов, признавшись, что определенных фактов у него нет. Немедленно с помощью длинной лестницы взобрался на дерево (забыл спросить и так никогда и не узнал, откуда мои люди ее взяли при полном отсутствии какого-либо жилья вокруг). С дерева увидеть ничего было нельзя, так как росшие далеко вокруг камыши легко скрывали всадника с конем.

Не настаивая на этой попытке, я разделил взвод на три разъезда: один вахмистерский и два унтер-офицерских. Собрав начальников разъездов, я на карте возможно точнее определил для каждого из них три полосы их разведки глубиной в 10 верст на север, приказав уделить максимум внимания к признакам присутствия конницы против-

ника. Всем указал: «Я нахожусь при штабе дежурного эскадрона и жду донесений». Следующие два с половиной часа я пробыл с командиром дежурного эскадрона, который все время получал донесения офицерских разъездов, в которых буквально не было ничего, позволявшего серьезный вывод.

Через два с половиной часа вернулся мой вахмистерский разъезд, задачей которого было следовать по дороге параллельно речке на северо-запад, высылая дозоры для обследования берега речки (то есть левый разъезд). И именно эти «береговые» дозоры открыли вдоль берега сначала некоторое количество следов копыт; доложили об этом вахмистру, который рассыпал всадников в лаву, приказав вызывать его для определения характера и подсчитывания следов лошадиных копыт. Результатом этой добросовестной разведки было донесение вахмистра о том, что в 9 с половиной верстах к северу от дежурного эскадрона воинская строевая часть силой около кавалерийского полка водила коней к речке на водопой. Этот полк был явно не наш. То же, что это были не низкорослые крестьянские лошадки, а строевые кавалерийские кони, определялось номерами подков, да и количество следов копыт указывало на конный полк, а не на несколько повозок. В своей тетрадке, которая служила моему вахмистру полевой книжкой, он перерисовал несколько свежих следов подков: это была блестящая добросовестная работа, которая не представляла никакой возможности ошибки — все базировалось на фактах и на логике. Пока я изучал рисунки форм и размеров подков, подошли мои остальные унтер-офицерские разъезды, не встретившие противника и ничего не заметившие в своих полосах разведки. Донесение моего вахмистра было настолько грамотно и логично составлено, что я не колеблясь его тоже подписал и, приложив рисунки подков, немедленно все отправил генералу Барбовичу. Все мои всадники были налицо. Я распрощался с командиром дежурного эскадрона.

Вахмистр снова вытянул колонну по три. Задача была выполнена. Тужить было нечего. Люди были так довольны, что мне не хотелось их огорчать: они это заслужили, хотя это и не полагалось. «Вахмистр, когда проедете сто шагов, песенники вперед». На всю разведку (с момента выезда) ушло три с половиной часа. Люди были довольны, исполнив свою задачу, которая была далеко не легкой. Это чувствовалось по их виду, по веселому настроению, наконец, по удали заливчатских песен, за исполнение которых я, к моему удивлению, не получил ни одного замечания от встреченных по дороге многочисленных старших офицеров полков и батарей конницы: они словно чувствовали удачу. Как раз мы подходили к батарее, и с веранды нашего

собрания долетел голос старшего офицера: «Это возвращается Самойленко, очевидно, с удачей, так как идет с песнями». Перед батареей я остановил моих людей, выстроил фронт, выравнял; поблагодарил за молодецкую службу и отпустил отдыхать (как всегда, конечно, после заботы о лошадях).

Сам же представился начальнику дивизии, на случай если он захочет задать какие-либо вопросы. Но генерал Барбович ограничился благодарностью. Правда, он мне сказал, что его особенно интересует, в каком месте полк, следы которого открыл мой вахмистр, присоединился к главным силам конницы противника; что выяснить это не так трудно, но подобная разведка потребовала бы столь значительные силы, что у него от одной кавалерийской дивизии не много бы осталось.

В батарее я доложил обо всем старшему офицеру, обладавшему особенно спортивно-азартной натурой. Я знал и разделял его стремление всегда стараться быть впереди в смысле готовности в соревновании с полками и батареями дивизии. Я ему поведал о моем глубоком убеждении, что тревоги нам осталось ждать совсем недолго; что сборный пункт у нас лишь один — на северной окраине Малой Токмачки. Есть легкий и безошибочный способ быть раньше всех на сборном пункте: вытянуть вдоль плетней по улице на север заамуниченную, запряженную и оседланную батарею (конечно, отпустив подруги и вынув железо). Кормить коней — в торбах; поить вручную — ведрами. Возле запряжек — дневальные. Старший офицер одобрил мое предложение, для чего был вызван вахмистр. Старший офицер сказал мне вслед, что в отношении команды связи и связи вообще он рассчитывает на меня. В связи я вызвал вахмистра полуэскадрона и приказал седлать (отпустив подруги и вынув железо). Затем вызвал Коновалова (чудный, надежный разведчик — учебной команды Артиллерийской школы), приказал ему отправиться в штаб дивизии, никому не являясь: «И — карьером на батарею, как только в штабе дивизии начнут седлать».

Как раз «англичане» (вестовые Офицерского собрания — единственные в новом английском обмундировании) доложили, что обед готов и господ ждут в собрании. Не садясь мы ждали прибытия командира... И как раз в это мгновение, когда мы все с удовольствием предвкушали очень аппетитно выглядывшую окрошку... я услышал темп карьера приближающегося одиночного всадника, по-видимому, моего Коновалова. Через полминуты я уже был в полной боевой, выскочил на улицу. Это был он. И только в этот момент штаб-трубач в штабе дивизии заиграл «тревогу». Батарея была вполне готова: вахмистр команды связи рысью подводил к батарее свой полуэскадрон; номера

сыпались как горох из своих помещений, чтобы подтянуть подпруги и замундштучить коней...

Ехать «на ординарцы» к начальнику дивизии была моя очередь. Поторопившись, я предшествовал батарее и увидел сразу, что мы безусловно окажемся впереди всех. Полки лишь начинали выводить коней, да и драгуны, уланы и гусары были без оружия. В это время, точно в подтверждение сигнала «тревоги», заговорили на северо-западной высоте пулеметы заставы дежурного эскадрона. Штаб дивизии уже покинул свои квартиры, и я присоединился к нему в движении, но еще внутри селения. Выскакивая из села, мы увидели вне его только одну конную часть, шедшую карьером, — впереди нее развевался значок 2-й конной батареи. Затем показался Сводно-гвардейский кавалерийский полк, занявший левый фланг фронтом на север. Слева, со стороны дежурного эскадрона, приближался карьером к штабу дивизии корнет этого эскадрона, доложивший, что по единственной северо-западной дороге показалась голова конной колонны, силой около бригады. Генерал Барбович только что приказал 1-му Кавалерийскому полку пристроиться справа к Гвардейскому полку. Это донесение вызвало недолгое раздумье начальника дивизии: «Пойду прямо, заведу плечом, забегу огудия».

Тем временем по-прежнему фронтом на север (и продолжая развернутый фронт вправо) были развернуты 3-й и 2-й кавалерийские полки. На заднем гребне ко 2-й конной батарее присоединились остальные батареи: Сводная лейб-гвардии конной артиллерии; 1-я, 3-я, 4-я, 5-я, батарея Кавказского конно-горного диизиона, батарея 2-го кон.-г. диизиона. Но все они остановились на гребне северного подъема, который вымотал конский состав, тем более что перед ним к северо-западу, то есть к противнику, была пахоть. Итак, батареи поневоле не могли приблизиться на очень близкую дистанцию по вышеуказанным причинам, но и огонь с гребня на северном подъеме по разворачивающемуся противнику был действительным (расстояние было не более одной версты — единственная критика могла заключаться лишь в том, что в привычках батареи были все-таки совсем близкие дистанции). Несмотря на «относительно дальнейшее расстояние», оно имело свою большую выгоду — возможность флангового огня. Кроме того, сгруппированные вместе батареи невольно привлекли на себя огонь батарей противника, что чрезвычайно облегчило сложное маневрирование и перестроения нашей дивизии в сомкнутом строю: полки оставались вне сферы огня батарей противника, так как его батареи сосредоточили свой огонь исключительно на наших 8 конных батареях. Начальник дивизии приказал трубачам играть поворот налево боевого порядка на 90 градусов, а меня послал к батареям с приказом выкатываться вперед. Это приказание мною было

передано батареям, но, как я и ожидал, выполнено оно не было, так как «выкатываться вперед по пахоте» означало оставить без огневой поддержки нашу конницу. Итак, я только что лично передал конной артиллерии приказание начальника дивизии; затем я вернулся на левый фланг боевого порядка гвардейской кавалерии (лейб-драгуны).

Являясь все время в штаб дивизии, при случае участвуя в конных атаках, я затем снова был послан на боевой участок 1-го кавалерийского полка, снова атака... Общая картина этого конного боя: появление двух советских кавалерийских дивизий со стороны северо-западной дороги (вдоль речки). Генерал Барбович с 1-й кавалерийской дивизией в Малой Токмачке с единственной возможностью по тревоге развернуть боевой порядок фронтом на север. На это, видимо, рассчитывали красные, что их удар с самого начала придется в наш левый фланг. Но — поворот нашего боевого порядка налево на 90 градусов — и красные остались почти без артиллерии. Я воссоздал общую картину из-за растянутости боя почти на семи квадратных километрах. В этом конном бою я поневоле превратился в точки и, естественно, побывал там, где требовалось мое присутствие, но, конечно, всюду быть не мог. Вернувшись с батареей, я нашел штаб дивизии на левом фланге Гвардейской кавалерии, где лейб-драгуны подверглись пулеметному обстрелу слева (?) и перешли с галопа на шаг. Я услышал полный оптимизма окрик начальника дивизии: «Это дгозды», хотя на пушечный выстрел от нас не было ни одного пешехотного солдата. Однако лейб-драгуны продолжали свой шаг и постоянно оглядывались. Видно было, что они хотели знать, имеются ли сзади хотя бы признаки каких-либо резервов.

Генерал Барбович закричал: «Впегед, молодцы. Впегед, лейб-драгуны: у меня много гезегва». И он поднял в галоп лейб-драгун в общую конную атаку со штабом дивизии. Я скакал почти рядом с генералом Барбовичем, который приказал мне найти в уже наступившей темноте одесского улана, полковника Попова²⁹⁶, найти во что бы то ни стало, и передать ему приказ начдива прибыть без промедления на боевой участок Гвардейской кавалерии с 1-м кавалерийским полком. Куда мне направляться? Конечно, вправо... Не видать ничего. Вправо назад еле видна не то свалка, не то каша... Туда... к счастью, вижу штаб-ротмистра, ингерманландского гусара... жестом руки он мне дает направление: полковник Попов приказывает мне доложить начдиву, что он задержался, так как только что конной атакой взял 11 конных орудий, при этом был ранен в правую ногу, но остается в строю до конца боя и приведет полк буквально через несколько минут. Едва я вернулся и доложил генералу Барбовичу, — еще конная атака, дело

жаркое, — так пришлось в этот день и мне участвовать в двух конных атаках.

Генерал Барбович имел все основания быть довольным своей 1-й кавалерийской дивизией, столкнувшейся с двумя советскими кавалерийскими дивизиями, прибывшими с Польского фронта: 15-й и 21-й советскими кавалерийскими дивизиями. Наша дивизия взяла 21 конное орудие, около 1500 коней, наконец, несколько сот пленных. К 23 часам из-за полной темноты не могло быть уверенности в правильности решений и направлений преследования конницы противника. Гвардия получила приказание преследовать огнем (позскадронно): «Залпами, чтобы противник видел, что у нас «части в гуках». В то же время снопы, скирды, сено были превращены в яркий костер, обозначая сборный пункт столь заслужившим отдых полкам и конным батареям.

Резервная колонна, только что выдержавшая победоносный конный бой нашей 1-й кавалерийской дивизии, на этом пылающем фоне запечатлелась в памяти незабываемой батальной картиной.

Генерал Барбович на поле еще дымящегося боя не жалел слов и выражений благодарности нашей регулярной кавалерии. А также особенно благодарил 2-ю конную батарею — первой вынесшейся карьером навстречу врагу.

*В. Рыхлинский*²⁹⁷

В 1920 ГОДУ В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ²⁹⁸

Десять дней, проведенные мной с кавалерией (3-я конная дивизия) в Северной Таврии, будут жить в моей памяти как один сплошной день, где темным пятном остаются короткие мгновения не то сна, не то забытья. Десять дней напряженной жизни в степи, среди моря волнующейся пшеницы, дикой скачки по океану хлебных полей, темно-зеленых и бескрайних, коротких отдыхов на ароматном снопе донника. Было ощущение, что мы кружимся уже годы по напоенной солнцем и густым запахом трав степи и что преследование остатков 13-й армии красных — только предлог к этому бесконечному движению. Казалось, что в степи ожила древняя быль: среди ровной глади колыхающихся хлебов и трав внезапно вырастал темный силуэт всадника на кургане, на одном из тех, что вздымались небольшими горбиками на синем горизонте... Всадник появлялся и мгновенно исчезал... Туда, к нему, мчались, прижимаясь к лукам седел, другие всадники и так же скрывались в дрожащей от зноя дали...

Так должна была жить степь много, много лет тому назад... Незаметно завязывались бои, трещали пулеметы и мелодично пели высоко пролетающие пули; исчезали и появлялись фигурки конных... Незаметно все меняется и мы вновь движемся куда-то... Вперед, назад — неизвестно, нельзя понять, куда мы идем в этом бездорожном зеленом пространстве...

Это пение пуль и приторно-сладковатый трупный запах — след войны, вырывающийся по временам среди аромата цветущей степи, говорили о близости смерти... От этого сознания сильнее дышала грудь, хотелось выпить весь воздух степи, с удесятеренной силой врезались в память все впечатления, каждая мелочь из жизни природы, проходившей перед бодрствующими все время чувствами... Как никогда, вспоминалась радость бытия, все, что в обычных условиях жизни проходит незаметным, — восходы и закаты солнца, грозы и дожди, все шорохи и запахи, все четко врезалось в память и бережно сохранялось ею, как нечто драгоценное, что можно так легко потерять: ведь смерть была так близка и возможна... В этом заостренном ощущении радости бытия, которое может быть дано только войной или... любовью, это упоение жизнью постигается совсем близко у крайнего ее предела — смерти...

Нашей дивизии была дана задача: перейдя вброд Сиваш, атаковать красных, расположившихся в деревне Ново-Алексеевка. Операция должна была начаться в 2 часа ночи.

С наступлением темноты дивизия покинула огромный, совершенно разгромленный хутор, где так недавно еще раздавалось гортанное кавказское пение, звучала мелодия лезгинки, и теперь в молчании мы подтягивались к обрывистому берегу Сиваша. Тусклым, мертвенным серебром отливало «Гнилое море»; таинственно чернела полоска дальнего берега: там неприятель! Томительное ожидание; в голову приходит целый поток мыслей, беспокойных и скачущих... Почему-то я вспоминаю где-то прочитанную историю о бодрствующем перед Куликовской битвой Дмитрием Донском... Мы со своим взводом пулеметчиков сбились в кучу — холодная степная ночь дает себя знать. Сквозь полусон воображение рисует то, что вот-вот должно произойти, — как противоположный берег загорится огоньками выстрелов и как с коротким свистом будут шлепаться в воду пули...

Чуть начала светлеть восточная сторона неба, как молчание ночи прорезали два пушечных выстрела, ударившие в воздухе как огромные железные бичи. Встрепенувшиеся люди с напряжением всматриваются в темную даль. Прошла, казалось, вечность, как оттуда донеслись заглушенные, далекие звуки разорвавшихся шрапнелей. А вслед за этим

по всему нашему берегу заговорили орудия всех калибров, и их снаряды вспыхивали красноватыми звездочками разрывов в темной дали, где находились позиции противника. Там, очевидно, наше наступление было неожиданностью (как в действительности и оказалось. Так, например, в некоторых большевистских частях накануне давались спектакли и празднества, продолжавшиеся до поздней ночи). С запада, со стороны Перекопа, доносились приглушенные расстоянием раскаты непрерывной канонады, а по темной полоске Чонгарского перешейка двигались, один за другим, три наших бронепоезда, рисуясь фиолетовыми дымками своих паровозов на оранжевом небе, залитом пожаром восхода. На бронепоездах каждое мгновение вспыхивали золотистые искорки выстрелов, а над бронепоездами, развеваемые утренним ветерком, висели дымки неприятельских шрапнелей... По-видимому, противник быстро отступал к северу, так как разрывы наших снарядов вспыхивали все дальше и дальше.

По команде, переданной вполголоса, спешенные сотни начали подходить к берегу, где нас ожидали четыре огромные плоскодонные лодки. Первым грузится командир полка с командой охотников. Лодки отчалили и медленно поползли к противоположному берегу. Мы следим за ними затаив дыхание. Что-то будет? Боже, как медленно лодки двигаются! Но берег молчит. Видно, как люди высадились, как лодки отчалили от берега и пошли назад... У всех вырвался вздох облегчения, и мгновенно кругом все заговорили, раздался счастливый смех. Спускаюсь со своими пулеметами и с людьми, которые наполовину разделись, чтобы идти по мелкой воде, так как всем не было места в лодках, перевозивших пулеметы и боевые запасы... «Целая дивизия без штанов!» — шутят сзади...

Сиваш в этом месте мелок — по грудь взрослому человеку. С того берега плывет пустой баркас; взявшись за корму, его толкает английский офицер. Он смеется, как человек, игравший с опасностью и вышедший из этой игры победителем... Высаживаемся у топкого берега. Там уже нас ожидает командир полка. Он недоволен медленностью переправы и торопит нас. А вдали, на сухом песке, раскинулся другой офицер, англичанин, и кажется, спит сном смертельно уставшего человека.

Вперед, вперед! Какая радость шагать по земле, которая еще недавно, может быть час тому назад, была занята врагом! Какой простор! Кажется, что здесь даже воздух иной, чем в отрезанном от материка и окруженном морем Крыму. Уже день, настоящий день, и сильно припекает солнце.

С этого момента наша дивизия, сначала почти вся спешенная, потом со все возрастающим числом конных, закрутилась в каком-то бе-

шеном танце по таврическим степям, в погоне за остатками разбитой в бою 25 мая 13-й советской армии. Мы шли вперед, занимая одну за другой деревни, вновь уходили обратно, контратаками отбирая взятые вчера и опять занятые противником... Был один момент, когда мы снова очутились у Сиваша, будучи буквально прижаты к воде. Было жутко той ночью, когда вся дивизия, вытянувшись в тонкую линию из двух шеренг спешенных всадников, прижатых один к другому, занимая по фронту версты две, ожидала неприятеля или с востока, или с запада... Никогда еще мне не приходилось принимать участие в таком боевом расположении, никогда я не слышал о нем и не читал в учебниках тактики... Но ночь прошла, и мы снова начали преследование какой-то красной конной дивизии, которая уже на третий день нашего наступления нанесла нам чувствительный удар.

Бой под Ново-Алексеевкой

Ночным налетом, около двух часов после полуночи, когда сторожевое охранение борется со сном, и часто — неудачно, красные изрубили почти целиком полк калмыков (700 человек!) и взяли в плен штаб нашей дивизии с генералом Ревизиным, вместе с его супругой.

Меня разбудил крик: «Вставайте, мы идем в контратаку!» Мне удалось в первый раз заснуть «по-человечески», клубком свернувшись на большом зеленом сундуке, где сохранялись, по всей вероятности, все сокровища семьи хозяев. Несколькими мгновениями позже мы уже мчались в наших тачанках к Ново-Алексеевке. Справа и слева от дороги валялись кучи чего-то белого. Я сначала не мог понять, что это такое. Но, присмотревшись, я понял, что это были кучи трупов, по 15—20 человек, в одном белье.

Перед нами развернулась освещенная утренним, таким радостным солнцем бесконечная деревня, от горизонта до горизонта, лежащая на небольшой возвышенности и пересеченная широкой улицей. «Пулеметчики, вперед!» — передается команда, и мы карьером занимаем позицию впереди спешенных чеченцев. На мгновение останавливаемся, чтобы выпустить очередь по садам и огородам деревни, которые молчат. В этот момент рой пуль, выпущенных сзади, заставляет нас наклониться к земле... Я оглядываюсь и вижу наших чеченцев, которые на ходу, не целясь, стреляют в направлении деревни. Пули с жужжанием проносятся низко над нашими головами.. Что делать? Нужно отдалиться от этих горе-стрелков как можно дальше вперед... Отдаю приказание, и мы мчимся вперед. Но почти в этот же момент — о

ужас! — к нам навстречу по широкой улице быстро спускается броневик. У нас нет выбора: пули своих или неприятеля... Мы продолжаем нашу скачку и... вздыхаем свободней: на броневике отчетливо рисуется трехцветный флаг... Это наши! Далеко справа идут наши танки, охватывая село. Мы слезаем с тачанок и осторожно, держа палец на спуске карабинов, идем вдоль молчаливых хат. За нами следуют тачанки с пулеметами.

На площади села генерал П. со своим штабом допрашивает крестьян, у которых квартировал генерал Ревшин со штабом дивизии. Генерал П. благодарит офицеров за контратаку и, обращаясь ко мне, говорит о «лихих действиях пулеметчиков». Понятно, я не сказал ни слова о том, что мужество нам придала из рук вон плохая стрельба наших же чеченцев...

И снова наша дивизия продолжает свою карусель по степи. Мы должны дойти до Днепра и там укрепиться. Красная конница, которую мы преследуем, отходит перед нами почти без боя.

Вот еще несколько оставшихся у меня в памяти эпизодов, связанных со службой в конной дивизии. Ночь, темная, теплая. Приданные сотне чеченцев, мы стоим на бугре или на древней могиле. Сторожевые посты выдвинуты вперед, сзади — мои пулеметы. Печальный опыт наших калмыков не позволяет сомкнуть глаз, и я прохаживаюсь от поста до поста. Всадники спят крепким сном. Когда я делаю замечание одному из них, говоря, что не полагается спать в охранении, то получаю ответ: «Твоя боится — не спишь, моя не боится — спишь, Аллах смотрит!» Что было делать? Хорошо еще, что в таких замечаниях не нуждались мои пулеметчики, бодрствовавшие всю ночь напролет. Утром мы все еще стоим на нашем кургане, а после обеда мы все, без исключения, ясно видим, что в версте от нас какие-то всадники, без сомнения — красные, кружатся на месте, как это делает кавалерия, чтобы не нести потерь от огня противника: шагов десять направо и столько же налево... На всякий случай мы выпускаем две-три очереди, но огонь наш остается без ответа. Посылаем туда казачий разъезд. Видим, как казаки идут к далеким всадникам, сначала осторожно, рысью, а затем — галопом. Приближаются к «противнику», объезжают его и шагом возвращаются к нам: это был всего-навсего массовый мираж, жертвой которого стала целая дивизия...

Следующей ночью мы идем дальше на север. Копыта лошадей обмотаны тряпками, оружие притянуто. Ничего не слышно, ни шагов коней, ни звона стали. Никто не курит и не разговаривает. Всадники, и я в том числе, спят на конях, которые следуют за командиром эскадрона. В тишине мы доходим до растянувшейся на версты деревни,

не помню уже какой. Становимся на площади, еще в походном порядке... Не успел еще командир полка отдать какое-либо приказание, как в конце улицы показалась какая-то темная масса. Крик: «Ложись! Огонь, часто начинай!» — и все, в том числе и мои пулеметчики, открыли беспорядочную стрельбу по темной массе, откуда тоже засверкали огоньки выстрелов. Я решил выпустить из моего карабина только 10 патронов, всего у меня было их 20, но на девятом выстреле огонь был прекращен, темная масса впереди исчезла... Влево от меня большой, несуразный белый конь, который только что стоял около меня, теперь лежал убитый, с маленькой дырочкой на правой стороне головы. Так мы пролежали до рассвета, еще с полчаса, когда увидели перед нами около двадцати убитых лошадей и около них невысокого роста красноармейца, целого и невредимого. Это и была та самая дивизия, которую мы преследовали после боя под Ново-Алексеевкой. Она шла без охранения и не ожидала встречи с нами. Несколько минут позже наш пленник уже получил назначение: быть кучером подводы с патронами.

Перед самым заходом солнца, идя, как всегда, в авангарде, мы слышали выстрелы и свист пуль высоко над нами. Снятые с тачанок пулеметы наши развернулись, и мы открыли огонь с предельным прицелом по каким-то темным пятнам вдали. Темные пятна отвечали огнем. Перебранка эта продолжалась 10—15 минут, и противник, по видимому довольный самим собой, уходит в уже совершенно темную даль. Меня поздравляют: одна из кобыл команды ожеребилась во время перестрелки. Жеребенок становится центром общего внимания и несколькими днями позже бесстрашно следует за своей матерью, очень нежной и внимательной.

На десятый, кажется, день после описанного эпизода я получил приказание отправиться в Севастополь для получения нового назначения. На второй день, выспавшись под какой-то телегой дивизионного обоза, я катил к Севастополю.

Эти дни, проведенные в кавалерии, многому меня научили и позволили понять всю безнадежно-трагическую судьбу Добровольческой армии, ставшей в ту эпоху называться «Русской Армией». Мы шли вперед. Говорили о полном уничтожении конной армии Жлобы, о массе взятых в плен красных и о страшных их потерях в боях с нашими танками под Большим Токмаком, о победном нашем марше против большевиков, чьи главные силы были оттянуты на Польский фронт.

А какой вред приносили Добровольческой армии ее тылы, где бессовестные люди преследовали свои своекорыстные цели за спиной ге-

ройских полков, самоотверженно дравшихся с 1918 года! Немало вредили репутации Добровольческой армии и такие части, как моя, временно 3-я конная дивизия, на две трети состоявшая из всадников полудиких племен Кавказа. По внешности это было сборище людей, не имевших определенной формы одежды, носивших зачастую нижние английские рубашки как бешметы. Едва половина из них сидела на конях, другая ожидала лошадей. Большинство не имело седел, а только притороченные подушки, взятые у населения. Грабеж и война были для наших всадников синонимами. А грабить наши туземцы умели: едва бывал взят нами какой-нибудь населенный пункт, как они рассеивались по хатам, откуда тащили все, не брезгуя даже женской одеждой. Нужно ли говорить о том, что эта туземная дивизия, мало пригодная для линейного боя (или совсем непригодная), отступая с Украины в Крым, была, как я узнал потом, пугалом для жителей Юга России. Екатеринослав, в частности, очень запомнил прохождение наших частей, чеченцев и других представителей кавказских племен...

Правда, теперь, в Северной Таврии, не приходилось больше слышать жалоб на нашу армию. «Мы были страшно «разочарованы», когда вы пришли, — так сказали мне в одной еврейской семье. — Мы думали, что будут погромы и... ничего не было!..» В этом отношении мы выгодно отличались от Белой армии конца 1919 года. Большой плюс был еще и в том, что приход нашей армии не сопровождался репрессиями и арестами. Те, кто уже отстал от большевиков и не имел особых счетов с нами, постепенно выползали из днепровских плавней, где они прятались, видя полное забвение старого.

Таврия — это преданная Махно область. Слух о соединении Махно с Врангелем сильно увеличивал популярность белых. Откуда-то появлялись приверженцы «батьки» и поступали добровольцами в регулярные части или же формировали свои партизанские отряды, которые, прекрасно зная местность и отличаясь большой отвагой, наносили большой вред красным.

Плохо обстояло у нас дело с пропагандой. На это обращали наше внимание сами крестьяне, говорившие, что не скверно было бы взять пример с большевиков. Действительно, имелось много вопросов, хотя бы, например, непонятный для многих новый земельный закон... А отношение к этому делу было самое чиновническое, были какие-то учреждения, но не было никого, кто поехал бы в объезд сел...

Тем временем борьба с советами продолжалась. На смену разбитым красным частям приходили новые, и надежды на всеобщее вос-

стане народа, равно как и на соединение нашего левого фланга с польско-украинской армией, не оправдывались... Самым плохим было то, что масса оставалась пассивной, и все больше таяла надежда на молниеносный успех. Впереди была только утомительная и долгая борьба с бесчисленным врагом... Мы пришли слишком поздно...

С. Мамонтов²⁹⁹

СО 2-Й КОННОЙ БАТАРЕЕЙ В РУССКОЙ АРМИИ³⁰⁰

Феодосия

«Аю-Даг» шел медленно, подошли к порту Феодосия. Мы были в Крыму.

— Стойте неподвижно! — крикнул капитан. — Не наваливайтесь на один борт. Когда причалим, не бросайтесь как бараны, а сходите потихоньку. Пароход может опрокинуться даже у пристани. Трюм у нас не нагружен.

Все обошлось благополучно, и мы очутились на пристани. Меня охватила радость: спасен! жив! Вот это повезло! Я стал смеяться, петь и почти плясать. Мы слишком долго шли локоть к локтю со смертью, причем все преимущества были на ее стороне. И наконец мы на какое-то время были в безопасности. Бе-зо-пас-но-сти — поймите это! Это может оценить только человек, вышедший из долгой смертельной опасности.

Очень хотелось есть. Мы ничего не ели и не пили в течение двух дней. И это было наше счастье, потому что из-за тесноты на пароходе справлять натуральные потребности было невозможно. Я пошел искать съедобного. Не нашел, но увидел, как казак открыл какую-то банку, высыпал на ладонь белый порошок и взял в рот. Казака перекосило, и он стал плевать. Я взглянул на этикетку: сахарин. Тотчас же купил литровую банку за 200 рублей и позднее в Керчи продал ее за 20 000, причем вся батарея пользовалась сахарином.

Набережные Феодосии скорей голы, как набережные всех портов мира. Но мне они показались верхом красоты. Этот воробей, как он великолепен. Скачет и чирикает... А это чахлое деревцо, какая в нем нежность! Какое счастье ими любоваться, видеть солнце, небо. Ведь мой труп, очень просто, мог бы гнить где-нибудь на Кубани или в Новороссийске или болтаться в глубине бухты. А я вот тут — молод, здоров и живой. Живой. Ха-ха-ха!

Полковник Шапиловский³⁰¹ послал меня с двумя солдатами-квартирьерерами. Мы пошли через весь город. Я улыбался каждому встречному. Наверное, мои чувства были написаны на моем лице, потому что все встречные мне тоже улыбались. А начальник какого-то обоза, узнав, что мы из Новороссийска, дал нам хлеба и консервов. Мы на них набросились, как голодные, но все же принесли кое-что и в батарею. Нас, квартирьереров, отозвали на вокзал.

Тут мы узнали счастливую новость: у нашей батареи в Крыму были два орудия на фронте. И мой брат был живой и находился с этими орудиями. Слава тебе Господи. Какая двойная радость! Это было то орудие, которое обоз отправил с капитаном Ковалевским. Они были отрезаны при отступлении от Дона и усиленными переходами направились в Крым. По дороге они подобрали и запрягли кем-то брошенное орудие, так что получился взвод. Они добрались до города Геническа и ушли на Арабатскую стрелку, где и стояли на фронте.

Александрову тоже удалось выехать из Новороссийска. Люди 7-й батареи были взяты на английский крейсер «Калипсо» в обмен на шампанское, которое 7-я захватила в Абрау-Дюрсо. Александрову позволили перейти в нашу батарею. Он приехал в Керчь двумя днями позднее нас и тотчас же заболел тифом и долго лежал в нашем лазарете. Между прочим, во время отступления брат тоже болел тифом. Его не бросили и возили за батареей. В Керчи я его не застал, он был на стрелке.

Совершенно случайно в Феодосии я нашел свою тетю, Софью Федоровну Тучкову. Она узнала о смерти сына и приехала из Москвы. Мы очень обрадовались друг другу и часто вместе ходили на могилу Мити.

Оказалось, что был проект нас расформировать, потому что после Новороссийска у нас ни лошадей, ни орудий не было. Но существование нашего взвода на фронте изменило положение. Не было больше причины нас расформировывать. Генерал Колзаков обратился к нам с речью, предлагая слиться снова с конно-горной в одну батарею, как раньше. Но мы, вторая конная, решили использовать преимущество, которое нам давало существование взвода на фронте, и под командованием Шапиловского тайно уехали в Керчь. Мне было жаль Колзакова, и я лично готов был согласиться, но большинство офицеров отказалось. Вероятно, так было даже лучше, потому что конно-горная очень скоро получила орудия и лошадей. Дивизион был вновь возрожден.

Керчь

В Керчи мы нашли наш обоз и хорошо расположились на квартирах. У пролива был бульвар с рестораном. Когда бывали деньги (не часто), ходили туда, но обычно питались супом из бычков, который вскоре осточертел. Иногда покупали на рынке корзину копченых сельдей. Это было так вкусно, что корзинку съедали враз... Рыбаки рассказывали об обилии рыбы. Иногда весло не падало, воткнутое в стаю проходящей рыбы. Можно было ее черпать ведром.

Над городом находилась гора Митридат, где делали раскопки и находили монеты и всякие предметы, но ходить туда было опасно. Там были катакомбы, в которых скрывались всякие злоумышленники и коммунисты.

После катастрофы Новороссийска генерал Деникин не мог больше оставаться командующим, его сменил генерал Врангель и оказался прекрасным организатором не только в рапортах, а в действительности. В короткий срок из остатков приехавших из Новороссийска он создал сплоченную армию. Провел важные реформы, касающиеся крестьян и земли. Он показал сильную власть. Грабежи в армии почти исчезли, зеленое движение ушло в подполье. Наступил порядок.

Конечно, у нас не было надежд победить большевиков своими силами. Но коммунисты воевали с поляками, и это оттягивало их главные войска. В центральных районах России постоянно возникали крестьянские восстания, особенно сильные около Тамбова. К сожалению, эти восстания происходили, когда наших войск поблизости уже не было и мы им помочь не могли.

Мы все еще надеялись, что западные державы в конце концов прозреют, осознают опасность коммунизма и нам серьезно помогут. Вместо этого они от нас отреклись одна за другой. Большевики, прекрасные политики, распознали их слабую сторону и заманивали их интересными концессиями, понятно, если настанет мир. Первыми попались на эту удочку американцы, потом англичане — очень наивно предложили нам заключить мир с большевиками! Как будто это было возможно. А когда мы отказались, они нас предали. Только французы нас не предали, но не сумели нам хорошо помочь. Франция сама трещала по швам. Греческие и французские войска, высаженные в Одессе, замитинговали, бежали при первых выстрелах и кинули на произвол судьбы наши добровольческие части. Само собой разумеется, что большевики, достигнув своих целей — чтобы англо-американцы нас покинули, не дали им никаких концессий.

Но не нужно забывать, что мы были молоды, немного глупы и вообще не интересовались политикой. То есть мы были прекрасными солдатами. Меня больше интересовало, как портной скроит мне синие штаны, чем иностранная политика. И все же мы еще вели долгую и упорную войну с большевиками, и у нас было несколько крупных успехов.

Арабатская стрелка

Наши два орудия занимали любопытный участок фронта — Арабатскую стрелку. Это название нас с братом заинтересовало, так как в Москве мы жили в районе Арбата.

Вся западная сторона Азовского моря представляет собой почти прямую песчаную косу (волны выкидывают песок на более мелкое место). Коса тянется от города Геническа на 110 верст к югу среди моря и примыкает к Крыму, где татары выстроили когда-то крепость Арабат, которая и дала название стрелке. Ширина стрелки около 100—200 саженьей. Она возвышается над морем на сажень. Справа Азовское море, слева Сиваш, или Мертвое море. Около Геническа есть промоина и протока. Вот на промоине-то и находился фронт. Красные занимали Геническ на высоком берегу.

Между Крымом и стрелкой находится Сиваш. Солнце выпаривает воду, и оставшаяся вода очень солоная, ширина Сиваша очень разная, от 3 до 30 верст. Это мелкая вода, по грудь человеку. Но на дне вязкий, толстый слой грязи. При завоевании Крыма наши войска принесли фашины и перешли Сиваш вброд.

Сиваш служит местом добычи соли. Известный участок огораживается грязевой загородкой, чтобы вода не приливалась. Солнце выпаривает воду, и соль сгребают лопатой. Ее складывают на стрелке в громадные «мастаба» (усеченные пирамиды). Тут же хибарки соляных сторожей. Здесь все солоно: воздух, вода в колодце, молоко коров, яйца кур. Выкупаться в Сиваше трудно — не найдешь места окунуться. Когда вылезешь, то солнце уже успело осушить тело и оно все белое — покрыто солью. Каждая царапина жжет. Надо бежать обмыть соль в Азовское море.

К северу стрелка включает в себя два острова и расширяется. Там деревни. В общем Арабатская стрелка представляет собой пустыню среди моря. Тут часты миражи. Вы видите вещи, которые видеть не следовало бы. Вдруг дома в полнеба, потом деревья или даже верблюды. Но чаще вы видите какую-то мешанину, не поймешь, что такое.

После хорошего отдыха в Керчи нас, прибывших из Новороссийска, отправили на фронт, чтобы сменить находившихся там. Мы поездом приехали во Владиславовку, где и ночевали. Дальше нужно было ехать на подводах. Утром я пошел осмотреть развалины крепости Арабат. Влез на башню. Крепость запирает стрелку, и, когда глядишь с башни, стрелка уходит прямо в море. Но проследить глазами стрелку невозможно, даже злило. Начинал несколько раз сначала, но успеха не добился.

Меня позвали, наши сидели уже на подводах. Ехали вдоль Сиваша. Смесь песка с солью создает прекрасный твердый грунт, где едешь как по паркету. Свернешь налево — засосет, направо — зыбучий песок, не проедешь. Очень плохо ночевали в хижине соляного сторожа. Нас мучила жажда. Думали купанием в Азовском море ее облегчить, но стало хуже. Даже лошади отказывались пить воду из колодезев, а люди пили. А местные люди не страдали от солености всего, привыкли.

Все время думаешь о воде. Это превращается в бред. Воду чувствовали, ее видели, ее слышали. И вдруг — чудо! На 55-й версте, то есть на самой середине стрелки, там, где до горизонта со всех сторон море, артезианский колодец и вода свежая, холодная, пресная, бьет с силой из завернутой книзу трубы в руку толщиной. Невозможно описать, какая это радость! И мы, и лошади напились всласть. Тут же на песке появляется трава и растет чахлое деревце. И дальше на север, каждые десять верст, есть такой же артезианский колодец и появляется жизнь и даже деревни.

В одной деревне мне посчастливилось встретить человека, «чающего движение воды». Я с большим интересом стал его расспрашивать. Он сказал, что просто видит воду, текущую под землей, и даже может примерно определить глубину и количество воды. Когда сверлили артезианские колодецы, то инженеры его всегда спрашивали. К сожалению, подошли наши офицеры и стали шутить над стариком. Тот замолчал, и я не смог уговорить его рассказывать дальше. Очень досадно.

Фронт на стрелке был стабильный. С обеих сторон протоки были вырыты окопы. Фланги были обеспечены морем. Окопы занимали пехотинцы и даже не стреляли. Жили мы в большой деревне. Орудия стояли на постоянной позиции. Запряжки, то есть лошади, стояли неподалеку в конюшнях. Наши подводчики решили отдохнуть денек, раньше чем пускаться в обратный путь, чему я был рад — мог поглядеть брата, с которым так давно не виделся и за которого так волновался. Он уезжал с нашими возвращавшимися подводами.

Рыжая кобыла

Пока мы были в Керчи, все время велась борьба. В нашей, 2-й конной батарее были два орудия, а в 7-й конной были лошади и седла. Их обоз тоже отошел в Крым. Инспектор конной артиллерии решил слить обе эти батареи в одну. Вопрос был в том, какую из батарей сохранить. Но все же наше боевое прошлое победило и решили влить 7-ю в нашу. Это на бумаге. На практике получилось иначе. Мы получили прекрасных кабардинских лошадей и седла, а офицеры и солдаты 7-й ушли во вновь формирующуюся 8-ю батарею. Вот бессмысленная деятельность инспекции. Вместо того чтобы слить 7-ю и 8-ю, что прошло бы нормально, решили слить совсем разные — нашу и 7-ю. Мы, конечно, не жаловались, потому что хапнули прекрасных лошадей, но, вероятно, 7-я затаила горечь. Офицеры 7-й на стрелке чуждались наших и наши чуждались их. Брат не принял участия в этом бойкоте и сдружился с ними, а когда я приехал, ввел меня в их общество. Я у них часто бывал на стрелке. Неудивительно, что, уезжая, они мне сказали:

— Возьмите себе эту рыжую кобылу, это лучшая из наших лошадей.

К стыду своему, не помню ее имени. Да мне и не пришлось на ней долго ездить. Невзрачная с виду, она была хорошей кабардинской породы, резвая и умная. Как доказательство ее ума расскажу случай. Я взял рыжую кобылу к себе, и никто на это не обратил внимания. А я усиленно за ней ухаживал, чтобы она ко мне привыкла. И она, видимо, привыкла. Перед отъездом офицеры 7-й устроили выпивку и, насколько помню, из наших офицеров пригласили одного меня. Я приехал на рыжей кобыле. Меня, конечно, напоили, я плохо стоял на ногах. Возвращаясь, я бросил повод и вцепился в гриву.

— Не бойтесь, она вас доведет, — сказали офицеры 7-й.

Действительно, кобыла шла осторожно, и, когда я сползал, она останавливалась и движением спины меня выпрямляла на седле. По дороге была канава и доска поперек. Идя туда, она перепрыгнула канаву. Но на обратном пути, ввиду моего состояния, она этого не сделала. Она остановилась, выправила меня в седле, потом быстро, мелкими шажками, перешла по доске и опять меня выправила. Довезла целым до дому. Просто умница. Думаю, что у нее был опыт с ее прежним хозяином.

Итак, я завладел лучшей лошастью. Сперва никто на это не обратил внимания, но вскоре полковник Обозненко³⁰², командовавший батареей (Шапиловский остался в Керчи), стал коситься на мою кобылу. И

чтобы завладеть ей, он придумал не особенно хороший способ. Даже удивительно со стороны Обозненко, который был скорее рыцарем.

Он знал, что я нашел тетку в Феодосии и что я хотел бы повидаться с братом, с которым встретился только мельком. Он отправил меня во Владиславовку к новому инспектору конной артиллерии с каким-то рапортом и с разрешением потом ехать в Феодосию и Керчь... А во время моего отсутствия попросил разрешения ездить на моей кобыле. Я, конечно, с радостью согласился — она будет в хороших руках... Но когда я снова попал в батарею, он отказался мне ее отдать. А я отказался сесть на другую лошадь и ездил в обозе. Но судьба сама разрешила наш спор. Дня через два кобыла была убита в бою, а я получил Андромаху, тоже прекрасную кабардинскую лошадь. Каракоровую. Вороную с подпалинами, мою самую любимую масть.

Морской бой (на суше)

Фронт на стрелке был неподвижный, к чему мы были непривычны. Мы изнывали от тоски и временами забывали, что находимся на фронте. Чтобы нам это напомнить, у красных был бронированный поезд с великолепной 6-дюймовой пушкой. После 5 часов, когда солнце его не слепило, он появлялся на высотах у Геническа и посылал нам несколько снарядов. От Геническа шла ветка железной дороги на самую стрелку, очевидно для вывоза соли. Наверху, у Геническа, наши трехдюймовки могли его достать только на пределе (8 верст). Но, как я уже говорил, стрельба на пределе и не точна, и портит накатник, и артиллеристы ее не любят. Хорошая стрельба на 3 версты. Но бронепоезд крайне редко спускался вниз, где мы могли бы его достать хорошим, средним выстрелом. Так что мы на его стрельбу отвечали молчанием, и это нас злило. Как-то достали ужаснейший самогон. Сидели и выпивали, морщась и отплевываясь. Вдруг входят два морских офицера.

— Моряки?! Здесь, на стрелке? Какими судьбами?

— Буря выкинула нашу канонерку на песок. Сейчас 5 часов, и бронепоезд начнет стрелять по нашему судну.

— И вы оставляете ваше судно без боя?!

— Что вы хотите? У нас две очень устарелые 42-линейные пушки, которыми до Геническа не достанешь. Если бы бронепоезд спустился на стрелку, тогда да, но...

Мы были выпив и недавно приехали, то есть полны еще энергии.

— Есть у вас снаряды?

— Да, немного.

— Идем, дадим морской бой бронепоезду!

Быстро влили морякам по стакану самогона, чтобы поднять их настроение, и с восторгом побежали к судну. Моряки последовали за нами гораздо медленнее. Они ведь знали силу 6-дюймовой пушки бронепоезда и бессилие своих орудий. Но они не могли отстать от нас.

Конечно, судно только с натяжкой могло именоваться «военным судном». Это был старый угольщик небольших размеров. На палубе были привинчены две архаические пушки, почти вышедшие из употребления. А в виде защиты от осколков висели пробковые матрацы, которые очень пригодились.

Моряки только успели объяснить нам употребление орудий, как появился бронепоезд, и первый снаряд поднял столб воды и песка. Бронепоезд продолжал обстрел. Снаряды падали вокруг парохода. Видимо, у них не было офицера, иначе стреляли бы лучше.

И вот, ободренный нашим молчанием, бронепоезд стал спускаться вниз. Мы дали ему подойти возможно ближе, и потом по команде мы открыли огонь и выпустили, что только могли. Бронепоезд тоже стрелял без перерыва. Это длилось несколько ужасно долгих минут. Пробковые матрацы танцевали все время от ударов в них осколков. Наконец бронепоезд задымил и отступил довольно быстро. В течение нескольких дней он не показывался. Может быть, мы его и повредили.

Он же нас очень повредил. Когда бой затих, мы пошли осматривать результаты. Вся стрелка кругом была вспахана. Осколки снарядов валялись на палубе. А в боку парохода была дыра. К счастью, стенки были так тонки, что не вызвали разрыва снаряда. Снаряд пробил обе стенки парохода и взорвался в песке за ним. Невольно мы поехали. Повезло.

— Какое счастье, что пароход на мели. Будь мы на воде, мы бы потонули.

Бронепоезд долго оставался наверху. Наконец, убедившись, что снарядов у нас больше нет, он спустился и еще дважды прострелил судно. Снарядов больше не было, и мы морских боев больше не устраивали. Нам в общем очень повезло, у нас потерь не было.

Но мы не хотели оставить последнего слова за бронепоездом. Пехотинцы нам сказали, что перед их окопами есть большая яма. Ночью мы ее осмотрели и тихонько привезли в яму орудие. Запряжка ушла, а мы по очереди изнывали в яме. Даже встать во весь рост было нельзя, красные были недалеко. Наконец мы дождались. Бронепоезд спустился вниз. Наши его подпустили и пошли обкладывать гранатами. Одновременно издали стало стрелять другое орудие. Хитрость уда-

лась. Бронепоезд спешно отступил, стреляя вдаль. На следующий день бронепоезд вцепил в яму с десятков снарядов. Красные все же обнаружили наше укрытие. Но яма была пуста. Ночью мы увезли орудие. Я не участвовал в обстреле бронепоезда, мое дежурство кончилось накануне. Но издали наблюдал, и думается, что ему порядком досталось. При мне бронепоезд больше вниз не спускался.

ТЫЛЫ

Как я уже говорил, я получил отпуск благодаря своей рыжей кобыле, которой решил завладеть Обозненко. Сперва я явился во Владиславовке к инспектору конной артиллерии, генералу с греческой фамилией, о разное которого я уже говорил.

Мне все же очень понравилось, что он, несмотря на мой малый чин, говорил со мной как с равным. Потом на станции я встретил брата и, кроме того, проходящий состав с конно-горной батареей. У них были уже орудия и лошади с седлами. Они шли на фронт на Чонгар. Я проехал в Феодосию, повидался с теткой и направился в Керчь, где мы провели несколько счастливых недель с братом и Александровым, который оправился от тифа.

Тыл, за то время, которое я провел на стрелке, очень изменился, и к лучшему. Врангель оказался прекрасным организатором. Армия быстро восстанавливалась. Уж из одного того, как быстро конно-горная получила орудия, лошадей и седла, можно было заключить, что в тылу порядок. Часто встречались взводы пехоты. Это уже не были растерянные беженцы, прибывшие из Новороссийска, а солдаты. По одному тому, как ровно они несли штыки, было видно, что это хорошая боевая часть. И в то же время нигде не было видно марширующих полков и батарей. Все делалось скромно, чтобы усыпить бдительность красных. Что и удалось. Говорили, что выход нашей армии из Крыма в Таврию произошел легко и был неожиданностью для красных. Армия стала называться Русская Армия. Были проведены крестьянские реформы.

Бой у Агаймана

Я не участвовал в выходе из Крыма, потому что был в Керчи. Нас с братом послали на фронт. Мы нашли батарею в Таврии у Агаймана. Я получил Андромаху, очень хорошую кабардинскую кобылу. У Шакалова была совершенно такая же Анафема. Они были сестрами и до

того одинаковые, караковые, что мы иногда их путали. Я сейчас же стал заниматься с Андромахой и очень быстро достиг, чего хотел: чтобы она от меня не бегала, а ходила за мной, как собака, чтобы стояла неподвижно, пока я сажусь, и чтобы она читала мои мысли.

Я проделал с ней следующий опыт. Когда мы шли походом в колонне, я бросал повод и стремена и старался не двигаться в седле. Но мысленно обращался к Андромахе: «Налево. Налево. Андромаха, иди налево». Ей не хотелось покидать других лошадей. Она поворачивала голову налево, и я читал ее мысли: «Почему ты хочешь, чтобы я шла налево? Там же ничего нет». Но я настаивал: «Налево. Налево». Тогда она решалась: «Хорошо, чтобы тебе сделать удовольствие, пойду налево». И сворачивала. А я думал: «Рысью, рысью, Андромаха, рысью».

Она переходила на рысь, несмотря на то что все другие лошади шли шагом. Я уверен, что даже ненароком не наклонялся влево и ее на рысь не подталкивал.

Многие мне не верили. А меня удивляло другое. Как это возможно, что между всадником и лошастью, на которой он постоянно ездит, не возникает мысленного контакта? И ведь это у громадного большинства. Какая лошадь была у брата, хоть убей не помню. Неужели все тот же Рыцарь? Если бы была какая-нибудь особенная, я конечно бы помнил.

В батарее было уже 4 орудия, и вся батарея была верхом. Работали мы с Кубанским Волчьим полком. Они были еще пешими, и мы очень следили за своими лошадьми. Батарея вышла из Крыма через Чонгар. Волки носили низкую папаху из волчьего меха, что придавало им зверский вид. Их побаивались. Но со временем мы убедились, что они стойки в бою, дисциплинированы и на них можно положиться. Никогда недоразумений с ними у нас не было. Недалеко от Агаймана был первый бой по нашему приезду в батарею. Нас атаковала конная бригада «Червонные казаки». Шагах в трехстах перед батареей была цепь Волков. При атаке они сбежались в малые группы, очевидно повзводно, образовали ежа, то есть круг, ошетиленный винтовками. Так что мы могли стрелять в промежутки картечью в атакующих. Красная атака буквально разбилась о твердость и хладнокровие Волков. Красные кавалеристы крутились вокруг ежей, а Волки снимали их редкими выстрелами. Мы же косили их картечью. Стрельба была трудная. Надо было хорошо наводить, чтобы не попасть в своих. А это очень трудно при волнении. Красная атака отхлынула. В этом бою был смертельно ранен в живот капитан Скорняков, с которым мы проделали большое отступление.

Сотня Волков села на лошадей, добытых в этом бою. Вскоре весь полк стал конным. Был момент, когда я струхнул и искал глазами

коновода, который держал Андромаху. Но Волки не дрогнули. Они действовали без суеты и очень уверенно.

— Мы не стреляем по лошадям, — сказал мне Волк. — Даем всаднику приблизиться, снимаем его выстрелом и ловим коня. Видите, как просто.

— Просто ли?

С Волками мы прошли, с боями, к северу до села Васильевка у Днепровских плавней. Затем повернули налево и пришли в большое село Знаменка, против Никополя.

Против Никополя

Село Знаменка находится как раз против города Никополя. Здесь нет плавней, и крутые берега Днепра подходят близко друг к другу. Боев не было. Наблюдательный пункт нашей батареи находился на заброшенном пивном заводе. Мы не стреляли. Единственно — мы заставили пароход выкинуться на мель и прострелили его на всякий случай.

Стоянка была спокойная, и Обозненко решил использовать ее для учений. Он предложил мне поселиться с ним вместе. Это было скорей неприятно, потому что он был служака и надоедал всякими вопросами. Но отказаться я не мог. Я не ходил на занятия, а завертывался с головой в шинель и делал вид, что сплю. Обозненко ходил из угла в угол. Наконец:

— Сергей Иванович, сколько снарядов у вас в передке?

Из-под шинели, не двигаясь:

— Не знаю, Евгений Николаевич.

— Хм... А сколько...

— Не знаю.

Обозненко уходил. Возвращаясь, он меня спрашивал:

— Вы не были на занятиях?

— Нет, не был.

— Почему?

— Считаю это игрой в солдатики. Все же прекрасно знают свои обязанности. Зачем же их учить тому, что они знают. Когда будет бой, поверьте, я буду на своем месте.

Обозненко не настаивал. Пошли в Днепровку. Тут было столько вишен, что издали деревья казались красными. Мы только вишнями и питались и набили оскомину. Делали сами вареники и ели со сметаной. Тут мы узнали, что наш дивизион переводят в Первую конную Кубанскую дивизию, которой командовал генерал Бабиев, наш старый знако-

мый по Северному Кавказу. Он по старой памяти просил дать ему наши обе батареи для десанта на Кубань. Это нам польстило, но и встревожило. Было лестно, что лучший кавалерийский начальник нас ценит, но десант нас вовсе не прельщал. Это последнее дело, там надо победить или умереть. А победить трудно. Были два малых десанта: один на Тамань, другой в Бердянск, и оба неудачно. А умирать вовсе не хотелось. Мы некоторое время ходили без боев вдоль Днепровских плавней, где были расквартированы кубанские полки. Они все были уже конные и усиленно учились рубке. Но конский состав был неважный.

Днепровские плавни

Там, где мы стояли, Днепр образует плавни. Высокие берега расходятся на 60 верст, и между ними болота, кусты, протоки, песчаные острова. Судходное русло Днепра проходит у того берега. Тут в XVI столетии образовалось любопытное вольное государство «Запорожской казачьей сечи». После покорения Крыма Екатерина II упразднила сечь и перевела казаков на Кубань. Кубанские «черноморские» казаки и есть потомки запорожцев.

Первая Кубанская конная дивизия состояла из полков: 1-го Кубанского (Корниловского), 1-го Екатеринодарского, 1-го Уманского и 1-го Запорожского. Казачьих конных батарей при них не было, оттого-то мы к ним и попали. Мы прошли по селам Васильевка, Балки, Белозерка, Лепетихи. Но боев не было. Тут нас застал приказ двигаться на Акимовку, маленькую станцию, чтобы грузиться. Поезд довез нас быстро, в одну ночь, до Феодосии.

Десант на Кубань (1—19 августа 1920 года). Погрузка

Было начало августа 1920 года. Очень рано. Состав вагонов остановился на запасном пути около моря. Мы были в Феодосии. Один солдат, из пленных, взятых в Таврии, был из Вятки и никогда моря не видел. Он выглянул из товарного вагона:

— Глядь, речка!

В голосе явное удивление из-за размеров этой речки. Голос из глубины вагона:

— Эх ты, деревня. Это море.

— Мо-ре?! — Вотяк вылезает из вагона, идет к морю, долго стоит и возвращается. — Воды-то, воды! И вся порченая.

Мы выгрузились, и обе батареи пошли в центр города и там построились на площади. Генерал Врангель сказал нам речь и наградил наш дивизион серебряными трубами на Владимирской ленте. За хорошую работу. (Воображаю, как осеклась инспекция конной артиллерии, которая все время мечтала нас расформировать!) Серебряные трубы мы взяли в Ромнах, а Владимирская флюгарка была у нас спокон веков. Так что это было только подтверждение существующего. После этого мы пошли на пристань и стали грузиться на пароход. Грузились мы на тот же «Аю-Даг», который привез нас из Новороссийска. Но на этот раз на нем были только наши две батареи и лазарет, так что было просторно.

Очень любопытно грузят лошадей. Лебедка подхватывает лошадь широкой подпругой. С того момента как лошадь теряет почву под ногами, она висит неподвижно, и лебедка переносит ее в трюм. Меня послали с несколькими солдатами в трюм расставлять лошадей. Мы еще расставляли предыдущих, когда нам спустили еще одну. Ее остановили сантиметров на двадцать от пола, и она раскачивалась на тресе лебедки. Эта летающая лошадь вызвала враждебность всех лошадей, и когда, раскачиваясь, она приблизилась к одному ряду лошадей, все, как по команде, заложили уши и дружно ударили задом. Бедная лошадь отлетела к противоположному ряду, который таким же манером отослал ее обратно. Получилась игра в футбол. Несчастная лошадь летала во всех направлениях, а мы бегали, стараясь ее избежать. Наконец догадались крикнуть навверх: «Вира». Лошадь приподняли. Она продолжала беспокоить других лошадей, но была вне досягаемости.

К вечеру все было погружено. Мы трое — брат, Александров и я — пошли ночевать к тете Соне и спали в беседке в саду. Тетя Соня Тучкова объявила нам, что решила ехать в Москву. Она чувствовала себя одинокой. Как мы ее ни отговаривали, она уехала. До Москвы, конечно, не доехала и умерла в тюрьме в Рязани. Она пошла нас провожать на пристань. К нам подошел полковник Шапиловский. Мы его представили тете.

— Тучкова? Из тех самых?

— Да, из тех самых, бородинских.

Было очевидно, что Шапиловскому это импонировало. Брат этим воспользовался. Он попросился остаться, не идти в десант.

— А как же ваше оружие?

— Вот брат будет им командовать.

— Ну ладно...

Видимо, Шапиловский согласился только из-за присутствия тети Сони. Я был искренне рад за брата. Десант — отвратная вещь. Ни-

когда не знаешь, вернешься ли. С тяжелым сердцем мы простились с тетей Соней, зная, что она идет на верную смерть. Потом с Александровым мы взошли на пароход, и «Аю-Даг» отошел от пристани:

Десант на Кубань был, конечно, тайной. Но все эту тайну знали и о ней говорили. Само собой разумеется, что и красные знали о десанте, и они навезли в Кубань массы войск. Единственное, что удалось сохранить в тайне, — это место высадки.

Морской поход

Вечером «Аю-Даг» пошел на юг в открытое Черное море. Когда совсем стемнело, мы присоединились к десятку пароходов, которые стояли на одном месте с потушенными огнями. Это был сборный пункт. Сюда шли пароходы из разных портов. В полночь, когда все собрались, пароходы выстроились в кильватерную колонну и пошли на север.

— Не курить и не разговаривать.

Тамань ведь была занята красными, и там, конечно, сидели наблюдатели, а ширина пролива всего 8 верст.

Ночь была темная, безлунная. Пароходы шли очень близко друг за другом. Красные не заметили нашего перехода в Азовское море. Шли мы всю ночь и часть дня и встали на якорь как раз посередине Азовского моря, так что наши суда нельзя было увидеть ни с какого берега. Во время похода мы занимались стиркой белья упрощенным способом: белье привязывали на канате и волокли за пароходом. Через десять минут белье было сравнительно чисто и все вши погибали. Но некоторые плохо привязывали и теряли все белье.

Наш флот остановился посреди Азовского моря, с потушенными котлами, чтобы дымом не выдать своего присутствия. Стояли весь день. Было жарко, и мы стали купаться. Я чуть не утонул по собственной глупости. В разговоре я как-то заявил, что люди прыгают в воду неправильно. Нужно прыгать вниз головой, тогда нельзя разбиться. Мои слова подхватили и обязали меня прыгнуть со шканцев «Аю-Дага», то есть самого высокого борта. Я по глупости согласился, но, когда взглянул вниз со шканцев — дух захватило. Хоть «Аю-Даг» был маленьким пароходом, но на шканцах высота была трехэтажная или даже больше. Кругом собралась публика и даже сестры милосердия. Отказаться было нельзя, и я прыгнул. В воздухе я почувствовал, что меня заносит, и сделал движение поясницей, чтобы выправиться. В это время упал на воду грудью и почувствовал, как в хребте что-то хрустнуло. Я вытя-

нул в воде руки, ожидая, что меня вынесет на поверхность, но поверхности что-то не было. Я открыл глаза. Желтый свет, но поверхности не видно. Очевидно, ушел глубоко. Не попасть бы под паролод. Я заработал руками и, когда воздуха уже больше не было, выскочил на поверхность среди наших купающихся. Но грудь сдавило как обручем, и я не мог ни вдохнуть, ни позвать на помощь. Я стал медленно погружаться.

— Молодец, все же прыгнул. А небось боязно было? — говорили наши, не замечая, что я тону.

«Как глупо утонуть среди купающихся», — подумал я. Вдруг я услышал с радостью, что поручик Ладутко обратил внимание:

— Что с ним? Ему плохо?

Он подхватил меня под руку и подтащил к веревочной лестнице. Как только я за нее схватился, грудь отпустило, и я мог вдохнуть всей грудью. Спасен. Но влезть по лестнице я не мог, ноги не действовали. Малая волна меня шлепала о подводный борт, покрытый ракушками, и я весь изрезался о них. Кто-то обратил внимание на кровь. Веревочную лестницу спустили, я поставил на нее ноги, и меня втянули наверх. Пришел доктор, помазал йодом и сказал, что легкий вывих позвонка. Не болело, но было трудно садиться в седло. Однако я был молод, и организм вскоре все наладил.

Ночью мы снялись с якоря и пошли куда-то. Рано утром в тумане мы услышали отдаленную стрельбу. Наши высадились в Приморско-Ахтарской и оттеснили красных. Берег был очень мелкий, и высаживались при помощи мелкоосидающих железных барж с мотором. Нас забыли выгрузить, и мы не протестовали, потому что жизнь на «Аю-Даге» была приятная. Но лошади стали страдать от жары и недостатка воды. Тогда генерал Колзаков устроил тарарам, и нас сейчас же выгрузили.

Еще морской бой

Все воинские части пошли уже вперед, но станица была переполнена обозами, беженцами и даже женщинами и детьми. Бог знает, как они сюда попали. Какая глупость — брать беженцев в десант! Они только нас связывали и подвергались напрасно опасности.

Наши обе батареи тотчас по выгрузке запрягли, и они пошли искать Кубанскую дивизию. А меня и нескольких офицеров и солдат оставили, для того чтобы мы нашли повозки, погрузили снаряды и следовали за батареями. Еще вечером все пароходы и два миноносца,

которые нас охраняли, снялись и ушли в Крым. Было тягостное, ощущение, что мосты сожжены и отступление нам отрезано.

Утром мы были разбужены взрывами снарядов крупного калибра. Один дом около нас обрушился. Как и следовало ожидать, после ухода миноносцев красный буксир притащил баржу, на которой стояло крупное орудие. Еще было счастье, что у красных не было военного флота. Этот обстрел вызвал панику среди обозов. Никаких войск в Приморско-Ахтарской не осталось. Но мы вспомнили, что при выгрузке видели английское орудие на пристани. Очевидно, оно было привезено именно для такого случая — прихода красных с моря. Несколько офицеров побежали на пристань. В передке были снаряды. На горизонте виден был буксир и баржа. Английская система была нам незнакома, но в принципе все орудия похожи друг на дружку. Мы поставили орудие и направили его, вкопали сошник, открыли затвор и зарядили. А вот произвести выстрел не сумели. Стали дергать за все, что имело вид спуска. Выстрел произошел внезапно: кто-то дернул за настоящий спуск. Первый снаряд был большим недолетом. Пользоваться прицелом мы не умели и потому просто стали поднимать ствол, чтобы увеличить дистанцию. Вскоре так наловчились, что наши гранаты стали падать вокруг баржи, и противники решили уйти от греха. Отмечу, что английская пушка стреляет дальше нашей и для морского боя вполне подходит.

Очень гордые отражением морского нападения, мы вернулись в станицу и нашли ее пустой. Все удрали. Мы едва смогли найти наши повозки, погрузили снаряды и под вечер отправились искать батареи.

За дивизией

Мы были очень беспокойны. Ехали мы маленькой группой на враждебной территории, не зная, куда ехать и где наши, и все время озираясь кругом, нет ли где красного разъезда.

Какие части участвовали в десанте, точно не знаю. Но думаю, что не ошибусь, назвав тех, с которыми мы встречались. Это была конная дивизия генерала Бабиева, четыре полка и наши две батареи, числом около 2000—2500 шашек, и Константиновское пехотное училище — 500—600 штыков. Это было все. Совершенно недостаточно, чтобы завоевать всю Кубань. Врангель рассчитывал на поголовное восстание казаков, но оно не произошло, так как красные навезли массы войск. Но отношение казаков было к нам доброжелательное, и много добровольцев пополняли ряды наших полков. Командовал десантом генерал Улагай, а фактически генерал Бабиев. Говорили еще про «главные силы генерала

Улагая», которые будто бы пошли вправо и находились в районе станицы Ново-Николаевской. Но это был миф. Никаких главных сил не было, и генерал Улагай спокойно сидел в Крыму. Но «идти к главным силам» было условным кодом и значило: отступать в случае неудачи в плавни через станицу Ново-Нижне-Стеблеевскую. Ведь нельзя было этого сказать просто — красные заняли бы станицу и отрезали нам отступление. Эта тайна была известна одному только Бабиеву, и он ее сохранил. Кроме того, миф о главных силах сослужил нам службу: во-первых, мы сами в них верили, чувствовали, что мы не одни. Главные силы поднимали наш дух. Во-вторых, красные тоже в них поверили и особенно боялись, не находя их нигде и ожидая всюду. Это связывало их действия. Видимо, они были убеждены, что наш десант имеет целью отвлечь их силы, а главные силы тогда-то и высадятся там, где их не ожидают. Этим и объясняется, что красные действовали недостаточно решительно и что мы смогли унести ноги с Кубани.

Несмотря на неудачу десанта, мы оттянули громадное количество красных войск на Кубань, и благодаря этому в Таврии у нас был крупный успех: окружение и уничтожение красного конного корпуса Жлобы. В критический момент у красных не было резервов, и Жлоба погиб. Все резервы были на Кубани. За все время десанта мы не слышали других артиллерийских выстрелов, кроме наших, что доказывает, что других войск и не было.

Наша маленькая группа ехала в поисках нашей батареи. Когда совсем стемнело, мы хотели заночевать на каком-то хуторе, но вокруг него лежали многочисленные трупы с погонами. Здесь произошла какая-то трагедия. Это нас испугало, и мы решили продолжать путь всю ночь, и хорошо сделали, потому что утром мы нашли наши батареи, а вечером по той же дороге шли красные. Если бы мы остались ночевать, мы бы к ним попали. Нашли мы обе наши батареи в станице Роговской, отделенной от главной дороги двумя большими прудами. Батареи еще не нашли дивизию, но уже была слышна орудийная стрельба. Мы пошли в этом направлении. Вскоре услышали пулемет, потом отдельные ружейные выстрелы, и наконец шрапнель разорвалась над нашими головами. Мы пришли. Дивизия вела бой у станции Тимашевка. Красные успели сосредоточить на ней большие силы, и дивизия отходила. Очень может быть, если бы наши две батареи сгрузили с пароходов вовремя, то Тимашевку бы взяли.

Мы были рады присоединиться к дивизии. С ней мы чувствовали себя в безопасности. Дивизия пошла опять в станицу Роговскую. Был черед дежурства нашей батареи. Во время похода по колоннам полков передали приказ Бабиева:

— Батарея наметом (галопом) вперед! — Бабиев звал нас для боя.

Мы взяли вправо и пошли галопом вперед. Я отъехал, чтобы взглянуть на батарею. Меня поразило радостное выражение людей и хорошее состояние лошадей. Я поделился своим наблюдением с капитаном Маловым:

— Идут как на праздник, а ведь идут в бой.

— Это отдохнувшие нервы. Ты увидишь, что через несколько дней картина будет совершенно другая.

Он был прав. Настоящего боя не было. Мы стреляли по отходящим красным, привели несколько пленных. Это было все.

Ночевали в станице Роговской. Она имела то преимущество, что соединялась с главной дорогой только узкой дамбой между двух прудов. Было легко ее охранять. На следующий день была дневка. Бабиев сказал нам:

— Отдыхайте хорошенько.

Он никогда зря не говорил. Значение его слов мы поняли потом. Нам предстоял трудный день.

Отправляя нас в десант, Врангель сказал:

— Не оглядывайтесь назад. Идите вперед, прямо на Екатеринодар. Тогда казаки восстанут поголовно.

Очень энергичный приказ. Но мы оглядывались, потому что жить хотелось. Красные навезли в Кубань массы войск, и поэтому поголовного восстания не произошло. Но казаки встретили нас на этот раз радостно. Они отведали красного господства. От былой враждебности не осталось и следа. Приток добровольцев был непрерывен. Мы вернулись в Крым в большем составе, чем мы из него ушли. И это несмотря на потери.

Место высадки, Приморско-Ахтарская, было хорошо выбрано. С южной стороны примыкали знаменитые Кубанские плавни — приют повстанцев, — которые могли нам служить убежищем в случае чего. С севера шел ряд болотистых озер, с двумя только переправами. Одну из этих переправ, в станице Брыньковской, тотчас по выгрузке заняли юнкера Константиновского пехотного училища. Открыта была только юго-восточная граница четырехугольника в 30 верст шириной и в 70 верст длиной. Красные расположили войска по всему побережью, ожидая наш десант, но проглядели Приморско-Ахтарскую, несмотря на то что она расположена недалеко от Екатеринодара. Но спохватились и стали стягивать войска отовсюду. Цель Бабиева была разбить подходящие колонны красных каждую в отдельности, пока они не соединились в крупные силы.

Река Кубань выше станицы Славенской разделяется на два русла, которые оба впадают в Азовское море, но далеко друг от друга. Все громадное пространство между этими руслами и еще дальше на север занято плавнями — болотистой, не населенной местностью. Вот мы опять на Кубани и опять чтобы драться. Для меня это был третий раз, а были у нас офицеры, для которых это был четвертый раз. Мы как-то сроднились с Кубанью.

— Кубань и Дон, — сказал мне старый казак, — хорошо политы человеческой кровью. Все нашествия прошли тут. Потому-то земля наша так плодородна.

Был август 1920 года. Погода была чудная, дождей не помню. Арбузы и дыни созрели и служили нам главным питанием. Они насыщают и утоляют жажду. Даже лошади едят арбузы, но не дыни. Арбузы чудные, огромные, темно-зеленые, а внутри красные, сладкие и холодные. С двумя арбузами в руках невозможно сесть в седло. Один из них падает и разбивается.

Трудный день

Началось в полночь.

— Седлать, замуничивать. Не курить. Не разговаривать и не шуметь.

Это значило, что красные совсем рядом, но не подозревают нашего присутствия. Действительно, как только наша колонна перешла дамбу, мы врезались в красную колонну, которая шла по главной дороге. Крики, выстрелы, пулеметная очередь в полной темноте. Мы приготовились к встрече, а для красных она была неожиданностью. Думаю, что они разбежались, но ничего не видел, хоть батарея была во главе колонны. Был день дежурства нашей батареей.

— Рысью марш.

Мы пересекли дорогу и пошли прямо на север. Долго шли рысью, не обращая внимания на отдельные выстрелы, которые раздавались изредка то справа, то слева. Стало светать.

Мы были далеко к северо-востоку, где нас не ожидали. Перед нами лежала станица Семенцево. Красные войска мирно спали. Мы грубо нарушили их сон. Часть сдалась, а часть побежала. Полки преследовали их в направлении станицы Брюховецкой, там, где мы провели Рождество. На площади стояла толпа пленных под охраной нескольких казаков и наши две батареи. Мы все легли на землю и заснули. Шли ведь всю ночь.

— По коням. Садись. Рысью ма-арш.

Нас спешно звал Бабиев. Был наш черед дежурства, и наша батарея пошла к Бабиеву. Он стоял за большой скирдой и рассматривал что-то в бинокль.

— Вон там идет сюда красный батальон. Он ничего не подозревает и идет в колонне. Подъезжайте как можно ближе и ахните по ним картечью... Я послал за полками, но мы не можем их дожидаться. Я соберу казаков и атакую их с фланга. Понятно? Хорошо. Идите с Богом.

Мы вышли из-за скирд и пошли не совсем на красных, в орудийной колонне, то есть орудие за орудием. Красные смотрели на нас с удивлением, но не стреляли. Потом, когда мы оказались на их уровне, то Шапиловский скомандовал:

— Поорудийно направо ма-арш... Галопом ма-арш.

Орудия повернулись, батарея оказалась в развернутом фронте и перешла с рыси в галоп. Тут красные заволновались и стали стрелять. У нас упала лошадь, другая. Но мы были уже совсем близко.

— Налево кругом. С передков. К бою!

После первого нашего выстрела у них произошла неопишуемая паника. Толкаясь и мешая друг другу, они побежали, а наша картечь вырывала дыры в толпе. Справа Бабиев атаковал их своим штабом и двумя десятками казаков. Красные бросили винтовки и сдались. Было их человек 600. Мы взяли в передки и пошли рысью туда же. Но красные комиссары, придя в себя, увидели, что казаков всего три десятка.

— Товарищи, их немного! — крикнули они. — Возьмите опять винтовки и переколите этих собак!

И двое из них бросились на Бабиева, который выделялся своей фигурой, широкими генеральскими погонами. Кроме того, у него была сухая правая рука от старой раны. Шашку он держал в левой руке, а повод в зубах. Но товарищи плохо выбрали свою жертву. Хотя левой рукой, но Бабиев прекрасно владел шашкой. В мгновение ока он отразил их штыки и раскроил обоим череп. Остальные замялись.

— Рубите их всех! — закричал Бабиев.

Мы подходили рысью, когда увидели, что что-то там происходит неладное. Без колебания мы быстро снялись и пустили очередь картечи в бушующую толпу, рискуя повредить и своих, но выбирая места, где конных не было. В это время мимо нас прошел на рысях полк и с обнаженными шашками ударил на толпу красных. Мы тотчас же взяли опять в передки, но когда мы пришли на место, то все было кончено. Красных всех порубили. Бой длился не более 20 минут. Это произошло вокруг отдельно стоящей хаты. Хуторянин осмотрелся с ужасом кругом:

— Господи, что же я буду делать со всеми этими убитыми? Как смогу я жить среди трупов? — И он без шапки пошел прочь от своего хутора.

— Вы очень хорошо сделали, что стреляли еще, — сказал нам Бабиев. — Правда, вы нас тоже чуть не угробили, но ваша картечь пришла как раз когда нужно. Это холодит вам кровь — видеть пушки, которые в вас стреляют в упор. Это именно то, что должна, по-моему, делать артиллерия. Стрельба издали не так действенна и много менее впечатлительна... Но не станем терять времени. Нам предстоит еще много дел... По коням! Здесь все кончено.

Он не преувеличивал. Сотни трупов лежали вокруг хутора. И не сказать, что несколько десятков минут назад это был целый батальон. Бой был очень недолгий.

Дивизия пошла к западу. Через некоторое время наши дозоры донесли, что по параллельной нам дороге движется красная колонна, всего в версте. Нас разделяло только поле пшеницы. Мы атаковали эту колонну, и она без особого сопротивления разбежалась. Бой был ничем не интересный. Когда бой кончился, казаки привезли в конно-горную тело капитана Барского, того самого, который меня ругал за то, что я напоил его лошадь. Никто не знал, как он был убит. Он не был обобран. Около двух часов пополудни мы остановились в саду среди степи, чтобы накормить и напоить лошадей: тут был колодец.

Ольгинская

Накормив лошадей, мы двинулись дальше и под вечер пришли в хутор Бутенково. Порядком усталые из-за большого похода и нескольких боев, мы собирались тут заночевать. В Бутенкове красных войск не было, но жители нам рассказали, что в станице Ольгинской, верстах в 15, красные окружили юнкеров. Бабиев тотчас же принял решение.

— Идем в Ольгинскую и поторопимся. Уже вечерет. Полки пойдут шагом, чтобы кони отдышались для возможной атаки. А вы, батареи, идите со мной на рысях.

Мы с Бабиевым и сотней казаков пошли к Ольгинской. Вскоре мы стали слышать выстрелы, а когда подошли к самой станице, увидели красные цепи. Они наступали на станицу и подставляли нам тыл. Видимо, они не подозревали о нашем присутствии. Все произошло по-бабиевски. Мы развернули фронт двух батарей, подошли вплотную и ахнули картечью. Бабиев атаковал их с фланга. Часть удрала, часть сда-

лась, а часть была перебита. Их начальники не имели времени очухаться и подать команд к перестроению. Все длилось несколько минут. Конечно, это был опасный блеф, но зато бой был короткий.

С этого конца все было кончено, когда из-за другого конца довольно большой станицы повалила черная масса пехоты с каким-то гомоном. Мы выпустили в них несколько шрапнелей, которые их не остановили. Странно, пехота не стреляла, а что-то орала. Мы приготовились уже удирать, когда к нам подъехал Бабиев:

— Ну, герои, вы, кажется, собираетесь удирать? Не бойтесь — они сдаются... Но, пожалуй, лучше не подпускать их близко к пушкам. Отойдите на этот бугор и держите картечь на всякий случай. Я послал за полками. Уж очень много их сдается сразу. Тысячи три.

Наконец пришли наши полки, и мы снова приняли уверенный вид. Оказалось, что в Ольгинскую прибежали выжившие из предыдущих боев с криком:

— Белые идут, всех решают.

Они посеяли панику, и, когда раздалась наша залпа, красная пехота, мобилизованная, решила сейчас же сдаться. Мы из них сделали полки, и они вполне добросовестно сражались на нашей стороне.

В Ольгинской мы освободили юнкеров Константиновского пехотного училища, которые были при последнем издыхании, без патронов. Мы пришли как раз вовремя. Все падали от усталости, но все же хорошо накормили лошадей, раньше чем заснуть. Я считаю этот день одним из самых трудных во время Гражданской войны. Было 5 боев и 70, а то и больше верст похода. Андромаха хорошо перенесла трудности.

Рассказ юнкера

Наше Константиновское пехотное училище выгрузилось первым в Приморско-Ахтарской, оттеснило красных и после нескольких незначительных стычек заняло станицу Брыньковскую. Наша задача была держать переправу между двумя большими озерами и воспрепятствовать подходу красных частей. Что мы и выполняли. Но красные прошли через Бутенково и нас окружили. Мы потеряли всякую связь и с дивизией Бабиева, и с Приморско-Ахтарской. А главное, у нас стал ощущаться недостаток патронов.

Наконец, видя безнадежность нашего положения, мы пошли к югу, к плавням. Но идти приходилось в сплошном окружении. Мы шли ночью — от бахчи до бахчи. Арбузы спасали нас от голода и, главное,

от жажды. Было разрешено стрелять только в упор, чтобы не промахнуться. Приказано было сохранить два патрона, последний для себя. Убитых мы оставляли, но что было ужасно — приходилось пристреливать своих же тяжелораненых.

Наконец мы добрались до станицы Ольгинской и из-за количества раненых и отсутствия патронов не могли двинуться дальше. И никаких сведений о наших. Кругом же красные, которые все больше и больше напирала. Мы выстреливали уже последние патроны. И вот вчера мы вдруг услышали отдаленный гром. Но небо было чистое. Неужели орудия? Наши? Как их известить? Гром смолк, но через час появился опять и уже ближе. Без всякого сомнения, это были орудия. А красные, чувствуя, что мы можем спастись, напирала. Потом опять все смолкло. И вдруг совсем рядом за станицей грохнули залпы, красных охватила паника, и казачий разъезд вошел в станицу. Это было избавление.

Корреспондент

С нами в десант отправился английский корреспондент. Он хорошо говорил по-русски и был прекрасно снабжен всем нужным и ненужным. У него была чудная кровная лошадь с новым скрипящим седлом, другая лошадь с вьючным седлом, кожаными чемоданами и даже с палаткой. Чтобы подчеркнуть свою нейтральность, корреспондент не носил оружия, а только фотоаппарат и бинокль. Он носил даже перчатки и новую английскую форму. На пароходе все хорошо функционировало, но как только спустились на землю, он не мог добиться утром горячей воды, чтобы бриться, и «брекфеста». Он определился в штаб Бабиева. Но этот штаб был крайне беспокоен. Большинство вещей, которые он с собой привез, оказались ни к чему и только мешали. Палатку только поставили, глядь — штаб снимается и уходит. Палатку надо вьючить впопыхах. В одном бою он потерял свою вьючную лошадь, в другом исчез его служащий с обоими чемоданами.

Наконец настал день, когда Бабиев повернулся к своему штабу и скомандовал:

— Шашки вон! Пошли в атаку!

Корреспондент был в нерешительности. Но остаться одному было, пожалуй, еще опаснее. Мог ведь появиться, откуда ни возьмись, красный разъезд. Тогда он пришпорил свою лошадь, а лошадь у него была хорошая, она вынесла его далеко вперед, и он оказался среди удиравших красных, которым было плевать на его нейтральность, и они ста-

ли гоняться за этим странным всадником. Только быстроте своей кобылы и усилиям Бабиева корреспондент был обязан своей целостью. При этом он потерял бинокль и заменил его револьвером.

Мы все с большим любопытством следили за эволюцией корреспондента. В продолжение нескольких дней я его не видел.

— Что с ним случилось? — спросил я казачьего офицера.

— Он все тут. Но вы его больше не узнаете. Ха-ха-ха. Смотрите, второй в шестом ряду Запорожского полка. Тот, с рыжей бородой — это он.

— Как? В полку? Как он до этого дошел?

— А он все перепробовал. Если бы можно было уехать, он бы, конечно, уехал. Но сообщения с Крымом нет. У Бабиева в штабе ему не понравилось. Ушел в обоз и там чуть к красным не угодил и все вещи растерял. Тогда он попросился в полк. И в этом он прав — это самое безопасное место... Он исправно несет службу и ничем не отличается от казака.

— А его чудная кобыла и английское седло?

— Кобылу убили, седло он потерял и перчатки больше не носит.

— Заместо «брикфеста» ист кавун, — добавил другой казак. — И больше не брвится. Борода ему к лицу.

Брыньковская

Благодаря взятию станицы Ольгинской, которая занимала центральное положение в четырехугольнике между озерами и плавнями, мы смогли восстановить связь с Приморско-Ахтарской, где находились наши обозы, лазареты и патроны. Но красные занимали станицу Брыньковскую между двумя озерами и угрожали нашим флангам и сообщениям.

После дневки в Ольгинской, необходимой для лошадей, дивизия в полночь тихонько направилась к Брыньковской. Обе батареи шли впереди с Бабиевым. Полки следовали. Но на этот раз красные были настороже и встретили нас пулеметным огнем. Была кромешная тьма, и у нас потерь от красного огня не было. Но батарея ничего не видела и не могла стрелять. Кроме того, красные выкопали окопы, что усложняло дело для нашей конницы. Бой затягивался.

Видя, что внезапность не удалась, Бабиев переменял тактику. Тут был небольшой лесок. Бабиев поставил за ним полки и обе батареи так, чтобы скрыть их от красного наблюдателя на очень высокой брыньковской колокольне. Против окопов он послал пехоту. Думаю, что это

были пленные из-под Ольгинской. Хоть мы и были закрыты от глаз красных наблюдателей лесом, но они подозревали наше присутствие там и каждые три минуты посылали нам гранаты, раскидывая их по всем направлениям. Так проходили часы. Этот беспорядочный обстрел нас очень нервировал: не знаешь, куда упадет следующая граната. Трудно переносить обстрел, ничего против не делая. Казаки становились угрюмыми.

Были любопытные случаи. Три офицера конно-горной уселись на земле играть в карты. Граната упала как раз на карты, ушла глубоко, потому что стреляли издали и гранаты падали почти вертикально, не дала разрыва, а лишь дымок. Камуфлет! Чертовски повезло!

Мне тоже повезло. Меня вдруг охватило беспокойство. Я поднялся и думал укрыться у орудия, но там все места были уже заняты. Тогда я подошел к передку и прижался к нему, со стороны колеса, делая вид, что я что-то ищущий на нем. Я не слышал разрыва, очутился на четвереньках, и что-то сильно ударило в затылок. «Убит», — пронеслось в голове. Осторожно отер лоб и посмотрел на руку — крови нет. Дотронулся со страхом до затылка, ожидая нащупать ужасную рану, — ничего. Тогда, осмелев, стал ворочать головой — ничего. Двигать руками — ничего. Тогда встал и увидел за собой воронку, как раз там, где я раньше сидел. Очевидно, в затылок попал ком земли или ударила подножка колеса, так как при разрыве лошади дернули. Мне очень повезло, что-то меня предупредило об опасности и заставило уйти, когда уже граната летела, то есть в последнюю секунду. Были и другие подобные случаи, но были и убитые люди и лошади, и это длилось очень, очень долго.

Около трех часов пополудни наша пехота пошла в атаку на окопы, потом повернулась и пустилась бежать. Красные не выдержали, вылезли из окопов и пустились ее преследовать. Наши бежали все резвей к леску. Красные потеряли всякий строй в преследовании. Этого-то и ждал Бабиев. Из-за леска внезапно вылетели наши полки и пустились рубить теперь удирающих красных. Сразу с налета полки ворвались в станицу Брыньковскую и даже прошли за нее, всюду рубя растерявшихся красных. Урон был страшный и победа полной. Мы, батареи, шли за полками на рысях, но не могли за ними угнаться.

Выйдя из-за леска, мы увидели поле, буквально усеянное трупами красных. Было трудно провезти орудие, не раздавив трупа. Казаки выместили молчаливые потери за леском. Были прекрасные удары: черепа срезаны блюдцем и открыты, как крышка коробки, которая держалась только на полоске кожи. Понятно было, что в древности делали из черепов кубки, — все это были готовые кубки.

Не доходя до Брыньковской, обе батареи остановились. Один солдат, отошедший для натуральной потребности, вернулся бегом.

— Там в двухстах шагах окопы и красные в них.

Полки прошли, не заметив их. Они были уже с той стороны станицы. Никаких наших частей поблизости не было. Мы были сильно обеспокоены. Все же установили орудия и пулеметы и послали разведчиков. Рота красных вышла из окопов и сдалась нам. Нас это вовсе не устраивало. Мы боялись наших пленных. Батареи беззащитны во время движения. Но мы, конечно, этого не показали. Обращались с ними сурово и повели в станицу. Там, к нашему большому облегчению, стояла на площади большая толпа пленных и несколько казаков их охраняли. Мы сдали им своих пленных, легли на землю и заснули. Но спать долго нам не пришлось.

— По коням. Садись. Рысью! — Бабиев звал нас.

Бой у Ольгинской

Мы узнали, что красная кавалерия заняла у нас в тылу Ольгинскую, посеяв панику среди обозов и раненых. Константиновские юнкера храбро оттеснили красных, но нужно было спешно идти им на выгрузку. Бабиев вернул зарвавшиеся полки. Дивизия собралась и развернутым строем двинулась на Ольгинскую. Мы прошли мимо красного разъезда, который по ошибке принял нас за своих и так перетрусил, что даже не решался удирать, а мялся на месте.

Мы с ходу ударили по красной кавалерии. Бой был очень упорный. Наш взвод, два орудия, под начальством капитана Малова, командира взвода, послали на крайний правый фланг. Наших частей с нами не было. Против нас лава красной кавалерии и бронепоезд, который регулярно посылал нам шестидюймовый снаряд с небольшим перелетом, снаряд за снарядом, и все по тому же месту. Укороти они на одно деление — и от нашего взвода остались бы рожки да ножки. Тогда я подумал: плохо стреляют, без офицера. А сегодня я думаю, что стрелял именно офицер, и стрелял очень хорошо. Он, очевидно, нас щадил и стрелял так, чтобы с броневика казалось: все попадания.

Нас беспокоила красная кавалерия. Несмотря на наш огонь, она к нам продвигалась. Малов не отличался ни храбростью, ни хладнокровием. Он посеял у нас панику, вдруг заорав истерическим голосом:

— Назадки! Галопом!

Положение вовсе не было трагическим, и можно бы было отойти и рысью. Но паника заразительна. Мы бросили два лотка со снаря-

дами и поскакали наутек. В это самое время нам навстречу адъютант Бабиева вел на подмогу наших пленных, которые храбро бежали в бой и отбили красную кавалерию. Мы были очень пристыжены, что бросились бежать слишком рано и без особой надобности. Все зависит от начальника. С Бабиевым мы были львами, а с Маловым — мышами. Я не имел склонности ни к тем, ни к другим, а предпочитал работать под командой Шапиловского, который делал работу хорошо и не очень рисковал.

Бой затягивался. Мы отбили красных, освободили станицу и наши обозы, но не смогли нанести красной коннице решительного поражения. Стало очевидно, что красным удалось сосредоточить большие силы, во много раз превосходящие наши. Под вечер мы находились около Бабиева, когда появился самолет. Мы расстелили простыни на земле, самолет снизился и кинул коробку, в которой был приказ генерала Улагая нашей дивизии присоединиться к «главным силам», которые находятся у станицы Ново-Николаевки. Как я уже сказал, это был условный код, который значил: отступать в плавни. Но мы крепко верили в наши «главные силы» и только удивлялись, что не слышим их орудий.

Тут мне пришлось подтянуть моего друга Леню Александрова. После нашего драпа люди были нервны и робки. Вдруг Леня заныл, смотря на самолет:

— Теперь они нас и с воздуха будут бомбардировать.

— Дурак. Самолет наш и привез нам приказание.

Леня на меня очень обиделся, а люди стали улыбаться.

Дивизия ночевала в станице Ольгинской. Раненых и обозы отправили в Приморско-Ахтарскую с приказанием всем обозам из Приморско-Ахтарской идти через плавни на юг по плохой дороге. Чтобы конвоировать раненых и обозы, послали полки из пленных. А чтобы конвоировать этих последних, послали Константиновское училище. Наша же дивизия запаслась патронами и мобилизовала пустые повозки для будущих раненых и приготовилась к труднейшему фланговому маршу. Впрочем, вру. Мы, простые участники, ничего не знали о намерениях Бабиева и спали безмятежно.

Фланговый марш

У нас не было ни календарей, ни часов, мы едва знали, какой месяц. Некоторые даты я узнал много спустя из книг старших генералов, описывавших события, в которых мне пришлось участвовать. Но

генералы описывали их в общих чертах, не зная всех деталей, которые пришлось переживать мне. «Конница генерала Бабиева, оттесняя противника, направилась на соединение с главными силами». Конечно, это верно, но коротко и вовсе не передает те бои, опасности и трудности, с которыми пришлось встретиться нам, простым участникам этого труднейшего похода. А ведь детали составляют всю суть дела.

Чуть стало светать, как мы в глубоком молчании оставили станицу Ольгинскую и направились на юг к плавням, камышам, кустам и высокой нескошенной траве, которая могла скрыть нас от глаз красных. Нам благоприятствовал густой туман, лежащий пластом на земле. В этот день конно-горная была дежурной, и ее поставили у начала высоких камышей, чтобы дать пройти всей колонне под ее охраной. Мы же, вторая конная, замыкали колонну наших обозов. Мы уходили из Ольгинской последними.

Верстах в трех перед конно-горной выделялся над туманом красный бронепоезд. Это была заманчивая цель, и конно-горная не выдержала, и когда мы, последние в колонне, подошли к ним, то они, раньше чем сняться и идти за нами, пустили несколько гранат в бронепоезд. Мы его ясно видели, он стоял на железнодорожной насыпи. А он нас не видел, мы стояли внизу в полосе тумана. Бронепоезд как бы проснулся, стал отходить и стрелять неизвестно куда. Но это оказалось крупной ошибкой с нашей стороны. Красные прозевали наш уход из Ольгинской, и если бы мы ушли молча, то час-другой нашего ухода не заметили бы. Наши выстрелы их разбудили, и они кинулись нас преследовать и не отставали от нас до самого вечера.

Наши обе батареи шли рысью, чтобы догнать ушедшую колонну, когда на одном повороте среди высоких камышей мы буквально натолкнулись на красный бронеевтомобиль. Завернули мою первую пушку и направили ее в упор на броневик. Но он не двигался, и дверь его была открыта. Тогда несколько храбрецов с карабинами подошли к нему. Броневик был пуст, но все указывало, что он только что оставлен людьми. Обыскали соседние камыши и вытащили трех трясущихся красных. Что с ними сделали, не знаю, потому что батарея пошла дальше, догонять колонну.

Дивизия шла сперва на юго-запад и дошла до края плавней, затем повернула и пошла на юго-восток по самому краю плавней. Был сухой период, и берег плавней был крепок, повозки и даже орудия шли по нему хорошо. Вскоре появились красные и обложили нас тесным полукольцом. Чтобы двигаться вперед, наша колонна должна была отбрасывать красных впереди нас, удерживать напиравших

слева и отбиваться от наседавших на хвост колонны. С раннего утра до позднего вечера был один сплошной бой. Мы занимали совсем маленькое пространство, где сейчас находилась колонна, а кругом были красные. Пули летели отовсюду, только не из плавней. Нас иногда скрывал склон почвы к плавням и высокая трава, но не всюду. Не было места в колонне, где бы не жужжали роями пули. Красной артиллерии не помню. Вероятно, красные цепи были так близки к нам, что их артиллерия не могла стрелять. А может быть, я просто заблудился. Артиллерист не обращает внимания на снаряды, а боится пуль. Пехота же наоборот.

Так весь день мы шли в тесном окружении. С другим начальником такой поход был бы невозможен, но нас вел Бабиев, и мы ему слепо верили, сжимали зубы и шли. Наши обе батареи были все время заняты — работали челноком. Одна отстреливалась, а другая неслась вперед по самому краю воды, выскакивала в голове колонны и стреляла на картечь. Иногда Бабиев считал обстановку благоприятной для атаки. Тогда сразу отбрасывали красных на версту, и вся колонна спешила на рысях пройти освободившееся пространство без стрельбы. Но вскоре красное кольцо опять сжималось.

Я старался, насколько было возможно, задерживаться в низине или за кустами и проходить как можно быстрее открытые пространства. Вначале боялся очень, потом страх притупился. Боялся я за себя и за Андромаху. Изредка искал глазами Александра — цел ли еще. Я был рад, что брат остался в Крыму.

Раза два батарею посылали отстреливаться от напиравших сзади. Тогда проходили мимо повозок с ранеными, и они нас спрашивали о положении. Мы делали веселый вид и отводили глаза. Иногда раненые просили их прикончить, чтобы они не попали к красным. Их успокаивали, но старались скорей пройти. Да, лучше быть убитым, чем раненым. С Андромахой мы разделили арбуз — ничего другого не было. В обозе патронов и снарядов становилось все меньше, а раненых все больше.

В тупике

Под вечер болотистый ручей преградил нам дорогу. На той стороне на расстоянии в полверсты находился хутор Кирпили. Через болото вела дамба-дорога на хутор. Кирпили были заняты красными. Мы были зажаты в тупике. С двух сторон болото, а с третьей напирала красные. Положение казалось безвыходным. Мы находились около Бабиева, ког-

да он отдал приказание есаулу (командиру сотни). К сожалению, фамилию его не запомнил.

— Есаул, вы должны взять Кирпили. Это наше единственное спасение. Не отступайте. Атакуйте по плотине. Бог вам в помощь. Ступайте.

Услыхав этот приказ, я сильно обеспокоился:

— Атаковать по плотине в полверсты? Верхом? Это же невозможно. Десяток стрелков может защитить дамбу против полка.

Но есаул ответил очень просто:

— Слушаюсь, Ваше Превосходительство.

— Чтобы отвлечь их внимание, — продолжал Бабиев, — я сейчас атакую всеми силами. Воспользуйтесь этим моментом.

Есаул повернулся к своим людям — человек пятьдесят всадников — и ровным голосом скомандовал:

— Справа по три, шагом ма-арш. — И они пошли.

Мы же всеми силами атаковали красных перед нами, но не смогли их оттеснить. Поручик Абрамов был ранен около меня. Я помог положить его на повозку. Он схватил мою руку:

— Не бросайте меня красным. Лучше dokonчите сейчас.

— Какие глупости. Мы вас возьмем с собой, — сказал я, стараясь говорить веселым голосом, и отвел глаза.

Мы встретились глазами с Александровым и ничего не сказали, но поняли друг друга. Казалось, наступает конец. Воскликание! Вдруг солдат вскрикнул и указал пальцем на Кирпили: на той стороне болота появились всадники. У них был характерный силуэт казаков.

— Наши!!! Кирпили взяты!!! Спасены!

Эти радостные слова повторялись по нашим войскам как крик победы. Это было даже больше, это было Избавление. Бабиев тотчас же послал подкрепление есаулу. А мы на рысях пошли по длиннейшей дамбе, чтобы скрыться в Кирпилях.

Идя по узкой плотине, я спрашивал себя, как могли они пройти по ней? Они прошли наметом (галопом) гуськом и атаковали красных среди плетней и домов, то есть в худших условиях для конной атаки. И все же они взяли Кирпили, и даже с малыми потерями. Они даже не хвастались, думая, что сделали работу, как всякую другую, а не подвиг.

— Взяли врасплох, — говорили они.

Дивизия быстро втянулась в Кирпили. Теперь нас отделяло от красных широкое болото, и мы могли вздохнуть свободно, по крайней мере на время. Пора было вздохнуть: после целого дня жестоких непрерывных боев снаряды, патроны да и нервы были на исходе. Напряжение в течение дня было чересчур сильно.

Кирпили

Мы оставались два дня в Кирпилях. Нам было запрещено стрелять, чтобы сохранить снаряды и патроны, которые у нас остались, на случай нападения. Но наша батарея стояла на позиции, и всегда при орудиях были дежурные номера и офицер. Другой офицер был на наблюдательном пункте, на стогу сена, среди болота, и к нему был протянут телефон.

Не знаю почему и крайне удивляюсь, но красные находились только по ту сторону ручья Кирпили. Они почему-то не пытались зайти с этой стороны ручья. Очевидно, местность им не благоприятствовала (болотистая). Наше молчание придавало красным смелости, и они поставили на том берегу открыто батарею и разгуливали целыми формированиями в сомкнутом строю. Какая цель! Но с нашей стороны ни выстрела. Я отношу это к большой дисциплине, которую удалось ввести Бабиеву.

Днем и ночью красные посылали нам гранату, каждые десять минут. Гранаты разбрасывали бессистемно, чтобы нельзя было предугадать, куда упадет следующая. Это действует на нервы. Мы разговаривали, шутили, смеялись. Потом замолкали, прислушивались. Слышен был выстрел, полет снаряда, разрыв. Тогда все опять заговаривали до следующего снаряда.

Я был дежурным у молчаливых орудий. Поручик Арсеньев с наблюдательного пункта сказал мне шепотом по телефону прийти скорей к нему на копну, но без шума. Я почти полз и лег около него на копну. Он приложил палец к губам и протянул мне бинокль. Я обследовал ту сторону, но не нашел ничего особенного. Взглянул на него вопросительно — он указал пальцем вниз копны. Да, это было редкое зрелище. Тут на маленькой мочажине собрались, вероятно перед отлетом, дупеля, бекасы, кроншнепы и всякие другие кулики и голенастые, которых даже и видеть-то не приходилось. Оба мы были охотниками и долго любовались необычайным зрелищем. Какое преимущество уметь летать. Мы им завидовали. Если бы могли, с какой радостью улетели бы в Крым.

Бабиев чего-то ждал. Местный казак пробрался к нам через болота и сообщил о прибытии наших обозов из Приморско-Ахтарской. Они находились в трех верстах от Кирпилей, но с той стороны, занятой красными. Сидели в камышах и ждали приказаний. Они пришли по малопроезжей дороге через плавни. Это и была та новость, которую ждал Бабиев. Он послал им сказать, чтобы они на рысях проходили в Кирпили, при первом орудийном выстреле. Мы немного подождали, дали казаку добраться до обоза. По данному сигналу наша батарея

смела красную батарею, так наивно вставшую на открытую позицию на той стороне ручья. Той же участи подвергся разгуливавший эскадрон. Полки перешли дамбу, ударили на растерявшихся от неожиданности красных и оттеснили их от проселка, ведущего в плавни. А по этой дороге уже нахлестывали бесконечные обозы из Приморско-Ахтарской, а рядом с повозками раненых и патронов бежали бегом солдаты в английском обмундировании, вызывая у нас недоумение. Оказалось, чтобы освободить повозки для раненых, пленным из Ольгинской раздали английское обмундирование. Весь проход наших обозов в Кирпили длился не больше часа. Когда красные наконец опомнились и подтянули резервы, то мы были опять в Кирпилях за длинной дамбой. Но теперь у нас были и патроны, и снаряды, и красные должны были держаться поодаль. Мне кажется, что во время этой вылазки у нас не было потерь или самые ничтожные.

Конечно, короткая фраза сообщения: «Конница Бабиева, оттесняя противника, направилась к главным силам» — очень плохо или, верней, совсем не передавала тот ужас, который мы пережили в этом труднейшем фланговом походе. Мы думали, что находимся теперь недалеко от наших главных сил генерала Улагая, которые будто бы находились в станице Ново-Николаевке, верстах в 60. Повторяю, как мы думали, потому что никаких «главных сил» в действительности не было. Но мы в них твердо верили, и это нас очень подбодряло. Дав отдохнуть день обозам, мы пошли в Ново-Николаевку. Как будто красных между Кирпилями и Ново-Николаевкой не было.

Ново-Николаевка

Итак, мы направились в станицу Ново-Николаевку. Чтобы улизнуть незаметно от красных, мы выступили среди ночи, в полной темноте. Наши батареи шли впереди за Бабиевым. Вдруг перед нами заработал пулемет, но сразу смолк. Оказалось, что наша застава Запорожского полка спросонья не разобрала, кто идет. Несмотря на этот досадный шум, красные наш уход из Кирпилей проспали и во все время длинного и долгого похода нас не преследовали. Это была удача, потому что с нами были бесконечные обозы и охранять их в бою было бы очень трудно. Мы постоянно останавливались и давали обозам подтянуться. Обозы от нас отделились и пошли направо вдоль границы плавней в станицу Ново-Нижне-Стеблеевскую у самых плавней и на реке Кубани. С обозами пошли юнкера Константиновского училища.

Мы же, дивизия Бабиева и ольгинские пленные, пошли прямо на Ново-Николаевку. Шли мы весь день и часть ночи и пришли в станицу примерно к полночи. В станице было много пехоты, и мы заключили, что это-то и есть «наши главные силы» генерала Улагая. Мы прошли до площади, поставили на ней наши орудия, распрягли их и разошлись по квартирам, которые находились довольно далеко от оружейного парка.

Перед тем как ложиться спать, мы разрезали очень большой арбуз. Вот как это делалось. Его разрезали и потом отпускали, и он распукался как роза. Лучший кусок был тот, к которому прилипла серединка, и каждый хотел им завладеть. В правилах игры можно было хитрить. Когда арбуз отпустили, и он развалился, то я крикнул:

— Стреляют!

Все прислушались, и я завладел лучшим куском. Но к моему удивлению, все вскочили и стали пристегивать оружие, потому что в станице действительно стреляли.

Мы бросили арбуз и кинулись к орудиям. Их спешно запрягали. Вестовой протянул мне повод поседланной Андромахи. Как только я получил Андромаху, я перестал бояться. Орудия запрягли, и мы двинулись шагом, чтобы избежать паники, вон из станицы. Вот что произошло. Наши ездовые с распряженными лошадьми направились к домам, которые им указали квартирьеры, и нашли дворы переполненными спящими солдатами.

— Вы какого полка? — спросили они одного солдата, который не спал.

— 237-го советского, — ответил он.

— А...

Наши ездовые имели присутствие духа уйти не спеша к орудиям и снова их запрячь. Они известили других. Между тем началась стрельба, и обе стороны пустились наутек. Как квартирьеры не заметили неприятельской пехоты?! Конечно, думали о наших «главных силах», которых не было.

Когда вспоминаю этот эпизод, волосы шевелятся на голове. Очень просто, вошли в забитую неприятелем станицу, пошли на центральную площадь, распрягли там орудия и ушли на квартиры. Нам еще повезло, что мы не потеряли орудий. Нам удалось уйти из станицы и без потерь. Ночью пули не причиняют много вреда. Проходя мимо нашего дома, я соскочил с Андромахи, вошел в дом и взял свой чудный кусок арбуза и ел его в седле, во время отступления. Мы вышли из станицы, отошли немного и остановились. Я лег на землю и держал повод бедной Андромахи, которую не поили, не кормили и не расседывали после очень долгого похода.

Бой

Бой начался с зарей и вскоре принял нудный, затяжной характер. Станица осталась незанятой, между нами и красными. Бабиев решил этим воспользоваться, чтобы ударить по левому флангу красных. Он взял наши обе батареи и два полка и на рысях прошел по главной улице станицы и свернул вправо в малую улочку, выходящую из станицы.

Но на этот раз счастье не сопутствовало Бабиеву. Как только мы свернули в улочку направо, пули густыми роями полетели нам навстречу. Внезапность нападения была потеряна. Перед нами, говорили потом казаки, была выстроена батарея из 17 пулеметов. Если даже число пулеметов преувеличено, то во всяком случае их было много, а пуль еще больше. Листья лип падали срезанные. Житья от пуль не было. Мы пригнулись к луке и поскакали вперед. Казак, скакавший впереди меня, был убит пулей в лоб, я видел, как что-то брызнуло из головы. Совершенно такой же случай был под Харьковом.

Мы вышли из станицы. Тут была низина, старое русло, которое нас скрыло от глаз противника. Обе батареи тут и затаились, а полки пошли вперед в атаку. Мы были спрятаны от глаз красных, но не от пуль и снарядов. Мы стояли ничего не делая, не стреляя и не удирая, а просто бессмысленно стояли под сильным огнем и несли потери. Наши многочисленные полковники ушли вперед с казаками и никаких приказаний не отдавали. А старшие офицеры, которые в таких случаях должны взять командование в свои руки, тоже не могли решиться и преступно молчали. Не взял же нас Бабиев с собой для того, чтобы мы молча стояли под огнем? Нам было бы легче переносить обстрел стреляя, чем ничего не делая. Кроме того, стреляя, мы бы сбили несколько пулеметов и облегчили казакам их атаку. Нет, мы ничего не делали, и я уверен, что мы бы так целиком попали к красным в руки, если бы не встретили случайно Бабиева. Какое-то непонятное оупение нашло на наших командиров, особенно на Обозненко. И все это были опытные и энергичные люди. Очень странно. В некоторое оправдание нашим полковникам служило то, что командиру конно-горной, полковнику Алябьеву³⁰³, снарядом оторвало ногу. Он попросил генерала Колзакова его прикончить. Колзаков выстрелил с седла и промахнулся.

— Да не нервничай ты, — сказал умирающий, — слезь и dokonчи меня.

Что тот и сделал.

У нас на батареях были потери и в лошадях, и в запряжках, особенно в моем орудии. Одна лошадь падала убитая, мы ее выпрягали и впряга-

ли другую на ее место, но и эта внезапно падала на землю. Просто руки опускались. В моем орудии было убито три лошади и две ранены. И заменить их было уже нечем. Были потери в лошадях и людях в обеих батареях. Оба наши взводные командира, Малов и Пташников³⁰⁴, не отличались мужеством и самым простым образом удрали. Я обратился к Обозненко, старшему офицеру батареи:

— Евгений Николаевич, не находите ли вы, что глупо стоять так под обстрелом, ничего не делая? Дайте приказание стрелять или удирать.

— Совершенно с вами согласен, — ответил он. — Но все наши полковники должны отдавать приказания, а они молчат. Кажется, все потеряли головы.

— Тем более, возьмите ситуацию в свои руки и прикажите что-нибудь.

В это время в моей запряжке убили еще лошадь, и я отвлекся от Обозненко и не убедил его действовать.

Должен отметить двух храбрецов. Первым был фельдшер Гюльногов, который, не обращая внимания на гранаты и пули, переносил раненых и перевязывал их как ни в чем не бывало. Благодаря его хладнокровию все раненые были вывезены. Подозреваю, что чувство страха у него было атрофировано. Может ведь стать. Другой был поручик Арсеньев, тот, который хотел смирить сумасшедшую старуху в Изюме и который позвал меня на копну смотреть голенастых птиц. Он, очевидно, боялся, как и все мы, но силой воли заставлял себя ходить не спеша взад и вперед, посвистывая.

Я же боялся ужасно. Я лег на землю и старался в нее вдавиться. Поручик Высево³⁰⁵ был ранен в пятнадцати шагах передо мной. Мне стоило громадного усилия воли подняться и к нему подойти. Земля притягивала меня как магнит, и мне трудно было пройти эти несколько шагов, чтобы опять не лечь. Изредка я бросал взгляд на Александрова и Андромаху, чтобы убедиться, что они еще целы.

Наши полки вернулись из неудачной атаки и прошли мимо нас. Они должны были понести большие потери, и, вероятно, все убитые и раненые остались там, у красных. Мимо нас раненых не провозили. А мы продолжали стоять, дожидаясь приказа, который так и не последовал. Так бы батареи и попали в руки красным по какому-то затемнению умов. Но на наше счастье, появился отступающий Бабиев.

— Вы что тут делаете? Удирайте, и живо. Красные идут сюда.

Если это говорил Бабиев, ему можно было верить, он не был паникером.

Застряли

Конно-горная ушла по той же улице, по которой мы пришли, а наша батарея взяла влево и в поводу, чтобы избежать паники, пошла по следующей, более широкой улице. На повороте мое орудие, запряженное только тремя лошадьми, — остальные были убиты, — взяло неправильно поворот, и колесо передка уткнулось в земляную изгородь. Лошади рванули, колесо передка перевалило через изгородь, но зато колесо орудия прочно заклинилось в углу изгороди. Ни взад, ни вперед, ни даже отцепить орудие от передка невозможно. Лошади тянут, люди толкают — и ни с места. А ценные минуты проходят. Кругом подозрительно тихо. Кругом никого. Батарея ушла. Красные должны вот-вот появиться.

Черт побери эту греклятую пушку. Мы не будем рисковать нашими жизнями из-за нее. Мы легко найдем другую. Я отдал приказ моим людям или, верней, тем, которые со мной остались у орудия. Некоторые, в том числе Александров, удрали. Распрячь, снять затвор и прицел и собраться за угловым домом на главной улице, в ста саженях. Убедившись, что все исполнено, я побежал туда же. Там я застал моих людей, Арсеньева и Обозненко.

— Господин полковник, орудие безнадежно заклинилось. Разрешите его бросить, чтобы не рисковать людьми?

Но Обозненко был старой школы. Для него орудие представляло знамя.

— Нет, нет и нет! Нужно его вызволить во что бы то ни стало!

Мы опять взяли лошадей и побежали к орудью. Арсеньев, силач, присоединился к нам. Обозненко вернулся к остальной батарее.

Кругом никого, зловещая тишина. Кое-как прицепили лошадей, пихали, тянули, напрягались сверх сил. И вот орудие тронулось и пошло. Мы вскочили на коней и пошли рысью. Завернули за угловой дом. наших видно не было. Постромки были перепутаны. Две прицеплены на тот же крючок, одна обвилась вокруг ноги лошади. Но останавливаться было слишком опасно. Мы шли дальше рысью. Я убежден, что красная пехота занялась грабежом убитых и раненных казаков и дала нам время увести орудие. Наконец мы увидели цепь пехоты, идущей нам навстречу. Они были в английском обмундировании — наши пленные из-под Ольгинской.

— Наконец-то, вот наши.

Как только мы прошли цепь пехоты, мы спрыгнули и распутали постромки. Это потребовало всего полминуты. Опять сели и пошли дальше рысью.

Арсеньев сказал мне:

— У этой пехоты странный вид.

Действительно, хоть все мое внимание было обращено на построение, я заметил, что один пехотинец чертил вокруг себя круги штыком по земле. Так не идут в бой. У нас было чувство, что они нам смотрят в спину. Наконец поворот улицы скрыл нас от их глаз. Мы перешли на шаг.

Вдруг, откуда ни возьмись, появился капитан Малов, удравший во время обстрела. Рубашка его была залита кровью.

— Саша, ты ранен?

— Нет, это кровь лошади.

Он сконфуженно сел на лафет. Злые языки (Лукьянов) уверяли, что Малов так перетрусил, что залез в развороченный снарядом труп лошади и пролежал там все время боя. Казачий пост направил на нас винтовки.

— Стойте! Кто вы такие?

— Артиллеристы, черт вас побери. Опустите винтовки.

— Откуда вы идете?

— Вы же видите, что мы идем из станицы.

— Станица занята красными.

— Вовсе нет, мы только что повстречались с нашей пехотой.

— Она уже больше не наша. Они перебили офицеров и перешли к красным.

Вот тогда я действительно испугался. Раньше все мое внимание было поглощено орудием, и не было времени сообразить положение. Почему они нас пропустили? Не убили или не забрали в плен? Приведенное орудие доставило бы им похвалу красных. Я думаю, что все зависело от психологического момента. Мы не сомневались, что они наши, и не уделили им никакого внимания. Если бы мы показали страх или недоверие, они бы нас перестреляли. Русский мужик тугодум, ему надо сообразить дело, а мы не стали дожидаться. Не думаю, что красные встретили их радостно, — они ведь дрались против них, — тем более что они были в английской форме.

Сейчас же по нашем выходе из станицы завязался бой. Батарея очень поскромнела после пережитых тревожений. Мы стреляли под командой Шапиловского. Появился Бабиев и приказал:

— Выезжайте вперед и жахните картечью.

Мы переглянулись. Выехали не совсем вперед и стреляли шрапнелью, а не картечью. Даже обрадовались, когда вышли все снаряды и нас отправили в тыл в станицу Ново-Нижне-Стеблеевскую. Неудача

нашего последнего боя решила участь десанта. Мы уходили в плавни. Судя по карте, станица Ново-Нижне-Стеблеевская находилась на северной ветке реки Кубани и от нее шла вдоль реки дорога-дамба до самого моря.

Ново-Нижне-Стеблеевская

Река Кубань раздваивается. Одна ветка впадает в Азовское море у Темрюка, другая много северней у Ачуева. Все пространство между этими двумя ветками и много на север занято плавнями. Примерно 100 на 70 верст. Плавни необитаемы. Станица Ново-Нижне-Стеблеевская стоит на северной ветке реки Кубани и на границе плавней. Река углублена, и земля выброшена на правый берег. Образовалась дамба-дорога до самого моря, которая не заливается даже в дождливый период. После неудачи у Ново-Николаевки нам предстояло уйти к морю по этой дороге. Наши обозы стояли в Ново-Нижне-Стеблеевской.

Расстреляв все снаряды, наша батарея шла в эту станицу. По дороге были отдельные хаты. Мы зашли в одну из них, чтобы поесть. Крестьянка подтвердила, что вдоль Кубани идет хорошая дорога до моря.

— Но это вам ни к чему не послужит, — спокойно добавила она. — Сегодня утром красные заняли станицу.

Мы подскочили и с большим беспокойством направились дальше. Мы уже достигли первых домов станицы, когда вокруг нас стали разрываться 48-линейные снаряды. На батарее был момент паники и растерянности, но какой-то офицер громким голосом объявил:

— Мост и выход на дамбу в наших руках. Идите на мост.

Обстрел тут же кончился, и наша батарея перешла мост через небольшую речку и пошла по дамбе уже в самых плавнях. Все вздохнули с облегчением и переглянулись со счастливой улыбкой: уф! Спасены.

Никто из нас не знал, куда мы идем и что с нами будет. Но сейчас мы чувствовали себя в безопасности. Не стреляли, и красных кругом не было. Капитан Кузьмин, офицер нашей батареи, рассказал нам, что случилось в Ново-Нижне-Стеблеевской.

— Наши обозы расположились в станице, когда сегодня утром приплыли на барже красные. Батальон с одной мортирой. Это было неожиданно, и они легко заняли почти всю станицу. Но к счастью, с нами были юнкера Константиновского училища. Они организовали сопротивление. Их начальник мобилизовал в обозах всех способных носить оружие, и красных отбросили в южную часть станицы. Я тоже явился верхом, и меня, как единственного всадника, послали в развед-

ку. Стрельба стихла. Я осторожно пошел по главной улице. У поворота я остановился. Идти дальше боялся. Случайно взглянул налево за плетень и обмер. Там лежало 7 красных стрелков. Я стал было заворачивать коня, как заметил, что один из них поднял голову, взглянул на меня и опять опустил голову. Определенно, они меня боялись. Тогда я сказал грозным голосом: «Сдавайтесь!» Один поднялся на колени и поднял руки в знак сдачи. «А что же другие?» Я сам их ужасно боялся. У них 7 винтовок, а у меня один револьвер. «Шестеро из них были убиты: прошла очередь пулеметного огня. Я один остался жив». Тут я приосанился, велел своему пленнику собрать все винтовки и привел его к нашему начальнику, который меня похвалил. Пленный рассказал, что знал. Я же увидал нашу батарею и потихоньку сбег и присоединился к вам. А то, чего доброго, пошлют еще в разведку. Раз сошло, а другой раз может ведь и боком выйти.

В плавнях

Батарея двигалась не спеша по дамбе-дороге в плавнях, и мы были счастливы. Нам удалось вырваться от красных, кругом тишина, не стреляют и, главное, безопасность. Это было очень приятно. Этого чувства мы были давно лишены.

Плавни были особым миром. Это не лес, но отдельные развесистые деревья. Всюду камыши выше человеческого роста. Был сухой период. Когда идут дожди, все залито водой. Река Кубань, верней, ее северная ветвь неширока — всего саженой двадцать—двадцать пять, но глубока и с сильным течением. Говорят, в плавнях много дичи: медведи, кабаны, рыси и даже встречается олень. Громадное количество водоплавающей птицы. Над нами часто пролетали утки. Было легко заблудиться в камышах, которые начинались сейчас же около дороги. Тут наблюдался любопытный акустический феномен. Стоит немного углубиться в камыши — и не знаешь, с какой стороны доносятся звуки двигавшейся колонны.

Сейчас же возникла проблема питания. В особенности для лошадей. Трава росла только на дамбе, а среди камышей ее не было. Люди как-нибудь обойдутся, подтянут ремни, а вот лошади должны есть, чтобы работать. Наши обозы, конечно, не догадались отправить баржу с ячменем вниз по течению, даже баржа с арбузами облегчила бы наше положение. Досадно думать, что обозники живут неплохо, но не могут додуматься, что надо заботиться о войсках. Ни интендантство, ни обозы никогда ничего в этом смысле не сделали и почему-то это

считают нормальным. От них не ожидают и не требуют. А нужно требовать, ведь они для того и созданы. Было досадно думать, что хороших организаторов так мало, а тупиц сколько угодно.

Где только на дамбе я видел хорошую траву, я останавливался, чтобы Андромаха могла попасться, а потом догонял батарею. Хорошо, это Андромаха, а все другие лошади моего орудия и батареи? Они не ели с выхода из Кирпилей, уже два дня. Колонна остановилась и ночевала на дамбе. Был конец августа, и было тепло. Я расседлал и разнуздал Андромаху, но держал повод в руке, чтобы она не ушла в камыши, где ее трудно будет найти. Каждые полчаса я просыпался и менял место, чтобы Андромаха нашла новую траву.

Тут на водопое утонула упряжная лошадь моего орудия. Берега дамбы были крутые. Лошадь соскользнула, скрылась под водой и больше не появилась. Никогда не думал, что лошадь может так легко утонуть. Правда, она была некормлена, непоена и очень устала, но все же удивительно. Или вода попала в уши, или холодная вода вызвала удар. Я приказал поить лошадей из ведра, чтобы и с другими не случилось того же.

Под вечер следующего дня мы достигли устья Кубани у моря. Тут, по счастливой случайности, находился пост Ачуев, который состоял из ангара со строительным материалом. Так что мы могли построить мосток для пешеходов и маленький плот, на котором переправили все орудия и повозки. Этот строительный материал оказался тут так неожиданно, что мы говорили, что Николай Угодник его тут устроил, чтобы нас спасти. Лошадей переправили вплавь, в сопровождении нескольких лодок. Несмотря на крутые берега и сильное течение, все обошлось благополучно. Когда был готов плот, я сделал глупость переехать со своей пушкой на ту сторону, для пробы плота. Орудие прикрутили к плоту и тянули его сперва с мостика, а потом с той стороны. Ну и натерпелся я страху! Плот был слишком мал для тяжелого орудия и грозил ежесекундно опрокинуться. Конечно, я не смог бы плыть в шинели, сапогах, с шашкой, револьвером и карабином. Я был счастлив, когда мы наконец причалили к другому берегу. Несмотря на шаткость плота, на нем переправили всю артиллерию и все повозки.

На берегу моря

Передок и орудие были переправлены, и все мои люди и лошади находились на южной стороне реки. Полковник Шапиловский, чтобы избежать толкучки, приказал мне запрячь мое орудие и идти по пляжу. Там, верстах в трех, квартирьеры укажут пляж для батареи. Ору-

дия будут подходить по мере переправы. Таким образом, мы пошли первыми и шли совершенно одни по пляжу плавней, где, вероятно, редко ступала нога человека. Была ночь, и светил месяц. Слева шелестели камыши плавней, а справа малые волны шептали о песок. Кругом тишина и таинственность. Это составляло такой приятный контраст с трескотней пулеметов и громом разрывов. Мы шли как зачарованные. Я обернулся в седле.

— Как хорошо-то.

— Да, хорошо и так тихо.

Я уже знал, по опыту Арабатской стрелки, что на пляже есть твердая полоса песка, где орудие идет как по паркету. Свернешь направо — мокрый песок затянет, свернешь налево — по рыхлому песку не проедешь.

Тишина и равномерный шепот волн нас убаюкали, и мы заснули. Я проснулся от того, что Андромаха остановилась. Я повернулся в седле и ахнул. Лошади и люди — все спали, а орудие, приблизившееся к воде, уходило на глазах в песок. Я быстро всех разбудил, мы кинулись вытягивать орудие. Лошади тянули, мы пихали и выгребали песок. Но все наши усилия ни к чему не приводили. Орудие только перестало углубляться в песок. Одно колесо ушло до оси. Песок не хотел отдавать нам орудие.

— Все вместе, нададим еще раз. Эх, ухнем!

Каким-то чудом орудие высвободилось и встало на твердый песок. Мы стояли кругом, переглядываясь.

— Это морской царь захотел взять наше орудие.

— Ты уж не сердчай, морской царь, а пушка нам будет еще нужна.

Никто не улыбнулся. Была ночь, луна и таинственность.

«Странно, — подумал я. — В Ново-Николаевке орудие заклинилось и, видимо, хотело там остаться. На плоту чуть не перевернулось и тут ушло в песок. Неспроста это».

Вся дивизия расположилась на пляже. Было неплохо, но голодно, и нас мучила жажда. Пробовали пить морскую воду, но без успеха. Утром нас разбудил красный самолет. Он прилетал часто и всегда бросал бомбы. Но в те времена и самолеты и бомбы были паршивые. Прилетал он раз пять, и только одна бомба попала на пляж и кого-то ранила. Мы стреляли по нему из винтовок. Но тут нужно знать, что целить нужно много вперед и выше самолета. Кто этого не знал, стрелял впустую.

С Александровым мы собрали все фляжки, взяли парусиновое ведро и поехали на реку Кубань. Говорили, что тот берег занят красными, но мы никого не видели. Наши лошади, почуяв пресную воду, буквально взбесились. Рвались к воде. Пустить их нельзя — свалятся с крутого бе-

рега и течение их унесет. Тут мне пригодился мой опыт коновода. Я их держал, пока Александров черпал ведром воду. Надо было сперва напоить лошадей, и только после этого мы смогли сами напиться. На обратном пути надо было защищать фляги от жаждущих казаков.

— Да езжайте сами по воду, красных там нема.

Я послал номеров и ездовых на Кубань поить лошадей. По их благополучному возвращению и другие орудия пошли поить, а глядя на нас, повели поить и конно-горная и полки.

В Керчь

На третий день пребывания нашего на пляже за нами пришли пароходы. Мы ввели повозки просто в воду и из них сделали пристань. Плоскодонные баржи перевезли нас, лошадей, орудия и повозки на пароходы. Прилетел опять самолет, его пять бомб упали между пароходами в воду. Опять на пароходах не было предвидено ни еды для людей, ни фуража для лошадей. Повесить бы каждого десятого интенданта! Матросы дали нам половину своего супа, который мы с жадностью проглотили. Конечно, на всех было мало. Но как он нам показался вкусен!! И все же мы были счастливы. Отбрыкались. Десант кончился, мы остались живы и даже смогли вернуться в большем числе, чем пришли.

Десант был неудачен. Казаки не поднялись поголовно, потому что красные навезли массы войск. Но казаки встретили нас как освободителей, и многие к нам присоединились. Нас было слишком мало, чтобы завоевать всю Кубань. Против нас были втрое сильнейшие красные войска. Выбрались мы только благодаря Бабиеву. Десант ужасная вещь, боже сохрани от десанта. Считаю, что нам повезло, что мы вернулись. Я лег на палубе и крепко заснул. Проснулся я уже в Керчи. Пароход стоял у пристани. Меня послали в трюм разгружать лошадей.

Брат был в обозе в Керчи. Он очень беспокоился обо мне. Слухи ходили самые фантастичные. Он пришел на пароход. Снизу из трюма я услышал его голос, спрашивавший обо мне. Я поднялся на палубу. Мы улыбнулись друг другу.

— Ну, как было?

— Ужасно. Мы едва вырвались.

— А Андромаха?

— Было очень трудно для нее, но она все хорошо перенесла.

Я снова спустился в трюм доканчивать выгрузку лошадей. Было чувство счастливой усталости. Все же отбрыкались, остались живы.

Хоть десант на Кубань был неудачный, но мы отвлекли на Кубань много красных сил и дали возможность нашим в Таврии окружить и уничтожить конный корпус Жлобы (18 и 19 июня 1920 года). В нужный момент у красных не оказалось резервов — все были на Кубани.

С. Туржанский³⁰⁶

ДНЕВНИК ПОРУЧИКА, МЛАДШЕГО ОФИЦЕРА СЕМИЛЕТОВСКОЙ БАТАРЕИ³⁰⁷

16 марта 1920 года. Такая тоска на душе, места себе не нахожу. Вчера с Кржиповым весь день пробыли на пристани, с надеждой всматриваясь в высаживающиеся войска. Все думали, вот появится знакомое лицо. Последний транспорт подошел, но из нашей дивизии никого. Узнали, что все, кто не мог погрузиться, пошли на Геленджик, но у Кабардинки дорогу перерезали зеленые в таком месте, где развернуться не было возможности. Шесть раз наши ходили в атаку, но безуспешно. Одна сотня с пулеметом держала 200 000 армию. Некоторые бросились на лошадях в море. Их подобрала французские военные суда, сзади же шли красные. Остальные разбрелись кто куда, по горам, с тем чтобы или попасть к зеленым, или погибнуть голодной смертью. Так тяжело, что и собственное спасение уже не радует. Нечего есть. Никому ты не нужен. Но конечно, штаб Сидорина поместили в лучшей гостинице и в ус не дует. Переночевали в деревне Старая Байбуга, в 7 верстах от города. Спасибо, попались хорошие хозяева, накормили и дали отдохнуть, а то на пароходе измучились до крайности. Один офицер не выдержал и на глазах у всех зарезался бритвой, другой выбросился за борт. В трюме умерло около десяти больных. Порой поражаешься собственной живучести. А сегодня снова грузиться на Евпаторию.

22 марта. Треплемся мы, кучка артиллеристов, 6 офицеров и 12 казаков, оторванных от своих частей, треплемся по воле тех, кто, преступно погубив наших сотоварищей в Новороссийске, продолжает руководить той группой донцов тысячи в три человек, что попала в Крым. Из Феодосии вчера мы морем на транспорте пришли в Евпаторию, простояв сутки в Ялте. Послезавтра, говорят, поедем в Саки. Казаки настроены мрачно: «Если нас назначат в пехоту, уйдем к красным».

Есть слухи, что в Туапсе собрались части кубанцев, 4-й Донской корпус, туда же, вероятно, собрались и остатки нашей дивизии после новороссийского разгрома и даже будто бы собираются наступать на

Кубань. Хорошо бы попасть к ним. Там, может быть, удалось бы встретить кого-нибудь из своих. Но как подумаешь о морском путешествии в тех условиях, что ехали сюда, то мороз по коже пробирает. В страшной тесноте, где буквально негде было сесть, в грязи. Естественные потребности часто отправлялись тут же за невозможностью пройти. Чтобы выпить кружку воды, надо было стоять в очереди по три часа. Путешествие это было сплошным кошмаром. Здесь хотя немного привели себя в порядок, но переменить белья не на что. Осталось только то, что на себе, а купить стоит 10 тысяч пара. Таких денег у нас нет.

2 апреля. Столько свободного времени, и ни разу не коснулся тетрадки. Какая-то апатия, нежелание ничего делать, полное равнодушие ко всему окружающему в этом очаровательном тупике, называемом Крымом. Насилу заставил себя взять карандаш. Узнал от одного офицера с бронепоезда «Дроздовец», что от Ростова до Армавира с ним ехала Н.Д. с детьми. Куда ее понесло? Ну, если она заболит, умрет, кто приютит детей где-то в Армавире? Ведь они погибнут. Вместо радости от известия о них, боюсь за них.

У нас же идет формирование. Я пока при управлении дивизиона, валяюсь целый день на кровати, а вечером или иду к Довбищенко, или в театр. Но все это мало интересно. Идешь для того, чтобы заснуть ночью, а не мучиться с вечера бессонницей. Идут мирные переговоры с большевиками через англичан. Подождем, во что они выльются. И воевать надоело, и вообще все надоело, и жить надоело. Апатия и лень. Может быть, что-нибудь встряхнет меня.

4 мая. Станция Сарабуз, недалеко от Симферополя. Сажу в харчевне у станции. Еду квартирнером для своего дивизиона за Джанкой. Окончился наш отдых в Евпатории, и, хотя мы еще далеко не сформировались, обстоятельства заставляют идти на фронт. Поляки с Петлюрой, стремительно двигаясь вперед, заняли Киев, Смоленск и Полтаву, а Махно — Синельниково. Группе красных, закрывающей выход из Крыма, волей-неволей приходится уходить, чтобы не быть отрезанной. По слухам, ими уже очищен, без давления с нашей стороны, Мелитополь. Судьба как будто начинает улыбаться нам. Надо не зевать и использовать создавшуюся обстановку.

5 мая. Вероятно, с Евпаторией расстался навсегда. Мало хорошего в тылах Доброармии. Все дорого, а денег нет. Хватает нашего жалованья только на еду. Один раз зашли втроем в один из лучших ресторанов «Дюльбар», и то настроение испортил неприятный случай. За соседним столиком сидел «ахвицер» — хорунжий из казаков (поналепили сейчас таких без разбора) в компании трех подозрительных дам. Разгулялась широкая казачья душа — дай да дай, а

содержимое кармана не проверил. Платить — пять тысяч не хватает. Не нашел лучшего выхода, как уговаривать кельнершу поверить ему в долг. Та, конечно, отказывается. Пререкания. Публика улыбается. Стыдно за погоны. Бывший со мной капитан подозревал кельнершу, заплатил ей деньги, а тому приказал немедленно убраться из ресторана, что тот и сделал, вероятно и до сего времени не понимая своего поступка. Да что и требовать от таких, если один из «химических», желая устроить старика отца в сотне на хорошую службу, назначил его своим денщиком.

Станция Джанкой. Чисто военный вид. Летучки, вагоны штаба, поднялся аэроплан, отправляясь на разведку. Выгрузились из вагонов возвратившиеся из турецкого плена человек 400 солдат. Все в белых костюмах и панاماх. Войдут, кажется, в наши части пополнением. Нам придется ехать еще верст 30 по железной дороге в район, где расположится дивизия, — не знаю, надолго ли. В газетах известия утешительные. Союзники решили своими войсками создать Западный фронт и объявить Совдепии войну. Не верится, но проживем — увидим. Деникина заменил Врангель, Кельчевский предается суду вместе с Сидориным, а Донским корпусом командует генерал Абрамов. Не знаю, какой будет командир корпуса, но я был свидетелем его сообразительности в Евпатории.

Наш дивизион должен был получить английские 3-дюймовые орудия на пристани, только что выгруженные с парохода. Командир дивизиона приказал мне с командой казаков получить амуницию, собрать ее, пригнать на лошадей, получить орудия и привезти их в район расквартирования дивизиона. Так я и сделал. На обратном пути я проезжал мимо помещения штаба корпуса. Смотреть орудия вышло все начальство во главе с генералом Абрамовым. Смирно и пр. Все в порядке, и я считал смотр прошедшим благополучно, как вдруг в голову старого артиллериста генерала Абрамова пришла «счастливая» мысль: «А как повезут мобилизованные лошадки английский орудия по песку?» (С одной стороны шоссе, по которому мы ехали, был пляж.) Объяснять начальству не будешь. Сказал только ездовым: «Галопом и в плети» — и повернул в песок. Конечно же первое орудие и ящик сели в песке почти по ступицу. Несъезженные лошади, первый раз запряженные в три уноса, стали, и мы бились два часа, пока на руках вытащили орудие и ящик на шоссе. Такое приказание мог дать юнец-подпоручик, неопытный в езде артиллерии, но не старый генерал-артиллерист.

8 мая. Съездили мы, осмотрели отведенный для корпуса район. Собственно, не съездили, а верст 15 ходили пешком. Разоренные ме-

ста. Нашему дивизиону достались два имения верстах в 10 от Джанкой. И так как квартир нам в городе не дают, то мы лежим в кругу перед вокзалом на вытоптанной траве и ждем новых распоряжений. Оказывается, нам дают новый район, и все наше хождение пропало даром.

3 июня. Станция Акимовка, в 28 верстах от Мелитополя. Только к 17 мая пришел дивизион, но не в отведенные мной квартиры, а в хутор Каштановка около колонии и станцию Богемки вновь строящейся железной дороги на Перекоп. Туда же, после двухнедельного бесцельного отсутствия, пришел и я. В дивизионе перемены. Командир 2-й батареи полковник Ковалев³⁰⁸, а 3-й — полковник Леонов³⁰⁹, почти все офицеры новые, остались лишь завхозы и штабс-капитан Титов³¹⁰. Другие офицеры не пожелали служить с навязанными командирами и ушли в резерв.

Из Каштановки части 2-й Конной дивизии — полки 3-й Калединовский (Чапчиков³¹¹), 4-й Назаровский (Рубашкин³¹²), 5-й Платовский (Шмелев³¹³), 6-й Ермаковский (Губкин³¹⁴), командиры бригад — Попов³¹⁵ и Татаркин, начальник дивизии — генерал Калинин. После был придан Джунгарский Калмыцкий полк. С артиллерией (наш дивизион — 8 орудий) около 2500 шашек — походным порядком пошли на Джанкой и поездом дошли до станции Сальково. Наши части три дня назад перешли в наступление, прорвали фронт на Перекопе и Чонгаре, а Слащев высадил в селе Кирилловка на Азовском море выше города Геническа. Красные уходят. Мы прошли до Ново-Алексеевки, не встречая противника, а здесь спокойно отдыхали, как вдруг ружейная перестрелка. Все быстро выскочили из деревни на западную ее окраину, и полки стали разворачиваться. Противник (кавалерия) попытался обойти нас. Но его быстро отбили. Наша кавалерийская дивизия имела в каждом полку по одной сотне конной, и то половина без седел. Такой всадник «охлюпкой», как его предок дикий гунн, летел, как мешок, с шарахнувшейся от разрыва снаряда лошади. Но сейчас же снова вскакивал, и дух этой «кавалерии» был прекрасный. Красных гнали, как зайцев. На другой день заняли деревню Долгоровку и село Рождественское. В ночь на 31-е наш дивизион стоял в хуторе Тимофеевом. Спокойно расположились спать; противник уходил. Но в два часа ночи мы вскочили. Частая ружейная стрельба у самой деревни. После оказалось, что конная дивизия товарища Блинова была у нас в тылу, а лихие калединовцы проспали в заставах. Бросились седлать лошадей, это удалось мне, Шкараборову³¹⁶ и двум казакам. У командира дивизиона (полковника Грузинова³¹⁷) и адъютанта (поручика Панышева³¹⁸)

лошади вырвались. Выскочили на улицу. Все летит. Верхом, пешком, в повозках. Вдоль улицы свистят пули, стреляет пулемет. Каша невообразимая. У меня все время была одна мысль, чтобы с ног не сбили моего конька или не споткнулся бы. Вылетели за деревню. Слева режет пулемет, справа красные подошли шагов на сто, видно в темноте — всадники машут шашками, кричат: «Сдавайтесь!» В этот момент мне казалось, что уже выхода нет, у меня даже револьвера при себе не было. Снова все понеслось. На мое счастье, я оказался не ближайшим к красной лаве, и мой коник за лошадьми прилично скакал. С полверсты проскакали, а дальше красные не погнались, срубали только крайних. Во время этой скачки я невольно вспомнил об оставшейся на пристани в Новороссийске моей Приме, на ней мне никто не был бы страшен.

Словом, из этой передраги я ушел благополучно. Видно, рано было мне кончать свою беспокойную жизнь. Все офицеры целы. Командир дивизиона с адъютантом за деревней пролежали во ржи, и красные два раза прошли мимо них, но не заметили. Ночь была темная. На рассвете красных сейчас же вышибли из деревни, наши орудия они вывезти не могли, лишь поснимали замки да оставили и своих 4 русских орудия. На другой день меня послали к инспектору артиллерии за замками, и я сижу а Акимовке в ожидании, когда их привезут из Севастополя.

12 июня. Догнал свою дивизию три дня тому назад. Она прошла выше Мелитополя и стоит сейчас в менонитской колонии Гнаденфельд верстах в 50 восточнее города. Красные начинают оказывать сопротивление серьезнее, чем раньше, вероятно, подошли новые части. Мы второй день ведем бои, забираем пленных, но разбить противника и погнать дальше пока не удается.

Уж не знаю почему, но у меня прескверное настроение. Никогда еще мне так не хотелось мирной жизни, как сейчас. Никогда так еще не надоедала война. Возможно, что это еще вследствие моего неопределенного положения — начальника связи и без лошади. Моего конька взяли для офицера для поручений. А сидеть в обозе и быть мало осведомленным в окружающей обстановке очень неприятно. Да, вероятно, и страшнее, чем в дивизии.

23 июня. Буквально ни одной свободной минуты, или приходил на ночлег утомленный до крайности. Целую неделю непрерывные бои и переходы по 50 верст в сутки. Для сна оставалось 4—5 часов, остальное время в седле. Противник перебросил новую армию, остановил наше наступление и даже начал нас теснить. Мы стали осаживать назад. Против нас был конный корпус Жлобы, 42-я дивизия, красные

юнкера и зап. кон. бригада. Вся эта орава навалилась на наш Донской корпус. Жлоба потрепал 3-ю дивизию (Гусельщиков), взял до сотни гундоровцев и заставляет нас отходить. На помощь нам подошла дивизия генерала Морозова, и, наконец, 19-го, у колонии Вальдгейм, мы окружили корпус Жлобы и почти уничтожили его. Такого боя я еще не видел, да, вероятно, и не увижу.

Окруженная со всех сторон масса кавалерии сабель тысяч в пять металась на пространстве 5 верст, ища выхода. Наконец вырвалась и на измученных лошадях стала в полнейшем беспорядке уходить, потеряв все пулеметы и около 28 орудий. Сверху в эту массу бросали бомбы 5 аэропланов. Наши казаки перемешались с красными. Даже штаб дивизии пошел в атаку. Я тоже влез в эту кашу совершенно безоружный. Все поле при выходе из Вальдгейма было покрыто трупами. Пленных взяли более 2 тысяч. Вся наша дивизия набрала седел и шашек. По показанию пленных, сам Жлоба бежал, держась за стремя солдата, так как под ним была убита лошадь. Корпус его надолго выведен из строя.

На другой день мы принялись за 42-ю дивизию и быстро покончили с ней. Взяли свыше трех тысяч пленных. Сегодня же стоим в деревне Романовке, верстах в 30 от Бердянска. Приезжает генерал Врангель делать смотр дивизии. Приводим себя в порядок, моемся, чистимся и отдыхаем. Лошадей за это время сильно приморили большими переходами.

28 июня. Стоим на одном месте, в деревне Вячеславовке. Почти ежедневно выходим в поле. Легко отбиваем пытающихся наступать красных, среди которых есть красные юнкера. Делаем ночные налеты. Сегодня, например, взяли командира бригады с супругой. Но наступать пока, видимо, не собираемся. Вероятно, командование имеет свой план, да и отдохнуть нам пора. Жить приходится то в немецких колониях (вот где сытно едим), то голодать в русских деревнях, то есть брынзу и баранину у болгар. Все же в смысле питания не плохо, но скучно. И с нашим командивом очень тяжело служить. Вечно крик, ничем не доволен, и вдобавок бывают случаи битья казаков. А это уже мерзость, которой я никогда не выносил. С удовольствием поехал бы отдохнуть в Евпаторию, да туда надо везти много денег, а при теперешних окладах денег у офицерства не густо.

5 июля. За прошедшее время мало интересного произошло на нашем фронте. В наступление мы не переходим. Слышно, что наша армия должна скоро получить технические средства из Америки. А пока мы не даем красным продвигаться. Жаль, что третьего дня снарядом слегка поврежден броневедомитель «Свирепый» и при дивизии остал-

ся только один. Сейчас стоим в немецкой колонии Александерталя, а ночевать пойдем, кажется, в деревню Мануиловку.

7 июля. Противник наступал на колонию Мариенталь. Наша дивизия ударила ему в левый фланг и почти сбила его, но два броневика заставили Джунгарский полк отойти, и положение стало меняться не в нашу пользу. Но 3-я батарея на прицеле 1 верста отбила броневики, 6-й полк пошел в атаку, и противник отошел в исходное положение. Было жарко. Даже штаб дивизии был под пулеметным огнем.

8 июля. Красные быстро подошли к деревне Мануиловке. Мы отошли к деревне Павловке и здесь простояли до 17-го. Немного обжились, стали даже ухаживать. Нашлось две-три девицы. Учительница и еще что-то в этом роде. Успел я за это время немного осадить свое начальство, которое стало совершенно невозможным в своем диком набрасывании на людей и нежелании сдерживаться. Красные вздумали нас выбить из Мануиловки и выбили своим боком. Мы подпустили их к деревне, а затем 3-й полк их обошел и забрал 10 пулеметов и около 400 пленных. Правда, у красных была только пехота и эскадрон кавалерии. Наши дела довольно успешны. По слухам, занят Орехов и говорят об Александровске.

16 июля. Корпус перешел в наступление. Наша дивизия коротким ударом заняла Юрьевку, Зеленовку, Романовку и Вячеславку. Совершенно разбитый противник бросился в разные стороны. Нами уничтожена дивизия пехоты и бригада пехоты с несколькими эскадронами кавалерии. Из 10 пушек, бывших у красных, 3 (одна с запряжкой) взяты нами и 3 — третьей дивизией. Точная цифра пленных еще не выяснена. Дело идет не плохо, и настроение бодрое. Но начальство все отравляет. Если дело доходит до такого курьеза, что командир дивизиона обещает отдать офицера под суд за то, что тот бреет усы, и это вполне серьезно, то служба становится невыносимой. А уйти нельзя — не пускает. Много вреда приносит такая «дисциплина», понимаемая умом, глубоко запомнившим старое мордобойное время. Это убивает энергию даже у офицера и вредит нашему общему делу. А красным только на пользу.

19 июля. Дивизия пущена в тыл противника. Я первый раз в конном рейде по тылам. Мы перешли у станции Нельговки железную дорогу, прошли деревню Салтыню и подошли к деревне Поповке. Противник справа обстреливал нас на пределе из орудий. У Поповки взяли несколько пленных из обоза бригады. Из Токмака показались старавшиеся прорваться бронепоезда. Наперерез им пошла 3-я батарея с Назаровским полком. Первый поезд был остановлен. В нем был командир группы бронепоездов, масса снарядов и всякого имущества. Следом подошли еще два поезда. Эти пытались отбиваться, но с ними

быстро справились. Стали переходить дорогу, чтобы идти дальше. Показался бронепоезд противника и стал обстреливать нас. Удачным попаданием 3-й батареи паровоз был поврежден, прислуга разбежалась. В этот день нами были взяты два бронепоезда, один бронеавтомобиль и три грузовых. Верхний Токмак и станция Семеновка заняты нами. Ночевали в деревне Ново-Григорьевке.

21 июля. Снова идем в тыл. Ночью под проливным дождем вошли в деревню Гусарку. С рассветом пошли в тыл Конским Раздорам и Воскресенке. Противник ночью оставил эти села и ушел на Пологи. 3-я дивизия снова взяла один бронеавтомобиль. Мы вернулись в Гусарку.

23 июля. Ночью пошли в набег на станцию Бельманка, шутя взяли целиком пеший полк, орудие с зарядным ящиком и отошли в Павловку.

28 июля. Все время говорили об отводе нашей дивизии в резерв Главкома. И наконец слух этот оправдался. Вышли и, не останавливаясь, прошли до Константиновки около Каховки. Недурен оказался резерв. По сорок верст ночью через Астраханку, Веселый, Нижние Серогозы — и 28-го пришли в Константиновку.

30 июля. Наша дивизия, вошедшая в Конный корпус генерала Барбовича, из Константиновки вчера пошла во фланг группе красных, отходивших из Черной Долины на Каховку. Эта группа из 4 пехотных дивизий неделю назад переправилась через Днепр и заставила отходить на Перекоп Слащева. Теперь же, предупрежденные аэропланами, заметившими наше движение, красные поспешили уйти к Каховке, где у них укрепленная позиция. Нам удалось лишь отхватить одну дивизию да изрядно потрепать латышей. В тот момент, когда мы стояли в колоннах в долине и собирались развертываться для удара, из-за горки вылетели два броневика и могли бы наделать нам много неприятностей, если бы не сдрейфили от неожиданности и не удрали назад. Мы взяли 4 орудия и много пленных. Ночевали в деревне Малькоз.

2 августа. 31 июля одна бригада со второй батареей ушла под Каховку, а мы остались в Малькозе, но не надолго, корпусу приказали перейти в Константиновку.

9 августа. Колония Вассерау. 2-го утром красная кавалерия подошла вплотную к Константиновке. По рассказам пленных, они шли захватить обозы, так как их аэроплан донес, что, кроме обозов, нет никого. Назаровский полк встретил и отбил атаку красных. Зарублено человек 15, а у нас убит пулей один. Шашка не для красных всадников, они ею владеют плохо. Красные ушли назад к Каховке. Третьего пошли на деревню Нижний Тугай. По дороге аэроплан бросил бомбу,

попавшую у водополя. Трое убитых, да ранено человек 12 и столько же, если не больше, лошадей. Вообще в боях под Каховкой у нас большие потери. И страшно устали. Третий месяц мы меряем без отдыха вдоль и поперек занятую нами территорию Северной Таврии. Надоели то пыль, то грязь. На седло порой противно смотреть. Из Тургаева пошли в Веселое, оттуда в Вассерау. Наша дивизия с 1-й Донской и бригадой Мороза составляют группу под командой генерала Абрамова. Мы стоим, собранные в кулак, за Марковской, Дроздовской и Корниловской дивизиями. У противника вдвое больше пехоты и значительно сильнее артиллерия. Вероятно, предстоят большие бои. Хоть бы после них отдохнуть. А красные все прибавляют сил, у них одна конная армия до 5 тысяч сабель. Тяжело.

На Дону и Кубани, видимо, дела идут хорошо. Восстание разрастается. Все же для меня будущее неясно. Придется ли повидать детишек и родных? Увенчается ли наше дело хотя относительным успехом? А здесь служишь среди людей малосимпатичных, выражаясь мягко. В Семилетовской батарее офицерская семья была гораздо дружнее и жилось лучше.

13 августа. 10-го пошли в тыл красным. Замечательно удачно мы были проведены корниловскими разведчиками балкой, без выстрела сняли две заставы, а противник уже верстах в пяти сзади нас, ничего не подозревая, наступал на корниловцев. Мы дошли до деревни Тифенбрунен и здесь наткнулись на два автоброневика, несколько задержавших нас. Понявшая в чем дело пехота стала удирать. Бросились ей наперерез, стали забирать пленных, заняли деревни Коробчино, Барбаштадт, пошли на Эристовку, заняли и ее. Но здесь были встречены таким огнем с бронепоездов, что отошли к Коробчино и стали на ночлег в колонии Гейдельберг.

14 августа. Стали наступать на Щербаковку, почти дошли до нее, но здесь встретила нас 2-я конная армия, и нам пришлось слегка драпануть до Гейдельберга.

15 августа. 13-го на рассвете пришли в Пришиб, где на чисто барских квартирах простояли два дня. Спали на простынях, но питание нам стоило по 1500 на человека. С офицерами 3-й батареи даже выпили понемногу. 14-го вечером прошли через село Мунтол и вели бои у колонии Гохгейм. Сбили красных, подбили у них броневик, но продвинуться не смогли и вернулись ночевать в Мунталь. В этот же день ранен старший офицер 2-й батареи есаул Чеботарев³¹⁹.

21 августа. 16-го на наше место пришла 3-я Донская дивизия, а мы с морозовцами пошли на Михайловку через Малую Белозерку и здесь нагнали у колонии Менчикур прорвавшуюся нам в тыл 2-ю кон-

ную армию. Произошел жаркий бой. Несмотря на то что у противника было до 2 тысяч сабель при 15 орудиях и 4 автоброневика, а у нас 1200 при 12 орудиях и 1 броневик, мы энергичным ударом его сбили и заставили отойти на Малую Белозерку. Ночевали в Веселом.

В этот день к нам приехал бывший в отпуску генерал Калинин, а на другой же день был отстранен за то, что мы из Веселого вышли в 11 часов и дали конной армии возможность далеко уйти. Но дивизия была так измучена, что раньше выступить ей было почти невозможно. Жаль Калинина. Дельный был генерал. Теперь дивизией командует генерал Татаркин, но это уже не то. Снова гонка за удирающим противником. 2-я конная армия не пошла назад на Васильевку, а повернула вдоль Днепра, стремясь соединиться с Каховской группой. Пришли мы в Большую Белозерку, отсюда, отдохнув два часа, на Рубановку и только увидели вдали тыл уходящего противника. Ночевали в Рубановке. Под Константиновкой конная армия, наткнувшись на дивизию Барбовича, повернула в сторону Каховки. 19-го на рассвете мы пошли на Константиновку, здесь соединились с генералом Барбовичем, пытались отрезать конную армию от Любимовки, но не успели, и она соединилась с каховской пехотой и ушла за проволоку. 20-го весь день простояли у Каховки, но противник не показывался из-за проволоки; ночевали на отрубках и 21-го вернулись в Константиновку. 20-го снарядом 42-линейной пушки с правого берега Днепра легко ранен командир 3-го полка полковник Чапчиков.

В Константиновке простояли два дня и пошли через Ново-Александровку, Веселое и Богдановку западнее Пришиба. Здесь тоже стояли два дня. Ездили на концерт в штаб корпуса (редко нам приходится получать другое удовольствие, кроме боя). 29-го чуть не в десятый раз пришли в Александерталя. Здесь лишь переночевали и почти старым путем пошли в обход Большого Токмака. Захватили обозы двух полков и около тысячи человек еще не бывавшего в бою пополнения и заночевали в Родаловке.

Раздел 6

*А. Трёмбовельский*³²⁰

ЭПИЗОДЫ ИЗ ЖИЗНИ 3-ГО ОТРЯДА ТАНКОВ³²¹

Джанкой — станция Сальково

Прибыв на станцию Джанкой, 3-й отряд танков вступил в состав группы войск генерала Ангуладзе.

К середине марта (1920 год) стали к нам поступать волнующие вести о трагедии Новороссийской эвакуации. В порты небольшого Крыма со всех восточных портов Черного моря начали прибывать на разных транспортах, моторных лодках и даже на рыбацких парусниках остатки Вооруженных сил Юга России.

Положение было катастрофическое, и, чтобы спасти армию от полного развала, генерал Деникин сложил с себя верховное руководство армией и последним приказом назначил генерала Врангеля своим преемником. В трудные, почти безнадежные дни принял новый Главнокомандующий руководство уцелевшими частями Белой армии. Из этих остатков армии генерала Деникина надо было заново создавать воинскую силу. При помощи своих ближайших помощников во главе с незабвенным генералом Кутеповым генерал Врангель срочно приступил к организации боевой силы из этих прибывающих остатков нашей славной Белой армии. Надо было не только накормить, одеть, но и снова воссоздать грозную Белую Силу. Надо было также и вооружить свои переформированные и заново сбитые полки. Надо было достать все то, без чего армия, даже состоящая из героев, не могла бы быть армией. Все это необходимое можно было приобрести только у своего противника.

Невольно вспоминается наш Первый поход и генерал Марков. Когда ему кто-нибудь сетовал, что у него нет сапог или шинели, генерал

Марков серьезно указывал ему, что все это имеется у красных, и затем следовал приказ в очередном бою обзавестись всем необходимым.

Единственным и достойным выходом из создавшегося положения было наступление. Это наступление генерал Врангель назначил на май 1920 года. В приготовлениях к наступлению генерал Врангель не забыл и моральной стороны. Перед ним стоял вопрос, как наградить подвиг отличившихся в боях. В армии генерала Деникина был принят принцип о невозможности награждения старыми русскими орденами за отличие в боях русских против русских. Только отдельные периоды напряженной борьбы были отмечены особыми знаками, которые не были орденами, а скорее приравнивались к медалям. Этими знаками награждались все участники отдельных этапов белой борьбы. Такие знаки были установлены, чтобы отметить участников: Первого Кубанского генерала Корнилова похода (Ледяной поход), Степного похода, похода отряда генерала Дроздовского, Екатеринославского похода и Второго Кубанского похода. Для разрешения вопроса о награждении отличившихся в боях генерал Врангель решил учредить новый орден, девизом которого устанавливалось: «Верую спасется Россия».

Приблизительно в средних числах апреля 1920 года (точных дат не помню) на станцию Джанкой прибыл генерал Слащев с отрядом юнкеров Константиновского военного училища. Наш командир отряда в те дни был по делам службы в Севастополе, и исполняющим обязанности командира был оставлен пишущий эти строки. Узнав о прибытии генерала Слащева, я выстроил отряд и явился к нему с рапортом. Сделав смотр отряду, генерал сказал, что он прибыл с целью вытеснить красных с полуострова Таганаш, и просил по возможности, чтобы усилить его редкую цепь юнкеров, влить в нее добровольцев-танкистов.

Железнодорожный мост, соединяющий Крым с полуостровом Таганаш, был разрушен и находился под артиллерийским и пулеметным огнем красных. Другой переправы не было, а разрушенный мост не давал возможности танкам принять участие в этой операции. Несмотря на то что танкисты являются проверенными специалистами и особенно ценны для армии, я все же дал разрешение танкистам принять участие в этом бою. Но так как добровольцами оказался весь отряд, то мне вновь пришлось построить отряд и, рассчитав отряд на первый и второй, вторым дать право влиться в цепь генерала Слащева. Лихим ударом во главе с генералом Слащевым красные были далеко отброшены с полуострова, и наши части заняли оборонительный участок на подступах к станции Сальково.

Теперь следующим этапом плана генерала Врангеля выхода из Крыма в Северную Таврию перед нами стала задача овладения рай-

оном станции Сальково, находящимся на железнодорожной магистрали Севастополь—Харьков. По путям этой магистрали все время курсировали два бронепоезда красных: «Мечь Углекопа» и другой, номерной. Вооруженные тяжелой артиллерией, они не давали своим огнем возможности нашим частям пробиться через узкий перешеек, отделяющий полуостров Таганаш от материка, к станции Сальково. Тогда командующий группой войск этого района генерал Ангуладзе приказал 3-му отряду танков сбить эти бронепоезда.

Развив максимальную скорость (12 километров в час), танки бросились в атаку на бронепоезда (невозможная вещь в классической войне). Бронепоезда, в свою очередь, открыли ураганный огонь, концентрируя его по танку «Генерал Скобелев». Только благодаря умелым и хладнокровным маневрам танка (водитель поручик И. Мурашев), сбивавшим прицельную наводку бронепоездов красных, танк избежал неминуемой катастрофы. Удачное попадание снаряда с танка «Фельдмаршал Кутузов» в паровоз бронепоезда «Мечь Углекопа» заставило советский бронепоезд позорно ретироваться, что, в свою очередь, вызвало поспешный отход пехоты красных. Задача, поставленная танкам, была блестяще выполнена, и наши части смогли укрепиться на позициях к северу от станции Сальково.

Вперед! В Таврию!

25 мая (ст. ст.) 1920 года заново сформированная Русская Белая армия победоносно вышла из Крыма в простор Северной Таврии. К этому времени части Первого корпуса (генерал Кутепов) занимали позиции на Перекопе, а корпус генерала Писарева, начальником штаба которого был генерал Науменко, укрепился в районе к северу от станции Сальково.

3-й танковый отряд, под командой полковника П.И. Мироновича³²² (тогда в чине штабс-капитана), был придан корпусу генерала Писарева. На совещании старших начальников было решено, что главная опора нашего удара возлагается на 3-й отряд танков. Подписавшийся под этим очерком был непосредственным участником всех предшествующих и решающего боев за выход в Северную Таврию.

Занятие частями корпуса генерала Писарева района станции Сальково потребовало выдвижения дежурных танков вперед. Им был указан небольшой хутор восточнее станции Джембулук. Танки и служебные машины, покрытые брезентами, были размещены между стогами соломы, что давало нам хорошую маскировку. Не проходило дня, что-

бы разведывательные самолеты красных не контролировали подступы к станции Сальково. База 3-го отряда танков находилась на станции Чонгарская.

23 мая (ст. ст.) 1920 года в Джембулук прибыл наш командир и объявил, что на рассвете 25 мая наши части должны прорваться в Северную Таврию. Было решено, что ночью на станцию Джембулук подадут состав железнодорожных платформ, на которые мы должны будем погрузиться. Ввиду серьезности операции, для увеличения огневой силы 3-му отряду танков были приданы: 3 французских танка (завода «Рено»), вооруженных по одному пулемету каждый, и один пушечный танк «Фельдмаршал Румянцев». Таким образом, 3-й отряд танков насчитывал в этом бою 5 больших пушечных танков и 3 малых пулеметных, что представляло собой, в размерах гражданской войны, довольно грозную силу.

Той же ночью (23 мая) в полной темноте, соблюдая необходимую тишину, 3-й отряд танков сгрузился на станцию Сальково и разместился в роще, что находилась сейчас к северо-западу от станции. В этой роще, тщательно замаскировав машины ветвями деревьев, мы пробыли целый день 24 мая. Весь день происходили разведывательные полеты авиации красных, контролирующей район Джанкой—Ново-Алексеевка. Остаток ночи 23 мая, весь день и ночь 24 мая послужили нам — командиру отряда, командирам и водителям танков — для тщательной разведки местности и подступов к позиции противника, запоминая ориентировочные пункты. Все, начиная от начальника боевого участка, командиров отдельных частей и кончая инженерной и артиллерийской разведкой, которые изучали свои участки и вели пристрелку, принимали участие в этой разведке.

24 мая был получен боевой приказ. Всем отдельным частям, как и 3-му отряду танков, были поставлены боевые задачи. Каждый отдельный танк отряда получил свою особую боевую задачу. Общая задача танковому отряду: 25 мая в 2 часа ночи занять исходное положение, выйдя на северную опушку рощи, что к северо-западу от станции Сальково. По возможности не привлекая внимания противника, подойти к проволочным заграждениям противника, сорвать их и начать стремительную атаку хорошо укрепленных позиций противника, охватить его фланги; затем правофланговому танку «Генерал Скобелев» было вменено в задачу прорваться в тыл противника и взорвать железнодорожный путь магистрали Севастополь—Харьков.

Ввиду сложности возложенной на отряд задачи, командир отряда, подполковник Миронович, разбил отряд на две группы. Первая группа танков: «Потемкин», «Суворов», «Кутузов» и «Скобелев» —

имела задачу, сорвав проволочные заграждения, прорвать укрепленную полосу противника и, имея справа железнодорожное полотно магистрали Севастополь—Харьков, двигаться далее на север в направлении Ново-Алексеевки, имея за собой Кубанский стрелковый полк и конницу. Вторая группа танков, в составе 3 малых пулеметных французских танков (завода «Рено») и тяжелого пушечного танка «Румянцев», должна была идти в направлении Ново-Рождественской, к северо-западу от станции Сальково, в составе группы «Туземного» полка и кадров конных полков генерала Ревина.

К моменту занятия танками исходного положения все вспомогательные инженерные части и резервы должны были отойти в глубокий тыл. Этой мерой можно объяснить небольшие потери, понесенные нашими частями. Интенсивный огонь красных бил впустую. Исходное положение было занято со всеми мерами предосторожности. Ночь была темная и теплая. В расположении красных царила полная тишина. По-видимому, красные не подозревали приближения атаки.

Точно в 2 часа ночи командиром отряда подполковником Мироновичем была подана команда: «На молитву шапки долой!» Были прочитаны молитвы: «Спаси, Господи...» и «Отче наш...». Во время молитвы строй танкистов окружили чины других частей и с нами молились. Красиво и четко раздавались слова молитв, которые вполголоса читал дежурный по отряду офицер. И каждый из нас повторял эти святые слова. Так в ночной тиши перед боем молились танкисты — может быть, и перед своей смертью. Затем последовала команда: «По машинам!»

Точно в 2 часа 25 минут танки вышли из прикрытия и в развернутом строю пошли на сближение. Почти бесшумно, по мягкому грунту двигались танки, не слышен был даже лязг тщательно смазанных и подтянутых перед боем гусениц, не слышен был и шум моторов, особенно внимательно отрегулированных механиком отряда. Включены были и глушители, которые обычно в бою, для увеличения мощности мотора, а также и для эффекта мы открывали. Северный ветер способствовал нам, и приближение танков не было слышно красным. Вера в успех атаки была полная.

Через короткое время танк «Генерал Скобелев» подошел к проволочным заграждениям. Пишущий эти строки лично намотал колючую проволоку на специальный «якорь-кошку», прикрепленный стальным тросом к танку. Танк, подмяв под себя проволочное заграждение, потянул его за собой, открывая свободный доступ нашей коннице и пехоте.

Здесь мы были обнаружены, и красные открыли по нас бешеный огонь из впереди стоящих батарей красных, а справа от нас — со сто-

роны бронепоездов красных. Танк двигался в кольце разрывов советских гранат. Вдруг я заметил красный свет фонаря, служащего ночной точкой отметки для ведения огня артиллерией ночью. По моему указанию артиллерист танка, поручик Г.Н. Парадиев³²³, точным огнем своей пушки сбил фонарь и тем заставил замолчать впереди стоящую батарею красных. Около 3 часов 30 минут мною была выпущена ракета — условный знак прорыва позиции красных и перенесения огня нашей артиллерии. Когда наши танки срывали проволочные заграждения, красные открыли сокрушительный артиллерийский огонь по нашим окопам и по роще, которую занимали перед атакой танки.

Наш решительный натиск и меткий огонь танкистов заставили красных поспешно бросить свои укрепления и в панике бежать, оставив нам много боевого снабжения, а также впопыхах брошенное одно «кинжальное» орудие с невыстреленным снарядом. Эту пушку захватил танк «Генералиссимус Суворов», и сейчас же из нее был открыт огонь по спешно отступающей колонне красных. Благо, что тут же рядом были сложены снаряды в ящиках. Согласно боевому приказу танку «Генерал Скобелев» было вменено в задачу прорваться в тыл противника и взорвать полотно железной дороги, дабы этим маневром захватить бронепоезда красных, действовавших как по полотну главной магистрали, так и по железнодорожной ветке, отходящей от магистрали Севастополь—Харьков на Геническ.

Энергичным и смелым действием нашего головного бронепоезда — кажется, «Офицер» — противник спешно бросил поле сражения, оставив нам как трофей свой головной бронепоезд, который взял на бордаж наш «Офицер». Взрывать железнодорожный путь нам не пришлось, так как это сделал в панике бежавший противник.

Прорвав сильно укрепленную полосу красных и захватив станцию Ново-Алексеевка, 3-й отряд танков явно способствовал выходу армии в Северную Таврию.

В тот же день (25 мая) около 5 часов вечера Корниловский конный дивизион кубанцев (полковника Литвиненко³²⁴) и мы, танкисты 3-го отряда, выстроились на перроне станции Ново-Алексеевка для встречи прибывающего Главнокомандующего. Вскоре подошел поезд. Из вагона вышел в темно-серой черкеске генерал Врангель. Подойдя к казакам-корниловцам, он обратился к ним со словами: «Здорово, родные, близкие сердцу моему орлы Кубанские!» Затем пошел он к левому флангу, где стояли мы. Поздоровавшись с нами, Главнокомандующий поблагодарил нас за лихость и безупречное выполнение возложенной на нас задачи, доказательством чего служит пожалование высшей награды первому в Русской Армии офицеру. Генерал Врангель

пригласил поручика Г. Любич-Ярмоловича в салон-вагон, где собственноручно приколот к его груди орден Святого Николая Чудотворца, после чего чины штаба и Главнокомандующий выпили шампанское за лихость первого кавалера ордена.

Успешность и согласованность боевых действий отряда надо приписать умелому руководству танками их действительно боевого и энергичного командира — полковника П.И. Мироновича. Всегда в бою на своем «Бенце», а чаще, для большей подвижности и удобства командования, на мотоцикле — полковник Миронович осуществлял точную связь (тогда на танках не было радиотелефона) командования с танками и тем способствовал успешности боя. Считаю необходимым упомянуть, что на поле боя во всех направлениях были растянуты провода — от толстых кабелей до тончайших проводов. Они тянулись по всему полю в различные наблюдательные пункты и штабы. По сравнению с убожеством нашей телефонной связи бросалось в глаза богатство связи красных. По металлическим ярлычкам и надписям на английском и французском языках можно было убедиться в том, как наши «союзники»-предатели снабжали наших врагов.

Разгром советской конницы

На второй день (27 мая) после выхода героической Белой армии из Крыма в Северную Таврию (25 мая) танки «Суворов», «Кутузов» и «Скобелев» сосредоточились для снабжения машин и чистки гусениц в районе станции Ново-Алексеевка. В этот день нам рано утром привели группу пленных красных, которые усердно под руководством танкистов чистили и смазывали гусеницы танков. Танк «Потемкин» после окончания боя 25 мая был направлен в рошу, что к северо-западу от станции Сальково, для присоединения к группе «Б».

Сильным и стремительным ударом наша Белая армия далеко к северу отбросила красных, и бои шли уже где-то в районе Мелитополя, а Перекопская группа, под водительством генерала Кутепова, уже подходила к берегам Днепра. Зная это, мы, танкисты, спокойно отдыхали и наслаждались ясным и тихим солнечным утром. Пишущий эти строки лежал на копне свежескошенной травы и, наблюдая за работой около танков, перебирал в уме все детали прошедшего боя.

Но вот дежурный офицер по группе танков обратил наше внимание на клуб пыли, быстро приближающийся к нам с юга. Вскоре мы различили, что эту пыль поднимает мчащийся в нашу сторону мотоциклет. Через несколько минут к нам подкатил взволнованный ко-

мендант станции Сальково и рассказал, что конная группа войск под командованием генерала Ревизинова, согласно директиве боя (25 мая), заняла села Ново-Рождественская и Большая Новомихайловка и что наш Туземный полк, упоенный легкой победой над красными, расположился на дневку в селе Большая Новомихайловка. Возможно, на радостях выпили, и возможно, что под влиянием алкоголя забыли выставить сторожевое охранение, полагая, что красных и вблизи не видно.

В ночь на 27 мая, совершенно неожиданно, на них сонных налетела прорвавшаяся конница красных. Кого порубили, кого взяли в плен. Сказал он нам также, что будто вся их артиллерия и весь их штаб во главе с генералом Ревизиновым попали также к красным в плен. Только небольшая группа нашей конницы избежала плена и была прижата красными к Сивашам.

Памятуя завет Петра Великого, что промедление смерти подобно, и принимая во внимание, что никого из высших начальников поблизости не было, нами было решено широким фронтом трех танков немедленно идти в направлении села Большая Новомихайловка и уничтожить эту конную группу красных. Также было решено не открывать огня до тех пор, пока танк «Скобелев» сам не откроет огонь. По команде: «По машинам! С Богом вперед!» — мы двинулись. На правом фланге нашего движения шел танк «Скобелев», в середине «Суворов», а на левом фланге «Кутузов».

Для того чтобы иметь полную картину событий тех дней, необходимо вернуться несколько назад. Как уже было сказано выше, командир 3-го отряда танков распределил танки на две группы: «А» и «Б». Полагая, что для группы «А» после боя 25 мая не предвиделось боевой операции, командир отряда выбрал себе группу «Б», усилив ее, после боя 25 мая, танком «Потемкин». Эта группа была выделена для поддержки конного отряда генерала Ревизинова.

Как было упомянуто, на рассвете 25 мая танки группы «Б» пошли в бой. Противника не было видно, и этот небольшой отряд танков двигался беспрепятственно. Прошли села Новорождественское и Малая Новомихайловка. (Было две Новомихайловки — Малая и Большая, между ними расстояние от 2 до 3 верст.) В своем движении танки не встречали сопротивления красных, которые, по-видимому, на этом участке боя просто избегали приближения к танкам. Окрыленные успехом, штаб генерала Ревизинова и его конница расположились на ночлег в Большой Новомихайловке, а отряд танков группы «Б» — в селе Малая Новомихайловка. К вечеру того же дня подошел танк «Потемкин» и влился в группу «Б».

Остановившись в Малой Новомихайловке, экипажи танков начали спешно проводить техническое снабжение танков. Часам к 5 была установлена телефонная связь со штабом генерала Ревизи́на. Около 6 часов генерал Ревизи́н по телефону вызвал командира отряда и потребовал немедленно перевести танки в село Большая Новомихайловка, но командир отряда полковник П.И. Миронович доложил о невозможности исполнения его приказа, объясняя это срочным пересмотром моторов.

С наступлением темноты танкисты улеглись спать. Часов около 2 ночи командира отряда разбудили далекие отдельные ружейные выстрелы. Выстрелы становились все чаще и слышней. Сейчас же командир отряда вызвал дежурного офицера и приказал: «Подъем, по машинам! Коня и ординарцев» — для себя. Полуодетые танкисты бросились к машинам и стали разогревать остывшие за ночь моторы танков. К моменту появления конницы красных и ее огня по танковой группе «Б» моторы танков согрелись, и они рванулись на красных. Красные повернули назад. В это время командир отряда полковник П.И. Миронович, чтобы выйти из сферы огня красных, в сопровождении трех конных ординарцев направился в сторону от огня красных и через несколько мгновений оказался за селом, вне ружейного огня красных.

К утру телефонисты установили связь со штабом командира корпуса генерала Писарева. Генерал Писарев приказал командиру танкового отряда встретить танки группы «А» и ознакомить их с обстановкой боя. В сопровождении ординарцев командир отряда полковник П.И. Миронович в открытом поле поскакал навстречу танкам группы «А». Увидев приближавшегося галопом командира отряда, танки группы «А» сблизилась и остановились. Экипажи танков вышли из машин.

Была подана команда: «Смирно! Господа офицеры!» Командир отряда полковник Миронович ответил: «Господа офицеры» — и поздоровался отдельно со всеми экипажами танков группы «А». Вслед за этим он объяснил обстановку боя, указав рукой направление движения. Он также упомянул, что танки «Потемкин» и «Румянцев» уже ведут бой с конницей красных. После этого командир отряда скомандовал: «По машинам! С Богом!» Танки развернули фронт веером и пошли полным ходом вперед, сохраняя зрительную связь и не вырываясь вперед. Командир отряда со своими ординарцами двинулся вслед за танками.

Командирская башня в танке находилась в середине его, и в разрезе брони наблюдение за боем было весьма скудное, танк был почти слепой. А посему я, для более успешного командования танком, выб-

рал другое место. Слева от водителя танка было место пулеметчика и гнездо передового пулемета. Прямо над головой пулеметчика находился люк, через который можно было вылезти наверх танка. Вот это место я и выбрал себе как командный пункт. Я стоял прямо за спиной пулеметчика, моя грудь была прикрыта стальным щитом, то есть крышкой люка, а на голове был боевой шлем.

С этого места можно было свободно наблюдать всю картину боя и при необходимости, когда артиллерия красных брала нас в вилку, менять курс движения танка. Два толчка моего колена в правое плечо пулеметчика обозначали резкий поворот вправо, если в левое плечо — то влево. Один толчок — менее резкий поворот. Эту команду пулеметчик передавал водителю танка. Как уже было упомянуто, утро было ясное и видимость была прекрасная. С моего наблюдательно-командного пункта я видел, как конница красных широким фронтом двигалась на нас, затем она перешла в галоп в стремлении проскочить между танками.

В это же время, еще до сближения конницы с танками, артиллерия красных через головы своей конницы вела интенсивный огонь по танкам. По количеству выстрелов и по воронкам нам было ясно, что по нам вели огонь не только конные батареи 3-дюймовых полевых пушек, но также и тяжелая батарея 6-дюймовых гаубиц. По дымкам шрапнелей и разрывам гранат можно было судить о хорошей подготовке артиллеристов красных, и только благодаря умелым маневрам и ловкости водителя танка нам удавалось сбивать их прицельную наводку.

С моего наблюдательного пункта было ясно видно, как мчатся всадники красных, размахивая нагайками; как кони спотыкаются на воронках гранат и рытвинах. Вот уже метров 200—300 до нас. Но ничто не может сдержать нашего неуклонного, молчаливого, тяжелого движения. Даже их пушки бессильны против этих стальных чудовищ, против лязга их гусениц и дико ревущих моторов танков.

Нервы всадников и лошадей не выдерживают. Кони сами поворачиваются и в бегстве своем пытаются уйти от этого мертвящего ужаса. Видно, как командиры и комиссары, размахивая шашками и нагайками и стреляя в бегущих, с трудом водворяют порядок в расстроенные свои ряды, и вновь их конница несется вперед, чтобы проскочить в интервалы танков. Было ясно, что командование красных хотело перерезать железнодорожную магистраль и тем нарушить связь всей нашей армии с тылом и снабжением.

На этот раз сближение доходит до 100—150 метров. Но упорное, бесперывное движение танков вперед, без одного выстрела, устраша-

юще действовало на психику бойцов конницы красных. Вновь их нервы не выдержали, и вновь был убит порыв атаки в панике бежавших всадников. Мы видели, как прильнувших к гриве всадников настигали комиссары или командиры и ударами нагаек или шашками плашмя заставляли их снова встать в покинутые ими ряды своих эскадронов.

Напряжение нервов у обеих сторон доходит до предела. Кажется, рукой подать до красных, сближение уменьшается. Уже ясно видны вспененные кони. Вот-вот, и они прорвутся. Я пустил сигнальную ракету — условленный знак для огня. И в один момент все три танка открыли прицельный пулеметный огонь, а пушки били на картечь. Обезумевшие лошади вставали на дыбы, задние врезались в передних, опрокидывая их. Те, которые уже повернули и в бегстве пытались спасти свои жизни, сталкивались между собою. Но повсюду их настигала смерть. Кругом лежали раненые всадники и их лошади. Их не трогали, не до них было. К вечеру появились санитары и подбирали раненых противников. Чтобы прекратить мучения, искалеченных лошадей пристреливали. В панике бежало все. Спасаясь, они повернули к селу, ломая на своем пути плетни, заборы и кусты. В своем бегстве лишь небольшая часть конницы красных добралась и скрылась за холмами, что к северу от села Большая Новомихайловка.

Теперь началась дуэль танков с артиллерией красных. Настойчивое движение танков вперед настолько нервировало противника, что его огонь стал беспорядочным. Волнение наводчиков сказывалось в неточности стрельбы.

В это время на левом фланговом танке «Кутузов» произошла авария. Танк остановился весь в дыму. Как впоследствии выяснилось, лопнул резиновый провод (шланг), соединяющий мотор с радиатором, и весь танк был окутан паром. По первому впечатлению казалось, что танк подбит. Танк «Суворов» пошел в обход селения, а на долю танка «Скобелев» пришлось лобовая атака батареи. Тяжелая 6-дюймовая гаубичная батарея, забрав все свое имущество, спешно покинула селение. Задержать бежавшую батарею танк, при максимальной своей скорости в 12 км в час, явно не мог. Кроме того, мы вступили в единоборство со взводом конной батареи красных, выкатившим орудия на открытую позицию на окраине села.

Повторяю, что нервы красных были напряжены до предела, что и вызывало неточность их огня, так как танк не шел по прямой линии, он все время, двигаясь вперед, менял направление своего движения: то вправо, то влево, то останавливаясь. В то же время пулеметчики и артиллеристы танка «Скобелев» своим прицельным точным огнем наносили сильный урон красным. Вот уже почти 100 шагов до батареи

красных, на позиции осталось одно орудие, а другое быстро снялось и скрылось за скирдами соломы.

Все, о чем я пишу, произошло почти мгновенно. Расстояние до пушки осталось каких-нибудь шагов 50. Я вижу, как подали снаряд, как наводчик направил пушку на нас, как первый номер рванул спусковой шнур. Казалось, вот все и кончено. Танк поражен. Мы все убиты. Но нет! Видимо, молитва старушки, стоявшей на станции Ново-Алексеевка и осенившей танки крестом, сохранила нам жизнь. Выстрела не последовало! Наш же огонь в тот же миг уложил прислугу орудия красных. Видя, что для оставшихся в живых спасения нет, уцелевшие артиллеристы, обрубив постромки у зарядного ящика, вскочили на коней, раненых побросали на стоявшую около тачанку и все поспешно ускакали за холмы, что к северу от села.

Вполне понятно, что артиллерийские души артиллеристов танка — поручика князя В.П. Микеладзе³²⁵ и поручика (ныне скончавшегося в Чикаго) Г.Н. Парадиева — не выдержали. Еще на ходу танка они выскочили из своего артиллерийского люка и бросились к оставленной пушке, повернули ее на 180 градусов и открыли огонь по удиравшим красным. Затем по моему указанию был открыт огонь по холму, что к северу от села, на котором начали скапливаться остатки разбитой нами конницы красных. Оказалось, что отбитое нами орудие и зарядный ящик принадлежали конной группе генерала Ревшина.

В то время как мы вели огонь из отбитой от красных пушки, в сопровождении казака подъехал верхом наш командир полковник П.И. Миронович. Он поздравил нас с блестящим выполнением возложенной на нас задачи и приказал двигаться к станции Сальково, куда уже направились танки группы «Б», для погрузки танков на платформы и возвращения их для просмотра машин на нашу базу на станцию Джанкой, ибо нас уже ждет новая боевая задача.

Нам досталась богатая добыча. Кроме пушки и зарядного ящика, красные в своем паническом бегстве бросили все имущество своей хозяйственной части. Это пришлось весьма кстати, и наша хозяйственная часть смогла значительно улучшить наш скромный стол. За этот бой командиром отряда я был представлен к ордену Святого Николая Чудотворца. Со своей стороны, я представил к награждению орденом Святого Николая Чудотворца поручика В. Бекеча³²⁶, водителя танка. Поручик В. Бекеч, несмотря на явную угрозу жизни, хладнокровно проводил все маневры и тем способствовал танку невредимым выполнить порученную нам задачу по уничтожению конницы красных. Поручик князь В.П. Микеладзе и поручик Г.Н. Парадиев также были мной представлены к награждению орденом Святого Николая Чудотворца.

В Галлиполи в 1921 году, на параде войск по случаю награждения ряда офицеров орденом Святого Николая Чудотворца, генерал Кутепов лично приколот к моей груди этот орден. Это было 50 лет тому назад. Тогда была надежда и вера в удачный исход нашего правого дела. И теперь, по прошествии столетия, та же вера и та же надежда остались непоколебимыми. Лишь по обстоятельству нашей теперешней жизни наше боевое оружие мы переменили на оружие печати и слова и продолжаем нашу непримиримость к красным убийцам, подлостью растлывшим и искалечившим нашу Родину.

Большой Токмак

Числа 16 или 17 июня 1920 года — в памяти не сохранилась в точности дата этого дня — наш 3-й отряд танков был передан в распоряжение генерала Ангуладзе, начальника 13-й пехотной дивизии и бригады 34-й пехотной дивизии. Все эти и предшествовавшие дни части генерала Ангуладзе, ничтожные по количеству штыков в ротах и совершенно измотанные непрерывными боями в районе Большого Токмака, с трудом сдерживали ежедневные атаки красных со стороны города Орехова.

При диспозиции, разработанной в штабе генерала Ангуладзе, командир отряда танков полковник Миронович разделил отряд на две группы. Первая группа — танки «Потемкин» и «Румянцев» — получила задачу атаковать красных в «лоб», то есть на север, а вторая группа — танки «Скобелев» и «Суворов» — была послана в обход левого фланга красных, наступавших со стороны Орехова на Большой Токмак.

Обогнув Большой Токмак и выйдя на правый фланг нашего движения, «Скобелев» вскоре наткнулся на взвод одной из батарей 13-й артиллерийской бригады, отбивавшейся от красных, без всякой поддержки пехоты, причем одно орудие, тело которого сорвалось с компрессора, вышло из строя. Выручив из тяжелого положения артиллеристов, «Скобелев» продолжал свое наступательное движение, преследуя спешно отступавшего (попросту драпавшего) противника.

В пылу преследования мы не заметили, как красные завлекли нас в ловушку. С трех сторон впереди нас был крутой спуск в овраг. Отойти назад не было возможности. Красные открыли заградительный орудийный огонь, все более и более приближая его к нам. Оставался только один путь — рискованный спуск в овраг. Танк, взятый на все тормоза, ринулся вниз. Тормозные колодки стали дымить. На

пути танка повстречалась большая скирда соломы, и мы, на мгновение ослепнув, въехали в нее, и это было нашим спасением, так как скирда до какой-то степени сдержала стремительность движения танка, и он мягко скатился в заросшую ивняком илистую, с заболоченными берегами речонку, которая протекала по дну оврага.

Танк лег своим «животом» на ил речонки и стал медленно и неуклонно опускаться на дно речушки. Как ни пытались мы своими силами выбраться на берег, ничего не помогало, гусеницы танка скользили (буксовали) по илу. Пришлось послать пулеметчика разыскать «Суворова», а тем временем «Скобелев» все глубже и глубже своими 28 тоннами оседал на илистое дно. Но вот послышался лязг гусениц и появился «Суворов». Прикрепив стальной трос к авральному крюку на теле танка, «Суворов», поднатужившись, вытянул нас на берег. Очистить тело танка и его гусеницы от налипшего ила заняло, при усиленном труде обеих команд танков, около получаса, и затем мы уже вместе продолжили наше движение на северо-восток, не встречая никакого сопротивления.

Наконец мы остановились в небольшой долине. К этому времени бой затих. Так как никаких распоряжений от командования к нам не поступало, то мы решили послать в штаб за дальнейшими приказаниями связного казака, который все время следовал за нами. За время следования он где-то подобрал брошенную оседланную лошадь. Этой лошадью мы решили воспользоваться и на ней отправить в тыл, под защитой связного казака, водителя танка «Скобелев» поручика И. Мурашева, которому при очистке танка от ила дверью пушечной башни раздробило палец. Не прошло и часа со времени отбытия связного казака, как со стороны Большого Токмака появился верховой и, подскакав к нам, взволнованно прокричал: «Отходите к станции Большой Токмак, наши оставили Большой Токмак!» — повернул лошадь и ускакал.

Танк «Суворов» сейчас же завел мотор и последовал за ускакавшим верховым. «Скобелев» остался один. Второй водитель танка «Скобелев», капитан В. Бекеч, заменивший раненого поручика И. Мурашева, с трудом завел мотор танка, который как-то странно, точно захлебываясь, начал работать. Невольно я вспомнил, что еще утром перед боем поручик И. Мурашев доложил мне, что мотор танка требует срочного ремонта. Тогда же я решил после боя просить командира отряда полковника Мироновича отправить танк в нашу базу для ремонта.

Вышли мы из долины и вскоре втянулись в Большой Токмак, где выбежавшие из домов крестьяне сейчас же окружили танк. Мы остановились. Под прикрытием наших пулеметов старший артиллерист танка

капитан князь В.П. Микеладзе для выяснения обстановки вышел из пушечной башни танка. От крестьян он узнал, что Большой Токмак уже больше часу как занят красными. Наполнив радиатор танка холодной колодезной водой, «Скобелев» медленно пошел через занятый красными Большой Токмак. Нам надо было во что бы то ни стало перейти на другой берег илистой речушки. Дорога на железнодорожную станцию Большой Токмак вела через центральную площадь Большого Токмака к каменному мосту через эту речку и затем постепенно поднималась в гору к железнодорожной станции. Другого пути не было. Итак, мы «поспешно» двинулись по деревне, торопясь достигнуть моста через речку с топкими берегами до того, как красные его взорвут.

Пока мы продвигались по направлению к главной площади Большого Токмака, танк все больше и больше окружали красные, крича, что вот этот танк они отбили от «белых». А на танке между тем все время над командирской башней развевался наш трехцветный флаг. Еще не доходя до площади деревни, танк начал наполняться отработанным газом. Мотор танка находился внутри, в середине его. Нормально, хорошо отрегулированный мотор выбрасывал отработанные газы через выхлопную трубу наружу. В данном случае из 6 цилиндров мотора работали только четыре, и уже впоследствии, в базе отряда, во время ремонта танка мы выяснили, что выхлопные клапаны были оплавлены и отработанный газ выбрасывался не наружу, а внутрь танка. Чтобы избежать отравления команды танка газами, пришлось открыть все люки танка. Через щели пулеметных окон потянул свежий воздух, и газы постепенно стали выходить из танка.

Итак, окруженный беснующейся толпой красноармейцев, «Скобелев» медленно добрался до площади Большого Токмака. Тут, видимо, красные сообразили, что танк совсем не их, и мы увидели, как они бросились к своим пулеметам, чтобы прицельным огнем в открытые люки танка поразить его команду; кроме того, в эти открытые люки легко можно было забросить ручную гранату. Тотчас же с танка был открыт сильный пулеметный огонь, а пушка била на картечь. Началось что-то страшное. Неожиданный огонь вначале как-то ошеломил их, но, когда они поняли, что нет им спасения и что всюду их настигнет смерть, люди в панике стали бежать во все стороны, бросая оружие, закрывая голову руками.

Теперь путь к каменному мосту был нам свободен, и мы медленно к нему направились. Вдруг я заметил, что какие-то две фигуры как-то странно копошатся у моста. Наверное, ставят там фугас. Мгновенно наш артиллерист послал им гранату, и они тотчас же скрылись и больше не появлялись. Наконец подошли мы к мосту, осмотрели его, ни-

чего подозрительного не нашли, перекрестившись, перешли его и начали медленно подниматься в гору.

Внезапно вдали из-за домов выскочили несколько стрелков. Их пули, как горох, отскочили от брони танка, но артиллерист наш был наготове и, как только они опять появились, угостил их гранатой. Один из них остался лежать, другие скрылись. Через несколько мгновений опять выскочила небольшая группа стрелков, но теперь они уже не стреляли, а спокойно стояли, держа винтовки «у ноги». Подойдя ближе и взглядевшись, мы увидели, что это были доблестные «Дрозды». Вскоре верхом на лошади подъехал генерал Туркул. Я доложил ему об обстановке боя.

В 9-м часу вечера дотянулись мы до станции Большой Токмак и представились генералу Ангуладзе, который поблагодарил нас за доблестную службу. Уже в полной темноте погрузили мы танк на платформу для отправки на базу. «Скобелев» вышел из строя, а мы, его команда, проведя весь день с рассвета в бою, отправились «домой», то есть на базу отряда, которая была уже подтянута к деревне Светлодолинской (бывшей немецкой колонии Лихтенталь).

П р и м е ч а н и е. Во всех этих боях командир 3-го отряда танков был в чине штабс-капитана. В конце августа 1920 года приказом Главнокомандующего за выслугу лет и отличное действие 3-го отряда танков он был произведен в капитаны и, вне всяких очередей, в подполковники, а затем вскоре переименован в полковники.

*А. Власов*³²⁷

О БРОНЕПОЕЗДАХ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ³²⁸

22 марта 1920 года генерал Врангель вступил в должность Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. В своем приказе войскам он объявил, что сделает все, для того чтобы вывести армию и флот с честью из создавшегося положения. В это время в Крыму находилось около 5000 человек наших войск, отступивших туда раньше, и около 35 000 человек (включая и тылы), привезенных по морю после оставления Новороссийска. Численный состав советской 13-й армии, подошедшей к северным выходам из Крыма, не превосходил тогда численности наших войск. Но можно было ждать прибытия на фронт против Крыма многочисленных советских подкреплений, ввиду прекращения военных действий на Кавказе. Вместе с тем приходилось считаться и с состоянием наших воинских частей, доставленных в Крым из Новорос-

сйска. Они были расстроены долгим отступлением и находились под тяжким впечатлением только что пережитого. Главнокомандующий решил произвести некоторые переформирования, чтобы достигнуть большей стройности в организации наших войск и устранить чрезмерную многочисленность совсем мелких войсковых частей.

Не было надежды построить вскоре новые бронеплощадки для замены боевых составов наших бронепоездов, погибших у Новороссийска и позднее — у Туапсе. Поэтому последовали приказы о расформировании многих бронепоездов. Команды их были назначены на пополнение личного состава уцелевших бронепоездов и разных батарей. Из трех оказавшихся в Крыму батареях 1-го дивизиона морской тяжелой артиллерии были образованы три тяжелых бронепоезда. Они получили названия: «Москва», «Иоанн Калита» и «Единая Россия». Находившийся в Крыму легкий бронепоезд «Слава Кубани» был расформирован 24 марта с передачей личного и боевого состава легкому бронепоезду «Офицер», боевая часть которого была приведена в негодность при оставлении Новороссийска.

Занятые нашими войсками до конца марта оборонительные позиции у северных выходов из Крыма были неудобны. Главнокомандующий решил безотлагательно улучшить расположение наших войск коротким наступлением с целью овладеть выходами из Перекопского и Сальковского дефиле. В этом наступлении наши бронепоезда могли участвовать лишь на правом фланге нашего расположения, где через Сивашский мост и Сальково проходила железнодорожная линия Севастополь—Харьков. В то время она представляла единственную железнодорожную связь Крыма с остальной территорией России.

Короткое наступление наших войск началось 31 марта. На правом фланге части Алексеевской бригады были высажены на северный берег Азовского моря у Кирилловки, примерно в 40 верстах к северо-востоку от Геническа. Этим войскам надлежало двинуться к Геническу навстречу частям 13-й пехотной дивизии, под командой генерала Ангуладзе. Части этой дивизии входили в состав Крымского корпуса и должны были начать наступление из района Сивашского моста вдоль железной дороги. Легкий бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» нес в это время, попеременно с легким бронепоездом «Волк», службу сторожевого охранения на Сивашской дамбе, находясь на расстоянии около 150 верст от Севастополя (считая по прямой линии) и примерно в 25 верстах к северу от узловой станции Джанкой. 31 марта команда бронепоезда «Офицер» отправилась на фронт. Часть команды была назначена на бронеплощадку с двумя зенитными 3-дюймовыми орудиями образца 1914 года, входившую раньше в состав бронепоез-

да «Слава Кубани» и находившуюся на станции Джанкой для обороны от неприятельских аэропланов. Большая часть команды бронепоезда «Офицер» прибыла на позицию у Сивашского моста и приняла там боевую часть в составе одной бронеплощадки с 3-дюймовым орудием образца 1902 года и с 75-миллиметровым орудием, которое было неисправным, а также одной пулеметной площадки и небронированного паровоза. 1 апреля бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» поддержал сосредоточенным огнем первую атаку нашей пехоты на сторожевое охранение красных у Сивашского моста. С развитием нашего наступления к станции Сиваш бронепоезд продолжал обстреливать неприятеля. Станция Сиваш была занята нашей пехотой, которая подверглась там нападению бронепоезда красных. Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» открыл по нему огонь и подбил паровоз противника. С наступлением темноты бронепоезд «Офицер» вышел для сторожевого охранения на Сивашскую дамбу.

2 апреля был починен Сивашский мост. Это дало возможность нашим бронепоездам продвигаться вместе с нашей наступающей пехотой. Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» выбил своим огнем пехоту красных из окопов у первой будки к северу от станции Сиваш и вступил в бой с подошедшими неприятельскими бронепоездами. Затем бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» был вынужден остановиться из-за порчи пути, и продвижение нашей пехоты в сторону следующей станции Чонгар прекратилось. С поддержкой своих бронепоездов неприятельская пехота перешла в контратаку. Задержав противника своим огнем, бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» был вынужден отойти из-за порчи орудий. Его сменили подошедшие в это время на станцию Сиваш бронепоезда «Офицер» и «Волк». Утром 3 апреля железнодорожный путь был починен, и бронепоезд «Офицер» двинулся в наступление совместно с шедшими за ним бронепоездами «Волк» и «Святой Георгий Победоносец». После боя два неприятельских бронепоезда были отогнаны и станция Чонгар занята нашими войсками. Таким образом, с начала наступления наши войска продвинулись вдоль железной дороги примерно на 10 верст.

С утра 4 апреля наше наступление продолжалось в сторону следующей станции Джимбулук. Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» двинулся сначала впереди наших бронепоездов. За ним шел бронепоезд «Офицер», боевой частью которого командовал в этот день поручик Хмелевский. Вследствие порчи пути наши бронепоезда должны были остановиться под сильным артиллерийским огнем неприятеля. Навстречу им вышли со станции Джимбулук два бронепоезда красных.

С нашей стороны подошел тяжелый бронепоезд «Москва». При его поддержке бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» двинулся на сближение с противником, не стреляя, как только железнодорожный путь был починен. Только сойдясь с бронепоездами красных на близкую дистанцию, наши бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» и «Офицер» открыли частый огонь. Паровоз головного неприятельского бронепоезда был подбит, и после этого бронепоезда красных ушли за станцию Джимбулук. Их нельзя было сразу преследовать из-за нового повреждения железнодорожного пути. В бою у станции Джимбулук участвовал в этот день также тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита». Им командовал капитан Норенберг, состоявший перед тем командиром батареи морской тяжелой артиллерии. Боевая часть бронепоезда «Иоанн Калита» состояла в это время из одной бронеплощадки с 6-дюймовым морским орудием системы Кане и одной бронеплощадки с 5-дюймовым английским орудием. Прибывший на фронт Главнокомандующий генерал Врангель подъехал на автомобиле к нашим остановившимся легким бронепоездам и благодарил их командиров и команды. Главнокомандующий наградил Георгиевскими крестами наиболее отличившихся нижних чинов, а именно: 5 человек из команды бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» и 4 человек из команды бронепоезда «Офицер».

Войдя после этого на станцию Джимбулук, бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» оказался под сильным артиллерийским обстрелом и получил попадание в контрольную площадку. Были ранены на бронепоезде два офицера. Для дальнейшего наступления наши бронепоезда поменялись местами. Первым шел бронепоезд «Офицер», затем — бронепоезд «Волк», и за ним бронепоезд «Святой Георгий Победоносец». Преследуя с боем бронепоезда противника, наши бронепоезда заняли станцию Сальково, примерно в 25 верстах к северу от станции Сиваш. Затем наши бронепоезда продвинулись от станции Сальково до следующей станции Ново-Алексеевка. При этом был подбит бронепоезд красных, вывезенный из боя под нашим огнем. В то же время наши бронепоезда подвергались сильному обстрелу неприятельской артиллерии. Бронепоезд «Офицер» получил попадание в крышу артиллерийской кабинки и должен был отойти на станцию Сальково. Бронепоезд «Волк», которым командовал поручик Лагутин³²⁹, получил два попадания в тендер паровоза и одно попадание в крышу пулеметной площадки. Главнокомандующий генерал Врангель произвел поручика Лагутина в чин штабс-капитана и наградил Георгиевскими крестами шесть наиболее отличившихся чинов команды бронепоезда «Волк». 5 апреля наши пехотные части генерала Ангуладзе заняли

станцию Сальково, и этим закончилось предпринятое короткое наступление. Главнокомандующий мог объявить, что «мы овладели плацдармами Крыма и прочно их за собой обеспечили».

В последующие дни бронепоезда «Святой Георгий Победоносец», «Офицер» и «Волк» выходили по очереди с наступлением темноты к окопам наших войск и проволочным заграждениям. Днем бронепоезда возвращались к станции Сальково. Часто происходили перестрелки с приближавшимися бронепоездами противника. Будучи хорошо видимой целью, наши бронепоезда подвергались обстрелу батареями красных, стоявших на закрытых позициях. В ночь на 18 апреля бронепоезд «Офицер» был оставлен на позиции, ввиду предполагавшегося нашего частичного наступления. Но в 4 часа 18 апреля красные предупредили наши войска и сами перешли в наступление под прикрытием сильного артиллерийского огня и при поддержке трех броневедомостей. Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» получил два попадания в паровоз и должен был отойти для его замены. Бронепоезд «Офицер» вышел за станцию Сальково и попал под сильный обстрел 42-линейных орудий противника и дальнобойного 6-дюймового орудия, которому содействовал аэростат. Несмотря на огонь красных, бронепоезд «Офицер» остановился и стал расстреливать из орудий и пулеметов неприятельские цепи, подходившие к нашим окопам. Красные отхлынули назад, потеряв один из броневедомостей, под названием «Молния». 42-линейный снаряд попал в контрольную площадку бронепоезда «Офицер», на котором был ранен один из нижних чинов. После этого неудавшегося советского наступления наши бронепоезда несли сторожевую службу, переходя от линии передовых окопов у станции Сальково в резерв на станцию Чонгар.

В течение апреля 1920 года легкий бронепоезд «Дмитрий Донской» находился в Керчи для охраны побережья на случай неприятельского десанта с Таманского полуострова. 3 мая командиром бронепоезда «Дмитрий Донской» был назначен полковник Моралин³³⁰. 14 апреля команда бронепоезда «Единая Россия» приняла боевой состав батареи морской тяжелой артиллерии. Командиром бронепоезда «Единая Россия» был назначен капитан Смирнов³³¹, состоявший до того командиром означенной батареи. 27 апреля тяжелый бронепоезд «Единая Россия» выехал на фронт к станции Сальково.

Отдельный бронепоезд «Севастополец № 2», состоявший в распоряжении начальника артиллерии Севастопольской крепости, получил новое название — «Севастополец» и был включен в состав 1-го бронепоездного дивизиона. В апреле прибыли в Крым вывезенные с Кавказского побережья команды бронепоездов «Вперед за Родину» и «Степной» и

были назначены на пополнение команды бронепоезда «Севастополец». Командиром этого бронепоезда был назначен полковник Юрьев³³², командовавший раньше бронепоездом «Вперед за Родину». Боевая часть бронепоезда «Севастополец» состояла из одной бронеплощадки с морским 75-миллиметровым орудием и одной бронеплощадки с 3-дюймовым орудием образца 1895 года на тумбовой установке. Эти бронеплощадки были отправлены для ремонта на завод Севастопольского порта. Ремонт производился весьма медленно. Команда тяжелого бронепоезда «Грозный» прибыла в Крым вместе с отошедшим жилым поездным составом своей базы после того, как боевой состав бронепоезда погиб при отходе в Донецком бассейне. 23 марта командиром бронепоезда «Грозный» был назначен полковник Карпинский³³³, а 10 апреля команда с составом базы перешла на станцию Симферополь. Команда легкого бронепоезда «Генерал Алексеев» перешла 3 апреля на станцию Бахчисарай, где получила пополнения из состава команд других бронепоездов. Была получена блиндированная площадка с тремя пулеметами, а затем еще 9 пулеметов. Команда бронепоезда «Генерал Алексеев» приняла участие в действиях против зеленых. Этими действиями (облавы, ловля дезертиров, подавление бунтов) руководил генерал Бутович. Отряды из состава команды бронепоезда отправлялись обычно в указанные им районы на подводах с пулеметами.

Для того чтобы скорее восстановить в своих частях строгую дисциплину и полный порядок, некоторые частные начальники прибегали к резким обращениям в своих приказах. Можно привести примеры таких обращений в приказах, отданных в мае 1920 года начальником бронепоездных дивизионов. «Замечено мною, что не только дивизионы, но и отдельные бронепоезда самым разнообразным образом выводят на смотры, парады и на пеший строй господ офицеров, находящихся не на командных должностях. В большинстве случаев на левом фланге построившейся части выстраивается до бесконечности длинная линия офицеров, сплошь и рядом фантастически одетых, без оружия, с парикмахерскими прическами и дьяконскими шевелюрами, но не имеющих зачастую на погонах офицерских отличий...» (Следовало приказание обозначать на погонах офицерские просветы, хотя бы при помощи химических карандашей, и ставить офицеров в общий строй с винтовками.) «До сведения моего дошло, что на некоторых бронепоездах образовались какие-то группы избранных и не избранных, старослужащих и новоприбывших, между которыми чувствуется какая-то рознь... Приказываю всеми средствами стараться устранить означенное явление, памятуя, что отношение командного состава должно быть равное, одинаковое, строгое, справедливое ко всем... Затра-

гивать самолюбие хотя бы и далеко младших чинов категорически запрещаю. В это дело внутренней спайки приказываю внести живую душу... За весьма малыми исключениями я заметил, что командиры дивизионов мало интересуются как внутренней, так и нравственной стороной жизни бронепоездов... Из ряда рассмотренных мною дозваний и сообщений начальствующих лиц я заметил, что некоторые командиры бронепоездных дивизионов и бронепоездов, неся великолепно свою службу до утверждения в должности, — начинают манкировать своими обязанностями по утверждению и даже злоупотребляют предоставленной им властью. Объявляю, что явление это недопустимо и будет караться мною самым строгим образом».

В мае 1920 года наши несколько отдохнувшие в Крыму и переформированные войска были сведены в четыре корпуса. В составе этих корпусов было весьма мало конных частей, так как при перевозке с Кавказского побережья в Крым лошади кавалерийских и казачьих частей были оставлены. Таким образом, численное превосходство советской конницы над нашей представлялось неизбежным. Из находившихся в Крыму бронепоездов и команд, еще не имевших боевых составов, были образованы четыре бронепоездных дивизиона, по три бронепоезда в каждом дивизионе.

Разрабатывался план общего наступления наших войск в пределы Северной Таврии. 13-я советская армия, находившаяся перед выходами из Крыма, усиливалась вновь прибывающими войсками. Можно было ждать ее попытки проникнуть в Крым. Было поэтому желательно предупредить неприятеля нашим наступлением и оттеснить его возможно дальше к северу. Крым был всегда беден местными средствами, и только занятие части плодородной территории Северной Таврии могло позволить прокормить наши войска и население полуострова.

Согласно директиве Главнокомандующего от 21 мая 1920 года общее наступление должно было начаться высадкой войск 2-го корпуса генерала Слащева в районе Кирилловки, на берегу Азовского моря. Этим войскам надлежало наступать на северо-запад, прервать сообщения противника по железной дороге между фронтом у станции Сальково и Мелитополем и затем действовать в тыл Перекопской группы войск красных. Войска Сводного корпуса генерала Писарева должны были сменить части 2-го корпуса на позициях около станции Сальково, на правом фланге нашего расположения. После смены войска генерала Писарева должны были при содействии наших бронепоездов атаковать находящиеся против них части 13-й советской армии. Одновременно с этим и войскам 1-го корпуса генерала Кутепова, на левом фланге нашего расположения, надлежало перейти в решительное

наступление на север от Перекопского перешейка, с целью отбросить красных за Днепр.

В ночь на 25 мая бронепоезд «Офицер», в составе одной бронеплощадки с двумя 3-дюймовыми орудиями образца 1914 года и одной пулеметной бронеплощадки, вышел на линию наших позиций у станции Сальково. Бронепоезд получил задачу двинуться вперед с началом нашего наступления в голове колонны бронепоездов. За ним должен был идти легкий бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» и на некотором расстоянии — тяжелый бронепоезд «Единая Россия». От маленькой станции Джимбулук, к югу от станции Сальково, тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита» мог поддерживать наше наступление дальним огнем. Около 4 часов наши части пошли в атаку. По всему фронту началась сильная артиллерийская и пулеметная стрельба, и бронепоезд «Офицер» двинулся в сторону узловой станции Ново-Алексеевка, в 5 верстах к северу от станции Сальково. После остановки для починки поврежденного пути, бронепоезд «Офицер» стал приближаться, когда уже рассвело, к станции Ново-Алексеевка. При этом он настигал отходивший перед ним по главной линии железной дороги неприятельский бронепоезд. В это время другой бронепоезд противника подходил к узловой станции Ново-Алексеевка по короткой ветке (примерно в 15 верст длиной), соединявшей станцию Ново-Алексеевка с портом Геническ. Бронепоезда красных и бронепоезд «Офицер» открыли огонь из орудий. После нашего третьего выстрела на одном из неприятельских бронепоездов начался пожар, и его орудия замолчали. Этот бронепоезд продолжал отходить, несмотря на то что на нем был пожар, и скрылся на станции Ново-Алексеевка. Бронепоезд «Офицер» ворвался на станцию и на станционных путях сблизился на короткую дистанцию с другим бронепоездом красных. Несколькими нашими выстрелами была разбита неприятельская головная бронеплощадка. Противник, отстреливаясь с уцелевших бронеплощадок из пулеметов и винтовок, стал быстро отходить дальше. В этот момент на бронепоезде «Офицер» заклинился снаряд в головном орудии. Пользуясь этим, еще один (третий) неприятельский бронепоезд подошел к стоявшему подбитому бронепоезду красных, взял его на фаркоп и полным ходом двинулся в сторону Мелитополя. В то время как бронепоезд «Офицер» исправлял задержку в орудии, к нему подъехали три советских разведчика, приняв его за свой. Во время начавшейся перестрелки с ними на бронепоезде был убит штабс-капитан Салов. При выходе со станции Ново-Алексеевка для дальнейшего наступления первым продвигался бронепоезд «Святой Георгий Победоносец», а бронепоезд «Офицер» шел за ним вторым. Огнем бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» были рассеяны близ селения Ново-Алек-

сеевка части отступавшего советского саперного полка. Наши бронепоезда заняли без боя станцию Рыково, примерно в 15 верстах к северо-востоку от станции Ново-Алексеевка. Там бронепоезда поменялись местами, и бронепоезд «Офицер» прошел снова первым на некоторое расстояние в сторону следующей станции Юрицыно. Пришлось остановиться у разобранного пути, и тогда наши бронепоезда попали под сильный обстрел неприятельской батареи. Наши бронепоезда вернулись на станцию Рыково. Было установлено, что бронепоезд «Офицер» подбил в этот день 25 мая следующие два бронепоезда противника: тяжелый бронепоезд номер 4, вооруженный тремя тяжелыми орудиями (площадка с 6-дюймовым орудием была разбита и воспламенилась), и легкий бронепоезд «Гром», вооруженный тремя 3-дюймовыми орудиями (головная бронеплощадка была разбита, и вся команда на ней погибла). В этот день легкий бронепоезд «Волк» был отправлен через станцию Ново-Алексеевка для занятия станции Геническ, в конце короткой ветки.

26 мая наши бронепоезда «Офицер» и «Святой Георгий Победоносцу» снова двинулись в сторону станции Юрицыно. После нескольких остановок из-за испорченного пути наши бронепоезда попали под сильный огонь батареи красных. Однако бронепоездам удалось пройти за фронт батареи и начать, в свою очередь, ее обстрел. Батарея противника поспешно снялась с позиции и отошла. Затем наши бронепоезда прошли оставленную противником станцию Юрицыно и приблизились к следующей станции Сокологорное, примерно в 20 верстах от станции Рыково. Таким образом, за два первых дня наступления нашим бронепоездам удалось продвинуться почти на 40 верст. Около станции Сокологорное бронепоезд красных открыл огонь по бронепоезду «Офицер» из 42-линейного орудия. Бронепоезд «Офицер» продолжал двигаться на сближение, в свою очередь открыв огонь. Вскоре наше попадание в головную бронеплощадку противника произвело на ней взрыв снарядов. На неприятельском бронепоезде начался пожар, и он стал поспешно отходить. Бронепоезд «Офицер» преследовал противника, но был вынужден остановиться для починки пути после взрыва фугаса в 100 шагах впереди бронепоезда. Несмотря на стрельбу 48-линейной гаубицы красных, наши бронепоезда прошли станцию Сокологорное и в одной версте за станцией обнаружили брошенную красными боевую площадку с двумя 42-линейными орудиями. Эта бронеплощадка принадлежала советскому бронепоезду номер 4, подбитому в бою накануне. Она была совершенно разбита нашими попаданиями и сошла с рельс, загромоздив путь. Поднять эту бронеплощадку с рельс своими средствами не было возможности. Поэтому наши бронепоезда вернулись на

станцию Сокологорное. На станции была обнаружена другая брошенная противником бронеплощадка с 3-дюймовым орудием. Бронепоезд «Офицер» прицепил ее к своему составу. На станции Сокологорное остался также неприятельский поездной состав с аэропланными бомбами, другим авиационным имуществом и нефтью. Его паровоз был сбит на стрелке и опрокинут поспешно отходившим зажженным бронепоездом красных. К ночи бронепоезд «Офицер» ушел на станцию Ново-Алексеевка, где создалось тревожное положение. Для противодействия нашему наступлению советская конная дивизия Блинова, силой в 2500 всадников, охватила левый фланг войск Сводного корпуса генерала Писарева. Передовые конные части красных подошли на 10 верст к узловой станции Ново-Алексеевка, угрожая отрезать наши бронепоезда, прошедшие дальше к северо-востоку.

К вечеру 27 мая части 2-го корпуса генерала Слащева заняли город Мелитополь, примерно в 90 верстах от позиций у станции Сальково, считая по железнодорожной линии. Но положение на участках этой железнодорожной линии между Мелитополем и Крымом представлялось еще надежным. Бронепоезд «Офицер» охранял 27 мая важный участок протяжением около 5 верст между станциями Сальково и Ново-Алексеевка. Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» оставался на станции Сокологорное. Туда же прибыл в качестве подкрепления тяжелый бронепоезд «Единая Россия» с десантом из 40 кубанских казаков. 28 мая бронепоезда «Офицер» и «Святой Георгий Победоносец» дошли до станции Большой Утлюк, к северо-востоку от станции Сокологорное, и прикрывали починку моста около нее. Затем они были спешно отозваны на юго-запад к станции Ново-Алексеевка, то есть на расстояние около 50 верст, для поддержки наших частей, которые вели бой с вновь подошедшей конницей красных. В тот же район прибыл из тыла тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита». Около станции Рыково бронепоезд «Офицер» поддерживал своим огнем наступление Назаровского Донского казачьего полка.

* * *

После четырех дней сражения, начавшегося наступлением наших войск в Северную Таврию, на фронте создалось следующее положение: к 29 мая 1920 года части 1-го корпуса генерала Кутепова продвинулись на нашем левом фланге, примерно на 40 верст к северу от Перекопа. В этом районе им пришлось столкнуться с встречным наступлением только что подведенной 15-й советской стрелковой дивизии численностью около 4500 человек пехоты и 800 человек конни-

цы. На нашем правом фланге части 2-го корпуса генерала Слащева дошли до Мелитополя и должны были отражать там атаки резервов красных, подвозимых с севера, от Александровска. В центре, где было начато наступление наших войск под командой генерала Писарева, отдельные неприятельские части были еще недалеко от железнодорожной линии Сальково—Мелитополь.

Легкие бронепоезда «Офицер» и «Волк» находились 29 мая на участке между станциями Ново-Алексеевка и Рыково, протяжением около 15 верст, и обстреливали артиллерийским огнем части неприятельской конницы, приближавшиеся с запада к железной дороге. К вечеру кавалерия красных была принуждена отойти на север. По приказанию начальника группы бронепоездов полковника Гадда, легкий бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» и тяжелый бронепоезд «Единая Россия» двинулись к станции Акимовка, примерно в 25 верстах к юго-западу от Мелитополя, с задачей установить связь со штабом 2-го корпуса генерала Слащева. После нескольких остановок для починки поврежденного пути наши бронепоезда прибыли на станцию Акимовка лишь в 16 часов. Вечером было получено приказание генерала Слащева идти дальше в Мелитополь и поступить там в распоряжение начальника 13-й пехотной дивизии. После новых задержек из-за повреждений пути наши бронепоезда вошли около 23 часов на станцию Мелитополь, находящуюся примерно в 115 верстах от станции Сиваш.

На следующий день, 30 мая, Главнокомандующий отдал директиву о преследовании частями трех наших корпусов войск 13-й советской армии, потерпевших поражение и отступающих к Днепру. Во время сражения нашими войсками были взяты 8000 пленных и 30 орудий. Только на нашем правом фланге у Мелитополя войска 2-го корпуса продолжали вести упорный оборонительный бой против подходивших свежих советских резервов. Прибытие наших бронепоездов на станцию Мелитополь позволило им оказать нашим обороняющимся войскам ценную поддержку. Красные повели наступление на Мелитополь с рассвета 30 мая. Четыре неприятельских бронепоезда открыли сильный артиллерийский огонь по станции. Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» стал у северных стрелок, а бронепоезд «Единая Россия» занял позицию в районе садов у южных стрелок. До 14 часов наши бронепоезда вели успешную борьбу с бронепоездами красных, не позволяя им приблизиться к станции. После этого в тылу, со стороны ближайшей к юго-западу станции Тащенак, стала слышна усиливающаяся артиллерийская стрельба. Бронепоезда «Единая Россия» и «Святой Георгий Победоносец» получили приказание отходить. Между станци-

ями Тащенак и Акимовка ими был встречен наш Таганрогский полк 34-й пехотной дивизии. Полк шел в наступление на деревню, занятую неприятелем в 3 верстах от железной дороги. Наши бронепоезда поддерживали наступление артиллерийским огнем, и красные отошли. По прибытии на станцию Акимовка тяжелый бронепоезд «Единая Россия» получил приказание идти дальше — на станцию Рыково, примерно в 70 верстах от станции Мелитополь.

Утром 31 мая легкий бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» выдвинулся со станции Мелитополь для поддержки нашей пехоты, которая подвергалась атакам противника на восточной окраине города Мелитополя. Около станции Мелитополь бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» попал под усиленный обстрел неприятельских бронепоездов и батарей. Осколком снаряда был убит на бронепоезде подпоручик Пешехонов. Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» продолжал двигаться дальше, расстреливая цепи пехоты противника. При поддержке бронепоезда наша пехота пошла в контратаку. Поражаемый пулеметным огнем с бронепоезда «Святой Георгий Победоносец», противник стал отходить к востоку от железной дороги. В это время бронепоезд получил прямое попадание во 2-ю бронеплощадку. Три солдата были убиты, два — ранены, и контужен один офицер. При дальнейшем продвижении головная бронеплощадка сошла с рельс на разбитом снарядами пути. Подъем бронеплощадки своими средствами не удался, и ввиду отступления вспомогательного поезда, а также вследствие загромождения пути впереди двумя сваленными паровозами, бронеплощадка была временно оставлена. Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» отошел на станцию Мелитополь, продолжая вести перестрелку с бронепоездами красных. Затем было получено приказание командира бригады 13-й пехотной дивизии отойти на 5 верст к юго-западу от Мелитополя, ввиду нового обхода города неприятелем с запада. Приказание было исполнено, и бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» отошел от станции Мелитополь. В тот же день 31 мая бронепоезд «Офицер» после необходимого ремонта паровоза перешел на участок железной дороги между станциями Акимовка и Тащенак. В последние дни мая легкие бронепоезда «Волк» и «Дмитрий Донской» и тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита» были тоже отправлены на фронт к Мелитополю.

1 июня бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» возвратился на станцию Мелитополь и открыл огонь по району моста, на который противник продолжал вести настойчивые атаки. Неприятельские бронепоезда подходили к станции на 5 верст и обстреливали станцию и железнодорожный поселок. В трех верстах к северу от выходного се-

мафора путь между нашим и неприятельским расположением был загроможден паровозами, которые были пущены в виде так называемых «брандеров» против неприятеля нашей пехотой еще в день занятия ею станции. Бронепоезд «Офицер» прибыл на станцию Мелитополь около 17 часов 1 июня и оставался ночью в сторожевом охранении. Ночью бронеплощадка, оставленная накануне бронепоездом «Святой Георгий Победоносец», была поднята подошедшим вспомогательным поездом. Бронепоезд «Единая Россия» передвигался в течение этого дня по участку железной дороги длиной примерно в 15 верст между станциями Рыково и Ново-Алексеевка. К западу от последней станции и не дальше чем в 10 верстах от позиций у станции Сальково, с которых началось наше наступление, были якобы обнаружены конные части красных. Поэтому бронепоезду «Единая Россия» было приказано оставаться ночью в полной боевой готовности.

На рассвете 2 июня с бронепоезда «Единая Россия» был обнаружен отступающий Калмыцкий полк, вслед за которым в трех верстах от станции Ново-Алексеевка двигалась лава конницы красных при двух батареях. Бронепоезд «Единая Россия» тотчас открыл огонь, и кавалерия красных отошла на север. 2 июня утром на станции Мелитополь собрались легкие бронепоезда — «Офицер», «Святой Георгий Победоносец» и «Дроздовец». Позднее подошли и тяжелые бронепоезда — «Иоанн Калита» и «Единая Россия». После отхода пехоты красных была начата спешная постройка обводного пути у сброшенных паровозов, для того чтобы наши бронепоезда могли двинуться на север, к узловой станции Федоровка. В течение дня бронепоезд «Офицер» прикрывал производство работ, неоднократно выезжая вперед. Тогда неприятель открыл сильный артиллерийский огонь с закрытых позиций из 42-линейных и 6-дюймовых орудий. Бронепоезда «Офицер» и «Единая Россия», в свою очередь, стреляли по предполагаемому месту позиций красных. На следующий день, 3 июня, обводный путь был построен. Но пришлось приступить тогда к сбрасыванию целого состава товарных вагонов, оставленных красными в 6 верстах к северу от Мелитополя.

4 июня легкие бронепоезда «Волк» и «Дроздовец» и тяжелый бронепоезд «Единая Россия» поддерживали наступление частей нашей 34-й пехотной дивизии на узловую станцию Федоровка, примерно в 20 верстах к северу от станции Мелитополь. Шедший впереди бронепоезд «Дроздовец» остановился у южных стрелок станции и открыл огонь по занимавшей ее неприятельской пехоте. Находившийся севернее станции Федоровка неприятельский бронепоезд, в свою очередь, открыл огонь по бронепоезду «Дроздовец», который вскоре получил

попадание в заднюю бронеплощадку. Подошедший бронепоезд «Волк» стал обстреливать станцию из двух орудий. Между тем было замечено движение другого неприятельского бронепоезда, который подходил к станции по линии с востока и, вероятно, стремился прорваться через станцию на север. Тяжелый бронепоезд «Единая Россия» открыл огонь по этому бронепоезду красных с дистанции около 5 верст. Когда же пехота противника была вытеснена со станции, то бронепоезд «Волк» также начал стрелять по тому же бронепоезду противника, подходившему с востока. Через некоторое время бронепоезд красных остановился. Наступающие части нашей пехоты подошли к подбитому и оставленному командой неприятельскому боевому составу из двух бронеплощадок с двумя легкими орудиями в башнях на каждой площадке и паровоза. Этот бронепоезд красных носил название «Армия советской Латвии». Вечером бронепоезду «Дроздовец» было приказано вывезти брошенный бронепоезд красных в Мелитополь. Он был мало поврежден. Существовали разногласия по вопросу о том, считать ли бронепоезд красных подбитым выстрелами бронепоезда «Единая Россия» или выстрелами бронепоезда «Волк». Вероятно, бронепоезд «Армия советской Латвии» не мог продолжать свой отход из-за разрушения железнодорожного полотна. Легкий бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» отправился 4 июня в резерв Главкомандующего и оставался в ближайшие дни на станциях Ново-Алексеевка и Геническ.

Взятие узловой станции Федоровка позволило нашим бронепоездам действовать по двум направлениям: восточному и северному. В восточном направлении от станции Федоровка шла железная дорога в сторону Донецкого бассейна через узловые станции Верхнетокмак, Цареконстантиновка и Волноваха. В северном направлении от станции Федоровка шла железная дорога в сторону Харькова через узловые станции Александровск, Синельниково и Лозовая.

На восточном направлении бронепоезд «Офицер» подошел 5 июня после починки пути к станции Светлодолинская, примерно в 15 верстах от станции Федоровка. Не доходя до станции Светлодолинская, была обнаружена вполне исправная бронеплощадка с 6-дюймовой гаубицей, брошенная красными. На бронеплощадке имелся запас снарядов. Она входила в состав неприятельского бронепоезда «Армия советской Латвии» (захваченного нами накануне) и сошла с рельс, наскочив на взорванный нашей кавалерией путь. По исправлению пути бронепоезд «Офицер» вывез неприятельскую бронеплощадку, прошел станцию Светлодолинская и примерно в 5 верстах от нее приблизился к окраине немецкой колонии Шенау. Там оказался отряд совет-

ской пехоты, расположившийся поблизости от железнодорожного полотна. Приняв наш бронепоезд за свой, красные были застигнуты врасплох. Им было предложено сдаться. Ближайшие к бронепоезду около пятидесяти пехотинцев сдали свои винтовки и один пулемет. Другие стояли сначала в нерешительности. Но, увлекаемые своими комиссарами, эти неприятельские пехотинцы стали убегать и скрываться во ржи. По группе конных красных бронепоезд «Офицер» открыл пулеметный огонь, и они ускакали. Продвинувшись затем дальше, бронепоезд «Офицер» обстреливал части противника, отступавшие к следующей станции Большой Токмак. Бронепоезд не мог дойти до этой станции из-за взорванного железнодорожного моста. В ближайшие после этого дни наши наступающие войска продвинулись до станции Стульнево, в 60 примерно верстах к востоку от станции Федоровка. 10 июня бронепоезд «Офицер» прикрывал работы по починке железнодорожного моста в нескольких верстах к востоку от станции Стульнево. Боевой частью бронепоезда командовал в этот день штабс-капитан Симмот³³⁴. В 17 часов бронепоезд «Офицер» отошел вместе с ремонтным поездом на станцию Стульнево по спешному вызову командира бригады 13-й пехотной дивизии. Разведчики от роты Брестского пехотного полка, занимавшей станцию, донесли о приближении с востока конницы красных с батареей. Тогда бронепоезд «Офицер» пошел навстречу противнику и попал под огонь двух орудий, стоявших на открытой позиции. После артиллерийской перестрелки одно неприятельское орудие было подбито снарядом с бронепоезда, а другое орудие снялось с позиции и отошло. Отгнав тогда своим огнем и конницу красных, бронепоезд «Офицер» вернулся на станцию Стульнево для доклада командиру бригады. В это время отшедшее орудие противника стало на закрытую позицию и повело пристрелку железнодорожного полотна на том месте, где раньше стоял бронепоезд. Начальник боевого участка генерал Стошинский приказал бронепоезду отогнать и второе орудие красных, хотя уже наступил вечер. Исполняя полученное приказание, бронепоезд «Офицер» подошел к своей прежней позиции. Тотчас же неприятельское орудие открыло огонь с закрытой позиции на дистанции в 3 версты по пристрелянному участку. Бронепоезду пришлось маневрировать ввиду меткости обстрела. Когда он медленно двигался назад, обстреливая противника, неприятельский снаряд попал в рельсу рядом с орудийной бронеплощадкой номер 4. Из-за неисправности тормоза не удалось остановить бронепоезд сразу. Орудийная бронеплощадка сошла с рельс, сцепилась буферами с пулеметной площадкой и стащила с рельс также и ее. На рельсах остались: паровоз, бронеплощадка с двумя орудиями и две

предохранительные платформы. Но не было возможности отцепить эту часть боевого состава своими средствами, так как буфера и сцепки сильно заели. При движении с целью порвать фаркоп можно было ожидать еще большего крушения. На фронте не было тогда нашей артиллерии, которая могла бы обстреливать противника. Ввиду создавшегося тяжелого положения, командовавший бронепоездом «Офицер» штабс-капитан Симмот приказал снять стреляющие приспособления, прицелы, панорамы и пулеметы и отошел с частью команды на станцию Стульнево. В это время другая часть команды осталась в полуверсте от покинутого боевого состава, чтобы пулеметным и ружейным огнем не позволять красным захватить его. Затем подошли наши подкрепления. 5-я рота Брестского пехотного полка, две сотни нашей конницы и команда бронепоезда заняли позицию вблизи от потерпевшего крушение бронепоезда. В 3 часа 11 июня прибыл ремонтный поезд, но не приступил к работе из-за недостатка технических средств и рабочих рук и ждал рассвета. Утром 11 июня красные открыли сильный артиллерийский и ружейный огонь и принудили команду бронепоезда отойти. При этом был смертельно ранен командир пулеметного взвода бронепоезда «Офицер» поручик Новицкий. Отступив на полверсты, команда бронепоезда залегла и продолжала не подпускать противника к боевому составу. В 13 часов батальон Брестского полка перешел в наступление и потеснил красных, которые прекратили свой артиллерийский огонь. Ремонтный поезд начал постройку обводного пути для вывоза бронепаровоза и бронеплощадки с двумя орудиями. Около 20 часов команда бронепоезда «Офицер» получила приказание отступить вместе с батальоном Брестского полка, ввиду прорыва конницы красных на нашем правом фланге. Под сильным пулеметным огнем команда бронепоезда отошла на станцию Стульнево. Однако в 23 часа перешли в наступление части соседней Донской конной дивизии, отбросили противника и восстановили положение. 12 июня была закончена постройка обводного пути по насыпи высотой в полтора аршина. Бронепаровоз и бронеплощадка с двумя орудиями были вывезены, после чего команда бронепоезда «Офицер» отправилась с ними на станцию Светлодолинская, где стояла «база» бронепоезда.

13 июня бронепоезд «Офицер» и прибывший с другого направления тяжелый бронепоезд «Единая Россия» выходили за станцию Большой Токмак, примерно в 40 верстах от станции Федоровка, и обстреливали неприятеля, находившегося на буграх к северу от железной дороги. Прибывший в тот же день из резерва легкий бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» прошел дальше, на станцию Стульнево, приблизительно в 20 верстах к востоку от станции Большой Токмак.

На обводном пути поблизости от станции Стульнево орудийная бронеплощадка, пулеметная бронеплощадка и паровоз бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» сошли с рельс. Подошедший вспомогательный поезд приступил к их подъему. Для этой работы потребовалось около 8 часов. 14 июня бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» прикрывал между станциями Большой Токмак и Стульнево фланг Донской дивизии, а затем вел бой с советской пехотой, которая наступала к станции Стульнево. В тот же район прибыл с северного направления тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита», в составе двух боевых площадок с тяжелыми орудиями.

На северном направлении наступление наших войск, после взятия узловой станции Федоровка, было поддержано сначала тяжелым бронепоездом «Единая Россия». Он содействовал частям 34-й пехотной дивизии 7 июня при взятии станции Пришиб, на расстоянии около 20 верст к северу от станции Федоровка. Примерно в то же время командиром бронепоезда «Единая Россия» был назначен полковник Окушко. 11 июня легкие бронепоезда «Дмитрий Донской» и «Волк» приняли участие в бою близ станции Чокрак, примерно в 15 верстах к северу от станции Пришиб, совместно с частями 135-го пехотного Керчь-Еникальского полка. Пехота и кавалерия красных были выбиты из селения Васильевка, находившегося около железной дороги. В этот же день произошло несчастье на тяжелом бронепоезде «Иоанн Калита», прибывшем на позицию у станции Чокрак. Входящая перед тем в состав бронепоезда «Иоанн Калита» бронеплощадка с 5-дюймовым английским орудием была отправлена в ремонт в Севастополь. Ввиду экстренного требования отправить означенное орудие на фронт, ремонт был закончен слишком поспешно и не была произведена полагающаяся пробная стрельба. Когда бронепоезд «Иоанн Калита» должен был 11 июня открыть огонь у станции Чокрак, то при первом выстреле 5-дюймового орудия из него вырвало стреляющее приспособление. Воспламенились приготовленные для дальнейшей стрельбы 9 зарядов. (В этой системе орудий снаряды и заряды вкладывались в ствол орудия отдельно.) Стреляющим приспособлением была перебита нога канонира Полякова. Воспламенившимся порохом он был сильно обожжен и умер на следующий день, не приходя в сознание. Канонир Косарев был тоже сильно обожжен. У него вытекли глаза и обгорело все тело. Не потеряв сознания, он умолял о том, чтобы его пристрелили. Это было исполнено одним из офицеров бронепоезда. Еще 4 нижних чина получили тяжелые ожоги. С большими трудностями удалось потушить пожар на боевой площадке, между тем как неприятельские батареи и бронепоезда усилили обстрел бронепоезда

«Иоанн Калита». 13 июня было заменено стреляющее приспособление в 5-дюймовом орудии, и бронепоезд отправился через узловую станцию Федоровка на восточное направление. 14 июня легкие бронепоезда «Дмитрий Донской» и «Волк» поддерживали в бою у селения Васильевка части 34-й пехотной дивизии. Огнем бронепоезда «Дмитрий Донской» был подбит паровоз бронепоезда красных, вследствие чего отошли и другие неприятельские бронепоезда. Бронепоезд «Дмитрий Донской» также перебил своим огнем почти всю прислугу и лошадей 3-орудийной батареи красных. По свидетельству начальника 34-й пехотной дивизии генерала Теплова, этим бронепоезд оказал решающее содействие выполнению нашей боевой задачи.

Команды трех бронепоездов, еще не получивших в то время своих бронеплощадок, должны были оставаться в тылу. Команда бронепоезда «Генерал Алексеев» продолжала оставаться на станции Бахчисарай, примерно в 45 верстах от Севастополя. Отряды из состава команды, посылавшиеся в отдельные села, иногда захватывали так называемых зеленых. Наиболее важные преступники доставлялись в город Бахчисарай, где заседал военно-полевой суд. Менее важные преступники и дезертиры подвергались телесному наказанию на месте. Надлежало также выезжать на помощь нашим караулам в случае нападения на железнодорожные мосты. Команда бронепоезда «Севастополец» находилась на станции Бельбек, примерно в 25 верстах от Севастополя, и участвовала в боевых действиях против зеленых. В бою против них 23 мая были убиты из состава команды бронепоезда подпоручик Наркуцкий и один нижний чин. 30 человек из состава команды при четырех пулеметах были откомандированы позднее в Бахчисарай, в распоряжение начальника гарнизона, командира лейб-гвардии Атаманского полка генерала Хрипунова³³⁵. Команда бронепоезда «Грозный» перешла в город Севастополь и была включена в состав его гарнизона. Она стала нести гарнизонную службу и выполняла некоторые наряды на работы, в частности — производила разгрузку снарядов в Килен-бухте. Постройка боевых площадок для бронепоезда «Грозный» происходила весьма медленно из-за частых забастовок на заводе и недостатка рабочих рук.

* * *

К середине июня 1920 года, после успешного наступления в Северную Таврию наши войска были развернуты на широком фронте протяжением до 180 верст. Фронт шел от района к западу от Бердянска, на Азовском море, до станции Попово, примерно в 60 верстах к севе-

ру от Мелитополя, и дальше — вдоль берега Днепра, до его устья. Вопрос о продовольствии для армии и населения был, таким образом, разрешен. Но на занятой территории не было достаточных резервов и пополнений для того, чтобы продолжать без остановки наступление с далекими целями. Между тем советское командование подготовило маневр сильной конной группы. 15 июня советский конный корпус под командой Жлобы, численностью до 7500 человек кавалерии и 6000 человек пехоты, усиленный еще другими конными частями, атаковал близ узловой станции Верхнетокмак части 3-й Донской дивизии. После упорного боя конный корпус Жлобы стал продвигаться с востока на запад, в сторону Мелитополя. Совершая главным образом ночные переходы, войска корпуса Жлобы достигли к 20 июня района к югу от станции Большой Токмак, продвинувшись в глубь нашего расположения примерно на 50 верст.

На восточном направлении от узловой станции Федоровка бронепоезд «Офицер» находился 16 июня на станции Стульево, примерно в 20 верстах к западу от узловой станции Верхнетокмак. Бронепоезд снял стрелки и разобрал путь у семафора станции и здесь подвергся нападению неприятельского аэроплана, который сбросил три бомбы. Эти бомбы не причинили бронепоезду вреда. Затем были обнаружены колонны и обозы красных к юго-востоку от станции Стульево. Приблизившийся к станции, разъезд противника был отброшен огнем с бронепоезда. В 18 часов бронепоезд «Офицер» погрузил батальон Брестского пехотного полка и отошел примерно на 5 верст к западу. Батареи красных оказались там вблизи от железной дороги, и бронепоезд вел с ними перестрелку до наступления темноты. 17 июня утром бронепоезд «Офицер» двинулся со станции Большой Токмак в сторону станции Стульево совместно с ремонтным поездом, чтобы снять 3-дюймовое орудие с бронеплощадки, потерпевшей крушение 10 июня. Был обнаружен неприятельский бронепоезд, который открыл огонь, но отошел после первых ответных выстрелов бронепоезда «Офицер». После успешного снятия орудия бронепоезд «Офицер» оставался некоторое время на станции Стульево, которую начал обстреливать из 6-дюймового орудия неприятельский тяжелый бронепоезд. Снаряды противника не причинили вреда бронепоезду «Офицер». Резерв бронепоезда оставался на станции Светлодолинская, на которую кавалерия красных из состава корпуса Жлобы произвела внезапное нападение на рассвете 18 июня. Вероятно, в этот день или накануне на станцию Светлодолинская прибыл с северного направления тяжелый бронепоезд «Единая Россия». Во время боя у станции Светлодолинская на бронепоезде «Единая Россия» был убит поручик Харитонович.

Неприятельская кавалерия была отброшена с помощью частей Корниловской дивизии.

20 июня главные силы конного корпуса Жлобы были охвачены с трех сторон в районе к югу от станции Большой Токмак нашими войсками 2-й и 3-й Донских дивизий, Корниловской дивизии и Дроздовской дивизии. Наши войска перешли в наступление рано утром 20 июня. Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» находился в это время на станции Большой Токмак. При приближении неприятельской кавалерии бронепоезд вышел со станции навстречу противнику и отбросил красных своим огнем. Неприятельская конница изменила направление и стала поспешно отходить на восток, параллельно линии железной дороги. Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» преследовал кавалерию огнем из орудий и пулеметов вплоть до станции Стульнево и нанес красным большие потери. Затем другая группа неприятельской кавалерии, шедшая наперерез железнодорожного пути, окружила бронепоезд «Святой Георгий Победоносец». Бронепоезд открыл по окружавшим его красным огонь в упор из пулеметов и из орудий «на картечь». Под жестоким обстрелом с бронепоезда эта группа неприятельской кавалерии не могла прорваться к северу от железной дороги и поскакала в сторону. Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» обстрелял при этом неприятельский взвод артиллерии и бронеевтомобиль, которые пытались поддерживать свою кавалерию. Орудия противника поспешно снялись с позиции, и бронеевтомобиль быстро ушел. Третью группу неприятельской кавалерии преследовали наши конные части генерала Морозова. Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» принял участие в преследовании, обстреливая скачущие конные части красных, и снова подошел к станции Стульнево. В южном направлении от этой станции были во время боя ясно видны разрывы от выстрелов наших батарей, усиленно обстреливавших противника при его попытках пробиться на юг. За день боя бронепоездом «Святой Георгий Победоносец» были взяты 18 пленных.

В тот же день 20 июня тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита» находился также на участке Большой Токмак—Стульнево, протяжением около 20 верст, поддерживая около станции Большой Токмак части нашей 13-й пехотной дивизии. Боевая площадка с 6-дюймовым орудием бронепоезда «Иоанн Калита» была поставлена за семафором станции. Нашему тяжелому орудию пришлось вести огонь по стремительно наступающей коннице противника с минимальным прицелом в два с половиной кабельтова, то есть на дистанции около 200 саженьей, с боевой площадки обстреливали неприятеля пулеметным огнем. Боевая площадка бронепоезда «Иоанн Калита» с 5-дюйм-

мовым орудием передвигалась во время всего боя по железнодорожному участку, расстреливая красных на малых прицелах. Конный корпус Жлобы потерпел в этот день тяжелое поражение. Нашими войсками были взяты 2000 пленных и 40 орудий, а также 3000 коней. Это позволило снабдить конским составом несколько кавалерийских и донских казачьих полков, которые до того были вынуждены действовать в пешем строю.

На следующий день 21 июня советские войска, находившиеся к северу от Большого Токмака, попытались поддержать пострадавший конный корпус Жлобы и перешли в наступление. С утра после артиллерийской подготовки начались атаки красных на расположение частей нашей 13-й пехотной дивизии у окраины города Большой Токмак. Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» задерживал неприятеля своим огнем и помог частям 13-й пехотной дивизии отойти к железной дороге. Подошедшими частями Дроздовской дивизии противник был выбит из города Большой Токмак. При этом бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» обстреливал из пулеметов и из орудий «на картеч» окраину города, на которой были выставлены пулеметы красных.

22 июня бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» двинулся к станции Стульнево и неожиданно встретил пехотный полк красных. Подойдя к цепи противника, находившейся близ железной дороги, бронепоезд своим огнем заставил ее отойти. За станцией Стульнево был встречен неприятельский бронепоезд. Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» подошел к нему без выстрела на дистанцию в полторы версты и лишь тогда открыл огонь. Советский бронепоезд быстро отошел. Преследовать его было невозможно из-за порчи пути. На следующий день, 23 июня, бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» снова вступил в бой у станции Стульнево, ведя перестрелку с батареями и бронепоездом красных. После наступления темноты бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» потерпел крушение на взорванном красными в ту же ночь пути. Сошли с рельс одна орудийная бронеплощадка и (одним скатом) пулеметная бронеплощадка.

24 июня наши бронепоезда «Офицер», «Святой Георгий Победоносец» и «Единая Россия» получили задачу взорвать мост и пути к востоку от станции Стульнево. Шедший впереди бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» наскочил на фугас, не доезжая одной версты до этой станции. Одна его бронеплощадка сошла с рельс. Позднее нами был сброшен паровоз с целью преградить путь бронепоездам красных. После этого бронепоезд «Офицер» подошел в ночь на 25 июня к станции Стульнево и прикрывал работы для подъема контрольных площадок бронепоезда «Святой Георгий Победоносец». Затем был исправлен

железнодорожный путь в трех местах. В это время части Корниловской дивизии овладели железнодорожным мостом и взорвали его, после чего отошли на свои прежние позиции. Днем 25 июня бронепоезд «Офицер» подходил ко взорванному мосту и вел перестрелку с бронепоездами красных, стоявшими по другую сторону этого моста. В конце июня 1920 года наши бронепоезда «Офицер», «Святой Георгий Победоносец» и «Единая Россия» оставались в районе станций Большой Токмак и Стульнево, на боевом участке Корниловской дивизии. Ночью один из наших бронепоездов стоял в заставе. Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» несколько раз стрелял с закрытой позиции, как батарея, и помогал, таким образом, нашим батареям при отражении неприятельских атак на Большой Токмак. 29 июня бронепоезд «Офицер» стоял вблизи станции Стульнево, в то время как у селения Черниговка шел бой между донскими частями и красными. Ввиду неясности положения, бронепоезд «Офицер» огня не открывал.

На северном (считая от узловой станции Федоровка) направлении бронепоезд «Дмитрий Донской» поддержал 16 июня две роты 135-го пехотного Керчь-Еникальского полка, которые были окружены кавалерией противника. В этом бою бронепоезд «Дмитрий Донской» получил два попадания в головное орудие и одно попадание в паровоз. Были убиты два вольноопределяющихся и тяжело ранен командовавший в этот день боевой частью бронепоезда капитан Лагутин. После этого боя бронепоезд «Дмитрий Донской» выезжал в составе только двух орудийных бронеплощадок и одной пулеметной бронеплощадки. 19 июня бронепоезда «Дмитрий Донской» и «Волк» прикрывали отход нашей пехоты у станции Бурчацк, примерно в 30 верстах от станции Федоровка, а 22 июня бронепоезд «Дмитрий Донской» поддерживал части 135-го пехотного Керчь-Еникальского полка во время боя у станции Пришиб, примерно в 20 верстах к северу от станции Федоровка, и своим огнем заставил отойти бронепоезд красных. После этого наши войска перешли в наступление, и 23 июня произошел бой у станции Чокрак, в 15 верстах к северу от станции Пришиб. В этом бою участвовали наши легкие бронепоезда — «Дмитрий Донской», «Волк» и тяжелые — «Единая Россия» и «Иоанн Калита», прибывшие в это время с восточного направления. Станция Чокрак была взята нашими войсками, и бронепоезда красных принуждены отойти на север, к станции Попово. С 25 июня бронепоезд «Дмитрий Донской» состоял в распоряжении начальника артиллерийского участка Дроздовской дивизии и выходил на позицию между станциями Чокрак и Попово.

В начале июля 1920 года 1-й корпус генерала Кутепова занял обращенный к северо-востоку фронт, примерно в 25 верст, между желез-

нодорожными линиями на Верхнетокмак и Александровск. Был образован конный корпус из трех дивизий, но советские войска, к которым продолжали подходить свежие части, усиливались в смысле численности скорее наших войск. Около 5 июля в 13-й советской армии состояло до 35 000 человек пехоты и 10 000 человек конницы. Кроме того, в близком тылу красных собирались части 2-й Конной армии, под командой Гая, с численностью до 5000 человек кавалерии.

На восточном направлении бронепоезд «Офицер» стоял 1 июля в сторожевом охранении, когда был замечен аэроплан, снизившийся около железнодорожной будки. Бронепоезд немедленно подошел к будке и выслал часть команды к аэроплану. Оказалось, что это наш аэроплан, у которого испортился мотор. Чины бронепоезда вывезли аэроплан в наше расположение, несмотря на артиллерийский огонь противника. 3 июля бронепоезд «Офицер» был спешно вызван к станции Полугород, примерно в 30 верстах от станции Федоровка, ввиду прорыва красных в промежутке между частями Корниловской и Дроздовской дивизий. Днем наши бронепоезда «Офицер» и «Единая Россия» обстреливали селение Мунталь, занятое противником. Вечером положение на фронте наших войск было восстановлено. В ночь на 5 июля бронепоезд «Офицер» двинулся вместе с вспомогательным поездом в сторону противника, с задачей сбросить холодный паровоз для загромождения пути, ввиду ожидавшегося наступления красных. Задача была выполнена. Днем 5 июля бронепоезд «Офицер» обнаружил наступление пехоты противника силою около полка с большим количеством пулеметных тачанок. Двинувшись на сближение с неприятелем, бронепоезд должен был остановиться перед испорченным путем, откуда открыл артиллерийский и пулеметный огонь по пехоте красных, пытавшейся развернуться в боевой порядок. Когда красные отступили, бронепоезд вернулся на свою прежнюю позицию, под огнем неприятельской батареи, стрелявшей со стороны станции Стульево.

Между тем Главнокомандующий поставил генерала Кутепова во главе трех наших корпусов, Донского, 1-го армейского и конного, с задачей выделить из этих войск сильную ударную группу для нового короткого наступления. Сосредоточенная близ Большого Токмака наша ударная группа должна была сначала наступать на север, чтобы нанести поражение Александровской группе красных. Затем часть войск ударной группы должна была двинуться на юго-восток и атаковать во фланг и тыл Пологскую и Верхнетокмакскую группы красных. Наступление нашей ударной группы началось 12 июля.

14 июля на рассвете бронепоезд «Офицер» занял позицию у будки, приблизительно в 10 верстах к востоку от станции Большой Токмак.

Наблюдатели с бронепоезда были высланы вправо и влево от линии железной дороги. Утром красные повели наступление на расположение 1-го Корниловского полка. Неприятельская трехорудийная батарея стала на открытую позицию и открыла частый огонь. Одна из Корниловских батарей была принуждена сняться с позиции, понеся большие потери людьми и лошадьми. Как только с левого наблюдательного пункта заметили открыто стоявшую неприятельскую батарею, бронепоезд «Офицер» открыл по ней огонь из трех орудий. Артиллеристы противника поспешно оставили свои орудия. Затем бронепоезд не прекращал наблюдения за этими оставленными орудиями и своими меткими выстрелами не позволял противнику их вывезти и даже снять затворы. Во время боя днем часть советской пехоты незаметно подошла к нашему левому наблюдательному пункту, но затем артиллерийским огнем бронепоезда и стрельбой его пулеметной команды, присоединившейся к цепи нашей пехоты, противник был отброшен. Когда красные были отеснены, части Корниловского полка вернулись на свои прежние позиции. Советские бронепоезда подошли к станции Стульнево, но были отогнаны огнем тяжелого бронепоезда «Единая Россия».

16 июля бронепоезда «Офицер» и «Единая Россия» находились на позиции к востоку от станции Большой Токмак, когда началось наступление красных. В районе, который могли обстреливать наши бронепоезда, неприятель был быстро остановлен их огнем. Вскоре после этого неприятельские батареи начали обстрел бронепоезда «Офицер», который был принужден маневрировать на участке в 100 сажен между железнодорожной будкой и тяжелым бронепоездом «Единая Россия». Несмотря на свою меткость, артиллерийский огонь красных был в этот день мало действенен, так как многие неприятельские снаряды не разрывались. На следующий день, 17 июля, наши бронепоезда «Офицер», «Святой Георгий Победоносец» и «Единая Россия» подошли к мосту у станции Стульнево, ввиду начавшегося успешного наступления войск Донского корпуса. 18 июля части Донского корпуса заняли узловую станцию Верхнетокмак, примерно в 20 верстах к востоку от станции Стульнево, захватив при наступлении одну бронеплощадку советского бронепоезда «Товарищ Троцкий». В бою у станции Верхнетокмак огнем тяжелого бронепоезда «Единая Россия» и легкой Донской батареи был подбит неприятельский бронепоезд «Большевик». Две бронеплощадки этого советского бронепоезда были вывезены бронепоездом «Единая Россия» на станцию Большой Токмак. Под вечер бронепоезд «Офицер» с помощью присланного паровоза-толкача продвинулся по обводному пути, построенному красными. Уклон этого пути был не одинаковый с западной и восточной стороны. Бронепоезд

«Офицер» прошел станцию Верхнетокмак в сторону следующей к востоку станции Бельманка. В два последующих дня вследствие быстрого отступления неприятеля военных действий не было. 21 июля бронепоезд «Офицер» подошел в 9 часов ко входному семафору узловой станции Цареконстантиновка, в 40 примерно верстах к востоку от станции Верхнетокмак, и должен был здесь остановиться у разобранного пути. Бронепоезд противника открыл по нему огонь из четырех орудий со станции Цареконстантиновка Екатерининской железной дороги. После нашего попадания в тендер его паровоза бронепоезда противника отошел. Но стоявшая укрыто неприятельская батарея начала пристрелку по бронепоезду «Офицер». Он отошел к будке 10-й версты и оставался там до вечера, установив связь с донскими частями. В течение дня красные вели по бронепоезду «Офицер» редкий огонь, однако попаданий не было. В тот же день бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» находился на станции Бельманка, между станциями Верхнетокмак и Цареконстантиновка, и вел бой с батареей красных. Ночью бронепоезд перешел на станцию Кирилловка, примерно в 15 верстах к северу от станции Верхнетокмак.

На рассвете 22 июля бронепоезд «Офицер» занял позицию у 10-й версты между станциями Бельманка и Цареконстантиновка. Когда рассеялся утренний туман, бронепоезд подвергся обстрелу неприятельской батареи, стоявшей укрыто на окраине слободы Бельманка. Во время этого обстрела был смертельно ранен вольноопределяющийся бронепоезда, снимавший телефонную линию связи перед движением бронепоезда. Ввиду предполагавшегося наступления донских частей, бронепоезд «Офицер» вышел днем вперед, остановился у разобранного пути в 2 верстах от станции Цареконстантиновка и открыл огонь по неприятельскому бронепоезду и по батарее. Постепенно отходя после этого к станции Бельманка, бронепоезд «Офицер» оказался снова под обстрелом и получил попадание гранатой в пулеметную башенку на 1-й орудийной бронеплощадке. Осколком разорвавшегося снаряда был ранен один офицер. В тот же день утром бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» и «Единая Россия» отправились в сопровождении вспомогательного поезда от станции Верхнетокмак по ветке к узловой станции Пологи, примерно в 35 верстах к северу от станции Верхнетокмак. В этом районе действовали части Корниловской и Донской дивизий. После боя с пехотой противника бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» занял станцию Пологи и взорвал мост к северо-западу от нее. При обстреле станции Пологи бронепоездом противника были ранены два нижних чина из числа команды бронепоезда «Святой Георгий Победоносец».

23 июля бронепоезд «Офицер» получил задачу оттеснить бронепоезда красных от станции Цареконстантиновка для поддержки наступления Донской дивизии. На рассвете бронепоезд подошел к разобранному пути на 5-й версте, починил повреждения посредством замены четырех рельс и вошел на станцию Цареконстантиновка Екатерининской железной дороги. За час до прихода бронепоезда «Офицер» там были взорваны красными входная стрелка и водонапорная башня. После нового исправления пути бронепоезд «Офицер» и подошедший тяжелый бронепоезд «Единая Россия» прошли около 5 верст к востоку от станции Цареконстантиновка и обнаружили два бронепоезда противника. Бронепоезд «Офицер» атаковал неприятеля и своим огнем заставил его поспешно отойти. Не было возможности продолжать преследование из-за взорванного впереди моста. По возвращении на станцию Цареконстантиновка бронепоезд «Офицер» получил приказание отходить, разрушив железнодорожный узел и испортив пути на станции Бельманка. До полудня следующего дня 24 июля бронепоездом были сняты и погружены: 13 стрелок, 9 рельс и 12 телеграфных столбов. 23 июля наши части начали отход от узловой станции Пологи. Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» взорвал на станции стрелки и ушел последним, вслед за отходом нашей пехоты. При дальнейшем отходе наших войск бронепоезд «Офицер» охранял 26 июля работы вспомогательного поезда номер 2, Марковской инженерной роты, при разборке путей на станции Стульнево.

На северном от узловой станции Федоровка направлении действовал в июле месяце 1920 года бронепоезд «Дмитрий Донской». В ночь на 24 июля три советских бронепоезда заняли станцию Попово, примерно в 45 верстах к северу от станции Федоровка. Бронепоезд «Дмитрий Донской» получил приказание выбить неприятеля и вышел еще ночью с ближайшей станции Чакрак под командой поручика Асева. Не доходя двух верст до станции Потово был замечен в темноте силуэт неприятельского бронепоезда. Бронепоезд «Дмитрий Донской» тотчас открыл по нему огонь с расстояния около версты. Противник отвечал стрельбой из четырех орудий, но снаряды его не попадали в цель. После четырех минут боя на неприятельском бронепоезде произошел взрыв снарядов. Бронепоезд красных стал поспешно отходить. Вместо того чтобы пропустить на станции этот подбитый бронепоезд в тыл и продолжать бой двумя остальными бронепоездами, красные отвели и эти свои бронепоезда на следующую станцию Плавни, примерно на 10 верст севернее. Бронепоезд «Дмитрий Донской» занял станцию Попово. Но на следующий день 25 июля начался отход наших частей и бронепоезд «Дмитрий Донской» прикрывал отступление,

передвигаясь на юг. Во второй половине июля на северном направлении действовал также тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита».

Вдали от районов, где действовали наши бронепоезда, произошло между тем событие, повлиявшее потом весьма неблагоприятно на исход вооруженной борьбы в Северной Таврии: 25 июля 1920 года красным удалось переправиться на левый берег Днепра и занять селение Каховка, напротив Бериславля. Вскоре у Каховки были построены сильные укрепления, и в распоряжении советских войск оказалась предместная позиция, которую наши войска не смогли отобрать. Считая по прямой линии, от Каховки было только 70 верст до Перекопского перешейка и примерно 100 верст до станций Ново-Алексеевка и Сальково, через которые проходила единственная железная дорога, связывавшая Северную Таврию с Крымом. Так создавалась постоянная угроза для левого фланга всего расположения наших войск в Северной Таврии.

* * *

1 августа 1920 года произошла высадка наших войск под командой генерала Улагая на побережье Кубани. Численность строевых частей этого десанта доходила до 5000 человек при 12 орудиях. Высадка преследовала цель создать новый фронт против красных на Северном Кавказе и получить необходимое для наших войск пополнение в лице присоединившихся кубанских казаков.

4 августа генерал Слащев был по собственному желанию освобожден от должности командира 2-го корпуса. Войска 1-го, 2-го и конного корпусов были объединены в 1-ю армию, и генерал Кутепов назначен ее командующим. В приказе от 6 августа было объявлено о том, что Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России будет именоваться впредь Главнокомандующим Русской Армией.

В это время советское командование старалось воспользоваться уменьшением численности наших войск вследствие десантной операции. Начавшиеся 5 августа неприятельские атаки развились к 8 августа в решительное наступление красных по всему фронту 1-го корпуса, между железнодорожными линиями к узловым станциям Александровск и Верхнетокмак. Нашим бронепоездам пришлось участвовать тогда в упорных оборонительных боях на северном направлении, между тем как на восточном направлении положение было менее напряженным.

На восточном (считая от узловой станции Федоровка) направлении бронепоезд «Офицер» нес в первой половине августа службу охраны пути в районе станций Большой Токмак и Полугород, на расстоянии в 40 и 30 верст от станции Федоровка. 8 августа бронепоезд «Офицер» сменил

на позиции бронепоезд «Святой Георгий Победоносец», который был вызван на северное направление. В течение дня происходила перестрелка бронепоезда с легкой батареей противника, а около 18 часов бронепоезд «Офицер» вышел на открытую позицию для поддержки местного наступления частей 8-го Донского казачьего полка и обстреливал цепи красных, отходившие к северу. Днем 9 августа наблюдательный пункт бронепоезда подвергся нападению конных разъездов противника. Бронепоезд отогнал красных пулеметным огнем. Поздно вечером бронепоезд «Офицер» вышел в сопровождении вспомогательного поезда на несколько верст к востоку от станции Большой Токмак, чтобы сбросить там холодный паровоз и взорвать железнодорожный путь. Находясь на позиции 10 августа, бронепоезд «Офицер» попал под огонь 42-линейной батареи противника, которая метко стреляла с дистанции около 10 верст. Бронепоезду пришлось отойти. 14 августа бронепоезд «Офицер» отправился на узловую станцию Федоровка, ввиду вызова на северное направление. Тяжелый бронепоезд «Единая Россия» содействовал в первой половине августа обороне нашего расположения около станции Большой Токмак, поддерживая части 3-й Донской дивизии, а затем был также вызван на северное направление. На смену им прибыли легкий бронепоезд «Волк» и тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита», которые приняли участие в начавшемся наступлении частей Донского корпуса на восток от Большого Токмака.

На северное (считая от узловой станции Федоровка) направление прибыл 2 августа, под командой полковника Шамова, легкий бронепоезд «Генерал Алексеев» и поступил в распоряжение начальника группы бронепоездов полковника Гадда. Боевая часть бронепоезда «Генерал Алексеев» состояла в это время из одной бронеплощадки с двумя 3-дюймовыми орудиями и одной бронеплощадки с одним 3-дюймовым орудием.

В ночь на 6 августа бронепоезд «Генерал Алексеев» получил приказание выехать со станции Чакрак (примерно в 35 верстах к северу от узловой станции Федоровка) в сторону следующей станции Попово и взорвать близ этой последней станции два моста. После этого бронепоезд должен был отойти к мосту через реку Кара-Чакрак, подготовить его взрыв и ждать около моста приказа для производства взрыва. Наконец, после этого взрыва надлежало занять позицию южнее моста. В 5 часов 6 августа два моста близ станции Попово были взорваны, и было получено приказание взорвать также мост через реку Кара-Чакрак. Взорвав мост и исполняя полученное приказание, бронепоезд «Генерал Алексеев» остался на позиции близ взорванного моста. Через некоторое время бронепоезд «Генерал Алексеев» был внезапно

обстрелян почти с тыла не только артиллерийским, но и ружейным огнем. Высланная с бронепоезда разведка выяснила, что южнее бронепоезда находится по обе стороны железнодорожного полотна неприятельская пехота с артиллерией. Бронепоезд стал, отстреливаясь, отходить на юг, в сторону станции Чакрак. Но при подходе к станции оказалось, что она уже занята красными. У станционного здания стояли неприятельские пулеметы, а вокруг станции развернулись цепи пехоты красных. Их поддерживали своим огнем шесть орудий противника. Отходивший перед бронепоездом «Генерал Алексеев» вспомогательный поезд сошел с рельс и был захвачен красными у южных выходных стрелок, которые были взорваны. Таким образом, путь для отступления бронепоезда «Генерал Алексеев» был закрыт. Бронепоезд продолжал вести бой с противником, маневрируя. Но вскоре снарядами артиллерии противника был перебит путь у северных стрелок станции Чакрак. Бронепоезд оказался запертым на небольшом пространстве и стал почти неподвижной целью для батарей красных. Не видя помощи извне и не надеясь ее получить, командир бронепоезда приказал снять с орудий затворы и панорамы, взять с собой легкие пулеметы и пробиваться сквозь цепи красных на соединение с нашими войсками. Выйдя из боевого состава, цепь команды бронепоезда устремилась в промежуток между цепями красных, быстро прошла его и стала отходить дальше, отстреливаясь. Отбившийся от цепи подпоручик Булкин наткнулся на красных и застрелился, чтобы не быть взятым в плен. Затем был убит поручик Соловьев. Тяжело раненный поручик Котляров был достигнут красными и ими пристрелен. Кроме перечисленных трех офицеров, были убиты при отходе шесть нижних чинов из состава команды. Три офицера и десять нижних чинов были ранены. Легкораненные следовали за цепью. Подойдя к селению Бурчацк, цепь команды бронепоезда «Генерал Алексеев» была поддержана цепью Марковского полка, которая открыла огонь по красным. Затем марковцы перешли в контратаку. При этом были подобраны несколько раненых чинов команды. Командир бронепоезда «Генерал Алексеев» полковник Шамов³³⁶ явился к начальнику Марковской дивизии, штаб которой находился в этот день в селении Бурчацк. Начальник дивизии сообщил, что приказание об оставлении нашими войсками деревни Васильевки было отдано ночью, но что он не приказывал нашим бронепоездам, занимавшим станцию Чакрак, отходить от нее. Затем начальник дивизии приказал полковнику Шамову немедленно отправиться на подводе на станцию Бурчацк, примерно в 5 верстах к югу от станции Чакрак, и передать находившимся там нашим бронепоездам его приказ снова занять станцию Чакрак и спасти ос-

тавленнный там боевой состав бронепоезда «Генерал Алексеев». Этот приказ не был выполнен из-за неисправности материальной части и недостатка снарядов на наших бронепоездах.

8 августа бронепоезд «Дмитрий Донской» вел бой совместно с частями Марковской дивизии в районе станции Пришиб, примерно в 20 верстах к северу от станции Федоровка. У бронепоезда «Дмитрий Донской» был подбит паровоз и разорвалось головное орудие. Через два дня, 10 августа, на фронт к станции Пришиб прибыл бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» и вел бой с бронепоездами красных на участке 3-го Марковского полка. Во время боя там же 12 августа неприятельскими снарядами был убит механик бронепоезда «Дмитрий Донской», подбит его паровоз и последнее действовавшее орудие. Таким образом, бронепоезд «Дмитрий Донской» был лишен всех своих оружейных бронеплощадок, и его боевой состав был отправлен в Керчь для ремонта.

14 августа бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» вступил в бой с бронепоездами красных у станции Чакрак и при отходе наших частей задерживал красных своим огнем, не допуская их перехода через линию железной дороги. При дальнейшем отходе к станции Чакрак бронепоезд попал под обстрел трех неприятельских батарей. Однако для поддержки встречного наступления нашей пехоты бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» снова вышел вперед и открыл оружейный и пулеметный огонь. Тогда 6-дюймовая гаубичная и 3-дюймовая батареи красных сосредоточили свой огонь по заранее пристрелянным местам на железнодорожном полотне. Вскоре 6-дюймовым снарядом был подбит паровоз бронепоезда «Святой Георгий Победоносец». Бронепоезд отъехал назад примерно на 50 сажен и остановился без паров. Тогда наш бронепоезд «Солдат» подошел с тыла и вывел бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» на станцию Чакрак. Во время этого боя были ранены на бронепоезде «Святой Георгий Победоносец» два офицера. На следующий день, 15 августа, прибыл на северное направление бронепоезд «Офицер». После некоторого отхода наши войска перешли в наступление к станции Бурчаук. Около полудня бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» и шедший вторым бронепоезд «Офицер» двинулись вперед для поддержки наступавших частей Марковского полка. Несмотря на сильнейший огонь артиллерии противника, наши бронепоезда заняли станцию Бурчаук и обстреливали две неприятельские батареи. Бронепоезд «Офицер» рассеял своим огнем пулеметные тачанки красных, стрелявшие с позиции у западной окраины селения Бурчаук, и потом охранял фланг 3-го Марковского полка. Днем бронепоезд «Офицер» вместе с нашими батареями расстре-

ливал цепи неприятельской пехоты, шедшие в атаку. Пехота красных была отброшена, и бронепоезд «Офицер» отошел к ночи на станцию Пришиб для снабжения. 16 августа находившийся у станции Бурчацк бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» был обстрелян 6-дюймовой и 3-дюймовой батареями противника. 6-дюймовым снарядом была подбита орудийная бронеплощадка бронепоезда, и тогда же сгорела пулеметная бронеплощадка. В тот же день бронепоезд «Офицер» подвергся бомбардировке отряда неприятельских аэропланов при их нападении на станцию Пришиб, но бомбы не причинили бронепоезду вреда.

17 августа войска нашего десанта были погружены на суда для возвращения с Кубани в Крым. При этом к нашим войскам присоединились до 5000 кубанских казаков. Несмотря на это пополнение, неуспех десантной операции был тяжелой неудачей с точки зрения общего хода войны против красных.

Между тем продолжались упорные бои на северном, от станции Федоровка, направлении. 17 августа бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» вел бой с неприятельскими бронепоездами между станциями Пришиб и Бурчацк. На бронепоезде «Святой Георгий Победоносец» были убиты капитан Кушнарев и помощник механика. Два неприятельских снаряда попали в головную бронеплощадку и один снаряд — в паровоз. Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» стоял неподвижно под непрекращающимся артиллерийским огнем противника. Тогда только что прибывший на это направление тяжелый бронепоезд «Единая Россия» вышел вперед, несмотря на неприятельский обстрел, взял боевой состав бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» на фаркоп и вывез его на станцию Пришиб. Около этой станции было попадание неприятельского снаряда в орудие бронепоезда «Единая Россия», но снаряд не разорвался. Бронепоезд «Офицер» открыл огонь из скорострельного зенитного орудия образца 1914 года на дистанции около 8 верст и заставил замолчать гаубичную батарею красных, стоявшую у окраины селения Бурчацк. Подошедший тяжелый бронепоезд «Единая Россия» заставил замолчать и легкую батарею противника, которая начала стрелять по нашим бронепоездам. 20 августа боевой состав бронепоезда «Офицер» был отправлен в Керчь для ремонта.

24 августа бронепоезд «Единая Россия» участвовал в бою у станции Пришиб совместно с частями Дроздовский дивизии. В это время командиром бронепоезда «Единая Россия» был назначен полковник Зеленецкий. 27 августа во время боя с бронепоездами противника бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» получил попадание 42-линейного снаряда в первое орудие. Один офицер был контужен.

30 августа на станции Пришиб комиссия по осмотру материальной части бронепоезда «Святой Георгий Победоносец» нашла все площадки бронепоезда выведенными из строя огнем противника и для боя непригодными. После смены бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» отправился в тыл, на станцию Таганаш. 30 августа на фронт к станции Пришиб прибыл легкий бронепоезд «Севастополец», под командой полковника Юрьева. Боевая часть этого бронепоезда состояла из одной бронеплощадки с двумя легкими орудиями и одной бронеплощадки с одним легким орудием. Начиная с 31 августа бронепоезд «Севастополец» принял участие в боях между станциями Пришиб и Бурчаук совместно с частями Дроздовской дивизии.

А. Осипов³³⁷

БРОНЕПОЕЗД «ГЕНЕРАЛ АЛЕКСЕЕВ»

(выдержки из краткого военного календаря)³³⁸

14/3. Прибытие в город Феодосию.

15/3—19/3. Стоянка в городе Феодосии.

20/3. Переезд на транспорте «Екатеринодар» в город Севастополь.

21/3—2/4. Стоянка в городе Севастополе.

3/4. Переезд на станцию Бахчисарай для формирования бронепоезда «Генерал Алексеев», приняв от расформированного нештатного бронепоезда «Севастополец № 3» материальную часть, состоявшую из самодельной пулеметной площадки с 3 пулеметами, двух классных вагонов 4-го класса и 5 теплушек.

4/4—10/4. Принятие означенной материальной части. Для этой цели потребовалось командирование из управления начбронпоглава генерала Штефельсона для «урегулирования» приемки, так как было выяснено, что личный состав бронепоезда «Севастополец № 3» (командир поручик Кочкарев), проникнутый орловским духом, узнав о расформировании бронепоезда, начал расхищать казенное имущество и продавать местным жителям. Некоторая часть имущества была найдена зарытой в ямах и спрятанной в стогах сена вблизи базы. Реальный результат вмешательства заключался в том, что личный состав бронепоезда «Севастополец № 3» был раскассирован и переведен в другие части.

11/4—20/4. Формирование и комплектование бронепоезда. Стрельбовые занятия, учебная стрельба из пулеметов и винтовок и изучение железнодорожного дела

В середине апреля прибыли на пополнение 48 донских казаков с тяжелой морской батареей № 1. Далее одновременно на бронепоезд для той же цели прибыли: 7-го бронепоездного дивизиона 30 человек, бронепоезда «Терей» — 13 человек, тяжелой морской батареей № 2 — 10 человек, бронепоезда «Витязь» — 20 человек и 8-го бронепоездного дивизиона — 5 человек. Из означенного пополнения остались на бронепоезде все казаки тяжелых морских батарей, значительная же часть остальных чинов была одновременно переведена в другие части. За то же время получено 9 пулеметов от бронепоездов «Волк» и «Севастополь».

21/4—1/8. Дальнейшее формирование бронепоезда, строевые занятия и борьба с зелеными. Борьба с зелеными велась первоначально самостоятельно, а затем совместно с лейб-гвардии Атаманским полком и батальоном немцев-колонистов. Возглавлял генерал Бутович (штаб в городе Симферополе). Ближайший начальник — начальник гарнизона города Бахчисарая, сначала полковник Ладан³³⁹, а затем командир лейб-гвардии Атаманского полка генерал Хрипунов. Действия заключались в облавах на зеленых, ловле дезертиров и борьбе с бунтами. Район действий: села Мангуш, Бодрик, Бешуй, Биа-Сала, Бешуйские копи и долина реки Кача. Бронепоездной отряд отправлялся в составе от 10 до 50 человек с пулеметами, большей частью на подводах, в указанные районы. Наиболее важные из захваченных зеленых доставлялись в город Бахчисарай, где имелись военно-полевой суд и места заключения. Менее важные преступники и дезертиры подвергались телесному наказанию на месте. Кроме того, бронепоезд должен был выезжать в случае нападения на караулы железнодорожных мостов и порчи железнодорожного полотна бандитами. При борьбе с зелеными удалось добыть материалы, характеризующие зеленое движение и связь их с большевиками, их быт и состав, и выяснить наилучшие способы борьбы с ними. В июне от начбронпоглава были одновременно получены две бронеплощадки с 75-мм орудиями. В июле были получены: одна бронеплощадка с двумя трехдюймовыми орудиями и одна с одним трехдюймовым орудием, после чего бронеплощадки с 75-мм орудиями были сданы обратно.

2/8—3/8. Переезд на станцию Федоровка (на фронт) в распоряжение начальника группы бронепоездов полковника Гада.

4/8—5/8. Боевые действия в районе станции Чакрак совместно с Дроздовским и Марковским полками.

6/8. Боевые действия в районе станции Чакрак и станции Попово. Гибель бронепоезда. Убито — 9, ранено — 13, захвачено в плен — 2. Подробности боя таковы. В ночь на 6 августа было получено приказа-

ние выехать со станции Чакрак на станцию Попово, где взорвать два моста вблизи станции. Затем отойти к мосту через реку Кара-Чакрак, минировать его и ждать около него особого приказа для производства взрыва. После взрыва занять позицию в районе моста. К 5 часам утра бронепоезд, взорвав предварительно два вышеуказанных моста у станции Попово, получил приказ взорвать и мост через реку Кара-Чакрак. Взорвав мост, бронепоезд, выполняя приказание, остался на позиции у взорванного моста. На рассвете бронепоезд был обстрелян почти тыльным артиллерийским и ружейным огнем. Разведка бронепоезда в сторону деревни Васильевки выяснила, что она по обе стороны от полотна занята пехотой красных с артиллерией. С целью выяснить обстановку бронепоезда, отстреливаясь, направился на станцию Чакрак. При подходе к последней выяснилось, что она также занята красными: вокзал — пулеметной командой, вокруг станции — пехотными цепями, поддерживаемыми огнем 6 орудий, стоящих повзводно на полузакрытых позициях. Отходивший перед бронепоездом вспомогательный поезд, выехав на станцию, сошел с рельс и захвачен красными у южных выходных стрелок, взорванных и замаскированных красными, закрывшими, таким образом, путь к отступлению. Бронепоезд, маневрируя, продолжал вести бой. Вскоре красной артиллерией был перебит путь у северных стрелок станции, и, таким образом, бронепоезд оказался запертым на небольшом протяжении, то есть стал почти неподвижной целью для батарей красных. Не видя помощи извне и не надеясь ее получить, решено было, сняв с орудий затворы и панорамы и взяв с собой легкие пулеметы, пробиваться сквозь цепи красных на соединение со своими частями. Выйдя из состава, бронепоездная цепь устремилась в разрыв между цепями красных и, быстро проскочив его, начала, отстреливаясь, отходить. Капитан Сильванский и подпоручик Булкин отбились от цепи в сторону железнодорожного полотна и наткнулись на цепь красных, находившуюся за полотном. Подполковник Булкин застрелился, капитан Сильванский захвачен в плен. О дальнейшей судьбе его неизвестно. Затем был убит поручик Соловьев. Тяжело раненный поручик Котляров был захвачен красными и ими пристрелен. Раненые более легко следовали за цепью. Не доходя до деревни Бурчатск, цепь бронепоезда была принята на себя цепью Марковского полка, поддержавшей ее своим огнем, а вслед за тем перешедшей в контратаку, захватив в плен некоторое количество красных и подобрав несколько человек раненых чинов бронепоезда. Потери бронепоезда: убиты поручик Котляров, поручик Соловьев, подпоручик Булкин и 6 солдат; ранены штаб-капитан Зубович, поручик Стрегло³⁴⁰, подпоручик Кононенко³⁴¹, вольноопределяющийся Чудаков

и 9 солдат; взяты в плен капитан Сильванский и вольноопределяющийся Мирошниченко (последний бежал из плена, долго скрывался в тылу у красных и, перебежав фронт после взятия города Александровска, вернулся на бронепоезд. Вскоре после возвращения был смертельно ранен в бою 20 октября). В деревне Бурчатск находился штаб дивизии. Командир бронепоезда полковник Шамов явился к начальнику дивизии. Последний сообщил, что приказание об очищении нами деревни Васильевки было отдано ночью и что он удивлен, что стоявшие сзади три бронепоезда, работавшие как пять самостоятельных бронепоездов путем выделения бронеплощадок, оставили без выстрела ст. Чакрак и отошли за ст. Бурчацк, не предупредив об этом бронепоезд, находившийся у моста, и что об отходе дивизии было сообщено начальнику бронегруппы. Затем начальник дивизии приказал полковнику Шамову немедленно отправиться на подводе на станцию Бурчатск с приказом находящимся там бронепоездам взять обратно станцию Чакрак и спасти оставленный там бронепоезд «Генерал Алексеев». Бронепоезда этого приказа не выполнили и продолжали оставаться за станцией Бурчатск, ссылаясь на неисправность материальной части, недостаток снарядов, небронированные паровозы и т. д. Полковник Шамов снова вернулся в штаб дивизии, где по приказанию начдива подал подробный рапорт о происшедшем и о том, что стоявшие сзади бронепоезда сдали станцию Чакрак без боя, не предупредив о том бронепоезд «Генерал Алексеев». Аналогичные рапорты были поданы начальнику группы бронепоездов и начбронпоглаву. По этим рапортам велось расследование, но благоприятных результатов оно не дало. В сводке по корпусу за этот день было написано следующее: «По дополнительным сведениям, бронепоезд «Генерал Алексеев» и вспомогательный поезд 4-й роты, работавшие утром 6 августа над взрывом моста на перегоне Попово—Чакрак, были окружены противником. Ведя упорный огневой бой, бронепоезд и вспомогательный прошли 7 верст к югу, но далее вследствие разобранного пути они должны были остановиться. Под сильным артиллерийским и пулеметным огнем красных команды вышли из составов и начали пробиваться штыковым боем на Бурчацк, причем большая часть команды погибла. Подробности выясняются. 6 августа 1920 г. Генерал-лейтенант *Писарев*».

7/8—9/8 1920 года. Переезд базы на станцию Сокологорная.

10/8—13/8. Стоянка на станции Сокологорная. Сторожевое охранение станции.

14/8—30/8. Переезд базы с хозяйственными чинами на станцию Симферополь. Строевая часть оставлена на станции Сокологорная для несения вышеуказанного сторожевого охранения.

«ЖЕЛБАТ-2»³⁴³

22 мая 1920 года была «проба» моста — ночью мы прошли всю станцию Чонгар — была обычная тишина и полная пустыня. После полуночи протолкнули потихоньку наш поезд на ту сторону — то есть по мосту. И все благополучно! 22 мая 1920 года утром станция была занята заставой 34-й дивизии, самурцы прошли на север — ни выстрела. Красных уже в течение месяца тревожили на Перекопе. К полудню подошел короткий состав штаба генерала Слащева и перешел через мост. За ним следовал бронепоезд «Волк». Штаб остался на первом пути перед станцией, а «Волк» дошел до выходных стрелок на север — так образовался на полуострове Чонгар символический выход из Крыма. А завтра...

23 мая 1920 года. Вперед! Общее наступление — на Перекопе, у нас десантная операция у Геническа. Вперед! Какой был подъем!

24-го к вечеру мы вернулись на базу, и нас ждал приказ: «Жел. бат. 2» сдать команде 3 жел. роты под командой поручика (не помню!), которому немедленно следовать в распоряжение командующего бронегруппой. Распоряжение нам: следовать на постройку железной дороги на Юшунь, на станцию Богемка. Они в наступление, а мы в тыл! В приказе были всякие красивые слова признания наших заслуг — и в Богемку как на отдых! В конце концов, было даже неплохо. И конечно, заслужили отдых.

* * *

Калейдоскоп напоминает еще коротенькое воспоминание; хронологически его связываю со стоянкой на станции Таганаш. Тут недалеко уходил один путь вправо; помню, что база оставалась на запасном пути поблизости. Пару километров в глубь степи строили позицию тяжелой артиллерии: 8-дюймовые морские орудия были намонтированы на железнодорожных платформах большого уноса; для выстрела опускались специальные лапы — опоры. Такие две площадки с орудиями пришли одновременно с нами; было обучение прислуги орудий, каждое стояло на своем отрезке пути, причем полотно было специально усилено, видимо, железобетоном. Что мы там делали — не помню. Но хорошо помню, что наша база оказалась обокраденной — что мы обнаружили только вечером, вернувшись «домой». Это бронепоезд «Волк» проходил мимо, и казаки-кубанцы отомстили нам за «Мереру», где мы отцепили от их базы несколько вагонов им не принадле-

жавшего добра. В частности, я там потерял папину шинель, которая так хорошо служила мне.

Колония Богемка и станция на новой железной дороге, которую мы начинали зимой в снегу. Поезд прошел нормально, без особых предосторожностей; путь был подбит дробленным камнем, как полагается, прекрасно снивелирован — все работа наших ротных путевых команд, свозимых со всех рот батальона. Когда мы туда пришли «на отдых», то есть боевая команда «Жел. бат. 2», то строили участок Богемка—Юшунь и дальше на Перекоп. Наша работа состояла в разгрузки шпал — каждое утро был поезд шпал; разгрузим их — они, эти шпалы, были совершенно сырые, только с содранной корой, скользкие — разгружались легко. Состав был пуст в течение двух часов, и мы были свободны — это был отдых. Богемка — богатейшая колония, всего полная чаша, так что наша кухня работала на славу. Наш Алеша Воропай — единственный из всех нас — и тут нашел немедленно свою кралю. Незабываемы на всю жизнь по Богемке вечерние поверки с молитвой! Как пели — бодро, радостно, с полной уверенностью в том, что мы на верном пути, что мы пойдем в Россию!

Как раз тогда нам было испытание духа. Советы через англичан предложили сдать Крым без боя, обещали сохранение наших жизней — и англичане давали гарантию того. Никто им не поверил, не помню, чтобы у нас у кого-нибудь возникло бы сомнение. Тогда уже командовал генерал П. Врангель — и его приказ об этом гнусном предложении вызвал бурю энтузиазма. К Врангелю было полное доверие в войсках. А мы под Врангелем были уже со станции Мерефа.

Как двинулся фронт 25 мая 1920 года на север, так достаточно быстро он достиг линии железной дороги, что идет на Донецкий бассейн. У нас в батальоне произошли некоторые перемены. Наименование по традиции осталось — 2-й железнодорожный батальон. Все, что было у штаба батальона в Симферополе, — наименовалось «1-я рота», нашу «первую учебную» окрестили 2-й ротой, а бывшую 2-ю — 3-й ротой.

База 2-й роты уже находилась на станции Мелитополь, там же было управление начальника ВОСО; наше направление было Мелитополь—Александровск—Синельниково. Направление 3-й роты — в Донбас. И база 3-й роты стояла на станции Большой Токмак, обслуживая линию на Пологи, в Лихновское царство. Все это мы узнали от неожиданно прибывшего нашего командира поручика Окишина, снова занявшего свою теплушку в базе. И он привез нам долгожданный приказ — на передовые позиции! И немедленно! И наша команда (12 человек) стала 1-й сменой броневспомогателя «Жел. бат. 2»; 2-й сменой стала команда 3-й роты, что нас в свое время сменила, ею командовал юн-

кер Ковалев, милейший человек. Рабочая, путевая команда 3-й роты при надобности обслуживает обе смены.

Мы ликовали — и утренний рабочий поезд-порожняк вытащил нашу базу на магистраль, в Таганаш — там нас уже ждал паровоз. И мы пошли вперед. На станции Джимбулук нам прицепили один вагон, нагруженный солью, — необыкновенная внимательность коменданта станции. Мы очень быстро оценили значение этого: то была драгоценная валюта — за соль наш хозяйственный каптер имел все для кухни, то есть для нас. Ведь там по берегам Сиваша лежат груды соли — а на континенте ее не имели!

Начинался новый этап. На передовых позициях. На станции Мелитополь мы несколько часов стояли около состава нашей роты. Командир роты, полковник Павлов, напутствовал нас — повторил то, что мы уже слышали из приказа, но также подчеркнул, что, работая двумя сменами, мы эффективно поможем бронегруппе, которой оперативно подчиняемся, — легкого бронепоезда нет на линии, «а потому мы, полагаю, с успехом его заменим», «Жел. бат. 2», вперед!

«Рады стараться, господин полковник!» И мы немедля пошли. Мелькают станции — Федоровка (узловая), Плодородие, Пришиб. Кругом равнина с перелесками, и нет-нет среди зелени проглядывают красные крыши немецких колоний, а кругом нас поля, баштаны со всяким добром. Лето стояло чудесное!

Станция Пришиб — это стоянка нашей базы, ожидали приход боевого состава. База, уже стоявшая здесь 2 смены, не была так организована, как наша, так что мы сразу стали доминировать — и командир-то пришел с нами; хозяйственная часть «заряженная» солью — это сказалось сразу. Рота нас обмундировала заново, и мы привезли полагающееся для 2-й смены. В нашу смену был назначен здесь еще новый чин — машинист Митя, вместо левой ноги у него был костыль под плечом; нога была отнята над коленом, так что он стоя спокойно опирался культышкой на перекладину костыля. Был Митя очень компанейский, хороший малый и великолепный специалист дела, в чем мы убедились впоследствии. Был он также кулином. Все сразу с ним подружились, а ему нравилось, что попал в команду, которая уже проделала далекий путь. Митя обладал большой физической силой и всегда ободрял нас. Мы не сомневались бы в нем из-за ноги. Вместе с Митей для боевого состава пришел и новый паровоз. «Эх, и американский, без тендера, непривычно высокий», — и только взявшись за поручни, Митя как-то вспрыгивал наверх. На площадке было место командира, для Мити и помощника — то маленький человечек был.

На крайнем запасном пути у депо стоял короткий состав командира бронегруппы полковника Конкринина. За станцией село Михайловское. Там был штаб Дроздовской дивизии, командовал ею генерал А. Туркул. На другой стороне станции было громадное поле. Там сбивался новый четвертый полк — Дроздовский, укомплектованный свежими пленными. К полудню пришел боевой состав, вызванный для организации службы наново; радушно приветствовали друг друга и стали все обедать из нашей кухни — оценили все эту перемену. Ну и наши постарались на славу! Борщ, котлеты с пюре и арбуз на треть! Просто поверить трудно! Рано утром нам выезжать на позицию — фронт был по речке Кара-Чакрак, и мы оказывались во фланге красным, а пехота стояла между станциями Чакрак и Попово, позади нас.

С разрешения командира мы с Алешей Воропаем сделали на второй контрольной площадке пулеметное гнездо — ведь там были шпалы, так из них мы сложили клетку с амбразурами так, что под накатом шпал, служившим нам полом, образовалось пространство, где можно было отдыхать. Потолок закрыли до половины спереди. Отсюда было видно на все стороны — получилась наблюдательная и пулеметная башня. Откровенно говоря, в бронеплощадке было паршиво — ничего не видно, только амбразуры для пулемета. «Гроб». Мы видели путь вперед и могли стрелять на все стороны.

У нас был пулемет «кольт», на треноге. Его легко было перекидывать на любое направление, и легкий «льюис» с диском. К вечеру все было готово и понравилось командиру. В площадке вместо 8 пулеметов — по 4 на каждую сторону — было только 6. Сказали, что много места занимали. Но и нас-то было всего 12. В каждой смене. Под вечер нас посетил командир бронегруппы.

— Ишь ты, какую башню соорудили, а имеет смысл!

Мы были страшно горды. Так оно у нас и осталось — «на башне».

К рассвету мы тихонько подкатили на позицию — впереди был взорванный мост через речку Кара-Чакрак. С бронепоездом «Дмитрий Донской» встретились раньше станции Бурчацк, он был в линии. Влево за полотном сразу большое село Васильевка. Вправо широкий овраг, река, берега лесом покрыты. За мостом вправо высокая скала, туда за нее поворачивает полотно. Вперед необозримый зеленый океан низины, плавни Днепра; влево за селом тоже виден высокий берег. Внизу сплошной камыш, воды не видно...

Стоим у самого моста. Командир пришел, вызвал меня:

— Пойдем наверх, там на скале наблюдательный пункт Марковской батарей.

По тропинке среди кустов влезли на скалу, наткнулись на заставу, как полагается, два ординарца. Наверху видно замаскированный наблюдательный пункт полковника Шперлинга. А какая красота кругом, смотря сверху; позади нас замок Попово, только крыша видна в саду, на другой стороне долины. И по верху этого оврага, долины расположился старый лес, замыкающийся под скалой на нашей стороне. Внизу под скалой со стороны Днепра полотно железной дороги делает большой поворот влево и выходит на станцию Плавни и дальше теряется в вербах. Но полковник Шперлинг нам указал, что там дальше шесть бронепоездов красных — видны дымки. Пехота появляется в лесу — «на подкове» леса, — и нельзя допускать, чтобы она спустилась в долину — выйдет тогда нам в тыл. Мир мал! Того наблюдателя-артиллериста, что мы видели у полковника Шперлинга, встретили пять лет спустя в Брно, в Чехословакии. Вася Брежицкий учился на агрономическом факультете.

Было относительно спокойно, бои шли позади нас, у Бурчацка—Чакрак. Полковник нас предупредил, что мужиков в Васильевке нет, все в плавнях — и кто его знает, как они настроены? Там партизаны. Так что ухо остро держать на все стороны. В село советует не ходить. Ординарцы имеют пулеметное гнездо — когда они открывают огонь, надо их поддержать хотя бы вслепую, по подкове леса. Артиллерия будет бить только в крайнем случае. Все ясно, держись, «Жел. бат. 2».

Они в этот первый выезд на позицию у моста через Кара-Чакрак нас обстреливали; и нам пришлось стрелять по опушке леса, совсем вслепую, по разведке красных. Явно по нам крыл бронепоезд — первый снаряд лег у моста под насыпь, и я с проводом в руках, чтобы зацепить крючок на провод железнодорожный, хотел прыгнуть в воронку, но неожиданно взлетел в воздух и затем упал в кусты. Ничего не случилось — я был жив, а на поезде видели этот полет и думали, что я не вернусь. Так бьет гранатой в ту же воронку только бронепоезд. Две недели спустя на этой же позиции был подбит наш «Дмитрий Донской» — получил «два глаза» в щит передней площадки...

Смена выезжала на три дня на позицию, затем ночью приходила на смену на базу, и «вторая» раньше рассвета уже была на месте. Группировка на позиции обычно была такая — мы впереди, а за нами бронепоезд на достаточном расстоянии, чтобы могли маневрировать вперед-назад. Когда была возможность, мы стояли на разных путях, чтобы разминуться (там, где было две колеи).

В первый же выезд мы обмерили мост для его будущего восстановления, но оказалось все гораздо проще. Между опорами было что-то около четырнадцати метров — мы полагали поднять клетки из шпал, как

на Сивашском мосту. Но «дорожная дистанция», оказывается, для всех небольших мостов имела формы, приготовленные для одного пути. Это значительно облегчало работу нашей путевой команде. Клеть поставили посредине пролета, по двутавровым балкам форму протащили на свое место. Специальные домкраты с обеих опор моста приняли на себя весь вес формы, и тогда из-под нее выбрали шпалы настолько, чтобы форма опиралась бы на старые опоры. Эту работу проделала наша путевая команда, когда фронт немного отошел — в два дня. Клеть осталась средней опорой. Мы с Алешей не были при этой работе. Для нас была другая.

Положение было очень сложное, красные нажимали по направлению к Мелитополю с Ореховского плацдарма. Наша железнодорожная линия оставалась совершенно в тылу — нельзя было допустить ее переход красными. Слева от нас были марковцы, справа дроздовцы. Наши бронепоезда стояли на позиции у станции Бурнаук — это два перегона от нас назад. А наша база на станции Пришиб.

Однажды, когда мост уже был восстановлен, был получен приказ ночью перейти на станцию Плавни; было сказано, что как пехотное сопровождение нас будет ждать полурота Марковского полка под замком Попово, там был полустанок. Знаем, что за Плавнями стоят красные бронепоезда, которые нас обстреливали. Тот прикомандированный к нашей смене машинист Митя был потрясающим специалистом — он умел поднять и удержать пар так, что не было видно ни дымка, ночью не увидишь снаружи, когда он уголь подбрасывает. Совершенно тихо подошли на станцию Чакрак, там сменили вторую смену и покатали к Попову. Никого. Постояли — пришли марковцы: семь человек! Усталые, голодные. Накормили их; и как взобрались они на контрольные площадки, так тут же спали, бедняги.

Впервые мы шли туда по повороту за скалу — там нас видно красным как на ладони, наш полный профиль! Одна бронеплощадка с пулеметами. Проверили входные стрелки — все в порядке. Полная тишина. Теперь прямо перед нами вдоль днепровских плавень линия на станции Янчокрак, вправо поднимается старый берег реки, теперь заросший лесом. Влево уже плавни — бесконечный зеленый океан, что нам предстало перед глазами, как стало светать. Там партизаны — кто они? Утром пришел «начальник станции» — вся семья тут живет, и сторож — он же стрелочник. Каково их положение! К полудню уже тут были бабы со всяким съедобным добром — а у нас в запасе была только пшенная каша, для кулеша. Теперь было все, так что мы наш солдатский хлеб уплетали с деревенским маслом и молоком запивали.

На станции наладили телефонную связь и назад, на Пришиб, — приказ курсировать у разъезда Попово. А железнодорожники нас об-

радовали — там не шесть бронепоездов у красных стоят, а больше! Да и по проводу «туда» было можно сосчитать, что их больше. Мы слышали их переговоры. Было ясно, что у них подготовлялась какая-то большая операция наступательная.

— С семафора видно вдали их бронепоезда, — говорили железнодорожники.

Интересно, подошел я по дорожке у полотна к семафору на север, вся дорога уходит вперед, как в туннеле зеленом, вербы с обеих сторон — ничего не видно. Полез я на семафор — тихо. Только я поднялся на уровень фонарей, увидел далеко дымок и низкие бронеплощадки — и уже была очередь из пулемета, тут как тут. Как я переступал по лестнице семафора вниз — не помню, но я благополучно вернулся на поезд, быть может, было в нашу пользу то, что я с собою не имел винтовку — могли подумать «они», что железнодорожник проверяет фонари.

Что готовилась «операция», стало ясно очень скоро. Как она была задумана красными, стало известно только потом — большой кавалерийский «кулак» был брошен красными под Мелитополь с востока, чтобы совершенно отрезать армию от тыла. «Рейд Жлобы!» Все, что стояло здесь, совсем близко, только ждало приказа своего командования — нас раздавить. И там между линией от Федоровки на Волновуху и Мелитополем шел страшный бой с советской конницей. Но ее не пропустили на юг. Корниловская дивизия приняла главную тяжесть боя, Дроздовская была на фланге, от Пришиба. Курсируем, полная тишина. 20 июня рано утром, на рассвете, приказ по телефону: «Полным ходом на юг от станции Бурчацк, конный разезд взорвал пути!»

Как пуля мы мчались туда. Наверно, нас прикрыл утренний туман — не стреляли по нас. Прошли мост, Попово, выскочили на Чакрак. «Осторожно на стрелках!» Сидим у себя «на башне», весь путь видим, по сторонам — никого. Ни наших, ни красных. Не доходя Бурчацка влево от дороги цепочка марковцев мчится. Там дорога выходит из долины и идет «наверх», на бесконечные поля Северной равнины. Комендант Бурчацка сообщил, что бронепоезда перегруппировались на юг от Пришиба, но за ними был взорван путь — ожидается прорыв конницы на этом участке. С полной осторожностью сеемся на юг, работу уже распределили между собой — ведь нас только двенадцать. Мы остались «на башне», а все остальные в работу — было взорвано немного, только две рельсы пострадали, не надо было менять шпалы — «расшили» разбитые рельсы целиком и «зашили» наново, сняв с наших площадок. Слева кусты, затем баштан — там чудесные дыни и арбузы, знакомый дед-сторож. Баштан широкий, и дальше — кукуруза.

— На баштан никого не пускать, по коням не бить, прицел по кукурузе, — подготовил встречу наш командир.

Пять пулеметов готовы к бою встречному, два на случай прорыва через полотно. «Оттуда» нас могли и не видеть. Видна была туча пыли, и к полудню уже видна была конница, которая шла прямо на нас... Вот уже в кукурузе. «Пли!» — командует Окишев с паровоза. Рычали наши пулеметы исправно, на баштан никто не выскочил. Заставили остатки конницы повернуть по кукурузе на запад, на позицию марковцев... На нас вышла часть конницы Жлобы, уже потрепанная, которая искала выхода из мешка. Но через станцию Чакрак прошли три бронепоезда красных, били по Бурчацку в защиту конницы. К вечеру пришел наш «Солдат», и красные смылись...

Вечером прикатили мы сменяться на базу в Пришиб — наш каптер получил гусей на завтрашний обед... Поручик Окишев пригласил командира и старшего офицера бронепоезда к себе обедать.

Вызвал меня командир поручик Окишев:

— Послушай, только что говорил с ротой. Тебя вызывает командир роты полковник Павлов. Приказал немедленно, до выезда смены. Заодно передашь этот пакет.

— Есть! — развернулся я и вышел.

В комендатуре на станции Пришиб узнал, что идет паровоз на Мелитополь. Наши были страшно заинтригованы, почему меня вызывают в роту. Кстати, некоторые пояснения: наши бронепоезда возникли в 1915 году. Командой были сначала матросы, и поезда носили название «Батарея №...». И по традиции батареи несли флажок флота, то есть Андреевский красный на белом поле, и команды шли по-корабельному, и ответом на распоряжение начальника было лаконичное «Есть!» — что означало немедленное исполнение. Так эта традиция и осталась при бронепоездах: мы несли два флажка: Андреевский и Российский трехцветный, выйдя на борьбу за Россию.

«Есть!» — осталось и означало «понял и исполняю». Иногда дополнялось, что надо сделать («Есть явиться в роту», — мог ответить я).

Почему меня вызывают в роту и явиться к командиру? — сверлило в голове. Через час я был в Мелитополе. Бросилось в глаза — подтянутость. Не то что было, когда нас «загоняли» в Крым. Состав роты на втором пути, вагоны нашей старой роты, учебной. Обычная процедура — сначала являешься адъютанту, встретил его на перроне, шел из комендатуры.

— Знаю, знаю, прямо к командиру.

— Есть!

Пришли в вагон командира роты; часть вагона канцелярия, часть — столовая и остальное занимают купе.

— Добровольец Владимир Липеровский, «Жел. бат. 2», по вашему вызову, господин полковник. Пакет от поручика Окишева, командира поезда.

Стою вытянувшись, как положено, и жду. И... полковник улыбается:

— Кадет? Это видно.

— Никак нет, господин полковник, реалист!

— Так! И на «Жел. бате» все такие молодцы?

— Так точно, господин полковник!

— Сейчас ты явись полковнику Осипову³⁴⁴, начальнику ВОСО, — там для тебя большая неожиданность. Потом приходи ко мне.

— Есть!

Управление начальника ВОСО в тупике у станции, несколько вагонов. Почти та же процедура, начиная с дежурного у вагона, адъютант и к полковнику. Только я хотел рапортовать...

— Ты Липеровский? — улыбается полковник.

— Так точно, господин полковник!

— А отец?

— Полковник Юрий Липеровский, господин полковник.

— Так вот тебе письмо от папы, он в Сербии, в Белграде, и через генерала Чечелева, нашего военного агента, передано письмо. Как хорошо, что тебя разыскали. Садись туда, читай; поручик даст тебе лист бумаги, напиши папе, а я тем же путем отправлю письмо.

Полковник Осипов так по-отечески принял меня, что формальные ответы не шли... Конверт, письмо папиной рукой написано: его прямой, напористый почерк... предо мной. Я читал и не верил глазам своим. Ведь папа ушел в Одессу в январе 1919 года и ничего о нас не знал с тех пор, так же как и мы. Написал две страницы больших, конверт и передал все полковнику Осипову.

— Садись, поговорим!

Спросил о папе, хорошо, запросто. Рассказал я, что папа из Михайловского училища вышел в 3-ю Гвардейскую артиллерийскую бригаду в Варшаву, что потом перешел в Киевский кадетский корпус, что в 1915 году ушел добровольно на фронт в 61-ю артбригаду, что папа был в Одессе.

— Послушай, а твой дед не был в Полтавском корпусе?

— Так точно, господин полковник, инспектор классов.

— Так ведь папа мой в Полтавском, и я тоже полтавец! А ты кадет Киевского корпуса?

— Никак нет, господин полковник, я реалист.

— Каким образом? — удивился Осипов. — Ведь у вас все в семье военные.

— Мама не хотела, чтобы я был военным.

— Да, так бывало, — покачал Осипов головой. — А теперь ты где?

— На броневспомогателе «Желбат-2», в 1-й боевой смене, господин полковник.

— Ну, дай Боже, будь здоров, Володя!

Такой он был трогательный, похлопывал по плечу, провожая меня.

— Покорнейше благодарю, господин полковник, — собрался я с духом.

Снова я пришел к командиру роты.

— Получил письмо, это радость! Садись поговорим!

И он спрашивал о папе. И ему я повторил папину историю. Сказал мне, что полковник Осипов кадровый офицер 1-го жел. бата, а он 2-го жел. бата, уже во время Первой войны. Спрашивал, как обстоят дела на поезде, все ли у нас есть, что надо.

— Пакет передай поручику Окишеву. — Подал руку.

— Счастливо оставаться, господин полковник.

— Молодец!

И я отбыл, даже не помню, как я попал на базу в Пришиб, уже к вечеру. Все наши переживали мою радость, что письмо получил.

Вечером проверка, приказ на выезд 1-й смены — старший унтер-офицер Алексей Воропай, младший унтер-офицер Владимир Липеровский и еще две фамилии, и дальше все остальные.

— Производство по приказу командира батальона. Петь молитву!

Как пели молитву! Бодро, дружно, с верой, что Господь Бог поможет нам.

Пришиб — база

Отдых на базе не всегда бывал таковым, но, во всяком случае, здесь не было того напряжения, что постоянно бывало на позиции. Однажды, как обыкновенно издали, была слышна артиллерийская дуэль — это батарея, а это «Дмитрий Донской» — он был на позициях. Был звук выстрела. Но вот батарея бьет, а «Дмитрий Донской» молчит. Через час примчался бронепоезд, но без передней бронеплощадки — получил два прямых попадания в щит площадки; раненых вынесли, но площадка горит. Нам приказ вывезти горящую бронеплощадку. В депо получили «ОВ», вперед прицепили одну пустую платформу — полный ход вперед!

С собой взяли пять солдат из рабочей команды. Прошли станцию Чокрак и подкатили на место. Обе гранаты пробили переднюю орудийную (3") башню; орудие на сторону, сбито с лафета, башня, конечно, не поворачивается, осталась в том положении, как стреляли. Вид непрезентабельный. Оставили бронеплощадку вне опасности, чтобы не пострадал бронепоезд, если бы стали взрываться снаряды и патроны внутри. Помощь наша оказалась простая — прицепили к нашей платформе и потащили назад, но опасность оставалась реальной — снаружи обшивка была горячая. Со станции Бурчаук — по телефону мы просили дать нам вход прямо под южный водонапорный кран для паровозов. Туда мы площадку вкатили, открыли воду — пару было целое облако. Вечером «Дмитрий Донской» ушел в ремонт полным составом.

Был и такой случай. Приходим на базу, никого. Оказывается, на платформу грузят подбитый танк. Как его доставили на станцию, не знаю — типичный английский с двумя короткими орудиями в башнях по обеим сторонам. Нашелся такой тупик — верно, для погрузки скота, — что вагон нагружали с торца. Платформу закрепили, чтобы не сдвинулась, и тросом паровоз втаскивал танк на платформу с большим трудом. Такую операцию производили дважды — потом танков не видели: тихоходы и прекрасная цель для прямой наводки.

Сидели мы и благодушно обедали, как сейчас помню, сначала был борщ, а потом котлеты с пюре; мы «по-барски» жили — все нас соль спасала.

— Не может быть! Нет, верно, авион «Илья Муромец»!

— Все под вагоны!

Летит прямо над полотном дороги, ощущение неприятное, смотришь на него из-под вагона — что будет делать? Иного укрытия нет, а бежать — из пулеметов будет крыть. И вдруг слышим резкий свист — и забарабанило по крышам вагонов как град — да вот уже у нас под вагоном, без силы, но воткнулась в шпалу — стальные стрелы! Тридцать сантиметров длиной, нижняя часть толще с острием, наверху три крылышка небольшие. Какая дрянь. Никого у нас не ранило. Пробивало крышу, а то и полвагона, ну а если там какая-нибудь «взрывчатка» подвернется — все в воздух. Так дважды налетали на нас. И оба раза во время обеда.

Мост на реке Кара-Чакрак восстановили как раз перед налетом конницы «товарища Жлобы». Красные бронепоезда поэтому свободно прошли почти под Бурчаук. Видимо, очень они рассчитывали на успех операции и нас оставили в покое на станции Плавни. Но и уходили поспешно — мост остался цел. Канонада гудела часто, там на Ореховском направлении, но у нас было достаточно спокойно — и все

в тылу у красных! На станцию Плавни и курсировали, дальше до реки Конская: тут был взорван большой мост. Будет работа — его так легко не восстановишь.

Базу нашу перевели на станцию Чакрак, она лежит в ложине, плотно на склоне, под станцией — дно долины глубоко и затем другая сторона поднимается значительно выше. По длине долина выходит почти до станции Бурчацк, дальше равнина, поля. На севере все время идут бои с переменным успехом. Около нас где-то марковцы, но мы их не видим никогда. Бронепоезд «Солдат» все время тут, у Бурчацка, и своей артиллерией беспокоит красных на Ореховском направлении. А мы курсируем Попово—Плавни—мост на Конской. Бои слышны над нами вправо.

По телефону вызов — прийти на станцию Чокрак. Для смены рано, но нашей смене обычно бывали специальные задачи. Что будет сейчас? Командир разъясняет нам задачу — ровно в 2 часа дня быть, пройдя кривую, что раньше моста на Конской, у вербы, что висит над водой. С реки придут люди, пароль «Прочан» — это атаман партизан. Ему передать весь груз вагона, который к нам прицепят сейчас. «Есть передать груз!»

Вагон прицепили к нашему поезду, и мы пошли, времени достаточно. Прошли Попово, постояли немного на старой позиции у долины Кара-Чакрак, обогнули скалу, постояли, не доходя станцию Плавни, у кривой дороги — наверх уходит лес. Все спокойно. Прошли станцию Плавни, слева плавни и совсем близко от полотна открытая вода, а дальше непроходимые плавни, осока, камыши высоченные.

Кривая, впереди в 2 верстах взорванный мост — действительно громадная верба висит над водой; всюду вербы, как в туннеле идем. Стали. На всякий случай пулеметы наготове; а нам с Алешей прекрасно все видно с «башни» нашей. Насыпь, верно, пять-шесть метров высотой, река шириной метров десять, и камыши. Остались минуты. Откровенно говоря, у каждого была мысль: не засада ли, с какой стороны откроют огонь по нас? С реки или справа? 2 часа дня. Бесшумно, вдруг прямо из высоких камышей на нас вышли три баркаса, человек двадцать вооруженных не солдат... «Прочан!» — густым басом гаркнул здоровенный детина лет под сорок. У нас отлегло. Так вот они партизаны — с нами они? Алексей вышел к ним, «поручались», открыли вагон, и в течение минут весь груз — ящики с патронами — был перенесен на баркасы. И так же бесшумно исчезли в камышах они.

Мы вернулись на станцию Плавни. Машинист Митя взялся нам варить кулеш с салом тут же, около паровоза. Митя — шутник был: «А я смотрю с паровоза, думаю, так если б они хотели нас перебить и

взять с грузом и наши пулеметы — ничего не было б легче! Только «с башни» можно было стрелять по ним, из площадки ничего не сделаешь, слишком близко».

С аппетитом ели кулеш. Предстоял обычный выезд смены, рассветало. Неожиданно командир вызвал Воропая и меня:

— Спешно требуются в 3-ю роту два подрывника. Отправляйтесь на станцию Большой Токмак, явитесь к дежурному офицеру. Спешно!

— Есть спешно!

— А я выйду со сменой, «на башне», — добавил поручик Окишев, улыбаясь.

Положение было напряженное, красные бронепоезда нас тревожили. А вчера у Бурчацка подбили «Георгия Победоносца», после ремонта он должен был уйти на линию на Пологи.

На Пришибе стоял тяжелый бронепоезд с двумя 6-дюймовыми Кане. Положение было критическое. «Жел. бат-2» пошел на позицию у моста Кара-Чакрак, а мы с базой добрались до Пришиба, а там ловили какую-нибудь «оказию», чтобы попасть на станцию Феодоровка и оттуда на Большой Токмак, в 3-ю роту. Едой нас снабдил наш повар, а каптер хвастался, что, покуда были на Чакраке, он у баб успел выменять какое-то съедобное. Только к шести вечера мы добрались в роту. Дежурный офицер объяснил нам операцию, которую мы должны были ночью проделать: надо задержать постоянные наезды красных бронепоездов со станции Пологи. Поэтому надо взорвать кривую, что перед южными стрелками станции. Приготовлено 48 зарядов, в помощь нам 3 солдата. Операция под начальством капитана Симонова. Предлагалось нам его повидать сейчас и прилечь поспать: выезд в 11 часов вечера.

Капитан Симонов только что в роту прибыл из Бредовской армии из Польши, был плохо одет и не произвел впечатление начальника, хотя был в прошлом в саперной роте. Вагон с приготовленной взрывчаткой был к нашим услугам — заснули мы моментально. Когда прицепляли паровоз, тогда и проснулись — были тут 3 солдата и капитан Симонов. И сейчас же пошли — машинистом был механик из роты, это было лучше, чем иметь «цивила» в такой опасной операции. Мы с ним сразу наладили контакт, дружелюбный. Несколько неожиданно было, когда капитан Симонов приказал остановиться.

— Тут я останусь, а вы, ребята, обойдетесь без меня. Только потом меня здесь не оставьте!

Откровенно говоря, для нас так было проще, — мы его не знаем, он нас не знает, — чтобы не возникли недоразумения в методе работы, нам было лучше остаться самостоятельно, тут не место дискуссии. Большой скоростью паровоз нас выкатил под Пологи. Местность вол-

нистая, начинается большая кривая в глубокой выемке. Была тихая украинская ночь, темное небо сверкало звездами, когда паровоз стал в перелеске. Солдаты подносили нам заряды, пробирались мы все дальше по обочине, по канаве, в кустарнике — и по дороге «туда» закладывали заряды под стыками рельс в песок. Приближались к станции Пологи, выемка заканчивалась — кривая выходила на равнину; когда закладывали последние заряды, то со станции были слышны голоса... Назад мы двое бежали каждый по своей стороне и поджигали бикфордов шнур. Было заложено 24 заряда с каждой стороны. Запальшиков не было — поджигали папиросой! На бегу, с легкими полными дыма табачного (верно, потому я никогда не курил в это время), когда достигли паровоза, начались взрывы — и пошло! Полный ход назад. По пути подобрали капитана Симонова — был доволен, что все благополучно. Полагаем, что полотно было сильно искалечено нашей работой. Бронепоезда на некоторое время не выходили, но вообще положение красных тут ухудшилось и, несмотря на то что ремонтный поезд красных исправил путь, советские бронепоезда ушли на север. Командир 3-й роты благодарил за «работу».

8—9 августа всякими оказиями мы возвращались на станцию Федоровка, на нашу линию. Шел паровоз на Пришиб — мы с ним. Но на станции Плодородие встретили бронепоезд, который впервые выходил на позицию в нашем районе: две артиллерийские бронеплощадки с тремя орудиями в башнях, 2 трехдюймовки и 1 английское, пулеметы. Площадки выкрашены светлой краской уже давненько и несли имя — «Севастополь», пришел он из Крыма и был специально вызван на наш участок, потому что и «Дмитрий Донской», и «Георгий» были подбиты. Полковник командир разрешил нам следовать с ними. Но одновременно разрешение получили две сестры милосердия. Но мы суеверны — перед боем на площадку нет входа женщине. Ну, быть может, ничего не случится. Ведь это две сестрицы, в Марковскую дивизию направляются.

Станция Пришиб, мы дома, на базе; хорошо попитались — и спать.

10 августа 1920 года. Положение тревожное — боевой состав не придет на Пришиб, база пошла ему навстречу на станцию Чокрак перед рассветом. Благополучно прошли Бурцацк, тихо. Спустились долиной на Чакрак. Настроение неважное — пару дней тут не были, не знаем, каково положение. Почему я пошел по склону вверх за станцию — не знаю. В перелеске наткнулся на сторожевое охранение красных — никогда их тут не бывало. Так близко от полотна железной дороги! Меня обстреляли — я быстро «прыгнул» назад. Через полчаса пришел «Жел. бат. 2»: с наблюдательного пункта сообщили,

что «положение плохое, нам грозит окружение». Известие неприятное, поручик Окишев очень озабочен, разговаривает с юнкером Ковалевым, старшиной второй смены. Наша смена переходит на базу, очень усталые все. Ковалев сообщает, что получил пополнение — 8 красноармейцев из пленных, — это не особенно радостно, в такой сложной обстановке, что с ними делать — не доверишь им ничего. С разрешения командира мы с Дм. Воропаем остаемся в смене юнкера Ковалева, к его большой радости, и занимаем башню. Пополнению нашли место — «Полезай вниз под накат», — всех там запрятали, не будут мешать. Они у нас на виду, под нами. Один отделяется, подошел к нам, одет плохо. Откозырял. «Малеев Борис, казак Уральского войска из Орска; дивизии генерала Каппеля, красными взят в плен после Каппелевского похода под Иркутском; и направлен против белых в Таврию; мне 17 лет — я снова доброволец и буду счастлив вместе с вами биться против красных». К нему было доверие, он получил винтовку, и посадили его в бронеплощадку на пулемет. Вот это пополнение. Юнкер Ковалев был доволен, что мы трое выезжаем с ним. Командир, поручик Окишев, попрощался, настроен был мрачно; с базой он уходил на Пришиб. Через пару минут и мы пошли — на позицию: мы были сами; бронепоезда не было, уже неделю его не было, не было и сегодня. День обещал быть душный, томительный... У моста речки Кара-Чакрак была тишина, прицепились на межстанционный провод; даже и по лесу не стреляли. С наблюдательного поста нам сказали, что есть движение красных, что положение напряженное. После 9 часов утра вызов по телефону: «Полковник (фамилию не помню), командир бронепоезда принял участок, предлагаю немедленно прийти на станцию Чокрак». — «Есть!» Потихоньку снимаемся, как для маневрирования; так же тихо проходим разъезд Попово, и дальше... У входных стрелок на Чокрак остановились, с контрольных задних наблюдают, все ли в порядке, а нам на башню из кустов слышен предостерегающий голос — да это же стрелочник со станции, наш знакомый, жена его за соль продуктов нам носила! — «Братцы, осторожно — за станцией три полка лежат!» Бесшумно вкатили на третий путь, что над оврагом; бронепоезд на первом, мы стали пройдя его, чтобы иметь открытый кругозор. Бронепоезд тот, что нас «подвез» на Пришиб, старопокрашенный с наименованием «Севастополец» — впервые здесь. Вызвал командир Ковалева для информации. И нет и нет его, не возвращается — не имеем распоряжений старшего начальника. Ждем. Пало несколько выстрелов оттуда, затарахтел пулемет с бронеплощадки бронепоезда — ничего не видим, а от леска наверху мимо станции открытое поле прямо к нам, потом идут кусты и склон к полотну

овражистый на уровне выходных стрелок на юг. Бронепоезд дал пару шрапнелей по леску — и тут началось! На опушке были пулеметы красных. Теперь уж было видно, куда стрелять, — все пять в работе! Около бронепоезда упала граната, начала пристрелку советская батарея, он начал маневр и пошел мимо нас, заслонил. Бьют все три орудия картечью; когда прошел, открылась совсем новая картина — поле наверху полно красноармейцев, идут из леса под прикрытием своих пулеметов. Идут к полотну, прямо на наши пулеметы; «Севастополец» сечет их тоже, немного сбоку; лезут, стреляют и лезут к нам, уже через трупы — мы их видим совершенно отчетливо — их полно на этом поле! Нас с Алексеем что-то совершенно глушит. «Севастополец» прошел еще на юг, он уж у выходных стрелок — и затихло английское орудие — наверное, заклинилось. Это обычно, когда перегреется. Но там что-то случилось — бронепоезд не маневрирует, стоит на месте: по косогору полотна пробрался Ковалев. «Бронепоезд сошел с рельс, «села» одна площадка. Приказ — в 12 часов оставить поезд». Остается полчаса — до красных двести метров, уже близкие, видим, как падают и падают эти серые люди, лезут как муравьи. Покуда Алексей стрелял, я сговорился лаконично с Ковалевым, что отступаем через долину, и наверх — там видна кукуруза. Он подготовил людей в нашей бронеплощадке. Ему не удалось уговорить командира бронепоезда идти с нами — они идут к Васильевке. Стоит страшный гул — красные в ста метрах. Падают, кто-то поднимается, через них лезут другие — а их пулеметы режут по нас из леска. «Севастополец» получил гранату в площадку — это уж не то что бьет советский бронепоезд — должны же они прийти.

12 часов. У нас полная тишина, все брошено, только винтовки и патроны с нами. Все бросаемся под насыпь вниз; мимо нас пробежали люди с бронепоезда, не хотят идти с нами. С полотна вниз в долину, бежим врассыпную, но вместе; ближе друг другу Ковалев, Алексей, Борис Малеев, я и еще двое. Только отдельные выстрелы по нам, нет пулеметов. Эту их стаскивают из леска, на полотно. Перебежали ширину долины — и перед нами косогор. Наверх, наверх, уже дыхания не хватает, но где же наши? Они, верно, испугались этого косогора, бегут налево вдоль долины. Уже бьют пулеметы позади, захлебываются, очереди ложатся прямо около нас, вот они — пули подняли пыль предо мной — прыжок инстинктивно, они ведь уже в земле — и прыгаешь! Уже в глазах черно. И вдруг — мы в кукурузе. Лежим, чуть отдышались — кто вышел? Нет Ковалева. Его сбили, когда стали бить пулеметы, уже с полотна — вон они стоят там внизу. Алексей, Борис, двое из второй смены, и все. А остальные?.. Проползли по кукурузе.

Осмотрелись, кругом равнина — туда на Михайловку, там марковцы. Где кавалерия, да, красные! В кукурузе только всадников видно, сколько их? Как на учении — «по кавалерии с колена — залпом!» — дали залп, другой... нет всадников. Лежим, дышим. Мутное небо над нами, жарко — тишина. Притаились — ведь конные, наверное, нас ищут, пришли со стороны железной дороги. Ждем — где появятся снова.

Появились — но пришла конная разведка марковцев.

— С бронепоездов? — спросил поручик.

— Так точно!

— Пошли с нами!

Пошли: мы впереди, они за нами — не по себе было... Пришли в село — сарай.

— Тут будете ждать распоряжений генерала Писарева, — объявил поручик и захлопнул ворота.

На солому, и спать, спать...

Приказ оставить поезд — такого никогда не переживали. Оставлен наш поезд. Спать... Нас только пятеро. Спать, спать...

Машинист Митя, предупрежденный юнкером Ковалевым, что поезд будет оставлен, не долго раздумывал: затушил паровоз, заклинил кулису (приспособление, которым меняют движение — вперед-назад) и ушел вниз в долину — ждать, это была бы гибель для него, как он поспел бы с нами с костылем? В кустах у подошвы насыпи заковылял и — о счастье! — труба для отвода воды с противоположной стороны в долину. Диаметр большой, свободно вошел подальше — снаружи вовнутрь ничего не видно, темно. А для Мити отверстие трубы — как экран, на котором он видел всю трагедию. Сначала прошла вниз по долине команда бронепоезда и быстро исчезла из кругозора. Вот наша команда бежит через долину; вот уже начинают на другую сторону подниматься; нет, не все карабкаются вверх — половина бежит по долине. «Вот тут и начался ад. Красные дошли до полотна дороги, притащили свои пулеметы и стали бить по долине. Уже никого нет, всех скосили. Вот один упал на склоне оврага, его долго тащат с собою вверх. Как они вышли в этом страшном огне? Нет никого! И настала тишина, как в могиле! Что делать. Выйду — убьют, оружия нет у меня, только костыль! Потом слышен топот — в кругозоре трубы появились конные, орут, подошли к нашим, что лежали в долине. «Руби их, белобандитов, добей их всех, белогвардейцев...» Рубили, били прикладами. И галопом ушли по косогору вверх, и виднелась кукуруза...» Опять тишина. В трубе отсиделся Митя до темноты, красные исчезли. И заковылял потихоньку. Кругом ни души. Так дошел Митя по долине до станции Бурчацк. По телефону хотел говорить с нашим командиром, с базой. Но провод оказался пе-

реключенным на штаб генерала Туркула. Дроздовская дивизия — так бывало всегда, когда бои шли у дороги, быстрее туда. Митя тут и отпартовал все, что произошло. Ну и пошло...

Распахнулись ворота нашего сарая — ординарцы штаба Дроздовской дивизии:

— Генерал приказал вернуть бронепоезда и восстановить путь!

Вот это приказ! Нас просто «выкрали» из сарая генерала Писарева.

На станции Пришиб ждали платформы ремонтного поезда с паровозом, с рабочей командой и нашей сменой, отдохавшей на базе. А мы ведь отоспались в сарае, были полны сил и рвения. Сколько было рвения!

На станции Бурчацк нас ждал наш несравненный машинист Митя — когда увидел нас пятерых, был в восторге.

— Ребята, я знал, что вы придете! — И рассказал нам наскоро свою одиссею; рассказал, что видел из трубы...

Не доходя станции Чакрак, Митя говорит:

— Там внизу — наши лежат! Ночь, тишина, только постукивают колеса на стыках — и команды не надо — все «смирно» стоят. Вот тут было страшно... Там — наши лежат...

Наш поезд «Жел. бат. 2» стоял в полном составе: две контрольные площадки — на одной из них наше пулеметное гнездо — «башня» с «кольтом», броневая площадка со всеми пулеметами на станках, паровоз, одна платформа со шпалами, вагон товарный, наполовину загруженный ящиками с патронами и всякой взрывчаткой, и затем две контрольные платформы. Паровоз стоял холодный и заклиненный, потому все осталось на месте — благодаря сметке нашего машиниста Мити. Одну площадку броневую и паровоз бронепоезда «собственной тягой» укатили красные. Вторая бронеплощадка с двумя башнями «сидела» на южных выходных стрелках. Причина катастрофы была ясна: после того как бронепоезд утром вошел на ст. Чакрак, у него в тылу была «расшита» рельса против крестовины и одна стрела стрелки — все с одной стороны, из канавы — были вынуты костыли. Когда поезд стал отстреливаться и маневрировать, меняя позицию, — контрольные платформы легко прошли, а тяжелая бронеплощадка «села». Но села так, что одна тележка парой колес осталась на крестовине, а другая пара была на шпалах, вторая тележка осталась за стыком невредима. Так что там, где можно было забить костыли, — забили; а подняв площадку на специальные домкраты, подложили рельсы, ее «зашили» шурупами. Работы было много, но работа спорилась.

Самое тяжелое было — погребение наших соратников. Погибли юнкер Ковалев, младший унтер-офицер Ашихмин (доброволец из не-

мецкой колонии из района Мелитополя), Николай Щербачев — он нам говорил, что является племянником генерала Щербачева, и четыре добровольца второй смены — фамилии их не знаю. Все были в ужасном виде, изуродованы злобой человеческой.

К позднему обеду мы входили торжественно на своем боевом «Жел. бате 2», своей тягой с Митей. На паровозе — позади была прицеплена бронеплощадка «Севастопольца» — входили на станцию Пришиб; вся команда «смирно» козыряла, встречая, — генерал Туркул был на перроне, благодарил за блестящее исполнение приказа. Генерал Туркул лично принял участие в нашей судьбе, предложив нашему командиру поддержать соответствующее награждение нас. На предложение отправиться в инженерное училище (в тыл!) мы оба — и Алексей и я — просили разрешения остаться на фронте «пока».

С этих пор — с 10 августа 1920 года — мы всегда втроем: Алексей, Борис и я. Мы не ошиблись, сразу оказав доверие Борису. Остальные из «пополнения» исчезли, никто не жалел.

В этих боях погиб полковник Шперлинг, Марковской артиллерийской бригады.

А через год, в Галлиполи, остатки железнодорожного батальона были сведены в одну роту — «Генерала Маркова железнодорожную роту». Но в эту роту — такого почетного звания — надо дойти через множество затруднений нашей жизни.

* * *

Команда бронепоезда «Севастополец» (или «Генерал Алексеев»), сойдя с насыпи вниз в долину, не долго держалась своего командира — те, кто пошел с ним, все погибли. Половина, пройдя станцию Чокрак, перешли полотно железной дороги в лес и таким образом спаслись, выйдя в расположение Марковского полка. Вся команда состояла из добровольцев из Севастополя, на позицию вышли впервые. Но видимо, впоследствии, много позже, уже при отступлении, бронепоезд снова вошел в строй как «Генерал Алексеев».

* * *

Хочу несколько слов сказать на тему политическую — внутренне-го управления, и которую генерал П. Врангель считал чрезвычайно важной — земельный вопрос. Реформа уже проводилась в жизнь в Северной Таврии и имела успех и заинтересованность у крестьян.

Владеет землей тот, кто ее обрабатывает и тем работает на благо Родины. Но времени было мало.

К нашему выходу из Крыма было предложение англичан — прекратить белую борьбу и сдаться Советам под гарантии наших жизней Великобритании. Такое предложение было отвергнуто самим нашим населением 23 мая 1920 года.

«Разгром» 10 августа 1920 года заставлял анализировать *post factum* положение: имея на позиции наши бронепоезда, конечно, ничего подобного не могло бы случиться; тем более таких потерь в командах. На станции Пришиб стоял тяжелый бронепоезд с 6-дюймовым Кане — он мог стрелять по тылу наступавших на Чакрак, но штаб бронегруппы не был осведомлен вовремя о тяжелом положении. А командир бронепоезда «Севастополец» не был осведомлен, был не знаком с условиями данной позиции, выехав впервые; на доводы юнкера Ковалева не обратил достаточного внимания — когда Ковалев вернулся к нам с приказом отступить, то просто и понятно сказал:

— Он нас утробил! И его команда погибнет, если пойдет с ним.

Так и произошло уже через полчаса по оставлении поезда — спаслись только те, кто пошел через лес, как советовал Ковалев, если не хотели идти нашим путем — на противоположную сторону долины, в гору — подъем пугал, но подъем нас спас.

В течение целого дня советские бронепоезда не пришли — почему? Бронеплощадку и паровоз «Севастопольца» красные увели — значит, все мосты были целы, там дальше — Плавни, Янчекрак. А там бывало шесть бронепоездов.

Конечно, нас интересовало, почему мы остались живы на нашей «башне». Шпалы вокруг амбразуры, где стоит «кольт», положительно забиты пулями. Внизу стоит двутавровая балка, за ней шпалы — это был как бы наш щит — за ним мы были, над ним стреляли через щель меж шпал. Этот кусок двутавровой балки имел массу попадания, шмотки расплавленного металла — это балка гудела и глушила нас, когда принимала на себя этот поток металла.

— Ну, братцы, это Господь Бог вас хранит, — произнес Борис Малеев. Мы с Алексеем и слова вымолвить не могли.

Да, мы были братья, все трое. Навсегда.

* * *

Мир мал! И встречи бывают неожиданные и имеют подчас особый смысл, когда вдруг объясняют то, что было, что пережито, много лет позади...

Шел 1926 год, вероятно, и стояла чудесная весна в Брно, в Чехословакии. Помню, когда мы шли через парк Лушанки, то цвела сирень и жасмин. Мы шли на вечер во всех залах ресторана «Luzanky». Вечер-бал устраивали студенты лесники и агрономы из «Vysoke Skoly Zemekelske v Brne»; Леночка и я, Люся и Петя Яковлев. В вестибюле нас встретил распорядитель наш Веня Пискун и проводил к нашему столику в зале, что рядом с танцевальной. Залы со столиками там вокруг залы танцевальной, так что через арку видны танцующие пары. Симпатично. Люся танцевала с Петей, с Леночкой танцевал кто-то из знакомых... В зале для танцев под стеной стояли те, кто не танцует. Поскольку я тоже не танцевал, то подошел в арку зала и, как и другие, смотрел по сторонам. И вдруг просто меня хватил как будто шок... Сейчас мы все здесь шикарим в синих костюмах, галстуки, крахмальные рубашки — а я увидел совсем иную картину — не может быть, да нет — это он! А тогда — там, вот ведь я вижу ясно, мы выезжаем под станцию Пологи; какая ночь была! И он предложил (как он мог командовать кем-то, бедняк!) машинисту остановить паровоз; было совершенно неожиданно такое его распоряжение, и тем более невероятно то, что он нам с Алексеем сказал:

— Братцы, я здесь останусь в кустах, только на обратном пути подберите меня, не бросьте, — и сошел с паровоза.

Мы даже не ответили ему ни слова. Бредовец — до сих пор на нем была фланелевая светло-серая гимнастерка, брюки из фланели какие-то зеленоватые и ботинки из парусины; видно, что он только что прибыл в роту — так как же его не экипировали, посылая в такую операцию! Да нет, солдаты третьей роты потом нам говорили, что уже более месяца его видали в роте. Капитан Симонов — а тут, как у всех, темно-синий костюм, галстук-бабочка. Выглядит хорошо, но скромно — ему не командовать и здесь.

— Капитан Симонов, здравия желаю! — приветствовал я его.

Как не подойти к офицеру, который был с нами... Прищурились глаза, морщина пошла по лбу — вспоминает? — конечно, это он. И вдруг слышу опять невероятное:

— Забудьте, что вы когда-либо видели меня в «Жел. бате».

Он явно смутился и хотел сбежать. Я подхватил его за локоть, и через момент мы сидели у нашего столика. Кругом никого — ведь там танцы! Что-то мы выпили, что было на столе, Симонов улыбнулся:

— А ведь я даже и вашей фамилии не знал — по сегодняшний день! — добавил он, а взгляд был туда, в ту ночь... — Так я вам кратко расскажу — и вы все, пожалуйста, забудьте, и то, что я был в «Жел. бате».

И рассказал кратко, и ясно, и совершенно добросердечно.

— Когда я увидел пред собой этих двух молодых, первая мысль моя была: куда же мне идти в таком виде? Но поборол себя; но потом все же остался в пути... Помните, конечно. Это мне стоило больших переживаний, поверьте. Потом слышал гром взрывов, полным ходом подкатил паровоз, стал как вкопанный и меня посадили в вагон. В роте доложил дежурному офицеру, что операция блестяще выполнена двумя чинами второй роты, вернул наган, который мне дал дежурный на дорогу. И по его предложению написал рапорт. Целую неделю, а то и больше меня никто не тревожил. Потом вызвали к командиру роты, конечно, это был конец августа. На столе у командира лежит целый ворох бумаг и наверху мой рапорт. И упрекает меня командир, что мой рапорт очень краток, пишете о чинах иной роты, не написали фамилий подрывников; тут мне прислали бумаги о награждении этих двух чинов, правда, у них есть и иные заслуги; тут блестящий отзыв генерала Туркула о них, в том смысле, что работа подрывников сорвала наступление красных бронепоездов и кавалерии, которое готовилось красными, используя наше положение, — все бронепоезда в ремонте, — наступление могло иметь совершенно исключительные последствия: прорыв прямо на Мелитополь и дальше; но в операции участвовал наш офицер, нашей роты — благоволите написать рапорт снова, чтобы я мог бы базироваться на нем. Тогда я, — говорит Симонов, — все чистосердечно рассказал командиру роты, что практически в операции не участвовал, что все сработали эти два молодца из второй роты, результат, как знаете, блестящий; результат: полное затишье на нашем фронте. Вот им обоим надлежит награда... Командир роты онемел; потом неожиданно для меня дает мне совет: «Капитан Симонов, вы отправляйтесь в Мелитополь в Саперную роту, в моем отношении я скажу, что у нас полный комплект, а там недостаток. В вашем послужном списке не будет значиться «Жел. бат». Так оно было — и вы забудьте, — закончил капитан Симонов и откланялся.

Спасибо генералу Туркулу за его поддержку и представление нас с Алексеем к наградам, к Георгиевскому кресту каждого. Пусть не удивляется тот, кто когда-нибудь прочтет эти строки, что я о наградах вам говорю. Каждый военный готов положить свою жизнь во Славу Родины. Из века в век и повсюду за «боевое дело» (через «ять», как писалось прежде!) присуждалась награда, благодарность — и тот, кто ее получал, был счастлив ее принять, тем более что мы на фронте служили добровольно. Награду за дело! Не наоборот! Мой отец, Юрий Александрович Липеровский, будучи подполковником, служил воспитателем

в Киевском Владимирском кадетском корпусе; и в июле 1915 года добровольно вернулся в артиллерию действующей армии. Орден Святого Владимира с мечами и бантом был его боевой наградой — и отец всегда его носил.

И был прав генерал Туркул, дав оценки произведенной операции под станцией Пологи. То, что произошло на нашем участке фронта 10 августа 1920 года — три полка пехоты произвели атаку на станцию Чокрак, перерезали нашу железнодорожную линию и тем дали возможность красным бронепоездам подойти на станцию Чакрак — это был синхронизированный маневр с наступлением бронепоездов и кавалерии со станции Пологи, — но там оно не состоялось. И потому у нас на фронте «захлебнулось», дальше не пошли и отошли за станцию Плавни, на исходные позиции. Если бы наступление красных имело бы успех, то дивизии Дроздовская, Корниловская и часть Марковской — оказались бы в железном мешке окружения: по обеим железным дорогам — Пологи—Токмак—Феодоровка и Плавни—Чакрак—Пришиб—Феодоровка работали на каждой дороге минимум по шесть бронепоездов красных. На нашей дороге стоял только «Жел. бат. 2», на Пологах — никого. Приход «Севастопольца» красные не ожидали, а нам он — уввы! — не помог. И погиб. План красных был подготовлен прекрасно — наша армия была бы «преждевременно» уничтожена, на Крым дорога была бы открыта красным. Но план сорвался.

Поскольку Алексей и я непосредственно участвовали в «срыве плана» на обоих направлениях, носили бы крестик на груди с большой гордостью, но, как видим, судьба решила иначе, и даже не столько судьба: судьба нам дала надежду на награду, но все «шумиха с наградами» в «Жел. бате» и общее положение на фронте того времени — все отодвинуло в вечность... Но главное то, что мы там были, пережили то, что было «дело боевое»... а потом еще была новая эпопея.

* * *

Операция красных на этом участке фронта не удалась — было полное затишье. Наша позиция продвинулась к взорванному мосту через реку Конская — тут даже не было той обычной стрельбы по лесу, что бывало постоянно у Попова.

Мост был двухпролетный, один пролет одним концом лежал на дне реки, но поскольку мост рамовой конструкции форм — он был большим препятствием на дороге, опору ему оборвало взрывом.

Тут же была станция Янчекрак и село наверху того же названия — чего-чего оттуда нам не несли за соль! Молоко, яйца, сметана, домаш-

ний хлеб, гусей и уток — все было. База стояла на станции Чакрак, с нами бывал бронепоезд «Дмитрий Донской», вернувшийся из ремонта.

Из последней операции попали пленные, и с прежними — Дроздовская дивизия муштровала 4-й полк. На поле у станции целый день шли учения.

Но нам с Алешей не долго пришлось выезжать к мосту через Конскую: пришел приказ из роты — обоим снабдить всем надлежащим на неделю, явиться в третью роту, принять вагон с бомбами с кислородом (только что захватили на станции Пологи) и весь груз доставить в штаб батальона на станцию Симферополь. В Крым, неделя отдыха! Третья рота стояла на станции Большой Токмак, приняли груз, получили надлежащие бумаги «спешно» — чтобы нас прицепляли ко всякому поезду. В роте узнали, что готовят большую рабочую команду для отправки на наш участок — чинить мост, — но мост поднять нельзя. А дорога необходима, и капитан, которому поручена эта работа, нам сообщил проект работы: поскольку река сухая, опустить полотно на дно и срыть с обеих сторон — въезд и выезд на другую сторону моста. Конечно, уклон этого съезда не будет отвечать никаким предписанным нормам, но надо, чтобы поезда могли бы идти на север. А мы покатали в Крым. На Мелитополь. Явились к командиру нашей 2-й роты; там видели полковника Юдина³⁴⁵, начальника хозяйственной части еще нашей начальной «Первой Учебной», нас знал. Кто его не знал — такой он был равно милейший человек. И дальше — потихоньку въехали по нашему Сивашскому мосту в Крым; Таганаш, Джанкой — почти нет остановок — кругом совершенно мирная обстановка. Симферополь — пришли ночью. Утром наш вагон прицепили к штабному поезду. Сдали груз, все в порядке. Дежурный офицер сообщил, что перед обедом, за полчаса, надо явиться к командиру батальона. Только ботинки у нас ношенные, но неплохие — одеты хорошо!

— Ну, вот каковы наши два молодца! — встретил нас полковник Сафонов. — Вы ведь у нас еще в Учебной роте были, и под Орлом. А теперь на Чокраке. Очень сожалею, что мы потеряли юнкера Ковалева, толковый был человек.

— Так точно, господин полковник.

— Рапорт поручика Окишева у меня, — награды придут, но всегда волокита, это сложнее, чем в пехоте. А теперь — 3 дня свободных; а тебе — Липеровский, письмо от отца — это тоже награда большая.

Я получил конверт с папиным почерком. Еще полковник Сафонов спросил меня о папе.

— Что вы оба остались на фронте, я вас понимаю, для училища еще будет время. — И отпустил нас.

Обедали в штабной столовой. Письмо, письмо! Но письмо нас заставило очень задуматься. «На случай, если пришлось бы думать, что дальше, — помни, что я в Белграде, в Югославии, — всяким способом пробирайся ко мне, встретимся и с мамой, и с Олей со временем...»

Мы были молоды, полны надежд, были рады отдыху, полдня бродили по городу. Подошли к театру — завтра «Madame Butterfly» идет — пойдем? Ясно! Город красиво расположен на предгории. Устали. В каком-то магазине нашли накладные знаки железнодорожные и двойку. Так что в театр мы шли в параде! В штабе батальона почти все офицеры имели, как положено, «серебряные» погоны со знаками; в ротях — серебряный погон я видел только у командиров рот — это были кадровые офицеры-железнодорожники Великой войны. Наши погоны английских френчей украсились накладными знаками, как всегда, нашивки и шнур вольноопределяющихся. Перед наступлением из Крыма был приказ, что рекомендуется снять шнур с погон — для безопасности, — но мы никто не снял. Так неприлично сидеть в театре, публика хорошо одета, конечно, много военных. Вообще бросилось в глаза, что много, очень много офицеров здесь в тылу. Чем они заняты? А мы — не пошли в тыл, в училище. Чудно было сидеть, музыку слушать!

Прежде чем начался второй акт, вышел какой-то распорядитель и объявил, что «чинам 2-го жел. бата предлагается немедленно явиться на стоянку батальона». Поднялось несколько человек, вышли и мы с Алексеем. Дежурный офицер сообщил, что наш вагон уже загружен ящиками для хозяйства, бумаги готовы, отъезд первым отходящим поездом на север. «А вот накладные знаки с погон снять, не желаю вам в таком виде встретиться с полковником — не разрешает на фронте!»

Еще более «спешно!» неслись поезда на север; мы предстали перед полковником Юдиным с бумагами груза. Мы привезли новые ботинки английские — начхоз тут же приказал нам выдать по паре, а мы выпросили третью пару для «брата», для Бориса.

В последний день августа мы прибыли на станцию Пришиб — здесь была наша база — и к утру ожидали приход боевого состава «Жел. бат-2», возвращалась наша смена; вторая была дополнена из 3-й роты. «Дмитрий Донской» тоже был здесь. Завтра, 1 сентября, ожидался приезд Главнокомандующего генерала П.Н. Врангеля.

Рано утром 4-й полк Дроздовской дивизии был выстроен в каре на том поле, где их обучали; сторона на север была открыта. Что-то там происходило: как потом узнали мы, что перед полком был прочитан приговор военно-полевого суда — расстрел за грабеж и насилие в не-

мецкой колонии — один бывший красноармеец был расстрелян. Мы слышали залп.

Все наши поезда стояли на своих путях, но так, что фронтом были обращены к полю, а между полем и железнодорожным полотном проходила дорога. Стояли — штаб бронегруппы, бронепоезд «Дмитрий Донской» и «Жел. бат-2». Все команды были выстроены на полотне перед своими поездами: должна была быть красивая картина мощи! И вдруг команда: «Смирно! Равнение на-пра-во!» Да, это он — это генерал Врангель! Генерал Туркул, генерал Писарев и целый штаб за ним, он выше всех!

— Здорово, орлы! — развернулся он в нашу сторону.

— Здравия желаем, ваш-дитство! — во всю глотку ответили мы, и потом все слилось в восторженном «Ура!».

Генерал Врангель проследовал к дроздовцам. Команда — и полк замер в безукоризненном равнении. Генерал обошел фронт не торопясь; что он сказал новоиспеченному полку, мы не слышали, но ответ полка был дружный: «Рады стараться, ваш-дитство!» — и затем полк шел церемониальным маршем — прекрасно! Мы — как публика! — стояли и любовались. Хорошо, что нас не послали маршировать — без подготовки.

Ночью наша первая смена вышла на позицию. В наше отсутствие Борис Малеев владел нашей башней, а сейчас нам рассказывал новости. Было достаточно спокойно, и рабочая команда почти без затруднений сработала переход через речку Конская. Журчал ручеек сейчас, и его «взяли» в три трубы большого диаметра. Однажды какая-то советская разведка обстреляла, но это был пустяк в сравнении с техническими затруднениями: пришлось дважды приготовить полотно. Сначала сделали слишком крутой съезд и выезд — когда пустили пробный поезд, то он на выезде от рывка паровоза, когда надо вытаскать поезд на нормальное полотно, — порвался, не выдержали фаркопы. Тут помог наш машинист Митя и нашим паровозом — он короткий! — повытаскивал оторвавшиеся вагоны назад; и затем вернулся и ту часть поезда, что выскочила «вперед». Пришлось переделать все полотно на подъем в 30 градусов, тем оно и удлинилось. Работали и днем, и ночью. К нашему приходу все было готово: так что мы с первого раза благополучно выскочили «наверх», а мост оставался справа. Но такую «операцию» можно было проделать с товарными вагонами, прошел наш поезд, но с бронеплощадками бронепоездов нельзя было рисковать. Они были слишком тяжелы.

Раздел 7

А. Гришин³⁴⁶

ВРАНГЕЛЬ В КРЫМУ³⁴⁷

Впереди, навстречу автомобилям, медленно движется столб пыли. Идет партия пленных с котомками за плечами, с узелками в руках, в рубашках, пропитанных грязью. С удивлением они рассматривают Главнокомандующего Русской Армией. Генерал Врангель приказал остановить автомобиль и, подойдя к пленным, с незабываемой лаской, с особенным ударением спросил:

— За что вы воюете?! За что?!

И стало тихо. Угрюмо молчали запыленные люди. Опустили головы и не знали, что ответить.

— Не робейте, подходите ближе... Скажите мне вы, русские люди, за что вы воюете? — снова повторил вопрос генерал Врангель.

Опять жуткое безответное молчание.

— Вас гонят сражаться коммунисты, а ты коммунист? — обращается Главнокомандующий к молодому парню.

— Нет, — опустив голову, роняет пленный.

— Ты — крестьянин?

— Да...

— Так знайте, что мы идем за веру православную и за то, чтобы каждый крестьянин мог спокойно работать на своей земле, чтобы бедно жил и работал каждый рабочий и чтобы каждый русский человек жил спокойно и счастливо.

Поднялись опущенные головы, блеснул огонек в глазах. Ожила группа пленных.

— Ты, коммунист, какой губернии?

— Я-то? Я — Курской!

— А где обмундирование получал? — задает вопрос генерал Кутепов.

— В Новороссийске.

— Не обижали у нас? — опять спрашивает генерал Врангель.

— Нет...

— Я знаю русский народ, и злобы у меня нет на вас... Идите отдохните, и пойдем вместе с нами освобождать русскую землю и бить коммунистов... Пойдем?!

— Пойдем! — решительно отвечает вся партия.

— Bravo, bravo! — закричал было и захлопал в ладоши один из пленных, а потом, сообразив, что он не на митинге, смутился и еще громче закричал: «Ура!»

— Идите с Богом. Вот они, коммунисты, вот... — странно волнуясь, говорит Главнокомандующий и долго, долго смотрит вслед уходящей партии запыленных людей. А солнце пылало на безоблачном небе, и где-то высоко в нем пел жаворонок.

Вечерами, когда особенно душно бывало в поезде, любил генерал Врангель, выйдя из своего вагона, посидеть наедине в тени маленького садика, окружавшего один из домиков в пригороде Мелитополя. Сидел один и не любил, чтобы ему мешали. Ждали его вызова. Это было в дни разгрома конницы Жлобы. Здесь он сидел и ждал первого вестника — аэроплана. Дождался, прилетел он и сбросил донесение о полном разгроме Жлобы, имевшего в своем распоряжении две конные дивизии в количестве 11 полков, отряд Блинова в составе 6 полков и две кавалерийские бригады 40-й дивизии с громадным количеством артиллерии и пулеметов. Любил это место генерал Врангель, и в тот вечер, когда особенно он был доволен успехом, пишущему эти строки выпала большая честь перелистать, вместе с Главнокомандующим, этапы борьбы, начиная с Царицына, за освобождение родной земли от ига коммунистической тирании. Вспоминали все мелочи и детали, маленькие местечки, деревни, где останавливались, беседовали с крестьянами, рабочими, и, может быть, ободренный последним огромным успехом, Главнокомандующий в заключение беседы обронил:

— Только бы до Москвы дойти, а там... там русский народ сам себе хозяин. Только бы до Москвы дойти...

Но Господь Бог судил иначе. В Константинополе, на берегах Босфора, в последний раз я беседовал с генералом Врангелем. В маленькой каютке на яхте «Лукулл» напомнил ему оброненную фразу. В ответ скорбно улыбнулся Главнокомандующий, встал, прошелся и после паузы ясно ответил:

— Да, сейчас нет у нас клочка родной земли, нет у нас государственной казны, но наши силы внутри нас, и я верю, что Господь

Бог поддержит в нас эти силы, чтобы пережить и одолеть Русское Лихолетье.

И вот не стало генерала Врангеля. Умер Главнокомандующий Русской Армией. «Не осилили его сильные, так подрезала осень черная». Навсегда ушел большой человек, доблестный воин и достойный сын Великой России. Спи спокойно, славный, доблестный воин. Совершенного тобою подвига не забудет Русская Армия и Родина-Россия.

Возвратясь на родную землю, мы расскажем ей о совершенных тобою подвигах. Наши повести и рассказы услышит русский народ, и старик гусляр сложит сказание-былину о богатыре боярине Петре. Не забудем рассказать и старому Московскому Кремлю. Спи спокойно.

*А. Валентинов*³⁴⁸

КРЫМСКАЯ ЭПОПЕЯ³⁴⁹

В основу этой работы положен дневник очевидца. Запись событий начинается с 23 мая (ст. ст.), то есть со дня выхода армии генерала Врангеля из Крыма — с Перекопского перешейка — на простор Северной Таврии, и кончается первыми числами рокового ноября, когда штаб генерала Врангеля очутился в водах у Золотого Рога.

Место записи — полевая Ставка, иначе говоря — поезд генерала Врангеля, где в дни операций помещался обычно весь штаб Главнокомандующего.

Трагический период с 26 октября (ст. ст.) по 9 ноября записан находившимися при Ставке до последней минуты авторами, имена которых в соответственном месте обозначены.

Считаю своим долгом принести мою глубокую благодарность как им, так и тем лицам командного состава, кои любезно предоставили в мое распоряжение необходимые для работы документы и материалы.

Перед началом наступления (апрель—май)

21 марта 1920 года генерал Деникин, при обстоятельствах, доходивших до глубокого трагизма и всем достаточно известных, передал по прямому проводу из Феодосии о передаче им всей власти генералу Врангелю. Пожелав новому Главнокомандующему успеха в деле воссоздания родины, генерал Деникин в тот же день на английском миноносце покинул пределы России.

Ротмистр С., дежурный офицер при Главнокомандующем, стоявший весьма близко к генералу Деникину, любезно сообщил мне следующие подробности происшедшего, подробности, имеющие некоторый исторический интерес.

Около 12 часов ночи 18 марта к генералу Деникину приехал генерал Кутепов, заявивший, что после всего происшедшего в Новороссийске и до него Добровольческий корпус не верит больше генералу Деникину так, как верил до сих пор. Генерал Деникин ответил, что при таких обстоятельствах он слагает с себя власть, и в эту же ночь сделал первые распоряжения о созыве чрезвычайного военного совета. На следующий день 19 марта вестибюль гостиницы «Астория» в Феодосии, где разместился штаб Главнокомандующего, был переполнен представителями генералитета, пытавшимися безуспешно убедить генерала Деникина в необходимости изменить свое решение. Генерал Деникин оставался непреклонным. В этот день он почти ни с кем не разговаривал и был крайне бледен.

20 марта в Севастополе состоялся военный совет. По приказанию генерала Деникина командированный в Севастополь Генштаба полковник А. непрерывно информировал его о ходе совещания по прямому проводу. 21 марта, как только полковник А. сообщил о выдвинутой советом кандидатуре генерала Врангеля, генерал Деникин подписал краткий приказ о назначении последнего Главнокомандующим Вооруженных сил Юга России. В тот же день вечером состоялось прощальное чествование генерала Романовского, во время которого генерал Шапрон-дю-Лоре³⁵⁰ — бывший адъютант генерала Алексеева и бывший генерал для поручений при генерале Деникине — в взволнованной, прерывавшейся слезами речи сообщил, что, несмотря на все убеждения, решение Главнокомандующего осталось прежним и что, таким образом, присутствующие прощаются сейчас не только с генералом Романовским, но и с генералом Деникиным — «последним Главнокомандующим, — сказал Шапрон-дю-Лоре, — из бессмертной династии Корниловых, Марковых, Алексеевых». Генерал Деникин, как и накануне, был крайне молчалив и говорил тихо несколько раз только со своими соседями по столу. Генерал Романовский, наоборот, много шутил и смеялся. В 2 часа ночи все разошлись.

22 марта в 7 часов вечера бывший Верховный правитель и Главнокомандующий, одетый в матерчатый английский плащ, вышел из своего номера. В конце коридора толпилась группа штабных офицеров. Тут же стояли молча дежурный офицер есаул М. и профессор Бернацкий. Не замечая их, не замечая как будто никого, генерал Деникин, сделав наискось по коридору несколько шагов, подошел к быховцу

полковнику А. и крепко обнял его. Вслед за тем генерал Деникин направился сразу к выходу, сел в автомобиль и уехал. Офицеры бросились в опустевший номер; каждый торопился захватить себе на память что-либо из оставшихся на столе письменных принадлежностей.

«Астория» поразительно напоминала в эту минуту дом, из которого только что вынесли покойника. В своем номере, уткнувшись в подушку, навзрыд рыдал полковник К., бывший все время штаб-офицером для поручений при генерале Деникине и пожелавший остаться в России. У входа в коридор стояли по-прежнему часовые-конвойцы с бледными испуганными лицами, по-своему истолковывавшие происходящее. Через четверть часа кто-то распорядился их снять. По телефону передали, что генерал Деникин, простившись с офицерской ротой охраны Ставки (официальное прощание со штабом было еще днем), перешел с берега на английский миноносец и сейчас уезжает за границу. Спустя немного времени английский миноносец, принявший на свой борт генералов Деникина и Романовского, вышел в море. Одновременно вышел и французский миноносец, на котором находилось несколько лиц свиты, пожелавших разделить участь бывшего Главнокомандующего.

Генерал Врангель вступил в исполнение обязанностей правителя и Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. Отклонив ноту великобританского правительства, предлагавшего посредничество в вопросе о заключении мира с большевиками, новый Главнокомандующий в отданных по армии и флоту приказах выразил уверенность, что он сумеет вывести армию из тяжелого положения «не только с честью, но и с победой». Одновременно с этим в целом ряде речей, произнесенных в Севастополе и в других городах Крыма перед представителями печати и всевозможными депутациями, генерал Врангель обещал в вопросах, касавшихся внутреннего устройства Крыма и России, руководствоваться демократическими принципами и широко раскрыть двери общественности.

Была провозглашена беспощадная борьба с канцелярщиной и рутинной. Началась стремительная замена одних лиц и учреждений другими. Фактически, впрочем, дело свелось лишь к калейдоскопической перемене фамилий и вывесок, а зачастую даже только последних. Был упразднен знаменитый Осваг, составивший целую эпоху в период политики Особого совещания, но вместо одного Освага расплодилось чуть ли не дюжина маленьких «осважняты», представлявших в подавляющем большинстве случаев скверную креатуру своего родоначальника.

Началась какая-то лихорадка с подачей на имя Главнокомандующего докладных записок, проектов и (конечно!) смет, доказывавших

необходимость учреждения новых органов осведомления, пропаганды и т. п. Политические авантюристы всех рангов и калибров, экс-министры Особого совещания, голодные, оказавшиеся на мели осважники, случайные репортеры вчерашних столичных газет — все они дни и ночи напролет сочиняли обеими руками рецепты спасения России.

К середине апреля месяца, когда казначейство ВСЮР выдавало одной рукой последние миллионы потрясающих «ликвидационных» осважному персоналу, оно же другой рукой должно было вскармливать новых младенцев того же, увы, происхождения. Умер Осваг, но вместо него в Севастополе и на местах работали: а) пресс-бюро, б) редаготы, в) инфоты, г) осоготы, д) политотделы и т. д., и т. д., а на свет божий из куч проектов выглядывали тройками и пятернями «телеграфные агентства», какие-то секретные отделы под литерами (были и такие), журналы толстые, журналы тощие, газеты ежедневные, еженедельные, по-недельничные, воскресные, народные, казачьи, рабочие, какие хотите. Нечего, разумеется, пояснять, что почти весь осважный персонал перекочевал в «новые» учреждения и органы осведомления. Вся эта публика наперегонки торопилась использовать искреннее расположение нового Главнокомандующего к печати, атакуя все пороги дворца и чуть ли не вагоны штабного поезда на ходу.

Кредиты на пропаганду и «осведомление» грозили достичь гомерических размеров. Ведомство г-на Бернацкого возопило о милосердии и осмотрительности. Целый ряд «новорожденных» оказался лишенным необходимого питания. Началась безобразная борьба за право на собственное существование. Каждый из новорожденных пытался изо всех сил признания его за собою и не стеснялся в выборе средств и способов, как бы половчее подставить ножку своему соседу.

Несомненно, генерал Врангель очень быстро понял, с кем имеет дело, и попытался исправить ошибку. Но людей, которые могли бы помочь ему найти надежный путь к такому исправлению, не было. Персональная чехарда и «ликвидации» не давали, в сущности, никаких результатов. В частности, последние сводились лишь к бесконечным «перебежкам» ликвидируемых под новую вывеску, и были специалисты, которые ухитрились менять свою кожу по несколько раз в течение одной весны, укладывая ликвидационные во все четыре кармана. Независимая пресса в количестве двух с половиной газет и общественные круги по-прежнему держались особняком, и никакие со-блазны, вроде льготного или дарового получения бумаги, не помогали.

Отчаявшись в возможности поставить дело рациональным образом, генерал Врангель разрешил его в конце концов чисто по-кавалерийс-

ки, отдав свой известный приказ о том, что пропаганда вовсе, по-видимому, не нужна и пусть-де население судит о власти по делам ее. Редаготы, инфоты, осоготы и иже с ними исчезли с лица земли. Все было заменено опять одним институтом — «отделом печати при начальнике гражданского управления» — тем же самым бессмертным «освагом» — роковым творцом внутренней политики на территориях «всюра». Не хватало только подходящего руководителя, но и тот вскоре объявился в лице молодого петербургского чиновника г-на Немировича-Данченко, назначенного, как уверяли злые языки, на этот пост исключительно благодаря «очень подходящей фамилии».

Значительно благополучнее обстояло к началу наступления дело с реорганизацией и перевоспитанием (до известной степени) самой армии. Здесь, в течение крайне незначительного промежутка времени, была закончена с огромной энергией и настойчивостью бесконечно трудная работа по приведению армии в боеспособное состояние. Разрозненные, потерявшие после Новороссийска и «сердце», и веру толпы солдат, казаков, а нередко и офицеров были вновь сведены в определенные войсковые соединения, спаянные между собой и общей дисциплиной, и доверием к командному составу. Разгул, хулиганство и бесчинства, наблюдавшиеся в первые дни по прибытии армии в Крым, были пресечены. И были пресечены, несомненно, тем подъемом, который сумел создать своими выступлениями и приказами генерал Врангель, а также теми элементарными мероприятиями по оздоровлению армии, которые стали проводиться решительно в жизнь. Нечего, разумеется, говорить, что под этими мероприятиями меньше всего следует подразумевать фонарную деятельность некоторых генералов, отправлявших на фонари и трамвайные столбы офицеров и солдат старейших добровольческих полков чуть не за каждое разбитое в ресторане стекло, где эти часто вовсе не присяжные дебоширы, а просто несчастные, отчаявшиеся в эти дни люди искали в вине забвения и дурмана. Деятельность генерала Кутепова в этом направлении достигла в апреле месяце таких размеров, что вызвала решительный протест представителей Симферопольского земства и города Симферополя, заявивших, что население лишено возможности посылать своих детей в школы по разукрашенным генералом Кутеповым улицам. Но как бы там ни было, справедливость требует отметить, что стихийная разнузданность, царившая в тылу в начале весны, к концу ее была сведена почти на нет.

Даже Донской корпус, считавшийся у старого добровольческого командования наименее надежным, оказался к началу мая в полной боевой готовности. Процесс генералов Сидорина и Кельчевского, воп-

реки всем опасениям, не повлиял на настроение донцов, что должно быть по справедливости приписано и поведению самих генералов Сидорина и Кельчевского, мужественно принявших на себя чужую вину и безропотно покинувших пределы России, не использовав в целях какой-либо агитации жестокий и суровый приговор военного суда.

В ночь на 24 мая обновленная, реорганизованная армия перешла в решительное наступление, веря, что идет не на безумное, заранее проигранное дело, а ради спасения родины, во имя самой, быть может, мировой цивилизации, поддержка которой ей во всяком случае обеспечена не в одних только платонических комплиментах визитеров из Парижа. С этой уверенностью тысячи молодых, цветущих жизнью ринулись неудержимо вперед через валы древнего Перекопа и Сивашские озера.

Дальше предоставляю место своим дневникам.

Первая поездка (23 мая—20 июня). Выход из Крыма

23 мая 1920 года. Сумбурный, хлопотливый день. Сегодня Главнокомандующий отдал приказ штабу отправляться из Севастополя на фронт. В его поезд переселяются 1-й генерал-квартирмейстер Генштаба полковник Коновалов, оперативное отделение, часть службы связи и те из офицеров других отделений штаба, которые должны ех *officio* состоять при полевой Ставке. Едет и наштаглав генерал Шатилов. Сопровождают поезд 24 выбранных ординарца и два взвода конвойцев. Настроение у всех приподнятое, у некоторых нервно-напряженное. Все знают, что завтра-послезавтра неизбежны операции, которые должны решить судьбу не только Крыма, но, быть может, — как знать, — и всей России.

В 5 часов вечера прибыли на вокзал и долго пробирались на запасные пути, где стоял наш поезд. Вагоны — чистые с электрическим освещением, некоторые переделаны специально под отделения штаба, в окна вагона связи видны аппараты Юза, Морзе и т. д., на стенках изоляторы. Мягких классных вагонов только три или четыре, в том числе вагон Главкома (Главнокомандующего), остальные из пультмановских вагонов 3-го класса. Тесновато, но славный Р. П. — ревизор поезда еще со времен генерала Деникина — едва увидал нас, поспешил уверить, что это «только до Мелитополя». Там раздобудем-ся опять хорошими. Уверенность, с какой он говорил о Мелитополе, показалась всем хорошим признаком

В 8 вечера подали на 1-й путь. В 11 вечера прибыл Главком. Подоровавшись с некоторыми из провожавших, генерал Врангель сразу быстро прошел в свой вагон, у которого стоят конвойцы-кубанцы с шашками наголо. Через час тронулись. Идем медленно, хотя тянут два паровоза. Путь усиленно охраняется.

24 мая, 7 часов утра. Прибыли в Джанкой. Приказано остановиться и начать развертываться. К 10 часам утра полевая Ставка развернулась по обе стороны боковой платформы, образовав род коридора из двух рядов вагонов, входивших в состав поезда Главкома. Справа встали вагоны Главнокомандующего генерала Шатилова, конвоя, коменданта, 1-й ресторан, электростанция и др. Слева — оперативный телеграф, оперативное отделение, служба связи, чины штаба, ординарцы, 2-й ресторан, радио, Донской атаман и др. Посредине, в центре платформы, заняли место две антенны радио. Все связано между собой паутиной проводов.

К 11 началась всюду работа. Заняли посты и дежурства ординарцы. Забегали с приказами и донесениями посыльные, «белая повязка» и пр. До 7 часов вечера — ничего особенного. Настроение у всех какое-то напряженное. Все ждут чего-то чрезвычайно важного. Часто спрашиваем друг у друга, не началось ли уже наступление и что вообще происходит на фронте. Никто ничего точно не знает.

8 часов 30 минут вечера. С быстротой молнии переносится из вагона в вагон весть об удачной высадке нашего десанта под командованием генерала Слащева к северо-востоку от Крымских перешейков. На лицах у всех сразу просветление. Кругом оживленные разговоры, пожатия рук, радостные восклицания. Говорят, что выполнена самая трудная часть задачи, от успеха которой зависит все остальное. Слава Богу!

В оперативном отделении над картой — генерал-квартирмейстер, генерал Георгиевич³⁵¹, полковник Шкеленко, весь почти Генштаб. Оживленная беседа, улыбки, смех. Вечер проходит в самом лучшем настроении. Ночью спокойно.

25 мая, 6 часов утра. Просыпаемся от пулеметной стрельбы. Оказывается, наши летчики пробуют пулеметы.

7 часов утра. Генерал-квартирмейстер отдал приказ всем аэропланам подняться, взять направление на Перекоп и следить за отступающим противником. Красные отступают! Отступают, едва началось наше наступление... Крымские ворота распахнулись! Этой ошеломляюще радостной вестью начинается сегодняшний день. Спустя пять минут машины, одна за другой, начинают плавно отделяться от земли и несутся на север.. На плененный, измученный север...

10 часов утра. Операции развиваются, видимо, очень успешно. Сейчас слышал беседу Главкома с генквармом (генерал-квартирмейстер). Главком говорил, что захватили 14 орудий, и давал указания относительно хода действий в следующую ночь. Коновалов выдвигал свои соображения, твердо их отстаивая. Перед этим Главком приказал на платформе генералу Шатилову передать по радио Слащеву о ходе боя на север от перешейков и добавил:

— Скажите ему, чтобы резал по тылам вовсю...

12 часов. Все идет пока благополучно. Только что Главкомандующий, высунувшись в окно вагона, крикнул в оперативное отделение:

— Ну как — все благополучно?..

— Так точно, ваше высокопревосходительство, — отвечал поручик Н.

Главком минуту помолчал, а потом вдруг произнес:

— А не дернуть ли мне сейчас туда на аэроплане?..

Подошедший генерал Г. отсоветовал.

К 12 часам дня по карте оперативного отделения положение было таково: наша Перекопская группа подходит к Чаплинке (конница), а на берегу моря идет ликвидация противника в районе Адамани. Десант генерала Слащева подходит к Акимовке, стремясь прижать с тыла к перешейкам красные части, охранявшие Крымские ворота. Латыши отстреливаются в упор не только из винтовок, но даже из орудий. 2 часа дня. Сейчас доставили первого перебежчика прямо с поля сражения. Рассказывает много любопытного о жизни советского юга. Допрос идет прямо на платформе у входа в оперативное отделение. Вокруг тщедушного, жалко одетого в отрепья парня — большая группа офицеров Генерального штаба, ординарцев, чиновников телеграфа. Допрос ведет поручик Н.

5 часов вечера. Главкомандующий отправляется на фронт. Поезду приказано следовать в Ново-Алексеевку, двенадцать часов тому назад бывшую еще в руках у красных. В Ново-Алексеевке — первый случай награждения новым орденом Святого Николая Чудотворца. Первый кавалер — поручик Любич-Ярмолевич, танкист, прорвавший 4 ряда проволочных заграждений и захвативший вдобавок одно орудие. Героя поздравляли. В вагоне у Главкома пили в его честь шампанское. Сам он сильно конфузился, стесняясь, видимо, все время своего рабочего перепачканного костюма.

10 часов вечера — вернулись в Джанкой. 11 часов ночи — вступил в дежурство по службе связи. 1 час ночи. К аппарату вызвали генкварма. Что-то скверное. Коновалов быстро пришел. Дежурный телеграфист читает ему по ленте вслух. Деша от Кутепова о тяжелых потерях Дроздовской дивизии: выбыло из строя больше половины ко-

мандного состава. Начальник дивизии генерал Туркул тяжело контужен. Потери вообще очень серьезные. Ввиду этого комкор (командир корпуса — генерал Утепов) решил отступить обратно к Перекопу, рассчитывая, впрочем, утром ликвидировать красных.

Генкварм выслушал всю передачу молча и только минутами, по словам А., менялся в лице и кусал губы. Неужели же все погибнет?.. Какая страшная минута, а вся почти Ставка уже мирно спит. Проходя обратно к себе в вагон, генкварм сказал начальнику связи Генштаба полковнику П. не то в раздумье, не то как бы сетуя на кого-то, не послушавшего его:

— А в общем, ночи безумные, ночи бессонные...

Странная фраза. Мы долго думали, что она может обозначать.

26 мая. Ездил в срочную командировку с приказами в штаб сводного корпуса, стоящий в Джимбулуке. По дороге без конца встречались эшелоны донцов, настроенных весьма как будто воинственно. Вопреки всем страхам и опасениям, дело Сидорина не повлияло на выступление донцов на фронт. На фронте упорные бои. Несмотря на это, в освобожденные места уже хлынули целые эшелоны спекулянтов. Разница в ценах огромная: цены ниже крымских в 20, 30, 50 раз. Никаких мер против спекулянтов пока не принимается.

27 мая. Вернулся в 9 часов утра в Джанкой. В 10 часов Главком лично допрашивал перебежчика — офицера Дроздовского полка, когда-то оставленного нами при одном из отступлений в лазарете. Бедняга страшно волновался, прикладывал поминутно руку к фуражке без кокарды, бледнел, путался. Днем генерал-квартирмейстер полетел лично на аэроплане к генералу Слащеву, находящемуся в 30 верстах от Мелитополя. Вечером вернулся. Слащев понес в боях сегодня большие потери, но, говорят, бодр. Передают, будто генкварм сказал, что Слащев будет в Мелитополе ночью.

28 мая. В 10 часов утра опубликовано официальное сообщение о взятии Мелитополя. В полдень узнал о серьезной нашей неудаче в районе Ново-Алексеевки. Отряд красных атаковал внезапно это селение, занятое Чеченской бригадой генерала Ревшина. Штаб бригады частью изрублен, частью увезен на автомобилях во главе с самим Ревшиным. Двое его сыновей-мальчуганов хотели сесть с отцом в автомобиль, но красные их выбросили, спаслось лишь 7 человек. Положение восстановлено только сейчас. Дроздовцы и марковцы продолжают нести очень серьезные потери. По сведениям из штаба корпуса Кутепова, корпус за три дня наступления потерял до 23 процентов своего состава. Кроме того, мы потеряли 4 бронеавтомобиля, компенсировав, впро-

чем, эту потерю хорошим исправным бронепоездом, захваченным Слащевым. До вечера — упорные бои.

29 мая. В районе корпуса генерала Писарева противник, видимо, еще не ликвидирован. По крайней мере, Алексеевка (где был позавчера Главком) опять обстреливалась каким-то кавалерийским отрядом. Отсутствие кавалерии у нас дает громадные преимущества красным. Пожалуй, это главный их плюс. В общем, фронт имеет сегодня вид полумесяца, вогнутого в нашу сторону. С флангов мы охватываем красных, в центре они все еще господа положения чуть ли не у самых перешейков. Соединения с десантным корпусом Слащева все еще нет. Мелитополь взят, захвачены, говорят, трофеи, но железная дорога туда все еще под угрозой. В 9 часов утра генерал-квартирмейстер опять полетел к Слащеву. Все отдают должное его смелости и энергии.

30 мая. На фронте упорные бои продолжаются. В центре положение наше улучшилось. Авангарды выдвинулись за Рождественскую. Днем слышал разговор Главнокомандующего с генералом Георгиевичем. Последний обронил между прочим фразу о том, что помещики не совсем довольны новым земельным законом. Главнокомандующий громко произнес:

— Я сам помещик, и у меня первого придется делить землю...

Кстати, о земельном законе. Распространяется он с черепашьей медлительностью. На район каждого корпуса посылаются, кажется, по 500 экземпляров — все платные по 100 рублей за экземпляр. Масса их оседает в канцеляриях и штабах, где каждый писарь считает своим долгом взять «на память». На моих глазах, пока ординарцы рассортировали приказ, несколько полковников из Генштаба потребовали его для себя. Бесплатных экземпляров отдел печати до сих пор не удосужился напечатать. Безграничной важности реформа проводится с безграничной канцелярской глупостью. В 4 часа дня Главком уехал в своем составе в Севастополь. Ставка осталась. За Главкома — Шатилов.

Договорились до того, что и теперь в Ставке «что-то неладно». История с Ревшинской бригадой очень подозрительная, хотя могло выдать и само население. Чеченцы с места в карьер принялись за старое — за грабежи. Около 12 ночи приехал офицер — сын генерала Ревшина. Он просил, через ротмистра С., ординарцев узнать, не давал ли Главнокомандующий радио в Москву... Ленину, предлагая в обмен за Ревшина кого-то из комиссаров. Нелепое предположение. Связь с радио держал как раз в тот день ординарец К. Спросили его. К. ничего не слышал: все радио, шедшие через его руки, были шифрованные.

31 мая. За день много перебежчиков. Рассказывают много интересного, хотя все в общем старо: голод, террор, коробка спичек —

500 рублей. Сын Ревизиша был принят сегодня генквармом. Все надеялся на радио. Конечно, вздор. 2 часа дня. Радио о занятии красными Киева. Скверное дело. Если у поляков так пойдет дальше, то... стоило ли нам выходить из Крыма?.. Полное «аннулирование» наших успехов; повторение прошлогодней истории, когда думали соединяться с Колчаком.

Вечером беседовал с нашим офицером-перебежчиком, лично известным генералу-квартирмейстеру. Откровенно говорит, что в конечном итоге мы едва ли можем рассчитывать на победу. Слишком разогрет классовый антагонизм (у нас, конечно, пропаганды ни на полушку!), слишком велико численное превосходство. Настроение вечером скверное. Все время в голове Киев. Красные обстреливают Мелитополь. Безрезультатно. Узнал еще, что мы должны были начать наступление и выползти из Крыма. И должны были сделать это именно не позже воскресенья, так как на вторник было назначено наступление красных. Захвачены приказы, заготовлены баллоны с удушливыми газами и т. д. Вечером доставили шпиона: нацепил, дурак, Георгия при аннинской ленте.

1 июня. За весь день ничего особенного. К вечеру получены сообщения, что корпус генерала Слащева был вчера и сегодня в очень критическом положении. Большевики окружали его подковообразно с трех сторон. С трудом удалось разбить их. Нашей разведкой обнаружено подтягивание резервов 8-й советской армии. После обеда Главком уехал в Севастополь. Ставка осталась в Джанкое.

2 июня. Утром слушал показания наших офицеров-перебежчиков и агентов разведки, бывших у красных. Впечатление самое безотрадное. Говорят, никаких восстаний на юге сейчас нет (а наши газеты-то, а «Великая Россия» пекут их, что твои блины!). Об особенных насилиях над простым населением тоже ничего не слышно. На Кубани и в Новороссийске сдалось в общей сложности 1000 офицеров. Почти все якобы живы. Советская власть будто бы прилагает все усилия, чтобы привлечь их на свою сторону. Многие уже служат в красных армиях. Ведущих, впрочем, агитацию против большевиков беспощадно расстреливают. Днем слышал опять жалобы на грабежи и бесчинства казаков. Тащат везде лошадей. Командиры частей ничего не могут поделать, хотя были даже случаи, что стреляли из револьверов. Главком, между прочим, приказал немедленно устранять от должности командиров частей, где обнаружены бесчинства.

11 часов вечера. Ошеломляющая новость. Генерал-квартирмейстер приказал через начальника связи капитану Г-ву начать секретное расследование по поводу передачи какой-то нашей радиостанцией важнейшего

оперативного приказа (боевой директивы штаглава) от 28 мая в незашифрованном виде. В приказе обозначена вся дислокация Донского корпуса, взятой в плен красными бригады генерала Ревизиона и других частей. Указан час начала операций и т. д. Радио перехвачено нашей канонеркой в Азовском море. Командир канонерки в сильнейшем изумлении доложил об этом телеграфно командующему флотом. В результате вчера дошло до Ставки. Если это не фальсификация нашего приказа, переданная советским радио нарочно для того, чтобы спутать карты, то... не подлежит ни малейшему сомнению, что на одном из наших радио (скорее всего — корпусном или дивизионном) сидит агент совнаркома. Происшедшее держится в строжайшем секрете.

3 июня. Ничего особенного. Бои продолжаются. В 10 часов вечера вернулся Главком.

4 июня. Главкомандующий впервые ездил в освобожденный Мелитополь. Прибыл под вечер и со станции проехал на автомобиле в церковь. На улицах было немало народа. Многие кричали «Ура!», хотя большинство населения все еще не верит своему избавлению и, опасаясь возвращения красных, боится даже открыто высказываться. Слышавшие речь Главкома, которую он произнес с паперти к народу, утверждают, что он очень резко говорил об еврейском засилии и обещал вырвать народ из рук евреев. Не знаю, верить ли этому или нет, так как официально текста речи в поезде нет, а слова Врангеля весьма часто каждый трактует по-своему.

Во время поездки произошел любопытный казус. На станции, кажется, Таганаш к хорунжему П. (адъютанту Главкомандующего) явился секретарь епископа Вениамина с просьбой от имени владыки разрешить прицепить вагон архиерея, находящийся на станции, к составу Главкома. П. пошел в вагон спрашивать разрешения, однако через минуту появился снова на платформе и, не давая никакого ответа секретарю, крикнул торопливо коменданту поезда:

— Прикажите скорее отправлять... У нас нет времени простаивать.

Тотчас же поезд тронулся. Растерявшийся секретарь остался посреди платформы. Случай обратил на себя общее внимание. Акции крайних правых, видимо, падают...

5 июня. Утром вернулся из Мелитополя Главком. В 11 произошел оригинальный инцидент, имеющий некоторую связь с описанным выше. Главкомандующий, прогуливаясь, увидел на платформе Ставки храброго полковника одного из кавалерийских полков. Поздоровался. Спросил, где он служит.

— Состою в распоряжении генерала Слащева, ваше высокопревосходительство, — отвечал тот.

Главком нахмурился, обернулся к вагону генерал-квартирмейстера и, заметив в окне фигуру генерала Шатилова, крикнул громко:

— Павлуша! Есть такая должность — состоять в распоряжении Слащева?..

— Конечно нет... — отозвался Шатилов, не посмотрев даже, кажется, хорошенько, о ком идет речь. И добавил: — На фронт надо!..

— Кроме того, ваше высокопревосходительство... — начал оторопевший, перепуганный полковник, — кроме того, я... я еще состою также в распоряжении епископа Вениамина...

— Что-о?! — весь вспыхнул сразу генерал Врангель. — Епископа Вениамина? Да я вам кадило тогда прикажу в руки дать! Будете ходить и кадить... От фронта уклоняетесь? Да как вы смеете!..

Дальнейшие выражения записать не берусь, так как платформа мгновенно опустела. Попрытались в вагоны все — до ординарцев включительно. Только со стороны вокзала собралась на почтительном расстоянии толпа публики, до которой прекрасно долетали громовые раскаты голоса Главкома. Говорят, были слова весьма и весьма сильные. Результат. В 12 часов дня полковник отправлен под караулом в Севастополь под арест.

6 июня. Выход из Крыма закончился. Опубликовано пространное официальное сообщение о результатах 12-дневной операции и приказ Главкома. В приказе упоминается, что «армия выведена из почти безнадежного положения». Взято 47 орудий, 250 пулеметов, 1000 пленных. Наштаглав (генерал Шатилов) произведен в генерал-лейтенанты, генкварм — в генерал-майоры. Производство полковника Коновалова встречено всеми очень горячо и сочувственно. Все рады. Его участие в успехе все придают исключительное значение. Вечером Генштаб чествовал его... яичницей и рюмкой водки.

7 июня. Первые определенные известия о переходе полевой Ставки в Мелитополь. Получены некоторые сведения о понесенных нами потерях. Потери весьма серьезные: в Дроздовской дивизии в батальонах осталось по 30—40 человек. Ощущается недостаток в питании патронами и снарядами. Английская обувь страшно трескается от утренней росы. Ноги у пехоты переранены.

В газетах (осважных, конечно) изображают дело таким образом, будто бы при выходе из Крыма потери понесли одни красные. Разумеется, ложь. Вопрос о спешных пополнениях — сейчас вопрос для нас жизни и смерти. У Чонгарского моста одним из разрывов тяжелого снаряда была уничтожена почти целиком целая рота марковцев, находившаяся в резерве. Снаряд угодил в сарай, где они расположились. На месте сарая образовалась громадная воронка, вокруг которой

копошились раненые и умирающие. Крови было столько, что собака, опустившаяся в воронку, выползла обратно вся алого цвета и долго встряхивалась, как после купания. Я описал этот случай в одном из «Писем из Ставки», что посылал в «Военный Голос». Цензура не пропустила. В 12 часов ночи вернулся с позиций 1-го корпуса Главкомандующий.

8 июня. Утром Главком принимал главного военно-морского прокурора Ронжина и громко возмущался грабежами казаков. Главком требовал беспощадной расправы над всеми начальниками частей, не сумевшими справиться с грабителями. О полковниках Н. и, кажется, о Г. было сказано:

— Повесьте их там...

Через час был прием Донского атамана. К этому времени на перроне появилась как раз группа крестьян с жалобами на донцов. Все на почве самовольных «реквизиций» коней. Разыгрывается целая трагедия. Обезлошаденные после Новороссийска донцы считают своей первейшей задачей в новом походе добыть себе коня. Главком через хорунжего П. предложил крестьянам обратиться непосредственно к атаману. Адъютант атамана есаул Ж. долго и угрюмо читал их прошения.

Вечером была М-ме К. — жена штабс-капитана, осужденного за грабеж. Смертная казнь была заменена ему пожизненной каторгой. На прощении о большем смягчении его участи Главкомандующий положил резолюцию: «Грабителям пощады нет». Дежурный ординарец стеснялся передать ей резолюцию, и долго говорить с ней пришлось есаулу Л. Любопытна резолюция, положенная на другом прощении офицера, разжалованного за взяточничество в рядовые, служившего затем в Польской армии и теперь просящего о восстановлении в чинах. Резолюция гласит: «Взяточников русской армии не надо».

9 июня. С 12 часов дня приступлено к свертыванию Ставки. В 3.20 отходит штабной поезд. Личный состав Главкома идет вслед. В Мелитополь прибыли: 1-й состав — в 9.30 вечера, Главком — в 12.30 ночи. Быстро развернулись, несмотря на дождь, и тотчас приступили к работе.

Мелитопольский период

10 июня. В 9 часов утра Главкомандующий уехал на фронт к Слащеву. Приехавшие со штабом разбрелись по городу, отстоящему от станции на три версты. Пробуем определить отношение населе-

ния, крестьян: конечно, оно далеко от осважно-восторженного. Очень далеко. Если не обманывает первое впечатление — отношение просто безразличное, как к очередной новой власти. А сколько этих властей уже перевидало здесь население?! Да и любить нас пока как будто не за что: о земельном законе три четверти населения не имеет еще и представления, а вот цены на продукты с нашим приходом вскочили во много раз. К тому же с места в карьер объявили мобилизацию. Интересно знать, какие она даст результаты. Несомненно, это крайний шаг, на который заставила нас решиться острая необходимость: армия, в особенности 1-й (Добровольческий) корпус, тает с жуткой быстротой и, разумеется, только по «Великой России» etc. мы совершаем не отчаянно, быть может, рискованный поход, а какой-то триумфальный *Spaziergang*. Эти господа или ничего не смыслят, или негодяи. Среднего ничего быть не может.

Сегодня вышел здесь 1-й номер нашей полувоенной газеты «Голос фронта». Цена пятьдесят рублей. Неделю тому назад советские «Известия» в 4 большие страницы продавались здесь по полтора-два рубля за номер. Отпечатан на лоскутке бумаги и бессодержателен, как и вся наша казенная пропаганда. Население от такой цены шарахается в сторону. Ночью вернулся от Слащева и из расположения 12-й дивизии Главком. Через два часа его состав отошел в Севастополь. Ставка осталась в Мелитополе.

11 июня. На фронте тяжелые бои. Мы продолжаем нести серьезные потери. Откуда мы будем их пополнять — Аллах ведает.

12 июня. То же.

13 июня. Официально опубликовано о взятии нами 11-го Бердянска, который занят десантным отрядом под командой капитана 1-го ранга Машукова. 12-го отряд соединился с корпусом Слащева.

В районе 13-й дивизии у Большого Токмака с 9-го идут сильные бои с переменным успехом. Токмак переходит из рук в руки. 10-го красными восточнее Токмака взяты в плен наши две роты Белостокского полка. По сведениям разведки, противник по всему фронту подтягивает резервы (по газетам, они у красных давно уже «истощены до конца»). Приезжал Кутепов, был у наштаглава и уехал обратно.

Сегодня в поезде читали советскую газету с воззванием к нашим офицерам. Воззвание призывает офицеров объединиться вокруг «старых боевых товарищей» и спасти «матушку-Русь». Среди подписей старых «боевых» имена Брусилова, Поливанова, Зайончковского, Парского, Келембовского, Валуева, Гутора, Акимова. Вечером — сообщение об оставлении нами под давлением противника Бердянска. Пробывали в нем всего два дня. Какая-то непонятная кадрийль.

14 июня. Вернулся Главком.

15 июня. В 6 часов утра полевая Ставка была разбужена грохотом взрывов. Аэроплан противника, пролетая над поездами Главного командования, сбросил три бомбы. Одна разорвалась в саду возле домика, где стояли автомобили штабного гаража — десятках в двух саженей от вагона генерала Врангеля. Боевой тревоги сделать не успели. Бронепоезд («Солдат»), охранявший Ставку, проспал.

На всем фронте начался наш отход. В районе восточнее и северо-восточнее Мелитополя обнаружено стягивание сюда крупных сил конницы Жлобы, переброшенной из района Минеральных Вод. Большой Токмак уже в руках Жлобы. На Днепре противник переправился на наш берег в районе Горностаева, а после того, как был выбит оттуда, занял силами до одной дивизии Каховку, угрожая закреплением здесь тет-де-пона. Таким образом, положение на всем фронте создается чрезвычайно серьезное.

Чтобы не утомлять читателя излишними подробностями развившихся в этот период времени многочисленных и ожесточенных боев, в анализе которых ни в какой степени не могу считать себя компетентным, — опускаю временно свою каждодневную запись и буду возвращаться к ней лишь постольку, поскольку она связывается тесно, в том или ином случае, непосредственно с жизнью полевой Ставки Главного командования.

Итак, в середине июня месяца армия генерала Врангеля впервые встретила со значительной опасностью, грозившей свести на нет все начатое дело. Наибольшую опасность представляла, конечно, конная группа Жлобы, причисленная по справедливости к лучшим войскам красной кавалерии. Я не имею сейчас под рукой точных данных относительно ее численности, но надо полагать, что численно она действительно превосходила нашу конницу во много раз. В промежуток времени между 15 и 2 июня обе стороны производили энергичные перегруппировки и подтягивание резервов, готовясь к решительному сражению.

На рассвете 20 июня начался бой. Будущий военный историк, вероятно, с любопытством остановится на этой странице Гражданской войны. Я не считаю себя вправе — повторяю еще раз — производить разбор этой операции с чисто военной стратегической точки зрения, точно так же не берусь судить, действительно ли одержанная над Жлобой победа была «случаем небывалым в истории тактики» (как гласили наши официальные сообщения), или... или правы большевики, утверждавшие позже, что на Жлобу была возложена лишь якобы задача произвести на нашем правом фланге демонстрацию крупными силами, для того чтобы

закрепить тем временем за собой обладание оказавшимся действительно для нас смертельным Каховским тет-де-поном.

Не как военному, но как сотруднику печати, имевшему возможность хорошо ознакомиться со всеми материалами, относившимися к обеим операциям, представляется мне, что истина, как это часто в таких случаях бывает, лежит посредине. С одной стороны, бесспорно, что армия генерала Врангеля, сумевшая силами чуть не одной только пехоты окружить мощную кавалерийскую группу, грозившую отрезать стремительным броском и Ставку, и армию от Крымских перешейков, одержала блестящую победу. Число пленных (11 500), количество орудий (60) и других трофеев — реальное тому доказательство. С другой — совершенно ясно, что именно вынужденная для нас переброска чуть ли не всех лучших сил для спасения от Жлобы на правый фланг позволила красному командованию совершенно почти свободно переправиться на наш берег через Днепр и закрепить за собой роковой Каховский тет-де-пон, то есть произвести операцию, имевшую в конечном октябрьском итоге смертельный исход для Крыма и армии. Допустили переправу и дали закрепиться части, подчиненные генералу Слащеву. Несколько позже именно это обстоятельство послужило поводом к почетному увольнению генерала Слащева от службы.

Советская печать чуть ли не до сих пор продолжает утверждать, что план, заключавшийся в комбинированной операции «Жлоба—Каховка», не был вовремя разгадан и понят командованием генерала Врангеля, которое было опьянено победой над Жлобой и увлечено перспективами задуманной уже высадки десанта на Кубани. Так это или нет, утверждать опять-таки не берусь. Гораздо, может быть, проще и логичнее будет искать причины происшедшего прежде и раньше всего в том, что ко времени перехода противника к решительным действиям лучшие, самые надежные части армии генерала Врангеля были уже настолько обескровлены тяжелыми потерями, что напоминали минутами какой-то трагический тришкин кафтан, которым, как его ни перевертывали, нельзя было прикрыть весьма и весьма существенных мест постоянно то здесь, то там с риском обнажавшегося фронта. Конкретно такое предположение находит себе подтверждение в указанном выше донесении генерала Кутепова о потерях, понесенных в самые первые дни наступления, и еще больше в оперативных журналах Корниловской, Марковской и Дроздовской дивизий. Из них последняя, например, с 23 мая до дней, о которых идет речь, была отведена в резерв только на полтора дня. Все остальное время находилась в непрерывных боях или маршах, меняя постоянно на ходу свой таивший командный состав и пополняясь, как и все почти, впрочем,

части армии, чуть не на 80 процентов пленными, так как своих резервов или не хватало, или не было. Рано или поздно такое латание этого живого кафтана должно было привести к катастрофе, если не вывезет какое-нибудь счастливое, отчаянно смелое «авось», каким были по очереди операции Кубанская, Заднепровская и последняя на территории Северной Таврии. О них подробно дальше.

Возвращаясь к жизни в этот момент полевой ставки, должен сказать следующее: ниже читатель встретит подчас суровую и, может быть, даже иногда слишком смелую оценку поступкам и деятельности тех или иных лиц командного состава. Тем больше обязывает чувство справедливости отметить то громадное напряжение энергии, с которой работали генерал Врангель и его штаб в дни Жлобовской операции.

В записи от 20 июня (день решительного сражения) у меня отмечено: «...Всю ночь кипит работа. Коновалов даже не раздевался и, кажется, вовсе не спал. Утренняя канонада, начавшаяся с рассветом, застала его на ногах. Было заметно, что генкварм сильно волнуется за исход операции, хотя при посторонних он и старался ничем не выдавать этого волнения. Да и мудро было не волноваться. К 7 часам утра Жлоба подошел на 15 верст к Мелитополью. К 9 часам орудийная стрельба отлично слышна не только в городе, но и на станции. Кое-кто уже начинает справляться, готовы ли «на всякий случай» паровозы для поездов ставки. Разговоров мало: все в штабе отлично понимают, что игра идет ва-банк, и чутко прислушиваются к раскатам орудий, стараясь определить, приближается или удаляется стрельба.

К поезду Главного командующего то и дело приходят из города в одиночку и группами жители. Справляются, не собираемся ли уходить. Спокойствие ставки действует и на них успокаивающим образом. Главного командующий постоянно запрашивает о результатах боя. Несколько раз лично проходит в вагон оперативного телеграфа. Точных сведений пока нет. В исходе пятого часа вечера над поездом появляется аэроплан. Через минуту летит, как обычно, сигнальная ракета. Донесение! Вслед за ней от аппарата отделяется едва видимая точка с развевающейся для обозначения линии полета и точки падения цветной лентой. Донесение несомненно оттуда — с поля сражения. Все бегут по шпалам к самым дальним запасным путям, где упал пакет. Впереди какие-то железнодорожные рабочие, за ними ординарцы, конвойцы, офицеры штаба. Впереди быстрыми шагами, позабыв все правила этикета, несется характерная фигура самого генерала Врангеля. На лице волнение и озабоченность. Добежавший первым ординарец передает пакет Главному командующему. Генерал

Врангель тут же вскрывает и читает вслух. В донесении авиоглав генерал Ткачев сообщает о полном разгроме противника.

Все главные виновники победы получили награды и повышения. Генерал Ткачев, собственноручно забрасывавший противника бомбами и вызвавшими страшную панику ракетами, награжден орденом Николая Чудотворца. Главком заметил его в вагоне Коновалова, послал адъютанта за орденом, затем вошел в вагон и вдруг, подойдя вплотную к авиоглаву, приколот лично орден. О работе летчиков говорят очень много, об истории, касающейся уничтожения по ошибке отряда своих (донцов), много меньше. Не разглядели сверху. Говорят, что, к счастью, убито мало.

22 июня. Начиная с полудня, стали прибывать значительные партии пленных. Почти все раздеты, вернее, оставлены какие-то лохмотья. С наступлением холодов, если не прибудет из-за границы обмундирование, это будет сплошной тиф. Настроение огромного большинства из них весьма далеко от того, что пишется в газетах. Народ просто устал от войны, и ему глубоко безразлично, кто его заставляет драться. Многие не боятся говорить совершенно откровенно: «Мобилизуете вы — будем драться у вас против большевиков, попадем в плен обратно к ним, мобилизуют они — будем у них». Что-то животное, тупое, страшное, но большинство рассуждает именно так. Искательства правды не видно абсолютно почти ни у кого. И в самом деле, в наших рядах эти господа дерутся не хуже, чем у большевиков, и обратно. Пропанды с нашей стороны среди них, разумеется, никакой: газеты уже, кажется, по 500 рублей за номер. Агитация, доступная только для спекулянтов. Раздевание, по-видимому, создает у них сразу определенное на наш счет представление. И когда этому, наконец, положат предел?..

22 июня. Продолжается доставка пленных. Разведывательное отделение ставки перегружено работой сверх всякой меры. Вечером генерал-квартирмейстер лично у себя в вагоне допрашивал взятого в плен помощника начальника штаба дивизии группы Жлобы — своего бывшего однополчанина, кадрового офицера. Давал показания, сидя у письменного стола генкварма, и, пожимая плечами, совершенно откровенно заявлял генералу Коновалову, что считает себя профессионалом своего дела и что ему абсолютно безразлично, где служить. Дошел до того, что пояснил свои рассуждения следующим комплиментом: «Будь вы на моем месте — и вы бы поступили точно так же, и служили бы у них...»

Последняя неделя июня месяца не была отмечена никакими крупными событиями в жизни полевой ставки за исключением разве визитов «повстанческих батек».

Опять в Джанкое (с 8 по 20 июля)

В ночь на 5 июля Главкомандующий внезапно выехал из Мелитополя в Севастополь, откуда только в полдень он вернулся. Отъезд был совершенно неожиданным. В 9 часов вечера началось 1-е торжественное заседание Кавалерской думы ордена Святого Николая Чудотворца при участии генералов Драгомирова, Павлова, первого кавалера ордена поручика Любич-Ярмоловича и других.

По окончании заседания в вагон Главкомандующего быстро прошел генерал-квартирмейстер. Спустя минут десять в вагоне последнего состоялось секретное совещание со всеми начальниками отделений, а несколько позже, после их ухода, беседа с Главкомом и с генералом Шатиловым, которые прошли в вагон генерала Коновалова. Вслед за тем личный состав Главкомандующего, к которому был прицеплен вагон генерал-квартирмейстера, отошел в Севастополь. Причину экстренного выезда объяснили в свое время, если не ошибаюсь, некоторыми осложнениями в связи с подготовкой предстоявшего Кубанского десанта.

7 июля вся остальная полевая Ставка, во главе с генералом Шатиловым, отошла обратно на юг — в Джанкой.

8 июля. В 10 часов вечера возвратились из Севастополя Главкомандующий и генерал-квартирмейстер. Говорят, первым вопросом генкварма полковнику Шкеленко было:

— Почему вы уехали из Мелитополя?..

Полковник Шкеленко ответил:

— По приказанию наштаглава...

Вернувшиеся из Севастополя привезли три новости: первая — разбиты поляки, вторая — генерал Махров с полковниками Г. и Щ. уехали в Варшаву (до Константинополя на американском миноносце), третья — прибыла какая-то таинственная миссия якобы из Берлина. О приезде последней передают такие подробности: за несколько часов до отъезда Главкомандующего — часа в два дня — комендант «Киста» приказал одному из дежурных ординарцев следующее:

— Будьте добры спуститься вниз и попросите сюда нашего офицера, сопровождавшего немецкую миссию.

В вестибюле, кроме молодого человека в спортсменской полускаутской рубашке, оказавшегося нашим офицером, находились двое или трое штатских, сидевших в плетеных креслах у круглого стола, посреди вестибюля. Кругом шепотом говорили, что это — немецкие офицеры. У подъезда стоял скромный «драгал» с потертыми чемоданами — имуществом «миссии». По общему мнению, вся эта обстановка очень мало импонировала обычному представлению о приезде знатных ино-

странцев — в особенности миссии, а сами «знатные» гораздо больше походили на коммивояжеров. Но при чем же тут тогда «Кист»? (Гостиница, где помещались штаб Главнокомандующего и большинство иностранных миссий.)

9 июля. Приезжала таинственная миссия и около полудня пробыла у генерал-квартирмейстера. Потом уехала обратно в Севастополь. Все в полном недоумении.

10 июля. На фронте упорные бои, в общем, говорят, для нас удачные, но без определенного стратегического результата. Тяжелые потери понесли корниловцы. Командир Корниловского полка убит. Наше наступление на Александровск задерживается контрманевром большевиков, упорно атакующих нас со стороны Орехова и Полог. На Польском фронте, судя по радиоперехватам из Москвы, дела отвратительны. Это сильно понижает настроение у тех, кому эти перехваты доступны. Чуть не у всех бодрость и хорошее настроение по несколько раз в день сменяются унынием и наоборот. Какая-то эпидемическая неврастения. Но вера во Врангеля и Коновалова у всех огромная.

11 июля. Бои.

12 июля. Все то же. Бои продолжаются. К Главкому явился и добивался приема неизвестный в черкеске, утверждавший, что имеет сообщить Главнокомандующему нечто столь важное, что доверить это третьим лицам абсолютно невозможно. Все попытки адъютантов и ротмистра графа Т. добиться от него чего-нибудь ни к чему не привели. По его словам, тайна не может быть доверена никому, кроме самого Главнокомандующего. Целый день охотился за Главкомом, выслеживая выход его из вагона. После обеда продержал Главкома на осадном положении, пока граф Т. не спровадил его от вагона. Однако едва Главком вышел и прошел в вагон Коновалова, неизвестный очутился у вагона последнего. Генералу Врангелю пришлось прибегнуть к хитрости и спастись через вагон разведывательного отделения и экспедиции, так как выйти прямо из вагона генкварма было невозможно. Главкому доложили, что казак в черкеске, видимо, сумасшедший. Большинство, впрочем, не согласны с этим. Многие с ним разговаривали.

13 июля. Бои продолжаются. История с неизвестным тоже. Около полудня он вновь появился у вагона Главкома в сопровождении каких-то полковника и сотника, которые сопровождали его и раньше. Полковник заявил вышедшему адъютанту, что неизвестный отнюдь не производит на него впечатления сумасшедшего, что знает он нечто в самом деле исключительно важное. В доказательство полковник передал маленький замшевый мешочек с просьбой вручить его немедленно Главнокомандующему. В купе адъютантов мешочек был

раскрыт, и из него извлекли золотой яблоковидный шарик с четырёхлистником сверху. При нажиме на лепестки весь шарик раскрылся, причем внутренность его, не то платиновая, не то вороненой стали, была разбита на шесть маленьких сегментов. На четырех гранях каждого такого сегмента имелись изображения того или другого масонского знака. В общем, вся эта штука изображала несомненно какой-то масонский амулет или знак. Работа замечательно тонкая. Эффект получился поразительный. Такого, по-видимому, не ожидал никто. Доложили Главнокомандующему. Главком внимательно осмотрел амулет, приказал вернуть и положить, наконец, предел этой истории. В приеме, по настоянию генерала Шатилова, отказал. До вечера в поезде много болтовни по поводу происшедшего.

14 июля. Загадка с масонами разъясняется. Неизвестный подал прошение на имя Главкома. Все прошение полно перлов вроде (привожу буквально): «Я тот, которого ждал мир...», «Я мессия» и т. д. Сумасшедший несомненно. Непонятно одно, каким образом могли заодно с ним стараться и здоровые. (Некоторые склонны были подзревать во всей этой истории сорвавшуюся игру известных севастопольских кругов, специализировавшихся на сенсационных разоблачениях «жидомасонства».)

15 июля. Упорные бои продолжают без всякого определенного в стратегическом отношении результата. Александровск обойден кавалерийским рейдом, но красные продолжают нажимать на нас в районе Орехов—Пологи. Генкварм лично полетел на фронт. В полночь Главком говорил по прямому проводу со штабгрупп, причем выразил большое неудовольствие действиями только что назначенных для руководства операциями конной группы генерала Калинина и генерала Г. Удачнее всех действовали сегодня донцы, разбившие наголову 40-ю советскую дивизию. Главком благодарил Богаевского, который, говорят, лично руководил операциями. Ночью Главнокомандующий долго не спал и даже, когда разделся, вдруг в одной сорочке прошел в вагон наштаглава, чем-то, видимо, обеспокоенный. Отмечаю этот факт как достаточно характерный. Он все-таки довольно показательно иллюстрирует отношение самого генерала Врангеля к своим обязанностям.

16 июля. Утром Главком, подойдя к вагону генкварма, беседовал с ним по поводу действий конницы, которой он не доволен с вечера. Про генерала Г. было сказано: «Это з...ца, а не офицер Генштаба... Не подпускайте его, Герман Иванович, к кавалерии ближе чем на кавалерийский переход... Если хочет, пусть сидит на Перекопе и укрепляет артиллерийские позиции. Я это говорю вам, Герман Иванович, как генерал-квартирмейстеру...» Г. смещен.

После обеда Главком, увлеченный спором, во время прогулки по платформе вытащил кинжал, присел на корточки и принялся чертить на асфальте какую-то схему. Собравшаяся в стороне публика смеялась, созерцая громадную фигуру генерала Врангеля в таком оригинальном положении.

Последние три дня пребывания полевой Ставки на станции Джанкой не были отмечены ничем исключительным. Обычная, трафаретная работа полевого штаба. 20 июля в 2 часа дня составы Ставки отошли обратно в Севастополь, куда и прибыли в тот же день вечером.

Вторая поездка (с 28 июля по 2 августа). Накануне Кубанского десанта

В Севастополе полевой штаб Главкомандующего пробыл только неделю. Вся эта неделя протекла в лихорадочной работе по подготовке Кубанской десантной операции.

Ниже мы отводим Кубанскому десанту целый отдел нашей работы, где в пределах известных нам фактов пытаемся произвести некоторый анализ причин этой роковой неудачи. Пока же на протяжении тех немногих строк, которые повествуют о кратком, всего четырехдневном, втором выезде полевой Ставки, мы просили бы читателя обратить внимание на одно лишь фатальное обстоятельство, отмеченное в записи первого же дня: в тот день и даже буквально в тот час, когда генерал Врангель выезжал в Феодосию, чтобы напутствовать посаженные уже на суда, предназначенные к десанту части войск, — в этот час в разведывательном отделении штаба были получены сведения о том, что большевики уже вполне приготовлены ко встрече этого десанта. В этот день впервые было произнесено жуткое слово: «Опоздали».

28 июля. С утра все готовятся к отъезду. В 11 часов приезжал к генкварму комендант поезда Главкома. После его отъезда стало известно, что идем двумя составами: один в Феодосию, другой в Джанкой. В 4 часа дня выехал в Феодосию Главкомандующий напутствовать десант на Кубань и поздравить с прибытием в Россию из Польши первую группу бредовцев. На десант возлагаются колоссальные надежды. Очевидно, в задачу его входят соединение с Назаровым (десантный отряд в 800 человек, высаженный на побережье Азовского моря для поднятия на Дону восстания и глубокого рейда; весь отряд, кроме самого полковника Назарова, частью погиб, частью расплылся), обхват Ростова с севера и юга, захват Тихорецкой и перерыв сообщения

Кубани с Совдепией. В случае успеха в наших руках должна очутиться вся Кубань и Терек, а возможно, и часть Дона.

Не все, однако, уверены в этом успехе. Сегодня Н., состоящий при разведывательном отделении, остановил меня на лестнице и взволнованным шепотом бросил на ходу:

— Тянули, тянули с десантом и дождались: у нас в отделении получены сведения, что большевики успели уже стянуть на Кубань черт знает сколько сил — на Тамань и к Ейску...

Сведения эти вошли в сегодняшнюю секретную разведывательную сводку. Не знаю, успели ли передать ее Главкому до его отъезда. Правы были те, кто говорил, что эти чуть ли не парадные сборы кубанцев для отправки по домам до добра не доведут. О десанте открыто болтают на базарах. Большинство, впрочем, смотрит на вещи бодро.

В 6 часов начали отъезжать на вокзал отделения генкварма, кроме связи, уехавшей вперед в 4 часа. В исходе 11-го часа вечера на вокзал прибыли наштаглав и генкварм. Не в пример прошлым отъездам, вид у поезда очень парадный: у каждого вагона ординарец при оружии, почти все вагоны выкрашены в один защитный цвет, залиты электричеством. Отходим вместо 12 часов с опозданием в 3.30 утра.

29 июля. Около 2 часов дня прибыли в Джанкой. Радиостанция и связь уже на месте. Радио не снимали после отъезда в Севастополь 20-го. К 3 часам начинаем разворачиваться, и в 4 часа Ставка принимает обычный вид.

По приезде — единственное в своем роде происшествие. К генкварму явился офицер контрразведывательного отделения корпуса Слащева, доложивший, что вместе с нами в поезде Главкомандующего прибыл в Джанкой какой-то московский комиссар. Офицер описал его наружность, высказав предположение относительно фамилии, под которой он должен фигурировать. Генкварм вызвал полковника Б., запросив его, не знает ли он в поезде лица с описанной наружностью. Полковник Б. поручил, в свою очередь, дело ротмистру Е. Ротмистр Е. заявил офицеру контрразведки, что как командир ординарцев он ручается за последних: в поезд набраны почти исключительно старые, вполне зарекомендовавшие себя ординарцы. Что же касается других живущих в поезде, то они ему, ротмистру, мало известны, так как в первой поездке он не находился. Тем не менее Е. согласился проверить состав живущих в поезде. При проверке подозрение пало на официанта вагона-ресторана офицеров Генерального штаба. Офицер контрразведки подтвердил, что мнимый официант и есть разыскиваемый комиссар. Тотчас он был арестован. В чемоданчике, нарочно им забытом, после ареста и увода его со всеми остальными вещами, най-

дено романовских, керенских и других денежных знаков на сумму до 4 миллионов рублей и документы. Установлено, что он был принят в поезд в Мелитополе корнетом Б. (хозяином собрания), которому понравился, как развитой и толковый человек. Установлено также, что он пытался завязать дружеские отношения с одним из писарей оперативного отделения и якобы называл однажды какого-то офицера, принадлежавшего к составу штаба, на «ты». Какого именно — не выяснено. Корнета Б. допрашивали по прямому проводу. (По сообщениям газет, этот арест дал возможность найти еще несколько большевистских агентов среди низших служащих штаба. Все были преданы суду.)

30 июля. На фронте упорные бои с переправившимися через Днепр частями противника (говорят, до 6000). Здесь красные дошли до Белоцерковки. На северо-востоке бои в районе расположения Донского корпуса, где большевиками занята Черниговка, Эривовка и некоторые немецкие колонии. Относительно этого наступления в Ставке два мнения: по одной версии, красных нарочно затягивают и даже больше — они якобы уже поняли это, повернули назад, и Главком недоволен, заявив, что «мы их опять бьем только по хвостам», по другой — положение много серьезнее: красные сосредоточили по линии Днепра значительные силы, в том числе подтянутые из Польши, и среди них — некоторые части конницы Буденного, отлично якобы снаряженной и отличающейся своими касками.

Днем был у генкварма и позже у Главкома генерал Бредов. С 11 часов вечера до 4-го часа утра генкварм, пройдя в оперативное отделение, горячо о чем-то спорил с полковником Т.-Б. (штаб-офицером при генерале Шатилове). При споре присутствовал весь Генеральный штаб и позже генерал Бредов. Генкварм казался сильно взволнованным и отставив свою мысль с исключительной настойчивостью. Содержание спора никому, кроме присутствовавших, не известно.

31 июля. Ничего особенного. На всем фронте упорные бои, особенно сильные в низовьях Днепра и на северо-востоке. Вечером генкварм, проходя с полковником Шкеленко, обронил:

— Второй корпус там уже ноет. Только началось наступление.

В 12 часов ночи состав Главкома начинает приготавливаться к поездке. В 1 час 30 минут ночи выезжаем на север.

1 августа. В 9 часов 15 минут утра прибыли в Мелитополь, переменили паровоз и в 2 часа 30 минут выезжаем обратно в Джанкой. Предполагавшаяся поездка дальше на фронт отменена. Главком ограничился совещанием с Кутеповым, продолжавшимся около 3 часов. На совещании присутствовали наштаглав и наштагруп. На обратном пути комендант поезда капитан И. сообщил, что поездка

на фронт отменена ввиду ликвидации острого положения, что Главком в отличном настроении, так как вдобавок генерал Муравьев привез сведения о грандиозном восстании в районе Сочи, и что, в связи с предстоящими операциями на Кубани и в Черноморье, полевой Ставке приказано возвращаться опять в Севастополь. В Джанкой приехали в 6.30 вечера.

По приезде в поезд были вызваны находившиеся на станции представители повстанцев с Украины. Повстанцы имели вид оборванцев, хотя один из них якобы поручик, другой — доктор. Главком поздоровался с обоими крепко за руку и расспрашивал их о положении повстанцев, в заключение предложил по всем вопросам, касающимся снабжения, обратиться к генералу Кирею.

Около 9 часов вечера в оперативном отделении большое ликование. Получены первые известия об удачной высадке нашего десанта на Кубани. Момент воистину исторический. В вагоне оперативного отделения наштаглав и генкварм. Громадное оживление.

Поздно вечером получены сведения, что красные упорно пытаются удержать Каховский плацдарм, сосредоточив в районе Каховки 10 легких и 3 тяжелые батареи, то есть свыше 50 орудий. Установлено, что их артиллерия бьет по квадратам с математической точностью. При таких условиях атаки этих укреплений без достаточного содействия технических средств — игра чужими жизнями. С полуночи начинаем свертываться. По общему мнению, теперь, конечно, удобнее руководить операциями из Севастополя. В 1 час ночи выезжает Главком. В 3.30 весь состав штаглава, кроме радио.

2 августа. В 12 часов дня прибыли в Севастополь. (Главком в 7 часов утра.) В городе слухи о разгроме красных под Каховкой и о взятии не то 6, не то 18 тысяч пленных и орудий. По проверке все оказалось, конечно, чепухой, выпущенной одной из всем известных фабрик фальшивых изделий «по подъему духа». Утром в газетах опубликовано официальное сообщение о признании Францией правительства генерала Врангеля. В pendant к этому днем начальник французской военной миссии обратился к Главкому с письмом, где сообщает, что «в этот прекрасный момент» его... избили где-то на Северной стороне. В чем дело, пока не ясно. Какой-то уличный скандал, завершившийся рукоприкладством. Говорят, Главком очень удивился письму и сказал: «Придется все-таки извиняться». Эта миссия, равно как и расследование, возложены, кажется, на Ш. Подобного же рода история произошла вчера на Нахимовском. Публика избила двух американцев, приняв их за англичан. Повод — пристаивание к дамам. Симпатии к союзникам, видимо, растут не по дням, а по часам.

Несмотря на все расшаркивания и реверансы казенных газет, армия и общество отлично понимают, что дальше платонических комплиментов все эти господа не идут, а за каждый доставленный, после упрасиваний и унижений, фунт угля, поношенный френч все равно рано или поздно придется платить втридорога. Бестактное поведение иностранных морских офицеров и матросов, скупающих за бесценок наши произведения искусства и драгоценности, вызывает кругом плохо скрываемое раздражение. О перемирии с Польшей пока ничего не известно.

Третья поездка (с 17 по 26 августа). Кубанский десант

Рассматривая выше краткую историю появления Каховского тет-де-пона, мы упомянули о том трагическом тришкином кафтане, какой представляла собой уже в середине лета обескровленная, понесшая серьезные потери армия. Постоянные нажимы противника заставляли без конца переворачивать этот кафтан, чтобы прикрыть, хотя бы кое-как, те или другие места с риском обнажавшегося фронта. Еще самые первые дни наступления, как отмечалось в записи моей от 25 мая, вырвали из боевого комплекта Добровольческого корпуса (позже — 1-й армии) свыше 2 процентов всех людей, причем погибло и выбыло из строя более половины кадрового командного состава. Начиная с этого времени, старые добровольческие полки находились в беспрестанных почти боях. Были части, отдохавшие в резерве меньше недели, были не знавшие даже этого. Полки таяли с быстротой, не находившейся ни в какой пропорции с притоком мобилизованных внутри Крыма и в Северной Таврии. К началу июля месяца свыше 80 процентов боевого солдатского состава было пополнено из среды бывших пленных красноармейцев. Дрались они, правда, по отзывам очевидцев, отлично, но легко себе представить, насколько соответствовал такой способ пополнений идейной и правовой стороне дела.

Все это, как и полагалось, тщательно скрывалось. По «Великим Россиям» etc. выходило, что потери нес один противник, а у нас, как это описывается в старой французской эпиграмме (составленной на донесения Великого князя Николая Николаевича-старшего), у нас, после каждого боя, рождался еще «маленький казак» (*petit kosak*). Этот «маленький казак», эта обязательная, всенепременная прибыль, вместо неполагающегося убытка, преподносились неизменно казенно-коштной прессой населению Крыма. Так же точно информировалась и заграница. «Панических воплей» о страшных жертвах, которые не-

сет героически армия, о долге тех, кто сочувствует армии пополнить эти жертвы, воплей, которыми наполнялись в нужные минуты советские газеты, в Крыму слышно не было. Да их и не могло быть: всякая попытка правдиво описать быт фронта пресекалась железной лапой цензуры, ряды которой сплошь почти состояли из анекдотических персонажей. Все должно было обстоять гладко и по принципу — «никаких происшествий не случилось».

А происшествия, полные неизбежного трагизма и самопожертвования, шли своим чередом. Ряды бойцов таяли и таяли. Увы, эта жуткая истина скрывалась в редких зашифрованных депешах, отправлявшихся с фронта на имя лиц высшего командного состава, депешах, бывших достоянием немногих. В одной из таких депеш генерал Кутепов еще в середине лета телеграфировал непосредственно генералу Врангелю о полном почти уничтожении кадрового состава добровольческих полков, о пополнении их исключительно пленными красноармейцами, о низком культурном уровне присылаемых на укомплектование из тыла офицеров. Генерал Кутепов обращал внимание Главнокомандующего, что такое положение вещей грозит самыми серьезными последствиями, и решительно настаивал на немедленном отправлении из Крыма всех подлежащих мобилизации, требуя суровых и беспощадных мер воздействия против уклоняющихся. Телеграмма генерала Кутепова не была единственной.

Но командование, связанное по рукам и ногам непрекращающимися боями, лишено было фактически возможности изменить создавшееся положение. Части несли потери все большие и большие и перебрасывались в разные места фронта все чаще и чаще. Становилось явным, что такая стратегия тришкиного кафтана рано или поздно до добра не доведет, если... не вывезет какое-нибудь отчаянно смелое «авось». Таким «авось», как уже упоминалось выше, и были по очереди операции — Кубанская, Заднепровская и последняя на территории Северной Таврии.

Первая же из них обещала теоретически неоходимые, как воздух и вода, пополнения, не говоря уже о других широких заманчивых перспективах. Почти до самого дня отправки Кубанского десанта эта теория подкреплялась, к сожалению, еще и радужными, но... абсолютно неточными разведывательными данными. Эти-то данные позволили в свое время командному составу армии считать Кубанскую операцию операцией нормального, в условиях Гражданской войны, порядка, а не авантюрой. Определение ее как авантюры вызывает и сейчас решительные протесты со стороны многих специалистов военного искусства. Предоставляем читателю, сделав свои выводы, при-

нять ту или другую точку зрения. Со словом «авось», упомянутым выше, в отношении его к Кубанской операции, не должно, во всяком случае, связывать понятия о беспорной авантюре.

Перехожу к фактической стороне дела. 9 августа полевая Ставка Главного командования прибыла из Севастополя в Керчь для непосредственного руководства Кубанской операцией. Промежуток времени от начала высадки десанта до 17 августа не отмечен, к сожалению, в моих дневниках, так как при выезде Ставки я находился вне Севастополя и приехал в Керчь лишь 17-го утром. Что же произошло в этот промежуток времени?

Записываю со слов лица, отлично осведомленного во всем происшедшем и занимавшего видное положение в Ставке. Главные силы десанта, как известно, вышли из Керчи. Выходу предшествовала самая откровенная шумиха, открытые разговоры и чуть ли не газетные статьи. Кубанские казаки отправлялись в десант со всем скарбом, и в некоторых случаях даже с семьями, уверенные, что отправляются «по домам». С ними на судах находились члены рады, краевого правительства, атаман и видные кубанские общественные деятели. Самые элементарные требования, касающиеся охранения военной тайны, были забыты. Доходило до того, что офицерам и солдатам — уроженцам Кубани — была предоставлена возможность открыто переводиться в части, предназначавшиеся для десанта. Все это, конечно, очень мало походило на ту обстановку, в которой отправлялся в свое время 1-й десант генерала Слащева, когда военная тайна была обеспечена до последней минуты.

При таких условиях главные силы десанта, преодолев незначительное сопротивление противника, высадились в бухте Приморско-Ахтарской на северо-западном берегу Кубани. Почти одновременно менее значительные отряды, под командованием генералов Харламова и Черепова, высадились — первый на Таманском полуострове, второй — в районе Анапы. Общее командование главными силами было поручено генералу Улагая. В его распоряжении находилась конница под командой генерала Бабиева и Шиффнер-Маркевича и пехотные части под командой генерала Казановича. Приморско-Ахтарская была объявлена главной базой десанта. В ней разместились оперативная часть штаба генерала Улагая. Сам генерал Улагай, во главе конного авангарда, стремительно двинулся в общем направлении на Тимашевскую, стремясь возможно скорее завладеть этим важным железнодорожным узлом. С ним же находился и начальник штаба всей группы генерала Драценко.

Конница генерала Бабиева, разбив слабые отряды красных под Бринковской и отбросив их на северо-запад, двинулась также стре-

нительно на Брюховецкую. Генерал Казанович со всей пехотой двинулся по линии железной дороги на Ольгинскую—Тимашевскую, то есть занял своими силами центр или, точнее, вытянулся по медиане равнобедренного почти треугольника, вершиной которого была Приморско-Ахтарская. Справа от него двигался быстро на Гривенскую генерал Шиффнер-Маркевич. Для защиты главной базы — Приморско-Ахтарской — было оставлено лишь слабое прикрытие и отряд военных судов.

Красные, учтя быстро всю обстановку и дав конным отрядам Бабиева, Улагая, Шиффнер-Маркевича и пехоте Казановича отойти на значительное расстояние от базы, ударили смело со стороны левого крыла группы, то есть с той стороны, где находился Бабиев. Противник без всякого труда занял снова Бринковскую и стал легко распространяться на юг в направлении железной дороги Приморско-Ахтарская—Тимашевская, угрожая отрезать всю десантную группу от базы и оперативного отделения. Сделать это было тем легче, что генерал Бабиев, оттеснив в первый раз красных в районе Бринковской, не оставил здесь никаких сил, которые охраняли бы пути на базу и могли бы принять удар противника со стороны озерных дефиле. В это время части его были уже в районе Брюховецкой, генерал Улагай, пройдя Тимашевскую, рвался уже на Екатеринодарское направление, Шиффнер-Маркевич был уже у Гривенской, и, наконец, Казанович подходил к Тимашевской.

Получив донесение о наступлении красных, генерал Драценко приказал генералу Бабиеву немедленно повернуть назад и восстановить положение. До этого момента напор красных сдерживался спешно выделенной группой юнкеров. Генерал Бабиев вернулся, отбросил опять красных и снова, не оставляя никакого серьезного заслона, пошел на Брюховецкую. Повторилась прежняя история. Противник снова нажал, юнкера, неся громадные потери, отошли к Ольгинской. Железнодорожная магистраль, связывавшая десант с базой, оказалась под непосредственной угрозой. В базе поднялась паника. Вдобавок всего красная флотилия Азовского моря, хорошо вооруженная поставленной на суда артиллерией, воспользовалась необъяснимым до сих пор уходом наших военных судов и, подойдя к Приморско-Ахтарской, открыла энергичный огонь. Оперативное отделение (управление обер-квартирмейстера десантной группы генерала С.) было вынуждено спасаться бегством. Обратный путь морем на Крым был отрезан, да о нем и не приходилось думать, так как штаб без остального десанта бежать не мог, а последний зарвался уже за Брюховецкую—Тимашевскую. Всякая нормальная связь была потеряна еще раньше, да вопрос еще, впрочем,

существовала ли она вообще в этой операции с самого начала. Пришлось спешно составлять громадный железнодорожный состав с целью попытаться прорваться в район Тимашевской на соединение с командующим группой генералом Улагаем, начальником штаба генералом Драценко и главными силами. Вместо 6 вагонов, в которых умещался штаб, пришлось тащить свыше сорока, так как надо было вывозить из базы жен, детей, семьи и пр., тех, кто собрался в десант «со всеми удобствами».

В течение всего пути ехавшие дрожали каждую минуту за свою жизнь. В любом месте дорогу мог перерезать противник. Впереди ехавших ожидала также полная неизвестность. Не доезжая Ольгинской, оперативному отделению во главе с генералом С. пришлось выйти из вагонов и лечь в цепь. Истекавшие кровью юнкера теряли последние силы. Едва-едва, буквально чудом, поезду удалось проскочить. Вслед за тем железная дорога была перерезана красными. С этого момента начинается уже собственно ликвидация операции. Правда, была сделана еще одна попытка обойти обошедшего нас противника, но и она ни к чему не привела.

Каждый из руководителей этой операции взваливает и по сию пору вину на других. Опустив нарочно все эти личные выпады и субъективные суждения, я ограничился зарисовкой общего хода операции со слов вполне компетентного и совершенно беспристрастного лица. Детальное описание и анализ причин кубанской неудачи может составить специальный военно-исторический труд. Такой труд мог бы установить истину. Еще скорее мог бы установить ее в свое время строгий военный суд над виновниками, но генерал Врангель не счел нужным предавать дело судебной огласке.

С момента потери базы начинается лихорадочная ликвидация десанта. Можно категорически утверждать, что только благодаря таланту, энергии и личному мужеству генерала Коновалова — генерала-квартирмейстера Ставки, вылетевшего на Кубань на аэроплане, — части, участвовавшие в десанте, были спасены и посажены обратно на суда. Одновременно с этим были вынуждены трагическими обстоятельствами к обратной посадке и отряды генералов Харламова и Черепова. В какой постепенности развивалась эта тяжкая ликвидация операции, а также в какой обстановке воспринималось случившееся полевой Ставкой, читатель может видеть из приводимой ниже записи дневников моих, относящихся к этому периоду.

17 августа. В 11 часов утра приехал в Керчь — в поезд. Настроение скверное, подавленное. Неудача на Кубани очевидная. Генерал Улагай, как рассказывают, дал обойти себя и потерял связь с базой.

Черепов (высадившийся в районе Анапы) вовсе не выполнил задачи. Его части уже приняты обратно на суда. Харламов на Тамани тоже действовал не так, как этого требовали из Ставки. Главком перед отъездом страшно разносил генерала Д. (начальника штаба генерала Улагая). Он и Черепов уволены. Улагай якобы на пути к тому же.

Обстановка, сложившаяся на Кубани, настолько острая, что генквармглав (генерал Коновалов) еще 7 дней тому назад вылетел на аэроплане к Улагаю и до сих пор не вернулся. Наштаглав (генерал Шатилов) позавчера тоже уехал на миноносце на Тамань. В Ставке за генкварма остался полковник Шкеленко, за наштаглава — генерал Масловский. Вернувшиеся с Тамани передают, что большевики эвакуировали с полуострова все, что успели: не оставлено совершенно подвод, лошадей, в иных местах угнали мужское население. Настроение населения различно. К нам присоединились до 5 тысяч восставших, но благодаря отсутствию оружия и снаряжения (приписывают деятельности генерала Вильчевского) мы их использовать не смогли. Бои идут уже в районе Гривенской и чуть ли не на самом берегу моря. Посланы суда. Об оставлении занятого Тимашевского района было нами объявлено официально в сводке. На Днепре благополучно. К 11 часам вечера ожидается с Тамани наштаглав.

18 августа. Наштаглав прибыл поздно ночью. Генкварм, как сообщил мне начсвязьглав, вернется дня через два-три. Сейчас он руководит лично отступлением десанта генерала Улагая на Кубани, посадкой обратно на суда и арьергардными боями. Фактически занял место Драценко тотчас же по его увольнению, вылетев в штагруппы на аэро. В связи с этим в поезде на третий день упорно говорят, что кое-кто усиленно добивается оставления Коновалова вместо Драценко, выдвигая на пост генкварма генерала Масловского, генерала для поручений при наштаглаве. Указывается на то, что формально для Коновалова это повышение, так как группа Улагая будет на положении армии, и Коновалов, таким образом, становится наштаармом. Все, с кем ни говорил, смотрят на это, разумеется, иначе. Уход Коновалова, по общему мнению, был бы громадной потерей.

Отступление десанта происходит в очень тяжелых условиях: отступают двумя группами. Группа Бабиева уже садится на суда. Некоторые корабли уже идут в Керчь. Казанович прикрывает отступление со всей пехотой, и, возможно, ему придется садиться под обстрелом. Присоединившихся 10 тысяч. Все по преимуществу камышовая публика. Их уже усаживают на суда. Говорят, эта цифра компенсирует потери. Присоединялись в разгар наступления. Позже

не шли даже по призыву. Станицы с населением в 30 тысяч давали по 120—150 человек. Агитации никакой. Литературы тоже. Словом, все как полагается.

Версий о причинах неудачи много. В общих чертах они сводятся к следующим гипотезам: 1) продолжительность выгрузки (4 дня), 2) разногласия между Улагаем и Драценко, 3) игра на два фронта нашей «зарубежной» агентуры, 4) распыление сил с начала наступления вместо их концентрации, 5) крайний недостаток артиллерии (1 батарея), 6) сдержанное отношение местного населения (правда, не везде), и 7) самое популярное объяснение — обход, благодаря невнимательности нашего флота, и страх не то Улагая, не то Драценко быть отрезанным от морской базы. Несомненно, что лучше всего истину смог бы установить суд.

Самое скверное, по общему мнению, заключается в «подвохе» населения. Уже есть сведения, что в очищенном нами районе идет беспощадная расправа. Бесспорно, престиж наш надолго сведен почти к нулю. Второй день противоречивые слухи и о судьбе Назарова. К моменту высадки Улагая он был в районе Торговая—Манычские озера. Дальнейшее не ясно: не то ушел в степи, не то распылился. Каждый сообщает свои сведения, но все они абсолютно не точны. Связи нет. Связь с Улагаем и даже с Таманским полуостровом оставляет желать много лучшего. К вечеру прибыло три летчика. В 5 часов утра сегодня, после упорного боя, нами занята Старо-Тигоровская. Бои продолжаются. Выезжаем, кажется, на юнкерах. Санитария ни к черту. Бабиев посажен обратно на суда и идет в Керчь. Коновалов, говорят, в Ачуеве и лично руководит всем.

В оперативном отделении сегодня составлена секретная ведомость боевого состава всей армии. Весь боевой состав исчисляется в тридцать три тысячи восемьсот человек. Это все, что находится на фронте и считается действительно боеспособным. В это число включены даже ординарческий эскадрон и конвой Главкомандующего. Боевой комплект первого отмечен в 180 сабель; явное преувеличение. Все остальное — тылы.

Вчера наштаглав получил телеграмму от командира английского дредноута «Мальборо» с запросом, будут ли Главком и наштаглав присутствовать на парадном обеде на дредноуте. В ответ послано: «К сожалению, нет». Отправлена телеграмма в Париж П.Б. Струве. Главком просит ходатайствовать перед союзниками о направлении в Крым некоторого числа людей из интернированных в Германии красных, перешедших только что германскую границу. По-видимому, еще одна попытка разрешить кризис с отсутствием необходимых пополнений.

С различных мест фронта доносятся жалобы на отвратительную постановку полевой санитарии, под Каховкой раненые должны были ползти целые версты. В Ставке острят, что надо с д-ра Лукашевича (главный полевой санитарный инспектор) снять шпоры.

19 августа. В 10 часов утра прибыл из Мелитополя Главком. Тотчас, едва поезд остановился, американец — корреспондент «Чикаго-Трибюн» — начал съемки. Досадно, что до сих пор ни одна газета, кроме «Великой России», не получила приглашения в поезд Главнокомандующего. Американец получает ежемесячно по курсу — $8\frac{1}{2}$ миллионов рублей плюс покрытие всех издержек.

Н., сопровождавший Главкома, рассказывает об операциях под Мелитополем и по Днепру. Слава Богу, выцарапались. То, что сделали наши войска, даже не героизм, но нечто сверхъестественное. Дроздовцы достигли апогея. Под ураганным огнем ходили в атаки в строю. Каждый снаряд вырывал из цепи по 10—15 человек. И каждый раз после разрыва следовала команда: «Ас, два — в ногу». 1-й корпус выпустил за неделю 40 тысяч снарядов. Большевики раз в 5 больше. Наштаглав телеграфировал Главкому о необходимости издания приказа об относительной экономии снарядов. Главком изорвал депешу. Потери у нас очень тяжелые, но красные разбиты всюду. В их руках только Каховка.

Я передал Н. слухи об уходе Коновалова и назначении Масловского. Говорит, едва ли правда, так как накануне отъезда в Мелитополь Главком бурей ворвался в оперативное отделение (Коновалов был уже на Кубани) и разнес всех, не исключая подвернувшегося тут же Масловского вдребезги. Разносил на весь поезд: «Не хотите работать как следует — на фронт пожалуйте!.. Я оттуда возьму людей! Найду!» Словом, влетело всему Генштабу. За что, точно не известно. По-видимому, за Кубань.

Главком слишком переживает каждую операцию. Все в поезде, если прислушаться к разговорам, начиная с высших чинов Генштаба, признают, что у него громадный полет «стратегической фантазии», и, когда действительность не сходится с оперативными директивами, Главком выходит из себя. Тогда влетает всем, и часто поделом.

В 3 часа дня капитан Н. сообщил, что на суда, идущие обратно, посажено уже 20 тысяч человек. Таким образом, несмотря на неудачу, несмотря на все потери, десант Улагая возвращается более чем в удвоенном составе. Случай в своем роде единственный. Командный состав кубанцев просит Главкома и генерал-квартирмейстера не распылять присоединившихся кубанцев по разным частям, а создавать специально казачьи войсковые соединения. По-видимому, так и будет

сделано. В 11.30 вечера Главком выехал на 2 дня в Севастополь. Ставка пока остается в Керчи.

20 августа. Разбудил М. и сообщил, что ночью произошло новое несчастье на Тамани. Харламов телеграфирует, что вследствие полной небоеспособности частей (бредовцы) и отсутствия технических средств он удерживать долее Таманские перешейки не может и, понеся сильные потери, отдал приказ отступить на высоты 280 и Комендантскую, к востоку от Тамани. Страшно пострадали юнкера, дравшиеся героически. К 20 часам рассчитывает быть у моря и начать обратную погрузку. Телеграмму спешно печатают для доклада наштаблву. Воздушная разведка доносит, что вслед нашим двигается в направлении на Тамань полторы тысячи сабель и 4 тысячи пехоты. Теперь ясно, почему всю ночь была такая суета.

11 часов утра. Вся Тамань очищена. Только что прибыл на миноносце «Жаркий» Д., ординарец-курьер, ездивший с секретными бумагами к Иванису (кубанский атаман). Говорит, что уезжал почти последним. На миноносце много раненых. На берегу бросали лошадей (не много). Население все попряталось. Только бабы выбегали из дворов за лошадьми. Последними покинули Тамань командир порта и еще несколько офицеров, бросившихся на испорченный баркас. Ранены. «Жаркий» вернулся и под обстрелом спас их. Красная кавалерия вступает в Тамань (станицу). Иванис уехал еще вчера в 7 часов вечера.

3 часа дня. Прибыли с Тамани наши мотоциклисты (гараж Главкома). Броневик взорван и брошен. «Форд» № 28 — тоже бросили на пристани, заложив под сиденья две шашки. Возле поезда расположился биваком Корниловский конный полк. 4 часа. Вернулся с Тамани Ш., второй ординарец-курьер. Подробно описывает всю картину. Первым не выдержал и допустил прорыв 42-й Донской полк. Командир полка полковник Никифоров смертельно ранен. Был брошен своими и подобран юнкерами. Многие говорят, что у них (у донцов) не хватило патронов. Некоторые отрицают это. Все сходятся на том, что огромную роль сыграл недостаток или, вернее, почти полное отсутствие артиллерии. (На фронте 3 орудия, из них 2 тотчас испортились, в Таманской — 4 горных.) Потери громадные. От юнкеров осталась буквально горсточка. Красные зверствовали исступленно. Пленных почти не брали. Самое скверное произошло в районе Пересыпной-Ахтаныровской. После прорыва бывшие там части юнкеров, бредовцев и лабинцев оказались отрезанными. До сегодняшнего утра некоторые пробивались группами по 30—50 человек. Ни патронов, ни снарядов у отрезанных нет. Может быть, удастся спасти еще часть с моря, послав миноносцы или катера в сторону Темрюка. Население относилось к нашему уходу в общем бе-

зучастно, хотя раненых жалели и давали им хлеб, пищу. Литературы с нашей стороны — нигде и никакой. Даже в управлении у атамана в самой Таманской — ничего, кроме старой официальной сводки. После обеда несколько человек, находившихся в вагоне экспедиции, слышали, как наштаглав якобы говорил о необходимости возобновления вторично Кубанской десантной операции. Говорил, будто бы стоя под окном вагона. Если не бабьи выдумки, то, боже, до чего не осторожно!

21 августа. Почти целый день посадка в поезда кавалерии Бабиева для переброски на Таврический фронт. Настроение у частей различное: у большинства отличное, но есть и настроенные очень мрачно. Такие утверждают, что отношение населения к нам в большинстве случаев было скорее враждебным, чем благожелательным. При отступлении, оказывается, не обошлось без грабежей. Забирали главным образом лошадей — там, где они были оставлены большевиками. Вчера такая же история произошла в двух шагах от поезда Главкома, — стащили и погрузили в свой состав лошадей начальника дистанции и одного крестьянина. После скандала отобрали. Потери юнкеров ужасны, особенно у алексеевцев. От 1-й роты осталось 8 человек, от 4-й — 30. Было по сто с лишком. Передают, будто Главком прислал наштаглаву нецензурную телеграмму за оставление Тамани. Compliments относятся ко всему командному составу.

22 августа. Ничего существенного. «Жаркий» подобрал в тростниках 120 юнкеров и доставил их в Керчь. В 12 часов ночи наштаглав сообщил Главкому, что выезжаем в Севастополь в понедельник. Днем Драценко (окончательно реабилитировавший себя перед Шатиловым) разносил очень резко адмирала Евдокимова за захват красными нашей базы (Приморско-Ахтарская), что послужило первопричиной для всех последующих неудач.

23 августа. Утром прибыл в Керчь Шиффнер-Маркевич. Ранен. Атака Каховских укреплений успехом для нас не увенчалась. Особенно пострадала Корниловская дивизия. Опять упорно говорят, что весь Каховский плацдарм большевиками вымерен и их артиллерия бьет по квадратам. Наши потери благодаря этому ужасны. Танками рисковать, видимо, боятся (больше двух-трех не пускают); да их, впрочем, и так мало, а с ремонтом и газOLIном дела безнадежно слабы. Броневики ремонтируют гораздо быстрее, для танков же за граница не дает технических средств. Приказано образовать штаб 2-й армии. Назначены — командиром генерал Драценко, наштармом Масловский. Таким образом, Коновалов, несомненно, остался в Ставке.

24 августа. Прибыли ординарцы, бывшие в десанте Черепова у Раевской (Анапы) и тоже на Тамани. Численность нашего десанта у

Раевской было около 1500 человек при двух горных орудиях. По задаче было приказано отрезать Новороссийск и после этого наступать на Екатеринодар на соединение с частями Харламова (действовавшими на Тамани) и с группой Улагая. Однако продвинуться дальше 8—10 верст от берега не удалось. Состав наших частей: юнкера, бредовцы и черкесы; последние обнаружили редкую трусливость.

Главная причина неудачи кроется в численном перевесе противника, готовности его к операциям с нами в данном районе (была подвезена тяжелая артиллерия — 1 орудие) и в сильном артиллерийском огне, на 10—15 выстрелов мы отвечали одним—тремя. До Анапы также не дошли. В самой Анапе был виден отчего-то пожар. Соединиться с зелеными, находящимися в районе Баканской, не удалось, хотя гонец оттуда прибыл в 1-й день высадки, и ему даны были директивы идти на соединение с нами. (Однако накануне назначенного для того срока мы были вынуждены сесть обратно на суда.) Число зеленых достигает будто бы 8 тысяч человек. На три четверти состоят из частей Добрармии, расплывшихся тут в горах после мартовской Новороссийской и Туапсинской трагедии. На днях к ним присоединилась артиллерийская батарея красных в полной запряжке. В общем, под Раевской присоединилась лишь группа зеленых в 15 человек. Вожак группы предлагал провести наши войска по тропинкам в обход красных и их артиллерии. Отказались. Позже, впрочем, будто бы жалели. В Таманской жители были очень недовольны, что наши войска помешали... выдаче мануфактуры (ситцу) по 4 аршина на душу за 120 рублей. Бабы не стеснялись, говорили:

— Те хоть мануфактуру доставили, а вы что привезли?..

Мобилизация проходила более или менее успешно, до начала нашего отступления. Когда началось отступление, подлежащих явке, естественно, не было вовсе. Например, в Стеблиевской из 48 человек, мобилизованных при отступлении, явился лишь один. Конской мобилизации почти нигде не объявляли, так как большевики угнали всех годных лошадей. Несмотря на сдержанное отношение к нам, жители открыто жалуются и на большевиков. У большинства бывших в десантах создалось впечатление, что мирное население относится одинаково враждебно и к большевикам, и к нам и ждет одного — конца войны. При таком положении вещей полное отсутствие пропаганды особенно губительно отзывалось на деле армии. На глазах Г. красные, при одном из окружений, приканчивали наших раненых и прикололи сестру милосердия. Ночью М. сообщил, что Назарову приказано идти на Волноваху. Отряд под Торговой сильно пострадал.

25 августа. В 9 часов утра прибыл генкварм, сильно исхудавший, осунувшийся и осипший. Оставался на Кубани до погрузки последних

частей. Последние часы погрузки проходили в очень тяжелых условиях благодаря грозе и шторму, сорвавшему сооруженную пристань. По словам генкварма, вывезено все. В последнюю минуту на берегу были брошены лишь десятка два негодных лошадей и тачанки. Два броневика с невероятными затруднениями вывезены. Заслуга Коновалова, по общему мнению, огромна.

С 10 часов утра до позднего вечера непрерывный прием командиров частей в связи с переформированием и образованием 2-й армии. Все добиваются оставления у себя своих людей. Интересен доклад войскового старшины П. — командира полтавцев, доложившего генкварму, что подавляющий процент присоединившихся составляют станичники его Полтавского округа, оттуда же и почти вся набранная на Кубани кавалерия — свыше 6000 лошадей. Считает полезным объединить их в одно войсковое соединение, а не распылять по дивизиям. Шиффнер-Маркевича, Малышенко, Бабиева и т. д. Командир астраханцев полковник М. жаловался мне на полное отсутствие пропаганды.

Вечером телеграмма о взятии в плен 42-й советской дивизии, взятии Никополя «атаманом» Володиным и о потере нами двух танков, застрявших на второй линии каховских заграждений. У противника обнаружены действующие против нас 2-й и 3-й танковые дивизионы из танков, захваченных у поляков. В 9.10 вечера начинаем свертываться. К 10 часам сняты антенны радио. В 12 часов ночи прекратил работу весь оперативный телеграф. В 1 час 45 минут ночи выезжаем в Севастополь соединенным составом в 29 вагонов.

26 августа. В 12 часов дня прибыли в Джанкой. До часу дня доклад генерала Макеева — начальника Сивашско-Перекопского укрепленного района. В час завтрак. В 1 час 45 минут отходим дальше на юг. В пути приказано ординарцу вручить коменданту Симферополя для передачи генералу Кусонскому незапечатанное письмо за подписью «Патриот». Письмо полно упреков по адресу Главкомандующего за то, что он не обращает внимания на действия симферопольской администрации, представляющие собой сплошной произвол. Особенно подчеркивается незаконная деятельность полковника Т., организовывающего постоянно бесконечные облавы, в которых задерживаются и насильно отправляются на фронт люди, освобожденные воинскими присутствиями. Вырываются от Т. лишь за миллионные взятки. Деятельность полковника Т. приравнивается автором к деятельности агентов большевиков. Несмотря на то что письмо было анонимным, на нем положена следующая резолюция Главкома: «Г. Кусонскому. По моим сведениям, полковник Т. прохвост — надо проверить. В.» Письмо с

резолуцией отправлено без конверта через комендатуру, где служил сам полковник Т. В 7 часов вечера, после часовой остановки, выезжаем из Симферополя в Севастополь. Прибыли в Севастополь в 9.50 вечера. До утра приказано оставаться в вагонах.

Л. Бек-Софиев³⁵²

РАЗВЕДКИ, ЛЕТНИЕ НАСТУПЛЕНИЯ И КУБАНСКИЙ ДЕСАНТ РУССКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ³⁵³

Положение Добровольческой армии в Крыму в начале 1920 года

В начале года положение на фронте Добровольческой армии генерала Деникина становилось очень тяжелым. Войска отступали на Новороссийский плацдарм. Средства для эвакуации через Новороссийский порт подготовлены не были. Результатом этого явилась гибель целых войсковых соединений. Сама эвакуация происходила без всякого плана в трагических и кошмарных условиях.

П. Гюльцгоф³⁵⁴ в своем дневнике описывает февральско-мартовский отход по Кубани: «...По нашей же дороге отступало три кавалерийских корпуса, поэтому мы шли рядом по 5—6 повозок в ряд, и когда начались переправы или гати через многочисленные мелкие речушки, то вся колонна останавливалась и ждала своей очереди. Днем и ночью, не имея ни минуты отдыха (за три недели прошли 470 верст), по пояс в грязи, тащились мы среди поломанных и застрявших в грязи повозок и пушек с лошадьми. Двигались мы на юго-запад, не зная даже конечного пункта нашего драпа... Благодаря потере связи с дивизией мы случайно прошли слишком далеко (в Тимашевскую), и впоследствии пришлось возвращаться обратно к Батуринской, чтобы потом отступить опять. На переправах в Ново-Корсуньской, Дядьковской и Медведовской мы днем задерживали противника, а ночью опять холод, грязь, уставшие люди и лошади, и переходы по 15—20 верст. Затем часть из нас была послана для защиты переправ через Кубань от зеленых... Только благодаря марковским саперам, в два дня наведшим понтонный мост, наша дивизия смогла переправиться. В Троицкой выяснилось, что мы отступаем на Новороссийск, чтобы грузиться на пароходы. 6 марта на станции Крымская к нам присоединились офицеры бывшей 4-й, 7-й и 17-й запасной батарей, многие с лошадьми, пополнившими ту убыль, которая произошла вследствие массово-

го дезертирства. Безуспешно дав большевикам бой у станции Раевская, наша дивизия отошла к самому Новороссийску. Пришлось бросить пушки, лошадей и даже седла... Без воды, без еды, усталые и с разбитыми нервами мы на «Аю-Даге» поплыли в Крым».

Половина отступающей армии стала отходить по Черноморскому побережью к Таупсе. Положение их было катастрофическим. Большинство их старших начальников оказалось в Крыму. Между Таупсе и Сочи сосредоточилось до 60 000 казаков с присоединившимися к ним беженцами. Части утратили всякую боеспособность и бросили не только орудия, но и часть винтовок. Последний кубанский атаман генерал Букретов требовал переговоров с большевиками о сдаче и, не дождавшись приведения в исполнение этого решения, выехал в Крым.

Почти все добровольческие части прибыли в Крым деморализованными, без обозов, пулеметов и артиллерии. Некоторые части вышли из повиновения начальников. Конница была без лошадей. Флот не имел ни угля, ни масла, машины не имели горючего.

Ко времени назначения генерала Врангеля Главнокомандующим Добровольческой армией Вооруженных сил Юга России (22 марта (4 апреля) 1920 года) на Крымском фронте было сравнительно благополучно. Части генерала Слащева, несмотря на свою малочисленность, успешно сдерживали красных войти в Крым.

Когда многим начальникам стало известно об английском ультиматуме о прекращении борьбы с красными (18—22 марта 1920 года), некоторые из них не представляли себе, как выйти из создавшегося положения. Лишенные почти всей материальной части, со сниженной моралью, переброшенные части не представляли какой бы то ни было серьезной силы. Эвакуация была невозможна за полным отсутствием топлива для судов, да и район эвакуации совершенно не был ясен.

Раз англичане отказывались от дальнейших поставок, то на снабжение войск материальной частью рассчитывать не приходилось. Никто не представлял себе, что может предпринять новое Главное командование. На это пессимистическое настроение дал ответ генерал Врангель. Он указал, что не может армии обещать победы, но что он не склонит знамени перед врагом и что если им суждено погибнуть, то он сохранит честь Русского Имени.¹

Об этом периоде П. Гюльцгоф упоминает в своем дневнике: «В высших сферах происходили большие события. Деникин уехал, его место занял Врангель. Везде почувствовалась его твердая рука. Исчезли грабежи и насилия. Банды оборванных приняли вид строевых частей, и, главное, у всех появилась надежда на близкое наступление. Батарея тоже преобразилась. Начались занятия, учение и прочее».

Десант в Кирилловку

Первая разведывательная операция для выхода из Крыма началась 31 марта 1920 года. 2 апреля (ст. ст.) на правом фланге Крымского фронта в тыл Красной армии у деревни Кирилловки, северо-западный берег Азовского моря, был высажен отряд в 450 штыков при одном орудии, который состоял из первого Алексеевского и Салгирского полков и сотни юнкеров Корниловского военного училища. Кирилловка и Горелое были сразу заняты десантом. Задача десанта была — дойти до Акимовки, разрушить железную дорогу между Мелитополем и Ново-Алексеевской и через Геническ вернуться в Крым. Сводно-стрелковый полк, защищавший Арабатскую стрелку, должен был взять Геническ.

Спешно подвезенные красные части — два конных полка, 3 латышских, 1 китайский, два полка, стоявшие в Геническе, несколько бронепоездов, батарей и 40 пулеметов — не дали горсти добровольцев выйти из прибрежной полосы. Теснимый со всех сторон многочисленным врагом, десять на одного, десант после кровопролитного боя вошел в город Геническ. Два малочисленных батальона Сводно-стрелкового полка сбили красные пулеметы, перешли мост и вошли в Геническ с юга.

Ввиду своей малочисленности, десант мог выяснить только обстановку и, потеряв 80 человек, отошел в Крым. Но, захватив Геническ, десант дал возможность генералу Ангуладзе через Чонгарскую переправу овладеть станциями Сиваш и Чонгар.

Десант в Хорлы

Трудным и опасным был десант в глубокий тыл красных Дроздовской дивизии, под командованием генерала Витковского, в небольшой приморский поселок Хорлы, находящийся в мелководном заливе Черного моря, в 40 верстах к западу от Перекопа.

31 марта, в день начала десанта, красные повели наступление на перекопские позиции. Противник был разбит, и части Русской Армии, охранявшие перешеек, овладели Перекопским (Татарским) валом. 1 апреля красные были усилены новой 3-й стрелковой дивизией, но вновь были отбиты белыми, усиленными Марковской дивизией.

2 апреля десант высадился с боем в порту Хорлы, выбил красных из порта и занял поселок. Ночью на 3 апреля красные внезапно атаковали охранение десанта и стали двигаться к порту, но в то же утро дроздовцы разбили колонну красной конницы, взяв в плен 4 орудия

с упряжкой, снарядами и частью прислуги, 12 пулеметов и около 100 пленных. В этот же день дроздовцы взяли деревню Адамань, но были окружены с трех сторон красной конницей — с четвертой стороны было море...

День показал, что противник сосредоточивает значительные силы, оттянув часть таковых из Перекопского района. Пройдя с боями более 60 верст по красным тылам, дроздовцы разгромили весь налаженный тыл красных, готовившихся к атаке Перекопа... Разгромив отборные красные части и пробившись к Перекопу через деревню Преображенку, дроздовцы и сами понесли тяжелые потери — 575 раненых и убитых. Все раненые, как пишет А. Долгополов в «Вестнике Первоходника», были вынесены, многие на руках. Все планы красного командования относительно атаки перекопских позиций были парализованы.

Эти две первые разведывательные десантные операции были закончены 4 апреля. Армия заняла назначенное исходное положение, и генерал Юзефович приступил к постройке заранее намеченных укреплений и окончанию железнодорожной ветки от Джанкоя на Юшунь.

Майское наступление

20 мая генерал Врангель отдал приказ о наступлении. Большевики всеми своими силами должны были начать наступление на Крым в начале июня. 24 мая, за день до выхода Русской Армии за Перекоп, 2-й Крымский корпус генерала Слащева успешно высадился в районе между селами Кирилловка и Степановка, на берегу Азовского моря. 25 мая вся Русская Армия перешла в наступление. На правом фланге корпуса генерала Слащева и генерала Писарева одновременно атаковали красных, находившихся впереди Чонгарского прохода. Большевики были отброшены на север, к селу Рождественскому. Захвачено несколько орудий и сотни пленных. После упорных боев корпус генерала Слащева продвинулся к железной дороге, к югу от Мелитополя.

В это время корпус генерала Кутепова атаковал красных, сильно укрепившихся впереди Перекопа. В двухдневных боях было захвачено 15 орудий, несколько броневиков и сотни пленных. В этом районе 2-я конная дивизия преследовала красных, отходивших на Владимировку. В ней они не удержались и были выбиты дроздовцами. Большевики бежали во все стороны. Здесь было захвачено до 1500 пленных, 5 орудий и броневика. Несмотря на такое поражение, красная конница в ночь на 27 мая атаковала селения Отрада и Ново-Михайловка, захватив в них весь штаб 2-й конной дивизии генерала Ревина.

27 мая генерал Слащев был уже у Мелитополя. Генерал Кутепов вышел на высоту Чаплинки. Им были захвачены батарея, пленные и подготовленные к употреблению удушливые газы. 28 мая Слащев овладел станцией Мелитополь и укрепился в городе. В это время большевики получили новые подкрепления. Их 15-я дивизия, шедшая с Дона на Польский фронт, была повернута на поддержку Крымского фронта и подошла 28 мая в район Черной Долины в составе 4500 штыков и 1000 шашек. Вечером того же дня красные части, вместе с прибывшим подкреплением, атаковали корпус Кутепова, но все их атаки были отбиты.

Одновременный выход из Крыма 1-го корпуса генерала Кутепова, действия Крымского корпуса генерала Слащева в красном тылу привели к полному разгрому 13-й советской армии. В плен попало 10 000 красноармейцев, десятки орудий, сотни пулеметов, 2 бронепоезда, все склады снаряжения и снабжения 13-й армии. Остатки армии бежали за Днепр. Северная Таврия, богатая зерном, людьми и конями, была освобождена. 29 мая генерал Кутепов оттеснил красных на север, а 30 мая овладел линией Днепра от устья до Каховки.

За время майского наступления потери у Русской Армии были очень большие, был потерян штаб Конной дивизии, батарея и сотни раненых и убитых. Во вновь же занятых областях была назначена мобилизация людей и лошадей.

В это время в 13-ю советскую армию вошла 40-я стрелковая дивизия. Состав армии доходил до 8 стрелковых и одной кавалерийской дивизий. Главные силы армии были сосредоточены в районе станции Пологи, откуда красные собирались перейти в наступление.

Июньские бои и разгром корпуса Жлобы

10 июня генерал Врангель посетил части, расположенные в районе Большого Токмака. Одновременно на Крымский фронт прибыл Сводный конный корпус Жлобы, который высаживался в Волновахе, Розовке и Цареконстантиновке. 15 июня шесть конных полков красных повели наступление от Поповки на Верхний Токмак. Сильные атаки шли против корпуса генерала Слащева, который удерживал свои позиции.

Видя значительное усиление красных, действовавших против правого фланга, начальник штаба Русской Армии генерал Шатилов приказал Корниловской дивизии срочно на тачанках перейти в район селения Орехова, а Дроздовской дивизии усилить донцов в районе Гальбштадта.

Это приказание генерала Шатилова было основано на хорошо выполняемом маневрировании частей Русской Армии, позволяющем действовать по внутренним операционным линиям. К этому времени на правобанковом участке фронта у генерала Слащева было только около 10 000 штыков и шашек, а у Жлобы — 12 000 шашек и 25 000 штыков.

С 17 по 19 июня конница Жлобы продолжала теснить донцов. Генерал Слащев продолжал сдерживать сильные атаки красных, а 17 июля он перешел в контратаку и разбил находившегося против него противника. На усиление донцов генерал Слащев выслал дроздовцев.

19 июня вечером генерал Врангель дал приказ о наступлении, которое было рассчитано на полное окружение корпуса Жлобы. Уже к полудню 20 июня противник был разбит наголову и окружен. В этой операции главный удар был нанесен Жлобе Корниловской дивизией, которая генералом Шатиловым была подтянута с Днепровского фронта. Чтобы завершить операцию по всему фронту, генерал Врангель приказал генералу Абрамову разбить большевиков у Бердянска, а генералу Кутепову, совместно с частями генерала Слащева, атаковать Ореховскую и Александровскую группу красных. Это наступление было выполнено с полным успехом, и 23 июня противник стал отходить по всему фронту. Тут было захвачено вновь 3000 пленных и большие трофеи. План красного командования — очистить Северную Таврию от Русской Армии — потерпел полную неудачу.

Июльское наступление

В начале июля генерал Кутепов должен был сосредоточить 1-й и 2-й корпуса у села Большой Токмак. 10 июля он должен атаковать противника, стараясь прижать его к Днепру. 12 июля все части выступили из района Большого Токмака. 15 июля генерал Абрамов, действовавший восточнее Большого Токмака, наголову разбил дивизию красных у села Юльевка, захватив 7 орудий, много пулеметов и до 1000 пленных. 16 июля красные перешли в наступление. Корниловцы вынуждены были отойти. В то же время красные атаковали марковцев и дроздовцев и заняли течение реки Конской. 17 июля генерал Абрамов снова перешел в наступление и разбил совершенно красных у села Черниговка. Он захватил 3 орудия, 4 бронепоезда, много пленных и пулеметов. Левее от него корниловцы продвинулись вперед и захватили Новомихайловку и Сладкую Балку. Марковцы своими дивизиями атаковали красных у Васиновки и Жеребца. Дроздовцы наступали севернее Орехова. Кавалерийская дивизия Барбови-

ча, вошедшая в группу Бабиева, атаковала 2 конные дивизии красных у села Малая Токмачка и при содействии дроздовцев рассеяла совершенно противника, захватив большую часть его артиллерии. Ночью на 19 июля Барбович, усиленный Кубанской дивизией, атаковал конницу красных, находившихся в селе Васиновка, рассеял ее, захватив гаубичную батарею, пулеметы, броневики и обозы.

После атак 19 июля красные стали отходить почти по всему фронту. Конница Бабиева овладела Александровском, конница Барбовича заняла Григорьевку. За время июльских боев было захвачено 30 орудий, 150 пулеметов, несколько бронепоездов и много пленных. Получив большое количество конного состава как путем реквизиций, так и захватывая его у красных, генерал Врангель восстановил почти всю конницу своей армии, которая сыграла решающую роль в июльских боях.

Именно в это время Русская Армия генерала Врангеля была оставлена всеми союзниками, а ее успехи создали паническое настроение у советского правительства. Это видно и по ответной ноте Керзону на предложение о перемирии. Несмотря на крупные успехи на Польском фронте, советское правительство готово было пойти на перемирие, причем гарантировало Польше более выгодную границу, чем та, которая намечалась самим Керзоном, но в отношении Русской Армии генерала Врангеля Ленин требовал полной ее капитуляции.

Подготовка к Кубанскому десанту

Если обладание Северной Таврией как единственным источником хлебного экспорта было одним из императивов военной и политической стратегии врангельского правительства, то таким же императивом было перенесение и военных действий в казачьи области, так как они были единственными источниками пополнения армии. Для этого было необходимо разрешить казачий вопрос — заключить соглашение с казаками.

Помощник Главнокомандующего по гражданской части, А.В. Кривошеин, не предавался иллюзиям, но считал, что борьба должна продолжаться ради чести Белого движения. Он допускал, что счастье может наступить, если удастся «отсидеться», получая поддержку союзников и используя меняющиеся перипетии польско-советской войны. Все зависело от дальнейших успехов Крымской армии. Тогда будет и поддержка иностранцев, будут и деньги на необходимое снаряжение.

Генерал Врангель всегда и во всем советовался с генералом Шатиловым об операциях армии. Он намечал высадить кубанцев, терцев и

горцев на Кубань, где рассчитывал, не без основания, на поддержку казаков. Расширив затем занимаемый район, он хотел перебросить туда все казачьи полки и часть пехоты, оставив на Крымском фронте только генерала Кутепова с его частями. Генерал Шатилов возражал против такого решения и считал, что одни кубанцы не будут в состоянии из-за их малочисленности и за отсутствием достаточного конного состава захватить широкий район и обеспечить высадку второй группы войск. Для погрузки же сразу кубанцев и донцов, да еще с добавкой части пехоты, не было достаточного тоннажа.

Как показали летние операции, сила армии заключалась в умелом маневрировании, а с высадкой на Кубани образовывалось два фронта, согласованность действий которых отпадала. Генерал Врангель же настаивал, что только переброска центра тяжести боевых операций в казачьи земли, где вновь поднимутся казаки, уже отрезвленные большевистскими зверствами, даст Русской Армии возможность приступить и к широким действиям, которые одни могут обещать армии конечный успех. В принципе генерал Шатилов соглашался с такой постановкой вопроса, но считал, что для этого более чем недостаточно сил.

Но в это же время в борьбе белых и красных было колоссальное неравенство сил и средств. Редели непрерывно ряды белых. Полки таяли с быстротой, не находившейся ни в какой пропорции с притоком мобилизованных внутри Крыма и в Северной Таврии. Лучшие офицеры-добровольцы выбывали из строя, а заменить их было нечем. Изнашивалось оружие, иссякали огнеприпасы, пришли в негодность технические средства, а без них армия бессильна. Хватит ли у нее сил дожидаться помощи союзников и не потребуют ли они за нее слишком дорогую плату? Но выбора нет, армия должна бороться.

В отношении Кубанской операции генерал Шатилов не был так оптимистичен, как это описывает в своих воспоминаниях генерал Врангель. Генерал Шатилов не был вовсе уверен в успехе Кубанского десанта, но при сложившихся условиях ничего другого не оставалось, как продолжать борьбу. Признание крымского правительства генерала Врангеля Францией было лишь крупным политическим фактом. Но о доставке в Крым русского снаряжения из Румынии и русского артиллерийского из Франции еще ничего не было известно.

22 июля в Севастополе состоялось подписание соглашения с атманами. Главная сущность этого договора заключалась в том, что государственным образованиям Дону, Кубани, Тереку и Астрахани обеспечивалась полная независимость в их внутреннем устройстве и управлении. При освобождении этих территорий соглашение должно быть внесено на утверждение кругов и рады. Вместе с тем Вран-

гелем было указано о необходимости для пополнения армии назначить новую мобилизацию двух возрастов. Приказ о новой мобилизации был объявлен 27 июля. Призывались военнообязанные досрочных призывов 1921-го и 1922 годов.

Еще в конце июня было выслано несколько партизанских отрядов, которые, направляясь для действия по тылам красных, должны были опираться на сочувствующие белым элементы населения. Больше всего надежда, конечно, было на отряды, которые должны были действовать в казачьих областях. Один из таких отрядов, под начальством полковника Назарова, высаженный у Таганрога, пополнившись восставшими казаками, довольно долго действовал в районе Новочеркаска и Ростова. Другие же отряды скоро вернулись обратно.

Действия полковника Назарова утвердили уверенность Врангеля, что при высадке на Кубани Русская Армия встретит полное сочувствие населения и что ряды армии быстро пополнятся и дадут возможность основать новую базу для дальнейших операций. Договор с атаманами обеспечивал согласованность действий с казачьими образованиями, а надежды на Францию, казалось, давали возможность рассчитывать на помощь недостающей армии военной техники. Уже во время последних июльских боев авиация Крымской армии почти бездействовала.

План Кубанской операции в штабе армии разрабатывался несколько недель. В десантную группу намечались: 1-я конная Кубанская дивизия генерала Бабиева, 2-я пешая Кубанская дивизия генерала Шиффнер-Маркевича, Сводная пехотная дивизия генерала Казановича. Всего около 4500 штыков и шашек, 130 пулеметов, 12 орудий, 6 броневиков и несколько аэропланов. В группу особого назначения входил отряд генерала Черепова в составе Корниловского военного училища и Черкесского дивизиона, он был предназначен для демонстративных целей.

По донесениям разведчиков, казаки всюду враждебно относились к советской власти. Принимая во внимание крупные отряды повстанцев, численность десанта лишь немногим уступала противнику. Означенные сведения давали основание рассчитывать, что при условии соблюдения должной скрытности и быстроты высадку удастся произвести почти беспрепятственно. В дальнейшем, двигаясь по родным местам среди сочувствующего населения и присоединяя к себе многочисленные повстанческие отряды, десанту удастся захватить самое сердце Кубани — Екатеринодар — и прежде, нежели красное командование успеет собрать значительные силы, очистить от красных северную часть Кубанской области.

По занятии Кубани Врангель намечал оттянуть войска к Перекопу, перебросить на Тамань весь Донской корпус и, обеспечив прочную базу на Кубани, приступить к очищению Донской области.

Вернувшийся из-под Анапы генерал Лебедев, командированный для связи с восставшими на Черноморском побережье казаками, сообщил, что он связался с повстанцами, которые успешно нападали на красных по линии железной дороги Екатеринодар—Новороссийск. По данным генерала Лебедева, повстанческое движение на Кубани вовсе не захватило все казачье население, как о том сообщали другие разведчики. За отрядом генерала Фостикова признавалась известная сила, но вовсе не такая, которая могла бы сыграть существенную роль при малочисленном десанте.

В штабе генерала Врангеля складывалось мнение, что при высадке можно рассчитывать на тех казаков, которые примкнут к десанту в районе его действий. Сообщение генерала Лебедева оправдалось во время действий десантного отряда. Когда генерал Врангель 11 августа посетил станицу Таманскую, она была почти пустой. Немногие оставшиеся казаки были совершенно запуганы, не веря в успех, и ожидали ежечасно возвращения красных. Все молодые казаки были мобилизованы в Красную армию при ее отступлении.

Возникал вопрос о командовании. Во главе десантной группы можно было назначить только кубанца, а среди них выбор генерала Улагая напрашивался сам собой. Это был исключительно доблестный начальник, с редким умением управлять конными атаками, сам находясь среди атакующих частей. Но у него не было опыта в руководстве самостоятельными операциями. Поэтому ему начальником штаба был предложен генерал Драценко, с назначением которого генерал Улагай охотно согласился. Генерал Улагай пользовался среди казаков широким обаянием. Улагай один мог с успехом «объявить сполох», поднять казачество и повести его за собой. За ним должны были, казалось, пойти все. Он во главе казачьей конницы мог творить чудеса. Но Врангель знал и его отрицательные свойства — отсутствие способности к организации и свойство легко переходить от большого подъема духа к унынию. Но заменить его было нечем.

О районе высадки десанта никто не был осведомлен, кроме генерала Врангеля, начальника штаба армии генерала Шатилова и генерала Улагая. Штаб армии готовил план операции до момента высадки, а разработка проекта первоначальных действий была поручена генералу Улагая и его начальнику штаба генералу Драценко.

К большому удивлению, о намеченном десанте скоро стало известно повсюду. Генерал Врангель посчитал необходимым секретно поделиться намечаемой операцией с Донским и Кубанским атаманами. Они

поделились со своими председателями, а последние — с членами круга и рады. Это привело к тому, что много кубанских беженцев устремилось в Феодосию, где должна была состояться посадка на суда. Генерал Улагай не препятствовал их посадке.

Кубанские казаки отправлялись в десант со всем скарбом, в некоторых случаях даже с семьями, уверенные, что отправляются «по домам». С ними на судах находились члены рады, краевого правительства, атаман и видные кубанские общественные деятели. Самые элементарные требования, касающиеся охранения военной тайны, были забыты. Доходило до того, что офицерам и солдатам — уроженцам Кубани — была предоставлена возможность открыто переводиться в части, предназначавшиеся для десанта.

Подготовка десанта на Кубань была известна многим не только в Крыму, но и в Северной Таврии. Вольноопределяющийся 3-го конноартиллерийского дивизиона 1-й Кубанской дивизии, под командованием генерала Бабиева, П.В. Гюльцгоф в своем дневнике записал: «После удачных июльских боев наша дивизия отошла в резерв в район станции Пришиб. Там скоро нам стало известно, что мы едем на Кубань в десант... 26 июля утром мы погрузились в эшелоны, а 27 днем были уже близ Феодосии. В такой быстрой переброске войск и в быстроте железной дороги видна была рука Врангеля. 29 состоялась наша погрузка на суда... На следующий день в 9 часов утра 22 транспорта и 8 боевых судов отплыли из Феодосии».

Только в пути командующий флотилией узнал о районе высадки, которая состоялась у станицы Приморско-Ахтарской. С этим же отрядом на военном транспорте «Сарыч» плыл и батальон Киевского Константиновского военного училища, в составе двух генералов, 5 штаб- и 20 обер-офицеров, 2 врачей, 377 юнкеров и 44 солдат.

А. Балковский в своих воспоминаниях о Кубанском десанте (Военный Сборник. Париж, 1965. № 8) пишет, что в Керчи потребовалось полтора месяца для организации внезапного нападения на Кубань. В течение этого времени «об этой «секретной» операции с неожиданной высадкой все воробьи в Керчи чирикали». Большевики обо всем этом узнали и участвовали свои авиационные налеты. Им удалось вывести из строя пароход «Павел». В конце июля в район Керчи прибыли части астраханских и терских казаков для участия в десанте. В конце июля прибыли генералы Казанович, Бориско и Колоссовский. 25 июля начальник сводной дивизии из Алексеевского полка генерал Казанович произвел смотр дивизиону. «Солдаты и офицеры были одеты в белые рубашки, переделанные из английских нижних рубах, так как интендантство не выдало летнего обмундирования, хотя его было в изоби-

лии». Прибавим к этому, что некоторые полки поехали в десант в фуражках с белыми тульями.

«Из Керчи, — продолжает А. Балковский, — двинулись поздно ночью 30 июля. Утром 31-го в Азовском море в трех колоннах двигалось 27 пароходов. В полдень эскадра в открытом море стала на якорь. Солнце печет немилосердно. Разрешили купаться. Эскадру объехал на миноносце адмирал Машуков, командующий флотом. Поздно вечером двинулись дальше. Только здесь нам сообщили, что десант будет сделан в станице Приморско-Ахтарской.

Утром 1 августа в 15 верстах показался берег, идущие впереди боевые суда открыли огонь по берегу севернее станицы Приморско-Ахтарской. Около 12 часов дня авангард пошел к берегу на высадку, а артиллерийский огонь боевых судов усилился. Эскадру объехал на миноносце «Жаркий» генерал Улагай и объявил, что алексеевцы и кубанцы уже высадились и заняли станицу... Не доходя до пристани — деревянного на сваях мола, уходящего далеко в море, — пароходы стали на якорь, а у края пристани стало боевое судно «Урал».

1 августа около 9 часов вечера в оперативном отделении штаба получены первые известия об удачной высадке десанта на Кубани. Главные силы десанта, преодолев сопротивление противника, высадились в бухте Приморско-Ахтарской. Почти одновременно менее значительные отряды под командованием генералов Харламова и Черепова высадились первый на Таманском полуострове, второй — в районе Анапы.

Подготовка и высадка десанта

За один или два дня до отъезда десантных частей из Крыма на Кубань «в разведывательном отделении штаба генерала Врангеля были получены сведения, что большевики уже вполне подготовлены ко встрече этого десанта». Все это не соответствовало действительности. В Ейске дислоцировались только два батальона советской пехоты; в станице Должанской — одна рота, в станицах Ясенской и Приморско-Ахтарской — по две роты; на Тамани, по Азовскому побережью, — одна стрелковая 65-я бригада 22-й дивизии — в Темрюке и Джигинском. Непосредственное обеспечение Таманского полуострова было возложено на ту же 65-ю бригаду (1760 штыков, 62 пулемета, 8 легких и 4 тяжелых орудий). Но части этой стрелковой бригады располагались не на самом полуострове, а за пределами его, причем на пути их выдвижения на полуостров лежала значительная преграда в виде болотистой долины устья реки Кубани с переправами у Джигинского и несколько севернее.

Постоянные же наблюдательные посты охраняли только участок Ахтанизовская—Темрюк. Остальное же побережье полуострова, с уходом 65-й бригады против группы генерала Улагая, даже не наблюдалось.

На Черноморском побережье от станицы Благовещенская—Гастогевская до города Анапы находилось две бригады (66-я 22-й дивизии и 26-я 9-й дивизии). Внутри Кубани, в станице Варениковской, стояла кавалерийская бригада 22-й дивизии, а в районе Роговская—Брюховецкая только 1-я кавалерийская дивизия.

О необходимости для армии генерала Врангеля Кубанской операции уже давно чувствовало военное командование большевиков. Его военный и морской комиссар Лейба Бронштейн (Троцкий), приставив револьвер к виску бывших офицеров Императорской армии, не успевших или не захотевших в свое время перейти в белые армии, заставил «военных специалистов» служить большевикам. Еще в середине июля на пленуме московского совета «большевистский фельдмаршал» Бронштейн говорил: «Врангель стремится сейчас перенести свой операционный базис на восточное побережье Черного и Азовского морей, то есть путем десанта ворваться в Донскую и Кубанскую области, подтянуть контрреволюционные элементы и создать из Крымского фронта Южный фронт с главным кавказским крылом... поднять Кубань, потянуть за ней Дон, Терек, завладеть Баку — значит, получить в свои руки и солдат, и хлеб, и нефть. Это посерьезнее Крыма...» Но о времени и месте высадки главных сил десанта не знали ни штаб Кавказского фронта (Ростов-на-Дону), ни командование IX армии (Екатеринодар).

Известно, что в ночь с 25 на 26 июля (ст. ст.) противник старался перейти со стороны Каховки в наступление, как бы срывая намеченную генералом Врангелем Кубанскую операцию. Атака красных потерпела неудачу и дала возможность безболезненно вывести с Крымского фронта для десанта новые части. На Кубани этот момент совпал с усилением недовольства казачества и крестьян Черноморского побережья, с проявлением исключительной активности бело-зеленых и повстанческих отрядов. На объявленную советскими властями мобилизацию в Сочинском округе никто не откликнулся, и население с оружием в руках ушло в горы (тифлисская газета «Борьба» от 17 июня 1920 года). В это время Мариупольская флотилия красных приходила на Кубань для обстрела мятежных станиц. Несколько позже она же с катером «Троцкий» обстреливала хутор Обрывский и станицу Ново-Николаевскую. Десантный отряд полковника Назарова успешно продвигался вперед на Дону. На Кубани активно действовали отряды повстанцев полковников Скакуна и Лебедева.

Особоуполномоченный ВЧК по Северному Кавказу Ландер в своем обращении к населению писал: «Все выступления бело-зеленых... будут нами подавлены с неумолимой жестокостью. Станицы и селения, которые укрывают белых и зеленых, будут уничтожены, все взрослое население — расстреляно, все имущество конфисковано... В случае массового выступления отдельных сел, станиц и городов — мы будем... применять к этим местам массовый террор: за каждого убитого советского деятеля поплатятся сотни жителей этих сел и станиц». Таким образом, положение на Крымском фронте, настроение населения на Кубани, Дону, Черноморском побережье, в Тамбовской губернии, в Поволжье и Сибири, не говоря уже о волнениях в рядах Красной армии и массового перехода красноармейцев в плен к полякам и на территорию Германии, благоприятствовало десантной операции и обещало полное осуществление новых планов генерала Врангеля.

Известно, что, боясь десанта, задачами для Кавказского фронта большевиков, которым в то время командовал бывший полковник В.М. Гиттис, были: обеспечение правого фланга со стороны Крыма и Грузии силами IX Кубанской армии и борьба с бело-зелеными и повстанческим движением в пределах занимаемой этой армией территории. Это заставляло красное командование держать в глубоком тылу достаточные резервы, на Польский же фронт отправлять «беспокойных» кубанских и донских казаков призывного возраста. Считая Тамань удобной базой для высадки десанта, как наиболее короткой связи с Крымом, красные дислоцировали на Таманском полуострове свои главные силы.

Хотя, по агентурным сведениям, противнику были известны названия частей, готовых к десанту, но новые две-три дивизии прибыли с Крымского фронта в пункты посадки лишь накануне и ночью во время погрузки. Не только ночная посадка частей десанта в обоих портах не была замечена красными, но и береговые наблюдательные посты противника, расположенные на Тамани и в районе Темрюка, без выстрела пропустили ночью большой караван транспортов с военным конвоем через Керченский пролив, где фарватер проходит в 1—1,5 км от Таманских кос — Тузлы и Чушка. Не ожидала десанта и Азовская флотилия большевиков. С. Колбасьев в «Записках о военных действиях в Азовском море в 1920 году» (Морской сборник. 1922. № 5/7) сообщает, что «встреченные в море белые суда, как выяснилось впоследствии (подчеркнуто нами), были заняты высадкой десанта с 21 судна в станицу Приморско-Ахтарскую. Белые высадили около 3000 человек и стали распространяться на Кубань. В Темрюке опасались захвата судов белыми, а потому весь отряд красных был взорван».

Автор «Записок» заключает: «Этой высадкой белые сразу изменили планы советского командования».

На рассвете 1/14 августа десантные суда и его конвой появились перед станицей Приморско-Ахтарской. После короткого обстрела побережья севернее станицы десант приступил к высадке, с некоторым нарушением плана места и времени разгрузки. Такое непредвиденное изменение плана Ставки отрицательно отразилось на решительном, совместном и стремительном ходе действий десантной операции. В течение первого дня высадка на отмелях у хуторов Верещагинского и Бородина с последующим движением вброд, а также и у пристани Приморско-Ахтарской была произведена почти без всяких помех со стороны красных. В этот день высадилась на берег почти вся дивизия генерала Казановича и 1-й Уманский конный полк дивизии генерала Бабиева.

Для командования IX армии высадка главных сил десанта у Приморско-Ахтарской оказалась в месте наиболее уязвимом для красных, не говоря уже о ее неожиданности. Первые сведения о появлении десанта были получены в штабе 1-й кавалерийской дивизии (станция Брюховецкая) в 9 часов 35 минут утра, одновременно с донесшейся канонадой с боевых судов конвоя десанта. Только в 12 часов 20 минут о высадке становится известно и штабу IX армии в Екатеринодаре. Начальник дивизии из Брюховецкой дает приказ всем своим частям: «Уничтожить противника во что бы то ни стало». Но это ему не удается, и принимается новый план обороны.

По воспоминаниям генерала А. Лукомского, в Кубанской десантной операции участвовало 8000 человек, из коих 2000 было конных. В советских источниках (1929) указывается, что десантные силы составляли 8000 штыков и 4500 сабель. Здесь нужно заметить, что, по советским же данным, общие противодесантные силы красных, с подтянутыми, после 8/21 августа, резервами составляли 35 895 штыков и 6046 шашек, а борьбой с «Армией Возрождения России» генерала Фостикова было сковано еще 9683 штыка и 1901 сабля, не говоря уже о превосходстве у красных легкой и тяжелой артиллерии, пулеметов, бронепоездов, аэропланов и другой боевой техники.

Наступательные бои, отношение с повстанцами, местным населением и пленными

В первые дни высадки десанта генерал Врангель обратился к кубанскому казачеству с воззванием, в котором говорилось: «Все к оружию!.. Соединяйтесь в отряды!.. Сдающихся красноармейцев разо-

ружайте, но не преследуйте и не позволяйте их грабить... Никакой мести, никаких зверств и репрессий, мы должны победить правдой, а не насилием... Армия несет с собой действительную неприкосновенность личности, жилища, семьи, свободу слова и печати. Мы идем обеспечить населению без различия классов и национальностей спокойную жизнь, право человека и гражданина...» Практическим результатом такого призыва явилась массовая сдача в плен красноармейцев при наступательных действиях десанта, присоединение к нему молодых казаков, спрятавшихся в камышах от советских мобилизаций, и переход в ряды десанта не только повстанческих отрядов, но и бело-зеленых партизан. И это несмотря на запугивание населения большевистскими карательными действиями, подлой системой заложничества и расстрелами без суда невинных родственников.

Вольноопределяющийся Конно-горной батареи генерала Дроздовского П.В. Гюльцгоф в своем дневнике отметил: «Высадившись 1/14 августа на Ахтарской косе, батарея сразу направилась на хутор в 10 верстах от Приморско-Ахтарской, а 2/15—4/17 августа принимала участие в наступлении на станицы Ольгинскую, Роговскую и Раевскую. 5/18 августа батарея участвует в бою при занятии станицы Брюховецкой, а 7/20 августа переходит в станицу Тимошевскую», которая за два дня до этого была взята Сводной дивизией генерала Казановича.

Но на второй день наступления (2/15 августа) на Алексеевский полк обрушивается большая беда. Наступая вдоль железной дороги без своей артиллерии, которая еще разгружалась, Гренадерский батальон полка, не зная, что впереди и вокруг него, занял позицию у Свободных хуторов (Трещенко и Курчанка). Противник бросил на него кавалерийскую бригаду 1-й кавалерийской дивизии с бронепоездами, артиллерией, пулеметными тачанками. Шесть атак красной конницы были отбиты. Патроны были на исходе, и батальон, начав отступать, был отрезан от своих и почти весь порублен красными. Советские источники, упоминая об этом случае, пишут, что «после 2-часового боя их кавалерийская бригада, поддерживаемая огнем бронепоездов и тракторной батареей, занимает хутор Курчанка и полностью уничтожает батальон, захватив три пулемета, сто пленных и зарубив 200 гренадер».

Почему пехотный полк наступал без артиллерийской поддержки, нам неизвестно. Видимо, из-за медлительности выгрузки артиллерии в полуразрушенном порту Приморско-Ахтарской. Отсутствие при пехотных частях артиллерии почти аналогично случилось и в последний день наступательных операций. 8/21 августа батальон Киевского Великого князя Константина Константиновича военного училища тоже без артиллерии,

будучи атакован в станице Брыньковской двумя полками стрелковой бригады и конным дивизионом с 8 орудиями, потерял убитыми 2 офицеров и 17 юнкеров, а ранеными более 50 человек.

К вечеру того же дня Свободные хутора были взяты Алексеевским полком и красные отгесняются на линию в 2 км западнее района хутор Добровольный—Ольгинская. Конница десанта занимает станицу Брыньковскую, взятие которой грозит красным охватом их правого фланга. Противник сознает, что поставленная 1-й кавалерийской дивизии задача — уничтожить десант во что бы то ни стало — является невыполнимой.

3/16 августа боевые действия идут в районе станицы Брыньковской. Противник пытается наступать на станицу Приморско-Ахтарскую, но отбивается и теряет один бронепоезд. Этим днем заканчивается период нерешительных несовместных и несогласованных действий десантных частей, причиной чему была затянувшаяся выгрузка артиллерии, конницы и многочисленных тыловых обозов.

С утра 4/17 августа главные силы десанта под командованием генерала Улагая приступают к решительным действиям. Около 8 часов утра конная дивизия генерала Бабиева стремительно обрушивается на противника и занимает район Брыньковская—хутора Добровольный и Сербина. Красные в беспорядке отходят на Ново-Джерелиевскую. Попытка их при поддержке бронепоезда и тракторной батареи задержать пехотные части генерала Казановича быстро ликвидируется конницей генерала Шифнер-Маркевича со стороны редута Чурого. Красные оставляют на поле боя бронетракторную батарею.

Пехотные части десанта преследуют противника по всему фронту. Дивизия генерала Бабиева, оставив незначительный заслон у станицы Брыньковской, быстро выдвигается через хутора Бутенко на хутора Семенцова—Ищенко. Заняв последние, генерал Бабиев (около 19 часов) поворачивает на Роговскую и отрезает 1-й кавалерийской дивизии пути отхода на Брюховецкую и Тимошевскую. Подошедшие главные части дивизии генерала Шифнер-Маркевича заканчивают полное окружение красных. Ночью кавбригаде 14-й советской дивизии удается прорваться почти без потерь, но в ее артиллерийской летучке гибнет около 100 человек (оперсводка штаба IX армии от 5/18 августа).

Конные части 1-й кавдивизии, с артиллерией во главе, отступая вслед за кавбригадой 14-й дивизии, встречаются почти в упор перекрестным пулеметным и ружейным огнем десанта, теряя половину личного состава (в том числе начальника дивизии), обе батареи и почти все пулеметы. Отдельные группы пробиваются или рассеиваются в

плавнях озера и реки Карпели. К утру 5/18 августа 1-я кавдивизия красных перестает существовать как боевая единица.

Около 15 часов конница генерала Бабиева, дав выйти красным на линию хутор Ищенко—станция Роговская, неожиданно появляется перед цепями противника и стремительной конной атакой на стык полков прорывает фронт, отбрасывая один фланг его через болотистые камыши Бейсугского гирла на хутор Б. Солоненько, а другой в плавни лимана «Лебяжий» и в направлении на хутор Придорожный. Конница генерала Бабиева захватывает две вполне исправные батареи, много пулеметов и пленных (оперсводка штарма IX к 23 часам 5/18 авг.).

В 19 часов, 5/18 августа, дивизия генерала Казановича отбросила красных на Ново-Корсунскую и на Медведовскую. Не преследуя отходящие части противника, генерал Казанович около 20 часов занял станцию и станицу Тимошевскую, а дивизия генерала Бабиева передовым отрядом вступила в станицу Брюховецкую. Части конной дивизии генерала Шифнер-Маркевича заняли Ново-Ниже-Стеблиевскую (она же Гривенская), Ново-Николаевскую, Старо-Джерелиевскую, Поповическую и Старо-Величковскую.

Поражение красных в боях 5/18 августа и занятие десантными частями Тимошевской выводило группу генерала Улагая на важнейшие для области, армии и фронта направления: Тимошевская—Екатеринодар и Тимошевская—Тихорецкая, создавая непосредственную угрозу Екатеринодару и тылам красных частей, расположенных на Черноморском побережье.

Нравственно-психологическое состояние войск в этот момент было различное: красные были настроены панически, а десантники, ободренные своими успехами и надеждами на освобождение Кубани, имели большой боевой подъем. Но к сожалению, несмотря на доказательства генералу Улагаю со стороны генерала Казановича и генерала Бабиева о необходимости немедленного стремительного наступления на столицу Кубани — Екатеринодар, то есть точного выполнения указания генерала Врангеля, генерал Улагай, обремененный своей базой и гражданским тылом в Приморско-Ахтарской, оглядывался назад, опасаясь быть отрезанным от них и, как оказалось впоследствии, боялся быть окруженным в Екатеринодаре.

Генерал Бабиев 9/22 августа наносит противнику в районе хутор Ищенко—станция Брыньковская жестокий удар, захватив до 1000 пленных и много пулеметов, но теряет связь с генералом Улагаем. Под Тимошевской с красными дерутся юнкера и Алексеевский полк, укомплектованный красноармейцами (около 1000 бойцов).

Кризис десантной операции

Итак, 5/18—7/20 августа положение у красных было критическое. Тревожное настроение в ряде станиц и убеждение командования противника, что Екатеринодар будет следующим этапом стремительных действий десантных частей, принуждает IX армию и кубанские областные организации произвести спешную эвакуацию из Екатеринодара всех военных и гражданских учреждений в Ростов и Тихорецкую.

Эта эвакуация, по советским источникам, производилась настолько спешно, что учреждения вывозили из города только их личный состав, бросив все свое имущество. В эти дни разъезды десантных частей доходили до хутора Дубинка (30—35 км северо-западнее Екатеринодара). Южный участок Тимошевская—Славянская, выводящий непосредственно на Екатеринодар, совсем не был прикрыт противником. К 6/19 августа фронт тянулся от Брыньковской на станицы Переяславскую, Брюховецкую, Тимошевскую, Поповическую, Старо-Величковскую, Старо-Джерелиевскую, Полтавскую, Петровскую и выходил к морю у лиманов южнее Ачуева.

К этому времени военный флот десанта находился еще на защите Ясенской косы и станицы Приморско-Ахтарской, а также и около имения князя Лобанова-Ростовского на Черноморском побережье, охраняя там десант группы генерала Черепова. Весь Таманский полуостров был очищен от красных, которые были отеснены на юго-восток и отошли к Анапе для борьбы с отрядом генерала Черепова, а на северо-восток ушли сами для борьбы с группой генерала Улагая.

Несколькими днями позже (7/20—11/24 и до 17/30 августа) фронт армии генерала Фостикова и отряда полковника Крыжановского тянулся: Переправная, Севастопольская, западнее Тульской и Махошевской, Ярославской, Лабинской, Чаплыкской, Урупской, севернее и восточнее хуторов Коноково и Урупских, на Беломечетскую, Баталпашинскую, Усть-Джегутинскую и Верхне-Николаевская—Кардоникская. То есть линия западного фронта армии генерала Фостикова отстояла от Екатеринодара на 100—110 км.

Несмотря на отсутствие сведений от генерала Улагая с 6/19 по 8/21 августа, Ставка Главнокомандующего только 10/23 августа связалась с группой генерала Улагая. Но время было упущено, «порыв» у десантных частей не был использован ни генералом Улагаем, ни генералом Драценко, десантные части начали «терять сердце». Не был «порыв» использован и Ставкой, которая дала штабу генерала Улагая только план высадки и главные вехи направления десанта, а даль-

нейшее продвижение должно было разрабатываться в штабе генерала Улагая.

Разгром 1-й кавдивизии и выход десантных частей в район Роговской убеждает красных в серьезности этого направления и значительности действующих у генерала Улагая сил. Вечером 5/18 августа армейский резерв, — 26-я бригада 9-й дивизии, — приступает к погрузке на станцию Крымская для переброски железной дорогой к Тимошевской. Поражение красных частей в боях 5/18 августа и занятие дивизией генерала Казановича Тимошевского железнодорожного узла к утру 6/19 августа резко изменили обстановку в пользу группы генерала Улагая. 5/18 августа большевики сосредоточивались на линии реки Бейсуга и перебрасывали свои части на линии Дядьковская — Медведовская и Старо-Величковская (резерв Михаила Левандовского). На южном фронте ударной группы генерала Улагая в это время были обнаружены части красных, переброшенные с Таманского полуострова.

Ясно понимая, какое военное и особенно политическое значение имело для десанта занятие Екатеринодара, командование 9-й армии уже в момент его эвакуации сделало все возможное для обороны Кубанской столицы. Кроме своих армейских и фронтовых резервов, против десанта направились: из состава 10-й армии — 33-я кавбригада, из 11-й армии 7-я кавдивизия, из резерва Главного командования — 2-я московская бригада курсантов ВЦИК.

Однако эти условия генералами Улагаям и Драценко не только не были использованы, но в следующие дни они вообще отказались от наступления на Екатеринодар. 6/19 августа генерал Улагай прекращает нажим во всех направлениях и, лишь обеспокоенный захватом Приуральской бригадой Брыньковской переправы, усиливает действующие там 200 сабель Терского полка Константиновским военным училищем. Выбив из Брыньковской 3-й полк бригады красных, десант закрепляет ее за собой. С утра 6/19 августа противник обстреливает станцию и станицу Тимошевскую. Пехотная атака красных отбивается кубанскими стрелками, и противник буквально бежит, преследуемый шрапнельным огнем артиллерии десанта. К вечеру противодесантные части опять безуспешно атакуют Тимошевскую.

Несмотря на явный кризис в штабе генерала Улагая, красное командование высказывает уверенность в переходе десантных частей в наступление. Оно старается не допустить прорыва десанта на Екатеринодар и не выпустить его из района Ново-Джерелиевка—Тимошевская. Но такое предположение обрекало на пассивность примерно $\frac{3}{4}$ состава 9-й армии, что показывало продолжение растерянности, вызванное первыми успехами десанта.

Пассивность группы генералов Улагая и Драценко в течение 6/19 и 7/20 августа позволила противнику к вечеру второго дня усилиться двумя стрелковыми бригадами. Генералы Улагая и Драценко не меняют своей группировки, не проявляют себя ничем и, не тревожимые красными частями, теряют с ними соприкосновение. Обладая к этому времени значительной территорией с населением в 200 000 человек и Тимошевским железнодорожным узлом, десант рассыпается на мелкие отряды для обеспечения мобилизации, то есть переходит к обороне.

В тот же день (7/20 августа) отряд красной флотилии из Мариуполя предпринял поход на Ахтарский рейд. Его истребители и сторожевые суда выставили к югу от Камышеватского мыса заграждения, а его канонерские лодки впервые обстреляли станицу Приморско-Ахтарскую. Во время обстрела один аэроплан десанта атаковал эскадру красных, и его одна бомба легла рядом с канонерской лодкой «III Интернационал».

Думая, что, пользуясь пассивностью противодесантных частей, генералы Улагая и Драценко производят перегруппировку для удара в том или ином направлении, красное командование решает взять инициативу в свои руки. В 23 часа 20 минут 7/20 августа противодесантным частям ставится задача: занять не позже 8/21 августа Ольгинскую, Ново-Джерелиевскую, Роговскую, Брюховецкую. В полночь отдается приказ сосредоточить конные части в Ново-Корсунской, откуда перейти в наступление на Тимошевскую, а в случае успеха перейти в преследование с задачей окончательного уничтожения десанта. Но этот план, имевший целью захватить инициативу, в указанный срок выполнен не был, и вместо двух согласованных ударов — пехотной группы с севера, а конной с востока — утром 9/22 августа изолированную операцию вела только группа начдива IX.

8/21 августа утром после упорного боя в станице Брыньковской батальон Константиновского военного училища, при больших потерях, отходит к хутору Добровольному и станице Ольгинской. Противодесантные части продвигаются в тыл главных сил десанта. Достигнув Роговской, угрожают десанту перерывом его сообщения с морем и базой. Но конница генерала Бабиева отбрасывает красных вновь к станице Брыньковской. За эти три дня, 6/19—8/21 августа, как отмечал генерал Шатилов, численность противодесантных войск увеличилась на 7—8 тысяч штыков, 550 сабель, 30 орудий, что давало красным значительное превосходство в силах.

На 9/22 августа красные ставили себе задачи: глубокие удары на флангах десанта с сильным ударом в центре — станица Тимошевская.

Наиболее опасными для десанта были, несомненно, удары флангов, отрезая десант от моря и угрожая полным окружением. Наступление красных на Тимошевскую сбивало десант с намеченных им направлений наступления, но не приводило к катастрофе. Наиболее сильной оказалась центральная группа красных. Она состояла из 8000 штыков, 1000 сабель и 30 орудий, причем все их внимание было сосредоточено на одном пункте — Тимошевской.

Результат боев 9/22 августа противоречив. Части десанта показали исключительную стойкость, подготовленность, командование проявило умелое тактическое руководство, поражение потерпел лишь небольшой отряд десанта, действовавший против 22-й бригады красных. Зато конницей генерала Бабиева была разгромлена вся правофланговая группа противника, а дивизия генерала Казановича после дня упорного боя с втрое сильнеешим врагом сохранила свою маневренную свободу и понесла значительно меньшие потери, чем атакующие ее красные части. Количественно трофеев десантники также значительно превосходили красные части. Несмотря на это, бои 9/22 августа были кризисом Кубанской операции. Они показали, что силы десанта недостаточны для того, чтобы противостоять сосредоточенным красным резервам. 9/22 августа П. Гюльцгоф отметил в своем дневнике, что, выйдя утром из Арбузовой балки, его батарея участвовала в пяти боях и пяти атаках и к вечеру заночевала в станице Ольгинской.

Отступление главных сил десанта группы генерала Улагая

Ночью на 10/23 августа генералы Улагай и Драценко отдают приказ 2-й Кубанской и Сводной дивизиям отходить к станице Гривенской (тогда же была отправлена телеграмма в Ставку с просьбой присылки кораблей в Приморско-Ахтарскую для принятия на борт десанта). Днем красные безуспешно атакуют части 1-й Кубанской дивизии. Станицы Брыньковская и Ольгинская переходят из рук в руки.

Мариупольская флотилия совершает 2-й поход на Ахтарский рейд с десантом, транспорты которого проходят через перебоину косы Долгой. «После встречи с транспортами у Камышеватского мыса решено было высаживаться на мысе ввиду возможного присутствия больших сил десанта в море» (С. Колбасев). Пока транспорты красных производили высадку, их канонерские лодки повторили обстрел станицы Приморско-Ахтарской. Весь этот день транспорты красных высажи-

вали войска у Камышеватского мыса. Вечером с юго-запада пришли четыре канонерские лодки и один миноносец отряда Кубанского десанта, которые держались на горизонте, ожидая ночи и желая, пользуясь преимуществом хода, поставить красную флотилию на полосу лунного света. Бой на лунной полосе был для красных слишком невыгодным, и они, уклонившись от него, повернули на 180 градусов и удалились. Их транспорты, высадив десант на мысе, проследовали через перебоину в Мариуполь. Военные суда десанта нашли боевой отряд красных на рассвете у Белосарайской косы, но преследовать не могли.

Ночью на 11/24 августа, опасаясь охвата обоих флангов, десант оставил станицу и станцию Тимошевскую, отойдя через станицу Ротовскую на хутор Гречаного. Красным частям Тимошевский узел достался ценой упорного боя и тяжелых потерь. Несмотря на свое тройное превосходство в этом районе, красные не одержали решительного успеха: части десанта ушли не расстроенными и сохранившими за собой свободу действий. Развертываясь по линии реки Бейсуга, большевики сосредоточивались для нанесения удара по базе Кубанского десанта в Приморско-Ахтарской, с которой был скован генерал Улагай. К вечеру того же дня десантники удержали свое расположение у Брыньковской и Ольгинской. С утра 10/23 августа командование десантом считало свое положение критическим и ожидало энергичного нажима красных. Полагая невозможным активно противостоять этому нажиму в течение 10/23 августа, оно продолжало оттягивать свои части для прикрытия основных направлений, соединяющих десант с морем.

Красное командование думало иначе. Не зная истинных сил и состояния десанта и находясь еще под влиянием его прежних успехов, угрозы Екатеринодару и опасности восстания местного населения, а оно могло бы дать не менее 20—30 тысяч новых бойцов, красные в исходе боев 9/22 августа не только не увидели трудного положения группы генерала Улагая, а, наоборот, считали, что десант, не связанный их действиями, с утра 10/23 августа поведет наступление в сторону Екатеринодара. Поэтому внимание командования 9-й армии в это время было приковано к подготовке отражения предполагавшегося наступления десанта, на удержание Тимошевской и на прикрытие Екатеринодара, а не на развитие достигнутых 9/22 августа успехов и организации преследования. Таким образом, основные силы красных с утра 10/23 августа получили оборонительную группировку и пассивные задачи. Однако события, совершившиеся в этот день, оказали огромное влияние на дальнейший ход операции.

10/23 августа главные силы десанта находились в районе станица Ольгинская—хутор Сербина—поселок Добровольный. Красные днем овладели Ново-Николаевской и наступали на Ново-Ниже-Стеблиевскую, грозя отрезать десанту путь отступления на Ачувев. Однако положение десанта за этот день значительно окрепло.

Группа генерала Бабиева после полного разгрома 25-й бригады красных, не успев оказать помощи дивизии генерала Казановича, ночью на 10/23 августа сосредоточилась в Роговской и Ново-Джерелиевской. Днем генерал Бабиев отошел в район Ольгинская—Добровольный. Оставленный им заслон в Ново-Джерелиевской только ночью соединился с главными силами в Ольгинской (Приморско-Ахтарская красными еще не была занята). Дивизия генерала Казановича днем, не входя в соприкосновение с противником, отошла через хутор Гречаного на Глубоко-Ериковскую. Конная дивизия генерала Шифнер-Маркевича к вечеру (10/23 августа) сосредоточилась в районе Степная—Ново-Ниже-Стеблиевская, где к этому времени сосредоточились все тыловые учреждения десанта. Связь с морем была установлена по тракту Ново-Ниже-Стеблиевская—Ачувев, туда же была перенесена Приморская база. Сущность такой группировки десанта сводилась к сосредоточению сил на флангах при слабом центре.

Считая Кубанский фронт главным, Ставка еще 9/22 августа переезжает в Керчь для непосредственного руководства операцией. Однако этот день совпал с днем поражения частей десанта и потерей связи штаба генерала Улагая с Крымом. Для установления этой связи и изучения обстановки на месте из Керчи на аэроплане в Ново-Ниже-Стеблиевскую вылетает генерал-квартирмейстер штаба генерал Коновалов, который 10/23 августа сменил генерала Драценко. 10/23 августа генерал Врангель и начальник штаба генерал Шатилов прибывают в Керчь. У генерала Врангеля теплится надежда, что очищение красными Тамани даст возможность перевода базы на Таманский полуостров и оттеснение противника на восток. Алексеевский полк снова занимает станицу Брыньковскую.

В 17 часов 20 минут 10/23 августа ни командарм IX, ни его части ничего не знали о десанте. Вечером того же дня (в 23 часа 50 минут) был издан приказ командарма № 075, в котором предписывается частям, находящимся в Екатеринодаре, уничтожить десант: «Ни время суток, т. е. ни день, ни ночь, ни усталость людей и лошадей не должны препятствовать для нанесения противнику окончательного удара, помня одно... что наивысшее напряжение сил в течение нескольких часов может положить окончательный предел всяким попыткам белогвардейских врангелевских генералов, ослож-

нив положение на Кубани, поставить в тяжелое положение Советскую Россию».

Но десант, оправившись от боев 9/22 августа, в свою очередь намечал на 11/24 августа переход к активным действиям: сдерживать красные части на своем правом фланге и центре, а группой генерала Бабиева разгромить правый фланг группы начдива 9, выйти в тылы красных, наступающих севернее болотистой полосы Роговская—Степная. Это составляло новый план борьбы десанта с противником, который в этот момент уже имел значительное превосходство сил и вызывал панику у некоторых лиц командования и в частях десанта. Красные же неотступным преследованием могли бы в кратчайший срок ликвидировать группу генерала Улагая. Но время было упущено, и противник снова встретил активное противодействие десантников.

11/24 августа группа генерала Бабиева (1-я Кубанская конная дивизия, Константиновское пехотное военное училище, Алексеевский пехотный полк, две сотни Терского полка) занимала район Ольгинская—поселок Добровольный—хутор Сербина. Вторая Кубанская конная дивизия: район Степная—Кирпили—Глубокоериковская. Сводно-Кубанская дивизия генерала Казановича между Ново-Ниже-Стеблиевская—Глубокоериковская—хутор Кириенко. Кадры 4-й Кубанской дивизии, штаб и учреждение группы генерала Улагая, формирующиеся части — в Ново-Ниже-Стеблиевской (Гривенской).

Для преследования десанта сначала надо было его разбить, и только после этого красные могли приступить к исполнению приказа командарма IX о преследовании. Но часть противодесантных сил (2-я Донская дивизия) оторвалась от десантников на целый переход и, не имея конницы, не могла войти с ними в соприкосновение. Она не знала ни расположения десанта, ни его группировки.

В 9 часов красные перешли в наступление со стороны Брыньковской на поселок Добровольный и к 11 часам приблизились к северной его окраине, прикрывая фланги заслонами к западу от Брыньковской и в районе хутора Сербина. К полудню генерал Бабиев стремительно обрушился на центр и левый фланг Приуральской бригады и, опрокинув ее, занял Брыньковскую. Красные с большими потерями и в беспорядке отошли на хутор Привольный. Батальон красных у хутора Сербина был уничтожен почти полностью. Конница десанта, выделив заслон в сторону хутора Привольного, начала распространяться в сторону Канивской и Брюховецкой, стремясь выйти на тылы всей правофланговой группы 9-й армии красных. В 16 часов красные, при поддержке бронепоезда, овладели станицей и станцией Ольгинская, но

контратакой десантников были выбиты из обоих пунктов. Начдив 9, введя в бой все силы группы, не только не мог выполнить приказ красного командования, но сам едва не потерпел серьезного поражения.

К вечеру (11/24 августа) красные заняли станицу Степную, переправы у редутов Чурого и Подгурского. Вследствие этого группа генерала Бабиева оказалась отрезанной от остальных частей десанта. В этот день на южном участке красные действовали в районе болотистой полосы Степная—Роговская. В это же время две роты красных из Ейска решают продемонстрировать наступление через Ясенскую переправу на Ясенскую косу и далее на Приморско-Ахтарскую. Если бы это наступление, но более крупными силами было предпринято несколькими днями раньше, оно могло бы сыграть огромную роль в общем ходе противодесантной операции. Теперь же оно было бесполезным, ибо район Приморско-Ахтарской с 9/22 августа был свободен от тыловых учреждений десанта.

Результат боев 11/24 августа: группа генерала Улагая оказалась разединенной болотами и переправами, которые были заняты красными. Командующий Кавказским фронтом В.М. Гиттис так оценивает итог боев за этот день: «В общем белые, по-видимому, продолжают отходить на посад Ахтарский с целью посадки на суда и сдерживают наше наступление аррьергардными боями у Брыньковской, Ольгинской, Степной». Иначе понял обстановку генерал Коновалов, заменивший генерала Драценко.

Утром 12/25 августа красные через Брыньковскую и хутор Мина перешли в наступление на Приморско-Ахтарскую и поздно вечером овладели станцией. Конница же десанта, пользуясь подвижностью и демонстрируя отход на Приморско-Ахтарскую, отошла на поселок Добровольный и на Ольгинскую. В то же утро красная кавалерия выдвинулась в район хуторов Котлярова—Трунова, но под давлением десантников со стороны Ольгинской отошла севернее хутора Стояновского. Группа генерала Бабиева, сдержав заслонами у станицы Брыньковской и хутора Сербина наступление группы начдива 9, а потом оттянув их в район хутора Добровольного, с главными силами десанта начала отход в направлении редута Чурого—Степная. Выделенный для обеспечения марша боковой отряд десанта атаковал у хутора Стояновского красных донцов, а отряды, высланные для захвата переправ, вместе с конницей генерала Бабиева оттеснили красных в район Степной. К вечеру десантники овладели Степной, и противник отошел на восток. Десант прочно занял все переправы.

Бои 12/25 августа привели к тому, что удар сильнейшего кулака красных частей, наступавших на Ахтарском направлении, пришелся по

пустому месту. Группа генерала Бабиева благополучно вышла из опасного положения и, овладев первоначально переправами у редутов Чурого и Подгурского, а впоследствии, при поддержке с юга и переправами у Степной, соединилась с главными силами группы генерала Улагая южнее болотистой полосы. Прибывшая экспедиционная морская дивизия красных, не имея сведений о ходе боя, в этот день сосредоточилась в районе Копанская—Ясенская и вела подготовительную работу для переправки на Ясенскую косу.

На южном участке фронта с утра 12/25 августа красные пытались наступать на Ново-Ниже-Стеблиевскую, но частями генерала Казановича со стороны Глубокоериковской и Ново-Ниже-Стеблиевской были отброшены на Ново-Николаевскую. Угрожая охватом их правого фланга, десантники овладевают Ново-Николаевской и захватывают хутора Гречаного. Красные отходят на Старо-Джерелиевскую. Силы десанта сгруппировываются в узком пространстве: Степная—Ново-Ниже-Стеблиевская—Ново-Николаевская. С севера десант обеспечивается болотистой полосой, с занятыми им и удобными для обороны малыми силами переправами у редутов Чурого, Подгурского и станицы Степной. С тыла, а отчасти и слева группу десанта прикрывают малодоступные плавни. Оттеснив красных в район Старо-Джерелиевская, десант освобождается от угрозы удара во фланг при действиях в сторону хуторов Гречаного. Все силы красных в этот день были нацелены в пустое пространство между лиманами Бейсурским и Ахтарским.

Интересна оценка красными боевых операций этого дня: «Противник... теснимый с востока, пытался вернуться на посад Ахтарский (вечерние бои за станицу Степную), усилив в то же время южную группу. Задача командования — отрезать противника от Ахтарской...» Из этой оценки явствует, что у красного командования распространение десанта в южном направлении не вызывает еще никакого беспокойства. Это доказывает действие красных, главные силы которых стремятся не допустить прорыва десанта к Приморско-Ахтарской. Они занимают редут Чурого и станицу Степную, но захватить переправы они не в состоянии. С северного участка красное подкрепление пытается переправиться у Степной, но, попав под перекрестный ружейно-пулеметный огонь, поворачивает на переправу у Роговской. Десант, имея полную свободу действий, наступает на красных и оттесняет их из района Старо-Джерелиевской на Полтавскую.

12/25 августа генерал Улагай, получив телеграмму генерала Бабиева о его успехе под Ольгинской, сообщает генералу Врангелю, что посылка судов отпадает. Но эта телеграмма не вносит успокоения в

Ставке Главнокомандующего, и генералу Улагая предложено перенести базу на Тамань. Но база, после второго обстрела ее Мариупольской флотилией противника, самостоятельно, в составе свыше 40 вагонов, прорывается в направлении на станицу Ольгинскую для соединения с главными силами десанта. Командарм IX приказывает своим частям во что бы то ни стало удержать станицу Полтавскую, а через станицу Славянскую направил два полка для поддержания кавалерийской бригады.

Серьезность положения противодесантных частей Красной армии вынуждает предреввоенсовета республики Бронштейна (Троцкого) лично приехать (13/26 августа) в штаб 9-й армии и отдать следующий приказ: «Замысел царского барона не удался. Генеральским бандам не удалось поднять Кубань и Дон. Белые отряды фон Врангеля находятся в кольце. Их командиры хотя и пытаются еще местами прорвать цепь наших войск, но думают уже главным образом о том, как бы убраться восвояси. Десант, по-видимому, собирается садиться на суда и возвращаться в Крым... Красные воины 9-й армии! Было бы величайшим позором, если бы мы дали ускользнуть белой гадине. Если десант ускользнет от нас и вернется в Крым, он усилит тамошние войска царского барона... Но этого не будет. Десант Врангеля нужно раздавить, и вы это сделаете... Всякая нерешительность, медлительность, проволочка будет караться как тяжкие преступления перед социалистическим отечеством. Задача ясна и проста: не дать врагу ускользнуть, настичнуть его, разбить, стереть с лица земли. Не прогнать, а уничтожить» (*Троцкий*. Как вооружалась революция. Том II, кн. 2. С. 198). Так подытоживалась задача армии, и так был озглавлен приказ.

За эти дни положение десанта изменилось, он группировался южнее Степной и никаких крупных частей его на участке Ахтарская—Степная уже не было; свое базирование и связь с Крымом десант окончательно перенес в Ачуев, сообщаясь с ним по тракту через Ново-Ниже-Стеблиевскую и далее вдоль реки Протоки. Штаб и все тылы группы генерала Улагая размещались в Ново-Ниже-Стеблиевской, являющейся важнейшим пунктом для десанта. Потеря ее отрезала отступление десанта к морю. Выдвижение частей десанта на Старо-Джерелиевскую и Ново-Николаевскую ослабляло группу, прикрывавшую Ново-Ниже-Стеблиевскую, делаая ее уязвимой со стороны Степной, редутов Чурого и Роговской. В новой директиве красных эти обстоятельства не учитывались. Ставя себе «окончательную ликвидацию десанта и располагая для этого достаточными силами, командарм IX не группировал свои войска соответствующим образом». На важнейший пункт десанта не имела направ-

ления ни одна часть красных. К счастью десанта, главные силы IX армии перегруппировывались «не на отрезание его от моря», а на преграждение ему пути на юг. Для этого красные наносили удар на Ново-Николаевскую вместо Ново-Ниже-Стебелевской. Другая их группа сложно меняла западное направление на юго-западное, от Старо-Величковской на хутора между Ново-Николаевской и Старо-Джерелиевской.

С утра 14/27 августа фронт группы генералов Улагая и Коновалова тянулся по линии: редут Чурого—редут Подгурского—станция Степная—хутора Кирпенко—Щербины—северо-западная окраина лимана Чигрин—Старо-Джерелиевская—Петровская. Район редута Чурого—редут Подгурского—Степная—Глубокоериковская—Ново-Ниже-Стеблиевская был занят частями, ранее входившими в группу генерала Вабиева. Район Ново-Николаевская—хутор Золотаревского — 2-й конной дивизией десанта, усиленной некоторыми частями дивизии генерала Казановича. Район Старо-Джерелиевской — частями Кубанской дивизии (около 500 сабель, 500 штыков) и остальными частями дивизии генерала Казановича (около 1000 бойцов) при шести орудиях и двух бронеавтомобилях. Эта группировка, принятая генералами Улагая и Коноваловым, была, по существу, не наступательной, а оборонительной, имеющей целью обеспечение за собой возможно большего плацдарма, прикрывающего Ново-Ниже-Стеблиевскую с целью планомерного вывода частей из боя и их постепенного сосредоточения в районе Ачуева.

Красные к утру 14/27 августа оказались сильно разбросанными. Группа начдива 9 рассредоточилась на всем участке Брыньковская—Приморско-Ахтарская—Степная. Из всех красных частей непосредственное соприкосновение с десантом имели лишь 22-я кавбригада и 198-й полк. Положение красных частей не давало им возможности в течение этого дня приступить к выполнению своих задач. К 15 часам красные овладели Старо-Джерелиевской, отбросив десантные части к Ново-Николаевской. К ночи этого дня 26-я бригада красных, с боем овладев хутором Золотаревского, оттеснила десант к окраинам Ново-Николаевской, заняв исходное положение для ее ночной атаки. Днем (14/27 августа) на северном участке десантные части прочно удерживали переправы, но выдвижение частей 9-й армии на линию Степная—хутор Щербины—хутор Золотаревского—Старо-Джерелиевская сузило находящийся в руках десанта участок территории, уменьшило возможность маневрирования и позволило более сильным частям красных действовать в непосредственной связи между собой.

В 1 час 15/28 августа 26-я бригада атаковала Ново-Николаевскую и после упорного боя овладела ею. Десантные части с большими по-

терями отступили на Ново-Ниже-Стеблиевскую. С рассветом десантные части перешли в стремительное контрнаступление. Оттеснили красных к хутору Золотаревского и временно заняли Ново-Николаевскую, но резервы красных выбили десантные части из нее. В 6 часов (15/28 августа) красные должны были повести наступление, но один из полков дивизии генерала Бабиева, воспользовавшийся отходом 26-й бригады 1-й кавдивизии, проник в образовавшийся разрыв и атаковал левый фланг дивизии у хутора Щербина, чем и задержал ее наступление. К 20 часам, преодолевая упорное сопротивление пехотных частей дивизии генерала Казановича, 26-я бригада красных подошла вплотную к Ново-Ниже-Стеблиевской. К 22 часам красные заняли восточные окраины станицы. Десантные части отошли за реку Ерик. В 23 часа 26-я бригада во главе с членом реввоенсовета 9-й армии Косиором пыталась форсировать реку Ерик, но была отбита. Около 24 часов пехота десанта выбила из станицы 26-ю бригаду. Утром 16/29 августа части красных во главе с 26-й бригадой вступили в станицу Ново-Ниже-Стеблиевскую, занятую к этому времени экспедиционным отрядом Ковтюха. Вся подготовка этого отряда была проведена с изумительной скрытностью и обманом, что и обусловило внезапность удара.

Независимо от действий 9-й армии, когда генерал Улагай перенес свое базирование и связь с морем на Ачувев через Ново-Ниже-Стеблиевскую, член реввоенсовета Кавказского фронта Розенгольц поручил Ковтюху из Екатеринодара, с отборным отрядом на пароходах и баржах по рекам Кубани и Протоке, пробраться в Ново-Ниже-Стеблиевскую. В отряд вошли преимущественно таманцы и кубанцы местных станиц, хорошо знакомые с местностью, привычками и обычаями населения. Идея Розенгольца заключалась: по реке Протоке пробраться в глубокий тыл десанта, где тогда были сосредоточены его штабы, и нанести базе десанта неожиданный и сокрушительный удар.

Отплыв из Екатеринодара вечером 13/26 августа, отряд Ковтюха день 14/27 августа провел в станице Славянской, задержанный там расчисткой фарватера и налетами аэропланов десанта. С наступлением темноты пароходы двинулись на Ново-Ниже-Стеблиевскую. С суши движение отряда обеспечивалось высланными по обеим сторонам реки Протоки разъездами Полтавской сотни, преимущественно из местных жителей, переодетыми в форму Белой Русской Армии. Весь путь до Ново-Ниже-Стеблиевской пароходами и переодетыми разъездами был пройден без всякой помехи со стороны десантных частей. Только под самой станицей разъезд, двигавшийся по правому берегу, встретил и снял небольшую заставу десанта. Около 4 часов 15/28 августа отряд

беспрепятственно высадился в 2 км от станицы, а около 6 часов атаковал ее южные окраины. Здесь, по свидетельству самого Ковтюха, его отряд встретил организованное сопротивление отдельных групп десанта. Бой сразу же принял затяжной характер. В этом резко сказалось то изменение обстановки, которое произошло за время подготовки и переодевания частей экспедиционного отряда. Розенгольц в личном приказании Ковтюху рассчитывал обманом пробраться в глубокий тыл десанта, но это было, когда фронт десанта тянулся по линии редутов Чурого—Подгурского—Степная—Герасимовская—Полтавская. В тот период станица Ново-Ниже-Стеблиевская была глубоким тылом десанта. К утру же 15/28 августа положение изменилось, и в момент удара отряда Ковтюха как сама станица, так и ближайšie к ней хутора оказались занятыми сильными резервами десанта. Непосредственная близость фронта заставляла части десанта быть настороже, и удар при всей его неожиданности не мог застать их врасплох в такой степени, как это можно было бы ожидать при нападении в глубоком тылу. Этим и объясняется то упорное сопротивление, которое десантные части оказали превосходящим силам противника.

К полудню 15/28 августа отряд Ковтюха, при введении в борьбу всех своих резервов, овладел только частью станицы. Между тем бой только начинался. Десант принял все меры к освобождению всей станицы. Ковтюх был вынужден «отойти за речку, протекающую в 3—4 км южнее станицы». Выбив отряд Ковтюха из Ново-Ниже-Стеблиевской, группа генерала Улагая начала общий отход к морю. Отсутствие связи у красных, стойкость и упорство со стороны заслонов десантников дали возможность их главным силам спокойно отойти в полном порядке. Восточный заслон десанта в 23 часа 15/28 августа, отразив атаки 26-й бригады красных, в 24 часа перешел в контратаку и выбил бригаду из станицы, но сам попал под фланговый удар Ковтюха, который занял станицу. Попытка преследовать отступавших была легко отражена организованным ружейным и пулеметным огнем десанта при выходе конных частей Ковтюха из станицы.

Отступление и эвакуация главных сил десанта

Казалось бы, что для командования 9-й армии задачей было: неотступное преследование отступающего десанта, сбивание его заслонов и сбрасывание его главных сил в море раньше, чем они успеют погрузиться на суда. Задачей же генерала Коновалова было: используя благоприятные условия местности, задержать преследование и выиграть

время для планомерной посадки и эвакуации десанта в Крым. Единственным местом, где имелась возможность произвести посадку на суда, был только район Ачуева. Но здесь море было мелкое, и пришлось построить импровизированный мол из повозок, покрытых скрепленными досками, длиной около 2 км.

Командование 9-й армии не понимало обстановки, как она складывалась на самом деле. Оно считало, что после потери Гривенской (Ново-Ниже-Стеблиевской) отступающие части десанта будут стремиться на юг для соединения с Таманским десантом. Утром 16/29 августа оно ставило следующие задачи: первой группе ликвидировать десант в районе от Приморско-Ахтарской до Славянской (исключительно); второй группе (бригада московских курсантов и пр.) 16/29—17/30 августа выдвинуться в район Курчанская—посад Черноморский—Петровская—река Протока с целью, заняв все подступы, дороги и переправы, не допустить просачивания отступающих на юг на соединение с Таманской группой десанта и ликвидировать рассеявшиеся в этом районе мелкие его части и отряды бело-зеленых; третья группа красных должна была спешно выдвинуться в район Славянской. Резерв сосредоточить в Ольгинской и Тимошевской.

Таким образом, армейское командование 16/29 августа не считало первостепенной целью своих действий преследование десанта на путях к морю. Благодаря этому десант (16/29 августа) отходил без всякого нажима со стороны красных. В тот же день 26-я бригада около полудня получила приказ ликвидировать группы десанта на огромной территории. Не имея точного представления о том, где в этот день находятся части десанта, красные ограничились высылкой в направлении на Ачуев и на хутор Федина только разведывательных частей. Главные же силы их бригады остались в Гривенской. Лишь к вечеру 17/30 августа, сбив части десанта, они вышли на линию хутор Федина—хутор Протока, где встретили уже организованное сопротивление десанта, занявшего окопы и располагавшего бомбометами и гаубичной артиллерией.

В этот же день (17/30 августа) на южном участке конная группа красных без боя заняла станицу Петровскую и хутор Безродного. После короткого боя ею был занят поселок Черноморский. Десантные части отошли на хутора Черноериковские. Только эти операции дали возможность красному командованию правильно оценить обстановку и понять, что в намерения группы генерала Улагая — генерала Коновалова входит не выдвижение на юг для соединения с Таманским отрядом десанта, а планомерный отход к морю и эвакуация главной группы в Крым.

С утра 18/31 августа красные части получили новые указания. Одна часть должна была преследовать отступающие части десанта своими главными силами по тракту на Ачуев и в обход через хутора Федина—Бойко и далее вдоль берега моря на гирло Мельниковское с задачей воспрепятствовать погрузке на суда. Конная группа с пехотой направлялась на борьбу с Таманским десантом. Отряд Ковтюха должен был преследовать десант в направлении поселок Черноморский—Ачуев и очищение от него района Темрюк—Ачуев. Согласно этому указанию, красные в течение 18/31 августа несколько раз безуспешно атаковали укрепленные позиции десанта у хутора Протока. Последние представляли собой дефиле между рекой справа и непроходимыми плавнями слева шириной 60—70 метров, перерытое окопами и занятое пехотой десанта (Алексеевским полком) с семью пулеметами, тремя бомбометами и двумя гаубицами в тылу, которые, к сожалению, 23 августа (5 сентября) снялись с позиции и ушли на погрузку, не предупредив пехотное охранение. Армейская оперативная сводка к 23 часам 18/31 августа гласила: «Противник окопался и своим артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем нанес нашим частям сильный урон... Наступление временно приостановлено». В этот день советская авиаразведка впервые донесла о подходе к Ачуеву судов из Крыма и начале погрузки.

Днем 19 августа (1 сентября) вся красная артиллерия выбила десантников из окопов у хутора Протока и продвинулась до хуторов, что в 4 км западнее лимана Долгого. Здесь оказалась вторая заблаговременно подготовленная десантом позиция, представлявшая собой новое дефиле шириной около 100 м, между рекой Протокой и плавнями. Позиция была занята частями Полтавского и Алексеевского пехотных полков. По реке Протоке курсировали вооруженные катера десанта. Дни 20—21 августа (2—3 сентября) прошли в упорных, но безуспешных атаках красных по реке Протоке и вдоль берега моря на Ачуев. В ночь с 21-го на 22 августа (3—4 сентября) красные, воспользовавшись происходившей сменой полков десанта, овладели его позицией, и десантники отошли к хутору Слободка, где вновь на сутки задержали красных.

К полудню 23 августа/5 сентября красные, сбив заставы десанта с последних позиций, подошли на 2—3 км к Ачуеву со стороны Гривенской, а со стороны гирла Мельниковского заняли гирло Железняковское. Дальнейшее продвижение красных на обоих направлениях было задержано возросшим сопротивлением заслонов десанта и сильным артиллерийским и пулеметным огнем с его судов. Около 19 часов 25 августа (7 сентября) красные с севера и востока вступили в

Ачуев, захватив в плен около 30 человек, не успевших погрузиться на суда, и обнаружили на море уходящую флотилию десанта.

Затяжной характер и незначительность результатов преследования десанта объясняются запоздалостью его организации красным командованием. Преследование началось только 18/31 августа. Эти несколько дней дали возможность отступающему десанту тщательно организовать оборону удобных пунктов и с ее помощью выиграть целых 10 дней с 16/29 августа по 25 августа/7 сентября на проведение эвакуации. Преследование со стороны красных велось с исключительной энергией, но, несмотря на это, оно не было в состоянии помешать планомерной эвакуации десанта. Воспользовавшись задержкой преследования, десант прекрасно использовал местные условия и превратил все наиболее удобные дефиле в сильные оборонительные рубежи. Упорное сопротивление, оказываемое заслонами 26-й бригаде и отряду Ковтюха, указывает на то, что части десанта после неудачных боев на Кубани еще сохранили свою боеспособность и стойкость. Когда заслоны десанта упорно сдерживали натиск красных, в тылу десанта в районе Ачуева происходила напряженная организационная работа. Перегруженность района посадки многочисленными частями, учреждениями, пленными и мобилизованными делала его прекрасным объектом для налетов красной авиации, что крайне затрудняло работу и требовало полного напряжения и энергии со стороны десантного командования, а особенно генерала Коновалова.

Участник десанта В. Григорович в своих воспоминаниях пишет: будучи раненым в первые дни наступления группы генерала Улагая на Тимошевскую, он остался в полевом лазарете в станице Приморско-Ахтарской, но после боя под Ново-Николаевской со своей Терской батареей стал отходить на Ачуев. Сам попал на один из транспортов, его коняга на какую-то баржу, а его седло старые приятели по Дроздовской конно-горной батарее погрузили на один уходивший последним катер.

Операция десантного отряда генерала Черепова

Группа особого назначения генерала Черепова была предназначена для демонстративных целей, чтобы оттянуть к себе от главных сил генерала Улагая 22-ю дивизию, одну бригаду 9-й дивизии и ударный отряд № 5 красных. Десант генерала Черепова, в составе Корниловского военного училища и нескольких десятков спешенных черкесов, которые сразу стали пробираться в свои аулы, состоял всего из около

500 человек. Кроме демонстративных целей, десант должен был соединиться с действующими в этом районе повстанцами (не менее 8000 человек).

В Керчи этот отряд был посажен на две десантные баржи на буксире у ледокола «Всадник» и на один вооруженный артиллерией пароход «Гайдамак» в сопровождении подводной лодки. Высадка предполагалась одновременно с десантом группы генерала Улагая, то есть 1/14 августа, чтобы отвлечь противника от главных сил, высаживающихся в Приморско-Ахтарской. Но однако, по непонятным причинам, она задержалась четырехдневным пребыванием на судах в море. Идя ночью на 1/14 августа, суда охраны десанта обстреляли берег станицы Благовещенской, хутор Витязев и Суворово-Черкесский аул, в которых размещалась 66-я бригада 22-й дивизии красных. Это вынудило командование 22-й дивизии принять ряд предупредительных мер к отражению возможного десанта в этом районе. Ее наблюдательными приморскими постами суда десантного отряда 3/16 августа были обнаружены около имения князя Лобанова-Ростовского. По данным А. Долгополова, высадка произошла только 5/18 августа у мыса Утриш (между Анапой и Абрау-Дюрсо). Место высадки было указано световыми сигналами бело-зеленых повстанцев полковника Лебедева. Оперативная сводка красных к 15 часам 5/18 августа указывает, что еще накануне вечером штабу было известно о начале высадки десанта, который сразу соединился с повстанческим отрядом полковника Лебедева (около 250 штыков).

Первоначальный план десанта заключался в том, чтобы, прикрывшись заслоном со стороны поселка Сукко, овладеть станицей Раевской — узлом грунтовых дорог района, а затем выдвижением в станицы Верхне- и Нижне-Баканских соединиться с повстанческими группами и отрезать Новороссийск от Екатеринодара. Дальнейшим объектом ставился город Новороссийск, а в случае успеха и присоединения бело-зеленых отрядов — поход на Екатеринодар. Итак, по неизвестным причинам, задержавшись в море 3—4 дня, отряд десанта начал свои действия только 4/17 или даже 5/18 августа.

Отроги хребта Семисам, заполняющие весь береговой район, довольно круты, сплошь покрыты лесом и кустарниками, которые местами подходят к самому берегу моря. Это делало, при отсутствии хороших дорог, неудобным для действий крупных отрядов и создавало серьезное препятствие быстрому продвижению вперед отряда генерала Черепова. Выгрузка снаряжения и продовольствия с барж на лодки, крутые склоны оврагов задержали организацию базы на два дня. Генерал Черепов, находясь на «Гайдамаке», отдавал команды

через мегафон, которые, несмотря на дневной бриз, из-за дальности расстояния не могли быть услышаны десантниками (В. Григорович). Но, несмотря на тяжелые физико-географические условия берега, десант с утра 5/18 августа стал распространяться в сторону Раевской. Там к нему присоединилась лишь группа бело-зеленых в количестве 15 человек. Вожак группы предлагал провести десантников по тропинкам в обход красных и их артиллерии. Командование десанта отказалось. «Позже, впрочем, будто бы жалели». Соединиться с повстанцами, находящимися в районе Баканских, не удалось, хотя гоноц оттуда прибыл в первый день высадки (4/17 августа) и ему даны были директивы идти на соединение с десантом. Однако накануне назначенного дня того срока десант был вынужден сесть обратно на суда.

С рассветом 5/18 августа отряд красных со стороны поселка Сукко повел наступление и занял хутор Марускин (8,5 км восточнее Сукко). Днем под нажимом десантников и под обстрелом с моря красные поспешно оставили хутор и через Сукко отступили на Варварку, оставив в Сукко конную разведку. К вечеру 5/18 августа поселок Сукко был занят десантниками. В этот же день пополудни противник вошел в соприкосновение с десантом между именьями Абрау-Дюрсо и князя Лобанова-Ростовского. 6/19 августа десантники отбросили красных к северу, выйдя на 8,5 км над именьем Лобанова-Ростовского. 7/20 августа противник, усилившись, взял десант в полукольцо. Соотношение сил было: красные — 2000 штыков, 10 орудий, 28 пулеметов, в резерве 607 штыков и 4 орудия. У десанта: около 500 штыков, 2 горных орудия. Красное командование отдало приказ своим частям перейти в наступление и уничтожить десант. К вечеру 7/20 августа, сбив заслон десанта у поселка Сукко, заняв хутор Марускин, противник угрожал сообщением десанта с морем. По оперативной сводке красных от 8/21 августа, они захватили базу десанта — 11 пленных, 16 ящиков снарядов, 70 000 патронов, 400 винтовок, предназначенных для снабжения бело-зеленых. Действительно, как сообщает В. Григорович, красные заняли базу десанта около именья Дюрсо, увели сестру милосердия и солдат (бывших красноармейцев) и два дня где-то их держали. На буграх к красным подошло подкрепление, а сзади занятая база. Командование десанта растерялось. К счастью, нашелся один (сравнительно молодой) курсовой офицер, который, собрав из двух рот Корниловского училища человек 60, с обходом отбил на второй день базу и снабдил десантников патронами и продовольствием. Отход десант предполагал провести ночью, но он совпал с ночным наступлением красных, которые замкнули кольцо. Стремясь уйти от верной гибели,

десант по всему фронту оказывал упорное сопротивление, переходя к неоднократной контратаке. Пленные юнкера-корниловцы отказывались давать какие бы то ни было показания красному командованию. Есть указание, что при отступлении десанта повстанцы отряда полковника Лебедева опять ушли в горы.

К утру 9/22 августа десант прорвался к морю и сосредоточился у щели около имения Панько (между мысом Утриш и имением Лобанова-Ростовского). Борьба продолжалась уже почти над самым берегом моря. Отчаянным сопротивлением десант стремился выиграть время для посадки на суда. Красные подошли на 640 метров к берегу моря, стремясь сбросить в него остатки десанта. Но это красным не удалось. Сильный артиллерийский и пулеметный огонь с подошедших судов и слабая поддержка со стороны красной артиллерии, которая вынуждена была прекратить огонь и сняться с позиций, дали возможность десанту остановить наступление большевиков. В ночь с 10/23 на 11/24 августа десант, из строя которого было во время боев около 25 процентов состава, погрузился под прикрытием своей судовой артиллерии на суда и ушел в море.

Главная причина неудачи генерала Черепова кроется в численном перевесе красных, готовности их к операциям в данном районе и в их сильном артиллерийском огне. На 10—15 выстрелов большевиков отряд десанта отвечал одним—тремя. Трех- или четырехдневное пребывание отряда на судах в море не позволило группе особого назначения выполнить все задачи Ставки, но в итоге пятидневных боев маленький десант оттянул на себя четыре полка красной пехоты и полк конницы.

Действие группы десанта на Таманском полуострове

8/21 августа начальник Керченского укрепленного района генерал Зигель, получив донесение, что высланные им на Тамань разведчики оттеснили наблюдательные посты красных, и видя, что не все еще потеряно, успел сформировать из запасных и тыловых частей сборную офицерскую роту и сотню пластунов при одном орудии, перебросив их 9/22 августа на Тамань. Здесь нужно заметить, что красные к этому времени эвакуировали с полуострова все, что успели: не было оставлено совершенно подвод, лошадей, в иных местах угнали мужское население. И все же к десанту присоединилось на Тамани до 5 тысяч восставших казаков.

11/24 августа в Таманский залив был доставлен из Симферополя через Керчь батальон бывшего Александровского военного училища с

4 орудиями и одним броневиком в сопровождении нескольких мелких казачьих частей. Одновременно в станицу Таманскую прибыл и генерал Врангель. Противник отходил, не оказывая большого сопротивления. Из этого явствует, что в первоначальные задачи второстепенного десанта входило: занятие Таманского полуострова, мобилизация населения, соединение с районами бело-зеленых, а главное — отвлечение частей красных от группы генерала Улагая. В случае успеха предполагалось движение на Екатеринодар для соединения с главными силами десанта.

Как стало известно уже в эмиграции, еще в Севастополе был предложен генералу Улагаю и генералу Драценко план, по которому нужно было сразу по высадке в Приморско-Ахтарской перенести базирование на Таманский полуостров, где генерал Улагай имел бы легко обороняемую базу и короткую коммуникацию с Крымом. Об этом плане неоднократно говорил начштаба Ставки генерал Шатилов, но, к сожалению, штаб Ставки разрабатывал только высадку и давал общие задачи и направления действий десанта, а последовательные детали должны были разрабатываться генералом Улагаем с его начальником штаба генералом Драценко.

По оперсводкам штарма 9-1 красных, отряд десанта силою в 500—600 штыков в ночь с 10/23 августа на 11/24 августа высадился в районе станицы Таманской, а около 7 часов утра 12/25 августа в этом же пункте высадились новые части десанта около 1000 штыков и полка кавалерии. Это дало повод комфронта Гиттису уже к концу дня 11/24 августа в докладе предреввоенсовета Бронштейну (Троцкому) писать о десанте на полуострове как не преследующем серьезных целей. Командование 22-й дивизии только 12/21 августа выдвинуло 195-й полк с батареей на линию Старо-Титаровской с задачей оборонять выходы с полуострова. Ударный отряд красных № 5 получил приказание перейти в Джигинское. В этот же день на Тамань прибыл отряд генерала Черепова, который включился в состав группы генерала Харламова, образуя в общей сложности десант в 1450 штыков, 450 сабель при 10 пулеметах и 6 орудиях.

К 13/26 августа десантом были взяты станицы Ахтанизовская и Выше-Стеблиевская. Красные к этому времени, отеснив части генерала Улагая к Гривенской, успели освободить свои таманские полки и спешили восстановить на Тамани утерянное положение. Таманский десант, пополнившись партиями мобилизованных, с утра 14/27 августа повел наступление на высоты, занимаемые 195-м полком, завязав с ним упорный бой. Красные подтянули резервы в составе ударного отряда № 5, а в Джигинское выдвинули батальон 196-го полка из аула

Суворово-Черкесского. Генерал Харламов решает взять высоты и отогнать противника далее к реке Кубани. Командир батальона юнкеров-александровцев полковник Хамин, получив приказ о наступлении, на рассвете двинулся вперед, причем броневик шел по дороге на станицу Старо-Титаровскую вместе с донскими частями. Дневная атака высоты у станицы юнкерами была выполнена быстро, и противник отошел на следующие высоты, где были у него проволочные заграждения.

15/28 августа отряд генерала Харламова продолжает попытки наступать в восточном направлении, но 195-й полк красных, подкрепленный резервами, удерживает занимаемые позиции. Ночной атакой юнкера, несмотря на большие потери, берут укрепленную линию противника.

16/29 августа части десанта, введя в бой новые силы, среди которых было Корниловское военное училище и две бронемшины, в упорных боях оттесняют красных на высоту 378. 17/30 августа, развивая успех, десант атакует красных со стороны Выше-Стеблиевской и теснит левый фланг 195-го полка. Настойчивое наступление десанта и его успех заставляет красное командование усилить свои силы за счет частей, освободившихся после отступления группы генерала Улагая из-под Ново-Ниже-Стеблиевской (Гривенской). 18/31 августа после упорного боя была взята десантом станица Старо-Титаровская и гора Камышеватая, но красные продолжают подтягивать резервы.

К утру 19 августа (1 сентября) десантные части находились: Александровское военное училище и 42-й Донской полк — в районе станицы Старо-Титаровской; Корниловское военное училище и Таманский полк — восточнее Выше-Стеблиевской; Лабинский полк и отряд генерала Бредова — в районе Ахтанизовская—гирло Пересыпное; мелкие и запасные части стояли в станице Таманской. Соотношение сил к этому времени было: в десантных частях 2150 штыков, 450 шашек, 25 пулеметов, 4 горных орудия и в резерве 300 штыков. У красных в боевой линии с резервами 3190 штыков, 170 сабель, 105 пулеметов и 120 орудий. Рано утром 19 августа (1 сентября) десант при поддержке броневых автомобилей и артиллерии повел наступление на район высоты 378. Он сбил правый фланг 195-го полка и овладел высотой. Израсходовав при этой атаке все свои резервы, отряд не смог сбить левофланговый участок 195-го полка и соседний справа 192-й полк, находившиеся по обеим сторонам высоты (оперсводка штадива 22 к 12 часам 19 августа (1 сентября)). После полудня красные, усилившись резервами, перешли в контратаку на высоту «378» и, несмотря на упорное сопротивление десанта, овладели ею. На плечах десанта красные ворвались в Старо-Титаровскую, а поздно вечером выбили десант из Выше-Стеблиевской.

22-я кавбригада красных получила задачу движением в район Сенной отрезать отступление на станицу Таманскую отрядов десанта, находящихся в северной части полуострова.

Утром 20 августа (2 сентября) кавбригада 33-й дивизии, сбив отряд десанта, пытавшегося организовать оборону на высотах восточнее станицы Таманской, после короткого боя заняла станицу. Десант отступил частью на миноносцах, частью на мелких судах и рыбацких лодках в Керчь. 23-я кавбригада на рассвете захватила район Сенной и отрезала пути на Таманскую частям десанта, находившимся в районе Ахтанизовская—гир. Пересыпное—Запорожская и отступившим туда из-под Старо-Титаровской некоторым ротам Александровского военного училища. У отрезанных не было ни патронов, ни снарядов. Группы отряда генерала Харламова по 30—40 человек рассеялись в прибрежных плавнях, и в течение следующих дней их подбирали миноносцы и катера десанта. Катер «Жаркий» 22 августа (4 сентября) погрузил из тростников 120 юнкеров. 20 августа (2 сентября) воздушная разведка русской армии доносила, что вслед отступающему десанту в направлении на Тамань двигаются полторы тысячи сабель и 4000 пехоты.

«Армия возрождения России» генерала Фостикова

Еще в июне 1920 года красный штабм IX числил в отряде генерала Фостикова всего одну кавбригаду (Лабинский и Хоперский кавполки) и три сравнительно небольшие группы общей численностью в 1300 штыков, 800 шашек, 17 пулеметов. Полковник Лебедев, который перед Кубанским десантом был послан Ставкой в районы повстанцев и связался с ними, докладывал, что наиболее крупным отрядом на Черноморском побережье являлся в Баталпашинском отделе отряд генерала Фостикова, который представлял собой довольно значительную силу.

В первых числах августа (н. ст.) благодаря проведенной мобилизации казаков и присоединению к армии новых отрядов численность ее значительно возросла. Несколько удачных стычек с частями красной 9 армии пополнили ее вооружением и боеприпасами (рапорт генерала Фостикова генералу Врангелю от 6/19 августа 1920 года). К середине августа (н. ст.) армия была окончательно реорганизована: сведена в отдельные части и соединения по типу регулярных вооруженных сил. Ее состав и численность составляли: командующий армией — генерал Фостиков; начальник штаба — полковник Тулупов; старший адъютант —

хорунжий Пономарев; отряды — полковника Крыжановского, есаула Бойко, есаула Женцова. Всего 3095 штыков, 2400 сабель, 35 пулеметов и 10 орудий. Конница, состоявшая преимущественно из казаков — участников Гражданской войны, а отчасти и мировой войны, имела хорошую боевую подготовку и могла вести правильные бои. Хуже было с пехотой, представлявшей собой довольно нестойкие и плохо вооруженные части. Командный состав был исключительно из офицеров Добровольческой армии генерала Деникина.

В период подготовки армии к операциям в частях велись строевые и тактические занятия. Вооружены части были неодинаково. Лучшее вооружение имела конница, но у некоторых было только холодное оружие. Во всех частях не хватало винтовок и пулеметов, артиллерия была крайне малочисленна и испытывала большую нужду в снарядах. Своих баз армия не имела. Фуражирование и продовольствие шло за счет населения. Боеприпасы — за счет налетов на красноармейские части и артиллерийские склады. В боевых действиях армия, как и все повстанческие части, проявляла исключительную подвижность.

Эта «армия» представляла собой не только вооруженную силу, но и военно-политическую организацию с собственной политической программой, которая, будучи похожа на приказы Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России, содержала в себе следующие пункты: Учредительное собрание «из выборных от народа»; земля трудовому народу. Помещики не будут владеть землей; свобода и равноправие всех вероисповеданий; уничтожение всех сословностей; амнистия всем красноармейцам и служившим в большевистских частях. До освобождения всей России — народовластие на местах путем созыва народных собраний каждой губернии по мере освобождения их территорий от большевиков.

Активные действия армии генерала Фостикова начались в первых числах августа (н. ст.). Во второй половине августа (н. ст.) эти действия еще носили разрозненный характер и только в двадцатых числах (н. ст.) развернулись уже как организованное наступление всей армии, которое совпало с первыми днями успешных боев Кубанского десанта генерала Улагая. К сожалению, по чьей-то вине как и до высадки десанта, так и во время его операций связи и согласованных действий между этими большими отрядами не существовало. А ведь личность руководителя «Армии возрождения России» у штаба генерала Врангеля к тому времени уже не вызывала сомнений. Генерал Фостиков уже подчинялся штабу генерала Врангеля, а в своем рапорте № 394 от 6/19 августа он писал генералу Врангелю: «Одновременно с сим посылаю части для связи с армией генерала Улагая, о действиях

которого до меня доходят слухи». Генерал Фостиков знал в это время об успехах десанта и понимал необходимость установления с ним связи. Как бы то ни было, но наиболее крупные силы генерала Фостикова и генерала Улагая оказывались действующими в расходящихся направлениях, что, конечно, облегчало борьбу с ними красных частей.

Наступление армии генерала Фостикова началось по всему фронту в 20-х числах августа по н. ст. Центром ее боевых усилий оказались Армавир и Лабинская, как важнейшие пункты и узлы путей предгорной части восточной Кубани. Группа полковника Крыжановского 8/21 августа выбила советский 2-й полк особого назначения из станицы Костромской и, преследуя его частью сил на Лабинскую, главными силами заняла станицу Ярославскую. Главные силы генерала Фостикова атаковали с утра 9/22 августа Лабинскую группу красных со стороны Упорной и Переправной отрядом 600 сабель, 200 штыков с одним орудием, а 10/23 августа повели наступление на Отрадную и отбросили красных частью вверх по Урупу, частью на Казьминское. В этот же день после боя севернее Отрадной красные были отброшены на Вознесенскую. Днем 11/24 августа армия генерала Фостикова заняла Попутную, Бесскорбную, хутора Урупские, а вечером — Вознесенскую.

Таким образом, в боях 7/20—11/24 августа армия генерала Фостикова прорвала фронт красных частей и открыла себе выход к линии Владикавказской железной дороги и Армавиру. Красные пытались вырвать инициативу из рук генерала Фостикова, но безуспешно. Части Лабинской группы красных были отброшены к окраинам станицы, а кавбригада 12-й дивизии, попав под фланговый удар со стороны Бесскорбной, потеряла Урупскую и в беспорядке отошла на Армавир. К 15/28 августа красные части окончательно потеряли инициативу и перешли к обороне, стараясь удержать Лабинскую, Армавир и Невинномысскую. Генерал Фостиков вышел на линию Тульская—Ярославская—Лабинская (исключительно), Владимирская, хутор Еременский, х.х. в 7—8 км южнее Армавира—Казьминское—Эрсаконская—Усть-Джегутинская.

18/31 августа красные, закончив сосредоточение 14-й и 34-й дивизий, вместе с 12-й кавдивизией решают переходом в общее наступление разгромить части генерала Фостикова. Первоначальное наступление красных, имеющих огромное превосходство в силах, встречают упорное сопротивление и контратаки армии повстанцев на всем фронте. Но к 22 августа (4 сентября) красные части, пополнившись Приуральской бригадой и освободившимися частями с противодесантного фронта, овладевают линией Попутная—Вознесенская—Владимирская—Махошевская. Генерал Фостиков решает вывести свои ча-

сти из восточной части Кубани в приморские районы, чтобы в зависимости от обстановки или обосноваться в них, установив связь с Крымом, или при первой возможности перебросить их в Крым на усиление армии генерала Врангеля. В середине сентября (ст. ст.) армия генерала Фостикова, спустившись долинами Малой и Большой Лабы, перевалила через перевалы Псеашхе и Ашиха и заняла район Красной Поляны (город Романовск) — Сочи — Адлер, выбив оттуда красные гарнизоны.

Окруженный со всех сторон большевиками, испытывая недостаток в огнеприпасах, генерал Фостиков решил отходить в Грузию. Грузины отказывались пропустить казаков. Генерал Врангель, узнав об этом, отдает приказание конвоирующему транспорт с боеприпасами и продовольствием миноносцу во что бы то ни стало принять и погрузить казаков (около 2,5 тысяч) на транспорт, не останавливаясь, в случае препятствия со стороны грузин, прибегнуть к содействию артиллерии. Грузины согласились на погрузку казаков, лишь инсценировав уступку под угрозой вооруженной силы. Миноносец дал несколько безрезультатных выстрелов, грузинский отряд отступил, после чего казаки погрузились и выгрузились в Феодосии, где они должны были отдохнуть, одеться, получить вооружение и в дальнейшем следовать на фронт. Генерала Фостикова генерал Врангель за отличие произвел в генерал-лейтенанты и наградил орденом Святого Николая Чудотворца.

Высокого мнения о генерале Фостикове и о его отряде был и генерал Шатилов. Когда генерал Врангель отдал приказ погрузить боеприпасы и продовольствие на транспорт для отряда генерала Фостикова и выделить для охраны миноносцев Русского флота, то не так-то легко в тот момент было найти на Севастопольском рейде таких кораблей, готовых к срочной экспедиции к Кавказскому Черноморскому побережью. Штаб Главнокомандующего сперва обратился к французскому командованию с просьбой представить крейсер начальнику штаба генералу Шатилову для высадки его в районе Адлера и выяснения положения отряда генерала Фостикова. Французы любезно отказали, считая, что это похоже на боевой поход, а такую экспедицию надо согласовать с французским правительством в Париже. Тогда генерал Шатилов снесся с американским адмиралом Мак Колли с той же просьбой. Адмирал заявил, что представить лично генералу Шатилову крейсер он не может, но генерала Шатилова и его адъютанта он имеет право взять на борт и вместе с ним отправиться к Кавказскому побережью. Ночью разразилась такая буря, что многие ориентировочные приборы на крейсере перестали действовать, и утром генералу Шатилову, знавшему хорошо Кавказское побережье, при-

шлось указывать адмиралу Мак Колли, как и куда надо идти, чтобы очутиться около Адлера.

Все окончилось благополучно. Когда американский крейсер подошел к побережью, от берега отчалила лодка с генералом Фостиковым, который взял генерала Шатилова, и лодка отправилась обратно к берегу. Встреча генерала Шатилова с офицерами и казаками отряда была радостная, ибо многих из них генерал Шатилов знал лично еще по Кавказской армии. Сильная буря не позволила тотчас отправить из Севастополя нужные суда в Адлер с боеприпасами и для погрузки всего отряда. Грузинское правительство сначала хотело разоружить отряд Фостикова или передать его Красной армии. Но после инсценировки обстрела с русского миноносца пустого места в горах грузины разрешили погрузку, но не в порту, а с берега, что, конечно, усложнило эвакуацию. Весь отряд судами Врангельского флота был благополучно доставлен в Феодосию.

А. Альбов³⁵⁵

«ЧУДО В КРЫМУ»³⁵⁶

Вся дальнейшая судьба моя была как-то странно связана с личностью последнего Главнокомандующего генерала Врангеля, хотя видел я его всего три раза. В четвертый раз я был лишь в почетном офицерском карауле у его гроба на торжественных похоронах в Белграде. Я не буду вдаваться в подробности моей службы в училище, так как об этом я пишу в другом месте. Могу только сказать одно: никогда в жизни мне не приходилось так много заниматься и работать, как тем летом 1920 года в Корниловском военном училище.

С раннего утра до поздней ночи мы или занимались в поле, на походах, стрельбище, или слушали лекции по тактике, фортификации и другим предметам военноучилищного курса. Единственно, темп этих занятий был необычайно насыщенный, так как нам полагалось пройти нормальный двухгодичный курс в восемь месяцев!

Давал себя знать и недостаток пищи. Мясо мы видели только в воскресные дни, а в обычные дни — жидкий суп с опротивевшей всем рыбкой-камсой, немножко хлеба и перловая каша, которую у нас называли «шрапнелью». Явно не хватало жиров. Недостаток еды отражался и на здоровье юнкеров. Довольно часты были заболевания «холериной». Были и случаи возвратного тифа. Я сам заболел им, но, к счастью, у меня было лишь два припадка.

На стрельбище приходилось идти далеко, и на обратном пути было трудно четко маршировать от усталости. Но нам не позволяли «вешать носов». Как только мы сбавляли темп марша или начинали шагать не в ногу, сейчас же раздавался приказ: «Песенники, вперед!» — и с песней мы должны были маршировать, а иногда даже и бежать всей колонной в течение нескольких минут. Вернувшись в училище, нам надо было построиться, и перед вечерней зарей был строгий осмотр всех нас, с голоду и усталости едва державшихся на ногах. Но после «чуда в Крыму» уже ничто не могло сломить нашего духа.

Здесь я должен немного вернуться к прошлому. В момент революции наша семья (отец, мать, сестра и я) жили в Одессе. Там я кончал гимназию. И там мы пережили все ужасы начала большевистской власти. Два раза вся наша семья была арестована Чека, и только чудо спасло нас от расстрела.

После участия в восстании против большевиков в составе организации полковника Саблина, в начале августа 1919 года, когда Одесса была занята частями десанта Добровольческой армии, некоторое время я служил вольноопределяющимся в 1-м Одесском караульном полку. А в конце августа, с благословения матери, я уехал на фронт с группой офицеров бронепоезда «Генерал Дроздовский», прибывших в отпуск к родным и знакомым в Одессу и связанных с ней Сергиевским артиллерийским училищем. Уехав на фронт, я сразу потерял связь с родителями. Только в январе 1920 года, уже на Кубани, когда наш бронепоезд нес охрану Ставки генерала Деникина на станции Тихорецкая, мы узнали, что Одесса занята большевиками. Успели ли мои родители и сестра бежать из города, я не знал.

Теперь же, попав в Крым, я начал делать попытки разыскать и, если возможно, связаться с семьей. Прежде всего мне удалось вступить в связь с моим двоюродным братом, старшим лейтенантом Черноморского флота в Севастополе. Я написал в штаб флота, надеясь, что, если мой кузен жив, его найдут. Так оно и было, и ему переслали мое письмо, в котором я спрашивал его, есть ли у него какие-нибудь сведения о нашей семье. Он ответил, что наша семья благополучно эвакуировалась из Одессы и находится в Варне, в Болгарии. Он немедленно переслал моим родителям письмо, а мне сообщил их адрес. Можно себе представить, какую радость принесла мне эта весть. Постепенно у меня установилась переписка с семьей. В середине июля мать сообщила, что вместе с графиней Клейнмихель собирается приехать в Крым, чтобы передать генералу Врангелю одну из старинных икон, вывезенных за границу, и благословить его этой иконой от имени русских женщин в изгнании. Я с нетерпением ждал приезда матери.

В училище же у меня произошли перемены: я был назначен в пулеметную команду, и фактически моя главная задача состояла в обучении юнкеров пулеметному делу. После моего опыта с пулеметами на бронепоезде я действительно был уже экспертом в этом деле. У нас в пулеметной команде училища были на вооружении пулеметы Виккерса (станковые) и Льюиса (ручные). Я их знал так хорошо, что мог разбирать и собирать их с закрытыми глазами. Зная, что скоро должен прийти приказ о моем производстве в офицеры, штаб училища смотрел на меня уже как на будущего командира пулеметного взвода, которого я, кстати, часто замещал. Меня быстро произвели сначала в младшего портупей-юнкера, а затем в старшего. Я с гордостью носил эти погоны.

В полевых учениях я участвовал теперь только с пулеметной командой. Лекции в училище проводились блестящими преподавателями, из которых память сохранила только имя преподавателя тактики полковника князя Бегельдеева. Он проводил свои лекции очень интересно, связывая общую теорию тактики с событиями, происшедшими тогда на фронте Белой армии. Запомнилась одна очень интересная лекция о разгроме красной конницы Жлобы блестящим маневром частей Добровольческой армии. Этот разгром произошел 20 июня 1920 года.

Мать, наконец, прибыла в Севастополь, вместе с графиней Клейнмихель была у генерала Врангеля и рассказала ему обо мне, о том, что я уже долго жду производства в офицеры, будучи представлен еще до отхода наших частей с Кавказа. Главнокомандующий приказал адъютанту проверить, в чем дело, и, по-видимому, с этого момента запомнил мою фамилию. Приезд матери в Севастополь и прием у генерала Врангеля состоялся во второй половине июля. После свидания с Врангелем моя мать приехала в Керчь, где остановилась у наших родственников. Радость нашей встречи трудно описать. Для меня же важным моментом было то, что в Керчи оказалась родная нам семья, а значит, и место, куда я мог ходить в отпуск из училища и подкармливаться. Трое сыновей семьи Лобан, мои двоюродные братья, были старше меня; все трое были офицерами. Один из них был на фронте в составе Корниловского полка, двое же других находились в Керчи. Роман Лобан был танкистом (кончил танковую школу в Англии, а в Первую мировую войну был офицером конной артиллерии). Старший брат Лев³⁵⁷, штабс-ротмистр, гусар, в это время был комендантским адъютантом командующего крепостным районом Керчи, генерала Зигеля. Он очень заинтересовался моей судьбой и предпринял шаги, чтобы ускорить мое производство в офицеры.

К сожалению, моя встреча с матерью продолжалась недолго. 20 июля наш батальон Корниловского училища выступил из Керчи и занял посты у Еникакале и к западу от него на десятиверстном протяжении. Строевая служба продолжалась одиннадцать дней, после чего юнкера вернулись в Керчь. Нам дали двухдневный отдых, в течение которого мы должны были привести снаряжение в порядок и сдать боевые патроны. Я каждый день виделся с матерью, и командир батальона разрешил мне две ночи переночевать на квартире у родственников.

Неожиданно 2 августа был получен секретный приказ Главкомандующего: «Отряду юнкеров выступить в десантную операцию!» Я не имел права никому говорить об этом, сказал матери и родственникам только, что наше училище уходит на маневры. Мать решила вернуться в Севастополь и дожидаться моей телеграммы по возвращении с «маневров». Никому из нас и в голову не приходило, какие последствия этот десант будет иметь во всей моей жизни.

Главный десант, в составе 1-й и 2-й Кубанских конных дивизий со сводной пехотной дивизией, включающей Кубанский и Алексеевский пехотные полки, с Константиновским и Кубанским военными училищами, с артиллерией и броневиками, должен был высадиться в районе станции Приморско-Ахтарская, непосредственно против Керченского пролива. Наше Корниловское военное училище вошло в специальный отряд генерала Черепова, в котором, кроме батальона юнкеров, были Черкесский дивизион и офицерский взвод Керченского гарнизона с двумя конно-горными орудиями. Всего в отряде было пятьсот человек.

Командовал училищем тогда генерал Протозанов³⁵⁸, а командиром батальона юнкеров был полковник Яхнов³⁵⁹. Последний был замечательной личностью. Про него говорили, что в бою он никогда не «кланяется пулям». Хотя злые языки утверждали, что он туговат на ухо и потому не слышал свиста пуль. Мы, юнкера, обожали его за строгость, юмор и отношение к нам. Я никогда не забуду, как перед десантом, накануне посадки на балиндеры, наспех была отслужена литургия в гимназической церкви, где, после общей исповеди, нас причастили, а затем выстроили на дворе. Полковник Яхнов обратился к нам с речью, говоря, что юнкера должны поддержать традиции и честь Русской армии, и закончил ее словами, обращенными к нам, молодым, почти мальчикам: «Не бойтесь смерти. Смерть в бою — это как объятия любимой женщины...» — он не мог больше говорить, слезы душили его. Мы стояли как зачарованные...

Задачей нашего десантного отряда между Анапой и Новороссийском была демонстрация для отвлечения красных сил от главного де-

сантного направления и для вступления в связь с кубанскими «белозелеными» повстанцами, действующими в этом районе. Подробностей десанта и боев рассказывать не буду. Могу сказать только, что лично для меня этот десант был кульминационным пунктом моей боевой карьеры, самым важным и самым трагичным. Скажу также, что на третий день десантной операции, в неравном бою с красными у мыса Утришок, на самом берегу моря, я был тяжело ранен в левую руку, в результате чего она была через несколько дней ампутирована. Но перед этим мне удалось огнем моего пулемета (номер один, наводчик юнкер Котиев, ингуш, был убит, а номер второй, юнкер Троянов, был ранен в голову и руку — потерял три пальца правой руки) спасти всю роту. Это произошло на Преображение, 6 августа 1920 года. За этот бой я был представлен к Георгиевскому кресту 3-й степени.

Нас, раненых юнкеров, подобрали суда, стоявшие недалеко от места боя, и увезли в Керчь. Я потерял много крови и был залит ею с головы до ног. С пристани нас отвезли на извозчике в полевой запасный госпиталь, находившийся на нижнем этаже Керченского института благородных девиц (директрисой была г-жа Васвоб). В пролетке я был почти без сознания, но, к счастью, на улице меня узнал проходивший мимо двоюродный брат, который немедленно отправился в госпиталь, узнал, в какую палату меня положили, и, вернувшись домой, рассказал о моем ранении.

В Керчи в это время находился лейб-медик, доктор-хирург Солнцев, который был близким другом семьи моих родственников. По их просьбе он немедленно, вместе с госпитальным хирургом, осмотрел мою рану и потребовал немедленной ампутации левой руки, так как у меня уже началась газовая гангрена. С операцией так спешили, что сделали ее в 6 часов вечера, сразу после осмотра. Матери были посланы две телеграммы — одна о том, что я «легко ранен в левую руку», а вторая — перед самым ее отъездом из Севастополя — о том, что «рана тяжелая, возможна ампутация». Могу себе представить, что пережила моя мать, считавшая, что я был на маневрах. Трудно описать мои и матери чувства по ее приезде в Керчь, когда она увидела меня в госпитале с туго забинтованной культяпкой вместо левой руки. Ее приезд и заботы родственников очень облегчали мое пребывание в госпитале.

Приказ о производстве меня в офицеры, по удивительному совпадению, был подписан генералом Врангелем 6 августа, то есть в день моего ранения. Помню, как начальник училища и другие офицеры пришли ко мне в палату, принесли мне мои первые офицерские погоны подпоручика, а также передали мне приказ о награждении меня

Георгиевским крестом 3-й степени. Сам же крест я получил уже в Югославии, из Галлиполи.

После неудачи десантных операций на Кубани и попытки расширить плацдарм за Днепром события стали медленно подводить к концу нашу славную Крымскую эпопею. Когда я стал на ноги и мог уже ходить по городу (с гордостью нося офицерские погоны), было решено, что мы с матерью переедем в Севастополь, чтобы там быть на амбулаторном лечении в прекрасном Морском госпитале. Ввиду того что эвакуация из Крыма казалась тогда неизбежной, нам хотелось быть и жить в квартире моего двоюродного брата, старшего лейтенанта флота Улазовского, и его жены, которая нам много помогла...

От училища получил приказ явиться к коменданту Севастополя, который зачислил меня младшим офицером в комендантскую роту, в отпуску по случаю ранения. Это для нас с матерью оказалось очень важным, так как нам вместе с комендатурой, по эвакуационному плану, было определено место на пассажирском пароходе «Александр Михайлович», на котором эвакуировались также иерархи Церкви во главе с митрополитом Платоном (среди епископов был и епископ Феофан Курский, вывезший икону Курской Коренной Божией Матери — нашей зарубежной святыни). Кроме того, на пароходе эвакуировались и главные управления Белого и Красного Креста. Наконец, наступили последние трагические развязки нашей эпопеи в Крыму...

Терентьев В.³⁶⁰

ПОСЛЕДНИЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД³⁶¹

В июле 1920 года я находился в Севастополе на службе в Главном инженерном управлении. Делать почти было нечего. Жалованье, 60 000 рублей в месяц, равнялось на американские деньги 1 доллару 50 центам. Жили мы в бывшем кабаке под названием «Салоники». Спали на койках без матрасов, подостлав шинели. Питались «шрапнелью», то есть перловой кашей. Поэтому, когда в июле стало известно, что готовится десант на Кубань, нашлось много желающих примкнуть к нему, в том числе и я. Приказано было свыше желающим не отказывать.

Приехали мы в Керчь и остановились в женской гимназии. О десанте говорил весь город, но о месте высадки действительно известно никому не было. Командовал десантом генерал Улагай, превосходный

кавалерист. Между прочим, он был самым красивым человеком, какого я видел в своей жизни. Много позже я его встретил однажды в Константинополе; он был очень элегантно одет.

Вечером 31 июля мы стали грузиться на суда, предварительно отслужив молебен. Настроение у всех бодрое и даже радостное. Я попал на паровую баржу «Амвросий». Это была старая калоша, но капитаном оказался знакомый моряк, который для начала накормил меня гороховым супом, а потом уложил меня у себя в каюте. Так удобно устроился только генерал Казанович, о котором генерал Деникин сказал: «Безумно храбрый человек». Остальные спали где попало, но это было нестрашно: ночь была теплая, и море тихое... В темноте ночи бесшумно, без огней, как тени, корабли двинулись один за другим. Куда мы направляемся, все еще не было известно. Даже неизвестно было, идем ли мы в Азовское море или в Черное. Только после уже оказалось, что мы свернули в Азовское море. Каждому кораблю сказано было только: «Следовать за таким-то судном». Все, что мы знали, — это что наш «Амвросий» идет за «Павлом». Ночью я был атакован «красной пехотой», как мы называли клопов, и это испортило мой сон.

Наутро 1 августа мы оказались в открытом море; берегов не было видно. Жара, и море как зеркало. У нас целый флот: большие и малые пароходы вытянулись в линии; баржи, паровые и простые, миноносцы — всего более тридцати кораблей разного рода. Генерал Врангель собрал, очевидно, все, что мог. Мы шли на Ейск, но вдруг среди открытого моря стали. Я купался в море прямо с «Амвросия». Наша флотилия стояла не долго и наконец двинулась на юг. Стало известно, куда мы идем: это станица Приморско-Ахтырская, или просто Ахтыри. Скоро показался низкий песчаный берег, никаких поселений не было видно. Наши миноносцы для приличия постреляли немного по какому-то советскому пикету. Потом мы пересели в лодки и двинулись к берегу. Некоторые казаки разделались и верхом на конях бросились в воду. Теперь они едут на подводах, закутанные во что попало. Лодки до берега не доходят, поэтому снимаем штаны и выходим на берег. Потом идем и едем дальше в станицу Ахтырскую. Станица в 12 верстах от места высадки, часть наших высадилась прямо в станице. В станицу мы пришли уже ночью и ночевали в доме какого-то купца. Я назначен помощником начальника связи при дивизии Казановича.

2 августа мы занялись проводкой телефонов. Прилетел советский аэроплан и сбросил бомбу. Убил нескольких обывателей и полковника Реформатского. Горько плакала его жена, тоже офицер Русской Армии. Вечером в штаб Казановича прибыли несколько начальников частей с

докладом. Происходило совещание. Вдруг Казанович как закричит: «Это черт знает что! Еще вы будете бегать!» Оказывается, случилась беда. Погиб гренадерский батальон Алексеевского полка. Его окружила красная кавалерия. Шесть атак были отбиты, но когда батальон стали расстреливать пулеметами с тачанок, то гренадеры бросились бежать кто куда и были изрублены. Десять человек попали в плен, 17 человек удрали и вернулись к нам. Станица Ахтырская большая и богатая; мы себя хорошо чувствуем в ней и уже завели знакомства. Вечером для нас зарезали жирного барашка, что было весьма кстати после севастопольской скудости.

Августа 4-го. Рано утром выступили в поход Казанович со своим штабом и наша команда связи. Частью едем, частью шагаем. Недалеко от Ахтырей, возле железнодорожного моста, увидели место гибели гренадер. Всех убитых, числом 58, уже сложили в два ряда у братской могилы. Все в одном белье, изрублены и изуродованы. К вечеру прибыли на Лохвицкие хутора. Мне приказали провести телефон от хуторов и включить его в железнодорожную телеграфную линию. Поехали я, поручик Пучков и капитан Шимановский. После полуночи закончили работу и вернулись на хутор.

Августа 5-го. Рано утром двинулись дальше. Жара. Тут я увидел в первый раз, как люди валятся с ног от жары и усталости. Я думал раньше, что это только картинное выражение. Валились с ног юнкера Константиновского училища. Видишь, как человек шатается, у него ноги заплетаются, он валится на землю. Его поят водой, поднимают на ноги, и он шагает дальше. Не знаю, или я трехжильный, или просто меньше ходил, но я ничуть не собирался падать. Дошли до нас известия о подвигах генерала Бабиева. Это тридцатилетний генерал, раненный семнадцать раз. Надо заметить, что в Белой армии почти не было людей, не раненных хоть раз. Сам Врангель был ранен два раза. У Бабиева под начальством служил полковник Бабиев³⁶² — его отец. Так вот этот Бабиев застукал ту кавалерию, что побила наших гренадер, и обратил их в рубленое мясо. Пленных он не брал. Оказывается, красные по дороге зарезали 20 человек из пленных гренадер. Кроме того, Бабиев захватил бронированный автомобиль под именем «Пролетарий». Команда автомобиля, видя, что не уйдешь, взорвала внутри ручную гранату, которая и убила всех четверых, находившихся там. Автомобиль переименован в «Бабиев». Бабиев храбрый боевой генерал, но только гоняет своих людей и лошадей до полного изнеможения. К вечеру прибыли в станицу Староджерелиевскую. У нас образовался большой обоз из обывательских подвод, в станице толкотня, и я с трудом нашел свой штаб.

Августа 6-го. Рано утром мне приказали провести телефон из штаба на вокзал, но, едва я его построил, приказали снять. Мы двинулись дальше вдоль линии железной дороги к станции Тимашевская. Начальник станции Джералиевка сказал нам, что только с одной этой станции красные вывезли 200 000 пудов хлеба. Вот для кого берегла хлеб Кубанская Рада! Он же нам рассказал, что вчера расстреляли остальных гренадер, числом 71. Я их видал лежащими в ряд в одном белье на площади у церкви.

Мы включились в линию железнодорожного телеграфа и проверяли его. При одной из таких проверок мы долго не могли добиться толку — слышали какой-то беспорядочный разговор. И вдруг слышим резко и отчетливо: «Белье, оглядывайтесь назад да берегите уши, через час будет вам концерт». Мы поспешно сняли телефон и двинулись на станцию Тимашевская. Прошел не час, а два, но концерт вышел в нашу пользу. По дороге мы увидели испорченный автомобиль, окруженный нашими. В нем сидели два раненых красных командира. Один из них — начальник дивизии, расстрелявший наших гренадер, и с ними советская сестра милосердия. Какие гнусные рожи! Начальник дивизии полулежал, он был смертельно ранен, к его счастью.

К вечеру прибыли в Тимашевскую. Это большая станица и узловая станция. Сегодня она взята нашими. Вокзал разбит нашей артиллерией. Тут началась для меня сильнейшая работа. Нет отдыха ни днем, ни ночью. Мы проводим новые линии, снимаем старые, заряжаем элементы, ремонтируем аппараты. Иногда еще я зашифровываю телеграммы. Материалов не хватает; начальство ругается; страшная суета и хлопоты. Наши войска двинулись куда-то вперед и имеют успех.

Августа 8-го. Алексеевский полк пригнал около 1000 пленных. Все это михрютки не старше 20 лет из Пермской губернии. Дикая орда, настоящие бараны, глупые рожи. Даже язык малопонятный. Шинелей нет — только винтовки в руках и патроны в карманах; только обувь довольно хороша. Все уверяют, что служили у Колчака. Неизвестно, правда ли это. Их разобрали по разным частям. Попало несколько человек и в нашу команду. Сегодня к нам в штаб прибежал босой оборванный человек, без шапки, трепещущий, растерянный и искусанный комарами. Это оказался некий есаул Крупнов, до сего времени сидевший в камышах. Его одели, накормили и приняли на службу в штаб. Сегодня вечером мне дали шифровать телеграмму Казановича к Улагаю. Казанович пишет, что противник держится пассивно, что указывает на его слабость. Поэтому завтра предполагается двинуться дальше на станицу Медведевскую. Частные сведения несколько иные — говорят, что в степи видны огни и движение войск.

Августа 9-го. Мы заказали своей хозяйке вареники с сыром и мирно ожидали их появления, когда вдруг в нашем саду разорвался снаряд. Поднялся переполох, я побежал в штаб. Там суета, работают всю телеграф и телефон и происходит совещание начальства. Прибыл начальник штаба десанта генерал Драценко. Он — бывший начальник оперативного отдела Кавказского фронта. Известия поступают со всех сторон, и довольно тревожные. Красные наступают на Тимашевку значительными силами. Оно и видно. Снаряды падают к нам на площадь довольно часто, и за станцией начался бой. Рокочут пулеметы, и щелкают винтовки. С нашей стороны дерутся юнкера-алексеевцы и Алексеевский полк, укомплектованный красными пленными. Нарастает тревога, пальба усиливается.

Мое положение весьма затруднительное: с одной стороны, нужно будет своевременно убрать линию и аппараты, а с другой стороны — они нужны до последней минуты. Бой разгорается, перед штабом появился наш броневик. Свищут пули и сбивают листья с деревьев. Появились раненые. Привели здорового казака с простреленной грудью; он истерически плакал. Вдруг из штаба определенно приказали снимать линию, и за этим началось бегство. Снять линию не успели, а только посрывали аппараты со столов и на ходу побросали в повозки, и весь обоз двинулся из станицы. Жара, пыль, пальба. Корнет Гейне с револьвером в руках наводил порядок. По дороге разбилась наша двуколка; груз сняли, а ее бросили. Выехали мы за станицу и понемногу успокоились. Мы отступаем на станицу Днепровскую. Пропали вареники! Вот тебе и пассивный противник!

Когда мы уже подъезжали к Днепровской, нам приказали повернуть обратно. Надо сказать, что драпал только штаб, а боевые части продолжали бой. Подъезжаем к Тимашевке, там на гребле у мельницы застава. На заставе нам сообщили, что юнкера-алексеевцы отбили атаку 15 тысяч красных, но, кажется, красные опять наступают. Действительно, бой продолжал греметь за станицей. Затем стали падать снаряды возле мельницы и по дороге от мельницы. Вероятно, красные вообразили, что бьют по отступающим.

Двинулись мы опять из Тимашевки. Я ехал на одной подводе с раненым адъютантом Алексеевского училища. Он ранен легко в ногу навывлет, но все-таки задета кость. Нас обстреливали, и снаряды ложились недалеко от дороги. Ночью прибыли в Днепровскую. Поужинали сливами у какой-то казачки и вообще в этот день почти ничего не ели. Наши пленные проявили вольную или невольную преданность нам, а именно — усердно удирали вместе с нами, и один говорит другому: «Беги вперед! Нашим не попадайся, посекут!»

Августа 10-го. Двинулись дальше из Днепровской еще до рассвета и пошли на Гречаные хутора. У нас образовался огромный обоз. Едут хозяйственные части, канцелярии, перевязочные пункты, снаряды, патроны, едет и наша команда связи. Подводы собрали с окрестных станиц и хуторов. Обоз растянулся на несколько верст от горизонта до горизонта. Замыкает шествие аэроплан, везомый лошадьми. Везут раненых, слышны их стоны и крики. К полудню прибыли на Гречаные хутора. По улицам лежали раненые. Запомнил я одного из них: лежит ничком, часто дышит и глядит страдающими глазами. Возле него суетятся санитары. Другой — убитый — лежит у плетня залит кровью, руки скорчены, и около стоит конь, понунив голову. Обступили его другие казаки, сняли оружие и увели коня. Потом хоронили на кладбище убитых юнкеров, человек десять. Вырыли братскую могилу и отпели, как следует. Отпевал местный священник; вид у него жалкий, ряса измята. Трупы изуродованы, вся атмосфера — крайней грусти и печали. Поставили им крест без надписи. К вечеру прибыли на Лебяжьих хутора. Остановились у священника. Он нас угостил великолепным белым арбузом и чаем.

Августа 11-го. На заре двинулись дальше и прибыли в станицу Гривенскую. Это большая станица, расположенная на так называемой протоке. Протока — это рукав Кубани, не очень широкий, но глубокий и с быстрым течением.

Августа 12-го. Утром опять выступили в поход. От Тимашевки до Гривенской это было отступление. Теперь опять переходим в наступление. Пошли к станице Ново-Николаевской. По дороге проходили поле недавней битвы. Следов немного: штук восемь убитых лошадей, несколько разбитых снарядных ящиков и три трупа. Один простенький рыжий мужик с искаженным лицом и застывшим криком на губах. Убит шашкой по затылку. Другой лежит посреди дороги. Гнусная советская рожа: бритая, а волосы длинные. Третий в стороне. Одеты в грязную парусину. Обувь сняли, остались только портянки.

Наш колоссальный обоз идет степью и вдруг стал. Это случается очень часто из-за порчи подвод. Но на этот раз дело затянулось. В чем дело? Проносится известие — дорога закрыта: впереди красные. Вдоль обоза носится на коне довольно забавная и печальная фигура. Это старый казачий генерал Закладный³⁶³. Он начальник обоза, симпатичный старик. Он горячится, ругается и даже лупит казаков нагайкой. Ему вслед улюлюкают. Теперь он командует: «У кого есть винтовки — становись в строй!» Выходит довольно много народу. Выхожу и я, а некоторые прячут винтовки в солому. Закладный дует их нагайкой, и в результате образуется сводная рота. Нас рассыпают цепью и ведут

полем к далекому кургану. Обстановка неприятная, пыльный ветреный день, солнце в глаза, под ногами шелестит сухой бурьян. Впереди на кургане Улагай со штабом. На горизонте какие-то всадники. Как будто рубятся, но слишком далеко, не разглядишь. Говорят, сейчас будет бой под станицей Ново-Николаевской. Какой-то маленький бой действительно произошел, но далеко впереди, нам не пришлось участвовать. Благополучно двинулись вперед и скоро прибыли в станицу Ново-Николаевскую. Узнали здесь скверную новость — красные изрубили здесь несколько десятков молодых казаков, чтобы не приставали к нам.

Августа 13-го. Наутро двинулись дальше. Перед отъездом мне приказали оставить в станице двух казаков с телефоном, чтобы они следили за противником и доносили нам. Иначе говоря, оставить двух казаков на погибель. Но мои казаки Шилка и Шпыгарь оказались не дураки и, немного поболтавшись в станице, вернулись к нам. Подошли мы к хутору Желтые Копани, и шедший впереди стрелковый Кубанский полк вступил за хутором в бой. Весь наш обоз столпился перед хутором и ждал результатов боя. За хутором трещат пулеметы и винтовки, вспыхивают шрапнели; идет легкий дождик.

Нет ничего хуже такого пассивного ожидания. Не знаешь, двинемся ли дальше или из-за хутора вылетит красная кавалерия и начнет рубить. А полковник Иванов, мое начальство, спит на возу под шум боя, и ему на лицо падает дождь. Наконец часа через полтора красные удрали, и мы вошли в хутор. Стали доставлять убитых и раненых. Пронесли молодого казака — ран не видно, глаза полузакрыты, лицо спокойно, будто спит, только страшно бледен. Положили его на солому под навесом. Потом прибыла подвода с ранеными: стоны, кровь и даже плач. Мы их снимали с подвод и вносили в хату. Суетится тут сестра — жена поручика Славутинского — и ничего не знает и не умеет. Потом мы заказали в одной хате карасей и хорошо закусили. Потом двинулись в станицу Ново-Джерелиевскую, куда и прибыли вечером. Отпевали наших убитых в этом бою — всего трех. Нас все время провожает похоронное пение. Каждый день или мы кого-нибудь хороним, или жители. Обращают на себя внимание здешние церкви. Это — большие красивые кирпичные здания, но хуже, чем в городе. Говорят, казакам некуда девать денег, вот и строят церкви. Край здесь очень богатый.

Августа 14-го. Провел я телефон Кубанскому стрелковому полку. Сидели тихо и спокойно. Вдруг — наш пушечный выстрел. Бегу к начальству за приказаниями. Казанович ругается: «Что вы — услышали выстрел и уже испугались!» Кто-то обмолвился словом «трево-

га». «За одно слово «тревога» буду вешать», — говорит Казанович. Однако за станицей начался бой. Наши устроили наблюдательный пункт на колокольне, провели туда телефон, и пошла работа. Наши орудия, к сожалению — только два, работают превосходно. Бьют шрапнелью без промаха и каждым выстрелом вырывают по 150 шагов фронта. Наступает пехота. В телефон слышна команда: «Девять ноль». Затем — бах, бах и т. д. Палят и красные по станице, шрапнель так и свищет. Наконец они попали в колокольню и оборвали кабель. Спешно починяем телефон — бой продолжается. Показывается красная конница. «Бейте по коннице», — приказывает Казанович. «Не могу я разорваться», — отвечает командир батареи, превосходный артиллерист, дроздовец. Приказали нам собираться. Высыпали на улицу испуганные жители. Какая-то девица говорит мне: «У нас со страху юбки падают!» Выехали мы из станицы и потянулись гуськом по дороге. Нас заметили и открыли огонь. Вспыхнули над нами белые облачки, и засвистела шрапнель. Тут все подводы, как по команде, разом повернули налево и пустились вскачь по полю. Началась паника. Начальство крепким матом скоро восстановило порядок, и мы двинулись дальше. Многие жители станицы на наших глазах удирали в камыши, захватив с собой котомки с хлебом. К вечеру мы вернулись в станицу Гривенскую и остановились в той же хате. Неподалеку устроили телефонную станцию. Слышал я оригинальный разговор между нашим хозяином и его женой. Дело в том, что ее боднула корова в колено и искалечила. Она болеет уже целый год и не может двигаться. Вот муж говорит ей: «Умри» — «Хорошо, я умру», — говорит она.

Вечером мы получили известие о страшном разгроме Красной армии в Польше. Поляки взяли более 200 000 пленных. Об этом приказано известить нашу группу войск. А наши дела не так уж хороши. Вечером пришла телеграмма: «Противник двигается к станице, имея с собой тяжелые пулеметы». Несмотря на это, наше начальство не приняло никаких мер. Пока Казановича где-то нет, и нами командует генерал Колосовский, первопоходник.

Августа 15-20. Сегодня Успение. Я вышел во двор, и вдруг затарахтел пулемет на нашей заставе, за полверсты от нас. Все высыпали во двор, ждем, что будет дальше. Донеслось отдаленное «Ура!». Решили, неизвестно почему, что это наши. Вдруг полковник Иванов командует: «Запрягай!» И тотчас же по нам открыли огонь из пулемета с лука, который начинался от нашей хаты. Я кинулся в хату, схватил свои вещи и бросил на подводу. Затем бросился на телефонную станцию. Встречаю по дороге рядового Аносова и кричу ему: «Срывай аппара-

ты!» Пулемет трещит, но пули идут где-то высоко над нашими головами. Вижу — улица пуста. Наши с невероятной быстротой запрягли и уехали. Я бегом пустился вдогонку и скоро догнал подводу. На ней сидит поручик Лысенин, с ним сестра и разный хлам. Едут вскачь, потеряли крышку от самовара. Скоро догнали остальной обоз. Наши куда-то исчезли почти все. Остались только я, полковник Иванов, писарь и два брата Фоменко — рядовые.

Вдруг Фоменко кричит: «Неужели нам тут погибать! Господа офицеры! Давай патроны, давай винтовки!» Я глянул вперед, вижу в конце улицы человек 5—6 всадников, шашки наголо, что-то кричат. Расстояние шагов 150. Я спрашиваю Фоменко: «Это красные?» — «Так точно!» Тут только я заметил, что они в красных шапках — отличный знак коммунистической кавалерии. Мы все пятеро забежали в какой-то двор и открыли дружную стрельбу. Тут у меня пропал всякий страх, я только затрясся от злости и стал старательно целиться. Выпустил четыре патрона и не попал ни разу. Тут Фоменко убил коня под одним из всадников. Конь рухнул на землю, полетел и всадник, описав какую-то удивительную траекторию. Тут все прочие всадники пошли наутек. Мы за ними, кричим «Ура!». «С нами Бог!» — прибавил Фоменко. «Не увлекаться!» — крикнул полковник Иванов. Я говорю ему: «Господин полковник, примите команду!» — «Я никогда не командовал», — говорит он. Всадники живо удрали. Я еще один раз выстрелил вдогонку и тоже попал, да еще чуть не оглушил полковника Иванова, так как стрелял сзади его. Отглянулись мы назад и командуем обозу: «Вперед». Никакого ответа. Посмотрели, а там ни одного человека, ни солдат, ни извозчиков. Мы побежали вперед.

Ужасно неприятно бежать, когда сзади свищут пули. Я догнал какую-то подводу из нашего обоза, и мы вскачь понеслись вперед. Кругом станицы идет бой, гремят пушки, но что, где и как — я ничего не могу понять. Выехали из станицы и уже спокойно поехали вдоль протоки. Опять собрался многочисленный обоз. К вечеру прибыли на хутора «веселые», то есть проехали верст 30. Там Улагай и весь штаб десанта. Работает радио, связались с Врангелем. Наша неудача вполне определилась, нас будут эвакуировать в Крым. Да оно и неудивительно: на наш отряд в 5000 человек обрушились две советские армии, то есть около 80 000 человек. У меня пропали все вещи, осталось, что было на мне, то есть старое обмундирование, часы (они до сих пор у меня) и документы. Пропало и все телефонное имущество. Только Аносов спас телеграфный и два телефонных аппарата.

Августа 16-го. Стали на берегу Кубани. Собрался большой табор. Похоронили на берегу какую-то несчастную сестру милосердия. Оказывается, нас решили эвакуировать через Ачувев. Это небольшой городок в устьях Кубани, там рыбные ловли Кубанского казачьего войска. Там теперь строят для нас понтонный мост и для этого согнали лодки со всех окрестностей. Туда поехал через наш табор Улагай со своим штабом.

Августа 17-го. Меня с моей командой потребовали назад в штаб Казановича на хутора Барабановские. Поехали назад верст за тридцать, прибыли туда среди ночи. Обстановка оказалась весьма странная. Доехали мы до наших окопов, нам говорят: «Поезжайте дальше». Проехали еще с версту по направлению к противнику и, наконец, приехали на место. На берегу Кубани стоит одинокий хутор, на другом берегу красные. С правого фланга Кубань, идущая в виде буквы «Г», а левый фланг обнажен, и только в ту сторону направлены два пулемета. Заходим в хутор, весь штаб спит. Я явился к Караваяву (начальник штаба), передал пакет, и мне приказали читать. Начал я читать, а тут красные открыли огонь с того берега. Никаких приказаний мне не дали, а только сказали: «Утром посмотрим!» Вышел я со своей командой во двор искать ночлега, а красные знай палат. Никакого ночлега мы не нашли и вернулись в наш табор, расположенный на Ачувевской косе. К нам каждое утро и каждый вечер прилетают четыре советских аэроплана, и каждый бросает по 10 бомб, то есть 80 бомб в день, и ни одного попадания. А ведь нас целый табор, широко раскинувшийся, да еще суда на море. Берег низкий, песчаный, море больше похоже на лиман, чем на море, даже вода мало соленая, кругом камыши. И вот бомбы попадают в камыши и в море. А ведь бомбы бывают и пятипудовые. Когда наши увидят аэроплан, поднимается неистовая, беспорядочная стрельба из винтовок и пулеметов. Попаданий незаметно, но стрельба удерживает красных на высоте. Все-таки эти налеты очень неприятны, хуже всего сознание незащитности. Завидую полковнику Иванову: он во время налета преспокойно лежит на возу и, улыбаясь, глядит на небо. Конечно, это самое благоразумное.

Августа 23-го. Сегодня меня опять послали в штаб Казановича. Приехали. Оказывается, он стоит уже на Веселых Хуторах. Жители все разбежались, увезли имущество, угнали скот. Казанович устраивается, будто на год: выбирает себе столовую, спальню и прочее. Соединились телефоном с фронтом. Фронт держат по очереди полки Алексеевский и Кубанский стрелковый. Алексеевский полк ненадежен. В нем масса вчерашних красных. Хутор под самой рекой, кругом камыши, на ко-

торые мы поглядываем с тревогой. Говорят, в этом году по причине засухи они стали проходимы и оттуда могут появиться красные. Поэтому я сплю не раздеваясь и не расстаясь с винтовкой. Оказалось, что у нее мушка сдвинута в сторону. Вот почему я не мог попасть ни разу. Каждый вечер красные поднимают усиленную оружейную пальбу. У них 12 орудий, что мы видим по вспышкам, а у нас только два. Мимо нас проходят наши последние части, скоро, видно, наша очередь отступать. Стоит чудная погода, а ночи прямо волшебны. Кубань, сады и хутора наполняются серебристым голубоватым туманом, река как зеркало, и только плывущие по реке трупы конские и изредка людские портят красоту. Наше начальство покупает у извозчиков лошадей и повозки по вольной цене и только у желающих. Бедные извозчики все «желающие», потому что на обратном пути их ловят красные и убивают всех, кто с лошадьми, а без лошади возможно проскользнуть домой незаметно.

Августа 26-20. Сегодня красные с утра палят по нам из пушек, но редко, и все снаряды аккуратно ложатся за реку в камыши. К вечеру они изменили прицел и положили 3 снаряда вокруг нашего штаба треугольником. Это значит, следующий снаряд будет прямо по штабу. Вечером к нам приехал на автомобиле Улагай. Я слышал его беседу с Казановичем. Казанович говорит: «Мы хотели повторить поход Корнилова, только с поддержкой интендантства. Мы хотели взять Екатеринодар». — «Какой там Екатеринодар, — говорил Улагай, — когда Тимашевку не могли удержать! Дураки красные, что не пустили нас в Екатеринодар, оттуда не ушел бы ни один человек».

Августа 27-20. Сегодня утром приказали мне убрать все. Наконец и мы уходим. К вечеру благополучно прибыли в Ачуев. Это оказался вовсе не город, а ничтожный поселок. Большая и хорошая церковь, дом священника, огромный ледник, сарай и чаны для засолки рыбы, в общем, домов штук десять. Кругом камыш, песок и болото. Мне удалось получить от какого-то коменданта 13 фунтов муки, то есть по одному фунту на каждого человека моей команды. Мы из этой муки сварили галушки в патронной жестянке да еще положили туда три коровьих ножки, найденные на дороге.

Августа 28-20. Остановились в одном доме с Улагаем. Я видел, как ему понесли черную икру в салфетке. Опять прилетели красные аэропланы и бросали бомбы в Ачуев. Наши положили телегу на бок, укрепили на колеса пулемет и палили в аэроплан. И наши пулеметы, и красных бомбы одинаково палят мимо. Вечером мне приказали снять телефонную линию от Ачуева до места посадки и дали в помощь юнкеров. Ночью уборка линии была закончена, и мы сели на пароход.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ ЗУЕВ³⁶⁵

Была теплая, темная сентябрьская ночь двадцатого года. Ожидая подводы на М. Рогачик, Таврической губернии, где стояла моя часть, я должен был заночевать в селе Федоровка. Маленький дом коменданта не мог вместить и сотой доли всех остановившихся на ночлег. Такая тихая, теплая осенняя погода, небо, покрытое мириадами ярких звезд, невольно влекли вон из дома. Я вышел на обширный двор, сплошь занятый кубанцами, которые укладывались спать на земле, подстлав солому.

Я был удивлен — а где же кони? Из расспросов узнал, что это казаки-партизаны генерала Фостикова, недавно перевезенные из Грузии в Крым. Все они были одеты в сильно поношенную разнокалиберную одежду, все были худы и черны — черны от грязи, которая въедается в кожу за долгие месяцы похода, дымных костров, недосыпания. Большинство из них были молодые, почти мальчишки. Разместившись на ночлег у самого стога сена, я со своим приятелем невольно стал слушать рассказ казачонка, лежавшего в нескольких шагах от нас.

«...Ничего у нас уже не было, ни патронов, ни хлеба. Захватили нас красные в горах и пригнали в Туапсе, в Чека. Чекисты били нас нещадно, мы не отрекались — служили, мол, у генерала Фостикова. Было нас человек 5 на суде, приговорили к расстрелу. Когда вели через город, народ на нас кричал, плевал, бросал всякие гадости. Если бы не чекисты, которые нас вели, нас бы растерзали тут же на улице.

Больше всех старался старшой чекист, он был верхом, в кожаной тужурке, нагайкой лупил нас по головам и кричал народу, что он ведет нас на расстрел по приговору суда и никто не имеет права вмешиваться в советское правосудие. То ли, что он бил нас нагайкой, то ли вид у него был страшный, но нас оставили в покое.

Вывели нас за город. Чекист-то этот самый зловредный, по фамилии Зуев, вытащил бутылку водки из хурджины, опрокинул ее себе в рот, а потом отдал остальным чекистам — было их пятеро, которые вели нас, — а сам кроет нас матом и нагайкой... Были мы босы, оборваны, голодные, избитые, еле живые, а тут этот черт нас мучает... Подошли к леску. Остановились. Вытащил он еще бутылку водки, отпил и отдал своим товарищам. Слез с коня, черт лупоглазый, еле на ногах держится, пьян вдрызг, и говорит: «Вы, товарищи, посидите здесь, отдохните, а я сам эту сволочь пушу в расход». Погнал по тропинке в лес, в одной руке у него наган, а в другой нагайка.

Дошли до обрыва. Выстроил он нас у обрыва — ну, знать, пришел конец — и говорит: «Вот что, хлопцы, я такой же белый, как и вы; я буду стрелять в воздух, а каждый из вас по очереди — вопи изо всей мочи и прыгай в обрыв и спасайся. Больше помочь вам не могу». Обомлели мы, ничего не понимаем, а он стреляет вверх и толкает одного в обрыв: «Прыгай», говорит. Весь хмель с него сошел, а на глазах слезы. Выстрелил он пять раз, посигали мы в обрыв — и ходу. Даже спасибо не успели человеку сказать. Нашли в горах своих с генералом Фостиковым, воевали до Грузии, а вот теперь привезли нас в Крым, идем на фронт».

Несколько слов в рассказе этом меня поразили, и, подойдя к нему поближе, я увидел исхудалого, черного казачонка с умным лицом и начал его расспрашивать:

— А скажи, этот чекист Зуев был такого-то роста?

— Да.

— А нос у него был большой и красный?

— Да.

— На носу огромные очки, от них и кажется, что глаза у него вылазят?

— Да! Да вы его знаете?

— Да, знал когда-то!

Меня окружила толпа любопытных, прося рассказать, что он за человек. Вкратце я рассказал все, что я знал о нем. Долго в ту ночь я не мог заснуть. Мысли роились в голове... Вспоминалось давно позабытое!..

В 1916 году служил я в саперном батальоне на Кавказском фронте, в Приморском направлении. Был у нас в команде штрафной фельдфебель Замурского железнодорожного батальона Зуев. Сохранил он от своей прежней службы только кожаную тужурку, которой он очень гордился, носил ее летом и зимой. Не помню, за что его сослали на Кавказ, — что-то наделал в пьяном виде, продал казенное имущество. Был он исполнительный и лихой солдат, и его беда была, что он всегда умудрялся доставать напитки! Я его жалел и не раз спасал от наказания. Ему было за 40, а мне 18, ко мне он относился с большим уважением и не раз говорил: «Вот кончится война, поедем мы с вами на Зею».

На мой вопрос — а где это? — он объяснил, что это приток Амура, в тех местах он служил. «Есть у меня на Зее, в верховьях, местечко, куда и ворон не залетал; золото — хоть лопатой греби, сделаем заявку — все пополам, будете миллионером!» Конечно, я не придавал значения его словам: сейчас война, мы на Кавказе, а где Зея?! Да и как можно верить забудыге!

Наступила революция. Развалилась армия. Я заболел малярией и, так как был на фронте почти полтора года, получил отпуск на два месяца для лечения. Долго не мог избавиться от малярии, а потом уже и ехать было некуда! Я поступил в Инженерное училище в Ростове для продолжения образования. Большевики захватили власть. В Ростове началась забастовка городских рабочих. Союз Инженеров и Техников, в котором я состоял, смог пустить в ход электрическую станцию и водопровод. В начале января 1918 года я записался в Добровольческую армию и ушел в поход...

В конце восемнадцатого года встречаю в Ростове на Садовой Зуева — все та же кожаная тужурка, лихо заломлена шапка, нос красный, глаза навывкате. Навеселе! Страшно обрадовался, встретив меня. Служил в какой-то инженерной роте. Потом встретил его в девятнадцатом году, он был машинистом на каком-то бронепоезде. Каждый раз при встрече напоминал, что кончится война — поедем на Зею!

И вот теперь служит у большевиков! Как бы он вел себя, если бы я попался к нему? Видимо, он и пошел служить к большевикам, чтобы спасти наших! Ведь, спасая этих пятерых казаков-партизан, он рисковал своей жизнью! Так и остался фельдфебель Зуев для меня загадкой.

Прошло 46 лет, и вот месяц тому назад я прочел в газетах заметку: «Открыты богатейшие россыпи золота в верховьях реки Зеи». Вот эта заметка и воскресила в памяти все вышеописанное — значит, Зуев не соврал!!!

*В. Старицкий*³⁶⁶

ЭТО БЫЛО В 1920 ГОДУ³⁶⁷

Поднялось яркое солнце. Кругом зеленая молодая трава. Жужжали первые пчелы. Было тепло, чувствовалась весна. Измученная до предела группа остановилась на отдых. Развели костер. Началось приготовление пищи, в воздухе разнесся запах пшенной каши с салом. Кругом был мир, покой и тишина. Природа, казалось, не знала, что вокруг происходит ужасная трагедия; что царствует злоба и вражда и что не стало в мире любви к ближнему...

Каша еще не сварилась. Я сидел у костра и собирался кормить детей, когда ко мне подъехал старый седой горец, присел возле меня на корточки, держа повод коня под рукой, а конь с любопытством рассматривал сидящих. Старик спросил меня, куда я еду.

— Ухожу от красных, — ответил я.

Старик почмокал губами, помолчал, а потом сказал:

— Едем ко мне, у меня есть хорошая, теплая комната.

— Поедем, — согласился я, — вероятно, тебя послал нам Господь.

Наскоро позавтракав, мы двинулись со стариком в аул, под Эльбрусом. Дорога шла по хорошему шоссе, но постоянно поднималась в гору. Сделав переход около 60 верст, мы поздно вечером прибыли на место, в Тебердинский аул. Нас радушно встретила семья старика, состоявшая из жены и двух сыновей. В теплой и светлой комнате мы нашли покой и уют.

Несмотря на это, жизнь была полна беспокойства и забот. Каждую минуту можно было ждать прихода красных. Перевалы Кавказского хребта были засыпаны снегом и непроходимы, а потому уйти в Грузию было совершенно невозможно.

В ближайшие дни появились красные. Из Баталпашинска в аул пришел отряд силой в 500 человек, с двумя орудиями и с большим количеством пулеметов. Правлению и собравшимся горцам начальник красного отряда объявил, что население и пришлые могут жить и заниматься чем хотят и что власть советская всем объявила амнистию. Вернувшись домой, мой хозяин, искренне всему поверив, был в очень хорошем настроении и сказал:

— Живи спокойно, коммунисты никого не трогают.

Нашлось много легкомысленных, поверивших обещаниям красных, за что, в ближайшее же время, заплатили своими жизнями. С этого момента аул стал регулярно посещаться красными разъездами, а прибывший отряд отошел в станицу Баталпашинскую. Приходившие разъезды чувствовали себя неуверенно, горцам не доверяли, а потому к вечеру уходили обратно. С каждым приездом привозились новые распоряжения. Требовалось, например, представить списки всех белых, живущих в ауле; затем было приказано взять на учет всех хозяев, скрывающих у себя белых, а белых арестовать и доставить в Баталпашинск.

Горцы твердо хранили свои обычаи и не выдали ни одного человека, несмотря на то что это грозило им тяжелыми последствиями. Приказы красных не исполнялись. Кончилось это тем, что все правление аула было арестовано. Аул остался без власти, и отдавать приказания было некому. Жизнь с каждым днем становилась все напряженнее. Когда поступали сведения о приходе красного разъезда, население начинало готовиться. Обычно перед зарей начинался уход жителей в горы.

Получив такие сведения, я, еще в темноте, запряг волов в арбу, посадил сына, которому в то время было всего пять лет, и пустился

в дорогу, надеясь уйти в горы. Проехав мост через реку Тиберду, я двинулся по шоссе, но в это время, к моему ужасу, увидел идущий навстречу отряд красных. Повернуть назад было невозможно — это означало бы бегство, а идти вперед — верная смерть. Отряд приближался, надо было принимать решение. Я пошел вперед. Кровь застыла во мне. Я не знал местного языка, и это лишало меня всякой надежды на спасение. Достаточно было одного только вопроса красных, и я бы выдал себя. Я шел наклонив голову, ведя за собой волов.

Мысли во мне остановились. Повернувшись к сыну, я просил его ничего не говорить, но мог ли понять ребенок, что в это время переживал его отец? Несколько минут продолжался мой путь мимо строя смерти. Никто из красных не задал мне ни одного вопроса. Уже я начинал дышать свободнее, хотя и не успел еще совсем прийти в себя, как раздался звонкий голос сына:

— Папа, а ведь это казаки!

Снова кровь застыла во мне. Я думал, красные услышат, но смерть удалялась от нас. Наконец, она ушла совсем. Я свернул в первую попавшуюся долину, привязал волов, положил им корм, взял сына и ушел с ним в горы. Домой вернулся поздно вечером, когда в ауле уже не было красных. Трудно передать переживания этого дня. Легко можно было поседеть, не всякое сердце могло выдержать такое напряжение.

Как-то вечером, когда мы сидели в сакле у очага, открылась дверь и со двора вошли в комнату пять человек красных, местных карачаевцев. Конечно, пришли они с добрыми намерениями. Хозяин мой побледнел и растерялся. Но вскоре, по-видимому, что-то решил и исчез из сакли. По местному обычаю каждый гость дается Богом и является неприкосновенным лицом. Пришедшие были местные жители и хорошо знали свои обычаи. Оскорбить дом хозяина они не решились бы, зная, что хозяин будет защищать нас всеми возможными средствами. Вскоре он вернулся, неся зарезанную козу, и начал готовить особый ужин, который на местном языке называется «курмалык». Смысл его заключается в том, что все участники трапезы делаются друзьями и не могут причинить друг другу никакого зла.

Все мы ели этот ужин, но, несмотря на это, мой хозяин предложил мне отдать моих лошадей пришедшим, но, получив категорический отказ, принужден был примириться. После обильного отдыха гости уснули, заняв комнату моей семьи. Я, хозяин и ординарцы воспользовались этим, поседдали лошадей, и мы ушли в горы, где найти нас было невозможно. «Домой» вернулись только спустя несколько дней, когда опасные гости уехали.

Дальнейшая жизнь в ауле с каждым днем становилась все тревожнее, так как каждую минуту можно было ожидать незваных гостей и других неожиданностей. Угроза красных действовала и на хозяев, а потому, с общего согласия, решено было перебраться из аула в горы и поселиться в пещерах. Нужно было выбрать такое место, чтобы никто не знал, где мы находимся, чтобы раз и навсегда избавиться от опасных посетителей.

В одну из темных ночей мы исчезли из аула и очутились в дремучем лесу, в пещере, служившей нам квартирой. По-видимому, раньше здесь обитали медведи и волки. В нашем новом жилище к нам присоединилась еще одна семья: полковника-юриста с женой и дочерью. Прибывшие были совершенно растеряны и неспособны к самостоятельному существованию. Марк Николаевич, так звали моего нового спутника, все время говорил мне, что если я предложу ему оставить нас, считая, что он с семьей является для нас обузой, то он застрелит и жену, и дочь, а потом и себя. При этом он прибавлял, что надеется, что осечки не будет. Я его постоянно успокаивал, говоря, что Бог всем нам судил быть вместе и мы будем сообща стойко нести и дальше наш крест.

В горах и в лесу мы были предоставлены сами себе и защищать нас было некому. Жить здесь было много тяжелее, чем в ауле. Приходилось за пищей ходить в аул, ходить ночью по горным тропам, всегда рискуя разбиться или попасть в руки к красным. Эту миссию приходилось выполнять нам с женой. Ей, как женщине, легче было ходить в аул, не обращая на себя внимание. Я же провожал ее до окраины, а затем скрывался в ближайших скалах, ожидая ее возвращения. Вернувшись с ношей, жена немного отдышалась, а затем мы пускались в обратный путь, снова карабкаясь по скалам. Такие путешествия приходилось совершать почти каждый второй день.

Обстановка заставляла нас время от времени менять пещеры и уходить все глубже в лес и горы. В конце концов и наш хозяин не знал, где мы находимся, и только его сын, мой искренний и верный друг, знал все, что с нами происходит и где мы находимся.

Жизнь проходила в постоянной борьбе и напряженной самообороне с оружием в руках. Дети совершенно одичали, и, когда впоследствии им суждено было попасть в комнаты, они испугались и подняли плач и крик, ибо комната показалась им клеткой.

Внизу, под пещерой, была небольшая котловина, в которой всегда горел костер. На этом костре варилась пища, состоявшая в большинстве случаев из кукурузных лепешек, выпекаемых в золе.

С наступлением ночи все мужчины несли службу по охране нашего убежища. Служба эта была нелегкой. Ночь в дремучем лесу полна

всякими звуками. То пробежит заяц и начнет кричать, то под ногами проходящего кабана захрустят ветки, то тяжело прошагает мимо мишка, то неожиданно в деревьях прокричит сова. Все это заставляет напрягаться, браться за оружие и выяснять причины шума. Только с наступлением зари свободно вздохнет караульный и расправит свое усталое тело. Днем тоже велась охрана, но она не была столь напряженной, как ночью.

В нашей пещерной жизни живой газетой служил Узеир — так звали сына хозяина. Он приносил все новости, которые передавались по «беспроволочному телеграфу», а приемателями и отправителями служили «коши» — стоянки для овец. Хозяин коша обычно выходил на возвышенность и вызывал соседний кош, который ему передавал последние новости. Так с коша на кош доходили они до цели. Иногда приходили веселые вести, и тогда начинался оживленный разговор и рождались надежды. Когда же приходили неутешительные новости, то сразу все стихало и наступало уныние.

Одно время стали приходиться хорошие сообщения, из которых можно было ясно заключить, что население весьма недоволено красными. Это выразалось в обстреле красных разъездов, в нападении партизан на комиссаров и т. д. Были случаи, например, когда бабы просто забрасывали их яйцами. Все это привело к тому, что разъезды перестали появляться в горах. Мы все ожили, исчезла прежняя напряженность в нашей жизни. Я начал свободно путешествовать по горам и даже ловить рыбу.

Тут у меня и зародилась мысль начать восстание... Я решил добираться до Бургустана, повидать казаков, побеседовать с ними и на месте убедиться в том, насколько способны они на новую борьбу.

КОММЕНТАРИИ

¹ **Барон Врангель Петр Николаевич**, р. 15 августа 1878 г. в Ростове. Из дворян Санкт-Петербургской губ., сын директора страхового общества в Ростове. Ростовское реальное училище, Горный институт (1901), офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище (1902), академия Генштаба (1910). Офицер л.-гв. Конного полка. Генерал-майор, командующий сводным конным корпусом. В Добровольческой армии с 25 августа 1918 г.; с 28 августа 1918 г. командир бригады 1-й конной дивизии, с 31 октября 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 1-го конного корпуса, с 27 декабря 1918 г. командующий Добровольческой армией, с 10 января 1919 г. командующий Кавказской Добровольческой армией, с 26 ноября по 21 декабря 1919 г. командующий Добровольческой армией. Эвакуирован в феврале 1920 г. из Севастополя на корабле «Посадник». С 22 марта 1920 г. Главнокомандующий ВСЮР и Русской Армии. Генерал-лейтенант (с 22 ноября 1918 г.). В эмиграции, с 1924 г. начальник образованного из Русской Армии Русского общевоинского союза (РОВС). С сентября 1927 г. в Бельгии. Умер 25 апреля 1928 г. в Брюсселе.

² Впервые опубликовано: Белое дело. Т. 6. Берлин, 1931.

³ **Драгомиров Абрам Михайлович**, р. 21 сентября 1868 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Черниговской губ., сын генерала от инфантерии. Пажеский корпус (1887), академия Генштаба (1893). Офицер л.-гв. Семеновского полка. Генерал от кавалерии, главнокомандующий войсками Северного фронта. Георгиевский кавалер. С августа 1918 г. помощник верховного руководителя Добровольческой армии, с 3 октября 1918-го по сентябрь 1919 г. одновременно председатель Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР. С 11 сентября 1919 г., в декабре 1919 г. главноначальствующий и командующий войсками Киевской области. С 8 марта 1919 г. заместитель председателя комиссии по эвакуации Новороссийска, с 19 сентября 1920 г. председатель кавалерской думы. Орден Св. Николая Чудотворца. В эмиграции в Югославии (в Белграде), с 1924 г. генерал для поручений при председателе РОВС, с 1931 г. во Франции, руководитель особой работы РОВС, председатель Общества офицеров Генерального штаба. В годы Второй мировой войны в резерве чинов при штабе РОА. Член Общества Ветеранов. Умер 9 декабря 1955 г. в Ганьи (Франция).

⁴ **Улагай Сергей Георгиевич**, р. в 1875 г. Сын офицера. Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1897). Полковник, командир 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г. В Добровольческой армии; с ноября 1917-го по начало 1918 г. командир отряда Кубанских войск. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир Кубанского пластунского батальона. С 22 июля 1918 г. начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 27 февраля 1919 г. командир 2-го Кубанского корпуса, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с октября 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 28 ноября 1919 г. в распоряжении командующего Добровольческой армией, в декабре (до 10 декабря) 1919 г. командующий конной группой; с марта 1920 г. командующий Кубанской армией, с 8 апреля 1920 г. в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР, с 5 июля 1920 г. командующий Группой войск особого назначения, в августе 1920 г. руководитель десанта на Кубань, после неудачи которого отставлен. Генерал-лейтенант (1919). Эвакуирован на корабле «Константин». В эмиграции в Югославии. Во время Второй мировой войны участник формирования антисоветских казачьих частей. После 1945 г. во Франции. Умер 20 марта 1947 г. в Марселе.

⁵ **Шкуро Андрей Григорьевич (Шкура)**, р. 7 февраля 1886 г. Из дворян, сын полковника, казак ст. Пашковской Кубанской обл. 3-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1907). Полковник, командир 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска, командир Кубанского конного отряда особого назначения. В мае 1918 г. возглавил восстание против большевиков в районе Кисловодска, в июне сформировал на Кубани добровольческий отряд, в июле 1918 г. присоединился к Добровольческой армии; начальник Кубанской партизанской отдельной бригады, с 9 ноября 1918 г. начальник Кавказской конной дивизии, с 30 ноября 1918 г. генерал-майор. До апреля 1919 г. начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии, с 4 мая 1919 г. командир 3-го Кубанского конного корпуса, с 29 января по март 1920 г. командующий Кубанской армией. Генерал-лейтенант (4 апреля 1919 г.). В эмиграции во Франции. Участник формирования антисоветских казачьих частей в годы Второй мировой войны. Выдан в 1945 г. англичанами и казнен 16 января 1947 г. в Москве.

⁶ **Стариков Терентий Михайлович**, р. 8 апреля 1880 г. Из казаков ст. Екатерининской Области Войска Донского. Новочеркасское казачье юнкерское училище (1902) (офицером с 1903 г.), Офицерская гимнастическо-фехтовальная школа. Войсковой старшина, помощник командира 5-го Донского казачьего полка, член Войскового Круга ВВД. В Донской армии. Участник Степного похода; в марте 1918 г. руководитель восстания в районе ст. Екатерининской, командир отряда своего имени в Северном отряде Южной группы (с 19 мая в составе группы генерала Татаркина), с 17 июля — 3-го пешего отряда, с июля 1918 г. полковник, командир 1-го пешего отряда; в августе 1918 г. командир отряда войск Усть-Медведицкого района, генерал-майор; с 23 февраля 1919 г. командир группы своего имени в 1-й Донской армии, с апреля 1919 г. начальник 7-й Донской конной дивизии, с 12 мая 1919 г. командир 7-й Донской конной бригады, затем командир Сводного

корпуса, в начале марта 1920 г. врид командира 4-го Донского корпуса. Эвакуирован в Турцию. 29 июня 1920 г. возвратился в Крым (Севастополь) на корабле «Саратов». В Русской Армии с апреля, в июле—октябре 1920 г. в прикомандировании к штабу ВВД. Генерал-лейтенант. Эвакуирован до осени 1920 г. из Севастополя на корабле «Великий князь Александр Михайлович». В эмиграции в Чехословакии, председатель Общеказачьего сельскохозяйственного союза, в 1928—1929 гг. председатель ЦК союза комитета «Вольное казачество». Умер 11 декабря 1934 г. в Праге.

⁷ **Букретов Николай Андрианович**, р. в 1876 г. Из горских грузинских евреев-кантонистов. Приписной казак Кубанского казачьего войска. Тифлисское реальное училище (1894), Алексеевское военное училище (1896), академия Генштаба. Генерал-майор, начальник 2-й Кубанской пластунской бригады. В Добровольческой армии; 9—17 января 1918 г. командующий Кубанской армией, затем в отставке. С осени 1918 г. председатель продовольственного комитета Кубанского правительства, в январе—апреле 1920 г. Кубанский атаман. В эмиграции в Константинополе. Умер после 1922 г.

⁸ **Иванис Василий Николаевич**. Подпоручик. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: в феврале—марте 1918 г. в 4-й батарее, затем в 1-й батарее. Весной 1920 г. председатель Кубанского правительства. Умер в эмиграции.

⁹ **Богаевский Африкан Петрович**, р. 27 декабря 1872 г. Из дворян ВВД, сын офицера, казак ст. Каменской. Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1892), академия Генштаба (1900). Офицер л.-гв. Атаманского полка. Генерал-майор, начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Георгиевский кавалер. В Донской армии; в январе 1918 г. командующий войсками Ростовского района. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир Партизанского полка и с 17 марта 1918 г. — 2-й бригады. В Донской армии; с 4 мая 1918 г., председатель Совета управляющих отделами ВВД (Донского правительства) и управляющий иностранным отделом, с 6 февраля 1919 г. войсковой атаман Донского казачьего войска. Генерал-лейтенант (с 27 августа 1918 г.). В эмиграции с ноября 1921 г. в Софии, с октября 1922 г. в Белграде, с ноября 1923 г. в Париже. Умер 21 октября 1934 г. в Париже.

¹⁰ **Сидорин Владимир Ильич**, р. 31 января (3 февраля) 1882 г. Из дворян Области Войска Донского, казак ст. Есауловской, сын офицера. Донской кадетский корпус (1900), Николаевское инженерное училище (1902), академия Генштаба (1910), Офицерская воздухоплавательная школа (1910). Полковник, начальник штаба 3-го Кавказского армейского корпуса, затем в распоряжении начальника штаба Западного фронта, заместитель председателя Союза офицеров армии и флота. Георгиевский кавалер. В ноябре 1917 г. участник вербовочных организаций в Петрограде и Москве. С конца ноября 1917 г. на Дону, участник взятия Ростова, начальник полевого штаба атамана Каледина, с декабря 1917-го по январь 1918 г. начальник штаба Северного фронта донских войск, в январе 1918 г. начальник штаба походного атамана. Участник Степного похода (с 12 марта 1918 г. начальник штаба отряда), с 12 апреля по 5 мая 1918 г. начальник штаба Донской армии. С 5 мая

1918 г. уволен в отставку с производством в генерал-майоры. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 5 октября 1918 г. и на 22 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 2 февраля 1919 г. командующий Донской армией; с 24 марта 1920-го по 6 апреля 1920 г. командир Донского корпуса. Генерал-лейтенант (2 февраля 1919 г.). Вышел в отставку 12 апреля 1920 г. В эмиграции с мая 1920 г. в Болгарии и Югославии, затем в Чехословакии (чертежник в чехословацком Генштабе). Умер 20 мая 1943 г. в Берлине.

¹¹ **Слащев Яков Александрович**, р. 29 декабря 1885 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян, сын офицера. Реальное училище в Санкт-Петербурге (1903), Павловское военное училище (1905), академия Генштаба (1911). Полковник, командир л-гв. Московского полка. В Добровольческой армии с 18 января 1918 г., в июне 1918 г. начальник штаба отряда Шкуро, с июля 1918 г. командир Кубанской пластунской бригады, с 15 ноября 1918 г. начальник 1-й Кубанской пластунской отдельной бригады, затем начальник штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии, с апреля 1919 г. генерал-майор, начальник 5-й пехотной дивизии, с 2 августа 1919 г. начальник 4-й пехотной дивизии, с ноября 1919 г. командир 3-го армейского корпуса, с марта 1920 г. командир 2-го армейского корпуса, с 19 августа 1920 г. в распоряжении Главнокомандующего. Генерал-лейтенант (с марта 1920 г.). В эмиграции, с 21 декабря 1920 г. в отставке. 3 ноября 1921 г. вернулся в СССР и служил в РККА. Убит 11 января 1929 г. в Москве.

¹² **Герасимов Александр Михайлович**, р. 14 ноября 1861 г. Морской корпус (1882), Офицерский минный класс (1886), Михайловская артиллерийская академия (1892). Вице-адмирал, начальник учебно-артиллерийского отряда и комендант морской крепости Петра Великого (Ревель). В Добровольческой армии и ВСЮР (из отставки); с 4 ноября 1918 г. Главный командир портов и судов, с марта 1919 г. в Петровске-на-Каспии, с 21 марта 1919 г. начальник Морского управления, в феврале—марте 1920 г. начальник дивизиона речных судов, с марта 1920 г. в Константинополе, с 29 марта 1920 г. начальник Морского управления и командующий флотом до 3 мая 1920 г., в июне—июле 1920 г. старший морской начальник при представителе Главнокомандующего Русской Армией в Закавказье (в Батуме). Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис), с ноября 1920-го по май 1925 г. директор Морского корпуса. В эмиграции в Тунисе. Умер 2 (11) марта 1931 г. в Ферривиле (Тунис).

¹³ **Кельчевский (Келчевский) Анатолий Киприанович**, р. в 1869 г. Из дворян. Псковский кадетский корпус (1889), Константиновское военное училище (1891), академия Генштаба (1900). Генерал-лейтенант, командующий 9-й армией. С 1918 г. в гетманской армии. В Донской армии с 22 ноября 1918 г.; на 20 ноября 1918 г. начальник штаба Восточного (Царицынского) фронта, с 15 февраля 1919-го по 27 марта 1920 г. начальник штаба Донской армии, затем военный и морской министр Южнорусского правительства. Эвакуирован в начале 1920 г. на корабле «Габсбург». С 25 марта по 6 апреля 1920 г. начальник штаба Донского корпуса. Вышел в отставку 10 апреля 1920 г. (снят с должности и отставлен от службы). В эмиграции с

мая 1920 г. в Германии, главный редактор журнала «Война и мир». Умер в 1923 г. в Берлине.

¹⁴ **Вязьмитинов Василий Ефимович**, р. в 1874 г. Из мещан. Офицерский экзамен при Одесском пехотном юнкерском училище (1894), академия Генштаба (1904). Генерал-лейтенант, командир 6-го Сибирского армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 г. начальник отделения штаба армии, с 12 октября 1918 г. начальник части Генерального штаба Военного и Морского отдела ВСЮР, с января 1919 г. начальник Военного управления, с 29 марта 1920 г. начальник Военного управления ВСЮР, военный и морской министр Южнорусского правительства, затем начальник Военного управления в Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в 1920—1921 гг. военный представитель в Болгарии, с 1923 г. в Югославии, правитель дел Державной комиссии по делам русских беженцев. Умер 29 января 1929 г. в Белграде.

¹⁵ **Турбин Александр Федорович**, р. 12 января 1858 г. Московская военная прогимназия (1874), Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1877). Офицер л.-гв. Финляндского полка, командир л.-гв. Вольинского полка. Генерал-лейтенант, командир 5-го Сибирского армейского корпуса. Георгиевский кавалер. Во ВСЮР и Русской Армии; с 20 июля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с октября 1919 г. подольский губернатор, с марта по 8 апреля 1920 г. комендант крепости Севастополь. В эмиграции в Чехословакии. Умер 9 сентября 1922 г. в Ужгороде (Чехословакия).

¹⁶ **Шатилов Павел Николаевич**, р. 13 ноября 1881 г. в Тифлисе. Из дворян, сын генерала. 1-й Московский кадетский корпус, Пажеский корпус (1900), академия Генштаба (1908). Офицер л.-гв. Казачьего полка. Генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с декабря 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 10 января 1919 г. начальник 1-й конной дивизии, затем командир 3-го и 4-го конного корпуса, с мая 1919 г. генерал-лейтенант, до 22 мая 1919 г. начальник штаба Добровольческой армии, с 27 июля по 13 декабря 1919 г. начальник штаба Кавказской армии, с 26 ноября (13 декабря) 1919 г. по 3 января 1920 г. начальник штаба Добровольческой армии; 8 февраля уволен от службы и эвакуирован из Севастополя в Константинополь. С 24 марта 1920 г. помощник Главнокомандующего ВСЮР, с 21 июня 1920 г. начальник штаба Русской Армии. Генерал от кавалерии (с ноября 1920 г.). В эмиграции в Константинополе, состоял при генерале Врангеле, затем во Франции, в 1924—1934 гг. начальник 1-го отдела РОВС, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, на ноябрь 1951 г. почетный председатель объединения л.-гв. Казачьего полка. Умер 5 мая 1962 г. в Аньере (Франция).

¹⁷ **Боровский Александр Александрович**, р. 6 июня 1875 г. Из дворян. Псковский кадетский корпус (1894), Павловское военное училище (1896), академия Генштаба (1903). Офицер л.-гв. Литовского полка. Генерал-майор, командир бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., организатор и ко-

мандир Студенческого батальона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: с 12 февраля 1918 г. командир Юнкерского батальона, с 17 марта 1918 г. командир Офицерского полка. С июня 1918 г. начальник 2-й дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 2-го армейского корпуса, с 24 декабря 1918 г. командир Крымско-Азовского корпуса, с 7 января по 31 мая 1919 г. командующий Крымско-Азовской добровольческой армией, с 22 июля 1919 г. командующий войсками Закаспийской области, затем в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. Генерал-лейтенант (с 12 ноября 1918 г.). Уволен от службы 29 октября 1919 г. Эвакуирован в апреле 1920 г. из Ялты на корабле «Силамет». В эмиграции в Югославии. Умер 14 декабря 1938 г. в Нише или 22 апреля 1939 г. в Скопле (Югославия).

¹⁸ **Покровский Виктор Леонидович**, р. в 1889 г. Из дворян. Одесский кадетский корпус (1906), Павловское военное училище (1908). Капитан 10-го гренадерского полка, командир 12-го армейского авиационного отряда. В Добровольческой армии; в январе 1918 г. сформировал на Кубани добровольческий отряд, с 24 января 1918 г. полковник и командующий войсками Кубанского края, с 13 февраля командующий Кубанской армией, с 13 марта 1918 г. генерал-майор, с июня 1918 г. командир Кубанской конной бригады, с июля 1918 г. начальник 1-й Кубанской конной дивизии, с 3 января 1919 г. командир 1-го конного корпуса, с января по август 1919 г. командир 1-го Кубанского корпуса, с 2 (21, 26) ноября 1919 г. по 8 марта (21 января) 1920 г. командующий Кавказской армией. Генерал-лейтенант (4 апреля 1919 г.). В мае 1920 г. покинул Крым. Эвакуирован на корабле «Силамет». В эмиграции в Болгарии. Убит 9 ноября 1922 г. в Болгарии жандармами.

¹⁹ **Юзевович Яков Давидович**, р. в 1872 г. Из дворян. Полоцкий кадетский корпус (1890), Михайловское артиллерийское училище (1893), академия Генштаба (1899). Генерал-лейтенант, командир 26-го армейского корпуса, командующий 12-й армией. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с лета 1918 г.; с 1 января 1919 г. начальник штаба Добровольческой армии, командир 3-го конного корпуса, с 8 мая по 27 июля 1919 г. начальник штаба Кавказской армии, затем командир 5-го кавалерийского корпуса, с 28 ноября 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. С апреля 1920 г. руководитель строительством укреплений в Северной Таврии, в июне—сентябре 1920 г. генерал-инспектор конницы. В эмиграции с 1921 г. в Эстонии. Умер в 1929 г. в Тарту.

²⁰ **Шиллинг Николай Николаевич**, р. 16 декабря 1870 г. Из дворян. Николаевский кадетский корпус (1888), Павловское военное училище (1890). Офицер л.-гв. Измайловского полка. Генерал-лейтенант, командир 17-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. С 1918 г. в гетманской армии в распоряжении Главнокомандующего. В Добровольческой армии и ВСЮР с 1 сентября 1918 г. в Киевском центре, в ноябре—декабре 1918 г. заместитель представителя Добровольческой армии в Киеве, с 1 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 22 января 1919 г. начальник 5-й пехотной дивизии, с 28 мая 1919 г. в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР, с 10 июля 1919 г. командир 3-го армейского корпуса, с 12 июля одновременно главноначальствующий Таврической (с 11 августа

также и Херсонской) губ., с 26 августа 1919 г. командующий войсками Новороссийской области, освобожден 18 марта 1920 г. в эмиграции в Чехословакии, председатель кружка Георгиевских кавалеров в Праге. Арестован в мае 1945 г. Умер в начале 1946 г. в Праге.

²¹ **Кутепов Александр Павлович**, р. 16 сентября 1882 г. в Череповце. Сын лесничего. Архангельская гимназия, Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1904). Полковник, командующий л.-гв. Преображенским полком. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г.; командир 3-й офицерской (гвардейской) роты, с декабря 1917 г. командующий войсками Таганрогского направления. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир 3-й роты 1-го Офицерского полка, Корниловского полка, с начала апреля 1918 г. командир Корниловского ударного полка, затем командир бригады, начальник 1-й пехотной дивизии, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с декабря 1918 г. черноморский военный губернатор, с 13 января 1919 г. командир 1-го армейского корпуса, с 23 июня 1919 г. генерал-лейтенант, с декабря 1919 г. — Добровольческого корпуса. В Русской Армии командир 1-го армейского корпуса, с августа 1920 г. командующий 1-й армией. Генерал от инфантерии (3 декабря 1920 г.). В Галлиполи командир 1-го армейского корпуса. В эмиграции во Франции. С 1928 г. начальник РОВС. Убит 26 января 1930 г. при попытке похищения в Париже.

²² **Ефимов Николай Павлович**, р. в 1872 г. Из дворян, сын тайного советника. 2-й кадетский корпус (1890), Павловское военное училище (1892), академия Генштаба (1899). Генерал-майор, начальник Сводной Кавказской пехотной дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 11 сентября 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 6 декабря 1918-го по март 1919 г. начальник штаба 1-го армейского корпуса, затем в распоряжении генерал-инспектора штаба ВСЮР, 22 мая — 13 декабря 1919 г. (до 26 ноября 1919 г.) начальник штаба Добровольческой армии, затем в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР. Генерал-лейтенант (25 июня 1919 г.). В Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии, затем во Франции. Умер 19 января 1943 г. в Париже.

²³ **Стогов Николай Николаевич**, р. 10 сентября 1872 г. Николаевский кадетский корпус (1891), Константиновское военное училище (1893), академия Генштаба (1900). Офицер л.-гв. Волынского полка. Генерал-лейтенант, командир 16-го армейского корпуса, начальник штаба и командующий Юго-Западным фронтом. Георгиевский кавалер. Служил в Красной армии (май—август 1918 г., начальник Всерославштаба). В 1918—1919 гг. член «Национального Центра» в Москве, начальник его военной организации (август 1919 г.), возглавлял штаб Добровольческой армии Московского района. Арестован, бежал через линию фронта. В Вооруженных силах Юга России с сентября 1919 г., начальник укрепленной позиции у Ростова, с 18 января 1920 г. начальник штаба Кубанской армии. В Русской Армии комендант Севастопольской крепости и командующий войсками тылового района до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии (Земун), с 1924 г. в Париже, помощник начальника военной канцелярии РОВС, с 6 июля 1930-го по 1934 г. начальник

той же канцелярии, с февраля 1941 г. заместитель начальника 1-го отдела РОВС. Председатель Общества офицеров Генерального штаба, Союза Георгиевских кавалеров, почетный председатель Союза российских кадетских корпусов, с 1949 г. председатель объединения 3-й гвардейской пехотной дивизии, на ноябрь 1951 г. заместитель председателя объединения л.-гв. Волынского полка, заместитель председателя Распорядительного комитета Гвардейского объединения и представитель в Гвардейском объединении от 3-й гвардейской пехотной дивизии. Умер 17 декабря 1959 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

²⁴ **Топорков Сергей Михайлович**, р. 25 сентября 1881 г. Из казаков ст. Акшинской Забайкальского казачьего войска. Произведен в офицеры за боевое отличие в 1904 г., выдержал офицерский экзамен. Полковник, командир Чеченского и Татарского конного полков. В Добровольческой армии летом—осенью 1918 г. командир 1-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска, с 2 ноября 1918 г. командир 2-й бригады 1-й конной дивизии, с 8 декабря 1918 г. генерал-майор, с 19 января 1919 г. начальник Терской казачьей конной (1-й Терской казачьей) дивизии, с 22 июля, на 5 октября 1919 г. командир 4-го конного корпуса, в марте 1920 г. командир 3-го Кубанского корпуса. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, с 1922 г. атаман Донской казачьей станицы в Белой Церкви. Умер в 1931 г. в Белграде.

²⁵ **Махров Петр Семенович**, р. 1 сентября 1876 г. в Тамбове. Из дворян. Минская гимназия, Виленское пехотное юнкерское училище (1897), академия Генштаба (1907). Генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта. С 1918 г. в гетманской армии; служащий Полтавского кадетского корпуса, 30 октября 1918 г. назначен членом Военно-исторической комиссии по сбору документов Великой войны по Юго-Западному и Румынскому фронтам. В Вооруженных силах Юга России; с 21 февраля 1919 г. начальник военных сообщений Крымско-Азовской армии, с 3 апреля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 18 августа, в октябре 1919 г. начальник военных сообщений Кавказской армии, затем генерал-квартирмейстер штаба Главнокомандующего ВСЮР, представитель в Северо-Западной армии, с 24 марта по 11 мая 1920 г. начальник штаба Главнокомандующего ВСЮР и Русской Армией, с 16 июня 1920 г. представитель Главнокомандующего при польском правительстве. Генерал-лейтенант (10 июня 1920 г.). В эмиграции в Польше и во Франции. Умер 29 февраля 1964 г. в Каннах.

²⁶ **Евдокимов Сергей Владимирович**, р. в 1878 г. Морской корпус (1899) (офицером с 1900 г.). Контр-адмирал. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России; весной 1919 г. эвакуирован из Севастополя в Новороссийск на крейсере «Кагул» («Генерал Корнилов»), с 1919 г. начальник службы связи Черноморского флота, с 18 апреля до начала мая 1920 г. и. д. начальника штаба Черноморского флота, с конца мая по 17 октября 1920 г. помощник начальника Морского управления эвакуации Крыма, затем в распоряжении Главнокомандующего. К лету 1921 г. в Константинополе (с 11 декабря 1920 г. представитель морского ведомства при обществе

«Шхуна»). В эмиграции в Югославии, Франции (таксист в Париже), в 1932 г. вышел из Кают-компании в Париже в Морское Собрание (член ВМОМ), с декабря 1947 г. в Нью-Йорке, работал на фабрике; на 20 января 1949 г. член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 22 апреля 1960 г. в Нью-Йорке.

²⁷ **Татищев Борис Алексеевич**, р. в 1877 г. Александровский лицей (1896). Камергер, начальник канцелярии МИД, помощник министра иностранных дел правительства генерала Врангеля. В эмиграции в Париже. Умер в 1949 г.

²⁸ **Нератов Анатолий Анатольевич**, р. в 1863 г. Александровский лицей (1883). Гофмейстер, товарищ министра иностранных дел. В Добровольческой армии и ВСЮР; с осени 1918 г. управляющий ведомством внешних сношений Особого Совецания ВСЮР, министр иностранных дел, в начале 1920 г. товарищ министра иностранных дел Южнорусского правительства. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска. Летом 1920 г. в Константинополе в управлении иностранных дел правительства генерала Врангеля, в 1921—1924 гг. посол в Турции. В эмиграции в Париже. Член правления лицейского объединения во Франции. Умер после 1929 г.

²⁹ **Бернацкий Михаил Владимирович**, р. в 1876 г. Профессор Петроградского политехнического института, управляющий отделом труда Министерства торговли и промышленности, министр финансов Временного правительства. В Вооруженных силах Юга России; весной 1919 г. министр финансов правительства генерала Шварца в Одессе, затем начальник управления финансов, член Особого Совецания, с марта 1920 г. министр финансов Южнорусского правительства. Эвакуирован из Новороссийска. Летом 1920 г. в Константинополе, затем начальник Гражданского управления, с 29 марта 1920 г. начальник финансового управления правительства генерала Врангеля. В эмиграции в Бриндизи, руководитель Российского центрального объединения, затем во Франции, в 1931 г. член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже. Умер до 1941 г. в Париже.

³⁰ Воспоминания В.И. Морозова публикуются ниже.

³¹ **Мамонтов (Мамантов) Константин Константинович**, р. 16 октября 1869 г. Из дворян Минской губ., сын офицера, казак ст. Нижне-Чирской Области Войска Донского. Николаевский кадетский корпус (1888), Николаевское кавалерийское училище (1890). Офицер л.-гв. Конно-гренадерского полка. Полковник, командир 6-го Донского казачьего полка. В Донской армии. Участник Степного похода, комендант отряда. В марте 1918 г. руководитель восстания во 2-м Донском округе, в апреле 1918 г. командующий войсками 2-го Донского, Усть-Медведицкого и Хоперского округов, в мае 1918 г. начальник самостоятельного отряда и группы. С июля 1918-го по 23 февраля 1919 г. командующий войсками Чирского и Цимлянского районов, командующий Восточным фронтом (с 7 мая 1918 г. генерал-майор), с 23 февраля 1919 г. командующий 1-й Донской армией, командир 2-го сводного казачьего корпуса, в июле 1919-го — феврале 1920 г. командир 4-го Донского отдельного корпуса, в ноябре 1919 г. командир конной группы. Генерал-лейтенант. Умер от тифа 1 февраля 1920 г. в Екатеринодаре.

³² **Постовский Владимир Иванович**, р. около 1886 г. Войсковой старшина. В Добровольческой армии командир батальона в 1-м Кубанском стрелковом полку. Полковник. В Донской армии; с 6 октября по конец октября 1918 г. начальник Сальского отряда, с ноября 1918 г. начальник отряда под Царицыном, с октября 1919 г. командир бригады из 2-го Дроздовского и Самурского полков под Касторной. Генерал-майор. Вышел в отставку 28 апреля 1920 г. Эвакуирован в апреле 1920 г. из Севастополя. В эмиграции во Франции (в Париже). После 1945 г. вернулся в СССР.

³³ **Перлик Федор Петрович**. Сын генерала от инфантерии. Полковник л.-гв. 1-й артиллерийской бригады. В Вооруженных силах Юга России. Таврический губернатор, с 29 марта 1920 г. начальник гражданского управления. Расстрелян большевиками летом 1920 г. в Северной Таврии.

³⁴ **Граф Татищев Никита Алексеевич**, р. в 1879 г. Александровский лицей (1899). Офицер Кавалергардского полка, камер-юнкер, и. д. Московского губернатора. В Вооруженных силах Юга России; с мая 1919 г. по март 1920 г. таврический губернатор. В эмиграции во Франции. Член правления лицейского объединения во Франции. Умер после 1938 г.

³⁵ **Орлов Николай Иванович**. Симферопольская гимназия, Варшавский ветеринарный институт (не окончил). Штабс-капитан 60-го пехотного полка. В декабре 1917 г. командир офицерской роты Крыма, летом 1918 г. председатель Общества взаимопомощи офицеров в Симферополе, сформировал Симферопольский офицерский батальон, затем командир 1-го батальона Симферопольского офицерского полка. Весной 1920 г. поднял мятеж против командования в Крыму. Расстрелян красными в Симферополе вместе с братом Борисом в декабре 1920 г.

³⁶ **Май-Маевский Владимир Зенонович**, р. в 1867 г. Из дворян. 1-й кадетский корпус (1885), Николаевское инженерное училище (1888), академия Генштаба (1896). Офицер л.-гв. Измайловского полка. Генерал-майор, командующий 1-м гвардейским корпусом. В Добровольческой армии с 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 19 ноября 1918 г. врид командующего 3-й дивизией, с декабря 1918 г. начальник 3-й пехотной дивизии, с 15 февраля по 1 июня 1919 г. командир 2-го армейского корпуса, с апреля 1919 г. командующий Донецкой группой войск, 22 мая — 27 ноября 1919 г. командующий Добровольческой армией, с 26 ноября 1919 г. в распоряжении Главнокомандующего. Генерал-лейтенант. Умер 30 октября 1920 г. в Севастополе.

³⁷ **Макаров Павел В.** Прапорщик 134-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР во 2-м Офицерском (Дроздовском) стрелковом полку; с 18 июня 1919 г. штабс-капитан. До 2 декабря 1919 г. адъютант командующего Добровольческой армией. Капитан. В 1920 г. участник восстания в Крыму, затем в Красной армии.

³⁸ **Плющевский-Плющик Юрий Николаевич**, р. 2 июня 1877 г. Александровский кадетский корпус (1895), Константиновское военное училище (1898), академия Генштаба (1905). Офицер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, состоял в прикомандировании к л.-гв. Семеновскому полку. Полковник, 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего. В

Добровольческой армии с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе армии. С 27 ноября 1918 г. генерал-квартирмейстер штаба армии, с января 1919 г. по февраль 1920 г. генерал-квартирмейстер штаба ВСЮР. Генерал-майор (13 февраля 1919 г.). В эмиграции с 22 марта 1920 г. с генералом Деникиным в Югославии, затем во Франции. Умер 9 февраля 1926 г. в Париже.

³⁹ **Коновалов Герман Иванович**, р. в 1882 г. в Бессарабии. Из мещан. Херсонская прогимназия, Одесское пехотное юнкерское училище (1902), академия Генштаба (1912) (1914). Подполковник, и. д. помощника начальника отдела управления генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего Юго-Западным фронтом. В 1918 г. в гетманской армии в Екатеринославе. В Добровольческой армии с 9 ноября 1918 г. Участник Екатеринославского похода, с декабря 1918 г. начальник штаба Екатеринославского отряда, в начале 1919 г. начальник штаба Крымско-Азовской армии, в июне 1919 г. в штабе 3-го армейского корпуса, с сентября 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба войск Новороссийской области, с 12 сентября 1919 г., на 1—15 ноября 1919 г. старший адъютант оперативного отдела штаба войск Новороссийской области, с 24 февраля по 10 марта 1920 г. врид начальника штаба войск той же области. В Русской Армии генерал-квартирмейстер штаба Главнокомандующего и начальник штаба группы генерала Улагая во время Кубанского десанта. Генерал-майор (с 6 июня 1920 г.). В эмиграции в Болгарии, с 8 февраля 1929 г. в Румынии; главный директор концессии в Трансильвании. Умер 30 марта 1936 г. в Клузе (Румыния).

⁴⁰ **Дорман Павел Евстигнеевич**. Тифлисское военное училище (1905), академия Генштаба (1914). Полковник, старший адъютант штаба 22-го армейского корпуса. Во ВСЮР с 29 октября 1919 г.; осенью 1919 г. начальник оперативного отдела штаба Кавказской армии, с 15 марта 1919 г. 2-й квартирмейстер штаба ВСЮР. В Русской Армии на той же должности. В эмиграции с 1922 г. во Франции (к 1930 г. в Париже). Умер 25 мая 1945 г. в Цюрихе (Швейцария).

⁴¹ **Трухачев Сергей Михайлович**, р. в 1879 г. Из дворян. Тифлисский кадетский корпус (1896), Михайловское артиллерийское училище (1899), академия Генштаба (1906). Полковник, и. д. инспектора отдела управления дежурного генерала при Ставке ВГК. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., с января 1918 г. командир штабной роты штаба армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе армии, с марта 1918 г. начальник строевого отдела штаба армии; с июля 1918 г. дежурный генерал штаба Добровольческой армии, с января 1919 г. дежурный генерал штаба Главнокомандующего ВСЮР и Русской Армией до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с марта 1918 г.). С ноября 1920 г. помощник начальника отдела личного состава штаба Главнокомандующего в Константинополе. В эмиграции в Болгарии и Югославии, с 1926 г. во Франции, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба. Умер 26 ноября 1942 г. в Ницце (Франция).

⁴² **Вильчевский Павел Эмильевич**, р. в 1874 г. В службе с 1894 г., офицером с 1896 г., академия Генштаба. Генерал-майор. В Добровольческой

армии и ВСЮР; с 17 июля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 11 ноября 1919 г. начальник снабжения Кавказской армии, с 2 декабря 1919 г. начальник снабжения Добровольческой армии, с 27 марта 1920 г. главный начальник снабжений ВСЮР. Эвакуирован в Турцию. 29 июня 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым (Севастополь) на корабле «Саратов», начальник снабжения Русской Армии, с 15 августа 1920 г. в резерве чинов при Военном управлении. Генерал-лейтенант (1920 г.). Умер в эмиграции.

⁴³ **Шавельский Георгий Иванович**, р. 5 января 1871 г. в Витебской губ. Сын дьячка. Витебская духовная семинария, Санкт-Петербургская духовная академия. Настоятель церкви штаба ВГК, протопресвитер военного и морского духовенства. В Добровольческой армии и ВСЮР с 27 ноября 1918 г. до эвакуации Новороссийска. Эвакуирован в апреле 1920 г. из Севастополя на корабле «Тигр». В эмиграции в Болгарии. Умер 2 октября 1951 г. в Софии.

⁴⁴ **Граф Апраксин Петр Николаевич**, р. 3 января 1876 г. в Нерви (Италия). Пажеский корпус (1896). Капитан в отставке л.-гв. 4-го стрелкового полка. Действительный статский советник, гофмейстер, состоящий при Ее Императорском Величестве Императрице. Во ВСЮР и Русской Армии; в 1920 г. таврический губернатор, председатель Ялтинской городской думы. В эмиграции в Бельгии, член полкового объединения л.-гв. 4-го стрелкового полка, председатель отдела Союза Пажей, основатель Историко-Генеалогического общества. Умер 3 февраля 1962 г. в Брюсселе.

⁴⁵ **Романовский Иван Павлович**, р. 16 апреля 1877 г. в Луганске. Из дворян, сын офицера. 2-й Московский кадетский корпус (1897), Константиновское артиллерийское училище (1899), академия Генштаба (1903). Офицер л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. Генерал-майор, 1-й генерал-квартирмейстер Ставки Верховного Главнокомандующего. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., с декабря 1917 г. начальник строевого отдела штаба Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с февраля 1918 г. начальник штаба Добровольческой армии, с 8 января 1919 г. начальник штаба Главнокомандующего ВСЮР, затем помощник Главнокомандующего ВСЮР; уволен 20 марта 1920 г. Генерал-лейтенант (с 12 ноября 1918 г.). Эвакуирован в Константинополь, где убит 5 апреля 1920 г.

⁴⁶ **Струве Петр Бернгардович**, р. 26 января 1870 г. в Перми. Из дворян, сын пермского губернатора. Санкт-Петербургский университет (1885). Профессор Санкт-Петербургского политехнического института. В 1917—1918 гг. член «Совета общественных деятелей», «Правого центра» в Москве, в 1918—1919 гг. член «Национального центра». Во ВСЮР и Русской Армии; с 1919 г. редактор газеты «Великая Россия», член Особого Сопещения, с 29 марта 1920 г. начальник управления внешних сношений правительства генерала Врангеля. В эмиграции в Югославии, преподаватель экономики Высших военно-научных курсов в Белграде, затем во Франции. Умер 22 февраля 1944 г. в Париже.

⁴⁷ **Котляревский Николай Михайлович**, р. 20 октября (ноября) 1890 г. Одесская гимназия, Новороссийский университет. Статский совет-

ник Министерства земледелия (юстиции), уполномоченный Красного Креста. В Вооруженных силах Юга России; весной 1920 г. командирован в Константинополь, Софию, Белград и Париж. Эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции до 1928 г. секретарь генерала Врангеля. Умер 5 июня 1966 г. в Брюсселе.

⁴⁸ **Кривошеин Александр Васильевич**, р. 19 июля 1857 г. Сын подполковника. Гимназия в Варшаве, Санкт-Петербургский университет. Тайный советник, статс-секретарь, главноуправляющий землеустройством и земледелием. В 1917—1918 гг. председатель «Союза земельных собственников», один из руководителей «Правого центра». В Русской Армии помощник Главнокомандующего по гражданской части, возглавлял правительство при Главнокомандующем бароне П.Н. Врангеле. В эмиграции в Германии. Умер 15 октября 1921 г. в Берлине.

⁴⁹ **Агапеев Владимир Петрович.**, р. в 1876 г. в Варшаве. Из дворян Могилевской губ. 1-й кадетский корпус (1893), Николаевское кавалерийское училище (1895), академия Генштаба (1901). Офицер л.-гв. Уланского Его Величества полка. Генерал-майор, начальник штаба 35-го армейского корпуса и Польского корпуса. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., организатор Харьковского центра Добровольческой армии, с 15 августа 1918 г. в Харьковском центре, с 7 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 22 января 1919 г. — в резерве чинов при штабе Крымско-Азовской Добровольческой армии, с 5 февраля по 1 июня 1919 г. начальник штаба 2-го армейского корпуса (переименован в 1-й армейский корпус), затем в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с августа 1919 г. по конец марта 1920 г. представитель при союзном командовании в Константинополе. Генерал-лейтенант (3 июня 1919 г.). На май 1920 г. в Югославии (с 1922 г. около Белграда), главный редактор «Вестника объединения российских Пажеского, Морского и кадетских корпусов в королевстве Югославии», 17 лет служил в Военно-топографическом институте. Служил в Русском Корпусе. С осени 1942 г. в Австрии, с 1946 г. представитель Красного Креста в Германии, с 1948 г. в Чили, с 1950 г. начальник отдела Союза Российского зарубежного воинства в Аргентине. Умер 6 мая 1956 г. в Буэнос-Айресе.

⁵⁰ **Науменко Вячеслав Григорьевич**, р. 25 февраля 1883 г. Из дворян. Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, академия Генштаба (1914). Подполковник, начальник штаба 4-й Кубанской казачьей дивизии. В ноябре 1917 г. начальник Полевого штаба Кубанской области. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Летом 1918 г. командир Корниловского конного полка Кубанского казачьего войска, с сентября 1918 г. полковник, командир 1-й бригады 1-й конной дивизии, с 19 ноября 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 8 декабря 1918 г. генерал-майор, член Кубанского войскового правительства, с 25 января 1919 г. зачислен по Генеральному штабу. Походный атаман Кубанского казачьего войска. С 1919 г. командир 2-го Кубанского конного корпуса. В Русской Армии с сентября 1920 г. командир конной группы (бывшей генерала Бабиева). В эмиграции. Кубанский войсковой атаман. Во время Второй мировой войны врид началь-

ника Главного управления казачьих войск. После 1945 г. в США. Умер 30 октября 1979 г. в Нью-Йорке.

⁵¹ **Лукомский Александр Сергеевич**, р. в 1868 г. Из дворян. Полтавский кадетский корпус (1885), Николаевское инженерное училище (1888), академия Генштаба (1897). Генерал-лейтенант, начальник штаба Верховного Главнокомандующего. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховец. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г., начальник штаба Алексеевской организации. С 24 декабря 1917 г. (с 9 января по февраль 1918 г.) начальник штаба Добровольческой армии, с 2 февраля 1918 г. представитель Добровольческой армии при атамане ВВД. С февраля 1918 г. в командировке Царицын—Харьков—Севастополь—Одесса для связи с офицерскими организациями. В июле 1918 г. возвратился на Дон, с августа 1918 г. заместитель председателя Особого Совецания и помощник командующего Добровольческой армией, с октября 1918 г. начальник Военного управления. С 12 октября 1919 г. председатель Особого Совецания до февраля 1920 г. В марте 1920 г. выехал в Константинополь, с апреля 1920 г. представитель Русской Армии при союзном командовании. С ноября 1920 г. в распоряжении Главнокомандующего. В эмиграции в Югославии (в Белграде), США, Франции, помощник Великого князя Николая Николаевича, с 1928 г. в распоряжении председателя РОВС, с 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба. Умер 25 февраля 1939 г.

⁵² **Сазонов Сергей Дмитриевич**, р. 29 июля 1860 г. Александровский лицей (1883). Министр иностранных дел. Представитель правительства адмирала Колчака, член Особого Совецания ВСЮР. В эмиграции во Франции. Умер 24 декабря 1927 г. в Ницце.

⁵³ **Андгуладзе Георгий Бежанович**, р. 17 октября 1866 г. Из крестьян. Тифлисское военное училище (1887). Полковник, командир 49-го пехотного полка. Генерал-майор, командир бригады 13-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в июне 1918 г. ему поручена организация центра в Тирасполе, с 23 ноября 1918 г. формировал в Симферополе сводный полк 13-й пехотной дивизии, с 8 февраля 1919 г. командир Крымского сводного пехотного полка. Во ВСЮР и Русской Армии начальник 13-й пехотной дивизии, с августа 1920 г. командир группы войск из 13-й и 34-й дивизий. Генерал-лейтенант (30 декабря 1920 г.). В эмиграции председатель объединения 13-й пехотной дивизии. Умер 23 марта 1948 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

⁵⁴ **Гравицкий Георгий (Юрий) Константинович**, р. 4 апреля 1883 г. в Новгороде-Северском. Из мещан. Новгород-Северское городское училище, Чугуевское военное училище (1902). Полковник, командир 428-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 10 августа 1919 г. командир Сводно-стрелкового полка, с 1 августа 1920 г. командир 2-го Марковского полка, затем командир Алексеевского полка, затем начальник Марковской дивизии. Генерал-майор. Орден Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. В 1922 г. вернулся в СССР, инспектор пожарного отдела управления ВОХР ВСНХ. Арестован 30 августа 1930 г. Расстрелян по делу «Казачьего блока» 8 апреля 1931 г. в Москве.

⁵⁵ Воспоминания В.К. Витковского публикуются ниже.

⁵⁶ **Граф дю Шайла Александр Максимович.** Из дворян Могилевской губ. Петербургская духовная академия, офицерский экзамен (1917). Прапорщик, помощник старшего адъютанта штаба 8-й армии. В Донской армии; на 5—28 января 1919 г. хорунжий, переводчик в разведывательном отделе штаба Донской армии. С февраля по март 1920 г. начальник политического отдела штаба Донского корпуса, редактор газеты «Донской Вестник». Сотник. 6 апреля 1920 г. отдан под суд за попытки сеять рознь между казаками и добровольцами. Вышел в отставку в октябре 1920 г. подъясаулом. В эмиграции к 1922 г. стал большевистским агентом в Болгарии.

⁵⁷ **Абрамов Федор Федорович,** р. 23 декабря 1870 г. Из дворян Области Войска Донского (казак ст. Митякинской). Полтавский кадетский корпус, Александровское военное училище (не окончил), Николаевское инженерное училище (1891), академия Генштаба (1898). Офицер л.-гв. 6-й Донской казачьей батареи. Генерал-майор, командующий 2-й Туркестанской казачьей дивизией. На Дону с января 1918 г., до 11 февраля 1918 г. командующий Северной группой партизанских отрядов. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В Донской армии с 4 мая 1918 г., с 10 мая 1918 г. начальник 1-й Донской конной дивизии, с 28 октября 1919-го по 24 марта 1920 г. инспектор кавалерии Донской армии, с 25 марта 1920 г. в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса, с 5 мая 1920 г. командир Донского корпуса, с 10 октября 1920 г. командующий 2-й армией Русской Армии. Генерал-лейтенант (с 26 августа 1918 г.). Орден Св. Николая Чудотворца. Был на о. Лемнос. С 12 декабря 1920 г. командир Донского корпуса и помощник Главнокомандующего. В эмиграции с 8 сентября 1921 г. в Болгарии (с 11 октября 1922 г. по 1924 г. в Югославии), с 1 сентября 1924-го по 22 сентября 1937 г. начальник 3-го отдела РОВС, с января 1930 г. помощник председателя РОВС, с 22 сентября 1937-го по 23 марта 1938 г. начальник РОВС. Участник формирования казачьих частей во время Второй мировой войны, КОНР и РОА. С 1944 г. в Германии, с 1948 г. в США, на ноябрь 1951 г. почетный председатель объединения л.-гв. Атаманского полка. Умер 8 марта 1963 г. в Лейквуде (США).

⁵⁸ **Кислов Григорий Яковлевич,** р. 20 ноября 1886 г. Из казаков ст. Богоявленской Области Войска Донского. Новочеркасское военное училище (1907), академия Генштаба (1914). Подполковник, начальник штаба 1-й Сибирской стрелковой дивизии (старший адъютант штаба 62-й пехотной дивизии). В Донской армии; с 31 декабря 1917-го по 13 февраля 1918 г. штаб-офицер для поручений при походном атамане, с 6 апреля 1918 г. штаб-офицер для поручений 1-го Донского округа, с 4 мая 1918 г., на 26 июня и 20 ноября 1918 г. генерал-квартирмейстер войскового штаба ВВД. С 14 августа 1918 г. полковник, в 1919—1920 гг. 1-й генерал-квартирмейстер штаба Донской армии. С 25 марта 1920 г. начальник оперативной части Донского корпуса, до 6 апреля 1920 г. генерал-квартирмейстер Донского корпуса, с 5 апреля 1920 г. в резерве чинов штаба Донского корпуса, в июле—октябре 1920 г. в прикомандировании к штабу ВВД. Генерал-майор (10 октября 1919 г.). Остался в Крыму.

⁵⁹ **Бабиев Николай Гаврилович**, р. 30 марта 1887 г. в ст. Михайловской Кубанской обл. Николаевское кавалерийское училище (1909). Войсковой старшина, командир 1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии; с 10 января 1918 г. в боях на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в дивизионе полковника Кузнецова, в марте 1918 г. взят в плен, но освобожден. Затем в 1-м Лабинском полку, полковник, с 18 октября 1918 г. командир Корниловского конного полка, с 14 января 1919 г. (25 сентября 1918 г.) полковник, с 26 января 1919 г. генерал-майор. С 26 января, на 5 октября 1919 г. начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии. В Русской Армии начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии и конной группы. Генерал-лейтенант (18 июня 1919 г.). Убит 30 сентября 1920 г. у с. Шолохова.

⁶⁰ **Вдовенко Герасим Андреевич**, р. в 1867 г. Офицер с 1889 г. Полковник Терского казачьего войска. В Добровольческой армии и ВСЮР. Участник Терского восстания в июне 1918 г., с 18 января 1919 г. генерал-майор. На 10 января 1920 г. в общежитии № 1 в Буюк-Дере (Константинополь). В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (с 13 марта 1919 г.). В эмиграции в Югославии. Терский атаман в 1918—1945 гг. Арестован в Белграде и вывезен в СССР.

⁶¹ **Маклаков Василий Алексеевич**, р. 10 мая 1869 г. в Москве. Из дворян, сын профессора. Московский университет (1894). Присяжный поверенный, один из лидеров партии кадетов. Российский посол во Франции. В эмиграции там же (Париж). Умер 15 июля 1957 г. в Бадене (Германия).

⁶² **Морозов Николай Аполлонович**, р. в 1879 г. Псковский кадетский корпус (1897), Павловское военное училище (1899), академия Генштаба (1905). Офицер гвардейской пехоты. Полковник, командир 1-го Кавказского стрелкового полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в прикомандировании к штабу Кубанского казачьего войска, преподаватель военного училища в Екатеринодаре; в начале 1920 г. помощник начальника штаба Кубанского казачьего войска и войскового атамана, с марта 1920 г. командир Кубанской пластунской бригады, на 11 марта 1920 г. начальник Кубанского отряда, с 9 апреля 1920 г. командир Кубанского корпуса (командующий Кубанской армией). Генерал-майор. Взят в плен в апреле 1920 г., содержался в тюрьме в Костроме, затем служил в РККА, профессор Военно-политической академии имени Толмачева в Ленинграде. Арестован в конце 1930 г., в 1931 г. осужден на 5 лет лагерей по делу «Весна».

⁶³ **Писарев Петр Константинович**, р. 17 декабря 1874 г. на Дону. Из дворян, сын офицера ВВД, казак ст. Иловинской. Атаманское техническое училище, Новочеркасское казачье юнкерское училище (1898). Полковник, командир 42-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с января 1918 г. в партизанском отряде полковника Краснянского. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир 1-го батальона и помощник командира Партизанского полка, с июня 1918 г. командир Партизанского (затем Алексеевского) полка, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с 15 декабря 1918 г. командир бригады 2-й дивизии, с 19 января 1919 г. командир бригады 4-й дивизии Крымско-Азовской армии, с 10 апре-

ля 1919 г. начальник 2-й Донской стрелковой бригады, с 27 июня 1919 г. начальник 6-й пехотной дивизии, с августа 1919 г. командир 1-го Кубанского корпуса и начальник гарнизона Царицына, с 9 сентября начальник Сводно-гренадерской дивизии, затем командир 1-го Сводного корпуса в Кавказской армии. Прибыл в Крым во главе остатков Донских и Кубанских казачьих частей, избежавших капитуляции на Кавказском побережье. С начала апреля 1920 г. комендант крепости и градоначальник Севастополя, с 24 апреля 1920 г. командир Сводного корпуса, с 7 июля 1920 г. — конного корпуса, с 1 августа 1920 г. — 1-го армейского корпуса Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (с августа 1919 г.). В эмиграции в Греции, в 1920—1921 гг. представитель Донского атамана, с 1921 г. в Югославии, затем во Франции, с 1937 г. председатель Союза Первопоходников. Умер 22 декабря 1967 г. в Шелль (Франция).

⁶⁴ **Гирс Михаил Николаевич**, р. в 1856 г. Из дворян, сын министра иностранных дел. Российский посол в Риме, глава русского дипломатического корпуса за границей, с 1920 г. глава Совещания послов. Умер в 1932 г.

⁶⁵ **Макеев Михаил Владимирович**, р. 3 марта 1873 г. Сын генерал-лейтенанта. 2-й Московский кадетский корпус (1890), Михайловское артиллерийское училище (1892), Михайловская артиллерийская академия. Офицер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады. Генерал-лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР; состоял при управлении Главного начальника снабжений, с 8 ноября 1918 г. член правления завода «Кубаноль», в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 28 января, на 13 декабря 1919 г. инспектор артиллерии Кавказской Добровольческой армии, с декабря 1919-го по январь 1920 г. начальник гарнизона Царицына, в феврале—марте 1920 г. командующий в Черноморской губ. и начальник гарнизона Новороссийска, 3—11 марта 1920 г. начальник Новороссийского укрепленного района. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на корабле «Спарта». В Русской Армии с 22 мая по октябрь 1920 г. начальник Перекопского укрепленного района до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Великий князь Александр Михайлович». В эмиграции. Умер в апреле 1925 г. в Югославии.

⁶⁶ **Тверской Сергей Дмитриевич**. Училище правоведения (1896). Действительный статский советник, саратовский губернатор. В Вооруженных силах Юга России; воронежский губернатор, начальник гражданского управления в правительстве Юга России, в начале 1920 г. помощник Главнокомандующего ВСЮР по гражданской части и и. д. губернатора Черноморской губ., начальник эвакуации портов Черного моря. Эвакуирован в марте 1920 г. из Новороссийска. На май 1920 г. в Югославии. В Русской Армии и. о. начальника гражданского управления. В эмиграции во Франции. Умер 23 июля 1942 г. в Париже.

⁶⁷ **Ревшин Александр Петрович**, р. 11 декабря 1870 г. в Харьковской губ. Из дворян. Полтавский кадетский корпус (1889), Николаевское кавалерийское училище (1891) (Николаевское инженерное училище (1891)), академия Генштаба (1904). Генерал-майор, командир Крымского конного полка и начальник штаба 9-й кавалерийской дивизии (возможно, начальник штаба 2-го кавалерийского корпуса; начальник 9-й или 3-й кавалерийской дивизии).

лерийской дивизии). В декабре 1917 г. начальник «украинизированной» дивизии, летом 1918 г. в гетманской армии; 20 июля 1918 г. назначен начальником административного управления канцелярии военного министерства, 26 октября 1918 г. уволен со службы по прошению с 1 октября 1918 г., затем начальник 3-й конной дивизии, с 22 октября 1918 г. командующий Особым корпусом в гетманской армии; в ноябре—декабре 1918 г. в Киеве. Во ВСЮР и Русской Армии; с 26 января, летом 1919 г. в резерве чинов при штабе войск Юго-Западного края, затем инспектор формирования чеченских частей, с мая 1919 г. по февраль 1920 г. начальник Чеченской конной дивизии, с сентября 1919 г. командир отряда, действующего против банд Махно, на 5 ноября 1919 г. командующий группой войск особого назначения, в декабре 1919-го — начале 1920 г. командир Сводно-Чеченского конного полка, в Крыму начальник 3-й конной дивизии. Взят в плен 27 мая 1920 г. в с. Ново-Михайловке.

⁶⁸ **Лодыженский Александр Александрович**, р. в 1886 г. Училище правоведения (1908). Офицер л.-гв. Уланского Ее Величества полка, чиновник Государственной канцелярии, начальник канцелярии по гражданскому управлению штаба Верховного Главнокомандующего. Участник освобождения быховцев. В Добровольческой армии с 1917 г. Член Особого Сопровождения при Главнокомандующем ВСЮР, затем управляющий делами Южнорусского правительства, затем помощник управляющего до эвакуации Новороссийска. В Русской Армии с 1920 г. и. о. Симферопольского губернатора. В эмиграции во Франции, шофер такси. С 1956 г. председатель «Представительства Русской национальной эмиграции во Франции». Умер 4 августа 1976 г.

⁶⁹ **Климович Евгений Константинович**, р. в 1871 г. Полоцкий кадетский корпус (1889), Павловское военное училище (1891). Генерал-лейтенант, директор департамента полиции, сенатор. В Добровольческой армии и ВСЮР по ведомству Министерства внутренних дел. Эвакуирован в январе—марте 1920 г. из Новороссийска. На май, летом 1920 г. в Югославии. В Русской Армии начальник особого отдела штаба Главнокомандующего и помощник начальника гражданского управления до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии. Умер 8 июня 1930 г. в Панчево (Югославия).

⁷⁰ **Барбович Иван Гаврилович**, р. 27 января 1874 г. в Полтавской губ. Из дворян, сын офицера. Полтавская гимназия, Елисаветградское кавалерийское училище (1896). Полковник, командир 10-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. Летом—осенью 1918 г. сформировал отряд в Чугуеве и 19 января 1919 г. присоединился с ним к Добровольческой армии; с 19 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 1 марта 1919 г. командир 2-го конного полка, с 5 июня по 7 июля 1919 г. врид начальника конной дивизии в Крыму, с 5 июня 1919 г. командир Отдельной кавалерийской бригады 3-го армейского корпуса, с 3 июля 1919 г. командир 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии, с 19 ноября 1920 г. командир конной дивизии, с 11 декабря 1919 г. генерал-майор, с 18 декабря 1919 г. командир 5-го кавалерийского корпуса. В Русской Армии с 28 апреля 1920 г. командир Сводного (с 7 июля Конного) корпуса. Генерал-лейтенант (19 июля 1920 г.). Орден Св. Николая Чудотворца. В Галлиполи начальник 1-й кавале-

рийской дивизии. В эмиграции почетный председатель Общества бывших юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища в Белграде. С сентября 1924 г. помощник начальника, с 21 января 1933 г. начальник 4-го отдела РОВС, председатель объединения кавалерии и конной артиллерии. С октября 1944 г. в Германии. Умер 21 марта 1947 г. в Мюнхене.

⁷¹ **Гусельщиков Адриан Константинович**, р. 26 мая 1871 г. в ст. Гундоровской. Из дворян Области Войска Донского, сын офицера. Новочеркасское казачье юнкерское училище (1900) (офицером с 1901 г.). Войсковой старшина, помощник командира 52-го Донского казачьего полка. В Донской армии; руководитель восстания в ст. Гундоровской. С 4 апреля 1918 г. начальник обороны Гундоровско-Митякинского района, с 26 мая 1918 г. командир сформированного им Гундоровского полка, командующий войсками Хоперского округа и района, с 1918 г. полковник, с 1 октября 1918 г. генерал-майор, начальник Северного отряда, затем, в феврале 1919 г., — 6-й Донской дивизии, с весны 1919 г. начальник 8-й Донской конной дивизии, осенью 1919 г. командир 2-го Донского корпуса, с 22 ноября 1919 г. командир 3-го Донского корпуса, с декабря 1919 г. командир 4-го Донского корпуса, с февраля 1920 г. командир 3-го Донского корпуса, с марта 1920 г. начальник 3-й Донской конной дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (с февраля 1919 г.). Орден Св. Николая Чудотворца. Был на о. Лемнос; в декабре 1920 г. начальник 2-й Донской казачьей дивизии. В эмиграции с 1921 г. в Болгарии, затем во Франции. Умер 21 февраля 1936 г. в Виши (Франция).

⁷² **Ткачев Вячеслав Матвеевич**, р. 24 сентября 1885 г. Из дворян Кубанской обл., казак ст. Келермесской той же области. Нижегородский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1905), Офицерская воздухоплавательная школа (1912), Севастопольская авиационная школа (1913). Полковник, генерал-инспектор авиации (и. д. начальника полевого управления авиации) при штабе ВГК. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в апреле—августе 1918 г. в плену, с декабря 1918 г. командир 1-го Кубанского авиационного отряда, затем командир 1-го Кубанского казачьего авиационного дивизиона, с декабря 1919 г. член Кубанского войскового правительства по внутренним делам (26 декабря 1919 г. зачислен по Кубанскому казачьему войску). С 1 апреля по 31 октября 1920 г. начальник авиации Русской Армии. Генерал-майор (с 19 мая 1919 г.). Орден Св. Николая Чудотворца. В эмиграции в Югославии, председатель суда чести 4-го отдела РОВС, председатель Общества Воздушного флота в Нови-Сад. Арестован в декабре 1944 г. и вывезен в СССР, до 1955 г. в лагерях. Умер 24 марта 1965 г. в Краснодаре.

⁷³ **Левитский Валерий Михайлович**. Во ВСЮР и Русской Армии, в 1919—1920 гг. редактор газеты «Великая Россия» на Юге России, член редколлегии журнала «Зарница». В эмиграции в Югославии; с апреля 1922 г. начальник информационного отделения штаба Русской Армии. Умер в 1946 г.

⁷⁴ **Львов Николай Николаевич**, р. в 1867 г. в Москве. Из дворян Саратовской губ. Гимназия, Московский университет (1881). Товарищу председателя Государственной думы, член Св. Владимирского православного братства.

В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в армейском лазарете. В Вооруженных силах Юга России. С 1918 г. издатель газеты «Великая Россия». Эвакуирован в январе—марте 1920 г. из Новороссийска на корабле «Русь». На май 1920 г. в Югославии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». В эмиграции во Франции, с 1921 г. член Русского Совета, с марта 1922 г. член ЦК Русского Народно-Монархического Союза. Умер в 1944 г. в Ницце (Франция).

⁷⁵ **Чебышев Николай Николаевич**, р. в 1865 г. Сенатор, прокурор Московской судебной палаты. В Вооруженных силах Юга России; с 1919 г. редактор газеты «Великая Россия» в Екатеринодаре, член СГОР, начальник управления внутренних дел Особого Совецания ВСЮР. В Русской Армии начальник информационного отдела штаба Главнокомандующего, сотрудник газеты «Россия» до эвакуации Крыма. В эмиграции начальник русского бюро прессы в Константинополе, с марта 1922 г. член ЦК Русского Народно-Монархического Союза, редактор журнала «Зарницы». В эмиграции во Франции. Умер 22 февраля 1937 г. в Париже.

⁷⁶ **Шульгин Василий Витальевич**, р. 1 января 1878 г. в Киеве. Из дворян, сын профессора Киевского университета. 2-я Киевская гимназия, Киевский университет (1900). Журналист, редактор газеты «Киевлянин». Член Государственной думы. В годы Гражданской войны руководитель подпольной разведывательной организации «Азбука», с августа 1918 г. в Добровольческой армии; член Особого Совецания при Главнокомандующем ВСЮР до 31 мая 1919 г., с января 1919 г. председатель комиссии по национальным делам, редактор газет «Россия» и «Великая Россия». В эмиграции с 1921 г. член Русского Совета, жил в Германии, Болгарии, Югославии, в 1925—1926 гг. нелегально посетил Россию. В 1944 г. захвачен советскими войсками и до 1956 г. находился в заключении. Умер в 1976 г. во Владимире.

⁷⁷ **Немирович-Данченко Георгий Владимирович**. Училище правоведения (1910). Надворный советник, чиновник Министерства земледелия. Во ВСЮР и Русской Армии; с 1920 г. заведующий Бюро печати в Крыму. В эмиграции в Эстонии. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г. Умер в 1939 г. в Ревеле.

⁷⁸ **Калинин Николай Петрович**, р. 21 октября 1884 г. Из дворян ВВД, казак ст. Каменской Области Войска Донского. Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1904), академия Генштаба (1912). Офицер 17-го гусарского полка. Подполковник, старший адъютант штаба 5-го кавалерийского корпуса, и. д. штаб-офицера для поручений при штабе 6-го Кавказского армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В Донской армии; участник восстания весной 1918 г., полковник, командир полка, бригады 1-го Донского корпуса, с конца 1918 г. генерал-майор, с марта 1919 г. начальник 11-й Донской конной дивизии, с 12 мая 1919 г. — 11-й Донской конной бригады, с сентября 1919 г. — 9-й Донской конной бригады, с февраля 1920 г. — 4-й Донской конной дивизии, с марта 1920 г. начальник штаба и врид командира 4-го Донского корпуса, с 25 марта 1920 г. в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса, с июня 1920 г. по 18 августа

1920 г. начальник 2-й Донской конной дивизии, 3—16 июля 1920 г. врио командира Сводного корпуса, с 18 августа 1920 г. в распоряжении командира Донского корпуса, затем на 1 октября 1920 г. командир Донского корпуса до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (18 июня 1920 г.). Был на о. Лемнос, с 12 декабря 1920 г. начальник 1-й Донской казачьей дивизии, с 15 января 1921 г. в распоряжении Донского атамана. В эмиграции в Югославии и Франции. Вице-председатель Казачьего союза. Умер 23 октября 1949 г. в Париже.

⁷⁹ **Шифнер (Шифнер-Маркевич) Антон Мейнгардович**, р. 4 июня 1887 г. Александровский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1907), академия Генштаба (1913). Офицер л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. Подполковник, и. д. начальника штаба 7-го армейского корпуса. В 1918 г. участвовал в формировании добровольческих частей на Румынском фронте. В Добровольческой армии с 7 августа 1918 г.; начальник штаба партизанской бригады Шкуро, затем 1-й Кавказской конной дивизии, с мая 1919 г. начальник той же дивизии, с сентября 1919-го по март 1920 г. начальник штаба 3-го Кубанского корпуса. В Русской Армии с августа 1920 г. начальник 2-й Кубанской конной дивизии и отряда группы войск особого назначения в Кубанском десанте, с сентября 1920 г. начальник 2-й кавалерийской дивизии. Генерал-майор. Умер 21 января 1921 г. в Галлиполи.

⁸⁰ **Казанович Борис Ильич**, р. в 1871 г. Из дворян. Могилевская гимназия (1890), Московское пехотное юнкерское училище (1892), академия Генштаба (1899). Генерал-майор, начальник штаба и командующий 6-й Сибирской стрелковой дивизией. В Добровольческой армии и ВСЮР с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С марта 1918 г. командир Партизанского полка, в мае—июне командирован в Москву для связи с Национальным центром. С 12 июня 1918 г. начальник 1-й дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 1-го армейского корпуса, уволен по болезни 13 января 1919 г. С 8 октября 1919-го по начало 1920 г. командующий войсками Закаспийской области. С мая 1920 г. в резерве чинов Русской Армии, с августа 1920 г. начальник Сводной пехотной дивизии в десанте на Кубань. Генерал-лейтенант (12 ноября 1918 г.). Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, с 1939 г. председатель Общества офицеров Генерального штаба, председатель Главного правления Союза Участников 1-го Кубанского похода. Умер 2 июня 1943 г. в Панчево (Югославия).

⁸¹ **Черепов Александр Николаевич**, р. 17 августа 1877 г. Из дворян Курской губ. Орловский кадетский корпус, Одесское военное училище (1898). Генерал-майор 136-го пехотного полка, командующий 4-й пехотной дивизией. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с 5 декабря 1917 г., командир сформированного им в Ростове 1-го добровольческого отряда. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир бригады 1-й пехотной дивизии. С июня 1918 г. командир бригады 2-й пехотной дивизии, с 27 ноября 1918 г. начальник 2-й пехотной дивизии, в сентябре—октябре 1919 г. начальник 2-й пехотной дивизии и 6-й пехотной дивизии, с начала 1919 г. одновременно черноморский военный губернатор, начальник Черноморского десантного отряда под Туапсе. В Русской Армии в августе 1920 г. во время Кубанского десанта командир отряда у Анапы, затем командир бригады 7-й

пехотной дивизии, начальник Отдельного сводного отряда у Каховки, начальник 6-й пехотной дивизии. В эмиграции в Югославии, в 1931 г. возглавлял группу Союза Первоходников в Нови-Сад. Служил в Русском Корпусе (командир 4-го полка). После 1945 г. в Германии, председатель Союза Инвалидов в Германии, председатель Союза Первоходников, вице-председатель СЧРК. С 1950-х гг. в США. Умер 15 февраля 1964 г. в Нью-Йорке.

⁸² **Фостиков Михаил Архипович**, р. в 1886 г. Из казаков ст. Баталпашинской Кубанской обл., сын вахмистра, внук офицера. Ставропольская гимназия, Александровское военное училище (1907), академия Генштаба (1917). Войсковой старшина Ставропольского казачьего полка (1-го Лабинского). В Добровольческой армии; в июле 1918 г. в Ставрополе при отряде Шкуро сформировал и возглавил 1-й Кубанский полк во 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 1918 г. полковник. Летом 1919 г. командир бригады 2-го Кубанского корпуса у Царицына, в сентябре—декабре 1919 г. командир 1-го Кубанского полка, с 10 декабря 1919 г. по 9 марта 1920 г. начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии; с 1919 г. генерал-майор. 10 раз ранен. В марте 1920 г. командующий повстанческой «Армией Возрождения России» на Кубани, с которой летом отошел в Грузию. В Русской Армии начальник Черноморско-Кубанского отряда до эвакуации Крыма. Орден Св. Николая Чудотворца. Генерал-лейтенант Был на о. Лемнос: командир Кубанского корпуса. В эмиграции в Югославии. Умер 29 июля 1966 г. в Белграде.

⁸³ **Назаров Федор Дмитриевич**. Из казаков ст. Ново-Николаевской Области Войска Донского, сын учителя. Новочеркасское военное училище (1914). Офицер 2-го Донского запасного казачьего полка. В Донской армии; с ноября 1917 г. начальник партизанского отряда. Участник боев у Ростова в ноябре 1917 г. и под Синявской в январе 1918 г. Участник Степного похода; есаул, начальник собственного отдельного отряда. В апреле 1918 г. во время общедонского восстания формировал отряд в д. Орловке, затем член Войскового круга ВВД. В 1918—1919 гг. командир 42-го Донского казачьего полка, с конца 1919 г. командир бригады. Участник Бредовского похода. Прибыл из Польши в Крым. В Русской Армии в августе 1920 г. начальник десантного отряда, высадившегося у ст. Ново-Николаевской. По возвращении оттуда — в Крыму до самой эвакуации. В эмиграции в Болгарии, затем на Дальнем Востоке, в 1920-х гг. командир отряда в Монголии, с 6 ноября 1927 г. в Китае, затем в СССР во главе партизанского отряда. Покончил самоубийством в окружении 17 июня 1930 г. (по другим данным — в начале августа 1931 г. у ст. Пограничной).

⁸⁴ **Драценко Даниил Павлович**, р. в 1876 г. Из мещан. Одесское пехотное юнкерское училище (1897), академия Генштаба (1908). Полковник, командир 153-го пехотного полка. В начале 1918 г. командир русского корпуса в Закавказье. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 17 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 1 марта 1919 г. начальник 4-й Терской отдельной пластунской бригады, затем начальник 1-й конной дивизии, с 31 мая 1919 г. начальник Астраханского отряда, командующий войсками западного побережья Каспийского моря, командующий группой войск Астраханского направления, с 1920 г. представитель Главнокоман-

дующего ВСЮР в Батуме. В Русской Армии в августе 1920 г. начальник штаба группы войск генерала Улагая во время Кубанского десанта, затем начальник штаба 2-й армии, с 2 сентября до 2 октября 1920 г. командующий 2-й армией. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, с 1931 г. начальник Загребского отдела РОВС и председатель комитета по сбору средств в Фонд спасения России. Служил в Русском Корпусе. Умер в 1941—1945 г.

⁸⁵ **Эрдели Иван Георгиевич**, р. 15 октября 1870 г. Из дворян. Николаевский кадетский корпус (1887), Николаевское кавалерийское училище (1890), академия Генштаба (1897). Офицер л.-гв. Гусарского полка. Генерал от кавалерии, командующий Особой армией. Георгиевский кавалер. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быходец. В Добровольческой армии с ноября 1917 г.; в январе—марте 1918 г. представитель Добровольческой армии при Кубанском правительстве. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир отдельной конной бригады. С июня 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 31 октября 1918 г. в распоряжении Главнокомандующего, с 16 апреля 1919 г. Главноначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края (Северного Кавказа), до марта 1920 г. начальник Владикавказского отряда. Эвакуирован. 24 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым на корабле «Русь». В Русской Армии в распоряжении Главнокомандующего. В эмиграции во Франции, с 1930 г. председатель Союза офицеров-участников войны во Франции, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, с июня 1934 г. начальник 1-го отдела РОВС. Умер 30 июля 1939 г. в Париже.

⁸⁶ **Фон Зигель Дмитрий Михайлович**, р. в 1869 г. Нижегородский кадетский корпус (1887), Константиновское военное училище (1889), академия Генштаба (1898). Генерал-майор, начальник 127-й пехотной дивизии. С 1918 г. в гетманской армии; представитель Главного управления Генштаба в морском министерстве, 3 декабря 1918 г. назначен членом Военно-научного комитета при главном управлении Генштаба. В Вооруженных силах Юга России; с 7 февраля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 6 августа 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба Кавказской армии, с 26 ноября (13 декабря) 1919 г. по 29 января 1920 г. начальник штаба Кавказской армии, с 25 декабря 1919 г. врио командующего Кавказской армией, затем в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР. Эвакуирован из Одессы. 14 июня 1920 г. возвратился в Крым (Севастополь) на корабле «Константин». В Русской Армии с 12 июня 1920 г. комендант Керченской крепости и командующий крепостным районом Керчи. Генерал-лейтенант (1 января 1920 г.). Умер до 1922 г.

⁸⁷ **Шинкаренко (Шинкаренко-Брусилев) Николай Всеволодович**, р. в 1890 г. Михайловское артиллерийское училище (1909). Подполковник 12-го уланского полка. Георгиевский кавалер. Чернецовец. В Добровольческой армии и ВСЮР; летом 1918 г. командир эскадрона во 2-м конном полку, с середины 1918 г. командир полка, с 1919 г. начальник Кабардинской конной дивизии. В Русской Армии в июне 1920 г. командир 2-й отдельной конной бригады, затем начальник Туземной дивизии. Генерал-майор (к июню 1920 г.). Орден Св. Николая Чудотворца. В эмиграции доброволец

армии генерала Франко. Лейтенант испанской армии, в 1939 г. тяжело ранен. Сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 21 декабря 1969 г. в Сан-Себастьяне (Испания).

⁸⁸ **Агоев Владимир Константинович**, р. в 1885 г. в ст. Ново-Осетинской Терской обл. Сын урядника. Реальное училище приюта принца Ольденбургского, Алексеевское военное училище (1906). Полковник, командир полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; состоял по Терскому казачьему войску, с 29 июня 1919 г. генерал-майор, с 22 июля 1919 г. начальник 1-й Терской казачьей дивизии, в Русской Армии начальник 3-й конной и 1-й кавалерийской дивизий. Убит 12 августа 1920 г. в районе Серогоз.

⁸⁹ **Скоблин Николай Владимирович**, р. в 1894 г. Сын коллежского асессора. Староконстантиновский кадетский корпус. Штабс-капитан 1-го Ударного отряда и Корниловского ударного полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. с полком. Капитан. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: помощник командира полка, капитан. С 1 ноября 1918 г. командир Корниловского полка, с 12 ноября 1918 г. полковник, с 26 марта 1920 г. начальник Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 26 марта 1920 г.). На 18 декабря 1920 г. в штабе Корниловского полка в Галлиполи. В эмиграции во Франции, в 1930 г. завербован ГПУ и участвовал в похищении генерала Миллера; в 1937 г. бежал в Испанию. Умер в 1938 г.

⁹⁰ **Харламов Виктор Викторович**, р. 1 декабря 1869 г. Из дворян Ярославской губ. Межевой институт (1887), Тифлисское пехотное юнкерское училище (1890), Офицерская стрелковая школа (1907). Генерал-майор, начальник 12-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с 1 марта 1918 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Председатель Судебно-следственной комиссии, с 27 ноября 1918 г., в сентябре—октябре 1919 г. начальник запасных частей Добровольческой армии, ВСЮР. В Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Болгарии. Умер 14 декабря 1933 г. в Софии.

⁹¹ **Скалон Михаил Николаевич**, р. 19 апреля 1874 г. Пажеский корпус (1894). Офицер л.-гв. Гусарского полка. Генерал-майор, командир л.-гв. 4-го стрелкового полка, командующий 33-й пехотной дивизией. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России; с 12 ноября 1919 г. начальник отряда Отдельной Русской добровольческой армии, с 29 января 1920 г. начальник Сводно-гвардейской пехотной дивизии, с 2 марта 1920 г. в резерве чинов при штабе Отдельной Русской добровольческой армии. Участник Бредовского похода. К 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию. Возвратился в августе 1920 г. в Крым. В Русской Армии с августа 1920 г. командир 3-го армейского корпуса, с октября 1920 г. командующий 2-й армией, с 25 октября и. о. таврического губернатора, начальника гражданского управления и командующий войсками тылового района до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Чехословакии, к 1925 г. в Праге, на 23 ноября 1938 г. председатель полкового объединения. Умер 28 февраля 1940 г. в Праге.

⁹² **Бредов Николай-Павел-Константин Эмильевич**, р. в 1873 г. Из дворян. 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское военное учи-

лице (1891), академия Генштаба (1901). Генерал-лейтенант, командир 21-го армейского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 25 ноября 1918 г. в Киевском центре, с 24 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР; с 13 июля 1919-го по 2 марта 1920 г. начальник 7-й пехотной дивизии, затем начальник 15-й пехотной дивизии, командующий войсками в Киеве, затем в Одессе, в начале 1920 г. возглавил поход из Одессы в Польшу. С июля 1920 г. в Крыму. В эмиграции в 1930—1931 гг. в распоряжении начальника РОВС, председатель Союза «Долг Родине», возглавлял группу 2-й Галлиполийской роты в Софии, в 1930-х гг. заведующий инвалидным домом в Шипке. В 1945 г. вывезен в СССР и погиб в лагерях.

⁹³ **Масловский Евгений Васильевич**, р. в 1876 г. Тифлиссский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, академия Генштаба (1906). Генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; до 27 сентября 1918 г. командир Приморского добровольческого отряда в Новороссийске, затем в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 19 ноября 1918 г. начальник штаба 3-го армейского корпуса, с 1 февраля 1919 г., на 5 июля 1919 г. начальник штаба войск Терско-Дагестанского края и затем войск Северного Кавказа. В Русской Армии с июля 1920 г. генерал для поручений при начальнике штаба Главнокомандующего, с августа по сентябрь 1920 г. начальник штаба 2-й армии. Осенью 1925 г. в прикомандировании к Корниловскому полку в Болгарии. В эмиграции с 1927 г. во Франции, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, член Союза офицеров Кавказской армии, к 1937 г. в Каннах и Ницце. Умер 29 января 1971 г. в Ментоне (Франция).

⁹⁴ **Ляхов Владимир Платонович**, р. 20 июня 1869 г. 1-й Московский кадетский корпус (1887), Александровское военное училище (1889), академия Генштаба (1896). Офицер л.-гв. Измайловского полка. Генерал-лейтенант, командир 1-го Кавказского армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 15 ноября 1918 г. командир 3-го армейского корпуса, с 10 января 1919 г. главноначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края, с 16 апреля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с лета 1919 г. в отставке. Убит 30 апреля 1920 г. в Батуме.

⁹⁵ **Ильин Сергей Николаевич**. Особоуполномоченный Российского общества Красного Креста при 9-й армии. Во ВСЮР и Русской Армии; главноуполномоченный Российского общества Красного Креста при русских армиях на Кубани и в Крыму. В эмиграции в Югославии, с 1921 г. начальник политической части при Главнокомандующем Русской Армией, член Русского Совета. Умер 25 июля 1923 г. в Белграде.

⁹⁶ **Данилов Юрий Никифорович**, р. 13 августа 1866 г. в Киеве. Из дворян Киевской губ. Киевский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1886), академия Генштаба (1892). Генерал от инфантерии, командующий 5-й армией. В Русской Армии помощник начальника Военного управления. В эмиграции во Франции, с 1921 г. член Русского Совета. Умер 3 февраля 1937 г. в Булони под Парижем.

⁹⁷ Впервые опубликовано: Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1918—1920 годов. Т. 2. Париж, 1964.

⁹⁸ **Гаттенбергер Георгий Петрович.** Хабаровский кадетский корпус. Генерал-майор, начальник 53-й пехотной дивизии (с 1917 г. в плену). В белых войсках Восточного фронта; в 1918 г. в Киеве сформировал отряд из чинов Сибирских частей, с которым пробрался в Сибирь. Во ВСЮР и Русской Армии; в апреле 1919 г. на Юге России сформировал Отдельный Сибирский офицерский батальон, которым командовал с июня 1919 г.; с марта 1920 г. командир батальона во 2-м Марковском полку, с 6 июня 1920 г. командир того же полка. Умер от ран 29 июля 1920 г. на ст. Пришиб под Токмаком.

⁹⁹ **Марченко Дионисий Андреевич.** Учительская семинария. Штабс-капитан, командир батальона 125-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с ноября 1917 г.; в январе 1918 г. в 1-м офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: рядовой в 1-й роте Офицерского полка. Тяжело ранен. С 14 марта 1919 г. капитан, командант штаба корпуса Кутепова, с осени (сентября) 1919 г. командир 2-го батальона 1-го Марковского полка, затем помощник командира полка, с декабря 1919-го по 29 сентября 1920 г. и с октября 1920 г. командир того же полка до эвакуации Крыма. Полковник (26 марта 1920 г.). В эмиграции в Югославии, с декабря 1937 г. командир Марковского полка. Умер 24 сентября 1968 г. в Загребе (Югославия).

¹⁰⁰ **Шперлинг Александр Альфредович,** р. в 1895 г. Из прибалтийских дворян. 1-й Московский кадетский корпус (1913), Михайловское артиллерийское училище (1914). Штабс-капитан. В Добровольческой армии; с января 1918 г. в Юнкерской батарее, участник рейда партизанского отряда полковника Чернецова. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, затем в 1-м легком артиллерийском дивизионе, с 16 декабря 1918 г. (с 24 апреля 1919 г.) до смерти командир 1-й батареи в 1-й (затем Марковской) артиллерийской бригаде. Полковник (с 26 марта 1920 г.). Орден Св. Николая Чудотворца. Убит 6 августа 1920 г. у раз. Чакрак под с. Бурчатским Таврической губ.

¹⁰¹ **Третьяков Александр Николаевич,** р. в 1877 г. Тифлисский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1897), Михайловская артиллерийская академия. Офицер л.-гв. 3-й артиллерийской бригады. Полковник, командир дивизиона л.-гв. Стрелковой артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с 2 января 1918 г.; командир 3-й батареи. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; с 12 марта 1918 г. командир 4-й батареи, с марта 1918 г. при штабе генерала Маркова, затем командир 1-го легкого артиллерийского дивизиона, с 4 апреля 1919 г. командир 1-й артиллерийской бригады, с июня 1919 г. командир 1-й бригады 1-й пехотной дивизии, с июня 1919 г. начальник Алексеевской дивизии, с 16 октября 1919 г. командир Алексеевской бригады. С 26 марта 1920 г. начальник Марковской дивизии. Генерал-майор (1918). Застрелился 14 октября 1920 г. у с. Днепровка.

¹⁰² **Слоновский Дмитрий Анатольевич (Александрович).** Капитан. В Добровольческой армии; в 3-й роте 1-го Офицерского (Марковского) пол-

ка. Ранен 2 октября 1918 г. под Армавиром. В июне 1919 г. командир батальона Марковского полка, в сентябре—декабре 1919 г. командир 1-го Марковского полка, с марта 1920 г. командир 2-го Марковского полка, с 29 сентября 1920 г. командир 1-го Марковского полка до эвакуации Крыма. Полковник (13 марта 1919 г.). На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи.

¹⁰³ **Машин Петр Николаевич.** Подполковник. В Добровольческой армии в отряде полковника Покровского на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, в феврале—марте 1918 г. старший офицер 4-й батареи, затем в 1-й батарее, с апреля 1918 г. начальник хозяйственной части той же батареи, с 10 июля (3 августа) 1918 г. командир 1-й батареи, с 16 декабря 1918 г. полковник, командир дивизиона 1-й артиллерийской бригады, с 4 апреля 1919 г. командир 1-го дивизиона, с июня (августа) 1919 г. командир Марковской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 6 июня 1920 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты в Болгарии, до декабря 1926 г. командир Марковского артиллерийского дивизиона. Умер в эмиграции.

¹⁰⁴ **Докукин Иван Павлович,** р. в 1880 г. Сын офицера. 2-й Московский кадетский корпус, Александровское военное училище. Полковник, командир 263-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в июле 1918 г. вступил в отряд полковника. Шкуро во главе сформированного им офицерского отряда, с 15 июля 1918 г. командир 2-го батальона Ставропольского офицерского полка, в сентябре 1918 г. помощник командира 1-го батальона, с 17 по 27 октября 1918 г. командир 1-го батальона 1-го Офицерского, с 27 октября 1918 г. командир 7-го Кубанского пластунского батальона, с декабря 1918 г. помощник командира 1-го батальона, с 31 июля 1919 г. помощник командира 1-го Офицерского (Марковского) полка, в октябре—ноябре 1919 г. командир 1-го Марковского полка, с 1 января по 10 марта 1920 г. командир 2-го Марковского полка, с 19 июня 1920 г. помощник начальника Марковской дивизии (в июле начальник отряда из частей дивизии) до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. и. д. командира (затем помощник командира) Марковского полка в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе Марковского полка в Болгарии. Генерал-майор (с 25 апреля 1922 г.). В эмиграции в 1931 г. возглавлял группу полка в Болгарии (Перник). Умер 23 февраля 1956 г. в Пернике.

¹⁰⁵ **Иегулов Сергей Владимирович.** Португей-юнker Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (в июле—октябре 1920 г. в 1-й батарее). Штабс-капитан. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Болгарии. Умер до 1967 г.

¹⁰⁶ Самурский полк (83-й пехотный Самурский полк). Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Сформирован 21 июня 1918 г. в ст. Песчаноокопской из пленных красноармейцев, захваченных

3-й пехотной дивизией как Солдатский батальон (3 роты) с офицерским кадром Дроздовского полка. После успешных действий в бою 1 июля за Тихорецкую развернут в ст. Ново-Донецкой в 1-й пехотный Солдатский полк (4, затем 6 рот). По соединении 14 августа 1918 г. в ст. Усть-Лабинской с батальоном (180 штыков) кадра 83-го пехотного Самурского полка (сохранившего знамя) переименован в Самурский. На 1 марта 1919 г. насчитывал 1337 штыков и 32 пулемета, на 20 июня — 591 штык и 26 пулеметов, на 1 июля — 795 штыков и 26 пулеметов, на 5 октября 1919 г. — 1304 штыка и 26 пулеметов. Входил в состав 1-й, затем 3-й пехотной дивизии, 14 октября (реально 4 декабря) 1919 г. вошел в состав Алексеевской дивизии. По прибытии в Крым 16 апреля 1920 г. расформирован и обращен на пополнение Дроздовской дивизии. 21 июня 1920 г. восстановлен и включен в состав 1-й бригады 6-й пехотной дивизии. В Галлиполи влит в Алексеевский полк. Командиры: полковник К.А. Кельнер (до 19 июля 1918 г.), полковник Н.Н. Дорошевич (19 июля — начало августа 1918 г.), подполковник (полковник) К.Г. Шаберт (начало — 14 августа, сентябрь — 29 октября 1918 г.), полковник Сипягин (14 августа — сентябрь 1918 г.), полковник М.А. Звягин (29 октября — декабрь 1918 г., 18 мая — ноябрь 1919 г.), полковник Ильин (декабрь 1918-го — 18 мая 1919 г.), полковник Е.И. Зеленин (начало декабря 1919-го — 16 апреля 1920 г.), полковник Д.В. Житкевич (21 июня — ноябрь 1920 г.).

¹⁰⁷ **Рейнгард Юрий (Георгий) Александрович.** Институт восточных языков (не окончил), Александровское военное училище (1917). Прапорщик 175-го пехотного полка. Член Алексеевской организации в Петрограде. В конце 1917-го — начале 1918 г. в партизанском отряде полковника Чернецова. В Добровольческой армии; с января 1918 г. в 1-м офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й роте Офицерского полка, в октябре 1918 г. в той же роте 1-го Офицерского (Марковского) полка, затем в охране Великого князя Николая Николаевича, охранной роте при Ставке Главнокомандующего ВСЮР, с мая 1919 г. снова в Марковском полку, затем во 2-м Марковском полку, с августа 1919 г. командир роты того же полка до эвакуации Крыма. Подпоручик. Орден Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи. Осенью 1925 г. рядовой в составе Корниловского полка в Болгарии. В эмиграции в Бельгии (с 1949 г. в Брюсселе; поручик). Капитан. Умер 5 апреля 1976 г. в Брюсселе.

¹⁰⁸ **Урфалов Александр Сергеевич.** Прапорщик запаса. Штабс-капитан. В Добровольческой армии — из Одессы; рядовой в 1-м Офицерском (Марковском) полку. Ранен 14 октября 1918 г. на р. Урупе и 17 ноября 1918 г. под д. Кононовкой. В декабре 1918 г. — июле 1919 г. в 9-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 18 июня 1919 г. капитан, командир роты, с июня 1919 г. помощник командира 3-го Марковского полка, с марта 1920 г. командир того же полка, в июле 1920 г. подполковник. Орден Св. Николая Чудотворца. Убит 8 августа 1920 г. у ст. Пришиб.

¹⁰⁹ Об обстоятельствах гибели этого бронепоезда см. в 6-м разделе.

¹¹⁰ Воспоминания А.В. Туркула публикуются ниже.

¹¹¹ 13-й пехотный Белозерский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Входил в состав 3-й, с 1 сентября 1919 г. — 9-й, затем 4-й (II) пехотных дивизий. Сформирован 23 марта 1919 г. при Дроздовском полку, к 11 марта 1919 г. имел всего 76 человек (4 роты, в двух из них было по 11 человек), в апреле 1919 г. он имел 62 штыка, летом в нем было около 100 офицеров и две офицерские роты. Из Харькова полк выступил в количестве около 800 штыков и 15 пулеметов, к моменту штурма Чернигова он имел 2000 штыков, 200 сабель и 600 человек в запасном батальоне. За три месяца летних боев 1919 г. полк потерял 4000 человек из своего постоянно пополнявшегося состава. В полку солдатский состав на 80—90% состоял из пленных красноармейцев или мобилизованных и бежавших от красных, от Харькова до Бредовского похода полк пропустил через свои ряды более 10 тысяч человек. Осенью от потерь полк уменьшился до 215 штыков. Участвовал в Бредовском походе. Расформирован 6 апреля 1920 г. По прибытии из Польши в Крым сведен в батальон и влит в 1-й Марковский полк. Командиры: генерал-майор Будянский (7 апреля — май 1919 г.), полковник Чертков (май 1919 г.), полковник Радченко, полковник Б.А. Штейфон.

¹¹² 80-й пехотный Кабардинский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Сформирован в июне 1919 г. в Белгороде на базе кадра полка, служившего в 1-м Марковском полку. Входил в состав 1-й пехотной дивизии, с 27 августа 1919 г. — 5-й пехотной дивизии. Участвовал в Бредовском походе. По прибытии из Польши в Крым сведен в батальон и влит 3-м батальоном во 2-й Марковский полк.

¹¹³ 14-й пехотный Олонецкий полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Входил в состав 3-й, с 1 сентября 1919 г. — 9-й, затем 4-й (II) пехотных дивизий. Ячейка полка формировалась при 13-м пехотном Белозерском полку. Летом 1919 г. насчитывал 250 штыков. Участвовал в Бредовском походе. Расформирован 6 апреля 1920 г. По прибытии из Польши в Крым сведен в роту и влит в 3-й Марковский полк. Командир — полковник В.Ф. Быканов (с 14 ноября 1919 г.).

¹¹⁴ 42-й пехотный Якутский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР 18 мая 1919 г. Офицеры полка еще летом 1918 г. пытались сформировать свою роту в Южной и Донской армиях; осуществить свое намерение им удалось в начале 1919 г. в Одессе. Этот полк (у гетмана — 2-й Волинский кадровый полк), пришел в Одессу из 1-го Волинского гетманского корпуса, и его кадр вошел в состав Одесской бригады. Состоял из 2 батальонов (3-й был сформирован летом 1919 г. в Киеве из военнопленных). Входил в состав 7-й пехотной дивизии. С 3 сентября на его основе образована Остерско-Козелецкая группа. 2 марта 1920 г. включен в состав 4-й стрелковой дивизии. После Бредовского похода и пребывания в Польше в августе 1920 г. чины полка были влиты в 49-й пехотный Брестский полк, а одна рота — в 3-й Марковский полк. Часть кадра полка воевала в составе Саратовского корпуса и 15 марта 1919 г. вошла в состав Саратовской отдельной бригады. Командиры: полковник Антонович (до весны 1919 г.), полковник Н.А. Петров, генерал-майор Ф.П. Бернис (с 18 июня 1919 г.),

полковник Любомиров (октябрь 1919 г.), полковник Иваненко, полковник Дехтерев (ноябрь—декабрь 1919 г.).

¹¹⁵ 2-й конный генерала Дроздовского полк (2-й офицерский конный полк, с 10 октября 1919 г. — 2-й конный генерала Дроздовского полк). Создан из офицеров-добровольцев на Румынском фронте ротмистром Гаевским 5 марта 1918 г. как Конный дивизион (2 эскадрона) в составе 1-й Отдельной бригады русских добровольцев и участвовал в Дроздовском походе Яссы—Дон. 29 апреля 1918 г. переформирован в Конный полк (4 эскадрона, конно-пулеметная и саперная команды), с 31 мая — 2-й конный полк. Состоял преимущественно из офицеров и учащейся молодежи. С июня 1918 г. входил в состав 3-й пехотной дивизии Добровольческой армии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. В середине июня 1918 г. насчитывал 650 человек (6 эскадронов). К 7 августа состоял из 7, к концу августа из 9 эскадронов. К 11 января 1919 г. в полку осталось только 78 сабель. С 22 мая 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады. С 19 июня по осень 1919 г. входил в состав 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал 6 эскадронов. Участвовал в Бредовском походе в составе Отдельной кавалерийской бригады и был интернирован в Польше. Дивизион полка (3 эскадрона), сформированный в Крыму, с 16 апреля 1920 г. обращен на формирование Отдельной кавалерийской бригады (II), с 28 апреля 1920 г. вошел в 5-й кавалерийский полк. Из Польши полк прибыл 25 июля в составе 650 человек 8 августа 1920 г., соединившись со своим крымским дивизионом, переформирован в конный дивизион Дроздовской дивизии под названием Отдельного конного генерала Дроздовского дивизиона. В начале августа 1920 г. насчитывал до 600 сабель, в середине октября — 500. Полк нес довольно большие потери (например, 14 мая 1919 г. — 71 человек, 5 июня — 87, 2 ноября 1919 г. у Жуковки — 50, 19 октября 1920 г. у Отрады — 30). Всего этот полк, каждый эскадрон которого в 1918-м — первой половине 1919 г. на три четверти состоял из офицеров, потерял за войну убитыми и ранеными до 2 тысяч человек. Для чинов полка в эмиграции установлен нагрудный знак в виде гербовой формы черного щита (копия нарукавной нашивки, носимой на левом рукаве у плеча) с серебряными буквами: в центре «Д», вверху «2», справа «о», слева «к», внизу «полка», т. е. «2-й офицерский генерала Дроздовского конный полк». Командиры: ротмистр Б.А. Гаевский, генерал-майор И.И. Чекотовский (с 11 июля 1918 г.), полковник Шумов (август 1918 г. — 11 января 1919 г.), ротмистр Поспелов (с 11 января 1919 г.), полковник Б.П. Гаттенбергер, полковник И.Г. Барбович (1 марта — 7 июля 1919 г.), полковник Б.А. Гаевский (врио; 5 июня, 7—17 июля 1919 г.), полковник А.Г. Шапрон дю Ларре (7 июля — 26 ноября 1919 г.), подполковник (полковник) Д.А. Силкин (26 ноября 1919 г. — 8 августа 1920 г.), полковник В.А. Амбразанцев (до августа 1920 г.), полковник М.А. Кабаров (с августа 1920 г.).

¹¹⁶ Силкин Дмитрий Алексеевич, р. 22 октября 1889 г. в Новочеркасске. Из дворян ВВД, казак ст. Новочеркасской. Новочеркасское реальное училище, Новочеркасское военное училище (1912). Подъесаул 4-го Донского казачьего полка. В Добровольческой армии; в июне 1918 г. командир сотни 2-го офицерского конного полка, затем до 26 ноября 1919 г. помощник коман-

дира того же полка. Тяжело контужен 2 ноября 1919 г., с 7 декабря 1919 г. есаул, с 9 декабря 1919 г. войсковой старшина. В Русской Армии с июля по 8 августа 1920 г. командир 2-го конного полка, затем конного дивизиона Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма. Полковник (с 1920 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии. В эмиграции во Франции, шофер в Париже; в 1931 г. возглавлял группу Дроздовского конного полка в Париже. Во время Второй мировой войны — в казачьих частях германской армии, командир бригады и 1-й казачьей пешей дивизии, заместитель походного атамана казачьих войск. Генерал-майор (с 15 мая 1945 г.). Выдан в Лиенце 19 мая 1945 г. и вывезен в СССР. Умер в лагере.

¹¹⁷ **Леонтьев Александр Михайлович.** Подпоручик. В Добровольческой армии в 1-м легком артиллерийском дивизионе, 21 ноября 1918 г. переведен из 1-й в 3-ю батарею. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (осенью 1919 г. в 3-й батарее). Капитан. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона во Франции. В эмиграции в Бельгии. Умер 27 декабря 1985 г. в Брюсселе.

¹¹⁸ Впервые опубликовано: Марковцы-артиллеристы. 50 лет верности России. Париж, 1967.

¹¹⁹ **Изенбек Федор Артурович,** р. в 1890 г. в Санкт-Петербурге (в Бухаре). Из дворян, сын морского офицера, внук бека Туркестана. Кадетский корпус, Академия художеств. Прапорщик Туркестанской артиллерийской бригады. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в отдельной батарее. С 29 июля 1919 г. командир 2-й запасной батареи в Марковской артиллерийской бригаде (штабс-капитан), осенью 1919 г. командир 4-й батареи той же бригады, с 6 ноября 1919 г. капитан. В Русской Армии к сентябрю 1920 г. командир той же батареи до эвакуации Крыма. Полковник. Орден Св. Николая Чудотворца. В эмиграции во Франции и Бельгии. Умер 13 августа 1941 г. в Брюсселе.

¹²⁰ **Лепилин Александр Михайлович.** Капитан л.-гв. 3-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 4-й отдельной батарее, затем в 1-м легком артиллерийском дивизионе: в июле 1918 г. во 2-й батарее, с 3 (17) августа 1918 г. командир 3-й батареи. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (в августе—сентябре 1920 г. командир 1-го дивизиона). Полковник (с января 1919 г.). Орден Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец, командир 1-й батареи дивизиона. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Чехословакии.

¹²¹ **Боголюбский Николай Николаевич** (1-й). Поручик. В Добровольческой армии в Юнкерской батарее. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир пешего взвода 1-й отдельной батареи. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма: с июня 1918 г. командир орудия 1-й батареи, с марта 1919 г. старший офицер 4-й батареи, с 7 октября 1919 г. командир 2-й батареи, с сентября 1920 г. командир 2-й батареи (капитан). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Болгарии. Подполковник. В эмиграции в Париже, в 1933 г. исключен из состава дивизиона. Умер 19 августа 1976 г. в Париже.

¹²² **Михайлов Алексей Алексеевич.** Подполковник 48-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: в феврале—марте 1918 г. заведующий хозяйственной частью 4-й батареи, затем в 1-й батарее, старший офицер той же батареи, с 3 (11) июля 1918 г. командир 2-й батареи, с марта (4 апреля) 1919 г. командир 2-го дивизиона 1-й (затем Марковской) артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Полковник (с января 1919 г.). Галлиполиец, командир 2-й батареи Марковского артиллерийского дивизиона. Осенью 1925 г. в составе Корниловского арtdивизиона в Болгарии. В эмиграции. Погиб в 1929—1945 гг.

¹²³ **Стадницкий-Колендо Вячеслав Иосифович.** Штабс-капитан. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, в феврале—марте 1918 г. в 4-й, затем в 1-й батарее; 21 ноября — 26 декабря 1918 г. командир, затем старший офицер 3-й батареи. С 21 сентября (с августа) 1919 г. командир 5-й батареи в Марковской артиллерийской бригаде, к сентябрю 1920 г. командир 3-й батареи той же бригады до эвакуации Крыма. Подполковник. Орден Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского арtdивизиона в Польше. Погиб в 1929—1945 гг.

¹²⁴ **Левиков Всеволод Павлович.** Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 5 ноября 1918 г. командир 1-й отдельной легкой гаубичной батареи, с которой вошел в Марковскую артиллерийскую бригаду, с августа 1919 г., в сентябре 1920 г. командир 7-й батареи в Марковской артиллерийской бригаде.

¹²⁵ **Песчанников Сергей Аркадьевич,** р. 25 сентября 1892 г. в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербургская Выборгская гимназия (1909), Константиновское артиллерийское училище (1912). Капитан 16-го мортирного артиллерийского дивизиона. В Добровольческой армии с июня 1918 г.; с 5 ноября 1918 г. старший офицер 1-й отдельной легкой гаубичной батареи, с августа 1919 г. командир 8-й батареи в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Полковник. Орден Св. Николая Чудотворца. В эмиграции во Франции. Умер 3 августа 1935 г. в Париже.

¹²⁶ **Фок Анатолий Владимирович,** р. 3 июля 1879 г. в Оренбурге. Из дворян Новгородской губ. Псковский кадетский корпус (1897), Константиновское артиллерийское училище (1900). Полковник Кавказской гренадерской артиллерийской бригады, командир 51-го тяжелого артиллерийского дивизиона. В Добровольческой армии с 4 июня 1918 г. рядовым в конно-горной батарее 3-й дивизии, с 2 июня 1918 г. командир 2-й конно-горной батареи, затем командир 1-го конно-горного артиллерийского дивизиона, с сентября 1918 г. командир артиллерийского дивизиона 1-й конной дивизии, с 25 декабря 1918 г. инспектор артиллерии 1-го Кубанского корпуса и командир 2-го конно-артиллерийского дивизиона, с 10 ноября 1919 г. командир Кавказской стрелковой артиллерийской бригады, с 18 ноября 1919 г. начальник тыла Кавказской армии, с марта 1920 г. снова командир Кавказской стрелковой артиллерийской бригады (с весны 1920 г. — Отдельного сводно-артиллерийского дивизиона), с апреля 1920 г. командующий артиллерией Перекопского укрепленного района, затем командир 6-й артиллерийской бригады,

с октября 1920 г. инспектор артиллерии 2-го армейского корпуса до эвакуации Крыма. Генерал-майор (19 августа 1919 г.). Галлиполиец. В эмиграции в Болгарии и Франции, в 1931 г. возглавлял группу 1-го армейского корпуса в Париже. Окончил курсы Генерального штаба в Париже. Доброволец армии генерала Франко, подпоручик испанской армии. Убит 4—6 сентября 1937 г. в Кинто-де-Эбро под Сарагоссой.

¹²⁷ **Соловьев Георгий Николаевич.** Капитан. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-й артиллерийской бригаде. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Полковник (13 июля 1919 г.). Осенью 1925 г. в составе Алексеевского арtdивизиона в Болгарии.

¹²⁸ **Лопатин Владимир Николаевич.** Капитан. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 3-й отдельной батарее. Во ВСЮР и Русской Армии в тяжелой артиллерии до эвакуации Крыма. Орден Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. На 18 декабря 1920 г. в 1-й батарее 5-го артиллерийского дивизиона. Полковник. Осенью 1925 г. в составе того же дивизиона во Франции. Умер 5 июня 1963 г. в Париже.

¹²⁹ **Гротенгельм Григорий Максимович.** Подполковник, командир 11-го саперного батальона. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й инженерной роте. В сентябре—октябре 1919 г. командир Марковской инженерной роты. В Русской Армии в инженерных частях до эвакуации Крыма. Полковник (1918). На 18 декабря 1920 г. в 1-й роте Саперного батальона Технического полка в Галлиполи, командир того же батальона. В эмиграции в Югославии. Умер 15 июня 1930 г. в Белграде.

¹³⁰ **Лисенко Иван Эрстович** (2-й), р. в 1899 г. Сын генерал-майора. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. Участник боев в Петрограде. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, участник рейда партизанского отряда полковника Чернецова. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее. С 12 февраля 1918 г. прапорщик. Осенью 1918 г. в 1-й батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, в июле 1919 г. командир орудия 1-й батареи в Марковской артиллерийской бригаде, в сентябре 1920 г. штабс-капитан 4-й батареи той же бригады; до эвакуации Крыма в Севастопольском морском госпитале. Эвакуирован на корабле «Румянцев». Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского арtdивизиона в Чехословакии. Капитан. В эмиграции в 1933 г. в Чехословакии, с 1945 г. в Баварии и Париже, с 1951 г. в США, член отдела Общества Галлиполийцев. Умер 17 января 1969 г. в Сан-Франциско.

¹³¹ **Никитин Дмитрий Павлович.** Штабс-капитан. В Добровольческой армии; с ноября 1918-го по июль 1919 г. в 10-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка. Ранен в 1919 г. под Хацапетовкой. В Русской Армии с 8 августа 1920 г. командир 3-го Марковского полка до эвакуации Крыма. Орден Св. Николая Чудотворца. Подполковник. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи.

¹³² **Ларионов Виктор Александрович,** р. 13 июля 1897 г. в Санкт-Петербурге. 13-я Санкт-Петербургская гимназия (1916). В сентября 1916-го — мае 1917 г. гардемарин Отдельных гардемаринских классов, с июня 1917 г.

юнker Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде летом 1919 г. Поручик. С октября 1920 г. капитан. В эмиграции член организации Кутепова, в июне 1927 г. участник диверсии в Петрограде, с 1927 г. во Франции, участник монархического движения, с 1941 г. в германской армии в Смоленске. После 1945 г. в Германии. Умер после 1984 г.

¹³³ Впервые опубликовано: *Ларионов В.* Последние юнкера. Франкфурт, 1984.

¹³⁴ **Плотников Борис Александрович.** Ташкентский кадетский корпус (1917). Юнкер Михайловского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в 6-й батарее Марковской артиллерийской бригады. Поручик. Убит 11 октября 1919 г. у с. Чернава под Ельцом.

¹³⁵ **Сергеев Василий.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде, с сентября 1919 г. начальник пулеметной команды. Поручик. Убит 14 октября 1919 г. у д. Афанасьевки в районе Ельца.

¹³⁶ **Анкирский Михаил Иванович.** Нижегородский кадетский корпус. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в 6-й батарее Марковской артиллерийской бригады. Поручик. Убит 18 декабря 1919 г. в с. Алексеево-Леоново.

¹³⁷ **Рага Владимир Иванович,** р. в Ревеле. Из прибалтийских дворян. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, участник рейда партизанского отряда полковника Чернецова; с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде. Поручик (к осени 1919 г.). Убит 18 декабря 1919 г. в с. Алексеево-Леоново.

¹³⁸ **Шигорин Александр.** Юнкер. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. В Вооруженных силах Юга России в Марковской артиллерийской бригаде. Поручик (к октябрю 1919 г.). Убит 18 декабря 1919 г. в с. Алексеево-Леоново.

¹³⁹ **Соломон Андрей Сергеевич,** р. в Баку. Сын миллионера. Юнкер Константиновского артиллерийского училища (не кадет). В Добровольческой

армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, участник рейда партизанского отряда полковника Чернецова; с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Затем в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (в сентябре 1919 г. поручик, командир взвода, в мае, сентябре 1920 г. штабс-капитан). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона во Франции и 1-й Галлиполийской роты в Турции. В эмиграции. Умер до 1967 г.

¹⁴⁰ **Березовский Павел Ефимович.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе (с апреля 1918 г. начальник разведки дивизиона). Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде (с сентября 1919 г. поручик, командир взвода) до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Чехословакии. Штабс-капитан (к маю 1920 г.). В эмиграции. Пропал без вести до 1967 г.

¹⁴¹ **Златковский Николай Михайлович.** Нижегородский кадетский корпус (1917). Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Штабс-капитан. В эмиграции во Франции. Умер 2 марта 1962 г. в Париже.

¹⁴² **Жилин Семен.** 1-й кадетский корпус (1917). Юнкер Константиновского артиллерийского училища. Участник боев в октябре 1917 г. в Петрограде. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее. Взят в плен в январе 1918 г. и до мая 1918 г. содержался в тюрьме в Новороссийске. Прапорщик. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде. Поручик (к маю 1920 г.).

¹⁴³ **Орловский Владимир Юльевич (Юрьевич).** Юнкер. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде; в июле 1919 г. попал в плен, бежал осенью 1919 г., в мае 1920 г. начальник команды конных разведчиков той же бригады. Поручик. В эмиграции в Германии. Умер 8 мая 1951 г. в Берхтесгадене (Германия).

¹⁴⁴ **Бурсо Евгений Викторович.** Нижегородский кадетский корпус (1917). Юнкер Михайловского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР в Марковской артиллерийской бригаде: летом 1919 г. поручик, в мае—сентябре 1920 г. штабс-капитан 1-й батареи; в Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в

Болгарии. Штабс-капитан. В эмиграции во Франции (с 1933 г. в Бельфоре) и в США. Умер после 1969 г.

¹⁴⁵ **Михайлов Николай Петрович.** Нижегородский кадетский корпус (1917). Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, участник рейда партизанского отряда полковника Чернецова. С 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в пешем взводе 1-й батареи, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (с сентября 1920 г. в 1-й батарее). Штабс-капитан. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона во Франции. Умер 3 ноября 1961 в Париже.

¹⁴⁶ Бывший юнкер Константиновского артиллерийского училища.

¹⁴⁷ **Мино Николай Николаевич,** р. в 1898 г. Александровский кадетский корпус (1917). Юнкер Константиновского артиллерийского училища. Член монархической организации в Петрограде, организатор отправки юнкеров на Дон. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (в мае—сентябре 1920 г. штабс-капитан, командир взвода 1-й батареи). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты в Югославии. Капитан. В эмиграции в Норвегии. Умер 8 апреля 1949 г. в Осло.

¹⁴⁸ **Канищев Виктор.** 2-й кадетский корпус (1917). Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, в январе 1918 г. участник экспедиции в Царицын, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Ранен в августе 1918 г. Во ВСЮР в Марковской артиллерийской бригаде; летом 1919 г. поручик, адъютант командира бригады. Штабс-капитан. Убит 18 декабря 1919 г. в с. Алексеево-Леоново.

¹⁴⁹ **Кондратович Константин.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Поручик. Убит до сентября 1920 г.

¹⁵⁰ **Полубинский Николай Иосифович,** р. 4 апреля 1899 г. Из дворян Курской губ. Сумский кадетский корпус (1917). Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с 15 ноября 1917 г. в Юнкерской батарее. Чернецовец. С 12 марта 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, с 13 августа 1918 г. начальник пулеметной команды, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, с 9 мая 1919 г. подпоручик, с 23 мая 1919 г. поручик, с 14 июля 1920 г. штабс-капитан, с 1 октября 1920 г. командир взвода 1-й батареи Марковской артиллерийской бригады до эвакуации Кры-

ма. Ранен. Галлиполиец. В эмиграции в Болгарии, 29 января 1921 г. разжалован в канониры на 1 год с переводом в Корниловскую артиллерийскую бригаду. Осенью 1925 г. в составе Корниловского артдивизиона во Франции. Подпоручик. Пропал без вести до 1967 г.

¹⁵¹ **Есиновская Ольга Николаевна** (в замужестве Мино). Сестра милосердия. В Добровольческой армии. Участница 1-го Кубанского («Ледяного») похода в армейском лазарете, затем в Марковских частях и в 3-м Корниловском полку. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи.

¹⁵² **Баянов (Боянов) Сергей**. Инженер. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Затем в Марковской артиллерийской бригаде. Поручик. Умер от холеры в мае 1920 г. в Перекопе.

¹⁵³ **Харьковцев Борис Васильевич** (1-й), р. в 1890 г. Из дворян. Капитан. В Добровольческой армии; с июня 1918 г. командир орудия 1-й Офицерской генерала Маркова батареи, с августа 1918 г. в Марковской артиллерийской бригаде; с 12 августа 1918 г. командир бронепоезда «Офицер», затем начальник конвоя генерала Кутепова; с сентября 1918-го по март 1920 г. и в мае 1920 г. командир бронепоезда «Слава Офицеру», с 6 августа 1920 г., в сентябре 1920 г. командир 1-й батареи в Марковской артиллерийской бригаде. Полковник.

¹⁵⁴ **Кривошея Николай Евгеньевич**. Полтавский кадетский корпус (1917). Юнкер Михайловского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, участник рейда партизанского отряда полковника Чернецова; с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (с сентября 1920 г. в 1-й батарее). Штабс-капитан. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона во Франции. Капитан. В эмиграции во Франции, шофер, с 1934 г. член правления Общества Галлиполицев в Париже. Окончил курсы Генерального штаба в Париже. С 1936 г. доброволец армии генерала Франко, командир Русского отряда терсио Наварра, затем с 1940 г. офицер в Иностранном легионе и Генштабе. Умер 12 декабря 1970 г. в Мадриде.

¹⁵⁵ **Кузьмин Борис**. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде, с октября 1919 г. поручик. Штабс-капитан. Застрелился в августе 1920 г.

¹⁵⁶ **Гиацинтов Эраст Николаевич**, р. 10 ноября 1894 г. в Царском Селе. Николаевский кадетский корпус (1912), Константиновское артиллерийское училище (1914). Штабс-капитан 3-й гренадерской артиллерийской бригады. В Добровольческой армии с сентября 1918 г. во 2-й батарее 1-го легкого ар-

тиллерийского дивизиона, с февраля 1919 г. на бронепоезде «Генерал Корнилов», с августа 1919 г. начальник связи и команды конных разведчиков 2-го дивизиона Марковской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Подполковник. Служил во французском Иностранном легионе. Окончил политехнический институт в Праге, затем инженер во Франции, с 1951 г. в США. Член КИАФ. Умер 18 января 1975 г. в Сиракузах (США).

¹⁵⁷ Впервые опубликовано: *Гиацинтов Э.* Записки белого офицера. М., 1992.

¹⁵⁸ Изложено по изданиям: Корниловский ударный полк. Париж, 1936; *Левитов М.Н.* Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974.

¹⁵⁹ **Капнин Константин Львович**, р. в 1890 г. Из дворян, сын подполковника. Сумский кадетский корпус, Александровское военное училище (1909), академия Генштаба (1916) (1917). Капитан, и. д. штаб-офицера для поручений при штабе 10-го армейского корпуса. В Добровольческой армии с 4 августа 1918 г.; участник 2-го Кубанского похода в штабе 1-й пехотной дивизии, с конца апреля 1919 г. начальник штаба Одесской бригады, с 6 ноября 1919 г. начальник штаба Корниловской дивизии, подполковник. Полковник (с 26 марта 1920 г.). В эмиграции в Чехословакии. Арестован в 1945 г. в Праге. Умер в лагерях в СССР.

¹⁶⁰ **Гордиенко (Гордеенко) Карп Павлович**, р. в 1891 г. Ялтинская гимназия, Владимирское военное училище (1914). Полковник Сибирского стрелкового полка, врид командира 13-го Особого полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку; с 28 октября 1918 г. командир офицерской роты полка, в июле 1919 г. командир батальона в 1-м Корниловском полку, с сентября 1919 г. командир того же полка. В Русской Армии на той же должности до эвакуации Крыма. Орден Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в штабе Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. помощник командира Корниловского полка. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. В эмиграции во Франции, фермер. Умер 29 июля 1969 г. в Грассе (Франция).

¹⁶¹ **Пашкевич Яков Антонович**. Поручик. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник пулеметной команды полка; с 26 декабря 1918 г. капитан. В начале 1919 г. начальник учебной команды Корниловского полка, с мая 1919 г. командир 2-го Корниловского полка. Полковник (с 8 октября 1919 г.; одновременно с чином подполковника). Орден Св. Николая Чудотворца. Убит 15 июля 1920 г. в с. Большой Токмак в Северной Таврии.

¹⁶² **Франц Игнатий Игнатьевич**. Хорват. Подпоручик. В Добровольческой армии; в ноябре 1917 г. вступил в Корниловский полк в Киеве. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С июня 1918 г. командир 12-й роты Корниловского полка, с 26 июля 1919 г. командир 2-го батальона в 3-м Корниловском полку; с октября 1919 г. командир 3-го Корниловского полка, затем командир 4-го Корниловского полка. Капитан. Убит 27 декабря 1919 г. при переходе через Дон под ст. Александровской.

¹⁶³ **Щеглов Василий Павлович**, р. 18 ноября 1883 г. в Туле. Из мещан. Казанское пехотное юнкерское училище (1904) (1907?). Капитан, командир

батальона 303-го пехотного полка. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, рядовой в офицерской роте полка, затем командир батальона. Ранен летом 1918 г. С июля 1919 г. командир 2-го батальона во 2-м Корниловском полку, затем командир 3-го батальона в том же полку, с 24 сентября 1919 г. врид командира того же полка. С ноября 1919 г. (с января 1920 г.) командир 3-го Корниловского полка до эвакуации Крыма. Орден Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в 9-й роте Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. командир 3-го батальона Корниловского полка. Осенью 1925 г. в составе того же полка во Франции. Полковник. В эмиграции во Франции. Умер 17 октября (7 ноября) 1930 г. в Озуар-ля-Ферье (Франция).

¹⁶⁴ **Пух Роман Филиппович.** Штабс-капитан. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в офицерском отряде полковника Симаповского. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир 3-й офицерской роты Корниловского полка. Тяжело ранен в сентябре 1918 г. под Ставрополем. В начале 1920 г. помощник командира 3-го Корниловского полка, с августа 1920 г. командир того же полка до эвакуации Крыма. Ранен. Галлиполиец, с 24 декабря 1921 г. командир 1-й роты Корниловского полка. Осенью 1925 г. в составе полка в Болгарии. Подполковник. В эмиграции в Люксембурге. Полковник, начальник подотдела 5-го отдела РОВС. Священник. Умер 17 июня 1958 г. в Люксембурге.

¹⁶⁵ **Горнескул Михаил Васильевич.** Во ВСЮР и Русской Армии адъютант 2-го Корниловского полка до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в штабе 2-го батальона Корниловского полка в Галлиполи. Поручик. Осенью 1925 г. в составе того же полка во Франции.

¹⁶⁶ **Бялковский Николай Петрович,** р. 20 ноября 1884 г. в Верном (Чита). Сибирский кадетский корпус, Александровское военное училище (1906). Капитан, командир батареи 1-го (3-го) Финляндского артдивизиона. Георгиевский кавалер. В 1917 г. сражался против большевиков в составе финской армии; в Добровольческой армии; с лета 1918 г.: командир батареи в Кубанской казачьей дивизии, участник 2-го Кубанского похода, командир отдельной конно-горной батареи. Во ВСЮР в 1-м отдельном конно-горном артиллерийском дивизионе, с марта 1920 г. командир 7-й батареи в Корниловской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Полковник (с 6 ноября 1919 г.). Галлиполиец. В феврале 1921 г. в 1-й батарее Корниловского артиллерийского дивизиона. Осенью 1925 г. в составе того же дивизиона (прикомандирован к Кубанскому техническому батальону) в Югославии. Служил в Русском Корпусе и РОА. После 1945 г. в США. Участник монархического движения. Умер 29 сентября 1969 г. в Лос-Анджелесе.

¹⁶⁷ **Роппонет Юрий (Георгий) Николаевич.** Полковник, командир батареи 31-й артиллерийской бригады. В Вооруженных силах Юга России в 1-й артиллерийской бригаде, с 4 апреля (22 июля) 1919 г. командир 3-го дивизиона той же (впоследствии Марковской) бригады, затем в Корниловской артиллерийской бригаде; в сентябре—ноябре 1919 г. командир 3-го дивизиона. В Русской Армии в той же бригаде до эвакуации Крыма. Орден

Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского артдивизиона в Болгарии. В эмиграции в Греции. Умер в конце 1930-х гг. близ Астакоса (Греция).

¹⁶⁸ **Бржезицкий Александр Иосифович**, р. около 1883 г. Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР командир Кавказского стрелкового полка, перешел в Корниловский полк в Новороссийске; в Русской Армии во 2-м Корниловском полку до эвакуации Крыма (в июне 1920 г. командир 3-го батальона, ранен 28 августа 1920 г.). Эвакуирован на транспорте «Ялта». На 18 декабря 1920 г. в 8-й роте Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. помощник командира 2-го батальона того же полка. Осенью 1925 г. в составе полка в Болгарии. Полковник. В 1933 г. окончил политехнический институт, инженер. Служил в Русском Корпусе. Умер 13 апреля 1971 г. в Грассе (Франция).

¹⁶⁹ **Канелец Трофим Иванович**. Во ВСЮР и Русской Армии во 2-м Корниловском полку (июнь 1920 г.) до эвакуации Крыма. Штабс-капитан. На 18 декабря 1920 г. в пулеметной роте Корниловского полка в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе того же полка во Франции.

¹⁷⁰ **Трошин Григорий Захарович**. Капитан. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В июне 1919 г. командир роты во 2-м Корниловском полку, с октября 1920 г. командир батальона в том же полку до эвакуации Крыма. Орден Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в 5-й роте Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. командир 7-й роты полка. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. Подполковник. В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял группу Корниловского полка в Бийянкюре, с 1936 г. глава объединения полка во Франции. Полковник. Умер 10 (13) августа 1971 г. в Нью-Йорке.

¹⁷¹ **Натус Николай Владимирович**. Сын архитектора. Поручик. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: начальник команды связи полка, с марта по апрель 1918 г. связной армии с Ростовом. В марте 1920 г. командир эскадрона Корниловского конного полка Кубанского казачьего войска, затем в 1-м Корниловском полку, командир штабного эскадрона Корниловской дивизии. Капитан. Орден Св. Николая Чудотворца. Тяжело ранен 22 июня 1920 г. у колонии Вальдгейм в Северной Таврии и умер в Севастополе.

¹⁷² **Васильев Анатолий Александрович**, р. в 1898 г. в Ровенской губ. 5-я Варшавская гимназия. Вольноопределяющийся, унтер-офицер Георгиевского полка. В Добровольческой армии с 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Корниловском ударном полку; с 12 апреля 1919 г. прапорщик. Во ВСЮР и Русской Армии в 1-м Корниловском полку и Корниловском конном дивизионе до эвакуации Крыма. Подпоручик. Орден Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в составе того же дивизиона в Галлиполи. В эмиграции в Бельгии. Штабс-капитан. Умер 3 июля (20 июня) 1960 г. в Брюсселе.

¹⁷³ **Дашкевич Михаил Никитич**. Из духовного звания. Духовная семинария. Поручик. В Добровольческой армии с ноября 1917(?) г. в Корнилов-

ском ударном полку; участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С июня 1918 г. командир роты, с июля — 9-й роты Корниловского полка, с октября 1919 г. командир 1-го батальона в 1-м Корниловском полку, в конце 1919 г. командир 4-го Корниловского полка, с января до февраля 1920 г. командир 1-го Корниловского полка. Эвакуирован в декабре 1919-го — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В июле 1920 г. подполковник, врид командира 1-го Корниловского полка до августа 1920 г. Орден Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в штабе Корниловского полка в Галлиполи. Полковник. С 24 декабря 1921 г. командир 1-го батальона Корниловского полка. Осенью 1925 г. в составе полка во Франции, с 1930 г. во французском Иностранном легионе в Индокитае.

¹⁷⁴ **Ширковский Дмитрий Иосифович.** Штабс-капитан. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 8 марта 1920 г. врид командира 1-го Корниловского полка, в июле—августе 1920 г. командир 1-го батальона в том же полку (подполковник) до эвакуации Крыма. Орден Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в 1-й роте Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. командир 2-й роты полка. В эмиграции. Полковник. Умер в январе 1954 г. во Франции.

¹⁷⁵ Воспоминания В.И. Гетца публикуются ниже.

¹⁷⁶ **Иванов Константин Васильевич,** р. 3 июня 1894 г. Офицер с 1914 г. Офицер л.-гв. Преображенского полка. В Вооруженных силах Юга России; в июле 1919 г. помощник командира, с сентября 1919 г. командир офицерской роты во 2-м Корниловском полку, затем командир офицерского батальона того же полка. В Русской Армии в июле 1920 г. командир батальона в том же полку до эвакуации Крыма. Подполковник. На 18 декабря 1920 г. в штабе 2-го батальона Корниловского полка в Галлиполи. Полковник. С 1925 г. командир батальона Корниловского военного училища. В эмиграции во Франции начальник НОРР. Умер 15 февраля 1977 г. во Франции.

¹⁷⁷ **Бондарь Артемий Потапович.** Вахмистр. Во ВСЮР и Русской Армии; в июле—октябре 1920 г. начальник пулеметной команды в офицерском батальоне 2-го Корниловского полка до эвакуации Крыма. Подпоручик. Орден Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии.

¹⁷⁸ **Левитова Варвара Сергеевна (урожденная Васильева).** Студентка Ростовского медицинского института. В Добровольческой армии; сестра милосердия в отряде полковника Симановского и Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в штабе 2-го батальона Корниловского полка в Галлиполи. Умерла после 1974 г. в Париже.

¹⁷⁹ **Петренко Яков Михайлович.** Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР в 1-й артиллерийской бригаде, в июле 1919 г. командир взвода, с 22 июля 1919 г., на ноябрь 1919 г. командир 5-й батареи той же (впоследствии Корниловской) бригады. В Русской Армии в Корниловской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Орден Св. Николая Чудотворца. Галлипо-

лиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского артдивизиона в Болгарии. В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял группу Корниловской артиллерийской бригады во Франции (в Клиши).

¹⁸⁰ **Клочков Иван Васильевич**. Полковник. В Донской армии; врид командира 2-й сводной Донской конной бригады, командир бригады 2-го Донского корпуса. В Русской Армии с августа 1920 г. командир 2-й бригады 2-й Донской конной дивизии. Тяжело ранен. Генерал-майор (29 марта 1920 г.). Орден Св. Николая Чудотворца (1 сентября 1921 г.). В эмиграции в Болгарии. Вернулся в СССР.

¹⁸¹ **Пешня Михаил Александрович**, р. в 1886 г. Из мещан. Гимназия, Виленское военное училище (1907), Офицерская гимнастическо-фехтовальная школа (1910). Полковник, командир 73-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с весны 1918 г. в Корниловском ударном полку, в сентябре 1918 г. командир 3-го батальона, с 24 июля 1919 г. командир 2-го Корниловского полка, затем командир 1-го Корниловского полка, с 13 ноября 1919 г. командир бригады Корниловской дивизии, с 13 мая 1920 г. помощник начальника той же дивизии. В Русской Армии с осени 1920 г. начальник Марковской дивизии. Генерал-майор (27 мая 1920 г.). Орден Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. командир Марковского полка в Галлиполи. В эмиграции в Болгарии, с 1926 г. во Франции; таксист. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (1-й выпуск). Умер 4 декабря 1937 г. в Париже.

¹⁸² **Померанцев Александр**. Штабс-капитан. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода во 2-й роте полка. В сентябре 1919 г. командир 2-го батальона во 2-м Корниловском полку, в мае 1920 г. капитан. Орден Св. Николая Чудотворца. Подполковник. Умер от ран 8 августа 1920 г. под Нижним Куркулаком.

¹⁸³ **Челядинов Василий Васильевич**. Штабс-капитан. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии; с января 1920 г. врид командира, с августа 1920 г. командир 1-го Корниловского полка (подполковник) до эвакуации Крыма. Орден Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в штабе Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. помощник командира 1-го батальона полка. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Югославии. Полковник.

¹⁸⁴ **Бояринцев Митрофан Иванович**, р. в 1894 г. Киевское военное училище (1914). Штабс-капитан, командир батальона 5-го пехотного полка. В Добровольческой армии; с сентября 1918 г. в Корниловском полку, затем командир сотни 5-го Кубанского пластунского батальона, затем вновь в Корниловском полку — командир роты и батальона. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Полковник. На 18 декабря 1920 г. в 3-й роте Корниловского полка в Галлиполи. В эмиграции во Франции, председатель полкового объединения, сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 17 сентября 1971 г. в Шель (Франция).

¹⁸⁵ **Панасюк Михаил**. Штабс-капитан. Во ВСЮР и Русской Армии во 2-м Корниловском полку; с сентября 1919 г. командир 3-й офицерской роты

в офицерском батальоне полка. Орден Св. Николая Чудотворца. Убит 20 августа 1920 г. под Любимовкой (у Каховки).

¹⁸⁶ **Миляшкевич Николай Николаевич.** Капитан. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир 1-й роты полка. Во ВСЮР и Русской Армии в корниловских частях до эвакуации Крыма (с сентября 1920 г. командир запасного Корниловского полка). На 18 декабря 1920 г. в комендантской команде Корниловского полка в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Капитан. Умер до 1936 г.

¹⁸⁷ **Ерогин Лев Михайлович.** Сын капитана. 2-й кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1904). Подполковник, командир батареи 18-й артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с декабря 1917 г. по январь 1918 г. командир 3-й офицерской батареи. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода — командир 3-й отдельной батареи, затем 1-й батареи 2-й артиллерийской бригады. В 1918 г. переименован в полковники (утвержден с 6 ноября 1919 г.). Командир 2-й артиллерийской бригады, с 16 октября 1919 г. — Корниловской артиллерийской бригады; в Русской Армии на той же должности, с 27 октября 1920 г. начальник Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор. Галлиполиец. В феврале 1921 г., осенью 1925 г. командир Корниловского арtdивизиона в Болгарии. В эмиграции в Польше, начальник отдела РОВС. Умер в 1943 г. в Варшаве.

¹⁸⁸ **Месснер Евгений Эдуардович,** р. 3 сентября 1891 г. в Одессе. Сын коллежского асессора. 3-я Одесская гимназия, Новороссийский университет (не окончил), прапорщик запаса (1911), Офицерский экзамен при Михайловском артиллерийском училище (1912), курсы академии Генштаба (1917). Штабс-капитан, начальник штаба 15-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с 5 ноября 1918 г., фельдфебель 1-й офицерской батареи Одесского центра армии, с 10 ноября и. д. штаб-офицера для поручений штаба формирований того же центра, с 2 декабря — на той же должности в штабе командующего войсками Добровольческой армии Одесского района, с 28 декабря врид старшего адъютанта по строевой части того же штаба, с 24 апреля 1919 г. в прикомандировании к штабу Отдельной Одесской стрелковой бригады, с 27 апреля обер-офицер для поручений, с 5 мая старший адъютант по части Генерального штаба, с 18 мая 1919 г. — то же штаба 7-й пехотной дивизии, с 10 июля по ноябрь 1918 г. и. д. старшего адъютанта по части Генерального штаба Полтавского отряда (с 15 декабря 1919 г. Киевской группы) с оставлением в прежней должности; с 25 декабря 1919 г. капитан (причислен к Генштабу 20 января 1920 г.), участник Бредовского похода. 25 июля 1920 г. прибыл в Феодосию, с 11 августа член ликвидационной комиссии штаба, с 16 сентября 1920 г. в Корниловской дивизии, с октября 1920 г. и. о. начальника штаба той же дивизии до эвакуации Крыма. Полковник (в ноябре 1920 г. переименован из подполковников). В эмиграции в Югославии, преподаватель Высших военно-научных курсов в Белграде, в 1942 г. защитил докторскую диссертацию, профессор военных наук. Служил в Русском Корпусе и в 1-й

Русской Национальной армии. После 1945 г. в Аргентине. Умер 30 сентября 1974 г. в Буэнос-Айресе.

¹⁸⁹ **Гецц Викентий Иванович**, р. 19 февраля 1889 г. в Витебске. Реальное училище в Двинске, Виленское военное училище (1911). Капитан, командир батареи 137-го артиллерийского дивизиона. В Добровольческой армии с апреля 1918 г., рядовой 1-й батареи, начальник орудия, с весны 1919 г. старший офицер 4-й батареи 1-й артиллерийской бригады, затем командир той же батареи, к ноябрю 1919 г. командир 6-й батареи Корниловской артиллерийской бригады. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Орден Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. В эмиграции в Болгарии, возглавлял группу Корниловской артиллерийской бригады в Софии. Служил в Русском Корпусе. С 1950 г. в Норвегии, с 1956 г. в США. Умер 22 февраля 1968 г. в Нью-Йорке.

¹⁹⁰ Впервые опубликовано: Часовой. 1960. Март—август. № 407—411.

¹⁹¹ **Токаревич Георгий Александрович**, р. в Санкт-Петербурге. Поручик (подпоручик). В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР в 6-й батарее 2-й (затем Корниловской) артиллерийской бригады; в Русской Армии до эвакуации Крыма. Штабс-капитан (с 22 ноября 1919 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского артиллерийского дивизиона в Югославии. В эмиграции в Югославии, служил в югославской армии (подполковник), затем в арабской армии (полковник, командир полка). После 1945 г. в США, затем в Германии. Умер 22 декабря 1972 г. в Крефельде (Германия).

¹⁹² **Севастьянов Александр Николаевич**, р. в 1886 г. во Владикавказе. Реальное училище, Владимирское военное училище (1909), академия Генштаба (1916). Капитан. В Добровольческой армии и ВСЮР во 2-й артиллерийской бригаде, с июля 1920 г. в 6-й батарее Корниловской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. 13 октября 1920 г. окончил Офицерскую артиллерийскую школу. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского ардивизиона в Болгарии. Полковник. В эмиграции во Франции. Умер 14 июля 1932 г. в Тулузе (Франция).

¹⁹³ **Левитов Михаил Николаевич**, р. в 1893 г. Из духовного звания. Духовная семинария, Виленское военное училище (1914). Поручик 178-го пехотного полка. В Добровольческой армии в партизанском генерала Корнилова отряде. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Корниловском полку, командир роты, в мае 1919 г. командир батальона во 2-м Корниловском полку, с июля 1919 г. командир 1-го батальона, с 10 ноября 1919 г. врид командира в 3-м Корниловском полку, затем помощник командира во 2-м Корниловском полку. 13 марта 1920 г. произведен из поручиков в подполковники, с 15 июня 1920 г. до эвакуации Крыма командир 2-го Корниловского полка. Полковник (с июня 1920 г.). Ранен 6 раз. Орден Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в штабе 2-го батальона Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. командир того же батальона. До осени 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. В эмиграции председатель полкового объединения, председатель Общества Галлиполийцев. Умер 15 декабря 1982 г. в Париже.

¹⁹⁴ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. 1967. Февраль—март. № 53—54; Первопоходник. 1972. Август. № 8.

¹⁹⁵ **Манштейн Владимир Владимирович**, р. в 1894 г. Штабс-капитан 7-го пехотного полка. В отряде полковника Дроздовского с 4 марта 1918 г. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии и ВСЮР во 2-м офицерском (Дроздовском) стрелковом полку, с 4 апреля 1918 г. командир 4-й роты, с осени 1918 г. командир батальона того же полка, с 15 мая 1919 г. полковник. В октябре 1919-го — летом 1920 г. командир 3-го Дроздовского полка. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 22 июня 1920 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в прикомандировании к Марковскому полку в Болгарии. Покончил самоубийством 19 сентября 1928 г. в Софии.

¹⁹⁶ **Достовалов Евгений Исаакович**, р. в 1882 г. Сын статского советника. Сибирский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1902), академия Генштаба (1912). Полковник, и. д. начальника штаба 15-й пехотной дивизии. В декабре 1917 г. помощник начальника штаба Крымских войск, 2 января 1918 г. взят в плен, освобожден и уехал из Крыма (по другим данным — скрывался в Крыму до апреля 1918 г.). В Добровольческой армии с весны 1918 г. в штабе 1-й дивизии до осени 1918 г.; с 20 ноября 1918 г. начальник Сальского отряда Донской армии, затем в прикомандировании к Кубанскому военному училищу, с 27 августа 1919 г. в распоряжении генерал-квартирмейстер штаба Главнокомандующего ВСЮР, осенью 1919 г. генерал-майор, обер-квартирмейстер Добровольческого корпуса, с марта 1920 г. начальник штаба того же корпуса. В Русской Армии начальник штаба 1-го армейского корпуса, с августа 1920 г. — 1-й армии. Генерал-лейтенант. На 18 декабря 1920 г. в управлении 1-го армейского корпуса в Галлиполи. В эмиграции к 1922 г. в Греции. Вернулся в СССР, служил в РККА. Расстрелян в 1938 г.

¹⁹⁷ **Бердник Михаил Юрьевич**. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии и ВСЮР; с весны 1920 г. начальник пулеметной команды в 1-м Корниловском полку. Поручик. В эмиграции в США. Штабс-капитан. Умер 25 февраля 1973 г. в Лос-Анджелесе (США).

¹⁹⁸ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. 1967. Август—сентябрь. № 71—72.

¹⁹⁹ **Кравченко Владимир Михайлович**. В Добровольческой армии и ВСЮР в Дроздовской артиллерийской бригаде. Штабс-капитан. В эмиграции в Германии, начальник 2-го отдела РОВС, представитель журнала «Наши Вести». Умер 23 декабря 1976 г. в Мюнхене.

²⁰⁰ Впервые опубликовано: *Кравченко В.* Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Т. 2. Мюнхен, 1975.

²⁰¹ **Христинич Николай**. Ротмистр. В Вооруженных силах Юга России; с марта 1920 г. командир Черноморского конного полка; в Русской Армии в 4-м кавалерийском полку. Орден Св. Николая Чудотворца. Убит в Крыму.

²⁰² **Туцевич Вячеслав Платонович**. Из дворян. Полковник 26-й артиллерийской бригады. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии и ВСЮР; в мае 1919 г. командир 1-й батареи 3-й артиллерийской (Дроздовской) бригады. Убит 2—3 июня 1919 г. под Лозовой.

²⁰³ **Колтышев Петр Владимирович**, р. 27 мая 1894 г. в Ораниенбауме. Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище (1913), курсы академии Генштаба (1917). Капитан, и. д. начальника штаба 2-й стрелковой дивизии. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии; с июня 1918 г. начальник штаба 3-й пехотной дивизии, с 8 августа 1918 г. в распоряжении генерал-квартирмейстера Добровольческой армии, начальник штаба сводного отряда под Ставрополем, затем — Манычского отряда генерала Станкевича, с сентября 1918 г. подполковник, старший помощник начальника оперативного отдела штаба Добровольческой армии до марта 1920 г. В Русской Армии летом 1920 г. помощник командира 1-го Дроздовского полка до эвакуации Крыма. Дважды тяжело ранен. Полковник (с 14 апреля 1920 г.). В эмиграции во Франции, таксист. Умер 9 августа 1988 г. в Сент-Женевьев-де-Буа.

²⁰⁴ **Ползиков Михаил Николаевич**, р. в 1875 г. Из дворян. Орловский кадетский корпус, Павловское военное училище (1895). Полковник, командир артиллерийского дивизиона. Георгиевский кавалер. Участник похода Яссы—Дон, командир легкой батареи. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-м легком артиллерийском дивизионе (27 января 1919 г. установлено старшинство в чине), затем командир дивизиона в Дроздовской артиллерийской бригаде. В Русской Армии командир Дроздовской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Генерал-майор. Галлиполиец. В эмиграции с апреля 1922 г. в Болгарии. Умер 6 июня 1938 г. в Вассербилинге (Люксембург).

²⁰⁵ **Переслени Владимир Михайлович**, р. в 1898 г. 1-й Московский кадетский корпус (1916), Павловское военное училище (1916). Офицер гаубичной батареи Румынского фронта. В Добровольческой армии. Участник похода Яссы—Дон. В июле 1919 г. штабс-капитан, начальник орудия, с 4 августа 1919 г. командир взвода 3-й гаубичной батареи в Дроздовской артиллерийской бригаде, с марта 1920 г. капитан 7-й батареи той же бригады, с апреля—мая, в июле 1920 г. командир офицерской роты в 3-м Дроздовском полку до эвакуации Крыма. Капитан. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка во Франции. Подполковник. Умер 14 февраля 1985 г. в Лилле (Франция).

²⁰⁶ **Коваленко Владимир Иосифович**. Михайловское артиллерийское училище. Прапорщик 2-го мортирного артиллерийского дивизиона. В Добровольческой армии и ВСЮР; с августа 1918 г. в 3-й легкой гаубичной батарее, с 25 февраля 1919 г. поручик, с 13 марта 1919 г. штабс-капитан; в ноябре 1919 г. командир орудия 7-й батареи в Дроздовской артиллерийской бригаде, с апреля 1920 г. начальник команды разведчиков в 3-м Дроздовском полку. Капитан. Орден Св. Николая Чудотворца. Убит 6 августа 1920 г. под колонией Андребург.

²⁰⁷ **Харжевский Владимир Григорьевич**, р. 6 мая 1892 г. Прапорщик запаса, студент горного института. Штабс-капитан Румынского фронта. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии и ВСЮР в 1-м Дроздовском полку (капитан), с 6 декабря 1919 г. командир 2-го Дроздовского полка, с осени 1920 г. начальник Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с сентября 1920 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского

полка в Болгарии. В эмиграции в Болгарии, Чехословакии. Окончил Горный институт в Праге, горный инженер. С 1945 г. в Германии, с 1949 г. бухгалтер в Марокко, с 1956 г. в США. Председатель объединения 1-го армейского корпуса и Общества галлиполийцев, с 27 января 1957 г. 1-й помощник начальника РОВС, с 19 мая 1967-го по начало 1979 г. начальник РОВС и Дроздовского объединения. Умер 4 июня 1981 г. в Лейквуде (США).

²⁰⁸ **Виноградов Иван Васильевич.** Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии и ВСЮР в 1-м Дроздовском полку, подпоручик и поручик с 30 сентября 1919 г., с августа 1920 г. штабс-капитан (с апреля 1920 г. капитан), адъютант Дроздовской дивизии, в Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии. Капитан. В эмиграции в Чехословакии. В монашестве архимандрит Исаакий. Арестован в 1945 г. в Праге. Умер 12 января 1981 г. в СССР.

²⁰⁹ **Матишев Петр Андреевич,** р. в Киеве. Михайловское артиллерийское училище. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии в Дроздовской артиллерийской бригаде (с апреля 1920 г. в 1-й батарее) до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артдивизиона в Болгарии. Штабс-капитан. В эмиграции с 1931 г. в Крезе (Франция), к 1957 г. в Швеции. Капитан. Умер 26 ноября 1976 г. в Стокгольме.

²¹⁰ **Купер Евгений Моисеевич.** В Добровольческой армии. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии в Дроздовской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артдивизиона во Франции. Поручик.

²¹¹ **Петерс Евгений Борисович.** Сын учителя гимназии. Студент Московского университета. Прапорщик 268-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с января 1919 г. капитан, командир роты Дроздовского полка, в октябре, на 30 декабря 1919 г. командир 1-го батальона 1-го Дроздовского полка. В Русской Армии в том же полку до эвакуации Крыма. Полковник. Орден Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Застрелился 3 июня 1922 г. в Севлиево (Болгария).

²¹² **Мусин-Пушкин Александр Владимирович.** Константиновское артиллерийское училище (1915). Поручик 4-го мортирного артиллерийского дивизиона. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии в 3-й гаубичной батарее, с 27 января 1919 г. штабс-капитан, с 29 января 1919 г. капитан. Во ВСЮР и Русской Армии старший офицер 7-й батареи Дроздовской артиллерийской бригаде, в мае—июне 1920 г. командир 5-й батареи той же бригады. Подполковник. Убит 10 августа 1920 г. в колонии Фридрихсфельд в Северной Таврии.

²¹³ **Мазинг Ричард Ричардович.** Студент. Подпоручик. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-й батарее Дроздовской артиллерийской бригады. Поручик. Убит 29 июля 1920 г. под Полугородом.

²¹⁴ **Кельнер Константин Александрович.** Полковник. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии во 2-м Офицерском (Дроздовском) стрелковом полку; с 23 июня до июля 1918 г. командир Солдатского баталь-

она, затем полка, с 18 января 1919 г. командир 2-го Офицерского полка (27 января 1919 г. установлено старшинство в чине); с сентября по ноябрь 1919 г. командир 1-й бригады 3-й пехотной (затем Дроздовской) дивизии, с мая 1920 г. помощник начальника той же дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В 1922 г. выслан из Болгарии. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты в Югославии. Генерал-майор.

²¹⁵ **Мельников Вячеслав Петрович.** Полковник. Во ВСЮР и Русской Армии в Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма; летом 1920 г. командир батальона в 1-м Дроздовском полку, затем до сентября 1920 г. командир того же полка. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии.

²¹⁶ **Слесаревский Александр Павлович.** Во ВСЮР и Русской Армии в Дроздовской артиллерийской бригаде; в июне 1919 г. капитан, командир 3-й батареи, с августа 1920 г. подполковник, командир взвода 3-й батареи, в сентябре 1920 г. полковник, командир 3-й батареи до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артиллерийского дивизиона в Югославии. Полковник.

²¹⁷ **Пинчуков Александр Михайлович.** Виленское военное училище. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; с августа 1920 г. адъютант Дроздовской артиллерийской бригады. Подполковник. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артдивизиона в Болгарии. Умер в 1954 г. в США.

²¹⁸ **Колзаков.** Капитан Кавказской гренадерской артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии; с августа 1918 г. командир 1-й конно-горной батареи, осенью 1918 г. полковник, командир Дроздовской конно-горной батареи, с 13 июля 1919 г. командир Отдельной конно-горной генерала Дроздовского батареи, с августа 1920 г. командир конно-артиллерийского дивизиона в Дроздовской артиллерийской бригаде. Генерал-майор (1919). Галлиполиец, командир сводной Дроздовской конной батареи.

²¹⁹ **Витковский Владимир Константинович,** р. 21 апреля 1885 г. Из дворян Санкт-Петербургской губ. 1-й кадетский корпус (1903), Павловское военное училище (1905). Полковник л.-гв. Кексгольмского полка, командир 199-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с весны 1918 г. в отряде полковника Дроздовского, летом 1918 г. командир Солдатского батальона (затем Самурского полка), с 24 июня 1918 г. командир 2-го офицерского (Дроздовского) стрелкового полка, с 24 ноября 1918 г. командир бригады 3-й дивизии, с 18 декабря 1918 г. генерал-майор, с февраля 1919 г. начальник 3-й (затем Дроздовской) дивизии. В Русской Армии с 2 августа 1920 г. командир 2-го армейского корпуса, с 2 октября 1920 г. командующий 2-й армией. Генерал-лейтенант (с апреля 1920 г.). На 28 декабря 1920 г. начальник 1-й пехотной дивизии и заместитель генерала Кутепова в Галлиполи. В эмиграции на декабрь 1924 г. председатель объединения л.-гв. Кексгольмского полка, к 1931 г. председатель объединения 1-го армейского корпуса и Общества Галлиполийцев в Ницце (Франция), на ноябрь 1951 г. представитель объеди-

нения л.-гв. Кексгольмского полка в США, с 1960 г. член правления ПРЭ. Умер 18—19 января 1978 г. в Пало-Альто (США).

²²⁰ Впервые опубликовано: Часовой. 1955. Май. № 353 (под псевдонимом Участник). См. также: *Витковский В.К.* В борьбе за Россию: Воспоминания. Сан-Франциско, 1963.

²²¹ **Кречетов Лев Александрович.** Офицер. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии во 2-м Офицерском (Дроздовском) стрелковом полку; с апреля 1920 г. адъютант генерала Витковского. В Русской Армии в Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма. Капитан. Галлиполиец. В сентябре 1922 г., осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии. В эмиграции во Франции. Умер 13 ноября 1935 г. в Азиль-де-Виль-Эввар (Франция).

²²² **Булгаков Лев Андреевич.** Учащийся духовной семинарии. Во ВСЮР и Русской Армии в Дроздовской артиллерийской бригаде (доброволец, телефонист 4-й батареи) до эвакуации Крыма. Георгиевский крест 4-й ст. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артдивизиона в Болгарии. Младший фейерверкер. Служил в Русском Корпусе. Подпоручик. Журналист, сотрудник «Часового». Умер 5 декабря 1977 г. в Болтоне (Англия).

²²³ Впервые опубликовано: Часовой. 1975. Апрель—май. № 586—587.

²²⁴ **Шейн Александр Аристионович,** р. в 1875 г. Офицер с 1896 г. Полковник. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; командир 2-го дивизиона в Дроздовской артиллерийской бригаде. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артдивизиона во Франции. В эмиграции там же. Умер в 1947 г. в Париже.

²²⁵ **Туркул Антон Васильевич,** р. в 1892 г. в Тирасполе. Из дворян Бессарабской губ. Тираспольское реальное училище. Прапорщик запаса. Штабс-капитан 75-го пехотного полка. Участник похода Яссы—Дон, с апреля 1918 г. командир офицерской роты. В Добровольческой армии и ВСЮР; с января 1919 г. командир офицерского батальона 2-го Офицерского (Дроздовского) стрелкового полка, с октября 1919 г. командир 1-го Дроздовского полка. В Русской Армии с 6 августа 1920 г. начальник Дроздовской дивизии. Генерал-майор (с апреля 1920 г.). Галлиполиец. В эмиграции издатель и редактор журнала «Доброволец», с 1935 г. организатор и глава Русского Национального Союза участников войны, в 1945 г. начальник управления формирования частей РОА и командир добровольческой бригады в Австрии. После 1945 г. в Германии, председатель Комитета русских невозвращенцев. Умер 20 августа (14 сентября) 1957 г. в Мюнхене.

²²⁶ В настоящем издании публикуются главы из книги А.В. Туркула «Дроздовцы в огне». Воспоминания генерала Туркула в литературной обработке Ивана Лукаша были опубликованы впервые в 1937 г. в Белграде, 2-м изданием в 1948 г. в Мюнхене и 3-м изданием в 1990 г. в Нью-Йорке.

²²⁷ **Коньков Василий Петрович.** Офицер с 1898 г. 39-го пехотного полка (в плену). В Добровольческой армии и ВСЮР в 1-м Дроздовском полку, на 3 января 1920 г. командир 7-й роты полка. В Русской Армии командир роты, с августа 1920 г. командир батальона в том же полку до эвакуации Крыма. Полковник. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроз-

довского полка в Болгарии. В эмиграции там же, в 1931 г. возглавлял группу дроздовцев в Болгарии. Служил в Русском Корпусе. Захвачен в Болгарии и вывезен в СССР; 10 лет в лагерях. Умер 19 августа 1957 г. в Софии.

²²⁸ **Конради Морис Морисович.** Офицер 1-го пехотного полка. Во ВСЮР и Русской Армии в Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма, летом 1920 г. адъютант 1-го Дроздовского полка. Галлиполиец. Застрелил советского посла Воровского. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка во Франции. Капитан. Служил во французском Иностранном легионе (сержант). В 1940—1944 гг. участник французского Сопротивления. Убит.

²²⁹ **Манштейн Владимир Карлович,** р. в 1855 г. Из дворян, сын офицера. В службе с 1876 г. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся в 1878 г. Полковник (из отставки), командир батальона 318-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР с 15 августа 1918 г. во 2-м офицерском (Дроздовском) стрелковом полку (младший офицер 5-й роты, весной 1919 г. заведующий эшелонами полка), затем в 1-м Дроздовском полку. В Русской Армии при штабе Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 6 августа 1920 г.). В эмиграции в Болгарии. Умер 8 декабря 1933 г. в Софии.

²³⁰ **Дубатов Алексей Иванович.** Поручик. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; на 30 декабря 1919 г. заведующий оружием 1-го Дроздовского полка, осенью 1920 г. в том же полку. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии. Штабс-капитан. В эмиграции пел в Кубанском казачьем хоре. Капитан. Умер 4 октября 1937 г. в Гааге (Голландия).

²³¹ **Бикс Петр Иванович.** Штабс-капитан. В Добровольческой армии во 2-м Офицерском (Дроздовском) стрелковом полку; с 30 сентября 1919 г. капитан, с октября 1920 г. командир 3-го батальона в 1-м Дроздовском полку. Полковник.

²³² **Трофимов Павел Михайлович,** р. 2 сентября 1894 г. в Сенно Могилевской губ. Сын нотариуса. Виленская гимназия (1913), Петроградский политехнический институт (не окончил), Киевское военное училище (1916). Офицер 14-го стрелкового полка. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии в 1-м Дроздовском полку, в июле 1919 г. капитан, начальник пулеметной команды, с августа 1920 г. командир пулеметной роты и командир батальона до эвакуации Крыма. Капитан. Неоднократно ранен. Орден Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. В эмиграции в Болгарии, с 1923 г. в Чехословакии, окончил институт, председатель Общества Галлиполийцев в Праге. Участник боевой организации Кутепова. Погиб в декабре 1929 г. в СССР.

²³³ **Сосновый Вячеслав Алексеевич,** р. в 1896 г. Виленское военное училище (1915). Поручик, командир батальона 242-го пехотного полка. В Добровольческой армии; с 20 июня 1918 г. младший офицер, затем начальник команды связи Дроздовского полка. Во ВСЮР и Русской Армии в 1-м Дроздовском полку до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии. Капитан. Умер 10 мая 1929 г. в районе Грасса (Франция).

²³⁴ **Пронин Дмитрий Федорович.** Студент Ново-Александрийского сельскохозяйственного института. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 г. доброволец 3-й, затем 7-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Подпоручик. В эмиграции в США. Умер 30 сентября 1981 г. в Медисоне (США).

²³⁵ Впервые опубликовано: *Пронин Д., Александровский Г., Ребиков Н.* Седьмая гаубичная. 1918—1921. Нью-Йорк, 1960.

²³⁶ **Медведев Александр Константинович**, р. в 1882 г. Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище. Подполковник (капитан), командир 2-й батареи 4-го мортирного артиллерийского дивизиона. Георгиевский кавалер. Участник похода Яссы—Дон, командир взвода артиллерии. В Добровольческой армии; с сентября 1918-го по январь 1919 г. командир 1 (3) отдельной легкой гаубичной батареи, командир 7-й легкой гаубичной батареи 3-й артиллерийской бригады, с 13 апреля 1919 г. командир 4-го дивизиона 3-й (Дроздовской) артиллерийской бригады, в мае 1920 г. командир гаубичного дивизиона в Дроздовской артиллерийской бригаде. В Русской Армии в той же бригаде до эвакуации Крыма. Полковник (до сентября 1918 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артадивизиона во Франции. Умер 12 февраля 1964 г. в Шартре (Франция).

²³⁷ **Гельбке Александр Александрович**, р. в 1898 г. Михайловское артиллерийское училище. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в отделе снабжения штаба армии. Во ВСЮР и Русской Армии в Дроздовской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (с августа 1920 г. поручик 7-й гаубичной батареи) Поручик. Ранен. Эвакуирован на транспорте «Ялта» и на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артадивизиона. Штабс-капитан. В эмиграции в Бельгии. Умер 3 декабря 1972 г. в Брюсселе.

²³⁸ **Поклевский-Козелл Станислав Альфонсович.** Александровский лицей (1886). Действительный статский советник, камергер, посланник в Бухаресте. Представитель лицейского объединения в Румынии. В эмиграции там же. Умер после 1929 г.

²³⁹ **Александровский Георгий Борисович.** Одесский кадетский корпус (1919). Во ВСЮР и Русской Армии; вольноопределяющийся Черноморского флота, с 1920 г. подпоручик в офицерской роте 3-го Дроздовского полка, затем в корпусе корабельных офицеров Черноморского флота и в Морском корпусе до эвакуации Крыма. Дважды ранен. Эвакуирован из Севастополя на линейном корабле «Генерал Алексеев». Подпоручик (27 января 1920 г.). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте (с января 1921 г. на подводной лодке «Утка» в 3-м отряде судов). В октябре 1921 г. окончил Морской корпус (экзамен). Поручик по адмиралтейству. В эмиграции в Чехословакии (с 1937 г. в Пиальзене), окончил горный институт, инженер-металлург, историк. После 1945 г. в США, с 1964 г. издатель-редактор газеты «Россия». Умер 8 марта 1981 г. в Нью-Йорке.

²⁴⁰ Впервые опубликовано: *Пронин Д., Александровский Г., Ребиков Н.* Седьмая гаубичная. 1918—1921. Нью-Йорк, 1960.

²⁴¹ **Дрон Владимир Степанович.** Виленское военное училище (1913). В Добровольческой армии во 2-м офицерском стрелковом (Дроздовском) полку. Во ВСЮР и Русской Армии помощник командира, затем командир 3-го Дроздовского полка. Орден Св. Николая Чудотворца. Полковник. Убит в октябре 1920 г. на Перекопе.

²⁴² **Ребиков Николай Николаевич.** Студент Московского университета. Сергиевское артиллерийское училище (1916). Прапорщик Кавказской стрелковой артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в июле 1918 г. в 3-й гаубичной батарее, затем в 3-й артиллерийской бригаде; с 14 марта 1919 г. подпоручик, с 22 июля 1919 г. поручик, летом 1919 г. начальник орудия 7-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Штабс-капитан. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артиллерийского дивизиона во Франции. Капитан (с 14 апреля 1921 г.). Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (1-й вып.). Во время Второй мировой войны командир батальона РОА. После 1945 г. в Германии, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Белья». Умер 18 июня 1969 г. в Гамбурге.

²⁴³ Впервые опубликовано: *Пронин Д., Александровский Г., Ребиков Н.* Седьмая гаубичная. 1918—1921. Нью-Йорк, 1960.

²⁴⁴ **Обухов Василий Степанович.** Капитан. Во ВСЮР и Русской Армии в 7-й батарее Дроздовской артиллерийской бригады, с мая 1920 г. в 3-м Дроздовском полку до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Подполковник. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского арtdивизиона в Болгарии.

²⁴⁵ **Диденко Аркадий Александрович.** Поручик. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-й (Дроздовской) артиллерийской бригаде, в мае 1919 г. поручик, начальник орудия 3-й гаубичной батареи, капитан с 28 августа 1919 г.; в Русской Армии с мая 1920 г. в 3-м Дроздовском полку до эвакуации Крыма Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского арtdивизиона во Франции. Подполковник.

²⁴⁶ **Будянский Владимир.** Константиновское артиллерийское училище (1913). Подпоручик 3-го Сибирского мортирного артиллерийского дивизиона (в плену с 1914 г.). В Добровольческой армии и ВСЮР в Дроздовской артиллерийской бригаде: в 3-й гаубичной батарее, с 22 февраля 1919 г. в тяжелой батарее, с сентября 1919 г. снова в 7-й батарее — командир орудия, затем с мая 1920 г. командир взвода команды пеших разведчиков в 3-м Дроздовском полку. Орден Св. Николая Чудотворца. Поручик. Убит 16 июня 1920 г. под Сладкой Балкой.

²⁴⁷ **Прокопов Иван Александрович.** Во ВСЮР и Русской Армии в Дроздовской артиллерийской бригаде (с декабря 1918 г. доброволец 3-й батареи, с 1920 г. подпоручик) до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского арtdивизиона во Франции. Поручик. Умер во Франции.

²⁴⁸ **Нилов Сергей Родионович.** Капитан 61-й артиллерийской бригады. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии; в июне—октябре 1918 г. командир броневедомости «Верный», затем командир 1-го бронепоезда. В Русской Армии с мая 1920 г. переведен из бронечастей в 7-ю батарею Дроздовской артиллерийской бригады, в октябре 1920 г. командир той

же батареи до эвакуации Крыма. Полковник. Ранен. Эвакуирован на транспорте «Ялта». В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (6-й выпуск). Умер 21 августа 1976 г. в Монморанси (Франция).

²⁴⁹ **Кудряшев (Кудряшов) Ипполит Александрович**, р. 27 ноября 1885 г. в Москве. Из потомственных почетных граждан. Поручик 3-го Сибирского горного артиллерийского дивизиона. Участник похода Яссы—Дон, отправлен для связи с генералом Корниловым. В Добровольческой армии; в июле 1918 г. в автобронедивизионе Дроздовской дивизии: командир броневых автомобилей «Доброволец» и «Кубанец», затем до марта 1920 г. в 1-м броневом автомобильном дивизионе, с 27 января 1919 г. штабс-капитан, с 23 марта 1919 г. капитан. В Русской Армии с мая 1920 г. в 7-й батарее Дроздовской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Галлиполиец. С 1924 г. в составе Дроздовского артдивизиона во Франции. Подполковник. Умер 23 августа 1965 г. в Сен-Боделе (Франция).

²⁵⁰ **Рутковский Виктор Леонидович**. Из Одессы. Новороссийский университет (не окончил), Сергиевское артиллерийское училище. Подпоручик. В Вооруженных силах Юга России в 4-й конной батарее. В Русской Армии в Дроздовской артиллерийской бригаде (с мая 1920 г. в 7-й батарее) до эвакуации Крыма. Поручик. В Галлиполи в составе 8-й батареи Дроздовского артиллерийского дивизиона. Умер от тифа 10 (23) марта 1921 г. в Галлиполи.

²⁵¹ **Абамеликов Михаил Васильевич**, р. около 1894 г. Киевский кадетский корпус (1911), Киевское военное училище (1913). Штабс-капитан Сергиевского артиллерийского училища. В Добровольческой армии; участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии в Дроздовской артиллерийской бригаде. С 3 ноября 1919 г., в мае 1920 г. командир 8-й батареи. Полковник. Умер 21 марта 1979 г. в США.

²⁵² **Прокопенко Дмитрий Михайлович**. Сергиевское артиллерийское училище. Офицер 4-го тяжелого артиллерийского дивизиона. В Добровольческой армии с начала 2-го Кубанского похода в Дроздовском гаубичном дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Дроздовской артиллерийской бригаде (штабс-капитан, с мая 1919 г. начальник орудия 3-й гаубичной батареи, с 12 мая 1919 г. командир взвода, с мая 1920 г. старший офицер 8-й батареи, капитан) до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артдивизиона во Франции. Подполковник (с 26 апреля 1920 г.). В эмиграции в Болгарии и Франции. Умер 8 января 1974 г. во Франции.

²⁵³ **Камлач Иван Климентьевич**. Алексеевское военное училище (1914). Поручик артиллерии. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии, с 27 января 1919 г. штабс-капитан, в апреле 1919 г. капитан, начальник орудия 3-й гаубичной батареи Дроздовской артиллерийской бригады, с ноября 1919 г. командир взвода, в мае 1920 г. старший офицер 7-й батареи, затем 4-й батареи той же бригады до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артдивизиона в Болгарии. Подполковник. В эмиграции в Болгарии, в 1930 г. возглавлял группу своего дивизиона в Болгарии (София). Полковник. Служил в Русском Корпусе. Умер 5 марта 1979 г. в Сан-Пауло.

²⁵⁴ 25-й пехотный Смоленский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Сформирован летом 1919 г. в Воронеже из добровольцев (главным образом, рабочих). С 4 сентября 1920 г. входил в состав 2-й бригады 6-й пехотной дивизии. В конце октября 1919 г. насчитывал 400 штыков. Командир — полковник Новиков.

²⁵⁵ **Маслов Лев Львович**, р. около 1896 г. Орловский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище. Поручик. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии, ВСЮР в 3-й гаубичной батарее, с 27 января 1919 г. штабс-капитан, с 29 января 1919 г. капитан, затем в Дроздовской артиллерийской бригаде (осенью 1919 г. командир 6-й батареи) до эвакуации Крыма. Галиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артдивизиона в Болгарии. Подполковник. В эмиграции. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в Германии. Умер 12 сентября 1959 г. в Розенхайме (Германия).

²⁵⁶ **Протасович Виктор Александрович**, р. в 1886 г. Псковский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1905). Подполковник, командир батареи 28-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии и ВСЮР в июне 1918 г. рядовой в 3-й артиллерийской бригаде, затем командир 2-й батареи, с 13 апреля 1919 г. командир 2-го дивизиона в Дроздовской артиллерийской бригаде, с сентября по октябрь 1919 г. — 1-го дивизиона. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник (с 16 июня 1920 г.). Орден Св. Николая Чудотворца. Галиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артдивизиона на Корсике. В эмиграции в Болгарии и Франции, с 1931 г. помощник командира Дроздовского артиллерийского дивизиона в Париже. В 1956—1964 гг. начальник 1-го отдела РОВС, член правления Общества Галиполийцев. Умер 2 октября 1966 г. в Монморанси (Франция).

²⁵⁷ Впервые опубликовано: Часовой. 1976. Февраль. № 596.

²⁵⁸ **Самуэлов Александр Артемьевич**, р. 24 сентября 1890 г. Из дворян Санкт-Петербургской губ. Псковский кадетский корпус (1908), Михайловское артиллерийское училище (1911). Офицер 37-й артиллерийской бригады. С конца 1917 г. в Армянском корпусе на Кавказе, с ноября 1918 г. в Добровольческой армии; младший офицер в Дроздовской артиллерийской бригаде. В январе 1919 г. капитан, командир взвода, затем командир 4-й батареи, в мае 1919 г. полковник, командир 10-й батареи той же бригады, с 10 ноября 1919 г. командир 1-й батареи отдельного артиллерийского дивизиона 1-й отдельной пехотной бригады. В Русской Армии офицер в Дроздовской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Галиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артдивизиона во Франции. Полковник. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (1-й выпуск). Умер 9 февраля 1935 г. в Париже.

²⁵⁹ **Павлов Борис Арсеньевич**, р. в 1906 г. в Твери. Из дворян Тверской губ., сын преподавателя гимназии. Кадет 2-го Московского кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; с осени 1919 г. (поступил в Ливнах) доброволец Алексеевского полка, разведчик, в августе 1920 г. участник десанта на Кубань, затем как малолетний отправлен в кадетский корпус, ка-

дет интерната при Константиновском военном училище до эвакуации Крыма. Георгиевский крест 4-й ст. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции в Югославии. Окончил Крымский кадетский корпус (1926), Люблянский университет. Горный инженер. После 1945 г. в США, член Общества Ветеранов кадетского объединения, сотрудник журнала «Военная Бель». Умер 15 февраля 1994 г. в Монтеррее или Кармеле (Калифорния).

²⁶⁰ Впервые опубликовано: Из истории Алексеевского полка // Часовой. 1973. Октябрь. № 568.

²⁶¹ **Звягин Михаил Андреевич.** Полковник, командир 108-го пехотного полка. В Добровольческой армии; с 29 октября 1919 г. командир Самурского полка, в апреле 1920 г. полковник, командир Алексеевской бригады (из Алексеевского и Самурского полков), начальник десанта у Геническа. В Русской Армии начальник 6-й пехотной дивизии. Генерал-майор. В эмиграции комендант города Галлиполи до 29 января 1921 г. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии. Служил в Русском Корпусе. Убит до 1945 г.

²⁶² **Машуков Николай Николаевич,** р. в 1889 г. Морской корпус (1908) (офицером с 1909 г.), Михайловская артиллерийская академия. Старший лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР с осени 1918 г.; в 1919 г. старший офицер транспорта «Ольга», затем командир вспомогательного крейсера «Цесаревич Георгий», с 14 октября 1919 г. капитан 2-го ранга и командир крейсера «Алмаз», в декабре 1919 г. начальник отряда Черноморского флота, с декабря 1919 г. (7 января 1920 г.), в марте—апреле 1920 г. командир отряда судов Азовского моря, организатор и командир Азовской флотилии, в марте 1920 г. капитан 1-го ранга, с 12 октября 1920 г. начальник штаба Черноморского флота. Контр-адмирал (10 августа 1920 г.). Орден Св. Николая Чудотворца. Эвакуирован с флотом в Бизерту. На 25 марта 1921 г. в Марселе. В эмиграции во Франции, начальник группы соплавателей корабля «Цесаревич Георгий» и 3-й группы ВМС, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Бель». Умер 12 октября 1968 г. под Парижем.

²⁶³ **Бузун Петр Григорьевич.** Штабс-капитан. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку, с 31 марта 1918 г., осенью 1918 г. командир 2-го батальона и помощник командира Алексеевского полка, с июня 1919 г. командир 1-го Алексеевского полка, с 13 ноября 1919 г. капитан, с 14 ноября 1919 г. подполковник с переименованием в полковники, с апреля 1920 г. командир Алексеевского полка. В эмиграции. Служил в Русском Корпусе. Убит 19 мая 1943 г. у Вальево (Югославия).

²⁶⁴ **Шольп Александр Густавович,** р. в 1857 г. на Манглисе Тифлисской губ. Одесское пехотное юнкерское училище (1876). Генерал-майор, командир бригады 41-й пехотной дивизии, командующий 3-й пехотной дивизией. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с конца 1918 г. начальник гарнизона Керчи. В Русской Армии с апреля 1920 г. комендант и начальник гарнизона Керчи, затем генерал для поручений при начальнике снабжений армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии служил в военном ведомстве, с 1934 г. в Болгарии, товарищ председа-

ля Общества Галлиполийцев и Георгиевских кавалеров в Софии, начальник военно-инструкторских курсов. Умер 8 июня 1938 г. в Софии.

²⁶⁵ **Экк Эдуард Владимирович**, р. 11 апреля 1851 г. Из дворян Санкт-Петербургской губ., сын тайного советника. В службе с 1868 г., офицером с 1869 г., академия Генштаба (1878). Офицер л.-гв. Семеновского полка. Генерал от инфантерии, командир 23-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 31 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 13 июля 1919 г. председатель военно-полевого суда над генералом Марксом. В Русской Армии председатель высшей комиссии правительственного надзора до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, председатель Совета объединенных офицерских организаций, до 21 января 1933 г. начальник 4-го отдела РОВС, председатель Главнокомандующего в Белграде. Член объединения л.-гв. Семеновского полка. Умер 5 апреля 1937 г. в Белграде.

²⁶⁶ Псевдоним Б. Павлова (см. выше).

²⁶⁷ Ниже публикуются главы из книги: *Пылин Б.* Первые четырнадцать лет. Калифорния, 1972.

²⁶⁸ **Реформатская Зинаида Николаевна**. Александровское военное училище (1917). Прапорщик. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем в Алексеевском полку. Неоднократно ранена. В 1-м браке жена полковника Вертоградского, во 2-м — Кальфа. В эмиграции в США. Умерла 16 декабря 1968 г. в Эль-Пасо (США).

²⁶⁹ **Шкленник (Шклеиник) Владимир Витальевич**. Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1 ноября 1918 г. в Таганрогском центре (утвержен 2 февраля 1919 г.). В Русской Армии командир 1-го батальона Алексеевского полка, с августа 1920 г. врио командира Алексеевского полка. Убит в августе 1920 г. в Кубанском десанте.

²⁷⁰ **Судоплатов Александр**, р. в 1902 г. Во ВСЮР и Русской Армии с лета 1919 г. (поступил в Харькове). Вольноопределяющийся в Алексеевском полку, с марта 1920 г. в команде связи, с 13 апреля 1920 г. младший унтер-офицер, с 28 августа 1920 г. старший унтер-офицер. Галлиполиец.

²⁷¹ Впервые опубликовано: Партизанский генерала Алексева пехотный полк. 1917—1920: Сборник. 1974 // Первопоходник. 1974. Октябрь. № 21.

²⁷² **Осипенко Ефим Георгиевич**. Капитан. Во ВСЮР и Русской Армии, к августу 1920 г. в 1-м Алексеевском полку до эвакуации Крыма. Орден Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Алексеевского полка в Болгарии.

²⁷³ **Морозов Василий Иванович**, р. 30 октября 1888 г. в ст. Семикаракорской Области Войска Донского. Из казаков той же станицы. Новочеркасское военное училище (1908). Подъесаул, командир сотни 58-го Донского казачьего полка. В Донской армии; с 1919 г. командир 76-го Донского казачьего полка, 6-го Донского казачьего полка, с ноября 1919 г. полковник, с января 1920 г. командир конного отряда своего имени, с февраля 1920 г. командир 2-й Донской отдельной бригады, с 29 марта 1920 г. начальник Сводной конной дивизии, с 4 мая 1920 г. — 2-й Донской конной дивизии, с 8 августа 1920 г. — 2-й кавалерийской дивизии, с 16 сентября

1920 г. в распоряжении Донского атамана, на 1 октября 1920 г. командир 2-й бригады 1-й Донской конной дивизии. Генерал-майор (с 29 марта 1920 г.). Орден Св. Николая Чудотворца (2 октября 1920 г.). Был на о. Лемнос, с 12 декабря 1920 г. командир 2-й бригады 1-й Донской дивизии. Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. Служил в Русском Корпусе. Умер 30 января 1950 г. в Клагенфурте (Австрия).

²⁷⁴ Впервые опубликовано: Вестник Галлиполийцев. 1937. 15 апреля. № 46.

²⁷⁵ **Иванов Евгений Васильевич**, р. в 1892 г. Киевский кадетский корпус (1909), Елисаветградское кавалерийское училище (1911). Ротмистр 9-го гусарского полка. В Вооруженных силах Юга России с осени 1918 г. Осенью 1919 г. полковник, командир 9-го гусарского полка в возрожденной 9-й кавалерийской дивизии. В Русской Армии командир 2-го и 6-го кавалерийских полков до эвакуации Крыма. Генерал-майор (1920). Орден Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец, командир 2-го сводного кавалерийского полка, затем бригады Кавалерийской дивизии в Югославии. В эмиграции там же, в 1929—1931 гг. председатель Общества Елисаветградского кавалерийского училища в Белграде. Служил в Русском Корпусе (командир батальона). После 1945 г. в Венесуэле, с 1950 г. заместитель СЧРК. Умер 11 мая 1972 г. в Каракасе.

²⁷⁶ **Рябышев Степан Афанасьевич**. Войсковой старшина. В Донской армии; командир 1-го Верхнедонского полка, осенью 1919-го — в начале 1920 г. врид командира 62-го Донского казачьего полка. В Русской Армии командир 1-го Донского казачьего полка. Ранен 25 мая 1920 г. Полковник (29 марта 1920 г.). Был на о. Лемнос. Орден Св. Николая Чудотворца (1 сентября 1921 г.). Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. В эмиграции во Франции. Умер 7 марта 1972 г. в Гренобле (Франция).

²⁷⁷ **Ружейников Александр Михайлович**, р. в 1895 г. Из казаков ст. Михайловской Области Войска Донского. Подъесаул (с ноября 1916 г.). В Донской армии с января 1919 г.; прикомандирован к оперативному отделу штаба Донской армии, затем в 8-й Донской конной дивизии, в конном полку командующего армией, затем командир 2-го Донского конного полка, войсковой старшина; заболел тифом и эвакуирован, после болезни состоял по интендантству до апреля 1920 г., затем до сентября 1920 г. снова командир 2-го Донского конного полка. Полковник (с 29 по 31 марта 1920 г.). Орден Св. Николая Чудотворца (2 октября 1920 г.). В эмиграции в Турции и в Чехословакии. В 1923 г. вернулся в СССР, бухгалтер в Свердловске. Расстрелян 21 ноября 1937 г.

²⁷⁸ **Пухальский Федор Васильевич**. Поручик. В Добровольческой армии; с 4 марта 1918 г. в конном дивизионе Кубанской армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м офицерском конном полку. Осенью 1919 г. командир Заволжского отряда «Степные партизаны», с 6 марта 1920 г. командир 1-го Уманского полка Кубанского казачьего войска, в Русской Армии командир пешей сотни Запорожского полка; в сентябре—октябре 1920 г. в Феодосии. Полковник. В эмиграции в США, в 1963—1967 гг. в Лос-Анджелесе.

²⁷⁹ Впервые опубликовано: Первопоходник. 1972. Апрель. № 6.

²⁸⁰ **Голубинцев Александр Васильевич**, р. 28 февраля 1882 г. Из казаков ст. Новочеркасской Области Войска Донского. Новочеркасская гимназия, Новочеркасское военное училище (1901) (офицером с 1902 г.). Войсковой старшина, командир 3-го Донского казачьего полка. В Донской армии. Руководитель подпольной организации в ст. Усть-Хоперской и восстания казаков Хоперского и Верхнедонского округов, командующий «Освободительными войсками Вольных хуторов и станиц Усть-Медведицкого округа», с 5 июля командир 4-го конного отряда, на 29 августа 1918 г. командир отряда войск Усть-Медведицкого района, затем в распоряжении командующего конной группой генерала К. Мамонтова, с ноября 1918 г. полковник, с 6 марта 1919 г. начальник 5-й конной дивизии, с 9 июня начальник повстанческой Усть-Медведицкой конной дивизии, с августа 1919 г. командир 14-й Донской отдельной конной бригады, с 30 ноября 1919 г. генерал-майор, с 15-го по 25 декабря 1919 г. командующий конной группой своего имени и затем снова 14-й бригады (затем 4-й Донской конной дивизии). В Русской Армии с весны 1920 г. в Донском офицерском резерве до эвакуации Крыма. Орден Станислава 1-й ст. (24 июня 1920 г.). В эмиграции в Болгарии (1938) и в Германии. Во время Второй мировой войны в казачьих частях Вермахта, с 1944 г. в РОА, член Главного управления казачьих войск при КОНР, в 1947—1949 гг. член редколлегии журнала «На пикете» в лагере «Шлясгейм». Участник монархического движения. Председатель Союза Андреевского флага. Умер 17 апреля 1963 г. в Кливленде (США).

²⁸¹ Приводится по изданию: Первопоходник. 1972. Декабрь. № 10.

²⁸² **Стефановский Петр Александрович**, р. 9 ноября 1894 г. Киевская авиационная школа (1917), Севастопольская авиационная школа (1917) (не закончил). Штабс-капитан 14-го мортирного артиллерийского дивизиона и 15-го корпусного авиационного отряда. В Донской армии; в мае—июле 1918 г. в Донской авиации, с июля 1918 г. в 1-м авиационном отряде Южной армии, с декабря 1918 г. во 2-м Донском самолетном отряде, затем адъютант 1-го Донского самолетного отряда. Эвакуирован 5 апреля 1920 г. из Феодосии на корабле «Константин». Возвратился в Крым. В Русской Армии во 2-м и 3-м авиационных отрядах до эвакуации Крыма. В эмиграции, служил в РОА. После 1945 г. в США, с 1953 г. секретарь комитета помощи инвалидам в Сан-Франциско. Умер 24 октября 1984 г. в Сан-Франциско.

²⁸³ Впервые опубликовано: Первопоходник. 1972. Декабрь. № 10.

²⁸⁴ **Альмендингер Владимир Вильгельмович**, р. в 1895 г. в Крыму. Симферопольская гимназия, Чугуевское военное училище (1914). Штабс-капитан 16-го стрелкового и 33-го запасного пехотного полков. В декабре 1917 г. в офицерской роте Крыма. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Служил в Симферопольском офицерском полку. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Алексеевского полка в Чехословакии. Подполковник. В эмиграции сотрудник журнала «Военная Бель». Делегат Зарубежного съезда 1926 г. Умер 16 ноября 1974 г. в Лос-Анджелесе (США).

²⁸⁵ Впервые опубликовано: Альмендингер В.В. Симферопольский офицерский полк. Париж, 1962.

²⁸⁶ **Оссовский Петр Степанович**, р. в 1860 г. В службе с 1878 г., офицером с 1881 г. Генерал-майор. В Донской армии и ВСЮР; с ноября 1918 г. начальник группы войск у Камышина, летом 1919 г. начальник дивизии, с 16 июля 1919 г., в ноябре—декабре 1919 г. начальник 5-й пехотной дивизии, затем Сводно-гвардейской пехотной дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (к сентябрю 1920 г.).

²⁸⁷ **Глазенап Петр-Владимир-Василий Владимирович**, р. 3 марта 1882 г. в Гжатске. Из дворян Лифляндской губ., сын офицера. 1-й Московский кадетский корпус (1901), Николаевское кавалерийское училище (1903), Офицерская кавалерийская школа (1913). Офицер 13-го драгунского полка. Ротмистр гвардейского запасного кавалерийского полка. Полковник, командир особого ударного отряда своего имени. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир кавалерийского дивизиона, с 25 марта 1918 г. командир 1-го офицерского конного полка, с июня 1918 г. начальник 1-й отдельной Кубанской казачьей бригады, с 9 октября 1918 г. начальник 4-й дивизии, затем ставропольский военный губернатор, с 23 марта 1919 г. начальник Сводно-Горской конной дивизии, с 27 марта 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР (с 12 ноября 1918 г. генерал-майор), отчислен с 8 октября 1919 г. С лета 1919 г. в Северо-Западной армии; с 18 октября 1919 г. генерал-губернатор Северо-Западной области, помощник Главнокомандующего, с 26 ноября 1919 г. по 22 января 1920 г. командующий Северо-Западной армией. Генерал-лейтенант (24 ноября 1919 г.). Весной 1920 г. формировал и до августа 1920 г. командовал 3-й Русской Армией в Польше, затем формировал Русский легион в Венгрии, с 1922 г. в Германии, с 1925 г. в Данциге, с 1939 г. в Варшаве. С 1946 г. организатор и председатель Союза Андреевского флага. Умер 27 мая 1951 г. в Мюнхене.

²⁸⁸ **Штейфон Борис Александрович**, р. в 1881 г. в Харькове. Из мещан. Харьковское реальное училище, Чугуевское военное училище (1902), академия Генштаба (1911). Георгиевский кавалер. Полковник, штаб-офицер для поручений штаба Кавказского фронта. С 5 апреля 1918 г. в Харьковском центре Добровольческой армии (утвержден 2 февраля 1919 г.), летом 1918 г. начальник штаба Южной армии. Осенью 1918 г. начальник штаба 3-й пехотной дивизии, затем в начале 1919 г. командир Белозерского и Архангелогородского полков, начальник штаба Полтавского отряда, с декабря 1919 г. начальник штаба 7-й пехотной дивизии. Участник Бредовского похода. Эвакуирован. 30 мая 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым (Севастополь) на корабле «Поти». В Русской Армии в штабе 3-й армии и в отделе генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 1920 г.). Эвакуирован на корабле «Сцегед». Галлиполиец, комендант города и лагеря Русской Армии. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, начальник штаба и командир Русского Корпуса. Умер 30 апреля 1945 г. в Загребке (Югославия).

²⁸⁹ **Ставицкий Иван Павлович**, р. в 1873 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян, сын инженер-механика флота. 1-й кадетский корпус (1892), Николаевское инженерное училище (1895), Николаевская инженерная академия (1902).

Генерал-майор, начальник инженеров 8-й армии. В Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; заместитель начальника Военно-инженерного управления, с 20 октября 1918 г. и на 22 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего с назначением в распоряжение Главного начальника снабжений, с октября 1919 г. начальник базы в Феодосии, затем с июля 1920 г. начальник гарнизона Феодосии, с 15 августа 1920 г. начальник снабжений Русской Армии. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Болгарии, представитель генерала Врангеля в Софии, с 1925 г. во Франции. Умер 5 марта 1966 г. в Кормей-ан-Паризи (Франция).

²⁹⁰ **Стольников Константин Антонович**, р. в 1890 г. в Петрокове. Гимназия, Одесское военное училище (1912). Капитан 69-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в начале 1919 г., с марта 1920 г. в Симферопольском офицерском полку, с сентября 1919 г. командир 1-го батальона, с апреля 1920 г. командир отдельной роты того же полка в составе 49-го Брестского пехотного полка в Крыму. В Русской Армии в том же полку до эвакуации Крыма. Полковник (с декабря 1919 г. до начала 1920 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Алексеевского полка в Болгарии. В эмиграции с 1922 г. в Болгарии, с 1935 г. член правления Общества Галлиполицев в Хаскове. Умер 10 мая 1968 г. в Болгарии.

²⁹¹ **Бредов Федор Эмильевич**, р. 22 апреля 1884 г. в Ивангороде. 1-й кадетский корпус (1901), Павловское военное училище (1903), академия Генштаба (1909). Подполковник л.-гв. Финляндского полка, начальник штаба 63-й пехотной дивизии, и. д. начальника 58-й пехотной дивизии (с 1915 г. в плену), вернулся в 1918 г. В Вооруженных силах Юга России с 1 февраля 1919 г.; летом 1919 г. в штабе Войск Юго-Западного края (Одесса), с 22 июля 1919 г., в сентябре—октябре 1919 г. начальник штаба 3-й пехотной и Дроздовской дивизий (полковник), с августа 1920 г. начальник штаба 2-го армейского корпуса до эвакуации Крыма. В Галлиполи начальник штаба 1-й пехотной дивизии, с апреля 1922 г. в Болгарии. Генерал-майор (с апреля—июня 1922 г.). Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в США, председатель объединения л.-гв. Финляндского полка. Умер 15 марта 1959 г. в Сан-Франциско (США).

²⁹² **Самойленко Александр А.** Юнкер Николаевского артиллерийского училища. В Добровольческой армии в 1-м конно-горном артиллерийском дивизионе; с 14 декабря 1918 г. прапорщик. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; с августа 1920 г. начальник команды связи 2-й конной батареи 1-й кавалерийской дивизии. В эмиграции во Франции. Капитан. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (6-й выпуск). Умер после 1968 г.

²⁹³ Впервые опубликовано: Согласие. 1974. Июнь. № 273.

²⁹⁴ **Котляревский Владимир Михайлович**, р. в 1892 г. Константиновское артиллерийское училище (1913). Офицер л.-гв. Конной артиллерии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 11 октября 1919 г. командир 2-й батареи отдельного дивизиона л.-гв. Конной артиллерии 5-го кавалерийского корпуса. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован в декабре 1919-го — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В Русской Армии с

августа 1920 г. командир артиллерийского дивизиона 1-й кавалерийской дивизии до эвакуации Крыма. Полковник. Эвакуирован на корабле «Великий Князь Александр Михайлович».

²⁹⁵ 1-й конный генерала Алексева полк (1-й офицерский конный полк). Сформирован в Добровольческой армии 25 марта 1918 г. как 1-й конный (Конный, Коннопартизанский) полк (3 эскадрона) из 1-го и 2-го (Конные отряды полковника Глазенапа и подполковника Корнилова) кавалерийских дивизионов. Состоял тогда почти исключительно из офицеров (после соединения с Кубанским отрядом офицеры и юнкера-кубанцы составили 2-ю офицерскую сотню во главе с полковником Рашпилем) и понес огромные потери в знаменитой конной атаке под Екатеринодаром (в одной только сотне Рашпиля убито 32 офицера). С мая—июня 1918 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии Добровольческой армии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. С 14 февраля 1919 г. — 1-й конный генерала Алексева полк. С 27 мая 1919 г. входил в состав 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал также 2 эскадрона 10-го драгунского Новгородского и 2 эскадрона 10-го уланского Одесского полков. На 5 октября 1919 г. насчитывал 196 сабель при 16 пулеметах. С 19 ноября 1919 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (II). 30 декабря 1919 г. при сведении ее в Сводную кавалерийскую бригаду сведен в дивизион. По прибытии в Крым дивизион полка вошел в 1-й кавалерийский полк, а 8 августа 1920 г. переформирован в конный дивизион 6-й пехотной дивизии под названием Отдельного конного генерала Алексева дивизиона. Чины полка носили белые с красным околышем фуражки и красные с белой выпушкой погоны. Для чинов полка установлен нагрудный знак в виде черного равносоставленного креста с широкой белой каймой, на который слева снизу-направо наложен серебряный меч рукоятью (золоченой) вниз; на крест навешен серебряный терновый венок, в центре — золоченая буква «А» славянской вязи, на верхней стороне креста — белая дата «1917». Командиры: полковник К. Корсун (июнь—сентябрь 1918 г.), полковник В.П. Глиндский (сентябрь—ноябрь 1918 г.), полковник (генерал-майор) А.П. Колосовский (ноябрь 1918-го — 21 марта 1919 г.), полковник Сабуров (7 апреля — осень 1919 г.).

²⁹⁶ **Попов Сергей Петрович**, р. около 1884 г. в имении в Калужской губ. Из дворян той же губернии. Калужская гимназия, Тверское кавалерийское училище (1904), курсы академии Генштаба (1917). Подполковник 10-го уланского полка, и. д. начальника штаба 3-го кавалерийского корпуса. Участник похода Крымова на Петрограде и боев под Петроградом в октябре 1917 г., арестован в Смольном. В Донской армии; на 25 июня 1918 г. заведующий отделом в Донской офицерской артиллерийской школе, затем в штабе Донского атамана, командир сводного кавалерийского полка. В 1918 г. пытался формировать свой 10-й уланский полк на Дону при Донской армии. В Русской Армии с августа 1920 г. в 1-й кавалерийской дивизии, в 1-м кавалерийском полку, с октября 1920 г. командир 7-го кавалерийского полка. Орден Св. Николая Чудотворца. Полковник. Галиполиец, командир 1-го кавалерийского полка. В эмиграции в Любляне (Югославия). Служил в Русском

Корпусе (обер-лейтенант). После 1945 г. в Австрии. Умер 5 марта 1959 г. в Каннах (Франция).

²⁹⁷ **Рыхлинский Владимир Александрович**. Поручик 2-го Особого полка. Во ВСЮР и Русской Армии; с 1920 г. в 3-й конной дивизии. В эмиграции к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Капитан. Умер в 1974 г.

²⁹⁸ Впервые опубликовано: Военная Быль. 1967. Сентябрь. № 87.

²⁹⁹ **Мамонтов Сергей Иванович**, р. в феврале 1898 г. Константиновское артиллерийское училище (1917). Прапорщик 64-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии с августа 1918 г. в 1-й конно-горной батарее, с апреля 1919 г. во 2-й конной батарее Дроздовской артиллерийской бригады. Поручик. В эмиграции во Франции. Умер 3 марта 1987 г. в Каннах (Франция).

³⁰⁰ Впервые опубликовано: Мамонтов С. Походы и кони. Париж, 1981.

³⁰¹ **Шапиловский Владимир Павлович**, р. 15 июля 1886 г. Из дворян Ярославской губ., сын офицера. Нижегородский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище. Капитан 53-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии; осенью 1918 г. командир взвода, с декабря 1918 г. старший офицер 1-й конно-горной батареи, с апреля 1919 г. командир 2-й конной батареи в Дроздовской артиллерийской бригаде. Полковник (к декабрю 1918 г.). В Русской Армии в той же бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артдивизиона в Чехословакии. В эмиграции там же, до 1930-х гг. член Общества Галлиполийцев, с 1937 г. зам. председателя Союза инвалидов в Чехословакии, к 1934 г. член СУВВ в Праге. Умер в 1954 г. в Праге.

³⁰² **Обозненко Евгений Николаевич**, р. в 1896 г. Суворовский кадетский корпус (1914), Михайловское артиллерийское училище. Капитан. В Добровольческой армии и ВСЮР; в начале 1919 г. в 1-й конно-горной батарее, с апреля 1919 г. во 2-й конной батарее Дроздовской артиллерийской бригады, с лета 1919 г. старший офицер той же батареи. Полковник. В эмиграции в Югославии, к 1949 г. в Германии, затем в США. Умер 4 декабря 1959 г. в Честере (США).

³⁰³ **Алябьев Николай**. Капитан. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-й отдельной конно-горной батарее; с 24 апреля 1919 г. командир 1-й конно-горной батареи в 3-й, затем Дроздовской артиллерийской бригаде. Полковник (14 марта 1919 г.). Убит в августе 1920 г. у ст. Ново-Николаевской на Кубани.

³⁰⁴ **Пташников Николай Васильевич**. Поручик. В Добровольческой армии и ВСЮР; в начале 1919 г. в 1-й конно-горной батарее. В Русской Армии в августе 1920 г. командир взвода 2-й конной батареи в Дроздовской артиллерийской бригаде. Штабс-капитан. В эмиграции в Аргентине. Умер 18 ноября 1967 г. в Буэнос-Айресе.

³⁰⁵ **Высевко Федор**. Подпоручик. В Добровольческой армии в 3-й отдельной конно-горной генерала Дроздовского батарее, с 18 июня 1919 г. поручик. В Русской Армии с августа 1920 г. во 2-й конной батарее в Дроздовской артиллерийской бригаде.

³⁰⁶ **Туржанский Сергей Людвигович**, р. в 1888 г. в Воронежской губ. В Донской армии с осени 1918 г.; в ноябре 1919 г. поручик, младший офи-

цер Семилетовской батареи Сводно-партизанской дивизии, с 1920 г. во 2-м Донском конно-артиллерийском дивизионе до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Донской офицерской батареи в Болгарии. Поручик. Служил в Русском Корпусе. Умер 16 августа 1965 г. во Франции.

³⁰⁷ Впервые опубликовано: Первопоходник. 1976. Апрель. № 30.

³⁰⁸ **Ковалев Василий Антонович**, р. в 1895 г. Из казаков ст. Митякинской Области Войска Донского. Войсковой старшина. В Донской армии; к 1 января 1919 г. командир 12-й Донской казачьей батареи, в 1919 г. и на 1 октября 1920 г. командир 2-й Донской казачьей батареи Русской Армии. Полковник (20 октября 1919 г.).

³⁰⁹ **Леонов Александр Александрович**, р. в 1888 г. Из казаков ст. Краснокутской Области Войска Донского. В Донской армии. В Русской Армии в мае 1920 г. командир батареи артдивизиона 2-й конной дивизии Донского корпуса; на 1 октября 1920 г. командир 3-й Донской казачьей батареи до эвакуации Крыма. Полковник (9 апреля 1919 г.). Орден Св. Николая Чудотворца (1 сентября 1921 г.). Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе 5-го Донского казачьего полка в Болгарии.

³¹⁰ **Титов Иван Васильевич**, р. в 1895 г. в Санкт-Петербургской губ. Штабс-капитан. В Донской армии; с 1920 г. в 3-й Донской казачьей батарее. Умер 8 сентября 1920 г.

³¹¹ **Чапчиков Григорий Иванович**, р. в 1897 г. в Петрограде. Политехнические курсы, Новочеркасское военное училище (1916). Есаул. В Донской армии в Цымлянском отряде, с 31 января 1919 г. войсковой старшина. В Русской Армии до эвакуации Крыма; в марте—декабре 1920 г. командир 3-го Донского казачьего Калединовского полка. Полковник (22 апреля 1919 г.). Был на о. Лемнос. Орден Св. Николая Чудотворца (1 сентября 1921 г.).

³¹² **Рубашкин Алексей Георгиевич**, р. 20 мая 1895 г. в Новочеркасске. Сын мирового судьи, казак ст. Новочеркасской Области Войска Донского. Донской кадетский корпус (не окончил), Сумский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1914). Подъесаул л.-гв. Атаманского полка. В Донской армии; участник восстания в Усть-Медведицком округе 25 апреля 1918 г., затем в конном отряде ст. Распопинской, с 1918 г. есаул; в марте—апреле 1919 г. войсковой старшина, командир 51-го Донского казачьего полка, затем помощник начальника 9-й Донской казачьей дивизии, с конца 1919 г. начальник той же дивизии. Орден Владимира 4-й ст. 27 марта 1919 г. В Русской Армии с весны 1920 г. командир 4-го Донского казачьего полка 2-й конной дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (25 декабря 1919 г.). Орден Св. Николая Чудотворца. Был на о. Лемнос; в декабре 1920 г. командир 4-го Донского Назаровского казачьего полка, с 1921 г. в Болгарии (Пловдив). Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. В эмиграции там же. Служил в Русском Корпусе. Схвачен 16 сентября 1944 г. и вывезен в СССР, с 1945-го по 1956 г. в лагерях в Иркутской обл. и на поселении в Красноярском крае. Умер 5 декабря 1966 г. в Новочеркасске.

³¹³ **Шмелев Александр Иванович**, р. 2 сентября 1895 г. Из казаков ст. Нижне-Чирской Области Войска Донского. Новочеркасское (Нижне-Чир-

ское) реальное училище (1914), Новочеркасское военное училище (1915). Сотник 12-го Донского казачьего полка. В Донской армии; в январе—феврале 1918 г. командир сотни отряда войскового старшины Мартынова, затем в Чирском отряде, с апреля 1918 г. в 1-м конном полку, командир сотни и помощник командира полка (с 4 августа 1918 г. подъесаул, с 5 ноября 1918 г. есаул, с 25 декабря 1918 г. войсковой старшина), с 9 марта 1919 г., в марте—апреле 1920 г. командир 45-го Донского казачьего полка, затем до 25 мая 1921 г. — 5-го Донского казачьего Платовского полка. Ранен и контужен. Полковник (20 июня 1919 г.). Орден Св. Николая Чудотворца. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе 5-го Донского казачьего полка в Болгарии. В эмиграции в Болгарии. Служил в Русском Корпусе (командир сотни 1-го полка). Выдан в Лиенце, 10 лет провел в лагерях. Умер 2 мая 1960 г. в Сергинском доме инвалидов Иркутской обл.

³¹⁴ **Губкин Петр Макарович**, р. в 1893 г. Новочеркасское военное училище (1915). Подъесаул 12-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Донской армии в Зюнгарском (80-м) калмыцком конном полку. В Русской Армии в июле—октябре 1920 г. командир 6-го Донского казачьего Ермаковского полка 2-й конной дивизии до эвакуации Крыма. Полковник (10 мая 1919 г.). Орден Анны 3 ст. (31 января 1919 г.). Орден Св. Николая Чудотворца (9 июля (17 августа) 1920 г.). Эвакуирован на корабле «Цесаревич Георгий». В эмиграции. Умер 29 августа 1961 г.

³¹⁵ **Попов Александр Прокофьевич**, р. 8 июля 1882 г. Из казаков ст. Новочеркасской Области Войска Донского, сын чиновника. Новочеркасское реальное училище, Новочеркасское военное училище (1904). Войсковой старшина, помощник командира 6-го Донского казачьего полка. В Донской армии. Участник Степного похода, с 1918 г. полковник, начальник 13-й Донской конной дивизии, с 12 мая 1919 г. командир 13-й Донской конной бригады. В Русской Армии с 1 мая 1920 г. командир 2-й бригады 2-й Донской конной дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (29 декабря 1918 г.). Был на о. Лемнос, командир 3-й бригады 1-й Донской казачьей дивизии, с 1921 г. — 5-го Платовского Донского казачьего полка. В эмиграции с 1921 г. в Болгарии (Хасково), в 1931 г. возглавлял группу того же полка, с 1934 г. в Софии. Умер 6 апреля 1935 г. в Софии.

³¹⁶ **Шкараборов (Шкароборов, Шкороборов) Павел Васильевич**, р. в 1890 г. Из казаков ст. Ярыженской Области Войска Донского. В Донской армии; с 7 июня 1918 г. хорунжий, с 1920 г. во 2-й Донской казачьей батарее во 2-м Донском конно-артиллерийском дивизионе до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Донской офицерской батареи в Болгарии. Сотник (1 июня 1921 г.).

³¹⁷ **Грузинов Афанасий Федорович**, р. в 1884 г. Из казаков ст. Старочеркасской ВВД. Донской кадетский корпус (1901), Константиновское артиллерийское училище (1903). Войсковой старшина, командир 8-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона. В Донской Армии; в январе—феврале 1918 г. на той же должности, с лета 1918 г. инспектор артиллерии Хоперской и Донской партизанской дивизий, к январю 1919 г. командир 1-й стрелковой батареи, с марта 1920 г. — Семилетовской батареи Сводно-партизан-

ской дивизии. В Русской Армии в июне, на 1 октября 1920 г. командир 2-го Донского конно-артиллерийского дивизиона до эвакуации Крыма. Полковник (1 января 1919 г.). Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе 5-го Донского казачьего полка в Болгарии. В эмиграции там же. Умер 1 февраля 1935 г. в Софии.

³¹⁸ **Панышев Григорий Семенович**, р. в 1895 г. в Нижегородской губ. Подпоручик. В Донской армии в управлении 1-го дивизиона 2-й Донской артиллерийской бригады, с марта 1920 г. в Семилетовской батарее Сводно-партизанской дивизии. В Русской Армии во 2-й Донской казачьей батарее, адъютант 2-го Донского конно-артиллерийского дивизиона, с 10 мая 1920 г. поручик. Был на о. Лемнос. Штабс-капитан (с 28 июня 1921 г.). Осенью 1925 г. в составе Донской офицерской батареи в Болгарии.

³¹⁹ **Чеботарев Николай Викторович**, р. в 1896 г. Из казаков ст. Каменской Области Войска Донского. Есаул. В Донской армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; в 1920 г. старший офицер во 2-й Донской казачьей батарее. Эвакуирован на о. Проти на корабле «Ростав Павел». Был на о. Лемнос. Войсковой старшина (с 1 июня 1921 г.).

³²⁰ **Трембовельский Александр Дмитриевич**. Александровское военное училище. Прапорщик 56-го запасного пехотного полка. Участник боев в октябре 1917 г. в Москве. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в пулеметной роте Корниловского полка; затем на бронев автомобиле «Партизан» в 1-м броневом дивизионе, до 30 сентября 1919 г. подпоручик, с 30 сентября 1919 г. поручик. В Русской Армии в мае 1920 г. в экипаже танка «Генерал Скобелев», в июле 1920 г. командир того же танка (штабс-капитан) до эвакуации Крыма; с августа 1920 г. капитан и подполковник с переименованием в полковники. Орден Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Технического батальона в Югославии. В эмиграции в Югославии. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде. Умер 1 февраля 1985 г. в Санта-Барбаре (США).

³²¹ Впервые опубликовано: Первопоходник. Декабрь 1971 — август 1973. № 4, 6, 14.

³²² **Миронович Павел Игнатьевич**, р. в 1893 г. Суворовский кадетский корпус (1912). Штабс-капитан. В Вооруженных силах Юга России; в октябре 1919-го — мае 1920 г. командир 3-го отряда танков. Подполковник. В Русской Армии в 1-м дивизионе танков до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». Служил в Русском Корпусе. Полковник. После 1945 г. в США, член СЧРК в Сан-Франциско. Умер 6 августа 1986 г. в Каного-Парке (США).

³²³ **Парадиев Георгий Нилович**, р. в 1895 г. Поручик. Во ВСЮР и Русской Армии в 1-м дивизионе танков до эвакуации Крыма; в мае 1920 г. в 3-м отряде танков. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции в США. Умер 10 июля 1968 г. в Чикаго.

³²⁴ **Литвиненко Илларион Васильевич (Илларионович)**. Из казаков Кубанской обл. Хорунжий (прапорщик) Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м

Кубанском конном полку; с весны 1918 г. в Корниловском конном полку Кубанского казачьего войска, с 12 апреля 1919 г. сотник и командир сотни; в мае 1920 г. командир Корниловского конного дивизиона и полка до эвакуации Крыма. Полковник. Орден Св. Николая Чудотворца. Трижды ранен. Умер от ран в ноябре 1920 г. по пути в Константинополь.

³²⁵ **Князь Микеладзе Владимир Парменович**. Михайловское артиллерийское училище (1916). Офицер 2-й стрелковой артиллерийской бригады. В Добровольческой армии и ВСЮР в 1-й артиллерийской бригаде, с 30 сентября 1919 г. поручик; затем в танковых частях, в январе 1920 г. в 3-м отряде танков. В Русской Армии до эвакуации Крыма; в мае 1920 г. в экипаже танка «Генерал Скобелев». Капитан. В эмиграции. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в США. Умер 8 июня 1985 г. в штате Коннектикут.

³²⁶ **Бекеч Владимир Александрович**, р. в 1896 г. Поручик. В Вооруженных силах Юга России; осенью 1919 г. инженер-механик танка «Генерал Скобелев» 3-го танкового отряда. В Русской Армии в 1-м дивизионе танков до эвакуации Крыма. Орден Св. Николая Чудотворца. Капитан. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции во Франции. Умер в 1975 г.

³²⁷ **Власов Андрей Алексеевич**, р. в 1899 г. Во ВСЮР и Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Георгиевский крест 4-й ст. Подпоручик 6-го артдивизиона. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (5-й выпуск), в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) тех же курсов. К 1969 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 13 декабря 1980 г. в Шель (Франция).

³²⁸ Впервые опубликовано: Военная Быль. 1971. Март—июль. № 109—111.

³²⁹ **Лагутин Александр Николаевич**, р. в 1894 г. Подпоручик. В Добровольческой армии и ВСЮР; с февраля 1919 г. поручик 1-й конно-горной батареи, с июля 1919 г. командир бронепоезда «Генерал Шкуро», с 14 октября 1919 г. командир бронепоезда «Волк», с апреля 1920 г. штабс-капитан. В Русской Армии на бронепоезде «Дмитрий Донской». Тяжело ранен 16 июня 1920 г., с сентября 1920 г. в Феодосии. Орден Св. Николая Чудотворца.

³³⁰ **Моралин Константин Яковлевич**. Полковник. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; с 3 мая 1920 г. командир на бронепоезде «Дмитрий Донской». Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. в 3-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона.

³³¹ **Смирнов Борис Яковлевич**, р. в Ревеле. Капитан. В Донской армии; летом 1919 г. командир 4-й батареи Морской тяжелой артиллерии, с апреля 1920 г. командир бронепоезда «Единая Россия», с начала сентября 1920 г. на бронепоезде «Москва» до эвакуации Крыма. Подполковник. Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. в 3-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Полковник. В эмиграции в Эстонии (Ревель).

³³² **Юрьев Виктор Андреевич**. Михайловское артиллерийское училище. В Добровольческой армии и ВСЮР на бронепоезде «Вперед за Родину», с 25 февраля 1919 г. капитан, с 24 августа 1919 г. до 10 марта 1920 г. командир бронепоезда «Вперед за Родину», затем — сборного бронепоезда, затем снова в прежней должности до эвакуации Новороссийска. В Русской Армии

с апреля 1920 г. командир бронепоезда «Севастополь» в 1-м бронепоездном дивизионе до эвакуации Крыма. Полковник (октябрь—ноябрь 1919 г.). Эвакуирован на корабле «Сугед». Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. в 1-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Осенью 1925 г. в составе того же дивизиона во Франции. В эмиграции к 1935 г. священник, протопресвитер. Умер 6 августа 1966 г. в Париже.

³³³ **Карпинский Владимир Васильевич.** Капитан. В Добровольческой армии и ВСЮР; в январе, сентябре—октябре 1919 г. командир бронепоезда «Единая Россия», затем в распоряжении начальника бронепоездных дивизионов, с 3 ноября 1919 г. по март 1920 г. командир бронепоезда «На Москву»; с 23 марта 1920 г. командир бронепоезда «Грозный», в Русской Армии с 17 мая 1920 г. до эвакуации Крыма на той же должности. Полковник (27 января 1919 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе 6-го артдивизиона в Болгарии. В эмиграции там же, в 1931—1936 гг. возглавлял группу 6-го артдивизиона в Болгарии (София).

³³⁴ **Симмот Георгий Эдуардович.** Штабс-капитан. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; в сентябре 1919 г., июне 1920 г. на бронепоезде «Офицер». Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. во 2-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Капитан. Осенью 1925 г. в составе 6-го артдивизиона в Германии. Подполковник. В эмиграции во Франции, с 1935 г. начальник группы 6-го артдивизиона в Париже. Умер в 1985 г. в США.

³³⁵ **Хрипунов Михаил Георгиевич,** р. 4 ноября 1889 г. в ст. Усть-Медведицкой Области Войска Донского. Из дворян ВВД, сын офицера. Донской кадетский корпус (1907), Николаевское кавалерийское училище (1909). Войсковой старшина, адъютант л.-гв. Атаманского полка. В Донской армии. Участник Степного похода, заместитель командира Атаманского конного отряда. Затем в своем полку, с 1919 г. полковник, в марте 1920 г. командир л.-гв. Казачьего полка. В Русской Армии с августа 1920 г. командир л.-гв. Атаманского полка до эвакуации Крыма. Дважды ранен. Генерал-майор (23 ноября 1919 г.). Эвакуирован на корабле «Великий князь Александр Михайлович». Был на о. Лемнос, с декабря 1920 г. по 1921 г. командир 1-го Донского л.-гв. Сводного казачьего полка. В эмиграции во Франции, командир л.-гв. Атаманского полка, в 1931 г. возглавлял группу ВОВС в Каннах, председатель полкового объединения, с 1940 г. в Ирландии, с 1955 г. в Женеве. Умер 6 апреля 1983 г. в Иерусалиме.

³³⁶ **Шамов Борис Яковлевич,** р. около 1883 г. Подполковник, командир батареи 6-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии с 15 сентября 1918 г. на бронепоезде «Генерал Алексеев», с 20 декабря 1918 г. командир 1-го бронепоезда; в декабре 1918 г. врид командира бронепоезда «Генерал Алексеев», с марта 1919 г. до эвакуации Крыма командир того же бронепоезда. Полковник. Эвакуирован на эсминце «Цериго» и затем на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. в 3-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Осенью 1925 г. в составе 6-го артдивизиона во Франции. Застрелился 29 мая 1930 г.

³³⁷ **Осипов Алексей Владимирович,** р. в Саратовской губ. Вольноопределяющийся. В Добровольческой армии; в июне—сентябре 1918 г. бомбар-

дир на бронепоезде № 1 («Генерал Алексеев»), с 10 ноября 1918 г. прапорщик. Во ВСЮР и Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Поручик. Эвакуирован на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. в 1-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Осенью 1925 г. в составе 6-го артдивизиона во Франции. Штабс-капитан. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (2-й выпуск), в 1938 г. руководитель (помошник руководителя) тех же курсов, член редколлегии журнала «Армия и Флот». После 1945 г. в США, в 1950—1951 гг. член Общества Галлиполийцев в Калифорнии, к 1956 г. в Лос-Анджелесе. Умер после 1963 г.

³³⁸ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. Октябрь 1966 — май 1967. № 61/62—67/68.

³³⁹ **Ладан Николай Николаевич**, р. в 1871 г. В службе с 1888 г., офицером с 1892 г. Полковник кавалерии. Во ВСЮР и Русской Армии; летом 1920 г. начальник гарнизона Бахчисарая.

³⁴⁰ **Стрегло Василий Лазаревич**. Подпоручик (поручик). Во ВСЮР и Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма, с августа 1920 г. на бронепоезде «Генерал Алексеев». Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. в 1-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона.

³⁴¹ **Кононенко Петр Захарович**, р. в Киеве. Подпоручик. Во ВСЮР и Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма; с августа 1920 г. на бронепоезде «Генерал Алексеев». Ранен. Эвакуирован на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. в 1-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона.

³⁴² **Липеровский Владимир Юрьевич**, р. 28 марта 1903 г. Из дворян, сын полковника. Учащийся реального училища. Во ВСЮР и Русской Армии; с октября 1919 г. доброволец 1-й роты 2-го железнодорожного батальона, летом 1920 г. во 2-й роте на вспомогательном поезде «Жел. бат-2» до эвакуации Крыма. Младший унтер-офицер. В Галлиполи — в Марковской железнодорожной роте и в Техническом полку. В эмиграции окончил гимназию в Чехословакии, до 1945 г. в Брно. Умер после 1960 г. в Аргентине.

³⁴³ Воспоминания В. Липеровского ранее не публиковались.

³⁴⁴ **Осипов Александр Иосифович**. Офицер 1-го железнодорожного батальона. В Добровольческой армии; участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й инженерной роте. В Русской Армии помощник начальника военных сообщений до эвакуации Крыма, с 17 мая 1920 г. в списках Марковской инженерной роты (Марковской железнодорожной роты). На 18 декабря 1920 г. в 1-й роте Железнодорожного батальона Технического полка в Галлиполи, командир того же батальона. Полковник. Осенью 1925 г. в составе Технического полка в Югославии. В эмиграции там же. Убит коммунистами 15 сентября 1941 г. в с. Крупань (Югославия).

³⁴⁵ **Юдин Леонид Васильевич**, р. в 1880 г. Полковник железнодорожных войск. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; с августа 1920 г. начальник хозяйств 2-го железнодорожного батальона. Осенью 1925 г. в составе Технического батальона в Болгарии. Умер 5 января 1931 г. в Софии.

³⁴⁶ Автор — военный корреспондент при штабе Кавказской армии (1919) и Русской Армии (1920).

³⁴⁷ Впервые опубликовано: Вестник первоходника. 1965. Апрель. № 43.

³⁴⁸ **А.А. Валентинов** — журналист, находившийся весной—осенью 1920 г. при Ставке Главнокомандующего Русской Армией.

³⁴⁹ Впервые опубликовано: Архив русской революции. Т. 5. Берлин, 1922.

³⁵⁰ **Шапрон дю Ларрэ Алексей Генрихович**, р. в 1883 г. Симбирский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище. Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В августе 1917 г. член офицерской организации в Киеве. В Добровольческой армии; прибыл в Новочеркасск 2 ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, адъютант генерала Алексеева до сентября 1918 г. С 30 декабря 1918 г. начальник политической части, член Главного комитета общества Белого Креста, затем адъютант генерала Деникина, с осени 1918 г. полковник. Во ВСЮР с 17 июля по 23 ноября 1919 г. командир 2-го конного полка, с января 1920 г. генерал для поручений при Главнокомандующем ВСЮР. Генерал-майор. 22 марта 1920 г. выехал в Константинополь. В эмиграции в Бельгии. Умер 10 июня 1947 г. в Брюсселе.

³⁵¹ **Георгиевич Михаил Милошевич**, р. в 1883 г. Киевский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1903), академия Генштаба (1909), Офицерская кавалерийская школа (1910). Полковник, начальник штаба пехотной дивизии (в плену с 1917 г.). В Вооруженных силах Юга России с начала 1919 г. в конном корпусе генерала Врангеля, с января 1919 г. начальник штаба 1-й Кубанской конной дивизии, затем в штабе Кавказской армии, начальник штаба 1-й кавалерийской дивизии, в сентябре—октябре, до 11 ноября 1919 г. начальник штаба 4-го конного корпуса, затем в штабе Главнокомандующего ВСЮР, командирован к адмиралу Колчаку, вернулся в Крым; в Русской Армии до эвакуации Крыма, начальник Корниловского военного училища. Генерал-майор (с 29 сентября 1919 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе училища в Югославии. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в Германии, затем в Австралии, начальник отдела РОВС. Умер 8 мая 1969 г. в Сиднее.

³⁵² **Бек-Софиев Лев Оскарович**, р. 24 ноября 1902 г. Нижегородский кадетский корпус. В эмиграции во Франции. Последний редактор «Военно-исторического вестника». Умер 3 июня 1982 г. в Париже.

³⁵³ Впервые опубликовано: Военно-Исторический Вестник. 1976. Март—ноябрь. № 47—48; 1977—1978. № 49—50.

³⁵⁴ **Гюльцгоф Петр Васильевич**, р. в 1900 г. Студент Харьковского технологического института. В Добровольческой армии и ВСЮР; с января 1919 г. вольноопределяющийся конно-горной батареей в Дроздовской артиллерийской бригаде; в Русской Армии до эвакуации Крыма (с августа 1920 г. вольноопределяющийся 3-го конно-артиллерийского дивизиона 1-й Кубанской дивизии). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Сергиевского артиллерийского училища во Франции. Подпоручик.

³⁵⁵ **Альбов Александр Павлович**, р. в 1902 г. Сын чиновника Министерства юстиции. Гимназия в Одессе (1918). В Вооруженных силах Юга России;

участник восстания в Одессе в организации полковника Саблина в августе 1919 г., затем вольноопределяющийся 1-го Одесского караульного полка, с конца августа 1919 г. до эвакуации Новороссийска на бронепоезде «Генерал Дроздовский», летом 1920 г. юнкер Корниловского военного училища, младший офицер комендантской роты Севастополя до эвакуации Крыма. Георгиевский крест 4-й ст. Подпоручик л.-гв. Измайловского полка (с 6 августа 1920 г.). Эвакуирован на корабле «Великий князь Александр Михайлович». Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Гвардейского отряда в Югославии. В эмиграции там же. Служил в РОА (майор), с 1945 г. в США. Умер 3 ноября 1989 г. в Пасифик-Гроув (США).

³⁵⁶ Впервые опубликовано: Наши Вести. 1979. Июнь. № 375.

³⁵⁷ Ротмистр **Лев Лобан** в эмиграции жил в Польше и был членом боевой организации генерала Кутепова. Погиб около 1944 г. в Пястове под Варшавой.

³⁵⁸ **Протозанов Тарас Михайлович**, р. 25 февраля 1872 г. в Киевской губ. Чугуевское военное училище (1897), академия Генштаба (1908). Генерал-майор, начальник Чугуевского военного училища. С 1918 г. в гетманской армии; с 24 сентября 1918 г. начальник того же училища в гетманской армии, помощник начальника Учебного управления, член Военно-ученого комитета при Главном управлении Генерального штаба, 12 ноября 1918 г. назначен начальником Главного военно-учебного управления с зачислением по Генеральному штабу; с 1919 г. в украинской армии, в 1920 г. остался в окружении. Во ВСЮР и Русской Армии; летом 1920 г. начальник Корниловского военного училища. В эмиграции.

³⁵⁹ **Яхнов Николай Иосифович**, р. 19 февраля 1883 г. Полковник. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с 1918 г. в отряде Шкуро, затем командир пластунского батальона, затем командир батальона Корниловского военного училища; летом 1920 г. на той же должности до эвакуации Крыма. Галлиполиец, с 1921 г. в Корниловском полку. Осенью 1925 г. в составе того же полка во Франции. Умер 24 ноября 1933 г. в Гренобле (Франция).

³⁶⁰ **Терентьев В.Е.** Офицер. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; с августа 1920 г. начальник команды связи в штабе генерала Казановича при десанте на Кубань. Галлиполиец. В эмиграции в США (Калифорния), член Общества Галлиполийцев. Умер после 1951 г.

³⁶¹ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. 1967. Апрель—май. № 67—68.

³⁶² **Бабиев Гавриил Федорович**, р. 18 марта 1860 г. Из казаков Кубанской области. В службе с 1876 г., офицером с 1883 г. Ставропольское казачье юнкерское училище. Офицер Кубанского гвардейского дивизиона. Генерал-майор, командир бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Кубанской дружине; с 1 августа 1918 г. в резерве чинов Кубанского казачьего войска. Генерал-лейтенант. Умер в 1921 г. на о. Лемнос.

³⁶³ **Закладный Николай Леонтьевич**, р. в 1867 г. Офицер с 1891 г. Генерал-майор, атаман Ейского отдела Кубанского казачьего войска. Во ВСЮР

и Русской Армии; во время десанта на Кубань в августе 1920 г. начальник обоза группы генерала Казановича. В эмиграции в Югославии.

³⁶⁴ **Долгополов Александр Федорович.** В Добровольческой армии; доброволец в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Капитан. В эмиграции председатель Союза Первопоходников в Калифорнии, с 1960 г. член правления ПРЭ США, в 1961—1968 гг. член редакллегии журнала «Вестник первопоходника», затем издатель журнала «Первопоходник». Умер 12 марта 1977 г. в Лагуна-Бич (США).

³⁶⁵ Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. 1966. Октябрь—ноябрь. № 61—62.

³⁶⁶ **Старицкий Владимир Иванович,** р. 19 июня 1885 г. Из казаков ст. Мекенской Терской области. Астраханское реальное училище, Киевское военное училище (1906). Полковник, помощник командира 2-го Волгского полка Терского казачьего войска. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 г. командир Зольского отряда, с 17 марта 1919 г. командир 1-го Волгского полка Терского казачьего войска, с 1 марта 1920 г. командир 2-й бригады 1-й Терской казачьей дивизии до эвакуации Новороссийска. Остался на Тереке и весной 1920 г. возглавлял партизанский отряд на Кавказе, в июне 1920 г. в частях генерала Фостикова на Кубани, с сентября 1920 г. в Крыму. Генерал-майор. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в США. В 1971—1973 гг. терский атаман. Умер 16 мая 1975 г. в Дорчестере (США).

³⁶⁷ Впервые опубликовано: Родной Терек. 1971. № 6; 1972. № 7.

СОДЕРЖАНИЕ

Барон П. Врангель. Воспоминания	7
---------------------------------------	---

Раздел 1

Марковцы в Русской Армии	164
А. Леонтьев. Марковская артиллерия в Крыму и Северной Таврии	215
В. Ларионов. Крым и Таврия	233
Э. Гиацинтов. В Крыму при Врангеле	246

Раздел 2

Корниловцы в Крыму и Северной Таврии	249
В. Гету. 6-я Корниловская	338
М. Левитов. Мои впечатления о разгроме конного корпуса Жлобы 19 и 20 июня 1920 года.	343
М. Бердник. Из мира неведомого	355

Раздел 3

В. Кравченко. Дроздовцы в Крыму и Северной Таврии	362
В. Витковский. Десант в Хорлах	409
А. Булгаков. Хорлы	415
А. Туркул. Дроздовцы в огне	417
Д. Пронин. Записки дроздовца-артиллериста	469
Г. Александровский. На полях Северной Таврии	491
Н. Ребиков. Дневник капитана 7-й гаубичной батареи Дроздовской артиллерийской бригады	508
А. Булгаков. Еще о «Белых Мальчиках». Малолетние богатыри	525

Раздел 4

Б. Павлов. О десанте под Геническим	529
Б. Пылин. Алексеевцы в Крыму	533
А. Судоплатов. С Алексеевским полком в Русской Армии	571

Раздел 5

В. Морозов. Воспоминания о бое 25 мая 1920 года	594
Ф. Пухальский. Разгром Сводного конного корпуса товарища Жлобы в Северной Таврии 20 июня 1920 года	598
А. Голубинцев. Разгром конной группы Жлобы 20 июня 1920 года	607
П. Стефановский. Действия авиации Русской Армии при разгроме корпуса Жлобы в 1920 году	610
В. Альмендингер. Симферопольский офицерский полк в Крыму	612
А. Самойленко. Бой 1-й Кавалерийской дивизии генерала Барбовича у Малой Токмачки (в начале августа 1920 года)	821
В. Рыхлинский. В 1920 году в Северной Таврии	628
С. Мамонтов. Со 2-й конной батареей в Русской Армии	635
С. Туржанский. Дневник поручика, младшего офицера Семилетовской батареи	677

Раздел 6

А. Трёмбовельский. Эпизоды из жизни 3-го отряда танков	687
А. Власов. О бронепоездах Добровольческой армии	702
А. Осипов. Бронепоезд «Генерал Алексеев» (выдержки из краткого военного календаря)	733
В. Литеровский. «Желбат-2»	737

Раздел 7

А. Гришин. Врангель в Крыму	763
А. Валентинов. Крымская эпопея	765
Л. Бек-Софиев. Разведки, летние наступления и Кубанский десант Русской Армии генерала Врангеля	803
А. Альбов. «Чудо в Крыму»	846
В. Терентьев. Последний Кубанский поход	851
А. Долгополов. Фельдфебель Зуев	862
В. Старицкий. Это было в 1920 году	864